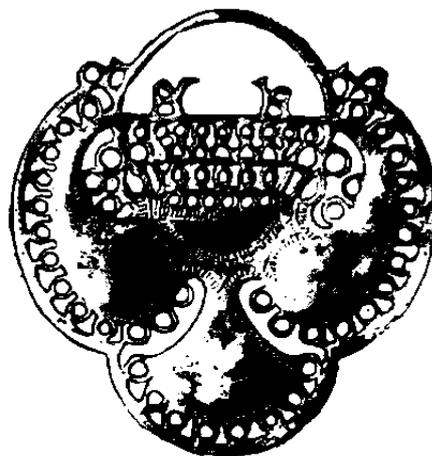

АРХЕОЛОГИЯ СССР

В. В. Седов
Восточные славяне
в VI–XIII вв.

Ответственный редактор тома
академик
Б. А. РЫБАКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА • МОСКВА 1982

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

- ПАЛЕОЛИТ СССР
- МЕЗОЛИТ СССР
- НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
- ЭНЕОЛИТ СССР
- ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
- ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
- ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
- ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
- АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
- СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
- РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
- СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
- ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ.
- ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
- ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
- ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. 1981
- КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Книга посвящена истории восточных славян в начале средневековья по данным археологии. По материалу из курганов, поселений и других памятников исследуются все стороны культуры восточных славян накануне и в период сложения древнерусской государственности, вопросы формирования и расселения их племенных группировок, взаимоотношения с соседями — финно-угорским, балтским, иранским и тюркским населением. Рассматривается конкретная история каждой из племенных группировок восточных славян.

Введение

Восточные славяне ныне — население, говорящее на русском, украинском и белорусском языках. Этому населению свойственны специфические языковые и этнографические особенности, выделяющие его из остального славянского мира. До образования отдельных восточнославянских народностей, в равнем средневековье, восточные славяне составляли единую древнерусскую (или восточнославянскую) народность, для которой были характерны общий язык и однородная материальная и духовная культура. Таким образом, восточные славяне — понятие не географическое, а этноисторическое.

История восточного славянства начинается с того периода, когда из общеславянского (праславянского) языка стал выделяться самостоятельный восточнославянский язык. Это произошло, как отчетливо свидетельствуют многие лингвистические данные, в VII—VIII вв. (Филин Ф. П., 1962, с. 152—290; 1972, с. 6—30). Следовательно, история восточного славянства насчитывает около 12—13 столетий.

Настоящая книга посвящена первому периоду истории восточных славян — от VI—VII вв., когда происходили процессы, подготавливавшие распад общеславянского языка, и закладывались основы для формирования древнерусской народности, до XIII столетия включительно, когда исторические события привели к политическому дроблению восточнославянской территории. Это во многом способствовало развитию местных языковых и культурных особенностей, что в конечном итоге привело к сложению русской, украинской и белорусской народностей.

К VIII—IX вв. славянские племена занимали значительные пространства Восточной Европы — от Чудского и Ладожского озер на севере до Черного моря на юге. Эта территория принадлежит к Восточно-Европейской, или Русской, равнине (средняя высота над уровнем моря 170 м). Характер местности в целом равнинный, лишь в отдельных местах имеются небольшие повышения поверхности. Таковы Среднерусская, Валдайская, Смоленская и Подольская возвышенности. В формировании современного рельефа заметную роль сыграло древнее оледенение. В северных районах сохранился моренный покров со слегка холмистым рельефом. В средней полосе ледниковая морена подверглась размыву тальными водами, что привело к значительному сглаживанию холмов. В южной части, на территории, не покрывавшейся ледником, поверхность рассечена долинами крупных рек и имеет развитую балочно-овражную сеть.

Русская равнина обладает развитой речной системой. Равнинность территории при небольшой высоте и обширной площади определили значительную длину рек при малом уклоне их русел. Из рек южного стока наибольшую площадь занимает Днепр с его крупными притоками Припятью, Десной и Сожем. К старой восточнославянской территории принадле-

жат еще бассейн Днестра и Южного Буга, а также верхнее течение Волги с бассейном Оки. Из бассейнов северной части Русской равнины нельзя не назвать Ильменский, включающий Ловать, Мсту, Шелонь и Волхов; Псковский — с рекой Великой; Западнодвинский и Неманский.

Значительная часть Восточно-Европейской равнины покрыта лесами. Преобладают смешанные и широколиственные леса. Лишь южные окраины восточнославянской территории принадлежат к лесостепи, где лес с лиственными породами деревьев чередуется с разнотравными степями.

Для северных и южных районов Русской равнины типичны подзолистые почвы, а там, где хвойные леса перемежаются лиственными, а также луговыми полянами с густым травяным покровом, распространены дерново-подзолистые почвы с повышенным содержанием перегноя. В зоне широколиственных лесов образовались бурые или серые лесные почвы, более плодородные по сравнению с подзолистыми. В лесостепных районах преобладают черноземы — самые плодородные почвы.

Равнинный характер, благоприятные климатические условия, обилие рек и лесов способствовали освоению человеком Русской равнины в глубокой древности. В первой половине I тысячелетия н. э. Восточно-Европейская равнина была заселена племенами, относившимися к нескольким языковым группам. Ее наиболее северные территории, от Финляндии и Эстонии на западе до Урала на востоке, были заняты финно-угорским населением. Средняя часть, выходящая к побережью Балтийского моря на участке от устья Вислы до устья Западной Двины, принадлежала балтам. Более южные области Поднепровья с примыкающими к нему верховьями Буга и Днестра заселяли славяне, вплотную соприкасавшиеся на юге с правоязычными сарматскими племенами.

Интерес к истории восточных славян и их происхождению проявился очень давно. Впервые на вопрос о происхождении древнерусского народа попытался ответить в начале XII в. летописец Нестор, автор Повести временных лет (ПВЛ, I, с. 9—17). По его представлениям, славяне в древности жили на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» (ПВЛ, I, с. 11). Затем на них напали волохи, и притесняемые славяне начали широкое расселение по Средней и Восточной Европе. Летописец называет славянские племена и указывает их географическое положение.

Особенно подробно описывает он восточнославянские (или, как они именуются в летописях, русские) племена, составившие основу древнерусской народности. Летописцу было известно 13 славянских племен, населявших Восточную Европу. В Среднем Поднепровье жили поляне, на земле которых возник Киев. Их западными соседями были древляне. Из их

городов упоминаются Овруч и Искоростень. Еще западнее, на Волини, расселились бужане (воляняне). Между Припятью и Западной Двиной обитали дреговичи. На днепровском левобережье, по Десне, Сейму и Суле, располагалась севера (северяне). Здесь же, на левом притоке Днепра — Соже, локализируются радимичи. Верховья Оки занимали вятичи. Одним из крупнейших русских племен были кривичи, заселявшие верхние течения Днепра, Волги и Западной Двины, а также, судя по поздним летописным сводам, будущую Псковскую землю. Летописец называет еще полочан, поселившихся на речке Полоте, притоке Западной Двины. Судя по данным других летописей, полочане представляли ответвление кривичей. Самым северным русским племенем были словене, жившие в обширном бассейне оз. Ильмень. Южную окраину восточнославянской территории по Днепру, Южному Бугу и Днестру занимали уличи и тиверцы, а где-то на юго-западе, по-видимому в Прикарпатье, обитали хорваты.

Наконец, в экскурсе о событиях VII в. летописец называет славянское племя дулебов, которое обитало на Волини и притеснялось обрами (аварами). В древнерусское время этого племени уже не было, его территорию занимали бужане (воляняне).

Летописное описание племен долгое время оставалось единственным источником по ранней этнической истории восточного славянства. Русские историки XVIII—XX вв. в своих исследованиях ограничились комментариями к летописным известиям и высказали несколько догадок относительно истории и судеб восточнославянских племен. Плодотворной оказалась попытка основателя русской исторической географии Н. П. Барсова использовать данные топонимики для ограничения ареалов летописных славянских племен (Барсов Н. П., 1885).

В XIX в., особенно во второй его половине, почти на всей восточнославянской территории активно велись раскопки курганов — погребальных памятников восточных славян IX—XIV вв. Они раскапывались и специалистами-археологами, и историками, и краеведами, и просто любителями старины. Многие из этих раскопок выполнены некачественно. Тем не менее, к концу столетия в различных уголках древнерусского региона было вскрыто около 20 тысяч курганных насыпей. Находки из них составили обильные вещевые коллекции многих музеев Восточной Европы. Уже в 1899 г. выдающийся русский археолог А. А. Спицын прекрасно показал, что курганы и вещевые материалы из них могут служить важнейшим историческим источником для исследования восточнославянских племен (Спицын А. А., 1899в).

Древнерусские курганы, кроме общих признаков, объединяющих их в единую культуру и отличающих от соседних памятников, характеризуются локальными особенностями. Анализ этих особенностей позволяет выделить в восточнославянском ареале области, каждой из которых свойственны определенные детали погребальной обрядности и специфический набор жепских украшений. Географическое положение этих областей соответствует летописным местам расселения восточнославянских племен. Но археологические сведения, поскольку они несравнимо богаче летописных и поддаются детальному картированию, дали возможность уточнить указания письменных

источников и детализировать картину расселения славянских племен в Восточной Европе.

Изучая современные диалекты восточнославянских языков и материалы древнерусской письменности, А. А. Шахматов (*Шахматов А. А.*, 1899, с. 324—384), А. И. Соболевский (*Соболевский А. И.*, 1884) утверждали, что между диалектной дифференциацией древней Руси и племенами Повести временных лет существует какая-то зависимость. Летописные племена, как полагали исследователи, были не случайными образованиями, а этническими группами восточного славянства. Установив, что для некоторых восточнославянских племен характерны своеобразные украшения, относящиеся как составная часть женского костюма к признакам этнического порядка, А. А. Спицын подтвердил мысль А. А. Шахматова об этническом своеобразии племен Повести временных лет.

Выводы А. А. Спицына и его характеристика восточнославянских племен были безоговорочно приняты русскими и зарубежными исследователями. В русской литературе они позднее были развиты Ю. В. Готье (*Готье Ю. В.*, 1930, с. 204—247). На основе всех известных в то время источников он попытался охарактеризовать древности восточнославянских племен и выяснить некоторые исторические вопросы, связанные с ними. По пути, указанному А. А. Спицыным, построено исследование восточнославянских племен в трудах знаменитого чешского слависта Л. Нидерле (*Niederle L.*, 1904; *Нидерле Л.*, 1956, с. 152—166).

К началу 30-х годов XX в. относятся первые археологические монографии, посвященные отдельным восточнославянским племенам. А. В. Арциховский систематизировал курганный материал вятичей XI—XIV вв. (*Арциховский А. В.*, 1930а), Б. А. Рыбаков исследовал радимичские курганные древности (*Рыбаков Б. А.*, 1932, с. 81—153).

В 1937 г. П. Н. Третьяков выразил сомнение в возможности использовать древнерусские курганные материалы для изучения племен Повести временных лет (*Третьяков П. Н.*, 1937, с. 33—51). По мнению этого исследователя, племена начальной летописи нужно изучать исключительно по археологическим данным первобытнообщинного периода, поскольку курганные материалы IX—XIII вв. относятся уже к тому времени, когда племенные группы славянства сошли или сходили с исторической сцены. Территориальные различия женских украшений в курганах XI—XIV вв. П. Н. Третьяков объяснял тяготением населения к определенным экономическим центрам, которые будто бы являлись пунктами массового ремесленного производства этих украшений. Границы же распространения определенных типов женских украшений исследователь связывал с территориями «формирующихся феодальных областей».

В ответной статье А. В. Арциховского (*Арциховский А. В.*, 1937, с. 53—61) и в последующей археологической литературе была показана ошибочность этих положений П. Н. Третьякова. Теперь представляется несомненным, что женские височные украшения восточных славян могут служить надежным этноплеменным признаком и по своему распространению не укладываются ни в какие политические образования. Изучение ремесленного производства древней Руси, в том числе изготовления височных

украшений, позволило Б. А. Рыбакову утверждать, что территориальное распространение височных колец не связано с экономическими центрами. Курганные вещи изготовлялись в основном деревенскими мастерами с ограниченными районами сбыта. Очевидно, что единство форм украшений в определенных областях обусловлено только их этническими особенностями.

Между тем, дискуссия, начатая П. Н. Третьяковым, сыграла положительную роль в изучении восточнославянских племен. Весьма ценным в положениях этого исследователя было стремление привлечь к изучению славянских племен археологические данные второй половины I тысячелетия н. э., на которые до этого не обращали внимания. История некоторых восточнославянских племен, названных в летописях, начинается с более раннего времени, чем IX—X вв., когда повсеместно распространяется курганный погребальный обряд. Археологические материалы второй половины I тысячелетия н. э. очень важны для выяснения процессов расселения и формирования восточнославянских племен. Однако привлечение раннего материала для изучения восточнославянских племен несколько не умаляет значения более позднего курганного материала. Более того, оказывается, что без него невозможно восстановить детали ранней истории летописных племен.

Итогом большой работы П. Н. Третьякова над древностями второй половины I тысячелетия н. э. явилось его исследование о северных восточнославянских племенах — кривичах, словенах новгородских и вятичах (*Третьяков П. Н.*, 1941, с. 4—53). Словене новгородские характеризовались на основе их древнейших погребальных памятников — сопок, кривичи — по материалам длинных курганов, а с вятичами связывались погребальные насыпи с домовинами типа Шаньково — Почепок. Б. А. Рыбаков попытался проследить историю и восстановить территорию полян и северян не только по курганным материалам IX—XII вв., но и по памятникам III—VIII вв. Северянскими он считал городища роменской культуры, а с полянами — крупным племенным союзом, занимавшим оба берега Днепра, — связал вещи с выемчатой эмалью днепровского типа и антропоморфные фибулы (*Рыбаков Б. А.*, 1947, с. 81—105).

П. Н. Третьякову принадлежит обобщающая работа по восточноевропейским древностям I тысячелетия н. э. и более древней поры, сыгравшая заметную роль в изучении предьстории восточного славянства (*Третьяков П. Н.*, 1948; 1953). К сожалению, огромные материалы древнерусских курганов не были использованы в работе, что, естественно, обеднило исследование. Теперь, когда получены новые данные по восточноевропейским древностям I тысячелетия н. э., далеко не все положения книги П. Н. Третьякова удовлетворяют науку.

Для археологии послевоенных десятилетий характерно пристальное внимание к славянским памятникам третьей четверти I тысячелетия н. э. Не менее активно исследовались и синхронные древности соседнего населения. В результате плодотворных экспедиционных изысканий в общих чертах была создана этническая карта Восточной Европы накануне широкого славянского расселения (*Третьяков П. Н.*, 1966; *Седов В. В.*, 1970б, с. 8—76; 1978г, с. 9—15).

К настоящему времени в распоряжении археологов имеется свыше 40 тысяч славянских погребальных комплексов, которые являются неопределимым источником по восточнославянской истории.

В нашем труде сделана попытка обобщения всех археологических материалов, накопленных наукой. Первый раздел книги отведен периоду, который непосредственно предшествовал сложению восточного славянства. Без изложения основных вех ранней славянской истории остались бы непонятными многие стороны расселения и формирования восточнославянских племен.

Важнейшей задачей второго раздела исследования является изучение истории племенных групп восточных славян, известных по русским летописям, условий их расселения и формирования, а также анализ взаимодействия их с неславянским населением Восточной Европы.

В заключительных разделах книги освещаются некоторые общие вопросы восточнославянской археологии — социально-экономическая история, условия сложения древнерусской народности, русская дружина по данным археологии и языческая религия. Изучение этих вопросов прежде всего основано на тех же курганных материалах, которые служат основным источником при анализе истории восточнославянских племен.

В основе исследования лежат археологические материалы. Их анализ и интерпретация составляют каркас настоящей книги.

В связи с успехами археологического изучения восточнославянских племен летописного периода с 30-х годов XX в. антропологи стали систематизировать краниологические материалы из курганных могильников X—XIV вв. в зависимости от племенных ареалов, устанавливаемых археологами (*Дебец Г. Ф.*, 1932, с. 69—80; 1948; *Трофимова Т. А.*, 1946, с. 91—136; *Происхождение русского народа*, с. 248—255; *Алексеев В. П.*, 1969, с. 162—207; *Алексеева Т. И.*, 1973).

Однако племенное деление восточного славянства, детально изученное археологами, не нашло какого-либо соответствия в антропологической дифференциации славянского населения эпохи раннего средневековья. Антропологическая карта Восточной Европы X—XIV вв. оказалась весьма отличной от синхронной археологической, что с исторической точки зрения представляется вполне оправданным. Как показано ниже, племенное деление восточного славянства сложилось только во второй половине I тысячелетия н. э. и было результатом широкого расселения славян и отчасти их взаимодействия с местным населением. В отличие от материальной культуры, антропологическое строение не подвержено быстрым изменениям. Истоки антропологического членения восточного славянства относятся к более древней поро и во многом зависят от антропологии субстратного населения, вошедшего в состав славянства. Поэтому палеоантропология славян не может быть связана с основными проблемами настоящего исследования. Данные антропологии анализируются лишь при рассмотрении отдельных тем.

В антропологическом строении восточного славянства эпохи раннего средневековья выделяется четыре основных типа. Они установлены при анализе

ВВЕДЕНИЕ

краниологических материалов, полученных из курганов и городских кладбищ древней Руси, вне зависимости от племенных ареалов, намечаемых археологией и летописью (Седов В. В., 1977а, с. 148—156).

Для юго-западной части территории восточнославянского расселения характерен мезокранный, относительно широколицый антропологический тип. Серии черепов этого типа происходят из курганов Волыни и южных районов Припятского Полесья, из древнерусских могильников Прикарпатья и Молдавии, а также из некрополей Клева, Витачева и Родни.

Ближайшие аналогии этим сериям черепов выявляются среди краниологических материалов из средневековых славянских погребений Польши и Чехословакии. Происхождение мезокранный широколицего антропологического типа славян пока не выяснено. В восточноевропейских материалах предшествующего времени какие-либо генетические корни этого типа не обнаруживаются. Однако неясность происхождения этого антропологического типа славян обусловлена прежде всего тем, что у многих племен Средней и Восточной Европы в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э. господствовал обряд кремации умерших, который не оставляет материалов для антропологов.

В днепровском левобережье и бассейне верхней Оки локализуется второй антропологический тип восточного славянства. Он характеризуется средним или узким лицом и долихо-субмезокранией. Сравнительное сопоставление краниометрии славян днепровского лесостепного левобережья и населения II—IV вв., известного по черняховским могильникам, обнаруживает их явную близость. В свою очередь черняховское население, судя по антропологическим данным, в значительной степени восходит к скифскому. Таким образом, можно утверждать, что в Среднем Поднепровье раннесредневековые славяне, принадлежащие к рассматриваемому антропологическому типу, в основном являются славянизированными потомками скифского (ираноязычного) населения тех же областей.

Труднее ответить на вопрос о происхождении долихо-мезокранный узко-среднелицевого антропологического

типа славян в левобережной части Верхнего Поднепровья и на верхней Оке. Конечно, можно предположить, что распространение этого типа здесь является результатом расселения славян из Среднего Поднепровья. Некоторое своеобразие краниологических материалов Окского бассейна в таком случае можно было бы объяснить воздействием финно-угорского субстрата. Однако не исключено, что рассматриваемый антропологический тип в этих областях восходит к глубокой древности. Расселившиеся здесь славяне, как показано ниже, смешались с местным населением и могли унаследовать их антропологическое строение.

На территории Белоруссии выявляется третий антропологический тип восточного славянства — долихокранный широколицый. Имеются все основания полагать, что этот тип в Верхнем Поднепровье и в бассейне Западной Двины является наследием местных балтов, ассимилированных славянами. Формирование же долихокранный широколицего антропологического типа в Восточной Европе восходит к весьма отдаленному периоду — культуре боевых топоров эпохи бронзы.

Четвертый антропологический тип восточного славянства характеризуется мезо- или суббрахикранией, низким или низко-средним, сравнительно узким лицом. Черепа, принадлежащие к этому типу, происходят из курганов и могильников Северо-Западной Руси. Суббрахикранный узколицый антропологический тип славян не связан с антропологическим строением прибалтийскофинского населения, жившего в Новгородско-Псковской земле в древности, и поэтому его формирование не может быть объяснено субстратным воздействием. Ближайшие аналогии черепам раннесредневековых славян Новгородской и Псковской земель обнаруживаются в северо-западной части общего славянского ареала — в землях балтийских славян. Это склоняет к мысли о переселении предков словен новгородских и кривичей откуда-то из региона, входящего в бассейны Одры и Вислы. К рассматриваемому антропологическому типу принадлежат и черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья. Эти области, как будет показано ниже, заселялись славянами из Новгородской земли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Славяне Восточной Европы в V—VII вв.

Глава первая
Культуры южного региона

Глава вторая
Культуры Верхнего Поднепровья
и смежных областей

Глава третья
Культуры северных территорий

Глава первая

Культуры южного региона

Славянские древности V—VII вв. известны на обширной территории Средней и Восточной Европы — от Эльбы на западе до Днепра и Волхова на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова и Пелопоннеса на юге. Важнейшими этнографическими признаками культуры славян того времени являются лепная глиняная посуда, домостроительство и погребальная обрядность. Именно по этим признакам славянские древности отчетливо выделяются среди синхронных, оставленных другими европейскими этноязыковыми группами — германской, балтской, фракийской, тюркской, финно-угорской.

Эти же элементы существенны и для дифференциации славянских древностей на отдельные культурно-племенные группы. Материальная культура славян того времени уже не была единой. Расселившись на обширнейших пространствах, славяне при взаимодействии с иноплеменным населением в культурном отношении дифференцировались на несколько локальных групп.

На основании археологических материалов V—VII вв. выделяются три крупные группировки славянства (Седов В. В., 1979, с. 101—143).

Первая характеризуется пражско-корчакской керамикой, подробное описание которой дано ниже, наземными срубными домами с типично славянским интерьером, а также захоронениями по обряду кремации умерших в грунтовых могильниках. В VI—VII вв. появляются первые курганные захоронения, которые весьма постепенно приобретают господствующее положение, вытесняя грунтовые трупосожжения. Эта группировка славян расселилась на широкой территории от верхней Эльбы на западе до Припятского Полесья на востоке, включая верхние и средние течения Вислы и Одры.

Более южные регионы славянского мира (лесостепные земли междуречья Днепра и Дуная, Среднее и Нижнее Подунавье и Балканский полуостров) принадлежали второй группировке, которой свойственны пражско-пеньковская керамика и полуземляночные жилища. Здесь также господствовали захоронения по обряду кремации, но наряду с ними рано появились труположения. Обычай сооружать курганы здесь не был известен, захоронения совершались в грунтовых могильниках.

В северо-западной части славянской территории раннего средневековья отчетливо выделяется третья группировка, для которой характерны своеобразная керамика суковского, дзедзицкого и других типов и наземное домостроительство. Северо-западная группировка обособляется и по погребальной обрядности. Вплоть до начала X в. здесь был распространен обряд трупосожжения с захоронениями, не фиксируемыми археологическими методами (разбрасывание остатков кремации на поверхности земли).

Эти три группировки славянства середины I тысячелетия н. э., нужно полагать, отражают диалектно-племенное членение на последней стадии праславянского языка. Славяне в то время еще говорили на общеславянском языке, однако не были монолитными в языковом отношении. Как свидетельствуют языковые материалы, праславянский язык в начале средневековой эпохи уже дифференцировался на диалекты, и это деление было достаточно глубоким (Бернштейн С. Б., 1961, с. 66—81). VI—VII веками завершается последний период праславянской истории. В результате широкого расселения славян создались условия для распада единого славянского языка и формирования отдельных самостоятельных языков славян (Филин Ф. П., 1962, с. 110). Распад общеславянского единства был весьма сложным процессом, состоявшим не только в членении славянской территории, но и в сложных миграционных перегруппировках различных праславянских племен. Диалектно-племенное деление праславян на поздней стадии их истории никак нельзя связывать с позднейшей трехчастной дифференциацией славянства.

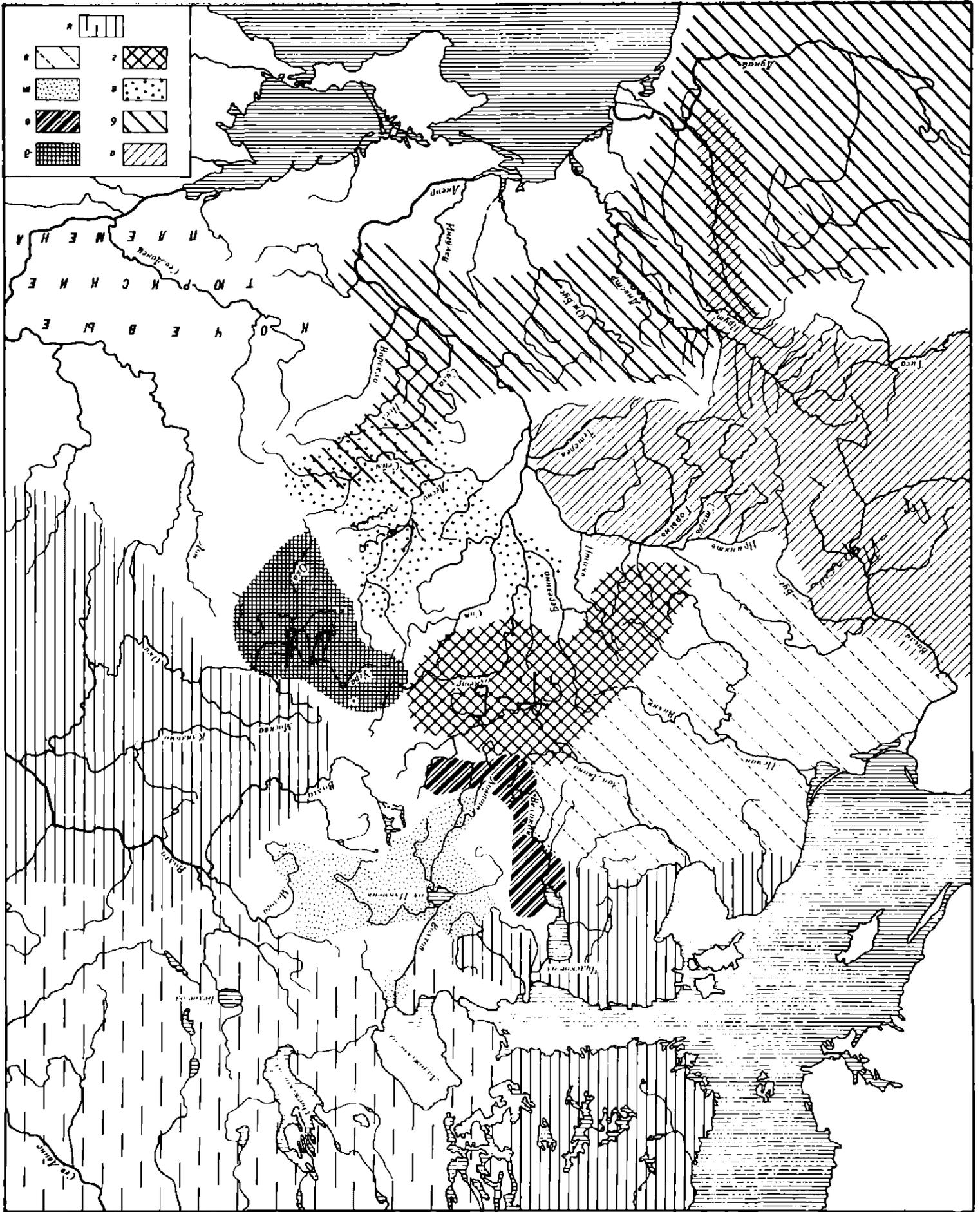
В Восточной Европе, там, где по свидетельству Повести временных лет расселились восточнославянские племена, для начала раннего средневековья (V—VII вв.) по материалам археологии выделяется семь крупных культурных группировок: культура пражско-корчакского типа, культура пражско-пеньковского облика, древности колочинского типа, тушемлинско-банцеровская и мощинская культуры, древности, представленные длинными курганами и сопками (карта 1). Носители этих культур непосредственно или в качестве субстрата приняли самое активное участие в генезисе восточнославянского населения.

Древности пражско-корчакского типа

Наиболее существенным признаком культуры пражско-корчакского типа является керамика. Она представлена преимущественно высокими горшками с усеченноконическим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение

Карта 1. Восточная Европа в V—VII вв.

а — ареал культуры пражско-корчакской керамики; б — ареал культуры пражско-пеньковского типа; в — древности колочинского типа; г — тушемлинско-банцеровская культура; д — мощинская культура; е — культура ранних длинных курганов; ж — культура сопок; з — расселение летто-литовских и пруссо-явтяжских племен; и — расселение финно-угорских племен

ТАБЛА 1. КАРТА ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ

ние всегда приходится на верхнюю треть высоты сосудов (табл. I, 1—8). Поверхность горшков обычно коричневатая, иногда несколько сглажена. Орнамент отсутствует, лишь изредка встречаются горшки с косыми насечками по верхнему краю венчика. Вся керамика изготовлена без помощи гончарного круга.

Славянскую керамику третьей четверти I тысячелетия н. э. впервые обстоятельно описал чешский археолог И. Борковский, назвав ее пражской (*Borkovský I.*, 1940). Позднее она была подразделена на две группы — пражско-корчакскую и пражско-пеньковскую (*Седов В. В.*, 1979, с. 101—133). К настоящему времени выявлены и исследованы сотни памятников с пражско-корчакской керамикой на широкой территории от верхней Эльбы до Киевщины. Им посвящено множество научных статей в самых различных изданиях. Некоторые итоги изучения древностей с керамикой пражского типа в Чехословакии подведены Д. Бялековой, Й. Земаном и И. Плейнеровой (*Bialeková D.*, 1962, с. 97—148; 1968, с. 619—625; *Zeman J.*, 1976, с. 115—235; *Pleinerová I.*, *Zeman J.*, 1970, с. 72—732; *Pleinerová I.*, 1975), в ГДР — в монографии И. Херрманна (*Herrmann J.*, 1968) и в книге «Славяне в Германии», подготовленной ко II Международному конгрессу славянской археологии в Берлине (*Die Slawen in Deutschland*). В Польше получили характеристику пока памятники отдельных микрорегионов (*Hilczarówna Z.*, 1967; *Hachulska-Ledwos R.*, 1971; *Szymański W.*, 1967). И. Хасегава предпринял попытку обзорной систематизации равнорядно-печевой керамики западославянских областей (*Hasegawa J.*, 1973; 1975). В меньшем количестве подобные древности встречены также на территории Югославии (*Vinski Z.*, 1954, с. 71—82), Австрии (*Mitscha-Märcheim H.*, 1953, с. 355—378), Венгрии (*Bona J.*, 1968, с. 35—45), Румынии (*Комша М.*, 1970, с. 275—287; *Mitrea I.*, 1970, с. 345—369; *Teodor Dan Gh.*, 1969, с. 253—307; 1973, с. 201—211; *Székeily Z.*, 1970, с. 125—130) и Болгарии (*Въжарова Ж. Н.*, 1965; 1976).

Памятники с пражско-корчакской керамикой на восточнославянской территории известны в южной части Припятского бассейна, на Тетереве, в верховьях Буга, Днестра, Прута и в Закарпатье (карта 2). Для дифференциации славянской керамики на локально-этнографические группы первостепенное значение имеют целые сосуды. Фрагментарные материалы обычно не дают надежных оснований, а иногда приводят к ошибочным заключениям. Поэтому на карте особым значком обозначены памятники, в которых имеются целые сосуды, найденные в результате археологических изысканий или подобранные и склеенные из фрагментов в лабораторных условиях.

В приднестровских землях вместе с пражско-корчакской керамикой довольно широко представлена глиняная посуда пражско-пеньковского типа, оставленная другой славянской группировкой третьей четверти I тысячелетия н. э. Здесь имеются поселения, на которых обнаружены исключительно пражско-корчакские формы сосудов, но они очень часто сочетаются на одних и тех же поселениях с сосудами иных типов.

В Припятском Полесье сосуды пражско-корчакского типа были выявлены еще в 20-х годах XX в. работами С. С. Гамченко и И. Ф. Левидского, но получи-

ли научную характеристику значительно позднее (*Кухаренко Ю. В.*, 1955, с. 33—38; *Петров В. П.*, 1963а, с. 16—38). По одному из первых исследованных здесь поселений в окрестностях с. Корчак Житомирской обл. эти древности стали называться памятниками корчакского типа. Первая их сводка для территории СССР была составлена Ю. В. Кухаренко (*Кухаренко Ю. В.*, 1960, с. 111—124).

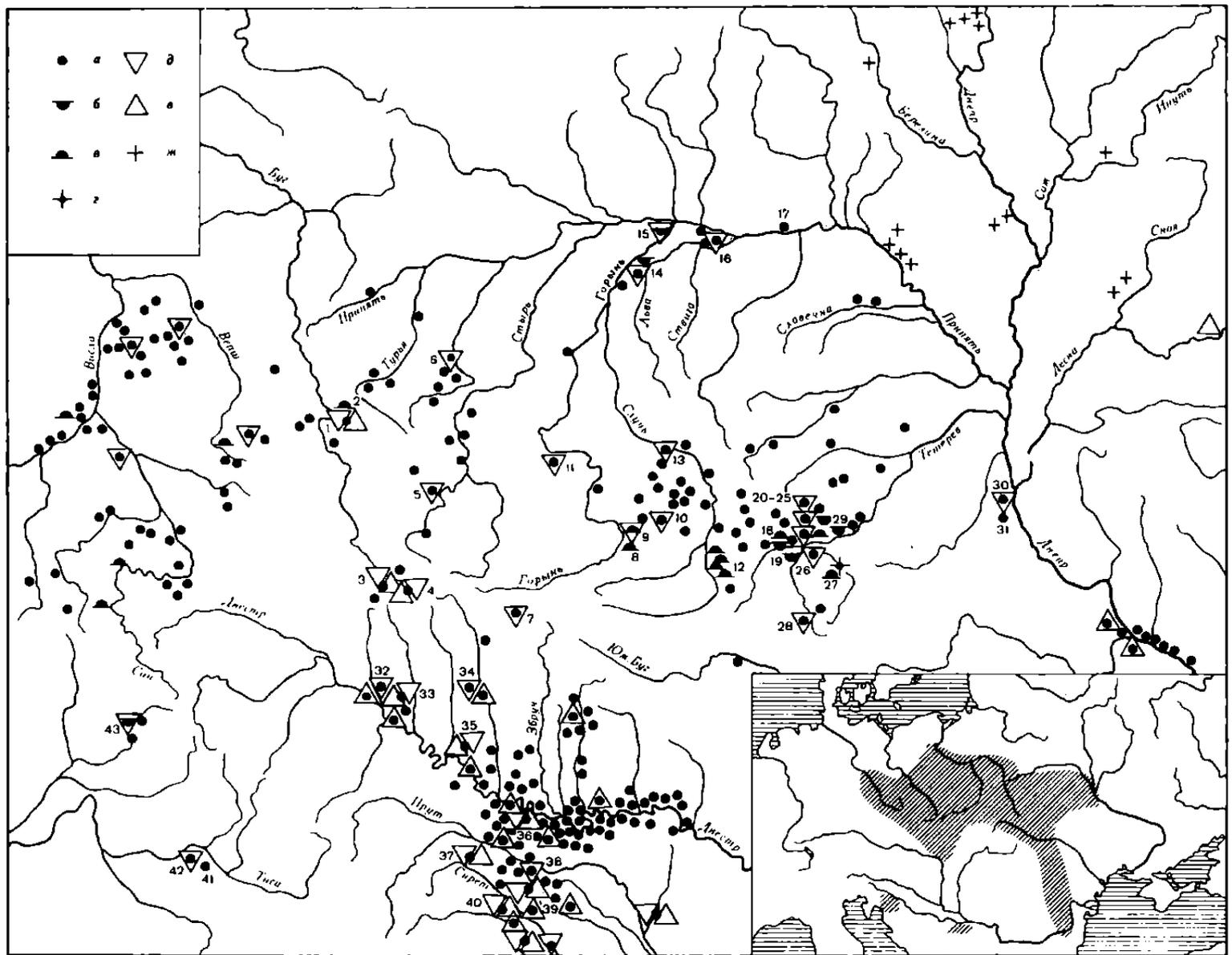
В последние десятилетия памятники с пражско-корчакской керамикой в Припятском Полесье весьма плодотворно исследовались И. П. Русановой (*Русанова И. П.*, 1973; 1976, с. 12—55). Она убедительно показала генетическое развитие более поздней славянской керамики этого региона из посуды пражско-корчакского типа. Припятское Полесье находилось в стороне от славянских и неславянских передвижений второй половины I тысячелетия н. э., поэтому материальная культура славян развивалась здесь в очень спокойном русле. И. П. Русановой удалось разработать детальную хронологическую шкалу лепной посуды VI—X вв.

В верхнем течении Днестровского бассейна и в верховьях Буга памятники с керамикой пражско-корчакского типа успешно изучает В. Д. Баран (*Баран В. Д.*, 1972). В последние годы он раскопал три поселения у с. Рашков Хотинского р-на Черновицкой обл. На селище Рашков III было исследовано 91 полуземляночное жилище в основном с печами-каменками. Эти жилища относятся к V—VII вв. Раскопками селища Рашков I изучено 80 жилищ-полуземлянок с печами-каменками и железоплавильный горн. Поселение датируется VII—IX вв. На поселении Рашков II, относящемся к VI—VII вв., открыто шесть полуземлянок с печами-каменками. Кроме пражско-корчакской посуды, на этих селищах встречены сосуды пражско-пеньковского облика, а также горшки, близкие к колочинским. Материалы раскопок пока не опубликованы (*Баран В. Д.*, *Некрасова А. Н.*, 1978, с. 293, 294; *Баран В. Д.*, *Карчина Л. Я.*, *Некрасова А. Н.*, 1979, с. 296).

Большую работу по выявлению и изучению подобных древностей в Северной Буковине ведут Б. А. Тимощук (*Тимощук Б. А.*, 1976) и И. П. Русанова. ими исследована серия интереснейших поселений в Черновицкой обл. (*Русанова И. П.*, 1980, с. 331; *Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.*, 1976, с. 389; 1978, с. 381; 1979, с. 397; *Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.*, *Милайлина Л. П.*, 1977, с. 364, 365; *Тимощук Б. А.*, *Русанова И. П.*, 1975, с. 362, 363; *Тимощук Б. А.*, 1978, с. 186—191).

В Украинском Закарпатье памятники пражско-корчакского облика изучали К. В. Бернякович (*Бернякович К. В.*, 1957, с. 435—455), С. И. Пеняк (*Пеняк С. И.*, 1968, с. 594—604) и В. Г. Котигорошко (*Котигорошко В. Г.*, 1977, с. 81—99).

Основными памятниками славян этой группировки являются неукрепленные поселения — селища. Расположены они по берегам больших и малых рек, обычно на южных или восточных склонах первых надпойменных террас. Большинство селищ вытянуто вдоль береговых краев, размеры их 120—200×40—60 м. Изредка встречаются и более крупные поселения. Замечено, что ранние поселения имели меньшую площадь (100—200×30—40 м), постепенно их размеры увеличивались.

Карта 2. Славянские памятники V—VII вв. с керамикой первой (пражско-корчакской) группы

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — курганные могильники; г — святилище; д — памятники с целыми сосудами первой группы; е — памятники с целыми сосудами второй группы; ж — памятники колочинского типа

Цифрами обозначены сравнительно хорошо исследованные памятники

- 1 — Змиво; 2 — Могильно; 3 — Рипнев I; 4 — Рипнев II; 5 — Липа; 6 — Подрижье; 7 — Лубьянка; 8 — Шепетовка; 9 — Климентовичи; 10 — Костянец; 11 — Зозив; 12 — Мирополь-Ульха; 13 — Городок; 14 — Хотомель; 15 — Хорск; 16 — Семурадцы; 17 — Петриков; 18 — Буда Шеепкая; 19 — Вилы; 20—25 — Корчак (поселения I, II, VII, IX и могильники); 26 — Тетеревка; 27 — Шумск; 28 — Райки; 29 — Барашевка; 30 — Киев (Почайна); 31 — Ходосово; 32 — Бовшев I; 33 — Бовшев II; 34 — Звиняч; 35 — Зеленый Гай; 36 — Рашков; 37 — Кодын; 38 — Гореча; 39 — Глубокое; 40 — Каменка; 41 — Дяково (урочище Надь-Эр); 42 — Чепя; 43 — Ужгород

На врезке: общий ареал славянских памятников первой группы

Для устройства поселений славяне выбирали земли, пригодные для земледелия и пастбы скота, что уже свидетельствует о земледельческо-скотоводческой основе их хозяйства.

Разведками в Припятском Полесье установлено, что обычно селища располагаются гнездообразно на протяжении 2—5 км. Часто такие «гнезда» состоят из

трех-четырех селищ, отделенных друг от друга пространством в 300—500 м, но встречаются и более крупные группировки поселений. Так, в окрестностях с. Корчак на р. Тетерев выявлена группа из 14 поселений. Ближайшие «гнезда» поселений находятся здесь на расстоянии 3—5 км.

Планировка поселений может быть исследована лишь на основе полностью раскопанных памятников, а таких пока очень немного. Единой системы в расположении жилых построек на селищах пока не наблюдается. Так, на селище Рипнев II, где раскопана площадь свыше 6000 кв. м., выяснено, что жилища располагались бессистемно на значительном расстоянии друг от друга (Баран В. Д., 1959, с. 102—113; 1963, с. 351). На многих поселениях жилища образовывали небольшие группы (расстояния между ними внутри групп от 1 до 10—15 м), разделенные значительными пространствами (до 15 м и более). Например, на поселении Корчак IX, раскопанном почти полностью, выявлено семь жилых построек, пять из которых концентрировались в средней части селища, а два других находились на расстоянии 80—100 м от этой группы построек (Русанова И. П., 1973, с. 32).

На поселении Корчак VII жилища располагались попарно на расстоянии 2—5 м друг от друга. Интервалы между группами достигали 10—40 м (табл. I, 10).

На поселении Бовшев I выявлено двурядное расположение жилищ. Очевидно, такую же планировку имело селище Корчак II, на месте которого при пахоте зафиксировано 14 пятен от жилищ, располагавшихся двумя рядами вдоль склона террасы р. Тетерев.

Среди поселений особое место занимает Зимновское городище — древнейший укрепленный пункт в ареале корчакской керамики. Оно устроено на мысе высокого коренного берега р. Луга, правого притока Буга. Городище занимает центральную часть мыса, выделенную глубокими рвами. Его размеры 135×14 м. Над долиной площадка городища поднята на 15—16 м (Аулит В. В., 1972). Раскопки показали, что юго-западный край городища был укреплен деревянной стеной из стоек и закрепленных в них горизонтальных бревен и частоколом. С северо-восточной стороны оно имело крутой склон, недоступный для противника. В юго-западной части городищенской площадки открыто 13 кострищ, устроенных на глиняных вымостках. Скорее всего это остатки большой наземной постройки, может быть, разделенной на камеры и конструктивно связанной с бревенчатой оборонительной стеной.

Кроме фрагментов лепной керамики, на городище найдены многочисленные металлические предметы — орудия труда, бытовые изделия, принадлежности одежды и украшения, а также изделия из кости, камня и глины, в том числе литейные формочки, тигельки. Находки с несомненностью свидетельствуют, что здесь жили и работали ремесленники — кузнецы, ювелиры и камнерезы. Зимновское городище было ремесленным центром, поставлявшим окрестному славянскому населению необходимые металлические предметы, а также, по-видимому, политическим центром одного из племен или даже племенного союза.

В Польше подобным поселением было, очевидно, городище Шелиги (*Szymański W.*, 1967).

В основной части области распространения керамики пражско-корчакского типа жилищами служили наземные срубные дома типично славянского интерьера с печью-каменкой или глиняной печью (Donat P., 1970, S. 250—253; 1976, S. 113—125). На территории СССР наземные жилые постройки хорошо исследованы на поселениях VI—VII вв. Федорово I и Чепя в Закарпатье (Котигорошко В. Г., 1977). Это были срубные строения площадью 15—20 кв. м. В середине их обычно устраивали котлован площадью не более 8—10 кв. м с отопительным сооружением — печью, нижнюю часть которой вырезали из материкового останца, а верх долепливали из глины. Средние размеры оснований печей 1×0,8 м. Внешняя часть печи имела обычно прямоугольные очертания, внутренняя, топчанная — овалы.

Подобные жилые постройки широко представлены на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. на территории Польши.

Только наземные дома, очевидно, строились на городище Зимно. Однако сказать, насколько широко было распространено наземное домостроительство на поселениях с пражско-корчакской керамикой на Волыни и в Припятском Полесье, затруднительно, поскольку от наземных срубных построек в культурных отложениях остаются обычно лишь слабые заметные остатки, а иногда не сохраняется никаких следов.

Эта территория является периферией ареала пражско-корчакской керамики. Всюду на его окраинах, соседствующих с областью расселения второй славянской группировки, представленной в Днепро-Днестровском междуречье памятниками типа Пеньковки, наземные жилища сочетаются с полуземлянками, и последние часто господствуют (карта 3).

На многих исследованных поселениях Полесья и Волыни открыты полуземляночные постройки (Раппопорт П. А., 1975, с. 12—26, 116, 117). Они имели четырехугольные котлованы с длиной стен от 2,5 до 5 м. Наиболее распространенный размер 3—4 м. Глубина котлована от 0,2—0,3 до 1 м, реже — более метра. Стены жилищ в большинстве случаев были бревенчатыми срубными (табл. I, 11, 12). В Рипневе II срубы сложены не из бревен, а из плах. Иногда их промазывали глиной. В отдельных жилищах поселений Рипнев II, Зеленый Гай и Глубокое стены сделаны из горизонтальных плах, прижатых к земляным стенам котлованов с помощью столбов.

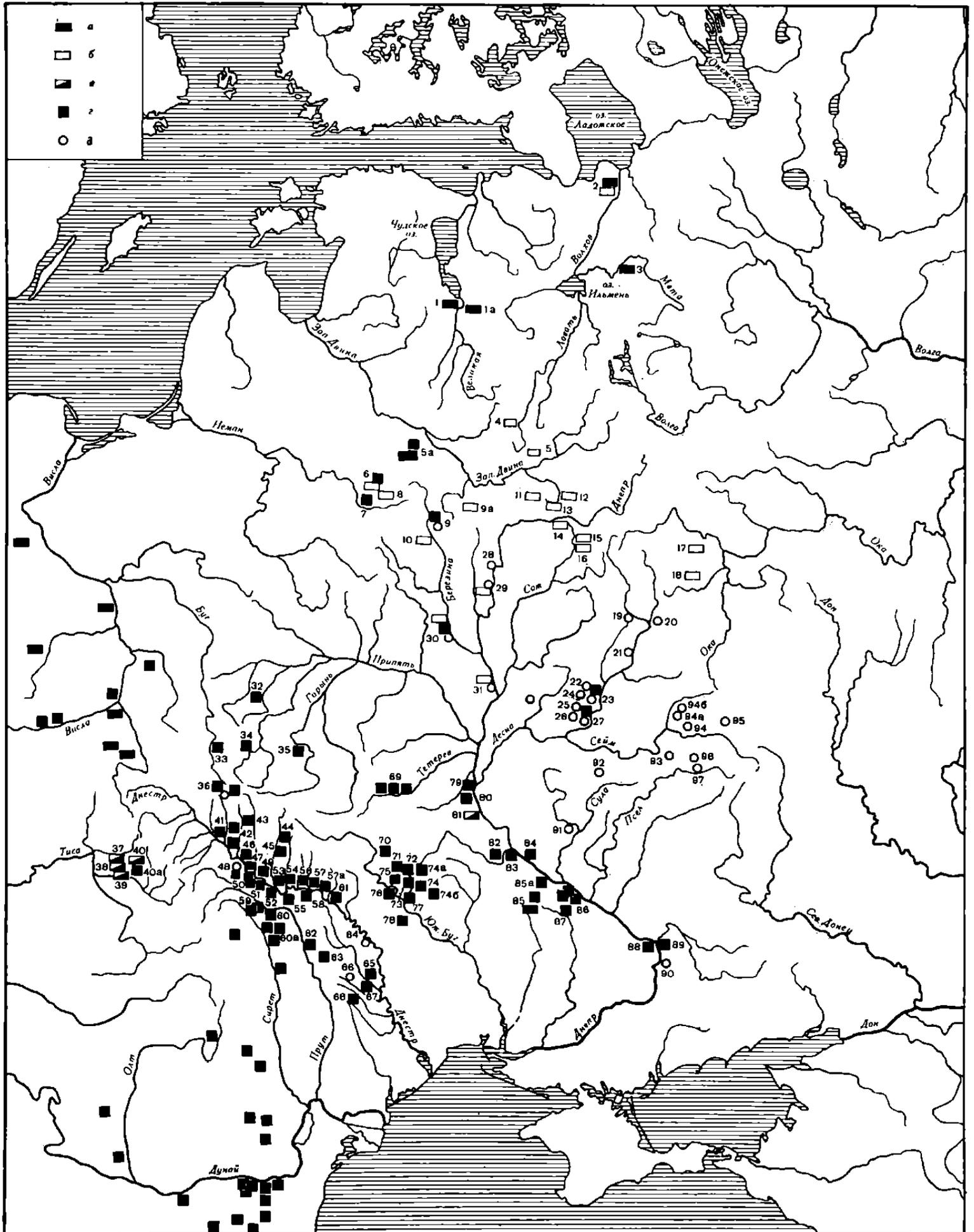
Полы жилищ были земляными или выстланы досками. Входы устраивались в большинстве случаев с помощью деревянных лестниц. Лишь в единичных жилищах (например, Корчак VII и IX) имелись вырезанные в грунте ступенчатые коридорчики, служившие входами.

Печи в славянских полуземлянках находились обычно в одном из углов котлована, противоположном от входа. На поселениях Припятского Полесья и Волыни господствовали печи-каменки, сложенные из необработанных камней (рис. 1). Основание их

Карта 3. Распространение жилищ третьей четверти I тысячелетия н. э.

а — наземные дома со славянским интерьером; б — наземные дома с печью или очагом в середине; в — наземные дома неясного типа; г — полуземлянки с печью или очагом в углу; д — полуземлянки с очагом или печью в середине
1 — Изборск (VIII в.); 1а — Псков (VI—VII в.); 2 — Старая Ладога (VIII в.); 3 — Золотое Колоно (VIII в.); 4 — Жабиню; 5 — Узмень; 5а — Прудки; 6 — Городище; 7 — Гурки; 8 — Некасецк; 9 — Дедиловичи; 9а — Боровно; 10 — Красная Зорька; 11 — Шугайлово; 12 — Кислая; 13 — Близнаки; 14 — Демиденка; 15 — Устье; 16 — Тушемля; 17 — Мощны; 18 — Дешевка; 19 — Смольяны; 20 — Белокаменка; 21 — Маисурово; 22 — Форостовичи; 23 — Целиков Бугор; 24 — Колодезный Бугор; 25 — Стрелица; 26 — Заярье; 27 — Левкин Бугор; 28 — Тайманово; 29 — Нижняя Тошца; 30 — Щатково; 31 — Колочин; 32 — Подрижье; 33 — Ромош; 34 — Липа; 35 — Городок; 36 — Рипнев II и III; 37 — Оросиево; 38 — Петрово; 39 — Федорово; 40 — Чепя; 40а — Перехрестье; 41 — Демьянов; 42 — Бовшев I и II; 43 — Звизья; 44 — Городок; 45 — Купин; 46 — Зеленый Гай; 47 — Колодривка; 48 — Неависко; 49 — Горошево; 50 — Перебыковцы (урочища Цегилья и Лука); 51 — Рашков I, II и III; 52 — Пригородок; 53 — Каветчина; 54 — Устье; 55 — Сокол; 56 — Лука-Врублевская; 57 — Бакота; 57а — Бернашевка; 58 — Студеница; 59 — Кодын I и II; 60 — Глубокое; 60а — Черновка I, II, III; 61 — Коалов; 62 — Хуча; 63 — Малаешты; 64 — Одая; 65 — Селиште; 66 — Бранешты XIII; 67 — Реча; 68 — Ханска; 69 — Корчак I, VII, IX; 70 — Пардэвка; 71 — Голяки; 72 — Кальник; 73 — Чертория; 74 — Кочуров; 74а — Кочубеевка; 74б — Пархомовка; 75 — Самчинцы; 76 — Семенки; 77 — Ладжжин; 78 — Сябинцы; 79 — Киев; 80 — Ходосово; 81 — Обухов; 82 — Сахновка; 83 — Крепатик; 84 — Домагатово; 85 — Пастырское; 85а — Будичи; 86 — Пеньковка (Луг 1, урочище Молочария, Андрусовка); 87 — Степовка; 88 — Волошское; 89 — Игрень; 90 — Першого Травня; 91 — Хитцы; 92 — Будки; 93 — Комаровка; 94 — Авдево; 94а — Каменово II; 94б — Букреевка II; 95 — Воробьевка; 96 — Лебязь; 97 — Песчаное

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО РЕГИОНА

прямоугольное, реже — подковообразное. Поды печей — овальные или округлые — расположены на уровне пола жилища, изредка их подмазывали глиной или выкладывали каменными плитами. Нижние части печей, как правило, сложены из более крупных плоских камней, верхние — из мелких.

На поселениях в окрестностях с. Корчак четко выдержано положение печей в жилищах — все они устроены в северо-восточных углах домов (рис. 2). Основу печей обычно образовывали крупные каменные плиты (размеры 60×40 см при толщине 10—15 см), поставленные на ребро. Они служили боковыми и задней стенками печей и с наружной стороны обкладывались булыжным камнем. Сверху печи перекрывали большими плитами или выкладывали свод из мелких камней. Связующий материал не применяли, но пустоты между камнями забивали мелкими камешками и черепками. На поселениях Корчак I и VII в развалах печей найдены глиняные вальки, использованные при строительстве сводов вместе с камнями. Размеры топочных камер таких печей около 40×60 см, высота — не больше 50—60 см.

Глиняные печи хорошо исследованы только на трех поселениях (Рипнев, Подрижье и Городок близ Ровно). Основания рипневских печей были вырезаны в глиняном материковом останце, верхняя часть и купол сделаны из глины с использованием глиняных вальков. Размеры оснований таких печей от 0,8×1 до 1,2×1,4 м, высота — до 0,6 м. Площади топочных камер от 0,4×0,5 до 0,8×0,8 м.

В некоторых жилищах Рипневского поселения открыты материковые выступы-лежанки. В жилищах поселений Корчак VII и IX прослежены столбики, поддерживавшие лавки или нары у стен. Изредка в полуземлянках встречаются небольшие хозяйственные или припечные ямы. В большинстве случаев хозяйственные ямы — круглые или овальные в плане — устраивались по соседству с жилищами.

Определить, были ли срубные полуземлянки в наземной части снаружи присыпаны землей, невозможно. Земляная подсыпка делала жилища более теплыми. Однако в тех случаях, когда котлован полуземлянки имел небольшую глубину, по-видимому, наземная часть жилища оставалась срубной, не закрытой землей.

Крыши полуземляночных построек были двускатными, с коньком, сделанным из бревна, и положенными на него плахами. О двускатной кровле свидетельствуют открытые в котлованах некоторых жилищ две столбовые ямы, у середины двух противоположных стен.

Помимо глиняной посуды, на поселениях V—VII вв. встречено очень мало вещей. Особое место в этом отношении занимает лишь городище Зимно.

Самыми частыми находками являются обломки глиняных сковород (табл. I, 9) и глиняные пряслица (табл. II, 27, 28, 30, 31). Большинство пряслиц имеет биконическую форму и диаметры 2,5—3,5 см. Встречаются также округлые, цилиндрические и низкие уплощенные пряслица. Некоторые изделия украшены ямочным орнаментом. Попадают так называемые глиняные хлебцы — круглые плосковыпуклые лепешки диаметром 8—10 см. Скорее всего эти предметы имели культовое значение. На городище Зимно найдена глиняная льячка (табл. II, 33).

Изделия из железа найдены единицами. Исключения составляют пожи, встреченные на многих поселениях. Они обычно имеют прямое лезвие, слегка дуговидную спинку и клинообразный черешок. Длина их с черешком 5—10 см. Клинок небольшого слабоизогнутого серпа найден на поселении Корчак VII (табл. II, 32). Фрагмент серпа обнаружен на поселении Звизняч. На селище Рипнев II открыты три железоделательные печи.

Богатый ассортимент предметов из железа происходит из Зимновского городища. Среди них имеются и орудия труда — ножи, косы-горбуши, токарный резец, и предметы вооружения — наконечники стрел, дротики, копий, и детали одежды — пряжки (табл. II, 23, 24).

Кроме железных пряжек, в состав коллекции из Зимно входят бронзовые и серебряные различных типов — с круглыми, овальными и фигурными рамками, простой и шарнирной конструкции, а также прямоугольные «гитаровидные» (табл. II, 2, 3, 14—16). Многочисленны бляшки от поясов — двущитковые, круглые, трапециевидные и фигурные, прорезные и с рельефным орнаментом (табл. II, 6—11, 18—20), в виде фигурки птицы (табл. II, 1). Встречены также бронзовые и серебряные браслеты с утолщенными гранеными и округлыми концами (табл. II, 21, 25, 26), крученный браслет (табл. II, 29), колоколовидные и трапециевидные привески (табл. II, 5, 13, 17), бронзовый пинцет с распиренными концами (табл. II, 22) и т. п. Найдена византийская монета Юстина (518—524) или Юстиниана (527—565).

На основе металлических находок В. В. Аулих датирует поселение VI — первой половиной VII в. (*Аулих В. В.*, 1972, с. 86—90).

Предметы из цветных металлов на других поселениях единичны. Так, на поселении Зеленый Гай обнаружена бронзовая шпилька с утолщенной головкой, на поселении Рипнев II — лунница, сделанная из тонкой бронзовой бляшки и украшенная наколами, на селище Бовшев II — ромбовидная привеска. Из Рипнева происходит голубая пастовая бусина с ребристой поверхностью.

На основе анализа керамического материала и вещей находок рассматриваемые поселения Припятского Полесья датированы И. П. Русановой VI—VII вв. (*Русанова И. П.*, 1973, с. 17—22). Хронология верхнеднепровских и западноволыньских памятников разработана В. Д. Бараном, датировавшим их в пределах от конца V до VII в. включительно (*Баран В. Д.*, 1972, с. 59—68). Для определения начальной даты пражско-корчакских древностей важна находка двух железных фибул позднеаримского типа с высокой четырехугольной в сечении дужкой (табл. II, 4, 12) на поселении в урочище Кодын в Черновицкой обл. (*Тимошук Б. О.*, 1976, с. 39). Они принадлежат к типу *Bügelkopffibel* и датируются IV—V вв. Только единичные экземпляры этих фибул заходят в первую половину VI в. Поселение Кодын должно быть датировано на этом основании по крайней мере рубежом V и VI столетий. На дне жилища,

Рис. 1. Печь-каменка жилища 4 на поселении Корчак IX

Рис. 2. Остатки жилищ-полуземлянок на поселении Корчак VII

открытого Б. А. Тимощуком на поселении Гореча, встречен обломок амфоры позднеримского типа, относящейся ко времени не позднее V в. (Тимощук Б. О., 1976, с. 39). Таким образом, представляется несомненным, что культура пражской керамики начинается в V в.

Погребальными памятниками культуры типа Прага-Корчак являются грунтовые могильники и курганы. В V—VI вв. здесь безраздельно господствовал обряд трупосожжения. Кремация умерших всегда происходила на стороне.

Собранные в погребальном костре кальцинированные кости хоронили в бескурганых могилах или в курганных насыпях.

Грунтовые могильники известны на широкой территории, но пока в сравнительно небольшом количестве. В большинстве случаев это отдельные, случайно выявленные захоронения (Барашевка, Вилы, Звиняч, Ужгород, Хотомель). Наиболее крупные из исследованных могильников насчитывают не более 20 погребений (Шумск, Хорск, Тетеревка). В Шумске открыто и место, где совершались сожжения умерших, — мощное кострище, окольцованное ровиком.

Во всех выявленных захоронениях сожженные кости были помещены в глиняные урны или накрыты горшком, перевернутым вверх дном. Могильные ямки обычно круглые в плане, диаметром 20—80 см и глубиной 20—60 см. Заполнены они черной углистой землей.

Особняком пока стоят захоронения, открытые при случайных земляных работах в Ужгороде. Урны с сожженными костями были поставлены на кострищах диаметром до 3 м, на которых были сделаны вымостки из камней (Пеняк С. И., 1968, с. 596).

Кроме глиняных сосудов пражско-корчакского типа, в грунтовых могильниках почти ничего не встречено. Исключения составляют железная пряжка из Хорска, которую Ю. В. Кухаренко датировал VI—VII вв. (Кухаренко Ю. В., 1961, с. 7), глиняный «хлебец» (Суемцы) и оплавленная бусина из зеленого стекла (Тетеревка).

Курганные могильники обычно состоят из 10—50 невысоких, округлых в плане насыпей, окруженных кольцевыми ровиками (высота их 0,3—1 м, диаметры оснований 4—10 м). Известны курганы VI—VII вв. лишь в бассейне Припяти, на Тетереве и Буге. В область Днестровского бассейна они не заходят. Как правило, курганные группы состоят из насыпей с захоронениями, содержащими пражско-корчакские горшки-урны, и насыпей с более поздними погребениями.

Кремация умерших повсеместно происходила на стороне. Остатки трупосожжений помещались в основаниях курганных насыпей на небольших ритуальных кострищах, в урнах или ямках, вырытых в материке. В каждой насыпи находится по две-три урны корчакского типа. Кроме того, безурновые захоронения встречаются в насыпях на самой различной высоте. Таким образом, каждый курган представлял собой коллективную усыпальницу, по-видимому, принадлежащую патриархальной семье. Использовались курганы продолжительное время, поэтому наряду с сосудами пражско-корчакского типа в них встречаются обломки лепных горшков VIII—IX вв.

В некоторых курганах имелись кольцевые оградки вокруг погребений (Мирополь, Семурадцы). В курганах 1 и 2 в Мирополе зафиксированы четырехугольные деревянные конструкции из вертикальных стояков и горизонтально положенных бревен.

Наиболее полно исследованы курганные могильники между селами Мирополь и Ульха на р. Случь (Гамченко С. С., 1901, с. 360—384; Кухаренко Ю. В., 1969, с. 111—115), около сел Селец (Кухаренко Ю. В., 1968, с. 316—319), Климентовичи (Musianowicz K., 1975, s. 325—338), Семурадцы (Поболь Л. Д., 1969, с. 65—67).

Таким образом, в VI—VII вв. на рассматриваемой территории курганные захоронения сосуществовали с грунтовыми могильниками. С IX столетия здесь уже безраздельно господствовали курганы. Поэтому нужно полагать, что грунтовые могильники — более древние погребальные памятники, которые в VI—VIII вв. постепенно были сменены курганами.

Основным занятием славянского населения V—VII вв., оставившего древности с пражско-корчакской керамикой, было земледелие, о чем свидетельствуют и топография поселений, и зерновые ямы, зафиксированные на них, и некоторые вещевые находки (серпы, обломки жерновов, глиняные «хлебцы»). Скорее всего в западноволыньских и верхнеднестровских землях, где земледелие имело глубокие традиции, оно было пахотным, хотя орудия обработки почвы пока на поселениях не встречены. В Полесском регионе земледелие могло быть подсечным. Кроме того, население занималось скотоводством, различными промыслами и домашними ремеслами. Византийский автор VI в. Маврикий Стратег сообщает, что славяне владели «большим количеством различного скота». Среди остеологического материала из поселения Рипнев кости домашних животных составляют 84%. На первом месте стоят крупный рогатый скот и свинья, сравнительно небольшая доля принадлежит козам и коням. Виды диких животных и птиц представлены кабаном (91,7%), волком (4,1%), медведем (1,4%) и тетеревом (2,8%).

Выявляемые на поселениях гнезда жилых построек с хозяйственными сооружениями, очевидно, свидетельствуют о ведении хозяйства большой патриархальной семьей. Пахотная земля находилась в коллективном владении и сообща распределялась между отдельными хозяйствами, пастбища и леса принадлежали сельской общине-патронимии.

В междуречье Буга и Днепра керамика пражско-корчакского типа и вся культура раннесредневековых славян не имеет генетических корней. Ко II—IV вв. на Волыни относятся памятники типа Дитиничи-Трипши (Смишко М. Ю., Свешников И. К., 1961, с. 89—114; Кухаренко Ю. В., 1965, с. 97—101), оставленные поморско-мазовецкими (или, по новейшей польской терминологии, вельбаро-пецельскими или просто вельбарскими) племенами (Кухаренко Ю. В., 1967, р. 19—40; Кухаренко Ю. В., 1980).

Истоки керамики пражско-корчакского облика обнаруживаются среди глиняной посуды пшеворской культуры, получившей распространение в первой половине I тысячелетия н. э. в междуречье Одера (Одры) и Буга (Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K., 1965, s. 245—251, 259—265.) На памятниках этой культуры встречены и горшки, которые могут

рассматриваться в качестве прототипов пражско-корчакской керамики, и собственно пражско-корчакские сосуды. Черты сходства между отдельными типами пшеворской посуды и славянской керамикой V—VII вв. неоднократно характеризовались польскими археологами (*Kostrzewski J.*, 1965, S. 10—26; *Hilczegówna Z.*, 1967, s. 53—78; *Szymański W.*, 1967, s. 308—327). В нашей литературе этот вопрос анализировался И. П. Русановой (*Русанова И. П.*, 1976, с. 205—213) и В. В. Седовым (*Седов В. В.*, 1979, с. 67, 68, 116). Обряд погребения славянских грунтовых могильников V—VII вв. также обнаруживает некоторую преемственность с известным по пшеворским могильникам ритуалом, в особенности в Висленском регионе (*Седов В. В.*, 1979, с. 71, 116). Имеются элементы преемственности и в домостроительстве. Все это дает возможность предполагать, что славяне, оставившие памятники с керамикой пражско-корчакского типа, являлись потомками носителей пшеворской культуры, расселившимися в V—VII вв. на обширных пространствах от верхней Эльбы до среднего Днепра (*Седов В. В.*, 1976, с. 89—107).

Географическое распространение керамики пражско-корчакского типа позволяет утверждать, что эта посуда характеризует одну из племенных группировок славян V—VII вв. — именно ту, которую историк VI в. Иордан называет *slaveni* (склавлены — славены, вполне очевидно, что «к» здесь вставное). Византийские авторы VI в. именуют их славянами. Иордан сообщает, что «многолюдное племя венетов» в его время было известно «под тремя именами: венетов, антов, склавеннов» (*Иордан*, с. 90). Указывается и область расселения этого племени: «Склавлены живут от города Новиетун и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы...» (*Иордан*, с. 72).

Интерпретация этих географических данных обстоятельно рассмотрена Е. Ч. Скржинской (*Иордан*, с. 213—218). Город Новиетун и Мурсианское озеро, очевидно, ограничивали территорию расселения с(к)лавленов с запада или юго-запада. Новиетуном Иордана скорее всего можно считать город Невьетун на Саве. Здесь же находилось и Мурсианское озеро (около города Мурсы, теперь Осиек). Е. Ч. Скржинская полагает, что Мурсианским озером прежде могло называться озеро Балатон в Паннонии (путь к нему начинался для римлян преимущественно от города Мурсы).

Таким образом, географические координаты расселения с(к)лавленов по Иордану — река Сава на юго-западе, возможно, Балатон на юге, Висла на севере и Днестр на востоке. Эта территория как раз совпадает с основной областью распространения керамики пражско-корчакского типа. Только в отдельных местах археологический ареал выходит за пределы территории, ограниченной координатами Иордана. Таковы Приэльбье и Припятское Полесье. Однако это, очевидно, объясняется тем, что сведения Иордана относятся к первой половине VI в., а археологический ареал очерчивается на основе суммарных данных V—VII вв.

Древности

пражско-пеньковского типа

Вторая большая этнокультурная группировка славян третьей четверти I тысячелетия н. э. занимает, как уже отмечалось, южную часть славянского региона. Название культуре дано по поселениям, раскопанным в окрестностях с. Пеньковка на Тясмине. Ее выделяют специфические культурные особенности, среди которых наиболее существенна керамика.

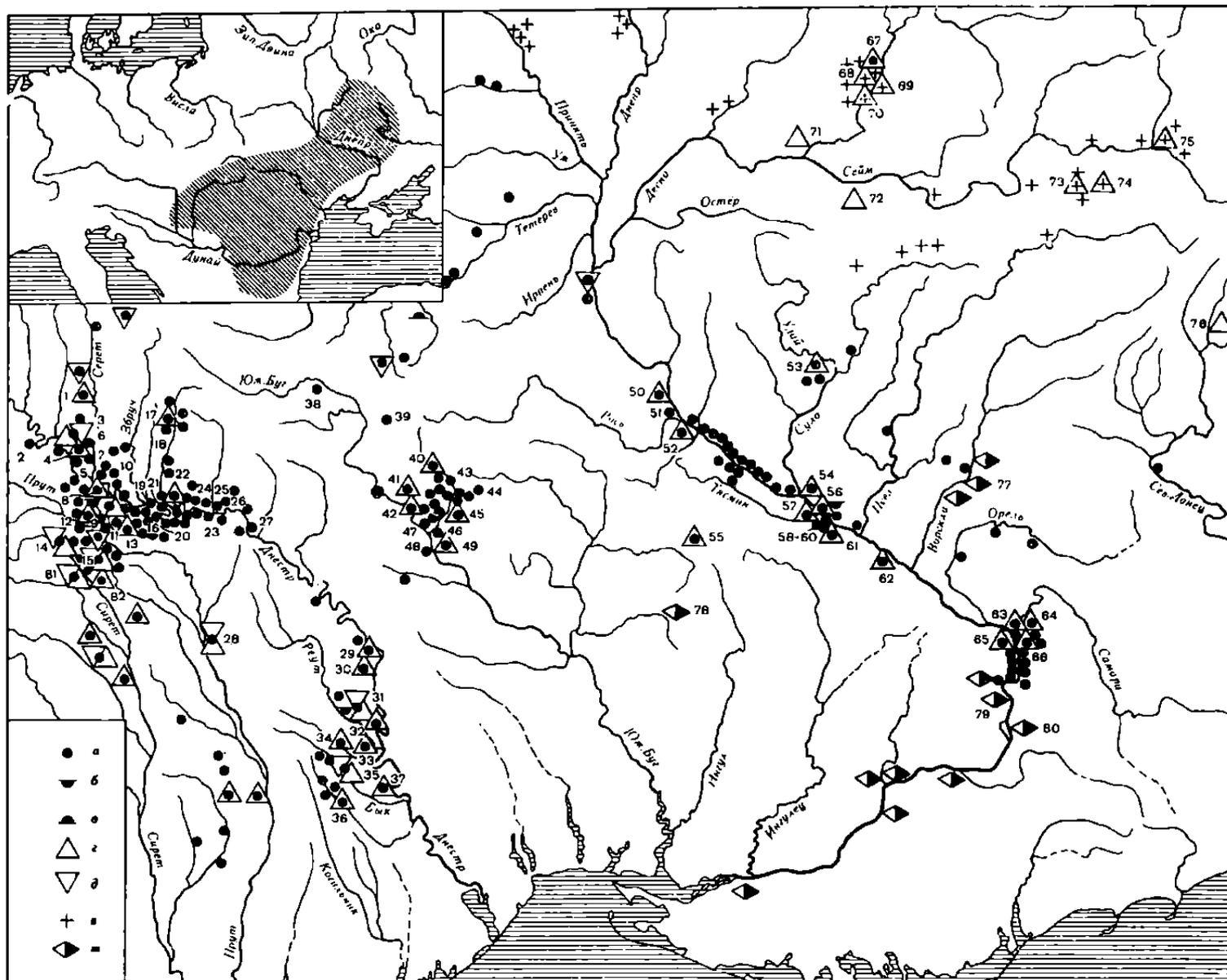
Ведущей формой лепной посуды являются горшки со слабопрофилированным верхним краем и овальным или округлым туловом. В отличие от горшков пражско-корчакского типа, наибольшее расширение у них приходится на среднюю часть высоты, горло и дно сужены и примерно равны по диаметру (табл. III, 1—6). Другой тип сосудов — биконические горшки с резким или округленным ребром, приходящимся опять таки на середину высоты. Среди них есть сосуды с короткой отогнутой шейкой и без шейки (табл. III, 7, 8).

Кроме того, на поселениях находят глиняные сковородки и изредка миски.

Керамика, как правило, толстостенная с примесью дресвы и шамота, поверхность неровная, иногда шероховатая. Орнамента на сосудах нет. Лишь в виде исключения встречаются горшки с насечками по краю венчика, с налепным валиком, с налепами в виде шишечек или полумесяцев на тулове.

Славянскую принадлежность основных типов керамики пражско-пеньковского облика доказывает ее генетическая преемственность со славянской глиняной посудой VIII—IX вв. Это прослежено в материалах Поднепровья, Молдавии и Болгарии. Глиняные сосуды, восходящие к округлобким горшкам VI—VII вв., составляют значительную часть керамики типа Луки-Рэйковецкой (*Гончаров В. К.*, 1963, с. 283—319, рис. 7; *Шовкопляс А. М.*, 1959, с. 169—172; *Мезенцева Г. Г.*, 1965, с. 71—98; *Приходнюк О. М.*, *Казанский М. М.*, 1978, с. 43—47), характеристика которой будет дана ниже. Пражско-пеньковская керамика в большом количестве найдена на памятниках, расположенных по Днепру и его притокам, на участке от устья Роси до Запорожья, в бассейне Южного Буга и в междуречье Днестра и Прута. Далее на запад она распространена в Нижнем и отчасти Среднем Подунавье, достигая северных районов Болгарии и восточных областей Венгрии (карта 4). В бассейне среднего Днестра керамика пражско-пеньковского типа встречается попеременно с пражско-корчакскими сосудами, часто на одних и тех же памятниках. Такая же картина наблюдается и в Подунавье. Очевидно, здесь встретились и перемешались два потока славянского расселения. Румынские археологи успешно разрабатывают детали этих миграционных движений славян различных культурных группировок (*Comşa M.*, 1972, p. 9—28; *Teodor Dan Gh.*, 1972, p. 29—42).

Славянская керамика пражско-пеньковского облика проникает также в днепровское лесостепное левобережье. Собственно славянские поселения известны здесь лишь в нижнем течении Сулы, Псла, Ворсклы и Ореля. Севернее простирается ареал памятников колочинского типа. Единичные сосуды пражско-пень-

Карта 4. Славянские памятники V—VII вв. с керамикой второй (пражско-пеньковской) группы

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — курганные могильники; г — памятники с целыми сосудами второй группы; д — памятники с целыми сосудами первой группы; е — памятники колочинского типа; ж — памятники алаано-болгарского населения

Цифрами обозначены сравнительно хорошо исследованные памятники

1 — Звиняч; 2 — Неависко; 3 — Зеленый Гай; 4 — Городница; 5 — Залешики; 6 — Колодривка; 7 — Горошево; 8 — Перебыковцы; 9 — Корнешты; 10 — Вильховец; 11 — Рашков; 12 — Задубровка; 13 — Чеповосы; 14 — Кодьш; 15 — Глубокое; 16 — Пригородок; 17 — Городок; 18 — Купив; 19 — Брага; 20 — Каветчина; 21 — Сокол; 22 — Устье; 23 — Студеница; 24 — Лука-Врублевская; 25 — Бакота; 26 — Кокиловка; 27 — Козлов; 28 — Хуча II; 29 — Алчедар; 30 — Лопатна; 31 — Селиште; 32 — Бранешты I; 33 — Скок; 34 — Реча; 35 — Ханска; 36 — Костешты I; 37 — Кобуска; 38 — Соколец; 39 — Париевка; 40 — Голки; 41 — Самчинцы; 42 — Семенки; 43 — Кальник; 44 — Чертория; 45 — Кочуров; 46 — Куня; 47 — Ладжин; 48 — Губник; 49 — Скибинцы (остров Мытковский); 50 — Канев; 51 — Студенец; 52 — Крещатик; 53 — Хитцы; 54 — Жовнин; 55 — Пастырское; 56 — Андрусовка; 57 — Степовка; 58—60 — Пеньковка (Макаров остров, Молочарня и Луг 2); 61 — Пеньковка (Луг 1); 62 — Деревка; 63 — Яцева Балка; 64 — Игрень I; 65 — Волошское; 66 — Васильевка (остров Кизелевой); 67 — Лавриков Лес; 68 — Колодезный Бугор; 69 — Заярье; 70 — Левкин Бугор; 71 — Сосница; 72 — Коно-

топ; 73 — Замощанская дюна; 74 — Княжий; 75 — Лебяжье; 76 — Дмитровское; 77 — Малая Перещепина; 78 — Глодосы; 79 — Канцерка; 80 — Вознесенка; 81 — Каменка; 82 — Корюва

На врезке: общий ареал славянских памятников второй группы

ковского типа встречаются и в этом ареале, но на поселениях, характеризующихся колочинской керамикой и домостроительством, отличным от пеньковского. Наиболее восточным пунктом, где найдена пражско-пеньковская керамика, является Дмитровский могильник на р. Короча в бассейне Северского Донца. Памятник в целом принадлежит салтовской культуре, но среди салтовских труположений раскопками было обнаружено несколько захоронений по обряду кремации с горшками пражско-пеньковского типа (Плетнева С. А., 1972, с. 108—118).

По-видимому, пражско-пеньковская керамика проникает и далее на восток, в глубину ареала салтовской культуры. Фрагменты такой керамики собраны в последнее время на поселениях Занки и Тымченки в Готвальдовском р-не Харьковской обл. (Дьяченко А. Г., 1978, с. 322, 323; Берестнев С. И., 1979, с. 301, 302). Однако для этих памятников характерно

Рис. 3. Печь-каменка жилища 6 на поселении Кодын II

неславянское домостроительство, отсутствуют здесь и захоронения по славянскому ритуалу. Очевидно, на основе распространения пражско-пеньковской керамики можно говорить об инфильтрации славян в среду населения, оставившего салтовскую культуру.

Памятники пражско-пеньковского типа впервые были выявлены и исследованы группой украинских археологов в бассейне Тясмина, правого притока Днестра, и в порожистой части Днестра (Березовец Д. Т., 1963, с. 145–208; Петров В. П., 1963б, с. 209–233). В бассейне Южного Буга подобные древности много лет изучает П. И. Хавлюк (Хавлюк П. И., 1963а, с. 187–201; 1963б, с. 320–350; 1974, с. 181–215). Обобщающее исследование раннесредневековых славянских древностей территории Молдавии принадлежит И. А. Рафаловичу (Рафалович И. А., 1972), Подолии — О. М. Приходнюку (Приходнюк О. М., 1975).

В последние годы ведутся активные полевые изыскания памятников пражско-пеньковского типа. Разведки и раскопки охватили Среднее и Нижнее Поднепровье (Кравченко Н. М., 1979, с. 74–92; 1980, с. 289, 290; Приходнюк О. М., 1976б, с. 101–119; 1979б, с. 391, 392; 1980; Приходнюк О. М., Казанский М. М., 1978, с. 43–47; Приходнюк О. М., Беллева С. А., 1980, с. 326, 327; Смиленко А. Т., 1978,

с. 159–160), бассейн Южного Буга (Хавлюк П. И., 1976, с. 401; 1978, с. 394, 395; 1979, с. 415, 416), Прутско-Днестровское междуречье (Приходнюк О. М., 1978а, с. 376; Ларина О. В., Рафалович И. А., 1979, с. 486, 487; Рафалович И. А., Дунявина В. М., 1979, с. 489, 490).

В пограничной полосе, там, где ареал пражско-пеньковской керамики налегает на область распространения колочинских древностей, успешно ведутся полевые изыскания Е. А. Горюнов (Горюнов Е. А., 1973, с. 99–112; 1977, с. 283; Горюнов Е. А., Казанский М. М., Пескова А. А., Усова Г. А., 1976, с. 318, 319; Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А., 1979б, с. 320, 321).

Поселениями пражско-пеньковской культуры являются селища, расположенные в долинах небольших рек и ручьев и занимающие останцы или участки пологих берегов. Для поселений часто выбирали места, которые не требовали сооружения искусственных укреплений. Реки, леса и болота служили естественной защитой. Рассказывая о славянах и антах, византийский писатель VI в. Маврикий сообщает, что «они селятся в лесах, у неудобнопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что естественно, опасностей» (Мишулин А. В., 1941, с. 253).

Почти во всех случаях поселения устраивались в окружении плодородных почв. Леса и пойменные луга

благоприятствовали развитию наряду с земледелием скотоводства.

Поселения были сравнительно небольшими. Так, селище Пеньковка-Молочарня имело размеры 70×50 м. Несколько крупнее поселения VI—VII вв. в Молдавии — от 0,25 до 1,2 га. Средняя площадь поселений того времени в Подолии — около 1,5 га. На таких поселениях одновременно существовало от 5 до 25 жилых построек, разбросанных по площади, как правило, бессистемно (табл. III, 11). На крупных и хорошо исследованных поселениях отмечена концентрация домов двумя-тремя группами. На поселении Устье жилища стояли двумя рядами вдоль берега. Рядовой тип застройки прослежен на селищах в Молдавии (Реча, Старые Малаешты, Хуча) и Поднепровье (Стецовка). По-видимому, такая планировка в ареале пражско-пеньковской керамики не менее характерна, чем кучевая.

Как и в ареале пражско-корчакской керамики, здесь неоднократно зафиксировано гнездовое расположение селищ. Они обычно образуют более или менее компактные группы радиусом до 5—7 км от условного центра гнезда. Группу составляют 5—10 поселений. Расстояния между поселениями в группах — от сотен метров до 1,5—2 км. Интервалы между гнездами превышают 10 км. По-видимому, гнезда поселений составляли территориальные общины, а группы домов на поселениях — патриархальную семью.

Единственным типом жилища на пеньковских поселениях была полуземлянка, в плане близкая к квадрату (карта 3). Площадь их невелика и колеблется от 12 до 20 кв. м. Подмечено, что со временем размеры жилищ несколько увеличиваются. Глубина котлованов — от 0,3—0,4 до 1—1,2 м. Стены домов облицовывались деревом и имели столбовую или срубную конструкцию. Стены более ранних жилищ часто сложены столбовой техникой, более поздних — преимущественно срубные. Остатки бревен от срубов обнаружены при раскопках на многих поселениях. На поселении Самчинцы остатки сруба сохранились сравнительно хорошо — бревна имели диаметр около 20 см. Однако чаще срубы делались из более тонких бревен. На основе выявленных на поселении Луг 1 в Пеньковке столбовых ям можно полагать, что стены были сделаны из плах, прижатых к земляным стенкам котлованов с помощью столбов.

Печи-каменки занимали один из углов построек (табл. III, 9, 10). Для относительно ранних памятников характерно положение печи в одном из углов близ северных стен полуземлянок, тогда как входы в них обычно устраивались с южной стороны. Позднее эта закономерность нарушается. Печи-каменки иногда складывали из крупных камней, причем топчанная камера в них бывает выложена из больших плит (рис. 3). Однако нередко встречаются печи, устроенные из мелких камней. Под печи обычно находился на уровне пола полуземлянки. Верхние части печей складывались из камней, часто с использованием глиняных вальков. В единичных случаях на поселениях Прутско-Днестровского междуречья зафиксированы глиняные печи.

Во всех своих деталях жилища-полуземлянки пражско-пеньковской группировки славян сходны с описанными выше домами пражско-корчакских поселений. Одинаково устройство и верхних частей построек.

Крыши их были преимущественно двускатными. На поселении Перебыковцы исследованы остатки двускатной кровли одного из жилищ, которая была устроена из жердей, перекрытых сверху слоем глины. На днестровских поселениях Бранешты XIII и Одая и на селище Луг 2 зафиксированы жилища с центральным опорным столбом. По-видимому, эти постройки имели четырехскатное перекрытие.

На пеньковских поселениях встречены и хозяйственные постройки с опущенным в грунт полом. В отличие от жилищ, они не имели печей-каменок. Впрочем, в отдельных таких сооружениях выявлены угльно-зольные очажные пятна.

На поселениях обычно бывают многочисленные зерновые и хозяйственные ямы различных строений и размеров.

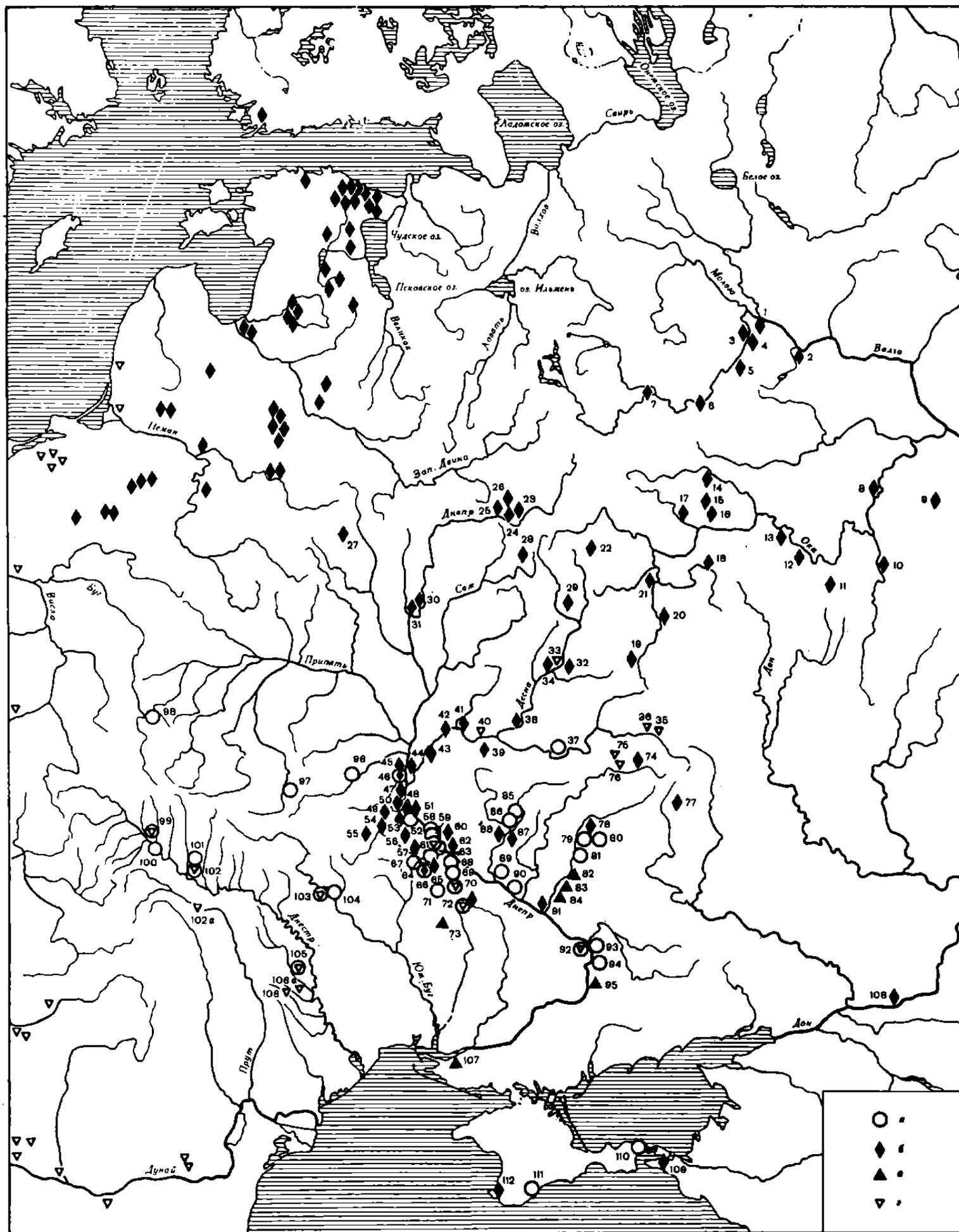
Среди пеньковских неукрепленных поселений особняком стоит городище, расположенное на р. Сухой Ташлык в бассейне Тясмина близ с. Пастырское (табл. V, 17). Его валы и рвы были сооружены еще в скифскую эпоху и позднее не возобновлялись. В VI—VIII вв. население лишь воспользовалось старыми укреплениями. Раскопки Пастырского поселения были начаты еще на рубеже XIX и XX вв. В. В. Хвойкой (Хвойко В. В., 1905, с. 93—104) и продолжены в 30—50-х годах (Брайчевский М. Ю., 1951, с. 155—164; 1952, с. 163—173; 1955, с. 67—76; 1960, с. 106—108). Выявлено около 20 полуземляночных жилищ того же типа, что и на пеньковских селищах (табл. V, 18, 19). Они были углублены в материк до 0,5 м и имели прямоугольные котлованы. Стены домов столбовой конструкции состояли из стояков и жердей, переплетенных лозой и обмазанных глиной.

Карта 5. Распространение кладов и отдельных находок мартыновского типа, предметов с выемчатой эмалью и пальчатых фибул

а — клады и находки мартыновского типа; б — вещи с эмалью; в — клады и случайные находки кочевнического типа; г — пальчатые фибулы

1 — Березянки; 2 — Замориню; 3 — Кривец; 4 — Кирьяново; 5 — Грехов Ручей; 6 — Кимры; 7 — Дуденево; 8 — Абрамово; 9 — Муром; 10 — Кошибеево; 11 — Тихий Уголок; 12 — Рязань; 13 — Кузьминское; 14 — Дьяково; 15 — Шербинка; 16 — Кузнецки; 17 — Стрелковка; 18 — Щепилово; 19 — Орел; 20 — Федяшево; 21 — Дуна; 22 — Мощины; 23 — Ярцево; 24 — Колодия; 25 — Демидовка; 26 — Дроково; 27 — Красный Бор; 28 — Христовая; 29 — Ивановичи; 30 — Тайманово; 31 — Адамька; 32 — Глажево; 33 — Усох; 34 — Кветуны; 35 — Моква; 36 — Курск; 37 — Харивка; 38 — Родичы; 39 — Бораны; 40 — Мана; 41 — Горицы; 42 — Чернягов; 43 — Старгородка; 44 — Жукви; 45 — Межигорье; 46 — Киев; 47 — Казаровичи; 48 — Беарадичи; 49 — Белгородка; 50 — Стайки; 51 — Килво; 52 — Веремья; 53 — Чернягов; 54 — Клепчи; 55 — Михайловка; 56 — Ромашки; 57 — Рассава; 58 — Букрин; 59 — Троицки; 60 — Леплява; 61 — Канев; 62 — Келеберда; 63 — Пекари; 64 — Малый Ржавец; 65 — Хмельна; 66 — Бабицы; 67 — Мартыновка; 68 — Черкасы; 69 — Хадки; 70 — Смела; 71 — Балаклея; 72 — Пастырское; 73 — Глодосы; 74 — Гочево; 75 — Суджа; 76 — Казачья Локня; 77 — Дмитровское; 78 — Ахтырка; 79 — Новая Одесса; 80 — Козьевка; 81 — Березовка; 82 — Маруховка; 83 — Малая Перещепина; 84 — Зачепилровка; 85 — Ивахники; 86 — Поставуки; 87 — Плютенцы; 88 — Лубны; 89 — Лебеховка; 90 — Пеньковка; 91 — Компанейцы; 92 — Волошское; 93 — Старый Игрень; 94 — Першого Травля; 95 — Вознесенка; 96 — Малин; 97 — Мирополь; 98 — Зимно; 99 — Демьянов; 100 — Крылос; 101 — Залесье; 102 — Горошево; 102а — Черновка I; 103 — Семенки; 104 — Скибляны; 105 — Селиште; 106 — Ханска II; 106а — Даньены; 107 — Келеген; 108 — Цимлянск; 109 — Сенная; 110 — Керчь; 111 — Сууксу; 112 — Севастополь (Херсонес)

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО РЕГИОНА

Длина стен около 3 м. Печи находились в углах жилищ. Их строили из камней, а для устройства пода и верхнего купола применяли глину. Средние размеры печей 0,7×0,5 м, высота до 0,65 м.

В отличие от массы пеньковских поселений, население которых занималось сельским хозяйством и домашними ремеслами, Пастырское городище было крупным для своего времени центром ремесленной деятельности. На городище открыты остатки мастерских по обработке железа, найдены крицы, шлаки, остатки горна, исследована кузница.

Среди вещевых материалов этого памятника имеются орудия ремесленников — кувалда, кузнечные молоты, клещи, зубило, ножицы для резания железа, пробойник, топоры, долота, тесло, глиняная льячка. Обнаружены также изделия ремесленников, в том числе наральники (табл. V, 15), косы, серпы, лопаты, топоры (табл. V, 9). Встречены предметы вооружения, различные бытовые вещи и украшения. Найдено несколько кладов с ювелирными изделиями — серьгами, браслетами, подвесками, антропоморфными фибулами (табл. V, 1—3, 6—8, 11, 12, 14, 20).

На городище преобладает керамика пражско-пеньковского типа — округлобокие, а также биконические сосуды, сделанные без помощи гончарного круга (табл. V, 4, 5). Кроме нее, здесь имеются лепные горшки пных форм: баночные и корчагообразные. Но основную массу керамического материала составляет гончарная посуда — выпуклобокие, иногда почти шаровидные горшки с прямыми или отогнутыми венчиками (табл. V, 10, 16, 21). Они изготовлялись из серой, хорошо отмученной глины, иногда с примесью песка. Горшки украшались прямыми или волнистыми линиями и вертикальными лощеными полосами. Кроме того, обычно встречаются одноручные кувшины — округлобокие с лощеной поверхностью и биконические с заглаженной поверхностью, а также миски.

Гончарная керамика пастырского типа — фрагменты сосудов с округлым туловом, серой поверхностью, с орнаментом из пролощенных полос — обнаружена также на ряде селищ пеньковской культуры. Обычно она составляет очень небольшой процент керамического материала, а на большинстве памятников отсутствует вовсе. Так, на селище Селиште в Молдавии на долю пастырской керамики приходится 0,4% всей глиняной посуды, в Ханске — 3,3%. В таком же малом количестве она встречается на единичных поселениях Побужья. В Поднепровье доля гончарной керамики на некоторых селищах несколько повышается — до 5—5,8% (Луг 1, Макаров Остров).

На Пастырском городище, около с. Алексеевка в Днепропетровской обл. и близ с. Федоровка в Запорожской обл. открыты гончарные горны по производству керамики пастырского типа (Брайчевська А. Т., 1961, с. 114—118; 1963, с. 278).

Раскопками на правом берегу Днепра между селами Федоровка и Любимовка исследованы три небольших поселения, в которых жили и работали гончары. Здесь открыто 18 горнов, в которых обжигалась посуда пастырского типа. В археологической литературе эти древности известны как памятники у балки Канцерка (Сміленко А. Т., 1975, с. 118—160).

Распространение пастырской керамики на славянских поселениях пражско-пеньковского типа отража-

ет торговые и этнокультурные контакты славян с соседями. Пастырское же городище было торгово-ремесленным поселком, где проживало разноплеменное население.

Пастырскую керамику никак нельзя считать этническим признаком. Невозможно согласиться с М. И. Артамоновым, полагавшим, что памятники типа Пеньковки, на которых найдена пастырская посуда, оставлены одной из болгарских племенных групп — кутригурами (Артамонов М. И., 1969, с. 1—9).

Южными и юго-восточными соседями славян, оставивших пеньковские древности, были тюркоязычные кочевники. Древности их хорошо известны по находкам в Вознесенке на территории г. Запорожье (Гринченко В. А., 1950, с. 37—63), Малой Перещепине на Полтавщине (Бобринский А. А., 1914), Глодосах в верховьях Сухого Ташлыка, притока Южного Буга (Сміленко А. Т., 1965; 1975, с. 103—117), Канцерке в порожистой части Днепра (Сміленко А. Т., 1975, с. 118—157) и других местах. Они характеризуются своеобразными поселениями и жилищами, отличными от славянских, и специфическим вещевым материалом.

На отдельных пеньковских поселениях, расположенных на южной окраине их ареала, наряду с типично славянскими полуземлянками выявлены жилые постройки иных типов. Так, на селище Стецовка одно из жилищ представляло собой наземное круглое сооружение диаметром 6—7 м, околнуренное неглубокой канавкой (Петров В. П., 1963, с. 216). На поселении Луг 2 исследована постройка в виде эллипсоидного углубления размерами 6×5 м. В центре его находилась столбовая яма, а по краям — еще восемь ям (Березовец Д. Т., 1963, с. 166). По конструкции оба жилища близки юртам кочевых племен (Плетнева С. А., 1967, с. 52—58). Видимо, к постройкам степного населения принадлежат также жилища в виде неправильно овального углубления размерами 5×4 м с очагом, раскопанное в Дериевке (Телегин Д. Я., 1962, с. 16), и овальное углубление с очагом в Молочарве (Березовец Д. Т., 1963, с. 150). Неславянскими были и углубленные жилища с глиняными стенами и полами, устроенными из глины, черепков и гальки, исследованные на поселении Жовини (Рутковська Л. М., 1972, с. 226), и постройки с каменными основаниями стен на селище у балки Звонецкой (Бодянский А. В., 1960, с. 274). Очевидно, появление всех этих жилищ на пеньковских поселениях было обусловлено инфильтрацией в среду славян болгаро-аланских выходцев.

Металлические предметы на пеньковских поселениях немногочисленны. Среди них встречаются украшения — пальчатые и зооморфные фибулы, браслеты с утолщенными концами, пряжки и фигурные бляшки от пояса, проволочные спиральные височные кольца, серьги так называемого пастырского типа, бронзовая фигурка льва (табл. IV, 12—21).

Подобные украшения лучше известны по серии кладов и случайных находок, обнаруженных в ряде местностей Среднего и Нижнего Поднепровья и на соседних с ними территориях (карта 5). Особенно знаменит клад, найденный в 1909 г. у с. Мартыновка в бассейне Роси и содержащий до сотни серебряных предметов (Рыбаков Б. А., 1953а, с. 76—89). В его

составе предметы головного убора — налобные венчики, серьги, височные кольца, женские украшения — шейная гривна, браслеты, пальчатая фибула и многочисленные поясные бляшки, накладки и наконечники (табл. VI; VII). Кроме того, в клад входили две чаши с византийскими клеймами (рис. 4; 5), фрагмент блюда, ложка и девять фигурок, изображающих людей и стилизованных животных.

Эти девять фигурок представляют исключительный интерес для характеристики искусства той эпохи. Они рельефны и имеют отверстия для гвоздиков или заклепок. Четыре фигурки изображают «пляшущих» мужчин. Каждый из них стоит подбоченившись, словно готовясь пойти вприсядку, ноги согнуты в коленях, руки — в локтях и упираются в колени. Головы мужчин увеличены несколько несоразмерно с остальными частями тела, геометричны и обрамлены «золотыми власами». На груди выгравированы узоры, по-видимому передающие вышивку на рубахах.

Фигурки животных изображают скорее всего копей, но они фантастичны и напоминают хищных зверей. Они бегут с оскаленными пастьями, из которых высунуты языки. Широкие лунообразные гривы украшены геометрическим узором и позолочены.

Клады, состоящие из украшений тех же типов, что и в Мартыновском, найдены у сел Малый Ржавец, Хацки (Бобринский А. А., 1901, с. 147, 148, табл. LXI; Рыбаков Б. А., 1953а, с. 73—76), Харивка (Березовец Д. Т., 1952б, с. 109—118), на Пастырском городище и в других местах.

Головные венчики из этих кладов сделаны из серебряных пластин, завернутых на концах. Серьги пастырского типа образованы проволочными кольцевыми дужками, к которым снизу прикреплялись разнотипные привески, главным образом дисковидные с пятью-семью лопастями и дисковидные ажурные с дополнениями из зерни. Височные кольца — проволочные со спиральным завитком. Шейные гривны делались из массивного дрота, иногда перекрученного, с петлеобразно загнутыми концами. Встречены и ожерелья из стеклянных и пастовых бус разного цвета. Форма их цилиндрическая, кольцевая, бочонкообразная, иногда они украшались волнистым узором или глазками. В состав ожерелий входили также металлические привески и трубочки-пронизки. Браслеты были массивными или полыми, концы их обычно утолщены.

Богато представлен поясной убор. Пояса снабжались многочисленными накладками — круглыми, прямоугольными, зооморфными, кресловидными, а также фигурками, орнаментированными бляшками, обоймами, украшенными стилизованным растительным узором, кольцами и наконечниками разных форм.

Наиболее интересную и многочисленную категорию находок в кладах и на пеньковских поселениях составляют фибулы. Они принадлежат к нескольким типам. Щитковые фибулы образованы из двух щитков, соединенных загнутой полукруглой дужкой. Лицевые стороны их орнаментированы обычно concentрическими кругами и спиральями. Пальчатые фибулы имели полукруглый щиток с пятью-семью выступами. Лицевые стороны их часто орнаментированы. Щитки антропоморфных и зооморфных фибул прорезные. Многочисленны широкопластинчатые фибулы. Они бронзовые, шарнирные с прогнутой пластинча-

Рис. 4. Серебряный сосуд из клада у с. Мартыновка

Рис. 5. Серебряный сосуд из клада у с. Мартыновка

той спинкой и ромбической ножкой, чуть выступающей вперед. Орнамент — из точечных и прочерченных линий. Эти фибулы сложились в Среднем Поднепровье под сильным культурным влиянием Византии и Дунайского региона, датируются они VII—VIII вв. (Горюнов Е. А., Казанский М. М., 1978б, с. 25—31).

Пальчатые и антропоморфные фибулы, поясные принадлежности и браслеты из кладов имеют аналогии в крымских и северокавказских материалах, где они иногда встречаются с византийскими монетами. На этом основании клады в целом датируются VI—VIII вв. (Амброс А. К., 1971а, с. 96—123). Некоторые из них, в том числе Мартыновский, Хацковский, Малоржавский, относятся к VI—VII вв., другие, как Пастырские, Харивский, — более поздние (вторая половина VII—VIII в.).

В конце XIX и начале XX в. исследователи полагали, что комплексы украшений с пальчатыми и антропоморфными фибулами оставлены готами. Однако в 20-х годах А. А. Спицын высказал мысль о принад-

лежности рассматриваемых кладов и случайных находок славянам-антам (*Спицын А. А.*, 1928, с. 492—495). Серьезная аргументация этого предположения приведена Б. А. Рыбаковым (*Рыбаков Б. А.*, 1948, с. 57—71; 1953а, с. 23—104). Позднее И. Вернер еще раз убедительно показал, что одиночные пальчатые фибулы были частью славянской женской одежды, и составил карту распространения этих украшений (*Werner J.*, 1950, S. 150—170; 1960, S. 114—120).

В последние годы пальчатые фибулы были найдены на достоверно славянских памятниках, в том числе в жилищах и захоронениях, что не оставляет никаких сомнений в этнической атрибуции этих украшений. Их картография (карта 5) свидетельствует, что дальчатые фибулы были характерны не для всех славян, а в основном для их племенной группировки, которой принадлежат памятники пражско-пеньковского типа.

На поселениях пеньковского типа встречены и другие предметы, сопоставимые с находками в кладах. Так, на селище Скибинцы (Остров Мытковский) в Винницком Побужье найдена лптая фигурка льва (рис. 6; табл. IV, 7). На поселении Требужены в Молдавии обнаружена подвеска в виде фигуры человека с согнутыми ногами и упирающимися в бедра руками (*Рафалович И. А.*, 1972, рис. 4). Стилистически она близка накладкам из Мартыновского клада. Интересна бронзовая фигурка лошади, найденная на поселении Самчинцы (рис. 7; табл. IV, 9). Из поселения Семенки происходят серьги пастырского типа и фигурка медного конька с причудливо узорчатой головой. В одной из полуземлянок селища Селиште найден фрагмент двупластинчатой фибулы. Наконец, выявлена непосредственная связь поселения пражско-пеньковского типа у с. Вильховчик с кладом мартыновского типа. Бляшки от поясного набора мартыновского облика встречены здесь в округлобоком глиняном сосуде пражско-пеньковских традиций (*Приходнюк О. М.*, 1979а, с. 90, 91).

Впрочем, пельзя, конечно, утверждать, что все клады с находками пастырского и мартыновского типов оставлены славянами. Многие предметы в этих кладах представлены фрагментарно. На этом основании в археологической литературе высказано предположение, что вещи и их обломки в кладах были металлическим сырьем ремесленников-ювелиров. Некоторые из кладов могли быть зарыты и неславянским населением Юго-Восточной Европы.

Некоторые венгерские исследователи связывают поясные наборы мартыновского типа с аварами. Прорезные поясные накладки с антропоморфными чертами действительно известны среди аварских комплексов Среднего Подунавья (*Láslo G.*, 1955). Однако такие пояса распространены довольно широко и безусловно не являются отражением одного определенного этноса. Можно полагать, что в этих поясных наборах проявляется общая евроазиатская мода. Такие пояса носили дружинники, принадлежавшие к самым различным этноплеменным группировкам. А. К. Амброз связывает появление этих поясных наборов с полуварварской средой византийских городов и крепостей Нижнего Подунавья. Отсюда они довольно быстро и широко распространились на значительных пространствах Евразии (*Амброз А. К.*, 1971а, с. 118).

Очевидно, к культовым предметам принадлежат

небольшие фигурки животных из обожженной глины. Все они вылеплены из одного комка глины, изображение схематичное и стилизованное. Намечен лишь общий контур животного, поэтому определить вид его не представляется возможным. Лишь одна фигурка с поселения Ханска II выполнена в реалистической манере и не оставляет сомнений в том, что изображен конь.

На поселении VI—VII вв. в Старых Малаештах найдена глиняная фигурка человека с широко раздвинутыми ногами и поднятыми до уровня плеч руками. Изображение стилизовано и несколько условно.

Погребальными памятниками славян, оставивших пражско-пеньковскую керамику, были бескурганые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. Обнаружены и исследованы они пока в очень немногих пунктах. Остатки трех таких могильников были раскопаны в районе с. Великая Андрусовка в бассейне Тясмина (*Березовець Д. Т.*, 1969, с. 58—70). Два из них сохранились частично, третий — относительно хорошо. Площадь последнего около 1,5 га. Раскопками охвачено 1000 кв.м и выявлено 29 захоронений. Во всех случаях остатки кремации, совершенной на стороне, были помещены в очень небольшие неглубокие ямки. Погребения — урновые и безурновые, все безы Inventарные.

Единичные погребения того же типа известны в Прутско-Днестровском междуречье.

По металлическим находкам памятники типа Пеньковки в целом датируются VI—VII вв. Однако имеются некоторые основания предполагать, что начало пеньковской культуры восходит к V в. Так, на селище Куня в Побужье обнаружена железная двучленная фибула позднего арбалетного типа, характерная, по мнению исследователя памятника, для IV—V вв. (*Хавлюк П. И.*, 1974, с. 188). С поселения Жовний происходит костяная ложечка, датируемая по северокавказским аналогиям второй половиной IV—V в. н. э. (*Рутковська Л. М.*, 1972, с. 224). В пользу этого говорят и находки черняховской керамики на некоторых пеньковских поселениях.

Два важнейших признака пражско-пеньковской культуры — керамика и домостроительство — позволяют искать истоки ее в черняховских древностях. Ни в одной из синхронных культур на соседних территориях нет керамического комплекса, подобного пеньковскому. На отдельных селищах пеньковского типа встречены единичные слабопрофилированные цилиндрико-конические и тюльпановидные горшки, сближающиеся с глиняными сосудами, распространенными в третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье (древности типа Колочина и Тушемли—Банцеровщины). П. Н. Третьяков высказал догадку о сложении пеньковской культуры в результате миграции населения из верхнеднепровских областей в междуречье Днестра и Днепра (*Третьяков П. Н.*, 1965, с. 63—77). Однако керамические комплексы в целом, домостроительство и другие элементы этих культур настолько различны, что не может быть речи о происхождении пеньковских древностей из области Верхнего Поднепровья.

Округлобокие сосуды с максимальным расширением в средней части их высоты, очень близкие к ведущему типу пражско-пеньковских горшков, широко представлены на памятниках черняховской культуры.

Лепные сосуды этого типа считаются одной из самых распространенных форм черняховской керамики и известны почти во всех ее регионах—в Поднепровье (Сымонович Э. А., 1957, с. 15, рис. 5, 1, 2, 4, 6, 7), Приднестровье (Баран В. Д., 1961, с. 77–87), на Южном Буге (Кравченко Н. М., 1967, с. 105–106) и в Молдавии (Федоров Г. Б., 1960, с. 119–122; Рикман Э. А., 1975, с. 181–186). Встречены на черняховских памятниках и лепные сосуды биконической формы (Сымонович Э. А., 1957, с. 15, рис. 5, 8; Кравченко Н. М., 1967, табл. VI, 2). Аналогичные по формам и пропорциям сосуды имеются и в коллекции черняховской гончарной керамики.

Жилища-полуземлянки, характерные для пеньковских поселений, своими корнями восходят к черняховскому домостроительству. Углубленные постройки черняховской культуры несколько разнотипны по устройству. Наиболее часто встречаются четырехугольные полуземлянки. Обычны также овальные и трапециевидные в плане постройки. Площадь их колеблется от 9 до 38 кв. м, глубина — 0,35–2 м. Стены полуземлянок или землянок сооружались из горизонтальных плах, зажатых угловыми стояками, или из хвороста, обмазанного глиной. Кровля держалась на угловых столбах, иногда ставился столб посередине жилища. Отапливались жилища очагами (яма, обмазанная глиной) или печами, сделанными из глины и камней. Какая-либо закономерность в расположении отопительных устройств не выявляется. Разнохарактерность черняховских полуземлянок говорит скорее всего о начальной стадии бытования этих построек, об их зарождении.

К середине I тысячелетия н. э. из разнотипных углубленных построек вырабатывается единый тип — прямоугольная полуземлянка с печью в углу. Такие жилища исследованы, в частности, в Ракобутах И. И. Ляпушкиным (Баран В. Д., 1964, с. 250), в Черепине, Демьянове, Рипневе и Бовшеве В. Д. Бараном (Баран В. Д., 1973, S. 30–40, Abb. 3–9), в Соколе и Бакоте на среднем Днестре. Особое место среди этих поселений принадлежит селищу около с. Теремцы Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. Здесь раскопками 1979 г. открыто и исследовано 15 квадратных полуземляночных жилищ с печами-каменками. По облику и интерьеру они ничем не отличаются от полуземлянок, составляющих этнографическую особенность раннесредневековой культуры пражско-пеньковского типа. Однако во всех этих постройках поселения Теремцы встречается лепная и гончарная посуда черняховского типа. Эта керамика, а также найденная здесь бронзовая трехпальчатая фибула позволяют датировать полуземляночные жилища концом IV — первой половиной V в. (Баран В. Д., 1980, с. 54, 55). Таким образом, вывод, что типичная для южной зоны славянской культуры раннего средневековья полуземлянка формировалась в римское время, получил надежнейшее обоснование.

Анализ археологических и в некоторой степени антропологических материалов черняховской культуры позволил выделить в ней Подольско-Днепровский регион, где в III — начале V в. преобладало славянское население (Седов В. В., 1972, с. 116–129; 1974б, с. 16–31; 1979, с. 92–98). Полуземлянки получают распространение именно в этом регионе и лишь в виде исключения встречаются за его пределами.

Рис. 6. Бронзовая пластина с изображением льва с поселения на острове Мытковский

Рис. 7. Изображение лошадки (бронза) с поселения Самчинцы

На основе сравнительного анализа керамики и жилых построек можно утверждать, что славянская племенная группировка V–VII вв., представленная пражско-пеньковской культурой, ведет свое происхождение от славян Подольско-Днепровского региона черняховской культуры (Седов В. В., 1979, с. 122–124).

Некоторые исследователи склонны преувеличивать роль древностей киевского типа в формировании пражско-пеньковской культуры. Отмечается, что близость керамики пражско-пеньковской и глиняной посуды киевского типа позволяет предполагать наличие генетических связей между ними (Приходнюк О. М., 1978б, с. 110, 111). Иногда прямо утверждается, что пеньковские древности сформировались на основе памятников киевского типа при воздействии черняховской культуры (Приходнюк О. М., 1980б, с. 75, 76).

Такой вывод нельзя считать оправданным. Памятникам киевского типа, как и поселениям пражско-пеньковской культуры, действительно, свойственны полуземляночные жилища. Однако полуземлянки селищ киевского типа по своим конструктивным осо-

бенностям и интерьеру коренным образом отличны от раннесредневековых полуземлячных жилищ, служащих одним из основных этнографических признаков славянской культуры. Поэтому не может быть речи об эволюции раннесредневековой славянской полуземлянки из жилищ киевского типа. В целом отлична и керамика пеньковско-пражского типа от посуды киевского типа. Отдельные элементы сходства здесь безусловно имеются, но они свидетельствуют лишь об участии племен, оставивших древности киевского типа, в этногенезе славянского населения, представленного пражско-пеньковской культурой. Об этом же говорят и единичные жилища с опорным столбом в центре, зафиксированные на пеньковских поселениях.

Известно и этническое имя пражско-пеньковской группировки. Согласно сведениям Иордана территория «от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует пзлучпну» (Иордан, с. 72), была заселена антами. Очевидно, эти данные относятся к ранней поре расселения антов, так как, судя по изысканиям Р. Хахманна (Nachtman R., 1970), Иордан позаимствовал эти сведения у Кассиодора, автора конца V — начала VI в., а территория от Днестра до Днепра в общих чертах соответствует Подольско-Днепровскому региону черняховской культуры.

Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский сообщает уже о более широком расселении антов. Их юго-западным пределом был Дунай, на востоке они соседнили с утигурами, жившими по побережью Меотийского озера — Азовского моря (Прокопий из Кесарии, с. 384). Эта территория как раз полностью соответствует ареалу пражско-пеньковской культуры V—VII вв.

Согласно Прокопию Кесарийскому анты и славяне пользовались одним языком, у них был одинаковый быт, общие обычаи и верования, а «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же» (Мишулин А. В., 1941, с. 237). Вместе с тем из сведений, сообщаемых византийскими историками VI—VII вв., видно, что различия между славянами и антами не сводятся к чисто территориальным. Анты неоднократно называются наряду с такими этническими группировками того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы отличали анта от славянина даже среди паемников империи (например, «Дабрагаст, родом ант»). Очевидно, анты и славяне были отдельными племенами, имевшими собственных вождей, свое войско и ведущими самостоятельную политическую деятельность. Различия между ними, по-видимому, носили этнографический характер, а в языковом отношении не выходили за рамки диалектной дифференциации.

Попытки ответить на вопрос, какую часть славянства составляли анты и какова роль их в славянском этногенезе, предпринимались неоднократно. Были высказаны по этому поводу различные догадки. Многие исследователи, в том числе А. Л. Погодин, А. А. Шахматов, Ю. В. Готье, склонны были видеть в антах восточных славян середины I тысячелетия

н. э. Так, А. А. Шахматов исходил из предположения, что анты — первый этап в истории русского племени, в результате членения которых возникли древнерусские племена Повести временных лет (Шахматов А. А., 1919а, с. 6—14). Л. Нидерле, А. А. Спицын и многие другие историки считали, что анты составляли только южную группу восточных славян (Грушевский М., 1898, с. 1—16; Спицын А. А., 1917, с. 18; Нидерле Л., 1956, с. 139—141; Третьяков П. Н., 1947, с. 71—83). В западноевропейской научной литературе высказывалось мнение, что славяне и анты соответствуют членению праславянского языка на западную и восточную ветви (Zeuss K., 1837, S. 602—604).

В настоящее время эти предположения представляют чисто историографический интерес, поскольку археология определенно свидетельствует, что в V—VII вв. анты были отдельной этноплеменной группировкой славянства, сформировавшейся в III—IV вв. в составе черняховской культуры в условиях взаимодействия славян с ираноязычным населением (Седов В. В., 1976в, с. 93—105; 1978а, с. 164—173). Этноним анты скорее всего имеет иранское происхождение. Антами, по-видимому, были названы ираноязычным населением Северного Причерноморья славяне, расселившиеся на юго-восточной окраине славянского мира и находившиеся в самом тесном контакте с ним.

Анты — племенная группировка праславянского периода. Они вместе с иными праславянскими группировками приняли участие в этногенезе будущих восточных, южных и западных славян. Как уже отмечалось, диалектно-племенное членение праславянской поры и существующее ныне трехчастное деление славян, являющееся продуктом более позднего исторического процесса, не имеют прямой зависимости.

В последний раз этноним анты встречается у византийского автора Феофилакта Симокатты. Он сообщает, что в 602 г. во время одного из походов византийского войска в Подунавье аварский каган послал против антов, бывших в эти годы союзниками Византии, военачальника Апсиха с поручением истребить это племя (Феофилакт Симокатта, с. 180). Источник не отмечает, удалось ли аварскому карательному отряду Апсиха выполнить поручение кагана. После этого ни один письменный документ не упоминает имени антов, что и послужило основанием для предположения об истреблении антского племени аварами. Однако все многочисленные материалы археологии решительно отвергают эту догадку. Поселения антов и их потомков в междуречье Дуная и Днепра существовали в течение всего VII в. и в последующих столетиях. В культурных напластованиях пеньковских поселений нет никаких следов аварского погрома. Потомки антов в VII—VIII вв. расселились на обширнейших пространствах Юго-Восточной Европы, от среднедунайских земель на западе до Дона на востоке. Нужно полагать, что прочной политической организации у антов не было. В результате имя анты было постепенно забыто, подобно тому как позднее исчезли племенные этнонимы кривичи, вятичи, радимичи и т. п.

Глава вторая

Культуры Верхнего Поднепровья и смежных областей

Древности колочинского типа

Описанные далее культурные группировки третьей четверти I тысячелетия н. э. — колочинскую, тушемлинско-банцеровскую и мощинскую — некоторые исследователи считают целиком или частично славянскими. Однако, как показано ниже, их носители, заселявшие Верхнее Поднепровье, полоцко-витебскую часть Западнодвинского бассейна и верхнюю Оку, в этот период еще не были славянами, а принадлежали к близко родственной балтской языковой группе. Через некоторое время это население в результате внутрорегионального взаимодействия со славянами вошло в состав восточнославянских племенных союзов и древнерусской народности. Таким образом, племена, оставившие колочинские, тушемлинско-банцеровские и мощинские древности, были прямыми физическими предками части восточного славянства. Характеристика этих древностей здесь не только оправдана, но и необходима, поскольку без этого история восточнославянских племен не может быть понята.

К северу от ареалов пражско-корчакской и пражско-пеньковской культур, на обширной территории Верхнего Поднепровья и Витебско-Полоцкой части Западнодвинского бассейна в третьей четверти I тысячелетия н. э. были распространены памятники типа Тушемли — Банцеровщины — Колочина (карта 6). Весь этот регион характеризуется очень близкими между собой глиняными сосудами тюльпановидной, цилиндрико-конической и ребристой форм, составлявшими основную массу керамики поселений. Однороден в регионе и погребальный обряд. Зато по типам домостроительства дифференцируются две большие области (карта 3). Смоленщина, правобережная часть Верхнего Поднепровья и Западнодвинский бассейн характеризуются наземными домами специфической конструкции (памятники типа Тушемли — Банцеровщины). На юго-востоке — в Подесенье, Гомельско-Могилевском поречье Днепра и в верховьях Сулы и Псла — на поселениях господствуют небольшие полуземляночные жилища (памятники типа Колочина). Очень небольшие различия между этими территориями выявляются и в керамическом материале.

Памятники колочинского типа стали известны науке сравнительно недавно. В 1955—1960 гг. на правом берегу Днепра между устьями Березины и Сожа было исследовано городище Колочин I с прилегающим к нему селищем (Симонович Э. А., 1963, с. 97—137). Городище было устроено на мысе. Его площадка прямоугольной формы со сторонами 42 и 36 м по краям была укреплена двумя валами высотой

3,5 и 1,1 м. Раскопками выявлены остатки массивной ограды из дерева, оконтуривавшей площадку городища по всему периметру. К оградке примыкали деревянные постройки, сохранившиеся очень плохо и поэтому не поддающиеся реконструкции. Это было городище-убежище того же типа, что и Тушемля, раскопки которой дали обильный материал для воссоздания первоначального облика таких памятников.

Основная часть находок на Колочинском городище размещалась по краям площадки. Здесь собрано много фрагментов раздавленных глиняных сосудов, в том числе с остатками обгорелого проса и чечевицы. Кроме того, найдены глиняные пряслица, железные, бронзовые и костяные изделия.

Рядом с городищем находилось селище площадью около 1 га. На небольшой исследованной раскопками площадке открыто одно полуземляночное жилище третьей четверти I тысячелетия н. э. Котлован имел прямоугольную форму размерами 3,85×3,8 м и глубиной 0,35 м. Ямы, выявленные на дне котлована, свидетельствуют о столбовой конструкции стен жилища. В центре его был поставлен столб, очевидно, поддерживавший перекрытие постройки. Отапливалось жилище при помощи очага, находившегося в его средней части.

Колочинское городище — пока единственное исследованное укрепленное убежище рассматриваемого региона. В VI—VII вв. здесь безраздельно господствовали открытые поселения (табл. VIII). В Подесенье интересные селища Смольянь, Колодезный Бугор, Целиков Бугор, Заярье исследовал П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н., 1964, с. 1—35; 1965, с. 67—75; 1974, с. 40—118). В окрестностях Трубчевска аналогичные поселения и синхронный грунтовой могильник (Макча, Хохлов Вир) изучал В. А. Падин (Падин В. А., 1960, с. 317—319; 1969, с. 208—218). Ниже Трубчевска около д. Кветунь Л. В. Артишевская произвела раскопки могильника с трупосожжениями (Артишевская Л. В., 1963, с. 85—96). В районе Новгорода-Северского исследования на поселениях Форостовичи и Левкин Бугор вел Э. А. Симонович (Симонович Э. А., 1969б, с. 64—68; Симонович Е. О., 1969а, с. 87—91). В последние годы этот исследователь производил раскопки селищ Букреевка 2, Каменево 2 и Тазово, расположенных на р. Тускарь в Курской обл. (Симонович Э. А., 1979, с. 95, 96; 1980, с. 81).

Весьма плодотворно изучает колочинские древности в Подесенье и в более южных районах их распространения Е. А. Горюнов (Горюнов Е. А., 1972, с. 42—46; 1974а, с. 68—72; 1974б, с. 119—125; 1980, с. 50, 51; Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А., 1979а, с. 57, 58). В окрестностях с. Картамышева Обо-янского р-на Курской обл. Е. А. Горюнов исследовал не только поселения с типично колочинскими жилищами-полуземлянками, но и грунтовой могильник

VI—VII вв. с захоронениями по обряду кремации. Изучаемое Е. А. Горюновым поселение у с. Хитцы на правом берегу р. Удай в Полтавской обл. дало важные материалы для выяснения взаимоотношения колочинских древностей с пражско-пеньковскими.

Значительный вклад в изучение колочинских памятников в юго-восточной части их ареала внес Ю. А. Липкинг, раскопавший два грунтовых могильника: один — у хут. Княжий, другой — близ с. Лебяжье (Липкинг Ю. А., 1974, с. 136—152). Древности колочинского типа поречья Псла и Сулы были введены в научный оборот работами В. А. Ильинской (Ильинская В. А., 1968, с. 55—61).

Поселения и могильники колочинского типа на Могилевщине и в поречье нижней Березины исследовал Л. Д. Поболь. Он раскопал селища Щатково, Тайманово и Нижняя Тощица. Близ двух последних поселений выявлены и исследованы грунтовые могильники с трупосожжениями. Такой же могильник с большим количеством захоронений известен у Нового Быхова. Его раскопки были начаты еще Е. Р. Романовым в начале XX в., продолжены в 20-х годах И. А. Сербовым, в 1952 г. — Ю. В. Кухаренко и завершены в 60-х годах Л. Д. Поболем (Поболь Л. Д., 1967, с. 182—242; 1973, с. 491—500; 1974, с. 159—180; Очерки, 1970, с. 229—241).

Некоторые итоги изучения колочинских древностей в Подесенье были подведены П. Н. Третьяковым (Третьяков П. Н., 1974, с. 40—118) и Е. А. Горюновым (Горюнов Е. О., 1975б, с. 42—50). Е. А. Горюнов обобщил также данные по памятникам того же облика в днепровском лесостепном левобережье и исследовал их взаимосвязи с древностями пражско-пеньковской культуры (Горюнов Е. А., 1973, с. 99—112).

Подавляющее большинство колочинских селищ расположено на невысоких местах, поблизости от воды. Чаще для них использовали край надпойменной террасы, реже — отроги коренных террас. Очень немногие селища занимали останцы или дюнные всхолмления в поймах рек. Культурные напластования поселений обычно подвергались многолетней распашке, поэтому делать заключения о размерах и планировке их невозможно. П. Н. Третьяков отмечает, что поселения в Подесенье имели сравнительно небольшие размеры и только единичные из них занимали площадь до 1 га. Вблизи Днепра выявлены и очень крупные поселения. Так, территория селища у Нижней Тощицы, судя по подъемному материалу, была около 9—10 га. Новобыховское селище вытянуто вдоль края берега на 400 м при ширине 100 м. Впрочем, эти поселения многослойны, поэтому трудно сказать, были ли застроены их площади в VI—VII вв.

На всех колочинских поселениях раскопаны пока сравнительно небольшие участки. На селище у д. Смольянь открыто пять жилищ, составлявших компактную группу, вокруг которой на значительном пространстве других жилищ не было. По-видимому, комплекс из четырех-пяти жилищ и хозяйственных строений принадлежал патриархальной общине, ведущей в той или иной мере нераздельное хозяйство. Однако на поселении Лавриков Лес выявлено четыре рассредоточенных жилища (табл. VIII, 22).

Жилищами колочинских памятников были полуземлянки, квадратные или прямоугольные в плане, размерами от 3×3 до 4×4 м при глубине котлована

0,3—0,8 м, с опорным столбом в центре пола и открытым очагом (табл. VIII, 23—26). Планировка жилищ, несмотря на встречающиеся отклонения, была весьма устойчивой. Очаг размещался в средней части жилища вокруг опорного столба, часто между одной из стен и центральным столбом и, как правило, в южной половине постройки. Вход устраивался с южной стороны.

Вдоль стен котлованов жилищ имеются ямы, свидетельствующие о столбовой конструкции стен. В двух жилищах на поселении Смольянь стены были сделаны из плетня, обмазанного глиной. Центральный столб поддерживал кровлю, которая была, очевидно, четырехскатной или конической. Отдельные жилища, возможно, имели и срубные стены, хотя достоверные их остатки раскопками не зафиксированы.

Такие полуземлянки с центральным столбом и очагом посредине пола открыты на многих поселениях днепровского левобережья (Белокаменка, Будки, Воробьевка, Заярье, Киреевка, Колодезный Бугор, Лавриков Лес, Левкин Бугор, Смольянь и т. д.) и заходят на правый берег Днепра (Колочин, Тайманово, Нижняя Тощица).

Полуземлянки столбовой конструкции с очагами в центре открыты на двух памятниках тушемлинско-банцеровской культуры (Городище и Дедиловичи), однако они сочетаются здесь с наземными домами, типичными для данного культурного региона. Эти полуземляночные жилища, очевидно, свидетельствуют об инфильтрации колочинского населения в северо-западном направлении.

Не исключено, что подобную инфильтрацию отражают аналогичные полуземляночные жилища, открытые на отдельных поселениях пеньковской культуры. Полуземлянки с опорным столбом и очагом в центре обнаружены на поселении Хитцы, расположенном на пограничье колочинской и пеньковской культур. Такое же жилище было на селище Луг 1.

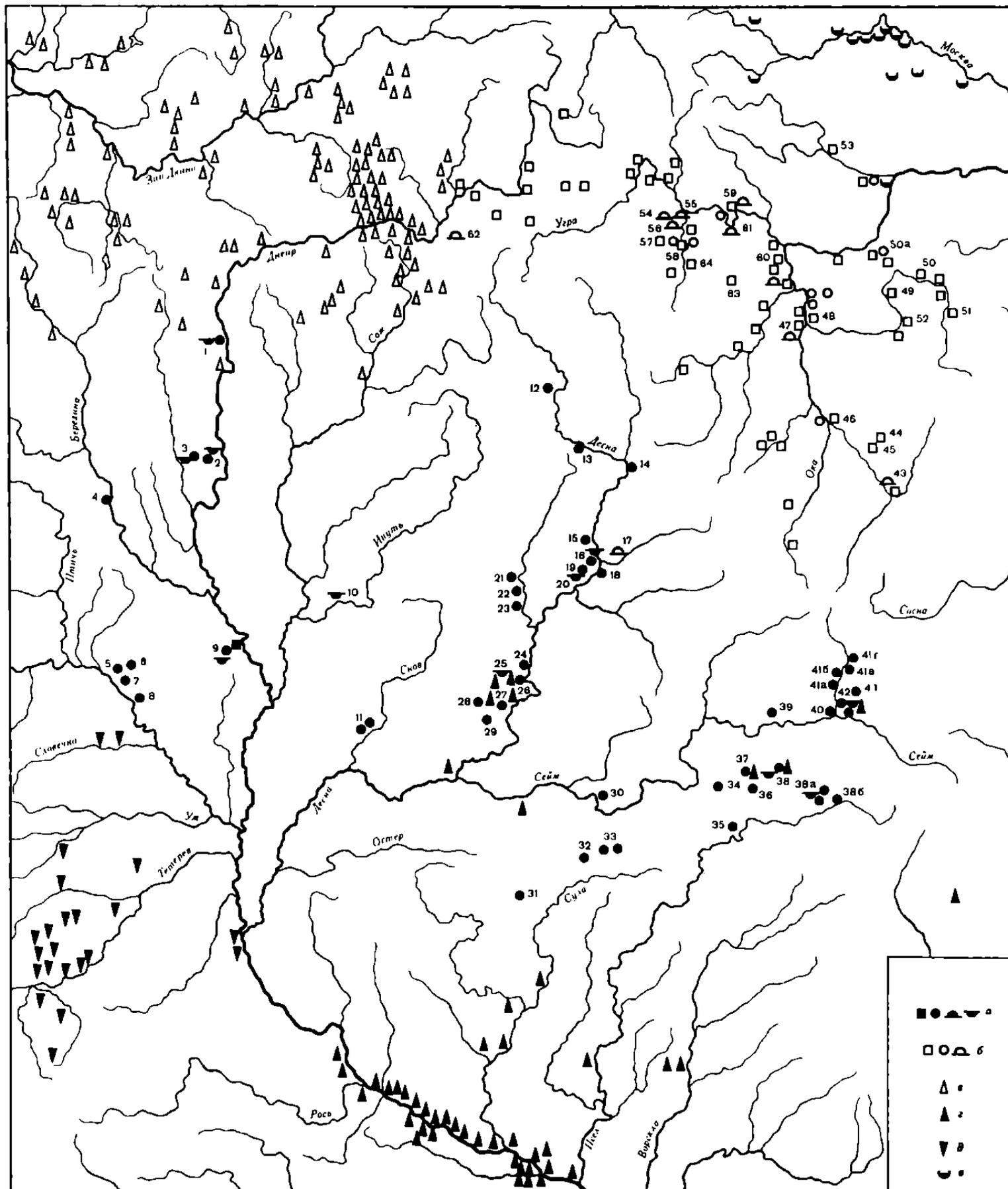
Наоборот, полуземлянки с типично славянским интерьером, т. е. с печью, расположенной в углу, и без опорного столба в центре, открыты на некоторых

Карта 6. Распространение памятников колочинского типа и мощинской культуры

a — памятники колочинского типа; *b* — памятники мощинской культуры (городища, селища, курганные могильники, грунтовые могильники); *c* — памятники типа Тушемли — Банцеровщины; *z* — памятники пражско-пеньковского типа; *d* — поселения пражско-корчакского облика; *e* — пооднедьковские поселения

1 — Тайманово; 2 — Новый Быхов; 3 — Нижняя Тощица; 4 — Щатково; 5 — Гряда; 6 — Шарейки; 7 — Слобода; 8 — Юревич; 9 — Колочин; 10 — Демьянки; 11 — Макишин; 12 — Владимировка; 13 — Смольянь; 14 — Белокаменка; 15 — Мансурово; 16 — Усох; 17 — Глажево; 18 — Хохлов Вир; 19 — Макча; 20 — Кветуль; 21 — Посудичи; 22 — Яковлевичи; 23 — Суворово; 24 — Целиков Бугор; 25 — Смячь; 26 — Колодезный Бугор; 27 — Стрелица; 28 — Заярье; 29 — Левкин Бугор; 30 — Чаплище; 31 — Артюховка; 32 — Раковая Сечь; 33 — Большие Будки; 34 — Комаровка; 35 — Груновка; 36 — Суджа; 37 — Казачья Локня; 38 — Княжий; 38а — Картамышево I, II; 38б — Пестаное; 39 — Авдеево; 40 — Курск; 41 — Воробьевка; 41а — Жерновец; 41б — Тазово; 41в — Букреевка-2; 41г — Каменево 2; 42 — Лебяжье; 43 — Воротынцево; 44 — Свилюково; 45 — Зайцево; 46 — Федяшево; 47 — Дуна; 48 — Акиншинское; 49 — Поречье; 50 — Щепилово; 50а — Севево; 51 — Сатянки; 52 — Супруты; 53 — Огубское; 54 — Дубровка; 55 — Почепок; 56 — Шаньково; 57 — Спас-Перекша; 58 — Мощины; 59 — Николо-Ленивец; 60 — Свиухово; 61 — Дюкино; 62 — Дубосище; 63 — Серешк; 64 — Левское

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ

колочинских поселениях (Стрелица, Целиков Бугор, Щатково) и, по-видимому, отражают процесс славянского проникновения в южные районы Верхнего Поднепровья.

Хозяйственные ямы выявлены на всех исследованных колочинских селищах. Весьма характерны округлые в плане ямы-погребка с почти отвесными стенками и горизонтальным дном. Диаметры их 0,6—1,5 м, глубина — 0,4—0,8 м. Встречаются также колоколовидные ямы.

Погребальные памятники колочинской культуры представлены исключительно грунтовыми могильниками с захоронениями по обряду трупосожжения. Известны крупные кладбища, насчитывающие несколько десятков, а иногда и сотни погребений. В Лебяжьем исследовано 110 могил, но по подсчетам Ю. А. Липкина их было не менее 250. В Новобыховском могильнике раскопано более 40 погребений, но всего их было, как предполагает исследователь памятника Л. Д. Поболь, несколько сотен. В могильнике Тайманово, датированном II—VIII вв., раскопано 165 захоронений, однако трудно сказать, сколько погребений относится к третьей четверти I тысячелетия п. э. В основном же могильники были сравнительно небольшими и состояли из одного — трех десятков захоронений.

Сожжение умерших всегда происходило на стороне. Для захоронений остатков кремации, собранных с погребальных костров, устраивались круглые или удлиненные ямы диаметром 0,3—1 м, в очень редких случаях — до 1,8 м. Глубина их 0,1—0,65 м. Ямы заполнялись пережженными костями, золой, углем. Как правило, сожженные кости перемешаны с остатками погребального костра. В могильниках Княжий, Лебяжье, Новый Быхов и Нижняя Тошица зафиксированы и очищенные от золы и углей захоронения.

Встречаются как урновые, так и ямные (безурновые) погребения. Известны могильники, где урновые захоронения составляют сравнительно небольшой процент (Новый Быхов — 7,4%, Тайманово — 12%, Усох — 17%), а на ряде кладбищ их не оказалось вовсе. С другой стороны, в Лебяжинском могильнике половина погребений — урновые, а в Княжинском — свыше 80%. Единичные захоронения накрыты перевернутым вверх дном сосудом. Во многих захоронениях отмечены обломки глиняных горшков.

Вещевой инвентарь могильников очень скуден. Обнаружены предметы украшений, пряжки, глиняные пряслица, а из могильника Княжий происходят два железных копья.

Некоторые исследователи полагают, что среди памятников колочинского типа имеются и курганные захоронения. При раскопках курганов около с. Демьянки на берегу Ипути действительно были обнаружены погребения с глиняными сосудами колочинского типа (Соловьева Г. Ф., 1967б, с. 187—198). Однако анализ материалов этих раскопок показывает, что подкурганные погребения с колочинскими горшками не имеют отношения к курганным насыпям. Все три кургана (1, 2 и 14), под которыми были открыты эти захоронения, были насыпаны только в XI в. для трупоположений на ритуальных кострищах (Седов В. В., 1970б, с. 134). Курганы в Кветуни обычно относят тоже к V—VII вв. (Артишевская Л. В., 1963, с. 85, 86). Но недавно Е. А. Горюнов на основе изучения

архивной документации показал, что ямы с колочинской керамикой под курганами — не погребения, они связаны с разрушенным поселением III—V вв.

Вся керамика из памятников колочинского типа изготовлена без помощи гончарного круга. Наибольшее распространение получили горшкообразные сосуды четырех типов:

Тип 1. Тюльпановидные сосуды со слегка расширенным туловом, слабо намеченной шейкой и чуть отогнутым венчиком (табл. IX, 6, 7, 9). Они встречаются по всему ареалу колочинских и тушемлинско-банцеровских древностей.

Отдельный вид сосудов этого типа составляют горшки, близкие к тюльпановидным, но имеющие более заметные плечики.

Тип 2. Цилиндро-конические сосуды с цилиндрической или почти цилиндрической верхней частью и усеченноконической нижней. Переход от верхней части к нижней приходится на середину горшков, иногда — ниже середины высоты, и бывает как резким, так и закругленным (табл. IX, 2—5, 10). Такие сосуды бытовали на той же территории, что и керамика типа 1.

Тип 3. Ребристые сосуды, по форме занимающие среднее положение между цилиндрическими и биконическими. Верхняя и нижняя части их усеченноконические, но диаметр венчика заметно превышает поперечник дна. Сосуды обычно низкие широкие (табл. IX, 8). Они более характерны для Колочинского региона, хотя изредка встречаются и на Смоленщине, и в северной Белоруссии.

Тип 4. Банковидные и конусовидные сосуды. Они почти совсем не профилированы. Преимущественно распространены на памятниках тушемлинско-банцеровского облика, хотя в небольшом количестве встречаются на некоторых колочинских поселениях и в погребениях.

Кроме горшков, на колочинских памятниках обычные миски, глиняные сковороды и диски. Последние в древностях типа Тушемли—Банцеровщины не получили распространения, а миски там встречаются в очень небольшом количестве. На колочинских памятниках известны миски ребристые, биконические и цилиндрические. Цилиндро-конические бытуют по всему Верхнему Поднепровью и Подвинью, а ребристые и биконические распространены исключительно на памятниках колочинского типа.

Среди прочих находок довольно часты глиняные пряслица биконической и иных форм (табл. VIII, 7, 9—11, 20). Из железных предметов бытового назначения при раскопках найдены ножи, шилья, различные железные кольца. На городище и селище Колочин обнаружены железные рыболовные крючки, обломок косы, пешня, долото, наконечники копий и дротиков (табл. VIII, 13, 17, 18). Из Тайманова происходит фрагмент железного сошника. В Колочине найден клад, в составе которого было четыре серпа с дугообразно изогнутой рабочей частью (табл. VIII, 21). На селище Смольяны обнаружено звено удил. Наконечники копий встречены в Княжинском могильнике. Из поселения Хохлов Вар происходит трехлопастный наконечник стрелы с уступом при переходе от острия к черенку. Он важен для хронологии колочинских древностей, поскольку подобные наконечники были распространены лишь во второй половине VI—VII в.

Более многочисленны металлические принадлежности одежды и украшения. В одном из жилищ поселения Целиков Бугор найдена бронзовая квадратная пряжка с округлыми выступами на углах. По северокавказским аналогиям она датируется V—VIII вв. (*Горюнов Е. А.*, 1971, с. 42—46, рис. 14). Из Посудичей происходит бронзовая пластина с резным решетчатым орнаментом, имеющим аналогии на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. в Подунавье и на Боспоре. Наиболее вероятной датой этой находки считается VI в. (*Амброз А. К.*, 1970, с. 73, рис. 2, 7). В могильнике Смячь найдены железная овальная пряжка с длинным, загнутым на конце язычком и бронзовая круглая бляшка с зубчатым краем и со шпеньком, имеющие аналогии в древностях V—VI вв. (*Горюнов Е. А.*, 1974б, с. 121, рис. 1). При раскопках Колочинского городища обнаружены небольшие бронзовые трапециевидные привески, украшенные пунсоным орнаментом. Трапециевидные привески встречены в Лебяжинском могильнике и на поселении Воробьевка. В Княжинском могильнике найдены две железные пряжки (табл. VIII, 8, 12) и бронзовое толстопроволочное колечко. Четыре поясные пряжки происходят из Лебяжинского могильника (табл. VIII, 1, 2). Среди них есть В-образные пряжки, относящиеся к V—VII вв. На поселении у с. Большие Будки в верховьях Сулы встречен бронзовый браслет с утолщенными орнаментированными концами, относящийся к VI в. (*Ильинская В. А.*, 1968, рис. 3). Фрагменты браслетов с утолщенными концами обнаружены также в нескольких погребениях Лебяжинского могильника и в могильнике Усох.

Интересные вещи происходят из могильника в Кветуни (*Аргишевская Л. В.*, 1963, с. 94, 95, рис. 6). Бронзовая литая пряжка состоит из овального кольца, орнаментированного насечками, и фигурного основания, украшенного геометрическими линиями и рубчатыми насечками (табл. VIII, 16). Она имеет аналогии в дунайских древностях VII—VIII вв. Однако, как показал А. К. Амброз, эта пряжка и подобные ей верхнеднепровские изделия являются произведениями местных мастеров, работавших в контакте с ремесленниками Подунавья (*Амброз А. К.*, 1970, с. 73, 74).

На том же памятнике найдены щитковая фибула с перекладинами (табл. VIII, 14), которая имеет прибалтийские аналогии V—VI вв., бронзовая круглая и плоская бляшка со шпеньком, обломок проволочного браслета и крестообразная бляшка с ромбообразным углублением, заполненным красной эмалью (табл. VIII, 15). Предметы с выемчатой эмалью неоднократно встречены в ареале памятников колочинского типа, но не составляют особенности этого ареала. Подобные украшения известны на обширной территории от юго-восточного побережья Балтийского моря на северо-западе до Среднего Поднепровья и Окского бассейна на юге и востоке. Поэтому их характеристику целесообразнее сделать после описания туземлинско-банцеровских и мощинских древностей, для которых предметы с выемчатой эмалью так же обычны, как и для Колочинского региона.

На колочинских поселениях и в могильниках, находящихся в южных районах их ареала, обнаружены предметы, известные по среднеднепровскимкладам типа Мартыновского и пеньковским поселениям. В Лебяжинском могильнике найдены пряжка с обоймой,

серповидная бляшка с округлым вырезом и двумя острыми уголками, прорезные бляшки, прорезная наклад-ка на ремень (табл. VIII, 3—6). Все они имеют близкие аналогии в кладах VI—VII вв.— Мартыновском, Новосуджанском, Хацкипском.

В области распространения колочинских памятников найдены и пальчатые фибулы (карта 5), которые, как и появление здесь полуземляночных жилищ с печью в углу и глиняных сосудов пражско-пеньковского облика, свидетельствуют, видимо, об инфильтрации сюда славянского (антского) населения.

На основе вещевых находок колочинские древности относят к V—VII вв. Поселение Смольянь датировано при помощи радиоуглеродного анализа концом VI—началом VII в. (*Третьяков П. Н.*, 1966, с. 259).

Основой хозяйства племен, оставивших колочинские древности, как свидетельствуют находки, были земледелие и скотоводство. Охота, рыбная ловля и иные промыслы, очевидно, имели второстепенное значение. Уровень экономического и общественного развития колочинского населения был таким же, как и у племен корчакской и пеньковских культур. Правда, в Колочинском ареале не выявлено таких укрепленных ремесленных центров, как Пастырское или Зимновское городища.

Происхождение культуры типа Колочина во всех деталях пока не исследовано, но несомненно, что она имеет местные корни в древностях днепровского левобережья предшествующего времени. С позднзарубинецкими древностями колочинские памятники генетически связаны самыми существенными культурными элементами — на основе керамического материала и домостроительства. Прямоугольные полуземлянки столбовой конструкции с центральным опорным столбом и очагом в средней части ведут свое начало от позднзарубинецкой культуры днепровского левобережья. Для поселений этой культуры они не менее характерны, чем для селищ колочинского типа. Эволюционное развитие основных типов глиняной посуды колочинского облика из позднзарубинецких убедительно прослежено П. Н. Третьяковым и Е. А. Горюновым (*Третьяков П. Н.*, 1974, с. 40—118; *Горюнов Е. О.*, 1975б, с. 42—50). Топографические условия расположения позднзарубинецких и колочинских поселений абсолютно идентичны. Во многом сходен и погребальный обряд тех и других племен. Незначительные различия, которые выявляются при сравнительном анализе колочинских и позднзарубинецких древностей Подесенья и Гомельско-Могилевского поречья Днепра, могут быть обусловлены временными мотивами.

П. Н. Третьяков, проводивший большие полевые исследования в Подесенья и обобщивший все известные здесь материалы I тысячелетия н. э., относит колочинские памятники к славянским. Основанием для этого, по мнению исследователя, служит некоторое сходство колочинских древностей с достоверно славянской культурой правобережной Украины, что проявляется в топографии поселений, устройстве полуземляночных жилищ, распространении грунтовых могильников и курганов с захоронениями по обряду трупосожжения, в близости глиняной посуды (*Третьяков П. Н.*, 1966, с. 259—264). Отсюда делается вывод о славянстве и зарубинецкой культуры, эволюционно связанной с деснянскими древностями первой половины I тысячелетия н. э.

Однако общие элементы колочинских памятников и древностей типа Корчака и Пещковки весьма второстепенны. Так, действительно, для тех и других поселений характерны полуземляночные жилища, но их строение, отопительные устройства и интерьер настолько различны, что не может быть речи о какой-либо взаимосвязи между колочинским и корчацко-пещковским домостроительством. Относительно керамики можно говорить о близости лишь отдельных глиняных сосудов колочинских памятников с пражско-корчацкими или пражско-пещковскими. В целом это совершенно различные комплексы: ведущие формы сосудов их существенно отличны друг от друга. Керамика памятников колочинского типа, как отмечалось выше, идентична глиняной посуде тушемлинско-банцеровских древностей. Поэтому вопрос о месте колочинской керамики и о ее происхождении нельзя решать изолированно от проблемы генезиса тушемлинской глиняной посуды.

П. Н. Третьяков считает также, что если зарубинецкая культура оставлена славянскими племенами, то и связанные с ней древности середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в левобережной части Верхнего Поднепровья принадлежали славянам (Третьяков П. Н., 1970, с. 53—60). Концепции П. Н. Третьякова придерживаются и некоторые другие археологи.

Однако ни П. Н. Третьяков, ни его последователи не могут показать эволюционную преемственность между колочинскими древностями и более поздними материалами VIII—IX вв., достоверно принадлежащими славянам. П. Н. Третьяков завершает свои построения утверждением, что к исходу третьей четверти I тысячелетия н. э. верхнеднепровская и деснянская культура «приобрела все особенности, характерные для раннего славянского средневековья» (Третьяков П. Н., 1974, с. 49). Между тем, в действительности колочинские древности на позднем этапе развития не похожи на роменские и не приобретают какие-либо черты, характерные для последних.

В решении вопроса об этнической принадлежности культуры типа Колочина существенно то, что она отлична от более поздних славянских культур Поднепровья. Колочинская культура прекратила свое существование, очевидно, в VIII в. Именно в это время на ее территории распространяются поселения роменской культуры, характеризующиеся своеобразной, весьма отличной от колочинской глиняной посудой и полуземляночными жилищами со специфически славянским интерьером.

На этом основании при ретроспективном подходе к археологическим материалам колочинские древности должны быть отнесены к дославянскому населению. Археология не может непосредственно ответить на вопрос, на каком языке говорили племена, оставившие эти древности. Лингвистический анализ водных названий Верхнего Поднепровья, выполненный специалистами, показывает, что вся эта территория, вплоть до Припяти и Сейма на юге, с удаленной древности до I тысячелетия н. э. включительно была заселена балтами (Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962, с. 159—173, 232—242). Ряд косвенных данных археологии также свидетельствует в пользу принадлежности колочинского населения к балтской этноязыковой группе (Седов В. В., 1970б, с. 8—62).

Культура

типа Тушемли — Банцеровщины

Севернее колочинского ареала, на территории Смоленского Поднепровья, Полоцко-Витебского Подвинья, верхних течений Березины и Вилии в середине I тысячелетия н. э. жили племена, оставившие памятники типа городища Тушемля на Смоленщине и городища Банцеровщина под Минском (карта 7). Юго-западнее памятники того же облика распространены, по-видимому, в верхнем течении Немана и на левых притоках Припяти. Однако здесь они пока известны лишь по разведывательным изысканиям.

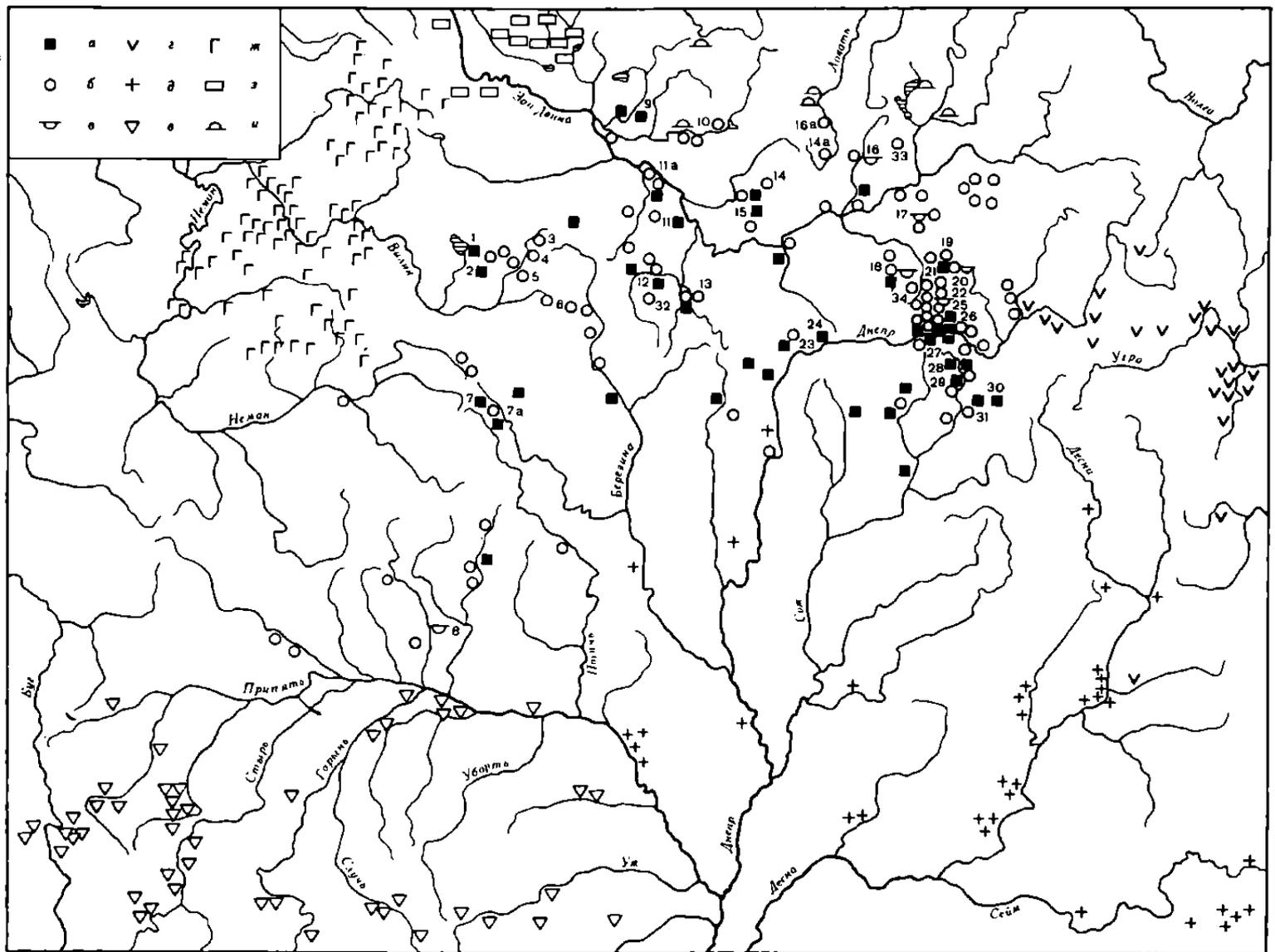
Эти древности Смоленского Поднепровья исследователи обычно относят к тушемлинской культуре, а белорусские археологи называют их банцеровскими. Какого-либо различия между этими чисто территориальными группами нет. Тушемлинские и банцеровские древности характеризуются одинаковой глиняной посудой, однообразным домостроительством и единым погребальным обрядом, единой материальной культурой. Выделяет эти древности прежде всего специфический керамический материал, который уже получил характеристику в разделе, посвященном колочинским памятникам. Глиняная посуда, как отмечалось выше, объединяет памятники типа Колочина и древности тушемлинско-банцеровского облика в единую культурную группу. Однако домостроительство тушемлинско-банцеровских поселений существенно отлично от колочинского.

Обстоятельное изучение памятников рассматриваемого типа началось в 50-х годах, хотя отдельные материалы были получены еще в 20—30-годах XX в. В 1954 г. экспедиция под руководством П. Н. Третьякова приступила к планомерным исследованиям древностей I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье. Были изучены городища Тушемля, Слобода-Глушица, Городок, Прудки, Лахтево, Вошкино, Асташково и селище у д. Устье. Керамика, найденная в верхних напластованиях этих памятников, оказалась весьма своеобразной, что позволило П. Н. Третьякову объединить их в культурную группу, названную по первому наиболее изученному объекту тушемлинской, и датировать третьей четвертью I тысячелетия н. э. (Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963, с. 3—133).

Тогда же П. Н. Третьяков указал на сходство тушемлинских древностей с материалами Банцеровского городища, раскопки которого были проведены еще в 1926 г. С. А. Дубинским (Дубинский С. А., 1927, с. 360—367).

После исследований городища Тушемли на Смоленщине большие работы по выявлению и изучению подобных древностей в бассейнах Днепра и Западной Двины произведены Е. А. Шмидтом. Он раскопал целиком городища Акатово и Демидовка и частично городище Близнаки. Параллельно проводились раскопки на селищах у деревень Шугайлово, Кислая, Куприно, Заозерье, были выявлены и исследованы грунтовые могильники (Шмидт Е. А., 1963б, с. 51—67; 1966, с. 193—204; 1969, с. 129—144; 1970б, с. 63—69; 1972б, с. 3—46; 1980, с. 89, 90).

В 60-х годах были начаты планомерные изыскания поселений на территории Белоруссии. А. Г. Митро-

Карта 7. Распространение памятников типа Тушемли — Банцеровщины

a — в — памятники типа Тушемли — Банцеровщины (*a* — городища; *б* — селища; *в* — могильники); *г* — памятники мощинской культуры; *д* — памятники колючинского типа; *е* — памятники пражско-корчакского типа; *ж* — восточнолитовские курганы; *з* — памятники латгалов; *и* — длинные курганы VI—VII вв.

1 — Некасецк; 2 — Городище; 3 — Варганы; 4 — Ревячки; 5 — Малышки; 6 — Дедиловичи; 7 — Банцеровщина; 7а — Заславль; 8 — Виртки; 9 — Урагово; 10 — Шулятино; 11 — Заговалино; 11а — Прудки; 12 — Кострица; 13 — Лавки; 14 — Бураково; 14а — Дорохи; 15 — Заровово; 16 — Узмень; 16а — Жабино; 17 — Шугайлово; 18 — Заозерье; 19 — Холм; 20 — Акатово; 21 — «Журлы» у д. Кислая; 22 — Кислая; 23 — Черкасово; 24 — Германы; 25 — Близнаки; 26 — Вязовенка; 27 — Демидовка; 28 — Лахтево; 29 — Тушемля; 30 — Городок; 31 — Устье; 32 — Боровно; 33 — Речане; 34 — Жолнерово

фанов провел большие раскопки на селище Замковая Гора близ д. Дедиловичи в бассейне Березины. Разведывательно-раскопочные работы велись этим исследователем на селищах Городище и Некасецк в бассейне Вилии, на городище Боровно под Лепелем и в других местах (Митрофанов А. Г., 1966, с. 218—235; 1969, с. 240—261; 1977, с. 412; 1978, с. 84—117; 1979, с. 443; 1980, с. 107—111; Очерки, 1970, с. 241—254).

В северной Белоруссии поселения тушемлинско-банцеровской культуры обследовались минскими археологами.

Небольшие раскопки на селищах близ д. Варганы в верховьях Ловати и в бассейне Каспли вел Г. В. Штыхов (Штыхов Г. В., 1971, с. 50; 1979, с. 448, 449).

Городища Кострица и Заговалино с отложениями тушемлинско-банцеровского облика исследовал К. П. Шут (Шут К. П., 1969, с. 31—42). Городище Замошье в Полоцком р-не копал В. И. Шадыро (Шадыро В. И., 1978, с. 427, 428).

Л. Д. Поболь в течение нескольких лет начиная с 1967 г. исследует многослойный памятник Тайманово в Быховском р-не Могилевской обл. Поселение и бескурганый могильник датируются в целом II—IX вв. и содержат слой и захоронения тушемлинско-банцеровской культуры (Очерки, 1970, с. 229—241; Поболь Л. Д., 1980, с. 367).

Несколько селищ тушемлинско-банцеровской культуры выявлено В. Б. Перхавко во время разведывательных работ в левобережной части Припятского бассейна (Перхавко В. Б., 1977, с. 413, 414; 1978а, с. 422).

Памятники этой культуры известны и в южных районах Псковской обл. Наиболее интересны среди них селище и грунтовой могильник близ оз. Узмень в 3 км к северо-западу от пос. Усвяты, раскапываемые в течение нескольких лет Р. С. Минасяном (Минасян Р. С., 1972, с. 112—117; 1979, с. 169—185).

Наиболее многочисленны из памятников тушемлинско-баицеровской культуры открытые поселения — селища. Они устраивались по берегам рек или озер, обычно на невысоких песчаных останках или холмах, или занимали пологие склоны коренного берега.

Форма и размеры селищ часто зависят от конфигурации местности, избранной для поселения. Площадь их различна: от 0,4—0,6 до 7—8 га. Большинство обследованных селищ имело площадь 1—2 га, т. е. это были сравнительно крупные поселения, выделяющиеся среди синхронных поселений лесной зоны Восточной Европы.

Система застройки поселений не установлена. Селища, как правило, имеют незначительный по толщине культурный слой, часто давно распахиваемый. Жилищами были наземные постройки.

На Смоленщине жилые постройки имели столбовую конструкцию. В плане они четырехугольные, площадь 15—20 кв. м. Очаги представляли собой овальное углубление в полу. Изредка очаги выкладывали камнями или фрагментами глиняной посуды. Такие же жилища характерны и для других регионов. На селище Узмень исследованы круглые очаги (диаметр 1,1 м), один из которых был сложен из прокаленных камней, другой — обмазан глиной. В большинстве случаев очаги располагались посередине жилища. Рядом иногда находилась хозяйственная яма (табл. X, 15).

На некоторых поселениях Белоруссии наряду с постройками столбовой конструкции исследованы наземные срубные дома. На селище близ д. Городище А. Г. Митрофанов раскопал больше двух десятков наземных жилищ столбовой и срубной конструкции. Поселение располагалось на пологом склоне возвышенности. Жилища своими основаниями были врезаны в склон так, что стенки, обращенные к вершине холма, были углублены в грунт на 0,4—0,5 м, а противоположные оставались целиком наземными. Только одно из жилищ оказалось опущено в грунт на 7—10 см. Девять построек имели столбовую конструкцию, остальные были срубными (рублены в обло из бревен толщиной до 0,2—0,25 м).

Все постройки имели в плане четырехугольные очертания. Их размеры от 3×4 до 4×5 м, и только одно жилище было значительно меньше — 2,2×1,8 м. В пяти домах исследованы очаги, располагавшиеся посередине пола. Форма их овальная, размеры — до 1,6×1,3 м. Углубления выложены мелкими камнями и сверху промазаны слоем глины. В большинстве жилищ выявлены остатки печей-каменок, об устройстве которых из-за плохой сохранности ничего неизвестно. Интересно, что печи-каменки находились чаще всего не посередине, а в углу жилищ.

Жилища хорошей сохранности исследовались также на селище Дедиловичи. На его поверхности зафиксировано не менее 300 ям-западин, которые, как показали раскопки, являются следами жилищ, углубленных в грунт. Поселение было устроено на относительно крутом склоне холма, и обитатели его, чтобы получить горизонтальную площадку для пола жилищ, вынуждены были врезать свои жилища в грунт. Земля, выброшенная из котлована жилищ, использовалась для устройства террасок, на которых размещались хозяйственные строения. Дома ставились рядами на небольшом расстоянии друг от друга,

и индивидуальные терраски сливались между собой.

Все жилища имели четырехугольные очертания, их размеры колебались от 2,7×3 до 3×3,5 м. Стенки домов, обращенные к вершине холма, опускались в грунт на 1,5—2 м, противоположные — всего на 0,15—0,2 м, а иногда не углублялись вовсе. Все жилища были срубными. Толщина бревен до 25—30 см. Ориентировка жилищ зависела от направления склона.

Очаги зафиксированы только в четырех жилищах. В 35 из 47 исследованных построек открыты печи-каменки. Все они сложены из специально обколотых гранитных камней без применения связующего раствора. Своды выкладывались из таких же камней с использованием каменных клиньев. Основания печей округлых или овальных очертаний имели в поперечнике 0,85—1,5 м. Высота печей 0,55—0,75 м.

Очаги и печи-каменки располагались на Дедиловичском поселении в углу жилищ. Исследователь памятника отмечает, что эти жилища имеют ближайšie аналогии в домостроительстве славянского населения, представленного корчакскими и пеньковскими древностями. Однако прием опускания нижних венцов жилищ в грунт у населения селища Дедиловичи обусловлен лишь вынужденными обстоятельствами, а не традиционен, как у славян южных областей Поднепровья.

На ряде поселений тушемлинско-баицеровской культуры жилые постройки сопровождалась хозяйственными сооружениями. Чаще всего это были ямы-погребя усеченноконической или колоколовидной формы.

Большинство селищ не связано с городищами и расположено отдельно от них. Некоторые поселения располагались около городищ, служивших убежищами. Постоянно люди здесь не жили. Городища-убежища возникают в лесной зоне Поднепровья и в Подвинье с середины I тысячелетия н. э. При их сооружении часто использовались старые заброшенные городища, функционировавшие в раннем железном веке. На них строились дополнительные укрепления — земляные валы, охватывавшие кольцом всю площадку, и еще два-три вала на склонах.

Наиболее полно изучено одно из самых типичных городищ-убежищ — Тушемля, расположенная в верховьях Сожа (Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963, с. 59—70). Городище размещалось на продолговатом мысе, ограниченном двумя оврагами. Овальная площадка убежища занимала около 800 кв. м. Ее защищали по периметру два земляных вала с деревянными оградками на вершинах. Со стороны плато были устроены еще три земляных вала с такой же бревенчатой оградой по верху (табл. X, 13, 14).

На площадке убежища, по ее периметру с внутренней стороны укреплений, находилась длинная замкнутая постройка столбовой конструкции. Основой ее стен служили массивные, поставленные с интервалами 2,2—2,5 м столбы-стояки, в пазы которых были впущены концы горизонтально положенных бревен. Такой же была конструкция стен, построенных на вершинах земляных валов.

Ширина постройки 4—4,5 м. Поперечными стенками она подразделялась на отдельные помещения размерами около 4×6 м. Семь или восемь из них имели в середине очаги, выложенные камнями, остальные, очевидно, использовались для хозяйственных нужд.

Перекрытие постройки двускатное, при этом его наружный скат был более коротким и крутым. На массивные стропила клали толстые прутья и на них насыпали толстый слой земли. По-видимому, эта кровля «сливалась» с земляной насыпью, оконтуривавшей площадку городища. Вход на площадку был устроен с западной стороны — ворота шириной всего 1,25 м. Отсюда дорожка шла ко второму рву, по дну которого можно было, обогнув городище с севера, выйти за пределы убежища.

Внутренняя, свободная от построек площадка имела форму вытянутого овала размерами 20×10 м. В мысовой ее части находилось языческое святилище. Оно представляло собой круглую утрамбованную площадку диаметром 6 м, по краю которой по кругу стояли столбы, возможно, изображавшие языческие божества. В центре площадки находился более высокий и массивный столб — скорее всего изображение главного божества.

Такие же святилища открыты еще на двух городищах-убежищах — в Городке и Прудках, находящихся в том же районе Смоленщины. Другие городища подобных культовых сооружений не имели.

По-видимому, аналогичным Тушемлинскому было Банцеровское городище. С. А. Дубинский выявил в верхнем слое несколько каменных площадок, очевидно очагов, около которых, как и в Тушемле, находились глиняные сосуды, в том числе с обугленными зернами культурных растений (Митрофанов А. Г., 1967, с. 243—261).

Некоторые городища-убежища имели своеобразную планировку. Так, убежище около д. Акатово состояло из трех площадок, разделенных оборонительными сооружениями. На двух из них располагались столбовые постройки, аналогичные тушемлинским, а третья, где постройки не обнаружены, по-видимому, служила для хозяйственных целей. На городище Демидовка столбовая постройка была не замкнутой, а полуовальной в плане (Шмидт Е. А., 1970б, с. 63—69).

Остатки многокамерной постройки того же типа, что и в Тушемле, были открыты на описанном выше Колочинском городище.

На основной части поселений тушемлинско-банцеровской культуры, очевидно, были распространены небольшие наземные жилища столбовой, реже срубной конструкции. Отапливались они очагами. Одно из таких жилищ изучено, в частности, на городище Боровно под Лепелем. Оно имело стены столбовой конструкции и очаг, сложенный из камней. Подобные постройки трудно уловимы при раскопках, поэтому пока весьма слабо изучены.

Погребальными памятниками тушемлинско-банцеровских племен были грунтовые могильники. Безраздельно господствовал обряд трупосожжения. Кремация умерших совершалась в стороне. Остатки сожжения, собранные на погребальном костре (немного кальцинированных костей, зола и угольки), помещались в неглубоких округлых ямках.

Могильники располагались на возвышенных местах, поблизости от поселений (Акатово, Узмень), а иногда непосредственно на краю селищ (Заозерье, Кислая, Шугайлово). В Акатовском могильнике раскопками вскрыто 20 захоронений. Иногда они были урновыми (есть случаи, когда урны перекрыты перевернутыми вверх дном сосудами), а иногда остатки

трупосожжений сыпали прямо в ямку. Погребальные ямы имели усеченноконическую форму, их диаметры 0,3—0,5 м, глубина — до 0,6 м. Инвентарь в захоронениях почти отсутствует. Лишь в некоторых из них встречены небольшие куски бронзовых сплавов, бронзовые спиральки, трубочка и обломок браслета (Шмидт Е. А., 1962, с. 189—193).

В могильнике Узмень на раскопанной площади 872 кв. м зафиксировано 34 захоронения. Все они совершены по обряду трупосожжения на стороне. Остатки кремации с углем помещались в овальные или круглые ямки размерами от 10×5 до 50×38 см, глубиной не менее 25 см (верхние части погребальных ям оказались распаханными). Восемь погребений были урновыми, в них найдены нижние части глиняных сосудов или их фрагменты. В остальных случаях остатки трупосожжений были сыпаны непосредственно в ямки. Кроме того, прослежено еще пять ямок диаметром от 10 до 25 см и глубиной 8—18 см, наполненных углем без кальцинированных костей.

Большинство погребений были безынварными. Обломки бронзовой проволоки встречаются в захоронениях 11 и 27, бронзовые проволочки, свернутые в колечки, — в погребениях 16 и 30. В погребении 31 найдены оплавленная синяя стеклянная бусина и витое бронзовое колечко с заходящими концами; в погребении 16 — глиняное биконическое пряслице, а в погребении 24 — железная посоховидная булава (Миhasян Р. С., 1979, с. 176—180). Могильник и расположенное рядом селище датируются серединой и третьей четвертью I тысячелетия н. э.

Культурные напластования на поселениях тушемлинско-банцеровской культуры бедны находками. Наиболее многочисленны фрагменты керамики, изготовленной домашним способом без помощи гончарного круга. Самыми распространенными были сосуды горшкообразных типов тюльпановидной, биконической и усеченноконической форм (табл. XI, 1, 3, 7, 8, 10). Горшки больших размеров (иногда до 40—45 см в диаметре) предназначались для хранения продуктов, меньших размеров (до 25—30 см в диаметре) — для приготовления пищи. Эти сосуды лепились из глины с примесью дресвы. Часто внешняя поверхность их шероховатая от выступающих зерен дресвы. Цвет поверхности различный: серый, желтый темно-серый, грязно-коричневый. Орнамента нет.

Вторую, менее многочисленную группу керамики образуют мискообразные горшки и миски (табл. XI, 2, 9). Они выделяются и по характеру обработки поверхности — лощеной или подлощенной. Количество лощеной керамики на разных памятниках различно. Так, по подсчетам Е. А. Шмидта, на селищах она составляет не более 5% всех фрагментов глиняной посуды. На городищах-убежищах ее доля увеличивается, составляя 20—37%. Это различие обусловлено, очевидно, тем, что в убежища брали с собой наиболее ценные вещи и керамику. Замечено, что лощеная керамика чаще встречается на памятниках, расположенных в Днепровском бассейне. В северо-западной части ареала тушемлинско-банцеровских памятников такая посуда почти неизвестна.

Керамика тушемлинско-банцеровского облика встречена также в отдельных захоронениях длинных и синхронных с ними полусферических курганов (Старое Село под Витебском, Дорохи, Янкевичи).

В этой связи некоторые исследователи склонны думать, что для тушемлинско-банцеровских племен были характерны как грунтовые, так и курганные могильники (Митрофанов А. Г., 1978, с. 120, 121). Однако тушемлинские сосуды в смоленско-полоцких курганах встречаются наряду с типично славянской керамикой.

Помимо изготовления посуды глина использовалась для выделки других предметов: рыболовных грузил, пряслиц и бус. Наиболее распространены биконические пряслица с отверстием большого диаметра. Некоторые из них украшены циркульным или накольчатый орнаментом (табл. X, 7, 8, 11).

Многочисленные материалы свидетельствуют о развитии на поселениях железоделательного и железообрабатывающего ремесел, хотя железные предметы при раскопках довольно редки. Добыванием железа из болотных руд занимались почти на каждом селище, о чем говорят находки шлаков и кусочков руды, а в отдельных случаях — и остатков печей-домниц.

Ассортимент железных изделий на памятниках тушемлинско-банцеровского типа разнообразен. Из сельскохозяйственных орудий обычны серпы и серповидные ножи (табл. XI, 4, 5). На некоторых поселениях встречены ножи, шилья, топоры, косы, рыболовные крючки, подковообразные застезки, наконечники копий и стрел. На селище Слобода-Глушица и Демидовском городище найдены огнива в виде длинной трапециевидной пластины с кольцом вверху (табл. XI, 6).

Топоры, судя по находке на городище Кострица, принадлежат к типу узколезвийных с яйцевидной проушиной. Они находят аналогии в прибалтийских коллекциях VI—VIII вв. Среди серпов выделяются крупные и совершенные по форме из Тушемли, Дедиловичей и Кострицы. Это южный тип серпов, ведущий свое происхождение от скифского.

Встречаются на памятниках типа Тушемли—Банцеровщины и предметы вооружения. Среди них есть железные втульчатые наконечники копий нескольких типов, чаще — с пером листовидной или пламеобразной формы, имеющие многочисленные аналогии в литовских древностях V—VIII вв., и двушипные.

Обычны также находки железных наконечников стрел. Они трехлопастные и черешковые и имеют обширный регион распространения.

Обнаружены на тушемлинско-банцеровских памятниках и предметы снаряжения коня и всадника — удила, шпоры, пряжки. Шпоры найдены в Дедиловичах, Шугайлове и Неквасяне. Все они с шипом и крючками на концах. С Банцеровского городища происходит фрагмент псаля.

Изделия из цветных металлов изготавливались, как и железные, на месте. На многих селищах найдены глиняные льячки, обломки тиглей с подтеками бронзы и литейные формочки. На селище у д. Шугайлово обнаружен набор литейных форм, сделанных из плитнякового известняка и предназначенных для изготовления трапециевидных подвесок и бус. Из поселений в Варганах и Витебске происходят литейные формочки для изготовления лупниц, характерных для VII—VIII вв.

Среди бронзовых предметов на памятниках Смоленщины часты височные кольца в виде небольших толстостеновых браслетов с утолщенными кон-

цами (табл. X, 5). Эти украшения переключаются с однотипными браслетами, известными на широкой территории от Подунавья до Поволжья в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. Такие браслеты встречены на поселениях рассматриваемой культуры близ деревень Городище и Близнаки (табл. X, 10).

Простые бронзовые колечки обнаружены на селищах Некасецк и Дедиловичи. Обычны на поселениях трапециевидные привески и спиральки, входившие в состав ожерелий (табл. X, 9). Встречены также фрагменты шейных гривен (табл. X, 3), браслет (табл. X, 4), пряжки (табл. X, 1, 6).

Среди находок из цветных металлов выделяется найденный на городище Демидовка пояс с массивной серебряной пряжкой и 104 серебряными бляшками (табл. X, 2). Особый интерес представляет происходящая оттуда же массивная серебряная пряжка с овальным щитком, украшенным многовитковыми спиральками, вырезанными техникой «трехгранновыемчатой резьбы» (Шмидт Е. А., 1970б, с. 68, 69, рис. 4, 1). По мнению А. К. Амброза, эта находка наряду с комплексом предметов, обнаруженных в д. Хотыща в Могилевской обл., и некоторыми другими характеризует верхнеднепровский очаг художественной металлообработки (Амброз А. К., 1970, с. 70—74).

С городища Демидовка происходит бронзовая подвеска-лунница, украшенная красной эмалью. Она относится к усложненному варианту подвесок-лунниц с эмальями, известных по Мощинскому кладу. Вероятно, и некоторые другие предметы с эмальями, найденные в составе кладов или случайно в ареале древностей типа Тушемли—Банцеровщины, принадлежат племенам рассматриваемой культуры.

В состав ожерелий наряду с лунницами и спиральными пронизками входили бусы: стеклянные с позолотой небольших размеров, иногда двойные или тройные, овальные глиняные, шаровидные янтарные.

На основе вещевых находок П. Н. Третьяков датировал городища и поселения типа Тушемли серединой и третьей четвертью I тысячелетия н. э. (Третьяков П. Н., 1966, с. 273—279). Белорусские археологи относят эти древности к VI—VIII вв. (Очерки, 1970, с. 241—255) или V—VIII вв. (Митрофанов А. Г., 1972, с. 150—163).

Важные для датировки рассматриваемых памятников предметы обнаружены на городище Демидовка. Так, дата упомянутой подвески-лунницы с эмалью по аналогиям определяется V — началом VI в. Фрагмент бронзовой двухпластинчатой фибулы датируется VI — началом VII в. Гончарный серолощенный кубок, найденный в обломках, имеет дунайские аналогии V в. В целом комплекс вещей из Демидовского городища датируется V—VII вв. (Шмидт Е. А., 1970б, с. 69). Очевидно, к этому времени следует целиком относить культуру типа Тушемли—Банцеровщины. Однако некоторые поселения ее продолжали функционировать и в VIII столетии, о чем достоверно свидетельствуют находки сосудов тушемлинско-банцеровского типа в длинных курганах того времени.

В хозяйственной деятельности племен, оставивших рассматриваемые древности, ведущая роль, по-видимому, принадлежала земледелию. Об этом свидетельствуют и находки орудий труда (серпы, топоры,

зернотерки), и большое количество обгорелого зерна различных сельскохозяйственных культур (ячмень двурядный и многорядный, мягкая пшеница, рожь, просо, овес, горох, бобы), обнаруженного на городищах Банцеровщина, Демидовка и Близнаки. Господствовало подсечное земледелие. Это подтверждается споро-пыльцевыми исследованиями культурных напластований и грунтов из-под насыпей валов на городищах-убежищах. Имеются основания полагать, что наряду с подсекой в это время распространяется и пашенное земледелие. В пользу этого говорят появление более совершенных по форме серпов и находки жерновов на городище Тушемля. Орудия же обработки земли были, очевидно, деревянными и не дошли до нас.

Несомненно, развитым было в то время и скотоводство. На долю костей домашних животных приходится свыше $\frac{3}{4}$ остеологического материала, собранного на поселениях тушемлинско-банцеровской культуры. Разводили все известные в настоящее время виды домашних животных. Среди них на первом месте стоят корова (свыше 40%) и свинья (32,7%). По сравнению с предшествующим периодом в Смоленском Поднепровье наблюдается заметный рост относительного количества крупного рогатого скота при некотором уменьшении доли лошади и свиньи. По-видимому, увеличение количества крупного рогатого скота было обусловлено улучшением возможностей его содержания в зимнее время, а уменьшение числа лошадей, потреблявшихся в пищу, связано с началом использования коня в качестве рабочего скота и как средства передвижения воинов-всадников.

Охота и рыбная ловля имели второстепенное значение. Основными объектами охоты были лось, кабан, медведь, куница, лисица и заяц. О рыболовстве свидетельствуют находки грузил, крючков, острог и блесны.

Тушемлинско-банцеровская культура была местной, развившейся из культур Верхнего Поднепровья и Подвинья периода раннего железного века. На материалах из верховьев Сожа это убедительно показал П. Н. Третьяков (*Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963, с. 3—129*). В начальный период существования тушемлинской культуры устанавливается полная преемственность ее с днепро-двинской, распространенной с VII в. до н. э. до IV—V вв. н. э. на той же территории Смоленского Поднепровья и в Полоцко-Витебском Подвинье (*Седов В. В., 1970б, с. 25—30*). Слабопрофилированная тушемлинская керамика эволюционно развивается из днепро-двинской. На ранних селищах тушемлинской культуры бытуют предметы, идентичные днепро-двинским: посоховидные булавки, пряслица, серпы, грузики «дьякова типа» и т. п. Преемственность между днепро-двинской и тушемлинской культурами проявляется и в домостроительстве: для той и другой характерны наземные дома столбовой конструкции с одинаковыми овальными очагами. Святилища тушемлинского типа, представлявшие собой круговые столбовые строения с большим столбом — изображением божества в центре, имеют прямые параллели в культовых постройках днепро-двинских племен. Все это неоспоримо свидетельствует о развитии тушемлинской культуры из днепро-двинской. Можно отметить еще, что культура типа Тушемли-Банцеровщины занимает целиком

территорию расселения днепро-двинских племен, причем северо-западные, северо-восточные и юго-восточные границы их ареалов почти совпадают.

Только на юго-западе ареал тушемлинско-банцеровских древностей значительно выходит за пределы территории днепро-двинской культуры, охватывая в верховьях Березины, Вилии и в северной части Припятского бассейна значительную часть, занятую в раннем железном веке племенами культуры штрихованной керамики.

В процессе формирования культуры типа Тушемли-Банцеровщины население восточной части ареала культуры штрихованной керамики, как свидетельствуют археологические материалы, не покинуло мест обитания. На основе исследований городищ, в частности Лабенского, Старорудницкого, Васильковского, А. Г. Митрофанов показал эволюционную смену культур. Период IV—V вв. был переходным, когда на поселениях наряду со штрихованной посудой, процент которой постепенно уменьшался, получали распространение гладкостенные сосуды — прототипы банцеровских. Постепенно последние приобретают господствующее положение (*Митрофанов А. Г., 1972, с. 155—162*). Сходство банцеровских памятников с тушемлинскими позволяет предполагать, что при этом процессе происходили передвижения племен: очевидно, инфильтрация потомков днепро-двинских племен в среду носителей культуры штрихованной керамики. Однако проследить это на конкретных материалах археологии пока не удастся.

Племена, оставившие памятники тушемлинско-банцеровского облика, принадлежали к балтской языковой группе. С одной стороны, в пользу этого говорит формирование культуры типа Тушемли-Банцеровщины на основе достоверно балтской днепро-двинской культуры. С другой стороны, что более существенно, отсутствует генетическая преемственность между рассматриваемыми древностями и следующими за ними по времени славянскими. Вопрос о балтоязычности тушемлинско-банцеровских племен подробно анализировался П. Н. Третьяковым, В. В. Седовым и Е. А. Шмидтом (*Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963, с. 29—32; Третьяков П. Н., 1966, с. 273—279; Седов В. В., 1970б, с. 48—53*).

В. Б. Перхавко попытался показать неславянский характер памятников типа Тушемли-Банцеровщины-Колочина на основе анализа украшений, орудий труда и предметов вооружения (*Перхавко В. Б., 1978б, с. 59—72; 1979, с. 40—55*). Оказалось, что большинство бронзовых изделий, наконечники копий, топоры, серпы и шпоры, найденные при раскопках этих памятников, принадлежат к типам, отличным от славянских и весьма характерным для верхнеднепровских балтских культур раннего железного века, а также для раннесредневековых древностей Латвии и Литвы.

Вместе с тем начиная с VI в. на территории расселения днепровских балтов, оставивших древности типа Тушемли-Банцеровщины-Колочина, отчетливо фиксируются славянские культурные элементы, свидетельствующие о начале инфильтрации славян в балтскую среду. Это проявляется прежде всего в распространении в разных пунктах Верхнего Поднепровья полуземляночных жилищ с типично славянским интерьером.

Жилища-полуземлянки с печью в углу при отсутствии опорного столба в центре исследованы археологами на двух поселениях среднего течения Десны — в Целиковом Бугре и на Стрелице (*Горюнов Е. А.*, 1972, с. 42—46; *Третьяков П. Н.*, 1974, с. 110—112). Оба поселения несомненно принадлежат к колочинской культуре, и большинство жилищ здесь составляют типичные колочинские дома — полуземлянки с центральным опорным столбом и очагом в средней части. Очевидно, эти селища принадлежали местным балтам, к которым и подселелись славяне. Керамический материал Целикова Бугра и Стрелицы не отражает славянского проникновения. Однако в том же регионе Подесенья на колочинских поселениях Заярь, Левкия Бугор, Лавриков Лес и Колодезный Бугор вместе с керамикой колочинского облика встречаются единичные сосуды, которые могут быть интерпретированы как пражско-пеньковские. По-видимому инфильтрация славян в этом регионе была немалочисленной.

Две полуземлянки с печами-каменками несомненно славянского облика были открыты на селище Щатково в нижнем течении Березины (*Очерки*, 1970, с. 170, 171).

В Могилевском Поднепровье жилые полуземлянки с печами-каменками в одном из углов исследовались на поселении Тайманово. Памятник этот многослойный, и исследователю его пока не удалось установить, когда здесь появляются славянские жилища (*Очерки*, 1970, с. 173). Не исключено, что часть полуземляночных построек, выявленных в 3 км южнее, на поселении Абидня, принадлежат к жилищам славянского типа. Этот памятник в основном относится к первой половине I тысячелетия н. э. (*Очерки*, 1970, с. 171—173). Среди раскопанных здесь полуземлянок основная часть по своему строению и интерьеру не может считаться славянской.

Славянское проникновение обнаруживается и в отдаленных от территории славян середины I тысячелетия н. э. северо-западных частях ареала днепровских балтов. Селищу Дедиловичи (Замковая Гора) в Борисовском р-не Минской обл. (*Митрофанов А. Г.*, 1966, с. 221—233; 1978, с. 94—99) свойственно сочетание наземного домостроительства с полуземляночными жилищами. Большая часть последних имела печи-каменки в одном из углов, меньшая — отапливалась очагами. Можно полагать, что славянский компонент на этом поселении составлял значительный процент. Однако в целом селище нельзя считать славянским, поскольку прочие этнографические элементы, в частности глиняная посуда, носят тушемлинско-банцеровский облик.

Большее количество исследованных жилищ на поселении у д. Городище в Мядельском р-не Минской обл. были наземными домами со столбовой или срубной конструкцией стен и отапливались очагами, расположенными в центре. Лишь единичные наземные дома имели печи-каменки, занимавшие угловое положение. Около трети исследованных построек оказались полуземлянками площадью от 6,5 до 13—15 кв. м. Во всех полуземлянках открыты печи-каменки (*Митрофанов А. Г.*, 1969, с. 240—260).

В ряде мест выявлены постройки, сочетающие в себе славянские и балтские черты. Так, на селище близ д. Ревячки в том же Мядельском р-не раскопана

ми раскрыты два наземных жилища (одно — срубное, другое — со столбовой конструкцией стен) с печами-каменками и одна полуземляночная постройка с очагом, расположенным в углу (*Митрофанов А. Г.*, 1978, с. 85—87).

Интересно, что на первых порах славяне, оседавшие на территории днепровских балтов, не создавали собственных поселений, а подселялись к местным обитателям. Как правило, они пользовались тушемлинско-банцеровской и колочинской глиняной посудой. Изготовление глиняной посуды в то время было женским делом. Можно полагать, что славянская инфильтрация осуществлялась не племенными или общинными группами, состоявшими из отдельных семей, а более или менее крупными коллективами, включавшими преимущественно мужское население. Переселенцы оседали на поселениях днепровских балтов и, вероятно, вступали в брачные связи с местными женщинами.

Археология пока не располагает фактами для изучения направлений ассимиляционных процессов в смешанных славяно-балтских поселениях. Нельзя сказать, имела ли здесь место ассимиляция пришлого населения или же протекал обратный процесс.

Вместе с инфильтрацией славянского населения в Верхнее Поднепровье начинают проникать предметы труда и бытовые вещи славянского или южного происхождения. Так, на территории днепровских балтов появляются каменные жернова, отражающие заметный прогресс в развитии земледелия. Они найдены на упомянутых выше поселениях Городище и Дедиловичи, а также на городищах-убежищах Тушемля и Городок на Смоленщине. Балтское население Верхнего Поднепровья до славянского проникновения пользовалось каменными зернотерками.

Из славянского мира распространяются в ареале днепровских балтов высокие биконические пряслица с небольшим отверстием, железные шпоры с острым коническим шипом и загнутыми внутрь крючками на концах, втульчатые двушипные наконечники стрел и др.

К третьей четверти I тысячелетия н.э. принадлежат железные ножи с волютообразными завершениями рукоятей. Они хорошо известны в славянском мире и, по-видимому, связаны с языческими ритуалами (*Szymański W.*, 1964, s. 221—228; 1965, s. 146—148; *Šiška St.*, 1964, s. 395—404; *Минасян П. С.*, 1978, с. 148—152). В области расселения днепровских балтов ножи с волютообразными рукоятками найдены в основном на поселениях со славянскими элементами в домостроительстве (Городище, Ревячки, Тайманово), а также в Лукомле и Ярцеве.

Может быть, отражением славянской инфильтрации в верхнеднепровские земли являются и другие находки южного происхождения. Таковы бронзовые гроздевидные серьги, хорошо известные в среднеднепровских и придунайских областях; бляшки с орлиными головами, позволившие А. К. Амброзу говорить о связях ювелирного дела Верхнего Поднепровья с ремесленными центрами VI в. Нижнего Подунавья (*Амброс А. К.*, 1970, с. 70—74); бронзовые двупластинчатые фибулы, связанные происхождением с регионом Крыма; серолощенный кубок из поселения Демидовка на Смоленщине, проникший из бассейна Дуная, где он имеет аналогии в древностях

V в. (*Шмидт Е. А.*, 1970б, с. 63—69), и может быть, некоторые другие предметы.

Не исключено, что в отдельных местах ареала днепровских балтов в результате инфильтрации образовались небольшие изолированные островки славянского населения, которые способствовали распространению элементов славянской культуры. Однако для предположения о начале славянизации днепровских балтов в VI—VII вв. каких-либо фактических данных нет.

Мощинская культура

Мощинское городище, давшее название культуре, находится на правом берегу р. Пополта в бассейне Угры, в пределах Калужской обл. Устроено городище на мысе, площадка его имеет треугольные очертания, размеры 80×60 м. С напольной стороны она защищена валом высотой до 2,5 м и рвом (табл. XII, 13). Исследования городища были начаты Н. И. Булычевым в конце прошлого столетия (*Булычев Н. И.*, 1899б, с. 13—21).

Этот же исследователь производил раскопные работы на городищах Серенск и Спас-Перекша, в культурных напластованиях которых имеются отложения середины и третьей четверти I тысячелетия до н.э. (*Булычев Н. И.*, 1899б, с. 23—25). Н. И. Булычевым были открыты и исследованы погребальные памятники населения, оставившего мощинскую культуру, — курганы при деревнях Шаньково и Почепок (*Булычев Н. И.*, 1899б, с. 5—7).

В самом конце XIX в. и в первые годы XX в. исследования поселений мощинского типа занимались Ю. Г. Гендуне, В. А. Городцов, Н. В. Теплов, Н. В. Троицкий и И. Д. Четыркин. Раскопками были затронуты городища Дуна, Поречье и Акиншинское (*Троицкий Н. В.*, 1898; *Теплов Н. В.*, 1899; *Четыркин И. Д.*, 1899; *Городцов В. А.*, 1900а, с. 1—10; *Гендуне Ю. Г.*, 1903).

Некоторое пополнение материалов мощинской культуры принесли работы В. А. Городцова на Огубском городище в 1923 г. (*Городцов В. А.*, 1926) и исследования краеведами М. А. Дружининым и Г. А. Доррером в 30-х годах городища у с. Поречье. В 1934—1936 гг. разведки и небольшие раскопки по Оке и Угре провела экспедиция П. Н. Третьякова, М. М. Герасимова и М. В. Воеводского (Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., с. 40).

Наиболее крупные изыскания по мощинской культуре принадлежат Т. Н. Никольской. Начиная с 1949 г. экспедиция под ее руководством осуществила значительные разведывательные работы, произвела раскопки на городищах Свиногово, Огубское, Воротынцево, Зайцево, Синюково и др., а также исследовала курганы Воротынцево и Николо-Ленивец (*Никольская Т. Н.*, 1951, с. 99—105; 1954, с. 92—104). Т. Н. Никольской создана и обобщающая работа по мощинским древностям (*Никольская Т. Н.*, 1959, с. 37—57).

В бассейне Упы, правого притока Оки, полевые работы по изучению памятников I тысячелетия н.э., в том числе наслоений мощинской культуры, в 50—60-х годах вела С. А. Изюмова (*Изюмова С. А.*, 1953, с. 68—79). Курганы мощинской культуры в бассейне

верхнего Днепра в 1956 г. был раскопан В. В. Седовым (*Седов В. В.*, 1960а, с. 9—12). Разведывательные работы по выявлению поселений мощинской культуры в поречье верхней Угры и бассейне верхнего Днепра производились Е. А. Шмидтом (*Шмидт Е. А.*, 1958а, с. 95—142).

В последние годы раскопки городища у с. Мощины и соседних поселений мощинской культуры продолжены И. К. Фроловым. Исследования дали новые интересные материалы. Раскопан также курган между деревнями Горячево и Дюкино на Угре (*Фролов И. К.*, 1975, с. 85, 86; 1976, с. 95; 1977, с. 77—79; 1978, с. 93; 1980б, с. 87; *Фролов И. К., Стусова И. Е., Пеньковиков В. И.*, 1979, с. 102, 103).

Область распространения памятников мощинской культуры охватывает преимущественно бассейн верхней Оки до впадения в нее Протвы (карта 6). На северо-востоке население, оставившее эти памятники, соседило с позднелужицкими племенами (Дьяковская культура, 1974). Лишь на северо-западе ареал мощинской культуры выходит за пределы Окского бассейна, захватывая верховья Днепра приблизительно до устья Вои, где вплотную соприкасается с территорией тушемлинско-банцеровской культуры.

Основным типом поселений мощинской культуры были городища. По расположению и устройству они во многом тождественны городищам верхнеокской культуры, распространенной на той же территории в раннем железном веке. Большинство городищ с наслоениями мощинской культуры имеет внизу слой верхнеокской культуры. Обычно городища расположены на мысах высоких коренных берегов рек и с двух-трех сторон имеют крутые склоны, а с напольной стороны защищены искусственно сооруженными валом и рвом. Лишь единичные поселения (Поречье, Огубское) устроены на останках среди болот.

Размеры городищ невелики — большинство имеет площадь около 2—3 тыс. кв. м. Мощинское городище (площадь его 3100 кв. м) принадлежит к числу самых крупных. Валы сооружались из глинисто-песчаного грунта, перемешанного с культурным слоем, или же из плотной сырой или обожженной глины, насыпанной на деревянные обожженные конструкции. Во рву городища в результате раскопок обнаружен частокол, укрепленный камнями. Он сооружен в середине I тысячелетия н.э.

В середине I тысячелетия н.э. наряду с городищами распространяются неукрепленные поселения — селища, что обычно связывают с развитием подсечного земледелия. Селища пока изучены настолько недостаточно, что говорить об их топографии и размерах преждевременно. По-видимому, это были довольно крупные поселения, простиравшиеся вдоль береговых краев на несколько десятков метров. В это же время разрастаются многие укрепленные поселки, выходя за пределы валов: около городищ возникают селища.

Для мощинской культуры характерны своеобразные наземные жилища столбовой конструкции. Судя по раскопкам Мощинского и Дешевского городищ, жилища имели в плане очертания, близкие к прямоугольным, и размеры от 6,4×2,6 до 8×5,5 м. Основу стен составляли столбы, поставленные с интервалами от 1 до 3 м. Сами стены, по-видимому, делались из горизонтально положенных тонких бревен,

концы которых крепились в стояках (табл. XII, 11, 12). Иногда постройки поперечными перегородками делились на две части.

Земляные полы жилищ в ряде случаев были опущены в грунт на несколько сантиметров, в результате очаги-углубления диаметром около 0,5 м оказывались на небольшом возвышении. Очаги всегда находились в средней части помещения. У одной из сторон жилищ устроено по одной овальной или четырехугольной яме размерами от 0,8×1 до 2×1,6 м и глубиной 0,3—0,5 м. Очевидно, они имели хозяйственное назначение.

На Мощинском городище жилые постройки располагались по периметру городищенской площадки, по ее краю и вдоль вала. Такие же дома открыты и на селище за валом городища. Планировка застройки Дешевского городища была такой же.

В центральной части Мощинского городища выявлена круглая в плане постройка диаметром 4 м, ограниченная столбовыми ямами и канавкой. В середине ее имелись три глубокие столбовые ямы и углубление ромбической формы. На площади постройки найдено большое количество фрагментов миниатюрных сосудов (Фролов И. К., 1978, с. 93).

На городищах Огубском и Свиныховском исследованы землянки. Одна из них, выявленная в Свиныхово, имела почти квадратные очертания, размеры 3,3×3 м и глубину 1,5 м. Стены жилища были построены из нетолстых бревен или жердей, прижатых вертикальными столбами. Отапливалась постройка при помощи очага, от которого остался лишь слой золы и угля.

Вторая землянка Свиныховского городища и землянка Огубского поселения были удлиненно прямоугольными. Их размеры около 6,5×2,8 м, глубина 1,3×1 м. В свиныховской землянке выявлено два глиняных очага.

Погребальными памятниками мощинского населения являются курганы полусферической или усеченноконической формы. Высота их от 2 до 4 м, диаметры оснований 10—15 м, но встречаются и насыпи меньших размеров. В отличие от древнерусских курганных могильников, мощинские погребальные насыпи не образуют больших групп, а располагаются по одному, два или три кургана.

Курганы раскапывались во многих местах ареала мощинской культуры и повсюду имеют одинаковое строение. Характерная особенность их — кольцевая деревянная ограда в виде частокола, устроенная, очевидно в ритуальных целях, в момент захоронения. При раскопках в основаниях курганов фиксируются кольцевые канавки от таких оград (табл. XII, 5). Как подметил П. Н. Третьяков, эти кольцевые ограды напоминают кольца-ограды языческих святилищ балтского населения Смоленщины (Третьяков П. Н., 1969, с. 89).

Обряд погребения — трупосожжения в основании насыпи, чуть выше ее подошвы. Судя по данным дневников Н. И. Булычева, слой обожженной земли с углем и кальципированными костями в курганах у деревень Шаньково и Почепок находился в центре насыпи. Несколько в стороне от погребальных остатков стояли глиняные сосуды, иногда дном кверху. Захоронения во всех случаях безурновые. Сосуды, очевидно, клали в могилы с ритуальными целями.

Впрочем, известны курганы (Дубосище, Дюкино), в которых захоронения не сопровождались глиняными сосудами.

В Шаньковских и Почепокских курганах встречены фибулы, серьги и колечки из бронзы, железный нож и фрагменты каких-то неопределимых предметов. Вещи находились среди остатков погребальных кострищ.

В археологической литературе сложилось представление, что в основаниях мощинских курганов устраивались деревянные камеры того же типа, что и в ранних курганах вятичей. В такие камеры-домовины помещались остатки трупосожжений. Высказывалось даже предположение, что традиция помещения остатков кремации в домовины у славян верхней Оки и Дона является наследием погребального ритуала мощинского населения (Третьяков П. Н., 1941, с. 47—49; 1966, с. 295—297; Никольская Т. Н., 1959, с. 82—85; Седов В. В., 1973, с. 15). Недавно Е. Н. Носов после тщательного анализа архивных материалов Н. И. Булычева показал, что курганы Шаньково и Почепок каких-либо остатков погребальных домовин не содержали (Носов Е. Н., 1974, с. 8—12).

Наиболее распространенной формой глиняной посуды мощинского населения были толстостенные горшки серого цвета. Поверхность их шероховатая или бугристая из-за значительной примеси дресвы и крупного песка. Впрочем нередко поверхность заглаживали. Сосуды слабопрофилированы, наибольшее расширение их приходится на середину высоты. Они имеют округлые плечики и плавно отогнутый венчик (табл. XIII, 18—20). Орнаментация на сосудах, как правило, отсутствует. Небольшая часть их украшена неглубокими насечками и вдавлениями по краю венчика или разнообразными (треугольными, овальными, прямоугольными) вдавлениями на шейке и плечиках.

Среди керамики с шероховатой поверхностью встречаются единичные сосуды с острым ребром и баночной формы (табл. XIII, 12).

Вторую группу мощинской керамики составляют сосуды с лощеной и подлощенной поверхностью. Они отличаются тщательностью изготовления, тесто более плотное, с примесью мелкого песка. Поверхность сосудов коричневатого или черного, реже серого цвета. Следы лощения обычно горизонтальные.

Эта группа керамики представлена горшками и мисками. Большинство горшков имеет ту же форму, что и сосуды с шероховатой поверхностью, но отличаются от них меньшими размерами. Среди них есть и выпуклобокие горшки с коротким прямым венчиком (табл. XIII, 10, 13). Другой тип той же группы составляют горшки с высоким прямым или немного отогнутым венчиком и более или менее резким переходом к конически суживающемуся тулову (табл. XIII, 8, 9, 14).

В коллекции мощинской керамики заметное место принадлежит мискам. Они тщательно выделаны и имеют преимущественно черное лощение. Эта столовая посуда по форме делится на три типа. Наиболее распространенной формой являются миски с цилиндрической или раструбообразной верхней частью и с резким ребром при переходе к нижней части (табл. XIII, 15, 16). Сюда же нужно отнести миски с ребром и загнутым внутрь верхним краем. Ко второму типу относятся миски с плавно изогнутым профи-

лем, прямым или отогнутым наружу венчиком и суживающейся нижней частью (табл. XIII, 11). К третьему типу принадлежат немногочисленные миски почти баночной формы.

Железные изделия на мощинских поселениях разнообразны, но их немного. Орудия земледелия представлены топорами, серпами и косами-горбушами. Топоры узколезвийные с овальной проушиной (табл. XIII, 7). Серпы имеют значительную кривизну и небольшой черенок для скрепления с рукоятью (табл. XIII, 6). Очевидно, наряду с подсечным земледелием в это время получает распространение пашенное. Топоры употреблялись для расчистки леса под пашню, а на городище Дуна найдено и орудие обработки почвы — костяная мотыга. В пользу этого свидетельствует и остеологический материал. В середине I тысячелетия н. э. употребление в пищу мяса лошади сводится до минимума, среди домашних животных первое место принадлежит крупному рогатому скоту.

Охота и рыбная ловля занимали еще значительное место в хозяйстве. Железные наконечники стрел весьма разнообразны. Наиболее распространенными среди них были маленькие листовидные и двушипные стрелы (табл. XIII, 3, 5). Встречаются ланцетовидные, трех- и четырехгранные черешковые и втульчатые наконечники. На многих поселениях найдены железные рыболовные крючки (табл. XIII, 2). Некоторые из них отличаются очень большими размерами. Для ловли рыбы применялись и однозубые остроги. На многих поселениях найдены глиняные рыболовные грузила.

Предметы вооружения на поселениях единичны. Из Огубского городища происходит железный листовидный втульчатый наконечник копья, из Мощинского — круглый умбон щита.

Из прочих предметов встречаются железные пряжки (табл. XII, 4, 7, 8) и кресала (табл. XIII, 1). Многочисленны глиняные пряслица, все они имеют биконическую форму и отверстия значительного диаметра (табл. XIII, 4).

Среди предметов из цветных металлов, помимо изделий, украшенных эмалью, которые будут охарактеризованы ниже, найдены фибулы, пряжки, серьги, головные венчики, браслеты, перстни, трапециевидные привески.

Овальнопластинчатый налобный венчик обнаружен на городище Поречье (Никольская Т. Н., 1959, рис. 15, 1). Из Мощины, Поречья и Шанькова происходят крупные оригинальные фибулы (табл. XII, 6). Небольшая арбалетовидная фибула найдена на Свиного городище (Никольская Т. Н., 1959, рис. 20, 1). В Шаньковских курганах и на Мощинском городище встречены небольшие провололочные сережки. Интересные серьги обнаружены при новых раскопках мощинских поселений. Они сделаны из серебряной проволоки, согнутой в два с лишним оборота и расплющенной на одном конце. Этот широкий конец имел ланцетовидную форму и был украшен штампованным узором в виде круглых выпуклостей (табл. XII, 1). Пряжки — овальные, массивные (табл. XII, 10) или небольшие, с пластинчатой обоймой. Трапециевидные привески, гладкие или украшенные циркульным орнаментом, тождественны находкам, обнаруженным на памятниках типа Тушемли—Балцеровщины. На

Мощинском городище найден ювелирный пинцет (табл. XII, 9), свидетельствующий о местном производстве многих изделий из цветных металлов.

Из Мощинского городища происходит также интересная коллекция бус, включающая бочонковидные и шаровидные бусины зеленого стекла и золотостеклянные пронизки (табл. XII, 2).

П. Н. Третьяков, обстоятельно описавший коллекции Мощинского городища, определил хронологические рамки рассматриваемых древностей IV—VII вв. н. э. (Третьяков П. Н., 1941, с. 48, 49). Дальнейшие исследования не изменили этой датировки (Никольская Т. Н., 1959, с. 37—57).

Мощинская культура была местной по происхождению. Ее истоки прежде всего выявляются в древностях верхнеокской культуры раннего железного века. Это обнаруживается и во внешнем облике поселений, и в домостроительстве, и в некоторых элементах материальной культуры. В частности, распространенные на мощинских поселениях сравнительно толсто-стенные горшки с выпуклыми плечиками и суженным низом, имеющие шероховатую или бугристую поверхность, сложились из местных форм верхнеокской керамики I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры.

Вполне очевидно, однако, что мощинская культура не была простым продолжением верхнеокской. Лощеная посуда мощинских памятников не имеет местных корней. Связь ее с деснинской культурой, сложившейся под влиянием зарубинецкой, представляется несомненной.

Известно, что еще в I в. до н. э. в культуре южновских племен Подесенья появляются пришлые, зарубинецкие, элементы. К концу I в. н. э. зарубинецкие элементы в культуре Подесенья становятся преобладающими. Однако деснинские древности заметно отличаются от собственно зарубинецких древностей Припятского Полесья и Среднего Поднепровья. Поэтому А. К. Амброз предложил выделить деснинские поселения с зарубинецкими элементами в особую культуру и дал ей название почепской (Амброз А. К., 1964, с. 56—69).

Со II—III вв. зарубинецко-почепские культурные элементы инфильтруются в северо-восточном направлении из Подесенья в бассейн верхней Оки. В культуре верхнеокских племен появляются совершенно новые элементы, генетически не связанные с местными древностями. Таковы глиняные сосуды с черной или коричневой лощеной поверхностью. Эти сосуды связаны с деснинской керамикой и по формам, и по фактуре. В частности, миски всех типов, безусловно, возникли в результате прямого развития деснинско-почепских или под их воздействием.

Наземные дома столбовой конструкции с прямоугольными или овальными котлованами, известные по раскопкам на городище и селище близ с. Мощины, имеют ближайшие аналогии на памятниках почепской культуры Подесенья.

Все эти материалы свидетельствуют о формировании мощинской культуры в условиях взаимодействия местной верхнеокской культуры с пришлыми элементами из Подесенья (Никольская Т. Н., 1966, с. 9—16; Седов В. В., 1970б, с. 42—44).

Вопрос о происхождении курганного погребально-обрядя у мощинских племен остается открытым.

В IV—VII вв. регион мощинской культуры был изолированным островком, где население хоронило умерших в курганах. Около VI в. курганы стали сооружать и племена, расселившиеся в бассейнах озер Псковское и Ильмень, но, судя по совершенно отличному строению этих насыпей, они появились независимо от мощинских. В IV—V вв. ближайшими к мощинскому региону были курганы на современной территории Литвы, но и они характеризуются специфическими особенностями, отсутствующими в погребальных памятниках типа Шаньково—Почепок.

Слабая изученность археологических памятников I тысячелетия н. э. в средней полосе Восточной Европы была причиной того, что долгое время исследователи относили мощинские древности к славянам вятичам (*Третьяков П. Н.*, 1941, с. 48, 49; 1953, с. 239, 240; *Никольская Т. Н.*, 1959, с. 57). В 60-х годах, после интенсивных полевых работ по изучению археологических памятников Поднепровья и верхней Оки, стало очевидным, что мощинскую культуру, существенно отличающуюся по всему облику от позднейших славянских древностей, невозможно отнести к славянскому населению. Вятичские древности VIII—X вв., сменившие на Оке мощинскую культуру, генетически не связаны с ней. Исходя из этого, можно утверждать, что рассматриваемая культура оставлена дославянским населением.

Древняя гидронимика верхнего бассейна Оки свидетельствует, что до славянского освоения этот регион принадлежал балтоязычным племенам (*Седов В. В.*, 1971а, с. 99—113). В археологическом отношении мощинская культура стоит в одном ряду с синхронными верхнеднепровскими культурами балтского населения. Поэтому племена мощинской культуры были отнесены к балтам (*Никольская Т. Н.*, 1966, с. 15, 16; *Седов В. В.*, 1970б, с. 42—44). П. Н. Третьяков, основываясь на том, что мощинская культура формировалась при участии зарубинецких (по его мнению, славянских) племен, одно время допускал смешанный балто-славянский облик ее носителей (*Третьяков П. Н.*, 1966, с. 294—296). Однако позднее этот исследователь признал, что мощинские племена нужно отнести к балтским и считать «наиболее восточной их группировкой. Об этом свидетельствуют их домостроительство, погребальная обрядность, украшения, в частности вещи, инкрустированные цветной эмалью» (*Третьяков П. Н.*, 1970, с. 60).

Таким образом, вопрос об этнической принадлежности мощинских племен можно считать решенным. Известно и племенное название их. В перечне восточноевропейских племен, помещенном в «Гетике» Иордана, имеется название *Coldas* (*Иордан*, с. 89). В этнониме явно проступает голядь, известная по русским летописям. Летопись локализует это племя для XII в. на р. Протва, притоке Оки (ПСРЛ, I с. 162; II, с. 339). Общий регион расселения голяди может быть восстановлен на основе топо-гидронимов, производных от этого этнонима. Он в значительной степени совпадает с территорией мощинской культуры. По-видимому, носителями этой культуры и были голяды-голядь письменных источников.

Характеристика мощинских древностей будет неполной, если не описать группу великолепных находок, украшенных разноцветной эмалью.

При раскопках Мощинского городища Н. И. Булы-

човым под насыпью вала был найден клад различных украшений, среди которых многие орнаментированы разноцветной выемчатой эмалью. Несколько таких же предметов обнаружено и в насыпи вала (*Булычов Н. И.*, 1899б, с. 18—20). Среди этих украшений имеется несколько лунниц с красной эмалью, входивших в состав ожерелий вместе с бусами — стеклянными красными позолоченными и круглыми бронзовыми, а также спиральками (табл. XIV; XV). К ожерелью, очевидно, принадлежала и круглая ажурная привеска с крестовидной серединой. Десять фибул относятся к треугольным прорезным. Они разнообразны по деталям и украшены красной и голубой эмалью. Еще одна фибула была треугольно-перекладчатой и еще одна — треугольно-пластинчатой. К нагрудным украшениям относятся прорезная бляха, покрытая красной и голубой эмалью, трапециевидные привески и цепочка из фигурных звеньев, покрытых красной и голубой эмалью. Несколькими экземплярами представлены широкие браслеты с реберчатыми выступами. Эмалевые украшения на них преимущественно красного цвета, но имеется также оранжевая, голубая и синяя эмаль. От массивной подковообразной застежки с эмалевыми вставками на концах сохранился лишь обломок. Остальные предметы — пластинчатый налобный венчик, головной венчик типа латгальской вайнаги, витая гривна с петлями на концах и плетеный браслет — не были украшены эмалью.

Предметы с выемчатой эмалью такого же облика, как в мощинской коллекции, известны на широкой территории от Юго-Восточной Прибалтики до Волго-Окского бассейна и Среднего Поднепровья (карта 5). Это фибулы, застежки, подвески, бляхи и другие украшения единого стиля, сделанные преимущественно из бронзы и имеющие гнезда-выемки, заполненные эмалью разных цветов — красного, синего, зеленого, голубого и белого.

Первая сводка находок предметов с выемчатой эмалью в Восточной Европе была составлена А. А. Спицыным (*Спицын А. А.*, 1903в, с. 149—192). Последующие находки на территории, анализируемой здесь, публиковались Д. Я. Самоквасовым (*Самоквасов Д. Я.*, 1915а, с. 3—5; 1915б, табл. I, а), Н. Е. Макаренко (*Макаренко М.*, 1928, с. 93), А. М. Тальгреном (*Tallgren A. M.*, 1937, pl. 7, 10), Е. А. Калигиной (*Калигина Е. А.*, 1941, с. 39), В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным (*Ильинская В. А., Тереножкин А. И.*, 1955, с. 145—149), С. А. Изюмовой (*Изюмова С. А.*, 1958, с. 203, 204), Е. А. Покровской и Р. А. Юрой (*Покровская Е. А., Юра Р. А.*, 1962, с. 92, 93), Л. В. Артишевой (*Артишевская Л. В.*, 1963, с. 95, рис. 6, 3), И. К. Фроловым (*Фролов И. К.*, 1969, с. 271—274), Л. Д. Поболем (*Pobol L.*, 1972, s. 115—138) и другими. В 1978 г. опубликован свод предметов с выемчатыми эмалями, составленный Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина Г. Ф.*, 1978).

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков относили предметы с выемчатыми эмалями мощинского типа к III—IV вв. (*Толстой И. И., Кондаков Н. П.*, 1890, с. 102) и видели в них славянские украшения. А. А. Спицын датировал эти украшения VI—VIII вв. и полагал, что в основе мощинских предметов лежат позднеримские провинциальные эмали (*Спицын А. А.*, 1903в, с. 192). Исследователь считал, что мощинские эмали изго-

тавливали днепровские и довские алапы. Л. Нидерле также датировал их VI—VII вв., но утверждал, что центром изготовления восточноевропейских предметов с выемчатой эмалью была Прибалтика (*Niederle L.*, 1904, s. 541). Некоторые исследователи (И. Р. Аспелин, Де Бай) относили эти изделия к готам.

Среднеднепровскую группу предметов с выемчатой эмалью анализировал Б. А. Рыбаков в связи с историей древнерусского ремесла. Он датировал эти украшения IV—V вв. и полагал, что местом их производства было Среднее Поднепровье. Расцвет производства эмалей падает на послеготское время, поэтому связывать их с готами нет никаких оснований (*Рыбаков В. А.*, 1948, с. 46—57).

Неоднократно обращался к бронзовым украшениям с выемчатой цветной эмалью Х. А. Моора (*Moora H.*, 1934, S. 75—90; 1938, S. 100—116; *Moora X. A.*, 1958, с. 27, 28). Он показал, что исходной территорией этой группы предметов были галиндо-судавские земли, в которых изделия с эмалью появляются на рубеже I и II вв. Из Мазурии эти украшения распространялись в другие области, заселенные балтскими племенами. Картографирование предметов с эмалью на территории Восточной Европы позволило Х. А. Моора отнести эту группу украшений к типично балтским. Лишь единичные предметы с эмалью от восточных балтов проникли к соседним финским племенам и славянам.

Дальнейшие изыскания подтвердили вывод Х. А. Моора о балтской атрибуции предметов с выемчатой эмалью. Действительно, эти изделия весьма распространены в областях, заселенных в середине I тысячелетия н. э. различными племенами балтов, постоянно встречаются на поселениях и в могильниках балтоязычного населения. Поэтому их нужно рассматривать как украшения, характерные для культуры древних балтов (*Третьяков П. Н.*, 1966, с. 271; *Седов В. В.*, 1970б, с. 48—53).

Хронологические рамки днепровско-окских украшений с эмалью в целом определяются IV—VI вв. (*Корзухина Г. Ф.*, 1978). И. К. Фролов допускает, что наиболее ранние подвески-лунницы, орнаментированные выемчатой эмалью, относятся к концу III в. (*Фролов И. К.*, 1980а, с. 111—116).

По происхождению предметы с эмалью связаны с Юго-Восточной Прибалтикой. Однако в V—VI вв. единого центра изготовления разнотипных изделий с выемчатой эмалью уже не существовало. Очевидно, многие из них сделаны в местных мастерских по оригинальным образцам (*Фролов И. К.*, 1974, с. 19—27).

Историк середины I тысячелетия н. э. Иордан сообщает координаты племени айстов (эстии): они выходили к юго-восточному побережью Балтийского моря (к северу от Вислы) и соседнили с акацирами (*Иордан*, с. 72). Акациры — наиболее значительное из гуннских племен, обосновавшееся в степях Восточной Европы и оставшееся здесь после ухода гуннов в Паннонию. Очевидно, акацирам принадлежал бассейн Дона, может быть, с прилегающими к нему землями днепровского левобережья и Нижнего Поволжья (*Артамонов М. И.*, 1962, с. 55—57, 71). Таким образом, айстам по Иордану принадлежали обширные пространства Восточной Европы от побережья Балтики до бассейна Дона.

Уже П. И. Шафарик попытался показать, что этноним айсты (эстии) относится к племенам балтской языковой группы (*Шафарик П. И.*, 1838, с. 176—181). Позднее такое толкование было признано большинством исследователей (*Fraenkel E.*, 1950, S. 19—22; *Кушнер (Кнышев) П. И.*, 1951, с. 143—159; *Gimbutas M.*, 1963, p. 21, 22). Следовательно, выводы археологии о расселении балтов в Поднепровье в середине I тысячелетия н. э. полностью соответствуют письменным свидетельствам.

Глава третья

Культуры северных территорий

Культура длинных курганов

Севернее области распространения памятников типа Тушемли — Банцеровщины, в бассейне р. Великая и оз. Псковское, а также в верховьях Ловати и прилегающих озер, находится ареал древнейших длинных курганов (карта 1). Вероятно, сюда же принадлежат подобные насыпи и в бассейне Мсты, пока слабо исследованные. В VIII—IX вв. их территория заметно расширяется и охватывает Полоцко-Витебское Подвинье и Смоленское Поднепровье, т. е. значительную часть региона, прежде занятого племенами — носителями тушемлинско-банцеровских древностей (карта 8).

Длинные курганы — невысокие валообразные земляные насыпи, в большинстве случаев расположенные в могильниках вместе с круглыми (полусферическими) курганами IX—XIII вв. (табл. XVI, 7, 8). Преобладают сравнительно небольшие насыпи — длиной от 12—15 до 40 м при ширине 5—10 м и высоте 1—2 м. Встречаются и курганы длиной 50—100 м и более.

Длинные курганы привлекали внимание исследователей еще в середине прошлого столетия. Несколько таких насыпей, расположенных в Себежском и Опочском районах Псковской обл., тогда было раскопано Брантом и В. Платером (О древних могилах, 1851, с. 212—226). Исследователи установили, что длинные курганы содержат по нескольку урновых или безурновых захоронений по обряду трупосожжения. Курганы были отнесены к славянским.

Большое число длинных курганов раскопано в последних десятилетиях XIX в. и в самом начале XX в. В 80-х годах прошлого столетия исследованием таких курганов на юго-восточной окраине Эстонии занимался Г. Лешке (*Loeschke G.*, 1888, S. 200). На Смоленщине в 1892—1903 гг. большие раскопки провел В. И. Сизов (ОАК, 1896, с. 23, 24; 1898, с. 56—59; 1902, с. 94—99; 1903, с. 109; 1906, с. 122; Указатель памятников, с. 111—123). Итоги изучения их изложены исследователем в докладе на XI археологическом съезде (*Сизов В. И.*, 1902а, с. 81, 82). В. И. Сизов отнес эти памятники к славянским и датировал VII—VIII вв.

В 1900—1902 гг. длинные курганы, расположенные в бассейнах Великой, Ловати и Мсты, раскапывал В. Н. Глазов (*Глазов В. Н.*, 1901, с. 210—226; 1903б, с. 44—66; 1904, с. 50—60). Менее значительные раскопки принадлежат А. А. Заборовскому и В. И. Колосову (*Колосов В. И.*, 1906, с. 259, 260).

Уже в 1903 г. А. А. Спицын написал интересную статью, специально посвященную этим памятникам (*Спицын А. А.*, 1903г, с. 196—202). Расположение длинных курганов в одних группах вместе с круглыми насыпями, бесспорно славянскими, одинаковый погребальный обряд в тех и других памятниках, бли-

зость керамики и бедность вещевого инвентаря послужили основанием для отнесения длинных курганов к славянским древностям. По области распространения длинные курганы были связаны с кривичами. Время сооружения валообразных насыпей определено IX—X вв.

После выхода в свет статьи А. А. Спицына появился еще больший интерес к длинным курганам. До начала первой мировой войны было раскопано свыше трех десятков длинных насыпей в разных местах их ареала. Раскопками занимались: на Смоленщине — И. С. Абрамов (*Спицын А. А.*, 1906б, с. 192, 193); в бассейнах Великой и оз. Псковское — К. В. Кудряшов (*Кудряшов К. В.*, 1913, с. 241—264), В. Н. Крейтон (*Крейтон В. Н.*, 1914, с. 7—24) и В. В. Гольмстен (*Окулич-Казарин Н.*, 1914, с. 175, 176, 187); в верховьях рек Плюсса и Луга — В. А. Городцов, С. С. Гамченко и А. А. Спицын (*Гамченко С. С.*, 1913, с. 163—221; *Спицын А. А.*, 1914, с. 88, 89; ОАК, 1914, с. 66—68); в бассейне Полы, правого притока Ловати, — П. А. Садиков и П. Г. Любомиров: в бассейне Мсты — А. В. Тищенко (*Тищенко А. В.*, 1914а, с. 12—17).

А. А. Спицын неоднократно возвращался к вопросу об этнической принадлежности длинных курганов. Так, раскопки С. С. Гамченко под Сестрорецком и известия о курганах удлиненной формы в окрестностях Муромы заставили исследователя отнести длинные курганы к памятникам финского населения (Труды IV съезда, 1914, с. XLVI—XLVIII). В неопубликованных заметках 20-х годов А. А. Спицын вновь связывает длинные курганы с кривичами, руководствуясь распространением их в старом кривичском районе и эволюционной связью с бесспорно кривичскими древностями рубежа I и II тысячелетий. В одной из последних работ А. А. Спицын, обращая внимание на вещевой инвентарь длинных курганов, пишет, что эти памятники принадлежат «известной, скорее всего литовской народности» (*Спицын А. А.*, 1928, с. 337).

В 20—30-х годах раскопки длинных курганов велись в несколько меньших масштабах, но зато много внимания уделялось обследованию и регистрации этих памятников. На территории Белоруссии раскопками длинных курганов занимались А. Н. Лявданский и И. А. Сербов (*Лявданский А. Н.*, 1930 г., с. 173—196; *Сербаў І. А.*, 1930а, с. 91), в Псковской земле — Б. В. Сивицкий, А. А. Спицын и Н. Н. Чернягин. Длинные курганы в юго-восточной Эстонии исследовали Х. А. Моора и О. Саадре, а в восточных районах Латвии — Ф. Балодис (*Urtāns V.*, 1968, 65—70 lpp.). В Верхнем Поволжье один курган раскопан П. Н. Третьяковым (*Третьяков П. Н.*, 1949, с. 275).

В 1941 г. Н. Н. Чернягин издал археологическую карту длинных курганов, сыгравшую существенную роль в изучении древностей восточнославянских племен (*Чернягин Н. Н.*, 1941, с. 93—148). В работе

были собраны все сведения, которыми располагала советская археология к тому времени об этих памятниках. Отмечая, что длинные курганы распространены на летописной территории кривичей, а погребальная обрядность в них сходна с кривичской, известной по полусферическим курганам, исследователь вполне определенно связывал эти памятники с кривичами. Время захоронения в валообразных насыпях определялось Н. Н. Чернягиным VI—IX вв. К сожалению, большая группа могильников с длинными курганами, расположенных на территориях Эстонии и Латвии (до включения их в состав СССР), осталась вне поля зрения Н. Н. Черягина.

Наиболее существенный вклад в изучение длинных курганов сделан в послевоенный период. Если до 40-х годов только отдельные исследователи (А. Н. Лявданский, Н. Н. Черягин, П. Н. Третьяков) раскапывали эти памятники целиком, на снос, то теперь почти все валообразные насыпи исследуются на основе современной методики. Уже в 1948—1949 гг. к раскопкам длинных курганов в Псковской земле приступила С. А. Тараканова (Тараканова С. А., 1951, с. 141—154; 1959, с. 118—121). В обобщающей статье (Тараканова С. А., 1954, с. 77—110) она высказала критические замечания в адрес сводной работы Н. Н. Черягина. Однако ее попытка определить начальную дату захоронений в длинных курганах II—III вв. явно неудачна. Построения С. А. Таракановой в этом отношении методически ошибочны. При датировке длинных курганов II—III вв. она обращает внимание на начальную дату бытования тех или иных находок, не учитывая, что такие предметы продолжали существовать до середины I тысячелетия, а иногда и позднее. При этом она рассматривает отдельные предметы в отрыве от вещевых комплексов.

Позднее на территории Псковской земли раскопки длинных курганов производили Г. П. Гроздилов и В. В. Седов (Гроздилов Г. П., 1965, с. 77—87; Седов В. В., 1969, с. 91—96; 1971б, с. 52—58). По соседству, в юго-восточной части Эстонской ССР, интересные насыпи исследовали Х. А. Моора и М. Х. Шмидельм (*Schmiedehelm M.*, 1965, l. 17—50), а в Латвии — Э. Д. Шноре (*Šnore E.*, 1957, 169—172 lpp.; *Urtāns V.*, 1968, 65—70 lpp.). Я. В. Станкевич раскопала три длинных кургана на Жижицком озере и два — в верховьях Ловати (Станкевич Я. В., 1960, с. 219—287; 1962а, с. 31—35).

В северной Белоруссии исследования длинных курганов ограничились сравнительно небольшими раскопками А. Г. Митрофанова и Г. В. Штыхова (Штылов Г. В., 1969, с. 121—129; 1971, с. 66, 73—75; Очерки, 1972, с. 18—20).

На Смоленщине большие и серьезные работы проводил Е. А. Шмидт. С 1952 г. он раскопал более 30 длинных курганов, расположенных в различных местах Смоленской земли (Шмидт Е. А., 1954, с. 147—152; 1957б, с. 289—291; 1958б, с. 162—169; 1968, с. 228, 229; 1973, с. 3—14; Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963, с. 177—192).

Большое внимание уделяется изучению длинных курганов на окраинах их ареала. В 1966 г. один из длинных курганов в окрестностях г. Боровичи раскопал С. Н. Орлов. Важные исследования проведены в 1966 и 1968 гг. М. В. Фехнер у д. Шихино в междуречье верхней Мсты и верхней Волги (Мальм В. А.,

Фехнер М. В., 1969, с. 159—188). В 1971 г. одна длинная насыпь раскопана в бассейне верхней Луги на берегу оз. Черемецкое, между деревнями Рапти и Наволок (Лебедев Г. С., 1974, с. 69—73).

В публикациях Ф. Д. Гуревич в научную литературу вошли сведения о большом числе могильников с длинными курганами в Верхнем Понеманье (Гуревич Ф. Д., 1958, с. 54—65; 1962, с. 71—76, 156—178). Однако последующими изысканиями установлено, что длинных курганов, аналогичных тем, что известны на летописной территории, в Понеманье нет.

В 1974 г. опубликована научная сводка всех накопленных к настоящему времени данных по длинным курганам (Седов В. В., 1974а). В ней подведены итоги многолетнего изучения этих памятников, показано их своеобразие и определена принадлежность кривичам — одному из восточнославянских племен, формировавшихся в результате метисации пришлого славянского населения с местными финно-угорскими и балтскими племенами.

С выходом в свет этой работы интерес к длинным курганам усилился. С 1974 г. планомерные раскопки могильников с длинными курганами близ западного побережья Псковского озера (около деревень Лаосина и Рысна-Сааре) ведет М. Э. Аун (Аун М., 1976, с. 58—63; 1977, с. 71—76; 1978а, с. 83—89; 1978б, с. 456, 457; 1979, с. 479; 1980а; 1980б, с. 368—372; 1980в, с. 398). В результате этих раскопок выяснены весьма интересные детали погребальной обрядности и строения насыпей.

Менее значительные раскопочные работы велись и в других регионах распространения длинных курганов. Были продолжены раскопки таких памятников в местностях Лезги и Северик, в могильниках, известных по исследованиям прошлых лет (Александров А. А., Белецкий С. В., 1978, с. 5; Плоткин К. М., Грач В. А., 1978, с. 29). В Северике были открыты внутри длинных насыпей каменные перегородчатые конструкции, напоминающие наземные сооружения отдельных эсто-ливских каменных могильников. В 1976 г. один длинный курган был исследован в восточной части Новгородской земли на оз. Съезжее (Носов Е. Н., Верхорубова Т. А., 1977, с. 25).

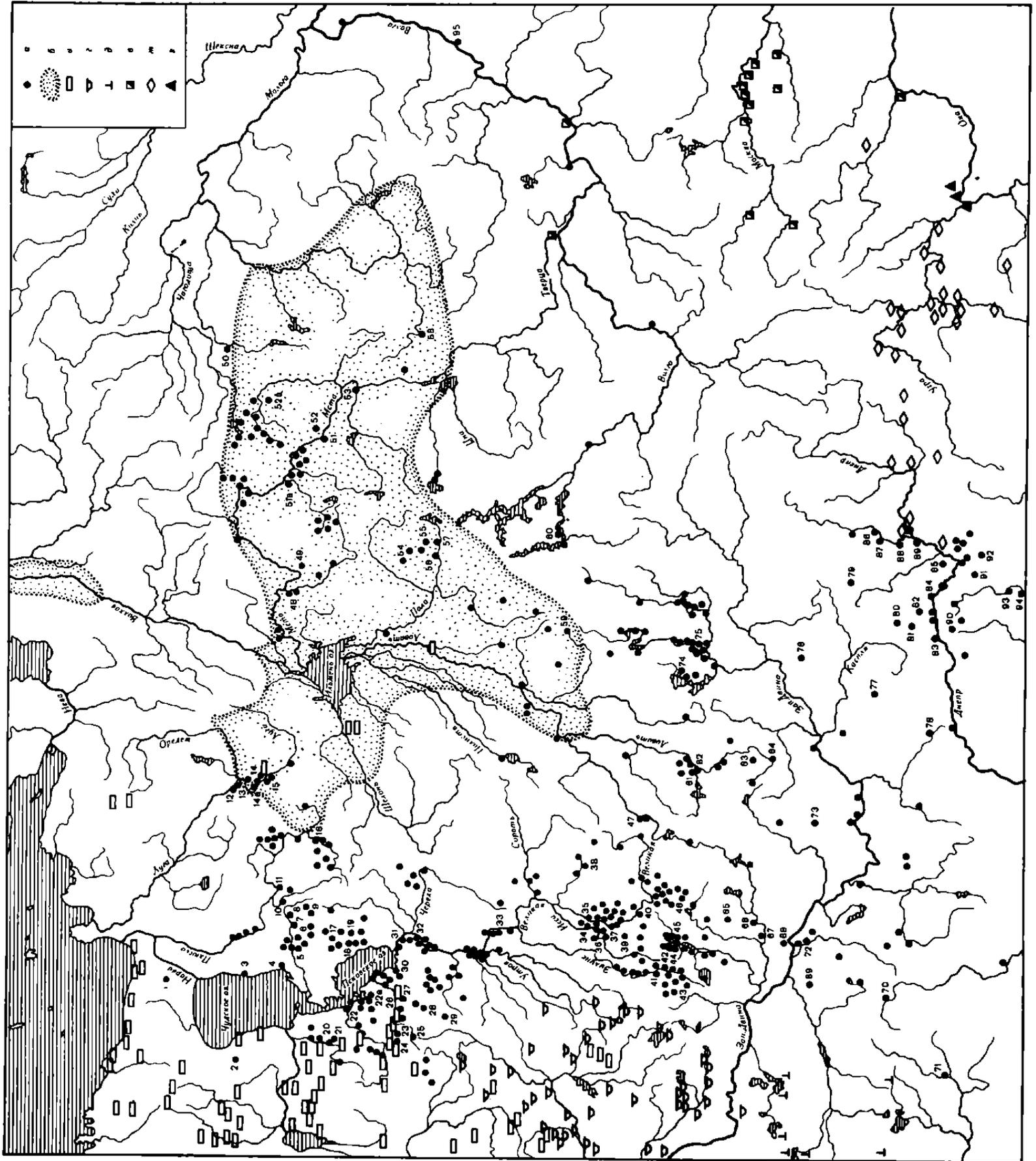
Небольшие раскопки подобных памятников вели Ю. М. Лесман в Лужском р-не Ленинградской обл. (Лесман Ю. М., Виноградов А. В., 1979, с. 23, 24) и Е. А. Шмидт в бассейне р. Каспля на Смоленщине (Шмидт Е. А., 1980, с. 89, 90).

В последние годы проведены большие полевые работы по обследованию уже известных могильников с длинными курганами, а также по выявлению новых памятников.

Основная территория длинных курганов приходится на бассейны Великой и Псковского озера, витебско-полоцкую часть Западновинского и смоленскую часть Днепровского бассейнов. В других местах могильники с такими насыпями очень немногочисленны. Они известны в бассейнах Плюсы, Луги, Мсты, Полю и Волги. Единичные могильники зафиксированы в верховьях Вилии и Гауи (карта 8).

Длинные курганы рассредоточены по своему ареалу довольно неравномерно. Наибольшее число могильников с валообразными насыпями приходится на бассейны Великой и Псковского озера. В настоящее время в этом регионе зафиксировано около 50%

ЧАСТЬ I. СЛАВЯНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В V—VII ВВ.

общего количества известных памятников такого типа. В бассейне Западной Двины и в Смоленском Поднепровье плотность могильников с длинными курганами сравнительно небольшая, в остальных, окраинных районах она еще меньше.

Представляет интерес территориальное распределение длинных курганов в зависимости от их размеров. Выделяется два района сосредоточения наиболее крупных насыпей. Это, во-первых, Себежское Поозерье с верховьями Великой; во-вторых, окрестности Псковского озера со смежными землями бассейнов Плюссы и Луги. Здесь встречены очень длинные насыпи (от 60 до 120 м) и сконцентрировано наибольшее число могильников с курганами, превышающими 40 м в длину. На Смоленщине таких курганов нет (только до 30 м). Очевидно, бассейны Великой и Псковского озера были основным районом распространения этих памятников, остальные части их ареала — периферийные.

Вопрос о том, сооружались ли длинные курганы одновременно или постепенно, в несколько приемов, по мере новых захоронений, долго был предметом дискуссии. Проведенные в последние годы исследования валлообразных насыпей позволили решить его окончательно. Установлено, что среди длинных курганов имеются насыпи, сооруженные как в один, так и в два — четыре приема. Какое-либо территориальное разграничение между этими курганами не наблюдается. Очевидно, способ сооружения зависел прежде всего от длительности использования погребальных насыпей, количества совершенных в них погребений и необходимости в присыпке дополнительных насыпей. Первичная погребальная насыпь будущих валлообразных курганов могла быть и небольшой длиной,

и круглой, и овальной в плане. Они или полностью скрывались при позднейших досыпках, или, в тех случаях, когда их диаметр превышал ширину валлообразной части, оставались хорошо заметными. Такие курганы называются комбинированными.

Длинные курганы получили распространение на территории, прежде занятой финскими и балтскими племенами. Граница между ними проходила здесь примерно по водоразделу Великой и Западной Двины и далее на восток, до верхневолжских озер, причем верховья Ловати принадлежали к балтскому ареалу, а верховья Западной Двины — к ареалу прибалтийско-финских племен. Та же самая линия разграничивает ареал длинных курганов на две области. К северу от этой линии в основаниях длинных курганов имеются зольно-угольные прослойки (табл. XVI, 2, 6); южнее они, как правило, отсутствуют (табл. XVI, 1, 4). Зольные прослойки (толщина от 2 до 30 см) образовались в результате предварительного выжигания, «очищения огнем» места, избранного для сооружения курганной насыпи.

Этот ритуал характерен для ряда прибалтийско-финских племен. Так, на территории Эстонии и северной Латвии такой обычай был распространен со II в. (Шмидельхельм М. Х., 1952, с. 80; 1955, с. 238). Зольные прослойки, аналогичные подошвенным слоям длинных курганов, зафиксированы также на памятниках воды (Седов В. В., 1953, с. 202, 203) и корелы (Nordman С. А., 1924, с. 100). Видимо, зольно-угольная прослойка в основании длинных курганов по происхождению связана с погребальным ритуалом прибалтийско-финских племен.

Недавние исследования в юго-восточной Эстонии выяснили, что в основаниях некоторых курганов имеются не ритуальные зольные прослойки, а подзолистый почвенный слой. Не исключено, что и в других местах в отдельных длинных курганах, раскопанных несовершенными методами, за зольно-угольные прослойки были приняты естественные подзолистые образования. Однако все же неоспоримо, что обряд выжигания поверхности, избранной для сооружения курганной насыпи, существовал.

Камень при сооружении длинных курганов, как правило, не применяли. Однако есть единичные насыпи, в которых открыты различные выкладки из камней. Так, в Северике, Лосицах (табл. XVI, 5), Лоози, Верепково зафиксирована обкладка камнями основания насыпей. Один из курганов в Северике имел, кроме того, сверху покров, сложенный из валунных и плитняковых камней. В одних курганах (Кудово, Тайлово, Северик, Заборье) камнями были обставлены погребения, в других (Верепково, Северик, Лосицы, Михайловское, Еловцы, Городок) — они прикрывали остатки захоронений. В кургане 6 у д. Першина в основании открыта вымостка из мелких камней, на которой насыпана зола с угольками. В кургане 18 Грицковского могильника крупными валунными камнями, положенными сверху, были обозначены места захоронений. Одно из захоронений длинного кургана у д. Северик помещено в каменном ящике, сложенном из плит.

Почти все длинные курганы с каменными конструкциями находятся в области расселения древних прибалтийских финнов. Все типы каменных кладок, зафиксированных в длинных курганах, имеют непо-

Карта 8. Распространение длинных курганов

а — могильники с длинными курганами; б — территория плотного распространения сопок; в — каменные могильники эстляндского типа; г — грунтовые могильники латгалов; д — восточнолитовские курганы; е — позднелитовские городища; ж — памятники мощиной культуры; з — ранние курганы вятичей

Цифрами обозначены только могильники с исследованными длинными курганами

1 — Кивийымме; 2 — Рускавере; 3 — Городище; 4 — Залахтове; 5 — Новая Желча; 6 — Светлые Вешки; 7 — Безьва; 8 — Жеребятино; 9 — Ново-Жуковская; 10 — Заполье Большое; 11 — Лосицы; 12 — Сытенка-Островенка; 13 — Сытенка; 14 — Замошье; 14а — Мерево; 15 — Ропти-Наволоки; 16 — Курей; 17 — Городня; 18 — Городище; 19 — Володи; 20 — Арняк I; 21 — Арняк II; 22 — Лаосина; 22а — Рысья-Сааре I и II; 23 — Ляндора; 24 — Лоози; 25 — Вастселина; 26 — Обинисте; 27 — Тайлово; 28 — Верепково; 29 — Столбово; 30 — Лезги; 31 — Северик; 32 — Першина; 33 — Смолынка; 34 — Шурупово; 35 — Кишкина; 36 — Волково; 37 — Укропово; 38 — Дыррино; 39 — Кудово; 40 — Казиха; 41 — Каталова; 42 — Пакрули; 43 — Шешки; 44 — Литвиново; 45 — Глубокое; 46 — Грицково; 47 — Сатонкино; 48 — Далево; 49 — Низовка; 50 — Левоча-Кажожа; 51 — Плесо; 51а — Кулотино-Полице; 52 — Боровичи; 52а — Съезжье; 53 — Береазовый Рядок; 54 — Дубровка; 55 — Подсосонье; 56 — Обрынь; 57 — Липецы; 58 — Шихино; 59 — Бологово; 60 — Изведово; 61 — Полибино I; 62 — Полибино II; 63 — Дорохи; 64 — Межио; 65 — Мылинки; 66 — Янкевичи; 67 — Борки; 68 — Горовые; 69 — Черневичи; 70 — Поречье; 71 — Гурки; 72 — Рудня; 73 — Рудня; 74 — Михайловское; 75 — Бенецкий; 76 — Шугайлово; 77 — Заозерье; 78 — Добрино; 79 — Введенье; 80 — Дроково; 81 — Заборье; 82 — Василевщина; 83 — Катынь; 84 — Ямщирино; 85 — Лопино; 86 — Хотынь; 87 — Городок; 88 — Ярцево; 89 — Пьева Слобода; 90 — Цурковка; 91 — Арефино; 92 — Огарково; 93 — Слобода Глушица; 94 — Еловцы; 95 — Митино

средственные аналогии в погребальных сооружениях прибалтийскофинских племен. Так, курганы с сооружениями из плитнякового камня в виде стенок-оградок, выявленные при новых раскопках в могильнике Северик, напоминают некоторые каменные могильники эстов, и скопления камней внутри оградок, открытые в Верепкове наряду с обкладкой камнями основания кургана, в какой-то степени аналогичны могильным памятникам эстов. Все это позволяет предположить, что появление каменных конструкций, а может быть, и скоплений камней в псковских длинных курганах, связано с местными прибалтийскофинскими традициями.

У населения, оставившего длинные курганы, господствовал обряд сожжения умерших. Кремация совершалась на стороне. Собранные с погребального костра остатки трупосожжения — кальцинированные кости в глиняной или берестяной урне или без нее, с переплавленными вещами или без инвентаря — помещались в различных местах валлообразных насыпей (рис. 8). В одном из курганов у д. Лаосина исследованы остатки погребальной урны, сделанной из дерева. Можно выделить несколько способов захоронений:

а. Остатки трупосожжения помещены на материке или на подошвенной зольно-угольной прослойке. Различаются три типа таких захоронений: 1) кальцинированные кости рассыпаны на более или менее значительной площади; 2) остатки сожжения образуют небольшую кучку; 3) остатки сожжения помещены в небольшую ямку;

б. Остатки кремации помещены в насыпи на специально выровненной площадке, иногда покрытой тонким слоем глины. Типы захоронений те же. После захоронений производилась досыпка курганных насыпей;

в. Эту группу составляют захоронения вводящие, помещенные в окопательно насыпанный курган. Здесь выделяются также три типа захоронений: 1) остатки трупосожжений сыпаны в глубокие ямы сравнительно крупных размеров (до $1 \times 0,9$ м в поперечнике и до 1 м в глубину); 2) остатки кремации помещены в небольшие и неглубокие ямки, вырытые в верхних горизонтах насыпи; 3) кальцинированные кости, собранные с погребального костра, рассыпаны прямо на поверхности насыпи.

Все эти типы захоронений широко распространены. Часто в одной и той же валлообразной насыпи сочетаются погребения различных типов. Наиболее распространены погребения, устроенные в ямках в готовой насыпи. Они составляют более 50% всех исследованных захоронений. По-видимому, весьма часто сожженные косточки рассыпали на поверхности курганов. Однако такие захоронения в результате действия ветров, дождевых и талых вод подвергались разрушениям и смывам. Вероятно, поэтому такие захоронения открыты пока в небольшом количестве. В старых раскопках, когда на изучение слоев, заполнявших рвы вокруг курганов, не обращали внимания, размытые поверхностные захоронения оставались незамеченными. Возможно, что в так называемых пустых курганах, которые особенно часты в Псковской земле, погребения принадлежали к последнему типу.

Сожжения на месте курганных насыпей зафиксированы в небольшом количестве: Василевщина, Зао-

зерье, Цурковка и Шугайлово на Смоленщине; Михайловское в верхней части Западноволжского бассейна; Шихино в верховьях бассейна Волги.

Иногда в курганной насыпи на месте погребения (на материке или на специальных площадках выше основания) разжигали ритуальный костер, от которого остались угольный или угольно-пепельный слой и легкая прокаленность грунта. Остатки керамики в этих случаях помещались прямо на огнищах или в ямке, вырытой в остатках кострищ. Этот ритуал получил широкое распространение на Смоленщине, где остатки таких кострищ встречены в большей части исследованных длинных курганов.

Вне Смоленщины ритуальные кострища на месте погребений встречаются очень редко. Видимо, чаще ритуальные костры зажигали во рвах, окружающих длинные насыпи. Остатки таких костров исследованы В. В. Седовым при раскопках Грицковских и Казихинских курганов в верховьях Великой. В заполнениях ровиков открыто по несколько углистых прослоек размерами от $0,5 \times 0,7$ до $1,1 \times 1,8$ м. Оказалось, что общее количество ритуальных кострищ во рву всегда превышает число захоронений в кургане. По-видимому, до нас дошли не все захоронения — часть из них, помещенная на поверхности курганов, была раздута ветрами или размыва. Угольные прослойки и линзы в заполнениях ровиков при длинных курганах в Новой Желче, Жеребятине, Ново-Жуковской и Светлых Вешках отметил К. В. Кудряшов. По-видимому, это следы аналогичных ритуальных кострищ. Поэтому можно предполагать, что ритуал разведения костров в курганных рвах был широко распространен. По своему смыслу и содержанию ритуальные костры, зажигаемые в момент захоронений, близки, если не тождественны, огнищам, открытым во рву Перынского святилища под Новгородом. Недаром оно по архитектуре напоминает строение славянских курганов (Седов В. В., 1953а, с. 92—103).

Число захоронений в длинных курганах колеблется от одного-двух до 22. Только 23,4% исследованных захоронений помещены в глиняные урны или накрыты сосудами, опрокинутыми вверх дном. Наибольшая часть (от 33 до 52%) урновых захоронений приходится на Полоцкое Подвинье и Смоленское Поднепровье. Зато в бассейнах Великой и Псковского озера доля урновых захоронений падает до 10—20%.

Все глиняные сосуды изготовлены вручную. По форме они подразделяются на несколько типов. К первому принадлежат сосуды баночной или слабопрофилированной усеченноконической формы (табл. XVII, 4, 15, 19). Они имеют красновато-желтую неровную поверхность с проступающими зернами дресвы и слюды и не орнаментированы. Наибольшее сходство эти сосуды обнаруживают с глиняными урнами из новгородских сопок. В сложении этого типа глиняных сосудов бесспорно воздействие местных керамических форм. Описываемая посуда находит аналогии в керамике прибалтийскофинских поселений, исследованных в верховьях Западной Двины и в бассейне Псковского озера, в том числе в юго-восточной Эстонии. Встречены эти урны в длинных курганах, расположенных исключительно в области расселения прибалтийскофинских племен.

Второй тип керамики длинных курганов составляют слабопрофилированные горшкообразные сосуды

(табл. XVII, 11, 13, 16, 20). Они имеют усеченноконическое тулово, округлые плечики и несколько отогнутый, реже прямой венчик. Изготавливались сосуды из красноватой глины со значительной примесью дресвы и песка. Размеры их различны: от крупных, высотой 35–40 см, до небольших, высотой 15–20 см. Орнаментация отсутствует. Эта керамика по формам и пропорциям имеет ближайшие аналогии среди славянской посуды пражского типа. Очевидно, она была принесена сюда славянами, выселившимися из основного региона славянского расселения в середине I тысячелетия н. э.

Все сосуды второго типа обнаружены исключительно в ареале древнейших длинных курганов и датируются VI–VII вв.

К третьему типу принадлежат профилированные горшкообразные сосуды небольших или средних размеров (табл. XVII, 1–3, 6–9). Большая часть их не орнаментирована. На Смоленщине в длинных курганах Слободы-Глушицы, Еловцев, Цурковки встречаются глиняные урны с узором в виде наклонных гребенчатых вдавлений. Эта посуда по форме и технике изготовления очень близка, а иногда и тождественна керамике, происходящей из круглых курганов IX–X вв. Детальное сопоставление этих глиняных урн с керамикой круглых курганов и синхронных им поселений с несомненностью свидетельствует о том, что керамика длинных курганов непосредственно переходит в древнерусскую лепную керамику. С другой стороны, очевидно, что глиняная посуда третьего типа генетически восходит к керамике длинных курганов, отнесенной ко второму типу. Эволюция керамики здесь шла в том же направлении, что и в других областях расселения восточных славян.

В длинном кургане, исследованном в Янкевичах в Полоцком Подвинье, найден глиняный сосуд типа Тушемли – Банцеровщины. Единичные сосуды, напоминающие тушемлинские, встречены и в некоторых длинных курганах Псковского региона. Особняком стоит сосуд из погребения 16 кургана 1 д. Северик. Этот приземистый горшок имел выпуклое, почти ребристое тулово (табл. XVII, 18). Ближайшие аналогии ему известны среди материалов из сопок.

Вещевой инвентарь из длинных курганов в зависимости от распространения можно разделить на три группы. В первую группу входят предметы, встречаемые по всему ареалу рассматриваемых памятников. Сюда относятся прежде всего бусы из синего, зеленого, голубого, желтого стекла (зонные, 14-гранные, ребристые, шарообразные; табл. XVIII, 3, 15). Встречаются также глазчатые бусы (табл. XVIII, 2), провизки и бисер. Значительное место в инвентаре длинных курганов принадлежит железным и бронзовым пряжкам – В-образным, удлинено четырехугольным с закругленными углами и вогнутыми внутрь боковыми сторонами, четырехугольным, трапециевидным, овальным, кольцеобразным и подковообразным (табл. XVIII, 5, 6, 14, 18, 20; XIX, 18, 21–25, 29). Довольно часты разнообразные бляшки и другие металлические принадлежности поясного набора (табл. XVIII, 17, 19). Браслеты и перстни в длинных курганах немногочисленны и обычно фрагментарны. Это толстопроволочные браслеты с коническими утолщениями на концах, пластинчатые или пластинчатые с продольными выпуклыми ребрами,

Рис. 8. Урновое захоронение VI–VII вв. из длинного кургана близ д. Казиха

спиральные (табл. XVIII, 22; XIX, 26, 28). Перстни представлены четырьмя типами: 1) спиральные, 2) широкощитковые, 3) «усатые» и 4) ребристые. Изредка встречаются фибулы (табл. XVIII, 27).

Из бытовых вещей наиболее часто встречаются железные ножи, реже – железные шилья и глиняные пряслица. Единичными находками представлены железный серп, наконечник копья, долото, железный рыболовный крючок, бронзовая линцетка, литейные формочки для отливки привесок, бляшек и бусин и глиняная льячка. Более распространены огнива двух типов – железные трубочки с несваренными концами и кварцитовые блоковидные, охваченные железным обручем с ушком для привешивания. В трех длинных курганах найдены железные удила, в двух – шпоры. Иногда в захоронениях длинных курганов встречаются обломки костяных предметов, в том числе орнаментированных рукояток.

К первой группе находок нужно отнести проволочные височные кольца (табл. XIX, 4, 5, 13), обнаруженные пока в единичных захоронениях.

Вторую группу находок из длинных курганов составляют предметы, встреченные исключительно в области прежнего расселения прибалтийских финнов. Таковы небольшие круглые выпуклые бронзовые украшения – так называемые бляшки-скорлупки (табл. XIX, 3, 10, 16,) – и колпачкообразные бляшки с широкими краями и с припаянным стерженьком (табл. XIX, 14). Бляшки-скорлупки имеют аналогии в каменных могильниках эстонских племен, где они датируются периодом от конца II до начала VI в.

Третью группу предметов из длинных курганов составляют находки, имеющие также локальное распространение. Они встречены только в длинных курганах, расположенных в области расселения балтов, т. е. на Смоленщине и в Полоцко-Витебском Подвинье. К числу таковых относятся предметы женского головного убора. Это элементы вайнаги – головного

венчика латгальского облика — и височные кольца. От вайнаг сохранились орнаментированные бронзовые бляшки и бронзовые спиральные пронизки (табл. XVIII, 11, 23, 25). Височные кольца представлены двумя типами — проволочные кольца с заходящими пластинчатыми концами (табл. XVIII, 7) и кольца с пластинчатой расширенной нижней частью, к которой подвешивались трапециевидные привески (табл. XVIII, 9). Представляется несомненным, что и те и другие головные украшения проникли в культуру длинных курганов от местных балтов.

Только смоленско-полоцкую часть ареала длинных курганов характеризуют проволочные бисерообразные украшения (табл. XVIII, 12), полусферические бляхи (табл. XVIII, 13), металлические трапециевидные и грибовидные привески (табл. XVIII, 10, 12, 21, 24), костяные привески в виде птичек (табл. XVIII, 1). Все они имеют многочисленные аналоги в балтских древностях более западных территорий. Появление этих украшений в захоронениях длинных курганов Смоленской и Полоцкой земель может быть объяснено только тем, что местные балты приняли непосредственное участие в генезисе населения, оставившего длинные курганы.

Для определения начальной даты длинных курганов важны бляшки-скорлупки, блоковидные кресала, В-образные пряжки и бронзовый пинцет из кургана 16 в Ляндора. Поскольку в прибалтийских древностях моложе VI в. бляшки-скорлупки уже не встречаются, их дату следует ограничить II—VI вв. (*Шмидельгельм М. Х.*, 1955, с. 74—90). Блоковидные кварцитовые кресала в памятниках юго-восточной Прибалтики были в употреблении преимущественно в VI—VII вв. (*Moora H.*, 1938, S. 569—574; *Kivikoski E.*, 1973, S. 39). Лишь единичные реликтовые находки подобных огнив обнаружены среди более поздних древностей. К числу ранних предметов вещевой коллекции длинных курганов принадлежат бронзовые пинцеты, имеющие аналоги в эстских каменных могильниках середины I тысячелетия н. э. (по V—VI вв. включительно). В-образные пряжки в прибалтийских древностях представлены широко и датируются VI—VII вв. (*Седов В. В.*, 1974а, с. 34, 35).

На основе этих находок наиболее ранние захоронения в длинных курганах датируются VI—VII вв. Таковы могильники Северик (курган 1, погребение 16), Лезги (курган 6, погребения 1 и 2), Ляндора (курган 16, погребение 1), Аряико (курган 9, погребение 1), Володи (курган 1, погребение 1), Светлые Вешки (курган 13, погребения 1—3), Полибино (курган 21, погребение 1), Липеды (курган 9, погребение 1), Михайловское (курган 3, погребение 1), Янкевичи (курган 1, погребение 2). В-образная пряжка из полибинского кургана по средневропейским аналогам может быть отнесена даже к V в.

Почти все эти курганы находятся в бассейне Псковского озера, т. е. в зоне наиболее плотного распространения длинных курганов и там, где известны наиболее крупные валобразные насыпи.

На Смоленщине и в Полоцкой земле длинные курганы распространяются позднее — только в VIII—IX вв. Выявить среди них более ранние захоронения не представляется возможным. В отличие от псковских длинных насыпей, в смоленско-полоцких часто встречаются вещевые находки. Как уже отмечалось,

женский погребальный инвентарь этих курганов своеобразен и имеет аналогии в балтских древностях. Эти материалы и дают твердое основание для датировки смоленско-полоцких длинных курганов VIII—IX вв. (*Шмидт Е. А.*, 1970а, с. 219—235).

Верхняя хронологическая граница захоронений в длинных курганах Псковского ареала совпадает со временем распространения обряда захоронений в круглых насыпях. Здесь, как и в других областях лесной зоны древней Руси, наиболее ранние круглые курганы с индивидуальными захоронениями относятся к IX в. Ни в одном из длинных курганов Псковской земли не встречены предметы X в. По-видимому, наиболее поздние захоронения в длинных курганах здесь совершены в VIII—IX вв.

К IX в. принадлежат и наиболее поздние захоронения длинных курганов Смоленской и Полоцкой земель. И только на окраинах или в глухих местах ареала длинных курганов встречаются отдельные захоронения, относящиеся к X в. Таковы погребения в одном из курганов Поречья, где найден дирхем X в., в Черневичском кургане 5, где вместе с лепными сосудами обнаружена гончарная урна, Шугайловский курган с находками гончарного кувшинчика и обломка шейной гривны с седловидным концом и курган на берегу оз. Черемнецкое (урочище Боровское Купалище) с гончарным сосудом.

Таким образом, первые длинные курганы были сооружены в VI в. В VI—VII вв. ареал их ограничивался Псковской землей и смежными с ней областями, входящими в бассейн верхней Ловати.

✓ Древности этого региона предшествующей поры принадлежат к культуре текстильной керамики, оставленной, что ныне представляется бесспорным, местным финно-угорским населением (*Sedov V. V.*, 1980b, S. 429—438). Поселения первой половины I тысячелетия н. э. этой культуры (наряду с текстильной керамикой они содержат часто и штрихованную, что характерно для Прибалтийскофинского региона) исследовались в бассейне Великой (*Тараканова С. А.*, 1956, с. 36, 37), Приильменье (*Орлов С. Н.*, 1962, с. 42—45; 1967, с. 233—236; 1968, с. 160—164), верхнем течении Западной Двины (*Станкевич Я. В.*, 1960, с. 7—151). Они свидетельствуют, что население в Новгородско-Псковской земле в это время было сравнительно малочисленным.

Труднее поддаются выявлению могильные памятники. Пока известны единичные каменные могильники — Солоницко и Подгощи в юго-западном Приильменье (*Перух Н. К.*, 1899а, с. 371, 372; *Alexandrov V. V., Tallgren A. M.*, 1930, S. 100—108) и на Луге (*Moora H.*, 1938, S. 18). Может быть, к этой же группе древностей принадлежат каменные вымостки, зафиксированные в прошлом столетии в нижнем течении Великой близ д. Ерусалимская (Псковские ведомости, 1879). Однако сейчас невозможно сказать, были ли каменные могильники в первой половине I тысячелетия н. э. характерны для прибалтийскофинского населения будущих Новгородской и Псковской земель или же это население хоронило умерших каким-то иным способом, недоступным археологическому изучению.

✓ Какая-либо генетическая преемственность между прибалтийскофинской культурой текстильной керамики первой половины I тысячелетия н. э. и культу-

рой псковских длинных курганов отсутствует. Это очевидно и по могильным древностям, и на основе пока еще плохо изученных поселений.

Многочисленные памятники второй половины I тысячелетия н. э., зафиксированные в Псковском регионе, свидетельствуют о значительном приливе сюда нового населения в середине этого тысячелетия.

По всей вероятности, сооружение валообразных насыпей явилось продолжением обряда захоронения остатков кремации в неглубоких ямках или на поверхности невысоких природных всхолмлений, может быть, удлиненной формы. Расселившись в новой местности, которая отличается равнинностью, пришлое население вынуждено было сооружать искусственные погребальные насыпи. На Псковщине в двух пунктах (Городище и Замошье) открыты захоронения того же облика, что и в длинных курганах, но в естественных валообразных насыпях. Исследования М. Э. Аун последних лет показали, что длинным курганам в юго-восточной Эстонии предшествовали погребальные площадки. Остатки трупосожжений, совершаемых на стороне, слышались в неглубокие ямки, вырытые на площадках. Площадки зафиксированы в структуре некоторых из раскопанных курганов, т. е. насыпи были сооружены непосредственно на погребальных площадках (Аун М. Э., 1980а).

Площадка, окруженная ровиком, в которой было восемь грунтовых ямок с остатками сожжения, исследована Е. Н. Носовым в могильнике культуры длинных курганов на берегу оз. Съезжее в Хвойнинском р-не Новгородской обл. (Носов Е. Н., 1980, с. 21, 22).

Ареал длинных курганов в целом охватывает три древнерусские земли — Псковскую, Смоленскую и Полоцкую. Все они, согласно сведениям летописей, были заселены кривичами — самой крупной этнографической единицей восточного славянства.

В этнографическом введении Повести временных лет указывается, что кривичи обитали «...на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ» (ПВЛ, I, с. 13). Тот же источник под 862 г. отмечает, что «первьии насельници... въ Полотъски кривичи» (ПВЛ, I, с. 18), а полочане происходят от кривичей (ПВЛ, I, с. 13). В Ипатьевской летописи под 1140 и 1162 гг. (ПСРЛ, II, с. 15, 91) и в Воскресенской летописи под 1129 и 1162 г. (ПСРЛ, VII, с. 28, 76) полоцкие князья называются кривичскими. Из летописной легенды о призвании варягов очевидно, что Изборск стоял в старой кривичской земле (ПВЛ, I, с. 18), а в Архантелогородском летописце сохранилось прямое известие об Изборске как кривичском городе (Шахматов А. А., 1899, с. 336). Поэтому в научной литературе укоренилось мнение, что Псковская земля была частью кривичского ареала.

Утверждение Г. С. Лебедева, что кривичской принадлежности населения Псковской земли будто бы противоречат языковые материалы (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978, с. 81—85), несправедливо. Как раз наоборот, языковые данные не разъединяют, а объединяют Псковскую землю со Смоленской и Полоцкой. Ныне псковские говоры относят к переходным, сложившимся в условиях тесного взаимодействия наречия, ставшего северно-белорусским, с северновеликорусским (Аванесов

Р. И., 1949, с. 230—234). При этом языковые особенности, связывающие псковские говоры с говорами других кривичских земель, получили в Псковской земле самое последовательное распространение. Можно полагать, что в конце I и начале II тысячелетия отчетливого рубежа между псковскими и смоленско-полоцкими территориями еще не было. Формирование южной границы псковских говоров, т. е. пучка изоглосс, отделяющего их от севернобелорусского диалекта, специалистами датируется временем Великого княжества Литовского (Образование севернорусского наречия, с. 445—452).

О кривичской принадлежности славян Псковщины свидетельствует и то, что латыши до сих пор называют всех русских термином, производным от этнонима кривичи (krivics). Очевидно, латышские племена соседили с кривичами и этот этноним позднее распространили на все русское население. А ведь основная часть пограничья латышских племен со славянами соответствует рубежу между ареалом псковских длинных курганов и регионом латгальских древностей. Тесный контакт Полоцка с латышской территорией устанавливается лишь с XII в., когда племенное название кривичи вышло из употребления.

Совпадение территории распространения длинных курганов с летописным ареалом кривичей служит одним из аргументов в пользу кривичской принадлежности этих памятников. Еще более существенно, что длинные курганы и их культура обнаруживают полную генетическую преемственность с последующими достоверно кривичскими древностями. В пользу этого говорят и особенности строения длинных курганов, и все детали их погребальной обрядности, и керамические материалы. Детальное сопоставление валообразных (длинных) и полусферических курганов IX—X вв. кривичей выявляет полное единообразие в устройстве и в особенностях погребального ритуала. Большинство длинных курганов расположено в одних группах с достоверно кривичскими круглыми насыпями, т. е. они составляют единые кривичские могильники (Седов В. В., 1974а, с. 36—41).

Вместе с тем в длинных курганах присутствуют и неславянские элементы. Так, в южных районах их ареала, принадлежавших с глубокой древности балтоязычному населению, как уже говорилось, изредка встречаются горшки тушемлинско-банцеровского типа, а в женских захоронениях — предметы украшения восточнобалтского облика. Одно время Е. А. Шмидт на этом основании относил смоленско-полоцкие длинные курганы к памятникам балтов (Шмидт Е. А., 1963а, с. 113; 1969, с. 129—144). Однако позднее этот исследователь пересмотрел свою точку зрения и признал принадлежность этих памятников кривичам (Шмидт Е. А., 1971, с. 1067). Присутствие предметов балтского происхождения обусловлено тем, что кривичи второй половины I тысячелетия н. э. включали как собственно славянское население, так и местных балтов, находившихся в стадии ассимиляции.

В равной степени закономерны некоторые прибалтийскофинские особенности в длинных курганах Псковщины, поскольку кривичи в этом регионе формировались в условиях взаимодействия славянского населения с местным прибалтийскофинским. Археоло-

логические памятники, оставленные населением, смешанным в этническом отношении, обычно характеризуются элементами, свойственными культурам того и другого этноса.

Таким образом, длинные курганы с самого начала сочетают в себе славянские и местные прибалтийскофинские или балтские культурные особенности. А это значит, что кривичи как отдельная восточнославянская племенная группировка формировались в условиях взаимодействия славян, расселившихся в бассейнах Великой, Западной Двины и Днепра, с местным населением.

Некоторые эстонские археологи, подчеркивая наличие в псковских длинных курганах зольно-угольных прослоек и каменных конструкций, склонны считать эти памятники прибалтийскофинскими (Лаул С., 1971, с. 319—329; 1975, с. 378—384).

Мысль о неславянской принадлежности длинных курганов высказывали также М. И. Артамонов (Артамонов М. И., 1967, с. 65—68) и И. И. Ляпушкин (Ляпушкин И. И., 1966, с. 127—134; 1968, с. 91—95). Доводы этих исследователей были рассмотрены и отвергнуты в монографии о длинных курганах (Седов В. В., 1974а, с. 36—41). Однако мнения о неславянстве этих памятников продолжают придерживаться некоторые исследователи. В книге «Археологические памятники древней Руси IX—XI вв.» длинные курганы Псковской земли рассматриваются в качестве погребальных сооружений дославянского финноязычного населения — чуди (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978, с. 21—24).

Исследователи, приписывающие захоронения в псковских длинных курганах прибалтийскофинскому населению, не учитывают самого существенного обстоятельства — погребальный ритуал.

В настоящее время погребальный обряд славян второй половины I тысячелетия н. э. изучен обстоятельно и на весьма широкой территории Европы от Эльбы на западе до Поднепровья на востоке. В лесной зоне славянского расселения вплоть до X в. безраздельно господствовал обряд трупосожжения. В раннее время захоронения совершались в грунтовых могильниках, в VI—VII вв. зарождается и широко распространяется обычай сооружать курганные насыпи. В различных регионах славянского расселения курганы различаются некоторыми незначительными деталями строения, но погребальный обряд всюду однообразен (Zoll-Adamikowa H., 1975; Русанова И. П., 1976).

Кремация умерших совершалась, как правило, на стороне, вне курганов. Остатки трупосожжений (кальцинированные кости без пепла или с небольшим количеством золы), собранные с погребального костра, помещались в курганные насыпи индивидуально, т. е. для каждого захоронения рыли в насыпи или в ее основании ямку или устраивали небольшую площадку для помещения костей кучкой. Основная масса погребений безурновые и безынвентарные. Лишь в сравнительно немногих случаях остатки сожжения помещались в глиняные (реже берестяные) урны.

Наряду с лепной керамикой и домостроительством погребальный обряд является важнейшим этнографическим признаком славянской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э. Именно по этим элемен-

там славянские древности вычлениются исследователями среди синхронных иноэтнических — германских, фракийских, балтских, финских, тюркских и пр. Так, на основе деталей погребальной обрядности в Нижнем Подунавье славянские трупосожжения дифференцируются от фракийских, в бассейне Эльбы — от германских и т. п. даже в тех случаях, если они находятся в общих могильниках. Конечно, на территории Европы проживали и такие неславянские племенные группировки, у которых погребальная обрядность была близка славянской. В частности, к ним, как кажется, принадлежали некоторые племена днепровских балтов. Поэтому при этнической атрибуции погребальных памятников приходится привлекать керамический материал, а при наличии исследованных поселений — и элементы домостроительства.

Прибалтийскофинский похоронный ритуал I тысячелетия н. э. весьма существенно отличался от славянского. Могильники прибалтийскофинских племен, хорошо изученные на территории Эстонии, Латвии и Финляндии, характеризуются коллективным способом погребений. Различить индивидуальные захоронения здесь просто невозможно. Остатки кремации, совершенной на стороне, не помещались отдельными захоронениями, а рассыпались внутри оградок. В каждой из оградок каменных могильников таким образом разбрасывали по нескольку или по нескольку десятков погребений, которые невозможно расчленить. Захоронения в оградках совершались иногда в течение нескольких столетий. Невозможно распределить по погребениям и вещи, встречаемые при раскопках оградок прибалтийскофинских могильников (Шмидехельм М. Х., 1955; Selirand J., 1974).

Погребальный обряд, выявляемый по материалам всех исследованных до сих пор длинных и круглых курганов Псковской земли, не имеет ничего общего с прибалтийскофинским ритуалом. На основе обрядности все псковские курганы второй половины I тысячелетия н. э. должны быть отнесены к славянской культуре. В распоряжении археологов нет ни малейших оснований предполагать, что в Псковской земле до славянского расселения жили прибалтийскофинские племена, которые хоронили умерших не по прибалтийскофинскому, а по славянскому ритуалу.

Длинные и круглые курганы с трупосожжениями Псковской земли находятся в одном ряду с курганными памятниками других славянских регионов. Эволюция обрядности у псковских славян протекала идентично развитию погребального ритуала в других местах славянского расселения. Как и на Псковщине, в Припятском Полесье или в Повисленье ранние курганные насыпи были коллективными усыпальницами, содержащими по нескольку индивидуальных захоронений. Примерно в одно и то же время во всех этих регионах на смену курганам со многими погребениями приходят насыпи с одним-двумя трупосожжениями. Во всех этих регионах господствуют безурновые и безынвентарные захоронения. Процент захоронений с вещами примерно одинаков. Основное различие заключается лишь в том, что в Псковском регионе развился обычай наряду с распространенными в славянском мире полусферическими курганами сооружать длинные или удлиненные насыпи. Впрочем, удлиненные и овальные курганы встреча-

Рис. 9. Изборское городище

ются и на коренных славянских землях, в частности в Повисленье.

Говоря о славянстве населения, оставившего псковские длинные курганы, необходимо, учитывая сложную этноисторическую обстановку того времени, допускать, что среди захоронений в этих насыпях были трупосожжения не только пришлых славян, но и местных прибалтийских финнов и, возможно, балтов. Дифференцировать их невозможно. Все захоронения имеют славянский облик, что, очевидно, обусловлено этнокультурным воздействием славян на местное финноязычное население.

Существенные выводы для изучения этнической структуры населения, хоронившего умерших в псковских длинных и синхронных с ними круглых курганах, может дать анализ керамического материала. Глиняная посуда из рассматриваемых памятников не дает повода для их прибалтийскофинской атрибуции. Среди керамического материала псковских длинных курганов имеются глиняные урны (Михайловское, Жеребятино, Володи), сопоставимые по всем признакам с достоверно славянской керамикой третьей четверти I тысячелетия н. э., называемой пражско-корчакской. На это уже обращали внимание археологи-слависты (Русанова И. П., 1976, с. 200).

Находки керамики пражско-корчакского облика в длинных курганах свидетельствуют, что среди захоронений этих памятников имеются несомненно славянские. Эти погребения принадлежат к ранней фазе

культур длинных курганов. Отсюда следует, что славяне или были создателями этой культуры или составляли часть населения, создавшего ее.

Г. С. Лебедев явно ошибается, видя какие-то «серьезные изменения деструктивного характера» в материальной культуре населения северо-западных земель в VIII–IX вв. (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978, с. 65). Погребальный ритуал, как уже отмечалось, вплоть до распространения обряда ингумации, т. е. до начала XI в., в Псковской земле не претерпел каких-либо существенных изменений. Металлические предметы, встречаемые в длинных курганах, — скорлупообразные бляшки, браслеты с расширяющимися концами, пинцеты, а также каменные блоковидные кресала выходят из употребления не одновременно, не деструктивно и, самое главное, не только в регионе псковских длинных курганов, но на всей широкой территории их бытования.

В VIII–IX вв. когда длинные курганы постепенно сменились полусферическими насыпями с одиночными трупосожжениями, археология не фиксирует ни притока нового населения в Псковский регион, ни какого-либо разрыва в эволюции материальной культуры.

Имеется также ряд косвенных доводов в пользу славянской принадлежности псковских длинных курганов. В науке известно, и об этом пойдет речь ниже, что в древнерусских курганах X–XIII вв., расположенных в лесной зоне Восточной Европы, там, где происходила славянизация аборигенного финно-угорского населения, отчетливо проявляются различные и порой многочисленные субстратные элемен-

ты. В ареале псковских длинных курганов таких насыпей почти нет, хотя бесспорно, что он был заселен до прихода славян прибалтийскофинскими племенами, которые, судя по гидронимическим данным, не покинули мест обитания в процессе славянского расселения.

Если бы прибалтийскофинским племенам Псковского региона, как полагают некоторые исследователи, действительно был свойствен курганный обряд погребения, то он должен был получить дальнейшее развитие в юго-восточной Эстонии, где проживало и во второй половине I тысячелетия и во II тысячелетии н. э. то же самое население. Между тем, курганы здесь сооружали только во второй половине I тысячелетия н. э. Для X—XIII вв. курганы в юго-восточной Эстонии не характерны (известны лишь единичные насыпи X—XI вв.). В то же время в остальной части ареала псковских длинных курганов обычай сооружения погребальных насыпей получил дальнейшее развитие. Очевидно, в юго-восточной Эстонии население, с которым было связано появление курганного обряда, оказалось ассимилированным местными прибалтийскими финнами.

О славянском проникновении в юго-восточные районы территории современной Эстонии говорят и лингвистические данные. В вырусском диалекте эстонского языка отчетливо фиксируются не только лексические, но и фонетические особенности, говорящие о том, что на юго-востоке Эстонии некогда имел место не маргинальный, а внутрирегиональный контакт прибалтийскофинского населения со славянским и русским. При этом наиболее раннее славянское проникновение здесь относится ко времени до сложения древнерусского языка. На этом основании финский языковед Э. Н. Сетяля утверждал, что начало славяно-прибалтийскофинского контакта пужно относить примерно к VI в. н. э. (*Setälä E. N., 1926, s. 160*).

Изучение поселений культуры длинных курганов находится в начальной стадии. Это были селища. Однако известны они пока лишь по поверхностным обследованиям и в очень небольшом количестве. Ни одно из поселений не подвергалось раскопкам. Говорить о топографии, застройке и размере селищ пока невозможно.

В VIII в. в кривичской земле строятся первые городища. Одно из них — Изборское городище (рис. 9). Оно было устроено на высоком мысе при впадении безымянного ручья в озеро Городищенское, связанное системой вод с Псковским озером. С двух сторон городище имело почти отвесные склоны, а с третьей, напольной, из плотной глины был сооружен дугообразный вал шириной 10 м. Размеры треугольной площадки первоначального городища около 90×70 м.

Памятник имеет наслоения VIII—XIII вв. Нижний слой его, относящийся к VIII—началу X в., в результате интенсивной строительной деятельности последующих периодов оказался во многих местах потревоженным. От построек до нас дошли в основном печи и очаги, но есть и остатки жилищ, погибших в результате пожаров. Жилыми постройками были наземные срубные дома размерами от 3,5×3 до 4×4 м с деревянными полами и отопительными устройствами, занимавшими один из углов.

Совершенно такие же жилища характерны для Изборска последующего времени. По конструктивным особенностям и интерьеру они принадлежат к постройкам, типичным для северной группы восточного славянства. Подобные жилища исследовались на многих поселениях, в том числе хорошо известны по материалам Новгорода, Ладоги и Пскова (*Засурцев П. И., 1963, с. 12—45; Раннопорт П. А., 1975, с. 121—129*). Эти жилища ведут происхождение от домов северной группы славян третьей четверти I тысячелетия н. э., характеризующейся пражско-корчакской керамикой и наземным домостроительством (*Donat P., 1976, S. 113—125*).

Столбовые дома в Изборске не строились вовсе. Раскопками зафиксированы остатки лишь единичных построек хозяйственного назначения со столбовой конструкцией стен.

В слоях VIII—начала X в. Изборского городища исследованы остатки более 150 печей. Все они глиняные, имели в плане округлую или овальную форму и достигали размеров от 0,5×0,7 до 1,2×1,5 м. Печи подразделяются на два типа.

Одни из них имели в основаниях вымостки из камней. Под печей был глиняным, он намазывался на каменное основание, стены делались из глины. Изредка основания печей опоясывались венцом из камней. Изборские печи этого типа по всем конструктивным особенностям аналогичны печам латгальских жилищ (*Шноре Э. Д., 1961, с. 64—75*). Подобные печи с каменным основанием открыты также на городищах Камно (*Плоткин К. М., 1974, с. 28*) и Псковском, на селище при городище Рыуге. Образую вместе с изборскими единый компактный регион, находки печей этой конструкции как будто свидетельствуют об их местном происхождении.

Основная масса изборских глиняных печей принадлежит к иному типу. Они целиком — от основания до свода — строились из глины. В отдельных печах зафиксированы следы деревянных каркасов, которыми пользовались при сооружении сводов. Такие круглые глинобитные печи не имеют прототипов среди местных прибалтийскофинских или балтских древностей. Они известны в отдельных регионах славянского расселения третьей четверти I тысячелетия н. э., в частности в верхнем течении Вислы, в бассейне Буга, Среднем Поднепровье и Закарпатье (*Donat P., 1970, S. 253—255; Котигорошко В. Г., 1977, с. 80—94*). Думается, что в Изборск характеризующие глиняные печи были перенесены славянами откуда-то с юго-запада. Возможно, что к этому же типу принадлежат и глиняные печи, остатки которых зафиксированы раскопками славянских поселений VIII—X вв. в Ильменском бассейне (*Орлов С. Н., Аксенов М. М., 1961, с. 164; Орлов С. Н., 1972, с. 131*).

В Псковском и Новгородском регионах глиняные печи бытовали непродолжительное время. С XI в. в Изборске, как и в Пскове, Новгороде и на других поселениях Северо-Западной Руси уже господствовали печи-каменки (*Седов В. В., 19756, с. 67—71*).

Среди жилищ, исследованных в нижнем слое Изборского городища, особняком стоят две постройки IX в. Они также были срубными, но имели глинобитные полы и отапливались очагами. Размеры их 3,5×3 и 3,5×2,8 м. Жилища с глинобитными полами известны по раскопкам поселений типа Рыуге в юго-

восточной Эстоии, были распространены в регионе расселения латгалов, зафиксированы на городищах Камно и Псковском (Седов В. В., 1975а, с. 290). Очевидно, изборские постройки с глинобитными полами составляют с ними один культурный регион и оставлены неславянским населением поселка.

В нижнем слое Изборска исследовано более 20 очагов. Они имели круглую или овальную форму (поперечник от 0,5 до 1,2 м). Сложены очаги из речного песка или глины и окружены по периметру плитняковыми камнями, поставленными на ребро. Подобные очаги были распространены на городищах Камно, Псковском и Рыуге. Очевидно, применение очагов в Изборском городище обусловлено местными традициями, они скорее всего принадлежали местному прибалтийскофинскому населению.

Раскопки в Изборске позволили восстановить планировку и застройку поселения VIII—IX вв. В средней части его основателями была устроена площадь, округлая в плане, диаметром около 20 м, с горизонтальной поверхностью. При ее сооружении использован плитняковый выступ материка, благодаря чему площадь оказалась приподнятой над окружающей поверхностью на 30—50 см. Предназначалась площадь, очевидно, для племенных собраний, культовых празднеств и гаданий (табл. XVI, 9).

Древнейшая лепная керамика Изборского городища представлена горшкообразными сосудами с плавным профилем. Наибольшее расширение их приходится на верхнюю треть, нижняя часть — усеченноконическая (табл. XVII, 14). Эта керамика, аналогичная глиняным урнам из длинных курганов, отнесенным ко второй группе, сопоставима с керамикой пражско-корчакского типа, характерной для славянских памятников V—VII вв. на широкой территории от верхней Эльбы до среднего Днепра.

Фрагменты этой керамики в слоях Изборского городища составляют $\frac{1}{5}$ всей лепной посуды памятника. Основная ее масса состоит из профилированных горшкообразных сосудов, имеющих многочисленные аналогии среди древнерусской керамики IX—X вв. Единичными фрагментами представлена керамика рыугеского типа. Это баночные сосуды и лощеные профилированные миски (Седов В. В., 1978б, с. 63—67).

В слое с лепной керамикой найдены железные ножи, серп, глиняные пряслица, каменные рыболовные грузила и др. Для определения ранней даты Изборского городища важны каменные блоковидные кресала, о хронологии которых говорилось выше, и бронзовая равноплечная фибула (табл. XIX, 1). Последняя находка имеет аналогии среди фибул Финляндии, где они определенно датируются VIII в. (Kivikoski E., 1973, S. 61, Abb. 401). Таким образом, время основания поселения определяется рубежом VII и VIII вв.

В слое с лепной керамикой собрана интересная коллекция железных изделий — кузнечная наковальня, долото, серпы и серповидный нож, рыболовные крючки, пряжки, ножи и шилья, а также предметы вооружения. Находки инструментария, болотной руды и шлаков допускают предположение о собственном железодельном и железообрабатывающем ремеслах в Изборске VIII—начала X в. С момента основания поселения здесь занимались и бронзолитейным

ремеслом, о чем говорят находки тиглей, льячек, литейных форм, а также шлаков и каплевидных слитков бронзы. Зафиксировано изготовление на городище каменных пряслиц и изделий из кости.

Все материалы свидетельствуют о том, что Изборск в VIII—начале X в. был ремесленно-торговым укрепленным поселением — одним из племенных центров славян, расселившихся в середине I тысячелетия н. э. в бассейне Псковского озера и Великой.

Изборскому городищу синхронно Псковское. Ко времени сооружения длинных курганов здесь относятся наслоения, содержащие остатки наземных домов с глинобитными полами и очагами того же типа, что на рыугеских поселениях, а также жилища с прямоугольными углублениями, причисляемые к полуземлянкам (Тараканова С. А., 1947, с. 146; 1950, с. 21). С. В. Белецкий, изучив отчетные материалы по раскопкам С. А. Таракановой на Псковском городище, пришел к выводу, что жилища с углублениями относятся не к раннему железному веку, как полагали некоторые исследователи, а к третьей четверти I тысячелетия н. э. (Белецкий С. В., 1980, с. 9, 10). Они сопровождаются лепной керамикой, среди которой имеются формы, близкие пражско-корчакским горшкам, сковородки (табл. XVII, 10), а также раструбообразные сосуды (табл. XVII, 5), напоминающие тушемлянские. Ко второй половине I тысячелетия н. э. относятся немногочисленные фрагменты рыугеской керамики (табл. XVII, 12).

В этих напластованиях Псковского городища обнаружены предметы (табл. XIX, 2, 6—9, 12, 17, 19), позволяющие дополнить характеристику культуры длинных курганов. Интересны односторонние костяные гребни с резными фигурными или орнаментированными рукоятками. Ажурная резьба выполнена с большим мастерством и художественным вкусом. Наиболее простые орнаменты состоят из круглых или овальных отверстий или циркульного узора. Но чаще мотивами орнамента служат резные стилизованные животные, воспроизведенные с изяществом. На одном из гребней сверху вырезаны птичьи головы, а ниже процарапаны изображения кораблей (табл. XIX, 2).

Односторонние цельные костяные гребни с резной фигурной спинкой распространены на широкой территории от Эстоии до Прикамья, принадлежавшей финно-угорским племенам.

Псковские жилища с углубленным котлованом (табл. XVI, 11) скорее всего были не полуземлянками, в отличие от которых стенки псковских котлованов наклонны (размеры ям сверху до 4×3,5 м, внизу — 3×3 м). Очевидно, это были наземные срубные постройки, имевшие углубления в полу. Такие славянские жилища весьма характерны для отдельных мест ареала пражско-корчакской керамики (Donat P., 1976, S. 113—124, Abb. 3), откуда они, по-видимому, и были занесены в бассейн Псковского озера.

Как и материалы длинных курганов, синхронные им поселения свидетельствуют о формировании кривичей в условиях взаимодействия славян с местными неславянскими племенами. Этим обусловлена некоторая разнотипность домостроительства в ареале длинных курганов. Наряду с жилыми постройками, имеющими аналогии в славянском домостроительстве середины и третьей четверти I тысячелетия н. э.,

здесь встречаются и упомянутые выше строения с глинобитными полами, и наземные столбовые дома с отопительными устройствами в их средней части. Остатки таких домов исследованы на селище Жабино (табл. XVI, 3), где вместе с керамикой, принадлежащей ко второй группе глиняной посуды культуры длинных курганов, найдены и сосуды тушемлинско-банцеровского облика (Станкевич Я. В., 1960, с. 112—114, рис. 70; 72; 73).

Кривичи как отдельная племенная единица восточного славянства формировались, нужно полагать, в бассейнах Великой и Псковского озера, а также в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье. В их сложении приняли участие местное прибалтийскофинское и балтское население и расселившиеся здесь носители славянского языка. Постепенно местное население было славянизировано и вошло в состав восточнославянской народности паравне со славянами.

Труднее решить вопрос о происхождении той группы славян, которая в середине I тысячелетия н. э. расселилась в бассейне Псковского озера и его главной реки — Великой. Этноним кривичи произведен от имени родоначальника племени Крива (Фасмер М., 1967, с. 375, 376). Не исключено, что это был предводитель славянской группировки, которая, оторвавшись от основной славянской территории V—VI вв., продвинулась далеко на север.

Долгое время в историко-археологической литературе было распространено мнение о расселении кривичей на летописной территории из приднепровских областей. Полевые изыскания последних десятилетий на Смоленщине и в Полоцко-Витебском Подвинье показали, что здесь в течение VI—VII вв. обитали балты, в то время как в бассейнах Великой и Псковского озера уже распространилась культура длинных курганов. К тому же оказалось, что культура среднеднепровских славян характеризуется полуземляночными жилищами с печами-каменками, тогда как ранним кривичским землям свойственны наземное домостроительство и глиняные печи.

Еще в 20-х годах XX в. известным лингвистом К. Бугой и археологом А. А. Спицыным было высказано предположение о западном происхождении кривичей (Буга К., 1924, S. 33; Праць, 1926, с. 27—30). В 1960 г. В. В. Седов попытался обосновать это положение некоторыми конкретными данными (Седов В. В., 1960б, с. 53—59). Позднее этот вопрос рассматривался в книге, посвященной славянским древностям Верхнего Поднепровья и Подвинья (Седов В. В., 1970б, с. 105—108) и в монографии о длинных курганах (Седов В. В., 1974а, с. 41).

Однако некоторые археологи не согласились с таким решением вопроса (Артамонов М. И., 1974, с. 251, 252; Тыниссон Э., 1976, с. 300—305). Тем не менее, эта точка зрения остается наиболее аргументированной как археологическими, так и лингвистическими материалами.

К собственно славянским элементам в культуре длинных курганов относятся лепная керамика, близкая по форме и пропорциям сосудам пражского типа; наземные срубные жилища с деревянным полом и печью в одном из углов; дома с углублениями, где печь занимает угловое положение; одна из существенных деталей погребальной обрядности — помеще-

ние остатков сожжения в урне или без урны в неглубокие ямки. Из обширнейшего региона, занятого славянами в середине I тысячелетия н. э., все эти особенности вместе характеризуют лишь территорию, входящую в бассейны Вислы и Одры. Однако пути продвижения славян отсюда на Псковщину археологически пока не выявляются.

Данные языкознания вполне определенно указывают на связь кривичей бассейна Великой и Псковского озера с Висло-Одерской группировкой славян. В отличие от прочих восточнославянских говоров, в древнепсковском диалекте сохранились сочетания *dl, tl* (в несколько измененном виде — *гд, кл*). Изоглосса *dl, tl—l* относится к первому разделению праславян на две диалектные группы — северо-западную (с сохранением *dl, tl*) и юго-восточную (эти сочетания упростились в *l*). «Предки носителей псковских и соседних с ними говоров были непосредственными соседями предков западных славян и сохранили в своем языке сочетания *tl, dl*. Когда эта славянская группа ... вступила в тесный контакт с балтийцами, *tl, dl* в их речи, как и у балтийских соседей, изменилась в *kl, gl*» (Филин Ф. П., 1968, с. 159). Некоторые эстонские слова, заимствованные из славянского, отражают фонологические особенности (не деназализованные *a* или *e*), свойственные западнославянскому миру. Судя по данным гидронимии, в диалекте псковских кривичей отсутствовал «*l* эпентетикум», что опять-таки характерно для западнославянских языков. Наконец, лексический материал псковских говоров также выявляет некоторую близость с западнославянскими языками.

Очевидно, не случайно прибалтийскофинские народы до сих пор называют своих соседей славян (т. е. русских) венедами, как бы подчеркивая, что предки кривичей вышли из северо-западной (венедской) группировки раннего славянства.

Культура новгородских сопок

Сопки — высокие крутобокие насыпи с уплощенной или горизонтальной вершиной и с кольцом, выложенным из валунов, в основании (рис. 10). Эта внешняя характеристика сопки позволяет разграничивать их от погребальных насыпей, относимых к курганам. Следует заметить, что среди сопки встречаются и насыпи с полусферическими и с коническими верхами. У некоторых высоких и крутобоких насыпей не заметно валунной обкладки. Она могла не сохраниться, но иногда находится внутри насыпи.

Основным районом распространения сопки является бассейн оз. Ильмень (карта 9). Более 70% могильников, в которых имеются такие насыпи, расположено в этом бассейне. Остальные сопки занимают верховья Луги и Плюсы, верхнее и среднее течение Мологи, т. е. районы, непосредственно примыкающие к Ильменскому бассейну. Вне этой территории, в отдельных пунктах бассейнов Западной Двины, Великой и нижней Мологи, известны немногочисленные и разрозненные сопкообразные насыпи.

Наиболее плотно сопки расположены в южном и юго-восточном Приильменье, в верховьях Луги и Мологи. Очевидно, это были основные районы, занятые населением, оставившим описываемые памятники.

Рис. 10. Сопка у д. Крестецкая Слобода

Старое мнение, что сопки в основном сосредоточены на берегах крупных рек, т. е. на торговых путях, связывавших север Европы с арабским Востоком и Византией, не соответствует действительности. Абсолютное большинство сопок находится на мелких речках, не пригодных для древнего судоходства. Сопки концентрируются в тех местностях, где расположены и древнерусские курганы и жальники X—XVI вв., а также поселения XIX — начала XX в. Почвенная карта показывает, что население как XIX — начала XX в., так и времени сооружения сопок концентрировалось в районах, наиболее пригодных для запятый земледелием.

По размерам сопки разнообразны — от небольших, высотой 2—2,5 м и диаметром 12—14 м, до грандиозных, достигающих 10 м и более в высоту при диаметре около 40. Преобладают насыпи высотой до 5 м.

Сопки расположены в одиночку или группируются в небольшие могильники из двух-трех насыпей. Реже попадаются группы из 4—12 сопок, а около четверти известных могильников состоит из сопок, сгруппированных вместе с курганами или жальничными погребениями.

Сравнительно высокий процент одиночных сопок и небольших могильников объясняется, во-первых, существованием в то время малодворных поселений, во-вторых, спецификой подсечного земледелия, требовавшего не только смены участков, предназначенных для возделывания культурных растений, но и передвижения самих поселений.

В отличие от древнерусских курганных могильников, в которых погребальные насыпи расположены

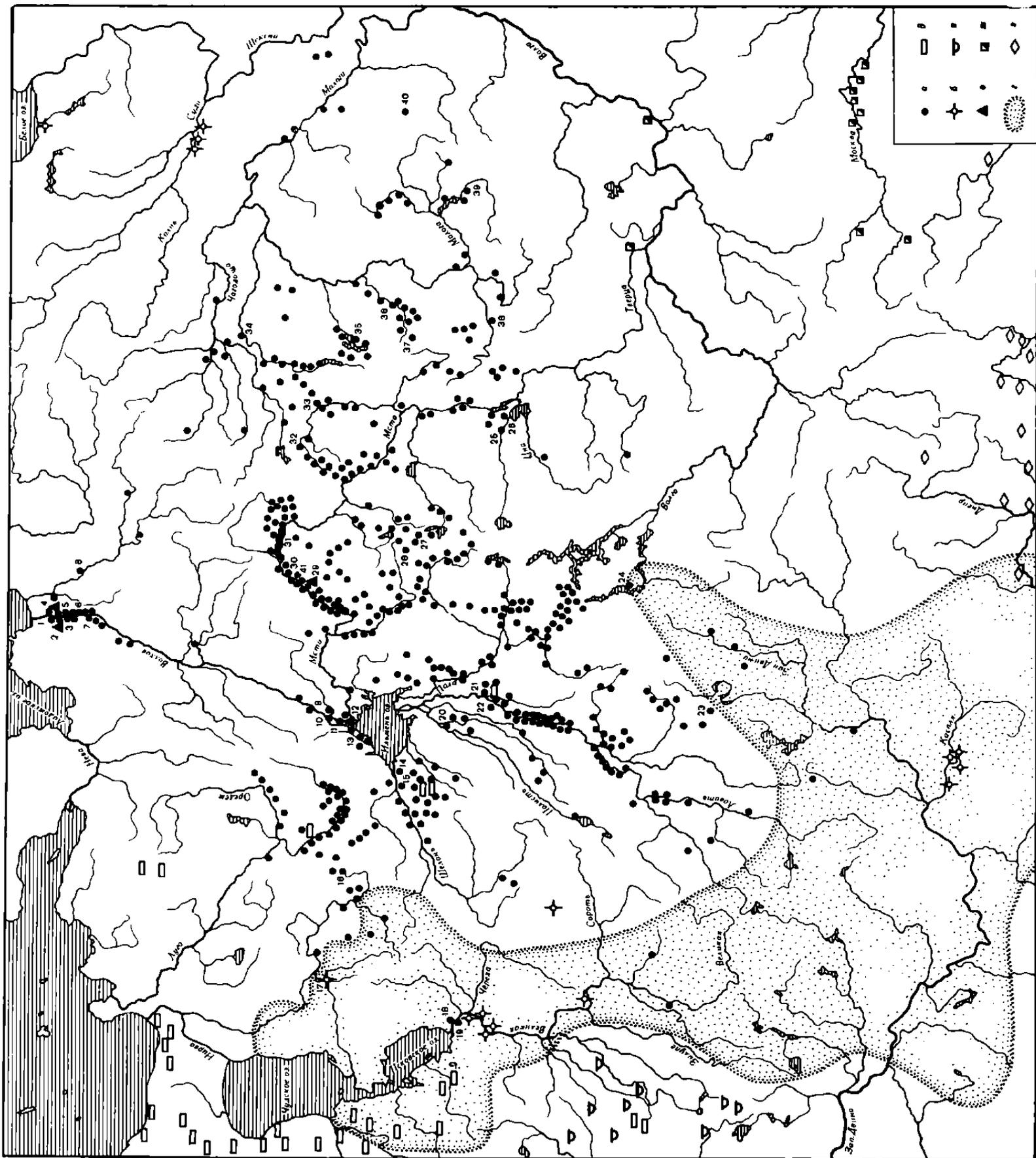
скупенно, без какого-либо порядка, сопки, составляющие единые группы, отдалены одна от другой всегда на более или менее значительные расстояния (от 20—30 до 100 м и более). Обычно сопки располагаются цепочкой вдоль берега реки или озера. Имеется немало случаев бессистемного расположения насыпей. Если могильники состоят из сопок и курганов, то курганы обычно образуют особую, крайнюю часть могильника или же концентрируются вокруг одной из сопок.

Первые раскопки сопок были проведены около 150 лет назад одним из первых русских археологов-славистов Зорианом Ходаковским (*Ходаковский З.*, 1839, с. 147—149; 1844, с. 368—375). Он исследовал три сопки около Новгорода (Волотово) и Старой Ладуги (Велеша) и еще три в Бежецах на верхней Мологе. З. Ходаковский считал сопки славянскими погребальными памятниками и в общих чертах правильно наметил область их распространения.

В 1873 г. по поручению Русского археологического общества шесть интересных сопок, расположенных в южном Приильменье (Коровичино, Марфино и Селяха), исследовал Л. К. Ивановский (*Ивановский Л. К.*, 1881а, с. 57—67). К 70-м годам прошлого века относятся также раскопки Н. Г. Богословского в окрестностях Новгорода и в западном Приильменье и В. А. Прохорова на Мсте. В 90-х годах раскопками сопок в районе Валдайских озер и в бассейне Мсты занимались В. С. Передольский, П. А. Путятин и слушатели Петербургского археологического института. Все эти исследования велись несовершенными методами, без достаточной документации.

Более ценны в научном отношении исследования Н. Е. Бранденбурга. В начале 90-х годов он раскопал десять сопок, расположенных в низовьях Волхова:

ЧАСТЬ I. СЛАВЯНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В V—VII ВВ.

Октябрьское, Лопино, Велеша, Победище, Плакун, Старая Ладога (*Бранденбург Н. Е.*, 1895, с. 90, 91, 135—141). Исследователь считал их славянскими погребальными насыпями.

Итоги археологического изучения сопки были подведены в самом конце XIX в. А. А. Спицыным (*Спицын А. А.*, 1899г, с. 142—152). Отметив распространение этих памятников в старом славянском ареале, исследователь определил сопки как погребальные насыпи восточного славянства и датировал их IX—X вв. В других статьях А. А. Спицын писал о сопках как о памятниках одного из восточнославянских племен — словен новгородских (*Спицын А. А.*, 1899в, с. 308—310). Позднее, указывая на расположение сопки по берегам крупных рек — основных торговых путей того времени, он отнес эти памятники к норманнам (*Спицын А. А.*, 1908, с. 16; 1922, с. 1—8). Впрочем, впоследствии А. А. Спицын от этого мнения отказался.

В начале XX в. единичные сопки раскапывали Н. К. Рерих (Устрека на р. Уверь), В. Н. Глазов (Овселуг в Осташковском уезде) и К. Д. Трофимов (Средние Озерцы на Плюссе). Наиболее значительные исследования того времени принадлежат П. Г. Любому (Любомиров П., 1913, с. 224—234), раскопавшему шесть сопки на берегах Мсты (Илемки, Никулище и Золотое Колово).

В 1930 г. изучением сопки в Приладожье занимался В. И. Равдоникас, высказавший сомнение в их славянской принадлежности опять-таки из-за расположения этих памятников по берегам крупных рек, а также отмечая некоторое их сходство с погребальными насыпями Скандинавии (*Равдоникас В. И.*, 1934, с. 36, 37). В 30-х годах две сопки раскопал Новгородский музей, но материалы не были опубликованы.

Сведения о новгородских сопках суммированы в работе Н. Н. Чернягина, вышедшей в 1941 г. (*Чернягин Н. Н.*, 1941, с. 94—134). К тому же времени относится статья П. Н. Третьякова, посвященная равнинным памятникам северной части восточного славянства (*Третьяков П. Н.*, 1941, с. 37—39). В этих работах время захоронений в сопках определяется VI—IX вв. Составленная Н. Н. Чернягиным карта сопки показала, что они занимают в основном те об-

ласти, которые летопись отводит словенам новгородским. Поэтому сопки были определены как памятники, оставленные этим племенем.

Работа Н. Н. Чернягина — серьезный этап в исследовании новгородских сопки. Однако с тех пор прошло 30 лет, и теперь она вызывает ряд серьезных замечаний. Так, Н. Н. Чернягин отнес к сопкам все насыпи с трупосожжениями высотой 2 м и более и все высокие неисследованные курганы. В результате в группу сопки ошибочно попали насыпи иного типа. Неоправданным представляется также включение Н. Н. Чернягиным в число сопки круглых насыпей, отличных по строению, но синхронных с сопками. Ошибочно включены в группу сопки некоторые насыпи, не являющиеся погребальными (например, Подшевелиха, Козикино, Орлов Городок и др.).

В послевоенный период значительные раскопки сопки не велись. Однако новые исследования ценны тем, что выполнены современными методами и хорошо документированы. С. Н. Орлов и Н. Н. Гурина раскапывали сопки в окрестностях Старой Ладоги (*Орлов С. Н.*, 1955, с. 190—211; 1958, с. 236—239). В 1965 г. интересную сопку на Мсте (Воймерицы) исследовал А. В. Куза (*Куза А. В.*, 1966, с. 156, 157).

Обобщающая сводка данных, которыми располагает современная археология по новгородским сопкам, была опубликована в 1970 г. (*Седзв В. В.*, 1970а). В ней подведены итоги многолетнего изучения этих древностей.

В 1970—1975 гг. было раскопано несколько сопки в Старой Ладоге и ее ближайших окрестностях (*Назаренко В. А.*, 1971, с. 4; *Петренко В. П.*, *Кривичина Г. А.*, *Теребинин Н. М.*, *Лебедев Г. С.*, 1973, с. 35, 36; *Носов Е. Н.*, *Конечный В. Я.*, 1974, с. 23, 24; *Петренко В. П.*, 1975, с. 32, 33; 1977, с. 55—62; *Петренко В. П.*, *Кучер А. Л.*, *Рацко В. В.*, 1976, с. 35; *Петренко В. П.*, *Конаков Н. Д.*, *Рогачев М. Б.*, 1977, с. 85—90). В 1972 г. одну из интереснейших многоярусных сопки, расположенную у д. Репьи в верхней части бассейна Луги, раскопал Г. С. Лебедев (*Лебедев Г. С.*, 1977б, с. 42—45; 1978, с. 93—99). Еще одну сопку недалеко от Пскова (Романово) исследовал в 1974 и 1975 гг. С. В. Белецкий (*Белецкий С. В.*, 1976, с. 6, 7).

Ежегодно проводятся значительные экспедиционные работы по обследованию сопки, выявленных в XIX и начале XX в., а также поиски новых насыпей.

Одной из важнейших частей сопки является кольцо, сложенное в основании из валунов (табл. XX, 2, 4, 6, 7). Это кольцо в большинстве случаев сооружалось раньше, чем насыпь. Оно имело ритуальный смысл и одновременно укрепляло основание насыпи. Складывалось кольцо из более или менее крупных валунов, положенных с небольшими промежутками или без них. Иногда наблюдается два концентрических кольца из камней. Изредка камни лежат в два-три яруса. В окрестностях Старой Ладоги раскопаны сопки, в которых вместо простого кольца из камней обнаружены более сложные кладки. Так, в сопке 145 у с. Октябрьское Н. Е. Бранденбург открыл оригинальный кольцеобразный цоколь шириной до 1,4 м. Его наружная часть сложена из огромных валунов, вплотную примыкавших друг к другу, внутренняя — из небольших плит, положенных насухо. Промежуток между стенкой из плит и валунами был забит кам-

Карта 9. Распространение сопки

а — могильники, имеющие в своем составе сопки; б — могильники с насыпями, отнесенными к сопкам условно; в — поселения, синхронные сопкам; г — территория плотного распространения длинных курганов; д — каменные могильники эстонского типа; е — грунтовые могильники латгалов; ж — позднесредневековые городища; з — памятники мощинской культуры

Цифрами обозначены могильники с исследованными сопками 1 — Велеша; 2 — Старая Ладога (сопки и поселение); 3 — Победище; 4 — Горчаковщина (поселение); 5 — Плакун; 6 — Лопино; 7 — Октябрьское; 8 — Красная Заря; 9 — Родиново; 10 — Ушерка; 11 — Волоотово; 12 — Рюриково городище (поселение); 13 — Любожа; 14 — Витоль Большая; 15 — Горцы; 16 — Озерцы Средние; 17 — Горско; 18 — Муровичи; 19 — Романово; 20 — Марфино; 21 — Коровичино; 22 — Селяха; 23 — Гладкий Лог; 24 — Овселуг; 25 — Любинед; 26 — Заречье; 27 — Валдай; 28 — Миронегв; 29 — Золотое Колово (сопки и поселение); 30 — Илемки; 31 — Воймерицы; 32 — Горки; 33 — Устрека; 34 — Избойце; 35 — Городище; 36 — Сарогожский; 37 — Абакумово; 38 — Воронцово; 39 — Бежеды; 40 — Боженки; 41 — Никулище

нем и щебнем, а сверху накрыт плитами, уложенными плашмя. Изредка встречаются сопки, в которых камни дополнительно крепили их склоны (Велеша под Старой Ладогой, Воймерицы).

Представление о том, что сопки сооружались в два-три приема, возникло давно и подтверждается новейшими работами. Их сооружение выглядело следующим образом. Сначала выкладывалось кольцо из крупных валунов, по диаметру равное основанию будущей сопки. В основаниях ряда сопок отмечен темный зольный слой, который мог образоваться от сгорания костров. По мнению Н. Е. Бранденбурга, зольный слой в основании сопок образовался от костров, которые жгли с целью освящения будущих погребальных насыпей (Бранденбург Н. Е., 1895, с. 7). Не исключено, что золу также приносили со стороны, с погребальных костров, и сыпали на месте, выбранном для сооружения сопки.

Аналогичные зольные прослойки весьма характерны для псковской группы длинных курганов, где они имеют западнофинское субстратное происхождение. Очевидно, того же происхождения этот ритуал и в сопках.

По-видимому, сразу же после образования зольного слоя насыпали нижнюю часть сопки (около четверти высоты полной сопки). В течение некоторого времени в этой насыпи совершали захоронения, а затем насыпь увеличивали в высоту на 1,5—3 м. Обычно нижнюю и следующую части сопки разделяют прослойки жирной золы и угля толщиной до 15—20 см. В верхней части насыпи какое-то время совершали захоронения, а затем сопку подсыпали в третий раз, и здесь вновь совершали погребения. Верхняя и средняя части сопок обычно разграничиваются также слоем золы с углем.

Подобную структуру имели многие исследованные сопки во всех районах Новгородской земли. Зольные прослойки, разграничивающие разновременные части сопок, видимо, имели такой же ритуальный смысл, как и подошвенные. Образование же гумуса скорее всего обусловлено перегниванием дерна, которым каждый раз покрывали насыпь.

Естественно, что наряду с насыпями, сооруженными в несколько приемов, имеются сопки, насыпанные за один раз. Ведь в силу ряда обстоятельств население, которому принадлежали сопки, в отдельных пунктах могло покинуть места своего жительства, не успев подсыпать сопку вторично.

Умерших в сопках хоронили исключительно по обряду трупосожжения. В некоторых насыпях, правда, открыты также скелетные захоронения по христианскому обряду. Однако все они поздние, впускные, т. е. совершены уже в то время, когда сопки перестали сооружать, и поэтому не имеют непосредственного к ним отношения.

Кремация умерших, как правило, совершалась на стороне, а в сопку приносили остатки сожжения, собранные с погребального костра. Количество кальцинированных костей в захоронениях различно — от единичных обломков до 350—550 г. Остатки кремации помещались или в глиняные горшки-урны, или в специальную зольно-угольную прослойку (в рассыпанном состоянии или кучкой), или же в неглубокие ямки, вырытые для захоронений. Можно догадываться о существовании еще одного способа

захоронения — небольшое число сожженных костей, собранных с погребального костра, бросали прямо в насыпь, видимо, при ее сооружении или подсыпке.

В основании сопок и в их насыпях на различной высоте встречаются разнообразные сооружения из камней. В ряде случаев очевидно, что они связаны с захоронениями. Так, в одной из сопок в урочище Победище под Старой Ладогой на глубине 1,4 м был открыт настил из 15 валунов, на котором обнаружен глиняный горшок с сожженными костями. В той же сопке на глубине 3,5 м открыто другое сооружение из камней, в котором устроена ниша. В ней стояли два глиняных сосуда с кальцинированными костями. Остатки трупосожжения, накрытые глиняным горшком, обнаружены также вблизи каменной площадки в сопке урочища Плакун. Судя по данным раскопок Л. К. Ивановского, в ловатских сопках остатки трупосожжения обычно находились над каменными выкладками или под ними. Такая же взаимосвязь каменных сооружений с захоронениями отмечена и при раскопках сопок в других районах.

Наиболее распространены в сопках кладки-помосты, сложенные из валунов в один, реже в два-три яруса. Форма их в плане различна. Обычно они имеют ровные негеометрические очертания, реже встречаются четырехугольные кладки. В трех сопках, расположенных в низовьях Волхова (Велеша, Октябрьское, Победище), открыты каменные вымостки треугольной и близкой к треугольной формы. Кроме помостов, в сопках встречены и иные сооружения из камней. Исключительно в районе Старой Ладогы (Велеша, Лопино, Победище) открыты кладки в виде стенок, сложенных из валунов. Выкладки в виде груды валунов исследованы на Волхове (Велеша, Октябрьское, Победище), на Мсте (Бронницы) и в бассейне Ловати (Марфино). В сопке при д. Воймерицы куча камней в основании обложена кольцом из валунов.

До недавнего времени каменные кладки в сопках составляли исключительно с различными сооружениями из камней, встречаемыми в курганах Скандинавии. Отсюда делали выводы о норманском происхождении новгородских сопок. Между тем, каменные кладки сопок имеют ближайшие аналогии прежде всего в местных погребальных памятниках. Это — вымостки, сложенные из валунов прямо на поверхности земли. Каменные сооружения в новгородских сопках повторяют эти каменные вымостки.

Аналогии каменным кучам, открываемым в сопках, обнаруживаются опять-таки в памятниках местных финских племен. Так, большинство курганов, исследованных Л. К. Ивановским в северо-западной части древней Новгородчины, имело внутри кучи, сложенные из камней. Погребения по обряду кремации или ингумации в таких насыпях обычно находят около или внутри каменных кладок (Спицын А. А., 1896б, с. 8, 9; Перилл Н. К., 1899б, с. 324; Шмидт Г. Р., 1890, с. 610).

Таким образом, кладки из камней в сопках, видимо, связаны с местной западнофинской традицией.

Не находят аналогий в местных материалах только каменные вымостки треугольной формы и сложенные из валунов стенки. Но такие сооружения единичны (сопки 140 и 142 в Победищах, сопки 132 и раскопанная Н. Н. Гуриной в Велешах, сопки 144 в Лопино и 145 в Октябрьском) и территориально ограничены

низовьями Волхова. Подобные треугольные кладки весьма характерны для курганов эпохи викингов в Скандинавии, где встречаются и изогнутые стенки, выложенные из камней (*Strömberg M.*, 1961, S. 49—72). В связи с этим можно предположить, что происхождение подобных кладок в сопках обусловлено норманским проникновением в области Приладожья.

Во многих сопках найдены кости различных животных — кальцинированные или несожженные. Встречаются они в одних случаях в насыпях, в других — при захоронениях остатков кремации. Чаше других попадаются конские кости, но встречаются также кости коровы, собаки, барана, зайца и птиц. Обычай помещать кости животных, а иногда и целые особи при захоронениях был довольно широко распространен в лесной полосе Восточной Европы. Он неоднократно зафиксирован при раскопках ярославских и приладожских курганов, основная часть которых принадлежит финскому населению. Кости различных животных часто находят также в курганах Водской пятны, значительная часть которых оставлена вдовью или ее славянизированными потомками, во владимирских курганах, где присутствие мерянских захоронений несомненно, а также и в других погребальных насыпях древней Руси, где обычны вещевые находки финно-угорских типов. Тот же обряд известен и в некоторых финно-угорских грунтовых могильниках (например, в погребениях ломоватовской культуры Прикамья). Все это позволяет считать, что распространение обычая класть кости животных в новгородские сопки обусловлено участием местных финно-угорских племен в этногенезе словен новгородских.

Как уже отмечалось, захоронения в сопках располагаются ярусами. Наибольшее число захоронений приходится на верхние горизонты этих насыпей, принадлежащие к последнему периоду их использования. Обычно они открываются или непосредственно под дерном, или на небольшой глубине. Число таких захоронений в одной сопке колеблется от одного до семи. Однако сопки раскапывались в основном траншеями, а в последние десятилетия исследовались уже потревоженные насыпи. В связи с этим нужно полагать, что количество захоронений в верхних горизонтах этих памятников было всегда больше.

Вторую группу составляют захоронения, находящиеся в срединных частях сопок. Число их также значительно. Наконец, последнюю грунну образуют погребения в основаниях сопок. Таким образом, общее количество захоронений в сопках исчисляется десятками.

Конкретное представление о строении сопок дают насыпи, хорошо сохранившиеся и обстоятельно раскопанные, которые пока единичны. Так, на основе совокупности всей информации может быть восстановлена история сопки 145 у с. Октябрьское (бывшее с. Михаил-Архангел) в низовьях Волхова, раскопанной Н. Е. Бранденбургом (*Петренко В. П.*, 1980, с. 69—76). На начальном этапе была выбрана небольшая возвышенность на краю высокого берега Волхова и на ней устроено несколько каменных вымосток или куч из валунов. Около них поместили захоронения, совершенные на стороне.

Затем возвели первоначальную насыпь высотой около 5 м. Вершину ее сделали уплотненной, а вок-

руг основания соорудили цоколь-ограду из валунов и плит. Верхняя площадка насыпи имела диаметр 6 м. На ней была возведена следующая серия каменных вымосток, которые имели различную форму в плане. По-видимому, здесь совершались и захоронения. Однако они не были зафиксированы раскопками.

В дальнейшем сопку подсыпали до высоты 7 м. На вершине новой насыпи сделали площадку, на которой выложили еще три вымостки из плит и камней. Рядом с одной из кладок, но на 0,7 м глубже, был обнаружен раздавленный лепной горшок, содержащий, как пишет автор раскопок, «животный уголь» (может быть, остатки жертвоприношения).

Последним этапом сооружения сопки была ее подсыпка до высоты 9 м. В верхней части насыпи открыто захоронение — скопление кальцинированных костей, бронзовая проволока и обломок железного предмета.

Выше 70% исследованных погребений в сопках принадлежит к безы Inventарным. В остальных захоронениях содержатся единичные, порой маловыразительные вещи, не дающие достаточного представления о культуре населения, оставившего эти памятники. Наиболее часты среди находок стеклянные и пастовые бусы: синие бусины, в том числе шарообразные с желтыми глазками, посеребренные провизки, провизки и небольшие шарообразные бусины вишневого цвета, бусины из черной пасты с бирюзовыми и красными глазками (табл. XXI, 24). Единичными экземплярами представлены призматические и многогранные бусины из сердолика (табл. XXI, 36). Среди предметов из бронзы и меди преобладают остатки конского убора — разнообразные бляхи и бляшки (табл. XXI, 2—5, 19, 26, 27, 33, 35, 39). Найдены также спиральки, трапециевидные привески, бубенчики, провололочные колечки от цепочек, оковки, скорлупообразные бляшки (табл. XXI 8, 12, 17, 18, 30, 31). Из предметов украшения встречены перстни (табл. XXI, 6, 7). Обнаружены пряжки (табл. XXI, 34, 37, 38), бронзовый псалий (табл. XXI, 9) и стерженьки от крепления узды (табл. XXI, 10).

Коллекцию предметов из железа составляют ножи, четырехугольная пряжка, наконечники стрелы и копья (табл. XXI, 41), инструмент коновала (табл. XXI, 40), обломки удила, цепочки (табл. XXI, 1), гвозди и др. В единичных погребениях встречены изделия из кости — трубочки с узором, рукоятки ножей, гребень. Найдены в сопках оселки.

Для сопок характерны безурновые захоронения. Лишь в виде исключения встречаются погребения в урнах, среди которых есть и глиняные, и берестяные сосуды (табл. XX, 3).

Самыми распространенными были слабопрофилированные приземистые (низкие, но широкие) горшки с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (табл. XXII, 1, 2). Наиболее близки к сосудам этого типа горшки из нижнего слоя Старой Ладоги и из ярославских курганов (*Станкевич Я. В.*, 1950, с. 192, рис. 3, 2; 1951, с. 220, 221; *Мальм В. А.*, 1963, с. 43—50). Приземистые сосуды весьма характерны для финских древностей Восточной Европы. Поэтому можно полагать, что в сложении описываемого типа сосудов из сопок отразилось влияние местных финских керамических форм. Сосуды из сопок отличаются от последних тем, что имеют отчетливо выраженную

усеченноконическую нижнюю часть. Это сближает их с лепной посудой из славянских курганов IX—X вв.

Второй тип керамики сопок включает широкогорлые биконические сосуды с резким переломом в плечиках и чуть отогнутым венчиком (табл. XXII, 3). Такие сосуды широко представлены в материалах нижнего горизонта Старой Ладogi (Станкевич Я. В., 1950, с. 191—196). В дославянских намятниках Новгородской земли прототипы этих сосудов не встречаются. Нет аналогий им и среди ранних славянских древностей Верхнего и Среднего Поднепровья. Зато сосуды биконических и ребристых форм составляют характерную особенность культуры славян между-речья нижней Вислы и Эльбы. Это обстоятельство еще не может служить поводом для предположения о расселении славян в Приильменье из региона балтийских славян. Можно предположительно говорить лишь о том, что характеризующая керамика ильменских славян и глиняная посуда балтийских славян имели одну основу. Не исключено, что эти отдаленные территориально группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства, определить который затруднительно.

Согласно представлениям археолога ГДР И. Херрманна, сходство раннесредневековой керамики балтийских и ильменских славян могло быть обусловлено регулярными торговыми связями, установившимися с IX в. через Балтийское море (Херрманн И., 1978, с. 191—196; 1980, с. 40, 41). Впрочем, с этим пока трудно согласиться.

Наиболее ранние вещи происходят из трупосожжений, открытых в основании сопки у д. Репьи в Верхнем Полужье. Здесь найдены бляшки-скорлупки того же типа, что и в длинных курганах Псковщины, где они датированы VI в.; бронзовые браслеты с расширяющимися концами, украшенными геометрическим орнаментом, которые датируются в Прибалтике V—VII вв.; трапециевидные привески и другие предметы. Комплекс вещей надежно датируется VI—VII вв. (Лебедев Г. С., 1977б, с. 42—44).

Набор бляшек-тройчаток, круглых плоских, сердцевидных, полушаровидных, продолговатых с накладкой, из захоронения 4 сопки 140 в урочище Победище имеет аналогии среди предметов из могильников Финляндии, датирующихся концом VI и VII в. (Наскман А., 1938, S. 186, Abb. 58). Аналогичные бляшки в памятниках Прикамья и Волго-Окского междуречья бытовали в VI—VIII вв. (Смирнов А. П., 1952, с. 174—181; Горюнова Е. И., 1961, с. 33—37). Таким образом, погребение 4 описываемой сопки можно датировать лишь в широких пределах от конца VI до VIII столетия.

Пастовые бусы (крупные черные с глазками) из велешской сопки, исследованной С. Н. Орловым, имеют аналогии в тех же прикамских могильниках VI—VIII вв. Стекланные посеребренные пронизки из той же сопки сходны с находками в слоях VIII—IX вв. Старой Ладogi (Гуревич Ф. Д., 1950, с. 173). К тому же времени принадлежит сегментовидная бляшка велешской сопки, что позволяет датировать насыпь VII—IX вв. Наиболее поздние захоронения в сопках относятся к IX в. Такими погребения в сопке, исследованной С. Н. Орловым в урочище Плакун, и захоронение, содержащее синие бусы с желтыми глазками, в сопке 142 в Победище.

Таким образом, общие хронологические границы погребений в сопках могли бы быть определены временем от VI до IX в. Однако сопка у д. Репьи является единственной, датируемой VI—VII вв. Материалы всех остальных сопек не дают ни малейших оснований для датировки их столь ранним временем. Безусловно, основная масса сопек относится к VIII—IX вв.

В научной литературе изредка высказывается мнение о неславянской принадлежности сопек. Некоторые исследователи считали их памятниками норманнов. Критический разбор этих мнений дан в монографии, посвященной новгородским сопкам (Седов В. В., 1970а, с. 29—33).

Недавно Г. С. Лебедев отнес сопки к памятникам чуди (Лебедев Г. С., 1977а, с. 90—95; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978, с. 62—71). Это представляется ничем не оправданным. Культура сопек не имеет каких-либо генетических корней ни в древностях западнофинского населения, занимавшего Приильменье, ни в памятниках соседских прибалтийскофинских племен. Невозможно объяснить появление сопек, отрицая миграцию полого населения в середине I тысячелетия н. э. в бассейн Ильменя. Зато между сопками и достоверно славянскими курганами этого края обнаруживаются связующие элементы. Как правило, сопки и курганы новгородцев IX—XIII вв. расположены в одних могильниках. И те и другие имеют в основаниях кольцо из камней. В сопках и курганах с трупосожжениями тождественны все детали погребальной обрядности, одинаков состав вещевых находок. Прослеживается преемственность между керамикой сопек и новгородской глиняной посудой IX—X вв.

Эти обстоятельства дают основание рассматривать сопки как памятники славян, а распространение их в основном в Ильменском бассейне, т. е. там, где согласно древнерусской летописи расселились словене новгородские: «Словени же сесоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ» (ПВЛ, I, с. 11), позволяет видеть в сопках погребальные насыпи этого восточнославянского племени.

Вместе с тем в новгородских сопках имеются элементы, связанные с местной западнофинской погребальной традицией. Таковы некоторые отмеченные выше сооружения из камней, ритуал жертвоприношения животных, особенности глиняной посуды.

Новгородская земля с глубокой древности была заселена племенами финно-угорской языковой группы. Об этом свидетельствуют и археология, и гидронимия. К I тысячелетию до н. э. и к первой половине I тысячелетия н. э. относятся здесь поселения с текстильной керамикой. Водные названия финно-угорского происхождения составляют значительный пласт в гидронимии всей северной части Восточной Европы. Многочисленны они и на территории Приильменья.

Материалы сопек свидетельствуют, что в процессе славянского освоения Ильменского бассейна местное население не покинуло мест своего обитания. При-сутствие в сопках финских элементов похоронной обрядности отражает территориальное смешение славян с аборигенами и начавшийся процесс славянизации последних. Сопки можно считать памятниками смешанного славяно-финского населения. Словене новгородские, таким образом, явились наследниками

культуры местных финнов, ибо они образовались в результате метисации переселенцев, принесших славянский язык, с финноязычными аборигенами.

По происхождению новгородские сопки нельзя считать местными. В Приильменье погребальные памятники, которые могли быть прототипами сопок, неизвестны. По-видимому, славяне, расселившиеся в этом регионе, привнесли с собой обычай сооружения погребальных курганов. Однако памятников, с которыми сопки находились бы в генетической связи, на территории расселения славян первой половины и середины I тысячелетия н. э. нет. Нужно полагать, что предки словен новгородских, продвигаясь в Приильменье, пересекли земли балтских племен, от которых и был позаимствован обычай сооружения курганных насыпей. Не исключено, что в процессе славянской миграции пришла в движение и часть балтов. Увлеченные движением славян, отдельные группы балтов также, видимо, проникли в будущие северо-западные земли Руси, о чем свидетельствуют единичные изолированные топонимы (Поспелов Е. М., 1965, с. 29–38).

Основным типом поселений словен периода захоронений в сопках были селища. Их начали изучать сравнительно недавно. В 1958 г. С. Н. Орлов обследовал одно из них, расположенное на берегу р. Веряжа в 1 км к югу от с. Георгиевское в северо-западном Приильменье. Собранные здесь керамика в целом идентична глиняной посуде из сопок и полностью соответствует формам и типам керамики из нижних горизонтов культурного слоя Старой Ладogi. Тот же исследователь раскапывал селище на берегу р. Прость недалеко от Новгорода. Нижние напластования селища относятся к последнему этапу культуры сопок (Орлов С. Н., 1972, с. 127–138).

Более значительные работы по изучению поселений проведены Е. Н. Носовым. Он исследовал селище Золотое Колено, расположенное рядом с интересной группой сопок в среднем течении Мсты, и поселение Новые Дубовики в нижнем течении Волхова (Носов Е. Н., 1976а, с. 76–81; Носов Е. Н., Конецкий В. Я., 1975, с. 28, 29; Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л., Конецкий В. Я., 1976, с. 32). Е. Н. Носов собрал и обобщил архивные данные по поселениям Приильменья последних веков I тысячелетия н. э.

Селища обычно возникали вдоль берегов рек и озер, при впадении ручьев и оврагов. Их размеры невелики — от 120×30 до 150×60 м. Известны и более крупные поселения. Так, селище Новые Дубовики имело длину не менее 300 м при ширине 200 м; селище Золотое Колено занимало площадь около 2 га.

В основном селища располагались рядом с синхронными погребальными сооружениями, образуя единые комплексы (табл. XX, 11). Для поселений выбирались места, наиболее удобные для занятий подсечным земледелием, т. е. вдоль рек с широкими долинами и пологими береговыми террасами.

Судя по раскопкам поселения Золотое Колено, застройка его была довольно свободной. Жилищами служили наземные срубные дома с печами-каменками того же типа, что и староладожские, расположенными в углу (табл. XX, 9, 12). Различные бусы (табл. XXI, 15, 22, 23) и восточные монеты, найденные на селище, датируют исследованный участок IX в. Кроме того, здесь обнаружены глиняная ляч-

ка (табл. XX, 5), глиняные пряслица (табл. XX, 8, 10), бронзовые спиральки (табл. XXI, 13, 14), часть удила (табл. XXI, 28), а также некоторые другие предметы.

Поселение Новые Дубовики состояло из городища, устроенного на мысе и укрепленного валом и рвом, и неукрепленного селища. По материальной культуре это поселение аналогично нижним горизонтам Старой Ладogi. Из раскопок селища происходят стеклянные бусы (табл. XXI, 16, 20, 21, 25, 32), трапециевидные привески (табл. XXI, 29) и керамический материал.

Лепная посуда поселений Приильменья частично принадлежит к тем же типам, что и керамика сопок (табл. XXII, 4, 6, 9). На поселениях широко бытовали также горшкообразные профилированные сосуды с усеченноконическим туловом и более или менее выраженными плечиками и прямым или слегка отогнутым венчиком. Наибольшее расширение сосудов приходится на верхнюю четверть (табл. XXII, 7, 8, 10). По всем особенностям эта керамика тождественна глиняной посуде из длинных курганов того типа, который сопоставлен выше с пражско-корчакской керамикой. Представляется несомненным, что рассматриваемые сосуды являются результатом эволюции славянской керамики V–VII вв., распространенной от верхней Эльбы до Киевщины.

В VIII–IX вв. в ареале словен возникают первые городища. Наиболее раннее из них — поселение в Старой Ладoge. Оно относительно полно изучено (Равдоникас В. И., 1949, с. 5–54; 1950, с. 7–40; Гроздилов Г. П., 1950, с. 139–168; Лаушкин К. Д., 1960, с. 72–76). Весь облик его материальной культуры доказывает, что нижние горизонты староладожских напластований оставлены тем же населением, которое насыпало сопки. Это было славяно-финское население, о чем свидетельствует прежде всего домостроительство. С самого начала возникновения Ладogi (горизонт Е) здесь строились жилые дома двух типов — обширные наземные постройки площадью от 42 до 120 кв. м с печью посередине помещения и небольшие квадратные в плане (при длине стен 3,5–6 м) постройки с печью в углу (Носов Е. Н., 1977, с. 10–17). Первые из них по происхождению скорее всего были местными, финскими, вторые по конструкции и интерьеру принадлежат к типично славянским.

В X в. (горизонт Д) при перепланировке Ладogi жилые дома с печью в углу стали господствующими, а большие дома с печью в центре исчезают. Очевидно, в X в. славянский этнический компонент стал здесь преобладающим.

Раскопки в Старой Ладoge дали обильный вещевой материал. Среди находок можно отметить железный сошник (табл. XX, 1), свидетельствующий о том, что в конце I тысячелетия н. э. словене наряду с подсечным земледелием занимались и пахотным.

Из других городищ большой интерес представляет Новгородское «Рюриково» городище, расположенное в самом центре области расселения новгородских словен, на берегу Волхова, недалеко от того места, где он вытекает из Ильменя (Носов Е. Н., 1976б, с. 31, 32). Городище относится к IX–X вв. и было поселением торгово-ремесленного и, по-видимому, военно-административного характера. Материальная культура его тождественна староладожской.

Относительно путей расселения словен в Приильмень в научной литературе высказаны две гипотезы. Большинство исследователей, затрагивающих вопрос о происхождении ильменских словен (П. И. Шафарик, Н. П. Барсов, А. А. Шахматов, А. А. Спицын, Ю. В. Готье и другие), предполагали, что славяне постепенно продвинулись в бассейн Ильменя с юга, из Поднепровья. Каких-либо исторических и археологических данных, свидетельствующих о такой миграции, в нашем распоряжении нет. П. Н. Трегьяков высказал предположение, что словене были выходцами из левобережных районов Верхнего Поднепровья, где известны ранние круглые курганы с трупосожжениями типа Шаньково — Почепок (Трегьяков П. Н., 1966, с. 305). Однако верхнеднепровские и окские курганы середины I тысячелетия н. э. принадлежат неславянскому населению, во-первых, и не имеют ничего сходного по строению с новгородскими сопками, во-вторых. Все детали устройства и погребального обряда сопок и курганов типа Шаньково настолько различны, что о какой-либо преемственности между ними не может быть речи.

Еще в прошлом столетии исследователи обратили внимание на близость религиозных воззрений, преданий, некоторых обычаев, а также географической номенклатуры новгородских словен и славян Польского Поморья. Было высказано предположение о расселении славян в Приильмень из области нижней Вислы и Одры. В 1922 г. Н. М. Петровский выявил в древних новгородских памятниках письменности бесспорно западнославянские особенности (Петровский Н. М., 1922, с. 356—389). Позднее Д. К. Зеленин указал на западнославянские элементы в говорах и этнографии русского населения Сибири — выходцев из Новгородской земли (Зеленин Д. К., 1954, с. 49—95).

Археология пока не располагает сведениями для освещения путей и деталей расселения славян в Новгородской земле. Некоторые данные склоняют к мысли об их западном происхождении. Об этом говорят черты сходства в домостроительстве Новгородского и Польско-Поморского регионов, а также в оборонном строительстве: детали городен новгородского вала XI в. и конструкция вала новгородского детинца имеют параллели среди военно-защитных сооружений полабских славян (Алешковский М. Х., Красно-речьев Л. Е., 1970, с. 54—73).

В пользу такого решения вопроса говорят и материалы палеоантропологии, относящиеся, правда, уже к XI—XIII вв. Черепы из курганов новгородских сло-

вен характеризуются суббрахицефалией и относительной узколициестью (Седов В. В., 1952, с. 72—85). По краниологическим материалам генетическая связь новгородских словен с поднепровскими славянами невероятна. Нельзя также объяснить уменьшение ширины лица ильменских славян метисацией поднепровских славян с местным финским населением. В отличие от поволжских финнов, черепа прибалтийско-финского населения Новгородчины характеризуются широколицестью (скуловой диаметр водских черепов 136 мм, ижорских — 138,8 мм, приладожской веси — 135 мм).

Узколицие суббрахицефалы Новгородчины обнаруживают ближайшие аналогии среди серий черепов балтийских славян. Так, например, черепа ободритов (Алексеева Т. И., 1966, с. 3—37, табл. 1) также суббрахицефальны (черепной указатель 76,6; у новгородских словен — 77,2) и узколици (скуловой диаметр 132,2 мм; у словен новгородских — 132,1 мм). Весьма близки они и по другим данным. Правда, имеются и различия — более низкое лицо у ободритов, более широкий нос у словен. Но не следует ожидать полного тождества. Ведь словене новгородские не происходят от ободритов и не являются их ветвью. Речь может идти только о том, что и новгородские словене, и балтийские славяне восходят к единому исходному типу узколицих мезо-суббрахицефалов.

Различный характер древнейших погребальных памятников кривичей и ильменских словен и их несколько иная датировка (основная масса длинных курганов Псковского региона относится к VI—VIII вв., в то время как сопки датируются главным образом VIII—IX вв.) говорят о том, что расселение славянских группировок, положивших начало формированию кривичей и словен, осуществлялось не одновременно и, может быть, разными путями. Очевидно, первой в будущем северо-западном регионе Руси поселилась в VI в. (а может быть, и в V в.) славянская группировка, оставившая длинные курганы. Расселение славян, соорудивших в Приильменье сопки, было следующим миграционным потоком, датировка которого затруднительна, но скорее всего определяется VII в.

Сейчас невозможно ответить на вопрос, каким путем шло расселение славян в Приильмень. Можно только высказать предположение, что предки словен, как и предки кривичей, в процессе расселения пересекли балтские земли, может быть, где-то в бассейне Немана.

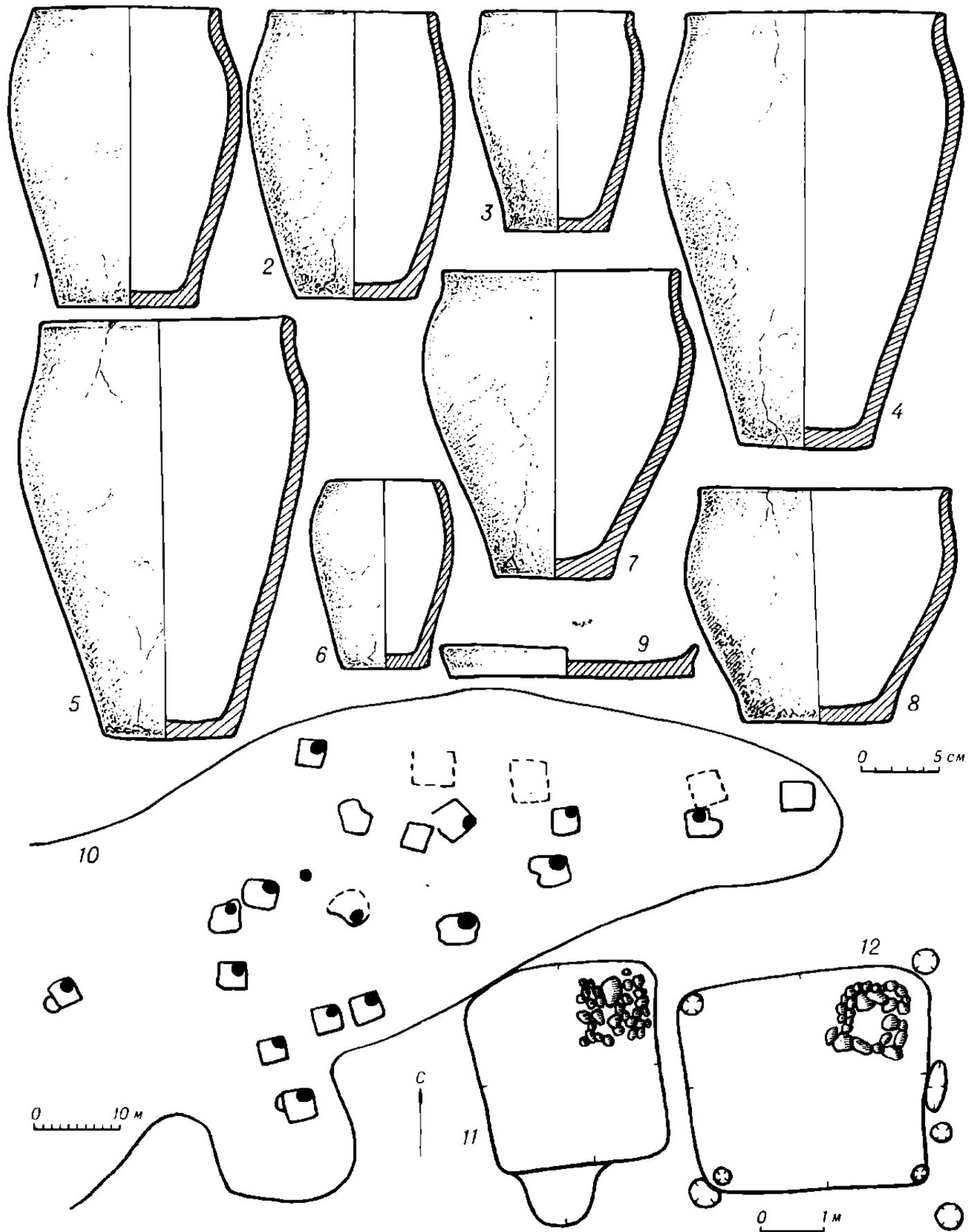

Таблица I. Древности пражско-корчакского типа

1-3, 6, 12 - Корчак IX; 4, 5 - Лука-Райковецкая;
7, 10, 11 - Корчак VII; 8, 9 - Корчак I

1-9 - глиняные сосуды; 10 - план поселения;
11, 12 - планы жилищ

Таблица II. Вещевые находки из памятников пражско-корчакского типа

1-3, 5-11, 13-26, 29, 33 - Зимно; 4, 12 - Кодын; 27 - Корчак I; 28, 30-32 - Корчак VII

1-3, 5-11, 13-22, 25, 26, 29 - цветной металл; 4, 12, 23, 24, 32 - железо; 27, 28, 30, 31, 33 - глина

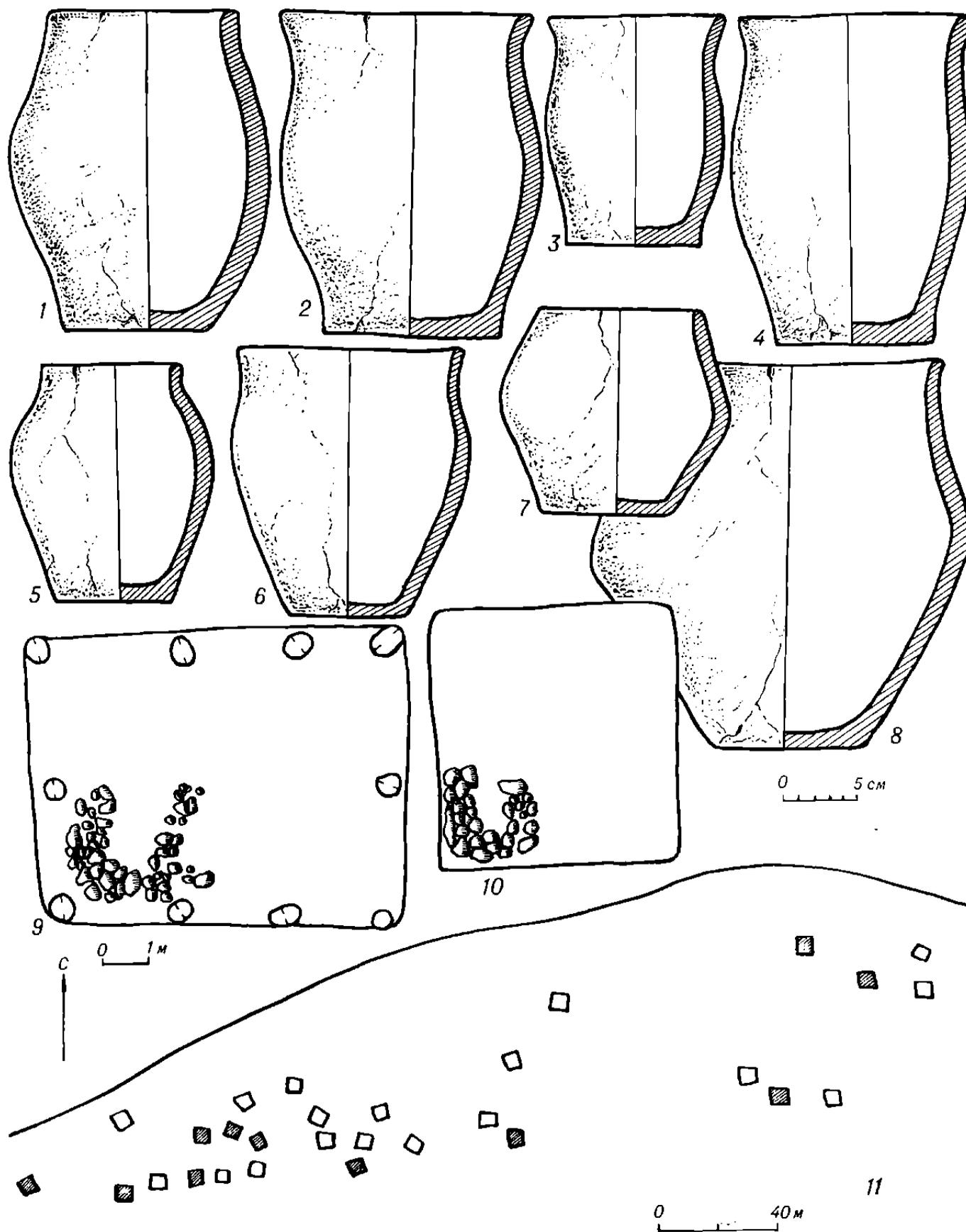

Таблица III. Древности пражско-пеньковского типа
 1-4, 6-11 - Семенки; 5 - Самчинцы
 1-8 - глянчатые сосуды; 9, 10 - планы жилищ;
 11 - план поселения

Таблица IV. Вещевые находки из памятников пражско-пеньковского типа

1, 2, 8, 11–18, 20, 21 – Семенки; 3, 5, 6 – Надпорожье; 4, 10, 19 – Волошское; 7 – Скибинцы; 9 – Самчинцы
 1–10, 19 – цветной металл; 11, 12, 16, 20, 21 – железо; 13–15, 17, 18 – глина

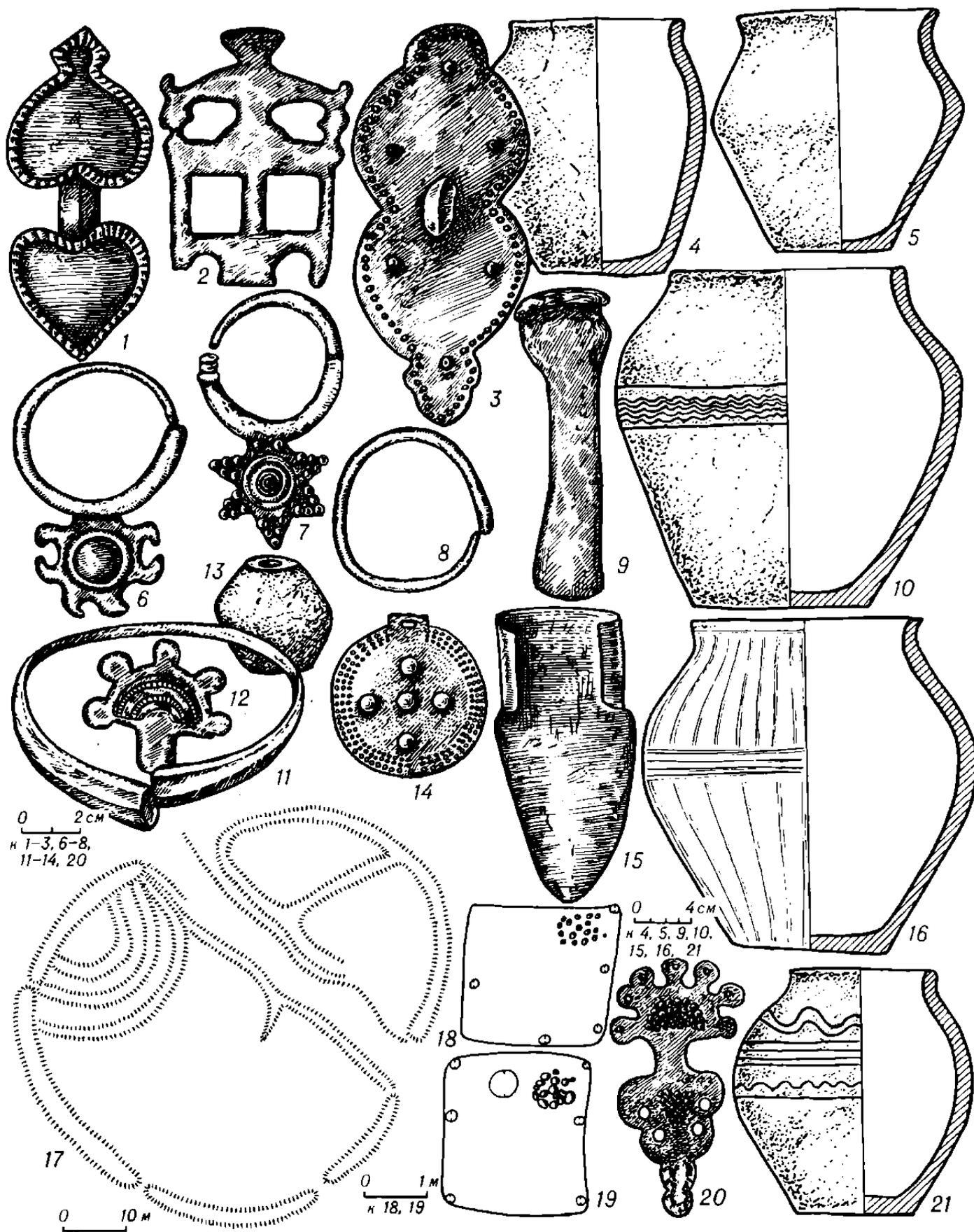

Таблица V. Пастырское городище

1-16, 20, 21 - предметы из раскопок (1-3, 6-8, 11, 12, 14, 20 - цветной металл; 4, 5, 10, 13, 16, 21 -

глина; 9, 15 - железо); 17 - план городища; 18, 19 - планы жилищ-полуземлянок из раскопок XII и XIV

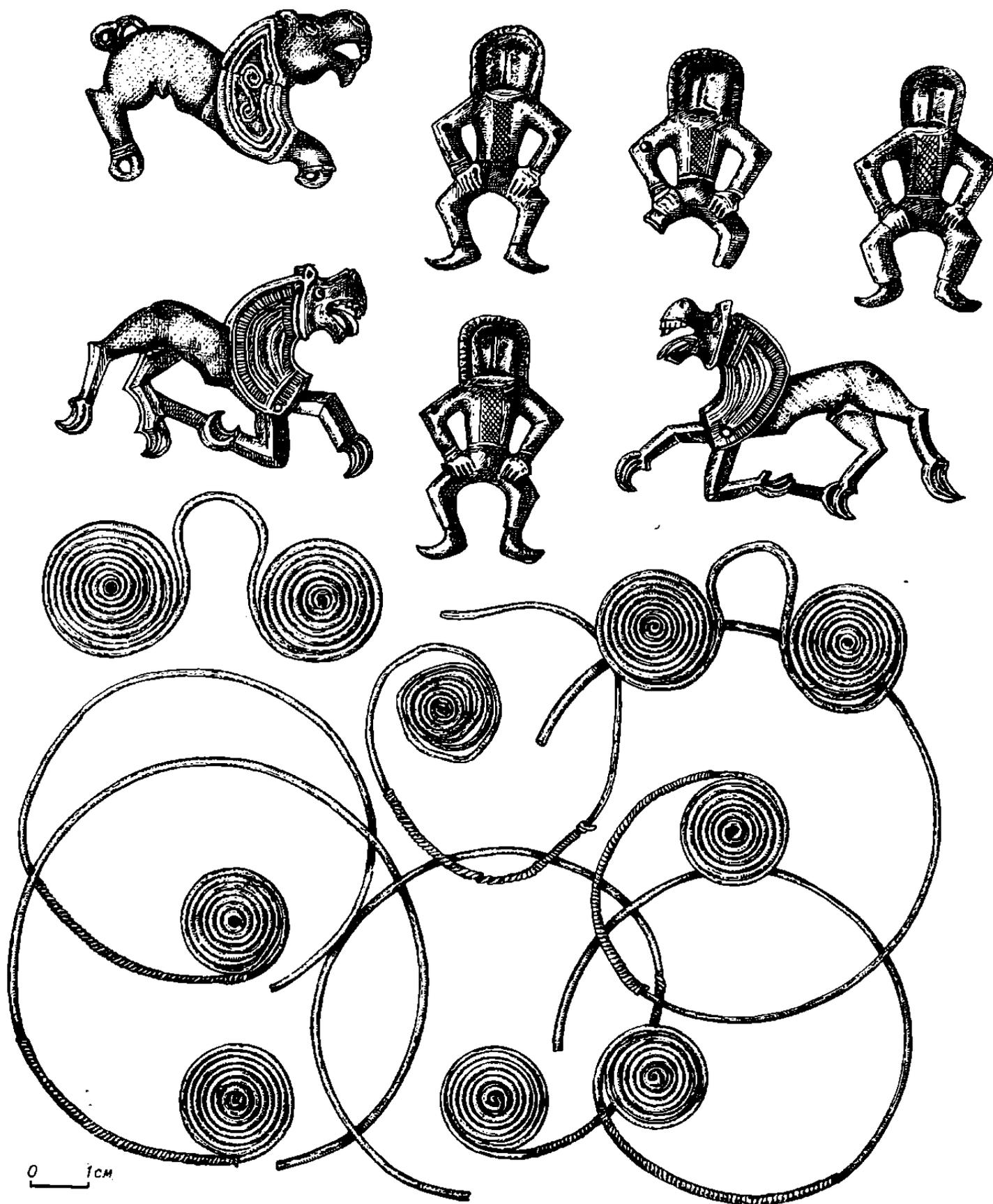

Таблица VI. Украшения из Мартыновского клада

Таблица VII. Предметы из Мартыновского клада

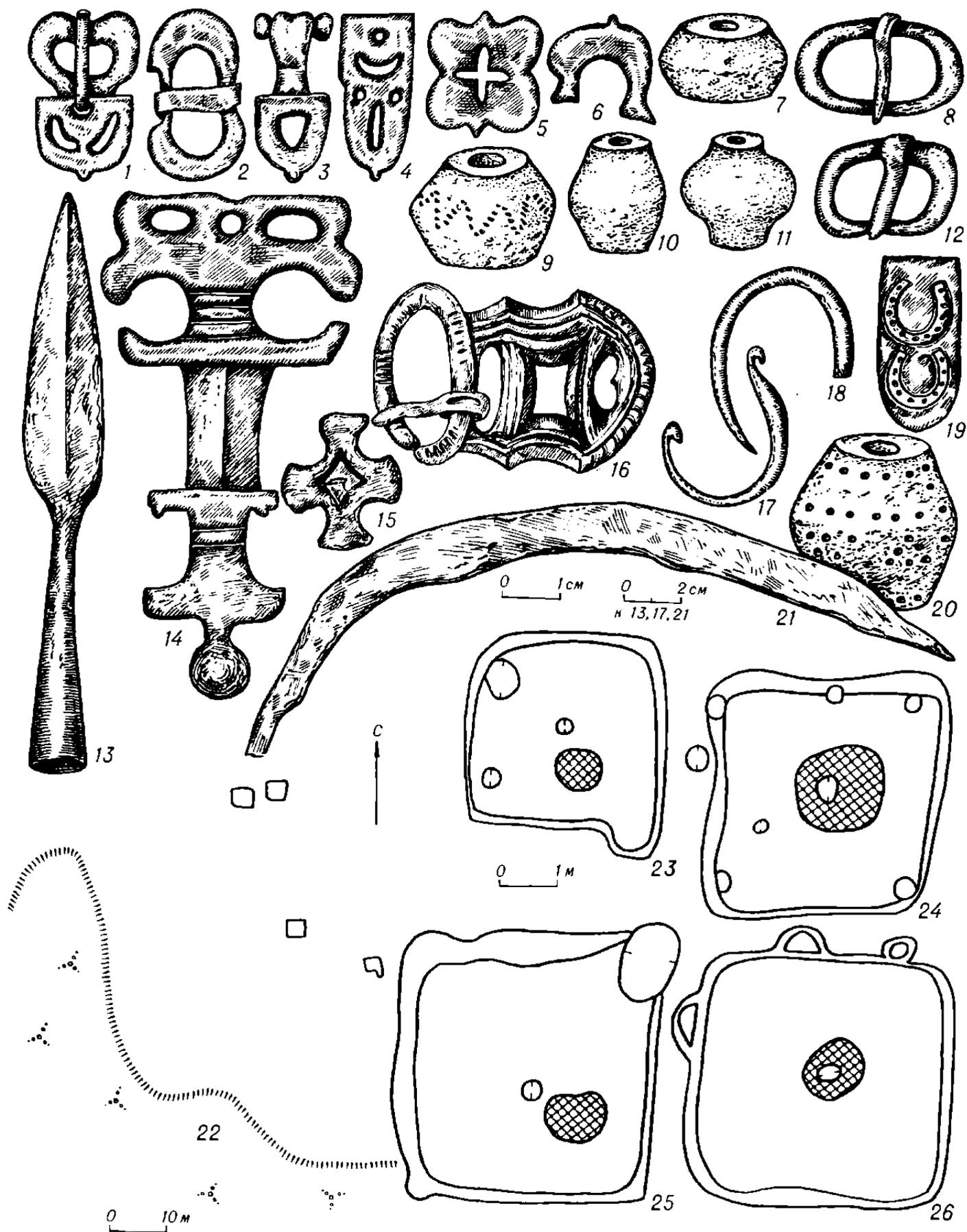

Таблица VIII. Древности колочинского типа

1-6 - Лебяжье; 7, 8, 12 - Княжий; 9-11, 13, 17, 21, 24 - Колочина; 14-16 - Квстунь; 18 - Новый Быхов; 19 - Бердыж; 20 - Хохлов Вир; 22, 25 - Лавриков Лес; 23 - Левкин Бугор; 26 - Колодезный Бугор

1-6, 8, 12, 14-19 - цветной металл; 7, 9-11, 20 - глина; 13, 21 - железо; 22 - план поселения; 23-26 - планы жилищ

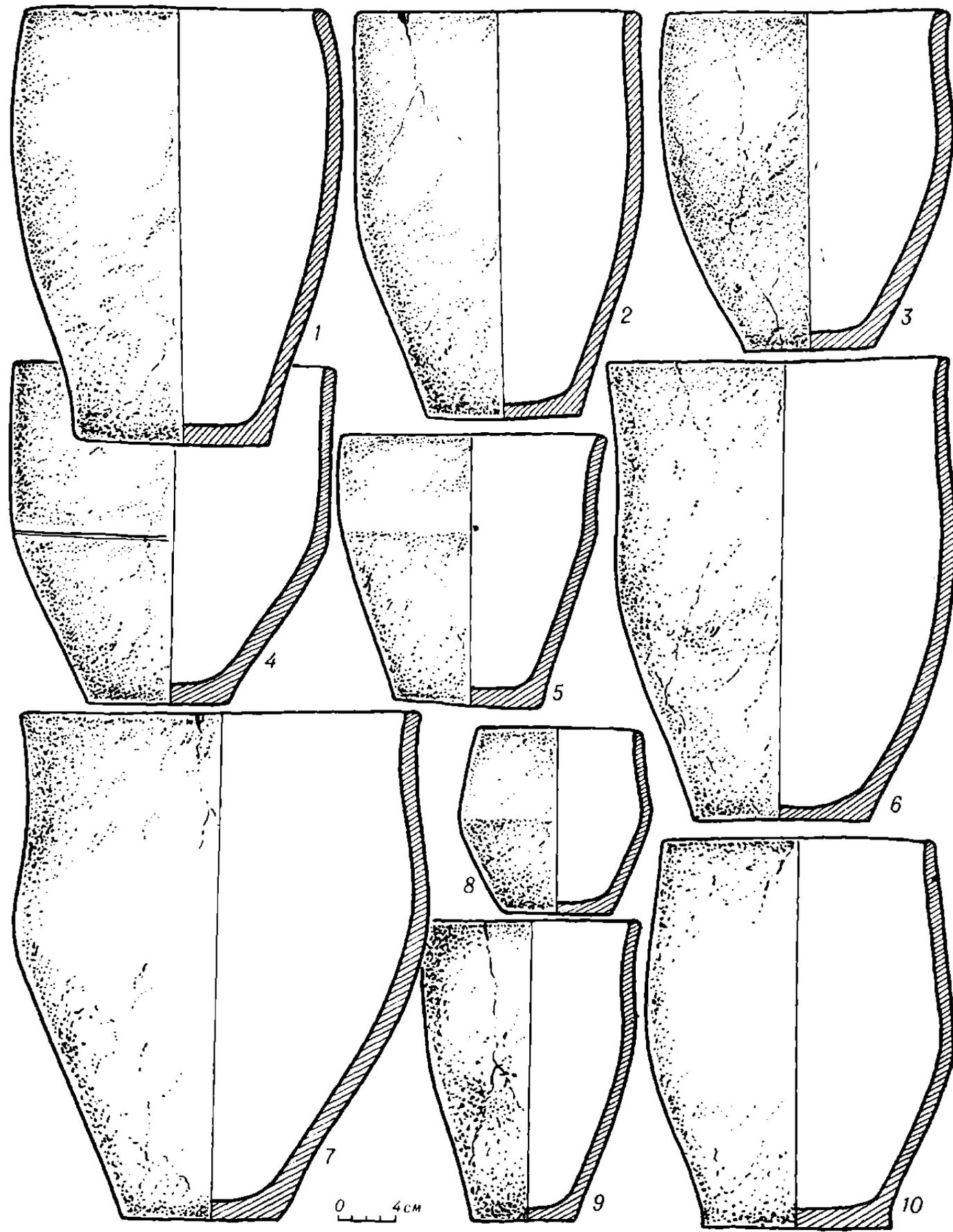

Таблица IX. Керамика колочинского типа

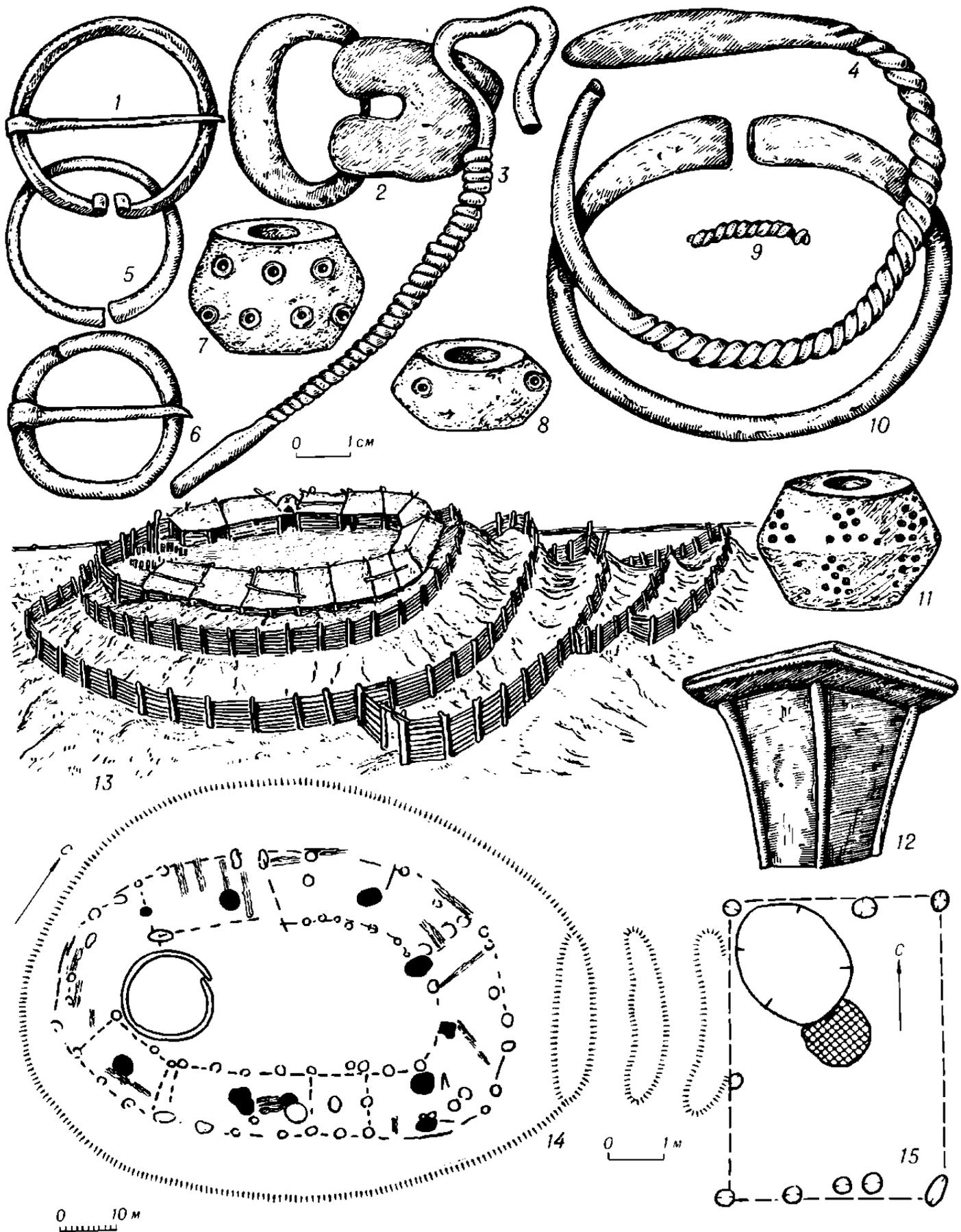

Таблица X. Древности типа Тушемля—Банцеровицны

1, 13, 14 — Тушемля; 2, 4, 7, 8, 12 — Шугайлово; 3 — Вязовенка; 5, 9 — Акатово; 6 — Слобода-Глушица; 10 — Близнаки; 11 — Дедиловичи; 15 — «Курлын» у д. Кислая

1—6, 9, 10, 12 — бронза; 7, 8, 11 — глина; 13 — реконструкция городища Тушемля (по П. Н. Третьякову); 14 — план сооружений, выявленных раскопками на городище Тушемля; 15 — план жилища

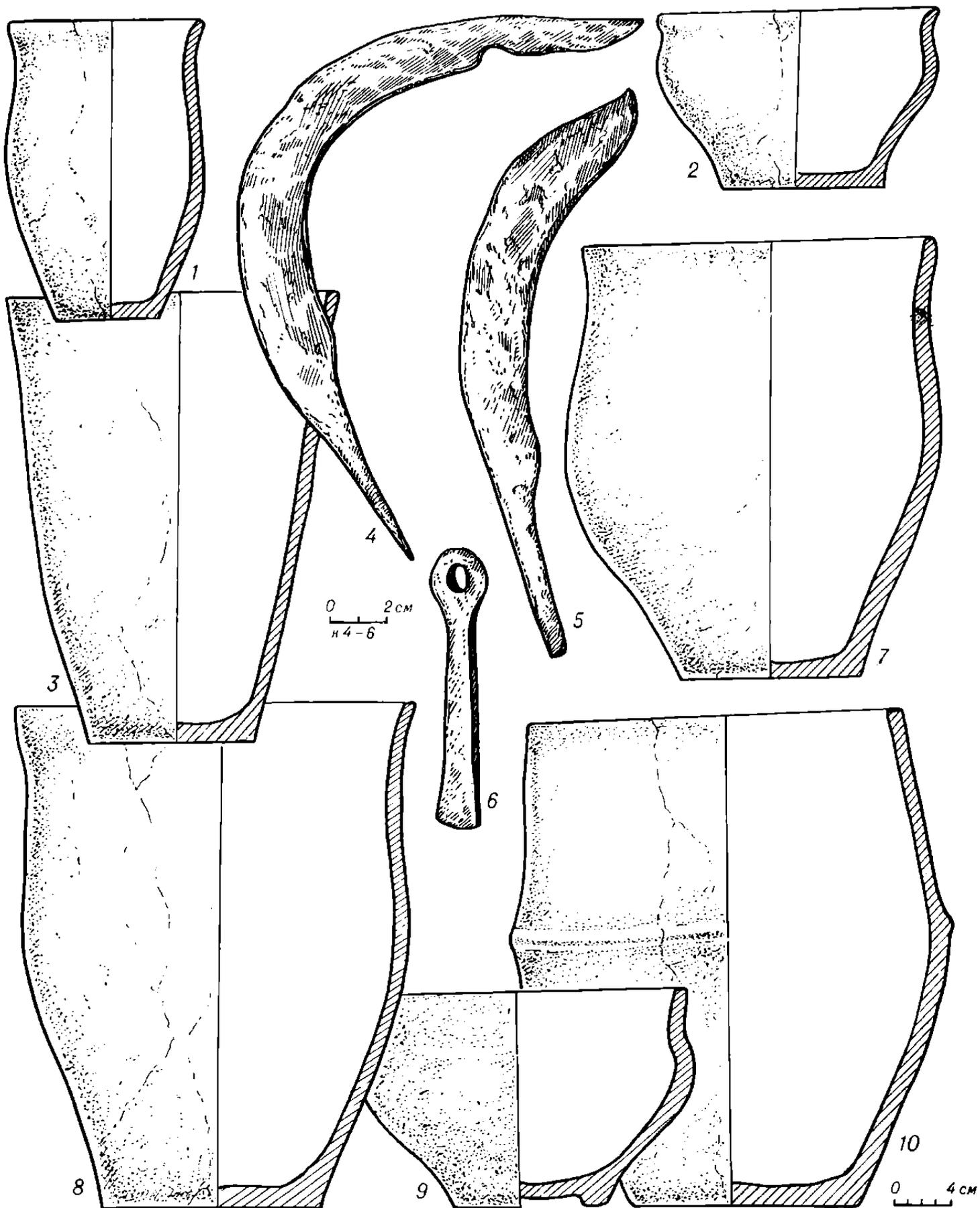

Таблица XI. Керамика и вещи из раскопок поселений типа Тушемли—Банцеровщины

1, 8, 10 — Демидовка; 2, 4, 9 — Тушемля, 3, 7 — Ака-
тово; 5 — Гнездово; 6 — Слобода-Глушица
1-3, 7-10 — глина; 4-6 — железо

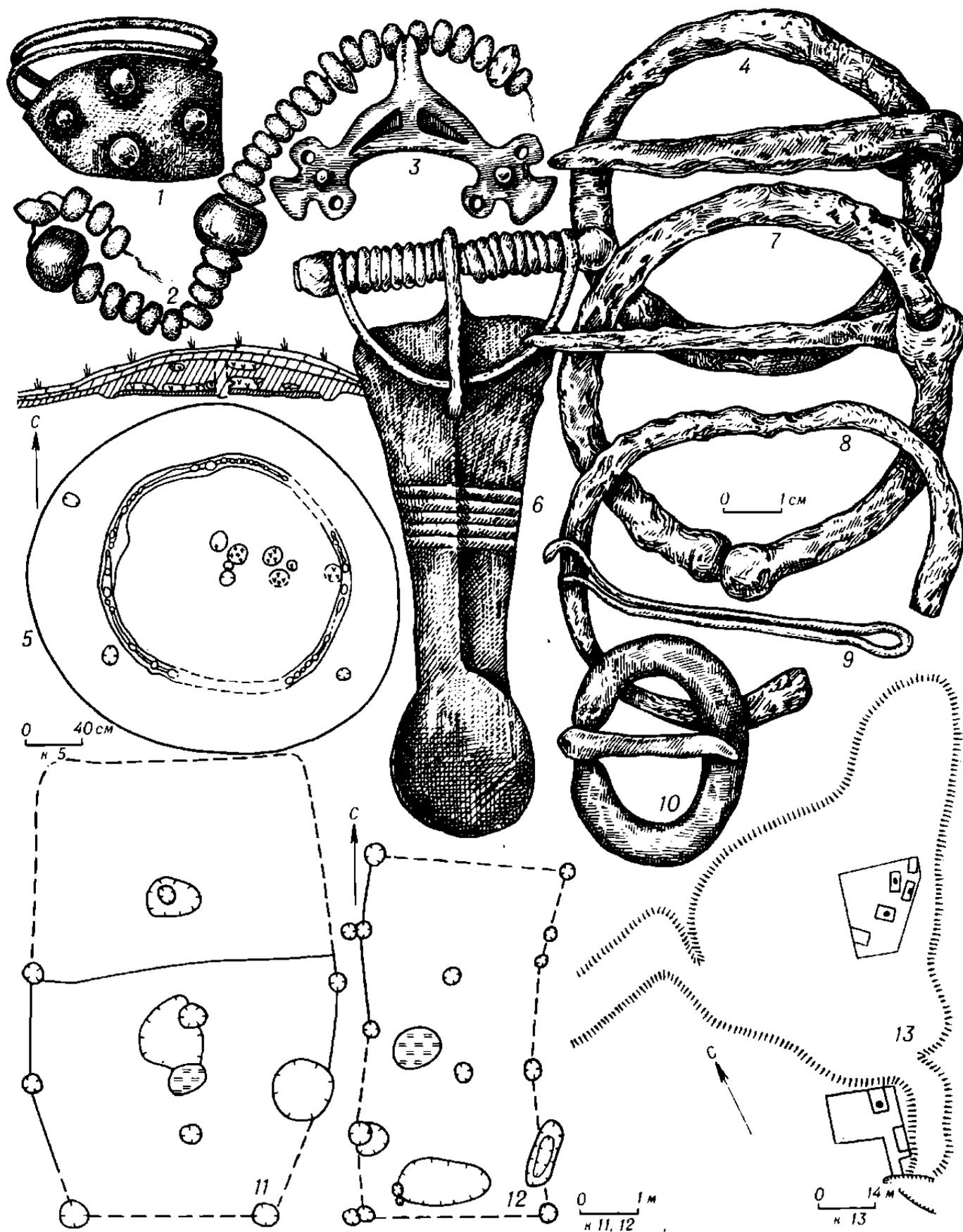

Таблица XII. Древности мощнянского типа

1-4, 7-9, 11-13 — Мощины; 5 — Горычево-Дюкно;
6 — Шаньково; 10 — Федотково
1, 3, 6, 9, 10 — цветной металл; 2 — стекло; 4, 7, 8 —

железо; 5 — план и разрез кургана 5; 11, 12 — планы жилищ; 13 — план поселения с обозначением раскопов и исследованных жилищ

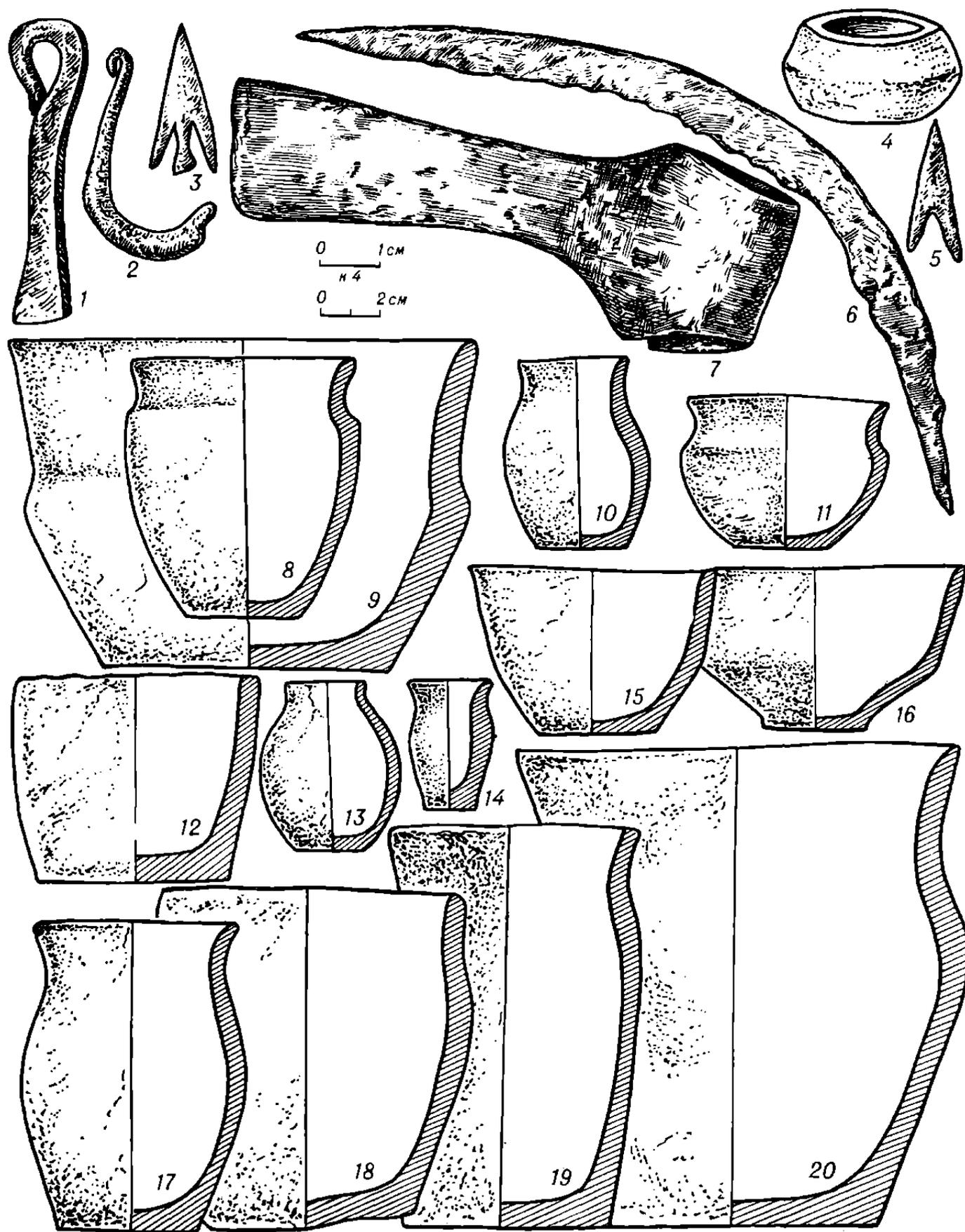

Таблица XIII. Керамика и вещи из поселений и могильников мощинской культуры

1, 2 – Неквасино; 3–7, 9, 12, 14, 17–20 – Мощины; курган 1; 15 – Почепок, курган 2
 8, 10, 11, 16 – Шаньково, курган 2; 13 – Почепок, 1–3, 5–7 – железо; 4, 8–20 – глина

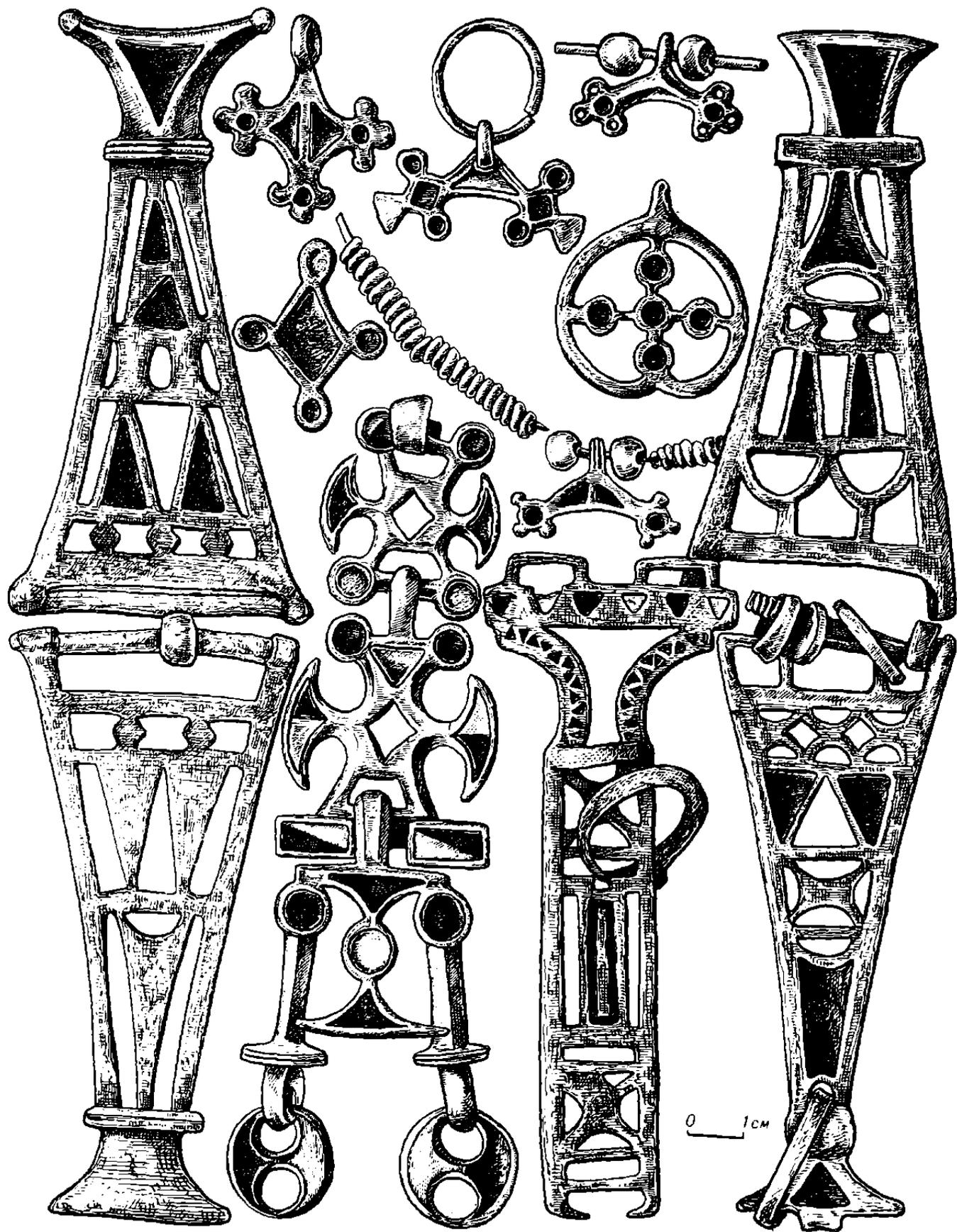

Таблица XIV. Предметы из Мочинского клада

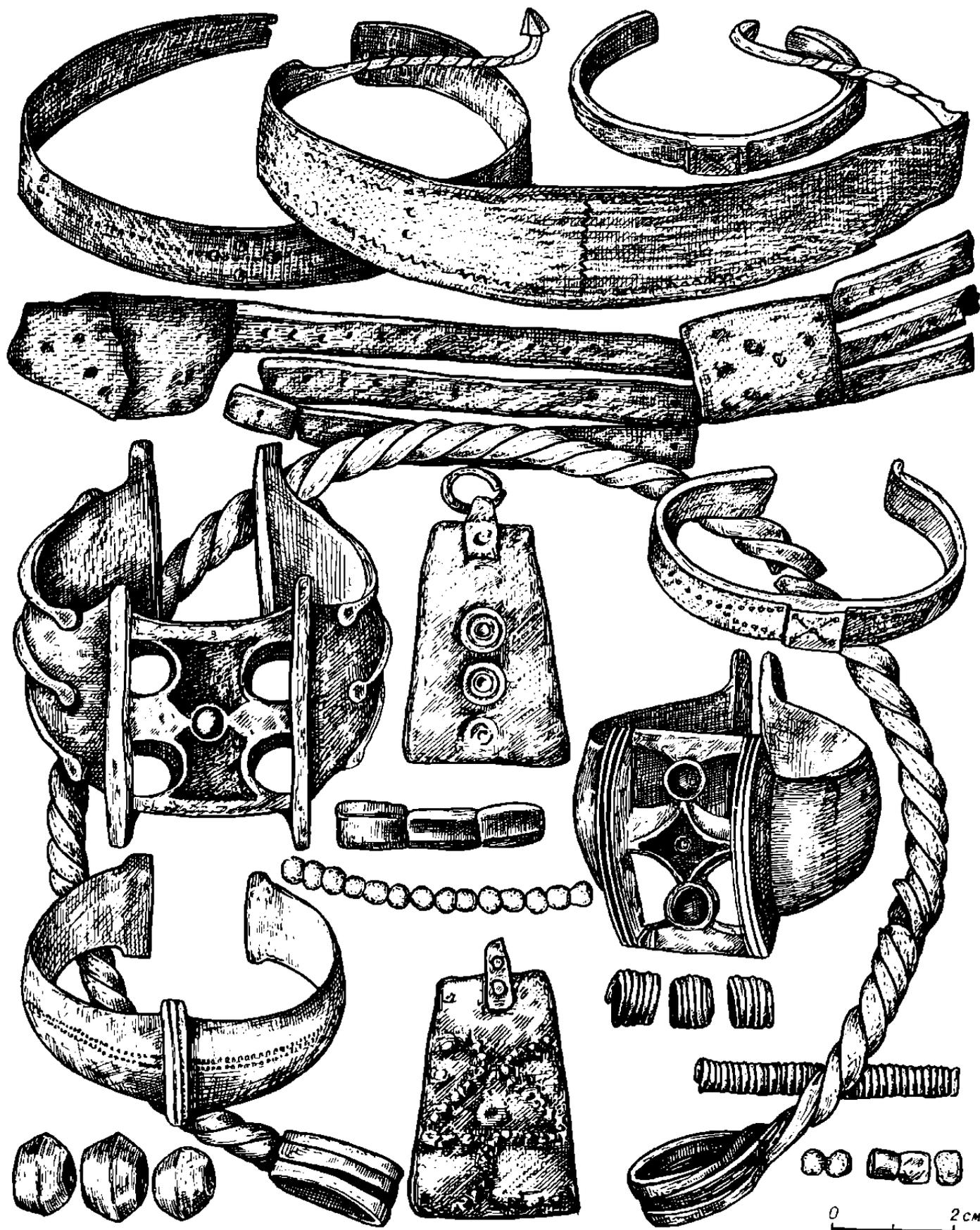

Таблица XV. Предметы из Мощинского клада

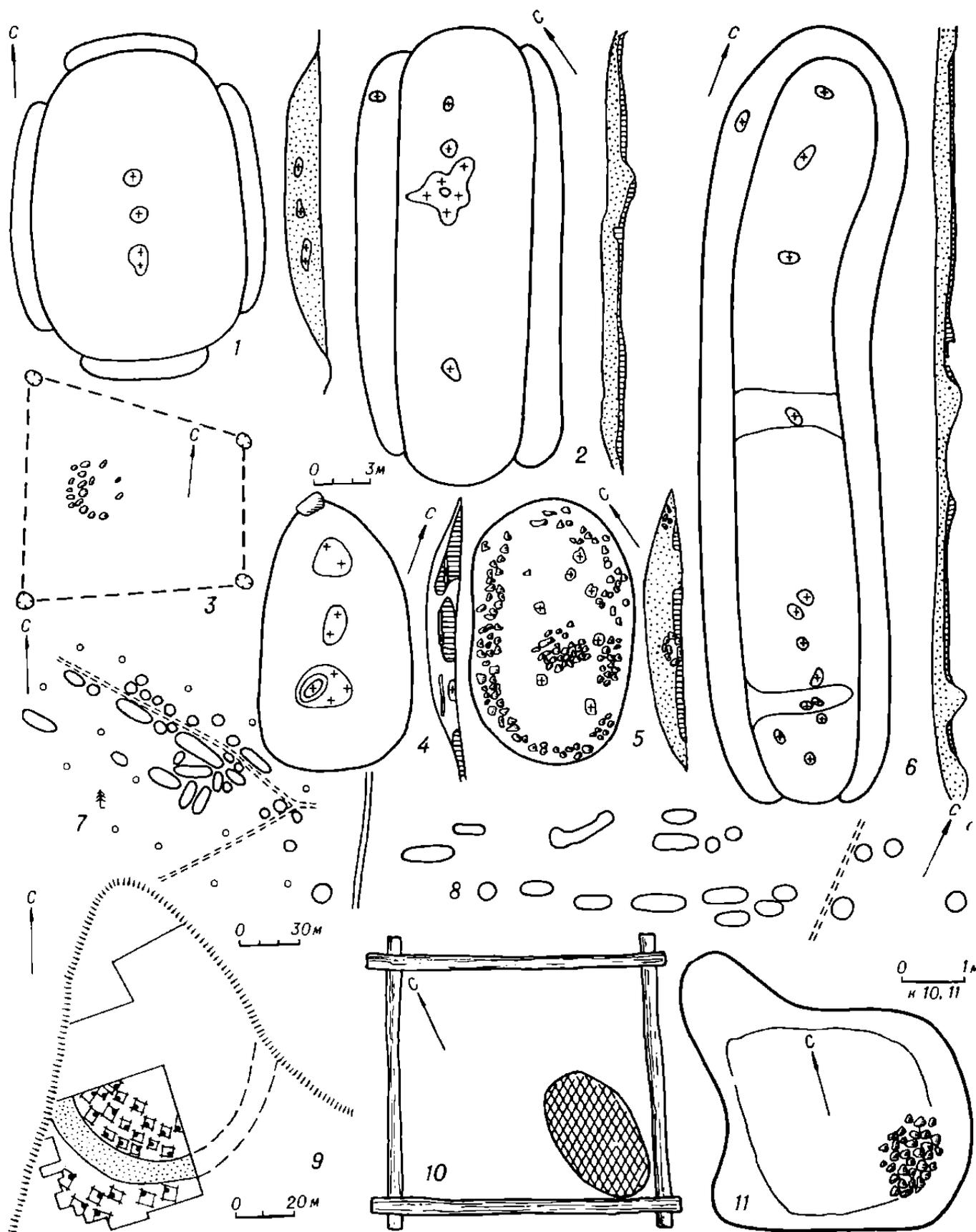

Таблица XVI. Культура длинных курганов

1 — Михайловское, курган 3; 2, 6 — Грицково (2 — курган 1; 6 — курган 18); 3 — Жабино, план жилища; 4 — Слобода-Глушица, курган 2; 5 — Лосицы, курган 1; 7 — Демиденка, план могильника; 8 — Ливдора,

план могильника; 9, 10 — Изборск (9 — общий план городища; 10 — план одного из жилищ); 11 — Псков, городище, план одного из жилищ

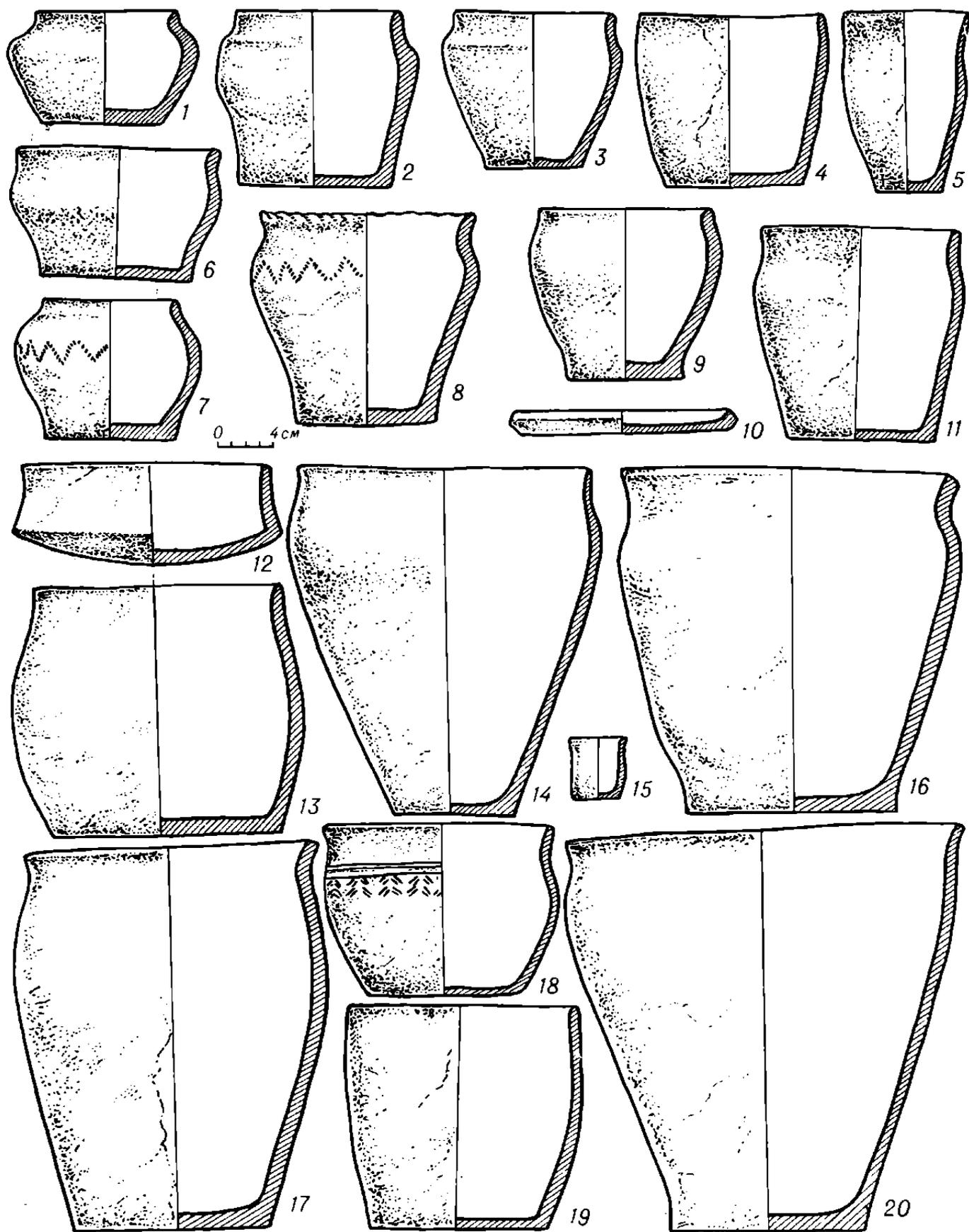

Таблица XVII. Керамика культуры длинных курганов

1, 7, 8 — Слобода-Глушица (1 — курган 28; 7, 8 — курган 2); 2, 3 — Рудня (2 — курган 2; 3 — курган 1); 4 — Обинисте, курган 1; 5, 10, 12 — Псков, городище; 6, 9 — Гурки; 11 — Лоози, курган 6; 13 — Косыгино,

курган 1; 14 — Изборск, городище; 15 — Казиха, курган 8; 16, 20 — Михайловское (16 — курган 2; 20 — курган 3); 17 — Атоки, курган 1; 18 — Северик, курган 1; 19 — Линдора, курган 11

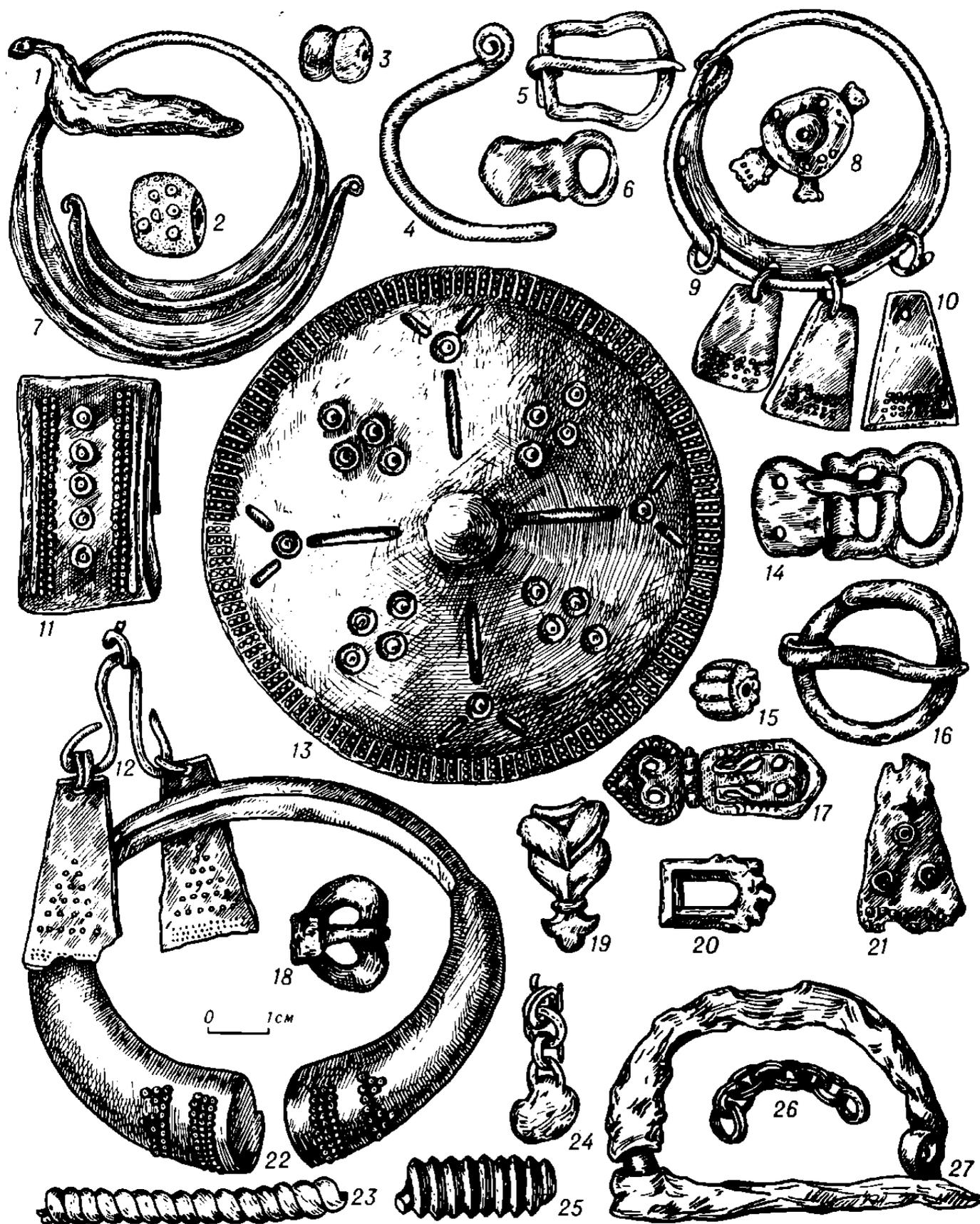

Таблица XVIII. Древности смоленских кривичей второй половины I тысячелетия н. э.

1, 26, 27 — Лопино, курган 3; 2 — Огарково; 3, 8, 9, 10, 12, 14, 16, 18, 21, 22, 24 — Цурковка, курган 2; 4, 5, 15, 19 — Слобода-Глушица (4, 5, 19 — курган 11; 15 — курган 5); 6, 11 — Дроково, курган 3; 7 — Хотынь, курган 1; 13 — Заозерье, курган 3; 17 — Липе-

цы, курган 11; 20 — Арефино, курган 1; 23, 25 — Городок, курган 1
1 — кость; 2, 3, 15 — стекло; 4—14, 17—26 — бронза; 16, 27 — железо

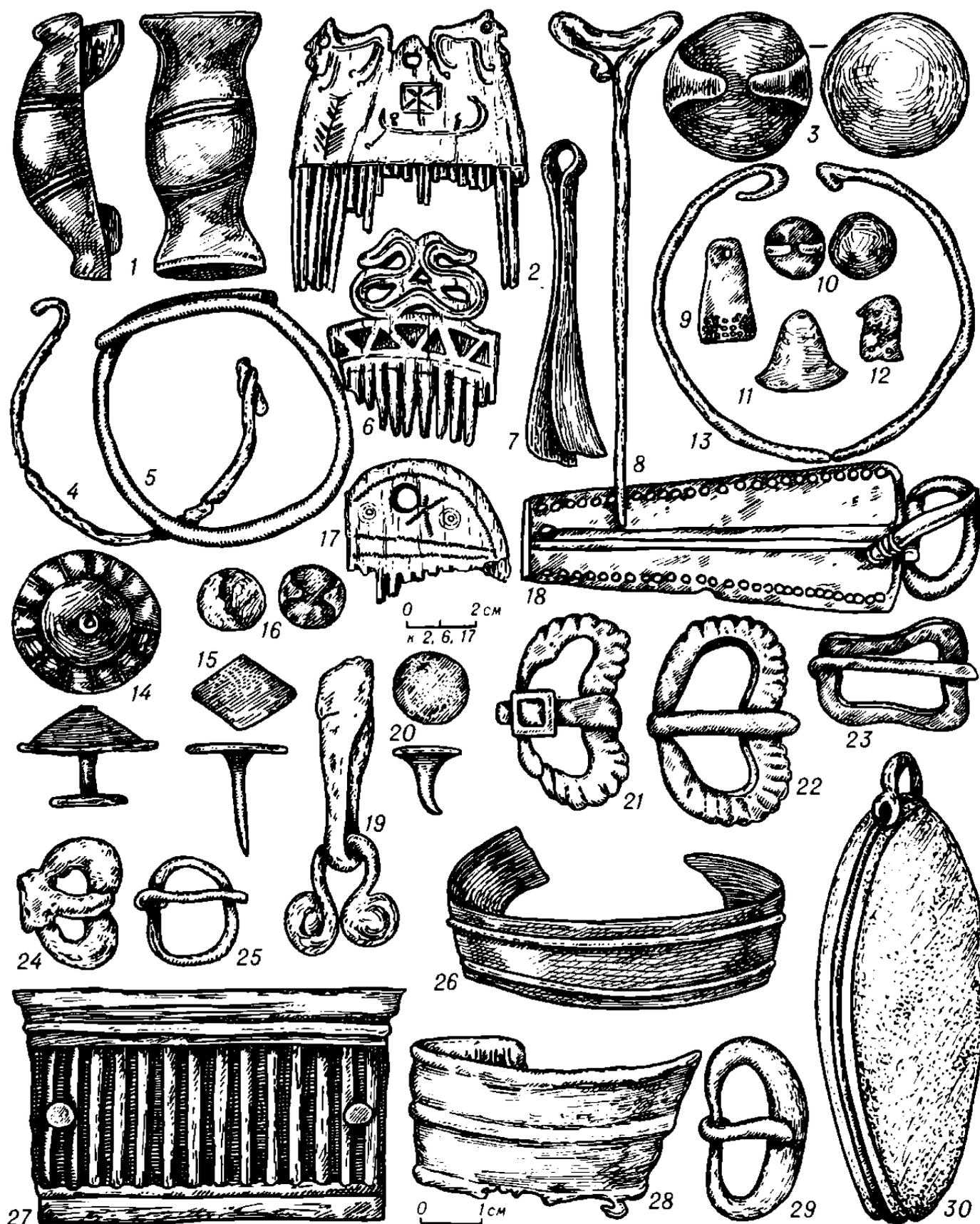

Таблица XIX. Древности культуры длинных курганов кривичей псковских

1 — Изборск, городище; 2, 6-9, 12, 17, 19 — Псков, городище; 3, 25, 27 — Жеребятино, курган 1; 4, 13 — Казиха, курган 21; 5, 28 — Городня, курган 13; 10, 11 — Арпико, курган 9; 14, 18 — Лезги, курган 6; 15, 20, 22 — Полибино, курган 21; 16 — Светлые Веш-

ки, курган 13; 21, 30 — Ляндора, курган 16; 23 — Северик, курган 1; 24 — Липецы, курган 11; 26 — Горско; 29 — Верепково, курган 3
1, 3-5, 7-16, 18-29 — металл; 2, 6, 17 — кость; 30 — камень

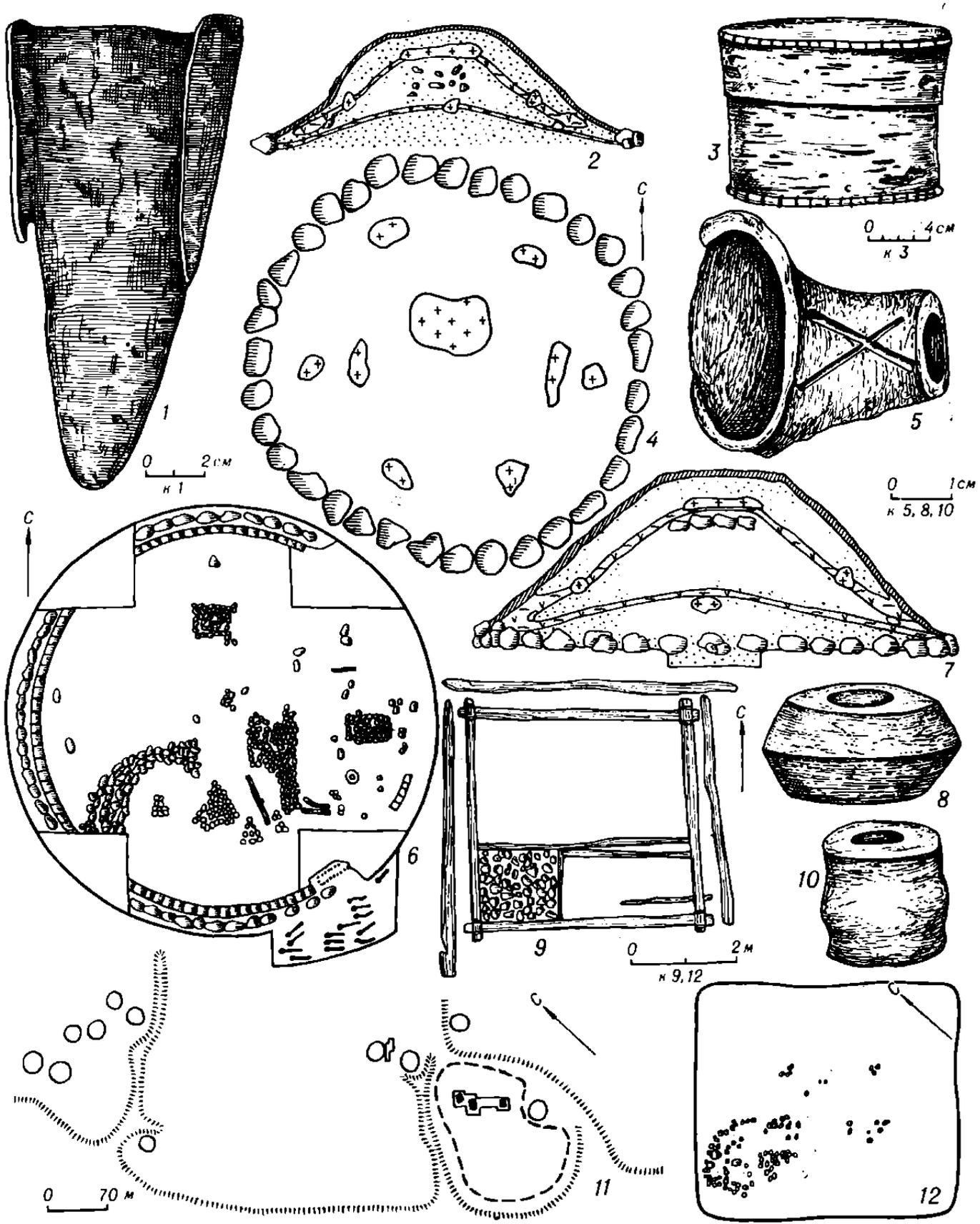

Таблица XX. Древности словен новгородских второй половины I тысячелетия н. э.

1 — железный сошник из Старой Ладоги; 2, 4 — разрез и план сопки при д. Селяха (по Л. К. Ивановскому); 3 — урна-туес берестяной из Романова (реконструкция); 5 — льячка глиняная из селища Золотое Колено; 6 — план сопки 145 в Октябрьском (по

Н. Е. Бранденбургу); 7 — разрез сопки Коровичино (по Л. К. Ивановскому); 8, 10 — пряслица глиняные из селища Золотое Колено; 9 — план жилища Старой Ладоги (горизонт Е); 11, 12 — Золотое Колено (11 — план селища и могильника; 12 — план жилища)

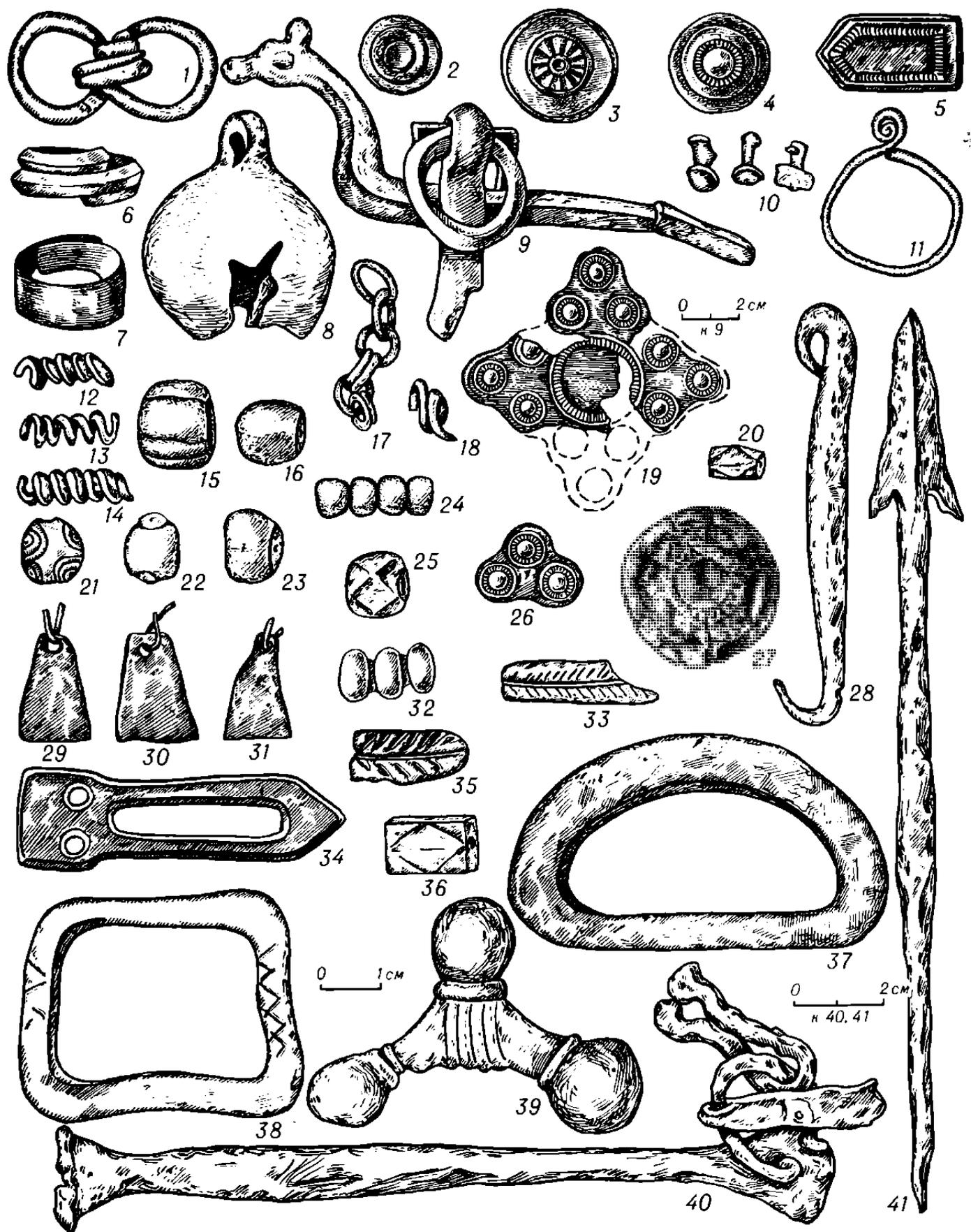

Таблица XXI. Предметы из памятников словен новгородских второй половины I тысячелетия н. э.

1, 12-15, 22, 23, 28, 36 - Золотое Колено (1, 12, 36 - сопка; 13-15, 22, 23, 28 - селище); 2 - 5, 7-11, 33-35, 37-39, 41 - сопки урочища Победище; 11 - поселение); 6, 17, 18, 30, 31 - Романово, сопка; 16, 19, 26, 27, 33-35, 37-41 - Старая Ладога (2, 4, 5, 9, 20, 21, 25, 29, 32 - Новые Дубовики, селище; 24 - Велеша, сопка

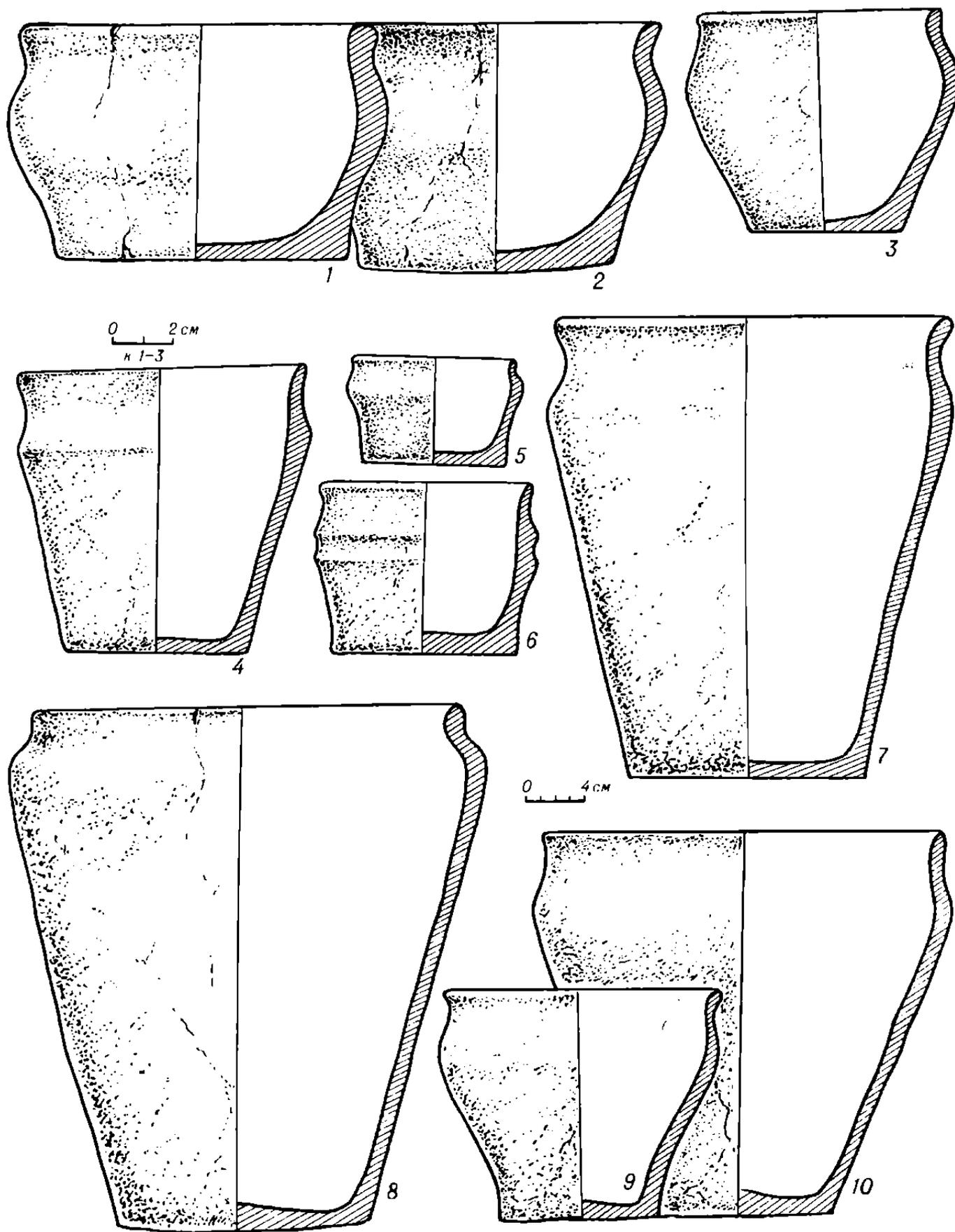

Таблица XXII. Керамика культуры сопки

1 — Ерошиха; 2 — Старая Ладога, урочище Победище, сопка 140; 3, 5, 6, 9 — Золотое Колено (3 — сопка,

раскопанная П. Г. Любомировым; 5, 6, 9 — селище); 4, 7, 8 — Новые Дубовики, селище

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Восточнославянские племена в составе древнерусской народности

Глава четвертая
Племена лесной зоны
днепровского правобережья

Глава пятая
Племена юга

Глава шестая
Племена юго-востока

Глава седьмая
Племена севера

Глава четвертая

Племена лесной зоны

днепровского правобережья

Дулэбы

В лесостепной части правобережной Украины, там, где известны поселения и могильники с керамикой пражско-корчакского типа, на их основе к VIII в. развивается культура, получившая в литературе название культуры типа Луки-Райковецкой — по одному из исследованных поселений в урочище Лука при с. Райки на р. Гнилопять в Житомирской обл. (Гончаров В. К., 1950, с. 11—13; 1963, с. 283—315).

Раскопки и разведывательные обследования памятников типа Луки-Райковецкой в Припятском Полесье и на Волыни производились в основном Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой. Им принадлежат сводные региональные работы по этим древностям (Кухаренко Ю. В., 1961; Русанова И. П., 1973).

Значительная часть поселений с керамикой типа Луки-Райковецкой имеет культурные отложения периода VI—VII вв. Поселения, возникшие в VIII—IX вв., по топографическим условиям не отличаются от более ранних. Располагаются они на коренных берегах малых и средних рек, недалеко от воды. Многие поселения типа Луки-Райковецкой занимают большую площадь по сравнению с более ранними, хотя некоторые селища встречаются по-прежнему. Несомненно, что средняя величина поселений VIII—IX вв. несколько возрастает, отмечается и заметный рост количества поселений.

Основным типом поселений оставались селища. В VIII в. кое-где появляются городища (Хотомель, Бабка, Хильчицы в Припятском Полесье). В IX в. строится уже большое число городищ (Городок на Тетереве, Малин на Ирше, Белгородка и Плесецкое на Ирпени, Райки на Гнилопяти, Городок на Ясельде и др.). Это были поселения торгово-ремесленного характера.

Одно из исследованных городищ — Хотомельское — устроено в западной части возвышенности, поднимающейся над поймой р. Горынь, и с трех сторон защищено болотистой низиной. Овальная площадка его размерами 40×30 м окружена земляным валом. С запада и востока городище имеет дополнительные дугообразные валы и рвы (табл. XXIII, 8). Раскопки городища проводил Ю. В. Кухаренко (Кухаренко Ю. В., 1957, с. 90—97; 1961, с. 7—11, 22—27).

Нижний горизонт культурного слоя содержит лепную керамику пражско-корчакского типа. В верхнем горизонте, характеризующемся керамикой типа Луки-Райковецкой, открыты остатки глинобитных печей наземных жилищ. Сами постройки не сохранились, поэтому их размеры, интерьер и конструктивные особенности остались неизвестными.

С юго-востока к городищу примыкало селище. Здесь раскопками открыты полуземляночные жили-

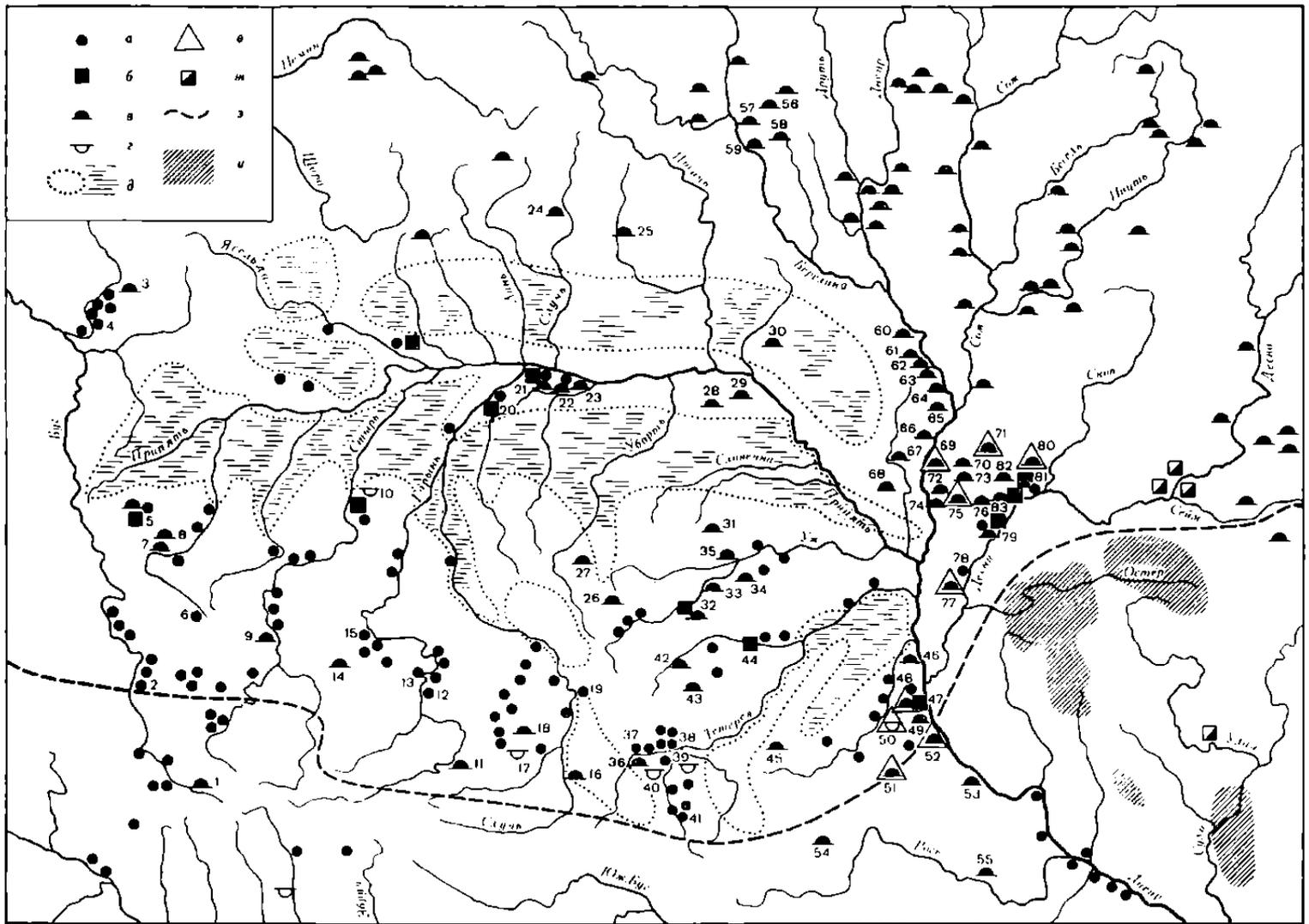
ща. Их размеры от 3—4 до 6 м, глубина котлованов 0,2—0,5 м. В одном из углов жилищ находились глинобитные печи на деревянном каркасе.

Аналогичные полуземлянки с печами-каменками или глинобитными печами, расположенными в углу, характерны для поселений типа Луки-Райковецкой (табл. XXIII, 9, 11). Они совершенно тождественны углубленным жилищам более ранних поселений корчакского типа. Вместе с полуземлянками на поселениях типа Луки-Райковецкой строились и наземные жилища. Это были небольшие срубные дома размерами от 3,5×3 до 4,5×3,5 м (табл. XXIII, 10). Печи, как и в полуземлянках, занимали угол постройки. Более поздние поселения, в отличие от ранних, насыщены большим количеством хозяйственных построек, часты зерновые и хозяйственные ямы, различные в плане и по размерам. Остатки производственных сооружений открыты только на единичных поселениях.

При обследованиях и раскопках поселений собраны разнообразные материалы, характеризующие все стороны хозяйственной деятельности быта населения.

Особенно богатую коллекцию дали раскопки Хотомельского городища и селища. В число изделий из железа входят ножи, серпы, топоры, мотыги, наральники, чересло, кресала, удила, пряжки, наконечники стрел и копий и др. (табл. XXIV, 12—25, 27—29). Вещи из цветных металлов сравнительно редки — перстни, браслеты, подвески, височные кольца и т. п. (табл. XXIV, 4, 10). Семилучевое височное кольцо, украшенное ложной зернью, относится к ранним вариантам украшений этого типа и датируется IX—X вв. (Рыбаков Б. А., 1948, с. 110). Из поясных принадлежностей часты находки пряжек (табл. XXIV, 6—8, 11). Преобладают подковообразные пряжки с завернутыми концами. Изредка встречаются стеклянные и пастовые бусы (табл. XXIV, 5). Все глиняные пряслица биконические (табл. XXIV, 26). В отличие от более ранних, они имеют отверстие небольшого диаметра.

Одним из характернейших признаков древностей типа Луки-Райковецкой служит керамика (табл. XXIII, 1—7). Какой-либо четкой грани между керамикой пражско-корчакской и типа Луки-Райковецкой не существует. Состав глиняного теста, обжиг, способ формовки сосудов и ассортимент форм остаются прежними. Развитие шло от сосудов слабопрофилированных с загнутым внутрь краем или с коротким прямым венчиком к сосудам более профилированным с отогнутым S-видным краем. Параллельно с развитием профилированных сосудов происходит изменение их пропорций — сосуды становятся более низкими и широкими. В отличие от пражско-корчакской, лишенной орнамента керамики, посуда типа Луки-Райковецкой иногда украшена различными

Карта 10. Памятники VIII—X вв. правобережной части Среднего Поднепровья

а — селища; б — городища; в — курганные могильники; г — грунтовые могильники; д — лесные и болотистые пространства; е — курганы с глиняными площадками под трупосожжениями; ж — городища роменской культуры; з — граница лесной и лесостепной зон; и — солонцеватые почвы

1 — Подгорцы; 2 — Ромош; 3 — Радость; 4 — Скорбичи; 5 — Головно; 6 — Затурцы; 7 — Перевалы; 8 — Мияновичи; 9 — Шепель; 10 — Бабка; 11 — Заславль; 12 — Курганы; 13 — Колесники; 14 — Пересопица; 15 — Городок; 16 — Мирополь-Улья; 17 — Суемцы; 18 — Большие Горбаты; 19 — Гульск; 20 — Хотомель; 21 — Хильчицы; 22 — Рычево; 23 — Семурадцы; 24 — Огородники; 25 — Нежаровские Хутора; 26 — Андреевичи; 27 — Зубковичи; 28 — Стригаловская Слобода; 29 — Борисковичи; 30 — Автюцевичи; 31 — Речица; 32 — Коростень; 33 — Межириччи; 34 — Лозница; 35 — Селец; 36 — Малый Шумск; 37 — Буки; 38 — Корчак; 39 — Тетеревка; 40 — Шумск; 41 — Райки; 42 — Ковали; 43 — Рудня Боровая; 44 — Малин; 45 — Быково; 46 — Вышгород; 47 — Киев (Андреевская гора и Замковая гора); 48 — Киевский некрополь; 49 — Совки; 50 — Ходосово; 51 — Мархалевка; 52 — Китаев; 53 — Халець; 54 — Сквирка; 55 — Карапыши; 56 — Красный Берег; 57 — Большая Ольса; 58 — Волосовичи; 59 — Любоничи; 60 — Гориводы; 61 — Казазаевка; 62 — Степановка; 63 — Леваши; 64 — Холмечь; 65 — Мохов; 66 — Сенское; 67 — Папковичи; 68 — Малейки; 69 — Любеч; 70 — Пересаж; 71 — Сибереж; 72 — Мохнати; 73 — Голубовка; 74 — Галков; 75 — Табаевка; 76 — Белоус Новый; 77 — Моровск; 78 — Коропье; 79 — Шестовицы; 80 — Седнев; 81 — Червягов (урочище Еловщина); 82 — Гущино; 83 — Чернигов

узорами — зацепками или насечкой по венчику. На стенках сосудов встречается ямочный или неровный волнистый и линейный орнамент.

В IX в. появляются лещные сосуды с обточенным на гончарном круте верхом, а затем и сосуды, целиком выполненные на круге. Поздняя лепная керамика по форме сосудов, профилировке и орнаментации напоминает соответствующие виды гончарной посуды. Пути эволюции от керамики пражско-корчакского облика к посуде типа Луки-Райковецкой устанавливаются на многих памятниках. Наиболее обстоятельно они прослежены на Житомирщине (Русанова И. П., 1968, с. 576—581; 1973, с. 10—16).

В VIII—IX вв. количество курганных захоронений увеличивается, а бескурганных — уменьшается.

В IX—X вв. курганный обряд погребения, по-видимому, полностью вытесняет захоронения в грунтовых могильниках. В VIII—IX вв. по-прежнему господствует обряд трупосожжения. Только теперь курганы обычно содержат единичные трупосожжения, заметно возрастает процент безурновых захоронений. Остатки трупосожжений, как и в более раннее время, помещаются в верхних частях насыпей или в их основаниях. Вещевой материал при погребениях, как правило, отсутствует, а если и встречается, то в виде оплавленных кусков стекла и цветных металлов. Изредка попадаются железные ножи. Урны представлены горшками типа Луки-Райковецкой, а в курганах X в. уже встречается древнерусская гончарная керамика.

Глиняная посуда типа Луки-Райковецкой характерна только для части ареала культуры пражско-

корчакской керамики. В других его частях развитие керамики шло иными путями. В это время на обширной славянской территории намечается значительная культурная дифференциация. В этом, по-видимому, нужно видеть дифференциацию славян (склавенгов Иордана) на отдельные племена.

На территории распространения пражско-корчакской керамики памятники типа Луки-Райковецкой занимают полосу от среднего Днепра на востоке до верховьев Буга на западе и не обнаруживают каких-либо заметных локальных различий (карта 10).

Одним из древних племенных образований славянства были дулебы. В период составления Повести временных лет дулебов уже не существовало, летопись сообщает о них как о прежних жителей Волины: «Дулебы живяху по Бугу, где ныне вельняне...» (ПВЛ, I, с. 14). Другие источники X в. (Константин Багрянородный, анонимный географ Баварский) среди восточнославянских племен не называют дулебов. «Дулеба» Масуди (*Гаркави А. Я.*, 1870, с. 136) скорее всего были подунайскими (чешскими) дулебами. Последний раз дулебы на страницах русских летописей упоминаются под 907 г. в рассказе о походе Олега на Царьград. Однако, по-видимому, прав С. М. Середонин, отметивший, что летописец упоминает здесь дулебов только потому, что в походе на Царьград должны были участвовать все известные ему племена (*Середонин С. М.*, 1916, с. 134).

В русской летописи о дулебах говорится в связи с воспоминанием о тяжелом аварском иге. Дулебы подверглись нападению со стороны авар при византийском императоре Ираклии (610—641). Следовательно, племя дулебов уже в начале VII в. несомненно существовало.

Некоторые исследователи полагают, что летописный рассказ о насилиях авар (обров) относится не к вольтским, а к паннонским дулебам (*Кисзуьски С. М.*, 1958, с. 226, 227; *Королюк В. Д.*, 1963, с. 24—31). Однако это не отрицает древности вольтских дулебов.

Имя дулебов восходит к праславянской поре (*Гришевский М. С.*, 1911, с. 248). Этот этноним имеет западногерманское происхождение (*Фасмер М.*, 1964, с. 551; *Трубачев О. Н.*, 1974, с. 52, 53). Несомненно, что дулебы составляли какую-то часть раннесредневековой славянской группировки, характеризующейся пражско-корчакской керамикой. Наряду с ними в ее составе были и другие праславянские племена, названия которых до нас не дошли. Западногерманское происхождение этнонима дулебы позволяет допустить, что это праславянское племя сложилось еще в римский период где-то по соседству с западногерманским населением (*Седов В. В.*, 1979, с. 131—133). Средневековые письменные источники фиксируют дулебов на Волини, в Чехии, на среднем Дунае между озером Балатон и рекой Мурсой и в Хорутании на верхней Драве (*Niederle L.*, 1910, с. 369, 370). Разбросанность этнонимов отражает миграцию дулебов из одного региона в разных направлениях.

Принимая буквально сообщение летописи о том, что дулебы жили по Бугу, там, где в летописное время расселялись вольтяне, некоторые исследователи полагали, что дулебам называлось то же самое восточнославянское племя, которое позже стало называться бужанами или вольтянами. Они допускали, что на

Волини происходила последовательная смена племенных названий: дулебы — бужане — вольтяне (*Барсов Н. П.*, 1885, с. 101, 102; *Андрияшев А. М.*, 1887, с. 7; *Каретников С.*, 1905, с. 21, 22). Другие исследователи считали, что более древнее племенное образование восточных славян — дулебы — положило начало двум летописным племенам — вольтянам и бужанам (*Нидерле Л.*, 1956, с. 155, 156; *Грушевский М. С.*, 1904, с. 181; *Середонин С. М.*, 1916, с. 135). Особняком стоит гипотеза А. А. Шахматова, согласно которой на Волини происходила не смена племенных названий, а переселение племен. Первым славянским племенем здесь были дулебы, которые ушли отсюда, и их место заняли бужане, в свою очередь впоследствии вытесненные вольтянами (*Шахматов А. А.*, 1919а, с. 25).

Археологические памятники дулебов нужно искать на Волини среди древностей VII—VIII вв. Летопись сообщает, что дулебы жили по Бугу, но это вовсе не значит, что территория их расселения ограничивалась исключительно бассейном этой реки. Ведь речь идет о расселении племени, которого уже не существовало в период русского летописания. Даже для племен, этнографически четко выделяемых по курганным древностям XI—XII вв., летопись не дает отчетливых ареалов, а только указывает один из ориентиров.

Представляется очевидным, что памятниками дулебов являются поселения и могильники с керамикой типа Луки-Райковецкой и более ранние, характеризующиеся пражско-корчакской керамикой. Однако керамика пражско-корчакского типа не может служить племенным признаком дулебов. Она имеет широкое распространение и, как отмечалось выше, связывается со склавенами Иордана. Дулебы же были какой-то частью склавенно-славян. Летописными дулебами, по всей вероятности, была та часть носителей культуры пражско-корчакского типа, которая расселилась на Волини и в правобережной части Среднего Поднепровья. Специфически дулебской, нужно полагать, была культура типа Луки-Райковецкой, но только внутри ареала пражско-корчакской керамики. Носители культуры типа Луки-Райковецкой на территории прежнего распространения пражско-пеньковской керамики этнографически отличались от дулебов.

Таким образом, летописные дулебы — древнее племенное образование славян, не дожившее до времени сложения древнерусского государства. Культурное единство выделяемого дулебского региона подчеркивается однородностью более поздних курганных материалов.

На этой территории летопись локализует бужан (вольтян), древлян, полян и отчасти дреговичей. Уже А. А. Спицын в работе, положившей начало археологическому изучению восточнославянских племен, отметил, что курганы IX—XII вв. племен юго-западной группы (к этой группе он причислял древлян, вольтян, полян и дреговичей) и по обряду погребения, и по вещевому инвентарю представляют полное единство (*Спицын А. А.*, 1899в, с. 326, 327).

Однородность курганных древностей юго-западной группы восточного славянства подчеркивал и Е. И. Тимофеев (*Тимофеев Е. И.*, 1961а, с. 56). Действительно, различия, например, между древлянскими и вольтянскими или между вольтянскими и

дреговичскими курганными древностями ничуть не больше, даже меньше, чем между курганными материалами смоленских кривичей и полочан, являвшихся ветвью тех же кривичей.

Этнографические особенности одежды волянн, древлян, полян и дреговичей, бесспорно, общие. Для всех этих племен характерны простота и скромность одежды, отсутствие нагрудных привесок, шейных гривн, малочисленность браслетов и распространение однотипных украшений — перстнеобразных височных колец и перстней общеславянских типов. Только крупнозерновые металлические бусы в составе шейных ожерелий выделяют дреговичей среди прочих племен юго-западной группы.

Имеется один весьма характерный признак, наиболее ярко подчеркивающий этническую близость летописных племен юго-западной группы. Наряду с перстнеобразными височными кольцами обычного общеславянского типа в курганах X—XII вв. летописных волянн, древлян, дреговичей и полян получили распространение своеобразные височные кольца, называемые перстнеобразными полтораоборотными. Это сравнительно небольшие провололочные кольца, концы которых на пол-оборота и более заходят на кольцо, так что получается полтораоборотная спираль. Такие височные кольца не встречаются на территории расселения северных восточнославянских племен, не характерны они и для курганов вятичей и днепровского левобережья. Ареал их почти исключительно ограничен областью расселения племен юго-западной ветви восточного славянства (Седов В. В., 1962б, с. 197, 198).

Если каждое из восточнославянских племен лесной зоны — кривичи, словене новгородские, вятичи, радимичи, а также северяне — характеризуется своеобразными височными кольцами как этнически определяющими украшениями, то на юго-западе восточнославянского ареала целая группа племен (волянн, древлян, полян и дреговичей) имела однотипные височные украшения.

Однообразие курганных древностей юго-западной группы восточнославянских племен X—XII вв. находит объяснение в единстве культуры этой территории в VIII—IX вв. Очевидно, древности волянн, древлян, полян и дреговичей X—XII вв. имеют в основе единую культуру типа Луки-Райковецкой.

Начало сложения отдельных славянских племен на исследуемой территории относится, по-видимому, к VIII—IX вв. Как показывает карта 10, поселения и могильники образуют здесь несколько более или менее крупных гнезд, разделенных лесными и болотистыми пространствами. Выделяется несколько районов концентрации памятников VIII—IX вв., из которых для рассматриваемой здесь группы представляют интерес четыре: 1) верховья Буга, Стыри и Горыни; 2) бассейны Тетерева и Ужа; 3) среднее течение Припяти (в окрестностях Турова); 4) киевское поречье Днепра с Ирпенью и нижней Десной.

Если сопоставить эти районы с ареалами летописных племен, как они обрисовываются по курганным материалам X—XII вв., то окажется, что они в общих чертах соответствуют племенным территориям. Так, первый район совпадает с областью волянн. Скопление памятников в верховьях рек Уж и Тетерев соответствует местоположению древлян. Группа памят-

ников VI—IX вв., которые сосредоточены в той части Припятского Полесья, где был основан племенной центр дреговичей — Туров, видимо, связана с дреговичами. От других групп аналогичных памятников припятская группа отделена значительными болотистыми пространствами, которые и позднее, в XI—XII вв., были разделительной полосой между областью дреговичей и древлянской землей. С полянами связывается четвертая группа памятников, расположенная в Киевском Поднепровье.

Таким образом, нужно полагать, что уже в VIII—IX вв. в результате гнездообразного расселения образовались отдельные территориальные группы славян — носителей культуры типа Луки-Райковецкой. Территориальная изолированность этих групп со временем привела к их некоторому этнографическому обособлению. Этнонимы большинства племен юго-западной группы, названных в русских летописях, получены от названий местностей, где они обитали: «...разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котормъ месте» (ПВЛ, I, с. 11). Летопись отмечает только, что дулебы обитали там, где живут (в летописное время) волянн. Это объясняется, видимо, тем, что к XI—XII вв. память о дулебах сохранилась лишь в области расселения волянн, точно так же, как название большой этнической группы восточных славян — кривичи — сохранилось только в Смоленской земле. В Полоцкой земле кривичи в летописное время назывались полочанами.

Таким образом, древляне, волянн, полян и дреговичи в третьей четверти I тысячелетия н. э. составляли одну племенную группу славянства — дулебов, поэтому в X—XII вв. они имели и одинаковые височные кольца, и однотипные прочие украшения (табл. XXV; XXVIII).

Предположение, что древнее племенное образование славян, занимавших Волянн и правобережную часть Среднего Поднепровья, называлось дулебами, находит подтверждение в топонимическом материале. Топонимы, производные от племенного названия дулебы, распространены не только на территории летописных волянн, но значительно шире. Они известны в бассейне верхнего течения Буга и верховьях Днестра, на всем пространстве правобережной части Припятского бассейна, в бассейне Ужа и под Киевом. Навесение этих топонимов на карту наглядно показывает, что все они находятся в пределах ареала керамики типа Луки-Райковецкой, там, где образовались волянн, древляне, полян и дреговичи (Седов В. В., 1962б, с. 202, рис. 3). Исключением можно считать д. Дулебно в б. Бобруйском уезде, д. Дулебы в б. Червенском уезде и реки Дулеба и Дулебка в бассейне нижней Свислочи. Но этот район Белоруссии был заселен дреговичами — одним из юго-западных племен восточного славянства, почему присутствие здесь подобных названий вполне объяснимо.

В связи с решением вопроса о дулебах как о племенной группе VI—VII вв., из которой позднее образовались волянн, древляне, полян и дреговичи, стоит вспомнить сведения, содержащиеся в сочинении арабского хрониста середины X в. Масуди. Он сообщает, что одно из славянских племен, называемое «валинана» (волянн), в древности господствовало над другими племенами, но потом между пле-

менам, входившими в этот союз, пошли раздоры, союз распался, племена разделились, и каждое племя стало выбирать себе предводителя (*Гаркави А. Я.*, 1870, с. 135—138). В. О. Ключевский отождествлял этот союз славянских племен, во главе которого стояли воляняне, с дулебским племенным образованием, известным по русской летописи (*Ключевский В. О.*, 1956, с. 109, 110), с чем согласились и некоторые другие исследователи. В частности, такой точки зрения придерживался Л. Нидерле (*Нидерле Л.*, 1956, с. 155, 156).

Это мнение встретило возражения: во-первых, «валинана» Масуди читается различными исследователями по-разному, и некоторые из этих чтений далеки от этнонима волянян (*Иванов П. А.*, 1895, с. 32, 33); во-вторых, после описания славянского союза племен под главенством «валинана» Масуди говорит о прибалтийско-полабских племенах, соседствующих с польскими волянянами, что позволяет сомневаться в отнесении «валинана» к славянам Волини (*Рыбаков Б. А.*, 1959, с. 240). Действительно, среди названных Масуди славянских племен преобладают прибалтийско-полабские, но вместе с тем среди славянских племен названы хорваты и дулебы. Ни те, ни другие никогда не были соседями западных (польских) волянян, а наоборот, жили поблизости от восточнославянских волянян. Относительно разночтений названий племени «валинана» Масуди следует заметить, что большинство специалистов склонны читать именно так. Сомневаться в славянской принадлежности племени, названного Масуди, оснований нет. Мы не знаем какого-либо иного славянского этнонима, близкого к тем разночтениям «валинана» Масуди, которые предлагаются некоторыми исследователями. Вероятно, остается только признать правильность чтения названия племени «валинана».

Рассмотренные выше археологические материалы как будто подкрепляют точку зрения Л. Нидерле, В. О. Ключевского и других исследователей.

Воляняне

Воляняне — племенная группировка восточного славянства, имевшая второе название — бужане. Летопись связывает ее с Бугом: «Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: ...бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне» (ПВЛ, I, с. 13), и далее: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне» (ПВЛ, I, с. 14). Из этих сообщений летописца следует, что та часть дулебов, которая обитала в бассейне Буга, первоначально называлась бужанами, а позднее это племенное название сменилось новым — воляняне. Так называемый Баварский географ, запись которого относятся к 873 г., приводит этноним *busani* (бужане) — значит, название воляняне появилось уже после IX столетия.

Этимология этнонимов бужане и воляняне прозрачна. Название бужане происходит от гидронима Буг (подобно волжане — от Волги). Имя воляняне исследователи выводят от города Вельнь (Волянь), откуда и историческая Волянь (*Фасмер М.*, 1964, с. 347). Подобные топонимы известны и в других славянских землях: польский *Wolub*, несколько наз-

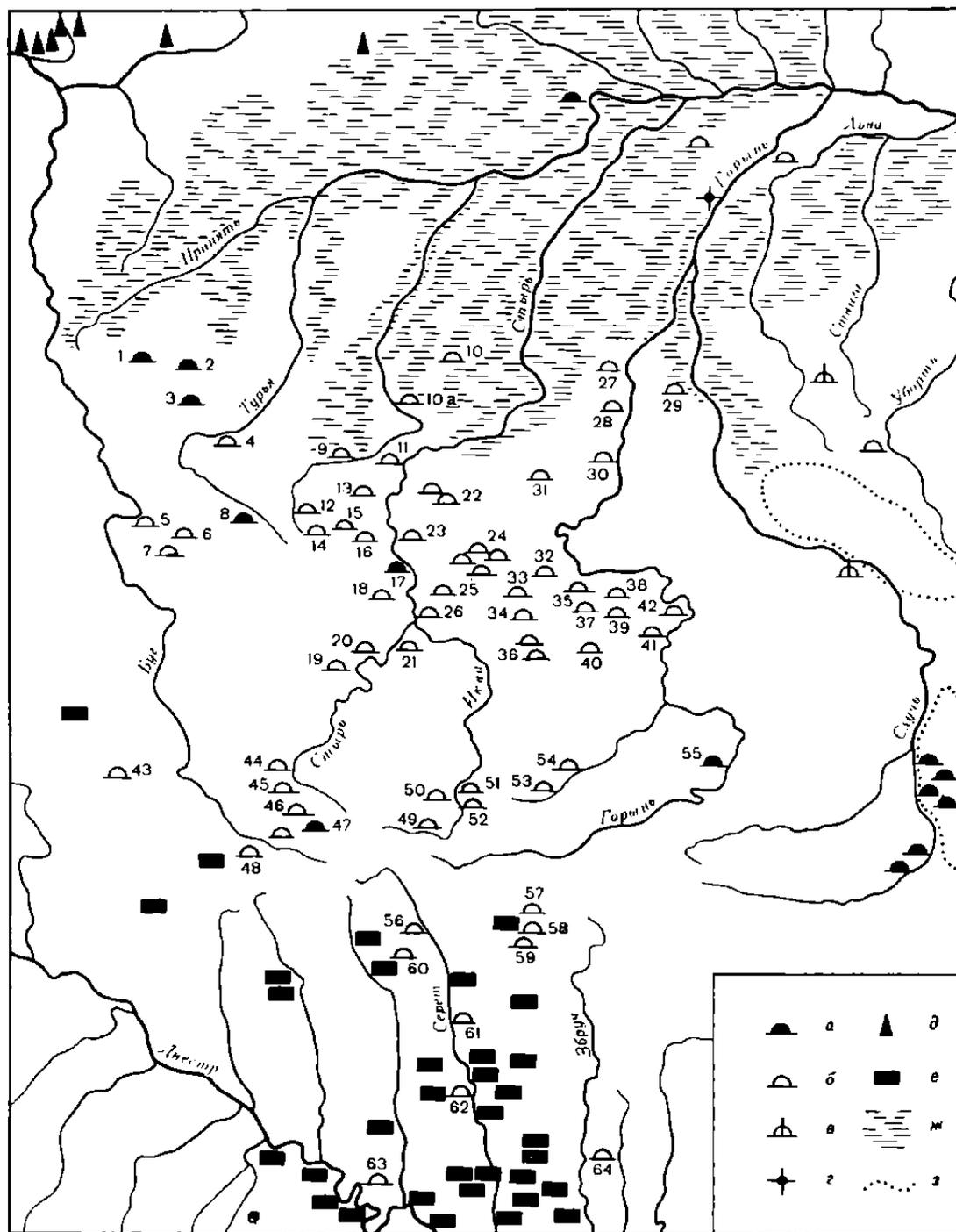
ваний *Volupe* в Чехословакии. Древний город Волянь на Буге (современное городище Замчиско в Грудке Надбужском) обследован археологами. Его детинец овальной формы (размеры 80×70 м) расположен на мысе, образованном Бугом и его притоком Гучвой. До 20-х годов XX в. были видны валы окольного города. Возникновение поселения на этом месте относится к VIII—IX вв., но существующие ныне валы были сооружены в XI в. (*Porre A.*, 1958, с. 235—269).

Краткость летописных известий о территории волянян вызвала расхождения в определении ее границ. Историки XIX в. отождествляли население Волянской земли XII в. с волянянами и на этом основании обрисовывали их ареал согласно границам Волянского княжества (*Андряшев А. М.*, 1887; *Иванов П. А.*, 1895). Однако исследователи сознавали, что политико-административные территории могли в ряде мест более или менее значительно расходиться с племенными. Поэтому для реконструкции племенных ареалов еще в конце XIX в. стали привлекать курганные материалы.

Основные курганные раскопки в земле волянян были произведены во второй половине прошлого столетия. Уже в 50-х годах XIX в. раскопками волянских курганов (Басов Кут, Гляиск, Красне, Пересопница) занимались Н. Веселовский и Я. Волошинский (*Антонович В. Б.*, 1901а, с. 39, 41, 42, 75). К 60—70-м годам относятся исследования курганов в Великом и Гляиске на территории Ровенской обл. (*Антонович В. Б.*, 1901а, с. 39, 75). В 1876—1882 гг. в районах Волини, граничащих с Поднестровьем, проводил раскопки А. Киркор (*ZWAK*, 1878, с. 9, 10; 1879, с. 23—32; 1882, с. 26; *Janusz B.*, 1918, с. 129, 130, 227—237, 248, 249). Менее крупные исследования тех же лет принадлежат И. Коперницкому, В. Пшибиславскому, А. Шнайдеру, В. Деметрикевичу и другим (*ZWAK*, 1878, с. 19—72; 1879, с. 70, 73; *Janusz B.*, 1918, с. 94, 248, 249).

В 1895—1898 гг. Е. Н. Мельник раскопала около 250 насыпей, расположенных в 23 могильниках, — Борохов, Вишков, Горка Полонка, Городище, Крупа, Лыща, Луцк, Поддубцы, Ставок, Теремно, Усячи, Басов Кут, Белев, Вычевка, Колоденка, Корнино, Новоселки, Пересопница, Старый Жуков (*Мельник Е. Н.*, 1901, с. 479—510). Работы Е. Н. Мельник охватили значительные пространства Волини и были выполнены на высоком уровне. Поэтому они остаются важнейшими в изучении волянян. В 1897—1900 гг. волянские курганы исследовал Ф. Р. Штейнгель, раскопавший более 40 насыпей в девяти могильниках (Белев, Великий Стыдын, Городец, Грабов, Корост, Карпилровка, Рогачев, Стыдынка, Теклевка) в современной Ровенской обл. (*Штейнгель Ф. Р.*, 1904, с. 136—182). К 90-м годам относятся также раскопки В. Б. Антоновича, Г. Волянского, М. Ф. Беляшевского и И. Житинского в Велика, Вербени, Красне, Устилуге (*Антонович В. Б.*, 1901а, с. 66, 72; 1901б, с. 134—140).

Первая попытка выделить особенности курганов волянян принадлежит В. Б. Антоновичу (*Антонович В. Б.*, 1901а, с. 38). Она оказалась неудачной, хотя применяемые исследователем термины «курганы волянского типа» и «курганы древлянского типа» укоренились в археологической литературе. К курганам

Карта 11. Курганы волынян

а — могильники, включающие курганы с трупосожжениями; б — курганные могильники исключительно с трупоположениями; в — курганы с характерными древлянскими особенностями; г — могильники с дреговичскими бусами; д — могильники с каменными курганами; е — могильники с подплатовыми захоронениями; ж — болотистые пространства; з — лесные массивы

1 — Головно; 2 — Мияловичи; 3 — Перевалы; 4 — Дулибы; 5 — Устилуг; 6 — Новоселки; 7 — Зимно; 8 — Могильно; 9 — Большой Поворск; 10 — Городок; 11 — Любча; 12 — Горка Полонка; 13 — Городище; 14 — Городок Луцкий; 15 — Усичи; 16 — Усичи-Чеховщина; 17 — Шепель; 18 — Рыкани; 19 — Вечелок; 20 — Боремля; 21 — Красне; 22 — Лыща; 23 — Теремно; 24 — Поддубцы; 25 — Крупа; 26 — Ставок; 27 — Городец; 28 — Корост; 29 — Немовичи; 30 — Стыдынь; 31 — Берестяно; 32 — Грабов; 33 — Рогачев; 34 — Белев; 35 — Городок; 36 — Старый Жуков; 37 — Стыдынка; 38 — Карпилówka; 39 — Басов Кут; 40 — Здолбунов; 41 — Коряно; 42 — Колоденка; 43 — Каменнополь; 44 — Высоцкое; 45 — Заболотцы; 46 — Луговое; 47 — Подгорцы; 48 — Новоселки Львовские; 49 — Тараж; 50 — Бухнев; 51 — Шпиколосы; 52 — Бодаки; 53 — Бря-

ков; 54 — Сураж; 55 — Изяславль; 56 — Великий Глубочек; 57 — Збараж; 58 — Чолганщина; 59 — Застенка; 60 — Осиповцы; 61 — Семенов; 62 — Палашевка; 63 — Жвиброды; 64 — Гусятин

волынян В. Б. Антонович отнес все славянские погребальные насыпи, расположенные западнее Горыни. Таким образом, в основе его классификации лежит географический признак. По характеристике В. Б. Антоновича, волынянские курганы — небольшие насыпи с трупоположениями или на горизонте или в грунтовых ямах, или выше основания, иногда в прямоугольных срубах. Однако эти признаки не могут быть племенными, так как характерны и для курганов других восточнославянских племен.

К началу XX в. курганы на Волини в большинстве оказались уже распаханными или раскопанными, поэтому их исследования первой половины XX в. менее значительны. В 1909 и 1912 гг. раскопки кур-

ганов (Зеленый Гай и Палашевка) производил К. Гадачек (*Janusz B.*, 1918, s. 100, 101, 272—274). В 20—30-х годах их исследованиями занимались И. Савицкая (Каршиловка), Н. Островский (Листвин), Т. Сулимирский (Зеленый Гай) и другие (*Sawicka J.*, 1928, s. 205, 247, 287; *Sulimirski T.*, 1937, s. 226). Более значительные раскопки (Берестяно, Городок, Перевалы, Поддубцы, Устье) принадлежат польскому археологу Я. Фицке [*Fitzke J.*, 1938b, s. 333, 338; 1939—1948, s. 335—363]. В последующие десятилетия курганы около Плисна и Збужа раскапывались львовскими археологами (*Старчук I. Д.*, 1955, с. 34; *Власова Г. М.*, 1961, с. 91—93). Исследования курганов вели также Ю. В. Кухаренко в Головно (*Кухаренко Ю. В.*, 1961, с. 32) и И. П. Русанова в Могильно и Милиновичах (*Русанова И. П.*, 1970, с. 278, 279). Среди раскопок последних лет интересны работы в курганном могильнике близ с. Майдан-Лыпенский Маневичского р-на Волынской обл. (*Грибович Р. Т., Петегурич В. М., Павлиш Д. Ю.*, 1977, с. 284, 285; 1978, с. 316, 317).

Обстоятельный анализ волыньских курганов сделал Е. И. Тимофеевым (*Тимофеев Е. И.*, 1961a, с. 56—73; 1961b, с. 102—108). Его вывод, что у волян господствовали преимущественно курганы с трупоположениями в могильных ямах, заслуживает внимания. Действительно, западная и восточная границы области распространения курганов с погребениями в ямах совпадает с исторически сложившимися границами Волынской земли. Однако курганы с ямными трупоположениями нельзя рассматривать в качестве этноопределяющего признака волян. В области расселения этого племени известны и курганы с трупоположениями на горизонте. Неопределенной осталась северная граница ареала волян. Курганы с трупоположениями в грунтовых ямах не встречаются севернее линии Ровно—Луцк. Поэтому Волыньское Полесье Е. И. Тимофеев вынужден исключать из территории волян. Весьма спорна и южная граница волян, проводимая Е. И. Тимофеевым примерно по водоразделу Припяти и Буга, с одной стороны, Днестра и Южного Буга — с другой. Курганы с трупоположениями в ямах известны и южнее этой границы, в Северном Поднестровье.

Существенные наблюдения для определения территории волян сделаны Ю. В. Кухаренко (*Кухаренко Ю. В.*, 1968, с. 326—329). Важно прежде всего, что этот исследователь привлек более ранние материалы — курганы VIII—X столетий. Ю. В. Кухаренко удалось подметить характерную особенность в расположении ранних волыньских курганов. Они находятся не на возвышениях, как более поздние, а на низких местах, иногда на пойменных лугах. Курганы образуют небольшие группы, из двух — десяти насыпей, и расположены всегда попарно: большой и рядом — малый, примыкая иногда вплотную друг к другу.

В 1958 г. Ю. В. Кухаренко раскопал два таких кургана близ д. Головно в Любомльском р-не Волынской обл. (*Кухаренко Ю. В.*, 1961, с. 32). Могильник состоял из четырех курганов, расположенных попарно: большой и возле него, почти примыкая с юго-запада, малый. Высота больших курганов около 1,5 м, диаметр — около 20 м. Малые имели высоту около 0,5 м, диаметр — 8—10 м. Насыпи песчаные. При раскопках встречены камни и обломки глиняных сосу-

дов. Под большой насыпью на поверхности погребенной почвы открыта зольно-угольная прослойка диаметром около 13 м и толщиной до 0,2 м. По краям прослойки зафиксированы остатки сгоревших бревен, как бы окаймлявших ее. В некоторых местах на стыках бревен отмечены сгоревшие вертикальные столбики. Оказывается, что кострище на месте сооружения кургана было ограждено кольцеобразной стенкой, составленной из стояков и горизонтальных бревен. В центре огороженной площадки в толще золь и угольков найдено несколько мелких обломков пережженных человеческих костей, разбросанных на пространстве диаметром около 4 м.

В малом кургане, также на горизонте, открыта аналогичная зольно-угольная прослойка диаметром около 5 м, в которой найдено несколько мелких кальцинированных костей. Никаких вещей в захоронениях не обнаружено. В насыпях обоих курганов найдены обломки керамики: в малом — обломки лепных сосудов, в большом — обломки лепных и раннегончарных сосудов. Лепные сосуды принадлежат к керамике типа Луки-Райковецкой. Это позволяет определить время захоронений в курганах VIII—IX вв.

Подобные памятники получили в литературе названия курганов типа Головно. Еще в 1938 г. Я. Фицке раскопал два аналогичных кургана у с. Перевалы. В обоих сожженные кости, перемешанные с остатками погребального костра, находились на уровне горизонта.

Особенно много таких курганов в междуречье Буга и Горыпи, т. е. в центре исторической Волыни. Поэтому принадлежность их воляньцам представляется бесспорной. Трудно сказать, как далеко на юг простирался ареал курганов типа Головно. Ю. В. Кухаренко полагал, что он ограничивался верховьями Буга, Стири и Горыпи. На западе территория этих курганов включала весь бассейн верхнего течения Буга.

На севере курганы типа Головно достигают Брестского Побужья. Здесь такие памятники известны в Углянах, Трухиновичах, Великом Лесе и других пунктах. Раскопки производились лишь в одном из малых (высота 0,5 м, диаметр 8 м) курганов у д. Радость недалеко от г. Камец. В основании открыто линзовидное зольно-угольное включение диаметром 2 м и около него — кальцинированные кости с обломками лепного сосуда. Нужно полагать, что уже в VIII—IX вв. бужане-воляньцы продвинулись севернее Припяти, освоив будущие области Берестейской волости.

Пределами основной территории волян на севере, очевидно, были болотистые пространства в бассейне верхнего течения Припяти (карта 11). Восточная граница ее проходила по р. Случь, где полоса леса служила естественным рубежом между воляньцами и древлянами. Южная граница ареала волян совпадала с водоразделом между бассейнами Припяти и Буга, с одной стороны, и Днестровским бассейном — с другой. Впрочем, единичные курганные могильники, по-видимому оставленные воляньцами, известны на левых притоках Днестра, где они разбросаны среди более многочисленных могильников хорватов. На западе рубежом расселения волян было поречье Буга. Далее начиналась территория западнославянских племен.

Бронзовое изображение лошадки из поселения VI—VII вв. Самчинцы

Бронзовые пластинка с изображением льва и браслет из поселения VI—VII вв. Скибинцы

Серебряные привески и лунницы X в. из Гнездова (клад 1868 г.)

Украшения дреговичей XI—XII вв. из курганов, раскопанных В. З. Завитневичем в бассейне Березины и в окрестностях Мозыря

Уже в X в. на Волини широко и повсеместно распространяется обряд труположения (табл. XXV). Столь раннее появление подкурганых труположений обстоятельно аргументировано в статьях Е. И. Тимофеева.

В X—XII вв. курганы сооружали обычно на возвышенных местах, а количество их в одном могильнике исчислялось несколькими десятками, а иногда и сотнями. По внешнему облику волинские курганы — полушарные или конусовидные, при средней величине 1—2 м, с кольцеобразным ровиком у основания — ничем не отличаются от погребальных насыпей других восточнославянских земель. В насыпях встречаются угли и зола, обломки ритуально разбитых глиняных сосудов, а по наблюдениям Е. Н. Мельник — также остатки тризн (кости животных и птиц). Угли и золу в славянских курганах некоторые исследователи объясняют как пережиток обряда трупосожжения.

В X в. труположения еще сосуществовали с трупосожжениями. Курганы с захоронениями по обряду кремации этого времени ничем не отличаются от насыпей с труположениями и находятся в общих могильниках. Сожжение умершего совершалось или на месте сооружения кургана, или на стороне. В первом случае в основаниях курганов открываются остатки кострищ (Лыща, Плиснеск), во втором — кальцинированные кости с золой и угольками, помещенные или в верхней части насыпи, или же в ее основании.

К концу X в. обряд ингумации окончательно вытеснил трупосожжение.

Как и все древнерусские курганы, погребальные насыпи волинян в зависимости от места труположения подразделяются на три типа: 1) с захоронениями на горизонте; 2) с погребениями в грунтовых ямах; 3) с захоронениями в насыпях. Последний тип на Волини исключительно редок.

До недавнего времени в археологической литературе господствовала схема эволюции курганных труположений, предложенная еще в конце прошлого столетия А. А. Спицыным. Предполагалось, что наиболее равными были курганы с труположениями на горизонте и только с XII в. появились ямные захоронения. Эта схема развития обрядности оказалась действительно лишь для северных лесных областей древней Руси. В южнорусских землях, согласно новейшим исследованиям, труположения в подкурганых ямах появились так же рано, как и ингумированные захоронения на горизонте. Е. И. Тимофееву, изучавшему курганы Волини, удалось показать, что обряд погребения в ямах в области расселения волинян возник одновременно с обрядом погребения на горизонте и сосуществовал с ним в период X—XIII вв. (Тимофеев Е. И., 1961а, с. 57—64).

Курганы с труположениями на горизонте и насыпи с ямными захоронениями распределены на территории волинян неравномерно. Так, ямный обряд погребения получил значительное распространение в средней и южной частях Волинской земли. Здесь много курганных могильников, содержащих исключительно ямные труположения (Тимофеев Е. И., 1961а, с. 64, рис. 2). Однако ошибочно было бы полагать, что обряд захоронения в ямах является племенным признаком волинян, а

могильники с погребениями в ямах и на горизонте отражают неоднородность племенного состава населения данного района. Для племенной атрибуции погребенных в курганах более надежны другие детали погребальной обрядности. Так, для курганов древлян — восточных соседей волинян — характерны специфические зольные прослойки над погребениями. В курганах Волини таких прослоек нет. Поэтому волинские курганы с труположениями на горизонте не могут быть связаны с древлянами. Невозможно считать их и дреговичскими, поскольку вещи из этих курганов не содержат украшений дреговичей. Остается признать, что труположения в основаниях курганов, как и ямные труположения на Волини, принадлежали волинянам. В частности, к волинянам следует отнести курганы севернее линии Ровно — Луцк, где преобладают курганные труположения на горизонте.

Причины столь раннего распространения подкурганых труположений в ямах у волинян, как и в некоторых других южнорусских землях, не установлены. Никаких материалов, свидетельствующих о крещении населения Волини уже в начале X в., в распоряжении исследователей нет, поэтому гипотеза о воздействии христианства на погребальный обряд отпадает.

Следует обратить внимание на то, что в X в. труположения в ямах распространяются исключительно в тех южнорусских областях, где в более ранний период не был известен курганный обряд захоронения. Наоборот, в области древлян, где немало курганов с керамикой пражско-корчакского типа и курганов с трупосожжениями VIII—IX вв., погребальные насыпи с ямными труположениями почти отсутствуют. В Киевском Поднепровье курганов с пражско-корчакской керамикой нет вовсе, а курганы VIII—IX вв. единичны, и здесь уже в X в. получают исключительное распространение ямные труположения. Такая же картина наблюдается на Волини. Курганы третьей четверти I тысячелетия н. э. здесь нет. Курганы типа Головно концентрируются в основном в северных районах Волини. И как раз здесь в X—XI вв. господствуют труположения на горизонте, а в южнovoлинских районах, наоборот, — труположения в ямах.

Раннее появление труположений в подкурганых ямах в южных районах восточнославянской территории при господстве труположений на горизонте в более северных регионах древней Руси объяснить затруднительно. Возможно, это обусловлено тем, что в средней и северной частях восточнославянского ареала курганный обряд имел давние традиции и бытовал в течение нескольких веков еще до внедрения обряда ингумации. Первые подкурганые труположения здесь поэтому помещались на горизонте — там, где прежде находились ритуальный или погребальный костер и остатки кремации умершего.

В южных районах восточнославянского расселения курганный обряд не получил распространения. Умерших здесь хоронили, очевидно, в бескурганых могильниках по обряду кремации, может быть, в отдельных местах существовали и биритуальные кладбища, продолжавшие традиции римской эпохи. Вполне естественно, что в пограничной полосе при появлении курганов первые труположения стали

помещать в грунтовые ямы и над ними сооружать насыпи.

Среди волынских курганов с ямными труположениями различаются два типа. Наиболее распространены курганы с простыми могилами, не имевшими каких-либо деревянных конструкций. Покойников хоронили на дне ямы в деревянных гробах или без них. Реже встречаются курганы со срубными могилами. В прямоугольной яме сооружали сруб из тесаных брусьев или из толстых досок. Из досок или брусьев устраивали также дно, а сверху могилу накрывали деревянным помостом. Средние размеры деревянных камер около 2,6×1 м при высоте 1 м. Иногда встречаются и более крупные срубы — до 3,6×2,6 м, а в одном из курганов в Пересопнице аналогичная погребальная камера была устроена на горизонте и имела размеры 4×3 м. Обычно в срубные гробницы умерших клали в гробах. Курганы со срубными гробницами раскопаны в Басовом Куте, Белеве, Пересопнице, Новоселках, Плиснеске, Грабове, Рогачинке, Стыдынке, Мншкове, Палашевке. Они разбросаны на значительной территории и нигде не образуют отдельных могильников. Такие же курганы с захоронениями в срубных гробницах известны и на земле полян.

Пережитками обряда трупосожжения являются своеобразные присыпки из золы или золы с углями. Они покрывали или самого покойного, или гроб с умершим, или дно могильной ямы. Иногда зола с угольками служит подстилкой для погребенного. Изредка в слое золы присутствуют куски обожженной глины, еще реже вместо золы использованы глина или известь. В основаниях курганов в Живачеве и Жпибродах открыты кольца, сложенные из камней. Похороненные в этих насыпях были осыпаны известью.

Какой-либо закономерности в употреблении различных присыпок установить не удается.

Положение и ориентировка умерших в курганах волынян общеславянские: на спине, в вытянутом положении, головой на запад, с вытянутыми вдоль туловища или полусогнутыми руками. В ориентировке умерших постоянно наблюдаются сезонные отклонения — летом покойника клали в направлении юго-запад — северо-восток, зимой — северо-запад — юго-восток.

Погребенные с противоположной ориентировкой (головой на восток) в курганах волынян принадлежат к редким исключениям. Это единичные курганы в могильниках, расположенных по берегам Стыри близ сел Боремля, Лыща и Теремно. Сюда же, видимо, относится погребение в кургане 7 в с. Збуж на Горыни, где умерший положен головой к северо-востоку. Кроме того, в последнем могильнике в курганах 1 и 12 открыты труположения, направленные головой к югу. В той части Восточной Европы, которую до славянского расселения занимали балты, курганные захоронения с восточной ориентировкой являются реликтом балтского погребального ритуала (Седов В. В., 1961б, с. 103—121; 1970б, с. 162—171). Не исключено, что и единичные погребенные, направленные головой к востоку, на Волыни обусловлены балтской традицией. Все эти погребения находятся в северной половине ареала волынян, поблизости от древней балтской территории (карта 12).

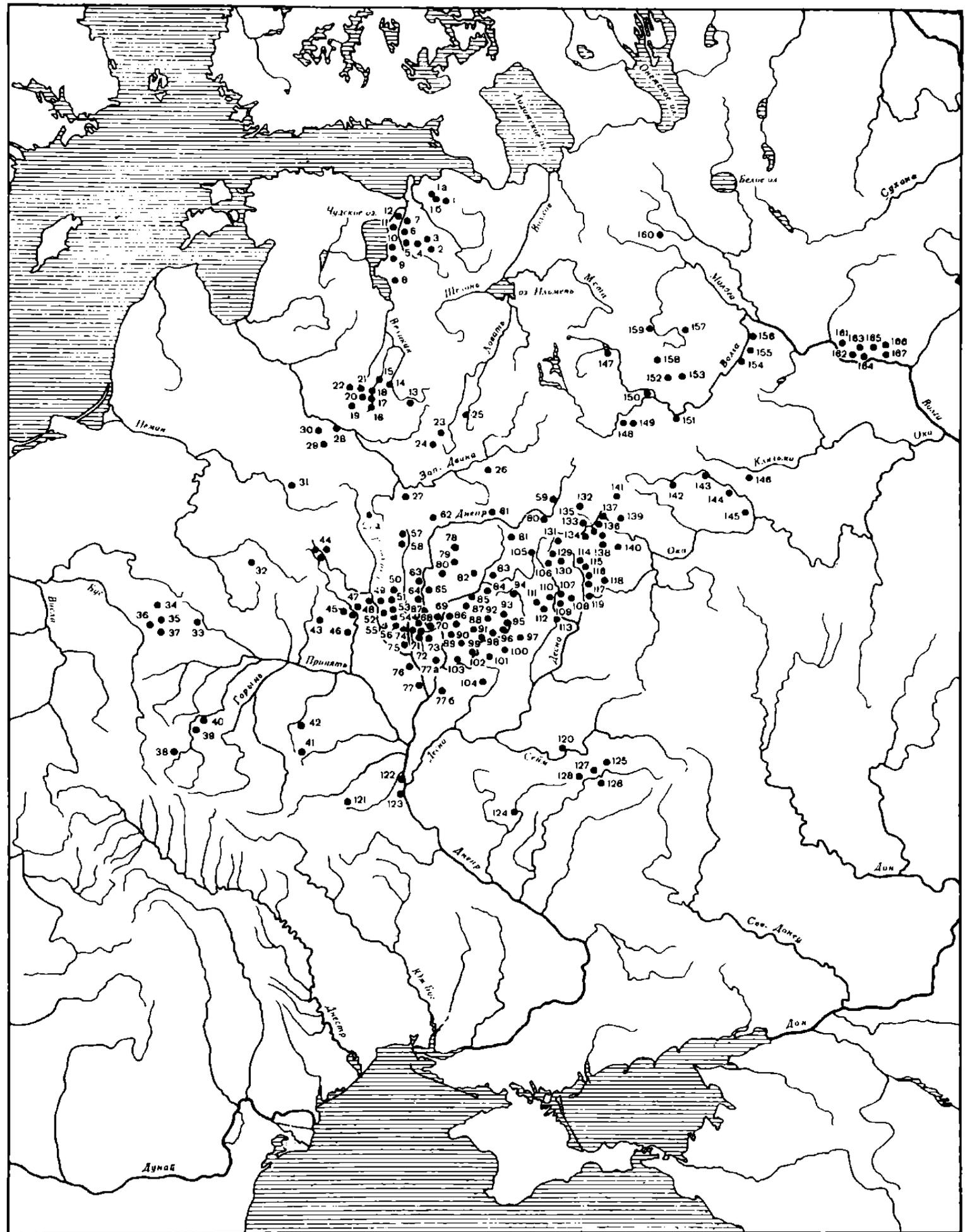
Как правило, в одном кургане бывает одно труположение. Только изредка встречаются насыпи с двумя и более скелетами. В курганах, где открыто по два скелета (таких раскопано свыше 20), один принадлежал взрослому, а другой — ребенку. Лишь три кургана, раскопанные в некрополе древнерусского города Плиснеска, содержали по два взрослых захоронения — мужчины и женщины. В пяти волынских курганах открыто по три захоронения — все детские, а в одном из курганов близ Старого Жукова — пять погребенных: двое взрослых (в том числе один — во впускном захоронении) и трое детей.

Более половины исследованных на Волыни курганных труположений оказались безыскусными. В большинстве случаев это захоронения мужчин. Однако и во многих женских погребениях волынян или нет украшений, или встречены лишь единичные предметы. Наиболее характерным височным украшением волынских женщин были перстнеобразные колечки диаметром от 1—1,5 до 3—3,5 см, сделанные

Карта 12. Распространение курганных труположений, обращенных головой к востоку

1 — Рабятицы; 1а — Бегуницы; 1б — Лашковицы; 2 — Замощье; 3 — Дворец; 4 — Битино; 5 — Полицы; 6 — Курвичек; 7 — Куклина Гора; 8 — Адамово; 9 — Залахтове; 10 — Калхновщина; 11 — Скарятинна Гора; 12 — Ольгин Крест; 13 — Овсяновка; 14 — Шурупово; 15 — Чилипино; 16 — Циби; 17 — Шкильбаны; 18 — Батыри; 19 — Удры; 20 — Мокшанский Лес; 21 — Рыкополь; 22 — Варкляны; 23 — Плисы; 24 — Кривоносово; 25 — Дохино; 26 — Слобода; 27 — Закурье; 27а — Домжерицы; 28 — Придруйск; 29 — Опса; 30 — Дрисвято; 31 — Засвирье; 32 — Городиловка; 33 — Денисковичи; 34 — Войская; 35 — Свищево; 36 — Зеленые Гурки; 37 — Ратайчицы; 38 — Боремля; 39 — Теремно; 40 — Лыща; 41 — Андреевичи; 42 — Тепеница; 43 — Уречье; 44 — Заславль (несколько групп); 45 — Макаричи (группы I — II); 46 — Макаричи-Петровичи; 47 — Горожка (Устье); 48 — Устиж; 49 — Вирков; 50 — Рудня; 51 — Кострицкая Слобода; 52 — Дворец; 53 — Селище; 54 — Пацева Слобода; 55 — Любоничи; 56 — Волосовичи; 57 — Кривицы-Новинки; 58 — Зсьмоны; 59 — Харлапово; 60 — Шагирка; 61 — Гнездово; 62 — Дубки; 63 — Быхов; 64 — Новый Быхов; 65 — Вотня; 66 — Шапчицы; 67 — Курганье; 68 — Хизово; 69 — Корма Новоельнянская; 70 — Новый Кривск; 71 — Ходосовичи; 72 — Веточка V; 73 — Мадора; 74 — Задрутье-Рогачев; 75 — Каменка; 76 — Казазаевка; 77 — Холмечь; 77а — Калиновка; 77б — Звеничев; 78 — Чаусы; 79 — Петуховка; 80 — Грязяев; 81 — Мотеево; 82 — Ботвиновка; 83 — Кулешовка; 84 — Игнатовка (Селище); 85 — Кляшино; 86 — Елизаветино; 87 — Кормы; 88 — Батуровка; 89 — Попова Гора; 90 — Боровик; 91 — Поповка; 92 — Голеевка; 93 — Беседовичи; 94 — Слобода на Ипути; 95 — Ново-Дроково; 96 — Высокое; 97 — Ляичи; 98 — Влазовичи; 99 — Козаричи; 100 — Коржевка; 101 — Чертовичи; 102 — Смяличчи; 103 — Демьяни; 104 — Большие Щербиничи; 105 — Азобичи; 106 — Шуя; 107 — Ивановичи (группы I и II); 108 — Немеричи; 109 — Баткино; 110 — Загорье; 111 — Алешня; 112 — Пеклино; 113 — Вщиж; 114 — Субуровка; 115 — Сяньгово; 116 — Погост; 117 — Колчино; 118 — Войлово; 119 — Курганье; 120 — Мовчанское Болото; 121 — Грубск; 122 — Вышгород; 123 — Киев; 124 — Лохвица; 125 — Рождественское; 126 — Мирополье; 127 — Белгородка; 128 — Сумы; 129 — Коханы; 130 — Трашковици; 131 — Хотнежицы; 132 — Относово; 133 — Гречихина; 134 — Желанье; 135 — Ступенька (группы I и II); 136 — Шатуны; 137 — Ивановское (группы Сосоньяк и Полевые Курганы); 138 — Леовоно; 139 — Бочарово; 140 — Богоявление; 141 — Пааново; 142 — Волково; 143 — Черемушки; 144 — Потапово; 145 — Колоколово; 146 — Осеево; 147 — Столбово; 148 — Ягодино; 149 — Городище; 150 — Дуденево; 151 — Загорье; 152 — Воробьево; 153 — Сутоки; 154 — Кирьяново; 155 — Нестерово; 156 — Челганово; 157 — Бежецы; 158 — Селище; 159 — Воронцово; 160 — Новинки; 161 — Васильевское; 162 — Шеляиха; 163 — Ковищева; 164 — Новлянское; 165 — Кожухова; 166 — Сидельница; 167 — Студенец

ГЛАВА 4. ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ДНЕПРОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

из тонкой бронзовой или реже серебряной проволоки (табл. XXVI, 1—15, 22, 28, 29, 35, 36, 41—44). Они подразделяются на несколько типов. Самыми распространенными были кольца с сомкнутыми или частично заходящими концами. К последним примыкают полутораоборотные височные кольца. Обычно разнотипные перстнеобразные кольца встречаются в одних и тех же могильниках и часто в одних курганах. При одной погребенной их бывает от одного — трех до восьми, а в некоторых случаях — до 16. Перстнеобразные височные кольца волянян, как, впрочем, и других восточнославянских племен, нашивали на головной убор или вплетали в волосы.

Значительно реже встречаются проволочные кольца небольшого (1,5—3,5 см) диаметра загнутоконечные (с концом, завернутым в колечко или трубочку) и S-конечные (с концом, завернутым в виде S). Носили их так же, как описанные выше перстнеобразные, и часто вместе с ними. S-конечные височные кольца были характерным женским украшением западославянских племен, их основной ареал охватывает территории Польши и Чехословакии. Не исключено, что находки подобных украшений на древнерусской территории отражают инфильтрацию небольших групп или индивидуумов западославянского населения. Р. Якимович и К. Мусянович на этой основе пытались проследить пути их проникновения на восток. Так, Р. Якимович, отмечая на юго-западе древнерусской территории два пункта концентрации S-конечных височных колец, связывал их с переселением сюда поляков (*Jakimowicz R.*, 1934, s. 54—59). Один из пунктов скопления таких колец, по Р. Якимовичу, находится на Воляни, между Бугом и Горыпью. Расселение здесь выходцев из Польши он соотносил с походом 1019 г. Болеслава Храброго на Киев. Второй район, где найдено много височных колец с S-образным завитком, по Р. Якимовичу, находится в земле полян, между реками Росью и Жеревом. Польский исследователь связывал его с расселением здесь Ярославом Мудрым в 1031 г. пленных поляков: «Ярославъ п Мьстиславъ собрата вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста, и разделивша я. Ярославъ посади своя по Ръси, и суть до сего дне» (ПВЛ, I, с. 101).

Е. И. Тимофеев считает, что находки S-конечных височных колец в древнерусских памятниках отражают культурные связи восточных славян с западными. Однако, поскольку височные кольца являются этнографической особенностью определенных племенных групп, вряд ли распространение S-образных украшений на восточнославянской территории обусловлено торгово-культурными связями. Скорее всего здесь мы имеем свидетельство проникновения западославянского населения на территорию волянян.

Височных колец с напускными бусами в волянских курганах найдено около трех десятков. Сюда входят проволочные кольца с одной бусиной, чаще стеклянной зонной или цилиндрической разных цветов, реже — с пастовой коричневой, украшенной белыми волнистыми линиями, или с розетчатой (табл. XXVI, 39). В одном из курганов Суражского могильника встречено височное кольцо с небольшой серебряной зерновой бусиной. Трехбусинные височные кольца происходят из единичных курганов, раскопанных в

Лыще (группа 1), Пересопнице, Старом Жукове и Поддубцах. В Лыщенском кургане найдено также кольцо с четырьмя бусами, а под Лудком — пятибусинное кольцо (табл. XXVI, 17). Височные украшения из Старого Жукова и Поддубцев имеют узловатые бусины. Кольца других могильников — серебряные мелкозерновые или ажурные. Височные кольца с напускными бусами не составляют особенности волянских курганов. Более или менее равномерно они встречаются на всей древнерусской территории.

В трех курганах (3, 8 и 33) Пересопницкого могильника найдены сережки с гроздевидной подвеской. Они состоят из проволочного кольца, украшенного подвеской из полых серебряных шариков в виде грозди винограда и расположенных симметрично розеточек, составленных также из серебряных шариков. Две серьги близкого типа происходят из Новоселковских курганов. У них подвеска муфтообразная, сложно сплетенная из тонкой проволоки. В археологической литературе такие украшения иногда называют серьгами волянского типа. Название явно неудачное, так как эти предметы распространены более широко и своим изготовлением не связаны с Волянью.

Серьги с привеской в виде виноградной грозди неоднократно встречены в южных регионах восточнославянской территории, в том числе и в неславянских памятниках. Единичные находки достигают верхнеднепровских областей (Гнездово, Эсьмоны). Украшения, изготовленные в той же технике, но несколько отличные в деталях устройства, найдены в памятниках Чехословакии и Венгрии (*Hampel J.*, 1905, S. 482—494; *Dostál B.*, 1966, s. 30—44).

Г. Ф. Корзухина посвятила южнорусским украшениям, выполненным в технике тиснения, к которым относятся и рассматриваемые серьги, отдельную статью (*Корзухина Г. Ф.*, 1946, с. 45—52). Исследовательница устанавливает генетическую преемственность этих украшений как в технике, так и в формах с более ранними причерноморскими изделиями античного времени через посредство поднепровских культур VI—VIII вв.

Ожерелья из бус в курганах волянян сравнительно немногочисленны, а шейные гривны не встречаются вовсе. Как правило, ожерелья состоят из небольшого числа бус (от двух до 12), и очень редко к ним прибавлены металлические привески. Специфически волянянских бус нет. В составе ожерелий обычно преобладают разноцветные стеклянные или пастовые бусы или бисер, а к ним добавляются единичные металлические, сердоликовые, янтарные или хрустальные бусины. Из стеклянных бус наиболее многочисленны зонные (одинарные и двойные) желтого, синего и зеленого цветов (табл. XXVI, 24, 25). Нередки также позолоченные или посеребренные цилиндрические бусы.

Весьма разнообразны бронзовые или серебряные бусы. Самые роскошные из них — серебряные лопастные. Они имеют форму овала с выпуклыми боками. Поверхность их украшена мелкой зернью, а края — сканой проволокой. Изготавливались такие бусы из трех-четырех лопастей-пластинок, концы которых припаивались к трубчатой основе. Г. Ф. Корзухина в упомянутой выше статье предположила, что в кургане 29 Пересопницкого могильника погребен ювелир с набором штампов для изготовления металличе-

ских бус. На Волыни лопастные бусы найдены в семи курганах (Белев, 29; Крупа, 2; Пересопница 8, 16, 23 и 33; Поддубцы, 8). Кроме того, они встречены в единичных захоронениях в областях расселения полян и древлян, в Гнездовских и Владимирских курганах, а также в могилах. Г. Ф. Корзухина датирует лопастные бусы X—XI вв.

В двух курганах (Белев, 18; Лыща, 1, 12) найдены серебряные овальные бусы, украшенные треугольниками из мелкой зерни. Более многочисленны шарообразные металлические бусы, поверхность которых сплошь покрыта мелкой зернью. Несколько раз встречены сканные бусы, в том числе с шариками зерни (табл. XXVI, 18, 34).

Сердоликовые бусы (призматические, плоские или многогранные) найдены в 16 курганах: в пяти — по две, в остальных — по одной бусине (табл. XXVI, 26, 37, 38). В двух курганах оказалось по одной янтарной бусине, в одном — хрустальная шарообразная.

Металлические привески к ожерелью представлены разными типами (табл. XXVI, 19—21). Изредка встречаются бубенчики (табл. XXVI, 31). В пяти курганах (Белев, Велико, Жниброды, Плиснеск, Хотимир) найдено по одной луннице (табл. XXVI, 16). Подвеска в виде крестика с шарообразными утолщениями на концах происходит из Корнина, две ажурные крестообразные привески — из курганов Плиснеска и Борохова. Крестик с углублениями для эмали обнаружен в одном из Пересопницких курганов (табл. XXVI, 30).

Можно утверждать, что браслеты не были в моде у волыньских женщин. Найдено только два бронзовых браслета — проволочный (Любча) и узкопластинчатый загнутоконечный (Старый Жуков, группа II). Зато были широко распространены перстни (табл. XXVI, 23, 32, 33). Большинство из них принадлежит к проволочным простым. Реже встречаются витые из трех проволок, жгутовые и плетеные. Единичны перстни, сделанные из спаянных тонких проволок — двух-трех гладких и четырех свитых попарно, а также пластинчатые.

Большинство описанных украшений найдено в захоронениях женщин. Перстнеобразные колечки — серьги и перстни — как редкое исключение встречаются и в погребениях мужчин. При труположениях мужчин и женщин находят бронзовые или железные пряжки, поясные кольца и пуговицы. Пряжки в коллекциях вещей из курганов волынян представлены лишь лирообразными, весьма распространенным по всей территории древней Руси. В курганах у сел Басов Кут и Збуж найдено по одной железной подковообразной застежке с расплюснутыми завернутыми концами. Интересная подковообразная застежка происходит из Святокреста (табл. XXVI, 40). Нередки в погребениях бронзовые, железные, костяные и деревянные пуговицы.

Довольно часто погребенные в волыньских курганах похоронены с железными ножами. Они невелики (длина лезвия 5—9 см) и принадлежат к общеславянскому типу. Рукоятки обычно деревянные, реже — костяные. Их носили в кожаных или деревянных ножнах, иногда скрепленных медной проволокой или железными скобами.

Изредка в курганах встречаются калачевидные или овальные кресала и точильные брусочки. Единичны-

ми находками представлены глиняные и шиферные пряслица. В кургане 4 у с. Басов Кут найдена глиняная писанка. Из одного кургана у с. Великий Стыднь происходит костяной гребень.

Обычай ставить горшок в могилу на Волыни, по видимому, не был распространен. Глиняная посуда обнаружена не более чем в трех десятках захоронений. Строгих правил в постановке горшков не было: их находят около ступней погребенного, около черепа, а иногда и в других местах. Гораздо чаще в насыпях волыньских курганов попадаются фрагменты глиняной посуды. Видимо, в момент сооружения курганов сосуды разбивали согласно ритуалу и разбрасывали их обломки. В двух случаях (Лудк — урочище Вулька и Новоселки) найдены лепные сосуды, в остальных — гончарные горшки, которые датируются периодом от X до XII—XIII вв.

Более чем в 15 волыньских курганах (могильник Басов Кут, Белев, Красне, Плиснеск, Пересопница, Теклевка) встречены ведра, сделанные из дубовых клепок и железных обручей, и дужки. Форма их усеченноконическая, высота 20—30 см, диаметр основания 15—30 см. Одно ведро из Басова Кута украшено шестью серебряными и одной медной бляшками. Ведра ставили в могилы с жертвенной пищей. Этот обычай был распространен у славян-язычников и зафиксирован в землях как восточных, так и западных славян.

Рядовые захоронения волынян, как правило, не содержат предметов вооружения. Оружие встречается в основном в погребениях дружинников.

Основные находки оружия происходят из Плиснеского и Пересопницкого могильников. В курганах Плиснеского могильника найдено два меча. Один из них принадлежит к типу S по Я. Петерсену (*Petersen J.*, 1919, S. 142—149), другой — к типу V. Оба датированы А. Н. Кирпичниковым концом X — началом XI в. (*Кирпичников А. Н.*, 1966а, с. 78, 82). В трех курганах того же могильника обнаружены боевые топоры. А. Н. Кирпичников относит их к первому типу и датирует X—XI вв. (*Кирпичников А. Н.*, 1966б, с. 104). Из курганов Пересопницкого могильника происходят железная обоймица от деревянных ножен меча, боевой топор типа III по А. Н. Кирпичникову, относящийся к XI в. (*Кирпичников А. Н.*, 1966б, с. 114), три засажных ножа с длинными лезвиями (один из них несколько изогнутый) и четырехгранный наконечник стрелы. Наконечник копья встречен в кургане 1 у с. Теремно. В другом кургане того же могильника найден ромбовидный черешковый наконечник стрелы. Ланцетовидные и ромбовидные наконечники стрел встречены также в курганах Белевского и Горка-Полонского могильников. В одном из Старожуковских курганов обнаружен боевой топор.

Курганный обряд погребения в земле волынян доживает до XII в. Позднее языческий ритуал вытесняется христианским.

Древляне

Восточными соседями волынян были древляне (древляне), получившие название по лесистой местности: «... запе седоша въ лесехъ». Территория древлян

не определена летописью. Известно только, что это племя обитало по соседству с полянами, к северо-западу от Киева, и его центром был Искоростень.

Древляне имели, по-видимому, развитую племенную (полугосударственную) организацию. Повесть временных лет уже на первых страницах сообщает, что у них было свое княжение. В летописях содержатся сведения о древлянских князьях, племенной знати («лучших мужах») и дружине. Между древлянскими и киевскими князьями до середины X в. происходили неоднократные столкновения. Видимо, с этим связано суждение автора исторического введения Повести временных лет, бесспорно киевлянина, что «... древляне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды девица» (ПВЛ, I, с. 15).

До 946 г. зависимость древлян от Киева ограничивалась выплатой дани и участием в военных походах. В 945 г. во время сбора дани древлянами был убит киевский князь Игорь. В следующем году Ольга с малолетним сыном Игоря Святославом предприняла военный поход на древлянскую землю, в результате которого войско древлян было разбито, а их город Искоростень сожжен (ПВЛ, I, с. 40—43). Древляне окончательно потеряли самостоятельность и вошли в состав Киевского государства. Древлянскую землей теперь управляли ставленники Киева. Так, отправляясь в 970 г. в Болгарию, Святослав посадил в древлянскую землю одного из своих сыновей (ПВЛ, I, с. 49).

Попытки восстановить территорию расселения древлян на основе летописных свидетельств предпринимались неоднократно, но ни одну из них нельзя признать удачной. Краткость летописных данных о древлянской земле вызвала весьма противоречивые суждения относительно ее границ. Так, Н. П. Барсов и Л. Нидерле полагали, что древлянам принадлежала область к югу от Припяти, между Горынью и Тетеревом, за которым находилась уже земля полян (Барсов Н. П., 1885, с. 127—129; Нидерле Л., 1956, с. 156). С. М. Середонин отводил древлянам более широкое пространство, ограниченное Горынью на западе, Припятью на севере и Киевским Поднепровьем на востоке (Середонин С. М., 1916, с. 146, 147).

А. А. Шахматов, используя косвенные данные русских летописей, допускал, что область древлянского расселения заходила на левый берег Днепра (Шахматов А. А., 1916, с. 100). Сообщение летописи: «И иде Вольга по Дервьстей земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища... и по Днепру перевесища и по Десне...» (ПВЛ, I, с. 43) — означало, по мнению этого исследователя, что в ареал древлян входили поречье Днепра с устьем Десны. А. А. Шахматов отождествлял Малька Любечанина с Малом Древлянским, что позволило ему отнести к древлянской земле Любеч (Шахматов А. А., 1908, с. 340—378).

Однако летописное сообщение о деятельности Ольги правдоподобнее толковать так, что области по Днепру и Десне не входили в землю древлян, иначе их упоминание было бы ненужным. Б. А. Рыбаков показал, что А. А. Шахматов ошибался в определении личности Мала Древлянского (Рыбаков Б. А., 1956, с. 46—59).

С предположением А. А. Шахматова о распространении древлян на днепровское левобережье согласился В. А. Пархоменко (Пархоменко В. А., 1924, с. 46—50). По его мнению, Киев, в основном связанный с левобережьем, первоначально был городом древлян и только в X в. был завоеван полянами.

Решающая роль в определении границ расселения древлян принадлежит курганному материалу. Первая попытка очертить ареал этого племени была предпринята исследователем древлянских курганов В. Б. Антоновичем. До полевых изысканий этого археолога научные раскопки в древлянской земле не были значительными. Интересные исследования курганов на Тетере в окрестностях Житомира проводил С. С. Гамченко (Гамченко С. С., 1888). Очень краткие сведения были опубликованы по раскопкам в Аннополе и Немовичах (Волинские ведомости, 1879; Киевская старина, 1888, с. 34, 35). В. З. Завитневич, производивший раскопки в поречье Припяти и в более северных областях, пытался наметить границу между дреговичскими и древлянскими курганами (Завитневич В. З., 1890а, с. 22). Так как в исследуемых им областях преобладали курганные погребения на горизонте, то их он считал дреговичскими, а древлянам приписывал погребения в ямах.

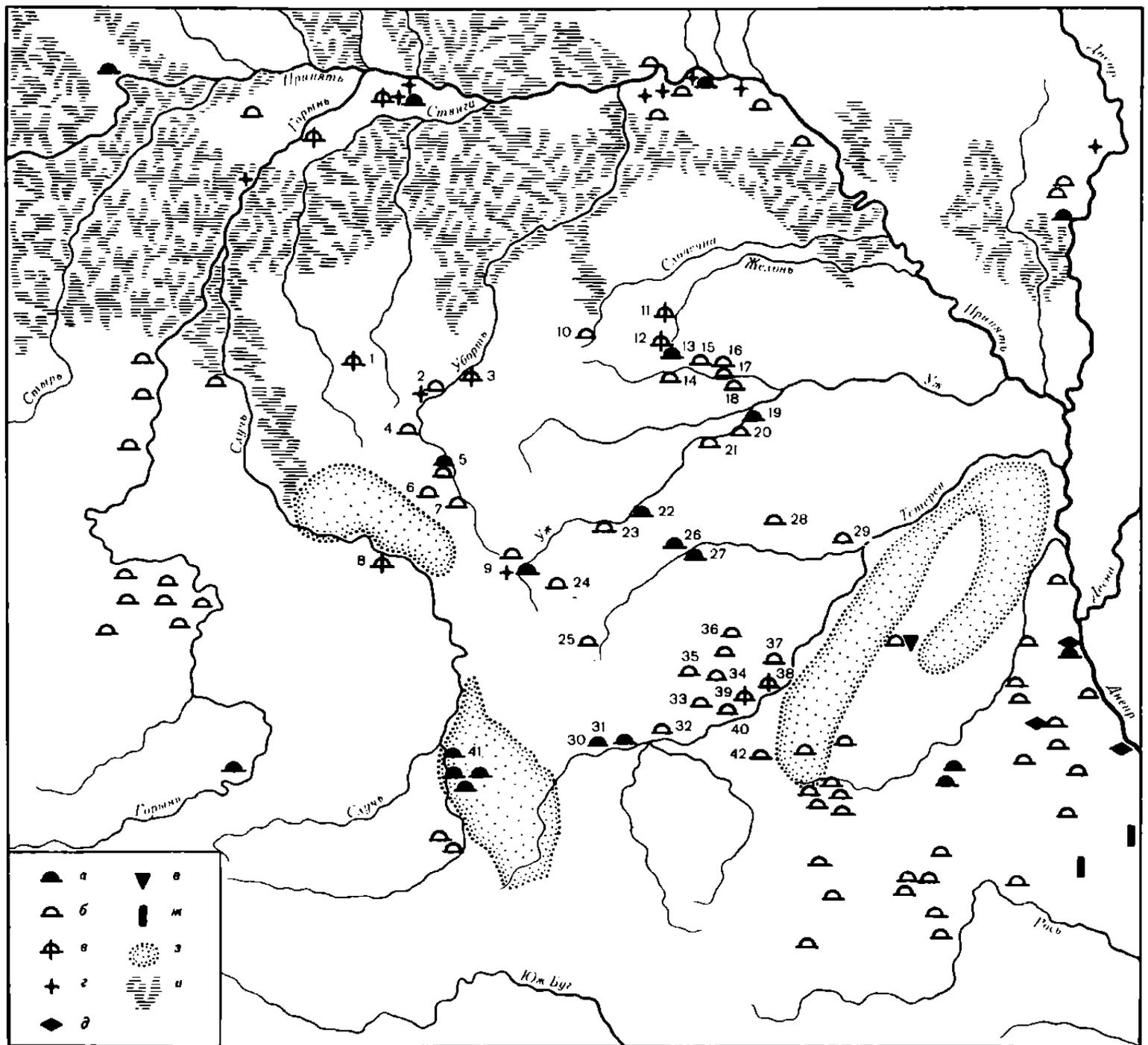
На этом основании границу между дреговичами и древлянами он проводил южнее Припяти, а отдельные могильники по Тетереву (например, Житомирский) относил к дреговичам.

Курганные раскопки В. Б. Антоновича были сосредоточены в южной и юго-восточной частях древлянской земли и в соседних районах территории полян (Антонович В. Б., 1893б). По мнению этого исследователя, полянам принадлежали курганы с труположениями, сопровождавшимися конскими погребениями. В результате к древлянам были отнесены все курганы без погребений коня. Так как курганы в бассейне р. Уж, в верховьях Уборти и Ствиги к тому времени не были исследованы раскопками, а курганы волянян еще не выделены, то границы древлянской земли были очерчены В. Б. Антоновичем весьма субъективно.

К древлянам В. Б. Антонович отнес курганы под Киевом, а также насыпи в бассейнах рек Тетерев, Уж, Ирпень и Роставица. Таким образом, древлянская земля определялась в пределах от среднего течения Случи (Горынской) на западе до правобережья Днепра на востоке и от бассейна Ужа на севере до левых притоков верхней Роси на юге. В. Б. Антонович подсчитал, что на этой территории заметно преобладают курганы с ямными труположениями (58%). Курганы с погребениями на горизонте составляют 25% исследованных, а с захоронениями выше горизонта — 17%. На этом основании исследователь считал характерными для древлян курганы с погребениями в грунтовых ямах.

Выводы В. Б. Антоновича привлекли внимание исследователей и неоднократно использовались в научной литературе (А. А. Спицын, В. А. Пархоменко и другие).

Раскопки древлянских курганов продолжались в конце XIX и в первых десятилетиях XX в. С. С. Гамченко исследовал курганы в бассейне Случи (Гамченко С. С., 1901, с. 350—403). Весьма существенными были раскопки Ф. Р. Штейнгеля в Овруцком и

Карта 13. Курганы древлян

а — могильники, включающие курганы с трупосожжениями; б — курганные могильники исключительно с трупоположениями; в — курганы со специфически древлянскими особенностями; г — курганы с дреговичскими бусами; д — курганы с полскими особенностями; е — находки семилучевых височных колец; ж — курганные могильники тюркских кочевников; з — лесные массивы; и — болотистые пространства
 1 — Ракитино; 2 — Олевск; 3 — Тепеница; 4 — Лопатичи; 5 — Зубковичи; 6 — Глумча; 7 — Подлубы; 8 — Горбаша; 9 — Андреевичи; 10 — Хлупляны; 11 — Довгивичи; 12 — Хайч; 13 — Речяца; 14 — Норинск; 15 — Овруч; 16 — Леплящина; 17 — Яжберень; 18 — Кацовщина; 19 — Межирички; 20 — Росохи; 21 — Татариничи; 22 — Коростень; 23 — Веселовка; 24 — Бараши; 25 — Новоселки; 26 — Ковали; 27 — Рудня Боровая; 28 — Головки; 29 — Городищи; 30 — Буки; 31 — Денеша; 32 — Житомир; 33 — Студеница; 34 — Слиплицкий Лес; 35 — Слиплицы; 36 — Торчан; 37 — Мивина; 38 — Городск; 39 — Коростышев; 40 — Стрыжавка; 41 — Мирополь и его окрестности; 42 — Котельня

Житомирском уезде могильников Бараши, Веселовка, Коростень, Кацовщина, Ковали, Норинск, Рудня Боровая и Татариничи (Штейнфельд Ф. Р., 1904, с. 153—167). В северной половине древлянкой земли, в бассейнах Уборти и Ужа, значительные изыскания курганов провел Я. В. Яроцкий. Он исследовал около 50 насыпей, расположенных в 11 пунктах (Яроцкий Я. В., 1903, с. 173—192; Раскопки курганов, 1903, с. 329—332). Курганы бассейна Ужа в окрестностях Овруча в 1911 г. привлекли внимание известного археолога В. В. Хвойки (Ви�езжев Р. I., 1954б, с. 145—152).

После Великой Октябрьской революции значительные работы по изучению курганов на Житомирщине вел С. С. Гамченко. Он впервые открыл и раскопал курганы третьей четверти I тысячелетия н. э. (Петров В. П., 1963а, с. 16—38). В 1924 г. свыше 20 курганов в разных пунктах древлянского ареала (окрестности Коростеня и Овруча, Норинск, Бабиничи,

Леплянщина, Росохи, Народичи, Яжберень) раскопаны экспедицией Вольнского музея, а в 1926 г. древлянские курганы исследовал И. Ф. Левицкий (*Викторовский В.*, 1925, с. 19, 20).

В последние десятилетия были произведены сравнительно небольшие исследования курганов, но они весьма существенны, так как совершенство методики позволило обратить внимание на некоторые детали, не замеченные прежде. В 50-х годах XX в. Ю. В. Кухаренко исследовал древлянские курганы в двух пунктах — Ракитно и Мирополь (*Кухаренко Ю. В.*, 1969, с. 111—115). В те же годы небольшие исследования курганов близ Довгиничей, Хайча и Новоселок провели И. С. Винокур и В. А. Месяц (*Винокур И. С.*, 1960, с. 151—153). В 60-х годах раскопками курганов (Буки, Межирички, Мирополь Горбаши) занималась И. П. Русанова (*Русанова И. П.*, 1961, с. 70, 71; 1967, с. 42—47; 1970, с. 278; 1973, с. 26—30).

Анализ курганных материалов летописного ареала древлян принадлежит И. П. Русановой (*Русанова И. П.*, 1960, с. 63—69). Критически рассмотрев выводы В. Б. Антоновича, исследовательница показала, что нельзя очерчивать древлянскую территорию на основе распространения курганов с труположениями в грунтовых ямах. Выяснилось, что такие курганы известны только на окраине древлянской земли и более характерны для соседних племен-полян и вольнян. На основной территории древлян, т. е. в районах Коростепя и Овруча, подкурганых захоронений в ямах почти нет. Для этой территории более характерны погребения на горизонте, реже встречаются труположения в насыпях.

И. П. Русановой удалось подметить весьма характерную особенность курганов древлянского региона — скопления золы и угольков в насыпях, всегда выше труположений. Обычно это тонкая зольно-угольная прослойка, расположенная в центре кургана. Образование ее связано с определенным ритуалом — наследием обряда кремации умерших. По-видимому, первоначально в процессе сооружения курганной насыпи в ее верхней части разжигали небольшой костер, имевший очистительно-ритуальный смысл. Позднее вместо костра в верхнюю часть кургана стали приносить золу и уголь со стороны.

Эта деталь древлянского погребального обряда позволяет очертить ареал этого племени (карта 13). Граница между древлянами и полянами в XI—XII вв., когда сооружались курганы с подмеченной особенностью, проходила через леса в междуречье Тетерева и Роставицы и через болотистое течение р. Здвиж. Далее восточная граница древлянского расселения уходила на север, пересекая реки Тетерев (примерно в устье Ирши), Уж (ниже впадения Норпи) и Словечпу (в устье Ясенца).

На севере древляне соседствовали с дреговичами. И. П. Русанова, отмечая курганы с угольным слоем выше погребений на Туровщине, провела северную границу древлян по Припяти (от устья Горыни до устья Ствиги). Однако в туровских курганах явно преобладают типично дреговичские признаки, в том числе обычные и этноопределяющие зерновые бусы. Наоборот, курганы с зольно-угольными скоплениями вверху встречаются здесь сравнительно редко.

Учитывая это, границу между древлянами и дре-

говичами нужно провести южнее Припяти. Правый берег этой реки бесспорно был дреговичским. Разделительной полосой между древлянским и дреговичским ареалами служили широкие болотистые пространства южнее Турова, где, судя по отсутствию древнерусских курганов, населения не было или оно было исключительно редким. Лишь отдельные курганы древлянского типа (с остатками кострищ в насыпи выше погребения) проникают севернее этой полосы, на собственную дреговичскую территорию. Такие курганы исследовались в могильниках низовьев Ствиги и Горыни (Отвержичи и Рычево). Наоборот, в северо-западных районах древлянской территории раскопано несколько курганов с дреговичскими зерновыми бусами. Таковы могильники Андреевичи и Олевск в верховьях Уборти. Такая картина взаимопроникновения обычна для пограничных районов всех восточнославянских племен.

Западная граница распространения древлянских курганов проходила по Случи, где лесистые местности отделяли древлянский регион от вольнянского.

Самыми старшими курганами в древлянском ареале являются курганы с трупосождениями и урнами пражско-корчакского типа. Они обычно имеют небольшую (0,3—0,9 м) высоту, несколько расплывчаты и образуют могильники, состоящие из 10—30 насыпей.

Собранные с погребального костра кальцинированные кости помещались преимущественно в урнах в верхней части курганной насыпи или в ее основании. Преобладают курганы с захоронениями в верхней части насыпи. В виде исключения встречаются захоронения, помещенные в ямах в материке. Такие курганы раскопаны в бассейне Тетерева в окрестностях Житомира (у деревень Корчак, Стырты, Янковцы и др.), в верховьях Случи (Мирополь), Ужа (у деревень Селец, Гутки, Лозница) и Уборти. Число выявленных раскопками захоронений в курганах — от одного до трех, по, вероятно, их было больше. Часть погребений, падающих в верхних пластах насыпей, по-видимому, не сохранилась.

Вероятно, в VI—VIII вв. курганный обряд погребения в области древлян был преобладающим. Часть населения, придерживаясь старой традиции, хоронила умерших в бескурганых могильниках. Обряд захоронения в них такой же, как и в курганных погребениях. Здесь тоже сожженные кости вместе с леплом складывались в глиняные урны, принадлежащие к керамике пражско-корчакского типа. Такие бескурганые могильники известны в древлянском ареале только по поверхностным, часто случайным обследованиям.

Курганы с трупосождениями позднего времени (VIII—X вв.) содержат по одному захоронению (табл. XXV). В отличие от более ранних, в этих насыпях обычны безурновые погребения. Сожжение умерших по-прежнему совершалось на стороне, однако появляются и трупосождения на месте курганной насыпи. Отмечены случаи неполного сожжения — остатки обгорелых костей образуют удлиненное пятно, ориентированное в направлении запад — восток. Иногда под остатками сожжения наблюдаются следы пережженных досок или деревянных колод.

Кальцинированные кости с золой и мелкими угольками чаще помещаются в верхней части кургана. Может быть, в этой связи появляется обычай поме-

щать золу с угольками в верхней части курганов с труположениями.

Древлянские курганы с труположениями, как правило, лишены вещевого материала. Погребальные урны бывают двух типов: лепные сосуды типа Луки-Райковецкой и изредка раннегончарные горшки. В единичных курганах найдены проволочные перстнеобразные височные кольца со сходящимися концами.

Курганы с трупосожжениями VIII—X вв. никогда не образуют самостоятельных групп, а входят в состав могильников, где имеются насыпи с труположениями эпохи Киевской Руси, а иногда и курганы с керамикой пражско-корчакского типа.

В X в. на смену кремации умерших приходит обряд погребения несожженных трупов. Умершего клали на горизонте и над ним сооружали курганную насыпь. Как уже отмечалось, почти обязательным для древлянских захоронений был ритуал помещения золы с углем в верхней части насыпи.

Курганы с труположениями в древлянском ареале довольно единообразны. Ориентировка умерших, как правило, общеславянская, западная. Обратное положение — головой на восток — зафиксировано в двух могильниках — урочище Княже при с. Андреевичи и в Тепенице. Довольно часто встречаются гробы из толстых досок (двух длинных продольных и двух поперечных), а иногда и деревянные колоды. В могильниках у сел Андреевичи и Речица отмечены случаи покрытия умерших березовой корой.

При раскопках курганов близ с. Буки прослежены кольцевые канавки с остатками частокола вокруг погребения (*Русанова И. П.*, 1967, с. 42—47). Диаметры таких колец 4—5,7 м, ширина канавок 0,2—0,4 м, глубина — 0,1—0,2 м. Такие канавки рыли в материке, а в дно их забивали вертикальные кольца (на глубину 0,1—0,15 м).

Ритуал захоронения древлян по курганным раскопкам у с. Буки реконструируется в следующем виде. Умершего клали на горизонтальную площадку или в небольшое углубление, вырытое в материке (длина 2,2—3,2 м, ширина 1,1—1,2 м, глубина 0,1—0,2 м). Сразу же на материке разжигали ритуальный костер, от которого в курганах сохранился небольшой слой золы с углем. Иногда в этом слое встречаются мелкие фрагменты глиняных сосудов. Одновременно погребение окружали канавкой с частоколом. Все это засыпали землей, сооружая курганообразную насыпь. Иногда с внешней стороны оградки также разжигали костры.

Кольцевые канавки с частоколом, который иногда сгорал, а в других случаях оставался несожженным, нельзя считать особенностью исключительно Букских или исключительно древлянских курганов. В прежних раскопках такая деталь часто оставалась не замеченной исследователями. А в последние десятилетия кольцеобразные канавки открыты на широкой территории — в курганах вятичей, полян, дреговичей, смоленских кривичей, Волго-Окского междуречья. Еще раньше кольцевые оградки зафиксированы в курганах на верхнем Дону.

Среди древлянских курганов несколько своеобразны насыпи по р. Уборть. Они имеют внутри конструкции из камней. Так, многие курганы у Зубковичей, Олевска и Тепеницы были обложены камнями, неко-

торые насыпи в могильниках у Зубковичей, Лопатицей и Андреевичей (урочище Княже) оказались покрытыми вымосткой из камней. В одном из Тепеницких курганов также открыта каменная кладка. Камни в насыпи обнаружены и в одном из Андреевичских курганов. В другом кургане этого могильника, содержащем захоронение по обряду сожжения, из камня было сложено «ядро» насыпи. В Зубковичских курганах камни перекрывали могильные ямы с труположениями.

Эти каменные конструкции не имеют аналогий в курганных древностях юго-западной группы восточных славян. Каменные покровы и каменные «ядра» обычны в курганах ятвягов или их славянизированных потомков. В связи с этим можно полагать, что могильники по р. Уборть оставлены смешанным разноплеменным населением. Здесь с древлянами сосуществовали переселенцы из ятвяжских областей. В пользу этого говорят и труположения с восточной ориентировкой, известные в древлянской земле только в двух могильниках на Уборти. Вещевой инвентарь убортских насыпей идентичен материалам из древлянских курганов.

Курганы с труположениями на горизонте господствовали в области древлян довольно долго, вплоть до исчезновения обычая сооружать курганные насыпи над погребениями. Ямные подкурганые труположения известны главным образом на юго-восточной окраине древлянской земли, а также в бассейне Уборти (Андреевичи, Зубковичи, Лопатицы и Тепеница). Несколько курганов с труположениями в ямах открыто по соседству — в Речицком могильнике.

Вещевой инвентарь древлянских курганов небогат. Наиболее распространенными височными украшениями были перстнеобразные кольца двух типов — с сомкнутыми концами и полутораоборотные (табл. XXVII, 1, 3—8). В курганах под Коростенем и в Житомирском могильнике встречены перстнеобразные кольца с S-видным концом. Изредка на проволочные кольца надето по одной бусине, пастовой или стеклянной (Коростень, Олевск, Зубковичи), а иногда и металлической зерновой (Буки). Трехбусинные височные кольца (табл. XXVII, 2) найдены в четырех могильниках — Великая Фосня, Коростень Лопатицы, Олевск (урочище «Под Орлами»). В одном из курганов Овручского могильника и в одной насыпи Речицкого могильника встречены сережки так называемого волынского типа. Из Житомирского могильника (курган 37) происходит серьга в виде кольца с шестью неподвижно закрепленными на нем розетками. Розетки составлены из шести шариков, нанизанных на проволочные колечки. Украшение подобного облика найдено в полянских курганах Грубска. Такие серьги не характерны для восточнославянских территорий, аналогии им имеются в славянских древностях Чехословакии.

Шейные ожерелья открыты во многих древлянских курганах, но состоят они обычно из двух — четырех бусин. Очень редко ожерелья насчитывают большее число бусин и имеют еще привески. Наиболее часто встречаются стеклянные позолоченные бусы цилиндрической, бочонковидной, биусечепноконической (табл. XXVII, 13) и трапециевидной формы, а также аналогичные одинарные и двойные пронизки (табл. XXVII, 12). Изредка попадаются синие и

желтые стеклянные бусы, несколько чаще — белые, желтые и красные пастовые. В полтора десятках курганов найдены бусы из сердолика (табл. XXVII, 17). Форма их различна — плитчатые, шести- и восьмигранные, многогранные и призматические. В трех могильниках (Житомир, Коростень и Речица) встречены хрустальные и янтарные бусинки. Наконец, единичными находками представлены серебряные бусы: в курганах под Житомиром и Коростенем обнаружены лопастные, украшенные мелкой зернью и сканью, а в одном из житомирских курганов — розеткообразные, сделанные из трех-четырех рядов спаянных между собой шариков.

Среди подвесок к ожерелью встречены лунницы (Речица и Подлубы), бубенчики (Подлубы), морские раковины (Овруч). Редки в погребениях бронзовые и железные грибовидные пуговицы (табл. XXVII, 15), иногда пуговицами, по-видимому, служили шиферные пряслица.

Относительно часты в женских погребениях древлян перстни (табл. XXVII, 9—11, 16). Наиболее распространены среди них простые проволочные. Кроме того, обнаружены перстни витые, ложновитые, плетеные, пластинчатые сомкнутые и пластинчатые завязанные. Тонкопроволочный витой браслет встречен только один раз (Ракитно).

В мужских захоронениях древлянских курганов изредка встречаются бронзовые и железные поясные кольца и лировидные пряжки. В курганах Коростеньского и Искриньского могильников найдены подковообразные застежки (табл. XXVII, 14). Иногда мужчин хоронили с железными ножами, кресалами, точильными брусками и деревянными ведрами, от которых в курганах обычно остаются железные обручи и дужки. Из Коростеньского кургана 5 происходит боевой топор, датируемый XI в., и серп.

Курганный обряд погребения в земле древлян, как и в других среднеднепровских областях, исчезает на рубеже XII и XIII вв. История древлянского племени кратковременна. Первоначально древляне — одна из региональных групп восточного славянства. Территориальное обособление древлян привело к созданию у них собственной племенной организации со своими князьями и войском. Постепенно появляются и собственные этнографические особенности. Однако эти особенности только намечались — древлянский женский костюм ничем не отличается от убранства женщин соседних племен. Ранняя потеря племенной самостоятельности привела к стиранию этнографических черт. Современная диалектология и этнография уже совсем не обнаруживают каких-либо особенностей, оставшихся от племенного периода древлян.

Поляне

Главным ориентиром при определении территории полян летописец называет Днепр: «Тако же и ти словене пришедише и седоша по Днепру и нарекошася поляне...» (ПВЛ, I, с. 11). В другом месте летописи уточняется, что полянам принадлежало Киевское Поднепровье. Рассказывая о возникновении Киева, летописец сообщает, что в Киеве жили поляне: «...бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне» (ПВЛ, I,

с. 13). Кроме Киева, полянам принадлежали города Бышгород, Василев, Белгород. Этимология названия поляне прозрачна (*Фасмер М.*, 1971, с. 322). Этноним образован от слова «поле», что в древности означало открытое, безлесое место. Об этом имеется запись в летописи: «Полями же прозвани быши, зане в поли седяху...» (ПВЛ, I, с. 23). Киевское Поднепровье в значительной степени лежало в полосе лесостепи с преобладанием плодородных черноземных почв. Еще в скифское время эта область была широко освоена земледельческим населением. В период славянского освоения этой территории здесь, нужно полагать, было много безлесых участков, которые перемежались рощами и дубравами. Этот район заметно отличался от сплошных лесных массивов, заселенных западными соседями полян — древлянами.

Длительное время в исторических работах господствовало мнение, согласно которому полянам отводили небольшой правобережный участок от Киева до р. Рось. Лишь около Киева полянская земля захватывала узкой полосой левый берег от устья Десны до р. Кордня (*Барсов Н. П.*, 1885; *Грушевский М. С.*, 1911; *Середонин С. М.*, 1916; *Андріяшев О.*, 1926; *Мавродин В. В.*, 1946).

Раскопки славянских курганов в Киевском Поднепровье начались в середине прошлого столетия. Одним из первых серьезных исследователей этих курганов был Я. Я. Волошинский, раскопавший в 60-х годах более полусотни насыпей на территории Киева (*Волошинский Я. Я.*, 1876, с. 16; *Каргер М. К.*, 1958, с. 127—230) и несколько — близ окрестных сел Мархалевка и Совки (*Волошинский Я. Я.*, 1876, с. 59, 60). В 70-х и 80-х годах XIX в. раскопками курганов занимались Т. В. Кибальчич, Э. К. Витковский, А. П. Богданов (*Витковский Э. К.*, 1878, с. 24, 25; *Кибальчич Т. В.*, 1879, с. 98; *Богданов А. П.*, 1880, с. 308).

В те же годы начал свои полевые работы В. Б. Антонович. Особенно крупные раскопки курганов велись этим исследователем в последнем десятилетии XIX и начале XX в. (*Антонович В. Б.*, 1879, с. 256—259; 1893б; 1895; 1901а; 1906, с. 29—32).

К последним годам XIX в. относятся также небольшие раскопки курганов В. В. Хвойки и М. К. Якимовича (*Хвойко В. В.*, 1899, с. 80; 1901, с. 181, 182; *Якимович М. К.*, 1900, с. 201—203).

Очень большие работы по изучению славянских курганов на левобережной части Среднего Поднепровья произведены в конце прошлого столетия и в начале XX в. Д. Я. Самоквасовым. Ему же принадлежат и менее крупные раскопки курганов в южной части земли полян (*Самоквасов Д. Я.*, 1892, с. 30, 73—76, 86; 1906, с. 121; 1908а, с. 188—226; 1908б, с. 188—206; 1916, с. 51—91).

На южной окраине полянского региона и за его пределами, там, где славянские курганы перемежаются с кочевническими, значительные раскопки провел Н. Е. Бранденбург (*Бранденбург Н. Е.*, 1908).

В последующие десятилетия XX в. раскопки курганов были менее значительны, поскольку к тому времени большинство курганных могильников в области расселения полян уже было уничтожено пашней или погибло, как, например, в Киеве, в результате строительной деятельности. К 1913—1915 гг. относятся небольшие раскопки А. Эртеля около с. Совки (*Самойловский И. М.*, 1954, с. 154—156). В 20-х годах

раскопками курганов в ареале полян занимались В. Е. Козловская, М. Я. Рудинский и П. И. Смоличев (*Козловська В. Е.*, 1925, с. 25, 26; 1930, с. 42, 43; *Смоличев П. И.*, 1926, с. 178–180; 1931, с. 56–64; *Рудинський М.*, 1928, с. 56, 57).

После Великой Отечественной войны раскопки курганов в ареале полян вели Я. В. Станкевич (*Станкевич Я. В.*, 1947, с. 100; 1949, с. 50–57; 19626, с. 6–30), Д. И. Блительд (*Блительд Д. И.*, 1952, с. 128–130; *Блительд Д. И.*, 1954, с. 31–37; *Блительд Д. И.*, 1955, с. 14–18; 1977), Р. И. Выезжев (*Выезжев Р. И.*, 1954а, с. 33–36). Интересные материалы дали исследования курганов полян в окрестностях Любеча и Чернигова, произведенные С. С. Ширинским (*Ширинский С. С.*, 1967, с. 241; 1969, с. 100–106). Всего на территории, которая отводится полянам, к настоящему времени раскопано около 2 тыс. курганов, расположенных в нескольких десятках могильников.

Попытки выделить территорию полян по курганным материалам до недавнего времени не приводили к положительным результатам. По-видимому, упомянутое мнение историков о незначительности полянской земли влияло на выводы археологов. В. Б. Антонович высказал предположение, что полянам принадлежали курганы с захоронением коня. В связи с этим курганы, раскопанные им к западу от Киева, в бассейнах Тетерева, Ужа и Ирпени, и не содержащие конских погребений, он приписывал древлянам (*Антонович В. Б.*, 18936; 1897, с. 69). Аналогичные курганы на территории Киева также считались древлянскими.

С другой стороны, в историко-археологической литературе укоренилось представление, что днепровское лесостепное левобережье целиком принадлежало северянам (*Самоквасов Д. Я.*, 19086). Принадлежность всех левобережных курганов северянам Д. Я. Самоквасов обосновывал историческими и археологическими доводами. Исследователь полагал, что на основе косвенных данных русских летописей такие крупные города левобережья, как Чернигов и Переяславль, нужно считать политическими центрами северян. Курганы под Черниговом, Переяславлем имеют полное сходство с курганами Седнева, Стародуба и Любеча. Следовательно, вся эта территория, по Д. Я. Самоквасову, принадлежала одному племени — северянам. Способ погребения в курганах днепровского лесостепного левобережья языческий и, как он полагал, соответствует описанному Нестором погребальному ритуалу северян.

Выводы В. Б. Антоновича и Д. Я. Самоквасова были признаны и некоторыми другими исследователями. Полянам оставалась небольшая территория, примыкавшая к Днепру на сравнительно небольшом его отрезке. А. А. Спицын, описав разнообразие погребальных обрядов в курганах окрестностей Киева, не смог установить какие-либо типично полянские племенные признаки. Исследователь пришел к выводу, что «обряд погребения и вещи указывают на полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими» (*Спицын А. А.*, 1899в, с. 323).

Попытку выделить специфически полянские особенности в курганах Киевского Поднепровья предпринял Ю. В. Готье (*Готье Ю. В.*, 1930, с. 239, 240). Исследователь полагал, что для погребального обряда

полян в IX–X вв. было характерно исключительно трупосожжение. В курганах под кострищем встречаются плотные глиняные площадки (как их называл Ю. В. Готье, плотно сбитый глиняный ток), устроенные несколько выше оснований насыпи. Сожженные кости помещены в глиняных сосудах, рядом с которыми попадаются серьги и бляшки, близкие к изделиям из киевских кладов. Такие курганы встречены на небольшой территории, ограниченной с востока Днепром, на юге — Поросьем, на северо-западе — Ирпенью. Эту небольшую область Ю. В. Готье и рассматривал в качестве ареала полян.

Б. А. Рыбаков первым обратил внимание на несоответствие маленького участка, отводимого полянам, и их важного исторического значения (*Рыбаков Б. А.*, 1947, с. 95–105). Пересмотрев письменные свидетельства, Б. А. Рыбаков показал, что в летописях нет данных для отнесения Чернигова, Переяславля и Любеча к северянским городам. Наоборот, Чернигов и Переяславль объединяются с Киевом в одно целое, именуемое Русью (это название заменило собой этноним поляне). Есть и другие свидетельства летописи о политической близости обоих берегов среднего Днепра, но нет никаких данных, что Днепр был рубежом между полянами и северянами. На основе археологических материалов Б. А. Рыбаков установил, что на обширной территории, примыкающей к среднему Днепру как с запада, так и с востока и включающей Киев, Любеч, Чернигов, Переяславль и Стародуб, господствуют трупоположения в подкурганных ямах. С северо-востока к этой территории примыкает область курганов с погребениями на горизонте и со спиральными височными кольцами. Эта область соответствует Северскому княжеству XII в. и Северной земле позднейшего времени, и население ее в курганную эпоху можно признать летописными северянами. Ареал же курганов с трупоположениями в ямах на обоих берегах Днепра — на киевском и на переяславском — соответствует территории расселения полян.

Таким образом, Б. А. Рыбакову удалось найти правильное направление в поисках характерных признаков полянских курганов. Позднейшие археологические изыскания в этом направлении показали, что курганы с захоронениями в ямах в Киевском Поднепровье действительно служат существенным показателем для восстановления территории полян.

В 1961 г. Е. И. Тимофеев, картографировав курганы с ямным обрядом погребения, очертил правобережную часть полянского ареала (*Тимофеев Е. И.*, 1961а, с. 67–72; 1961в, с. 105–127). Затем И. П. Русанова исследовала всю область распространения курганов X–XII вв. с трупоположениями в ямах (*Русанова И. П.*, 1966а). Совокупность исторических и археологических материалов позволила И. П. Русановой утверждать, что курганы с погребениями в ямах, вырытых в материке, можно считать надежным племенным признаком полян. Действительно, для полянской земли с самого начала появления трупоположений были характерны захоронения в подкурганных ямах. При учете ареалов соседних племен, определенных по иным данным, нужно признать, что распространение курганов с ямными трупоположениями дает некоторое представление о территории полян.

Однако все же нельзя считать курганы с захоронениями в ямах этноопределяющим признаком полян.

Невозможно приравнять эту особенность курганных погребений полянского ареала к этноопределяющим височным украшениям кривичей, вятичей, радимичей и других племен. Курганные захоронения в грунтовых ямах, особенно в пограничных полянско-древлянском, полянско-дреговичском и полянско-северянском районах, могли быть оставлены и соседями полян. Иноплеменное население, переселившееся на полянскую территорию, хоронило умерших, как и поляне, в подкурганных ямах. Например, Киев, как и другие крупные города древней Руси, безусловно, принял выходцев из многих земель. Между тем все трупоположения киевских некрополей находились в грунтовых ямах.

И. П. Русанова, как и Е. И. Тимофеев, полагает, что курганы с ямными трупоположениями в лесной зоне Восточной Европы оставлены колонистами из Среднего Поднепровья, в основном из полянской земли. С этим положением согласиться никак нельзя. В лесной зоне Восточной Европы эволюция славянской курганной обрядности шла самостоятельно и совсем иными путями. Древнейшие трупоположения здесь находятся в основаниях курганных насыпей. Позднее под курганами появляются неглубокие могильные ямы. В конце XII—XIII в. глубина грунтовых ям постепенно увеличивается, а размеры курганных насыпей уменьшаются.

Для определения границ ареала полян необходимо использовать иные особенности их курганов. Такой деталью, свойственной исключительно полянским погребальным насыпям, является глиняная подмазка, на которой разжигали костер и помещали остатки трупосожжения.

Курганы с глиняными площадками для трупосожжений исследованы в Киеве, Любече, Китаеве, Мархалевке, Седневе, Сибереже, Моровске, Табаевке, Ходосове. На основе распространения этих курганов и при учете всех прочих наблюдений территория расселения полян обрисовывается в следующих пределах (карта 14). Как уже отмечалось, на западе рубежом между древлянами и полянами был лесной массив на правобережье Тетерева. По Днепру на север полянская территория простиралась до окрестностей Любеча, а по Десне — до р. Мена. Севернее выявляется бескурганная полоса, которая и была порубежьем между полянами и радимичами. На востоке полянский регион от северянского отделяли области, характеризующиеся солонцеватыми почвами, где не было поселений. На юге границей собственно полянской территории, очевидно, служил водораздел между правыми притоками Днепра — Ирпенью и Росью. На юго-востоке полянам принадлежали окрестности Переяславля. Бассейн Роси имел смешанное население. Здесь наряду со славянскими курганами известны многочисленные могильники тюркоязычного населения. У нас нет оснований относить все славянские курганы Поросья к памятникам полян. Не исключено, что славянское население этого региона формировалось из различных племен.

Таким образом, в регион полян входили города Киев, Любеч, Переяславль, что полностью согласуется с данными русских летописей. Чернигов находился в пограничной, может быть смешанной, полянско-северянской полосе.

Поселения с керамикой пражско-корчакского типа

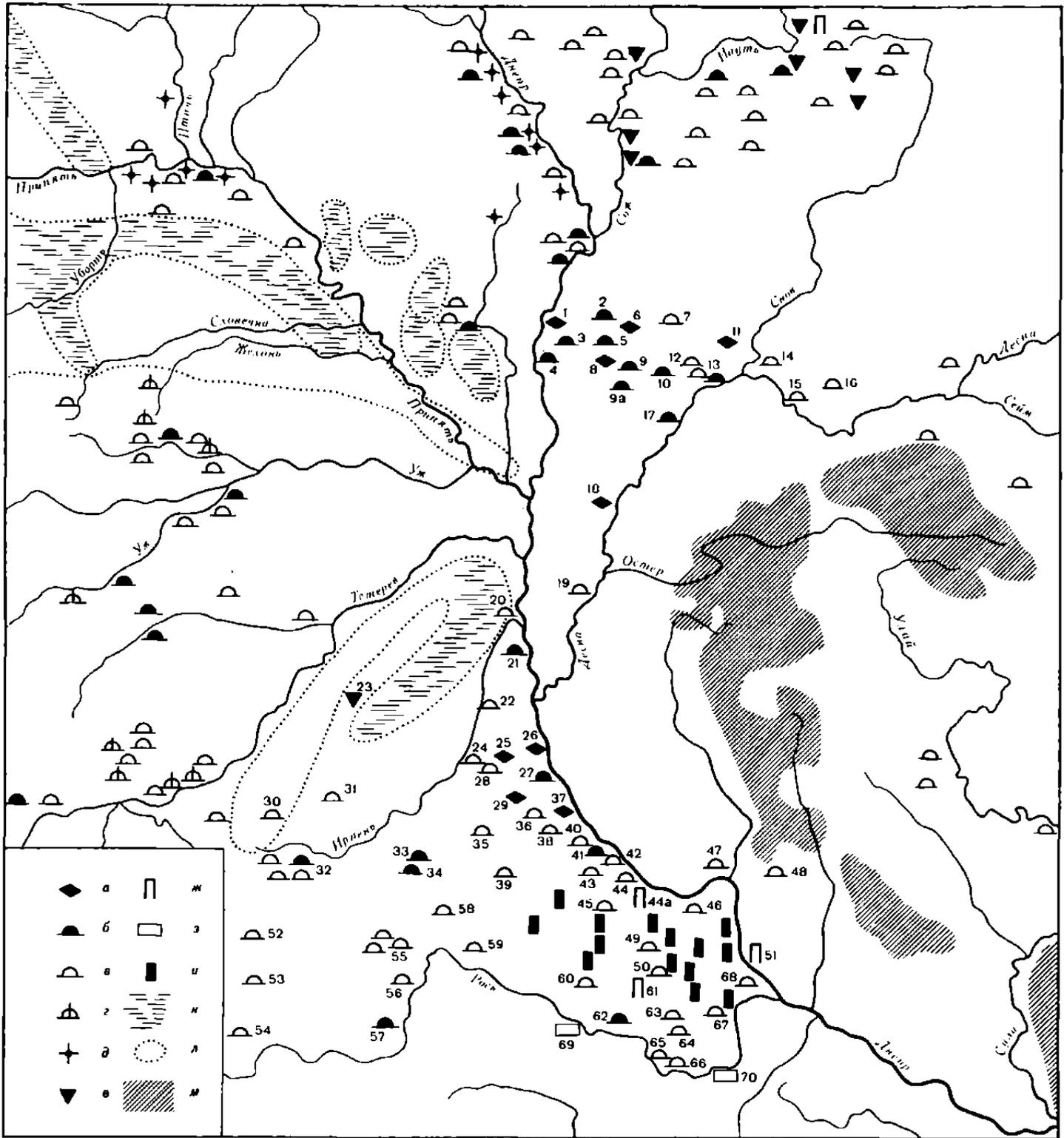
на этой территории немногочисленны и известны только на правобережной части — в районе Киева и на Ирпени. Более многочисленны поселения с керамикой типа Луки-Райковецкой (карта 10). Кроме окрестностей Киева и поречья Ирпени, они распространяются гораздо южнее, до Роси. Значительная часть памятников с керамикой типа Луки-Райковецкой сконцентрирована в правобережной части Среднего Поднепровья, в связи с чем можно полагать, что формирование полян началось на правобережной Киевщине.

Курганные захоронения VI—VIII вв. в ареале полян полностью отсутствуют. По-видимому, в то время славянское население Киевского правобережья хоронило умерших в бескурганных могильниках по обряду трупосожжения. Правда, подобные могильники здесь до настоящего времени не найдены. Но это, видимо, объясняется исключительно трудностью обнаружения грунтовых погребений, не имевших каких-либо наземных признаков.

Наиболее ранние курганы в полянском ареале относятся к IX в. (табл. XXVIII). Если у древлян и дреговичей курганы с захоронениями по обряду трупосожжения и с лепными глиняными урнами довольно многочисленны и разбросаны на значительной площади, то в земле полян такие курганы зафиксированы только в двух пунктах — в могильнике на Кирилловской улице в Киеве и в одной насыпи у с. Халепье южнее Киева, где лепной сосуд обнаружен вместе с гончарным. Этот факт явно свидетельствует об относительно позднем появлении курганных захоронений на полянской территории.

В IX—X вв. у полян распространены два обряда погребения — кремация и ингумация. Как и в других древнерусских районах, у полян сожжение умерших совершалось или на стороне, или на месте сооружения кургана. Пережженные кости в курганах оставляли на костре или собирали и помещали в верхней части насыпи. Встречаются как урновые, так и безурновые захоронения. Курганные трупосожжения полян обычно безынвентарны. В некоторых курганах Киева, Чернигова, Седнева, Любеча и Шестовиц встречены украшения, металлические принадлежности одежды, предметы труда и быта и изредка оружие. Все вещи принадлежат к типам, известным по полянским курганам с трупоположениями. В Любечских и Седневских курганах найдены височные украшения — перстнеобразные кольца, а в кургане у с. Совки — трехбусинное височное кольцо. Исключительным богатством отличаются княжеские черниговские курганы Черная Могила и Безымянный (см. ниже, в разделе, посвященном дружинным курганам).

Курганы с трупосожжениями в основном сосредоточены вокруг древнерусских городов — Киева, Чернигова, Любеча, но в небольшом количестве встречаются на всей полянской территории. Большинство полянских курганов с сожжением ничем не выделяется среди курганных насыпей южной части восточнославянской территории. По строению, деталям погребального обряда и вещевому материалу они идентичны курганам древлян, волынян и дреговичей. Но, как уже подчеркивалось, есть одна особенность, присутствующая лишь относительно небольшому числу насыпей, которая выделяет полянские курганы с сожжением. Это — глиняная подмазка, на которой разжигали ко-

Карта 14. Расселение полян

a — курганные могильники с типично полянской особенностью (журганы с глиняными площадками под трупосожжениями); *b* — могильники с курганами, содержащими захоронения по обряду кремации умерших; *c* — курганные могильники исключительно с труположениями; *d* — типично древлянские могильники; *e* — могильники с дреговичскими бусами; *ж* — могильники с северянскими украшениями; *з* — групповые могильники славян; *и* — курганы печенегов; *к* — болотистые пространства; *л* — лесной массив; *м* — солонцеватые почвы

1 — Любеч; 2 — Пересаж; 3 — Мохнати; 4 — Галков; 5 — Голубовка; 6 — Сибереж; 7 — Велико-Листвен; 8 — Табаевка; 9 — Катевка; 9а — Звеничев; 10 — Белоус Новый; 11 — Селнев; 12 — Гуцино; 13 — Чернигов; 14 — Мишкин; 15 — Боро-

мык; 16 — Березна; 17 — Шестовицы; 18 — Моровск; 19 — Жукино; 20 — Глебовка; 21 — Вышгород; 22 — Жиланы; 23 — Неждловичи; 24 — Глеваха; 25 — Ходосово; 26 — Киев; 27 — Совки; 28 — Почтовая Вита; 29 — Маршалевка; 30 — Олешполь; 31 — Водокля; 32 — Грубск; 33 — Токовьско; 34 — Фастовка; 35 — Барахтянская Ольшанка; 36 — Бугаевка Великая; 37 — Китаев; 38 — Беградичи Старые; 39 — Германовская Слобода; 40 — Триполье; 41 — Халець; 42 — Витачев; 43 — Щучинка; 44 — Стайки; 44а — Гребня; 45 — Хальча; 46 — Ромашки; 47 — Переяславль; 48 — Войняца; 49 — Корытище; 50 — Зеленки; 51 — Леплява; 52 — Вчорайше; 53 — Ягнтин; 54 — Бурковцы; 55 — Буки; 56 — Шамраевская Стадняца; 57 — Сквирка; 58 — Дрозды; 59 — Чепелевка; 60 — Занудовка; 61 — Россавя; 62 — Карашыши; 63 — Кокив; 64 — Емчиха; 65 — Мироновка; 66 — Пешки; 67 — Степанцы; 68 — Канев; 69 — Половецкий; 70 — Николаевка

стер и помещали остатки трупосожжения. Происхождение этой особенности погребального обряда полянских курганов неясно. Вполне возможно, что появление ее обусловлено практическими целями — стремлением укрепить глиной поверхность, на которой предстояло совершить захоронение.

Курганы с ямными трупоположениями распространены на территории полян с X по XII в. Специально этим курганам посвящена работа И. П. Русановой, в которой на основании вещевых материалов обоснована их дата (Русанова И. П., 1966а, с. 17–24). По внешнему виду курганы полян не отличаются от погребальных насыпей других древнерусских областей. Они образуют, как правило, скученные могильники, насчитывающие десятки и сотни курганов. Глубина могильных ям колеблется от 0,2 до 2 м. Курганы с наиболее глубокими ямами (свыше 1 м) встречаются в Киеве и его окрестностях, а также в окрестностях Чернигова и в Любече. На остальной территории господствуют сравнительно неглубокие (0,5–1 м) могильные ямы, а самые мелкие (0,2–0,3) — известны лишь на окраинах полянского ареала.

В Киеве и в окрестностях Чернигова исследовано довольно много курганов с трупоположениями в деревянных срубках (так называемые срубные гробницы). В других местах полянского ареала вместо бревенчатых срубов повсеместно встречаются четырехугольные рамы, сложенные из брусьев. В том и другом случаях зафиксированы перекрытия могильных ям двускатной крышей. Таким образом, деревянные сооружения в подкурганых ямах можно считать характерными для полянской территории.

Иногда стенки ям бывают выложены досками. Известен также обычай обмазывать дно и стенки могильных ям глиной, реже — известью, или обкладывать их берестой.

Положение и ориентировка умерших в полянских курганах общеславянские. Восточная ориентировка зафиксирована в одном из курганов (94) Киевского некрополя, в одной насыпи (9) Вышгородского могильника и в трех курганах Грубского могильника. В Киевском некрополе есть также погребенные, обращенные головами на юг, юго-восток и северо-восток, что связано с разноплеменным составом населения этого города. Единичные захоронения с умершими, обращенными головами на юго-восток (Сквирка) и северо-восток (Вчорайше), зарегистрированы на окраине полянской территории. Различная ориентировка погребенных, бесспорно, отражает разнотнический характер курганного населения. Погребенные, обращенные головами к востоку, в полянском ареале могли принадлежать и выходцам из среды тюркских кочевников и ославяненным верхнеднепровским балтам. Для той и другой этнических групп восточная ориентировка умерших обычна. Меридиональную ориентировку погребенных в земле полян можно рассматривать как ритуал, занесенный переселенцами из финно-угорских областей лесной зоны Восточной Европы.

Полянские погребения в подкурганых ямах, как правило, безынвентарны. Только треть исследованных трупоположений содержит вещевые находки, обычно немногочисленные. В комплексе женских украшений нет таких, которые были бы характерны только для полянского ареала. Все вещи имеют весьма ши-

рокое распространение и принадлежат к общеславянским типам (табл. XXVII).

Височные украшения представлены главным образом перстнеобразными кольцами со сходящимися концами или полутораоборотными (табл. XXVII, 18–21). Первые из них известны в курганах всех восточных славян, но только в курганах племен юго-западной группы они весьма распространены; вторые принадлежат к специфически юго-западным. В пяти могильниках, расположенных в западной части полянского ареала (Грубск, Почтовая Вита, Ромашки, Буки и Ягнятин), встречены единичные перстнеобразные височные кольца с S-видным завитком на конце (табл. XXVII, 22). Некоторые перстнеобразные височные кольца имели на одном конце завиток (табл. XXVII, 23, 25), или один конец их был загнут петлеобразно (табл. XXVII, 26). На некоторые перстнеобразные кольца были надеты бусы (табл. XXVII, 24).

Единичными находками представлены другие типы височных украшений. Это трехбусинные кольца (табл. XXVII, 27, 33). Они происходят из Киева, Переяславля, Чернигова и Леплявы. В Киеве, Переяславле и Лепляве найдены перстнеобразные завязанные височные кольца (табл. XXVII, 35); в Киевском некрополе — серьги с привеской в виде виноградной грозди (табл. XXVII, 28).

Обычно височные кольца находят у головы покойной по одному или по два. В виде исключения встречается до пяти — семи колец, нанизанных на ремешок или тканую ленту, окружавшие голову. Какие-либо иные остатки головного убранства в курганах не встречены.

Шейные ожерелья из бус найдены только в Киевских курганах (табл. XXVII, 36) и в одном из погребений в Грубске. В других курганах бусы встречаются, но представлены одним или двумя экземплярами (табл. XXVII, 38). Наиболее распространенными были стеклянные бусы — позолоченные, желтые, зеленые, синие, глазчатые, так называемые лимонки. Кроме того, встречаются мелкие металлические зеренные и сердоликовые бусы. Довольно частой находкой в полянских курганах являются небольшие литые пуговицы грушевидной или биконической формы (табл. XXVII, 29–31, 34, 40, 41, 43, 44). Как в женской, так и в мужской одежде они нашивались на позументные ленточки, которые были составной частью ворота. Из нагрудных украшений, кроме того, в единичных курганах встречены лунницы (табл. XXVII, 39) и бубенчики. В нескольких погребениях в Киевском некрополе, в курганах Переяславля, Китаева, Ромашек и Стайков найдены крестики.

На руках женщин в захоронениях чаще находят только перстни — проволочные гладкие или витые, узкопластинчатые или плетеные (табл. XXVII, 45–48). Браслеты встречены только в трех могильниках (Киев, Буки, Емчиха). Принадлежности пояса представлены прямоугольными или лировидными пряжками и литыми кольцами (табл. XXVII, 42, 49). Имеются также подковообразные застёжки (табл. XXVII, 37). Обычной находкой являются железные ножи. Изредка встречаются шиферные пряслица.

Погребения полян, как правило, не сопровождаются глиняными сосудами. Горшки встречены только в десяти погребениях Киевского некрополя и по одно-

му — в курганах Вышгорода и Ромашек. В полянской земле известно довольно много погребений с деревянными ведрами (Барахтянская Ольшанка, Грубск, Киев, Леплява, Переяславль, Седнев).

Из предметов вооружения несколько раз были найдены только наконечники копий (Чернигов, Грубск).

Хронология полянских курганов разработана в упоминавшейся работе И. П. Русановой. Помимо общей датировки этих курганов X—XII вв. исследовательница распределила их на три хронологические группы — X—XI вв.; XI в.; XI—XII вв. Различия между этими группами обнаруживаются лишь в некоторых типах вещевого материала. Детали погребального обряда и строения насыпей остаются на протяжении трех столетий неизменными. Можно лишь заметить, что в целом курганы XI—XII вв. меньше, чем насыпи более раннего времени.

Поляне первыми из славянских племен стали называться русью: «...поляне, яже ныне зовомая Русь» (ПВЛ, I, с. 21). Отсюда, из Киевской земли, этот этноним постепенно распространился на все восточнославянские племена, входившие в состав древнерусского государства.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в летописях термин «Русь» («Русская земля») имеет двойное значение. С одной стороны, русью называются все восточные славяне, с другой — небольшой участок Среднего Поднепровья, в основном полянская земля. Еще в XI—XII вв. Киевщина под названием Руси, Русской земли противопоставляется не только северным областям — Новгородской, Полоцкой, Смоленской, Суздальской и Рязанским землям, но и южным — древлянская земля, Волынь и Галичина исключаются из Руси. Очевидно, Русь — местное название области Киевского Поднепровья, упоминаемое в арабских источниках с середины I тысячелетия н. э. (Тихомиров М. Н., 1947, с. 60—80). Это название сначала перешло на полян, а из Киевщины — на всех восточных славян.

Согласно летописным данным, первоначальная Русь включала оба берега среднего Днепра с городами Киевом, Черниговом и Переяславом. Более детально территория Руси определена исследованиями А. Н. Насонова (Насонов А. Н., 1951б, с. 28—46) и Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А., 1953а, с. 23—104). А. Н. Насонов включает в древнейшую Русь Киевское Поднепровье с Тетеревом, Ирпенью и Росью на правом берегу и нижней Десной, Сеймом и Сулой — на левом. На западе Русская земля (по А. Н. Насонову) достигала верховьев Горыни. Время этой Руси определяется исследователем с IX до XI в.

Более фундаментально исследована рассматриваемая проблема Б. А. Рыбаковым. Города Погорынья оп справедливо исключает из первоначальной Руси и очерчивает ее территорию в основном в пределах днепровского левобережья. Северная граница Русской земли, согласно Б. А. Рыбакову, проходила примерно через города Белгород, Вышгород, Чернигов, Стародуб, Трубчевск, Курск. Южные пределы этой земли по письменным данным определить трудно, но во всяком случае они включали Поросье. Бассейн Роси, по мнению Б. А. Рыбакова, был основной частью Руси. Исследователь относит возникновение Русской земли к VI в., когда образовался союз племен русов и северян, в который позднее вошли и поляне.

К древностям русов Б. А. Рыбаков отнес пальчатые, антропоморфные и зооморфные фибулы, браслеты, подвески, поясные наборы и височные кольца, находимые в основном в составе кладов типа Мартыновского. В настоящей работе эти древности уже рассматривались и на основе находок их на поселениях пражско-пеньковской культуры были связаны с одной из славянских племенных группировок середины I тысячелетия н. э. — антами.

П. Н. Третьяков, соглашаясь с мыслью Б. А. Рыбакова о принадлежности древностей мартыновского типа русам, высказал предположение, что население пеньковской культуры в восточной, днепровской, части ее ареала называлось русами. В составе этого населения были не только славяне, но скорее всего и потомки племен восточных черняховских областей, которые принадлежали сармато-алавам (Третьяков П. Н., 1968, с. 179—187).

Племя русь, или рось, было известно в Среднем Поднепровье или на его периферии еще до прихода туда славян. Впервые этноним «рус» (hrus) упоминается в сирийской хронике VI в. псевдо-Захарии Митиленского (Лигулевская Н. В., 1952, с. 42—48). Там говорится, что племя русь — рослый и сильный народ — обитало в первой половине VI в. севернее Азовского моря, где-то по Дону или за Доном.

Происхождение этнонима рось-русь остается невыясненным, однако несомненно, что он не славянский. Все названия восточнославянских племен имеют славянские форманты: -ичи (кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи, уличи) или -ане -яне (поляне, древляне, воляняне). Тюркским языкам не свойственно начальное «р», поэтому тюркское происхождение этнонима рось-русь невероятно (этноним русский в тюркских языках приобрел форму орос-урус). Остается предположить иранское начало рассматриваемого племенного имени. Очевидно, в процессе славянизации местного ираноязычного населения этническое название его было воспринято славянами.

Имеется большая литература относительно возможного происхождения этнонима рось-русь. Исследования XIX и начала XX в. изобилуют норманистскими высказываниями, согласно которым этот этноним ведет начало от варягов. Часто повторяется, что финское *ruotsi* означает скандинавов, и эта основа в форме русь была перенесена на восточных славян. В древней Руси имелись дружины скандинавов-варягов. Согласно записям в Повести временных лет они организовали древнерусскую государственность: «„Поищемъ себе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву“. И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху ты варязи русь... И от техъ варягъ прозвася Руская земля...» (ПВЛ, I, с. 18).

Научные изыскания показали, что отождествление варягов с русью не первоначально, ибо отсутствует в древнейших летописных текстах и вставлено в Повесть временных лет лишь ее составителем (ПВЛ, II, с. 234—246; Рыбаков Б. А., 1963, с. 169—171). Термин русь явно не скандинавский, он тесно связан с южной географической и этнической номенклатурой и в византийских источниках фигурирует уже с начала IX в.

Недавно польский лингвист С. Роспонд привел новые дополнительные факты, свидетельствующие против норманского происхождения этнонима русь

(Роспонд С., 1979, с. 43–47). Правда, этот исследователь пытается объяснить его происхождение из собственно славянского материала, что не выглядит убедительным. Имеются и гипотезы о балто-славянской основе рассматриваемого племенного ямши [Otrębski J., 1960, s. 219–229].

История полянского региона Среднего Поднепровья представляется следующей. В V–VI вв. здесь жили славяне-анты. Эта диалектно-племенная группировка сформировалась в условиях славяно-иранского симбиоза (Седов В. В., 1978в, с. 232–237). Наряду с другими языковыми элементами славяне восприняли от скифо-сарматского населения, очевидно, и этноним рось. Вероятно, под этим названием скрывается одно из антских племен, очертить ареал которого в настоящее время невозможно.

Одновременно, в VI в., в правобережной части Киевского Поднепровья расселяются славяне-дубебы, в результате территориального членения которых формируется племя полян. В VIII–IX вв. поляне и потомки росов окончательно перемешиваются между собой, их прежние культурные различия нивелируются.

Этноним рось-русь оказался более живучим. Поляне стали называться русью, а позднее этот этноним распространился на всех восточных славян.

В полянском ареале, как отмечалось, уже в X в. широко применялся обряд трупоположения в подкурганых ямах. Причины столь раннего распространения ингумации до сих пор неясны. Исследователи предполагают, что распространение трупоположений в подкурганых ямах обусловлено христианизацией восточнославянского населения (Соловьева Г. Ф., 1962, с. 52). Однако среди вещевых инвентарей ранних погребений нет материалов, подтверждающих эту мысль. Даже в Киевском некрополе предметы, свидетельствующие о распространении христианской религии в X в., не найдены, в связи с чем М. К. Каргер утверждает, что массовое распространение христианской религии в Киевском Поднепровье в X в. невероятно (Каргер М. К., 1958, с. 202, 203). И. П. Русанова высказала догадку, что причиной появления захоронений в подкурганых ямах явилось стремление отразить при сооружении могил идею жилища. Она связывает такие курганы с жилищами с углубленным полом (Русанова И. П., 1966а, с. 26). Однако полуземляночные жилые постройки как в более раннее время, так и в эпоху рассматриваемых курганов были распространены на обширной территории Южной Руси, в частности и там, где сооружались курганы с трупоположениями на горизонте.

Длительность биритуализма в могильниках Среднего Поднепровья, в том числе в Киевском и Черниговском некрополях, пытались объяснить многие исследователи. Большинство из них склонны были видеть в этом отражение разноплеменности погребенных — полян и северян или полян и древлян. Однако такому объяснению противоречат курганные материалы собственно древлянского и собственно северянского ареалов.

Б. А. Рыбаков, анализируя материалы Черниговских курганов, попытался объяснить сосуществование насыпей с сожжением и насыпей с трупоположением в срубных гробницах «возможностью племенных скрещений» (Рыбаков Б. А., 1949а, с. 52). Курганы

с сожжением он отнес к славянам, а курганы со срубными гробницами — к славянизированным потомкам местных кочевых племен, п «в IX–X вв. по своей культуре не отличавшихся от остального населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения...» (Рыбаков Б. А., 1949а, с. 53). Далеким прототипом срубных гробниц Среднего Поднепровья, по мнению Б. А. Рыбакова, были скифские курганы с захоронениями в обширном срубе под насыпью (Рыбаков Б. А., 1948, с. 40, 117).

М. К. Каргер, разбирая материалы Киевского некрополя, не согласился с точкой зрения Б. А. Рыбакова. Но он все же полагал, что причины сосуществования обрядов трупоположения в срубной гробнице и трупосожжения лежат в «неоднородности этнографического состава населения крупнейших древнерусских городов, каковыми были Киев и Чернигов в IX–X вв. (Каргер М. К., 1958, с. 230).

Однако подобная биритуальность — сосуществование курганных трупосожжений с трупоположениями в подкурганых ямах — характерна не только для городских кладбищ Киева и Чернигова, но и для всей полянской земли. Выше отмечалось, что срубы или рамы из брусев в подкурганых ямах с трупоположениями встречаются на всей полянской территории. Следовательно, нужно признать, что все Киевское Поднепровье в IX–X вв. было неоднородно в этническом отношении.

В этой связи предположение Б. А. Рыбакова представляется наиболее убедительным. Конечно, речь может идти только о восприятии полянским погребальным обрядом элементов похоронного ритуала среднеднепровского населения, непосредственно предшествующего славянам.

Славянское население Киевщины, происходящее от славян — носителей культуры пражско-корчакского типа, хоронило умерших по обряду трупосожжения в курганных насыпях. Когда на рубеже X и XI вв. на смену кремации пришел обряд трупоположения, это население стало хоронить умерших в основании курганных насыпей.

Славянский обряд ранних трупоположений в подкурганых грунтовых ямах (IX–X вв.), по-видимому, восходит к ингумациям черняховской культуры. Правда, как отмечалось выше, носители культуры пражско-пеньковского типа хоронили умерших по обряду трупосожжения. Однако как раз на той территории, где предположительно локализируются русы VI–VII вв. и где иранский этнический компонент мог быть более значительным, известны отдельные захоронения по обряду ингумации, которые можно рассматривать в качестве связующего звена между черняховским обрядом трупоположения и подкургаными ямными погребениями IX–X вв.

Таковы трупоположение, открытое в 1896 г. у с. Балаклея Чигиринского р-на Черкасской обл., при котором находились фибулы, браслеты и другие вещи мартыновского типа (Бобринский А. А., 1894, с. 29, 118, 149, табл. I, 3); впускное захоронение с зооморфной фибулой в кургане у с. Поставуки Лохвицкого р-на Полтавской обл. (Авенариус Н. П., 1896, с. 184, рис. 53); два трупоположения с пальчатыми фибулами, обнаруженные у с. Буда и хут. Березовка в Ахтырском р-не Сумской обл. (Данилевич В. Е., 1905, с. 428, рис. 56).

Украшения северян XI—XII вв. из курганов близ с. Белгородка-Николаевка

Украшения радимичей XI—XII вв. из курганов Козаричи и Люtkово

Более определенно в пользу такого решения вопроса свидетельствуют материалы палеоантропологии. Славянские черепа, происходящие из среднеднепровских курганов X—XII вв. с ямными труположениями, принадлежат к мезодолхокранному узколицему антропологическому типу. Черняховские племена Среднего Поднепровья, как и скифы того же региона, по антропологическому строению относятся к тому же типу, свидетельствуя о преемственности населения (Седов В. В., 1974б, с. 16—31). Поэтому можно полагать, что обряд труположения в грунтовых ямах в славянских курганах IX—X вв. восходит своими корнями к черняховскому и далее к скифо-сарматскому ритуалу. Таково же, по-видимому, происхождение ранних подкурганых грунтовых труположений и в земле волынян.

Иранский этнический компонент в составе среднеднепровских славян проявляется и на основе иных материалов. В. И. Абаев и А. Калмыков убедительно показали, что восточнославянские языческие божества Хорс и Симаргл имеют скифо-сарматское происхождение (Калмыков А., 1925, р. 68—71; Абаев В. И., 1965, с. 115—117). В. И. Абаев считает, что украинский Вий этимологически и семантически связан с иранским богом ветра, войны, мести и смерти (Абаев В. И., 1960, с. 5—7). Скифо-сарматское наследие прослеживается в древнерусском искусстве, фольклоре и ремесле (Калмыков А., 1925, р. 68—71; Рыбаков Б. А., 1948, с. 99—117). Многочисленные иранизмы ощутимы и в части славянских языков (Абаев В. И., 1964а, с. 115—121; 1964б, с. 90—99; 1966, с. 1—20; Трубачев О. Н., 1967, с. 37—44).

Дреговичи

Начальная летопись отводит дреговичам пространство между Припятью и Западной Двиной: «...седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи» (ПВЛ, I, с. 11). Этноним племени произведен от «дрегва» (белорусск. — трясина в болоте; смоленское диалектное — болото, зыбун, трясина; украинск. «дряговина» — болото; литовск. «drėgnas» — сырой, влажный; Фасмер М., 1964, с. 536—537). Дреговичи — обитатели сырой, болотистой местности. Область дреговичей — Припятское Полесье — характеризуется сильной заболоченностью. В русских летописях дреговичи упоминаются до середины XII в. (ПВЛ, I, с. 13, 200; ПСРЛ, II, с. 330). Названы они и в сочинении византийца Константина Порфирогенета (*Константин Багрянородный. Сочинения «о фемах...»*, с. 75). Из письменных сообщений видно, что дреговичи были отдельным племенем, жившим самобытно, имевшим собственную территорию и, до вхождения в состав Киевской Руси, — свою политическую организацию, свое «княжение».

В XIX — начале XX в. историки древней Руси пытались очертить ареал дреговичей на основе политических границ Туровской земли (Завитневич В. З., 1886, с. 576—578; Довнар-Запольский М. В., 1891, с. 57; Грушевский А. С., 1901, с. 16). Однако, хотя основным ядром населения Туровской земли и были дреговичи, границы этой земли в XII в. уже во многих местах значительно расходились с племенными. Вполне определенно дреговичскими летописи назы-

вают Случеск и Ключеск (под 1116 и 1149 гг.). Дреговичским городом был также Туров. Хотя в летописях об этом не говорится прямо, но анализ летописных данных позволяет считать, что этот город не только был расположен в земле дреговичей, но и являлся их племенным центром (Насонов А. Н., 1951а, с. 150; Рыбаков Б. А., 1960, с. 24, 25). Других географических пунктов для определения границ расселения дреговичей в письменных документах нет.

Н. П. Барсов пытался очертить область дреговичей на основе распространения географических названий XIX в., близких по звучанию к этнониму этого племени (Барсов Н. П., 1885, с. 124—126; Андрияшев А. М., 1887, с. 29). Однако часть названий, использованных исследователем, видимо, происходит не от дреговичей, а от термина «дрегва», другая часть (например, Старые Дороги, Дорожки, Дорошевичи и др.) не имеет ничего общего с этнонимом. Неправомысленность использования подобных топонимов для определения дреговичьей территории показал Е. Ф. Карский (*Карский Е. Ф.*, 1903, с. 66). Основным источником изучения территории и истории дреговичей остаются данные археологии, среди которых первостепенная роль принадлежит курганным материалам.

Первые раскопки курганов в земле дреговичей относятся к началу прошлого столетия. Известный исследователь литовских древностей Т. Нарбут в 1810 и 1811 гг. раскопал несколько курганов на восточной окраине дреговичьей территории, в окрестностях Быхова и Рогачева (Narbutt T., 1837, с. 574, 576). В середине и второй половине XIX в. раскопками дреговичьих курганов занимались многие исследователи. К. П. Тышкевич производил исследование в средней и северной частях ареала дреговичей близ Селища, Гребня, Белкевичей, Видогощ, Старого Бобра, Борисова и Логойска (Тышкевич К., 1865, с. 19, 35, 46—48). Близ Логойска и Заславля копал курганы Н. М. Турбин (*Указатель памятников*, с. 131, 132).

В 70-х годах XIX в. раскопками курганов занимались М. Ф. Кусцинский (*Указатель памятников*, с. 158—161), Г. Х. Татур (*Татур Г. Х.*, 1893а, с. 69—85; 1893б, с. 389, 390; 1897, с. 115—117) и Р. Г. Игнатьев (*Игнатьев Р. Г.*, 1878; 1880, с. 221—223). В следующем десятилетии исследование курганов производили Н. Мышенков (*Мышенков Н.*, 1892, с. 59—97), Н. Я. Янчук (*Указатель памятников*, с. 140, 141), Н. П. Авенариус (*Авенариус Н. П.*, 1893, с. 42) и другие.

Основным же исследователем дреговичьих курганов был и остается до настоящего времени В. З. Завитневич. В течение 1885—1892 гг. он раскопал около 700 погребальных насыпей в 82 могильниках, расположенных в разных местах территории дреговичей — в бассейне Припяти, на Днепре, в бассейне Березины и в верховьях Немана (*Завитневич В. З.*, 1886, с. 569—601; 1890а, с. 1—29; 1890б, с. 11—15; 1892, с. 11—72; 1893, с. 60—62; 1894а, с. 121—124; 1894б, с. 124—153).

После В. З. Завитневича раскопки курганов в земле дреговичей не проводились вплоть до 20-х годов XX в., если не считать раскопок Е. Р. Романова в дреговичско-радимичском пограничье и исследования Ю. В. Шавельского в смешанной кривичско-дреговичьей полосе.

В 20–30-х годах XX в., когда белорусские археологи развернули серьезную деятельность по выявлению, обследованию и раскопкам археологических памятников в Белоруссии, было раскопано около 400 дреговичских курганов. Наиболее крупные исследования принадлежат А. Н. Лявданскому, С. А. Дубинскому и И. А. Сербову. Кроме того, раскопками курганов дреговичей занимались В. П. Сущинский, А. З. Коваленя, С. С. Шутов, И. Р. Колодкин и М. Н. Конвисаров. Вещевые коллекции и полевая документация исследований белорусских археологов погибли во время Великой Отечественной войны. Результаты раскопок некоторых курганов были напечатаны исследователями, о других имеется лишь краткая информация (*Лявданскі А. Н.*, 1925, с. 86, 87, 96–101; 1928в, с. 1–92; 1930б, с. 254–258; 1932, с. 230–235; *Дубінскі С. А.*, 1928, с. 510–512; *Сербаў І. А.*, 1927, с. 193–231; *Каваленя А. З.*, *Шутаў С. С.*, 1930, с. 365–368).

В 30-е годы XX в. небольшие раскопки курганов на западе дреговичской территории произведены польскими археологами Е. Голубович и М. Новаком (*Сеняк-Нолубовічowa Н.*, 1938, с. 183–196). В послевоенные годы исследованиями дреговичских курганов в Припятском бассейне занимались Ю. В. Кухаренко, Б. В. Миролюбов, П. Ф. Лысенко (*Кухаренко Ю. В.*, 1961, с. 20–22; *Лысенко П. Ф.*, 1969а, с. 139; 1969б, с. 43–55). Небольшие исследования проводились и в других местах дреговичского ареала (*Ширинский С. С.*, 1965, с. 121–123; *Риер Я. Г.*, 1976, с. 179–185). В верховьях р. Птичь курганы копали Г. В. Штыхов и В. Е. Соболев (*Штыхов Г. В.*, *Соболев В. Е.*, 1978, с. 428, 429).

Первая попытка исторической интерпретации археологического материала, собранного в земле дреговичей, принадлежит В. З. Завитневичу. Уже в одной из ранних работ исследователь высказал предположение, что для погребального обряда дреговичей характерны труположения в основаниях курганных насыпей. В последующих трудах В. З. Завитневич проводил ту же точку зрения. Открывая в раскопках труположения в грунтовых ямах под курганами, исследователь относил их к иноплеменникам, переселившимся в дреговичский регион из областей древлян и полян, где, по его мнению, господствовали захоронения в подкурганных ямах. На юге граница дреговичей, по В. З. Завитневичу, проходила по правому берегу Припяти, а на юго-западе — по водоразделу Припяти и Буга. На северо-западе к дреговичам относился Черниковщинский курганный могильник, расположенный в верховьях Немана. Оказалось, что северная и восточная границы дреговичского ареала определению не поддаются, так как курганные труположения на горизонте распространены также у кривичей-полочан и радимичей. В. З. Завитневичу пришлось очертить северную границу расселения дреговичей на основе рубежа между Туровским и Полоцким княжествами, а за восточные пределы принять Днепр.

Хотя выводы В. З. Завитневича и были использованы в трудах А. С. Грушевского, Е. Ф. Карского и других исследователей, они не получили признания археологов. В работе А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» (*Спицын А. А.*, 1899в, с. 325–327) выделенная В. З. Завитневичем деталь погребальной обрядности

не вошла в число существенных признаков курганов дреговичей. А. А. Спицын в этой статье впервые подметил характерные для дреговичей признаки — перстнеобразные височные кольца с заходящими концами, крупные зерновые бусы и присутствие деревянных срубов или теремков внутри курганных насыпей.

В начале 50-х годов XX в. курганы южной Белоруссии были объектом исследования А. В. Успенской (*Успенская А. В.*, 1953, с. 97–124). Вслед за А. А. Спицыным она выделяет в качестве дреговичских признаков крупнозерновые бусы и перстнеобразные полтораоборотные височные кольца. Домовины в курганах, как и присутствие над покойниками остатков кострищ, она относит к второстепенным признакам. Картографирование этих особенностей позволило А. В. Успенской очертить территорию, близкую в общих чертах к той, которая предлагается в настоящей работе.

В упоминавшемся исследовании Е. И. Тимофеева, посвященном юго-западным племенам (*Тимофеев Е. И.*, 1961а), утверждается, что в XI–XIII вв. у дреговичей господствовал обряд погребения умерших в основаниях курганов. Курганы с труположениями в ямах на дреговичской территории, по мнению Е. И. Тимофеева, оставлены не дреговичами, а выходцами из более южных районов.

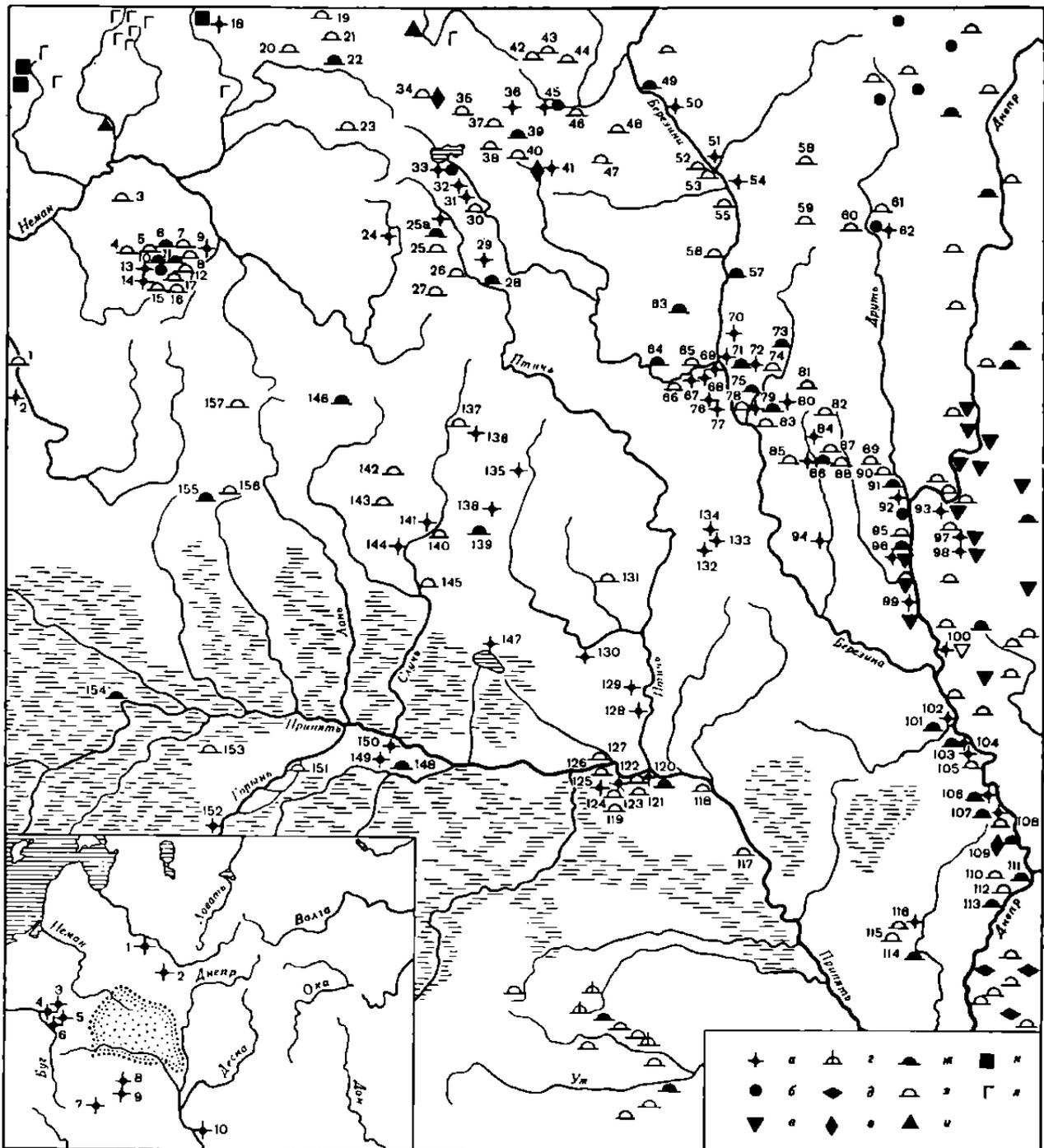
Анализ и картография деталей курганного погребального обряда и вещевых инвентарей в междуречье Припяти и Западной Двины (*Седов В. В.*, 1963а, с. 112–125; 1970б, с. 77–91) показали, что самым важным этноопределяющим признаком дреговичей являются крупные металлические бусы, покрытые зернью (табл. XXIX, 5, 11–13, 17–21). В литературе эти украшения иногда называются бусами минского типа. Однако они не связаны ни с Минском, ни с территорией Минского княжества. Вернее называть их дреговичскими бусами.

Такие бусы в составе ожерелий на территориях расселения других восточнославянских племен почти неизвестны. С этноопределяющими украшениями кривичей, радимичей, вятичей, словен новгородских и северян они не коррелируются. Более того, дреговичские бусы, как правило, отсутствуют в тех курганных группах, где встречены височные украшения других славянских племен. В пограничных кривичско-дреговичских и дреговичско-радимицких районах курганы, в которых найдены зерновые бусы, образуют отдельно стоящие группы. Таков, например, курганный могильник IV в окрестностях Заславля. Все это

Карта 15. Курганы дреговичей

а — могильники с дреговичскими бусами; б — могильники с находками браслетообразных завязанных височных колец; в — могильники с находками семилучевых колец; г — могильники с типично древлянскими курганами; д — могильники с типично полянскими курганами; е — могильники с находками ромбоштитковых височных колец; ж — прочие курганные могильники, включающие насыпи с трупосожжениями; з — курганные могильники, содержащие исключительно труположения; и — каменные курганы; к — каменные могильники; л — восточнолитовские курганы
1 — Вишнево; 2 — Орловичи; 3 — Марулины; 4 — Ладенки; 5 — Бретьянка; 6 — Сулятичи; 7 — Сокольниковы; 8 — Мольячи; 9 — Платово; 10 — Новогрудок; 11 — Кореличский Тракт; 12 — Соленики; 13 — Городиловка; 14 — Селец; 15 — Коростово; 16 — Ботаревка; 17 — Волковичи; 18 — Высокое; 19 — Шведы; 20 — Козаровщина; 21 — Ленковщина; 22 — Городи-

ГЛАВА 4. ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ДНЕПРОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

лово; 23 — Раков; 24 — Черниковщина; 25 — Рубилки; 25а — Дворище; 26 — Слобода; 27 — Языль; 28 — Гребель; 29 — Скорыниччи; 29а — Менька; 30 — Лошица; 31 — Рыловщина; 32 — Петровщина; 33 — Заславль IV; 34 — Радшковиччи; 35 — Буды — Лысяя Гора; 36 — Видогоще; 37 — Марковщина; 38 — Соломоречье; 39 — Заречье; 40 — Опшянцы; 41 — Селяице; 42 — Красный Бор; 43 — Коаыри; 44 — Слаговиччи; 45 — Логойск; 46 — Свидино; 47 — Прудиччи; 48 — Точилище; 49 — Малое Стахово; 50 — Борисов; 51 — Оадятчи; 52 — Нивки; 53 — Муров Замок; 54 — Побережье-Мурава; 55 — Жуковец; 56 — Еадиная Поляна; 57 — Прибор; 58 — Высокая Гора; 59 — Дулебы-Забродье; 60 — Девочицы; 61 — Молотовка; 62 — Эсьмоны; 63 — Гродаянка; 64 — Озериччи; 65 — Нечча; 66 — Горожка; 67 — Горожка; 68 — Бридаловиччи; 69 — Устиж; 70 — Перекаль; 71 — Вирков; 72 — Леневка; 73 — Несята; 74 — Клясино; 75 — Ольса; 76 — Ясень (Кургань); 77 — Ясень (Заречье); 78 — Игнатовка; 79 — Любониччи; 80 — Кострицкая Слобода; 81 — Рудня Кострицкая; 82 — Селяице; 83 — Мохровиччи; 84 — Пацева Слобода; 85 — Шираевщина; 86 — Волосовиччи; 87 — Александров; 88 — Поповщина; 89 — Добосна; 90 — Вишенки; 91 — Колосы; 92 — Задруть; 93 — Гадилловиччи; 94 — Старца; 95 — Мадора; 96 — Кургань; 97 — Веточка I; 98 — Веточка II; 99 — Солокое; 100 — Кордон; 101 — Гориводы; 102 — Горошков; 103 — Каза-

завка; 104 — Адамовка; 105 — Степановка; 106 — Леваши; 107 — Холмечь (Заужелье); 108 — Холмечь (Дубровицы); 109 — Чаплин; 110 — Колпень; 111 — Мохов; 112 — Лоев; 113 — Сенское; 114 — Малейки; 115 — Микulichчи; 116 — Пожарки; 117 — Акулинка; 118 — Прудок; 119 — Лешня; 120 — Борсковиччи; 121 — Стрыгалово (Перекрестье); 122 — Стрыгалово (Буклевка); 123 — Стрыгаловская Слобода (Туровское Болото); 124 — Стрыгаловская Слобода (Городок); 125 — Глинца; 126 — Велавск; 127 — Мицур; 128 — Копаткевиччи; 129 — Ванюжиччи; 130 — Комаровиччи; 131 — Любны; 132 — Макарловиччи-Петровиччи; 133 — Макарловиччи II; 134 — Макарловиччи I; 135 — Языль; 136 — Огородники-Подозаеры; 137 — Гольчицы; 138 — Нежаровские Хутора; 139 — Уретье; 140 — Погост; 141 — Митявиччи; 142 — Иванские Огородники; 143 — Мелковиччи; 144 — Стомогилы; 145 — Тасное; 146 — Копыль; 147 — Дяковиччи; 148 — Семурадцы; 149 — Хильчицы; 150 — Рычево; 151 — Отвержиччи; 152 — Теребежова; 153 — Видибор; 154 — Пляск; 155 — Ясенец; 156 — Малые Крутовиччи; 157 — Нарудевиччи

На врезке: ареал дреговичей и находки дреговичских бус вне этого ареала
 1 — Загорье; 2 — Матюшина Стена; 3 — Войская; 4 — Ратайчицы; 5 — Свящево; 6 — Тростяница; 7 — Будераж; 8 — Олевск; 9 — Андреевиччи; 10 — Леплява

позволяет считать крупные зерновые бусы этноопределяющими украшениями дреговичей.

Перстнеобразные полутораоборотные височные кольца нельзя считать исключительно дреговичскими. Однако они могут быть использованы для уточнения северной и восточной границ расселения дреговичей, так как обычно не встречаются ни в кривичских, ни в радимичских курганах.

Учитывая сказанное, собственно дреговичскую территорию X—XII вв. можно очертить в следующих пределах (карта 15). Южная граница дреговичей проходила южнее Припяти. Разделительной полосой между дреговичами и древлянами были болотистые районы, где поселений почти нет и в настоящее время. Выше, в связи с характеристикой курганов древлян, отмечалось проникновение дреговичей в северо-западные районы древлянской земли. О такой инфильтрации свидетельствуют могильники Андреевичи и Олевск в верховьях Уборти, где в курганах найдены дреговичские зерновые бусы.

Восточной границей собственно дреговичской территории служило поречье Днепра. Поскольку Днепр в древнерусское время был одним из важнейших путей, связывающих южнорусские земли с северорусскими, то по его берегам встречаются курганные могильники, содержащие захоронения различных племен. В поречье Днепра раскопаны курганы не только дреговичей и радимичей, но и кривичей, словен новгородских и других племен. Курганы дреговичей в основном сосредоточены на правом берегу Днепра. Однако отдельные курганные могильники, где найдены дреговичские бусы, проникают и на левобережье Днепра, на территорию радимичей. Таковы, в частности, курганы, исследованные в Рогачевском р-не Могилевской обл. в четырех пунктах — близ Кордона и Гадиловичей, и два могильника в окрестностях с. Веточки (*Соловьева Г. Ф.*, 1967а, с. 10—13).

На севере произошло частичное территориальное смещение дреговичей с кривичами. Северо-восточная граница дреговичей проходила примерно по водоразделу Друти и Березины, а на севере — по линии Борисов — Заславль. На северо-западе к ареалу дреговичей принадлежали верховья Неманского бассейна, та часть, которая примыкает к рекам Днепровского бассейна. На западе естественным рубежом между дреговичской территорией и Брестским Побужьем были обширные болотистые пространства (так называемое Выгоновское болото).

Дреговичи приняли участие также в освоении Брестского Побужья и Верхнего Понеманья. Однако эти места не могут быть отнесены к собственно дреговичской территории, так как дреговичи были не единственным восточнославянским племенем, заселившим их.

Древнейшими славянскими памятниками на дреговичской территории являются поселения и могильники VI—VII вв., принадлежащие к кругу древностей с керамикой пражско-корчакского типа. Они известны лишь в самой южной части дреговичской территории, в основном по Припяти или близ нее.

Припятская группа памятников с керамикой типа Луки-Райковецкой (карта 10) отделена от других областей с аналогичными памятниками большими труднопроходимыми, не пригодными для заселения

болотами. Эта болотистая полоса позднее, в X—XII вв., стала разделительным рубежом между дреговичами и древлянами. По-видимому, территориальная обособленность припятской группы носителей культуры пражско-корчакской керамики и явилась причиной формирования отдельного славянского племени дреговичей. Таким образом, основная часть поселений и могильников будущих дреговичей концентрировалась в VI—VIII вв. в той части Припятского Полесья, где позднее был основан их племенной центр — Туров.

Севернее Припяти в то время жили балты. Их древности представлены поселениями с керамикой типа Тушемли—Банцеровщины и Колочина, грунтовыми могильниками с трупосожжениями с той же керамикой и отдельными вещами, имеющими аналогии в древностях литовско-латышских земель.

Начало славянского освоения земель севернее Припяти хорошо отражено курганным материалом. Наиболее ранние курганы с трупосожжениями, сопровождаемыми лепными горшками, относятся к IX столетию. Такие курганы, помимо тех областей, которые уже в VI—VIII вв. были бесспорно славянскими, известны севернее Припяти — в верховьях рек Случь и Оресса (Нежаровские хутора, Огородники), на правом берегу Днепра (Леваши — Казаков сад) и по Березине (Волосовичи, Любоничи — Бутьков Лог, Большая Ольса, Красный Берег, Прибор, Оздятичи, Староселье, Точилище). По берегам Птичи, Свислочи и Лани курганы с лепными урнами неизвестны. Распространение таких курганов отражает историю и пути массового славянского расселения в правобережной части Верхнего Поднепровья. Очевидно, основной поток славянского населения направился на север из поречья Припяти по Днепру и Березине. Картография дреговичских курганов с трупосожжениями, сопровождаемыми гончарными сосудами и, следовательно, относящимися уже к X или самому началу XI в., подтверждает эту мысль. В поречье Днепра, между Припятью и Березиной и в бассейне Брагинки, сосредоточено около половины, а на Березине — около четверти всех исследованных дреговичских курганов с захоронениями по обряду кремации.

Кроме направления Брагинка — Днепр — Березина, дреговичи расселялись по левым притокам Припяти — Случь, Птич, Лани и др. О том, что заселение левобережной части Припятского Полесья и бассейна Березины происходило из южной части Припятского бассейна, свидетельствуют и материалы оломастики. Славянские водные названия левобережной части Припятского бассейна, нижней и средней Березины имеют многочисленные параллели в южной, правобережной части Полесья. Таковы, например, Случь, Гривка, Дубровка, Железница, Тростянец, Став.

Дреговичские курганы с трупосожжениями по устройству и деталям погребального ритуала ничем не выделяются среди синхронных курганных насыпей других восточнославянских земель. В большинстве курганов присутствуют остатки кострищ. Это или погребальные кострища, на которых сжигали умершего, или ритуальные (умершего в этом случае сжигали на стороне). Судя по тому, что черепные кости в некоторых трупосожжениях находятся в западной части погребального костра, можно полагать, что умерших клали на костре головой к западу, т. е. лицом к востоку, навстречу лучам восходящего солнца

(Мышенков Н., 1892, с. 89, 90). Кострища устраивались или в основаниях курганов, или выше оснований, когда нижняя часть насыпи уже была сооружена. Остатки трупосожжений собирали и помещали кучкой в основаниях курганов или в их верхней части. В северной части дреговичского ареала отмечены случаи сожжения умерших в четырехугольных домиках, устроенных в курганах (Большая Ольса, Красный Берег). Около трети дреговичских трупосожжений помещены в глиняные сосуды или покрыты ими, остальные — безурновые.

В восьми курганах, исследованных В. З. Завитневичем в бассейне Брагняки (могильники в урочище Горки близ д. Пашковичи, урочище Курганье у д. Малейки, у д. Пожарки), открыты остатки вертикальных столбов, на которые были поставлены сосуды с остатками трупосожжений.

Вещевой инвентарь курганов с сожжением очень малочислен. По-видимому, украшения и принадлежности одежды сгорали на погребальных кострах. Поэтому в захоронениях встречаются бронзовые и стеклянные сплавы. Единичные предметы, не подвергшиеся действию огня (перстнеобразные височные кольца, бусы, пряжка, браслет, монетообразные привески, ножи, кресало, серп), принадлежат к общевосточнославянским типам. В одном из курганов у д. Сенское найден железный боевой топорик с сильно изогнутой молоткообразной тыльной частью.

Курганы с захоронениями по обряду трупосожжения не составляют самостоятельных могильников, а расположены совместно с насыпями, заключающими труположения. В дреговичской земле раскопаны курганы, содержащие одновременно погребения по обрядам кремации и ингумации (Гребень, Новый Быхов, Пацева Слобода, Яновка, Ясенец). В большинстве таких курганов труположения находятся в основаниях, а остатки кремации — вверху. Только в кургане 170 близ д. Яновка труположение и остатки трупосожжения были открыты в основании насыпи.

В дреговичской земле известно три типа курганных труположений: погребения на материке, погребения в насыпи и захоронения в подкурганных ямах. Картографирование этих типов не обнаруживает каких-либо районов, где преобладающим был бы один из них. Наиболее многочисленны курганы с труположениями на горизонте. Курганы с захоронениями в насыпях выше материка составляют всего около 3% исследованных. Курганы с труположениями в грунтовых ямах, как правило, входят в состав могильников, содержащих насыпи с захоронениями других типов. Захоронения в подкурганных ямах чаще встречаются в поречье Припяти и Днепра, т. е. на старой дреговичской территории и в районах раннего освоения. Здесь они составляют 22—27% исследованных труположений. В северо-западном направлении их доля уменьшается до 12—15%. Интересно отметить, что в дреговичском ареале не был распространён обычай обкладывать стенки могильных ям деревом или опускать в них срубы. Только в Микуличах стенки одной могильной ямы были обложены берестой, а в Жуковце — досками. Случаи обмазки стенок ям глиной у дреговичей не зафиксированы. В могильнике близ д. Вирков подкурганные ямы были обложены мелким булыжником.

Как правило, в кургане бывает одно захоронение,

но известны немногочисленные случаи двойных погребений (мужчины и женщины или женщины и ребенок). В кургане 8 у д. Иванские Огородники открыто три скелета. Погребения в гробах у дреговичей встречаются нередко. Ориентировка захоронений, как правило, западная. Курганы с труположениями с обратной (восточной) ориентировкой сравнительно немногочисленны. В Верхнем Поднепровье такое положение умерших было наследием балтского погребального ритуала (Седов В. В., 1961б, с. 103—121). Еще реже встречаются курганные труположения с меридиональной ориентировкой, которая в лесной части Восточной Европы связана с финно-угорским ритуалом.

Еще Л. Нидерле справедливо заметил, что для всех славян характерна простота одежды и немногочисленность украшений. «Роскошные одежды и украшения, — писал этот исследователь, — развивались лишь там, где славяне непосредственно соприкасались с соседними им финскими, тюрко-татарскими, пруссо-литовскими и скандинавскими народами» (Нидерле Л., 1956, с. 244). Как отмечалось, дреговичи в значительной степени расселились на территории балтов. Их набор женских украшений, в отличие от других племен юго-западной части восточного славянства, состоит из большего числа предметов и довольно разнообразен. Далее на север, на территориях кривичей, радимичей, вятичей и словен, комплекс женских украшений становится довольно многочисленным и весьма многообразным. Дреговичи в этом отношении стоят ближе к юго-западным племенам.

У дреговичей были распространены перстнеобразные височные кольца, сомкнутые или полутораобразные (табл. XXIX, 1—4, 6, 8, 15). В единичных случаях встречены перстнеобразные кольца со спиральным завитком на конце (табл. XXIX, 9, 10). Обычно дреговичская женщина носила по несколько перстнеобразных колец — от двух до 12. Трехбусиные височные кольца (табл. XXIX, 7, 14, 16, 22) найдены главным образом в юго-восточной части ареала дреговичей — по Днепру, в низовьях Припяти и по Березине. Среди этих украшений наиболее часты кольца с крупнозерненными бусами, аналогичными тем, что входят в состав ожерелий и служат этноопределяющим признаком дреговичей.

Сравнительно богаты дреговичские шейные ожерелья. Срединное положение в них занимают одна-две большие металлические бусины, покрытые крупной зернью (встречены более чем в 120 погребениях). Наиболее многочисленны в составе ожерелий различные стеклянные и пастовые бусы — зонные, бочонкообразные, призматические, ребристые и лимоновидные, довольно много стеклянных позолоченных и посеребренных, еще больше цветных. Преобладают синие бусины, затем — желтые, серые и коричневые. В 36 курганных группах в составе ожерелий находились сердоликовые бусины — бипирамидальные, призматические, шарообразные и многогранные. В девяти курганных группах встречены бусины из горного хрусталя.

Кроме бус, в состав шейных ожерелий входили ложнозерненные или штампованные монетообразные привески (табл. XXIX, 24—26), лунницы (табл. XXIX, 29) и бубенчики, в трех курганах (Борисов, Каменка, Кордои) — крестики. В кургане Горожа най-

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

дена якоревидная подвеска (табл. XXIX, 30). В могильниках Вирков, Селище, Устиж и Эсьмоны найдены привески-коньки (табл. XXIX, 23), весьма распространенные в кривичских землях (Седов В. В., 1968а, с. 151—156).

Несколько чаще, чем у волян, древлян и полян, в дреговичских курганах встречаются браслеты (табл. XXIX, 34). Наиболее часты круглопроволочные и витые тройные с завязанными или петлеобразными концами. В северной части дреговичского ареала попадаются браслеты со стилизованными змеиноголовыми концами. Остальные браслеты (плосковыпуклые, пластинчатые тупоконечные, плетеные, а также стеклянные) представлены единичными экземплярами.

Более распространенной находкой являются перстни (табл. XXIX, 28, 31, 33). Все они принадлежат к общевосточнославянским типам. Это перстни проволочные, витые (завязанные, тройные разомкнутые) жгутовые, плетеные, ложновитые, широкопластинчатые с завязанными концами и «усатые».

Захоронения мужчин в дреговичских курганах, как правило, не содержат вещей. Только в единичных погребениях обнаружены подковообразные застёжки (табл. XXIX, 27, 32), лировидные, четырехугольные и иные пряжки и поясные кольца (табл. XXIX, 36, 37), железные ножи, кресала и изредка перстни. Ножи, шиферные и глиняные пряслица (табл. XXIX, 35) и ножницы отмечены в захоронениях женщин. В погребениях мужчин и женщин встречаются глиняные горшки, обычно поставленные около ног умершего, в редких случаях — около головы.

Хронология дреговичских курганов разработана в работе А. В. Успенской (*Успенская А. В.*, 1953, с. 118—124). На основе корреляционной таблицы, составленной этой исследовательницей, можно утверждать, что смена обряда кремации обрядом ингумации в области расселения дреговичей произошла во второй половине X и в самом начале XI в. Эволюция курганов с труположениями протекала здесь так же, как и в других областях лесной зоны древней Руси (табл. XXVIII). Для XI и первой половины XII в. характерны труположения на горизонте. Лишь в юго-восточных районах, там, где дреговичи соприкасались с полянами, рано появляются захоронения в грунтовых ямах под курганами. В остальных районах расселения дреговичей ямные труположения распространяются относительно поздно и датируются в основном XII—XIII вв.

Картография деталей погребальной обрядности и вещевых инвентарей дреговичских курганов XI—XIII вв. выявляет членение их ареала на две части (Седов В. В., 1970б, с. 87—89). Курганы южной части дреговичской земли (поречье Припяти и области южнее этой реки), т. е. районов, где славяне появились еще в середине I тысячелетия н. э., по своему строению и вещевому материалу очень близки, если не тождественны, погребальным насыпям волян, древлян и полян. Дреговичские курганные погребения здесь или безынвентарны, или очень бедны вещами, которые принадлежат исключительно к общеславянским типам. В насыпях не бывает домовин, ориентировка умерших общеславянская.

Наоборот, в северной части дреговичского ареала вещи в курганных труположениях встречаются ча-

ще. Кроме предметов общевосточнославянских типов, здесь найдены металлические спиральки, служившие украшениями одежды, змеиноголовые браслеты, разные подковообразные застёжки, спиральные перстни, звездчатые пряжки и поясные бляшки латгальских типов. Все эти предметы обнаруживают многочисленные аналогии в памятниках литовско-латгальских племен. Поскольку некоторые дреговичские находки в деталях отличаются от прибалтийских, нельзя объяснить их появление в курганах исключительно торговыми связями дреговичей с Прибалтикой. Да и при торговле предметы украшений расходились не повсеместно, а только там, где находили соответствующую среду.

Для северной части дреговичской территории обычны захоронения в деревянных домовинах-теремах. Большинство этих домовин срубные, сложенные из бревен на высоту 0,3—0,8 м и покрытые двускатной крышей. В курганах у д. Мохов домовины имели столбовую конструкцию, а в Эсьмонах брусья домовины поддерживались камнями. Погребальные домовины нельзя считать специфически дреговичскими, так как, во-первых, они известны не на всей территории этого племени, а, во-вторых, зафиксированы также в курганах радимичей и других восточнославянских племен. Мужчины, похороненные в курганных домовинах, как правило, имеют неславянскую ориентировку. Это обстоятельство наряду с распространением домовин исключительно в землях, прежде занятых балтами, дает основание предположить возможность связи домовин с погребальной обрядностью дославянского населения.

Подобное членение дреговичского ареала обнаруживают и материалы антропологии. Значительная часть дреговичей северной части Припятского Полесья и бассейна Березины принадлежала к долихокрайному, относительно широколицему типу. Для южных районов дреговичей характерен длинноголовый среднелицкий тип. Антропологическое изучение современного населения Белоруссии позволило В. В. Бунаку утверждать, что в древности южной границей балтской антропологической зоны была Припять (*Бунак В. В.*, 1956, с. 21). Севернее этой реки население принадлежало к валдайскому антропологическому типу, распространенному на всей восточной части древней территории балтов, в том числе и на востоке современных Литвы и Латвии. Население же правобережной Припяти относится к полесскому антропологическому типу (*Дяченко В. Д.*, 1960, с. 18—33).

Среди населения ряда районов Белоруссии термин курганы неизвестен. Курганные насыпи здесь называются копами (капцами) — по-видимому, от литовского *kapas* (могила). Западные белорусы капцами называют древние грунтовые могилы, обложенные камнями. Термин копы для названия курганов распространен только в той части Белоруссии, где до прихода славян обитали потомки носителей культуры штрихованной керамики. В южной части ареала дреговичей его не употребляют. Еще в прошлом столетии старожилы Припятского бассейна разделяли Полесье на две части: северная часть называлась литовским Полесьем, правобережная — волинским (*Зеленский И.*, 1864, с. 115).

Намечаемая дифференциация земли дреговичей на две части явно свидетельствует об участии местного

балтского населения в этногенезе славян северного Полесья. Иными обстоятельствами эту дифференциацию объяснить невозможно.

Брестское Побужье и Верхнее Понеманье

При характеристике древностей волынян отмечено, что курганы типа Головно известны не только на Волинии, но и в Брестском Побужье, что служит свидетельством расселения здесь волынян. В пользу этого говорят косвенно и данные русских летописей. В XII в. города Берестье, Дрогичин и часть земель Среднего Побужья вошли в состав Волинского княжества (ПСРЛ, II, с. 466). Связи Берестья и его волости с Волинской землей не ослабевают вплоть до включения в состав Великого княжества Литовского (1319 г.).

Однако земли Брестского Побужья не были собственно волынянскими. Кроме волынян, эту область заселяли также дреговичи, о чем свидетельствуют находки дреговичских крупнозерновых бус (карта 16). Очевидно, из поречья Припяти и окрестностей Турова и Пинска дреговичи расселялись на запад по Ясельде, верховья которой почти вплотную соприкасаются с бассейном Буга. По мнению многих исследователей, город Берестье был основан выходцами из дреговичского племени и первоначально принадлежал Туровскому княжеству (Андрияшев А. М., 1887, с. 41; Грушевский А. С., 1901, с. 16, 19; Лысенко П. Ф., 1974, с. 153—160), возникшему на племенной территории дреговичей.

Вторым регионом дреговичского расселения было Верхнее Понеманье, где также открыты курганные захоронения с крупнозерновыми металлическими бусами (карта 16). Дреговичские переселенцы, очевидно, достигали восточных районов Мазовии. Здесь зерновые бусы дреговичского типа найдены в захоронениях под наземными каменными кладками в Пайеве близ Тикоцина, Корневке, урочище Пробняк близ д. Щиты и в Чеканове (Авенариус Н. П., 1890, с. 23, 24; Янчук Н., 1892, с. 251; Kamiński A., 1956, с. 149—152; Rauhut L., 1971, с. 645, 646). В области Верхнего Понеманья проникали также и волыняне, о чем свидетельствуют полуземляночные постройки в Новогрудке и керамические материалы того же поселения (Гуревич Ф. Л., 1969, с. 220, 221; Малевская М. В., 1972, с. 14—18). Однако ни дреговичи, ни волыняне не составляли основного ядра населения Верхнего Понеманья и Берестейской волости.

Русские и польские историки прошлого столетия (Т. Нарбут, Н. П. Барсов, А. М. Андрияшев, П. Д. Брянцев, М. К. Любавский, Д. Шульдц, Я. Яропевич и другие), исходя из косвенных данных русских летописей, оповываясь на сведениях польских хронистов XV—XVI вв. и картографии географических названий, образованных от этнонима ятвяги, полагали, что до XIII в. ятвяги занимали обширную территорию, включавшую Сувалкию, Верхнее Понеманье, польское Подлясье и Берестейскую волость. А. Л. Погодин на основе анализа водных названий утверждал, что Верхнее Понеманье и Побужье до Бреста входили в ареал, заселенный балтскими племенами (Погодин А. Л., 1910, с. 354). Работы К. Буги, Я. Розвадовского, В. Н. Топорова и других подтвер-

дили присутствие в гидронимии этих территорий слоя балтского происхождения, означающего, что пришедшие сюда славяне застали на этой территории балтов (Būga K., 1923, 100 psl.; Топоров В. Н., 1959, с. 251—256). К. Буга на основании лингвистических данных полагал, что славяне пришли в контакт с ятвягами между VII и X столетиями (Būga K., 1913, 12 psl).

На всей территории распространения ятвяжской гидронимии наряду с обычными славянскими курганами известны своеобразные погребальные памятники, не имеющие аналогий ни среди погребальных сооружений славян, ни среди могильных памятников восточнобалтских (литовско-латышских) племен. Это каменные курганы, ятвяжское происхождение которых обосновывается целым комплексом аргументов (Седов В. В., 1964, с. 36—51; 19686, с. 24—30).

Наиболее изученный участок ятвяжского ареала — Сувалкия — находится за пределами СССР. Здесь неоднократно раскапывались ранние ятвяжские курганы, относящиеся к II—IV вв. (Jaskanis J., 1974). Они сложены или целиком из камней, или из камней и земли. Поверхностный покров обычно состоит из плотно прилегающих друг к другу камней. Высота насыпей 0,3—0,8 м, диаметр оснований от 5 до 20 м. Во II—IV вв. здесь хоронили по обряду и трупосождения, и трупоположения. На рубеже IV и V вв. обряд трупосождения становится господствующим. Захоронения по обряду кремации обычно помещаются в верхних частях насыпей. При раскопках курганов открывается по несколько скоплений пепла, угольков и кальцинированных костей. Захоронения по обряду ингумации помещаются в неглубоких погребальных ямах, заполненных камнями. Как правило, в могилах находится один скелет, в редких случаях — по два-три. Иногда умершие подвергались частичному сожжению. В некоторых курганах вокруг погребальных ям обнаружены следы вертикальных столбов, свидетельствующие о том, что над погребениями возводились какие-то домины. На вершинах многих курганов заметны впадины, образовавшиеся в результате проседания насыпей по мере сгнивания домины.

Погребения по обряду трупосождения чаще не содержат вещей. В виде исключения встречаются бусы и пряжки. Погребальный инвентарь трупоположений разнообразен. В захоронениях мужчины бывают предметы вооружения и конского снаряжения (копья, топоры, умбоны, шпоры, удила). В могилах женщин — украшения (бронзовые браслеты и шейные гривны, стеклянные бусы и др.) и орудия труда (глиняные пряслица, ножи, иглы).

Каменные курганы IV—VIII вв. известны также на правобережье верхнего Немана (Версека, Багота, Девяништес, Мидконис и др.). Их исследовали в первые десятилетия XX в. В. А. Шукевич и Э. А. Вольтер (Szukiewicz W., 1910a, с. 63—69, 1914, с. 58—62), а на южной окраине Литвы в 50-х годах — А. Тауравиčius (Tautavičius A., 1958, 69—74 psl.).

Каменные курганы Верхнего Понеманья по устройству однотипны с сувалкскими. Это тоже плоские круглые в плане насыпи высотой 0,5—0,8 м. Верхний покров насыпей складывали из камней в один или несколько ярусов. Остатки трупосождений помещались или среди камней насыпи, или в подкурганых ямах. Число трупосождений в одном кургане колеблется от одного-двух до шести. Большинство захоро-

нений безы Inventарны. Относительно редкие вещи из этих курганов (топоры, копья, умбоны щитов, пряжки и др.) принадлежат к типам, распространенным у многих балтских племен, в том числе ятвяжских.

Самые поздние трупосожжения в каменных курганах относятся к последним векам I тысячелетия и к самому началу II тысячелетия н. э. По устройству каменные курганы этого времени не отличаются от более ранних, но количество трупосожжений в них не превышает одного-двух. Такие курганы известны по всему древнему ятвяжскому региону. В бассейне Немана их исследовали С. Круковский, Ф. Д. Гуревич, Я. Г. Зверуго и др. (*Krukowski St.*, 1911, s. 1–21; *Гуревич Ф. Д.*, 1962, с. 204; *Очерки*, 1972, с. 45), в Среднем Побужье — С. А. Дубинский, И. В. Бируля и др. (ОАК, 1911, с. 65, 66; *Бируля И. В.*, 1966, с. 280).

Каменные курганы с трупосожжениями в Среднем Побужье — невысокие, круглые в плане. Под дерном обнаруживается каменная кладка, сложенная в один-три яруса. В каждом кургане обычно находится по одному захоронению. Остатки трупосожжения, совершенного на стороне, помещены чаще среди камней насыпи (Бацки Дальние, Клюково, Цецели), реже — в основании кургана (Бацки Ближние, Цецели) или в небольшой подкурганной ямке (Войская). Большинство захоронений — без вещей. Изредка встречаются оплавленные слитки стекла и бронзы или обломки глиняных сосудов.

В течение XI–XII вв. обряд трупосожжения в каменных курганах постепенно сменяется обрядом ингумации, но устройство насыпей остается неизменным (табл. XXX, 32). По-прежнему каменные насыпи имеют покров из камней в один или несколько ярусов, встречаются курганы, сложенные из камней целиком. Смена обрядов в разных местах ареала каменных курганов происходила неодновременно. Так, в Брестском Побужье наиболее поздние трупосожжения датируются XI в., а в северной части Белорусского Поманья этот обряд удерживается до начала XIII в.

Каменные курганы с трупоположениями в Среднем Побужье широко известны по раскопкам многих исследователей. В конце XIX в. они раскапывались Т. Луневским, З. Глогером, К. Столиво, Р. Эйхлером, Л. Паевским (*Luniewski T.*, 1883, s. 477, 478; *Musiapowicz K.*, 1950–1951, s. 229–250), в начале XX в. — С. А. Дубинским (ОАК, 1911, с. 65, 66), а в последние десятилетия — И. В. Бирулей и В. В. Седовым (*Бируля И. В.*, 1966, с. 280; 1970, с. 120–122; *Седов В. В.*, 1963, с. 41–43). В Поманье аналогичные курганы изучались Э. А. Вольтером, З. Глогером, В. А. Шукевичем, С. Яроцким, К. Салевичем (*Шукевич В. А.*, 1893, с. 96–100; *Szukiewicz W.*, 1899; 1902; *Jarocki S.*, 1901; *Jaskanis D.*, 1962, s. 337–361).

Умерших клали в этих курганах или на материк, или в неглубокую подкурганную яму. Большинство погребенных имели западную ориентировку. Но встречаются захоронения мужчин, обращенных головой к востоку (Войская, Свищево, Ратайчицы, Зеленые Гурки), что характерно для балтского погребального ритуала. Около погребенных обнаруживаются скопления золы и углей. В каждом кургане находится одно захоронение, в редких случаях — два-три.

В Среднем Побужье и в южной части Верхнего Поманья наряду с каменными курганами хорошо известны и обычные славянские, насыпанные из песка

и глины и не имеющие каменных конструкций. Ранние — X в. — содержат захоронения по обряду трупосожжения, курганы XI–XIII вв. — трупоположения. В Побужье такие курганы раскапывали Н. П. Авенариус, С. А. Дубинский и другие (*Авенариус Н. П.*, 1890, с. 18–20), в Верхнем Поманье — М. Федоровский, М. А. Цыбышев, Е. Голубович, Ф. Д. Гуревич, К. В. Павлова (*Gloger Z.*, 1882, s. 491, 492; *Цыбышев М. А.*, 1893, с. 73–76; *Cehak-Holubowiczowa H.*, 1938, s. 183–196; *Гуревич Ф. Д.*, 1962, с. 97–112; *Павлова К. В.*, 1965, с. 99–105; 1973, с. 56–61; 1974, с. 59–68; *Зверуго Я. Г.*, 1978, с. 414, 415).

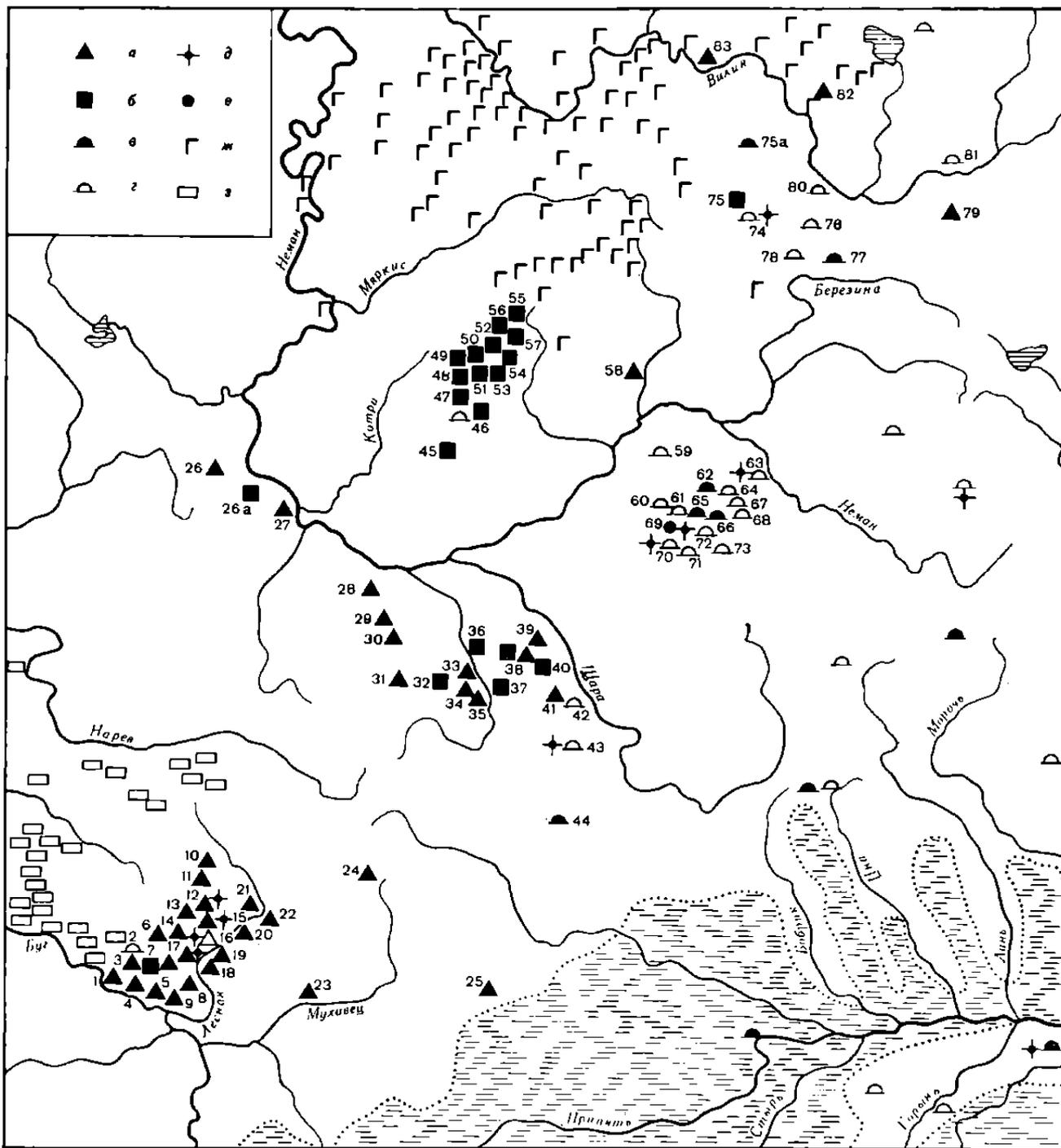
Вещевой инвентарь славянских (земляных) и каменных курганов XI–XIII вв. идентичен и принадлежит восточнославянской культуре.

В захоронениях женщин обычны перстнеобразные височные кольца с заходящими концами или полутораоборотные (табл. XXX, 4, 6, 8, 10–12). Реже встречаются перстнеобразные кольца со спиральным завитком на конце (табл. XXX, 1–3) и небольшие прополочные кольца с S-образным завитком. Последние украшения, по всей вероятности, свидетельствуют, что в Брестское Побужье наряду с волянянами и дреговичами проникали и западные славяне. Единичные перстнеобразные кольца имели завязанные концы (табл. XXX, 7), а одно из колец — конец, завернутый в обратном направлении (табл. XXX, 5).

Ожерелья из бус не были распространены. Только в немногих курганах найдены бусины (от одной до шести в погребении) — мелкие из синего, светло-зеленого или матового стекла, пастовые или глиняные, стеклянные позолоченные или посеребренные, а иногда и бронзовые, покрытые зернью (табл. XXX, 9, 14, 21–26). Встречены также круглые привески (табл. XXX, 18). Браслеты и перстни немногочисленны и принадлежат в основном к общеславянским типам (табл. XXX, 15–17, 19, 27). Кроме того, встречаются поясные пряжки (табл. XXX, 29, 30), металлические пуговицы (табл. XXX, 13), пряслица. Все эти находки славянского типа. Лишь единичные украшения принадлежат к прибалтийским типам. Таковы подковообразные застежки с утолщенными концами (*Сергеева З. М.*, 1977, с. 34–37) и с поднятым фигурным концом (табл. XXX, 20, 28).

Погребальный инвентарь мужчин представлен копьями, топорами, пряжками и кресалами. Железные ножи и глиняные сосуды (табл. XXX, 33, 34) встречаются и в мужских, и в женских захоронениях.

Анализ вещевого материала каменных курганов XI–XIII вв. Верхнего Поманья и Берестейской волости показывает, что эти памятники оставлены в основном не собственно ятвягами, а их славянизированными потомками. Следовательно, население этих земель было в то время уже преимущественно славянским. Два типа курганных насыпей (славянских и ятвяжских) отражают разноэтничное происхождение населения в Среднем Побужье и Верхнем Поманье. Там, где наблюдается концентрация каменных курганов и отсутствуют собственно славянские погребальные насыпи, вероятно, сохранилось ятвяжское население. Очевидно, оно пополнилось за счет беженцев из пруссо-судавских областей. В Белорусском Поманье еще в XVII–XIX вв. существовали островки ятвяжского населения, но уже говорившего на литовском языке.

Карта 16. Погребальные памятники X—XIII вв. Верхнего Полесья и Берестейской волости

а — могильники с каменными курганами; б — каменные могилы; в — курганные могильники, включающие насыпи с трупосожжениями; г — курганные могильники исключительно с труположениями; д — могильники с дреговичскими бусами; е — могильники с браслетообразными завязанными височными кольцами; ж — восточнолитовские курганы; з — мазовецкие могильники

1 — Величково; 2 — Лумна; 3 — Ядковщина; 4 — Ставы; 5 — Рудаец; 6 — Кустичи; 7 — Гурки; 8 — Шитянки; 9 — Раковина; 10 — Любашки; 11 — Лисовчицы; 12 — Войская; 13 — Кошейники; 14 — Шестаково; 15 — Свищево; 16 — Ратайчицы; 17 — Тростяница; 18 — Млыны; 19 — Баранки; 20 — Радость; 21 — Хотыново; 22 — Угляны; 23 — Здитово; 24 — Чахед; 25 — Деревная; 26 — Ясудово; 26а — Короневичи; 27 — Кол-

паки; 28 — Лазы; 29 — Подрось; 30 — Волковск; 31 — Митрони; 32 — Клепачи; 33 — Бердовичи; 34 — Городище; 35 — Кошели; 36 — Старое Село; 37 — Бездонное; 38 — Пустоборы; 39 — Климовичи; 40 — Красница; 41 — Кошево; 42 — Вишево; 43 — Орловичи; 44 — Голынка; 45 — Кульбачи; 46 — Сырня; 47 — Воробьи; 48 — Чернишки; 49 — Угольники; 50 — Вензовщина; 51 — Первомайская (Собакины); 52 — Дворчаны; 53 — Опановцы; 54 — Дунич-Могилы; 55 — Церемец; 56 — Пузель; 57 — Салапяцки; 58 — Косовщина; 59 — Марулины; 60 — Ладеники; 61 — Бретянка; 62 — Сулятичи; 63 — Платово; 64 — Сокольники; 65 — Новогрудок; 66 — Кореличский Тракт; 67 — Мольнич; 68 — Соленики; 69 — Городилово; 70 — Селец; 71 — Коростово; 72 — Волковичи; 73 — Ботаревка; 74 — Высокое; 75 — Ольшаны; 75а — Сидоришки; 76 — Ленковщина; 77 — Городилово; 78 — Козаровщина; 79 — Латыголь; 80 — Шведы; 81 — Чижевички; 82 — Выголененты; 83 — Рыгоры

В XIII–XIV вв. в Верхнем Понеманье на смену курганам широко распространяются каменные могилы (карта 16). Как и курганы, они расположены группами, насчитывающими по несколько десятков могил. Они представляют собой плоские прямоугольные, слабо возвышающиеся над землей сооружения из камней (табл. XXX, 31). В поздних могилах в головах погребенных обычно ставили большой камень.

Основные исследования каменных могил относятся к 80–90-м годам XIX в. и к первым двум десятилетиям XX в. Тогда В. А. Шукевич и Э. А. Вольтер раскопали более 400 могил в сравнительно небольшом районе неманского правобережья, главным образом в Лидском уезде (*Szukiewicz W.*, 1910b, s. 39–45; 1911, s. 57–62; 1921, s. 52–63). Научная сводка этих древностей была составлена А. А. Спицыным (*Спицын А. А.*, 1899б, с. 303–310; 1925, с. 159), повторный новейший обзор принадлежит Ф. Д. Гуревич (*Гуревич Ф. Д.*, 1962, с. 121–130). В последние годы производились лишь незначительные исследования каменных могил (*Зверуго Я. Г.*, 1978, с. 415).

Захоронения в каменных могилах совершались по обряду труположения. Ориентировка — преимущественно западная. В Салапяцишках мужчин хоронили головой к востоку, женщин — к западу. Восточная ориентировка зафиксирована в Вензовщинском могильнике, южная — в Ольшанах. В каждой могиле, как правило, находится по одному костяку, но известны могилы с двумя и четырьмя погребенными.

Захоронения женщин часто содержат многочисленные украшения. Височные кольца двух типов — перстнеобразные с заходящими концами и трехбусинные. Один раз найдено многобусинное кольцо. Неоднократно обнаружены серьги в виде вопросительного знака со спиралькой и бусиной. Весьма характерным украшением были головные венчики из разнообразных металлических бляшек, окаймленных бусинами. В состав шейных ожерелий входили бусины стеклянные синие и черные с белыми разводами, а также спиральки из бронзовой проволоки. Среди украшений имеются ромбические подвески, бубенчики, крестики и раковины каури. Весьма часто в одном погребении находят два-три браслета и несколько перстней. Преобладают пластинчатые орнаментированные браслеты, но известны также плетеные, витые и спиральный. Перстни обычно имеют витую или плетеную одну половину и пластинчатую — другую.

Захоронения мужчин в каменных могилах также нередко сопровождаются различными вещами. Это боевые и рабочие топоры, втульчатые наконечники копий, крупные ножи, сабли, шпоры, кресала и точильные бруски. Обычны поясные пряжки и бляшки, встречаются перстни и изредка — иппе украшения.

Для датировки могил важны находки монет литовских князей и польских королей и пражских грошей. Монеты относятся к XIII–XVI вв. Этим периодом и датируются захоронения в каменных могилах.

Могилы в виде прямоугольничков или овалов, обставленные крупными и засыпанные мелкими камнями, составляют характерную особенность области расселения одного из западнославянских племен — мазовшан (*Rauhut L.*, 1971, s. 435–653). В этой связи некоторые исследователи предполагают, что каменные могилы Понеманья отражают мазовецкое расселение. Однако детальное сравнение вещевых матери-

алов из каменных могил Верхнего Понеманья и коллекции предметов из Мазовии и Подляшья выявляет существеннейшие различия. Отсутствие же в каменных могилах Неманского бассейна типичных для западных славян, в том числе для мазовшан, височных колец с S-образным концом отвергает гипотезу о расселении здесь этого племени.

По-видимому, каменные могилы Верхнего Понеманья и погребальные сооружения мазовшан независимо друг от друга и в разное время эволюционировали от каменных курганов ятвяжского происхождения. В Неманском регионе имеется немало погребальных сооружений, занимающих промежуточное положение между каменными курганами и могилами и свидетельствующих о такой эволюции.

Большинство предметов из верхненеманских каменных курганов (ожерелья из бус, спиралек, раковин каури и ромбовидных бляшек, подковообразные пряжки со стилизованными звериноголовыми концами, пряжки прочих типов, ножны, украшенные пластинками и подвесками, плетеные и витые перстни, плетеные и спиральный браслеты и др.) имеет аналогии в литовско-латышских древностях. С балтским культурным регионом связывает эти памятники и такой признак, как частое захоронение с погребенными предметами вооружения. Это дает основание отнести каменные могилы Верхнего Понеманья к балтским памятникам, а отличие их от литовско-латышских земляных курганов и грунтовых могильников позволяет считать их ятвяжскими.

Обычно височные украшения погребенных в каменных могилах типично славянские. В славянских древностях имеют аналогии и украшения (отдельные бляшки головных уборов, пластинчатые браслеты). По-видимому, эти предметы говорят о славянизации населения, оставившего каменные могилы.

В заключение обзора погребальных древностей Верхнего Понеманья и Брестского Побужья песколько слов нужно сказать о названных выше каменных могилах мазовшан. Исследователь этой категории памятников Л. Раухут, исчерпывающе проанализировав их, пришел к выводу, что каменные могилы Мазовии и Подляшья оставлены сельским населением, принадлежавшим к одному из западнославянских (польских) племен (*Rauhut L.*, 1971, s. 435–488). Однако в каменных могилах мазовшан обнаруживается заметное восточнославянское воздействие, говорящее не только о соседских культурных контактах, но и об инфильтрации восточных славян в области Подляшья. Так, в каменных могильниках Бацки Дальние и Корневка (*Авенариус Н. П.*, 1890, с. 24) найдены зерновые бусы — характерные украшения дреговичей. В могильниках Лужки, Неверово-Сохи и Рогавка встречаются полутораоборотные перстнеобразные височные кольца (с напускными зерновыми бусами). К древнерусским предметам принадлежат загнутоконечные пластинчатые браслеты, плетеная гривна с концами в виде полых трубочек, разнообразные крестики, пряслица из волинского шифера и др. (*Гуревич Ф. Д.*, 1980, с. 46–52). Польский исследователь А. Новаковский явно ошибался, когда писал, что болотистые пространства в окрестностях современного г. Барановичи препятствовали проникновению дреговичей в западном направлении (*Nowakowski A.*, 1972, s. 115).

Глава пятая

Племена юга

В междуречье нижнего Днепра и Днестра, в бассейнах Днестра и Прута, а также в Прикарпатье антская культура пражско-пеньковского облика постепенно трансформируется в культуру VIII—IX вв., которая относится к типу Луки-Райковецкой.

К VIII—IX вв. наблюдается некоторая нивелировка культур славянского населения расположенной западнее среднего Днепра лесной зоны и лесостепных областей междуречья Прута и Днестра. Прежние различия, отчетливо наблюдаемые в керамическом материале, несомненно стираются. Объясняется это, по-видимому, передвижениями крупных масс населения. Как показывают археологические памятники Румынии, славянское заселение нижнедунайских земель шло несколькими потоками, в том числе и из различных местностей Восточной Европы (*Сотза М.*, 1972, р. 9—28). При этом происходило некоторое смешение славянского населения, продвигавшегося с Волыни и из Припятского Полесья, с потомками антов.

В результате на некоторых поселениях, принадлежавших пражско-пеньковским племенам, распространяется глиняная посуда, сходная с дулебской керамикой и продолжающая традиции пражско-корчакских сосудов. Однако полного тождества в керамике славянской культуры VIII—IX вв. лесной и лесостепной зон не наблюдается. В отличие от дулебского региона, в лесостепной полосе в это время в керамическом материале видное место принадлежит лепным округлобким горшкам, развившимся из характерной пражско-пеньковской посуды (*Мезенцева Г. Г.*, 1965, с. 71—98; *Хавлюк П. И.*, 1974, с. 193—196; *Тимошук Б. О.*, 1976, с. 21—30; *Приходнюк О. М.*, *Казанский М. М.*, 1978, с. 43—47). Такая керамика составляет значительную часть материалов культуры Луки-Райковецкой и известна не только в прежнем антском ареале, но и на некоторых поселениях дулебов (*Гончаров В. К.*, 1963, с. 283—319, рис. 7; *Шовкопляс А. М.*, 1959, с. 169—172).

Эволюция антской (пражско-пеньковской) культуры в культуру Луки-Райковецкой отчетливо прослеживается во всех регионах. Основным типом поселений в VIII—IX вв. остаются селища (карта 17). Многие из них содержат и отложения предшествующего времени. По топографии, планировке и размерам селища VIII—IX вв. идентичны поселениям антского периода. Полуземляночные постройки той же конструкции и интерьера, что и в VI—VII вв., бытуют на поселениях VIII—IX вв. Остаются без изменений и печи-каменки (*Раппопорт П. А.*, 1975, с. 117—120, 148).

Раскопки поселений типа Луки-Райковецкой в южной части восточнославянской территории проводили многие исследователи. Особенно плодотворно они изучались и продолжают изучаться в Северной Буковине (Б. А. Тимошук и И. П. Русанова), на территории Молдавии (И. А. Рафалович) и в Подне-

провье (Н. М. Кравченко). Значительное количество поселений этого типа выявлено и обследовано в Закарпатской обл. Украины (В. Г. Котигорошко), в Подолии и среднем течении Южного Буга. Научные обобщения по отдельным регионам принадлежат Д. Т. Березовцу, П. И. Хавлюку, И. А. Рафаловичу, Б. А. Тимошуку и О. М. Приходнюку (*Березовец Д. Т.*, 1963; *Хавлюк П. И.*, 1974; *Рафалович И. А.*, 1972; *Тимошук Б. О.*, 1976; *Приходнюк О. М.*, 1980а).

В Северной Буковине исследованы разнотипные укрепленные поселения VIII—IX вв. (*Тимошук Б. О.*, 1976, с. 60—82). Ломачинское поселение было устроено на высоком мысе и защищено дубовыми стенами столбовой конструкции. Городище Горшны Шеривцы также занимало мыс. С напольной стороны его защищали подковообразный ров шириной 5—10 м и деревянная стена. Размеры площадки городища 150×80 м. На городищах IX в. сооружают и земляные валы (Ревне I). Добновское городище IX в. размерами 160×100 м по периметру имело укрепление из бревенчатых срубов. Раскопками в Грозинцах установлено, что древнейшими укреплениями, относящимися к IX в., здесь служили деревянные срубные стены. Земляной вал был насыпан на месте деревянных укреплений лишь на рубеже IX—X вв.

В других регионах рассматриваемой территории первые укрепленные поселения относятся к X в. и связаны с историей древнерусского военного зодчества.

На прежней антской территории Повесть временных лет локализует три племени — хорватов, тиверцев и уличей.

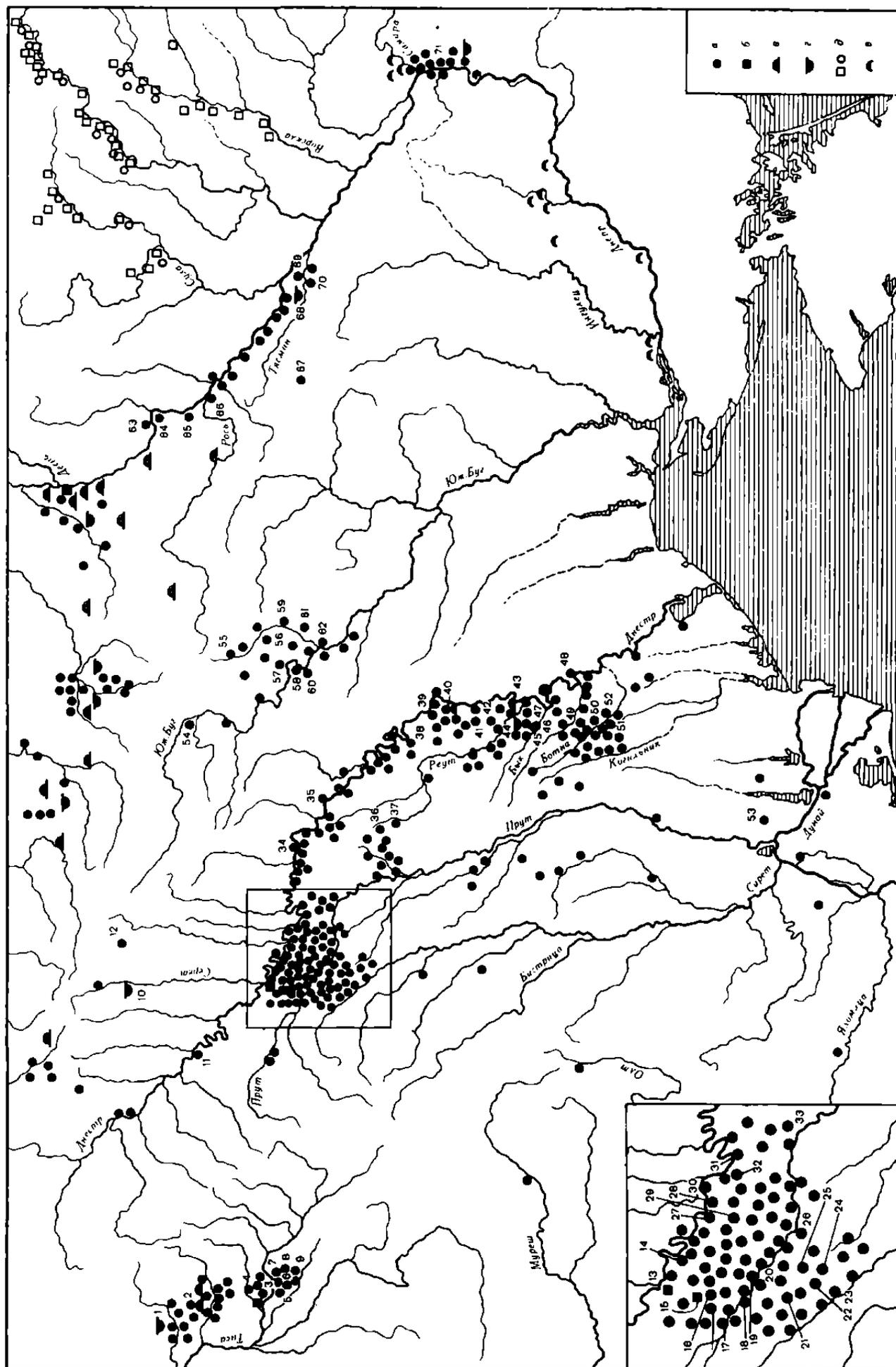
Хорваты

Хорваты называются в Повести временных лет в перечне восточнославянских племен: «И живяху в мире поляне, и древляне, и северь, и радимичи, вятичи и хрвате» (ПВЛ, I, с. 14). В 907 г. хорваты участвуют в составе 80-тысячного войска, собранного из подвластных Киеву земель, в походе на Византию (ПВЛ, I, с. 23). Третий и последний раз хорваты называются начальной летописью под 992 г.: «Иде Володимиръ на Хорваты» (ПВЛ, I, с. 84). По-видимому, поход Владимира Святославича в Хорватскую землю вызван был захватом их польским королем Болеславом Храбрым. Этим и ограничиваются известия летописей о хорватах.

Кроме русских хорватов, летопись знает еще южнославянских: «А се ти же словени: хрвате белли и серебъ и хорутане» (ПВЛ, I, с. 11).

Источники не содержат сведений о географическом положении восточнославянских хорватов. Так как летопись вслед за хорватами называет дулебов, уличей и тиверцев, то они должны принадлежать к южной группировке племен. Н. П. Барсов отводил хорватам

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

обширные пространства в Прикарпатской области, по склонам Татранских Карпат. Перечисляя топонимы, которые, по его мнению, связаны с этническим именем этого племени, Н. П. Барсов обрисовывает территорию от истоков Тисы и Прута на юге до Днестра на востоке и до Вислы на севере (*Барсов Н. П.*, 1885, с. 94, 95).

Для локализации летописных хорватов имеет значение известие Константина Багрянородного о белых хорватах, населявших в его время Далмацию (*Грот К. Я.*, 1880). Константин Багрянородный утверждает, что далматинские (крещеные) хорваты происходят от крещеных хорватов, живущих за венграми — мадьярами, рядом с некрещеными сербами. Эту Хорватию часто грабят франки, мадьяры и печенеги. В соседней с ней стране есть река Висла. Отсюда следует, что область, откуда переселилась на Балканы часть хорватов, находилась где-то по соседству с Венгрией, печенегами и Вислой. Поэтому территорию первоначального расселения хорватов обычно помещают в Галиции и Прикарпатье.

Для определения территории летописных хорватов иногда используются известия летописей о борьбе Владимира Святославича с ляхами в 80—90-х годах X в. Под 981 г. летопись сообщает о походе Владимира на Перемышль и червенские города. Этот поход предшествовал походу на хорватов 992 г., почему предполагается, что областью расселения хорватов был регион червенских городов.

Л. Нидерле высказал предположение, что в Прикарпатье когда-то жило единое хорватское племя. Оно имело полугосударственное образование, центром которого был Краков. Возможно, это славянское политическое объединение упомянуто в арабских источниках под названием Хордаб (Джерваб, Джрават, Хрваб, Храват). После его распада часть хорватов ушла в Далмацию. Остатки хорватов с течением времени смешались с чешскими, польскими и русскими племенами. В X в. одно из хорватских племен еще населяло восточную Галицию. Оно-то и названо летописями (*Нидерле Л.*, 1956, с. 155). А. А. Шахматов

допускал, что хорваты жили в Галиции и в первой половине IX в. создали полугосударство с главным городом Джерваб. Скорее всего, полагал А. А. Шахматов, это было западнославянское племя, поэтому из-за области червенских городов шла вражда между Киевом и ляхами (*Шахматов А. А.*, 1919а, с. 32, 33).

С. М. Середонин локализовал Хорватию там же, в Галиции, считая, что первоначально она была занята ляхским племенем. В последних веках I тысячелетия н. э. в Хорватию вынуждены были переселиться выходцы из восточнославянских земель — уличи и тиверцы, теснимые уграми и печенегами, а также древляне. Разноплеменный состав хорватов, по мнению этого исследователя, и возбуждал территориальные споры между Русью и Польшей (*Середонин С. М.*, 1916, с. 148—152).

Строгий отбор географических названий, образованных от этнонима хорваты, выявляет лишь единичные топонимы — Хорвацки (на р. Бодва, юго-западнее Кошицы), Эрде-Хорвати (близ Шаторалия), Хорватъ (в верхнем течении р. Красна), Хоравятинская (близ Острога), Харваты (в окрестностях Радома), а при учете, что в византийских источниках этот этноним принял форму Хробаты, также, может быть, Храбоч (близ Унги) и Хорбача (в верховьях Днестра). Распространение топонимов позволяет предполагать, что славянское племя хорватов было юго-западным соседом дулебов и занимало северные и южные области Восточного Прикарпатья, ныне входящие в территории Украины, Польши, Словакии и Венгрии.

Хорваты — племя праславянского периода. Представляется бесспорным, что этническое имя хорваты — неславянского происхождения. Ф. А. Браун и другие исследователи сближали этот этноним с названием гор Карпаты, что встретило возражение со стороны А. И. Соболевского (*Соболевский А. И.*, 1910а, с. 171, 172). М. Фасмер и Г. Грегуар высказались за иранское происхождение этнонима (*Gregoire H.*, 1946, р. 116; *Фасмер М.*, 1973, с. 262). Очевидно, это было одно из антских племен, и этноним его восходит к периоду славянизации ираноязычного населения в условиях черняховской культуры.

Около 560 г. хорваты подверглись нападению со стороны авар, в результате которого значительные части этого праславянского племени переселились в Далмацию (хорваты до сих пор живут в западной части Балканского полуострова), а также на запад, к верховьям Эльбы. Среди чешских племен, перечисленных в грамоте Пражского епископства 1086 г., названы хорваты, жившие в области Орлицких гор. В грамоте Генриха II от 1108 г. упоминаются хорваты на р. Заале. В сочинении Масуди говорится о хорватах, живших между Моравой и Чахиным (*Niederle L.*, 1906, s. 244, 271). Некоторые ученые думают, что остатки хорватов в Прикарпатье потеряли племенную самостоятельность и разделились на несколько племенных групп. Другие же утверждают, что хорватский племенной союз в Прикарпатье существовал до рубежа VIII и IX вв. и охватывал всю Малую Польшу и верхнеднепровские земли (*Lowmiański H.*, 1964, s. 114—200; *Gaczyński J.*, 1968, s. 51—117). Е. Гачинский полагает, что вождем этого хорватского содружества был Крак. Оно распалось после смерти Крака на несколько племен, среди которых в

Карта 17. Славянские памятники VIII—IX вв. южного региона

а — селища; б — городища; в — курганные могильники; г — грунтовые могильники; д — городища и селища роменской культуры; е — погребения кочевников

Цифрами обозначены только сравнительно хорошо исследованные памятники

1 — Ужгород; 2 — Червенево; 3 — Ороснево; 4 — Вербовец; 5 — Вовчанское; 6 — Петрово; 7 — Федорово; 8 — Чепя; 9 — Дяково; 10 — Звянич; 11 — Крылос; 12 — Лубянка; 13 — Баламутовка; 14 — Мусоровка; 15 — Добрынивец; 16 — Горышны Шеривцы; 17 — Биля; 18 — Коростувата; 19 — Ревне; 20 — Гореча II; 21 — Михальча; 22 — Великий Кочуров; 23 — Валя Кузьмина; 24 — Виликосила; 25 — Волока; 26 — Могила II; 27 — Перебыковцы; 28 — Рашков; 29 — Городивцы; 30 — Пригородок; 31 — Грозинцы; 32 — Хотян; 33 — Перерыта Замка; 34 — Ломачинцы; 35 — Григоровка; 36 — Стынкауцы; 37 — Малаешты; 38 — Сороки; 39 — Одая; 40 — Алчедар; 41 — Ловатна; 42 — Петруха; 43 — Дубоссары; 44 — Бранешты I; 45 — Бранешты III; 46 — Селиште; 47 — Скок; 48 — Калфа; 49 — Кобуска Веке; 50 — Ханска I; 51 — Ханска II; 52 — Ханска III; 53 — Этудия; 54 — Сандраки; 55 — Париевка; 56 — Кальник; 57 — Самчинцы; 58 — Семенки; 59 — Хривевка; 60 — Грабовец (Коржевка); 61 — Кочуров; 62 — Лодыжин; 63 — Комаровка; 64 — Монастырек; 65 — Канев; 66 — Крепцатик; 67 — Смела; 68 — Великая Авдрусовка; 69 — Макаров остров; 70 — Луг 2; 71 — Першего Травня

течение IX в. в Малой Польше на первое место выдвигаются племена вислян и лендзян.

Как бы то ни было, несомненно, что восточнославянские хорваты, участвовавшие в походе киевского князя Олега на Византию в 907 г., были остатками обширного праславянского племени. На основе упомянутых выше топонимических данных нужно полагать, что им принадлежали верхнеднепровские области, а возможно, и области, входящие ныне в Закарпатскую Украину.

Археологические памятники VIII—IX вв. на этой территории можно назвать хорватскими. По-видимому, прав Б. А. Тимошук, утверждая, что исследуемые им поселения Северной Буковины оставлены хорватами (*Тимошук Б. О.*, 1976, с. 138, 139). Однако эти поселения не имеют каких-либо специфических особенностей, по которым можно было бы очертить территорию хорватов. Памятники Верхнего Поднестровья, Северной Буковины и Украинского Закарпатья по деталям домостроительства и керамическому материалу никак не выделяются среди поселений других антских территорий.

В области расселения хорватов изредка встречаются курганы. Наиболее ранние относятся к VII—VIII вв. Один могильник находился около с. Червенева в Закарпатской обл. Его раскопки вели в 30-х годах XX в. — И. Янкович, в 60-х годах — С. И. Пепяк (*Пепяк С. И.*, 1968, с. 596—600). Во всех курганах открыты остатки сожжений. Кальцинированные кости лежали в основаниях насыпей в виде кучек или слоев площадью от 0,4×0,3 до 3,2×1,3 м. Отдельные кальцинированные кости и обломки лепной керамики зафиксированы в насыпях курганов. Урны, которые удалось склеить, принадлежат к округлобким горшкам, имеющим наибольшее расширение в средней части их высоты. Найдены и раннегончарные сосуды.

Еще один курганный могильник исследуется близ с. Черновка Новоселицкого р-на Черновицкой обл. (*Русанова И. П.*, 1980, с. 331). В нем насчитывается более 100 круглых или овальных в плане насыпей высотой до 0,5 м. Остатки кремации, совершенной на стороне, помещены под насыпями на древнем горизонте. Кальцинированные кости, зола и уголь сыпаны в небольшие неглубокие ямки. В каждом кургане находилось по две-три погребальные ямки. Погребения окружены кольцевыми ровиками с отвесными стенками (ширина и глубина их 0,3—0,4 м). В могильных ямках и в ровиках встречены обломки лепной и гончарной посуды X в.

Курганный обряд захоронения в области расселения хорватов, очевидно, не получил распространения. Курганы с труположениями, встречаемые в Поднестровье, скорее всего появились здесь вследствие инфильтрации волянян. По всем признакам и погребальному инвентарю они тождественны волянянским курганам.

Как и в других местностях бывшего антского региона, в ареале хорватов погребения, видимо, совершались в грунтовых могильниках, обнаружить которые всегда очень трудно. Известны только единичные грунтовые могильники с захоронениями по обряду кремации. Так, в Ужгороде в урочище Галаговое во время земляных работ было открыто два погребения с остатками сожжения.

Более многочисленны бескурганные могильники с

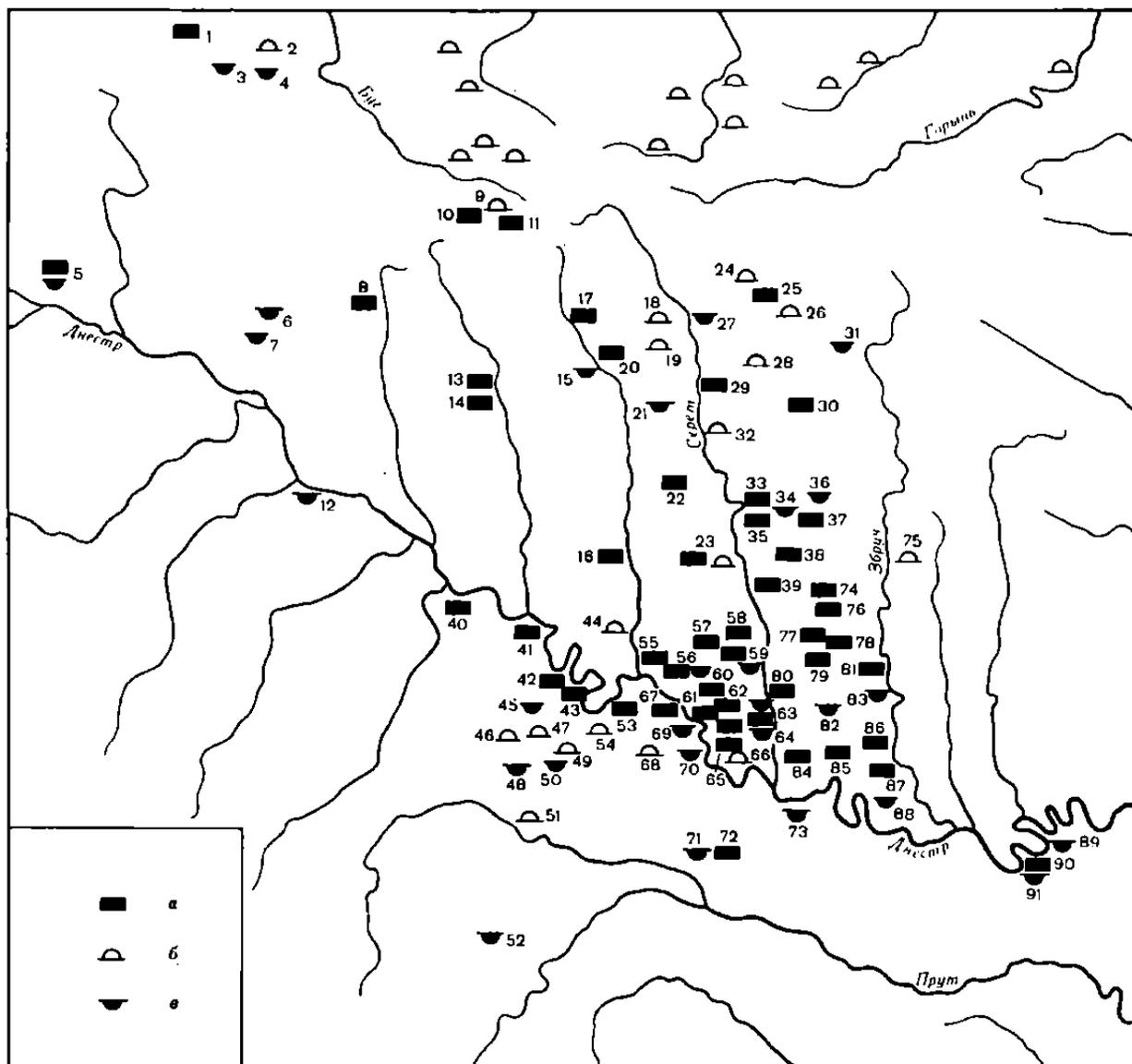
труположениями. Они найдены преимущественно в Поднестровье (карта 18) и подразделяются на два типа: грунтовые без каких-либо наземных признаков; такие же захоронения, покрытые каменными плитами (в археологической литературе они получили название подплитовых). Как правило, могильники содержат погребения какого-либо одного из этих типов, и только в пяти могильниках встречены захоронения обоих типов. Конечно, не исключено, что захоронений в подплитовых могилах было значительно больше, чем известно в настоящее время. При пахоте каменные плиты обычно убирали с полей, и подплитовые захоронения превращались в могилы первого типа.

Большинство бескурганных могильников открыто случайно и не подвергалось планомерным научным раскопкам. Поэтому говорить о размерах могильников, о количестве захоронений в каждом из них не приходится. Судя по тому что в отдельных пунктах исследовано по нескольку десятков погребений (Копачинцы, Городок, Зеленый Гай и др.), могильники были довольно крупными.

Первые научные раскопки грунтовых могильников исследуемой территории относятся к 70—80-м годам прошлого столетия. Наиболее крупные исследования принадлежат А. Киркору. В течение семи полевых сезонов (1877—1883 гг.) этот исследователь вскрыл по нескольку погребений в могильниках близ Верхняковцев, Волковцев, Глыбочка Великого, Городка, Застенки, Кочубинцев, Лосяча и др. (*ZWAK*, 1877, s. 14, 31, 196; 1878, s. 9, 10, 14, 61—68; 1879, s. 15—18, 21, 32, 38, 44, 45, 70—73; 1881, s. 67—69; 1882, s. 21, 26; 1883, s. 62; 1884, s. 20—27, 51; 1890, s. 40—49; 1891, s. 19—27, 39—42, 89, 90). Позднее результаты этих раскопок были обобщены Б. Янушем (*Janusz B.*, 1918). К тем же десятилетиям относятся раскопки И. Коперницкого и В. Пшибиславского (несколько могильников в окрестностях Зеленого Гаю и Звизяча). В 90-е годы XIX в. раскопками могильников занимались Г. Оссовский, В. Деметрикевич и И. Шомбаты. В начале XX в. в Зеленом Гаю и Палашевке раскопки подплитовых могил проводил К. Гадачек (*Hadaczek K.*, 1909).

В 20—30-х годах XX в. большое внимание полевым изысканиям бескурганных могильников Верхнего Поднестровья уделяли польские и украинские археологи. Раскопками этих памятников занимались В. Антоневич (Городница, Торске), Я. Пастернак (Ляпшин, Новоселки, Костюковка, Осталовицы, Делева и др.), Ю. Костшевский (Хомяковка), Т. Сулимирский (Великая Плавуча, Бодаки), Е. Цехакувна (Грицивцы) и другие (*Antoniewicz W.*, 1925a, s. 184, 185; 1925b, s. 91, 98; *Sulimirski T.*, 1935, s. 24, 25; 1937, s. 226, 227; *Janusz B.*, 1929, s. 267; Записки, 1933, с. 128; 1935, с. 262, 264).

Последующие раскопки (Копачинцы) вел А. А. Ратич (*Ратич А. А.*, 1955, с. 25, 26). Ему же принадлежит сводка памятников западных областей Украины, в которой приведена очень краткая информация о многих бескурганных могильниках исследуемой территории (*Ратич О.*, 1957). Е. И. Тимофеев, анализируя погребальные древности Правобережной Украины, высказал догадку о принадлежности рассматриваемых могильников хорватам (*Тимофеев Е. И.*, 1961a, с. 69).

Карта 18. Памятники хорватов

а — могильники с подплитовыми захоронениями; б — курганные могильники; в — древнерусские грунтовые могильники
 1 — Глинск; 2 — Каменпополь; 3 — Запытов; 4 — Ременов; 5 — Смильница; 6 — Звенигород Львовский; 7 — Городище; 8 — Остаповцы; 9 — Новоселки; 10 — Лука; 11 — Подлипцы; 12 — Крылос; 13 — Лапшин; 14 — Урмань; 15 — Августовка; 16 — Звенигород; 17 — Великая Плавуча; 18 — Осиповцы; 19 — Великий Глубочек; 20 — Почапинцы; 21 — Ладичин; 22 — Могильница; 23 — Палашевка; 24 — Збараж; 25 — Грицывцы; 26 — Чолганщина; 27 — Застенка I; 28 — Застенка II; 29 — Скородохи; 30 — Остаповое; 31 — Рожиск; 32 — Семенов; 33 — Увисла I; 34 — Увисла II; 35 — Увисла III; 36 — Кочубинцы; 37 — Хомяковка; 38 — Иванов; 39 — Верхняковцы; 40 — Братишев; 41 — Нижнев; 42 — Делево; 43 — Петров; 44 — Жвиброды; 45 — Хотимир I; 46 — Хотимир II; 47 — Хотимир III; 48 — Джурков; 49 — Чертовец; 50 — Передивание; 51 — Подгайчики; 52 — Куты; 53 — Корнев; 54 — Живачев; 55 — Бедриковцы; 56 — Торске; 57 — Максимовка; 58 — Лисовцы; 59 — Городок; 60 — Печорна; 61 — Добровляне I; 62 — Добровляне II; 63 — Мышков; 64 — Колодривка; 65 — Жежава; 66 — Иване-Злоте; 67 — Копачинцы; 68 — Семаковцы; 69 — Угрилопкэ; 70 — Городница; 71 — Ивановцы; 72 — Чуньков; 73 — Васильев; 74 — Лосяч; 75 — Гусятин; 76 — Лановцы; 77 — Глубочек; 78 — Боршев; 79 — Волковцы; 80 — Бильче Злоте; 81 — Турильче; 82 — Короливка; 83 — Михалков; 84 — Новоселки; 85 — Горошево; 86 — Нивра; 87 — Ольховец; 88 — Кудринце; 89 — Ленковцы; 90 — Оселивка; 91 — Веселовка

Какие-либо заметные различия между подплитовыми захоронениями и погребениями, не обозначенными каменными плитами, ни в погребальном обряде,

ни в вещевых материалах не наблюдаются. Все они содержат исключительно групоположения с западной ориентировкой. Глубина могильных ям колеблется от 0,3 до 1,1 м. Как правило, покойников хоронили без гробов. Остатки деревянных гробов зафиксированы только в единичных захоронениях четырех могильников — Грицывцы, Зеленый Гай, Михалков, Палашевка. Обычно в могильной яме помещался один покойник. Парные захоронения (мужчины и женщины) чрезвычайно редки. В виде исключения встречаются и семейные захоронения — скелеты взрослых и детей под одной-двумя плитами. В заполнении могильной ямы иногда обнаруживают обломки гончарной глиняной посуды. Обычай бить глиняные горшки при захоронениях отмечен и в других областях древней Руси.

Большинство подплитовых захоронений имеет лишь крупную плиту, положенную горизонтально после засыпки могильной ямы. В настоящее время эти плиты находятся или на поверхности, или под пахотным слоем. Их размеры разнообразны — от 1,5×0,4 до 2,2×1 м.

В могильниках, исследованных в Остаповом и Делеве, открыты захоронения, в которых крупные плиты были обложены камнями. В одной из могил у с. Городок под плитой на глубине 0,4 м обнаружена кучка валунов.

Многие бескурганые погребения Верхнего Поднестровья не содержат вещей. Вместе с тем встречено много захоронений (главным образом женщин), в которых находились металлические и стеклянные украшения (табл. XXXI). В трех погребениях зафиксированы остатки головной ленточной повязки (венка). Ткань не сохранилась. В Добровлянах найдены три бронзовые бляшки от повязки, в Джуркове — тонкая металлическая орнаментированная пластина, к которой подвешены бубенчики и трапециевидная привеска, в Михалкове — 10 бляшек с тисненым орнаментом и отверстиями для прикрепления к материи.

Среди височных украшений преобладают перстнеобразные кольца с заходящими концами (табл. XXXI, 1—8, 12, 18—29, 32, 36—38, 41, 43, 45—48) и перстнеобразные кольца с концом или обеими концами, завернутыми в обратном направлении (табл. XXXI, 10, 16, 30, 31, 33—35, 44). Часто эти кольца изготовлены из четырехгранной проволоки. Височные кольца этого типа встречены по всей территории распространения грунтовых могильников. В могильниках около Торске и Мышкова найдены еще перстнеобразные кольца с завитком-колечком на одном из концов (табл. XXXI, 14, 15, 17), а в Делеве и Глыбочке Великом — S-конечные кольца (табл. XXXI, 40, 42). Трехбусинные кольца (табл. XXXI, 11, 39) встречены в могильниках при Волковцах, Городнице, Городище, Джуркове, Иване-Злоте, Мышкове, Смильнице.

Из других украшений обычны перстни проволочные или витые. В одном из погребений Жежавского могильника найден пластинчатый перстень с шитком-восьмигранником. Остальные украшения представлены единичными экземплярами. Бронзовые бусы встречены только в Семеновском могильнике. Толстопроволочный браслет происходит из погребения в Торске. В этом же могильнике и в Хотимеже найдены лунницы (табл. XXXI, 9). Оригинальная привеска (табл. XXXI, 13) обнаружена в Мышкове. Изредка в погребениях встречаются стеклянные браслеты (Городница, Бедриковцы, Короливка, Рожиск). В двух погребениях (Запитов, Ленковцы) найдены железные пряжки. В одном из подплитовых погребений в Звизяче (*Przybyslawski W.*, 1909, s. 60—64) оказался колт с эмалью (изображена птица с поднятым хвостом). Изредка в погребениях обнаруживают куски золототканой материи и мелкие бронзовые пуговицы. Интересные поясные бляшки (табл. XXXI, 49—55) происходят из Калиновщины.

Из других предметов можно отметить железный топор (Короливка), шиферное пряслице (Иване-Злоте), бронзовую иглу и обломок костяного шила.

Женский костюм погребенных в описываемых грунтовых могильниках характеризуется очень небольшим количеством украшений. Только перстнеобразные височные кольца и проволочные перстни встречаются повсеместно и относительно часто. Остальные предметы единичны и поэтому не могут характеризовать облик костюма рассматриваемой группы славян.

Среди перечисленных вещей нет определенно датирующих находок. Все они принадлежат к древнерусским типам, широко распространенным в домонгольское время. В. Антонович — исследователь Торского могильника — одного из наиболее богатых

вещевым материалом, датировал его захоронения X—XII вв. Как будто все материалы не противоречат датировке верхнеднестровских грунтовых могильников X—XIII вв. К этому времени относятся как подплитовые могилы, так и захоронения без наземных признаков.

Как уже отмечалось, Е. И. Тимофеев определил рассматриваемые могильники как хорватские. Действительно, все они находятся на территории, которую можно считать хорватской. Однако эта территория больше, чем ареал подплитовых могил, и их распространение лишь в части хорватского региона нуждается в объяснении.

Может быть, большое количество грунтовых могильников в Поднестровье и распространение здесь подплитовых погребений связаны с отливом славянского населения из районов нижнего Днестра, т. е. с переселением тиверцев под натиском кочевников в более северные области.

Южные поднестровские группы славян были сдвинуты с их мест кочевниками уже в X в. Большинство же захоронений в верхнеднестровских бескурганых могильниках относится уже к XI—XII вв., когда, как показывают археологические исследования, поселения городского типа в Среднем Поднестровье были или разрушены кочевниками, или покинуты из-за непрерывных нападений степняков. Славянское население вынуждено было отступить к северу и сохранилось лишь в глухих лесных районах. Может быть, переселение славян-тиверцев на север отражают такие топонимы, как летописный Черн на среднем Днестре и Черновцы в Северной Буковине. Город Черн — Алчедарское городище — был покинут славянами в начале XII в. (*Федоров Г. Б.*, 1961, с. 80—85). Поселение на месте современного г. Черновцы, судя по разведывательным материалам, основано в XII—XIII вв.

Пока невозможно сказать, когда в Северном Поднестровье распространился обычай класть на могилы каменные плиты. Не исключено, что этот обычай восходит к более древнему времени. Однако могильники тиверцев раннего времени почти неизвестны археологам, а кроме того, могильные каменные плиты могли быть убраны в позднейшие столетия.

Области Верхнего Поднестровья, где предположительно расселились тиверцы, бежавшие под натиском кочевников, принадлежали хорватам. В таком случае нужно полагать, что область распространения подплитовых могил была хорватско-тиверской. Этим объясняется ее своеобразие по сравнению с остальным регионом восточнославянских хорватов.

Оформление Галицкой земли в особую древнерусскую область в какой-то степени, по-видимому, было обусловлено спецификой племенного состава населения Верхнего Поднестровья. Выделение ее произошло в последней четверти XI в. По решению Любечского «съезда» древнерусских князей в 1097 г. один из Ростиславичей — Василько — был утверждён в Теревовле (ПСРЛ, I, с. 256, 257). По-видимому, в Теревовле, находящемся в самом центре Северного Поднестровья, там, где хорватско-тиверские грунтовые могильники расположены наиболее густо, существовала местная правящая среда, заинтересованная в том, чтобы иметь своего князя и тем самым сохранить территориальную целостность и некоторую само-

стоятельность. Территория Галицкой земли этого времени в основном совпадает с ареалом подплитовых и грунтовых могил, рассмотренных выше. Перемышль с округой в состав этой земли, повсей вероятности, вошел позже: «съезд» 1097 г. утвердил в Перемышле самостоятельного князя Володаря.

Теребовльский князь поддерживал связи с более южными областями тиверского Поднестровья. Так, Василько Ростиславич предполагал переселить обитателей нижнего Дуная в Галицкую землю (ПСРЛ, I, с. 266). О связях с Югом свидетельствует тот факт, что в походе Василько на ляхов в 1092 г. участвовали также половцы (ПСРЛ, I, с. 215). Годом раньше, по видимому, князь Василько послал на помощь Византии пятитысячное войско. В начале 40-х годов XII в. Галицкая земля и Перемышльская волость объединились под властью галицкого князя. Объединенная территория сохранила название Галицкой земли.

Тиверцы

Тиверцы и уличи занимали самую южную часть восточнославянской территории. Места их поселений целиком расположены в области расселения антов.

Летописные известия о тиверцах немногочисленны. В Повести временных лет им отводится Поднестровье: «...а уличи и тиверци седяху бо по Днестру, приседяху къ Дунаеву. Бе множество ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть грады их и до сего дне» (ПВЛ, I, с. 14).

В Ипатьевской летописи вместо Днестра, видимо, ошибочно указан Днепр, но добавлен Южный Буг: «...а Оуличи и Тиверци седяху по Бугу и по Днепру и приседяху къ Дунаеву» (ПСРЛ, II, с. 10). Под 885 г. летописи сообщают, что киевский князь Олег воевал с тиверцами и уличами (ПСРЛ, I, с. 24). Комментируя это сообщение, исследователи обычно считают, что Олегу не удалось подчинить тиверцев. В 907 г. в походе Олега на Византию паряду с другими восточнославянскими племенами участвовали и «Тиверци, яже соу толковины» (ПСРЛ, I, с. 29).

Последний раз тиверцы упомянуты в летописях под 944 г. как участники похода Игоря на Византию (ПСРЛ, I, с. 45). Слово «толковины» обычно связывают с глаголом «толковать», и отсюда тиверцы — переводчики (Шахматов А. А., 1919а, с. 32; Истрик В. М., 1922, с. 246; Готье Ю. В., 1930, с. 224; ПВЛ, II, с. 263). Еще раз это слово встречается только в Слове о полку Игореве, где выражение «поганые тльковины» вложено в уста князя Святослава Всеволодовича. Здесь «толковины» — иноплеменники, т. е., очевидно, половцы, усвоившие славянский язык. На этом основании построено предположение А. И. Соболевского, что тиверцы — одно из тюркских (печенежских) племен, подвластных Руси. Само название племени исследователь объясняет из тюркского *tiv-äg* — «переводчик» (Соболевский А. И., 1910б, с. 183, 184). Недавно этот вопрос заново был рассмотрен А. С. Стрижаком (Стрижак О. С., 1969, с. 47—56), который убедительно показал, что летописные «толковины» имеют в основе древнерусское «тълкъ» — «переводчик». Автор замечает, что в местах активных языковых контактов, а к таковым, конечно, принадлежали в IX—X вв. области Северо-Западного

Причерноморья, более или менее значительные группы населения владели двумя языками, за что и именовались «толковинами». Тиверцы в войске Олега в период движения на Царьград были племенем, знавшим греческий язык, и могли служить переводчиками.

Этноним тиверцы скорее всего произведен от античного названия Днестра — Тирас (Marquart J., 1903, S. 189, 190; Шахматов А. А., 1919а, с. 31; Фасмер М., 1973, с. 55). Если это так, то тиверцы буквально значит «днестровцы» — обитатели Поднестровья.

Гидроним Тирас—Тира образован из иранского *tûgas* — «быстрый» (Vasmer M., 1923, S. 61—63) и упоминается еще Геродотом. Позднее он встречается в сочинениях Страбона, Плиния и Птолемея. Есть упоминание реки Тиры (у Евксинского Понта) в кратком географическом словаре Стефана Византийского, относящемся к V—VI вв. У Иордана (середина VI в.) Днестр уже трижды именуется Данастром. Один раз рядом с Данастром назван гидроним Тира. То же у Аммиана Марцелина — дважды Днестр назван Данастиус и один раз Тирас. Очевидно, к началу второй половины I тысячелетия н. э. древнее название Днестра — Тирас — выходило из употребления. Гидроним Днестр также иранского происхождения, но преобразован на дако-фракийской языковой почве (Трубачев О. Н., 1968, с. 216—218). Нужно полагать, что племенное название тиверцев восходит ко времени до VI в.

Тиверцами, вероятно, стала называться та часть славян-антов, которая обитала в бассейне Днестра еще в эпоху черняховской культуры. Этот этноним мог появиться только в период славяно-сарматского контакта. Скорее всего тиверцы занимали, кроме собственно Поднестровья, также междуречье Днестра и среднего течения Южного Буга. Помимо упомянутого выше сообщения Ипатьевской летописи, об этом свидетельствует топоним Тивров — древнерусское поселение (XIV в.) на Южном Буге, южнее современной Винницы. Из летописного сообщения следует, что тиверцам принадлежало и нижнее течение Днестра вплоть до Черного моря. Однако в 30-х годах X в. сюда же переселились уличи.

Можно полагать, что в VI—VII вв. предки летописных тиверцев были одним из племен антов. Анты Поднестровья ничем не выделялись среди прочих групп этой ветви славянства. Попытки определить специфические черты древностей тиверцев второй половины I тысячелетия н. э. не дали положительных результатов. Поэтому поднестровские древности относятся исследователями к тиверцам по территориальным, а не по этнографическим признакам (Федоров Г. Б., 1952, с. 250—259).

Для племенной дифференциации славянства могильники более важны, чем поселения. Однако грунтовые могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Поднестровье и на Южном Буге изучены весьма слабо. В последней четверти I тысячелетия н. э. тиверцы продолжали хоронить умерших в грунтовых могильниках. Лишь кое-где в этот период появились курганные захоронения.

Один из тиверских курганных могильников открыт близ с. Алчедар в Резинском р-не Молдавской ССР. В группе насчитываются 34 невысокие насыпи,

округлые в плане. Г. Б. Федоров в 1961—1963 гг. раскопал 11 курганов (Федоров Г. Б., 1964а, с. 69, 70; 1964б, с. 87, 88; 1968, с. 90—93). Все они содержали по нескольку захоронений по обряду трупосожжения. Количество погребений в одном кургане колеблется от 10 до 46—49. Погребения совершены неодновременно. По-видимому, каждый курган служил усыпальницей для членов патриархальной семьи в течение ряда поколений. Кремация умерших совершалась на стороне. Собранные с погребального костра мелкие пережженные кости вместе с золой и угольками помещались на специально устроенной глиняной площадке в основании кургана или вне ее пределов, в неглубоких погребальных ямках, реже — в глиняных сосудах-урнах. Урны изготовлены уже с помощью гончарного круга и принадлежат к древнерусской керамике X столетия. Подавляющее большинство погребений лишено вещей. Инвентарь других захоронений весьма беден. Височные украшения не встречены. К шейным украшениям относятся бронзовая витая гривна и бусины. Среди бусин есть зонные двойные, тройные и пятерные из стеклянной пасты, большинство — синего цвета, по найденны также позолоченные и посеребренные, одна — желтая лимонovidная и одна — сердоликовая 14-гранная. Бронзовые предметы единичны — две поясные пряжки, два проволочных колечка, поясная прорезная привеска. Кроме того, найдены железная трубочка и несколько железных ножей. Все эти предметы принадлежат к общеславянским типам. Исследователь алчедарских курганов датирует их концом IX — первой половиной X в.

Видимо, подобные курганы были еще ниже по Днестру, в Дубоссарах, где в середине XIX в. при раскопках нашли глиняную урну с пеплом (Обозрение, 1899, с. 280). Однако в Подпестровье курганы, вероятно, не получили распространения. Курганов с труположениями здесь нет вовсе: и в конце I и в первых веках II тысячелетия господствовал обряд труположения в групповых могильниках.

Один из интереснейших грунтовых могильников тиверцев — Бранештский — расположен в Оргеевском р-не Молдавской ССР (Федоров Г. Б., 1964а, с. 68, 69; 1968, с. 93). К наиболее ранним принадлежат три захоронения по обряду трупосожжения. Остатки кремации были помещены в глиняных урнах, причем две из них — лепные, а одна — гончарная с волнистым и линейным орнаментом. В 1962—1963 гг. здесь исследованы 94 могилы с труположениями. Во всех умершие были положены в вытянутой позе на спине, головой на запад. Вещевой инвентарь довольно разнообразен. Височные украшения представлены главным образом общеславянскими перстнеобразными кольцами с сомкнутыми концами. Кроме того, найдены трехбусинное височное кольцо и перстнеобразное колечко с одной металлической бусиной. В единичных погребениях встречены серебряные серьги в виде проволочного колечка с «виноградной гроздью» из зерни и скани, которые в Подпестровье известны по раскопкам на древнерусских городищах. В составе шейных украшений найдены разноцветные пастовые и 14-гранные сердоликовые бусины, тонкопроволочная перекрученная гривна с петельками на концах. Найдены также проволочные браслеты и перстни, бубенчики с крестооб-

разной прорезью, лупинца, шиферные и глиняные пряслица, калачевидное кресало, железные ножи, шилья, иглы, наконечники стрел. Исследователь могильника датирует его концом IX — первой половиной XI в.

С конца IX — начала X в. в степные области тиверцев проникают кочевые племена. В 915 г. в северопричерноморских степях появились печенеги, которые через несколько лет достигли низовьев Дуная. Расселившись на южной окраине славянских земель, кочевники заставили славян отступить на север. Славянские поселения, расположенные в низовьях Днестра (Олонешты, Раскайцы, Тудорово и др.), под ударами печенегов прекратили свое существование. Вскоре борьбу с кочевниками начинает вести Первое Болгарское царство. В результате южная часть Прутско-Днестровского междуречья была включена в территорию Первого Болгарского царства, и здесь получила распространение культура того же облика, что и в других областях этого государственного образования.

По-видимому, в этот период произошел значительный отлив тиверцев из южных районов Подпестровья в более северные области. Еще в дореволюционное время многие русские историки полагали, что тиверцы не могли быть полностью разгромлены тюркскими кочевниками, а отступили на север, в Карпаты. Эту гипотезу активно поддержал Л. Нидерле (Нидерле Л., 1956, с. 158, 159). Он попытался показать, что заселение славянами территории современной Закарпатской обл. происходило не в глубокой древности, как думали некоторые исследователи прошлого столетия, и не в XII—XIII вв., как считали некоторые венгерские историки, а в X—XI вв., в период натиска на славян печенегов и половцев. Л. Нидерле считал, что тиверцы наряду с другими южнорусскими племенами под давлением кочевников вынуждены были отступить к Карпатским горам и в Закарпатье. Население средневековых Закарпатской и Семиградской Руси и составляли эти славянские переселенцы.

Сейчас, когда в Прутско-Днестровском междуречье собраны значительные археологические материалы, картина борьбы тиверцев с кочевниками и гибели подпестровских поселений рисуется довольно ярко. Многие из исследованных славянских поселений в Молдавии прекратили свое существование в XI — начале XII в., и это свидетельствует об отливе отсюда славянского населения. До того времени натиск кочевников еще сдерживался Первым Болгарским царством. Его разгром и наступление кочевников привели к упадку славянской культуры в Прутско-Днестровском междуречье. Славянское население вынуждено было отступить на север, по-видимому, под защиту Галицкого княжества. В междуречье Прута и Днестра остались лишь немногочисленные островки славянского населения, которое со временем было романизировано.

Уличи

Летописные известия об уличах немногочисленны и дают основание для весьма ограниченных выводов. В научной литературе в связи с этим возник жив-

ленный обмен мнениями относительно ареала, истории и судьбы этого племени, часто называемого загадочным. Еще В. Н. Татищев сопоставил имя уличей с названием Орели (Ерели) — левого притока Днестра. Русские исторические памятники XII в. прямо называли реку Ерель Угол. Так, под 1183 г. в Ипатьевской летописи читаем: «... и стояша на месте нарецаемемъ Ерель, его же Русь зовет Уголь» (ПСРЛ, II, с. 628). Название Угол относится к местности, вероятно, находящейся там же (Аристов Н. Я., 1877, с. 225).

А. И. Соболевский полагал, что летописная местность Ерель находилась ниже по Днепру, — там, где Днепр делает изгиб (древнерусское «улучье»). Отсюда его предположение об основной форме названия уличей: улочи — улочичи, от улочья — изгиба (Соболевский А. И., 1910б, с. 186).

Новейшие лингвистические изыскания показывают справедливость объяснения этнонима уличи из славянского «угол» (Kiparski V., 1958, S. 263; Трубачев О. Н., 1961, с. 186—190).

Наибольшее распространение получила гипотеза о расселении уличей в Нижнем Поднестровье. Согласно летописи уличи имели свой город — Пересечен. Уже Н. И. Надеждин указал на деревню Пересечину (в 26 км от г. Оргеев Молдавской ССР) и отождествил этот пункт с летописным городом (Надеждин Н. И., 1844, с. 235—253). Он предположил, что основным районом расселения уличей было побережье Черного моря между устьями Днестра и Дуная. Эта местность по своей географической конфигурации напоминает угол и поныне зовется Буджак, что по-турецки и по-татарски означает угол.

В дальнейшем исследователи, как правило, локализовали уличей в Поднестровье. Местоположение уличского Пересечена в Прутско-Днестровском междуречье было признано почти всеми историками, в том числе основателем русской исторической географии Н. П. Барсовым.

Локализации уличей в бассейне Днестра во многом способствовали летописные известия. Повесть временных лет сообщает: «...а улочи и тиверцы седяху бо по Днестру, приседяху къ Дунаеви. Бе множество ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их до сего дпе, да то ся заху от Грекъ Великая скуфь» (ПВЛ, I, с. 14). В связи с этим на исторических картах тиверцев обычно размещали на левом берегу Днестра, а уличей — западнее Днестра, там, где находился предполагаемый Пересечен.

Особняком стоит мнение С. М. Середонина. Он считал, что уличи и тиверцы были одним племенем, поскольку «летопись упоминает их рядом, в одном положении, или же в тех случаях, когда упомянуто одно только имя, можно допустить, что оно включает и второе» (Середонин С. М., 1916, с. 126). С. М. Середонин полагал, что этноним уличи был общим наименованием одного из восточнославянских племен, а тиверцами называлась часть уличей, расселившаяся по Днестру — Тирасу. Собственно уличи по С. М. Середонину занимали пространство между Днестром и Днепром. Подобной локализации уличей и тиверцев придерживался Л. Нидерле.

Однако сочетание названий уличей и тиверцев, обычное для летописных известий, нельзя считать первоначальным. В дошедших до нас отрывках рав-

ных летописных сводов уличи связаны с Днепром и оказываются соседями днепровских племен — древлян и полян. Исходя из этого, А. А. Шахматов полагал, что уличи не были исконными жителями Поднестровья, а переселились откуда-то с нижнего Днестра (Шахматов А. А., 1919а, с. 126).

В 50-х годах XX в. все сведения письменных источников об уличах были проанализированы Б. А. Рыбаковым (Рыбаков Б. А., 1950, с. 3—17). Б. А. Рыбаков отметил, что наиболее ранние сведения об уличах относятся к эпохе Аскольда и Диры. В реконструируемом А. А. Шахматовым Древнейшем Киевском своде имеется известие о борьбе с уличами первых киевских князей: «...и беста къянжаща Къеве и владеюща полями; и беша ратьни съ древляны и с улочи» (Шахматов А. А., 1919б, с. 367). Очевидно, в эпоху Аскольда и Диры уличи жили, как и древляне, где-то по соседству с полянами. Борьба Киева с уличами продолжалась до середины X в. В перечне племен, участвовавших в походе 907 г. па Византию, уличи не упомянуты. Видимо, в то время это племя еще не было подвластно Киеву. Уличи воевали с Олегом: «И бе обладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а съ улочи и теверци имяше рать» (ПВЛ, I, с. 20, 21).

Княжение Игоря в описании начинается с борьбы с уличами: «Игорь же седяше къянжа Къеве, миръ имея къ вьсемъ странамъ, а съ улочи и съ древляны имяше рать. И бе у него воевода именемъ Свенльдъ, и примучи улоче, и възложи на ня дань, и въдасть Свенльду. И не въдадешеться единъ градъ, именемъ Пересечень; и седе около его три лета и едъва възя» (Шахматов А. А., 1919б, с. 373). Это событие датируется 940 г.: «В лето 6448. Въ се лето яшася улочи по дань Игорю, и Пересечень възять бысть» (Новгородская летопись, с. 110). После середины X в. уличи в летописях не упоминаются.

Имеются серьезные основания полагать, что основной территорией уличей до середины X в. было Поднестровье южнее полянской земли. В том же древнейшем своде, отрывки которого сохранились в Новгородской летописи, сказано: «И беша седяще улочи по Днепру вънизъ, и по семь преидоша межю Бъгъ и Дънестръ, и седоша тамо» (Шахматов А. А., 1919б, с. 373). В результате анализа летописных известий Б. А. Рыбаков показал, что уличский город Пересечен первой половины X в. должен был находиться не в Поднестровье, а в бассейне Днестра вниз от Киева. Разведки археологов в окрестностях современной молдавской Пересечины не обнаружили здесь следов древнерусского города. А город Пересечен в Поднестровье южнее Киева упоминается в связи с событиями 1154 г. и в перечне древнерусских городов «А се имена всем градам руским, далним и ближним», составленном в конце XIV в. (Рыбаков Б. А., 1950, с. 5—7).

Видимо, правы исследователи, которые связывали уличей с рекой Орелью-Углом, или изгибом Днестра. На такую локализацию уличей как будто указывают и другие источники. Константин Багрянородный, хорошо знакомый с ситуацией в южнорусских степях, сообщает, что одно из печенежских племен граничило с русью (т. е., по-видимому, с полянами), другое — с древлянами и ультиванами (Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 15, 16). Многие

думают, что последний этноним соответствует летописным уличам. В таком случае уличи должны были занимать поднепровские области южнее полян и древлян. Возможно, уличи-угличи (*uglislñs*) пазваны также у Иосифа бен-Гурниона (*Marquart J.*, 1898, S. 193). В этом сочинении они помещены в таблице народов между хазарами, печенегами и болгарами, т. е. среди восточнославянских племен занимают крайнее юго-восточное положение.

Все же этих данных слишком мало, чтобы хотя бы приблизительно очертить ареал уличей. По Б. А. Рыбакову до X в. уличи жили в районе Днепровской луки и днепровских порогов, доходя на западе до Южного Буга, а на юге — до черноморского побережья. Печенежское нашествие вынудило уличей отодвигаться к северу. Видимо, в начале X в. где-то южнее Киева (может быть, близ Стугны) был построен уличский город Пересечен. Киевские князья в течение IX и первой трети X в. вели борьбу с уличами. В 940 г., после трех лет осады, Пересечен был взят, а племя уличей переселилось в междуречье Южного Буга и Днестра, по соседству с тиверцами (*Рыбаков Б. А.*, 1950, с. 3—17).

В целом эта историческая схема отвечает всем знаниям, которыми располагает современная наука. Летопись знает несколько вариантов написания этнонима уличи — угличи, улучи, улучичи, улутичи, уличи, улицы, ульцы, лутичи. Новейшие этимологические розыскания О. Н. Трубачева показали, что древнерусская форма уличи — улучи закономерно отражает тюркскую передачу древнерусского угличи (*Трубачев О. Н.*, 1961, с. 186, 187). Таким образом, форма уличи, известная летописи, — видоизменение, полученное от тюркских соседей. Видимо, тюрки-кочевники длительное время жили в соседстве со славянами-уличами. М. К. Любавский полагал даже, что тюрки-печенеги не только соседствовали с уличами, но частично смешались с ними и ассимилировали их (*Любавский М. К.*, 1909, с. 131). Занимая крайнее юго-восточное положение в славянском мире, уличи, по-видимому еще до печенежского расселения в Поднепровье, столкнулись с тюркскими племенами и жили бок о бок с ними.

Археология до недавнего времени не располагала материалами для характеристики уличей. Начавшиеся в 80-х годах XIX в. поиски и успешные исследования археологических памятников тюркских племен, кочевавших в южнорусских степях, привели к тому, что на исторических картах Поднепровье от Руси до Черного моря целиком отводили тюркам-кочевникам,

а уличей помещали в менее изученном Поднепровье.

Положение заметно изменилось в 60-х годах XX в., когда в Нижнем Поднепровье, от Руси до порожистой части, были открыты и введены в научный оборот бесспорно славянские памятники VI—IX вв. Уже в публикации славянских древностей этого времени, раскопанных в бассейне Тясмина, Д. Т. Березовец отождествил их с памятниками летописных уличей (*Березовец Д. Т.*, 1963, с. 145—208).

Памятники эти — поселения и могильники — принадлежат к древностям пражско-пеньковского типа и следующим за ними древностям типа Луки-Райковецкой, распространенным на широкой территории от нижнего Дуная до Днестра. Выше обоснована их антская атрибуция. Ничего специфического в поднепровской части ареала этих памятников не обнаруживается. Конечно, не исключено, что в будущем, когда накопятся материалы из раскопок, удастся подметить какие-либо особенности материальной культуры той части антского ареала, где в IX — начале X в. обитали уличи. Пока же очертить территорию уличей по археологическим данным нельзя.

В конце IX — начале X в. под натиском печенегов значительная часть поднепровских уличей, видимо, продвинулась в более западные районы Северного Причерноморья, в основном в лесостепные области бассейна Южного Буга. До этого здесь обитали остатки антов, частично смешавшиеся с носителями культуры пражско-корчакской керамики. Невозможно сказать, к какому славянскому племени принадлежало это население в VIII—IX вв. Каких-либо оснований отнести его к уличам в распоряжении исследователей нет. Пришедшие с Днестра уличи, нужно полагать, быстро смешались с местными славянами и создали древнерусскую культуру, известную по раскопкам укрепленных и неукрепленных поселений (*Хавлюк П. И.*, 1969, с. 156—174). Миграция уличей в Побужье, видимо, отразилась в возникновении здесь многочисленных городищ, нижние слои которых как раз относятся к X столетию. П. И. Хавлюк отмечает здесь и увеличение количества селищ в X—XI вв.

Движение улпчей на запад и растворение их среди побужского славянского населения, по-видимому, привели к стиранию племенных особенностей. В 940 г. уличи вошли в состав древнерусского государства, потеряв племенную самостоятельность. Постоянные набеги тюркских кочевников вызывали частые миграции населения. Все это привело в конечном счете к полному исчезновению этнических особенностей уличей.

Глава шестая

Племена юго-востока

Северяне

Северяне локализируются летописью на трех реках днепровского левобережья: «...седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северь» (ПВЛ, I с. 11). В дореволюционной исторической литературе сложилось мнение, что северянам принадлежала вся территория Среднего Поднепровья — от левого берега Днепра до поречья Дона. Однако анализ письменных и географических данных, проведенный Б. А. Рыбаковым, выявил ошибочность этого представления. Ареал северян ограничивается средним течением Десны, бассейном Сейма и верховьями Сулы. Городами северян были Новгород-Северский, Севск, Путивль и Рыльск (Рыбаков Б. А., 1947, с. 81—95).

Самым надежным этнографическим признаком северян служат спиральные височные кольца. Они найдены в бассейне Сейма, на Суле и на средней Десне, т. е. именно там, где локализуется это племя летопись (карта 19). На западе северяне вплотную соприкасались с полянами. Граница между ними проходила примерно по линии, соединяющей устья Удая и Сейма. На северо-западе северяне соседствовали с радимичами по водоразделу Десны со Сновью и Ипутью, а на северо-востоке — с вятичами по водоразделу Десны и Оки. На юго-востоке северянская территория охватывала бассейн Сейма, Псла и Ворсклы. Здесь северяне соседствовали уже с кочевыми племенами.

Первые славяне появились на очерченной территории еще в середине I тысячелетия н. э. Об этом свидетельствуют памятники анского типа из южных районов северянского ареала. Северные области ареала северян занимали племена, оставившие колочинские древности.

Бурное славянское расселение в северянской земле относится к VIII в., когда повсеместно и в большом количестве возникают поселения с роменской керамикой. Древности этого типа, ставшие известными еще в начале XX в. после раскопок Н. Е. Макаренко на городищах в окрестностях г. Ромны, ныне довольно хорошо исследованы. В археологической литературе они получили наименование роменских (Макаренко Н. Е., 1907, с. 55—69). В конце 20-х годов XX в. подобные древности были открыты в бассейне верхнего и среднего Дона и названы по одному из памятников, раскопанному близ с. Боршево Воронежской обл., боршевскими (Ефименко П. П., 1931, с. 5—9). Роменские и боршевские памятники весьма близки между собой по всем деталям материальной культуры, поэтому часто объединяются в одну роменско-боршевскую группу (карта 20).

Общность днепровской (собственно роменской) и донской (боршевской) групп роменской культуры свидетельствует о единстве их происхождения. Различия между ними носят частный характер и, по-ви-

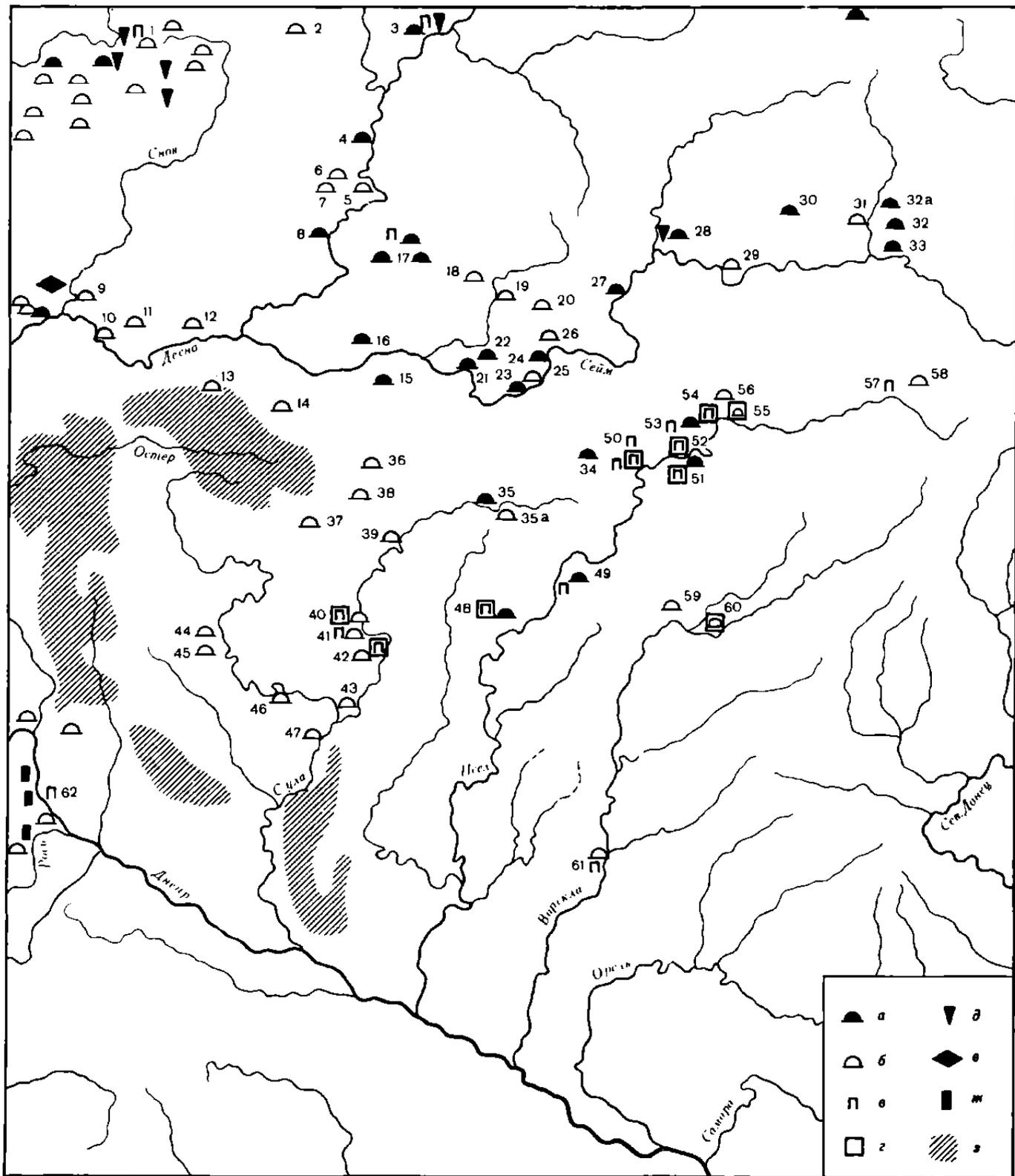
димому, обусловлены прежде всего территориальным размежеванием этих групп.

На летописной территории северян распространены памятники собственно роменские. Итоги изучения их в левобережной части Среднего Поднепровья подведены И. И. Ляпушкиным (Ляпушкин И. И., 1961, с. 216—316). Исследованиями роменских поселений на Десне занимались М. В. Воеводский, Ф. М. Заверняев, В. А. Падин и другие (Воеводский М. В., 1949, с. 67—77; Падин В. А., 1951, с. 109—113; 1969, с. 208—218; Заверняев Ф. М., 1960, с. 180—194). В 70-х годах интересные результаты получены при раскопках Большого Горнальского городища (Башилов В. А., Куза А. В., 1977, с. 17—23). Последняя обобщающая работа по роменским древностям принадлежит О. В. Сухобокову (Сухобоков О. В., 1975). Разведки и небольшие раскопки памятников роменской культуры постоянно продолжаются (Сухобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С., 1978, с. 387, 388; Сухобоков О. В., 1980, с. 342, 343; Узянов А. А., Смирнов Ю. А., Верещинский Л. И., 1979, с. 99).

Среди роменских поселений были укрепленные и неукрепленные. Устраивались городища или на мысах коренных берегов рек, или в болотистых долинах рек и, таким образом, получали хорошую естественную защиту. Часть городищ имела и искусственные оборонительные сооружения — валы и рвы. К городищам с напольной стороны обычно примыкали неукрепленные поселения, по площади значительно более крупные (1—1,5 га). В деснинской части роменского ареала неукрепленные поселения (селища) часто располагаются независимо от городищ и характеризуются несколько большей площадью. Здесь городищ вообще гораздо меньше. По-видимому, такое различие между северным (выше Сейма) и южным районами роменского ареала обусловлено взаимоотношениями славян с соседним населением. В Среднем Поднепровье носители роменской культуры на юге и юго-востоке соседствовали с племенами, враждовавшими с ними. Постоянная опасность нападения потребовала сооружения здесь городищ. В более северных районах отношения славян с балтским населением, видимо, были мирными. Первые славянские поселенцы здесь еще строили городища или использовали старые южновские укрепленные поселения. Однако аборигенное население обитало на селищах, которые вскоре получили широкое распространение и среди носителей роменской культуры. Жилища, керамика и облик материальной культуры Подесенья те же, что и на памятниках южных районов ареала роменской культуры.

Жилищами были прямоугольные в плане полуземлянки, углубленные в землю от 0,5 до 1,2 м. Размеры их невелики — 2,5—4×3—5 м. Глиняные печи, вырезанные на материка или вылепленные, занимали один из углов полуземлянки (обычно — задний от входа).

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

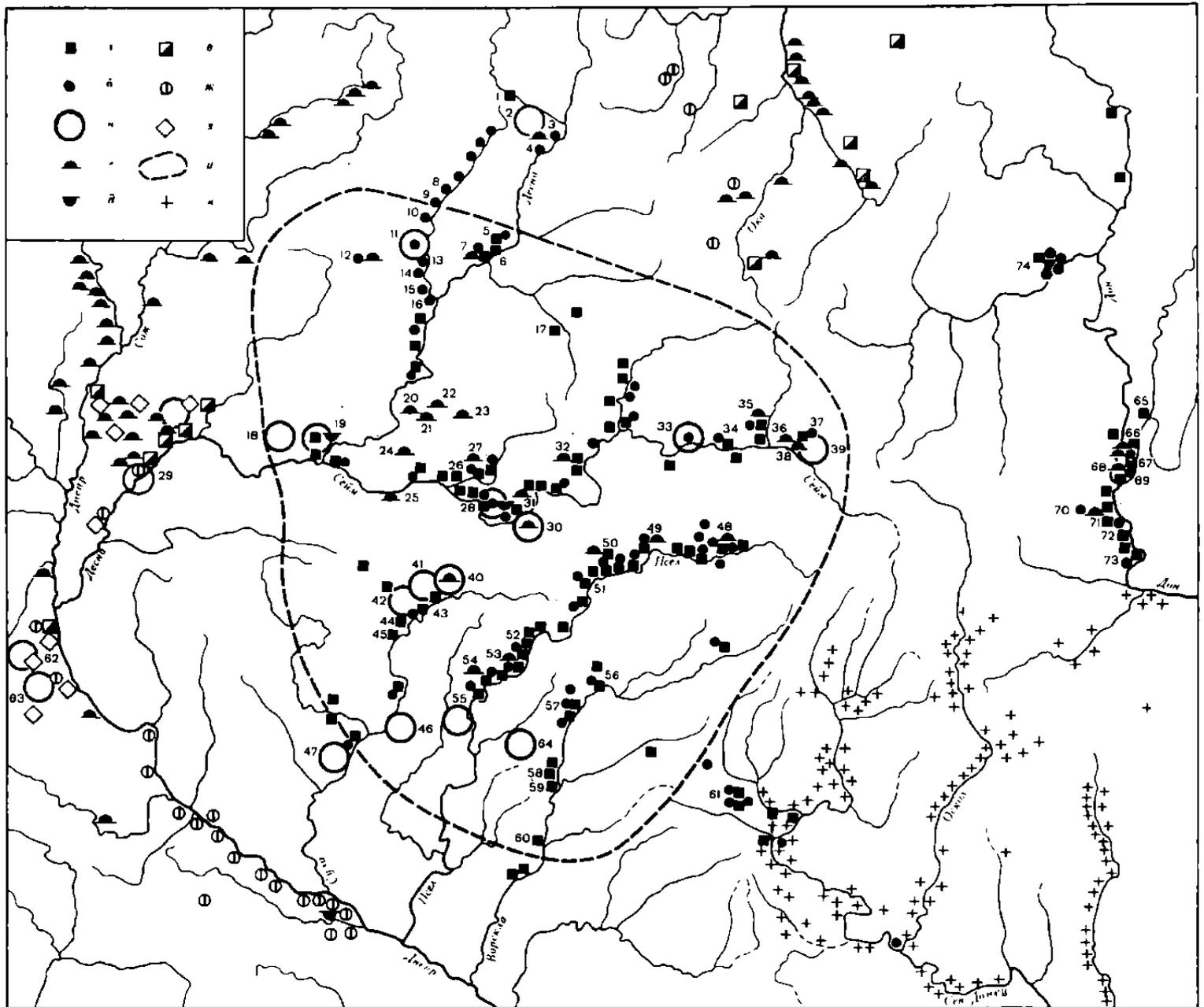

Карта 19. Территория северян в X—XII вв.

а — курганные могильники с трупосожжениями; *б* — курганные могильники исключительно с труположениями; *в* — находки спиральных височных колец; *г* — находки шейных гривн северян; *д* — находки радимичских височных колец; *е* — курганы с глиняными площадками под трупосожжениями; *ж* — памятники кочевников; *з* — солонцеватые почвы

1 — Людково; *2* — Меривовка; *3* — Кветунь; *4* — Леньково; *5* — Хворостовичи; *6* — Лариновка; *7* — Федорово; *8* — Ужевки; *9* — Мишкин; *10* — Боромыки; *11* — Березна; *12* — Мена; *13* — Селище; *14* — Бахмач-Роменский; *15* — Веревка; *16* — Холоденов; *17* — Воронеж (урочища Крученое Болотце, Пав-

ленков Хутор и Черные Лозы); *18* — Глухов; *19* — Богданово; *20* — Слобода Новая; *21* — Путивль; *22* — Волокитино; *23* — Дорошевка; *24* — Мовчанское Болото; *25* — Марьяновка; *26* — Буняхино; *27* — Рылск; *28* — Голубовка (Студенец); *29* — Липяно; *30* — Гнездылово; *31* — Шуклинка; *32* — Александровка; *32а* — Мешково; *33* — Клюква; *34* — Сетнов; *35* — Будки Малые; *35а* — Ольшанка; *36* — Кошары; *37* — Липовое; *38* — Медвежье; *39* — Ромны; *40* — Глянск; *41* — Городище; *42* — Лохвица; *43* — Силтин; *44* — Липовицы; *45* — Березовая Рудка; *46* — Хитцы; *47* — Лубны; *48* — Броварки; *49* — Каменное; *50* — Сумы (три группы); *51* — Мирополь; *52* — Белгородка-Николаевка; *53* — Зеленый Гай; *54* — Горналь; *55* — Рождественское; *56* — Суджа; *57* — Гочево; *58* — Бушмино; *59* — Петровское; *60* — Нидахи; *61* — Полтава; *62* — Леплява

Карта 20. Распространение памятников роменской и боршевской культуры

a — городища роменской и боршевской культур; *b* — селища роменской и боршевской культур; *в* — волынцевские памятники; *г* — курганные могильники с захоронениями по обряду трупосожжения; *д* — грунтовые могильники с трупосожжениями; *е* — славянские городища, синхронные роменским; *ж* — селища, синхронные роменским; *з* — курганные могильники с трупосожжениями полями; *и* — приблизительная граница северян по данным XI—XII вв.; *к* — памятники салтово-маяцкой культуры

Цифрами обозначены только исследованные памятники
 1 — Вщиж; 2 — Голяжье; 3 — Полужье; 4 — Выгоничи; 5 — Городцы Верхние (урочище Макча); 6 — Трубчевск; 7 — Кветунь; 8 — Почеп; 9 — Рогово; 10 — Юдиново; 11 — Посудичи; 12 — Левенка; 13 — Яковлевичи; 14 — Суворово; 15 — Сапычи; 16 — Случевск; 17 — Севск; 18 — Мена; 19 — Сосница; 20 — Воронеж (урочище Крученое Болотце); 21 — Воронеж (урочище Павлонков Хутор); 22 — Воронеж (урочище Черные Лозы); 23 — Богдановка; 24 — Холодепов; 25 — Вережка; 26 — Воргол; 27 — Волокитино; 28 — Волынцево; 29 — Шестовицы; 30 — Харивка; 31 — Марьяновка; 32 — Рыльск; 33 — Авдеево; 34 — Ляпино; 35 — Шуклянка; 36 — Александровка; 37 — Городище; 38 — Клюква; 39 — Лебяжье; 40 — Малые Будки; 41 — Беседовка; 42 — Раковая Сечь; 43 — Ромны; 44 — Шумск; 45 — Глинск; 46 — Пески; 47 — Васильки; 48 — Гочево; 49 — Горналь; 50 — Рождественское; 51 — Битица; 52 — Новотроицкое; 53 — Каменное; 54 — Броварки; 55 — Терновий;

56 — Петровское; 57 — Ахтырка; 58 — Глявск; 59 — Опшья; 60 — Полтава; 61 — Карачевка; 62 — Ходосово; 63 — Обухов; 64 — Вовки; 65 — Рамонь; 66 — Белая Гора под Воронежем; 67 — Воронеж (урочище Михайловский Кордон); 68 — Лысая Гора под Воронежем; 69 — Воронеж (урочище Кузнецова Дача); 70 — Боршево (Большое городище); 71 — Боршево (Малое Городище); 72 — Архангельское; 73 — Титчиха; 74 — Нижний Воргол; 75 — Ройце

На поселениях, расположенных на песчаных почвах, иногда встречаются печи, сложенные из кусков болотной железной руды. Конструкция стен жилищ столбовая. Почти на всех исследованных поселениях открыты остатки хозяйственных ям, округлых, овальных и прямоугольных в плане.

На основе материалов из раскопок Новотроицкого городища И. И. Ляпушкин реконструировал внешний облик одного из роменских поселений (*Ляпушкин И. И.*, 1958а с. 193—210). Жилые и хозяйственные постройки размещались без какой-либо системы. На площади около 140×20—60 м одновременно стояло около четырех десятков домов. Жилища располагались кучно, промежутки между ними были заняты хозяйственными постройками — погребями, кладов-

ками и т. п. Никаких дворов или усадеб вокруг жилищ не было (табл. XXXIV).

Большая часть керамики роменских поселений изготовлена без гончарного круга (табл. XXXII, 14—16; XXXIII, 13—17). Первые гончарные сосуды появляются здесь лишь в самом конце IX в. Формы сосудов — горшки, миски, сковороды. Особенно типичны высокие горшки с усеченноконическим низом, узким дном, выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком. Встречаются также сравнительно низкие и широкие сосуды того же типа, относимые И. И. Ляпушкиным к категории мисок. Есть среди роменской керамики и сравнительно малочисленные горшки с вертикальным цилиндрическим венчиком. Специфической особенностью роменской лепной керамики является ее орнаментация. Зигзагообразные и иные узоры нанесены по плечикам сосудов штампом из перовой веревки.

Основой хозяйства населения, оставившего роменскую культуру, было пашенное земледелие. Как и на синхронных правобережных поселениях, здесь найдены широколопастные наральники (табл. XXXIII, 7), а также наральники иного типа, которые обычно применялись для старопахотных почв. Мотыги и мотыжки, встреченные на поселениях, служили для возделывания приусадебных участков. Железные серпы имели совершенную форму, приближаясь к серпам времени древней Руси (табл. XXXIII, 12).

Другой стороной хозяйственной деятельности было скотоводство. Анализ костных остатков Повотроицкого, Опошнянского, Петровского и других городищ показывает, что повсюду преобладают кости домашних животных, среди них первое место принадлежит крупному рогатому скоту, затем — свинье и мелкому рогатому скоту.

Повсеместное распространение железных орудий труда, предметов вооружения и хозяйственного обихода, находки шлаков, остатков горнов и сопел определенно свидетельствуют о развитости железоделательного и железообрабатывающего ремесел. Кроме названных земледельческих орудий, на поселениях неоднократно встречены топоры (табл. XXXIII, 6), тесла-мотыжки (табл. XXXIII, 5, 11), ножи (табл. XXXIII, 8—10), наконечники стрел (табл. XXXIII, 1—4) и другие предметы.

Следы обработки цветных металлов выявлены при раскопках Новотроицкого городища, а льячки и литейные формы обнаружены и на других поселениях. Значительную коллекцию серебряных и бронзовых изделий удалось собрать на Новотроицком поселении. В ее составе пяти- и семилопастные височные кольца, украшенные зернью (табл. XXXII, 1, 3), проволочные колечки (табл. XXXII, 2), серьги (табл. XXXII, 11), шейные гривны (табл. XXXII, 13), браслеты, изготовленные из серебряной пластины (табл. XXXII, 5), перстни (табл. XXXII, 4, 9), привески (табл. XXXII, 7, 10, 12), бляшки (табл. XXXII, 6, 8) и др.

Исследованиями установлено развитие деревообрабатывающего ремесла, а многочисленные поделки из кости и рога, найденные на поселениях, говорят о развитии косторезного производства.

Дата роменских поселений в целом — VIII—X вв. — определена на значительных материалах и ныне не вызывает каких-либо возражений.

Ареал днепровской группы роменско-боршевской культуры охватывает верхнее и среднее течение Ворсклы, Псла и Сулы, целиком бассейн Сейма и по речье Десны от устья Сейма до устья Снопоти. На юго-востоке территория этой группы, по-видимому, захватывает бассейн р. Уда — правого притока Северского Донца (отдельные поселения имеются и на Северском Донце). Западная граница ареала проходит примерно от г. Лубны на Суле до Чернигова и по правому берегу Десны поднимается вверх, захватывая бассейн р. Судость. На этом участке отдельные роменские поселения заходят и на Ипуть. Северо-восточная и восточная граница описываемой группы памятников проходит по водоразделу Днепра с Окой и Доном.

Если сопоставить этот ареал с распространением северянских курганов XI—XII вв., то обнаруживаются их значительные совпадения (карта 20). На этом основании было высказано предположение о принадлежности роменских древностей северянам (Рыбаков Б. А., 1947, с. 94, рис. 4; Третьяков П. Н., 1953, с. 242; Березовец Д. Т., 1953, с. 28—44). В пользу сближения древностей роменской культуры с летописными северянами, кажется, говорят и границы расселения соседних восточнославянских племен. Так, полянский ареал почти целиком находится за пределами распространения памятников роменской культуры. То же самое можно заметить и относительно региона радимичей. Граница между северянами, с одной стороны, и полянами и радимичами — с другой, соответствует западным рубежам ареала роменской культуры.

Курганный обряд погребения появляется на летописной территории северян в IX столетии, т. е. в период роменской культуры, и в древнейших из курганов встречены лепные урны, идентичные глиняной посуде роменских поселений.

Однако все сказанное еще не означает, что та группа славян, которая расселилась в VIII в. в левобережной части Среднего Поднепровья, уже была обособившимся славянским племенем, именованным северянами. Распространение роменской культуры в днепровском левобережье, боршевской — на Дону и, по-видимому, близкой к ним славянской культуры — на верхней Оке было результатом одновременного расселения одной большой славянской группировки. В результате освоения широкой территории здесь образовались три локальные группы славян. Однако это еще не привело к сложению восточнославянских племен, известных по Повести временных лет. В отличие от племен лесной зоны днепровского правобережья, юго-восточные племена не были исключительно территориальными формированиями. Сложение северян, как показано ниже, явилось результатом взаимодействия носителей днепровской группы роменско-боршевской культуры с местным населением.

Представляется вполне очевидным, что роменско-боршевские древности в целом имеют ближайшие аналогии в синхронных славянских памятниках правобережной Украины и более западных областей. Роменско-боршевские памятники сближаются, например, с древностями Луки-Райковецкой по всем элементам материальной культуры — домостроительству, керамике и пр. Детальное сопоставление этих древностей проведено И. И. Ляпушкиным (Ляпуш-

кин И. И., 1961, с. 356–366), который пришел к заключению, «что славяне проникли в область Левобережья около VIII в. из западных (правобережных) районов. Откуда конкретно и какими путями шло это проникновение, сказать сейчас трудно. Для решения этой задачи необходимы дополнительные источники, добытые путем раскопок». Иными словами, роменско-боршевские древности — окраинная ветвь славянской культуры последней четверти I тысячелетия н. э., развившейся на основе древностей предшествующего времени.

П. Н. Третьяков предложил гипотезу о верхнеднепровско-окском происхождении носителей роменско-боршевской культуры (Третьяков П. Н., 1969, с. 78–90). Согласно мнению этого исследователя, славяне — носители зарубинецкой культуры в первых веках I тысячелетия н. э. уходят в Верхнее Поднепровье и на Оку. Спустя несколько столетий из верхнеднепровских областей и Верхнеокского бассейна начинается расселение на юг — одна группа славян продвигается в днепровское лесостепное левобережье, где создает роменско-боршевскую культуру (Третьяков П. Н., 1970, с. 80–92).

Гипотеза П. Н. Третьякова встретила серьезные возражения О. В. Сухобокова (Сухобоков О. В., 1975, с. 138–140), с которыми нельзя не согласиться.

На территории северян, кроме памятников роменской культуры, встречаются почти синхронные им древности иного облика. Они были выявлены еще в конце XIX и начале XX в. и выделены в группу памятников волынцевского типа в 40-х годах (Березовец Д. Т., 1952а, с. 242–250). Первая обстоятельная характеристика этих древностей дана И. И. Ляпушкиным (Ляпушкин И. И., 1959а, с. 58–83). Позднее, в процессе пополнения материалов, к ним обращались Е. А. Горюнов (Горюнов Е. А., 1975а, с. 3–10) и О. В. Сухобоков (Сухобоков О. В., 1975, с. 49–57; 1977, с. 50–65). Продолжаются полевые исследования поселений с напластованиями волынцевского облика (Горюнов Е. А., Каванский М. М., 1978а, с. 314; Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., 1978, с. 351, 352).

Основным типом поселений волынцевского типа были селища. Исключением является лишь Битицкое городище, устроенное на высоком мысе коренного берега Псла и имевшее искусственные оборонительные сооружения. Топографически селища размещались в сравнительно невысоких местах близости от воды. Наряду с небольшими известны крупные селища, площадью 6–7,5 га.

Жилищами служили полуземлянки срубной или столбовой конструкции площадью от 12 до 30 кв. м. По типу волынцевские дома одинаковы с роменскими. Печи, сложенные из глины или вырезанные в глиняном материковом останце, находились, как правило, в углу (табл. XXXV, 17). Однако выявлены жилища и с неславянским интерьером, в которых отопительные устройства занимали среднее положение (табл. XXXV, 18).

Могильники волынцевской группы не имеют каких-либо внешних признаков и содержат урновые захоронения по обряду трупосожжения на стороне. Урны с прахом ставились на специально расчищенных площадках. В захоронениях встречены стеклянные и пастовые бусины (табл. XXXV, 5), бронзовые браслеты с утолщенными концами (табл. XXXV, 10)

и т. п. Наиболее известны могильники около с. Волынцево Сумской обл. и у г. Сосницы Черниговской обл.

Волынцевская керамика существенно отличается от роменской. Одним из основных ее типов являются горшки с высоким вертикальным венчиком и выпуклыми плечиками. Их черная или темно-коричневая поверхность часто украшена лощеными и процерченными вертикальными и перекрещивающимися линиями (табл. XXXV, 8, 12–16, 19). Среди этих сосудов есть как лепные, так и гончарные.

Кроме керамического материала, на волынцевских памятниках обнаружены серебряные или бронзовые серьги (табл. XXXV, 1, 2), пряжки (табл. XXXV, 6, 7, 11), привески (табл. XXXV, 3, 4), глиняные пряслица (табл. XXXV, 9) и др.

В литературе высказаны два основных мнения о датировке волынцевских памятников. Согласно Д. Т. Березовцу эти древности принадлежат к особой, предшествовавшей роменской, группе славянской культуры днепровского левобережья, датируемой VII–VIII вв. (Березовец Д. Т., 1952а, с. 242–250). И. И. Ляпушкин полагал, что волынцевские древности синхронны роменским и, таким образом, относятся к VIII–X вв. (Ляпушкин И. И., 1959а, с. 58–83).

К Д. Т. Березовцу присоединяется О. В. Сухобоков. Он обращает внимание на то, что в составе Харьковского клада, который найден в горшке волынцевского типа, имеются пастовые бусины с очковым орнаментом, датируемые V–VII вв., а бронзовые трапециевидные привески из Сосницкого могильника имеют аналоги среди вещей Суджанского клада VI–VII вв. Исходя из этого, исследователь считает возможным датировать памятники волынцевского типа VII–VIII вв. (Сухобоков О. В., 1975, с. 55–57). Напротив, Е. А. Горюнов обращает внимание на наличие волынцевских элементов на Новотроицком и некоторых других роменских поселениях, определенно датированных IX — началом X в., и считает вслед за И. И. Ляпушкиным, что волынцевские памятники одновременно ранним городищам роменской культуры (Горюнов Е. А., 1975а, с. 9).

Керамика волынцевского типа не находит ни прототипов, ни аналогий среди славянской глиняной посуды второй половины I тысячелетия н. э. Ближайшие аналогии ей обнаруживаются в салтовской культуре. Салтовская столовая посуда также имеет преимущественно черную или темно-коричневую поверхность и лощеные в виде вертикальных или перекрещивающихся полос. В салтовской керамике есть формы, идентичные или близкие волынцевским, хотя в целом она отличается значительным многообразием (Ляпушкин И. И., 1958б, с. 112, 114; Плетнева С. А., 1959, с. 214–225; 1967, с. 103–134).

Гончарная керамика — почти единственное, что связывает памятники волынцевского типа с алаболгарской средой Донского бассейна. Поэтому, очевидно, неправ М. И. Артамонов, относивший волынцевские древности к болгарскому племени кутригуров, ассимилированному славянами (Артамонов М. И., 1970а, с. 29–31). Другие элементы волынцевской культуры (жилища-полуземлянки с глиняной печью в углу, обряд трупосожжения, некоторые формы лепной керамики) сближают ее с достоверно славянской роменской культурой. И. И. Ляпушкин выска-

зал предположение о принадлежности волынцевских древностей особому славянскому племени, вошедшему в состав северян (*Ляпушкин И. И.*, 1959а, с. 58—83). Однако, несомненно, что население, оставившее волынцевские памятники, было этнически неоднородно. На Битицком городище наряду со славянскими полуземлянками, открыто жилище с округлым очагом в центре. Безусловно неславянскими являются захоронения в ямах-подбоях, исследованные в Волынцеве (*Березовец Д. Т.*, 1967, с. 166—168).

Различные этнокультурные компоненты в волынцевских памятниках позволяют предполагать, что эти древности принадлежали славянизированному местному населению, родственному алаано-болгарам салтовской культуры (*Седов В. В.*, 1970б, с. 128—131; *Горюнов Е. А.*, 1975а, с. 8, 9). В пользу этого как будто говорят и антропологические материалы: черепа славян левобережной части Среднего Поднепровья обнаруживают сходство с черепами погребенных в Салтовском могильнике (*Алексеев В. П.*, 1962, с. 88).

Анализ водных названий днепровского лесостепного левобережья показывает, что дославянским населением здесь были балты и иранцы (*Топоров В. Н.*, *Трубачев О. Н.*, 1962, с. 229, 230; *Стрижак О. С.*, 1963, с. 38—84). Гидронимия свидетельствует о длительности пребывания в южной части северянского региона иранского этнического компонента, о том, что славяне застали здесь ираноязычное население и жили с ним какое-то время на одной территории.

Памятники волынцевского типа встречены только в зоне распространения иранских гидронимов и отражают уже последний этап славяно-иранского взаимодействия. Они оставлены славянизированными потомками ираноязычных племен, скорее всего — далекими потомками черняховского населения. Косвенно об этом свидетельствует некоторая общность, свойственная черняховской и салтовской глиняной посуде. «Керамический материал салтовской культуры, состоящий из гончарной и лепной (в меньшей мере) керамики, — писал *И. И. Ляпушкин*, — содержит в себе сосуды, по форме и технике изготовления очень близкие сосудам культуры „полей погребений“» (*Ляпушкин И. И.*, 1961, с. 353). Однако памятники собственно иранских племен, относящихся к V—VI вв., в ареале северян до сих пор не обнаружены.

Племенное название северян (в летописях часто «север») по происхождению явно неславянское. Наиболее вероятным представляется мнение об иранском происхождении этого этнонима — из иранского *seu* — «черный». Интересно, что в этом регионе известно несколько географических названий от того же апеллятива (реки Сев, Сава), иранское происхождение которых бесспорно (*Vasmer M.*, 1923, S. 76; *Топоров В. Н.*, *Трубачев О. Н.*, 1962, с. 226).

По-видимому, северянами первоначально именовалась племенная группа ираноязычного населения, обитавшая в днепровском лесостепном левобережье. Это население растворилось среди славян, которые и восприняли старое этноним. В документах XVI—XVII вв. в Посеймье упоминается небольшая группа населения — северуки, в которых иногда видят потомков северян. Но ведь славяне-северяне были основным населением днепровского левобережья, и их потомками являются обитатели и Посеймья, и смежных с ним районов Десны, Сулы, Псла и Ворсклы, т. е.

Северской земли (*Severia*), известной по историко-географическим материалам XIV—XVII вв. В северуках же скорее всего нужно видеть далеких потомков дославянских север, давших имя одному из восточнославянских племен.

Первые курганные захоронения в регионе северян относятся к роменскому времени. Очевидно, обычай сооружать курганы распространился здесь в основном в IX в. Каков был прежний погребальный обряд славян в регионе, неизвестно. Грунтовые могильники с трупосожжениями, аналогичные тем, что известны в днепровском правобережье, в северянском ареале пока не найдены. Судя по волынцевским захоронениям, здесь, как и в правобережной части Поднепровья, умерших хоронили по обряду кремации в могильниках без наземных признаков. При раскопках Ново-троицкого городища выявлено пять прямоугольных ямных могил, обложенных горелым деревом (*Ляпушкин И. И.*, 1958а, с. 157, 159), но место таких погребений в роменских древностях пока неясно.

Основным исследователем северянских курганов был *Д. Я. Самоквасов*. В последних трех десятилетиях XIX в. и в начале XX в. он раскопал несколько сотен курганных насыпей, расположенных более чем в 25 могильниках (*Самоквасов Д. Я.*, 1878, с. 185—224; 1908а; 1908б; 1915а; 1915б; 1917). В то время в научной литературе господствовало мнение о принадлежности северянам всей левобережной части Среднего Поднепровья с городами Черниговом, Любечем, Переяславом и Новгородом-Северским. *Д. Я. Самоквасов* принадлежал к последовательным сторонникам этого мнения и все курганы данного ареала относил к северянам.

Раскопки северянских курганов, проведенные другими исследователями в конце XIX и первых десятилетиях XX в., были не такими значительными. В последней четверти XIX в. исследованиями курганов в Рыльском уезде Курской губернии занимался *М. Сперанский* (*Сперанский М.*, 1894, с. 263—269). К началу XX в. принадлежат раскопки *В. А. Городцова*, *В. Е. Данилевича* и *Е. Н. Мельника* на юго-востоке северянского региона (*Городцов В. А.*, 1905, с. 110—130; *Данилевич В. Е.*, 1905, с. 411—433; *Мельник Е. Н.*, 1905, с. 673—702). В первых десятилетиях XX в. небольшие раскопки курганов в области расселения северян вели *И. С. Абрамов*, *С. А. Гатцук*, *И. Е. Евсеев*, *Н. Е. Макаренко*, *К. П. Сосновский*, *В. В. Хвойко*, *Н. Шмыткин* и *В. М. Щербаконский* (*Хвойко В. В.*, 1904, с. 40—48; *Спицын А. А.*, 1909б, с. 164—167; *Макаренко Н. Е.*, 1907, с. 36—43; *Шмыткин Н.*, 1914, с. 318—322; *Щербаконский В. М.*, 1918).

В 1912—1915 гг. *П. С. Рыков*, *В. Н. Глазов* и *В. С. Львович* вели большие раскопки в Гочевском курганном могильнике (*Рыков П. С.*, 1923, с. 39—53).

В 20—30-х годах XX в. исследования курганов северян продолжили *М. В. Воеводский*, *С. С. Магура*, *Г. М. Поршняков* и *М. Ренский* (*Ренский М.*, 1925, с. 39, 40; *Магура С.*, 1930, с. 33—36). В послевоенный период раскопки вели *М. В. Воеводский*, *И. И. Ляпушкин*, *Т. Н. Никольская*, *В. А. Падин* и другие (*Никольская Т. Н.*, 1959, с. 83; *Ляпушкин И. И.*, 1959б, с. 81—86; *Падин В. А.*, 1958, с. 218—226; 1976, с. 197—210; *Узянов А. А.*, *Смирнов Ю. А.*, *Верещинский Л. И.*, 1979, с. 98, 99).

В IX—X вв. в земле северян господствовал обряд трупосожжения. Кремация умерших почти всегда совершалась на стороне, а кальцинированные кости в глиняной урне или без нее помещались, как правило, в верхней части кургана. В виде исключения попадаются курганы с захоронениями остатков кремации на горизонте. Зафиксирован случай трупосожжения на месте курганной насыпи. Изредка встречаются курганы, содержащие ритуальные кострища, обычные для северных соседей северян. Вероятно, такие насыпи отражают проникновение радимичей или дреговичей на территорию северян.

Сожженные кости, как правило, помещались в курганах кучкой. Обычай выкапывать ямку для сожженных костей здесь был неизвестен. В одном из курганов в урочище Крученое Болотце и в нескольких Гочевских насыпях отмечено рассеянное положение кальцинированных костей.

В кургане, раскопанном Т. Н. Никольской в Шуклинке на берегу р. Тускарь, притока Сейма, остатки нескольких трупосожжений, помещенные в глиняные сосуды-урны были окружены оградой из дубовых плах. По-видимому, эта ограда являлась остатками погребальной камеры того типа, что обычны для верхнеокских и боршевских курганов.

Треть захоронений северян помещена в глиняные урны: реже — в лепные роменского типа, чаще — в гончарные.

По-видимому, все украшения и вещи, сопровождавшие умерших, сторали на погребальных кострах. Поэтому абсолютное большинство северянских трупосожжений лишено вещей. Лишь изредка с кальцинированными костями находят бронзовые или стеклянные сплавы. По этим остаткам удается реконструировать перстнеобразные височные кольца, проволочные нерстни, поясные пряжки и бусы из синего, зеленого и желтого стекла. Особое место занимают Гочевские курганы, где имеется много случаев кремации на месте. Здесь найдены браслетообразные сомкнутые височные кольца, перстнеобразные височные украшения, трубчатая и витая с пластинчатыми концами шейные гривны, «усатый» перстень, цепочки, лунница, бубенчики, пуговицы и пряжки. Однако Гочевский могильник был не собственно северянским, а разноплеменным некрополем, в котором, правда, значительная доля приходилась на захоронения северян.

Обряд ингумации распространяется у северян с XI в. Первые трупоположения здесь относятся к последней четверти X в. Здесь господствуют трупоположения в основаниях курганов. Ритуальных кострищ под костяками в насыпях северянского ареала нет. Исключение составляет разноплеменный Гочевский могильник.

Курганы с трупоположениями в подкурганых ямах на территории северян весьма немногочисленны. Значительная их часть приходится на западные районы, непосредственно соседствующие с полянским регионом. Однако имеются курганы с ямными трупоположениями и в коренной области северян (в окрестностях Сум и Ахтырки, в Гочеве и на Десне — в Трубчевском и Новгород-Северском районах). В некоторых из них (Броварки, Россавы) встречены спиральные височные украшения. Хронологическое членение курганов с трупоположениями в основании

и насыпей с ямными захоронениями не выявляется. Очевидно, те и другие существовали синхронно или почти синхронно в течение XI—XII вв.

Захоронения выше основания кургана, на специальной подсыпке, для северян, по-видимому, не характерны. Такие погребения зафиксированы только в Гочевском могильнике. Скелеты выше оснований открыты также в курганах Гукова хутора, Черных Лоз и Ницах, но скорее всего это водные захоронения.

Почти все трупоположения в северянской земле имеют западную ориентировку. Погребенные, обращенные головой к востоку, здесь единичны (карта 12). В Подесенье и в Гочевском могильнике они связаны с балтской традицией. Восточная ориентировка умерших была распространена также у кочевых племен Северного Причерноморья (Плетнева С. А., 1958, с. 172, 173). Поэтому весьма вероятно, что трупоположения, обращенные головами к востоку, в славянских курганных могильниках на пограничье лесостепи со степью обусловлены славяно-половецкой метисацией.

Характерными височными украшениями северян были спиральные кольца (табл. XXXVI, 5, 6). Женщины носили их по два — четыре с каждой стороны. При исследованиях курганов в Броварке на р. Сула получены материалы для восстановления северянского головного убора (табл. XXXVII, 4). Голова была украшена серебряным пластинчатым венчком с мелкими подвесочками над лбом. У правого и левого висков привешивали по несколько спиральных колец. У одного из висков, кроме них, имелась длинная проволочная привеска с 11 бубенчиками.

Северянские спиральные кольца, как показал Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А., 1949б, с. 75—90), ведут происхождение от двуспиральных височных украшений, распространенных в днепровском левобережье в VI—VII вв. Связующим звеном между ними служат височные кольца IX в., происходящие из Полтавского клада, открытого в 1905 г. (Рыбаков Б. А., 1953а, с. 68).

Кроме спиральных височных украшений, в северянских курганах встречаются распространенные у всех восточнославянских племен перстнеобразные сомкнутые височные кольца. Изредка попадаются перстнеобразные колечки с завитком на конце (Броварки, Гочеве, Ницах). В курганах Гочева и Кветуни найдены трехбусинные височные кольца (табл. XXXVII, 2, 7).

Шейные украшения северянских женщин не принадлежат к распространенным. Ожерелья из бус встречены в сравнительно немногих курганах (табл. XXXVII, 15, 19—21). Обычно они составлялись из бусин желтого, синего и зеленого стекла или из стеклянных позолоченных. Бусы из сердолика и горного хрусталя единичны и встречены только в пяти северянских могильниках. Изредка к ожерельям добавлялись бубенчики, лунницы, монетообразные и округлые прорезные привески (табл. XXXVI, 1, 3, 4, 7, 9, 11—15; XXXVII, 1, 3, 5, 9). В Гочевском могильнике найдены также крестики, привески с изображением креста (табл. XXXVII, 6), иконки и монеты, использованные как нагрудные украшения.

Шейные гривны принадлежат к редким находкам в северянских курганах. В Гочевских и Голубовских курганах встречены гривны с розетками на концах, занесенные сюда радимичами. В трех могильниках

(Гочевском, Кветунском и Пищапском) найдены так называемые группы со сгибями (табл. XXXVI, 2), относимые к типично северянским украшениям. Все браслеты из северянских курганов — толстопроволочные, пластинчатые и витые (табл. XXXVI, 8, 10) — принадлежат к общерусским типам. Они, как и перстни, — проволочные, пластинчатые, витые, щитковые и др. (табл. XXXVII, 8, 10—14, 18), относятся к редким находкам в северянских курганах. Очень редки здесь поясные пряжки (табл. XXXVII, 22, 23) и металлические пуговицы (табл. XXXVII, 16, 17).

Бытовые предметы в северянских курганах очень немногочисленны. Это железные ножи, кресала, глиняные горшки и деревянные ведерки. Предметы вооружения и орудия труда в погребения не клали. Исключением является опять-таки Гочевский могильник, где встречены боевые и рабочие топоры, наконечник копья, сабля и стрема. В одном из Кветунских курганов найден железный скобель.

Из сказанного видно, что северянские курганы характеризуются бедным вещевым инвентарем. В этом отношении северяне могут быть сопоставлены со славянскими племенами днепровского правобережья — волынянами, древлянами и полянами.

Эволюция северянских древностей показана в табл. XXXVIII. Славяне, расселившись в днепровском лесостепном левобережье, по-видимому, не имели племенной организации, соответствующей летописным северянам. Скорее всего славянские колонисты представляли собой разрозненные группы праславян, стихийно двигавшиеся в северо-восточном направлении. Племенные особенности женского костюма северян, как и само имя этого племени, сложились уже на месте расселения — на средней Десне, в бассейне Сейма и Сулы. Очевидно, северяне как отдельная этнографическая единица восточного славянства сформировались в этом регионе в VIII—IX вв.

Славяне на Дону

Славянские поселения VIII—X вв. того же облика, что в земле северян, известны также в верховьях Донского бассейна (карта 20). Как уже отмечалось, по одному из первых исследованных здесь городищ в с. Боршево Воронежской обл. эти памятники названы боршевскими.

Первые исследования славянских памятников здесь относятся к последним десятилетиям XIX в., когда воронежские краеведы прозвели разведки некоторых поселений. В начале XX в. работы по изучению памятников были продолжены. В 1905—1906 гг. раскапывались курганы Лысогорского могильника, насчитывающего до 350 насыпей. Была высказана мысль о славянской, а не хазарской, как полагали раньше, принадлежности боршевских древностей (Мартинович А. И., 1908, с. 61—80).

В 1905 г. Большое Боршевское городище и примыкающее к нему селище обследовал А. А. Спицын. На селище были проведены небольшие раскопки (ОАК, 1905, с. 83).

Наиболее существенные изыскания относятся к 1928—1929 гг., когда экспедиция под руководством

П. П. Ефименко провела раскопки на Большом и Малом Боршевских, Кузнецовском и Михайловском городищах, Боршевском селище и вскрыла несколько курганов, расположенных в трех могильниках (Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948).

Эти работы окончательно установили, что памятники оставлены здесь славянским населением. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков датировали обследованные ими поселения и курганы VIII—X вв., и эта датировка памятников боршевского типа стала общепризнанной.

В конце 20-х и в 30-е годы разведками боршевских памятников занимались воронежские краеведы, материалы раскопок которых изданы в книге П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова (Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948), а с 1948 г. планомерные работы по изучению этих древностей вела А. Н. Москаленко. Помимо больших разведывательных обследований, проведены значительные раскопки. Они охватили Большое Боршевское городище с прилегающим селищем, городища Малое Боршевское, Архангельское, Титчиха и курганы в с. Боршево (Москаленко А. Н., 1956, с. 84—94; 1958, с. 137—145; 1963, с. 93—114; 1965; 1966а, с. 114—144).

В последние годы работы по изучению памятников боршевской культуры были продолжены А. Д. Пряхиным и А. З. Винниковым. Исследования А. Д. Пряхина сосредоточились на р. Воргол (Пряхин А. Д., 1963, с. 115—122), А. З. Винников ведет раскопки городищ и курганов на р. Воронеж (Винников А. З., Мойса И. П., 1977, с. 44, 45; Винников А. З., Масыкова А. В., 1979, с. 52, 53; Винников А. З., 1980, с. 47, 48).

Славянские поселения на верхнем Дону представлены городищами и расположенными рядом селищами. Некоторые поселения VIII—X вв. основаны на скифских городищах, и в таких случаях население использовало прежние укрепления. Вновь построенные городища, как правило, занимали мыс, с напольной стороны защищенный системой валов и рвов. Жилищами служили прямоугольные полуземлянки с деревянной облицовкой стен и в основном с печами-каменками в углу (табл. XXXIX, 10, 11).

Одним из наиболее исследованных памятников считается городище с прилегающим к нему открытым поселением близ хут. Титчиха (Москаленко А. Н., 1965). Городище устроено на мысе, ограниченном широкими оврагами. С напольной стороны оно было защищено дугообразным рвом и валом. Размеры городища около 120×100 м (табл. XXXIX, 9). Сразу за валом, на ровном плато, находилась неукрепленная часть поселения, занимавшая площадь около 350×170 м. Это одно из наиболее крупных поселений боршевской культуры.

Прорезав вал, археологи обнаружили внутренние деревянные срубные конструкции, характерные для древнерусских оборонительных сооружений.

В раскопе площадью свыше 7000 кв. м открыто 46 жилищ, из которых 19 располагались в мысовой части поселения, а 27 — на плато. Постройки небольшие, площадью 10—28 кв. м. Их котлованы в плане близки к квадратным, глубина — 0,2—1,2 м. Стены построек были срубными или столбовой конструкции. Печи занимали один из углов. Они строились чаще из камней, иногда из глины и камней или из глины.

Наряду со значительными по площади поселениями встречаются и сравнительно небольшие (Малое Боршевское, Кузнецовское, Ворголокское). Среди боршевских городищ имеются мысовые, островные и поселения со сложным планом. Некоторые городища укреплены одним или двумя земляными валами с деревянными конструкциями, другие — только рвами.

Для боршевских поселений характерна лепная керамика (табл. XL, 14—20). По форме сосудов и орнаментации боршевская керамика тождественна роменской. Различия между ними носят частный характер. Так, боршевские горшки в целом более приземисты, чем роменские; в боршевских памятниках почти нет горшков с вертикальной горловиной, обычных на роменских поселениях; в тесте боршевских сосудов нет дресвы; боршевские сосуды в меньшей степени орнаментированы, чем роменские (Винников А. З., 1978, с. 55—61).

Основу хозяйства боршевского населения составляло пашенное земледелие. На поселениях найдены железные наральники того же типа, что и на роменских памятниках, серпы вполне совершенной формы (табл. XXXIX, 12), обгорелые зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха и бобов. Для хранения зерновых припасов сооружались ямы.

Племена боршевской культуры занимались также скотоводством, охотой, рыбной ловлей и бортничеством. От охотничьего снаряжения сохранились многочисленные наконечники стрел из кости и железа (табл. XL, 1—4). Железные наконечники могли быть и оружием. Весьма многочисленны на поселениях железные рыболовные крючки (табл. XL, 5), остроги, пешви, глиняные грузила и пряслица (табл. XL, 12, 13).

Раскопки зафиксировали запятия металлообработкой и металлургией. Обнаружено также несколько сотен железных предметов. Среди них имеются различные бытовые находки, в том числе кресала (табл. XL, 7), а также поясные принадлежности (табл. XL, 8).

Развито было и бронзолитейное ремесло: найдены глиняные и каменные тиглы, литейные формочки, пинцет. Из цветного металла делали украшения (табл. XXXIX, 1—8). Пятилучевые и одно семилучевое височные кольца и лунницы изготовлены местными мастерами по готовым образцам. Аналогичные височные украшения найдены в составе Железницкого (Зарайского) клада в Рязанской обл. (Корзухина Г. Ф., 1954, с. 81, 82) и на Новотроицком городище роменской культуры.

Интересна бронзовая поясная бляшка из Большого Боршевского городища (табл. XL, 9). Она — округлошестиугольная с рельефной розеткой посредине и с отходящими от нее тремя сердцевидными лепестками. Бляшка имеет аналогии в венгерских памятниках IX—X вв.

Довольно широко на боршевских поселениях было развито косторезное ремесло. Из кости и рога делались острия (табл. XL, 10), наконечники стрел, иглы для плетения сетей, кочедыки, рукоятки, псалы, подвески и т. п.; из зубов животных — амулеты (табл. XL, 6). Одна роговая поделка, найденная на Большом Боршевском городище, имеет вид кривого острия с тыльным концом, обработанным в виде морды животного (табл. XL, 11).

Погребальные памятники боршевских племен представлены курганами, которые по внешнему виду не отличаются от остальных восточнославянских полусферических насыпей. Обряд погребения — трупосожжение на стороне. В курганах около Большого Боршевского городища открыты деревянные камеры с остатками нескольких трупосожжений. Размеры камер 1,5—2,4×0,7—1,4 м, высота — 0,3—0,6 м. Кальцинированные кости помещались в глиняных урнах. Кроме того, в камерах находились и сосуды без остатков сожжения, поставленные, вероятно, с приношениями умершим. Вокруг домовин устраивались кольцевые оградки, состоявшие из вертикально поставленных деревянных плах.

Такие же курганы с обугленными погребальными камерами раскапывались и в других могильниках. Однако большинство боршевских погребальных насыпей содержало остатки трупосожжений без деревянных камер. Погребения в виде небольшого скопления кальцинированных костей с глиняным сосудом или без него обычно располагаются на уровне погребенной почвы. В курганах Белогорского второго могильника зафиксированы глиняные площадки или обгорелые плахи, перекрытые глиной, на которых помещались остатки кремации.

Датируются боршевские курганы IX—X вв., а боршевская культура в целом, как и роменская, — VIII—X вв.

К числу наиболее ранних памятников относится, по-видимому, поселение в с. Ярлуково Липецкой обл., где при раскопках найдены сосуды, напоминающие по форме пражско-корчакские. Какие-либо датирующие предметы здесь не встречены, типологически горшки датированы К. И. Комаровым рубежом VII и VIII вв. (Комаров К. И., 1972, с. 47—49).

Повесть временных лет, рассказывая о восточнославянских племенах, не сообщает этнонима верхнедонских славян. Более того, в этнографическом введении Начальной летописи восточнославянская территория как будто ограничена на юго-востоке бассейнами Сейма и Сулы. Однако уже русские историки второй половины XIX в. полагали, что славянские поселения не ограничивались этими реками, а достигали верхнего и среднего течения Дона. Высказывались и догадки о племенной принадлежности славян Донского бассейна. Так, П. В. Голубовский считал их вятичами (Голубовский П. В., 1881, с. 4—7). Д. И. Багалеи — северянами (Багалеи Д. И., 1882, с. 13—15), а Н. П. Барсов предполагал вятичско-северянскую колонизацию этих земель (Барсов Н. П., 1885, с. 77). М. С. Грушевский допускал, что вятичи из бассейна Дона под давлением степняков переселились на верхнюю Оку, в область своих соплеменников (Грушевский М., 1910, с. 5—9).

А. А. Шахматов высказал предположение, что первоначально вятичи жили на Дону и позднее оттуда расселились на Оку (Шахматов А. А., 1907, с. 720—723). Исследователь строил свою гипотезу лишь на интерпретации косвенных свидетельств летописей. Позднее А. А. Шахматов отказался от вятичской атрибуции славян Донского бассейна, но все же полагал, что Рязанская земля была освоена славянами с двух сторон — с запада, по Оке, и с юга, из областей Донского бассейна (Шахматов А. А., 1919а, с. 35).

В связи с открытием на Дону курганов с деревянными камерами и кольцевыми оградками, которые находят аналогии в верхнеокских древностях, боршевские памятники стали рассматриваться как вятичские (Третьяков П. Н., 1953, с. 240, 241). Правда, в отличие от А. А. Шахматова, вятичскими стали считать и верхнеокские, и верхнедонские курганы, и синхронные с ними поселения. А. Н. Москаленко, подчеркивая своеобразие боршевских памятников, заключает, что в нем отразилось племенное отличие славян бассейна Дона от северян днепровского левобережья — носителей роменской культуры. Поскольку материальная культура донских славян имеет много общего с культурой верхнеокских вятичей, можно предположить, что боршевское население входило в вятичский племенной союз (Москаленко А. Н., 1965, с. 152—158).

Гипотезу А. А. Шахматова о расселении вятичей из бассейна Дона в Рязанскую землю попытался обосновать А. Л. Монгайт (Монгайт А. Л., 1961, с. 121—128). Основным аргументом в пользу этой гипотезы послужило то обстоятельство, что исчезновение боршевского населения на Дону совпадает по времени с прекращением захоронений в рязанско-окских могильниках. Получается будто бы так, что финно-угорское население в рязанском течении Оки в X в. исчезает, и в то же время прекращается жизнь на донских поселениях боршевской культуры. Отсюда А. Л. Монгайт делал вывод: носители боршевской культуры ушли из бассейна Дона и, вытеснив мордву, расселились на средней Оке. На некоторых рязанских городищах встречены черепки лепной посуды, близкой к боршевской керамике, и это, по мнению А. Л. Монгайта, свидетельствует о массовом славянском переселении из Донского бассейна. Поскольку поздние летописи называют вятичей рязанцами, то и боршевское население Дона, по мысли А. Л. Монгайта, можно отнести к вятичам.

Вторым свидетельством в пользу вятичского освоения Рязанской земли с верховьев Дона, по мнению А. Л. Монгайта, служит открытие на некоторых рязанских поселениях полуземляночных жилищ южно-русского типа. Сразу же нужно заметить, что распространение южного жилища в Рязанской земле не обязательно обусловлено расселением боршевского населения. Жилища такого типа могли быть распространены вятичами и с верхней Оки, а еще более вероятно, что они появились здесь в результате миграции населения из Киевской земли в XI—XIII вв., когда в рязанском течении Оки появляются географические названия, повторяющие южные. Полуземлянки рязанского течения Оки X—XII вв. имеют глинобитные печи, в то время как боршевским жилищам свойственны преимущественно печп-каменки (Раннопорт П. А., 1975, с. 144—156).

Вопрос о племенной принадлежности населения, оставившего памятники боршевской культуры, ныне не может быть решен окончательно. В целом боршевские древности, распространенные в бассейне Дона, принадлежат к обширной группе славянских памятников VIII—X вв., занимающих территорию восточнее Днепра. По-видимому, роменская культура на днепровском левобережье, боршевская на Дону и вятичская на Оке возникли почти одновременно. Все они имеют начальную дату VIII в. В первое время

это были территориальные группы славян, из которых на Оке формируются вятичи, в днепровском лесостепном левобережье — северяне. Принадлежность боршевских древностей северянам исключена, поскольку эти древности не эволюционировали из роменских. К тому же, оформление северян как отдельной племенной единицы обусловлено местным субстратом.

В распоряжении исследователей нет каких-либо оснований, разрешающих приписывать боршевские древности вятичам. То обстоятельство, что рязанское течение Оки заселялось в какой-то степени славянами из Донского бассейна, не может быть аргументом в пользу вятичской атрибуции племен — носителей боршевской культуры. Боршевская культура не могла эволюционировать из вятичских древностей VIII—X вв. Верхнеокского региона. Эти культуры синхронны.

Иногда обращают внимание на наличие погребальных деревянных камер в курганах вятичей VIII—X вв. верхней Оки и подобных сооружений в насыпях боршевской культуры. Это — единственное, что объединяет славян региона верхней Оки со славянами бассейна Дона. Допустимо предположение об отливе части вятичского населения в Донской регион.

Все раскопанные до сих пор боршевские курганы относятся к IX—X вв., т. е. на Дону курганный обряд погребения появился по крайней мере на столетие позже, чем на верхней Оке.

Интересные наблюдения сделаны А. Н. Москаленко при обследовании Лысогорского могильника. Было установлено, что курганы здесь насыпаны на месте предшествовавшего могильнику поселения боршевской же культуры. Поэтому не исключено, что курганы на территории боршевской культуры появились на столетие позже, чем поселения. До этого боршевские племена хоронили умерших в грунтовых могильниках. Можно полагать, что переселенцы с верхней Оки, принешие курганы с погребальными камерами-домовинами, проникли на Дон только в IX в., когда этот регион был уже освоен славянами — создателями боршевской культуры. Пополнение славянского населения осуществлялось здесь не только из областей верхней Оки, но и из Киевского Поднепровья, поскольку в отдельных курганах Белогорского могильника выявлены глиняные площадки того же типа, что весьма характерен для полян. Не исключено участие в освоении Донского бассейна славян и из иных регионов Восточной Европы. Кажется, что славяне бассейна Дона не были ни северянами, ни вятичами, а принадлежали к отдельной территориальной группировке, название которой не дошло до нас. И. И. Ляпушкин связывал донскую группу славян со «слиюн», упоминаемыми в письме хазарского кагана Иосифа (Ляпушкин И. И., 1941, с. 239).

Славянские поселения на Дону были покинуты в конце X в. По-видимому, переселение славян из этого обжитого края было вызвано набегами кочевников. Как раз в конце X в. активизировались печенеги, и этот регион оказался на пути продвижения печенежских орд. Когда ушла основная часть славянского населения с берегов Дона, сказать трудно. Выше говорилось о возможности расселения боршевцев в Рязанском бассейне Оки. В то время, когда состав-

лялась Повесть временных лет, славянской группировки на верхнем Дону уже не было, поэтому ее имя не попало на страницы русских летописей.

Вятичи

Русские летописи связывают ареал вятичей с Окой. Повесть временных лет отмечает: «...а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи» (ПВЛ, I, с. 14), а под 964 г. в связи с походом Святослава на северо-восток говорится: «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи» (ПВЛ, I, с. 46, 47).

Вятичи не один раз упоминаются в летописях и позднее, особенно в связи с политическими событиями XII в., и эти сведения позволяют в самых общих чертах наметить пределы вятичской земли. Под 1146 г. названы два вятичских города — Козельск и Дедославль. В первый из них бежал к вятичам Святослав Ольгович, во втором созывается вятичское собрание, которое принимает решение воевать против Святослава Ольговича (ПСРЛ, II, с. 336—338). В описании похода 1147 г. Святослава Ольговича на Владимира Давыдовича черниговского названы города Брянск, Воробийн, Домагощъ и Мценск, находившиеся поблизости от вятичской земли или на ее окраинах (ПСРЛ, II, с. 342). Впрочем, в XII в. летописные «вятичи» были и административно-территориальной единицей Черниговской земли, а границы последней совсем не соответствовали пределам племенного (этнографического) региона вятичей (Зайцев А. К., 1975, с. 101—103).

Однако представляется несомненным, что административная область «Вятичи» была какой-то частью племенной территории. Поэтому география городов, указанных летописью в «Вятичах», может быть использована для реконструкции вятичской этнографической территории.

Под 1185 г. Карачев определенно отнесен к вятичским городам (ПСРЛ, II, с. 637). Кроме того, в «Вятичах» упоминаются города Воротинеск (на р. Выса, левом притоке Оки), Колтеск (на Оке), Мосальск (в бассейне Угры) и Серенск (в бассейне Жиздры).

В поздних летописях имеются известия, что на востоке вятичская земля простиралась до рязанского течения Оки: «Вятичи и до сего дне, еже есть Рязанци» (ПСРЛ, XV, с. 23; XX, с. 42; XXII, с. 2). Таким образом, судя по летописям, территория расселения вятичей охватывала бассейны верхнего и среднего течения Оки.

Крупнейшие представители русской исторической географии Н. П. Барсов и М. К. Любавский предпринимали попытки детализировать границы вятичского расселения, привлекая данные топонимики и ландшафта. Искали также возможность использовать данные диалектологии для реконструкции территории вятичей, но безуспешно. Наиболее аргументированную и подробную картину вятичского расселения дали только археологические материалы.

Вятичские курганы с группировками и их вещевые инвентари были прекрасно систематизированы и интерпретированы А. В. Арциховским (Арциховский А. В., 1930а). В небольшой по объему, но

очень насыщенной книге этот исследователь сумел обработать все накопленные к тому времени археологические материалы по вятичам и сделать важные историко-археологические выводы, не потерявшие своего научного значения и поныне. Выделенные им предметы — семилопастные височные кольца, хрустальные шарообразные и желтые стеклянные шарообразные бусы, решетчатые перстни и пластинчатые загнутоконечные браслеты, весьма характерные для вятичей, позволили в деталях обрисовать вятичскую племенную территорию. Из названных вещей этнически определяющими для вятичей являются только семилопастные кольца. Остальные украшения, хотя и весьма часто встречаются в вятичских курганах, но известны и в некоторых других регионах восточнославянской территории.

На основе распространения семилопастных височных колец пределы вятичского племенного региона обрисовываются следующим образом (карта 21).

На западе вятичи соседнили с северянами, радимичами и кривичами. Западная граница вятичского ареала сначала шла по водоразделу Оки и Десны. В бассейнах Жиздры и Угры выделяется пограничная полоса шириной 10—30 км, где вятичские курганы сосуществовали с кривичскими. Эта полоса проходила по верховьям Жиздры и по притокам Угры — Болве, Рессе и Снопоти. Далее вятичская граница поднималась на север до верховьев Москвы-реки, а потом поворачивала на восток по направлению к верховьям Клязьмы. Правобережье Москвы-реки целиком принадлежало вятичам. Вятичи заходили и на левый берег этой реки (на 10—50 км севернее), но здесь вместе с вятичскими курганами встречаются и кривичские. Примерно около впадения Учи в Клязьму вятичская граница поворачивала на юго-восток и шла сначала по левобережью Москвы-реки, а потом — Оки.

Наиболее восточным пунктом с вятичскими височными кольцами является Переяславль-Рязанский. Отсюда юго-восточная граница вятичей шла к верховьям Оки, захватывая бассейн Прони, но не достигая бассейна Дона. Бассейн верхнего течения Оки целиком был вятичским.

В этом обширном вятичском регионе раскопано несколько тысяч курганов. Первые научные исследования их относятся еще к 1838 г. (Чертков А. Д., 1838). Во второй половине XIX в. вятичские курганы изучала большая группа исследователей, среди которых можно назвать А. П. Богданова, Н. Г. Керцелли, А. И. Кельсиева, А. М. Анастасьева, В. А. Городцова, Л. И. Черепнина, И. И. Проходцева, В. Ф. Миллера, (Богданов А. П., 1867, с. 1—176; Керцелли Н. Г., 1878—1879, с. 9—12; Кельсиев А. И., 1885, с. 30—45; Миллер В. Ф., 1890, с. 182—186; Черепнин А. И., 1896, с. 130—152; 1898а, с. 53—76; 1898б, с. 6—17; Городцов В. А., 1898, с. 217—235; Спицын А. А., 1898, с. 334—340; Проходцев И. И., 1898, с. 81—85; 1899, с. 73—76; Миллюков П. Н., 1899, с. 14—137).

Большие исследования курганов на кривичско-вятичском пограничье в самом конце XIX и первых десятилетиях XX в. провел Н. И. Булычев (Булычев Н. И., 1899а; 1899б; 1903; 1913).

Из работ первых десятилетий XX в. можно упомянуть раскопки курганов в бассейне верхней Оки И. Е. Евсеева (Евсеев И. Е., 1908, с. 29—52). В 20-х годах курганными раскопками занимались А. В. Ар-

риховский (Арциховский А. В., 1928, с. 96–103), М. В. Городцов (Городцов М. В., 1928, с. 542–558) и другие.

После выхода в свет монографии А. В. Арциховского о вятичских курганах их полевые исследования продолжались почти ежегодно. Курганы раскапывают очень многие исследователи как Москвы, так и периферийных центров. В Подмосковье их раскапывала кафедра археологии Московского государственного университета, а в послевоенные годы — Музей истории и реконструкции Москвы. Некоторые сведения о работах 30–40-х годов опубликованы в археологическом сборнике, посвященном 800-летию Москвы (Арциховский А. В., 1947а, с. 17–19; 1947б, с. 77–81; Бадер О. Н., 1947, с. 88–167). Материалы о раскопках курганов на территории Московской обл. последних десятилетий публиковались многими исследователями (Латышева Г. П., 1954, с. 39–56; Авдусина Г. А., 1962, с. 272–285; Равдина Т. В., 1963, с. 213–217; 1966, с. 222–227; Розенфельдт Р. Л., 1963, с. 218–220; 1966, с. 202–204; 1967, с. 106–109; 1973а, с. 62–65; 1973б, с. 192–199; 1978, с. 81, 82; Векслер А. Г., 1970, с. 122–125; Юшко А. А., 1967, с. 48–53; 1972, с. 185–198; 1980, с. 82, 87).

В бассейне верхней Оки интересные результаты были получены при курганных раскопках П. С. Ткачевского и К. Я. Виноградова, материалы которых не опубликованы. Т. Н. Никольская вела исследования в курганных могильниках Вороново и Лебедка (Никольская Т. Н., 1959, с. 73–78, 120, 147), а С. А. Изюмова — в могильниках, расположенных на территории Тульской обл. (Изюмова С. А., 1957, с. 260, 261; 1961, с. 252–258; 1964, с. 151–164; 1970а, с. 191–201; 1970б, с. 237, 238). Плодотворно исследуются и вятичские поселения (Никольская Т. Н., 1977, с. 3–10).

В то время, когда А. В. Арциховский писал монографию о вятичских древностях, материалов о курганах с трупосожжениями в исследуемом регионе было очень немного и они не были опубликованы. Исследователь привел слова летописца: «И радимичи, и вятичи, и северь одинъ обычай имаху: ...аще кто умряше, творяху тръзну надъ нпмъ, и бо семь творяху кладу велику, и въаложахуть ѿ на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложяху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне» (ПВЛ, I, с. 15) — и сделал вывод, что до XII в. вятичи хоронили «на столпе, на путях», а от такого обряда на долю археологов ничего не остается (Арциховский А. В., 1930а, с. 151, 152).

Однако этимология древнерусского слова «столп» не ограничивается значением «столб», «бревно». В памятниках русской письменности XI–XVI вв. столпами называются и небольшие надмогильные домики, и саркофаги (Рыбаков Б. А., 1970а, с. 43). Летописец из Переяславля-Залесского, писавший в начале XIII в., добавил к словам текста Повести временных лет о постановке погребального сосуда на столпе: «...и в курганы сыпаху», а «кладу великую» интерпретировал как «громеда дров велия» (Летописец Переяславля Суздальского, с. 4). В этой связи вятичский погребальный обряд в летописном изложении можно понимать как захоронение остатков трупосожжения в курганных насыпях с деревянными конструкциями в виде домиков, или столпов. Поэтому

поиски ранних курганов вятичей вполне закономерны.

Первым их настойчивые поиски начал П. Н. Третьяков, который отнес к вятичам курганы середины I тысячелетия н. э. типа Шаньково, раскопанные в 80-х годах прошлого столетия Н. И. Булычевым в бассейне Угры (Третьяков П. Н., 1941, с. 48–51).

Однако по мере накопления новых материалов, в частности из широких раскопок на поселениях I тысячелетия н. э., оказалось, что древности типа Шаньково—Почепок принадлежат неславянскому населению. Это памятники мощинской культуры, оставленные предками летописной голяди.

Сведения о раскопках ранних вятичских курганов с трупосожжениями, которыми ныне располагает археология, были суммированы и анализированы в специальной работе (Седов В. В., 1973, с. 10–16). Эти курганы подразделяются на два типа. Курганы первого типа в целом идентичны погребальным насыпям других восточнославянских племен. В вятичском регионе они наиболее распространены и встречены во всех пунктах, где имеются насыпи с трупосожжениями.

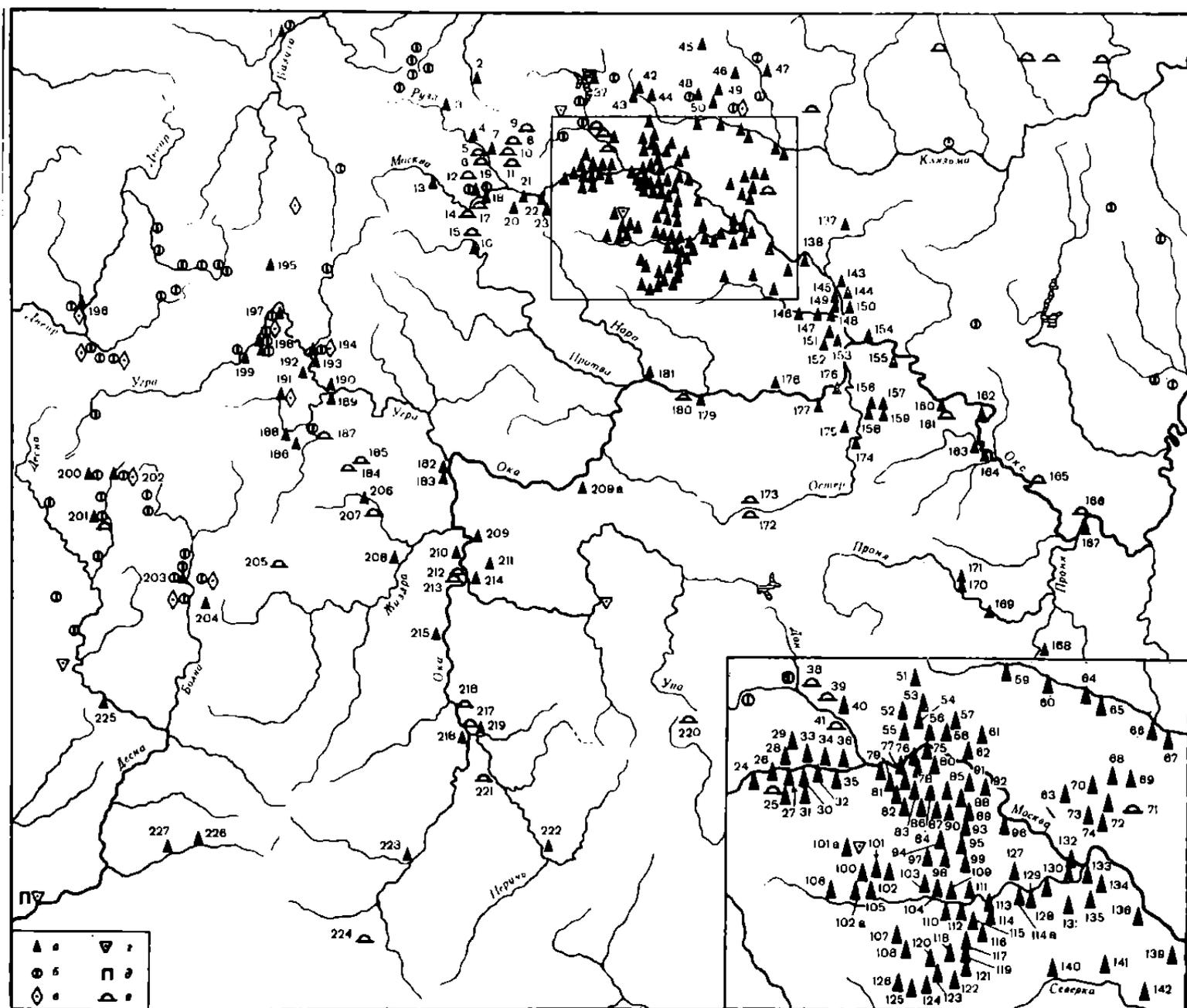
Среди наиболее исследованных в земле вятичей назovem курганный могильник, расположенный в урочище Игрище, в 0,5 км к северу от д. Лебедка в бассейне Цона, левого притока Оки. В разные годы И. Е. Евсеевым, П. С. Ткачевским, К. Я. Виноградовым и Т. Н. Никольской здесь раскопано 32 кургана. Все они содержали захоронения по обряду трупосожжения. В большинстве случаев собранные с погребального костра кальцинированные кости кучкой или в глиняной урне помещены прямо в курганной насыпи, в ее основании или верхней части. Многие насыпи содержали по одному захоронению, другие — от двух до четырех. Большинство погребений лишено вещей. Вещи встречены только в двух захоронениях: в одном — сплавленные стеклянные бусы, билловая ажурная пряжка и медные спиральки, в другом — железная пряжка. Глиняные урны из курганов (табл. XLI, 5, 6) имеют аналогии среди материалов расположенного рядом поселения, нижний слой которого относится к VIII–X вв. (Никольская Т. Н., 1957, с. 176–197). Очевидно, Лебедкивские курганы принадлежат к тому же времени.

Аналогичные курганы с захоронениями по обряду трупосожжения исследованы во многих местах по

Карта 21. Курганы XI–XIII вв. ареала вятичей

а — памятники с находками семилучевых височных колец; б — памятники с находками браслетообразных завязанных височных колец; в — памятники с ромбоцифковыми кольцами; г — памятники с семилучевыми кольцами; д — памятники со спиральными височными кольцами; е — курганные могильники без находок височных колец перечисленных типов 1 — Титовка; 2 — Волоколамск; 3 — Ивановская; 4 — Захряпино; 5 — Палашкино; 6 — Рыбушкино; 7 — Волющичина; 8 — Песочня; 9 — Нижнее Сляднево; 10 — Волково; 11 — Воронцово; 12 — Новяки; 13 — Блохино; 14 — Ченцово; 15 — Влазово; 16 — Митяево; 17 — Тесово; 18 — Красный Стан; 19 — Шипшиморovo; 20 — Дубки; 21 — Тучково; 22 — Григорово; 23 — Крымское; 24 — Волково; 25 — Шяхово; 26 — Копки; 27 — Биостанция; 28 — Савино; 29 — Кораллово-Дутьково; 30 — Клопово; 31 — Таганькино; 32 — Поречье; 33 — Верхогрядь; 34 — Иславское; 35 — Успенское; 36 — Николина Гора; 37 — Повадино; 38 — Полевщина; 39 — Савинково; 40 — Рождественно; 41 — Аюсово; 42 — Никольское; 43 — Чашниково; 44 — Льядово; 45 — Шустиво; 46 — Муромцево; 47 —

ГЛАВА 6. ПЛЕМЕНА ЮГО-ВОСТОКА

Михайловское; 48 — Федоскино; 49 — Листвяны; 50 — Кудрино; 51 — Подрезково; 52 — Митино; 53 — Ангеловка; 54 — Черкеево; 55 — Знаменское (Губайлово); 56 — Спас-Тушино; 57 — Алешкино; 58 — Никольское; 59 — Черкизово; 60 — Болшево; 61 — Черкизово-Ростоккино; 62 — Москва, Кремль; 63 — Косино; 64 — Анискино; 65 — Осеево; 66 — Обухово; 67 — Погост Петра и Павла; 68 — Мишет; 69 — Салтыковка; 70 — Троицкое; 71 — Дятловка; 72 — Марусино; 73 — Токарево; 74 — Балятина; 75 — Филя; 76 — Черепково; 77 — Сетунь; 78 — Немчиново; 79 — Калчуга; 80 — Ромашки; 81 — Одинцово (три группы); 82 — Матвеевская; 83 — Тропарево; 84 — Черемухинки; 85 — Зюзино; 86 — Деревлево; 87 — Коньково; 88 — Борисово; 89 — Орехово; 90 — Чертаново; 91 — Котляково; 92 — Дьяково; 93 — Царицыно; 94 — Битца; 95 — Потапово; 96 — Беседы; 97 — Березкино; 98 — Боброво; 99 — Суханово; 100 — Соларево; 101 — Филимонки; 101a — Десна; 102 — Марино; 102a — Пенино; 103 — Рязаново; 104 — Алхилово; 105 — Поливаново; 106 — Лукино; 107 — Овечкино; 108 — Перемышль; 109 — Стрелково; 110 — Покров; 111 — Тургенево; 112 — Заболотье; 113 — Добрягино; 114 — Домоделово; 114a — Витовка; 115 — Серафимо-Знаменский скит; 116 — Бяжгово; 117 — Судаково; 118 — Никитское; 119 — Ушмары; 120 — Пувиново; 121 — Иванно; 122 — Мещерское; 123 — Александровка; 124 — Лопаткина; 125 — Тудичино; 126 — Никоново; 127 — Горки Левинские; 128 — Новленское; 129 — Семивраги; 130 — Володарский; 131 — Константиново; 132 — Прудичи; 133 — Жуково; 134 — Егавово; 135 — Морозово; 136 — Тяжино; 137 —

Анциферово; 138 — Колоколово; 139 — Тишково; 140 — Боборыкино; 141 — Залесье; 142 — Авдотьино; 143 — Воскресенск; 144 — Погост Пяти Крестов; 145 — Ачкасово; 146 — Федоровское; 147 — Речки; 148 — Никульское; 149 — Мячково; 150 — Суворово; 151 — Бессониха; 152 — Орешково; 153 — Богдановка; 154 — Маливо; 155 — Аксеново; 156 — Крившино; 157 — Апоничицы; 158 — Козлово; 159 — Россиха; 160 — Вакино; 161 — Рубцово; 162 — Акаемово; 163 — Борки; 164 — Рязань; 165 — Алекапово; 166 — Городец; 167 — Старая Рязань; 168 — Княжое; 169 — Маклаково; 170 — Пронск (монастырь); 171 — Пронск (Завалье); 172 — Свиридово; 173 — Звонко; 174 — Осово; 175 — Дятлово; 176 — Сосновка; 177 — Смедово; 178 — Кременье; 179 — Тешилово; 180 — Мещереково; 181 — Серпухов; 182 — Спас; 183 — Слевидово; 184 — Паршино; 185 — Лобановка; 186 — Васильевское; 187 — Богоявленское; 188 — Спас-Перекша; 189 — Юхнов; 190 — Мокрая; 191 — Леоново; 192 — Климово; 193 — Косая Гора; 194 — Бочарово; 195 — Козловцы; 196 — Харлапово; 197 — Ивановское; 198 — Ступеньки (две группы); 199 — Желанье; 200 — Коханы; 201 — Шуя; 202 — Доброселье; 203 — Меренище; 204 — Войлово; 205 — Маклаки; 206 — Серенск; 207 — Марфина; 208 — Приска; 209 — Доброе; 209a — Сенево; 210 — Дува; 211 — Шмарово; 212 — Лихвня; 213 — Кипеть; 214 — Кулешово; 215 — Белев; 216 — Голубочки; 217 — Тпльково; 218 — Городище; 219 — 6. Чернский уезд близ Зуши; 220 — Волохово; 221 — Мценск; 222 — Воротынцево; 223 — Гать; 224 — Плоты; 225 — Вщиж; 226 — Слободка; 227 — Алексеевка (Дунец)

берегам верхней Оки и на ее притоках. Сожженные кости, собранные с погребального костра, помещены чаще в основаниях насыпей, но встречены и курганы с захоронениями остатков трупосожжений выше материка на 0,2—0,3 м, а также с погребениями сверху. Большинство погребений не содержит ни урн, ни вещей.

Курганы первого типа составляли основную часть могильника близ д. Западная на правом берегу р. Черепеть, недалеко от ее впадения в Оку. Раскопки здесь проводили Ю. Г. Гендуше и С. А. Изюмова (*Изюмова С. А.*, 1964, с. 159—162). Сожжения умерших совершены всегда на стороне. Пережженные косточки помещены кучкой или в урне в основании кургана или на различной его высоте. Нередко слой сожженных костей рассыпался в основаниях насыпей площадью от 80×70 до 210×75 см. Захоронения, помещенные в насыпях, очевидно, были вводными.

В курганах у д. Западная найдено пять глиняных сосудов-урн, из которых один гончарный (табл. XLI, 3), остальные — лепные (табл. XLI, 7). Изделия из бронзы представлены небольшим проволочным колечком, проволочным браслетом и фрагментами других украшений. Найдена также железная пряжка прямоугольной формы. Обнаружены бусины — стеклянные мозаичные (полосатые и глазчатые), имеющие аналогии в северокавказских древностях VIII—IX вв., и одна — сердоликовая цилиндрическая.

Вятичские курганы второго типа содержали погребальные домины, сложенные из дерева. В курганах близ д. Западная погребальные камеры были срубными. Размеры их от 2,2×1,1 до 1,75×0,5 м. Сверху камеры были покрыты плахами, а снизу имели пол из хорошо подогнанных досок. Высота камер до 0,35—0,45 м. Все они обуглены. Погребальные постройки сгорали внутри насыпи уже после того как был сооружен курган.

Каждая погребальная камера являлась своеобразной усыпальницей, где хранились остатки нескольких трупосожжений, совершенных на стороне в разное время. Вход в камеры заваливали камнями, поэтому доступ в них был всегда возможен, стоило только отодвинуть валуны. При расчистке камер обнаружены скопления кальцинированных костей в виде или сплошного слоя толщиной 10—20 см, или пяти—семи кучек. Кроме рассыпанных костей, на полу доминируют урны с прахом и пустые горшки, очевидно ритуального назначения. Вся керамика лепная (табл. XLI, 1, 2, 4, 8).

Вещевые находки единичны — малые железные ножи, оплавленные стеклянные бусы, фрагменты пряжек, деформированный бубенчик с гофрированной поверхностью, пуговка и трубочка-обоймочка.

Срубная камера открыта и при раскопках одного из курганов в с. Доброе. Она имела размеры 1,4×1 м, высоту 0,25 м и содержала три скопления кальцинированных костей, обломки лепных сосудов и стеклянные бусы, позволившие датировать курган IX—X вв.

Исследователь курганов в Воронце В. А. Городцов отметил, что камеры здесь сооружались из досок под западной полой насыпи (*Городцов В. А.*, 1900а, с. 14—20). Входы в яки закладывались камнями или закрывались досками. В Песковатовском кургане ящик был обуглен и имел размеры 2,3×0,7 м. В нем содержалось очень большое количество пережженных

костей, — очевидно, от сожжений нескольких умерших. Одно из захоронений помещалось в древнерусском гончарном сосуде, украшенном линейным орнаментом. По-видимому, захоронения в этом кургане совершались еще в X—XI вв. В горшке, кроме сожженных костей, оказались проволочный перстень и куски оплавленного стекла.

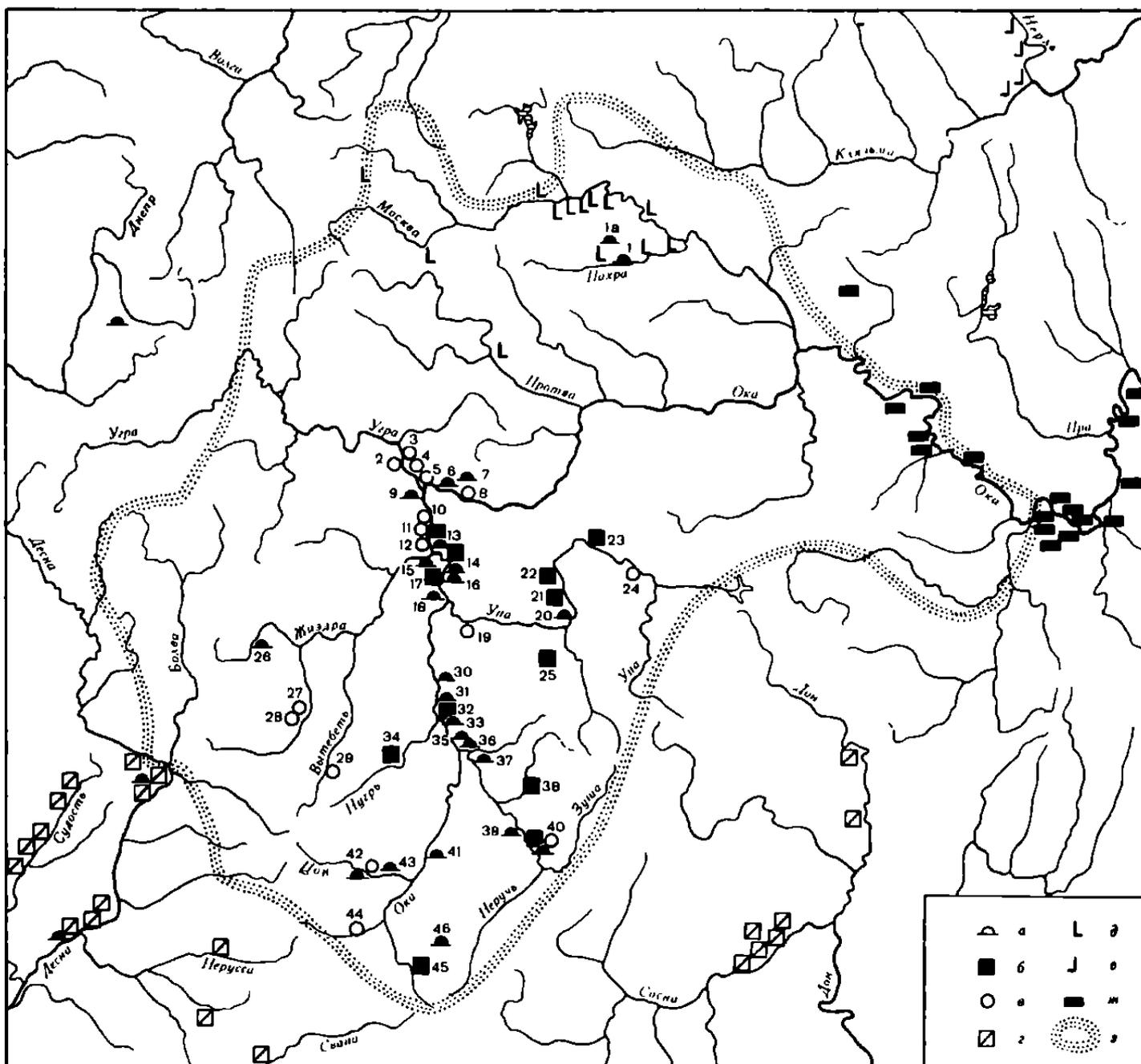
Курганы с погребальными доминами известны пока только в шести вятичских могильниках (Воронец, Доброе, Западная, Лебедка, Песковатое и Воротынцево). За исключением Воротынцевского кургана, все эти насыпи располагались в общих группах с насыпями первого типа и попеременно с ними. Курган в Воротынцеве был одиночным.

Курганы с погребальными доминами специфичны, но не составляют этнографической особенности вятичского ареала. Подобные курганы известны и в области расселения радимичей (Попова Гора, Демьянки), и в земле северян (Шуклинка), а также в бассейне верхнего течения Дона. Позднее, в XI—XII вв., подобные камеры-домовины ставили в курганы с труположениями главным образом в области расселения дреговичей и радимичей (*Седов В. В.*, 1970б, с. 88—90), но известны они и в земле вятичей. Так, Н. И. Булычев раскопал курганы с деревянной камерой, в которой находилось труположение с семилопастными височными кольцами, в урочище Мерешище на р. Болва (*Булычев Н. И.*, 1903, с. 47), а В. А. Городцов исследовал курганы с дощатыми ящиками-камерами, в которых находились скелеты, близ Воскресенска (*Арцизовский А. В.*, 1930а, с. 106).

В последнее время погребальные домины с труположениями исследовались в Покровских и Стрелковских курганах на р. Пахра (*Юшко А. А.*, 1972, с. 190, 191).

Во многих вятичских курганах с захоронениями по обряду трупосожжения зафиксированы кольцевые столбовые оградки. Это оградки-частоклы, сооруженные из столбиков, вкопанных в отдельные ямки или одну общую канаву. Столбовые оградки обнаружены в восточнославянских курганах, заключающих как сожжения, так и труположения, на широкой территории от бассейна Припяти на юго-западе до Суздальской земли на северо-востоке (*Бессарабова З. Д.*, 1973, с. 74—76). Очевидно, что обычай устраивать столбовые оградки был распространен в восточнославянской среде. Он не может считаться только вятичским, как думали еще совсем недавно. По всей вероятности, кольцевые оградки имели обрядовое назначение. Высказано предположение, что они связаны с культом солнца в погребальной обрядности славян (*Лавров Н. Ф.*, 1951, с. 73). П. Н. Третьяков подметил, что курганные кольцевые оградки очень напоминают «ограды» языческих святилищ балтского населения Смоленского Поднепровья (*Третьяков П. Н.*, 1969, с. 89).

Датируются вятичские курганы с трупосожжениями в целом VIII—X вв., но отдельные захоронения этого вида, очевидно, могут быть отнесены и к XI—XII вв. Так, в 1940 г. Г. П. Гроздилов раскопал два кургана близ д. Слевидово, которые содержали захоронения по обряду сожжения и труположения. Керамика и сердоликовые бусы позволяют датировать погребения по обряду кремации в этих курганах

Карта 22. Расселение вятичей в VIII—X вв.

a — могильники с курганами, содержащими трупосожжения; *б* — городища вятичей; *в* — селыща вятичей; *г* — поселения роменской и боршевской культуры; *д* — поселения последнего этапа дьяковской культуры; *е* — поселения мери; *ж* — среднеокские грунтовые могильники; *з* — границы расселения вятичей по курганам XI—XIII вв.

1 — Стрелково; 1а — Фоминское; 2 — Степаньково; 3 — Камезяно; 4 — Красный Городок; 5 — Росва; 6 — устье Калужки; 7 — Ждамширово; 8 — Городня; 9 — Слевидово; 10 — Воротыньск; 11 — Желохово; 12 — Верхнее Подгоричье; 13 — Вороново; 14 — Доброе; 15 — Кудиново; 16 — Западная; 17 — Дуна; 18 — Городок; 19 — Жабьинское; 20 — Триваново; 21 — Супруты; 22 — Тимофеевка; 23 — Щепилово; 24 — Топтыково; 25 — Снетки; 26 — Солоново; 27 — Рессета; 28 — Харитоновка; 29 — Михайловка; 30 — Голубочки; 31 — Песковатое; 32 — Федяшево; 33 — Воронеж; 34 — Борилово; 35 — Шлыково; 36 — Никитина; 37 — Городище; 38 — Зайцево; 39 — Мценск; 40 — Воротынцево; 41 — Спасское; 42 — Лебедка; 43 — Лебедка (урочище Игрище); 44 — Кирово; 45 — Пашково; 46 — Плоты

XII в. (Иаюмова С. А., 1970б, с. 237, 238). Очевидно, в XI—XII вв. обряд кремации сосуществовал с обрядом ингумации.

Вятичские курганы с трупосожжениями сконцентрированы в бассейне верхнего течения Оки (выше Калуги), и поселения VIII—X вв. известны только в той же юго-западной части вятичского ареала (карта 22). Нужно полагать что в последних веках I тысячелетия н. э. более северные и северо-восточные области Окского бассейна были не славянскими. Этот вывод согласуется с результатами новейших работ по изучению дьяковских поселений в бассейне Москвы-реки. Материалы Щербинского городища показывают, что это поселение было заселено вплоть до IX (может быть, X) столетия включительно (Розенфельдт И. Г., 1967, с. 90—98). Известны и другие поселения позднего этапа дьяковской культуры (Розенфельдт И. Г., 1974, с. 90—197). Дьяковские племена занимали весь бассейн Москвы-реки и прилегающую к нему часть поречья Оки. В то же время рязанское течение Оки принадлежало племенам, оставившим группу рязанско-окских могильников, наиболее поздние захоронения которых относятся к VIII—X вв. (Монгайт А. Л., 1961, с. 76, 78; Седов В. В., 1966а, с. 86—104).

Вятчские поселения VIII—X вв. — городища и селища. Слой с керамикой роменского типа, как правило, находятся на многослойных городищах. К какому хронологическому периоду принадлежат укрепления на них, до проведения раскопчных исследований сказать нельзя. Рядом с городищами иногда расположены селища с отложениями VIII—X вв. Известны и отдельно расположенные селища этой поры. Одно из таких поселений у д. Лебедка на берегу р. Цон исследовала Т. Н. Никольская (*Никольская Т. Н.*, 1957, с. 176—197). Селище существовало продолжительное время — от VIII до XIII в. Открыто несколько полуземляночных построек VIII—X вв. того же типа, что и на роменских поселениях Среднего Поднепровья. Такие же полуземлянки с глинобитными печами раскопаны на городище у д. Лужки (*Никольская Т. Н.*, 1959, с. 73) и на селище в пос. Кромы.

Селища VIII—X вв. характеризуются значительными размерами. Площадь их от 2,5 до 6 га. Застройка, судя по раскопанному участку на поселении у д. Лебедка, кучевая, при плотно поставленных жилищах (*Никольская Т. Н.*, 1977, с. 3—9).

Верхнеокская керамика VIII—X вв. по всем данным очень близка к роменской. Это в основном лепная посуда (гончарная керамика появилась здесь не ранее конца X в.). Она представлена горшками, мискообразными сосудами и сковородками. Формы горшков и мисок имеют аналогии в роменской керамике Среднего Поднепровья и бассейна Десны. Большая часть окской лепной посуды не украшена. Хотя доля украшенных сосудов здесь меньше, чем в роменской керамике, но узоры абсолютно тождественны и нанесены теми же инструментами (*Никольская Т. Н.*, 1959, с. 65—70).

Древности ранних вятичей по основным особенностям — керамическому материалу, домостроительству и погребальному обряду — сопоставимы с синхронными славянскими культурами более южных областей Восточной Европы: роменской днепровского лесостепного левобережья и типа Луки-Райковецкой правобережной Украины.

Очевидно, нужно полагать, что в самом начале VIII в. на верхнюю Оку, на территорию, занятую голядью, пришла группа славян откуда-то с юго-запада.

О происхождении вятичей Повесть временных лет сообщает: «...радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в ляхех, — Радим, а другой Вятко, — и пришедша седоста Радимъ на Съю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи» (ПВЛ, I, с. 14).

Однако исследователями давно замечено, что летописное «от ляхов» следует понимать не в этническом, а в географическом смысле. По-видимому, летопись имеет в виду, что в древности предки вятичей жили где-то в западных областях, там, где в средневековье расселились ляхские (польские) племена.

Этноним вятичи произведен от имени Вятко, о чем сообщает и Повесть временных лет. Вятко — уменьшительная форма от праславянского антропонима Вячеслав (*Фасмер М.*, 1964, с. 376). Нужно полагать, что Вятко был предводителем той группы славян, которая первой пришла на верхнюю Оку. Эта группа еще не была, по-видимому, отдельной этнографической единицей славянства. Только изолированная

жизнь на Оке и метасация с местными балтами привели к племенному обособлению вятичей.

В северные области вятчской земли до XI в., по-видимому, проникали лишь небольшие изолированные группы славян. Следы такого проникновения являются находки лепной керамики, близкой к роменско-боршевской, обнаруженные на городище Дьяково под Москвой, на Старорязанском, Вышгородском и Луховицком городищах рязанского течения Оки (*Монгайт А. Л.*, 1961, с. 124). Отдельных славянских напластований VIII—X вв. на всех этих памятниках нет, лишь в слоях с преобладанием керамического материала иного облика встречены немногочисленные черепки IX—X вв.

О славянской инфильтрации этого времени в северной части вятчской земли свидетельствуют и единичные захоронения по обряду трупосожжения. Одно из них открыто в кургане Стрелковского могильника на Пахре (*Юшко А. А.*, 1972, с. 186). Впрочем, не исключено, что это трупосожжение относится к XI в.

Признаком массового проникновения славян в северные области вятчского региона служит распространение здесь курганного погребального ритуала. Курганы с труположениями занимают всю территорию вятичей (карта 21). Это обычные древнерусские полусферические насыпи, высотой около 1—2,5 м. Могильники состоят из нескольких десятков насыпей. Иногда встречаются курганные группы, насчитывающие свыше сотни насыпей. В большинстве вятчских курганов с труположениями присутствуют беспорядочно разбросанные угольки или их небольшие скопления. Это, по всей вероятности, один из пережитков прежнего погребального ритуала — трупосожжения.

Умерших хоронили по общеславянскому ритуалу — на спине, головой на запад (с сезонными отклонениями). Восточная ориентировка умерших зафиксирована в вятчском регионе в единичных случаях. Такие погребения открыты в бассейне Жидры и Угры, на пограничье с кривичами и в бассейне Москвы-реки (карта 12). Восточная ориентировка умерших в древнерусских курганах была наследием балтского погребального ритуала. Так же редко встречаются в вятчских курганах и труположения, ориентированные меридионально. Они есть в кривичско-вятчском пограничье — в могильниках Колчино, Курганье, Манина, Марфинка, Синьгово и, кроме того, в курганах у д. Крымское в Верейском р-не Московской обл. и курганах рязанского течения Оки, исследованных в Апоничицах, Городце и Земском. Видимо, к этой группе погребений относятся труположения, ориентированные головой к северо-востоку (Ситково в б. Зарайском уезде). Меридиональное положение умерших свойственно финским племенам, и от них этот обряд проник к вятичам.

Как правило, в вятчских курганах находится одно труположение. Семейные захоронения сравнительно редки, в них умершие лежат или оба на горизонте, или в разных ярусах. Часто применялись долбленные, реже — дощатые гробы. Иногда умершего заворачивали в березовую кору или накрывали ее слоем. Как уже отмечалось, зафиксированы захоронения в деревянных камерах-домовинах.

Вятчские курганы очень богаты вещевым материалом. В этом отношении они существенно отли-

чаются от курганов южной части восточнославянского региона. Особенным разнообразием вещей характеризуются труположения женщин, что позволяет реконструировать в общих чертах убранство женского костюма.

Хорошо сохранившийся головной убор найден в одном из курганов в с. Иславское под Звенигородом. Он состоял из шерстяной ленты, опоясывавшей голову, и витой бахромы, спускавшейся ярусами по обе стороны лица. А. В. Арциховский отметил, что аналогичные головные уборы встречены этнографами у крестьянского населения ряда районов Рязанской обл. (Арциховский А. В., 1930а, с. 101). Видимо, остатки подобного головного убора открыты и в кургане близ с. Мячково в б. Коломенском уезде (Указатель памятников, с. 275).

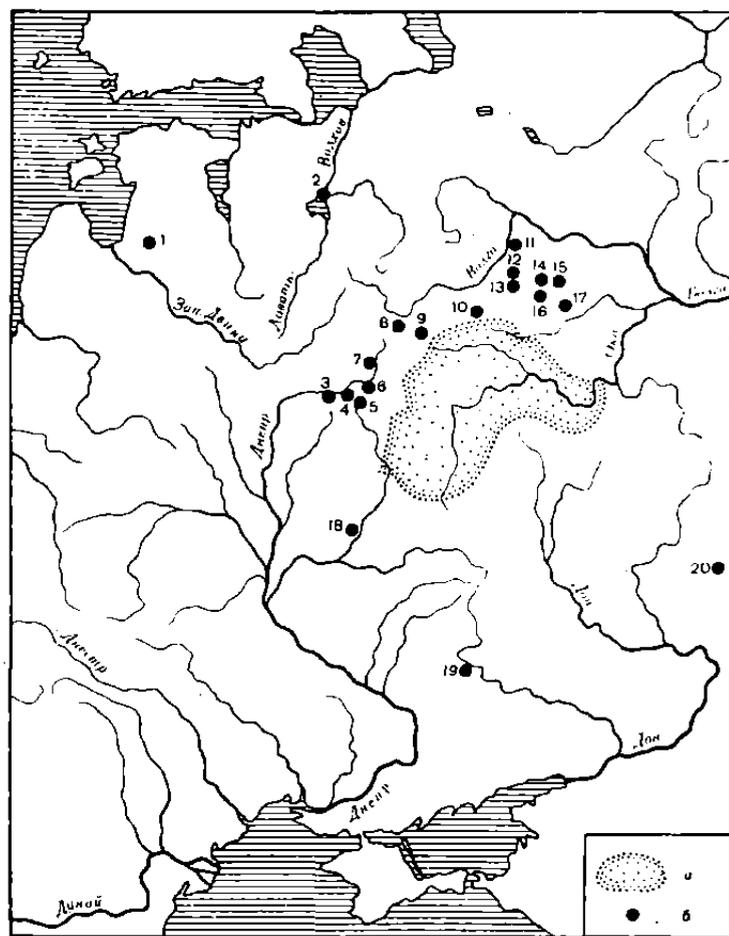
Характерные для вятичей семилопастные височные кольца найдены в сотнях женских погребений (табл. XLII, 1, 2, 6, 10, 11; XLIII, 5, 6). Их носили на головной ленте из кожи или ткани, иногда вплетали в волосы. Обычно в одном погребении встречается по шесть-семь семилопастных колец, но бывает и меньше — по четыре или по два кольца. Кроме находок в курганах, семилопастные кольца неоднократно обнаружены на вятичских поселениях, в том числе в городах Москве, Старой Рязани, Серенске, Переяславле-Рязанском, Тешилове и др.

Вне вятичского ареала семилопастные височные кольца единичны и бесспорно отражают расселение из земли вятичей (карта 23). Два семилопастных кольца найдены в Новгороде (Седова М. В., 1959, с. 224, рис. 1, 6, 7). Встречены они также в бассейне верхней Волги (Спицын А. А., 1905а, с. 102, рис. 127; Куза А. В., Никитин А. Л., 1965, с. 117, рис. 43, 1), в Суздалье (Ворохин Н. Н., 1941, с. 95, табл. XIV, 8). Несколько раз найдены семилопастные височные кольца и в области расселения смоленских кривичей (Седов В. В., 1970б, с. 111), в том числе и в Смоленске (Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В., 1980, с. 251—253). Несколько находок вятичских височных украшений происходит из различных мест более отдаленных территорий.

А. В. Арциховский разделил семилопастные височные кольца на типы. Простые семилопастные украшения он отнес к первому типу и датировал XII—XIV вв., а сложные, дифференцируемые на 12 типов, — к XIII—XIV вв. (Арциховский А. В., 1930а, с. 49—55, 136, 137). Б. А. Рыбакову удалось подметить различия внутри простых семилопастных колец (Рыбаков Б. А., 1948, с. 554). Их типология позднее была разработана Т. В. Равдиной (Равдина Т. В., 1968, с. 136—142), которой принадлежит и общая статья об этих украшениях (Равдина Т. В., 1978, с. 181—187).

Самыми ранними среди семилопастных являются кольца с округлорасширенными лопастями (табл. XLII, 2). Такие кольца бытовали в XI и начале XII в. (табл. XLIV). Они отличаются от более поздних сравнительно небольшими размерами, не имеют боковых колечек, лопасти у них не орнаментированы.

На следующей ступени развития семилопастных колец их лопасти приобретают секировидные очертания, появляются боковые колечки, щитки орнаментируются сначала заштрихованной полосой в

Карта 23. Распространение семилопастных височных колец а — основной регион; б — находки вне этого региона

1 — Друсти; 2 — Новгород; 3 — Смоленск; 4 — Бородино; 5 — Черный Ручей; 6 — Павлово; 7 — Харлапово; 8 — Титовка; 9 — Волоколамск; 10 — Шустино; 11 — Воропово; 12 — Купанское; 13 — Городище; 14 — Сизино; 15 — Красково; 16 — Кузбаево; 17 — Суздаль; 18 — Пушкари; 19 — Петровское; 20 — Русская Бундиевка

одн., а затем — в два ряда (табл. XLII, 1, 11; XLIII, 5, 6). Размеры височных колец увеличиваются. Дата их XII—XIII вв.

Известны и семилопастные украшения, занимающие промежуточное положение. Лопасти их имеют округленные очертания, но уже есть боковые кольца (табл. XLII, 10).

Сложные семилопастные кольца (табл. XLIV) датируются второй половиной XII—XIII в.

По вопросу о происхождении семилопастных височных колец высказано несколько предположений. Н. П. Кондаков полагал, что височные украшения вятичей развились из колтов: шарики, которые окружают колты, постепенно эволюционировали в лопасти (Кондаков Н. П., 1896, с. 198). Однако переходные формы между колтами и семилучевыми украшениями до сих пор не найдены. П. Н. Третьяков обратил внимание на внешнее сходство семилопастных колец с серповидными украшениями, увешанными трапециевидными привесками. Он полагал, что вятичские кольца развивались из последних украшений (Третьяков П. Н., 1941, с. 41, 42, 51).

Более вероятной представляется гипотеза В. И. Сизова о влиянии художественных изделий арабского Востока на происхождение семилопаст-

ных колец. К этому выводу привело исследователя сопоставление узоров вятичских колец с арабской орнаментикой (Сизов В. И., 1895, с. 177–188). Наблюдения Б. А. Куфтина как будто подтвердили заключения В. И. Сизова (*Куфтин Б. А.*, 1926, с. 92). В этой связи А. В. Арциховский писал, что «мысль об арабском происхождении этих украшений является, по-видимому, плодотворной» (*Арциховский А. В.*, 1930а, с. 48). К выводу об арабско-иранском происхождении семилопастных височных колец пришел и Б. А. Рыбаков (*Рыбаков Б. А.*, 1948, с. 106, 107).

В. И. Сизов поставил также вопрос об эволюции вятичских височных колец из семилучевых украшений радимичей. Эта мысль впоследствии была развита Н. Г. Недошивиной, которая отметила находки в древнерусских памятниках височных колец, занимающих промежуточное место между семилучевыми и семилопастными украшениями (*Недошивина Н. Г.*, 1960, с. 141–147).

Скорее всего в основе вятичских височных колец лежали не радимичские украшения, а семилучевые кольца раннего облика, известные по памятникам VIII–X вв. южной части восточнославянских территорий. В процессе эволюции семилопастных колец в регионе вятичей они, судя по орнаментации, испытали восточное влияние.

Одежда вятичских женщин шилась преимущественно из шерстяной материи, но встречены также остатки льняных и парчовых тканей. Вместо пуговиц иногда использовались бусы и бубенчики, но чаще пуговицы были, по-видимому, деревянными. Несколько раз встречены в курганах и маленькие грибовидные пуговицы из бронзы или биллона. Поясные пряжки в женских захоронениях почти не попадаются. Найдены в курганах и остатки кожаной обуви.

Шейные украшения женщин состояли из гривен и ожерельй. Нельзя сказать, что шейные металлические обручи принадлежат к характерным вятичским украшениям. В большей части вятичского ареала, в том числе на верхней и средней Оке, они почти не встречаются. Тем не менее в вятичских курганах шейные гривны попадают чаще, чем в погребальных памятниках других восточнославянских племен. Но сосредоточены они преимущественно в бассейне Москвы-реки и прилегающих к нему районах верхнего течения Клязьмы (*Фехнер М. В.*, 1967, с. 55–87). Причины такого распространения этих украшений еще предстоит выяснить.

Из вятичских курганов происходят шейные гривны нескольких типов. Наиболее ранние из них сделаны из четырехгранного дрота и заканчиваются петлей и крючком. Они найдены в четырех подмосковных могильниках (Беседы, Коньково, Таганьково и Черкизово) в курганах, относящихся к XI в. Аналогичные гривны встречены в Ростово-Суздальской земле, юго-восточном Приладожье и далее в Скандинавии и северной части Средней Европы.

В более поздних вятичских курганах обнаружены шейные гривны следующих типов: круглопроволочные загнутоконечные, двускатнопластинчатые, витые с замками в виде крючков (табл. XLIII, 11) или крючка и петли и витые с пластинчатыми (раскованными или припаянными) концами, завершающи-

мися крючком и петлей. Единичными экземплярами представлены и некоторые иные типы.

Шейные гривны, как правило, находят в захоронениях с богатым набором погребального инвентаря. Обычно в них бывает много браслетов, перстней, привесок, бус и височных колец. Однако было бы ошибкой полагать на этом основании, что шейные гривны носили у вятичей наиболее зажиточные женщины. Распространение курганов с находками этих украшений делает такое предположение невероятным. Скопление курганных находок шейных гривн на восточном побережье Чудского озера, в юго-восточном Приладожье, в Ростово-Суздальской земле дает больше оснований полагать, что эти украшения связаны с неславянским населением Восточной Европы.

Вятичские ожерелья, как правило, состоят из большого числа бус, разнообразных по форме и окраске. Чаще разнотипные бусины чередуются (табл. XLII, 5, 7, 8, 12; XLIII, 1, 4, 12). Иногда к ним добавляются привески (табл. XLII, 13). Наиболее распространенными у вятичей были хрустальные шарообразные, сердоликовые бипирамидальные и желтые стеклянные шарообразные бусины.

Обычно в вятичских ожерельях хрустальные шарообразные бусины чередуются с сердоликовыми бипирамидальными (табл. XLIII, 12). А. В. Арциховский считает такое сочетание племенным признаком вятичей.

К числу редких принадлежат нагрудные украшения, состоящие из ажурных цепедержателей и цепочек, на которых подвешивались бубенчики, пластинчатые металлические изображения птиц, ключей, гребней (табл. XLII, 4). Чаще встречаются бубенчики (табл. XLIII, 3), служившие одиночными привесками к одежде.

Украшения рук представлены браслетами и перстнями. Среди браслетов выделены витые завязанные (табл. XLIII, 9, 10), витые тройные, витые 2×2, 2×3 и 2×4, проволочные, пластинчатые разомкнутые и загнутоконечные. Изредка попадаются толстопластинчатые браслеты со стилизованными концами (табл. XLII, 9). В вятичских древностях численно преобладают браслеты витые тройные и четверные и пластинчатые загнутоконечные.

В вятичских женских погребениях почти всегда попадают перстни (табл. XLII, 3; XLIII, 2, 7, 8). Их носили на пальцах обеих рук числом от одного до десяти. Кроме того, в отдельных курганах на груди умершей отмечены связки из двух-четырех перстней. Наиболее распространенными у вятичей были решетчатые перстни. А. В. Арциховский выделяет среди них несколько типов, из которых одно-, двух- и трехзигзаговые встречаются преимущественно у вятичей. Довольно часты пластинчатые перстни, в том числе широкосрединные и прямые, проволочные, рубчатые и витые общерусских типов.

В погребениях с труположениями мужчин в вятичских курганах вещей нет или их мало. Наиболее частая находка — железные ножи, которые попадают также и в захоронениях женщин. В погребениях мужчин часто встречаются железные и бронзовые пряжки, преимущественно лировидные, но нередко кольцевые и четырехугольные, а также поясные кольца.

Обычай класть в могилу оружие и предметы труда у вятичей не был распространен. Лишь изредка в вятичских курганах попадаются калачевидные и овальные кресала, а в виде исключения — железные топоры и наконечники копий. Единичными экземплярами представлены также железные серпы, ножицы, кочедык и наконечник стрелы. Кремневые стрелы, находимые в курганах, имели ритуальное значение.

Довольно часто в захоронениях мужчин и женщин в вятичских курганах бывают глиняные горшки. Почти все они изготовлены при помощи гончарного круга и принадлежат к обычным древнерусским горшкам курганного типа. Ставили их, как правило, в ногах умершего и очень редко — около головы. Это был языческий ритуал, который постепенно выходил из употребления. Вятичские курганы с ямными трупоположениями, как правило, уже не содержат глиняных горшков.

А. В. Арциховский дифференцировал вятичские курганные древности на три хронологические стадии, датировав первую XII в., вторую — XIII в., третью — XIV в. (Арциховский А. В., 1930а, с. 129—150). Членение курганов на стадии выполнено исследователем безусловно, может быть уточнена лишь абсолютная хронология этих стадий. Так, Т. В. Равдина считает возможным датировать курганы первой стадии XI—XII вв., второй стадии — XII в., а третьей — XIII в. (Равдина Т. В., 1965, с. 122—129).

Насыпи, относящиеся к первой стадии (XI — начало XII в.), помимо Верхнеокского региона, где есть курганы с трупосожжениями, известны вдоль Оки, до впадения в нее Москвы-реки, и далее в бассейне нижнего и среднего течения последней (включая окрестности Москвы).

Нужно полагать, что в XI в. вятичи из Верхнеокского региона поднялись по Оке и, достигнув устья Москвы-реки, повернули на северо-запад, заселив районы нижнего и среднего течения этой реки. Верховья Москвы-реки, а также левые притоки Оки между Угрой и Москвой-рекой в этот период еще не были освоены славянами. Нет славянских курганов с трупоположениями первой стадии и в рязанском течении Оки.

Курганы второй стадии выделены А. В. Арциховским по браслетам витым (и ложновитым) тройным и четверным и по некоторым видам семилопастных височных колец. Видимо, многие из этих курганов относятся к XII в. (по А. В. Арциховскому, к XIII в.), хотя наиболее поздние могут быть датированы и XIII в. Эти курганы занимают более обширную территорию, чем ареал ранних насыпей. Бассейны рек Жиздры, Угры и Москвы осваиваются полностью. На севере вятичи доходят до верховьев Клязьмы, на востоке — до правого притока Оки — Прони.

Самые поздние курганы вятичей, относящиеся к XIII в., может быть, отчасти к XIV вв., известны по всему вятичскому ареалу, однако распространены неравномерно. Так, в бассейне верхней Оки они единичны, что, видимо, объясняется исчезновением здесь обычая сооружать курганы. Интересно заметить, что именно в этом районе вятичской земли наблюдается концентрация городов домонгольского времени. Из вятичских городов, упоминаемых летописью в XII в.,

абсолютное большинство находится в области ранних курганов вятичей (Седов В. В., 1973, рис. 5). Именно в этом районе, видимо, и началось крещение вятичского населения. В конце XI или начале XII в. здесь, около города Серенска, был убит вятичами христианский миссионер, киево-печерский монах Кукша, прозванный церковью «просветителем вятичей» (Л. И., 1862, с. 9, 10).

В северной и восточной частях вятичской территории — в бассейне Москвы-реки и рязанской части Оки — курганный обряд погребения держался стойко и весьма долго. В XII в. это были еще довольно глухие края. В обширном бассейне Москвы-реки летопись знает в XII в. только два города — Коломну и Москву. В рязанском бассейне Оки в то же время названы Пронск и Трубеч, но Трубеч, судя по названию, основан переселенцами из Южной Руси.

Христианские символы — кресты и образки — в вятичских курганах весьма малочисленны. Они свидетельствуют не о христианизации сельского населения земли вятичей, а о первом соприкосновении населения с новой религией (Беленькая Д. А., 1976, с. 88—98).

Эволюция погребального обряда у вятичей (табл. XLIV) шла в том же направлении, что и у большинства других восточнославянских племен: наиболее ранними были трупоположения на горизонте, захоронения в подкурганых ямах распространились в более поздний период (Недошивина Н. Г., 1971, с. 182—196). Так, среди курганов с вещами первой стадии около 90% составляют насыпи с трупоположениями на горизонте. Во втором хронологическом периоде доля ямных трупоположений достигает 24%, а в третьем — 55%.

В этой связи вполне очевиден поздний характер вятичских курганов Рязанской земли. Подкурганые ямные трупоположения здесь решительно преобладают над другими типами захоронений. Они составляют свыше 80% исследованных захоронений (трупоположения на горизонте — 11%, остальные — захоронения в насыпях).

Н. Г. Недошивина полагает, что распространение трупоположений в подкурганых ямах отражает процесс христианизации вятичского населения (Недошивина Н. Г., 1976, с. 49—52).

Радимичи

Место расселения радимичей — бассейн Сожа: «...и пришедьша седоста Радимъ на Съжо, и прозвашася радимичи» (ПВЛ, I, с. 14). В летописном перечне племенных княжений восточного славянства радимичей нет. Однако из других мест летописей очевидно, что радимичи управлялись племенными вождями, имели свое войско и до последних десятилетий X в. сохраняли самостоятельность. В середине IX в. радимичи были вынуждены платить дань Хазарскому каганату. Вслед за походами на древлян и северян в 885 г. киевский князь Олег направляет свою дружину на радимичей (ПВЛ, I, с. 20). В результате радимичи были освобождены от выплаты дани хазарам. Вместе с тем они сохранили племенную организацию. Их взаимоотношения с киевскими князьями до конца X в. ограничивались выпла-

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

той дани и участием в военных походах, предпринимаемых из Киева.

Новый поход на радимичей состоялся в 984 г. при киевском князе Владимире Святославиче (ПВЛ, I, с. 59). Авангард киевского войска во главе с воеводой Волчий Хвост встретился с радимичскими войсками на реке Пищань (приток Сожа, близ современного Славгорода). Радимичи были разбиты и с этого момента потеряли самостоятельность. Их территория вошла в состав древнерусского государства. Последний раз радимичи упоминаются в летописях под 1169 г. (ПСРЛ, II, с. 538) уже не как отдельное самостоятельное племя, а в качестве этнографической единицы восточного славянства.

Это — все, что можно извлечь из письменных источников по истории радимичей. Более существенные материалы дают древнерусские курганы. Их научные раскопки начались со второй половины XIX в. В Гомельско-Могилевском Поднепровье, где радимичи соприкасались с дреговичами, раскопками курганов занимались Н. М. Турбин, А. С. Уваров, М. М. Филонов, Е. Р. Романов и другие (Головацкий Я., 1880, с. 1, 2; Лоначевский А., 1885, с. 573—577; Романов Е. Р., 1889, с. 129—153; 1910, с. 97—128).

В 1878 г. в бассейне Вабли, где имеются курганы и радимичей и северян, производил раскопки Д. Я. Самоквасов (Самоквасов Д. Я., 1878, с. 195, 196, 223; 1908а, с. 208—210).

Основным же исследователем радимичских курганов был П. М. Еременко. В течение четырех полевых сезонов 1890—1896 гг. он вскрыл более 300 курганов в 36 могильниках, расположенных в бассейне Ипути, верховьях Снови и Брянском Подесенье (Еременко П. М., 1896, с. 73—84; 1906, с. 87—90; Спицын А. А., 1896а, с. 95—102; 1896в, с. 84—95; Шульгин А. Н., 1906, с. 91—115).

В 1893 г. в радимичском Посожье курганными раскопками занимался В. Б. Антопович (Антопович В. Б., 1893а, с. 316—318; 1894, с. 14, 15). В северных районах радимичского ареала и в смешанной радимичско-кривичской полосе заметные исследования принадлежат М. В. Фурсову, С. Ю. Чоловскому и В. И. Сизову (Фурсов М. В., Чоловский С. Ю., 1892; 1893; Фурсов М. В., 1895, с. 236—245; Чоловский С. Ю., 1893; Сизов В. И., 1894, с. 141). Кроме того, в конце XIX и в первых десятилетиях XX в. небольшие раскопки курганов вели А. В. Прахов, В. К. Черепанов, С. А. Чуев, С. А. Гатцук и другие (Черепанов В. К., 1901, с. 299—301; ОАК, 1905, с. 78—81).

На пограничье кривичей и радимичей существенные изыскания вел С. М. Соколовский (Ляўданскі А. Н., 1932, с. 5—68). В 20-х годах XX в. радимичские курганы исследовались белорусскими археологами И. Х. Ющенко, И. А. Сербовым, К. М. Поликарповичем и С. А. Дубинским (Дубінскі С. А., 1928, с. 275—281; Юшчанка І. Х., 1930, с. 513—515; Сербай І. А., 1932, с. 240, 241), а также брянскими краеведами С. Х. Боборыкиным, С. С. Деевым и П. С. Ткачевским (Деев С. С., 1926, с. 28—50).

В 50—60-х годах раскопками курганов занимались Ф. М. Заверняев и В. А. Падин. В. А. Падин, в частности, исследовал интересный радимичско-северянский Кветунский могильник (Падин В. А., 1958, с. 218—226; 1976, с. 197—210). На радимичско-дре-

говичском пограничье (Ходосовичи) небольшие исследования вел И. И. Артеменко (Артеменко И. И., Соловьева Г. Ф., 1963, с. 101—104).

С 1962 г. планомерные раскопки курганов в земле радимичей вела Г. Ф. Соловьева. Она исследовала насыпи в Гадиловичах, Веточке, Кривске, Шапчицах, Демьянках и др. (Соловьева Г. Ф., 1966, с. 253, 254; 1967б, с. 187—198; 1971, с. 65—68; 1972, с. 50—53). Сравнительно небольшие раскопки осуществили Я. Г. Риер (Риер Я. Г., 1976, с. 185—191; 1978, с. 423, 424; 1979, с. 444, 445) и В. В. Богомольников (Богомольников В. В., 1978, с. 410).

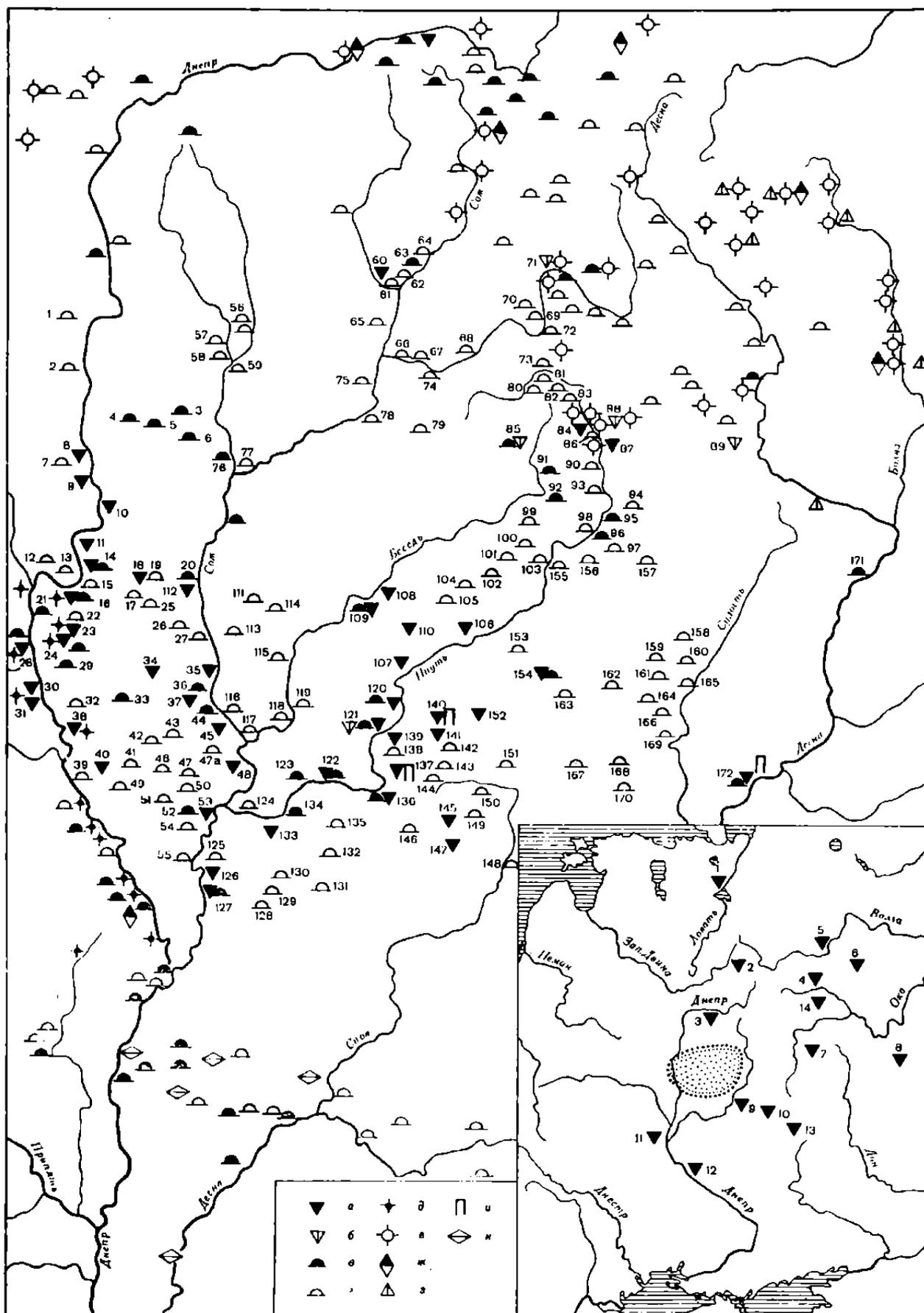
Уже в конце XIX в. стало очевидным, что основным этноопределяющим признаком радимичей служат семилучевые височные кольца. Их находки очень плотно сконцентрированы в Посожье. К началу 30-х годов XX в. относится монографическое исследование

Карта 24. Регион радимичей в IX—XII вв.

а — курганные могильники с находками семилучевых височных колец; б — могильники с височными кольцами «деснянского» типа; в — курганные могильники с трупосожжениями; г — могильники исключительно с труположениями; д — курганные могильники с дреговичскими бусами; е — памятники с находками браслетообразных завязанных височных колец; ж — памятники с находками ромбоштитковых височных колец; з — памятники с семилопастными кольцами; и — памятники с северянскими кольцами; к — курганные могильники с полнскими особенностями

1 — Ямница; 2 — Княжпцы; 3 — Дабужа; 4 — Воронино; 5 — Юревичи; 6 — Грязивец; 7 — Лудчицы; 8 — Колодезная; 9 — Новый Быхов; 10 — Обидовичи; 11 — Шапчицы; 12 — Зборов; 13 — Вищань; 14 — Юдичи; 15 — Федоровка; 16 — Гадиловичи; 17 — Новый Кривск; 18 — Хизово; 19 — Староград; 20 — Остров; 21 — Ходосовичи; 22 — Вишенки; 23 — Веточка IV; 24 — Веточка V; 25 — Каменка Рысковская; 26 — Сапрыки; 27 — Ипполитовка; 28 — Курганье; 29 — Рудня Старая; 30 — Проскурня; 31 — Каменка; 32 — Елонец; 33 — Ивановка; 34 — Ботвиновка; 35 — Бердыж; 36 — Себровичи; 37 — Чечерск; 38 — Кордон; 39 — Бервенева; 40 — Чеботовичи; 41 — Ивольск; 42 — Уваровичи; 43 — Тихиничи; 44 — Подлужное; 45 — Однополье; 46 — Руденец; 47 — Старая Белица; 47а — Спянк (Калиновка); 48 — Радуга; 49 — Яновка; 50 — Радовка; 51 — Прибор; 52 — Любны; 53 — Гомель; 54 — Макеевка-Сосновка; 55 — Ново-Дятьковичи; 56 — Радомя; 57 — Петуховка; 58 — Чаусы; 59 — Головачи; 60 — Туровичи; 61 — Вехраны; 62 — Печковка; 63 — Городок; 64 — Мозыки; 65 — Дубейково; 66 — Строчайлы; 67 — Кулешовка; 68 — Иванск; 69 — Кротев; 70 — Дубров; 71 — Дербуж; 72 — Осинька; 73 — Старшевка; 74 — Ходунь-Хотовичи; 75 — Кричев; 76 — Красная Слобода; 77 — Взмутное; 78 — Игнатовка; 79 — Тимоново; 80 — Краснозаборье; 81 — Помазовка; 82 — Доброносицы; 83 — Слобода; 84 — Христовая; 85 — Кузьмицы; 86 — Ломовка; 87 — Пильня; 88 — Сукромля; 89 — Пеклино; 90 — Корсики (Разрытос); 91 — Загородье; 92 — Воляняж; 93 — Падева Слобода; 94 — Марьинское; 95 — Хотимск; 96 — Бесседовичи; 97 — Луковицы; 98 — Каталин; 99 — Костюковичи; 100 — Сидоровка; 101 — Палуж; 102 — Клясьво; 103 — Высокое; 104 — Князевка; 105 — Корма Новоельнинская; 106 — Влазовичи; 107 — Новое Новицкое; 108 — Аитовка; 109 — Батуровка; 110 — Поповка; 111 — Сидоровичи; 112 — Курганье; 113 — Кукличи; 114 — Нисимковичи; 115 — Большие Немки; 116 — Ухов; 117 — Смедип; 118 — Хляы; 119 — Старые Громыки; 120 — Смяличи; 121 — Попова Гора; 122 — Демьянк; 123 — Вылево; 124 — Романовичи; 125 — Прибутки; 126 — Терюха; 127 — Студеная Гута; 128 — Глубоцкое; 129 — Добрыничное; 130 — Черетянка; 131 — Дубровка; 132 — Тереховка; 133 — Жгунь; 134 — Добруж; 135 — Петровск; 136 — Новый Кривск; 137 — Людково; 138 — Внуковичи; 139 — Холевичи; 140 — Чертовичи; 141 — Голубовка; 142 — Гулевка; 143 — Манюки; 144 — Каменка; 145 — Митьковка; 146 — Щербиничи; 147 — Гетманская Буда; 148 — Медведовка; 149 — Сачковичи; 150 — Курозно; 151 — Малый Тополь; 152 — Коржевка; 153 — Лядичи; 154 — Белогот; 155 — Займище; 156 —

ГЛАВА 6. ПЛЕМЕНА ЮГО-ВОСТОКА

Парфеновка; 157 — Старожье; 158 — Иваловка; 159 — Белый Берег; 160 — Старопочелье; 161 — Лизогубовка; 162 — Раартоге; 163 — Шулаковка; 164 — Новое Задубенье; 165 — Староселье; 166 — Плевки; 167 — Медведево; 168 — Левенка; 169 — Петровско-Будское; 170 — Мариновка; 171 — Палужье; 172 — Кветуль

На врезке: ареал радимичей и находки семилучевых височных колец вне его
 1 — Новгород; 2 — Сельцо; 3 — Смоленск; 4 — Шейка; 5 — Пекуново; 6 — Кубаево; 7 — Супруты; 8 — Крюково-Кужново; 9 — Воронеж; 10 — Голубово; 11 — Нежиловичи; 12 — Леплява; 13 — Гочевы; 14 — Десна

Б. А. Рыбакова (*Рыбаков Б. А.*, 1932, с. 81—151), в котором радимичские курганы и их вещевые инвентари получили обстоятельную научную систематизацию. Исследователю удалось в деталях очертить область расселения радимичей и показать хронологическую эволюцию радимичских курганов.

Судя по распространению семилучевых височных колец, радимичская территория в X—XII вв. занимала в основном бассейн нижнего и среднего Сожа и междуречье Сожа и Днепра (карта 24). Поречье Днепра было пограничьем радимичей с дреговичами. При этом отдельные поселения дреговичей проникали на днепровское левобережье, располагаясь вперемежку с радимичскими, тогда как радимичские поселения неизвестны западнее Днепра. На юго-востоке радимичи соседствовали с северянами. Граница между этими племенами проходила в междуречье Сожа и Десны, только в отдельных местах ареал радимичей достигал Десны, и на ее левых притоках радимичи соприкасались с вятичами или северянами.

В намеченной территории радимичей курганы с захоронениями по обряду трупосожжения немногочисленны (карта 24). Основная часть их находится по берегам крупных рек — Сожа, Ипуты и Беседи. Известны также курганы и на более мелких днепровских притоках. Берега других мелких рек, видимо, в то время еще не были освоены славянами.

Особенностью радимичского ареала является резкое преобладание курганов с трупосожжением на месте. При этом сожжение производилось в большинстве случаев не на горизонте, а на так называемой подсыпке. Прежде всего сооружали нижнюю часть кургана высотой от 0,35 до 1 м (от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$ общей высоты насыпи) с горизонтальным верхом. На ней и совершали сожжение умершего. Г. Ф. Соловьева высказала предположение, что курганы с трупосожжением в насыпи можно считать специфически радимичскими (*Соловьева Г. Ф.*, 1956, с. 141). Однако подобные насыпи встречены и за пределами радимичского ареала.

Известны и радимичские курганы с трупосожжениями на горизонте (Батуровка, Демьянки, Козловка, Немеричи, Попова Гора, Ухлястье).

Остатки погребальных костров обычно имеют овальноокруглые очертания. Кальцинированные кости часто не собирали в кучку, а оставляли нетронутыми. В таких случаях можно видеть, что умерших клали на костер в направлении запад — восток. Однако определить, в какую сторону была направлена голова умершего, не удается. Только в одном из курганов, раскопанных в Грязивце, Е. Р. Романов установил, что умерший был положен головой к востоку (*Романов Е. Р.*, 1912, с. 30).

Размеры погребальных костров весьма разнообразны. В кургане 8, исследованном П. М. Еременко у д. Смяличи, кострище имело диаметр всего 1,13 м, а толщину — 0,45 м. Е. Р. Романову при раскопках кургана 4 около Грязивца удалось изучить детали погребального костра. Он был устроен на подсыпке высотой 0,7 м (при высоте кургана 3,5 м) и сложен из основных плах клеткой в шесть ярусов размерами 3,5×2,8 м и высотой 0,7 м. Такое строение погребального кострища напоминает теремки-домовины, описанные при характеристике дреговичских курганов. В радимичских курганах открыты и на-

стоящие домовины. Так, в кургане 5 у Поповой Горы на р. Беседь исследован бревенчатый сруб размерами 2,4×1 м, сложенный после сожжения умершего (*Спицын А. А.*, 1896в, с. 85). Остатки погребальной домовины открыты также в кургане 4 около с. Демьянки на р. Ипуты (*Соловьева Г. Ф.*, 1967б, с. 189, 190). Домовина размерами 2,4—2,8×2,2—2,4 м была выстроена из четырех вертикальных стояков и, по-видимому, из горизонтальных плах с концами, впущенными в пазы столбов.

В радимичской земле зафиксировано несколько случаев неполного трупосожжения. В таких курганах на кострищах открываются частично обугленные скелеты (на подсыпке или материке). Чаще несожженной оказывается верхняя часть умершего, но известны случаи сожжения ног и нижней части туловища покойника. В некоторых курганах отмечена ориентировка умершего. Так, в насыпях, исследованных в Климовичах и Князевке, покойники положены на костер головами к западу, а в двух насыпях у д. Корма и в одной близ д. Колосы — к востоку. Курганы с неполным сожжением, по-видимому, относятся к переходному периоду, когда обряд кремации постепенно вытеснялся обрядом ингумации. Точная датировка их невозможна ввиду отсутствия вещей при погребенных.

Как правило, в курганах хоронили одного умершего, изредка — двух. Урновые захоронения редки. Б. А. Рыбаков отметил, что керамика встречается только в семи радимичских курганах с сожжением. В трех могильниках (Грязивец, Демьянки и Софиевка) обнаружены лепные урны.

Большинство радимичских курганов с сожжением лишено вещей. По-видимому, предметы украшений обычно сгорали на погребальных кострах. Исключением является отмеченный выше курган 4 в с. Демьянки, где при остатках трупосожжения найдены два перстнеобразных височных колечка, позолоченные и посеребренные бочонкообразные бусины, проволоочный браслет, бронзовые славы, железный серп и обломки лепного горшка. Кроме того, вещи встречены в курганах у Беседовичей (медный перстень), Мадоры (бронзовое колечко), Вищина (слитки стекла), Софиевкы (обломки железного ножа). В кургане у д. Студевич Гута найдены удила. Здесь же, кроме кальцинированных костей человека, обнаружены сожженные кости лошади.

Определить точную дату радимичских курганов с трупосожжениями очень трудно. Аналогичные курганы в других областях древней Руси датируются IX—X вв. К этому времени отнесены Б. А. Рыбаковым и курганы с сожжением в земле радимичей. Никаких материалов для датировки их более ранним временем в распоряжении исследователей нет. Раскопанные Г. Ф. Соловьевой курганы в Демьянках по бочонкообразным позолоченным и посеребренным бусинам относятся к X в.

В последней трети X в. в земле радимичей появляются первые захоронения по обряду ингумации (табл. XLV). Среди радимичских курганов с трупосожжениями к раннему времени относятся захоронения на кострищах, устроенных на горизонте. Такие курганы более или менее равномерно распределены на всей радимичской территории. На месте, выбранном для сооружения кургана, разжигали кос-

тер. По-видимому, это реликт обряда кремации умерших. Огонь, по языческим представлениям, очищал место захоронения и самого умершего. От таких костров в основаниях курганов оставался слой золы и мелких угольков. Как правило, к центру кургана этот слой тоньше (0,1–0,2 м), а по краям заметно толще, достигая в высоту 0,5–0,8 м. Такое зольное кольцо, называемое исследователями «огненным кругом», составляет специфическую особенность радимичских курганов. Г. Ф. Соловьева считает, что «огненные кольца» относятся в земле радимичей к X–XII вв. и характерны как для насыпей с трупосожжениями, так и для курганов с трупоположениями. К сожалению, при прежних исследованиях эта особенность в радимичских курганах не фиксировалась. Поэтому территориальное и хронологическое распространение ее не может быть твердо установлено.

В тех же могильниках, где есть курганы с захоронениями на горизонте, в ареале радимичей встречаются насыпи с трупоположениями выше горизонта, на специальных подсыпках. Но если при господстве обряда трупосожжения обычай захоронений на подсыпках был весьма распространен, то с отмиранием кремации он стал редким. Подсыпки имели высоту от 0,2 до 0,7 м и только в редких случаях достигали 1–2 м. Ритуальный костер разжигали на подсыпке и, когда он догорал, на его остатки клали умершего.

Обычай устраивать ритуальные костры на месте захоронений бытовал в XI–XII вв. Но уже на рубеже XI и XII вв. появляются курганы без остатков кострищ. Погребения в грунтовых ямах под курганами в ареале радимичей сравнительно немногочисленны. Их эволюционная связь с предшествующими курганами с трупоположениями на горизонте и на подсыпке несомненна. Встречаются они обычно в одних могильниках. Как правило, курганы с ямными трупоположениями в них занимают окраинное место.

Б. А. Рыбаков на основе находок монет датировал курганы с трупоположениями на горизонте XI–XII вв., а курганы с захоронениями в ямах — в основном XII в. (*Рыбаков Б. А.*, 1932, с. 102). Новейшие материалы не дают повода для пересмотра этой датировки.

Положение умерших в радимичских курганах преимущественно общеславянское: мужчин и женщин хоронили в вытянутом положении, на спине, головой к западу. Вместе с тем радимичский ареал характеризуется значительным числом трупоположений с восточной ориентировкой (карта 12). Эта черта присуща захоронениям мужчин. В парных погребениях умершие, как правило, ориентированы в противоположных направлениях: мужчины — головой на восток, женщины — на запад. Очень редко встречаются женщины, погребенные головой к востоку.

Курганные захоронения с восточной ориентировкой умерших не являются специфической особенностью радимичского ареала, а имеют более широкое распространение, независимое от племенных территорий восточного славянства. Как уже отмечалось, эта особенность унаследована славянами от балтских аборигенов.

Трупоположения, ориентированные в северном

направлении, в курганах радимичей встречены дважды (Влазовичи, курган 43; Костюковичи, курган 5). Судя по находкам украшений, это захоронения женщин. Все предметы — ожерелье из бус, бубенчиков и привесок, височные перстнеобразные кольца — принадлежат к славянским. Однако такие захоронения следует связывать с финно-угорским погребальным ритуалом. По-видимому, в курганах с меридиональным положением погребенных похоронены славянизированные выходцы из финно-угорских областей. Отсутствие в захоронениях финно-угорских украшений объясняется, видимо, тем, что эти люди оказались удаленными от коренных земель финно-угорских племен.

Радимичский курганный инвентарь довольно многообразен, но большинство предметов принадлежит к общеславянским типам. Предметно радимичскими, как уже говорилось, являются семилучевые височные кольца (табл. XLVI, 1, 7, 9, 11, 12, 21, 22, 25; XLVII, 2). Щитки у них гладкие или орнаментированные дугообразными полосками. Исследователями замечено, что ранние височные кольца имеют более богатую орнаментацию, поздние — чаще лишены узоров.

Классификация семилучевых височных колец с гладким и малоорнаментированным щитком выполнена В. В. Богомольниковым (*Багомольникаў В. В.*, 1977, с. 17–20). Это — самая распространенная группа радимичских височных украшений, и ее классификация, предложенная белорусским археологом, заслуживает внимания.

Г. Ф. Соловьева считает необходимым разделить лучевые кольца радимичей на группы — IX–X вв. и XI–XII вв., которые эволюционно связаны между собой. Их прототипами, согласно Г. Ф. Соловьевой, были семилучевые украшения того типа, которые найдены на Хотомельском поселении и в составе Зарайского клада. Последние же лучевые кольца происходят от славянских древностей Среднего Подунавья (*Соловьева Г. Ф.*, 1978, с. 171–178).

Обстоятельный анализ всей суммы знаний по лучевым височным кольцам недавно был сделан Е. А. Шинаковым. Им же разработана детальная типология этих украшений с учетом их малейших особенностей (*Шинаков Е. А.*, 1980, с. 110–127).

Семилучевые украшения носили по одному или по несколько на каждом виске. Еще П. М. Еремечко заметил, что при раскопках их обнаруживают «продетыми через полоску кожи, на одинаковом расстоянии, одно ниже другого».

В одном из курганов, раскопанных Г. Ф. Соловьевой в могильнике близ с. Юдичи, сохранились остатки головного убора, позволившие М. А. Сабуровой создать его реконструкцию (*Сабурова М. А.*, 1975, с. 18–22). Основу головного убора составлял луб, который покрывался тонкой тканью полотняного плетения из посковной нити. На лбу ткань была украшена полосой из мелких стеклянных бус желтого цвета, перемежающихся просверленными вишневыми косточками. У правого виска находилось три семилучевых и четыре перстнеобразных височных кольца, у левого — пять семилучевых и одно перстнеобразное. У левого виска сохранилась кожаная лента, на которой крепились эти кольца. Лента была сложена вдвое, при этом четыре височных

кольца были продеты в нее один над другим, а нижнее подвешено на месте сгиба ленты (табл. XLVII, 5).

Встречаются в радимичских курганах и захоронения с исключительно перстнеобразными височными кольцами (табл. XLVII, 1), а в кургане 4 близ д. Шапчицы вместе с пятью семилучевыми украшениями найден фрагмент проволочного завязанного кольца (табл. XLVI, 8).

В составе ожерелий обычны стеклянные бусы разных цветов, а также позолоченные и посеребренные. Кроме того, часты монетовидные и другие привески, лунницы, бубенчики и сердоликовые бусы (табл. XLVI, 2—5, 10, 13—18, 23, 26; XLVII, 3, 4, 6—8, 11, 16). Среди многочисленных привесок выделяются собственно радимичские — гроздевидные, биплоскоидные, петельчатые и язычковые. Они встречаются преимущественно в радимичском ареале. Неоднократно в составе ожерелий оказывались крестики, по-видимому, употреблявшиеся как украшения (табл. XLVI, 19; XLVII, 18).

Популярны были бронзовые и серебряные браслеты и перстни. Среди браслетов наиболее распространены проволочные (табл. XLVI, 28, 29), пластинчатые и витые завязанные и тройные. Перстни разнообразны — проволочные, пластинчатые, рубчатые, завязанные, печатные и др. (табл. XLVI, 6; XLVII, 10, 13, 14).

В захоронениях мужчин и женщин встречены сравнительно немногочисленные пряжки разных типов (табл. XLVI, 24; XLVII, 17, 20, 21). Известны и поясные кольца (табл. XLVII, 19). Неоднократно обнаружены подковообразные застёжки (табл. XLVI, 20, 27).

Железные ножи и глиняные горшки, как обычно, попадают и в мужских, и в женских погребениях. В погребениях мужчин вместо горшков иногда ставили деревянные ведра.

Шейные гривны в курганах южнорусских племен — волянян, древлян, полян и дреговичей — не встречаются. Зато в радимичских погребениях такие находки обычны. Среди них наиболее распространены гривны с заходящими концами, завершающимися розеткообразными бляхами (табл. XLVII, 12). Стержни гривны — пластинчатые, крученые или ромбические в сечении. Кроме радимичского ареала, однотипные гривны найдены в Гочевском и Голубовском курганных могильниках, расположенных на территории северян, в кривичском кургане у с. Песочное в б. Осташковском уезде и в одном из подмосковных курганов. Ближайшие и многочисленные аналогии описываемые украшения находят в древностях Латвии и Литвы. Балтские прототипы имеет также шейная гривна с заходящими многогранными концами из кургана близ с. Луговец.

Встреченные в радимичских курганах звездообразные (лучистые) пряжки (табл. XLVII, 15) обнаруживают балтское происхождение. Они в большом количестве найдены в Латвии. Датируются они в Прибалтике X в., а в радимичском Посожье — XI—XII вв. Однако радимичские находки не идентичны латгальским, что исключает проникновение их в Посожье в результате торговых сношений. Видимо, не существовало единого центра производства звездообразных пряжек. Распространение этих предметов в сла-

вянских курганах скорее всего обусловлено балтским субстратом (Седов В. В., 19706, с. 140, 141).

Из Вязовичских, Несимковичских и Кветунских курганов (Рыбакоу Б. А., 1932, табл. VI; Падин В. А., 1958, с. 222) происходят костяные привески в виде уточек (табл. XLVII, 9). Аналогии им известны в латгальских древностях, а также в материалах из длинных курганов смоленских кривичей. Встречаются в радимичских курганах и бронзовые спиральки, весьма характерные для латгальского костюма.

В некоторых радимичских курганах (Веточка, Козаричи, Проскурня и др.) встречены браслеты со стилизованными змеиными головами на концах. Балтский характер змеиноголовых браслетов представляется бесспорным. Различные украшения с кояцами в виде змеиных головок принадлежат к частым находкам в летто-литовских и прусских землях Прибалтики. О распространении культа змеи среди балтов свидетельствуют не только эти находки, но и письменные источники.

Перечисленные предметы являются балтскими по происхождению, но это не значит, что в курганах, где они найдены, обязательно похоронены балты. В XI—XII вв. славянизация днепровских балтов, по-видимому, зашла уже далеко. И славяне, и ассимилированные балты уже пользовались одинаковыми украшениями. Поэтому балтские по происхождению предметы иногда встречаются в комплексах с типично славянскими украшениями. Очевидно, процесс метисации балто-славянского населения протекал в Верхнем Поднепровье весьма активно.

В радимичских курганах XI—XII вв. балтские элементы (восточная ориентировка и украшения) обнаруживаются в большем количестве, чем в других племенных ареалах. По всей вероятности, это обстоятельство объясняется несколько поздней славянизацией балтов в бассейне Сожа. А это в свою очередь, по-видимому, обусловлено сравнительно поздним расселением славян в радимичском ареале.

Русская летопись дважды сообщает о ляхском происхождении радимичей: «... радимичи бо ... от ляховъ» (ПВЛ, I, с. 14). И далее: «Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедше ту ся вселиша, и платять, давъ Руси» (ПВЛ, I, с. 59). Эти слова летописца оказали большое влияние на многих исследователей. Средневековые польские хронисты — Я. Длугош, М. Стрыйковский и другие, а также историки XVIII и XIX вв. безоговорочно признавали польское происхождение радимичей, высказывая разнообразные догадки о месте их прародины. А. А. Шахматов попытался подкрепить летописное сообщение о ляхском происхождении радимичей лингвистическими данными, ссылаясь на то, что область радимичей ныне принадлежит к территории белорусского языка, в котором имеется много совпадений с польским (Шахматов А. А., 1911, с. 22—29; 1919а, с. 25, 37—39).

Однако уже Е. Ф. Карский высказался против теории ляхского происхождения радимичей, показав самостоятельное развитие тех особенностей белорусского языка, которые сближают его с польским (Карский Е. Ф., 1903, с. 71, 72). Последующие изыскания подтвердили выводы этого исследователя (Расторгуев П. А., 1927, с. 35—48; Вайгошч Н. Т., 1950, с. 94—104).

Летописное сообщение о ляхском происхождении радимичей, по мнению Е. Ф. Карского, вовсе не значит, что радимичи были ляхским племенем. Вероятнее всего, летописец имел в виду, что радимичи переселились в Посожье из более западных районов, где они жили по соседству с ляхскими племенами. Это мнение поддержал Л. Нидерле, полагавший, что первоначальной областью радимичей были бассейны Буга и Нарева (*Нидерле Л.*, 1956, с. 160–162).

Неоднократно предпринимались попытки наметить область, из которой радимичи пришли на Сож, при помощи картографии топонимов с основой рад-. Однако такие топонимы в большинстве случаев производны от славянского антропонима Радим (распространенного среди западнославянских племен, но известного и у восточных славян) и, таким образом, не имеют никакого отношения к посожским радимичам. Польский исследователь Ф. Буяк для подтверждения мысли о переселении радимичей из польских земель привлек иные географические названия, встречаемые как в Польше, так и на территории радимичей (*Bujak F.*, 1949, с. 59–110). Однако картография подобных названий показывает, что их распространению в Восточной Европе не ограничивается ареалом радимичей, а достигает Новгородской земли — на севере, бассейна Северского Донца — на юго-востоке и Горыни — на юго-западе (*Седов В. В.*, 1970б, с. 141). Следовательно, географические названия, собранные Ф. Буяком, не могут быть использованы для каких-либо выводов.

Археология пока не располагает данными для решения вопроса о месте, из которого расселились радимичи. Однако вполне определенно в материальной культуре радимичей нет западнославянских особенностей.

Единственным источником для установления района, из которого пришли славяне в Посожье, пока яв-

ляется гидронимика. Сопоставление водных названий радимичского ареала на Соже и других районов Средней и Восточной Европы обнаруживает сравнительно небольшой участок Верхнего Поднепровья, где имеется около двух десятков речных названий, повторяющих гидронимы Посожья (*Соловьева Г. Ф.*, 1968, с. 352–356; *Седов В. В.*, 1970б, с. 142, 143). Этот участок, по-видимому, и был прежним местом обитания тех славян, которые, поселившись на Соже, стали называться радимичами.

Вопрос о происхождении радимичей продолжает интересовать польских исследователей. Так, Я. Тышкевич предполагает, что далекие предки радимичей, действительно, могли жить где-то в бассейне Вислы. В IV–VI вв. они переместились в Поднепровье, а оттуда двинулись в бассейн р. Сож (*Tyszkiewicz J.*, 1972, с. 456). Оригинальную мысль высказал Г. Ловмянский. На основе наблюдений за повторяемостью топонимов этот историк полагает, что первоначальным местом обитания радимичей была правобережная часть Среднего Поднепровья (примерно между поречьем Днестра и течением Случи). Затем произошло их расселение — одна группа двинулась на северо-восток и осела в бассейне Сожа, а другая — мигрировала на верхний Днестр (*Łowmiański H.*, 1973, с. 102–112). Серьезных оснований для таких построений у нас нет.

Поскольку радимичские древности в Посожье появились с IX в., нужно полагать что переселение славян (скорее всего из области Верхнего Поднепровья) в летописный ареал радимичей произошло в VIII в. Радимичская курганная культура в Посожье сложилась на месте в результате синтеза культуры славян-пришельцев с культурой предшествующего населения. В частности, семилучевые височные кольца получили здесь распространение уже в то время, когда радимичи заселяли Посожье.

Глава седьмая

Племена севера

Кривичи

Кривичи смоленско-полоцкие

Еще в то время когда кривичи сооружали длинные курганы и хоронили в них умерших по обряду трупосожжения, они, как говорилось выше, дифференцировались на две этнографические группы. Главным образом в бассейнах Великой и Псковского озера формируются псковские кривичи. В более южных регионах — там, где кривичское население смешалось с местным балтским, складывается отдельная этнографическая группировка. Поскольку она составила ядро населения будущих Смоленской и Полоцкой земель, она называется смоленско-полоцкой. В IX—XIII вв. обе группировки кривичей в культурно-историческом отношении развивались самостоятельно, что, по-видимому, привело к окончательному дроблению племенного единства. Временная эволюция кривичских древностей и их региональная дифференциация показаны в табл. XLVIII.

Еще А. А. Спицын отметил, что в кривичском летописном ареале наиболее распространены браслетообразные височные кольца с завязанными концами. Эти украшения сконцентрированы главным образом в смоленской части Днепровского бассейна, в бассейнах верхних течений Западной Двины и Волги. Картография браслетообразных завязанных височных колец (карта 25) позволяет утверждать, что эти украшения были этноопределяющими для смоленско-полоцких кривичей. Вне их летописного ареала браслетообразные завязанные кольца известны только в тех древнерусских областях, которые были освоены переселенцами из Смоленской или Полоцкой земель.

Там, где есть длинные курганы с зольно-угольной прослойкой в основании, браслетообразные завязанные височные кольца не встречаются. Очевидно, что псковская часть кривичей не знала этих украшений. Псковские кривичи в XI—XIII вв. отличались от смоленско-полоцких и по другим деталям женского убранства.

Распространение браслетообразных височных колец с завязанными концами дает возможность детально обрисовать кривичскую территорию XI—XIII вв. На юге смоленско-полоцкие кривичи вплотную соприкасались с дреговичами и радимичами. Кривичско-дреговичская граница проходила примерно по линии Заславль — Борисов — Шклов — устье Остера (левого притока Сожа). Лишь по Днепру кривичская территория, видимо, языком опускалась до Рогачева, где в 5 км от города, близ с. Лучин, известны курганный могильник с браслетообразными завязанными височными кольцами и городок Лучин, упоминаемый в Уставной грамоте Смоленской епископии середины XII в.

Между кривичами и радимичами четкого рубежа в XI—XIII вв. не существовало. В верховьях Ипути и бассейне Остера кривичи территориально смешивались с радимичами. Здесь обнаружены как кривичские, так и радимичские курганные могильники. Встречаются на этой территории и смешанные группы, в которых кривичские курганы насыпаны вплережку с радимичскими.

В левобережной части Верхнего Подесенья кривичи перемешались с вятичами. Вятческие и кривичские погребения здесь часто находятся в одних могильниках. К смешанной кривичско-вятческой полосе принадлежала и значительная часть бассейна Угры (до устья Рессы). От устья Рессы кривичско-вятчская граница уходила в северном направлении до верховьев Москвы-реки. Бассейн ее в основном входил в вятческую территорию. Только на небольшом участке левого берега Москвы-реки, между Исконой и Рузой, а также в бассейне Истры имеется несколько смешанных кривичско-вятческих могильников.

К территории смоленских кривичей принадлежали верховья Волжского бассейна — примерно до современного г. Зубцов. Поволжье ниже этого города было заселено двумя славянскими племенами — кривичами и словенами новгородскими. Поэтому вопрос о расселении кривичей в Волго-Окском междуречье выделен в особую тему.

Верховья Западной Двины и самая верхняя часть бассейна Ловати принадлежали смоленско-полоцким кривичам. Лишь изредка здесь встречаются ромбоцитковые височные кольца и курганы с кольцом из валунов в основании, свидетельствующие о частичном смешении кривичей со словенами новгородскими. От верховьев Ловати северная граница территории смоленско-полоцких кривичей шла к верховьям Великой.

На западе рассматриваемая группа кривичей вплотную соприкасалась с латгалами и литовцами. От оз. Освейское западная граница кривичского расселения опускалась на юг, пересекая Западную Двину близ устья Дриссы. Правобережная часть бассейна Дисны, левого притока Западной Двины, принадлежала кривичам, а западнее начиналась область летописной литвы. Наиболее западным кривичским поселением здесь был, очевидно, город Браслав, при раскопках которого найдены браслетообразные завязанные височные кольца (Алексеев Л. В., 1960, с. 102, рис. 47, 9, 10).

Западнее очерченной границы, на правобережной части Западнодвинского бассейна известны курганы, по внешнему виду идентичные кривичским. Однако при раскопках их выявляется инвентарь, весьма характерный для латгальских захоронений (Рыков П. С., 1917; Спицын А. А., 1925, с. 153, 154). В захоронениях женщин найдены типично латгальские спиральные и жгутовые головные венчики, це-

почки, булавки и шейные гривны так называемых люцинских типов. Обычной находкой в мужских погребениях являются топоры, копья, браслеты и перстни, что не характерно для массовых кривичских захоронений. Ориентировка умерших в рассматриваемых курганах типично латгальская: мужчин хоронили головой к востоку, женщин — к западу. Обычай сооружать курганы над погребенными на территорию восточной Латвии мог проникнуть только от славян. Нужно полагать, что курганы на востоке современной Латвии оставлены латгалами, может быть, испытывавшими кривичское влияние.

В IX в. в области расселения смоленско-полоцких кривичей длинные курганы сменяются круглыми (полусферическими), по внешнему виду не отличающимися от синхронных насыпей других восточнославянских земель.

Не все круглые курганы Полоцкой и Смоленской земель оставлены славянами. Для курганных могильников славян характерно скудное расположение погребальных насыпей. Курганы, как правило, недалеко отстоят один от другого и часто сливаются своими основаниями. Некоторые могильники образовались из нескольких групп, удаленных друг от друга на значительное расстояние (иногда на несколько сот метров), но всегда внутри такой группы беспорядочно разбросанные курганы «жмутся» друг к другу. Наоборот, курганные насыпи дославянского населения не образуют компактных групп, а отделены друг от друга на значительное расстояние — от 30–50 до 300–400 м (Седов В. В., 1960а, с. 3–12).

Обычно славянские курганы насыпали из грунта, взятого здесь же, вокруг места возведения насыпи. Поэтому вокруг курганов образовывались кольцевые ровики различной ширины и глубины, иногда имеющие несколько перемычек. Эти ровики имели ритуальное значение. Как и раньше, в эпоху захоронений в длинных курганах, в ровиках, вероятно, зажигали костер или несколько костров. Следы их зафиксированы при исследовании Гнездовских курганов (Авдусин Д. А., 1969, с. 11–16), но, по-видимому, такие ровики были широко распространены. Костры в ровиках были жертвенным огнем, а значение огня в языческой религии славян очевидно.

К настоящему времени на территории Полоцкой и Смоленской земель раскопано более 5 тыс. круглых славянских курганов. Начало их раскопок относится еще к первой половине XIX в., однако они были проведены далеко не совершенными методами, а полевая документация не сохранилась. Из исследований середины прошлого столетия можно назвать раскопки Ф. В. Вильчинского и К. А. Говорского в Витебской губернии (Говорский К., 1853а, с. 98–104; 1853б, с. 87–97). Во второй половине XIX в. на той же территории раскопками курганов занимались М. Ф. Кусцинский (Кусцинский М. Ф., 1865; 1903; Указатель памятников, с. 158–161), А. М. Сементовский (Сементовский А. М., 1867; 1890), Е. Р. Романов (Романов Е. Р., 1889, с. 129–153; 1890а, с. 597–605; 1890б, с. 76–80; 1908) и другие.

На Смоленщине первые научные исследования кривичских курганов относятся в 70-м годам прошлого столетия (Жерцелли Н. Г., 1876; Кусцинский М. Ф., 1881, с. 1–6; Чебышева В. М., 1886а, с. 67–70; 1886б, с. 14–22). В 80–90-е годы значи-

тельные исследования курганов произвел В. И. Сизов, который, кроме раскопок в Гнездовском могильнике, вскрыл около 300 насыпей в различных местностях Смоленской губернии (Сизов В. И., 1887, с. 87; 1894, с. 134; 1902б; Указатель памятников, с. 113–124). В те же годы раскопками курганов занимались К. А. Горбачев, Н. Е. Бранденбург, А. А. Спицын, Н. И. Криштафович, С. И. Сергеев, А. С. Уваров и многие другие (Горбачев К. А., 1887, с. 349–353; 1890а, с. 711–716; 1890б, с. 724–728; Бранденбург Н. Е., 1908, с. 200–203). На рубеже XIX и XX вв. важные исследования курганов в кривичско-вятичской пограничной полосе провел Н. И. Булычев (Булычев Н. И., 1899б, 1903; 1913).

К первым десятилетиям XX в. относятся раскопки курганов на Витебщине Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича (Лазаревич-Шепелевич Л. Ю., 1900, 1901б, с. 1–5; Спицын А. А., 1905в, с. 75–77), в смоленских частях Западнодвинского и Верхневолжского бассейнов — И. С. Абрамова, В. Н. Глазова и С. А. Гатцука (Спицын А. А., 1905б, с. 105–108; 1906б, с. 185–211; 1907, с. 237–240; Гатцук С. А., 1904, с. 32–49), в Смоленском Поднепровье — Е. Н. Клетновой и Е. В. Домбровской (Клетнова Е. Н., 1910; 1915; 1916а, с. 1–18; Домбровская Е. В., 1914, с. 24–31).

В 20–30-х годах небольшие раскопки кривичских курганов производили многие археологи и краеведы. Среди них первое место принадлежит белорусскому исследователю А. Н. Лявданскому, раскопавшему более полутораста курганных насыпей в Смоленской и Полоцкой землях (Лявданский А. Н., 1928а, с. 285–290; Лявданский А. Н., 1928б, с. 1–98; 1928в, с. 300–305; 1930а, с. 31–40; 1930в, с. 93–104; 1930г, с. 269–338; 1930д, с. 157–198; 1930е, с. 57–70). Заметный вклад в изучение курганов смоленско-полоцких кривичей внесли также И. А. Сербов (Сербау И. А., 1930а, с. 85–91; 1930б, с. 199–211), Н. И. Савин (Савин Н. И., 1930, с. 219–259); С. М. Соколовский (Лявданский А. Н., 1932, с. 5–68), С. А. Дубинский (Дубинский С. А., 1930, с. 512, 518), А. К. Супинский (Супинский А. К., 1925, с. 18–21). На кривичско-литовском пограничье интересные курганные исследования провели Е. и В. Голубовичи (Сеняк-Нолубовичова Н., 1938–1939, с. 178–203; 1939–1948, с. 419–455; Голубович Е., Голубович В., 1945, с. 126–137).

После окончания Великой Отечественной войны начались многолетние раскопки Д. А. Авдусина курганов Гнездовских могильников. В их составе имеется немало погребальных насыпей дружинников-воинов и купцов, но большая часть курганов принадлежит рядовому кривичскому населению. Характеристика Гнездовского курганного комплекса дана ниже — в разделе, посвященном дружинным древностям.

Значительное число курганов в нескольких пунктах Смоленской обл. раскопал Е. А. Шмидт (Шмидт Е. А., 1957а, с. 184–290; 1973, с. 3–14; 1980, с. 89, 90). Раскопками смоленских курганов занимались также А. Г. Векслер, С. И. Борисов, А. А. Юшко, В. В. Седов и другие (Седов В. В., 1960в, с. 130–132, 149, 150; 1971в, с. 54–60; Юшко А. А., 1974, с. 53–58). В верховьях Западнодвинского бассейна исследования вела Я. В. Станкевич (Станкевич Я. В., 1960, с. 236, 254, 266–268, 278–293, 313, 314).

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

Карта 25. Курганы смоленско-полоцких кривичей IX—XIII вв.

a — курганные могильники с браслетообразными завязанными височными кольцами; *b* — курганные могильники, содержащие трупосожжения; *c* — курганные могильники исключительно с труположениями; *d* — жалники; *e* — памятники с находками ромбоидных височных колец; *e* — курганные могильники с характерными признаками псковских кривичей; *ж* — памятники с дреговичскими бусами; *з* — памятники с височными украшениями радимичей; *и* — памятники с вятичскими височными кольцами; *к* — могильники латгалов; *л* — восточнолитовские курганы

1 — Лавищи; 2 — Остенец; 3 — Плакутица; 4 — Горбуны; 5 — Лисно; 6 — Игнаино; 7 — Такелево; 8 — Сукали; 9 — Запорино; 10 — Абрамово; 11 — Любасна; 12 — Денисенки; 13 — Илово; 14 — Литвиново; 15 — Осиновка; 16 — Грицково; 17 — Шалахово; 18 — Бычково; 19 — Шакелево; 20 — Янковичи; 21 — Поваляшино; 22 — Борки; 23 — Горовые; 24 — Захарнич; 25 — Получье; 26 — Смольки; 27 — Бескотово; 28 — Дубровка; 29 — Старое Село; 30 — Каховка; 31 — Курино; 32 — Голубово; 33 — Борисоглеб; 34 — Дорохи; 35 — Жабино; 36 — Усвяты; 37 — Кузнецово; 38 — Дохино; 39 — Бенцы (Бенецкий); 40 — Векошане; 41 — Селяне III; 42 — Селяне I; 43 — Торопец; 44 — Масловка; 45 — Андроново; 46 — Курово; 47 — Низовка; 48 — Скарбы; 49 — Сельцо; 50 — Угрюмово; 51 — Платово; 52 — Раков; 53 — Городок; 54 — Городилово; 55 — Козаровщина; 56 — Шведы; 57 — Ленковщина; 58 — Радомковичи; 59 — Заславль; 60 — Буды — Лысая Гора; 61 — Красный Бор; 62 — Козыря; 63 — Слаговиче; 64 — Калево; 65 — Костыки; 66 — Каролино; 67 — Новоселки; 68 — Кисево; 69 — Варганы; 70 — Навры; 71 — Поречье; 72 — Горовляне; 73 — Нарушево; 74 — Залесье; 75 — Узречье; 76 — Дивное; 77 — Новая Весь; 78 — Заборье; 79 — Поддубники; 80 — Черневицы; 81 — Бобровщина; 82 — Шо; 83 — Устье; 84 — Бездедович; 85 — Рудня; 86 — Болонь; 87 — Бельчица; 88 — Глянище; 89 — Словены; 90 — Гомель; 91 — Пушаовка; 92 — Плусы; 93 — Городец; 94 — Селище; 95 — Кубличи; 96 — Уклеино; 97 — Путялковичи; 98 — Поулье; 99 — Завидовичи; 100 — Несино; 101 — Гроповка; 102 — Боровно; 103 — Матюшино; 104 — Лепель; 105 — Долгое; 106 — Глыбочка; 107 — Черды; 108 — Гушня Прудок; 109 — Кострица; 110 — Домжериды; 111 — Ствольно; 112 — Пчельник; 113 — Малое Стахово; 114 — Слобода; 115 — Овсяпки; 116 — Вядец; 117 — Сенво; 118 — Лятохи; 119 — Закурье; 120 — Неймоты; 121 — Вазосное; 122 — Загородье; 123 — Латыговка; 124 — Новинка; 125 — Скавышка; 126 — Дроздово; 127 — Синчуки; 128 — Дымово; 129 — Голошево; 130 — Черкасово; 131 — Грязивец; 132 — Орша; 133 — Копысняда; 134 — Багриново; 135 — Арава; 136 — Замошье; 137 — Молотовка; 138 — Эсьмоны; 139 — Церковице; 140 — Прудки; 141 — Добрынь; 142 — Клименки; 143 — Заборье; 144 — Шугайлово; 145 — Рапшево; 146 — Рудня; 147 — Шиловка; 148 — Слобода; 149 — Саки; 150 — Зубово; 151 — Комвидово; 152 — Ефремково; 153 — Каленидово; 154 — Прудянка; 155 — Кобзов; 156 — Травино; 157 — Русанова; 158 — Елисеевичи; 159 — Селище; 160 — Варнавино; 161 — Ковали; 162 — Заозерье; 163 — Пилички; 164 — Гончары; 165 — Туря; 166 — Новоселки; 167 — Кубарево; 168 — Введенское; 169 — Рядынь; 170 — Благодатная; 171 — Кобзы; 172 — Ярцево; 173 — Топорково; 174 — Купники; 175 — Вязовенка; 176 — Куприно; 177 — Коробино; 178 — Новоселки; 179 — Ольшанское; 180 — Гнездово; 181 — Печорское; 182 — Преображенское; 183 — Митино; 184 — Мазиново; 185 — Мольково; 186 — Харлапово; 187 — Тупичино; 188 — Иваняки; 189 — Старое Село; 190 — Хажяево; 191 — Относово; 192 — Копяево; 193 — Русятка; 194 — Поклонная Гора; 195 — Литвиново; 196 — Семлево; 197 — Станище; 198 — Волочек; 199 — Бражино; 200 — Староселье; 201 — Березовка; 202 — Недянки; 203 — Мугышино; 204 — Павлово; 205 — Арнишицы; 206 — Милеево; 207 — Тимошево; 208 — Матвеево; 209 — Огарково; 210 — Колупаева; 211 — Арефино; 212 — Яново; 213 — Турианщина; 214 — Маркатушино; 215 — Глушеники; 216 — Цурковка; 217 — Василевщина; 218 — Ямполь; 219 — Княжое; 220 — Мошево; 221 — Путятинки; 222 — Рудня; 223 — Светлов; 224 — Еловцы; 225 — Рудня Новая; 226 — Дербуж; 227 — Дуброво; 228 — Коптево; 229 — Колпеницы; 230 — Гневково; 231 — Основовка; 232 — Брицевка; 233 — Старшевка; 234 — Шумячка; 235 — Рославль Воронки; 236 — Кубарки; 237 — Надворная; 238 — Азобичи; 239 — Рудня-Слобода; 240 — Новоселки; 241 — Радичи; 242 — Тросна; 243 — Сукромля; 244 — Помазовка; 245 — Доброносичи; 246 — Слобода; 247 — Блянные Кучи;

248 — Христова; 249 — Хрыстово; 250 — Пильня; 251 — Алешня; 252 — Дубровка; 253 — Загорье; 254 — Сеца; 255 — Балахча-Княжино; 256 — Хлюстинка; 257 — Зимвица; 258 — Старые Славены; 259 — Богдановка; 260 — Дубровка; 261 — Елья; 262 — Добрышино; 263 — Коханы; 264 — Доброселье; 265 — Трапковичи; 266 — Шуя; 267 — Баткино; 268 — Субуровка; 269 — Сивьгово; 270 — Погост; 271 — Манина; 272 — Немеричи; 273 — Курганье; 274 — Меренище; 275 — Колчино; 276 — Высокое; 277 — Хотвежцы; 278 — Акулип Бор; 279 — Городище; 280 — Боголежье; 281 — Шатуны; 282 — Ступеньки I; 283 — Ступеньки II; 284 — Ивановское; 285 — Бочарово; 286 — Паново; 287 — Козловцы; 288 — Никольское; 289 — Стерж; 290 — Залучье (Березовец); 290а — Желыбня; 291 — Орленское; 292 — Наумово; 293 — Малый Бохот; 294 — Песочня; 295 — Вашловское; 296 — Сазоново (три группы); 297 — Васильевское; 298 — Горки; 299 — Петровское; 300 — Гульцево; 301 — Юрягино; 302 — Алешино; 303 — Крутики; 304 — Кривая Улица; 305 — Михаил-Архангел; 306 — Титовка; 307 — Высокино; 308 — Зубцов; 309 — Мозгово; 310 — Бабково; 311 — Горки; 312 — Козлово; 313 — Свистуново; 314 — Иворово; 315 — Пентурово; 316 — Игрище; 317 — Никольское; 318 — Андреевское; 319 — Избрижье; 320 — Дуденево; 321 — Хвошня; 322 — Михаил-Архангел; 323 — Савинские Горки; 324 — Мельниково; 325 — Каменка; 326 — Посады; 327 — Пекуново; 328 — Устье; 329 — Глянишки; 330 — Кузьминское; 331 — Заборье; 332 — Башево; 333 — Волосово; 334 — Могильцы; 335 — Ягодино; 336 — Гостомля; 337 — Хилово; 338 — Сильменево; 339 — Жела; 340 — Ядрово; 341 — Жилые Горы; 342 — Елизарово; 343 — Княжья Горы; 344 — Кообеево; 345 — Полениново; 346 — Полянова Сеца; 347 — Ябедино; 348 — Муромцево; 349 — Шейка; 350 — Савниково; 351 — Павловская Слобода; 352 — Новинки; 353 — Савино; 354 — Поваровка; 355 — Кузнецово; 356 — Путилово; 357 — Лепешки; 358 — Муромцево; 359 — Пушкино; 360 — Федоскино; 361 — Каргашино; 362 — Кузнецовка; 363 — Черкизово; 364 — Болшево; 365 — Воронцово; 366 — Шипиморово; 367 — Троицкое; 368 — Терехово; 369 — Попелково; 370 — Юрьево

На врезке: основной регион расселения смоленско-полоцких кривичей (*a*) и находки браслетообразных завязанных височных колец вне его (*b*)

1 — Верхоляны; 2 — Новгород; 3 — Васьково; 4 — Городилово; 5 — Гориводы; 6 — Владимирское; 7 — Нестерово; 8 — Михайловское; 9 — Татаринково; 10 — Погорелка; 11 — Купанское; 12 — Долгоруковская Дача; 13 — Чернихово; 14 — Клубанское; 15 — Исаково; 16 — Матвейчиково; 17 — Мелешки; 18 — Петушки; 19 — Пустошки; 20 — Закопье; 21 — Жабок; 22 — Нарма; 23 — Парахино; 24 — Поповка; 25 — Херсонес; 26 — Семухино

Постоянно производятся раскопочные работы по изучению курганов в бассейне верхней Волги. Наиболее интересные результаты получены при исследованиях Березовецкого могильника, расположенного у д. Залучье на оз. Селигер (Успенская А. В., 1976, с. 39, 40; 1978, с. 90, 91; 1979, с. 100, 101; 1980, с. 84, 85).

Среди многих археологов, раскапывавших курганные могильники Полоцкой земли, заслуживают упоминания прежде всего Л. В. Алексеев (Алексеев Л. В., 1959, с. 275, 292; Алексеев Л. В., Сергеева З. М., 1973, с. 49–55), З. М. Сергеева (Сергеева З. М., 1969, с. 107–111; 1972, с. 61–64; 1974, с. 49–52; 1975, с. 85–90) и Г. В. Штыхов (Штылов Г. В., 1969, с. 118–129; 1971; 1979, с. 448, 449; 1980, с. 371, 372; Штылай Г. В., 1972, с. 227–247; Очерки, 1972, с. 18–27). Материалы из раскопок курганов, находящихся в промежуточной полосе, где сочетаются элементы смоленско-полоцких и псковских кривичей, опубликованы В. В. Седовым (Седов В. В., 1977б, с. 68–74).

В последние годы курганными раскопками в кривичских землях активно занимаются белорусские археологи (Дуциц Л. В., 1978, с. 412, 413; 1979, с. 433;

1980, с. 359, 360; Заяц Ю. А., 1978, с. 414; 1979, с. 435; 1980, с. 362).

До конца X — начала XI в. у кривичей господствовал обряд кремации умерших. Все детали погребальной обрядности, отмеченные в длинных курганах, повторяются в круглых насыпях IX—X вв. Очевидно, что с изменением формы погребальной насыпи и переходом от коллективных захоронений к индивидуальным каких-либо изменений в погребальном ритуале не произошло.

В это время получают широкое распространение ритуальные кострища, следы которых выявляются под погребениями в основаниях курганов или на подсыпке высотой от 0,1—0,2 м до половины общей высоты насыпи.

По-прежнему распространен обычай кремации умерших на стороне. Остатки трупосожжения, собранные с погребального костра, помещались в круглых курганах совершенно так же, как и в длинных. Процентное соотношение между различными типами захоронений в VI—VIII вв., когда сооружались длинные курганы, и в IX—X вв. одинаково.

Между длинными и круглыми курганами кривичей и в устройстве насыпей, и в деталях погребального обряда наблюдается полная преемственность. Такая же преемственность выявляется и при сопоставлении вещевых инвентарей этих памятников. Как и в длинных курганах, процент урновых захоронений в круглых насыпях Псковщины очень невелик и заметно повышается в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье. Положение урн при остатках сожжения в круглых курганах абсолютно такое же, как и в валообразных насыпях. Среди лепных урн круглых курганов преобладают горшки с коническим туловом, округлыми плечиками и слегка отогнутым венчиком. Это такая же посуда, которая выше отнесена ко второй группе керамики длинных курганов. Сходство наблюдается не только в форме, но и в технологии изготовления. В X в. в курганах появляются гончарные урны.

Среди захоронений в круглых курганах большинство лишено вещей. Украшения и предметы одежды, как и в более раннее время, сгорали на погребальном костре. В захоронения попадали лишь отдельные перегоревшие или расплавленные вещи, и очень редко встречаются предметы, не побывавшие в огне.

Украшения, найденные в круглых насыпях, повторяют типы, известные по длинным курганам. Судя по находкам бус и стеклянных сплавов, цветовая гамма шейных ожерелий IX—X вв. идентична той, которая известна по материалам длинных курганов. По-прежнему преобладают синие стеклянные бусины, а среди них — зонные небольших размеров. На втором месте стоят бусины (небольшие зонные или бисер) зеленого и желтого цветов. Типы овальных, четырехугольных, кольцевидных и трапециевидных пряжек одинаковы в круглых насыпях и в длинных курганах. Спиральки и трапециевидные привески в одинаковой степени встречаются как в длинных, так и в круглых курганах.

В смоленско-полоцкой части кривичского ареала в курганах IX—X вв. продолжают встречаться вещи балтских типов. Так, узкопластинчатые височные кольца с заходящими концами найдены в круглых курганах с сожжением близ Полоцка, у д. Глинище,

в Слободе на оз. Сапшо и в Акатове. В Акатовских и Арефинских круглых курганах встречены височные кольца с пластинчатым расширением внизу. Остатки годовного венка латгальского типа зафиксированы в круглых курганах Арефина, Акатова, Торопца, Казихи. Встречены в круглых курганах и биэсовидные привески, и подвески из кости в форме уточек.

Таким образом, какие-либо заметные различия между вещевой коллекцией длинных курганов и предметами из круглых кривичских курганов IX—X вв. не обнаруживаются. Очевидно, в длинных курганах хоронило умерших то же население, которое чуть позже сооружало круглые погребальные насыпи.

Вместе с тем в круглых курганах попадаются вещи, получившие широкое распространение в последующие столетия. Так, в курганах с сожжением на Смоленщине (Березовка и Копнево) найдены браслетообразные завязанные височные кольца. Несколько раз встречены обломки перстнеобразных височных колец. В некоторых курганах обнаружены также бубенчики, подковообразные застёжки, толстопроволочные браслеты, привески из дирхемов.

Бытовые предметы — ножи, шилья, пряслица, кресала — в курганах с сожжением представлены единичными экземплярами. Очень мало курганов, где найдены предметы вооружения. Исключением являются дружинные курганы, в которых помимо оружия встречаются золотые и высокохудожественные изделия, в том числе импортированные издалека. В кривичской земле дружинные курганы больше всего известны по материалам Гнездовского могильника под Смоленском.

Основная масса круглых курганов с сожжением (карта 25) сосредоточена там, где известны длинные курганы, что косвенно отражает преемственность этих памятников. Но курганы кривичей IX—X вв. занимают несколько более широкую территорию по сравнению с ареалом валообразных насыпей, показывая освоение кривичами новых районов. Расширение территории наблюдается главным образом в юго-восточном и восточном направлениях. На юго-востоке кривичи в это время освоили южные области Смоленщины, где в Верхнем Подесенье и Посожье они встретились с радимичами и вятичами. В Верхнем Поволжье курганы с сожжением еще единичны, что говорит о малочисленности здесь славянского населения в IX—X вв.

Уже в X в. у кривичей появились первые труположения. В различных пунктах кривичского ареала исследованы курганы переходного типа. В одних случаях трупосожжение в таких насыпях находилось в основании, а труположение — в верхней части (например, Славены и Вядец на Полотчине), в других, наоборот, на материке располагалось ингумированное захоронение, а сверху — трупосожжение (например, Вядец, Дымово, Каховка, Катень, Курганье, Ступеньки). К переходному периоду относятся также курганы с неполным (частичным) трупосожжением. Период, когда применялись два обряда погребения (кремация и ингумация), продолжался в земле кривичей 50—80 лет. В первой четверти XI в. обряд ингумации окончательно вытеснил трупосожжение.

Наиболее ранние курганы с труположениями на территории смоленско-полоцких кривичей сохраняют элементы огнепоклонства: под захоронениями со-

хранились остатки ритуальных кострищ. Костры разжигали, как правило, на материке или на специально устроенной подсыпке высотой 0,2–0,5 м и более. Особенно распространены кострища размерами от 1,5×0,7 до 2,5×1,5 м. Очертания их овальные, круглые или неправильные. Курганы с труположениями на кострищах не составляют исключительной особенности смоленско-полоцких кривичей. Такие насыпи известны также в дреговичском и радимичском ареалах.

Ритуал очищения огнем места, предназначенного для захоронения умершего, бытовал у смоленско-полоцких кривичей в течение XI в. В XII в. разведение костра становится не обязательным, и широко распространяются насыпи с труположениями на материке без кострищ.

Судя по Харлаповским курганам, женщин хоронили в XI – начале XII в. на выжженном материке и часто в деревянном срубе (домовине).

К XI–XII вв., кроме курганов с захоронениями в основании, относятся насыпи с труположениями выше горизонта. Среди них есть курганы с погребениями на специальной подсыпке самой различной высоты и курганы с так называемыми дополнительными захоронениями. Это семейные курганы, в которых на горизонте чаще бывает погребен мужчина, а дополнительно, в готовую насыпь, совершенно захоронение женщины. Е. А. Шмидт видит в широком распространении дополнительных вводных труположений XI–XII вв. пережитки традиции длинных курганов (Шмидт Е. А., 1972а, с. 147, 148).

Какое-либо территориальное различие между курганными труположениями на материке и захоронениями на подсыпке на кривичской территории не наблюдается. Погребальный инвентарь их в целом однороден. Количество мужских и женских погребений примерно одинаково.

В XII в. для труположений начинают выкапывать прямоугольные подкурганые ямы, которые вначале были неглубокими, а к концу столетия стали значительно глубже. В XIII в. погребения в глубоких ямах становятся господствующими.

Курганы с захоронениями в грунтовых ямах известны по всему ареалу смоленско-полоцких кривичей. Однако в отдельных его районах такие погребения появляются уже в XI в. Таковы курганные могильники, расположенные на кривичско-латгальском пограничье (Голубович Е., Голубович В., 1945, с. 135), где погребения в ямах преобладают уже в XI в. Столь раннее распространение здесь ямных подкурганых труположений, очевидно, обусловлено латгальским влиянием. Однако изредка курганы с труположениями в ямах, относящиеся к XI в., встречаются и в срединных районах кривичской территории. Таковы курганы, исследованные у деревень Мутышино (с западноевропейской монетой рубежа X–XI вв.) и Топорково (с монетой германского императора Оттона III). Сюда же относятся, вероятно, Гнездовские курганы с захоронениями по обряду ингумации в грунтовых могилах.

Абсолютное большинство труположений смоленско-полоцких кривичей имеет общеславянскую (западную) ориентировку. Насыпи с захоронениями головой к востоку встречаются в небольшом числе. Есть также единичные курганы с меридиональными тру-

поположениями, по-видимому, оставленные славянизированными финнами.

Весьма разнообразно убранство женского костюма смоленско-полоцких кривичей. Характерными височными украшениями, как уже отмечалось, были браслетообразные завязанные кольца (табл. XLIX, 1; L, 2). Они прикреплялись при помощи кожаных ремешков к головному убору типа русской кички с твердой основой.

Головной убор изготовлялся из бересты и ткани, поэтому в полном виде он не сохранился. Иногда такие уборы украшались металлическими и стеклянными предметами. Так, из курганов, исследованных в Милееве Дорогобужского р-на, происходят мелкие оловянные бляшки и пластинки, которые, как чешуйки, покрывали берестяную основу головного убора. Нашивные бляшки и привески к такому убору встречаются и в некоторых других кривичских курганах. В б. Торопецком уезде найдены остатки головного венчика из парчовой ткани.

Очень часты в находках шейные ожерелья, составленные из бус, а иногда и металлических привесок. Для многих ожерелий свойственно сочетание стеклянных позолоченных и сердоликовых бус. Стеклянные позолоченные или посеребренные бусины бочонкообразной или цилиндрической формы наиболее распространены в ареале смоленско-полоцких кривичей. Бусы из стекла (табл. L, 19) разнообразны по цвету и форме и принадлежат к типам, распространенным на широких пространствах древней Руси. В курганах XI в. встречаются сердоликовые призматические бусины (табл. L, 1, 4), но более популярны были бипирамидальные.

Кроме того, в состав кривичских ожерелий входили хрустальные и янтарные бусины.

Привесками к ожерельям служили лунницы, круглые пластинчатые или ажурные подвески и крестики (табл. L, 6–9, 11, 21, 22). Среди нагрудных привесок, носимых на шнурах или цепочках, наибольший интерес представляют изделия в виде пластинчатого коныка (собачки). Тело коныка всегда украшено циркульным орнаментом. Форма подвесок стандартная: на голове — стилизованные уши; хвост загнут вверх и образует колючку. Часто такие привески комбинировались с другими привесками — бубенчиками, ложечкой, ключом и гребнем (табл. L, 5, 15), но встречаются и отдельно. Ареал пластинчатых коныковых подвесок позволяет связывать эти украшения со смоленско-полоцкими кривичами, на территории расселения которых сосредоточено около 80% подобных находок (Седов В. В., 1968а, с. 151–157). Среди амулетов встречаются и просверленные клыки животных (табл. L, 10).

Шейные гривны в кривичских курганах весьма многочисленны. Обычно они витые с пластинчатыми концами или круглопроволочные (табл. XLIX, 5). Кроме того, единичными экземплярами представлены шейные гривны балтских типов.

Браслеты и перстни принадлежат к общерусским типам (табл. XLIX, 2–4; L, 3, 16–18): браслеты — витые завязанные и петельчатые (из трех, четырех или шести проволок), толстопроволочные и пластинчатые, а перстни — проволочные, витые, рубчатые, пластинчатые и щитковые. Встречаются они повсеместно, но далеко не во всех курганах.

К принадлежности мужской одежды относятся пряжки, поясные кольца и поясные наборы (табл. XLIX, 6–11; L, 20). Женская одежда, видимо, не имела пояса с металлической пряжкой, поэтому в женских курганах кривичей поясные принадлежности не попадают.

Неоднократно найдены подковообразные застёжки (табл. XLIX, 12) для плащей или накидок. К принадлежностям одежды относятся также небольшие металлические пуговицы грибовидной или шарообразной формы (табл. L, 12–14).

В погребениях и мужчин и женщин попадают железные ножи и глиняные горшки. Горшки преимущественно поставлены у ног. Ножи носили у пояса, где их обычно и обнаруживают при раскопках. Отмечены случаи размещения железных ножей на груди или у плечевых костей погребенного, что свидетельствует о ритуальном значении этих предметов в славянских захоронениях.

В курганах с труположениями смоленско-полоцких кривичей встречаются также украшения балтских типов. Так, головной венчик латгальского типа (вайнаги) обнаружен не только в курганах, исследованных вблизи от латгальской территории (Овсиновка, Остенец, Федотково, Шакедово), но и в глубине кривичского ареала (например, Дымово под Оршей, Стерж в Осташковском р-не). Еще чаще встречаются отдельные элементы этого головного убора. В кривичских курганах Смоленской и Полоцкой земель много и других украшений балтских типов: браслеты и шейные гривны со стилизованными змеиными головками на концах, шейные гривны из проволоки круглого сечения с уплощенной передней частью и заходящими концами, шейные гривны из толстого прута, спирально обвитого тонкой проволокой, спиральные перстни, лучевые кольцеобразные пряжки и некоторые виды подковообразных застёжек.

Подобные находки, как и курганные захоронения с восточной ориентировкой, свидетельствуют о том, что в XI–XII вв. здесь продолжался процесс славянизации местных балтов. В этой связи, по-видимому, нужно рассматривать находки топоров и копий в кривичских курганах. Хотя они спорадически встречаются на всей территории смоленско-полоцких кривичей, но распространены здесь довольно неравномерно. Значительная часть топоров и наконечников копий происходит из курганов западных областей, где кривичи вплотную соприкасались с латгалами и литовцами. В срединной части кривичского ареала топоры и наконечники находят редко и обычно вместе с предметами балтских типов.

Единичными находками в кривичском ареале представлены железные наконечники стрел, серпы, косы, сошник, рыболовные крючки, острога, долото, пешня и костяные гребни. Несколько чаще попадают калачевидные и овальные кресала, а в женских погребениях — шиферные пряслица.

Смоленско-полоцкие кривичи были отдельной этнографической единицей восточного славянства. Ареал смоленско-полоцких кривичей в раннее время соответствует области распространения днепро-двинской культуры периода раннего железа. Балтские элементы в кривичских курганах VIII–XII вв. бесспорно свидетельствуют об участии дославянского этнического элемента в генезисе смоленско-полоцких кри-

вичей. Очевидно, важнейшие культурно-племенные признаки их и обособление от псковских кривичей обусловлены славянизацией балтов — потомков носителей днепро-двинской культуры.

В русских летописях несколько раз упоминаются полочане. Так, рассказывая о славянском расселении на территории Восточной Европы, автор Повести временных лет сообщает: «...инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане» (ПВЛ, I, с. 11). Далее он пишет: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане... Се бо токмо словенскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, воугородьци, полочане, дреговичи...» (ПВЛ, I, с. 13). Эти сообщения дали основания некоторым исследователям считать полочан отдельным восточнославянским племенем. Между тем, в той же летописи говорится, что «первыи насельници... въ Полотьски кривичи» (ПВЛ, I, с. 18). В историографии XIX в. высказано мнение, что полочане являлись ветвью кривичей, расселившейся в полоцком течении Западной Двины и назвавшейся по имени реки Полоты (Барсов Н. П., 1885, с. 71, 85; Довнар-Запольский М. В., 1891, с. 24; Данилевич В. Е., 1896, с. 49). Существует противоположная точка зрения, согласно которой кривичи произошли от полочан (Голубовский П. В., 1895, с. 46).

П. Н. Третьяков, рассмотрев письменные свидетельства о полочанах, пришел к заключению, что летописные полочане не были восточнославянским племенем (Третьяков П. Н., 1953, с. 222, 223). Исследователь отметил, что в древних летописных сводах, предшествующих Повести временных лет и реконструированных А. А. Шахматовым, полочане не упоминаются. Нет этого имени и в тех частях Повести временных лет, которые имеют северное происхождение: в легенде о призвании варягов названы словене, кривичи, чудь и меря; в рассказе о походе Олега на Киев в 882 г. упомянуты варяги, чудь, меря «и все кривичи». Олег обложил данью словен, кривичей и мерю. Нет полочан и в перечне племен — участников похода 907 г. на Византию, но жители Полоцка, видимо, все же были среди воинов-дружинок этого похода. Не упоминаются полочане и среди племен, принимавших участие в походе Игоря 944 г. на Царьград. Поскольку летопись сообщает, что первыми поселенцами в Полоцке были кривичи, нужно думать, полагал П. Н. Третьяков, что полочанами назывались в XI–XII вв. жители Полоцка и Полоцкой земли, подобно тому как новгородцами называлось все население Новгородской земли.

Недавно А. Г. Кузьмин попытался показать, что места летописи, где названы полочане, являются вставками авторов-редакторов XI в. (Кузьмин А. Г., 1970, с. 125–127). Эти вставки были обусловлены взаимоотношениями Киева и Полоцка того времени.

Такому решению вопроса о полочанах целиком соответствуют археологические выводы. Бесспорно, что земли вокруг Полоцка были заселены кривичами. Длинные курганы Полоцкой земли идентичны таким же памятникам Смоленщины. Тождественны и круглые курганы с трупосожжениями на этих территориях. Погребальный обряд полоцких кривичей XI–XIII вв. не отличается от ритуала смоленских

Рис. 11. Один из курганов близ д. Казиха

кривичей. Как на Смоленщине, так и в Полоцкой земле распространены одинаковые браслетообразные завязанные височные кольца. Тожественны и другие украшения в курганах этих территорий.

Иногда обращают внимание на то, что в полоцких курганах встречается меньше украшений, чем в смоленских, или на то, что в курганах Полоцкого Подвинья известны височные кольца с завязанными концами малых размеров и грубо скрученные (Алексеев Л. В., 1966, с. 55). Однако эти элементы нельзя считать этнографическими. Среди височных украшений Полоцкой земли нередки и браслетообразные завязанные кольца, не отличимые от смоленских, и, наоборот, на Смоленщине встречены подобные кольца небольших размеров.

Таким образом, археологический материал не дает возможности считать полочан отдельной этнографической (племенной) группой кривичей. Очевидно, полочане летописей были такими же кривичами, как и население Смоленской земли. Назывались они полочанами исключительно по политико-географическим мотивам. Это — население, подвластное полоцким князьям, или жители Полоцкой земли.

Какого-либо этнографического рубежа между Смоленской и Полоцкой землями XI—XIV вв. не обнаруживается. И для смоленских кривичей, и для полочан характерен общий диалект, выявленный на основе изучения письменных памятников XIII—XV вв. (Соболевский А. И., 1886).

Некоторые русские историки высказывали предположение, что полоцкими кривичами были заселены земли Верхнего Понеманья. Так, например, И. Д. Беляев допускал, что выходцами из Полоцкой земли были основаны города Новогрудок, Слоним, Волковыск, Турейск, Гродно и др. (Беляев И. Д., 1872, с. 7—10). М. К. Любавский писал, что полоцкими кривичами были освоены области, составившие Черную Русь (Любаўскі М., 1929, с. 15). Такую же мысль проводили в своих исследованиях В. И. Пичета и другие. В. Б. Антонович отмечал, что в западных источниках Черная Русь до XIV в. иногда называлась «кривичской землей» (Антонович В. Б., 1878, с. 9, 19, 49). Однако большинство исследователей признавали, что наряду с кривичским проникновением в Понеманье происходило расселение дреговичей и других славянских племен. В частности, Н. П. Барсов писал, что славянское население Понеманья пришло «из коренных земель кривичей, дреговичей, древлян и полян» (Барсов Н. П., 1885, с. 133).

Курганные исследования, проведенные в Верхнем Повеманье, показали, что славянское заселение этого края осуществлялось с разных сторон. О дреговичском проникновении в эти земли уже говорилось. Не исключена инфильтрация сюда славян с Волини. Бесспорно расселение в этом регионе и кривичского населения из Полодской земли. Браслетообразные кольца с завязанными концами в Верхнем Повеманье найдены в нескольких курганных могильниках (карта 16). О проникновении кривичей в этот край говорят и географические названия «Кривичи», зафиксированные в Слонимском, Лидском, Ивненском и Вилейском районах Белорусского Повеманья.

Смоленско-полодские кривичи приняли активнейшее участие в освоении территории Ростово-Суздальской земли. Однако Волго-Клязьменское междуречье не принадлежит к собственно кривичскому региону. Славянское население Северо-Восточной Руси формировалось в результате расселения нескольких племенных группировок. Поэтому археологическую характеристику этой территории целесообразно выделить в особый раздел.

Кривичи псковские

Круглые курганы псковской группы кривичей (рис. 11) четко выделяются по зольно-угольной прослойке в основаниях. По своему строению она идентична подошвенной прослойке длинных курганов псковского ареала. Зольно-угольные прослойки присутствуют в круглых курганах как с трупосожжениями, так и с трупоположениями. Эта особенность курганов позволяет детально очертить ареал псковских кривичей и выявить районы их позднейшего расселения (карта 26).

Помимо бассейнов Великой и Псковского озера, такие курганы известны в верховьях Западной Двины и прилегающих районах Ловати и верхневолжских озер.

Научные раскопки курганов в этом регионе были предприняты в 70–80-х годах XIX в. А. С. Уваровым, Е. Р. Романовым, В. Л. Беренштамом, И. И. Васильевым и А. М. Кислинским (*Беренштам В. Л., Васильев И. И., Кислинский А. М., 1885, с. 58–61*). К 1899–1903 гг. относятся значительные исследования В. Н. Глазова, который раскопал несколько десятков насыпей в различных могильниках, расположенных в бассейне Великой (*Глазов В. Н., 1901, с. 210–228; 1903а, с. 67–76; 1903б, с. 44–46; Спицын А. А., 1905г, с. 71–74*).

В первых десятилетиях XX в. псковские курганы исследовались В. Н. Крейтоном (*Крейтон В. Н., 1913, с. 1–34; 1914, с. 1–24*), А. В. Тищенко (*Тищенко А. В., 1914б, с. 23–28*), К. В. Кудряшовым (*Кудряшов К. В., 1913, с. 241–264*), К. Д. Трофимовым (*Трофимов К. Д., 1909*) и другими. Сводка данных о результатах исследований курганов на территории Псковской губернии в 1914 г. опубликована Н. Ф. Окулич-Казариным (*Окулич-Казарин Н., 1914, с. 131–310; 1915, с. 125–131*).

В 20-х годах XX в. небольшие раскопки курганов псковских кривичей были произведены археологами Тартуского университета (*Tallgren A. M., 1925, с. 53–55; Nerman B., 1926, с. 44–74*). Интересные курганы

в 30-х годах восточнее Псковского озера исследовал Н. Н. Чернягин, материалы раскопок которого остались неопубликованными.

Наиболее существенные результаты получены при раскопках работ, проведенных уже после окончания Великой Отечественной войны. Раскопками курганов занимались С. А. Тараканова (*Тараканова С. А., 1951, с. 141–154; 1959, с. 117–127*), Ф. Д. Гуревич (*Гуревич Ф. Д., 1956, с. 103–106*), Г. П. Гроздилов (*Гроздилов Г. П., 1965, с. 74–77*), Н. Л. Подвигина (*Подвигина Н. Л., 1965, с. 293–296*), В. В. Седов (*Седов В. В., 1976б, с. 87–95; 1977б, с. 69–74*), Н. В. Хвоцинская (*Хвоцинская Н. В., 1977а, с. 62–68; 1979, с. 43, 44*) и другие (*Колосова И. О., 1979, с. 15; Тюленев В. А., Тюленева О. И., 1977, с. 36; 1978, с. 41, 42*).

Эволюция погребального обряда в курганах псковских кривичей шла в основном тем же путем, что и в других восточнославянских землях. На смену захоронениям в длинных курганах в IX в. приходят погребения по обряду трупосожжения в круглых (полусферических) насыпях (табл. XLVIII). Некоторые исследователи полагают, что круглые курганы с одиночными или парными захоронениями стали сооружать уже в VIII в., что вероятно. Однако датирующие предметы, подтверждающие это, до сих пор при курганных раскопках не обнаружены.

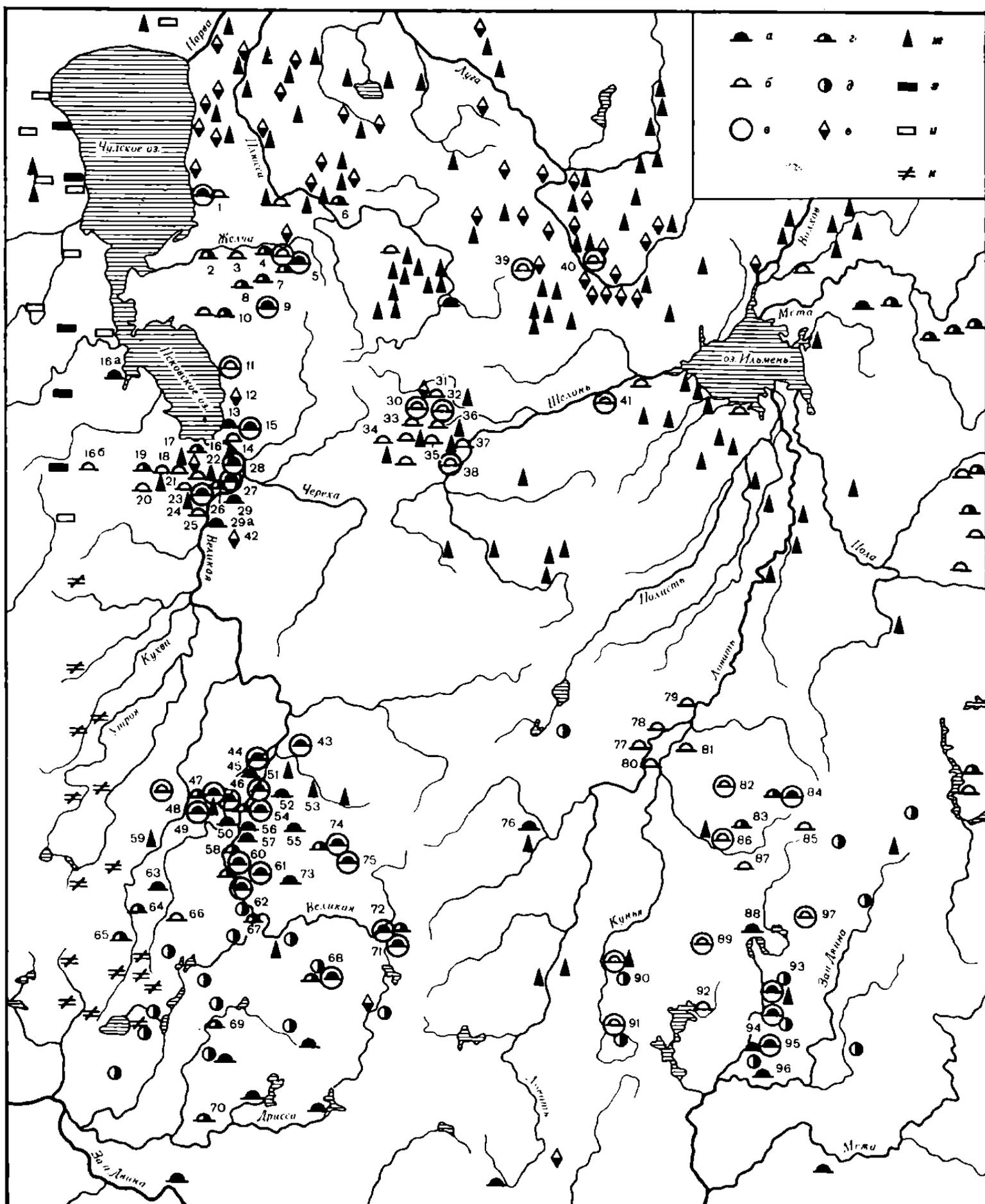
Круглые курганы с сожжениями во всех особенностях погребального ритуала повторяют длинные насыпи. Обязательной деталью, как уже отмечалось,

Карта 26. Область расселения кривичей псковских в IX–XII вв.

а — курганные могильники, содержащие насыпи с захоронениями по обряду трупосожжения; б — курганные могильники исключительно с трупоположениями; в — курганные могильники со специфически псковской особенностью — зольно-угольной прослойкой в основании; г — длинные курганы с зольной прослойкой в основании; д — памятники с находками браслетообразных завязанных височных колец; е — памятники с находками ромбошпатовых височных колец; ж — жалышки; з — каменные могильники эстов; и — грунтовые могильники эстов; к — могильники латгалов

1 — Залахтове; 2 — Желча Новая; 3 — Горско; 4 — Безьва; 5 — Жеребятно; 6 — Большое Заполье; 7 — Ново-Жуковская; 8 — Светлые Вешки; 9 — Городня; 10 — Грядище; 11 — Адамово; 12 — Васцы; 13 — Жидилов Бор; 14 — Муровичи; 15 — Кривовицы; 16 — Лезги; 16а — Лаоссына II; 16б — Ливдара II; 17 — Виски; 18 — Малы; 19 — Верепково; 20 — Паниковичи; 21 — Конечки; 22 — Изборск; 23 — Лопотово; 24 — Новая; 25 — Паичьи Горки; 26 — Першина; 27 — Лыбуты; 28 — Голодуша; 29 — Ерусалимская; 29а — Волженец; 30 — Боркино; 31 — Батино; 32 — Поддубье; 33 — Дубровна; 34 — Головицы; 35 — Вязка; 36 — Заречье; 37 — Булавино; 38 — Камонка; 39 — Озерцы Средние; 40 — Подберезье; 41 — Любитово; 42 — Погорелки; 43 — Заозерье; 44 — Рогово; 45 — Пуршево; 46 — Шурупово; 47 — Волково; 48 — Чиплино; 49 — Макушино; 50 — Кирова; 51 — Шильско; 52 — Лапино; 53 — Арапово; 54 — Кишкина; 55 — Ожарицы; 56 — Опочка (урочище Пустошь Буракова); 57 — Опочка (урочище Святотечь); 58 — Укропово; 59 — Давиловка; 60 — Шильско; 61 — Кудово; 62 — Бабино; 63 — Огурцово; 64 — Пакрули; 65 — Шешки; 66 — Кицково; 67 — Калиха; 68 — Грицково; 69 — Глубокое; 70 — Янкевичи; 71 — Сатовкино (оз. Язано); 72 — Сатовкино; 73 — Яцково; 74 — Дыржино; 75 — Романово; 76 — Белено; 77 — Ильинское; 78 — Стрешено; 79 — Куловка; 80 — Бабыино; 81 — Осиковка; 82 — Прошково; 83 — Яновиче; 84 — Болотово; 85 — Селище; 86 — Васюково; 87 — Чистово; 88 — Торопец; 89 — Финево; 90 — Дожино; 91 — Кузнецовка; 92 — Михайловское; 93 — Селяне I; 94 — Селяне II; 95 — Венецкий; 96 — Векошане; 97 — Низянка

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

является зольно-угольная подошвенная прослойка. Образовывалась она в результате сгорания соломы и веток при разжигании огня с культовыми целями. Высота курганов 0,7–1,4 м, диаметры основания 6–12 м. Вокруг насыпей обычны кольцевые ровики с перемычками или без них.

Кремация умерших совершалась всегда на стороне, на специальных погребальных кострах. По-видимому, украшения и металлпческие части одежды сгорали при кремации, поэтому для псковских кривичей IX–X вв., как и в более раннее время, характерны захоронения без вещей.

Остатки трупосожжений, собранные с погребального костра, как правило, помещались в верхних частях насыпи. Очевидно, захоронения совершали в готовую насыпь. Лишь в виде исключения встречаются урновые погребения, основная же часть их представляет собой небольшое скопление кальцинированных костей. Покровку захоронения обычно находились в самом верху насыпи, многие из них были разрушены дождевыми и тальными водами и ветрами. Поэтому в Псковской земле очень много так называемых пустых курганов, при раскопках которых погребения не встречены. Известны в Псковском регионе и курганы с захоронениями в основании. Единичны погребальные насыпи с трупосожжениями, совершенными на месте. В частности, таковы некоторые курганы у д. Ерусалимская (Тюленев В. А., Тюленева О. И., 1978, с. 41, 42).

В каждой круглой насыпи обычно бывает одно, изредка — два захоронения.

В единичных курганах с трупосожжениями найдены вещи. Так, из круглых курганов, исследованных в 1938 и 1939 гг. близ д. Городни Н. Н. Чернягиным, происходят бронзовая овальная пряжка, два пластинчатых браслета с узкими концами, спиральки и железные ножи.

Особняком стоят курганы с трупосожжениями, исследованные в Залахтовском могильнике (Хвоцинская Н. В., 1977а, с. 62–67). Кальцинированные кости, собранные с погребальных костров, вместе с оплавленным и фрагментированным погребальным инвентарем ссыпали здесь в небольшие ямы округлых очертаний, вырытые в материке в центре курганной площади. В захоронениях женщин найдены пластинчатая гривна с привесками-бубенчиками, спиральный браслет, пластинчатые браслеты, браслет прямоугольного сечения, ажурная привеска в виде стилизованного изображения водоплавающей птицы, спиральки, фрагменты цепочек и подковообразной фибулы и стеклянные бусы. В захоронениях мужчин обнаружены предметы вооружения (меч, наконечники копья, топор, стрелы), а также удила, плеть, коса, нож и т. п. На основе находок трупосожжения датируются X в. Неславянский характер этих курганов очевиден. Существенно и то, что многие из более поздних курганов с трупосожжениями в этом могильнике характеризуются неславянскими особенностями.

Переход от обряда трупосожжения к трупосожжениям в регионе псковских кривичей скорее всего приходится на конец X и начало XI в. Дата весьма приблизительна, поскольку надежных данных для ее определения здесь нет. Наиболее поздние захоронения по обряду сожжения определяются по гончарным

урнам-горшкам с линейно-волнистым орнаментом (Кривовицы, курган 3).

Ранние курганы с трупосожжениями содержат захоронения в основаниях на зольно-угольных прослойках. В XII в. постепенно распространяются трупосожжения в подкурганых ямах, которые господствуют во второй половине XII и в XIII столетии.

Похоронный ритуал представляется следующим. Сначала выжигали огнем место, предназначенное для курганной насыпи. Для этого использовали хворост и солому. В ранних курганах умерший положен на образовавшуюся после сгорания костра зольную прослойку. В поздних курганах в середине площади, занимаемой этой прослойкой, вырыта могильная яма, куда и помещен умерший. После этого яма была засыпана и сразу же сооружена насыпь. При этом вокруг ее основания образовывался кольцевой ровик, на дне которого зажигали ритуальный костер. Судя по раскопкам курганов в Себежском Поозерье, костер разводили обычно с южной стороны кургана, иногда их было два — с южной и северной сторон.

Положение умерших в курганах псковских кривичей общеславянское — на спине, головой к западу. Изредка встречаемая меридиональная или восточная ориентировка отражает славянизацию финноязычного или балтского населения.

На окраинах области расселения псковских кривичей наблюдаются некоторые особенности в развитии погребальной обрядности, появляются элементы, чуждые славянскому похоронному ритуалу. Так, в Себежском Поозерье трупосожжения в грунтовых ямах под курганами получают распространение уже в XI в., что объясняется соседством с латгалами. Латгальский похоронный обряд в течение второй половины I и начала II тысячелетия н. э. характеризуется трупосожжениями в грунтовых ямах (Седов В. В., 1977б, с. 72).

В Мальском могильнике, состоящем из курганов и жальничных могил, при раскопках наряду с обычными песчаными курганами исследованы насыпи с внутренними каменными сооружениями (Седов В. В., 1977б, с. 92, 93). По внешнему облику эти насыпи ничем не выделялись среди прочих. Однако после снятия дернового покрытия оказалось, что края курганов были сложены из плитнякового камня, положенного в четыре-пять ярусов. В центре кольцевой кладки на материке из такого же плитнякового камня был сложен ящик размерами 2,5–2,8×1,5–1,9 м и высотой 0,7–1 м. На дне ящика-саркофага находился скелет умершего, погребенного в таком же положении, как и в обычных курганах.

Курганы с каменными ящиками не имеют аналогий среди восточнославянских погребальных памятников. Трупосожжения в сложенных из плитняка ящиках встречаются в могильниках Эстонии, относящихся к концу I и началу II тысячелетия н. э. (Selirand J., 1974, l. 76). Мальские ящичные захоронения, по-видимому, генетически связаны с ними. Сложенная из плитняковых камней обкладка этих курганов также восходит к эстским каменным могильникам. Нужно полагать, что Мальские курганы с каменными конструкциями оставлены ассимилированным славянами местным прибалтийскофинским населением (Седов В. В., 1980а, р. 81–89).

Курганы с трупосожжениями псковских кривичей беднее вещами, чем такие же смоленско-полоцкие.

Собственных височных украшений псковские кривичи не имели. Лишь в немногих курганах встречены перстнеобразные височные кольца общевосточнославянских типов. Изредка попадаются трехбусинные или однобусинные кольца и их проволочные стержни (табл. LI, 1—3, 6—8). Шейные ожерелья состояли преимущественно из малого числа мелких стеклянных бусин синего, зеленого, желтого и белого цветов. Каменные бусины очень редки (табл. LI, 19). Привески — лунницы (табл. LI, 4), монетовидные или монетные (табл. LI, 5), бубенчики (табл. LI, 11) и прочие (табл. LI, 12) — единичны. Шейные гривны (табл. LI, 26) попадаются как редкое исключение. Чаще встречаются нагрудные подковообразные застежки (табл. LI, 15, 22), которые носили и женщины, и мужчины.

В целом ряде курганов найдены металлические браслеты и перстни общерусских типов (табл. LI, 9, 10, 13, 14, 16, 18). В захоронениях мужчин изредка встречаются поясные пряжки и кольца (табл. LI, 25, 27). В одном из Мальских курганов в области левого плеча погребенного обнаружены остатки кожаной сумки, в которой находились бронзовые поясные детали и серебряный пластинчатый широко-срединный перстень с завязанными концами. Поясной набор составляли пряжка, кольцо, наконечники, 16 ромбических и три миндалевидные бляшки с рельефным узором (табл. LI, 17, 20, 21, 23).

В очень немногих курганах встречены железные ножи. Иногда они лежали около пояса, иногда — в области ключицы или плечевых костей.

Глиняные сосуды (табл. LI, 24) найдены при единичных труположениях.

Особое место в регионе псковских кривичей по-прежнему занимает курганный могильник в Залахтовье (*Трофимов К. Д.*, 1909; *Кудряшов К. В.*, 1913, с. 255—263; *Хаощинская Н. В.*, 1976, с. 18—24; 1977а, с. 62—69; 1977б, с. 118—120). Часть женских труположений этого могильника отличается специфическим набором нагрудных украшений. Он состоит из двух треугольных или пятиугольных ажурных блях, соединенных между собой несколькими рядами бронзовых цепочек. Бляхи-цепедержатели прикреплялись к одежде булавками с крестовидными навершиями. Во всех этих захоронениях найдены также остатки шерстяных тканей, расшитых по краям бронзовыми спиральками. Это наплечные покрывала, аналогичные литовско-латгальским. В этом могильнике многие погребенные имели восточную ориентировку. Курганный группа при д. Залахтовье является памятником разноэтничного населения. Это были кривичи псковские, прибалтийские финны (скорее всего западная группа) и, может быть, балты.

Область наиболее плотного распространения курганов с зольно-угольной прослойкой в основании соответствует ареалу псковских говоров, как он обрисован Московской диалектологической комиссией (*Дурново Н. Н.*, *Соколов Н. Н.*, *Ушаков Д. Н.*, 1915; *Дурново Н. Н.*, 1969.) По-видимому, псковские говоры восходят к племенному наречию псковских кривичей. «На основании показаний письменных источников, относящихся к территории Пскова, — пишет Р. И. Аванесов, — древние псковские говоры выделяются весьма ярко, в особенности по ряду характерных черт узкого чисто псковского значения, не

соотносительных с чертами диалектных различий в общевосточнославянском масштабе... Характерно, что территория псковских говоров, как она определяется данными современной диалектологии, совершенно не совпадает с территорией Псковской земли XIV—XV вв. Это указывает, вероятно, на то, что образование их особенностей не связано по времени с формированием Псковской земли. Можно полагать, что специфические особенности древнего псковского говора, отразившиеся в псковских памятниках XIV—XV вв., сформировались в более раннюю эпоху» (*Аванесов Р. И.*, 1947, с. 131, 132).

На территорию псковских кривичей постепенно проникали словене новгородские. Здесь есть единичные сопки и более многочисленные жальники. С момента организации Новгородского государства псковские кривичи вошли в его состав.

Словене

На смену сопкам на всему их ареалу приходят круглые курганы, по внешнему виду одинаковые с погребальными насыпями других восточнославянских племен. Только одна весьма примечательная особенность выделяет новгородские курганы среди прочих — основания их обкладывались кольцом из валунов.

Курганы словен новгородских изучены в территориальном отношении очень неравномерно. Наиболее крупные исследования произведены в 70—80-х годах XIX в. на Ижорском плато, очень богатом курганными насыпями. Л. К. Ивановский раскопал здесь более 5500 курганов (*Спицын А. А.*, 1896б). Многочисленный вещевой материал из этих курганов распределен по комплексам и хорошо сохранился, по дневниковые описания погребального ритуала до нас не дошли. Тот же исследователь раскапывал курганы в бассейне Мологи (*Ивановский Л. К.*, 1881а, с. 7—15; 1884, с. 37—41).

В 1898—1901 гг. В. Н. Глазов раскопал около 400 курганов, расположенных в нескольких могильниках на восточном побережье Чудского озера (*Спицын А. А.*, 1903а). В конце XIX и начале XX в. значительные исследования курганов проводил художник Н. К. Рерих. В различных пунктах Новгородской и Петербургской губерний им раскопано несколько сотен насыпей (*Рерих Н. К.*, 1899а, с. 349—377; 1899б, с. 323—330; 1901, с. 60—68). К рубежу XIX и XX вв. относятся также курганные раскопки Л. Н. Целепи, проведенные в нескольких могильниках на территории Лужского уезда. Несколько позднее, в 1912 г., исследованием курганов Лужского уезда занимался Ф. Щитников (*Щитников Ф.*, 1913, с. 35—50). В бассейне Мсты и на Валдае в первые десятилетия XX в. раскопки курганов проводили В. Н. Глазов и А. В. Тищенко (*Глазов В. Н.*, 1904, с. 50—60; 1905, с. 97—106; *Тищенко А. В.*, 1914а, с. 1—22). В бассейне нижней Мологи курганы копал А. А. Виноградов (*Виноградов А. А.*, 1914). В последние десятилетия XIX и в начале XX в. новгородские курганы раскапывали краеведы и любители старины. Об этих раскопках в литературе остались лишь скудные информации. Материалы о курганах на территории Новгородской губернии собраны в сводке И. Романцева (*Романцев И.*, 1911).

Дореволюционные исследователи много внимания уделяли и курганным могильникам, расположенным в юго-восточном Приладожье, в зоне контакта веси, словен новгородских и скандинавов. Еще в конце XIX в. крупные исследования курганов в этом регионе произвел Н. Е. Бранденбург (*Бранденбург Н. Е.*, 1895). В начале XX в. здесь же раскопками курганов успешно занимался А. И. Колмогоров (*Колмогоров А. И.*, 1914, с. 426, 427).

Из раскопок, предпринятых вскоре после Октябрьской революции, можно назвать исследования А. В. Арциховского на верхней Луге (*Арциховский А. В.*, 1930б, с. 20–30; 1936, с. 187–194). В. И. Равдоникас продолжил раскопки курганов южного и юго-восточного Приладожья (*Raudonikas W. J.*, 1930; *Равдоникас В. И.*, 1934).

В 50–70-х годах раскопками курганов в Новгородской земле занимались многие исследователи, по преимуществу на ее окраинах. В восточных районах Новгородчины исследования проводил главным образом Н. В. Тухтина (*Тухтина Н. В.*, 1966, с. 120–140; 1978б, с. 41; 1980, с. 36) и А. В. Никитин (*Никитин А. В.*, 1974, с. 102–105; *Сабурова М. А.*, 1974, с. 85–97). А. Е. Леонтьев и Г. Н. Пронин копали курганы в Бежецкой волости (*Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н.*, 1978, с. 272–282). Значительные работы проведены в бассейне верхнего течения р. Луга (*Верзориубова Т. Л.*, 1980, с. 4, 5; *Платонова Н. И.*, 1980, с. 26, 27; *Пронин Г. Н., Мильков В. В.*, 1978, с. 30; *Прусакова З. В.*, 1980, с. 27; *Прусакова З. В., Лебедев Г. С., Башенкин А. Н., Коллаков Е. М.*, 1979, с. 31, 32).

Заметный вклад в изучение курганов Ижорского плато внес Е. А. Рябинин (*Рябинин Е. А.*, 1976, с. 211–219; 1978, с. 32, 33; 1979б, с. 33, 34; 1980, с. 76–82). Исследуются курганы и жальники этого региона и другими археологами.

Курганы юго-восточного Приладожья обследовались и раскапывались А. М. Линевским и С. И. Кочуркиной (*Кочуркина С. И.*, 1973), а в последние годы их изучает В. А. Назаренко (*Назаренко В. А.*, 1974, с. 39–45; 1976, с. 96–100; 1979а, с. 106–115; 1979б, с. 152–157).

Большое исследование, в котором анализируются все курганные материалы и рассматривается вопрос о славяно-вещских взаимоотношениях, принадлежит Л. А. Голубевой (*Голубева Л. А.*, 1973; 1979а, с. 131–137).

В срединной части Новгородской земли еще в конце 40-х годов курганы с трупосожжениями в д. Борисово исследовала Т. Н. Никольская. Позднее раскопки производил А. В. Куза, а в последние годы плодотворно работает Г. Н. Пронин (*Пронин Г. Н.*, 1979, с. 30, 31; *Миронова В. Г., Пронин Г. Н.*, 1980, с. 20, 21). Раскапывают курганы и новгородские археологи (*Конецкий В. Я., Верзориубова Т. Л.*, 1979, с. 16, 17). В. Я. Конецкий исследует также грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, относительно рано (в XI в.) получившие распространение в окрестностях Новгорода (*Конецкий В. Я.*, 1980, с. 11, 12).

Курганы с трупосожжениями новгородских словен известны почти исключительно в ареале сопкок (карта 27). Можно отметить, что таких курганов больше всего в районах плотного распространения сопкок.

В Новгородской земле курганы с трупосожжениями в ряде районов выходят за пределы территории сопкок. Очевидно, в IX–X вв. славянское население распространилось на северо-запад, в южные районы Ижорского плато и на восточное побережье Чудского озера. Словене направили своих переселенцев и на юго-восток. В IX–X вв. словене новгородские по Мологе достигают Ярославского Поволжья и продвигаются южнее, в глубь Волго-Окского междуречья.

Круглые курганы с трупосожжениями в Новгородской земле расположены почти всегда в сочетании с погребальными насыпями других типов — сопками и курганамп, содержащими захоронения по обряду трупосожжения.

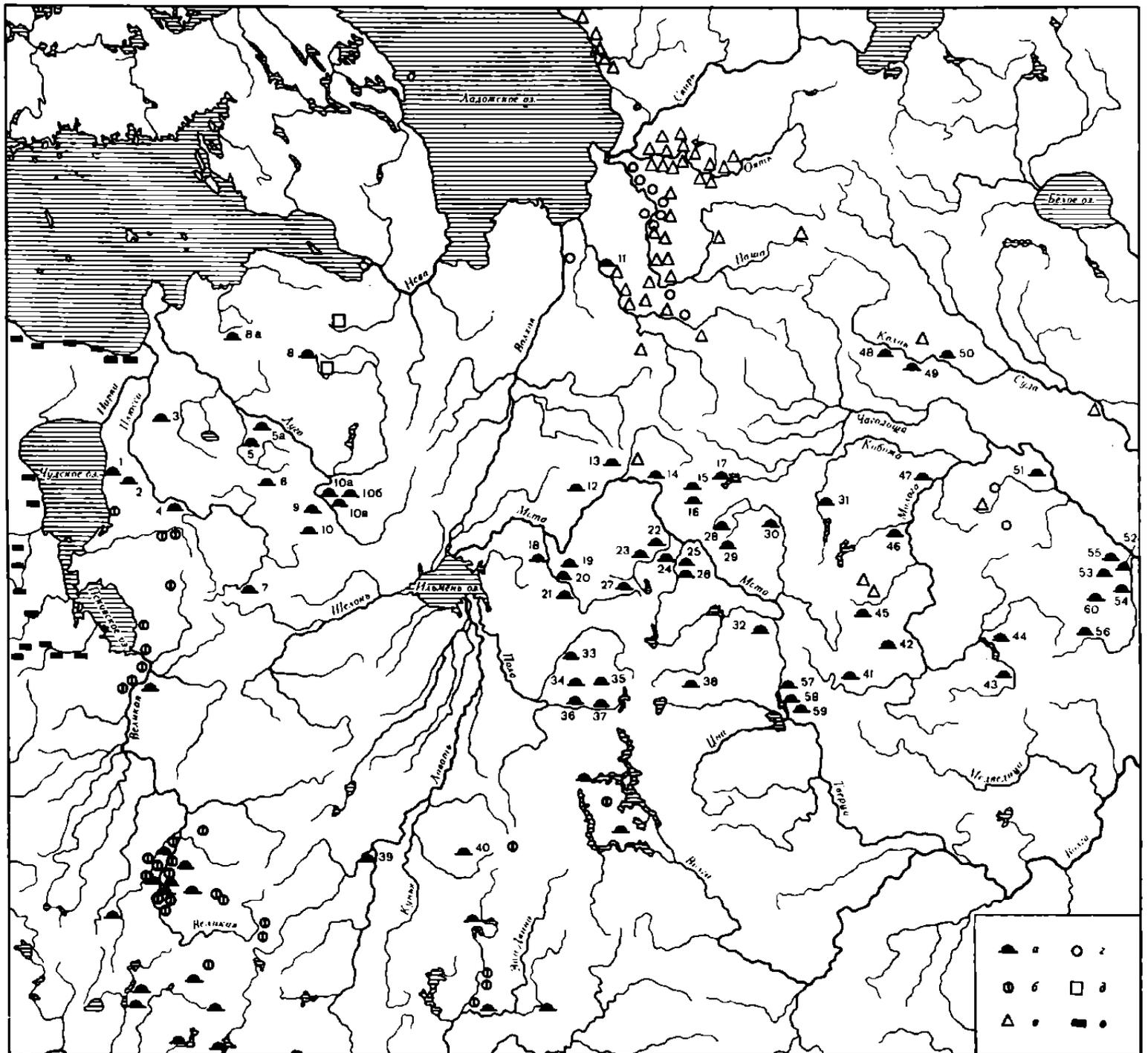
По данным раскопок сожжение умерших совершалось вне пределов курганной насыпи. Остатки сожженного покойника переносили и помещали в курган. Иногда в основаниях курганов бывает темная прослойка из золы и угольков, аналогичная подшвенным слоям сопкок. Изредка крупные зольно-угольные прослойки встречаются и выше основания.

Остатки трупосожжений во всех случаях помещали в верхние части курганов. Очевидно, сначала сооружали курганную насыпь, а потом в нее переносили с погребального костра остатки кремации. Это — продолжение погребальных традиций, бытовавших ранее, во время захоронений в сопках. В Новгородской земле, как и в Псковской, довольно часто встречаются курганные насыпи без захоронений. По всей вероятности, в этих насыпях остатки трупосожжений были помещены сверху и со временем оказались размытыми или развеянными.

Большинство курганов содержит по одному-два захоронения. В группе близ д. Воймерицы раскопано пять курганов, в каждом из которых насчитывалось по три-четыре погребения — трупосожжения на стороне. Все захоронения помещены в готовые насыпи и находились сразу под дерном. В одном из курганов оказались кальцинированные кости лошади. Это или незавершенные сопки, или насыпи, занимающие промежуточное положение между сопками и курганами.

Около г. Бологое (имение Котово) Н. К. Рерих раскопал четыре кургана, в которых остатки трупосожжений были помещены в срединной части насыпи. По мнению исследователя, сначала устроили возвышение (насыпали нижнюю часть кургана), на него поместили кальцинированные кости, принесенные со стороны, а затем досыпали курган до полной высоты. В этом тоже можно видеть наследие погребального ритуала, существовавшего в период сопкок.

Большинство захоронений в курганах Новгородчины не содержит урн и лишено вещей. Курганы с погребениями в глиняных горшках-урнах встречены только в Березовом Рядке, Бологом, Борисове, Воймерицах, Низовке и Подоле. Вся керамика лепная. По форме, тесту и обжигу она сопоставима с глиняной посудой из сопкок, отнесенной выше к первому типу. Это слабопрофилированные горшки, довольно приземистые, со слегка округлыми в профиле плечиками, суживающимися книзу. Сосуды сделаны из грубой глины со значительной примесью дресвы или песка. Орнамент отсутствует. В Воймерицких курганах

Карта 27. Курганы IX—X вв. словен новгородских

a — курганные могильники с захоронениями по обряду трупосожжения; *b* — синхронные курганные могильники кривичей псковских; *e* — курганы веси; *z* — курганы скандинавов; *d* — каменные могильники воды; *e* — каменные могильники эстов
 1 — Калихновщина; 2 — Верхоляны; 2а — Залахтовы; 3 — Гусева Гора; 4 — Полище; 5 — Осьмино; 5а — Славенское; 6 — Жилое Горнешно; 7 — Курья; 8 — Озертицы; 8а — Бегуницы; 9 — Рапти; 10 — оз. Ретенское; 10а — Мерево III; 10б — Поддубье; 10в — Удрай; 11 — Городище; 12 — Полище; 13 — Глазова; 14 — Воймерицы; 15 — Подол (оз. Пелавино); 16 — Подол (оз. Люто); 17 — Кончанское; 18 — Далеево; 19 — Низовка; 20 — Жерновка; 21 — Борисово; 22 — Рютино; 23 — Столбец; 24 — Ловняцы; 25 — Бологое (Котово); 26 — Бологое (урочище Ладыгинский Бор); 27 — Валдайка; 28 — Потерпилец (оз. Крюково); 29 — Потерпилец (урочище Сопочный Бор); 30 — Тумашево; 31 — Левоча; 32 — Березовый Рядок; 33 — Дубровка; 34 — Хозютиню; 35 — Подсосонье; 36 — Обрынь; 37 — Липня; 38 — Куженьино; 39 — Белево; 40 — Яновиче; 41 — Шихино; 42 — Никольское; 43 — Бежеды; 44 — Сулецкий Борок; 45 — Маслово; 46 — Сарогожское; 47 — Пестово; 48 — Новляки; 49 — Тивошкино; 50 — Утишь; 51 —

Либогощи; 52 — Владимирское; 53 — Манилово; 54 — Лопатино; 55 — Брейтово; 56 — Боженок; 57 — Пуйга; 58 — Рыжакково; 59 — Млевский Бор; 60 — Коллентов

найдена глиняная урна, напоминающая сосуды второго типа из сопок.

Как и в более раннее время, вещевой материал обычно стирался на погребальных кострах. В захоронениях оказываются лишь единичные и случайные предметы. В одном из курганов у д. Низовка найдено перстнеобразное височное кольцо, в кургане у д. Избоищи — бронзовый толстопроволочный браслет. Несколько раз в захоронениях встречены бронзовые лировидные пряжки и железные ножи. Из Воймерицких курганов с сожжением происходят стеклянные бусы голубого и синего цветов, бронзовые спиральки, браслеты и бляшка с тиснением.

Этот материал явно недостаточен для определения времени новгородских курганов с трупосожжениями. Очевидно, эти памятники следует датировать в целом IX—X вв. по аналогии с курганами других древнерусских земель (табл. LI). Верхняя дата новгородских курганов с трупосожжениями может быть определена началом XI в., поскольку в это время получает широкое распространение обряд ингумации, который приходит на смену ритуалу сожжения умерших и окончательно вытесняет его.

Кургапы с трупоположениями новгородских словен представлены двумя основными типами. Наиболее ранние из них содержат захоронения в основаниях. В окранных районах Новгородской земли такие курганы сооружались довольно продолжительное время. В срединной же части территории расселения словен очень скоро захоронения стали помещать в грунтовые ямы под курганами.

Наиболее ранние курганы с трупоположениями в грунтовых ямах датируются арабскими и западноевропейскими монетами первой половины X в. (Кшева, 24; Хрепле, 20), середины и второй половины X в. (Замошье, 3 и 7), рубежа X и XI вв. и первой половины XI в. (Замошье, 2, 8, и 12; Каменка, 47). Следовательно, уже в XI в. в Новгородской земле распространился обычай захоронения в грунтовых ямах. Сопровождающие эти трупоположения вещи (стеклянные позолоченные или посеребренные бочонкообразные бусы, щитковые завязанные перстни, витые браслеты с обрубленными концами, бубенчики с крестообразной прорезью) подтверждают эту дату. Пока трудно сказать, чем объясняется столь раннее распространение в Новгородской земле ямных трупоположений под курганами. В окрестностях Новгорода, на верхней Луге, а также в бассейне Мологи нередки могильники, целиком состоящие из курганов с погребениями в грунтовых ямах.

Сооружение этих курганов происходило так. Сначала на месте кургана выкапывали прямоугольную яму размерами 1,7—2×0,5—1 м и глубиной от 0,3 до 2 м. В бассейне среднего течения Луги встречены грунтовые ямы, края которых обложены камнем. После того как умершего клали на дно ямы, ее засыпали, сооружали насыпь и основание ее обставляли камнями. Обычно под одной насыпью находится одно захоронение. При двух одновременных трупоположениях рыли или общую могильную яму, или две ямы.

Одновременно с курганами, содержащими ямные захоронения, в течение XI в. сооружались насыпи с трупоположениями на горизонте. Число их постепенно уменьшалось, однако изредка их насыпали и в начале XII в. (курганы с находками монет второй половины XI в.: Калихновщина, 52, 53, 78; Кшева, 27). Позднее курганы с трупоположениями на горизонте не встречаются.

Курганных трупоположений выше горизонта, помещенных на специальных подсыпках, в ареале новгородских словен почти нет. Встречаются лишь ярусные трупоположения, но они оставлены финским населением лесной полосы Восточной Европы (Седов В. В., 1958, с. 3—11). Изредка попадаются также курганы с впускными захоронениями.

Как и все славяне, новгородцы клали умерших в курганы головой к западу. В Новгородской земле, осо-

бенно на ее окраинах, так же как и в курганах других древнерусских земель, прежде занятых финно-угорским населением, постоянно встречаются трупоположения с меридиональной ориентировкой (карта 28).

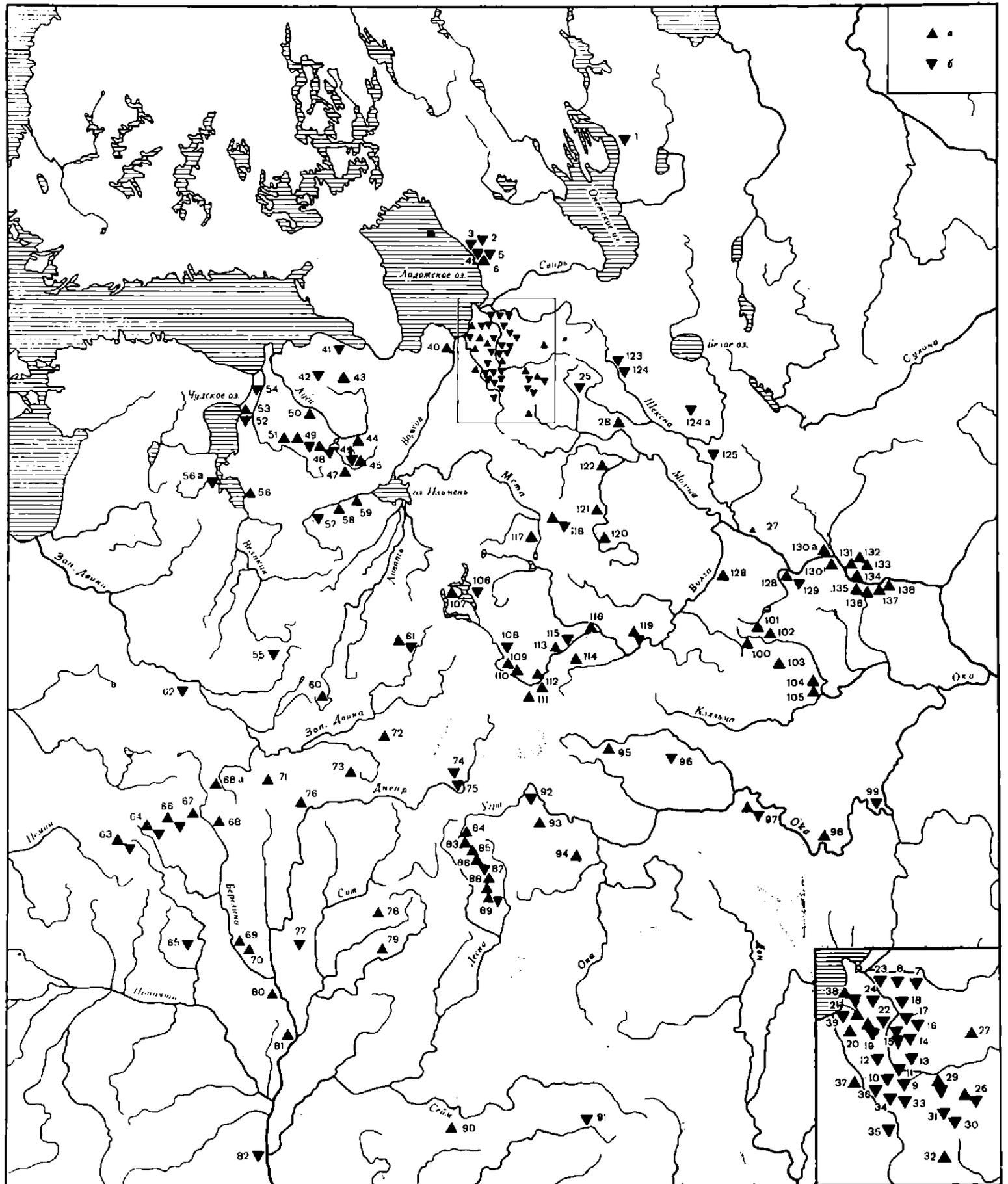
Еще Л. Нидерле заметил, что обычай помещать тело умершего по направлению север—юг—юг—северянский, и в России он в большинстве случаев — финно-угорский (Нидерле Л., 1956, с. 220). Действительно, обращение к материалам могильников различных финно-угорских племен севера европейской части СССР выявляет исключительно широкую распространенность обычая погребения умерших в меридиональном направлении — от Прибалтики на западе до Северного Урала и Среднего Поволжья на востоке. Этот ритуал зафиксирован у эстов, суми, ливов, корелы, ижоры, веси, мордвы, мари и прикамских финно-угров. Обычай погребения умерших головой на юг или север был известен некоторым финно-угорским племенам уже в раннем железном веке и удержался среди мордовского населения вплоть до XVII—XVIII столетий. Все это говорит о тесной связи рассматриваемой похоронной обрядности с общефинно-угорскими мифологическими представлениями и о возникновении их в глубокой древности (Седов В. В., 1966б, с. 246—248).

Карта 28. Курганные могильники с трупоположениями с меридиональной ориентировкой

a — могильники с северной ориентировкой; *b* — могильники с южной ориентировкой

1 — Челмужи; 2 — Симон-Наволоки; 3 — Видлицы; 4 — Рабола; 5 — Горка; 6 — Гиттойла; 7 — Яровщина; 8 — Карлуха; 9 — Залушчик; 10 — Заозерье; 11 — Новая (выше деревни); 12 — Саньково; 13 — Леонова; 14 — Костино; 15 — Кприллино (ниже деревни); 16 — Шуковщина (против деревни); 17 — Новая; 18 — Усть-Рыбизна; 19 — Сязниги; 20 — Шуковщина; 21 — Сязниги (выше села); 22 — Шуковщина (выше деревни); 23 — Кузнацы; 24 — Балдино; 25 — Вялгозеро; 26 — Новосельск; 27 — Гавьково; 28 — Новинки; 29 — Ильино; 30 — Большой Двор; 31 — усадьба Лесницкой; 32 — Мозолево; 33 — Овино (8 км от деревни); 34 — Овино; 35 — Овинцево (против деревни); 36 — Чимихино; 37 — Городище; 38 — Подбережье; 39 — Шахнова (против деревни); 40 — Плакул (Старая Ладога); 41 — Усть-Рудица; 42 — Рабятицы; 43 — Рябболово; 44 — Черновицы; 45 — Речка; 46 — Подберезье; 47 — Кшева; 48 — Дворец; 49 — Пустошь Морозовцы; 50 — Осмино; 51 — Высоко; 52 — Верхоляны; 53 — Колодня; 54 — Малые Поля; 55 — Михацково; 56 — Адамово; 56a — Лаосси-на II; 57 — Каменки; 58 — Булавино; 59 — Любитово; 60 — Дорожи; 61 — Курово; 62 — Браслав; 63 — Черликовщина; 64 — Заславль; 65 — Макаричи; 66 — Видогоща; 67 — Свидино; 68 — Мурава; 68a — Домжеричи; 69 — Любичи; 70 — Волосовичи; 71 — Овсянники; 72 — Слобода; 73 — Заозерье; 74 — Трухово; 75 — Харлапово; 76 — Черкасово; 77 — Ботвиновка; 78 — Костюковичи; 79 — Влазовичи; 80 — Гориводы; 81 — Мохов; 82 — Киев; 83 — Коханы; 84 — Дубровка; 85 — Доброселье; 86 — Синьгово; 87 — Манина; 88 — Колчино; 89 — Кургань; 90 — Кошары; 91 — Гочево; 92 — Ступельки II; 93 — Богоявление; 94 — Марфинка; 95 — Крымское; 96 — Стрелково; 97 — Апочицы; 98 — Городец Спасский; 99 — Земское; 100 — Городище; 101 — Буково; 102 — Вспрь; 103 — Ненашевское; 104 — Семеновское; 105 — Васильки; 106 — Пущина Гора; 107 — Березово; 108 — Шолохово; 109 — Подборовье; 110 — Гульцево; 111 — Высокино; 112 — Мозгово; 113 — Михайловское; 114 — Ягодино; 115 — Кошево II; 116 — Дуленево; 117 — Федово; 118 — Абакумово; 119 — Заборье; 120 — Юрьевская; 121 — Бустрыгино; 122 — Пестово; 123 — Митино; 124 — Мвино; 124a — Кабожа; 125 — Пожарничьи; 126 — Вороново; 127 — Евчаково; 128 — Тимерело; 129 — Петровское; 130 — Мотордеталь; 130a — Коряково; 131 — Шелиха; 132 — Зиновьино; 133 — Конищева; 134 — Низовская; 135 — Кошелиха; 136 — Петрушино; 137 — Князьи Сосны; 138 — Черная

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

Древнерусские курганы с северо-южными труположениями известны не только в Новгородской земле, но вообще распространены почти по всей территории, где дославянским населением были финно-угры. Картография курганов с меридиональной ориентировкой погребенных и встречаемость в них украшений типичного финно-угорского наряда позволяют считать северо-южные труположения финно-угорскими по происхождению. Очевидно, часть древнерусских курганов с захоронениями головой на север или на юг оставлена финно-уграми, ассимилированными славянами, а в окраинных районах древней Руси некоторые подобные курганы могли принадлежать и финноязычному населению, воспринявшему у славян обычай погребения под курганной насыпью.

В регионе расселения словен новгородских исследованы и курганы с труположениями головой к востоку (карта 12). Уже отмечалось, что такое направление погребенных было по происхождению балтским обрядом. В Новгородскую землю этот обряд занесен из более южных, кривичских областей, где происходила метисация славян с балтами. Не исключено также, что труположения, обращенные головой на восток, в новгородских курганах оставлены балтами, увлеченными славянской переселенческой волной.

Большинство захороненных погребено без гробов. Долбленные колоды или дощатые гробы встречаются сравнительно редко. Несколько чаще отмечены случаи подкладывания доски под труположение.

Северо-западная часть Новгородской земли до славянского расселения принадлежала одному из прибалтийскофинских племен — води. Древнее население не покинуло мест своего обитания — славяне на Ижорском плато и на восточном побережье Чудского озера селились среди водских поселений. Результатом территориального смещения славян и води была аккумуляция и постепенная ассимиляция местного прибалтийскофинского населения.

Наряду с обычными труположениями, при которых умершего клали в курган на спине, с вытянутыми ногами, в Новгородской земле, чаще чем в каком-либо ином древнерусском регионе, встречаются сидячие захоронения (карта 29). Выяснить причины и условия появления этой обрядности в древнерусских курганах пока не удается.

А. А. Спицын, публикуя материалы раскопок Л. К. Ивановским курганов Ижорского плато, отметил, что древнейшим здесь был обряд, когда умершего в сидячем положении прислоняли спиной для устойчивости к правильно сложенной груде камней, обкладывали дровами и сжигали (Спицын А. А., 18966, с. 7). Позднее, когда на Ижорском плато господствовал обряд труположения, многих умерших, по утверждению А. А. Спицына, хоронили опять-таки в сидячем положении, прислоня к заранее сложенной груде камней (Спицын А. А., 18966, с. 8).

Ижорское плато наиболее насыщено курганами с захоронениями в сидячем положении. Однако они есть в небольшом количестве и в других местах Новгородской земли. Поэтому вряд ли сидячие захоронения связаны исключительно с водским ритуалом. Скорее всего такие труположения в новгородских курганах являются реликтом древней погребальной обрядности се-

веро-запада Восточной Европы. Однако с определенным финно-угорским племенем этот ритуал связать не удастся. Не исключено, что некоторые каменные кладки, обнаруживаемые в сопках, свидетельствуют о распространении сидячих захоронений в Приильмень в VI—IX вв. Эти кладки из камней во многом тождественны сооружениям внутри курганов XI—XIII вв. Ижорского плато, на что уже обращалось внимание (Седов В. В., 1970а, с. 18, табл. X). Что касается сравнительно немногочисленных курганов с сидячими захоронениями, находящихся в более южных районах территории древней Руси, то они могли быть оставлены переселенцами из Новгородской земли.

Курганы с труположениями в срединной части Новгородской земли не отличаются богатым вещевым инвентарем. Очень многие захоронения вовсе лишены вещей. В курганах XI в. предметы украшений одинаково часто встречаются и в труположениях на горизонте, и в захоронениях в подкурганых ямах. Курганы XII в., бесспорно, беднее инвентарем по сравнению с более ранними насыпями.

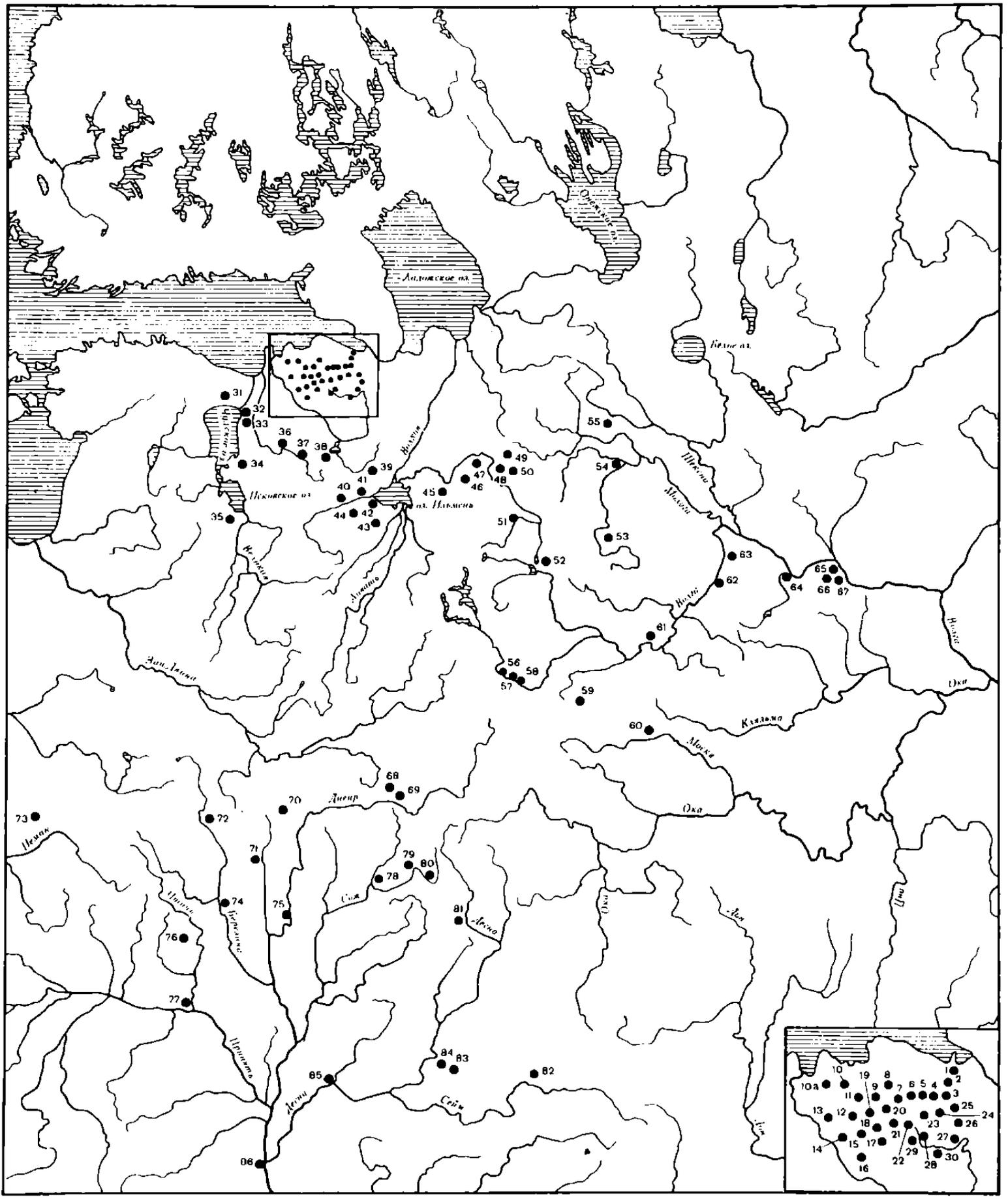
В области новгородских словен распространены ромбоцитковые (и овальноцитковые) височные кольца, которые служат этноопределяющим признаком этого племени. Концы колец, как правило, сомкнутые, реже — втульчатые. Основной ареал их — Приильмень с бассейнами Луги и Плюсы. Найдены ромбоцитковые кольца и в самом Новгороде. Кроме того, они встречены на Ижорском плато, освоенном словенцами в X—XIII вв. Их находки отражают также словенскую инфильтрацию на Псковщину (карта 30).

Общее распространение ромбоцитковых височных колец свидетельствует о весьма широком расселении словен новгородских (карта 31). Эти украшения неоднократно найдены в курганах Ярославского и Ростовского Поволжья и в центре Ростово-Суздальской земли, свидетельствуя о том, что в освоении этих территорий славянами активное участие приняли и новгородские словене. Встречены ромбоцитковые кольца

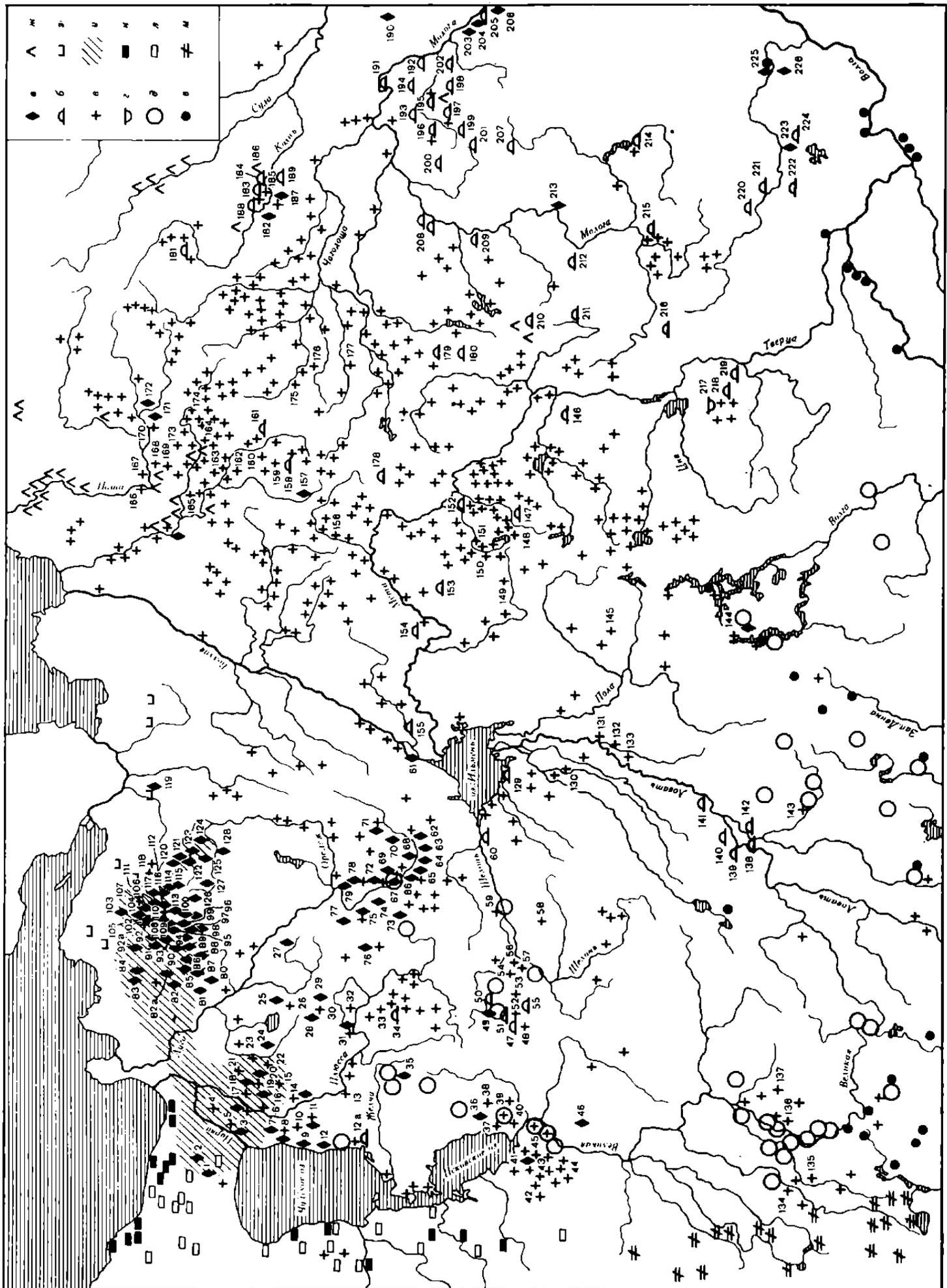
Карта 29. Распространение курганов с сидячими захоронениями

1 — Гостилицы-Буря; 2 — Дятлицы; 1, 11; 3 — Алапурсково; 4 — Ряболово; 5 — Таровицы; 6 — Гонголово; 7 — Яскедело; 8 — Торосово 1, 11; 9 — Роговицы; 10 — Артюшкина; 10а — Лашковицы; 11 — Канарщина; 12 — Ославье; 13 — Прологи; 14 — Вруда; 15 — Рабитыцы; 16 — Домашковицы; 17 — Введенское; 18 — Роготино; 19 — Волосово; 20 — Лисино; 21 — Калитино; 22 — Холоповицы; 23 — Большие Борницы; 24 — Войсковица; 25 — Матакюлля; 26 — Вопша; 27 — Ново-Сиверская; 28 — Даймище; 29 — Глушицы; 30 — Рождественно; 31 — Литепаз; 32 — Малая Каменка; 33 — Калихновщина; 34 — Дубницы; 35 — Малы; 36 — Вельяшев Лог; 37 — Морозовицы; 38 — Конезерье; 39 — Косицыно; 40 — Голоянци; 41 — Любитово; 42 — Соловицко; 43 — Малое Станшино; 44 — Боркино; 45 — Полище I; 46 — Березовик; 47 — Окуловка (урочище Воскресенский погост); 48 — Столбово; 49 — Подол; 50 — Кончасьское; 51 — Валдайка; 52 — Абакумово; 53 — Рыбняское; 54 — Сарогожское; 55 — Новинки; 56 — Горки; 57 — усадьба Коровяковского; 58 — Петровское; 59 — Ядрово; 60 — Верхогрязе; 61 — Никольское; 62 — Кривец; 63 — Жуково; 64 — Тимерево; 65 — Левашиха; 66 — Обаково; 67 — Земля В. И. Королева; 68 — Мицуря (урочище Высокие могилы); 69 — Макаричи I; 70 — Дымово; 71 — Эсьмоны I, 11; 72 — Борисов; 73 — Пузель; 74 — Леневка; 75 — Новый Быхов; 76 — Буховка; 77 — Чуфары; 78 — Чешуйки; 79 — Дербуж I; 80 — Дербуж II; 81 — Пекляно; 82 — Александровка; 83 — Глухов; 84 — Воронез; 85 — Шестовицы I, 11; 86 — Киев

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

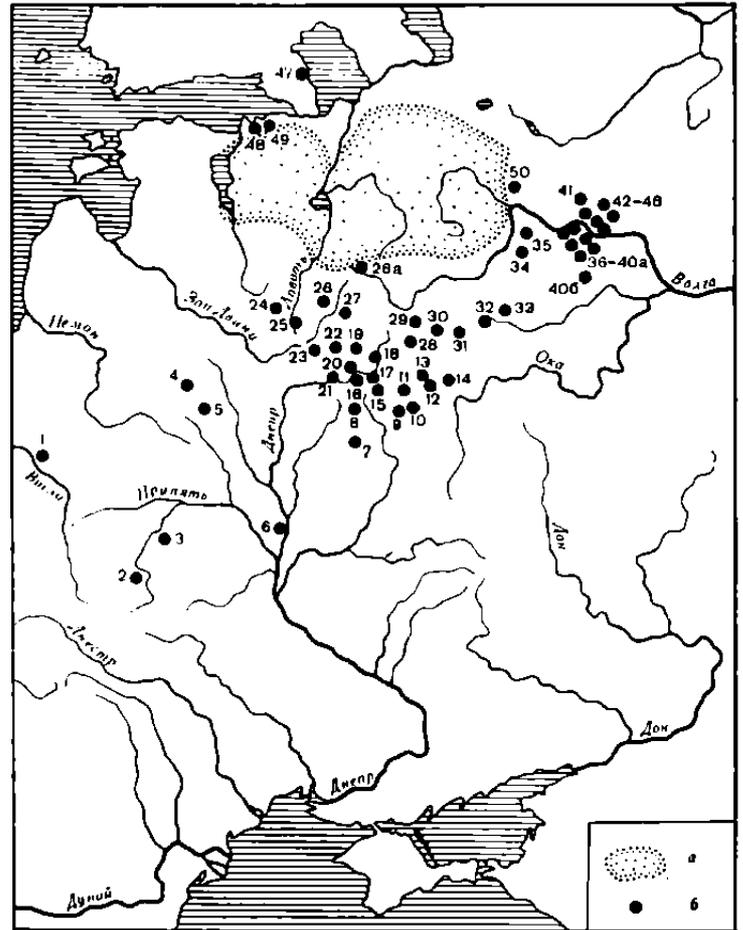
ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Карта 30. Расселение словен новгородских в XI—XIV вв.

а — памятники с находками ромбоцитковых височных колец; б — прочие исследованные курганные могильники словен; в — жалынки (цифрами обозначены исследованные могильники); г — грунтовые могильники словен; д — курганные могильники кривичей псковских; е — памятники с находками браслетообразных завязанных височных колец; ж — курганы веся; з — могильники ижоры; и — область расселения води; к — каменные могильники эстов; л — грунтовые могильники эстов; м — могильники латгалов

1 — Тюрсамая; 2 — Иыуга; 3 — Ольгин Крест; 4 — Криуши; 5 — Большая Поля; 6 — Малая Руя; 7 — Павлов Погост; 8 — Малая Каменка; 9 — Калихновщина; 10 — Бакин Колеп; 11 — Верхоляны; 12 — Городище; 12а — Залахтове; 13 — Дубровщина; 14 — Крапивна; 15 — Засторонье; 16 — Куричек; 17 — Малые Поля; 18 — Куклина Гора; 19 — Гусева Гора; 20 — Кушелка; 21 — Савиновщина; 22 — Гостицы; 23 — Хрель; 24 — Доложское; 25 — Осьмино; 26 — Замежиничье; 27 — Ершова; 28 — Жидковцы; 29 — Жилое Горнешно; 30 — Дворец; 31 — Высокая; 32 — Зеленок; 33 — Битино; 34 — Коолово; 35 — Безьва; 36 — Малые Васцы; 37 — Жидылов Бор; 38 — Подмогилье; 39 — Кривовицы; 40 — Муровичи; 41 — Виски; 42 — Малы; 43 — Иборск; 44 — Новая; 45 — Голодушино; 46 — Погорелки; 47 — Головицы; 48 — Вышково; 49 — Боркино; 50 — Батино; 51 — Дубровка; 52 — Верхние Горки; 53 — Дуброво; 54 — Заречье; 55 — Вяака; 56 — Булавино; 57 — Страшницы; 58 — Одосье; 59 — Любитово; 60 — Горцы; 61 — Новгород; 62 — Косицкое; 63 — Песчаник; 64 — Речка; 65 — Кшева; 66 — Подберезье-Кшева; 67 — Подберезье; 68 — Заупорье; 69 — Бор; 70 — Заполье; 71 — Хрепле; 72 — Черновцы; 73 — Конезерье; 74 — Брод; 75 — Лихарева Гора; 76 — Полянцы; 77 — оз. Ретенское; 78 — Малый Удрай; 79 — Замошье; 80 — Городня; 81 — Недолбицы; 82 — Уцевиды; 82а — Плещеваны; 83 — Унотицы; 84 — Сяста; 85 — Хотыняцы; 86 — Полотбицы; 87 — Смолеговицы; 88 — Горницы; 89 — Вруда; 90 — Пежовицы; 91 — Артюшкина; 92 — Греблово; 92а — Бегуницы; 93 — Терпилицы; 94 — Сяглицы; 95 — Ославье; 96 — Роготино; 97 — Введенское; 98 — Озертицы; 99 — Калитино; 100 — Озеры; 101 — Волосово; 102 — Ронковичи; 103 — Спанка; 104 — Котьяно; 105 — Клопцы; 106 — Ожогино; 107 — Торосово; 108 — Будино; 109 — Кижерино; 110 — Роговицы; 111 — Лорвила; 112 — Яскедево; 113 — Смольково; 114 — Большие Борняцы; 115 — Тяглино; 116 — Таровицы; 117 — Гонголово; 118 — Вохоно; 119 — Войскорово; 120 — Вопша I; 121 — Вопша II; 122 — Елицы; 123 — Кобринно; 124 — Старо-Сиверская; 125 — Выра; 126 — Глумицы; 127 — Даймище; 128 — Большее; 129 — Старо-Солабско; 130 — Марфино; 131 — Панаева Горка; 132 — Суховерховье; 133 — Старо-Курское; 134 — Даниловка; 135 — Шурупово; 136 — Заозерье; 137 — Арапово; 138 — Бабыяно; 139 — Ильинское; 140 — Стрешено; 141 — Куловка; 142 — Осиновка; 143 — Козлово; 144 — Малый Бокот; 145 — Мамаевщина; 146 — Михалево; 147 — Бор; 148 — Ватцы; 149 — Стекланцы; 150 — Костково; 151 — Горы; 152 — Березовик; 153 — Брод; 154 — Полище; 155 — Родионово; 156 — Криваничи; 157 — Дрегли; 158 — Мозолово; 159 — Гора Максимова; 160 — Селище; 161 — Золото; 162 — Великий Двор; 163 — Бор; 164 — Концы Павловские; 165 — Мулево; 166 — Пяхта; 167 — Заборовье; 168 — Рандога; 169 — Залювцик; 170 — Сарожа; 171 — Ригаچهво; 172 — Кяргино-Круглицы; 173 — Буркова; 174 — Рыбежна; 175 — Гора Черкасова; 176 — Гагрино; 177 — Заозерье; 178 — Черезборицы; 179 — Левоча; 180 — Кабожа; 181 — Плоское; 182 — Новянки; 183 — Ярцево; 184 — Дубяно; 185 — Футица; 186 — Бабаево; 187 — Тимошкино; 188 — Степанова; 189 — Володино; 190 — Гришкино; 191 — Куреваниха; 192 — Николино-Реня; 193 — Сухолжино; 194 — Бодачево; 195 — Любогости; 196 — Тухино; 197 — Лошицы; 198 — Жуково; 199 — Славьково; 200 — Загорье; 201 — Рамежье; 202 — Старая; 203 — Тамрова; 204 — Владимирское; 205 — Плавь; 206 — Сабельская; 207 — Залужье; 208 — Пестово; 209 — Сарогожское; 210 — Абаханово; 211 — Курово; 212 — Маслово; 213 — Бустрыгино; 214 — Бежепы; 215 — Воронцово; 216 — Могилевская Пустошь; 217 — Федово; 218 — Селиванка; 219 — Березино; 220 — Михайлово; 221 — Кидомля; 222 — Главачево; 223 — Воробьево; 224 — Сутоки; 225 — Посады; 226 — Хрипелево

Карта 31. Распространение ромбоцитковых височных колец а — основной регион; б — находки вне этого региона

1 — Дрогичин; 2 — Пересопница; 3 — Залужье; 4 — Радопковичи; 5 — Селище; 6 — Чаплин; 7 — Пильня; 8 — Княжое; 9 — Доброселье; 10 — Курганье; 11 — Колчино; 12 — Леоново; 13 — Шатуны; 14 — Бочарово; 15 — Волочек; 16 — Мутьшино; 17 — Березовка; 18 — Харлапово; 19 — Новоселки; 20 — Мазиново; 21 — Коробино; 22 — Елисевичи; 23 — Сакки; 24 — Шакалево; 25 — Усвяты; 26 — Селянь; 26а — Залучье; 27 — Угрюмово; 28 — Никольское; 29 — Хилово; 30 — Красный Стан; 31 — Черкизово; 32 — Чернихово; 33 — Мележская Дача; 34 — Белогостье; 35 — Великое; 36 — Лысая; 37 — Коточижевка; 38 — Дубецы; 39 — Пьянково; 40 — Погорелка; 40а — Коряково; 40б — Семухино; 41 — Татариново; 42 — Терешино; 43 — Большое Андрейково; 44 — Елкотово; 45 — Марьянское; 46 — Турыгино; 47 — Рауту; 48 — Бегуницы; 49 — Копорье; 50 — Кабожа

и в ряде пунктов Смоленской земли. Здесь эти украшения специфичны. Очевидно, в подражание кривичским браслетообразным кольцам концы их завязаны. Ромбоцитковые кольца ни разу не найдены в типично кривичских труположениях на кострищах. Более того, их нет даже в могильниках, содержащих кривичские курганы с кострищами. Это может быть объяснено тем, что ромбоцитковые височные кольца были занесены на Смоленщину новгородскими переселенцами.

Отдельные экземпляры ромбоцитковых украшений встречены далеко от их основного ареала — в Дрогичине, на Волыни, в Гомельском Поднепровье. Известны они и за пределами территории древней Руси. Из земли новгородских словен ромбоцитковые кольца проникли в Карелию (Nordman С. А., 1924, s. 70, fig. 50), Финляндию (Kivikoski E., 1973, Abb. 1077),

на Готланд (*Stenberger M.*, 1947, Abb. 226, 1) и Скандинавию (*Hårdh B.*, 1976, Taf. 3, 22). В скандинавских землях ромбоцитковые кольца не употреблялись как украшение. Они представлены фрагментами в составе кладов.

Ромбоцитковые кольца бытовали в Новгородской земле продолжительное время — с начала XI до XIV вв. включительно. За этот период их форма видоизменялась. Наиболее ранними были кольца с четко вырезанными ромбическими щитками, орнаментированными пунктирным крестом в ромбе. Крест оформлялся на концах тремя кружками (табл. LIII, 1). Время этих так называемых классических ромбоцитковых колец — XI—XII вв. Постепенно щитки становятся сглаженноромбическими, а потом овальными (табл. LIII, 5). Изменяется и орнаментация — вместо креста появляется пунктирный рисунок с кружками или выпуклинами или без них (табл. LIII, 2, 6). Распространяются такие кольца в конце XII в. и бытуют в XIII в. (*Седов В. В.*, 19536, с. 194). Происходят изменения и в размерах колец. Более ранние их экземпляры отличаются крупным диаметром (до 9—11 см), височные кольца позднего периода, как правило, небольшие.

Носили ромбоцитковые кольца так же, как и браслетообразные. Обычно при умершей находят два кольца — по одному на каждом виске. Но нередко встречаются с одним ромбоцитковым кольцом, а иногда — с тремя-четырьмя.

Кроме ромбоцитковых височных колец постоянно встречаются перстнеобразные и несколько раз обнаружены трехбусинные. В некоторых местностях насыпи содержали захоронения с браслетообразными сомкнутыми височными кольцами, об этнической принадлежности которых будет сказано далее, в связи с характеристикой курганных древностей Волго-Клязьменского междуречья.

В XIII—XIV вв. получают заметное распространение серьги в виде вопросительного знака (табл. LIII, 7, 13).

В курганах Новгородской земли нередко находят тонкопластинчатые (серебряные или бронзовые) головные венчики. Концы их имели или отверстия для продевания шнура, при помощи которого венчики завязывались, или крючки. В курганах у с. Хрепле найдено четыре пластинчатых венчика, около оз. Ретепское — два, в курганах Ижорского плато, исследованных Л. И. Иваиовским, — более 20. В других местах Новгородской земли обнаружены фрагменты подобных венчиков. Не исключено, что пластинчатые головные венчики являются характеристикой племенной принадлежностью словен. Вне Новгородского региона они найдены в Верхнем Поволжье и междуречье Волги и Клязьмы — на территориях, в освоении которых активное участие приняли новгородские словене.

Другой тип головного венчика имел более широкое распространение. Делались эти венчики из парчовой ткани и иногда украшались штампованными серебряными бляшками. В Хреплевских курганах найдены квадратные, круглые и треугольные бляшки, украшенные рубчатыми каемками. Кроме Новгородского региона парчовые венчики найдены в кривичских курганах, а также в погребальных насыпях Волго-Окского междуречья. По-видимому, подобные

тканевые венчики в основном делались из домотканой тесьмы и поэтому во многих случаях не сохранились.

Носили новгородские женщины и сложные головные уборы. В словенском курганном могильнике у д. Новинки в Вологодской обл. найдены остатки головного убора, состоявшего из шести рядов округлых и удлиненных оловянисто-свинцовых бляшек. Височные кольца здесь обычно крепились непосредственно к головному убору (*Сабурова М. А.*, 1974, с. 88, 89).

Шейные гривны для новгородских словен не характерны. В курганах Приильменя они не встречаются. Единичные находки происходят лишь с верхней Луги. Зато на окраинах Новгородской земли шейные гривны попадаются довольно часто. Может быть, их появление здесь было обусловлено неславянским этническим элементом.

Для новгородских словен характерны небогатые шейные ожерелья. Они состоят преимущественно из стеклянных и пастовых бус разных цветов (табл. LIII, 19, 23—27). Преобладают зонные бусины, встречаются также шарообразные, винтообразные, ребристые и битрапецидные. Их цвета белый, голубой, синий, желтый, черный. Довольно часто встречаются зеленый, голубой, желтый бисер и мелкие кольцевые пастовые бусины. Менее многочисленны сердоликовые (призматические и многогранные — табл. LIII, 21, 22) и хрустальные (призматические, шарообразные и многогранные) бусины. Единичными экземплярами представлены медные бусины (табл. LIII, 18).

Нагрудные привески в новгородских курганах немногочисленны. Это лунницы (табл. LIII, 3, 4, 9, 16), бубеичики (табл. LIII, 17), крестики общерусских типов. В северо-западной части Новгородской земли весьма распространены круглые привески с различными орнаментами, а также ажурные, в том числе решетчатые (табл. LIII, 8, 10—12, 14, 15, 20, 28).

Встречены привески в виде пластинчатых коньков смоленского типа, ложечки, ключи, гребни. Из Хреплевских курганов происходят треугольная пластинчатая привеска со штампованным глазковым орнаментом и привеска-колокольчик.

Довольно широко были распространены перстни и браслеты. Перстни принадлежат к общевосточнославянским типам (табл. LIV, 2—5, 7, 9—12, 14, 16, 19, 21, 23—26, 29, 31). Из них наиболее часто встречаются узкопластинчатые и провололочные перстни. Изредка попадаются спиральные перстни (табл. LIV, 30).

Курганы новгородских словен содержали значительную коллекцию браслетов. Среди витых самыми ранними, относящимися к XI—XII вв., считаются браслеты с обрубленными концами (табл. LIV, 1).

Во второй половине XII в. появляются витые тройные браслеты с петельчатыми концами (табл. LIV, 8), а позднее — и витые браслеты 2×2, 2×3, 2×4 (табл. LIV, 17).

Кроме обычных для восточнославянских древностей пластинчатых браслетов (табл. LIV, 6, 13, 15, 18), в новгородских курганах северо-западного окраинного региона в большом количестве найдены широкие пластинчатые браслеты (табл. LIV, 20, 27,

Рис. 12. Украшения из погребения кургана 3 могильника Крапивна

28), а также толстые плосковыпуклые (табл. LIV, 22). Пластинчатые браслеты из курганов словен иногда имеют в элементах орнаментации сходство с узорами ромбоцитковых височных колец (табл. LIV, 6). Орнамент в виде пунктирного креста в ромбе на предметах вне расселения новгородских словен не встречается.

В курганах северо-западных районов Новгородской земли довольно часты бронзовые и биллоновые подковообразные застёжки (табл. LV, 1–4, 6–8). Они принадлежат к различным типам, и многие из них имеют аналогии в прибалтийских древностях. Из кургана Калитинского могильника происходит подковообразная застёжка с утолщенными концами (табл. LV, 10). Она имеет литовско-латышские параллели (Сергеева З. М., 1977, с. 34–37). В курганах Ижорского плато встречены пластинчатые кольцевые

застежки (табл. LV, 5), аналогии которым находят также в Прибалтике.

В мужских захоронениях новгородских словен падаются лировидные и иных типов пряжки, поясные кольца и бляшки (табл. LV, 9, 11, 12—16). При труположениях мужчин и женщин обычны железные ножи и глиняные горшки древнерусских форм. Однако большинство погребений мужчин лишено вещей.

На смену курганным захоронениям в древнем ареале новгородских словен приходят жальники. Жальник — местный новгородский термин, производный от древнерусского и старославянского «жаль» — гробница (*Фасмер М.*, 1967, с. 35). Это — кладбище из грунтовых могил, обставленных на поверхности валунами в виде кольца или прямоугольника.

Эволюция от курганов к жальникам очевидна. А. А. Спицын в связи с этим писал: «По мере того как становятся глубже погребальные ямы и увеличиваются размеры камней, входящих в состав ограждений, курганные насыпи все более и более теряют свое значение, опадают все ниже и ниже, пока не делаются столь низкими и плоскими, что едва выполняют вместимость каменного ограждения; к концу XIII в. вырождение курганных насыпей уже завершается. XIV и XV вв. — время расцвета жальничных погребений» (*Спицын А. А.*, 1903а, с. 14, 16).

Начальная дата жальничных захоронений — XII в. Впрочем, к этому времени относятся, по-видимому, лишь единичные жальники. Наиболее ранние из жальничных захоронений исследованы в Кривовицах и Жидилове Боре на Псковщине, в Одосье и Боре в Приильменье. В погребении 9 Кривовицкого могильника найдены стеклянные позолоченные бочкообразные бусы (*Глазов В. Н.*, 1903а, с. 70), которые датируются временем от конца X до начала XII в.

Такие же бусы и монета XII в. обнаружены в захоронении 1 жальника в Одосье. Монеты второй половины XI в. найдены в жальниках Кривовицы и Жидилова Бор (*Глазов В. Н.*, 1903а, с. 72).

Среди многих жальничных могил, исследованных на восточном побережье Чудского озера, только две могут быть отнесены к XII в. Это погребение 5 в Малой Каменке, в котором найдены витой браслет без концов и щитковый перстень раннего облика (*Спицын А. А.*, 1903а, с. 93, 94), и захоронение 3 в Крапивне с находкой такого же браслета (рис. 12) (*Спицын А. А.*, 1903а, с. 113, 114). В жальничных захоронениях этого района 16 раз найдены витые тройные браслеты и 12 — витые 2×2 и 2×3, подчеркивающие относительно поздний характер этих могил.

В XII—XIII вв. жальничные могилы сосуществовали с курганными захоронениями. Однако в Новгородской земле есть регионы, где курганный обряд захоронения был окончательно вытеснен жальниками уже в XII в. Таковы районы, лежащие к западу и юго-западу от оз. Ильмень.

Все ранние жальники имеют кольцевую обкладку из довольно крупных валунов. Иногда с западной и восточной сторон могилы помещены валуны особенно больших размеров. Могильные ямы сохраняют

такие же формы и размеры, что и у ям под курганными насыпями. В некоторых случаях в верхних слоях заполнения могильных ям встречаются включения золы и угольков, а изредка и обломки глиняных сосудов.

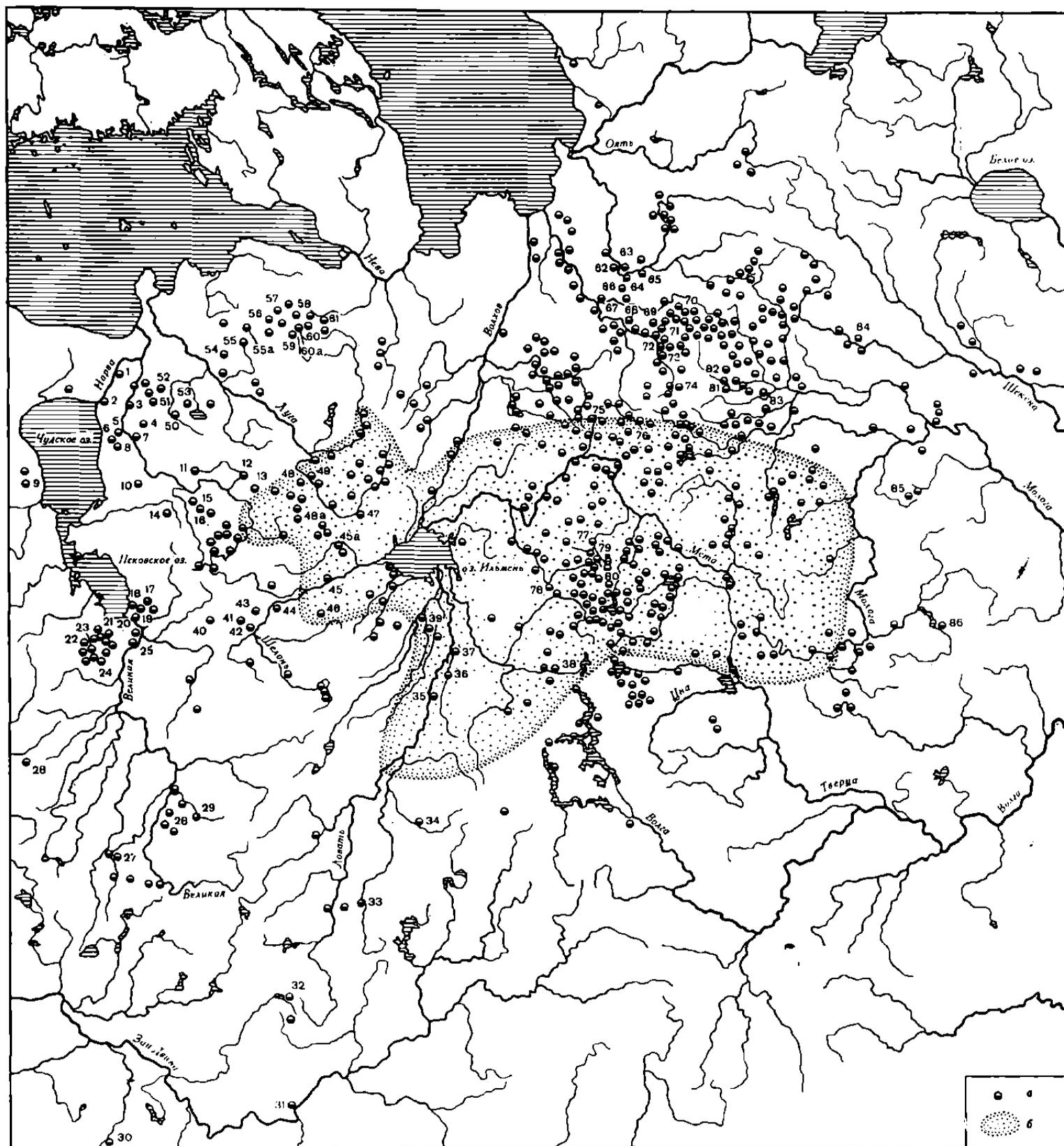
Со временем происходит эволюция каменных ограждений жальничных могил. Кольцо камней постепенно заменяется прямоугольником по форме могильной ямы. В это же время, по-видимому, появляются овальные обкладки могил. В головах и ногах, т. е. с запада и востока, теперь всегда ставятся крупные валуны. В дальнейшем они еще увеличиваются в размерах, а обкладка могил исчезает. Позднее пропадает и обычай ставить камень в ногах погребенного. Остается крупный валун или плита, поставленные в головах. Уже в некоторых прямоугольных и овальных жальничных могилах вместо крупного камня в головах ставились каменные кресты. Постепенно роль каменных крестов возрастает, и они в конце концов остаются единственными наземными обозначениями захоронений.

Абсолютное большинство жальничных захоронений принадлежит к безынварным. Это затрудняет хронологию этапов эволюции этих погребений. Первые прямоугольные обкладки над захоронениями появляются, по-видимому, в XII—XIV вв. (например, Крапивна, погребение 3). Самые поздние жальники не содержат вещевого материала и поэтому не поддаются датировке. В могиле с прямоугольной обкладкой у д. Малая Каменка найдены монеты XV в. (*Спицын А. А.*, 1903а, с. 94). Следовательно, в некоторых местностях обычай сооружать жальничные могилы существовал до XV в.

Положение умерших в жальничных могилах общеславянское. В некоторых могилах найдены следы деревянных гробов, иногда сбитых гвоздями. Отмечены единичные случаи сидячих захоронений. В бассейне Ловати раскопано несколько жальничных могильных ям, стенки и дно которых были выложены обломками гранита. Вещевой инвентарь погребенных в жальниках полностью идентичен курганному материалу новгородских словен. Неоднократно найдены в жальниках и этноопределяющие украшения словен — ромбоцитковые височные кольца.

Карта новгородских жальников была составлена Н. И. Репниковым еще в начале 30-х годов XX в. (*Репников Н. И.*, 1931). На эту карту, кроме жальников описанных типов, попали и несколько иные памятники. В восточной части Новгородской земли древние кладбища иногда целиком ограждались валунами. Обычно они имели небольшие размеры, занимали невысокое всхолмление, которое охватывалось большими валунами, а иногда еще ровиком. Диаметр таких кладбищ от 12 до 50 м. Внутри каменного кольца в грунтовых ямах находятся безынварные труположения. Каждое захоронение не имело наземных признаков, но иногда на поверхности видны беспорядочно разбросанные мелкие камни или плитняк. Местное население называет эти кладбища тоже жальниками, почему они и были включены Н. И. Репниковым в общий перечень жальников. Без проведения специальных полевых изысканий выделить подобные кладбища из числа собственно жальничных могил не представляется возможным.

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

Карта 32. Распространение новгородских жальничков

а — могильники, в которых имеются жальничьи погребения; б — граница основного региона новгородских сопок
 1 — Крюши; 2 — Большие Поля; 3 — Малая Руя; 4 — Засторонье; 5 — Малая Каменка; 6 — Бакин Конец; 7 — Крапивна; 8 — Верхояны; 9 — Кусма-Калтри; 10 — Дубровщина; 11 — Высокая; 12 — Дворец; 13 — Зеленск; 14 — Замежничье; 15 — Полипы; 16 — Битино; 17 — Подмогилье; 18 — Жидилов Бор; 19 — Кривовицы; 20 — Муровичи; 21 — Виска; 22 — Малы; 23 — Изборск; 24 — Новая; 25 — Голодушино; 26 — Даниловка; 27 — Шурупово; 28 — Заозерье; 29 — Аралово; 30 — Путилковичи; 31 — Каховка; 32 — Дубровка; 33 — Пирогово; 34 — Козлово; 35 — Старо-Курское; 36 — Суховерховье; 37 — Панаева Горка; 38 — Мамаевщина; 39 — Марфино; 40 — Выш-

ково; 41 — Дубровка; 42 — Страшницы; 43 — Заречье; 44 — Булавино; 45 — Одосье; 45а — Батецко; 46 — Любитово; 47 — Косицкое; 48 — Лихарева Гора; 48а — Конезерье; 49 — Малый Удрай; 50 — Гостицы; 51 — Гусева Гора; 52 — Савиновщина; 53 — Хрель; 54 — Беседа; 55 — Пологбицы; 55а — Плещевы; 56 — Ронковицы; 57 — Ожогино; 58 — Вохоно; 59 — Роговицы; 60 — Таровицы; 60а — Лашковицы; 61 — Фьюнатово; 62 — Пяхта; 63 — Заборовье; 64 — Рандога; 65 — Сарогожа; 66 — Залювщик; 67 — Буркова; 68 — Мулево; 69 — Концы Павлопские; 70 — Рыбежна; 71 — Бор; 72 — Великий Двор; 73 — Селище; 74 — Заборовье; 75 — Кримапичи; 76 — Новинка; 77 — Горы; 78 — Стеклиницы; 79 — Костково; 80 — Ватцы; 81 — Гагрино; 82 — Гора Черкасова; 83 — Заозерье; 84 — Ярцево; 85 — Лошицы; 86 — Бежеды

Распространены жальники преимущественно в ареале сопок. Известны такие погребения и на восточном побережье Чудского озера, и в окрестностях Пскова и Изборска, отражая проникновение словен новгородских в эти земли (карта 32).

Отдельные изолированные жальники найдены и за пределами очерченной территории. Таковы жальники в Витебской обл. — Каховка, Дубровка, Ствольно, Путилковичи (*Штыгов Г. В.*, 1971, с. 39, 47, 59, 85). Очевидно, это — тоже следы новгородского расселения. Однако в Ярославско-Костромском Поволжье и в Волго-Клязьменском междуречье жальники неизвестны. По-видимому, новгородское расселение в эти края осуществлялось прежде чем курганный обряд погребения был вытеснен жальничными захоронениями.

На территории Новгородской земли отмечено большое количество древних каменных крестов (карта 33). Большинство из них — надгробные, но известны также памятные и так называемые поклонные кресты, ставившиеся на дорогах или вделанные в стены христианских церквей. Первый научный обзор этих памятников был сделан А. А. Спицыным (*Спицын А. А.*, 1903б, с. 201—234).

К числу памятных относится Стерженский крест, поставленный на городище при впадении Волги в оз. Стерж, на пути из Новгорода во Владимирскую землю. Надпись на нем гласит: «6641(1133) месяца июля 11 день почаях рыти реку сию яз Иванко Павловиц и крест съ поставих» (*Колосов В. И.*, 1890). Очевидно, крест поставлен в память о произведенных здесь работах по углублению русла. Другой крест — Эстляндский — находится не на древнерусской территории, в 75 км к северо-западу от Нарвы, и имеет немецкую надпись конца XVI в.

Несомненно памятным является каменный крест, стоящий при входе на Изборское (Труворово) городище и обычно называемый Труворовым (рис. 13). Как сообщает летописи, в 1303 г. это городище — детинец древнего города Изборска — было оставлено жителями. Город был перенесен на Жеравью гору, более отвечающую условиям обороны того времени (Псковские летописи, с. 14). Очевидно, в XIV или XV в. изборяне поставили памятный крест при въезде на старое городище, связанное летописной легендой с одним из братьев-варягов Трувором, призванным на заре образования древнерусского государства. Крест выделяется большими размерами. Высота его наземной части превышает 2,2 м. Форма креста своеобразна: два боковых и верхний концы его слегка расширяются от центра к краям, а нижний копец не имеет расширения, его стороны почти параллельны. Надпись на Труворовом кресте традиционна: ЧРЪ, СЛА, ІСЪ, ХЪ, НИКА (Царь славы Иисус Христос Ника). В средокрестии высечен восьмиконечный крест на подножии.

Памятных каменных крестов известно очень немного, хотя обычай ставить их бытовал в Новгородской и Псковской землях вплоть до XVII в. Так, в 1657 г. у северной стены Изборской крепости был поставлен каменный крест в память о сражении изборян с литовцами.

Храмовые кресты, вделанные в стены церквей, датируются в основном XIV—XVI вв., хотя обычай этот сохранялся и в XVII—XVIII вв. Он характерен

для новгородской и псковской архитектуры позднего времени. А. А. Спицын выделяет среди храмовых крестов три типа: с лопастными концами и прямым основанием; равноконечные лопастные с ободком; восьмиконечные.

Среди придорожных наибольший интерес представляют следующие: большой Нерльский крест с надписью церковного характера, поставленный близ Боголюбова на берегу Клязьмы, при впадении в нее Нерли (История культуры, 1951, с. 298, рис. 196); крест с надписью «Игнач крест», стоявший на дороге из Новгорода в Тверь; крест в самом начале волховских порогов. Впрочем, придорожных крестов известно довольно много, они ставились на водных и на сухопутных путях, главных и второстепенных.

Самую большую группу каменных крестов составляют надгробные. В отличие от поклонных и памятных, они характеризуются меньшими размерами и относительной массивностью. Ставились они или непосредственно в землю у могилы, или на специальных плитах с отверстием. По форме они часто повторяют памятные и поклонные, но имеются и оригинальные.

Вслед за А. А. Спицыным, небольшое исследование этим памятникам посвятил И. А. Шляпкин (*Шляпкин И. А.*, 1906), разделивший каменные четырехугольные кресты по форме на девять типов. К ним в настоящее время добавляется десятый — изборский тип крестов (*Седов В. В.*, 1976а, с. 102—107).

Наиболее характерные формы надгробных каменных крестов Новгородско-Псковской земли представлены в табл. LVI: одни не имеют никаких надписей, на других высечены кресты разных форм, на третьих сделаны надписи, состоящие из традиционных монограмм, как и на Труворовом кресте, и лишь очень немногие содержат надписи с именами погребенных.

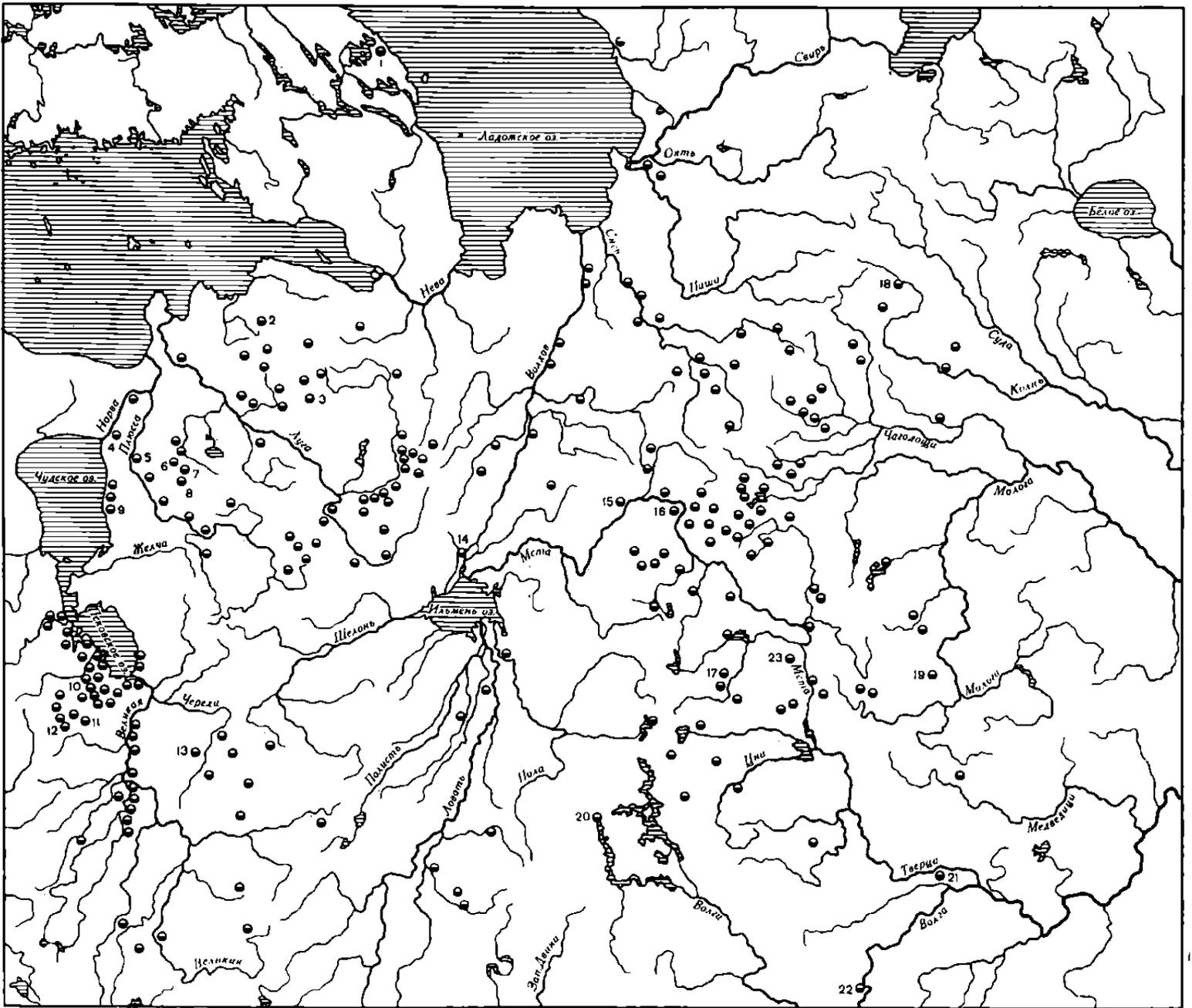
Так, на каменном кресте, стоявшем на месте старинного кладбища в д. Войносолово, надпись гласит: «Хростъ раба б[о]жия Савы Тарасина кузнеца» (табл. LVI, 11). Крест был надгробием деревенского кузнеца Саввы Тарасина, датируется XIV—XV вв. (*Седов В. В.*, 1962а, с. 311—314).

Среди крестов, находящихся в с. Воймерицы в б. Боровичском уезде (табл. LVI, 4, 5), один имеет надпись: «Мироулавоу и Лазоревы братья и мати Мирослава поставили хрестъ. Славоне делале» (*Спицын А. А.*, 1903б, с. 208). Он относится к XII в. В Изборске внутри деревянной часовни стоит крест, на котором, помимо обычных монограмм, высечена надпись: «Ле[та] 700 миро[м] поставлен кр[ес]т па рабе б[о]жии на Степане». Этот памятник в 1492 г. установлен миром-общиной над могилой, очевидно, чем-то прославившегося изборянина Степана (*Седов В. В.*, 1976а, с. 103—105).

Каменные кресты весьма распространены в области расселения словен новгородских. В Псковской земле они известны главным образом там, где встречаются и жальничные могилы. Датируются кресты временем от XII до XVI в., а надгробные ставились преимущественно в XIV—XVI вв.

Каменные надгробные кресты, изредка встречаемые на территории Витебской обл., главным образом в ее северных районах (*Штыгов Г. В.*, 1971, с. 31—89), скорее всего связаны с расселением новгородских

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

Карта 33. Распространение каменных крестов в Новгородской земле

Цифрами обозначены наиболее известные кресты 1 — Килпола; 2 — Войносолово; 3 — Рабятицы; 4 — Ольгин Крест; 5 — Малая Руя; 6 — Гостицы; 7 — Гостиж Бор; 8 — Засторовье; 9 — Верхоляны; 10 — Изборск; 11 — Куланово; 12 — Петровское; 13 — Подмошье; 14 — Новгород; 15 — Окуловка; 16 — Воймерицы; 17 — Горусово; 18 — Ковецкое; 19 — Загороды (Лопастичский крест); 20 — Волгино-Верховье (Стерженский крест); 21 — Троица; 22 — Старица; 23 — Курский Рядок-Тугановичи

словен. В более южных районах древней Руси они единичны (Спицын А. А., 19036, с. 204; Штыхов Г. В., 1971, с. 104, 106, 145, 178, 209).

На верхней Волге в д. Иворово Старицкого р-на зафиксирован случай постановки каменного креста на кургане. Поскольку в основании этого кургана есть кольцевая обкладка из валунов, очевидно, он оставлен новгородскими переселенцами. Погребение в кургане с каменным крестом было совершено в саркофаге из белого камня (Комаров К. И., Елкина А. К., 1976, с. 226—238).

Картина развития погребальных древностей, парисованная здесь, касается главным образом основного региона словен новгородских, т. е. той части Новгородской земли, которая была занята славянами еще в период сооружения сопок. Другие области словенской территории характеризуются заметным своеобразием, что в основном обусловлено относительно поздней славянизацией местного финноязычного населения.

В XI в. словене новгородские активно осваивают Ижорское плато и нижние течения Луги и Плюсы, прежде занятые водью (Седов В. В., 19536, с. 190—229). Культурное воздействие славян на водское население выразилось в распространении среди води обряда сожжения мертвых и сооружения курганов. Уже в XI в. появляются немногочисленные водские курганные погребения. Они находятся рядом со славянскими погребальными насыпями, а иногда и в одних могильниках с ними. В XII в. число славянских курганов в северо-западных районах Новгородской земли заметно увеличивается. В это время водские курганы сооружаются не только внутри словенской

территории, но и на ее окраинах. Началась активная славянизация водского населения, закончившаяся лишь через несколько столетий.

В XIII в. количество водских курганных захоронений здесь еще более увеличивается, ибо все больше водского населения включается в исторический процесс славянизации. Еще в XII в. появляются поселения смешанного характера, о чем говорят курганные группы со славянскими и водскими захоронениями. В XIII—XV вв. смешение населения увеличивается. Краниологические материалы обнаруживают целые серии метисного населения.

К концу XIV в. славянские курганные погребения на Ижорском плато исчезают. Но жальники здесь не получают широкого распространения, хотя некоторые жальничные могилы, судя по инвентарям, могут относиться и к води. Среди водского населения курганный погребальный обряд сохранялся еще в XV в., а в периферийных уголках — и в XVI в.

Водский этнический компонент оказал существенное воздействие на курганный обряд захоронения. На Ижорском плато во многих насыпях оказались внутри каменные кладки. Их сооружали на материке из булыжников, положенных в два-три или четыре яруса, и иногда прикрывали плитами. В курганах Ижорского плато встречены также бесформенные груды камней, сложенные без какой-либо системы. Промежутки между камнями заполнены золой с мелкими угольками, среди которых попадаются сожженные кости домашних животных (коров, овец и свиней). Исследователь этих курганов Л. К. Ивановский называл эти кучи камней жертвенниками. А. А. Спицын предполагал, что груды из камней устраивались для удержания погребенного в сидячем положении. Однако каменные кучи имеются и в курганах с захоронениями в вытянутой позе.

Дневниковое описание курганов с каменными кладками в материалах Л. К. Иванова не сохранилось. Поэтому невозможно сказать, в каких курганных группах — водских или славянских — каменные кладки преобладали и с какими вещами они коррелируются. Однако полное отсутствие каменных кладок в древнерусских курганах основной восточнославянской территории позволяет связывать их с погребальной обрядностью води.

Славянские захоронения северо-западных земель Великого Новгорода по инвентарю идентичны курганным труположениям других районов Новгородчины. В них обычны ромбоидные височные кольца и другие украшения славянских типов. Водские курганные древности XI в. имеют много аналогий с предметами других западнофинских племен (булавки с крестообразной головкой, подковообразные застежки с «маковыми» головками, спиральные браслеты). Начиная с XII в. среди водского населения распространяются многобусинные височные кольца, ставшие этноопределяющими украшениями. Кроме них, к типично водским принадлежат ожерелья из раковин каури или с включением этих раковин, полые подвески-уточки, пагрудные цепочки ливского типа. Среди води широко распространяются и украшения славянских типов.

В результате смешения славян с водским населением в северо-западных районах Новгородской земли формируется своеобразная культура — симбиоз при-

балтийскофинской и славянской. К элементам, характеризующим эту культуру, принадлежат разнотипные подковообразные застежки (табл. LV, 1—8, 10), встреченные в сотнях курганных труположений. В захоронениях мужчин их обычно находят на левом или правом плече, т. е. они служили для укрепления верхней одежды. В погребениях женщин, а иногда и мужчин, такие застежки обнаруживают у ворота одежды.

Выделяются захоронения этого региона и широким распространением поясов с пряжками и поясными бляшками (табл. LV, 12—16). К поясам прикреплялись ножи, ножны, оселки, огнива, гребни, ключи. Здесь получают распространение пластинчатые, довольно широкие браслеты. Особенностью северо-западной культуры можно считать необычную для древнерусских земель распространенность погребений с орудиями труда (*Рябинин Е. А.*, 1974, с. 23—26).

Словенскими новгородскими были освоены также области, заселенные весью. В юго-восточном Приладожье, по рекам Сясе, Паше и Ояти, курганный обряд захоронения распространяется в IX в. Однако наиболее ранние курганы здесь не содержат славянских элементов. Наоборот, ряд курганов с трупосождениями отмечен скандинавскими параллелями: это — захоронения с ладьей; железные гривны, связанные с языческим культом бога Тора; наборы украшений, типичных для женской одежды средневековой Швеции; погребения с воткнутым в грунт копьем (*Жокуркина С. И.*, 1973). Число курганов с достоверно скандинавскими захоронениями невелико, тем не менее нужно полагать, что распространение курганного обряда захоронения среди приладожской веси обусловлено влиянием похоронного обряда пришлого населения.

Основная масса приладожских курганов оставлена местной весью. Весский ритуал в этих курганах проявляется и в положении умерших, и в обычае устраивать очаги с предметами кухонного инвентаря, и в наборе женских украшений, и в инвентаре, сопровождающем мужские захоронения (табл. LVII; LVIII).

Очевидно, скандинавские фибулы носили в Приладожье весские женщины, поскольку эти застежки встречаются в курганах с местным погребальным ритуалом (*Тухтина Н. В.*, 1978а, с. 192—198).

По-видимому, только с XI в. в юго-восточные районы Приладожья проникают значительные группы славянского населения. Здесь появляются подкурганые труположения с западной ориентировкой, обычай обкладывать курганы камнями, славянские височные кольца и другие украшения.

В области белозерской веси славяне проникли несколько раньше. К VIII—IX вв. здесь относятся единичные сопки, а к X—XIII вв. — курганы славян, однотипные по устройству и содержанию с прильменскими, и курганы веси, перенявшей славянский обряд захоронения. Принадлежность их местной веси устанавливается по ориентировке покойников головами на север или на юг, а также по распространению специфически финно-угорских украшений (*Голубева Л. А.*, 1973, с. 21—56). Весское население, не затронутое славянским культурным и языковым воздействием, хоронило умерших в грунтовых могильниках.

Поскольку курганные древности Белозерского края и юго-восточного Приладожья значительно отличаются друг от друга, В. А. Назаренко высказал предположение, что они оставлены различными племенными группами прибалтийскофинского населения. Он считает, что весь обитала только в Белозерье. О ее локализации здесь говорит Повесть временных лет. В Приладожье же жила не весь, а чужь приладожская (Назаренко В. А., 1979б, с. 152—157). С этим трудно согласиться хотя бы потому, что потомки средневековой веси — вепсы — до сих пор проживают в Приладожском регионе. Однако подчеркиваемое В. А. Назаренко заметное культурное отличие приладожской курганной культуры от древностей белозерской веси заслуживает внимания. Может быть, оно обусловлено тем, что Приладожье и Белозерский край были заселены разными племенными группировками веси.

Волго-Клязьменское междуречье

Вопрос о славянском расселении в междуречье Волги и Клязьмы неоднократно привлекал внимание исследователей. До накопления археологических материалов его пытались решить с помощью исторических свидетельств и данных лингвистики. Так, историк Д. А. Корсаков в монографии, посвященной древнейшей истории Ростовской земли, пришел к выводу, что раннее славянское заселение этого края шло от новгородских словен. Оно было весьма значительным, и только в XI—XII вв. началось более слабое колонизационное движение из Поднепровья, через земли кривичей и вятичей (Корсаков Д. А., 1872). К аналогичному выводу склонялся и И. А. Тихомиров, рассмотревший археологические и лингвистические материалы главным образом по Ярославской губернии (Тихомиров И. А., 1914, с. 73—185).

А. А. Шахматов считал кривичей в диалектном отношении северноруссами, поэтому полагал, что заселение Ростово-Суздальской земли было осуществлено кривичами с верховьев Волги (Шахматов А. А., 1899, с. 336, 337). Это положение исследователь подкреплял ссылкой на Уставную грамоту Смоленской епископии XII в., согласно которой Суздаль и его владения платили дань Смоленску. Но поскольку современные говоры в пределах Смоленской и Владимирской земель далеки друг от друга, А. А. Шахматов высказал догадку о переселении на Смоленщину дреговичей, которые и вытеснили кривичский диалект. «Залесскую дань» Смоленску объясняли миграционным движением смоленских кривичей и раньше (Барсов Н. П., 1885, с. 188). Однако А. Н. Насонов показал, что «залесская дань» шла не Смоленску, а через Смоленск в Киевскую Русь (Насонов А. Н., 1951а, с. 167—171).

К иному выводу, анализируя особенности русских говоров, пришел А. И. Соболевский (Соболевский А. И., 1902, с. 99—102). Ростово-Суздальская земля, по его мнению, была заселена вятичами, а участие кривичей и новгородских словен в этом процессе было незначительным. В связи с реконструкцией племенных диалектов восточных славян, основываясь на тех же языковых материалах, Ф. П. Филин отметил, что в районе Владимира и Суздаля не было ни словен,

Рис. 13. Изборский (так называемый Труворов) крест

ни кривичей, а было самостоятельное восточнославянское племя, название которого не дошло до нас (Филин Ф. П., 1940, с. 86). Видимо, материалы современных говоров не могут служить самостоятельным источником для реконструкции расселения древних племен. К тому же, исследователи не учитывали воздвигший субстратов в сложении современных диалектов.

Активное исследование курганов в Тверском Поволжье и междуречье Волги и Клязьмы началось еще в середине прошлого столетия. В дореволюционное время в раскопках курганов приняли участие более сотни исследователей.

В Верхнем Поволжье наиболее значительные исследования курганов принадлежат Л. К. Ивановскому (Ивановский Л. К., 1881б, с. 7—15; 1884, с. 37—41), Я. А. Ушакову (Ушаков Я. А., 1878—1879, с. 280—287; 1890, с. 24—34), А. И. Кельсиеву (Кельсиев А. И., 1878—1879, с. 295—308, 347—349; 1880, с. 53—68), В. А. Чагину (Чагин В. А., 1880, с. 378—381), Н. Е. Макаренко (Макаренко Н. Е., 1904, с. 21—31), П. И. Репникову (Репников П. И., 1904, с. 12—20), С. А. Гатцуку (Гатцук С. А., 1904, с. 32—49) и Ю. Г. Гендуне. Весьма важной сводкой курганных древностей Тверской земли служит книга В. А. Плетнева (Плетнев В. А., 1903).

В центральных областях Ростово-Суздальской земли в 50-х годах XIX в. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым раскопано более 7 тыс. курганов (Уваров А. С., 1871, с. 633—847). А. С. Уваров все эти насыпи отнес к летописной мере. В 80—90-х годах прошлого столетия и в самом начале XX в. большие курганные раскопки производились в Костромском крае. Основными исследователями были Н. М. Бекаревич (Бекаревич Н. М., 1894, с. 24—39; 1896; 1906), И. Д. Преображенский (Преображенский И. Д., 1897, с. 371—376) и Ф. Д. Нефедов (Нефедов Ф. Д., 18996, с. 161—236).

На основе распространения браслетообразных височных колец, которые связывались с кривичами, А. А. Спицын пришел к заключению, что славянское заселение Верхнего Поволжья и Владимиро-Суздальской земли шло главным образом из Смоленского Поднепровья (Спицын А. А., 1899в, с. 334—340; 1906а, с. 1—6). Этот исследователь заново проанализировал материалы владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, и отметил, что они оставлены в основном смоленскими кривичами (Спицын А. А., 1905а, с. 84—172). К выводам А. А. Спицына присоединились В. А. Городцов (Городцов В. А., 1909, с. 134—150), Т. Арне (Arne T., 1914, p. 722), Ю. В. Готье (Готье Ю. В., 1928, с. 138—144) и другие.

В 20—50-х годах XX в. раскопки курганов исследуемой территории продолжались, но велись в значительно меньших масштабах. Отчасти это объясняется тем, что в некоторых местах Волго-Клязьменского междуречья сохранилось мало курганных насыпей. Наиболее заметные курганные раскопки этого периода принадлежат Н. П. Милонову (Милонов Н. П., 1950, с. 152—172), Я. В. Станкевич (Станкевич Я. В., 1941, с. 56—88) и М. В. Фехнер (Ярославское Поволжье X—XI вв.). Пристальное внимание было уделено историко-археологическому анализу всех накопленных материалов. Уже в начале 30-х годов курганы Костромского Поволжья стали объектом монографического исследования П. Н. Третьякова (Третьяков П. Н., 1931). Курганные погребения были разделены им на три хронологические стадии. Все они отнесены к славянам, в состав которых к XII в., по мнению П. Н. Третьякова, вошло и местное мерянское население. Курганы в окрестностях Ярославля продолжали изучать Я. В. Станкевич, а затем экспедиция Государственного исторического музея. По материалам Большого Тимеревского и Михайловского могильников Я. В. Станкевич попыталась показать, что первыми славянскими поселенцами здесь были выходцы из Новгородчины (Станкевич Я. В., 1941, с. 56—88). М. В. Фехнер, В. А. Мальм и Н. Г. Недошивина подвергли всестороннему анализу материалы из трех ярославских могильников и классифицировали захоронения на финские (весские, по их мнению), славянские и скандинавские. При этом оказалось, что преобладающим здесь было финское население (Ярославское Поволжье X—XI вв.).

Многочисленные курганы Калининского Поволжья систематизированы в работах Т. Н. Никольской (Никольская Т. Н., 1949а, с. 31—41; 1949б, с. 78—83), которая выделила здесь три исторически сложившихся района — северный (словенский), юго-западный (кривичский) и восточный (словенско-кривичско-ме-

рянский). Наконец, Е. И. Горюнова попыталась нарисовать целостную картину славянского расселения в Волго-Окском междуречье (Горюнова Е. И., 1961, с. 183—248). Исследовательница выделяет два этапа славянской колонизации. Первый датируется X—XI вв. В это время кривичи заняли Тверское Поволжье, а Ярославское Поволжье и Суздальский край были заселены с двух сторон — кривичами и словенскими новгородскими. Второй этап колонизации относится к концу XI—XII в., когда уже метисное славяно-мерянское население стало осваивать более восточные районы междуречья Волги и Оки.

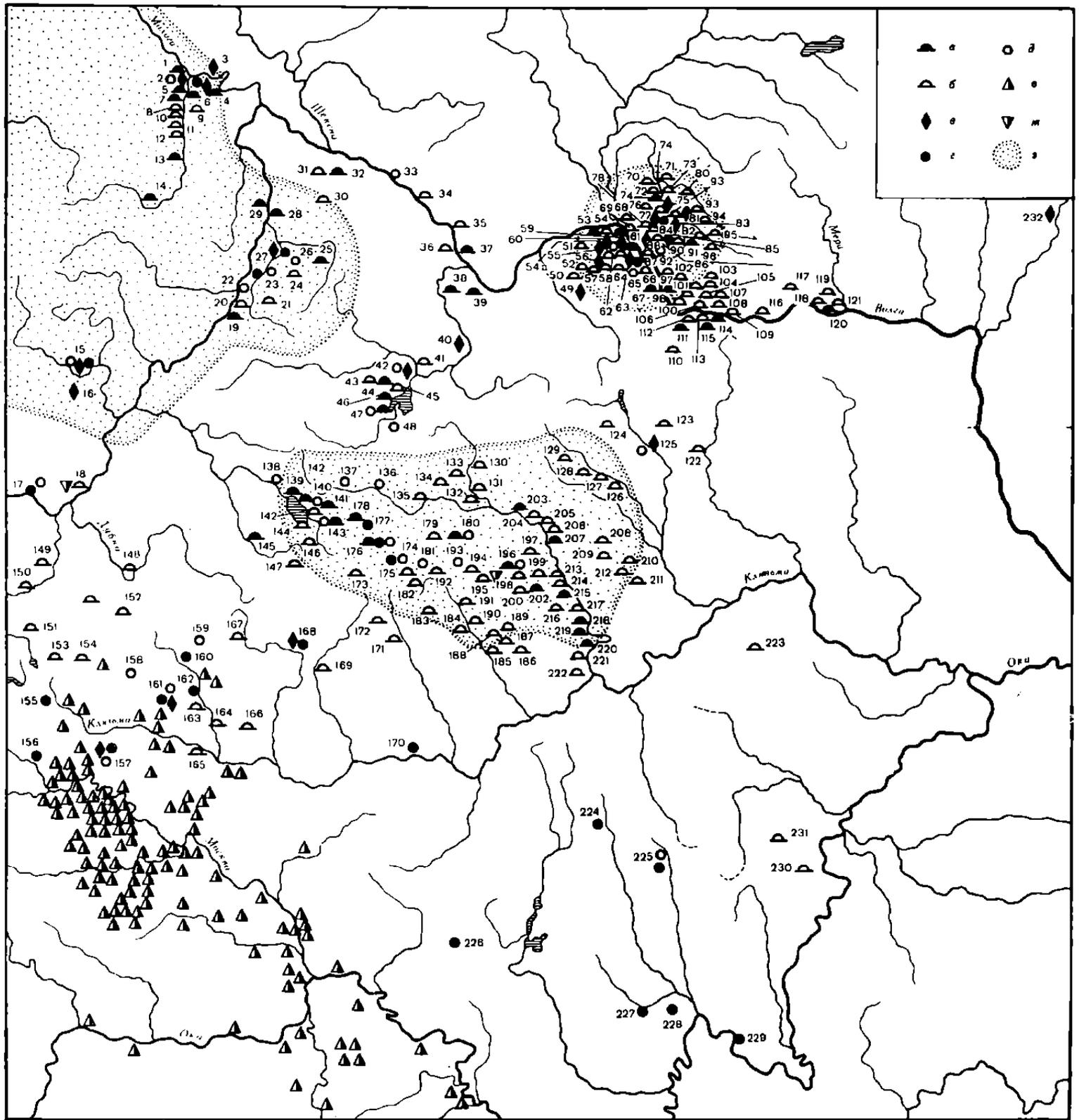
Для 70-х годов характерен новый подъем в раскопных исследованиях курганов Волго-Клязьменского междуречья. Ценно, что раскопки планомерно проводятся почти во всех регионах этой территории. В Тверском Поволжье исследования курганов ведут калининские археологи, А. В. Успенская и К. И. Комаров. К. И. Комаров вместе с И. В. Дубовым занимается раскопками курганов в Ярославском Поволжье. Интересные результаты получены В. П. Глазовым и археологами Суздальской экспедиции при раскопках на территории Владимирской земли. Производятся также раскопные исследования курганов в Костромском Поволжье.

Карта 34. Курганы IX—XIII вв. восточной части Волго-Окского междуречья

а — курганные могильники с захоронениями по обряду трупосожжения; б — курганные могильники, содержащие исключительно труположения; в — памятники с находками ромбоштитовых височных колец; г — памятники с находками браслетообразных завязанных височных колец; д — памятники с находками браслетообразных височных колец с сомкнутыми концами; е — памятники с находками вятичских колец; ж — памятники с находками радимичских колец; з — области распространения курганов с каменной обкладкой в основании

1 — Брейтово; 2 — Таирово; 3 — Плавь; 4 — Владимирское; 5 — Манилово; 6 — Лопатино; 7 — Коллентов; 8 — Ивановская; 9 — Себель; 10 — Губино; 11 — Сущево; 12 — Турбаново; 13 — Михалево; 14 — Боженок; 15 — Песады; 16 — Хрипелево; 17 — Устье; 18 — Пекуново; 19 — Грехов ручей; 20 — Васильково; 21 — Баскачи; 22 — Кирьяново; 23 — Нестерово; 24 — Стромьны; 25 — Клементьево; 26 — Жуково; 27 — Вороново; 28 — Охотино; 29 — Кривец; 30 — Елохово; 31 — Костово; 32 — Борок; 33 — Евчаково; 34 — Тутаев; 35 — Воздвиженское; 36 — Харитоньевский (устье Пекши); 37 — Михайловское; 38 — Тимерево; 39 — Петровское; 40 — Велькое; 41 — Канюково; 42 — Белогостье; 43 — Шугарь; 44 — Богослово; 45 — Пужболово; 46 — Шурсало; 47 — Кустера; 48 — Городец на Саре; 49 — Дубены; 50 — Шестаково; 51 — Веригово; 52 — Горки; 53 — Чижово; 54 — Кострома (Мотордеталь); 54а — Коряково; 55 — Лысая; 56 — Коточижевка; 57 — Иваново; 58 — Гороженны; 59 — Городище; 60 — Пьянково; 61 — Становщина; 62 — Сулятино; 63 — Качалова; 64 — Святиково; 65 — Погорелкина; 66 — Юрьевка; 67 — Карпово; 68 — Глазово; 69 — Дренево; 70 — Семеново; 71 — Песиково; 72 — Марьяна; 73 — Таранино; 74 — Гридино; 75 — Тарариново; 76 — Шувалово; 77 — Тимонино; 78 — Исаево; 79 — Терешино; 80 — Репрево; 81 — Марьянское; 82 — Стипково; 83 — Елкотово; 84 — Мельниково; 85 — Тургино; 86 — Буханово; 87 — Подолец; 88 — Большое Андрейково; 89 — Федулова; 90 — Залогово; 91 — Марфино; 92 — Боровиково; 93 — Погорелово; 94 — Сенино; 95 — Руболдино; 96 — Демидково; 97 — Кузьмино; 98 — Гомелки; 99 — Погост; 100 — Кузнецово; 101 — Канищево; 102 — Новоселки; 103 — Рыбалова; 104 — Кожуново; 105 — Горесловка; 106 — Гореновка; 107 — Антоновское; 108 — Фомина; 109 — Низовская; 110 — Яковлевская; 111 — Левашиха; 112 — Мальцево; 113 — Пеньки; 114 — Абабково; 115 — Кисловская; 116 — Новлянское; 117 — Есицлево; 118 — Заволжье; 119 — Петрушино; 120 — Новая; 121 — Студенец; 122 — Семухино; 123 — Антоново; 124 — Курьяно-

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

ва; 125 — Иваново; 126 — Зиново; 127 — Удуново; 128 — Яп-
пино; 129 — Коптево; 130 — Сверчково; 131 — Идрище; 132 —
Никитино; 133 — Твердилково; 134 — Радованье; 135 — Суб-
ботино; 136 — Буково; 137 — Вепрева Пустынь; 138 — Купан-
ское; 139 — Криушкино; 140 — Вельсково; 141 — Большая Брем-
бола; 142 — Переяславль; 143 — Городище; 144 — Борисово;
145 — Осипова Пустынь; 146 — Сараева; 147 — Горки; 148 —
Ковригино; 149 — Терехово; 150 — Попелково; 151 — Мисире-
во; 152 — Михайловское; 153 — Ботино; 154 — Чеприно; 155 —
Поваровка; 156 — Павловская Слобода; 157 — Черкизово;
158 — Муромцево; 159 — Путилово; 160 — Долгоруковская
Дача; 161 — Черниково; 162 — Каблуково; 163 — Сутоки;
164 — Карамлино; 165 — Осеево; 166 — Соколово; 167 — Пса-
рево; 168 — Мележская Дача; 169 — Плоская; 170 — Петушки;
171 — Воронцово; 172 — Флорищи; 173 — Воргово; 174 — Мат-
вейчиково; 175 — Чернокулово; 176 — Кабанское; 177 — Иса-

ково; 178 — Аламова; 179 — Скомово; 180 — Шелебово; 181 —
Косинское; 182 — Елох; 183 — Клин; 184 — Осиновец; 185 —
Романово; 186 — Константиновское; 187 — Шехобаево; 188 —
Менчаково; 189 — Никольское; 190 — Варварино; 191 — Ку-
мино; 192 — Ильинское; 193 — Ненашевское; 194 — Кинобола;
195 — Кубаево; 196 — Шокшово; 197 — Лычково; 198 — Давы-
довское; 199 — Ратницкое; 200 — Торки; 201 — Киболы; 202 —
Весь; 203 — Миславль; 204 — Киреево; 205 — Медведево;
206 — Крапивново; 207 — Телепниха; 208 — Рубское; 209 —
Торчино; 210 — Старое Быково; 211 — Сизино; 212 — Лопати-
ще; 213 — Исады; 214 — Красное; 215 — Сельцо; 216 — Суа-
даль; 217 — Новоселки; 218 — Чернижа; 219 — Гнеддилово;
220 — Васильки; 221 — Новое; 222 — Доброе; 223 — Куземки-
но; 224 — Пустошки; 225 — Заколлье; 226 — Жабок; 227 —
Нарма; 228 — Парахино; 229 — Поповка; 230 — Коржавино;
231 — Булатниково; 232 — Аксениха

Материалы новых работ в основном еще не опубликованы. Изданы лишь результаты отдельных исследований или информация о них (Глазов В. П., 1978, с. 55, 56; Дубов И. В., 1976, с. 82–86; Ерофеева Е. Н., 1976, с. 216–225; Комаров К. И., 1975, с. 91–94; 1979, с. 64; Леонтьев А. Е., 1978, с. 70; Леонтьев А. Е., Исламова И. В., 1979, с. 70, 71; Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В., 1978, с. 72, 73; Недошивина Н. Г., Фехнер М. В., 1979, с. 76; Станкевич И. Л., Нащекин Н. В., Тимофеева М. Ю., Ширитина Т. Б., 1978, с. 86; Харитонов Г. В., 1976, с. 101–104).

Вполне очевидна необходимость новейших анализов огромных курганных материалов междуречья Волги и Клязьмы, собранных несколькими поколениями археологов и краеведов. Источниковедческие возможности этих памятников далеко не исчерпаны. В этом отношении представляют большой интерес исследования В. П. Глазова (Глазов В. П., 1977, с. 37–41) и Е. А. Рябинина (Рябинин Е. А., 1979а, с. 228–244). В первой работе на основе изучения курганов исследователем выделены в Костромском Поволжье три этнографических региона, сложившихся исторически в связи с освоением этого края разными племенами. Е. А. Рябинин исследовал заново четыре курганных могильника (Большая Брембола, Малая Брембола, Вельково и Кабанское), раскопанные еще в середине прошлого столетия, и показал, что это — памятники смешанного славяно-мерянского населения.

До славянского расселения Волго-Клязьменское междуречье принадлежало одному из поволжскофинских племен — мере, о чем говорится в Повести временных лет. Отчетливо об этом свидетельствуют топонимика (Vasmer M., 1935, S. 507–580; Седов В. В., 1971а, с. 99–113) и археология (Горюнова Е. И., 1961, с. 38–182; Третьяков П. Н., 1966, с. 285–300).

Древнейшие кривичские памятники — длинные курганы — на верхней Волге очень немногочисленны. Это единичные насыпи, расположенные преимущественно на берегах самой Волги на значительном расстоянии друг от друга.

Все эти курганы невелики по размерам и, по-видимому, принадлежат к самой поздней поре сооружения таких насыпей. Митинский курган датирован Н. Н. Чернягиным IX–X вв. Очевидно, до IX в. на верхнюю Волгу проникали лишь небольшие изолированные группы кривичей.

На севере исследуемого района наблюдается расширение ареала новгородских словен. Их погребальные памятники — сопки — появляются в бассейне Мологи, левого притока Волги, однако до поречья Волги они не доходят.

Круглые курганы с сожжением, относящиеся в целом к IX — началу XI в., в междуречье Волги и Клязьмы уже многочисленны и свидетельствуют о начальном этапе широкого славянского освоения этой территории (карта 34). Основная масса круглых курганов с сожжением здесь бесспорно принадлежит славянам. Однако дифференцировать эти насыпи на кривичские и повгородские нет возможности. Все же некоторые детали позволяют говорить о преобладающей роли словен в заселении исследуемой территории. Прежде всего заслуживает внимания территориальное распределение курганов с сожжениями.

Основная масса их сосредоточена в бассейне Мологи — там, где известны более ранние словенские памятники — сопки, в примыкающих к нему районах Ярославского Поволжья и в окрестностях Ростова и Суадаля. В более западной части Волго-Окского междуречья — в Тверском Поволжье, а также в верховьях Клязьмы встречаются лишь редкие единичные насыпи с сожжением. Создается впечатление, что в западной половине междуречья, непосредственно примыкающей к Верхнему Поднепровью, в IX — начале XI в., как и в период длинных курганов, имело место лишь проникновение небольших изолированных групп кривичей. В то же время со стороны Новгородской земли через бассейн Мологи в срединные области междуречья Волги и Клязьмы хлынул значительный поток переселенцев.

Это впечатление подтверждается конкретными археологическими материалами. Уже Я. В. Станкевич справедливо отметила, что в составе Михайловского и Тимеревского могильников имеются насыпи, по форме и внутреннему строению напоминающие новгородские сопки. Так, в Тимеревском могильнике центральную часть образовывали высокие курганы с каменными конструкциями внутри и с ярусным расположением остатков сожжения. Я. В. Станкевич на основании вещей, собранных в захоронениях, датировала ранние курганы Тимеревского (14 и 16, 1939 г.) и Михайловского (20, 27 и 50, 1898 г.) могильников второй половиной IX в. (Станкевич Я. В., 1941, с. 82).

Одно время наиболее древние погребения в этих курганных могильниках датировались только X в. (Ярославское Поволжье X–XI вв.). Однако новейшие исследования и раскопки синхронных поселений показали, что Тимеревское и Михайловское кладбища датируются периодом от IX до начала XI в.

Курганы IX в. характеризуются небольшими размерами и каменными конструкциями в насыпи. Кальцинированные кости в них либо собраны в кучу, либо разбросаны на материке или в насыпи. Часто встречаются кости животных.

Для курганов X в. типичны трупосожжения на месте. По кострищу иногда разбросаны камни. В это время получают распространение деревянные конструкции — домовины. В первой половине X в. в курганах обычен разнообразный инвентарь — фибулы, мечи, копье, стрелы, гири, весы, гребни, детали пояса и предметы культового назначения (глиняные лапы и кольца, подвески из астрагалов бобра, копушки). Вторая половина X в. характеризуется постепенным обеднением инвентаря.

Новгородские словене конца I тысячелетия н. э., как отмечалось, были неоднородны по происхождению. Кроме пришлых носителей славянского языка, в составе новгородцев был значительный процент местного финского населения. И это прекрасно иллюстрируют ярославские курганные могильники. Среди погребений в этих курганах выделяются финские захоронения, которые составляют весьма значительный процент. Анализ таких захоронений показал, что они принадлежат не мерянскому, а западнофинскому (весскому) этносу.

В составе курганных захоронений в окрестностях Ярославля исследователи выделяют скандинавские захоронения. Основаниями для отнесения курганных погребений Тимеревского могильника к скандинав-

ским послужили кольцевые или полукольцевые кладки из камней, треугольная форма погребальных кострищ и находки — бронзовые крючки в виде птиц, скандинавские фибулы (Фезнер М. В., 1963, с. 15).

Новгородское расселение в X в. достигло Ростово-Суздальского края. Здесь имеется много курганов, содержащих по нескольку трупосожжений, в чем Е. И. Горюнова справедливо видит пережитки древнего обряда словен. Вместе с тем здесь довольно много трупосожжений с вещами, в которых нужно видеть захоронения неславянского населения.

Так, в суздальских курганах с трупосожжениями женщин встречаются шумящие привески — типичные украшения финских племен. Среди них есть подвески в виде коньков и каркасных треугольников (Большая Брембола, Весь, Кабанское, Кустера, Шокшова), которые являются характерным украшением мерянско-го костюма. В одном из курганов с сожжением близ д. Киучер найдено браслетообразное височное кольцо с замком в виде круглого щитка. Это — тоже собственно мерянское украшение. Во многих ростово-суздальских курганах с трупосожжениями встречены глиняные медвежьи (бобровые) лапы и глиняные кольца, часты амулеты и обереги из просверленных зубов, ногтей или костей животных. Все это принадлежит к предметам тотемного значения, отражающим религиозные представления мери (Горюнова Е. И., 1961, с. 138—148). Таким образом, очевидно, что в составе курганных захоронений Ростово-Суздальской земли присутствует местный мерянский этнический компонент. Распространение курганного обряда захоронения, по-видимому, отражает начавшийся процесс славянизации мери.

В ростово-суздальских курганах с трупосожжениями, кроме мерянских, найдены вещи скандинавского происхождения. Это прежде всего скорлупообразные фибулы, а также широкие выпукловогнутые браслеты, плетеные браслеты некоторых типов с напущенными колечками, подвески, украшенные рельефным растительным орнаментом, и круглые бляшки-подвески с плетеным узором. Однако все эти находки не являются этноопределяющими. Их присутствие в трупосожжениях ростово-суздальских курганов отнюдь не означает, что погребенные с такими украшениями были норманнами.

X столетие, к которому относятся перечисленные вещи, было периодом оживленных торговых связей Скандинавии с Восточной Европой. В результате торговли скандинавские украшения, как свидетельствуют приладожские курганы, распространяются довольно широко среди финского населения лесной полосы Восточной Европы. Большое число монет во владимирских курганах определенно показывает, что население, оставившее эти насыпи, участвовало в восточноевропейско-скандинавских торговых связях. Торговый путь из Скандинавии в Среднее Поволжье проходил через северо-восточные районы Новгородчины, Ярославское Поволжье и по рекам Нерли и Клязьме. Следовательно, проникновение в Суздальское ополье предметов из Скандинавии было закономерным явлением.

Конечно, не исключено, что в Ростово-Суздальский край в потоке переселенцев проникли и отдельные торговцы скандинавского происхождения. Однако, если в ярославских курганах выделяются небольшо-

численные захоронения норманнов, то среди трупосожжений ростово-суздальских погребальных насыпей их обнаружить не удастся. Правда, в некоторых владимирских курганах скорлупообразные норманские фибулы были единственными находками. Но этого мало для отнесения подобных захоронений к скандинавским. В скандинавском костюме обязательны две скорлупообразные фибулы. Во владимирских курганах в большинстве случаев попадает по одной такой находке. По-видимому, Ростово-Суздальская земля заселялась с северо-запада метисным населением, основными компонентами которого были словене новгородские и весь. В составе веси, может быть, присутствовал и небольшой скандинавский компонент.

Собственно славянские вещи во владимирских курганах с сожжениями немногочисленны, что обусловлено погребальным ритуалом славян. Об освоении Ростово-Суздальской земли прежде всего новгородскими словянами определенно говорит распространенный здесь обычай обкладывать основания курганов камнями. Этот ритуал не был известен ни днепровским кривичам, ни вятичам, ни приладожской веси.

По-видимому, новгородцы расселялись в Ростово-Суздальском крае в ту эпоху, когда обычай носить ромбоцитковые кольца еще не стал привычным. Только этим можно объяснить малочисленность ромбоцитковых украшений во владимирских курганах с трупосожжениями.

Курганы с трупосожжениями в междуречье Волги и Клязьмы, как и в других лесных областях древней Руси, относятся к IX—X вв. В Ростово-Суздальском крае обряд курганных трупосожжений, по-видимому, бытовал и в первой половине XI в. К середине этого столетия повсеместно распространяется обряд трупосожжения под курганными насыпями.

О кривичской миграции в междуречье Волги и Клязьмы определенно свидетельствуют браслетообразные завязанные височные кольца (карта 34). Не подлежит сомнению, что осуществлялась она из Смоленской земли. Ареал браслетообразных височных колец с завязанными концами от Верхнего Поднепровья продолжается далеко на восток. Сначала он узкой полосой тянется между поречьем тверского течения Волги, Москвы-реки и Клязьмы, затем расширяется, охватывая Ярославское Поволжье и всю Ростово-Суздальскую землю. На Владимирщине кривичи пересекли Клязьму и заселили часть мещерско-муромских земель, включая северные районы будущей Рязанской земли.

Самыми отдаленными от Смоленщины пунктами кривичского расселения являются курганы близ деревень Поповой и Парахиной в б. Касимовском уезде Рязанской губернии (Нефедов Ф. Д., 1878, с. 56—61). Браслетообразные завязанные височные кольца в сочетании с другими славянскими украшениями найдены также в Пустошенском, Заколпском и Жабокском грунтовых могильниках местного населения (Макаренко Н. Е., 1910; Иванов А. И., 1925; ОАК, 1893, с. 31, 32). Очевидно, кривичи здесь, как, впрочем, и в других местах Волго-Окского междуречья, жили совместно с финскими аборигенами и постепенно их славянизировали.

Начало интенсивной волны кривичского расселения в Волго-Окском междуречье относится к XI в.

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

В XI в. в Ярославском Поволжье возникают новые курганные могильники. Увеличивается в это время и количество курганных групп в Ростово-Суздальском крае.

Курганы с трупоположениями междуречья Волги и Клязьмы по внешнему виду идентичны погребальным насыпям других древнерусских областей. В Ростово-Суздальском крае многие из них в основании обложены камнями. Большое число курганов с каменными венцами в основаниях известно также на левобережной части Тверского Поволжья. Изредка они встречаются в ярославской части поречья Волги и обычны в Костромском Поволжье.

В курганах Волго-Окского междуречья умерших сначала клали на горизонте, а в поздний период сооружения курганов — в грунтовые ямы. Преобладает общеславянская (западная) ориентировка трупоположений. Но почти всюду спорадически встречается меридиональное положение умерших — наследие погребального ритуала местных финских племен (карта 28). В Тверском Поволжье и изредка в более восточных районах междуречья попадаются трупоположения головой к востоку, свидетельствуя о том, что в составе славянских переселенцев на эти земли были славянизированные или, возможно, не подвергшиеся окончательной ассимиляции балты.

Могильный инвентарь курганов междуречья Волги и Клязьмы включает типично славянские предметы. Височные кольца представлены браслетообразными завязанными (табл. LIX, 13), перстнеобразными (табл. LIX, 7, 8) и ромбоцитковыми (табл. LIX, 1, 11). Последние украшения сосредоточены в основном в Костромском Поволжье. Здесь же обнаружены и другие новгородские элементы — обкладка курганов камнями, некоторые типы застежек, решетчатые привески, что свидетельствует о расселении в этих местах новгородских словен в XI—XII вв. Кроме того, ромбоцитковые височные кольца встречаются в небольшом количестве в Суздальском ополье, в верхневолжских областях. Об участии новгородцев в освоении северной половины Тверского Поволжья, помимо этих находок, говорят распространение обычая обкладывать основание курганов валунами и наименование погребальных насыпей новгородским термином «сопки».

В курганах с трупоположениями Суздальского ополья в большом количестве найдены трехбусинные височные кольца (табл. LIX, 2, 3, 5, 9, 10, 12). Эти украшения более характерны для жителей древнерусских городов и лишь в единичных экземплярах встречаются в курганах. Владимирские курганы можно рассматривать как исключение. Видимо, в заселении Ростово-Суздальского края наряду с выходцами со Смоленщины и из Новгородской земли приняло участие южнорусское население. Южные элементы во Владимирской Руси проявляются в домостроительстве — полуземляночные жилища киевского типа открыты здесь на нескольких поселениях. Может быть, население, бежавшее с беспокойных южных окраин древней Руси, и распространило в Суздальском крае обычай носить трехбусинные височные кольца.

Помимо височных украшений, в курганах с трупоположениями XI—XII вв. встречаются и другие славянские украшения — ожерелья из бус, браслеты, перстни, пряжки, железные ножи, глиняные горшки.

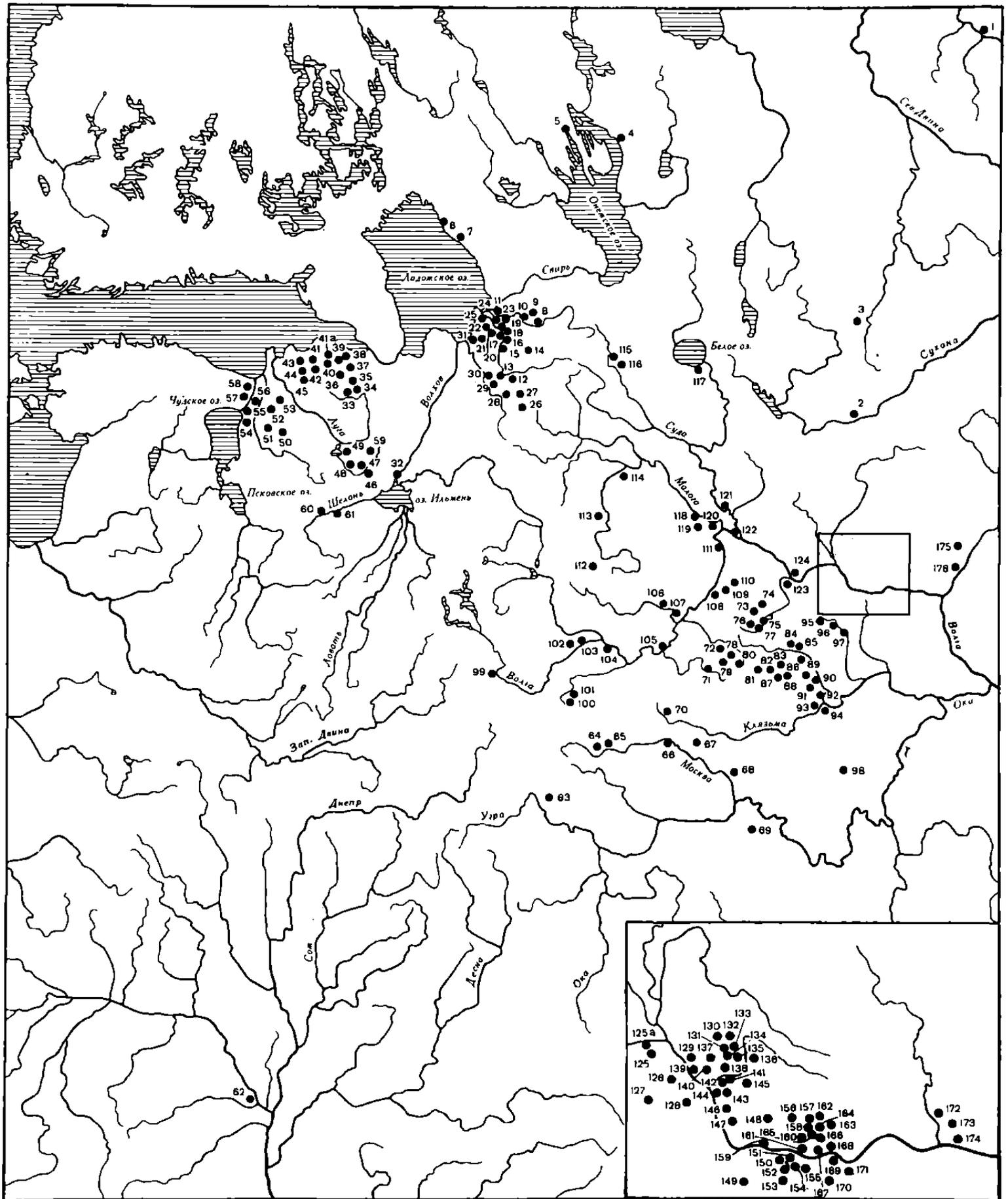
Наиболее распространенными были стеклянные и пастовые бусины, в том числе обычные стеклянные, позолоченные и посеребренные бочонковидной и цилиндрической форм. Нередки также бусины из цветного стекла, сердолика, горного хрусталя. В составе ожерелий часты металлические украшения — лунницы (табл. LIX, 14—17), монетовидные привески с самыми различными узорами (табл. LIX, 18—20), крестики (табл. LIX, 21). Шейные гривны встречаются очень редко. К числу нагрудных принадлежат также подковообразные и кольцевые застежки (табл. LX, 6, 8, 15).

Широко представлены разнообразные браслеты — пластинчатые, часто орнаментированные, а также витые и плетеные (табл. LIX, 27, 29—31). Весьма разнообразны перстни — витые, ложновитые, пластинчатые, широкосрединные и др. (табл. LIX, 4, 6, 22—26, 28).

Карта 35. Распространение древнерусских памятников с фианно-угорскими шумящими привесками

1 — Ваймуша; 2 — Пустошь; 3 — Городище; 4 — Челмужи; 5 — Кокорня; 6 — Видлицы; 7 — Рабола; 8 — Алехновщина; 9 — Валдавица; 10 — Яровщина; 11 — Карлуха; 12 — Залувшик; 13 — Заозерье; 14 — Леонова (выше деревни); 15 — Конбежка-Костино; 16 — Подъелье; 17 — Сязниги (в 1,5 верстах выше деревни); 18 — Вихмес; 19 — Рыбежна (против деревни); 20 — Саньково (выше деревни); 21 — Сязниги (в 4 верстах выше деревни); 22 — Щуковщина; 23 — Киридино (ниже деревни); 24 — Чалых; 25 — Роченщина; 26 — Мозолово; 27 — Новосельск; 28 — Горка; 29 — Городище; 30 — Красная Заря; 31 — Шахова (против деревни); 32 — Новгород; 33 — Старо-Сиверская; 34 — Ново-Сиверская; 35 — Вопша II; 36 — Таровицы; 37 — Гатчина; 38 — Ожогново; 39 — Котино; 40 — Будино; 41 — Тресковицы; 41а — Лашковицы; 42 — Летошицы; 43 — Богунич; 44 — Мануйлово; 45 — Беседа; 46 — Косидное; 47 — Заполье; 48 — Подберезье; 49 — Малый Удрай; 50 — Подосье; 51 — Крапивино; 52 — Курчик; 53 — Саввиновщина; 54 — Калиновщина; 55 — Малая Каменка; 56 — Ольгин Крест; 57 — Илуга; 58 — Пюхтица; 59 — Хрепле; 60 — Дубровоно; 61 — Булавино; 62 — Чернобыль; 63 — Бочарово; 64 — Палашкино; 65 — Вольшица; 66 — Мякинино; 66а — Десна; 67 — Окатово (Балахна); 68 — Егорьевск; 69 — Зарайск; 70 — Кузнецовка; 71 — Осипова Пустынь; 72 — Криушкино; 73 — Шурскало; 74 — Богослово; 75 — оз. Неро; 76 — Кустера; 77 — Сарское городище; 78 — Городище; 79 — Вельково; 80 — Большая Брембола; 81 — Клучер; 82 — Ненашевское; 83 — Шелебово; 84 — Кабавское; 85 — Красково; 86 — Давыдовское; 87 — Юрьев-Польский; 88 — Кубаево; 89 — Шокшово; 90 — Весь; 91 — Суздаль; 92 — Васильки; 93 — Владимир; 94 — Сунгирь; 95 — Иваново; 96 — Вознесенский; 97 — Сямухино; 98 — Заколпье; 99 — Вапловское; 100 — Жела; 101 — Ягодино; 102 — Васильевское; 103 — Старца; 104 — Мокрые Пожни; 105 — Пекуново; 106 — Посад; 107 — Новенькое; 108 — Кирьяново; 109 — Вороново; 110 — Жуково; 111 — Кривец; 112 — Воронцово; 113 — Сарогожа; 114 — Пестово; 115 — Митино; 116 — Минино; 117 — Белоозеро; 118 — Добрый Бор; 119 — Таирово; 120 — Плавь; 121 — Зубарово; 122 — Евчково; 123 — Тимерево; 124 — Михайловское; 125 — Чижово; 125а — Коряково; 126 — Пьянково; 127 — р. Черная; 128 — Карпова; 129 — Подолец; 130 — Татаринково; 131 — Семеново; 132 — Васильевское I, II, V; 133 — Тершино; 134 — Гридино I; 135 — Демидково; 136 — Погорелка; 137 — Руболдино; 138 — Елкотово I, III; 139 — Куликова; 140 — Большое Андрейково; 141 — Турыгина; 142 — Исаево; 143 — Боровиново; 144 — Дренево; 145 — Залогино; 146 — Гометки; 147 — Кузьмино; 148 — Погост; 149 — Яковлевская; 150 — Иорданиха; 151 — Копелиха; 152 — Сухарева; 153 — Петрушино; 154 — Нязовская; 155 — Мальцево; 156 — Коробова; 157 — Никульщина; 158 — Зиновьева; 159 — Антоновское; 160 — Шеляиха; 161 — Иворово; 162 — Безрядова; 163 — Есиплево; 164 — Кожухова; 165 — Коничева; 166 — Фомянское; 167 — Новлянское; 168 — Лешково; 169 — Никульское; 170 — Обабково; 171 — Кочергино; 172 — Влечиха; 173 — Зайково; 174 — Студенец; 175 — Турово; 176 — Покров

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕ ПА СЕВЕРА

В захоронениях мужчин сравнительно часты металлические детали поясов — пряжки, кольца, наколенники, бляшки (табл. LX, 9—14, 16).

В целом можно заметить, что курганы описываемого региона богаче вещевым материалом, чем погребальные насыпи Смоленской и Новгородской земель. Объясняется это отнюдь не богатством населения междуречья Волги и Клязьмы, а особенностями погребального ритуала, которые, нужно полагать, восходят к погребальной обрядности финно-угорских племен. Богатство металлического убранства финского населения Восточной Европы ярко проявляется при анализе грунтовых могильников. Древнерусские курганы, находящиеся в местностях, где славяне соприкасались с финским населением, всегда выделяются обилием вещевых инвентарей. Таковы, в частности, отмеченные выше водско-славянские курганы Ижорского плато.

Финский этнический компонент в междуречье Волги и Клязьмы (в основном мерянский, в верхневолжских областях — веский) проявляется не только в количестве украшений при курганных труположениях. В этих погребениях очень часто встречаются и типичные украшения — прежде всего разнообразные шумящие привески.

Шумящие привески, составлявшие поясные и нагрудные украшения женщин, были характерной и самобытной категорией женского наряда финно-угорского населения Прикамья, а также, судя по могильникам, поволжских и окских финнов. Шумящие привески распространяются у финно-угров уже в раннем железном веке.

Древнерусские курганы с шумящими привесками довольно многочисленны, и почти все они находятся в ареале финно-угорской гидронимии. Такие курганы в лесной зоне Восточной Европы распространены весьма неравномерно, что обусловлено разновременностью славянизации аборигенного населения и прочими историческими условиями. Междуречье Волги и Клязьмы принадлежит к числу районов наиболее плотного распространения курганных труположений с шумящими привесками (карта 35). Очевидно, славянизация местных финнов здесь продолжалась в XI—XIII вв., а в отдельных местах затянулась до XIV столетия.

В древнерусских курганах встречены шумящие привески нескольких типов. Среди них наиболее распространены малые зооморфные привески (Голубева Л. А., 1979б; Голубева Л. А., Варенов А. Б., 1978, с. 228—239). Это литые изображения уточек или коньков (реже — барашков) с зигзаговидным рельефным узором по бокам — символом воды. Обычно к привескам при помощи колечек на коротких цепочках привешивались «утиные лапки», бутылкообразные подвески или бубенчики. Носили их на кожаных шнурах, спускавшихся ниже пояса. Финно-угорское происхождение этих украшений не подлежит сомнению. Еще А. И. Колмогоров заметил, что полые подвески-уточки широко распространены на всей территории, некогда занятой финно-угорскими племенами. «Уточка» — обычный ласкательный эпитет финской мифологии. В Калевале утке приписывается огромная роль: из ее яйца был создан мир (Колмогоров А. И., 1914, с. 426, 427). В собственно финно-угорских памятниках зооморфные шумя-

щие привески в большом количестве найдены в Прикамье, Среднем Поволжье, а также в корельских могильниках (Aspelin J. R., 1877, fig. 700—702; Swindt T., 1893, S. 339—341; Первухин Н. Г., 1896, табл. XIV, 17). Неоднократно встречены они и в курганах води, ижоры, веси и мери.

Зооморфные пластинчатые привески не принадлежат к исключительно финно-угорским украшениям. Из них специфически финскими являются, бесспорно, привески, дополненные бахромой шумящих подвесок — «утиных лапок», бутылкообразных или бубенчиков (табл. LX, 4, 5).

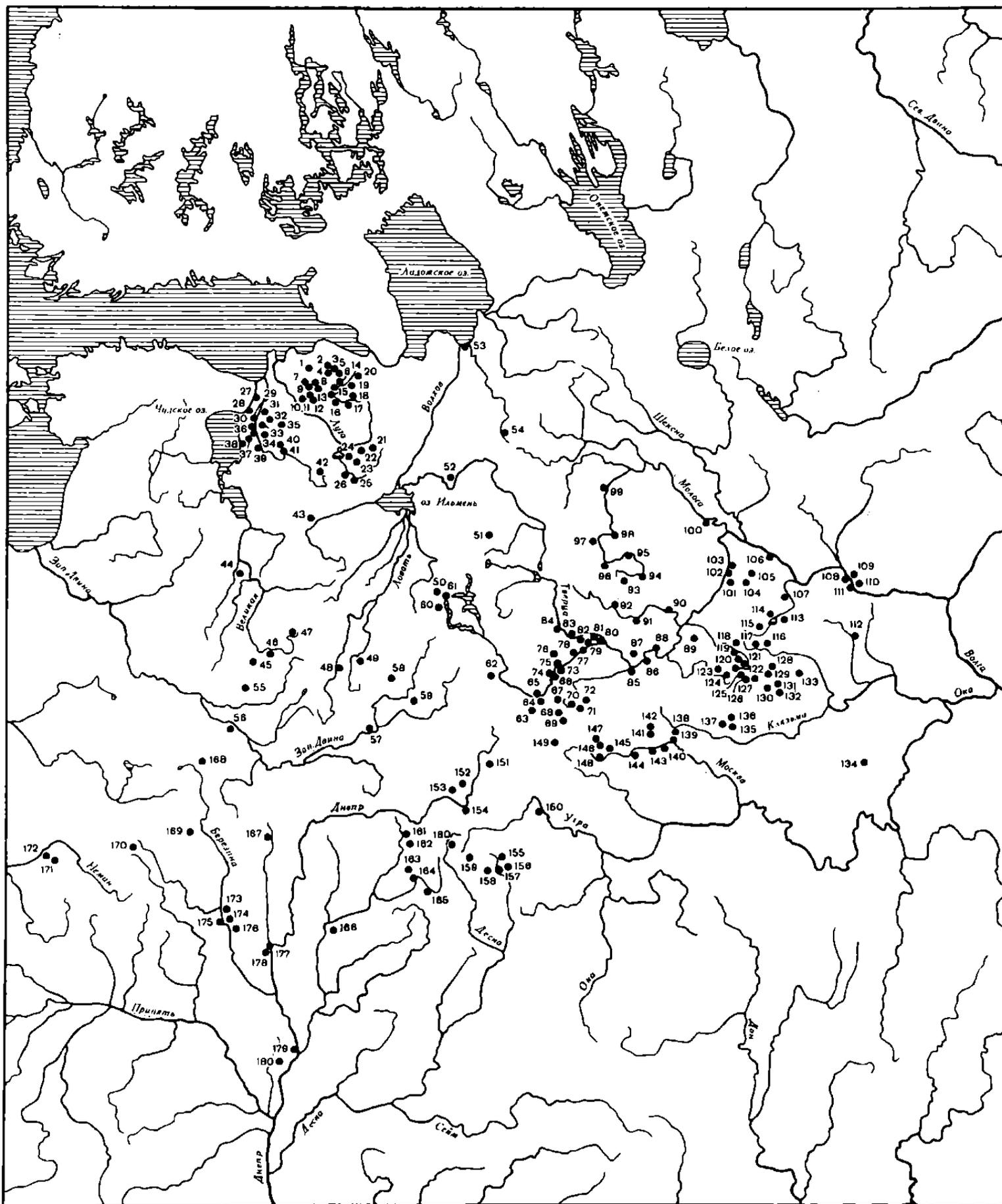
Среди плоских зооморфных шумящих привесок встречаются плетеные коньковые своеобразного облика (табл. LX, 7). Их ареал ограничен областью расселения мери в Волго-Клязьменском междуречье, почему эти украшения считаются типично мерянскими (Горюнова Е. И., 1961, с. 101, рис. 41).

В курганах Костромского Поволжья и реже — в Калининской обл. встречаются привески камского

Карта 36. Распространение браслетообразных (незавязанных) височных колец

1 — Унотицы; 2 — Котино; 3 — Гонголово; 4 — Клопцы; 5 — Смольково; 6 — Оаера; 7 — Хотыницы; 8 — Пежовицы; 9 — Полотбицы; 10 — Недолбицы; 11 — Беседа; 12 — Городня; 13 — Сяглицы; 14 — Калитино; 15 — Грызаово; 16 — Черная; 17 — Рождественно; 18 — Выра; 19 — Вопша; 20 — Лорвила; 21 — Ершова; 22 — Боршова; 23 — Малый Удрай; 24 — Замошь; 25 — Княжья Гора; 26 — Копытец; 27 — Криуши; 28 — Ольгин Крест; 29 — Павлов Погост; 30 — Малая Каменка; 31 — Куклина Гора; 32 — Патреева Гора; 33 — Куричек; 34 — Засторонье; 35 — Доложское; 36 — Верхоляны; 37 — Калхновщина; 38 — Городище; 39 — именьи Салтыкова; 40 — Харламова Гора; 41 — Высоко; 42 — Полицы; 43 — Поддубье; 44 — Шурупово; 45 — Остенец; 46 — Верино (Вырино); 47 — Бычково; 48 — Кузнецово; 49 — Дохино; 50 — Боково; 51 — Бор; 52 — Полише; 53 — Белый Крест; 54 — Дрегли; 55 — Шакелево; 56 — Рудня Салатка; 57 — Смоленский Брод; 58 — Сельяне, группы I и II; 59 — Сельцо; 60 — Хвошня; 61 — Малый Бохот; 62 — Песочья; 63 — Высокино; 64 — Горбуново; 65 — Титовка; 66 — Сельяне; 67 — Ягодино; 68 — Юркино; 69 — Жела; 70 — Гостомля; 71 — Сильменево; 72 — Хидово; 73 — Старица; 74 — Иверовское; 75 — Козлово; 76 — Сенчаево; 77 — Коцево; 78 — Андреевское; 79 — Избрижье; 80 — Мельниково; 81 — Дуденево; 82 — Тушино; 83 — Мокрые Пожи; 84 — Савинские Горки; 85 — Башево; 86 — Заборье; 87 — Глиники; 88 — Устье; 89 — Мещрево; 90 — Посады; 91 — Сутоки; 92 — Селищи; 93 — Святое; 94 — Васильки; 95 — Бежецы; 96 — Воронцово; 97 — Усть-Кеаа; 98 — Сарожское; 99 — Новинка; 100 — Таирово; 101 — Вороново; 102 — Кирьяново; 103 — Нестерово; 104 — Жуково; 105 — Баскачи; 106 — Евчаково; 107 — Белогостье; 108 — Полянково; 109 — Татаринково, группы I и II; 110 — Боровиково; 111 — Погорелка, группы I и II; 112 — Иваново; 113 — Кустера; 114 — Городец на Саре; 115 — Семеново; 116 — Буково; 117 — Вепрева Пустынь; 118 — Купанское; 119 — Шустино; 120 — Звездочка; 121 — Кузнецовка; 122 — Вельково; 123 — Каргашино; 124 — Болшево; 125 — Городище; 126 — Кабанское; 127 — Кубаево; 128 — Шокшово; 129 — Шелебово; 130 — Исаково; 131 — Косинское; 132 — Матвейчиново; 133 — Ненашевское; 134 — Заколье; 135 — Муромцево; 136 — Путилово; 137 — Черниково; 138 — Черкизово; 139 — Кожулово; 140 — Мякинино; 141 — Саняково; 142 — Соколово; 143 — Одицово; 144 — Красный Стай; 145 — Семеново; 146 — Никита Великий; 147 — Жилые Горы; 148 — Воронцово; 149 — Полениново; 150 — Климово; 151 — Относново; 152 — Ивановская; 153 — Новоселки; 154 — Березовка; 155 — Погост; 156 — Войлово; 157 — Меренище; 158 — Курганье; 159 — Доброселье; 160 — Богдановка; 161 — Мошево; 162 — Светлое; 163 — Дербуж; 164 — Колпеницы, группы I и II; 165 — Блинные Кучи; 166 — Кормы; 167 — Зьсмоны; 168 — Матюшина Стена; 169 — Логойск; 170 — Заславль, группы 1—5; 171 — Селец; 172 — Бретьянка; 173 — Перекаль; 174 — Леневка; 175 — Устиж; 176 — Волосовичи; 177 — Курганье; 178 — Шапчицы; 179 — Мохов; 180 — Пашковичи

ГЛАВА 7. ПЛЕМЕНА СЕВЕРА

происхождения — литые парные коньки, конические или выпуклоцилиндрические, с кольцами для бутылкообразных подвесок.

Довольно многочисленны в курганах Ростово-Суздальского края шумящие привески в виде каркасного треугольника из проволоочной косоплетки с шумящей бахромой из «утиных лапок», треугольников и «бутылочек» (табл. LX, 2, 3). Здесь же обычны привески с четырехугольной или круглой плетеной или ажурной основой и с такой же шумящей бахромой (табл. LX, 1), распространенные в могильниках мордвы, муромы и прикамских финнов.

Типично мерянскими, по Е. И. Горюновой, являются также шумящие привески в виде спаянных треугольником трех или более плоских проволоочных спиралей. Они встречаются в курганах Волго-Клязьменского междуречья. В суздальских и костромских курганах найдены привески, состоящие из трех—шести спаянных проволоочных колец с шумящей бахромой внизу.

Особенно богато представлены финские элементы в окраинных районах Волго-Клязьменского междуречья. Так, в курганах Костромского Поволжья, кроме большого количества шумящих привесок и игольников (Голубева Л. А., 1978, с. 199—204), финно-угорское наследие проявляется в наличии своеобразного «свода» (или заливки), покрывавшего верхнюю часть некоторых насыпей. Своды делались из теста, замешенного из глины, песка и извести, а иногда из булыжных камней. В этом же районе среди курганной керамики нередко встречаются приземистые глиняные сосуды, генетически восходящие к местной финской керамике до славянского расселения. Наконец, местное население ряда районов междуречья Волги и Клязьмы до сих пор называет курганы «панками» или «панями». Финский апеллятив этого термина беспспорен (Горюнова Е. И., 1961, с. 227, 228, 233—240).

Все эти материалы свидетельствуют об активном участии местного финского населения в этногенезе славян Волго-Клязьменского междуречья. Материалы археологии и топонимии свидетельствуют о том, что финское население в процессе славянского расселения в этих землях оставалось на своих местах. Значительность финно-угорских элементов в курганах Волго-Клязьменского междуречья говорит о том, что местные финны смешались со славянами и постепенно были ассимилированы ими.

В интересной статье «Этапы и формы ассимиляции летописной мери» А. Е. Леонтьев и Е. А. Рябинин попытались проникнуть в детали взаимоотношений славян с местным мерянским населением (Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980, с. 69—79). Исследователям удалось показать, что на первом этапе (IX—X вв.) освоение славянами Волго-Клязьменского междуречья осуществлялось небольшими разрозненными группами переселенцев (общинами). В курганах этого времени мерянских элементов еще нет. Сближение этносов начинается в конце X — начале XI в., когда на поселениях мери получают распространение древнерусские орудия труда и бытовые предметы. Изменение материальной культуры мери произошло не только за счет усвоения новых элементов. Под влиянием славянского ремесла совершенствуются и собственно мерянские вещи. В это время, очевидно,

нередки были брачные связи между славянами и мерей, о чем свидетельствует появление славяно-мерянских поселений и курганных могильников. Затем прекращают функционирование собственно мерянские укрепленные поселения, свидетельствуя о том, что племенная организация мери была нарушена. Мери как этнос перестала существовать, по-видимому, в XII в. В окружении славян еще на одно-два столетия сохранились сравнительно небольшие островки мерянского населения.

Вывод археологов, что мерянское население Волго-Клязьменского междуречья смешалось со славянами и растворилось в их среде, полностью соответствует наблюдениям антропологов. Черепа из курганов исследуемой территории, особенно из тех, где прослеживается концентрация финно-угорских элементов, характеризуются суббрахикрицией при заметной уплощенности лица и слабом выступании носа (Трофимова Т. А., 1946, с. 105—115, 130; Алексеева Т. И., 1961, с. 140—143). Эти специфические особенности славянского населения XI—XIV вв. сближают его с финскими племенами лесной зоны Восточной Европы, известными по синхронным грунтовым могильникам. Объяснить такую близость можно лишь участием финно-угорского субстрата в формировании славянского населения северо-восточных земель древней Руси (Veenker V., 1967).

В связи с характеристикой финских элементов в волго-клязьменских курганах необходимо остановиться еще на одном типе женских украшений XI—XIII вв. Это — браслетообразные височные кольца с сомкнутыми (или слегка заходящими) концами.

Они в большом числе известны на обширной территории от восточного побережья Чудского озера до восточных районов междуречья Волги и Клязьмы (карта 36). Наиболее часты такие кольца в курганах Калининского и Ярославского Поволжья, в Ростово-Суздальской земле и в северо-западных районах Новгородчины. В Волго-Клязьменском междуречье браслетообразные сомкнутые височные кольца территориально соприкасаются с браслетообразными завязанными украшениями кривичей. Курганы с находками сомкнутых колец здесь или образуют самостоятельные могильники, или расположены в одних могильниках с насыпями, в которых встречены завязанные украшения. Совместная находка височных колец обоих типов зафиксирована лишь в единичных случаях.

Интересно, что в Калининском Поволжье и в соседних районах Ярославщины сосуществование этих височных украшений привело к появлению своеобразного варианта колец. Многие браслетообразные кольца здесь имеют такую же завязку, как кривичские украшения Смоленщины, но один из концов после завязки остается свободным, подобно концам сомкнутых колец.

Племенная принадлежность браслетообразных сомкнутых колец до сих пор не определена. Иногда их приписывают новгородским словенам (Никольская Т. Н., 1949, с. 78—83; Левашева В. П., 1967, с. 38). Однако словене имели свой особый тип височных украшений — ромбоштитковые кольца, ареал которых соответствует области новгородских словен. Предположительно, что для словен были характерны и ромбоштитковые, и браслетообразные сомкнутые

кольца, отпадает по ряду соображений. Во-первых, ареалы этих украшений в значительной степени различны. Пожалуй, только в северо-западной части Новгородской земли, где население было этнически смешанным (славяно-водским), встречаются и ромбоцитковые, и браслетообразные сомкнутые кольца. При этом первые из них тяготеют к центру Новгородчины, а вторые чаще встречаются в окраинных районах, где преобладал финский этнический элемент. Во-вторых, новгородским словенам свойственны курганы с каменной обкладкой в основаниях и жальники. Но если ромбоцитковые кольца распространены главным образом в пределах территории этих погребальных памятников, то браслетообразные сомкнутые кольца найдены преимущественно вне их ареала.

Ряд обстоятельств позволяет отнести браслетообразные сомкнутые кольца к славянизированному местному (финноязычному) населению северных областей древней Руси (*Décsy G.*, 1967, p. 105–120; *Veenker V.*, 1967):

1. Распространение этих украшений в значительной степени совпадает с ареалом финно-угорской топонимии на древнерусской территории, где происходили смешение пришлых славян с финно-угорским населением и его ассимиляция.

2. Как отмечалось выше, для финно-угров характерны меридиональные труположения. В могильниках, где есть курганы с меридиональными труположениями (Бустрыгино, Кошево, Евчаково, Воронцово и др.), сравнительно часты браслетообразные сомкнутые кольца и почти нет собственно кривичских, с завязанными концами. В районе раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева на Владимирщине в могильниках с погребенными головой на север (Буково, Вепрь, Городище) встречены исключительно браслетообразные сомкнутые кольца. Наоборот, в курганных группах с труположениями, имеющими западную ориентировку (Кабанское, Матвешиково, Исакова и др.), найдены только кольца с завязанными концами.

3. В большинстве случаев шумящие привески находят в подкурганых захоронениях, лишенных височных колец. Совместные находки этих украшений в одном комплексе сравнительно редки, но показательны. С браслетообразными завязанными кольцами шумящие привески встречены трижды, с ромбоцитковыми — дважды, а с браслетообразными сомкнутыми — не менее 18 раз.

4. Финская атрибуция погребенных в ярусных курганах северной полосы Восточной Европы представляется несомненной (*Седов В. В.*, 1958, с. 3–11). При труположениях в таких курганах встречены только многобусинные височные украшения, типичные для одного из финских племен — води, и браслетообразные сомкнутые кольца (Хотил).

5. Федовский грунтовой могильник XI–XII вв., расположенный на Мсте в Вышневолоцком р-не, содержал труположения с различной ориентировкой и древнерусским вещевым инвентарем (*Ширинский-Шазмагов А. А.*, 1906, с. 53–62). Неславянский характер большинства погребенных здесь проявля-

ется в их ориентировке. Из 44 скелетов, положение которых определено при раскопках, только девять (или 20,5%) имели западную ориентировку (шесть умерших положены головами к западу и три — к юго-западу). Северная ориентировка зафиксирована в 11 погребениях. Если добавить 16 погребенных, направленных головами к северо-востоку, то станет очевидным господство здесь (61,5%) характерных для финно-угров меридиональных захоронений. На финское происхождение основной части погребенных в Федовском могильнике, по-видимому, указывает также ритуал разрушения трупов, отмеченный в 35 случаях. Характерные же височные украшения погребенных здесь представлены браслетообразными сомкнутыми кольцами.

Еще в VI–VII вв. у финских племен Волго-Окского междуречья появляются браслетообразные височные кольца, один конец которых расплюсчен и имеет отверстие, а другой загнут крючкообразно. Они найдены в погребениях рязанских и муромских могильников, а также на мерянских поселениях — Сарском и Мало-Давыдовском городищах (*Спицын А. А.*, 1901, с. 45, табл. XXIV, 5; *Ефименко П. П.*, 1926, с. 76; *Эдинг Д. Н.*, 1928, с. 28, табл. II, 3). В это же время исключительно на мерянской территории бытуют браслетообразные втульчатые височные кольца, служащие этноопределяющим признаком мери (*Горюнова Е. И.*, 1961, с. 96, рис. 41). В XI в. и втульчатые, и щитковые браслетообразные кольца выходят из употребления, что обычно объясняется славянизацией финского населения междуречья Волги и Оки. Можно полагать, что на смену этим украшениям пришли браслетообразные сомкнутые височные кольца. В XI–XIII вв. эти украшения носило уже не финское население лесной части древней Руси, а его славянизированные потомки. Поэтому вполне закономерно, что браслетообразные сомкнутые кольца обычно встречаются в славянских курганах и часто сопровождаются древнерусскими украшениями.

Нарисованная картина славянского освоения междуречья Волги и Клязьмы целиком соответствует представлениям, основанным на данных современной диалектологии. Современные говоры территории, которую в XII–XIII вв. занимало Владимиро-Суздальское княжество, сложились и развились на основе говоров словен новгородских и кривичей. При этом «колониционный поток словен (новгородских), расселившихся на территории Владимиро-Суздальского княжества, был, видимо, очень значительным по численности населения и неоднороден по этническому составу, а, следовательно, и по языку» (*Мельниченко Г. Г.*, 1970, с. 40). Новгородские словене освоили левобережную часть Поволжья, а также осели по правую сторону Волги, на территории современных Ярославской и Ивановской областей. Можно предполагать, что в заселении Ярославского Поволжья приняли участие новгородцы из Белозерья. Говоря иными словами, вместе со словенками в Ярославское Поволжье пришла белозерская весь, может быть частично славянизированная. Кривичи, согласно диалектным данным, заселяли области по правую сторону Волги.

С археологией восточного славянства связана также тема о начальном этапе проникновения древнерусского населения в Вятский край и области Верхнего Прикамья, заселенные финно-угорскими племенами.

Первые славянские переселенцы появляются в этой земле, вероятно, в XI—начале XII в., о чем говорят отдельные вещевые находки древнерусского происхождения. Судя по летописи, племена печеры, обитавшие на р. Печора, и югра, жившая в Северном Приуралье, уже в конце XI—начале XII в. платили дань Новгороду Великому (*Шахматов А. А.*, 1916, с. 293). Очевидно, в это же время в орбиту новгородских интересов попала и Пермская земля, поскольку все походы новгородцев на югру осуществлялись через эту землю.

Активное проникновение славянского населения в Вятско-Камский край начинается во второй половине XII в. Этот процесс отражен в памятниках вымской и родановской культур. Так, на поселениях и в могильниках позднего этапа вымской культуры (XII—XIV вв.), принадлежащей предкам коми-зырян, резко увеличивается число вещей древнерусского происхождения. Это различные железные орудия труда, многочисленные изделия из цветных металлов, в том числе трехбусинные височные кольца, решетчатые привески, широкосрединные перстни, пластинчатые браслеты с завернутыми концами и др., а также стеклянные и пастовые бусы некоторых типов. С конца XII в. получает распространение древнерусская гончарная керамика, свидетельствуя о совместном проживании славян на одних поселениях с местным финским населением (*Савельева Э. А.*, 1971, с. 74—108).

Такая же картина наблюдается на поздней стадии (XIII—XIV вв.) родановской культуры, принадлежащей предкам коми-пермяков. На ряде поселений с XIII в. распространяется древнерусская гончарная керамика, на поселениях и в могильниках нередко встречаются вещи славянских типов (оружие, украшения, предметы культа). Особенно много изделий древнерусского облика найдено на городище Аплюшкар. Это железные топоры, ледоходные шипы, пряслица из волынского шифера, височные кольца, бусы и др. При раскопках могильника, расположенного рядом с городищем, исследовано погребение, к сожалению разрушенное, кото-

рое, судя по вещам, принадлежало славянину. Среди древнерусских предметов из погребения имеется писанка с зеленовато-желтой поливой (*Оборин В. А., Балашенков Л. А.*, 1968, с. 44).

Сравнительно небольшая часть изделий древнерусского происхождения могла быть привезена в Вятско-Камский край из Южной Руси, может быть, через посредничество Волжской Булгарии. Таков, например, браслет-наруч со стилизованным растительным узором, выполненным чернью (*Смирнов А. П.*, 1952, табл. VI, 3). Основная же масса славянских вещевых находок и керамика происходят из севернорусских областей. Вятско-Камский край в меньшей степени был связан с Ярославско-Костромским Поволжьем, а в основном — с Новгородской землей. Оттуда и происходит, нужно полагать, большая часть переселенцев.

К периоду активного проникновения новгородцев в Вятско-Камский край относится и возникновение здесь первых русских городков. В конце XII в. был основан Хлынов, на рубеже XII и XIII столетий, судя по археологическим материалам, строится Никулицын. С середины XIII в. (1269 г.) области Перми называются в письменных источниках в числе новгородских волостей.

Восточнославянских курганов в Вятско-Камском крае нет. Это является важным свидетельством того, что массы деревенского населения древней Руси, занятые преимущественно земледелием, не участвовали в освоении рассматриваемых территорий. Проникновение древнерусского населения в вятско-камские земли носило совершенно иной характер, чем расселение восточных славян в Волго-Окском междуречье. Области последнего осваивались массами славянского населения, занятого сельскохозяйственной деятельностью. Переселенцы были заинтересованы в земельных участках, скоро оседали на землю и становились коренными жителями края. Древнерусские переселенцы Вятско-Камского края не были земледельцами. Это были ремесленники и торговцы, вероятно, в основном горожане, а также лица, связанные с повгородской администрацией. Древнерусское население Вятско-Камского края было весьма малочисленным. Славянская инфильтрация не внесла заметных изменений в этническую структуру местного финно-угорского населения.

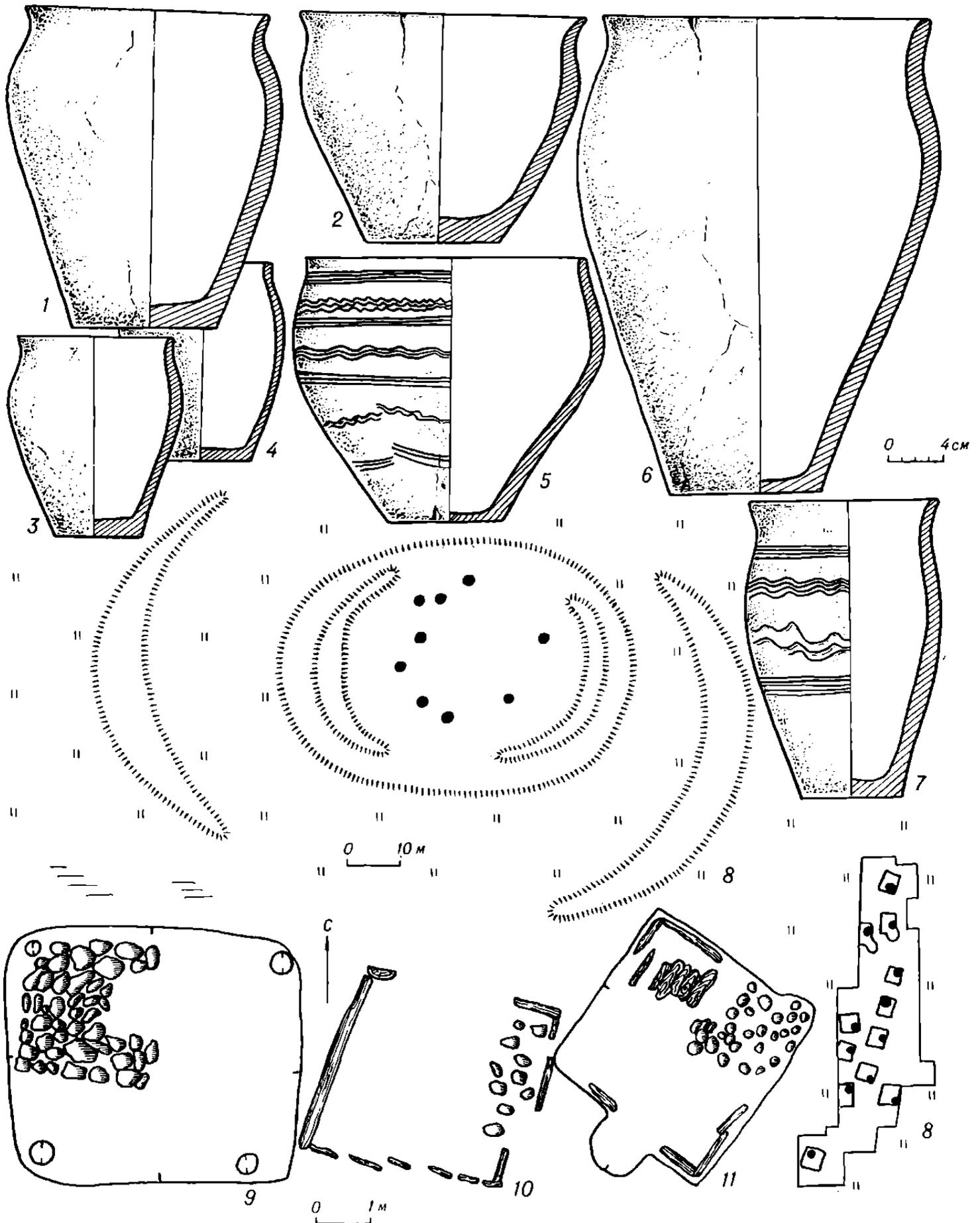

Таблица XXIII. Древности типа Лука-Райковецкой

1-7 - глиняные сосуды (1, 3, 4 - Хотомель; 2 - Буки; 5 - Лука-Райковецкая; 6 - Тетеревка; 7 - Шумск); 8 - план городища и селища Хотомель;

9-11 - планы жилищ (9 - Одая; 10 - Шумск; 11 - Буки).

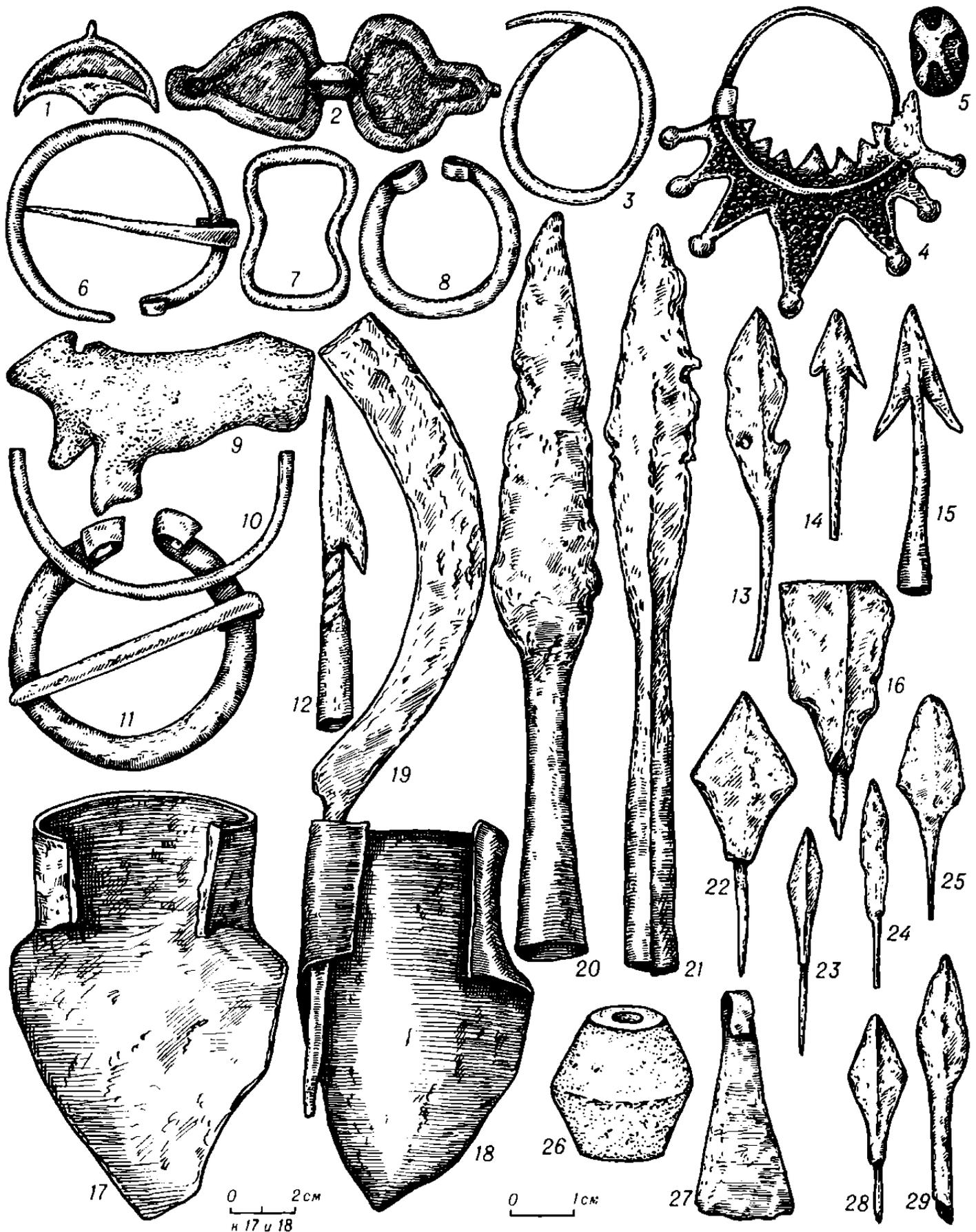

Таблица XXIV. Предметы из поселений типа Луки-Райковецкой

1, 9 – Бранешты I; 2 – Ханска I; 3 – Одая; 4–8, 11–25, 28, 29 – цветной металл; 5 – стекло; 7, 8, 10–29 – Хотомель; 9, 26 – глина

ГЛАВА 4. ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ДНЕПРОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

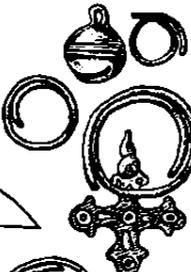
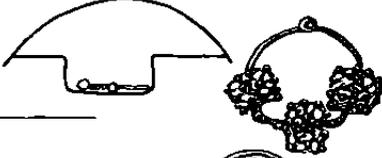
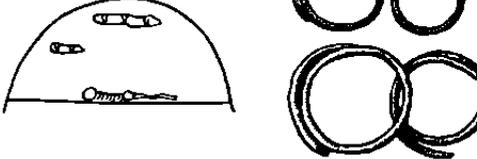
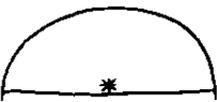
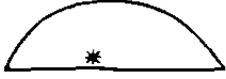
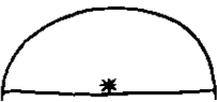
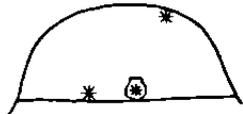
Век	Волыняне	Древляне
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		

Таблица XXV. Эволюция древностей волынян и древлян

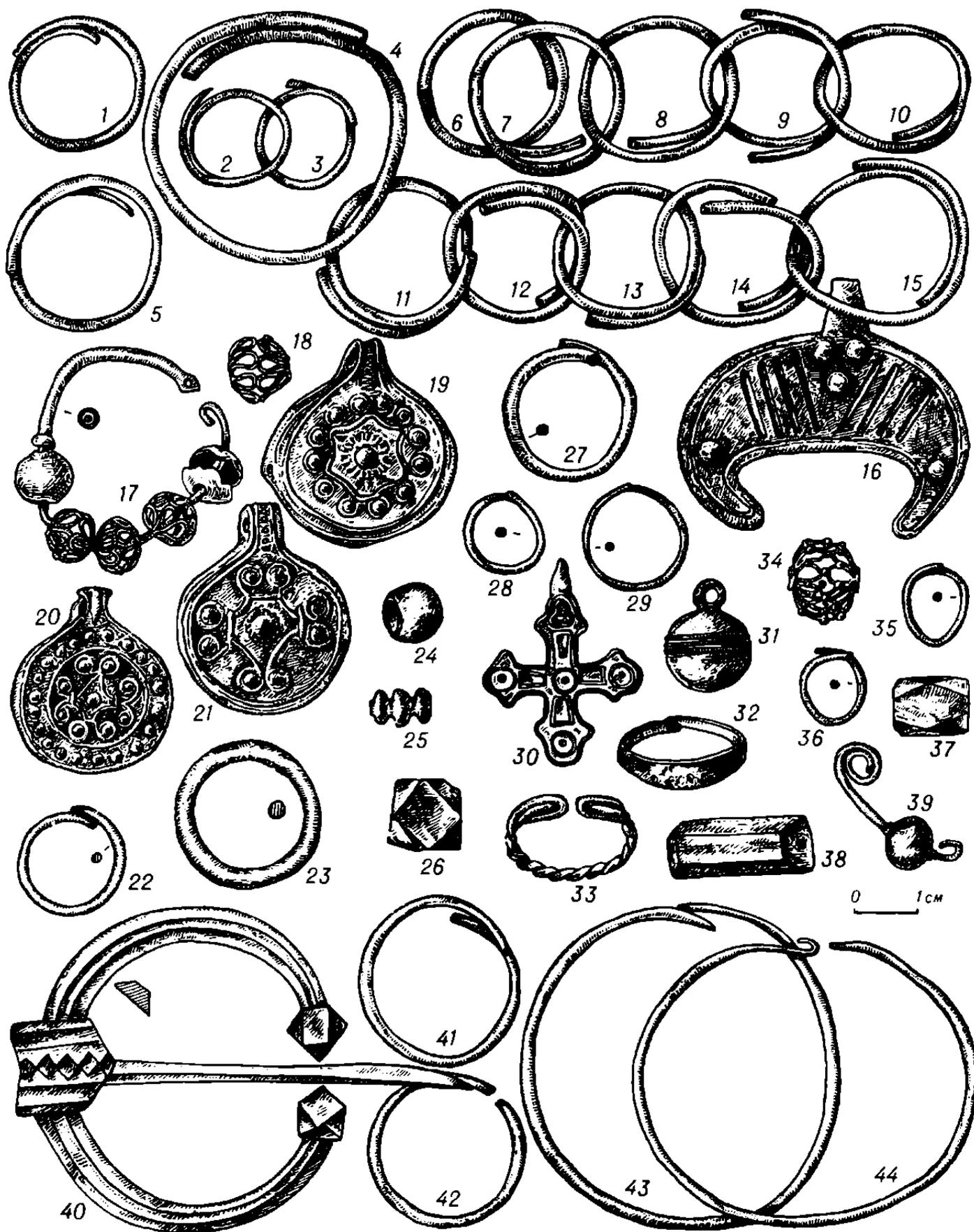

Таблица XXVI. Древности волынян

1-4 - Городок Ровенский (1 - курган 3; 2 - курган 10; 3 - курган 6; 4 - курган на дороге); 5 - Межирец; 6-16 - Жыброды (6 - курган 8; 7-15 - курган 12; 16 - курган 5); 17-21 - Луцк; 22 - Острог; 23-26 - Острожец; 27-33 - Пересопница; 34-39 -

Листвин; 40 - Святокрест; 41-44 - Великие Рыковиче
1-23, 27-36, 39-44 - цветной металл; 24-26 - стекло; 37, 38 - камень

ГЛАВА 4. ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ДНЕПРОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

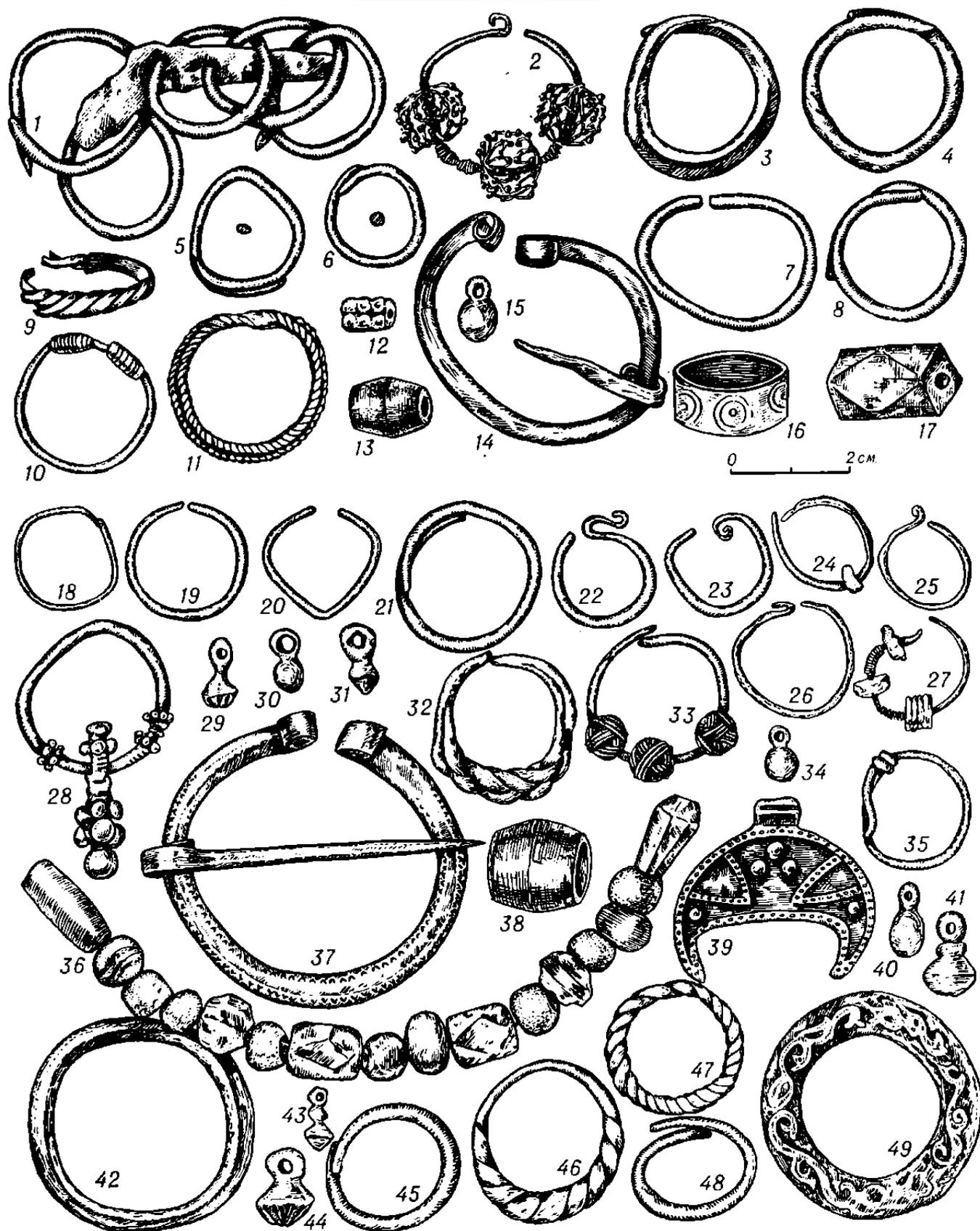

Таблица XXVII. Древности древлян и полян

1-17 — из курганов древлян; 18-49 — из курганов полян

1 — Олешполь; 2-6, 8, 9 — Великая Фосня; 7, 10 — Коростень (7 — курган 1; 10 — курган 10); 11, 13, 15, 16 — Сtryжавка (11, 16 — курган 10; 13 — курган 14; 15 — курган 36); 12 — Коростышев, курган 10; 14, 17 — Искринье; 18, 22, 45-48 — Буки (18 — курган 7; 22 — курган 25; 45 — курган 16; 46 — курган 26; 47, 48 — курган 2); 19, 20 — Ягняти (19 — курган 4; 20 — курган 10); 21, 43, 44 — Росса-

ва; 23-27, 32, 33, 35, 38 — Леплява (23, 35 — курган 2; 32 — курган 1; 24-27, 33, 38 — прочие курганы); 28, 36, 37, 39 — Киев (28, 36 — погребение 124; 37 — погребение 110; 39 — вне погребений); 29-31, 42, 49 — Грубск (29-31 — вне курганов; 42 — курган 16; 49 — курган 14); 34 — Щучинка; 40, 41 — Переяславль

1-11, 14-16, 18-35, 37, 39-49 — цветной металл; 12, 13, 38 — стекло; 17 — камень; 36 — стекло и камень

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

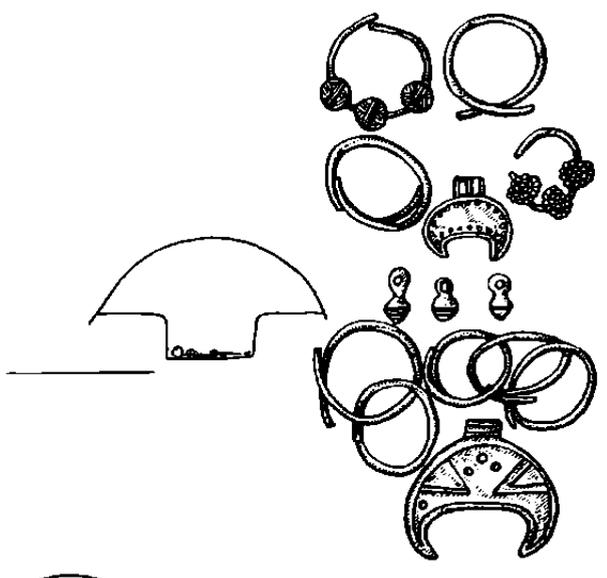
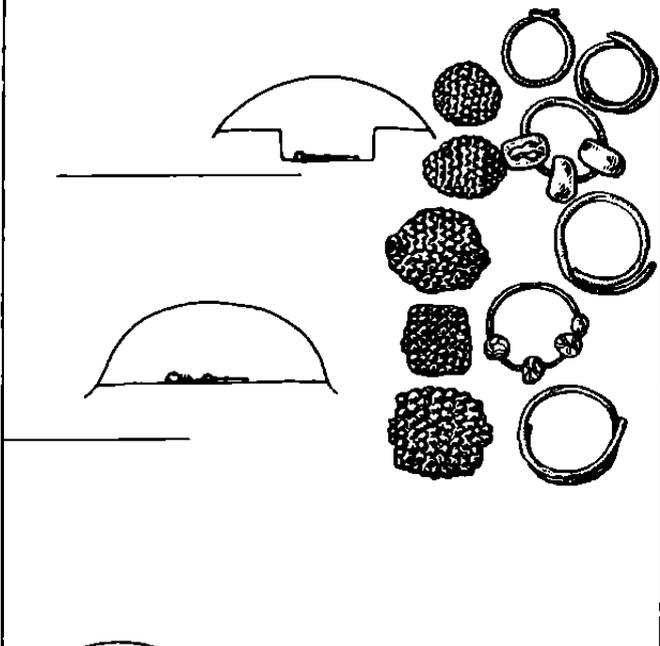
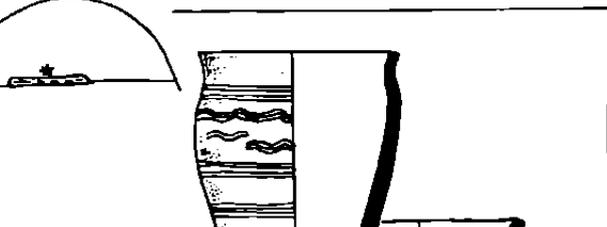
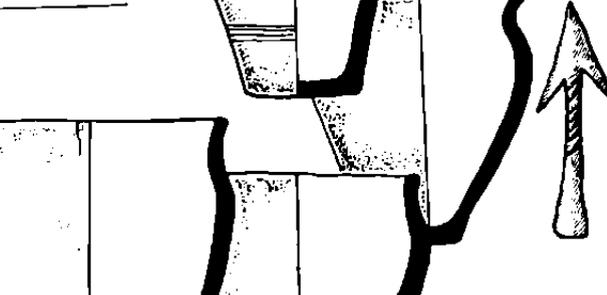
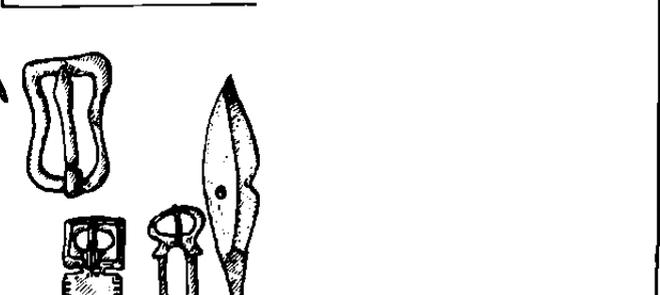
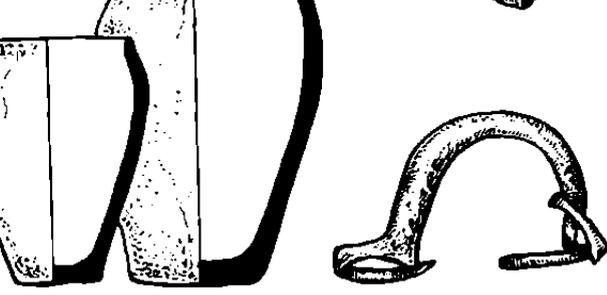
<i>Поляне</i>	<i>Дреговичи</i>	Век
		XII XI X
		IX
		VIII
		VII
		VI

Таблица XXVIII. Эволюция древностей полян и дреговичей

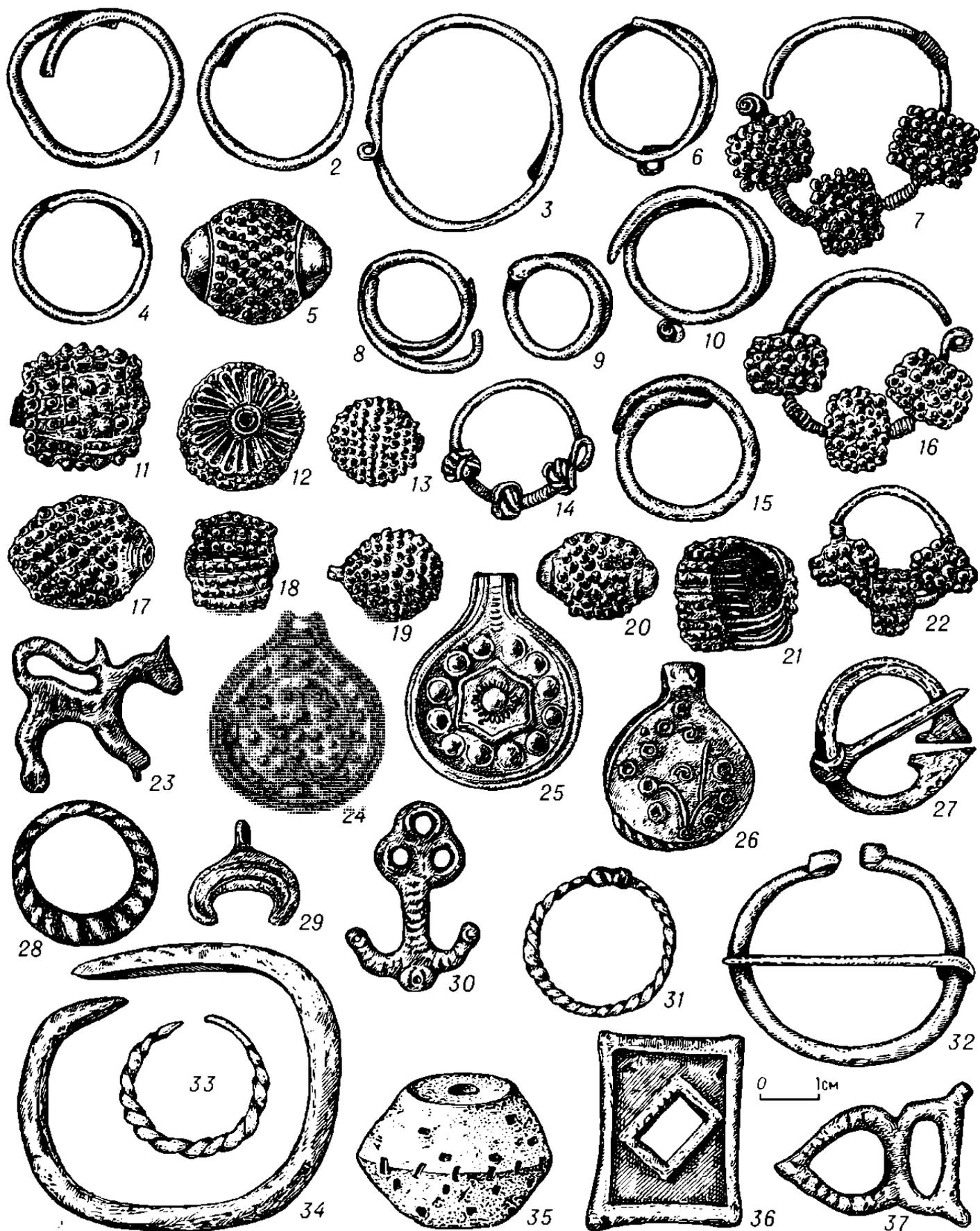

Таблица XXIX. Предметы из курганов дреговичей

1-5 - Игуменский уезд (место неизвестно); 6-31, 33, 34, 37 - из курганов, раскопанных В. З. Завит-

невичем; 32 - Путилковичи; 35 - Нежаровские хутора; 36 - Красный Берег
1-34, 36, 37 - цветной металл; 35 - глина

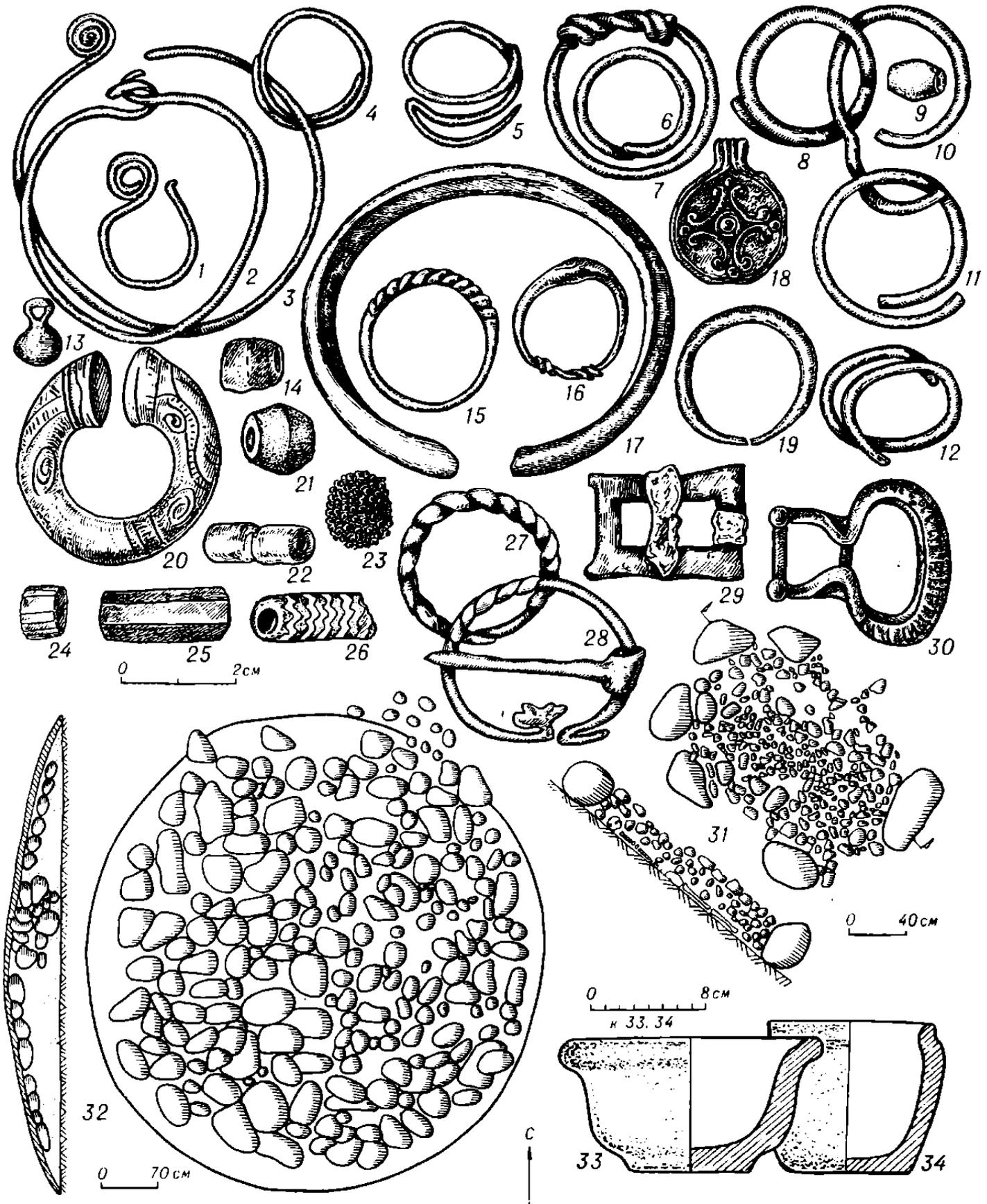

Таблица XXX. Древности Верхнего Полесья и Брестского Побужья

1-3 - Брестянка (1 - курган 14; 2 - курган 11; 3 - курган 12); 4, 5, 13, 15, 33 - Сулятичи (4, 5 - курган 4; 13 - курган 2; 15 - курган 14; 33 - курган 1); 6, 17, 29 - Марулины; 7, 16 - Городиловка (7 - курган 1; 16 - курган 3); 8-12, 31 - Подроссь, курган 15; 14, 24, 25 - Мольнич (14 - курган 8; 24 - кур-

ган 7; 25 - курган 1); 18, 20-22, 26, 34 - Навры; 19 - Высокое; 23, 27, 30 - Платово; 28 - Салапяцш-ки; 32 - Свищево, курган 19
1-8, 10-13, 15-20, 23, 27-30 - цветной металл; 9, 14, 21, 22, 24, 26 - стекло и паста; 25 - камень; 33, 34 - глина

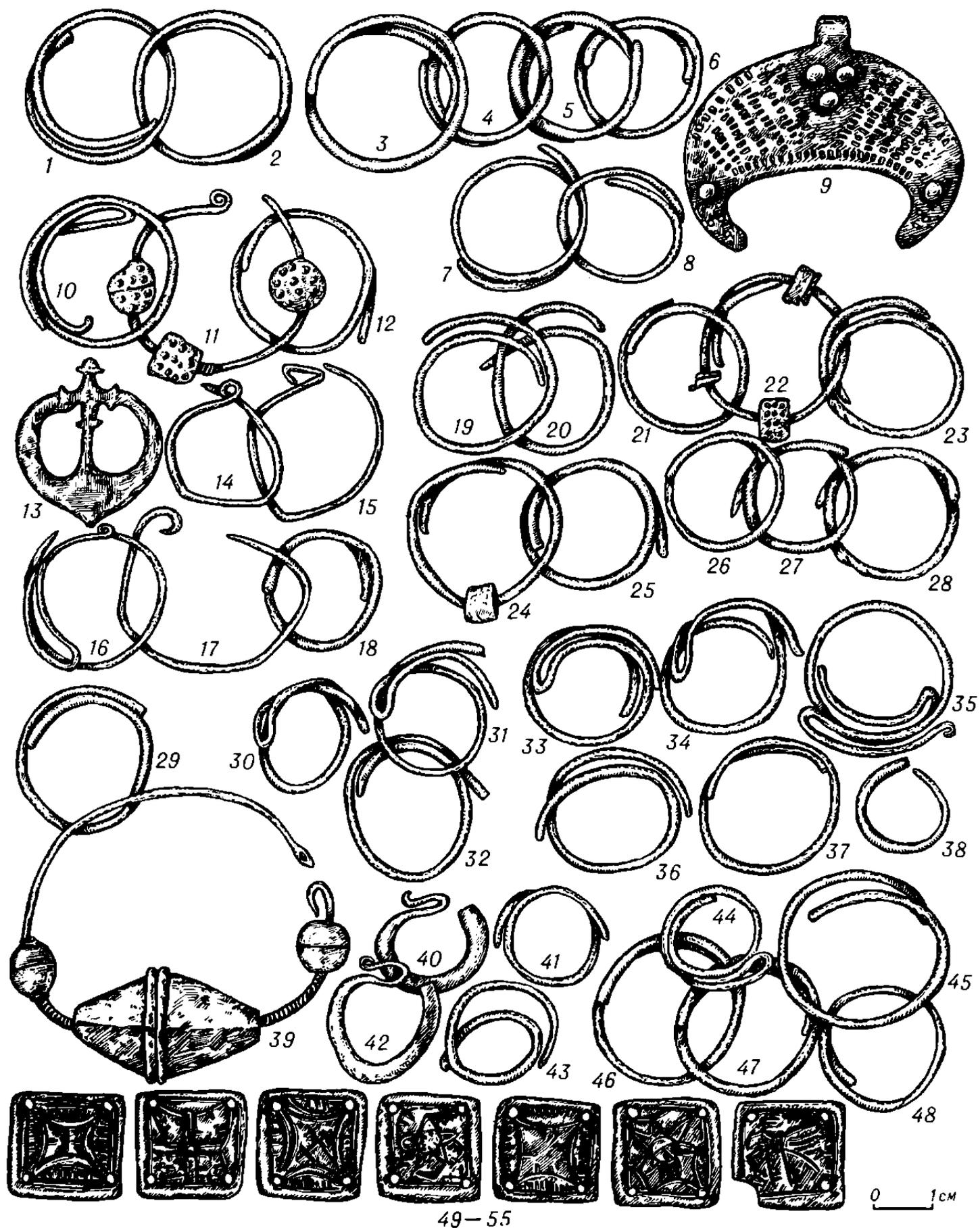

Таблица XXXI. Древности хорватско-тыверские X—XII вв.

1—9 — Хотимеж; 10—18 — Мышков; 19—28 — Застенка; 29 — Торске; 30—32 — Крогульце; 33—38 — Город-

ница; 39 — Волковце; 40—43 — Глубочек; 44—48 — Живачов; 49—55 — Калиновщина
1—55 — цветной металл

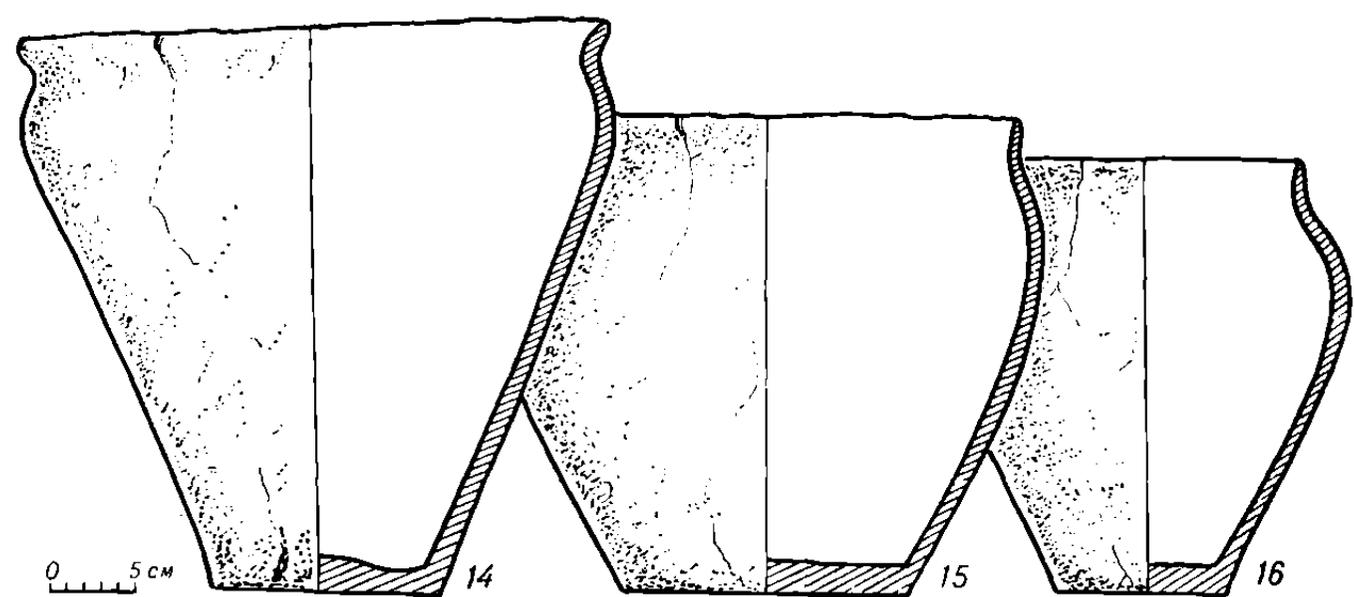
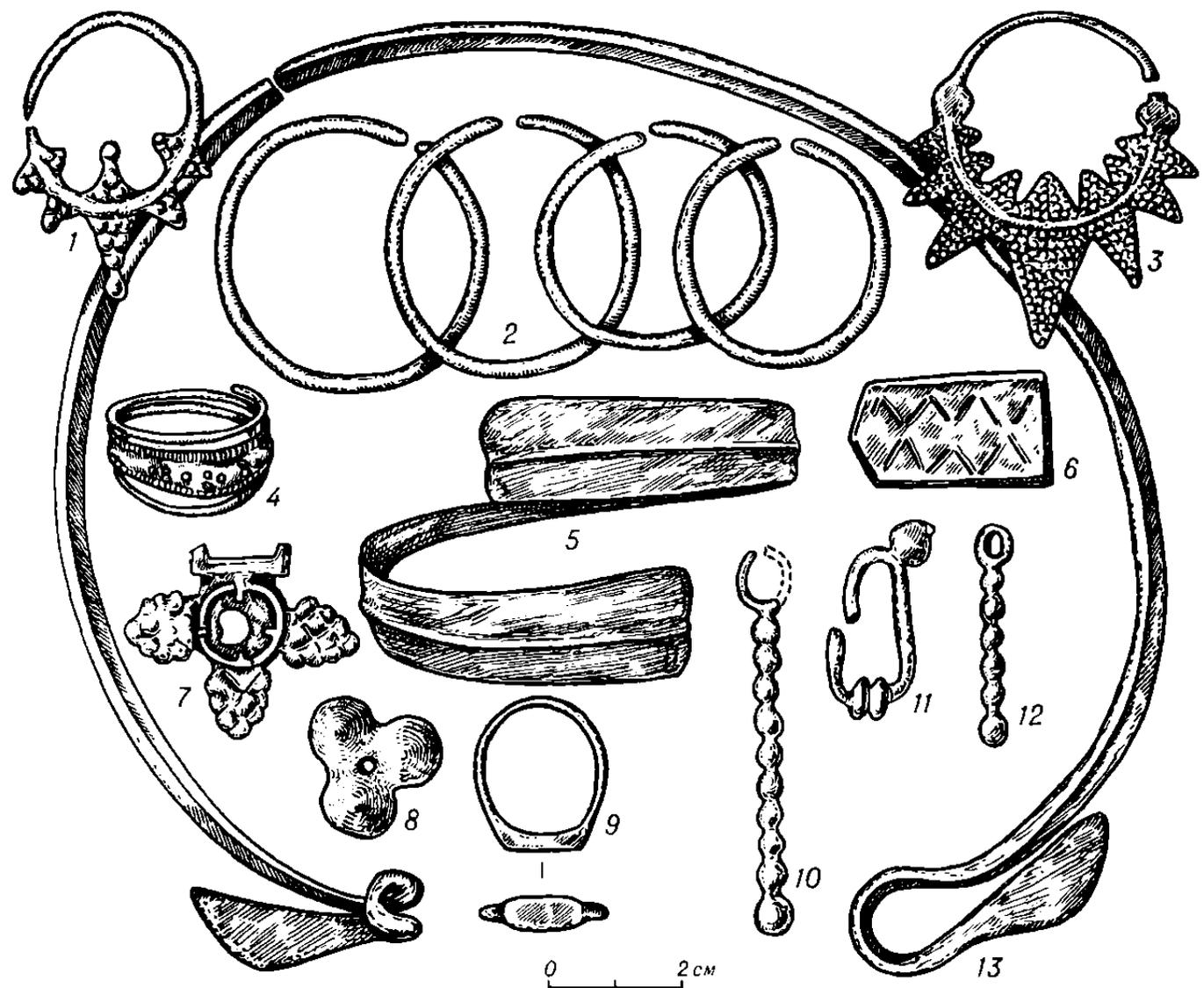

Таблица XXXII. Украшения и керамика роменской культуры
 1-16 - Новотроицкое городище
 1-13 - цветной металл; 14-16 - глина

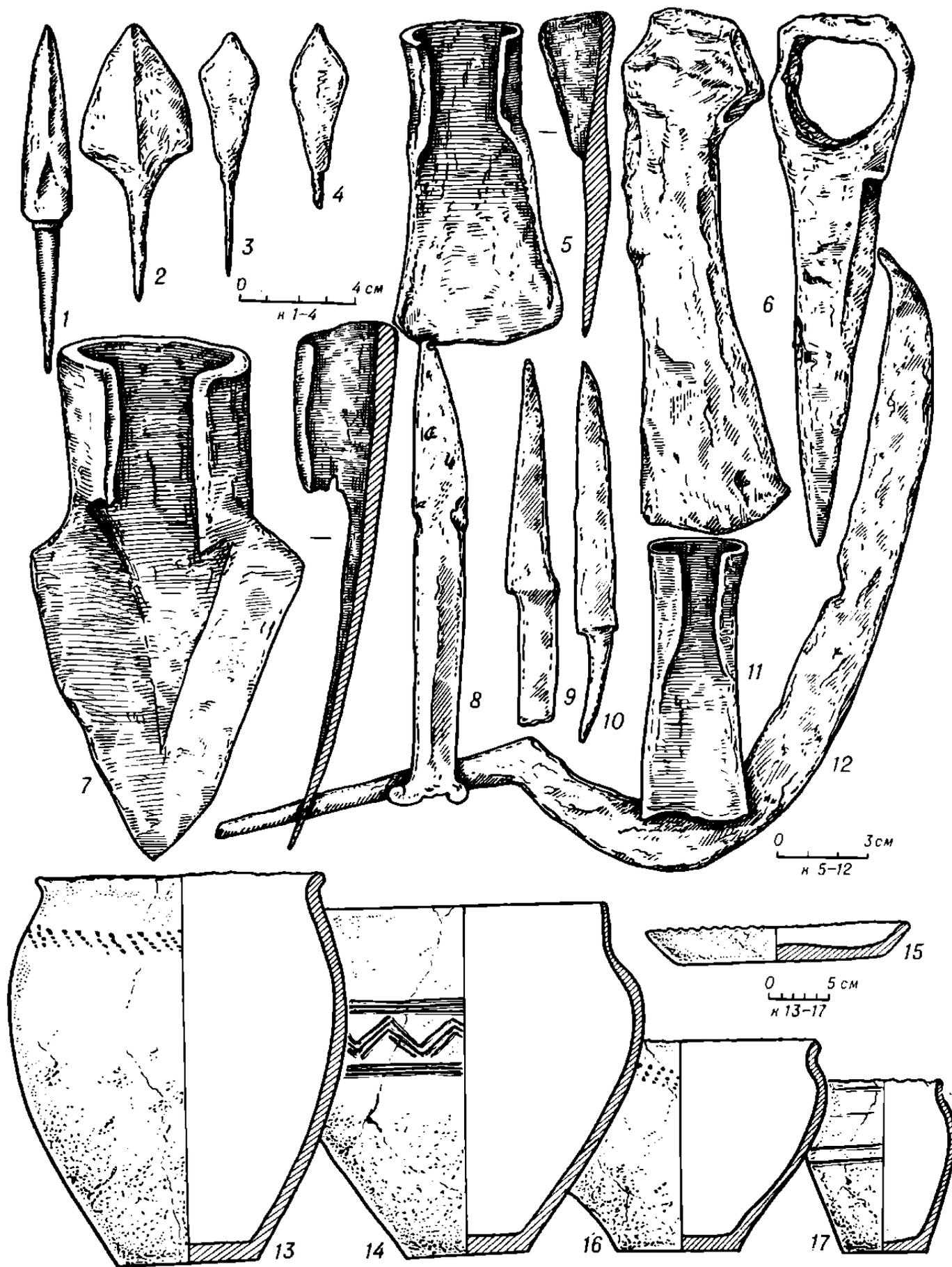

Таблица XXXIII. Железные изделия и керамика роменской культуры

1-17 - Новотроицкое городище

1-12 - железо; 13-17 - глина

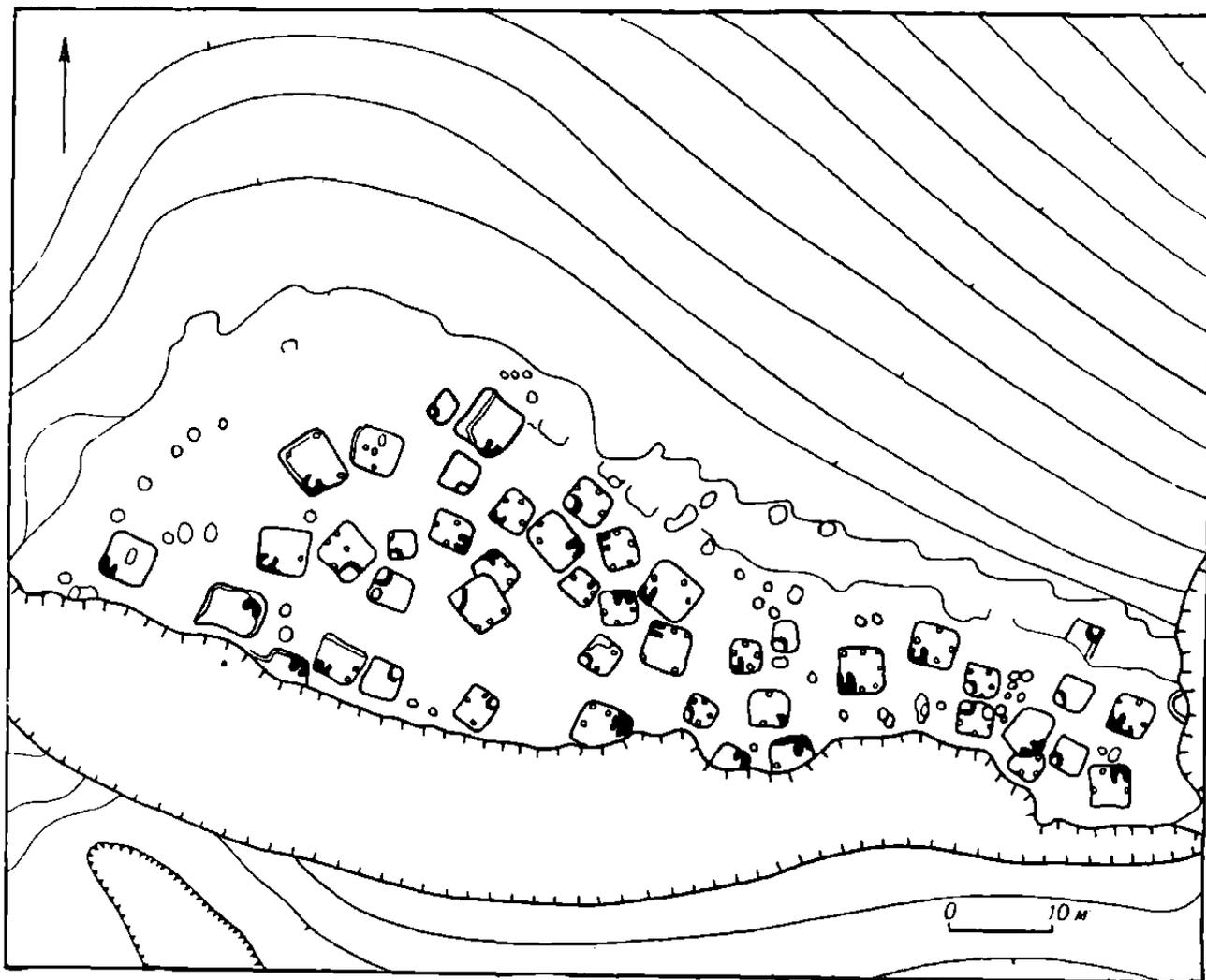
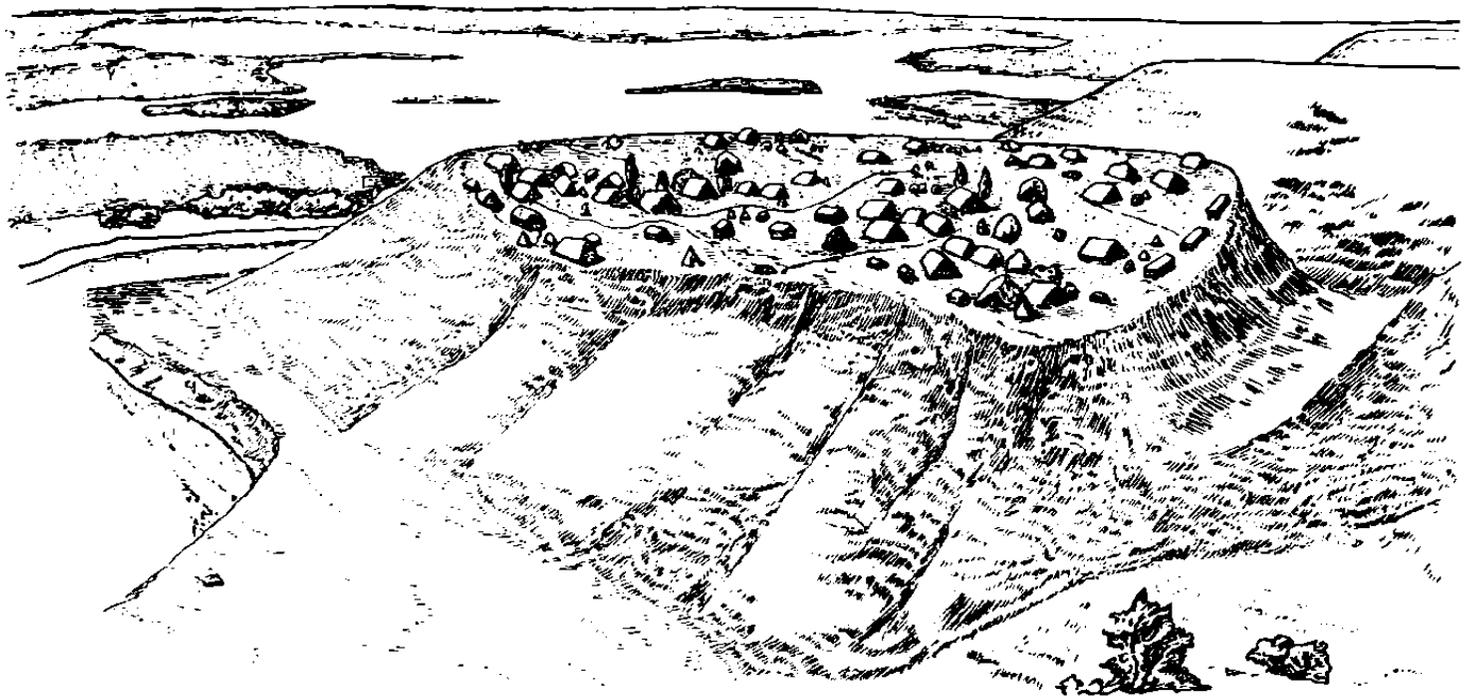

Таблица XXXIV. Новотроицкое городище

Вверху — реконструкция поселения по И. И. Ляпушкину; внизу — план поселения

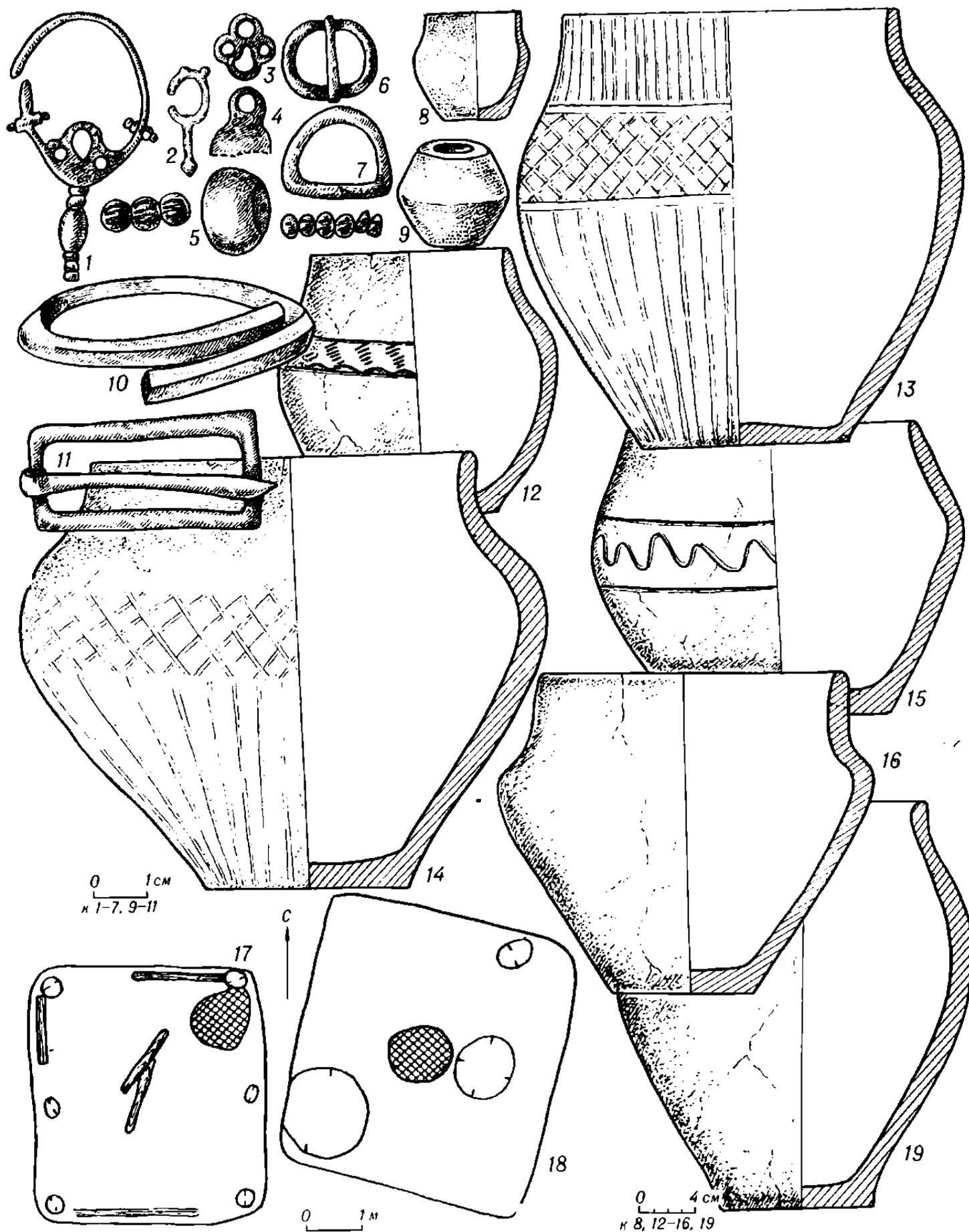

Таблица XXXV. Древности волынцевского типа

1, 6, 7, 15, 18 — Битица; 2-4, 9, 11, 17, 19 — Ходосово; 5, 14, 16 — Малые Будки; 8, 10, 13 — Волынцево; 12 — Сосница

1-4, 6, 7, 10, 11 — цветной металл; 5 — стекло; 8, 9, 12-16, 19 — глина; 17, 18 — планы жилищ

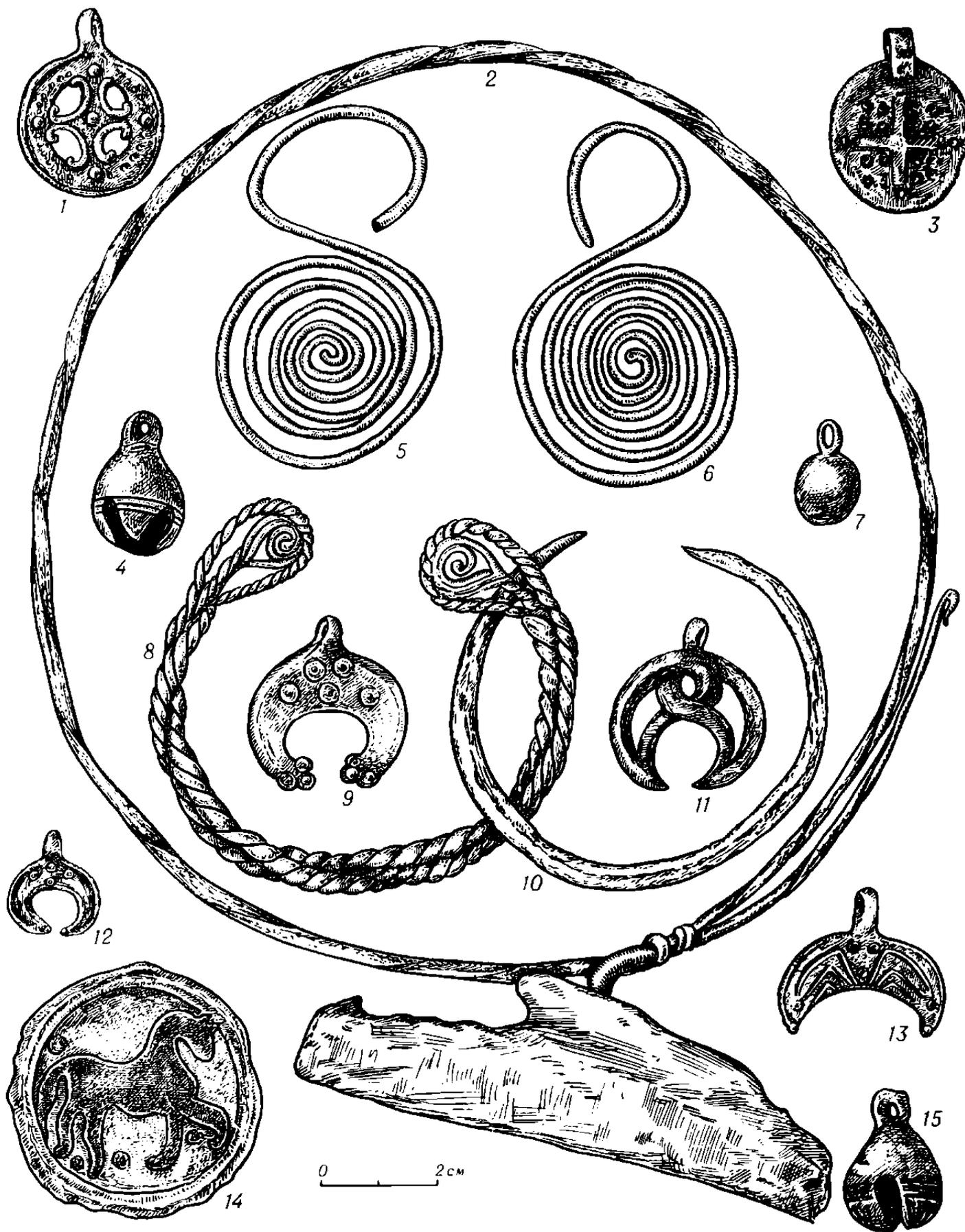

Таблица XXXVI. Украшения из Гоченских курганов северян

1, 8-11 - курган 60; 2, 3 - курган 37; 4, 15 - курган 106; 5, 6 - курган 42; 7 - курган 32; 12 - курган 24; 13 - курган 58; 14 - курган 98; 1-15 - цветной металл

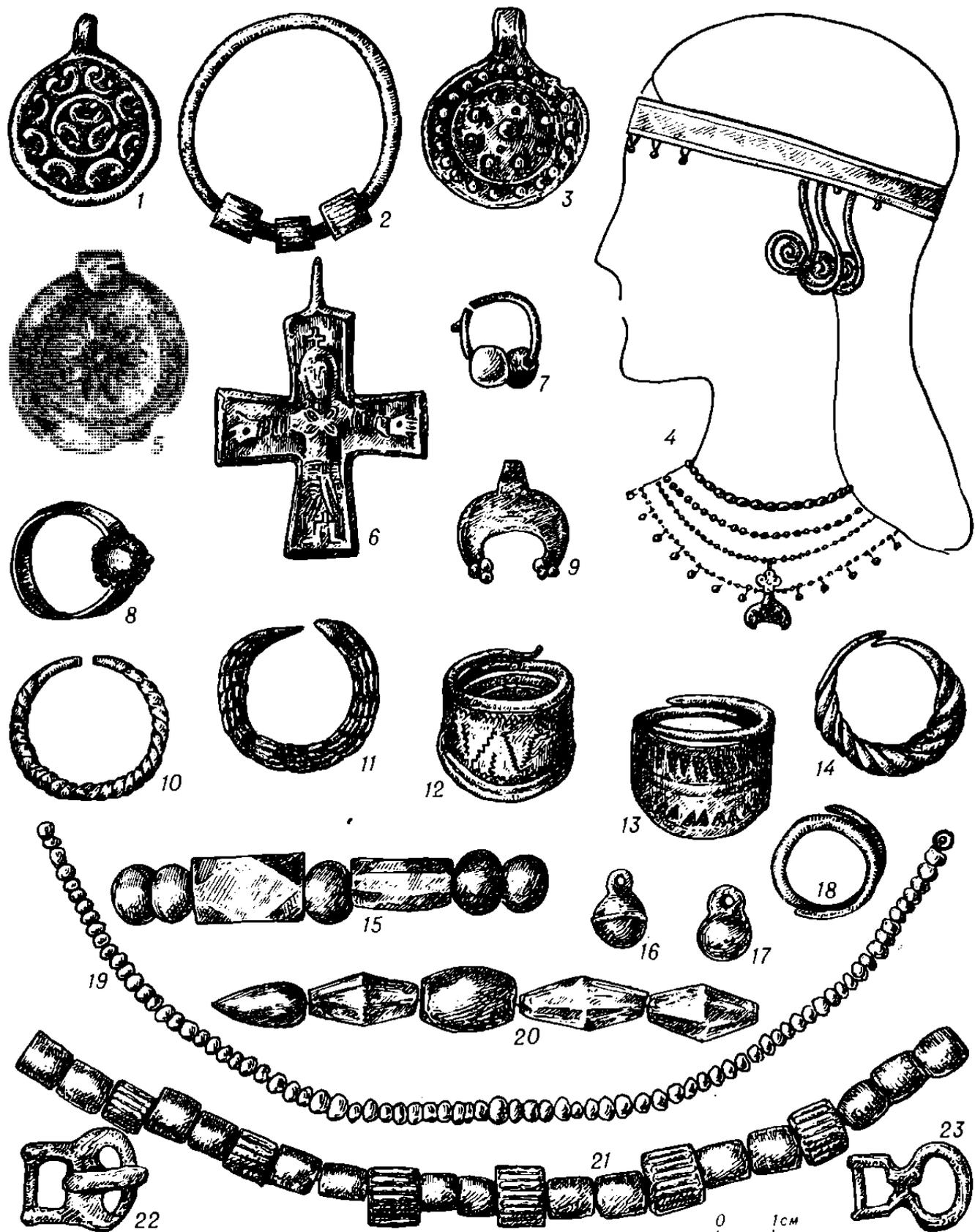

Таблица XXXVII. Древности северян

1-3, 5, 6, 8, 10-15, 18-21 - Гочево (1 - курган 115; 2 - курган 59; 3 - курган 58; 5, 21 - курган 57; 6 - курган 37; 8 - курган 71; 10 - курган 1; 11 - курган 144; 12 - курган 128; 13, 14 - курган 106; 15 - курган 72; 18 - курган 13; 19, 20 - курган 38);

варках (реконструкция В. В. Хвойки); 7, 9, 22, 23 - Троицкое (7 - курган 7-10; 9 - курган 5-6; 22, 23 - курган 2-3); 16, 17 - Седнев, курган 2
1-3, 5-14, 16-18, 22, 23 - цветной металл; 15, 19-21 - стекло и камень

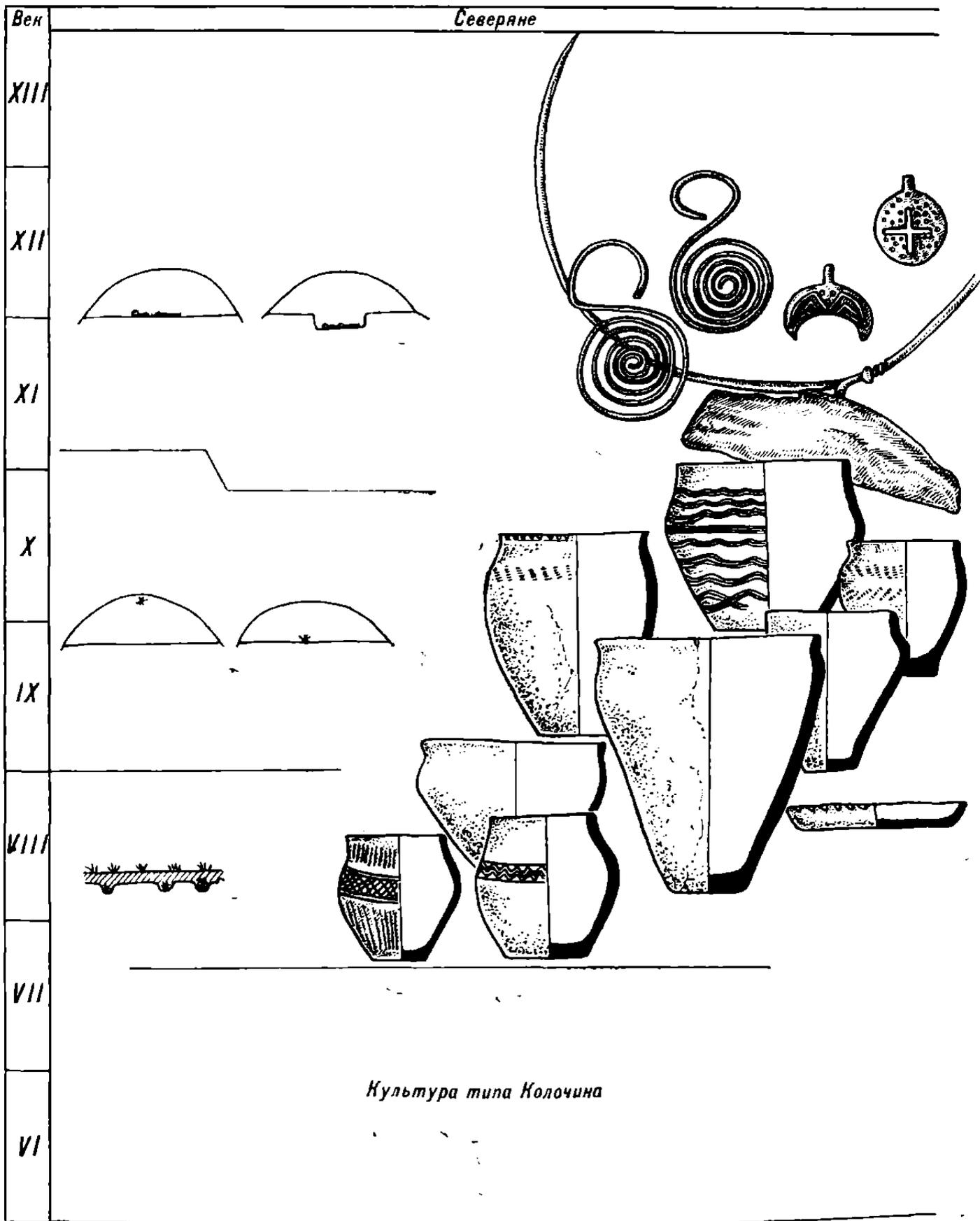

Таблица XXXVIII. Эволюция древностей северян

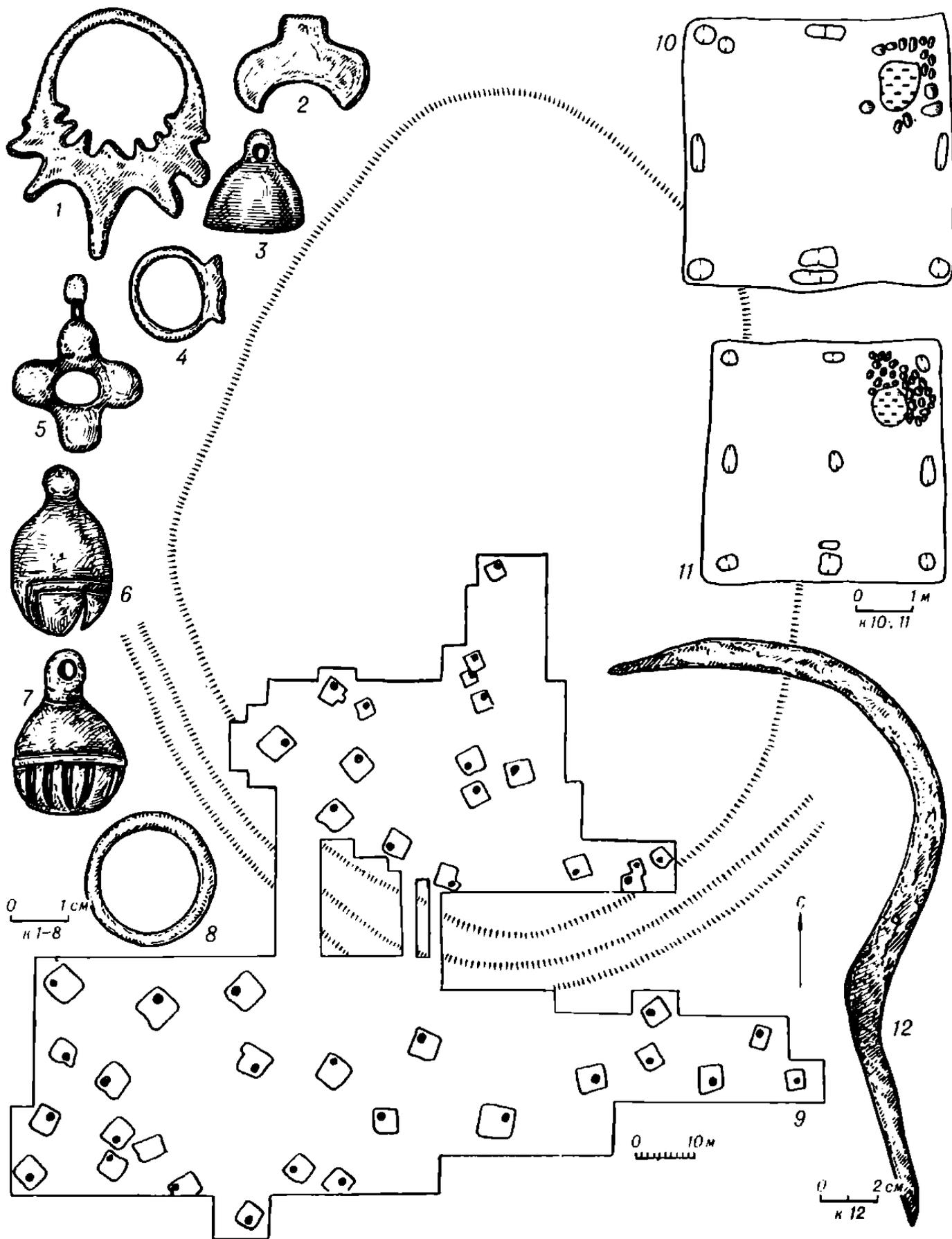

Таблица XXXIX. Древности боршевского типа

1-4, 6, 8, 9, 12 - Титчиха (9 - план городища и селища с раскопанными жилищами); 5, 7, 10, 11 -

Боршево (5, 7 - курган 4; 10, 11 - жилища 19 и 18, исследованные на городище)

1-8 - цветной металл; 12 - железо

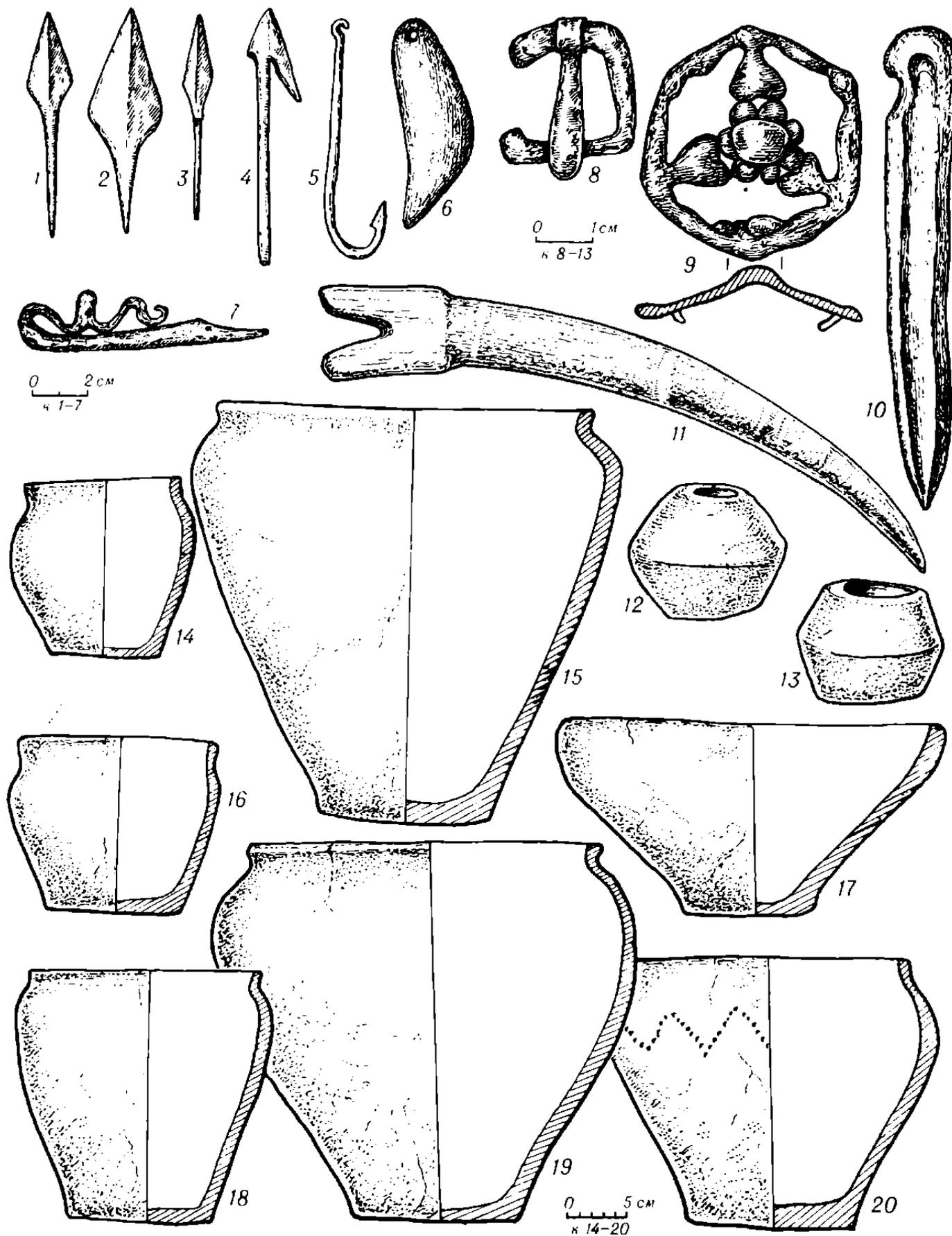

Таблица XL. Предметы и керамика из поселений боршевского типа

1-8, 12, 13 - Титчиha, городище и селище; 9-11, 1-5, 7, 8 - железо; 6, 10, 11 - кость; 9 - бронза; 14-20 - Боршево, городище; 12-20 - глина

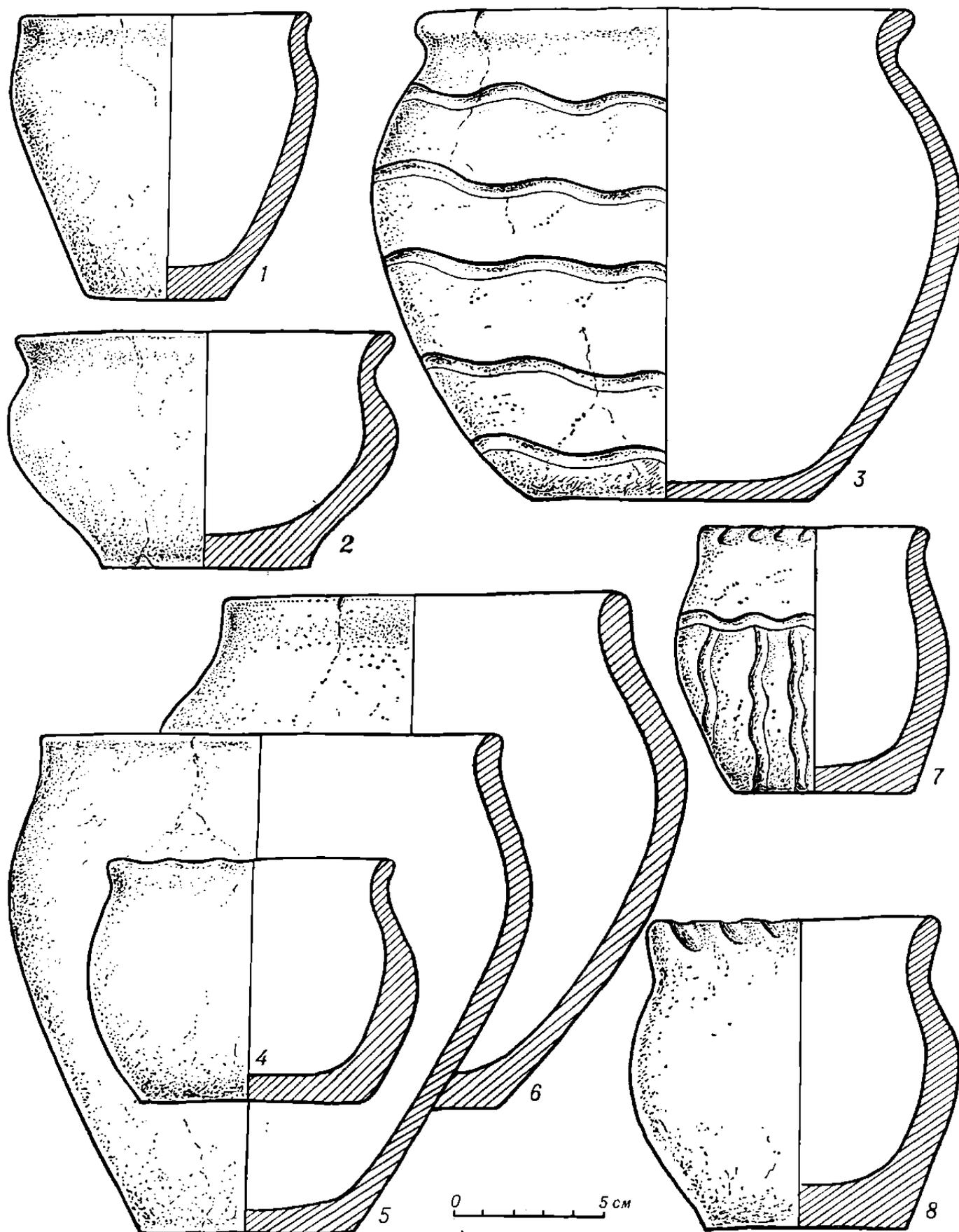

Таблица ХLI. Керамика из ранних курганов вятичей
1-4, 7, 8 - Западная; 5, 6 - Лебедка

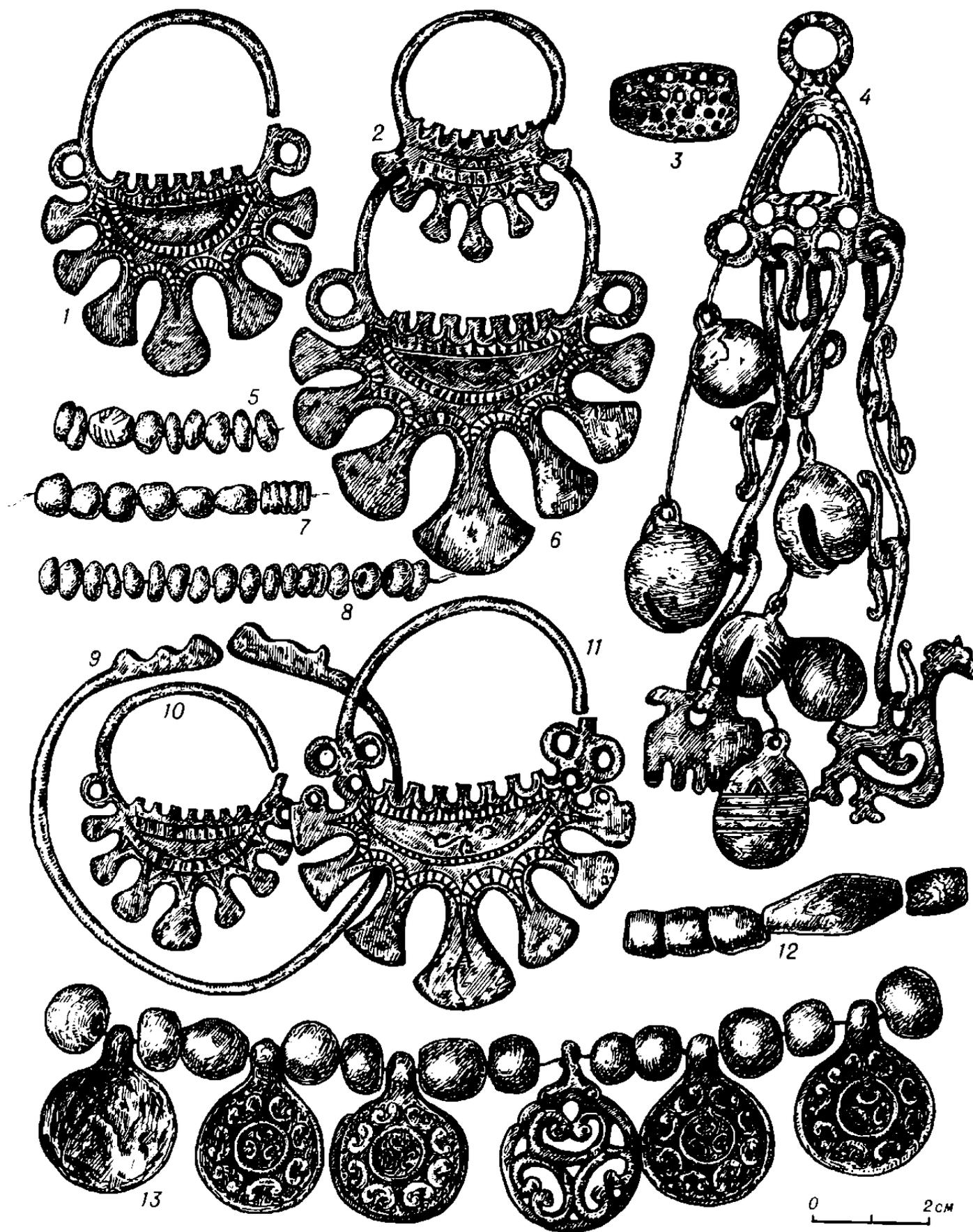

Таблица XLII. Предметы из вятских курганов

1-13 - Бочарово (1-8 - курган 24; 9-13 - курган 21)

1-4, 6, 9-11 - цветной металл; 5, 7, 8 - стекловидная паста; 12 - сердолик и стекло; 13 - бронза, горный хрусталь и стекло

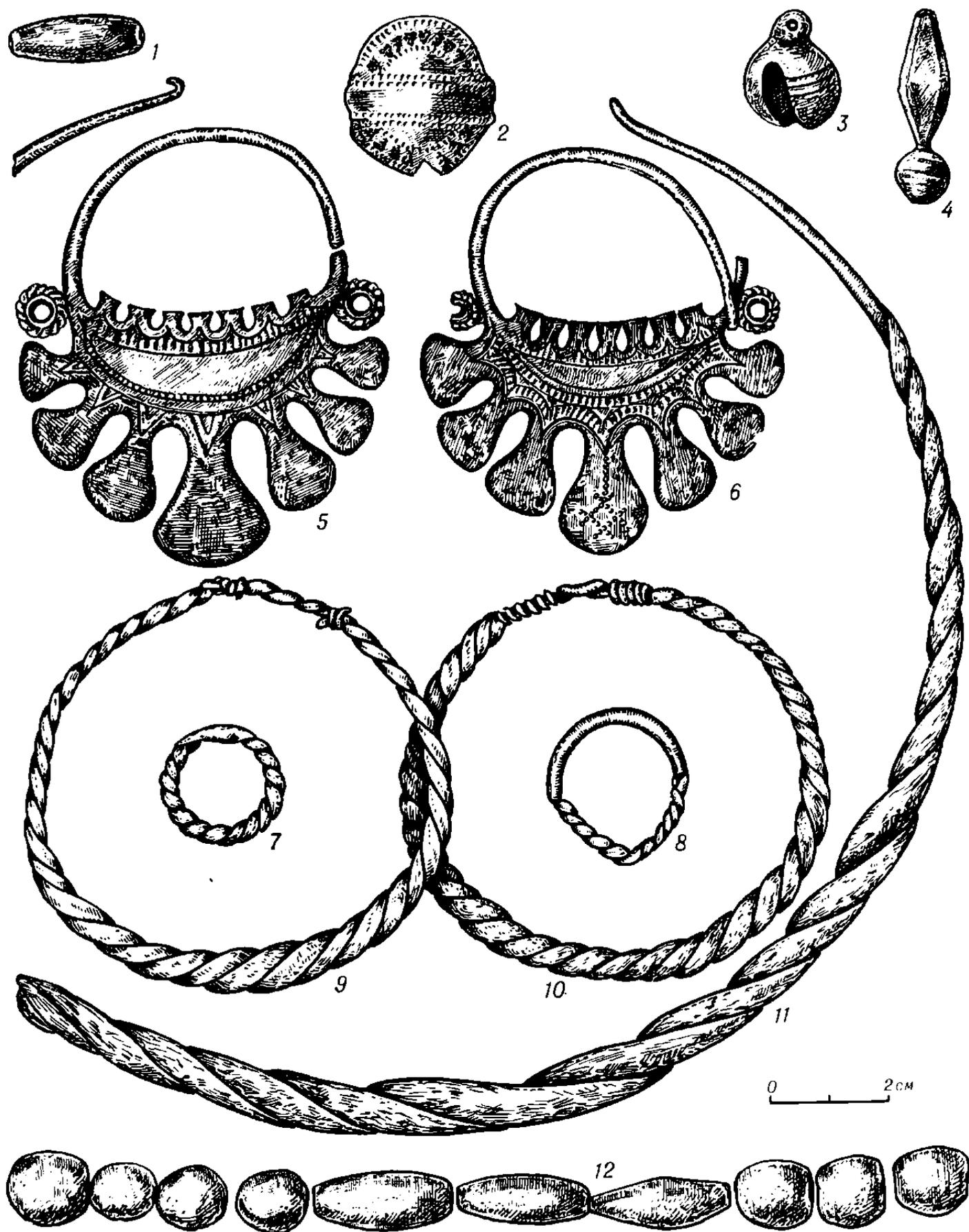

Таблица XLIII. Предметы из вятичского кургана 1 (погребение 4) в Покрове

1, 4 — сердолик; 2, 3, 5—11 — цветной металл;
12 — горный хрусталь, сердолик и стекло

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

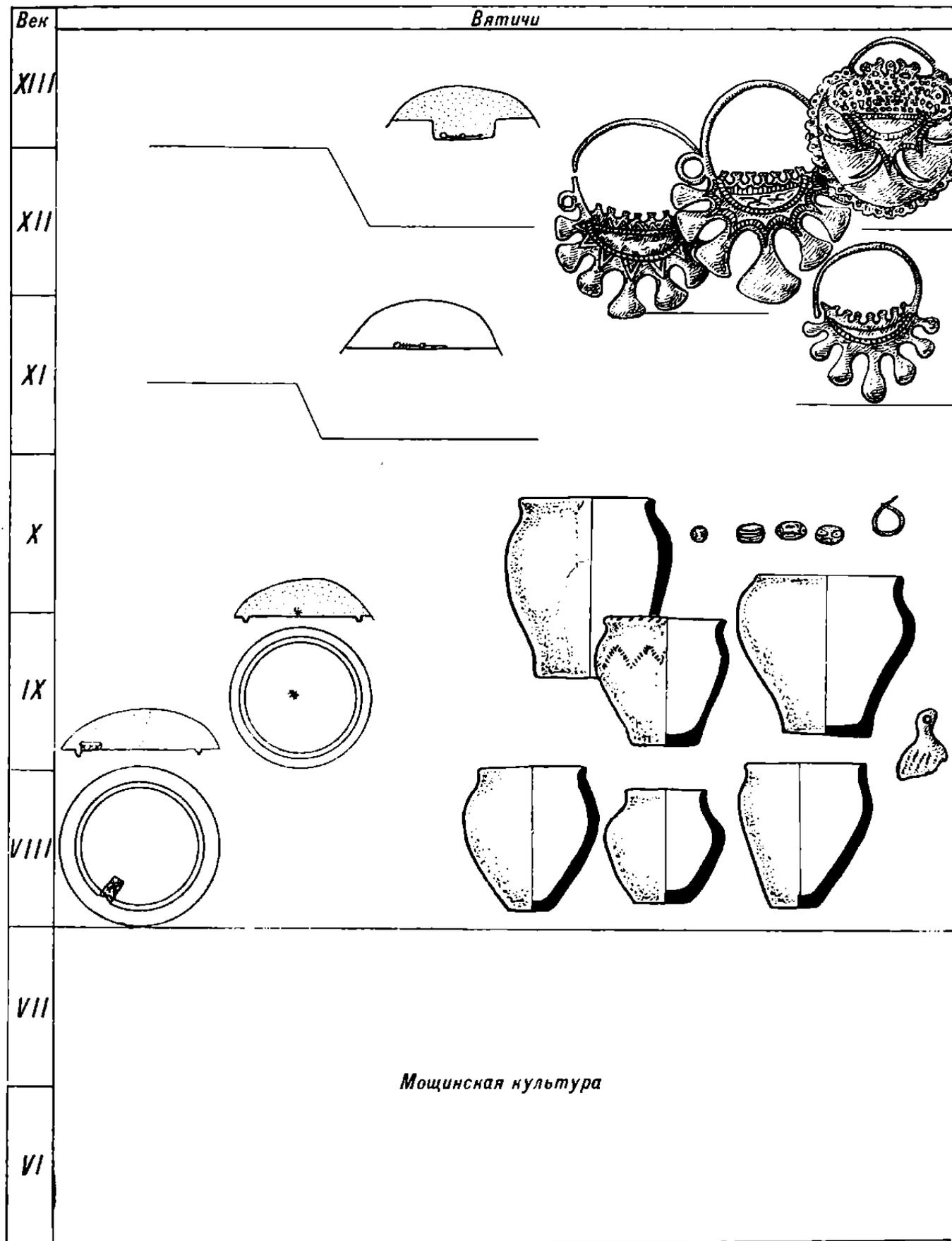

Таблица XLIV. Схема развития вятичских древностей

ГЛАВА 6. ПЛЕМЕНА ЮГО-ВОСТОКА

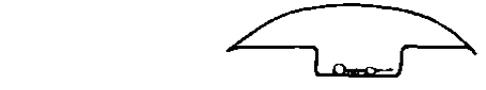
Век	Радимичи
XIII	
XII	
XI	
X	
IX	
VIII	
VII	<p><i>Культура Тушемли-Банцеровщины и Колочина</i></p>
VI	

Таблица XLV. Схема развития древностей радимчей

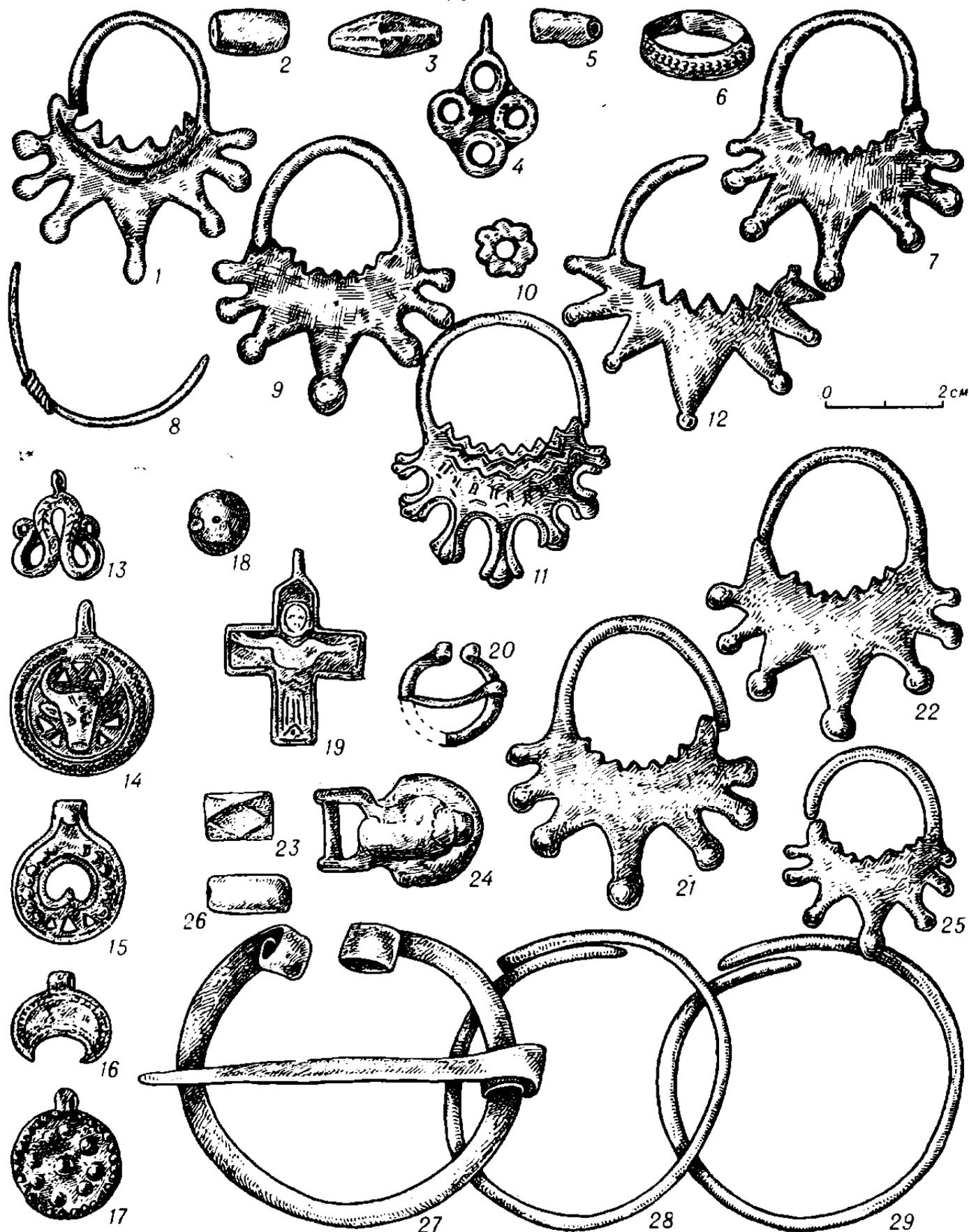

Таблица XLVI. Украшения из курганов радимичей

1-12, 18-29 — Шапчицы (1-12 — курган 4; 18-29 — курган 5); 13-17 — из курганов б. Новозыбковского и Суражского уездов Брянской губернии (раскопки П. М. Еременко)

1, 4, 6-17, 19-22, 24, 25, 27-29 — цветной металл; 2, 5, 18, 23, 26 — стекло или стекловидная паста; 3 — сердолик

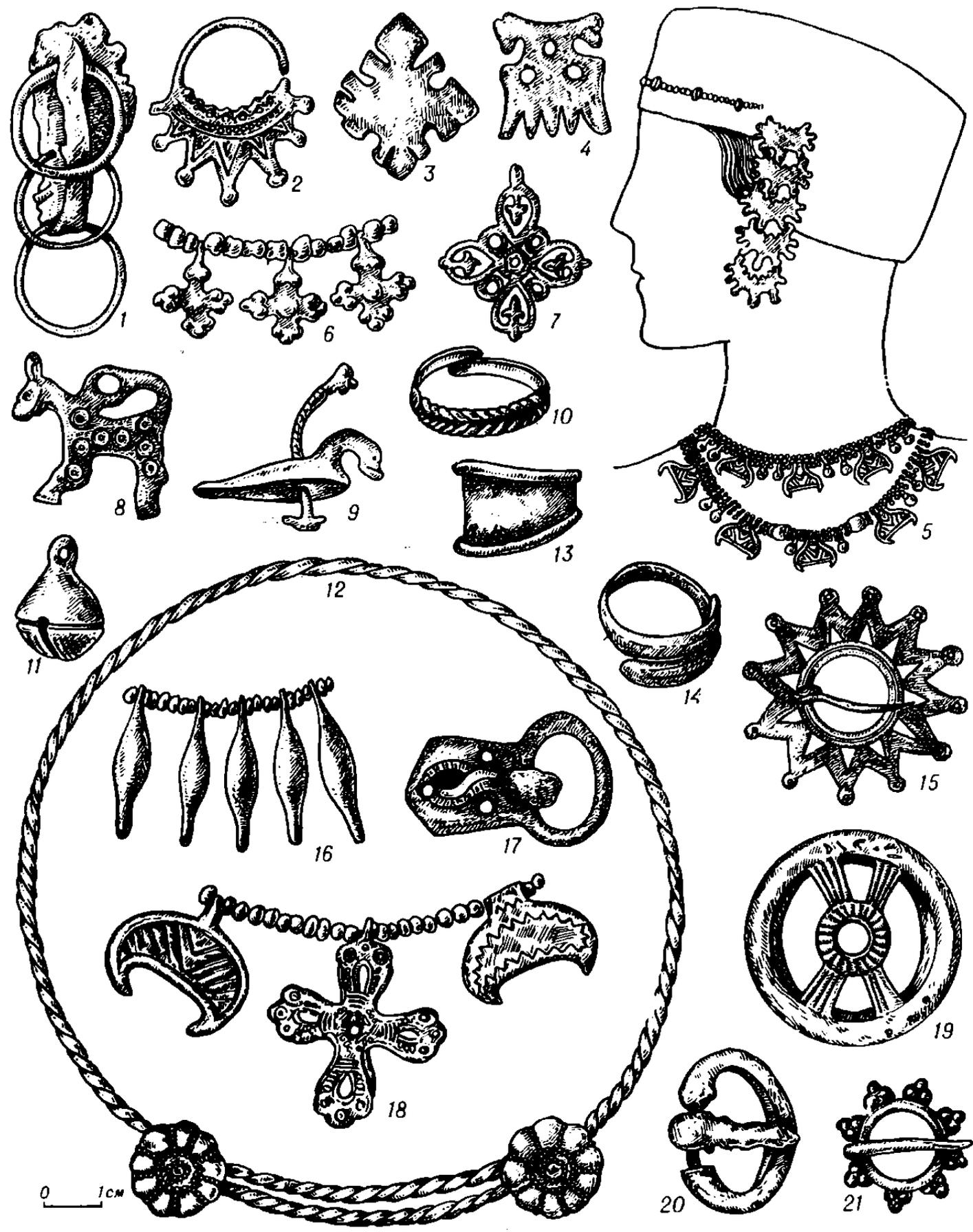

Таблица XLVII. Древности радимичей

1-4, 6-21 - из курганов б. Новозыбковского и Суражского уездов Брянской губернии (раскопки П. М. Еремепко); 5 - реконструкция головного убо-

ра по материалам кургана 1 близ с. Юдичи (по М. А. Сабуровой)
1-4, 7-15, 17, 19-21 - цветной металл; 6, 16, 18 - бронза и стекло

ЧАСТЬ II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

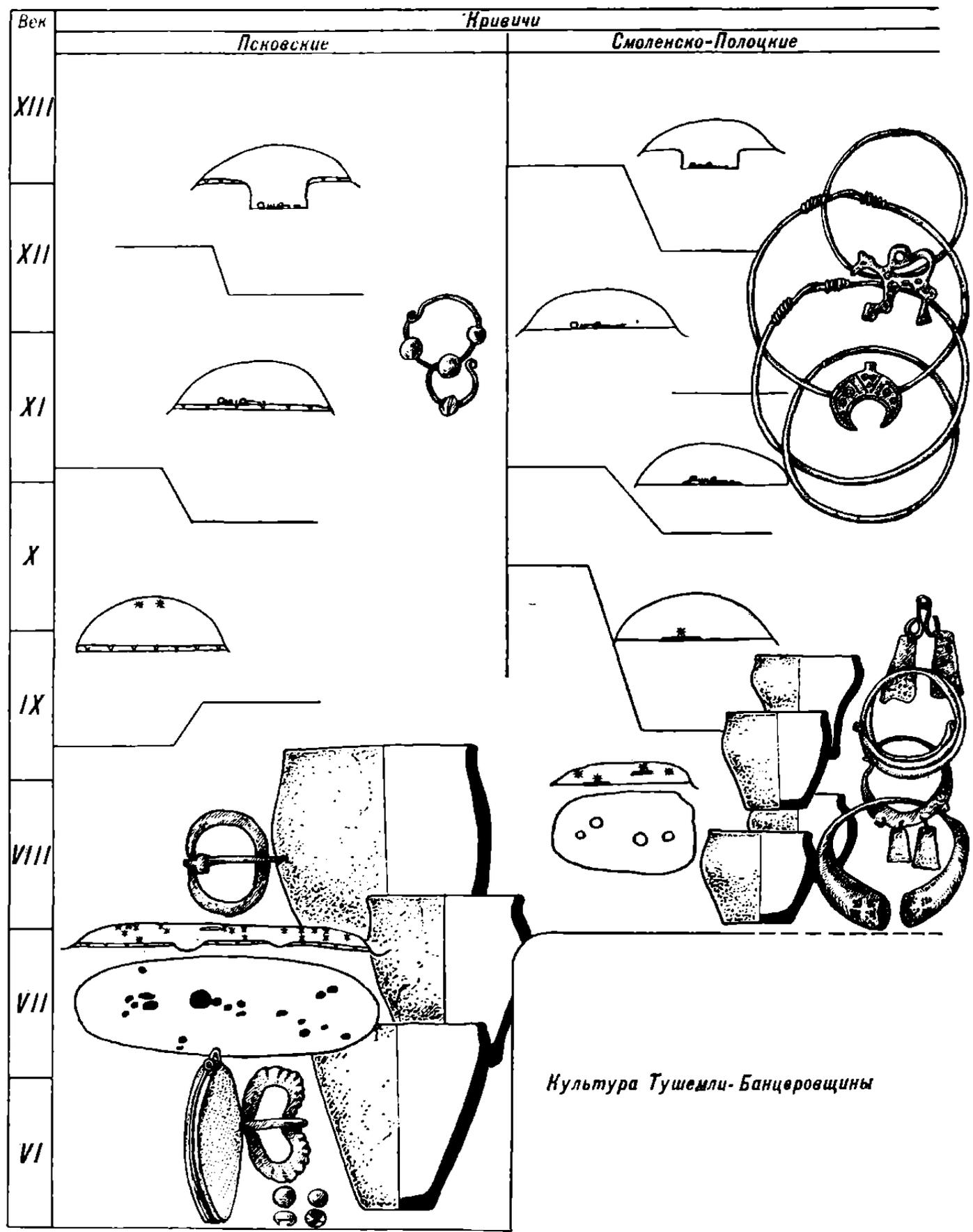

Таблица XLVIII. Схема развития древностей кривичей

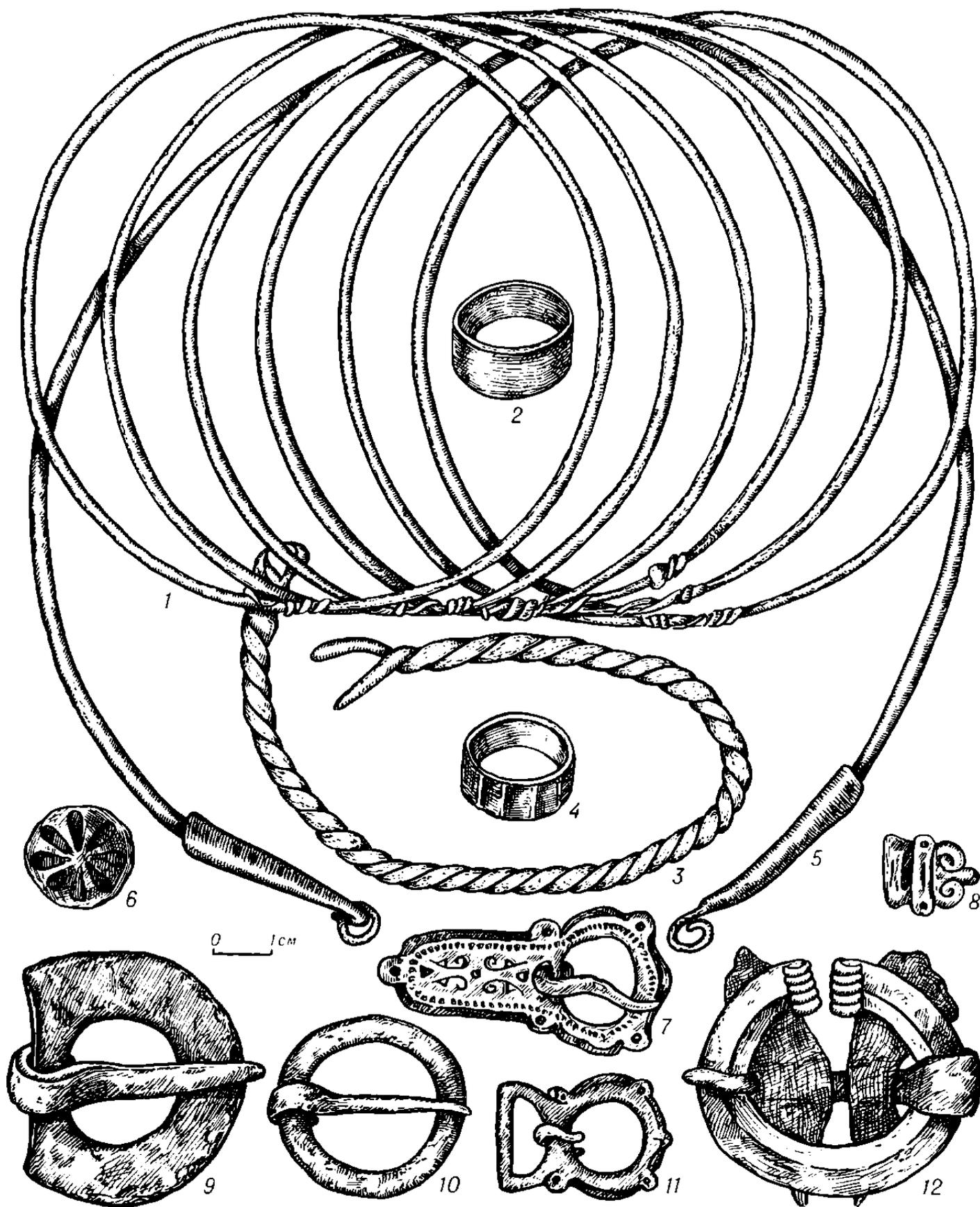

Таблица XLIX. Древности смоленско-полоцких кривичей

1-5 - Погост, курган 12; 6-12 - Харлапово (6, 11 - курган 71; 7 - курган 66; 8, 12 - курган 64; 9 - курган 3; 10 - курган 20)

1-12 - цветной металл

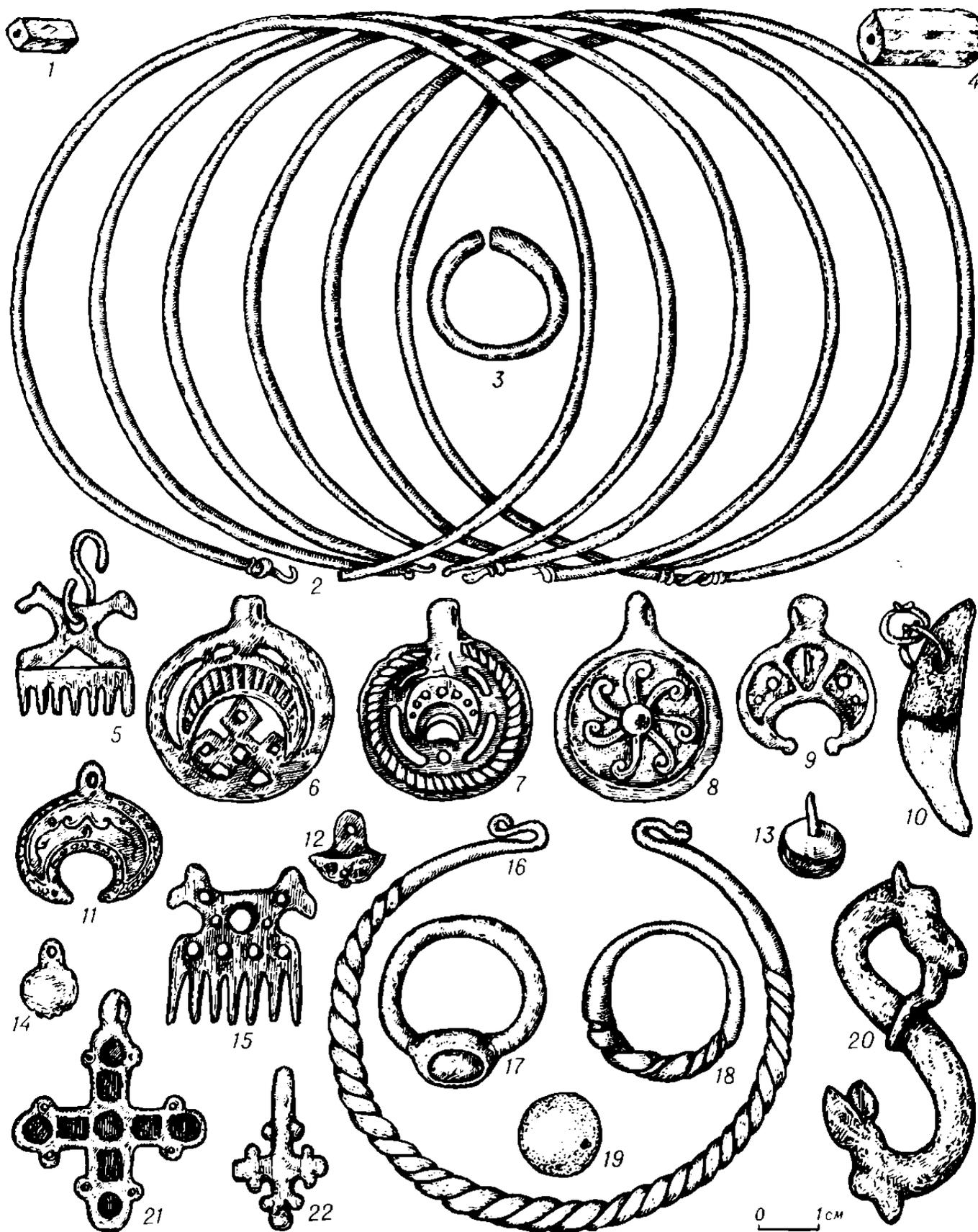

Таблица L. Древности смоленско-полоцких кривичей

1-4 - Багриново, курган 8 (погребение 2); 5-10, 12-22 - Харлапово (5, 14 - курган 30; 6, 8 - курган 57; 7, 9 - курган 1; 10 - курган 17; 12 - курган 40; 13 - курган 64; 15 - курган 70; 16 - курган 25; 17 - курган - 60; 18 - курган 31; 19 - курган 9; 20 -

курган 19; 21 - курган 6; 22 - курган 22); 11 - Трухоново, курган 4
1, 4 - сердолик; 2, 3, 5-9, 11-18, 20-22 - цветной металл; 10 - кость; 19 - стекло

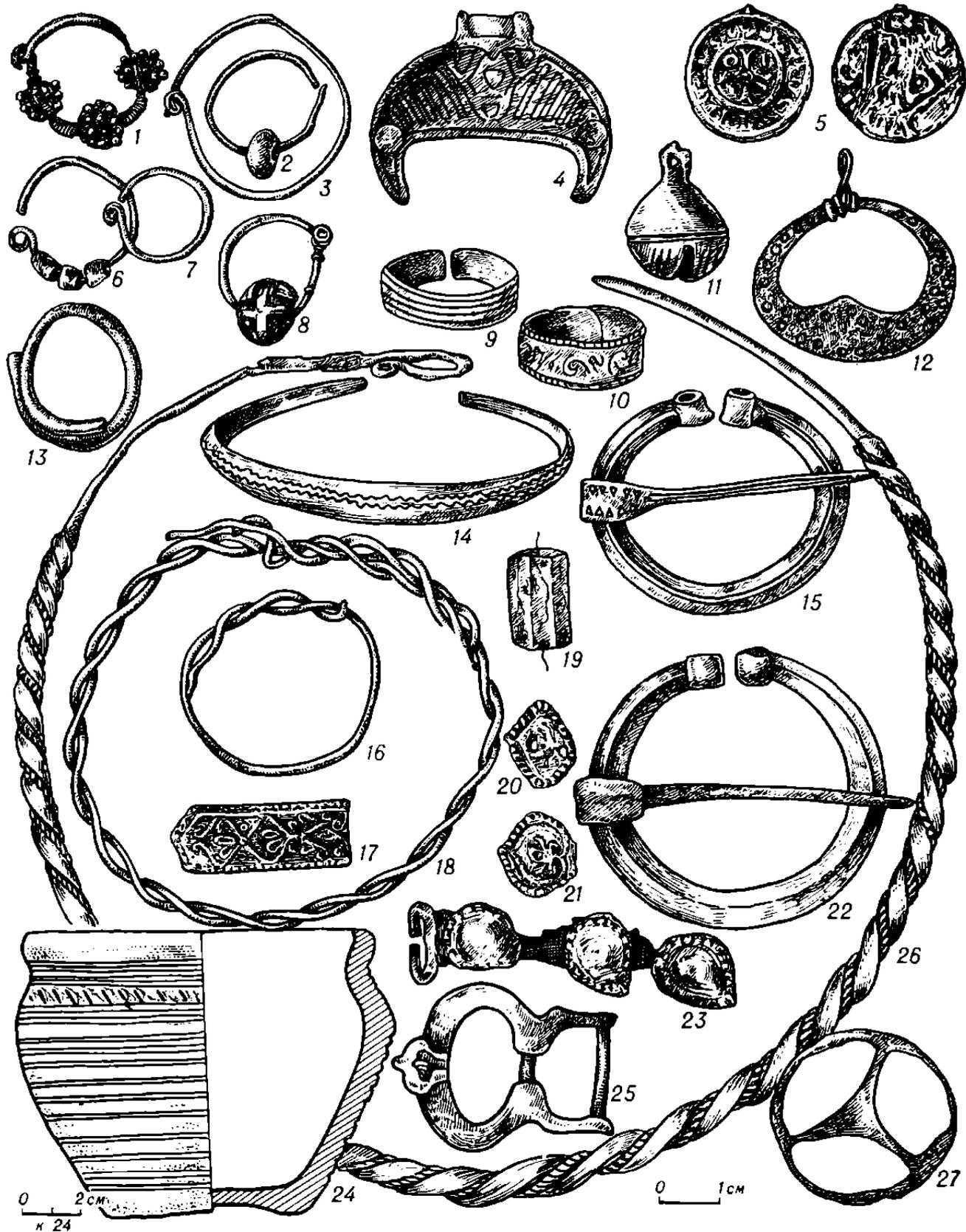

Таблица LI. Древности кривичей псковских

1, 5, 8, 17, 20, 21, 23, 24 — Малы (1, 8 — курган 3; 5, 17, 20, 21, 23 — курган 1; 24 — курган 10); 2, 13 — Кузнецово; 3, 11, 22, 25-27 — Грицково (3, 11 — курган 7; 22, 25 — курган 10; 26, 27 — курган 6); 4, 12 — Скадино, клад; 6, 7 — Жидилов Бор (6 — курган 12; 7 — курган 1); 9, 10, 14 — Кривовицы (9 — курган

14; 10 — курган 9; 14 — курган 13); 15, 16, 18 — Васьково, клад; 19 — Дохино, курган 1

1, 3-5, 7, 9-18, 20-22, 25-27 — цветной металл; 2, 6, 8 — бронза и стекло; 19 — камень; 23 — бронза и кожа; 24 — глина

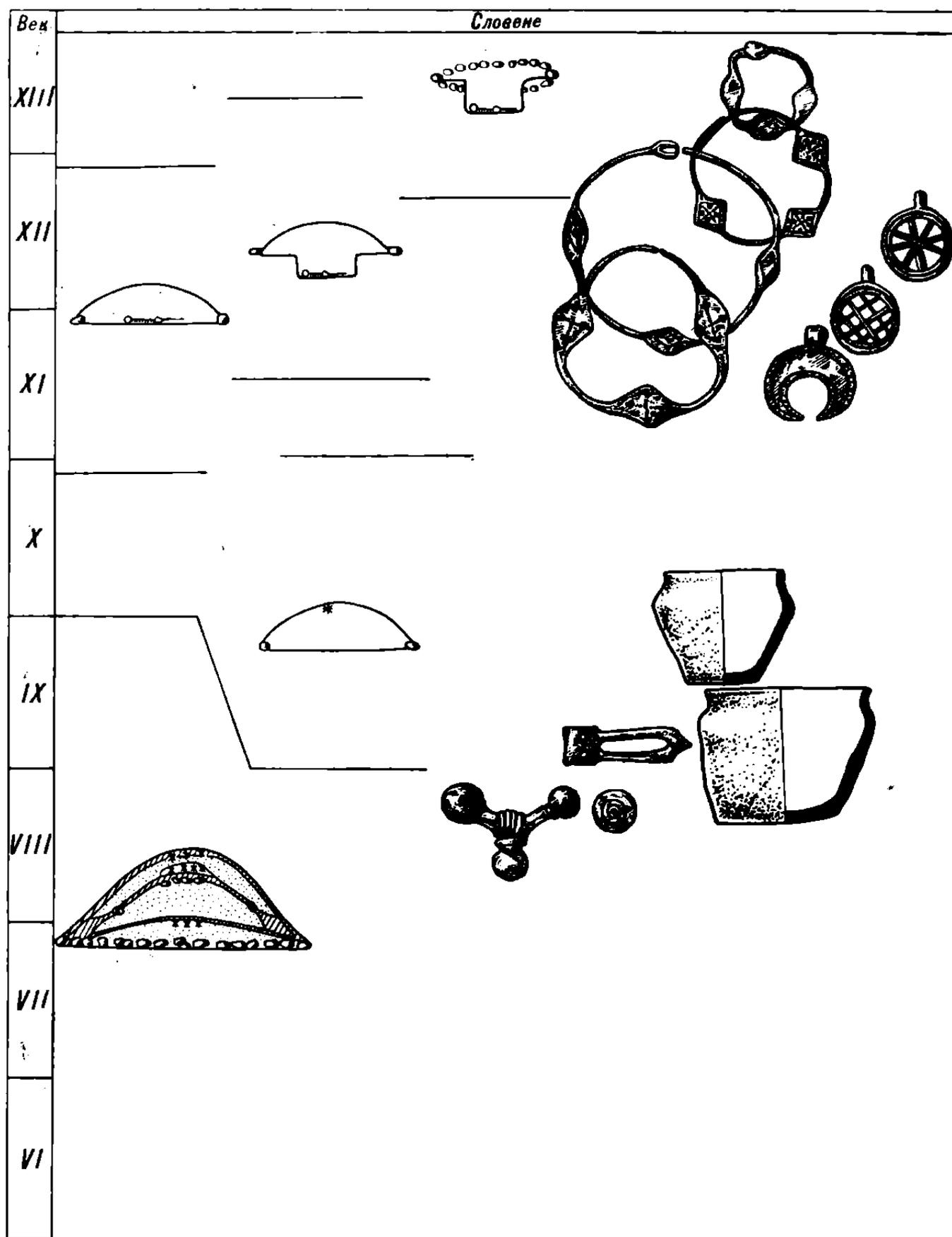

Таблица LII. Схема развития древностей словен новгородских

Таблица LIII. Украшения словен новгородских

1 — Беседа, курган 8; 2 — Смедово, курган 95; 3 — оз. Большое Ретейское; 4, 12, 21, 22, 27 — Вопша (4 — курган 25; 12 — курган 10; 21 — курган 6; 22, 27 — курган 23); 5 — Ущевицы, курган 16; 6 — Загородицы, курган 22; 7 — Сабск, курган 195; 8, 11 — Хрепле (8 — курган 8; 11 — курган 27); 9, 14, 20 — Яскелево (9 — курган 9; 14 — курган 13; 20 — курган 22); 10 — Калитино, курган 16; 13 — Грызово, курган

6; 15 — Смольково, курган 23; 16 — Старо-Сиверская, курган 17; 17 — Холоповицы, курган 13; 18 — Куклина Гора, курган 1; 19 — Скарятина Гора, курган 5; 23, 25 — Череповицы, курган 8; 24 — Горка, курган 2; 26 — Волковицы, курган 37; 28 — Осьмино 1-6, 8-12, 14-18, 20, 28 — цветной металл; 7, 13 — бронза, стекло; 19, 23-27 — стекло и стекловидная паста; 21, 22 — горный хрусталь

Таблица LIV. Браслеты и перстни из курганов словен новгородских

1 — Артюхино, курган 2; 2 — Беседа, курган 109; 3 — Лисино, курган 58; 4 — Ряболово, курган 23; 5 — Яскелево, курган 15; 6, 27 — Соста (6 — курган 12; 27 — курган 30); 7 — Хотыницы, курган 4; 8 — Грызово, курган 31; 9, 10, 24 — Большие Поля, курганы 6 и 15; 11 — Калихновщина, курган 62; 12 — ов. Большое Ретенское; 13, 25 — Вопша, курган 25; 14 — Клопицы, курган 5; 15 — Рабителицы, курган 1;

16 — Сяглицы, курган 10; 17, 23 — Войносолово, курганы 126 и 50; 18 — Выра, курган 2; 19, 21 — Ново-Сиверская, курганы 250 и 147; 20 — Волосово, курган 45; 22 — Городня, курган 14; 26 — Роготино, курган 5; 28 — Калитино, курган 83; 29 — Волгово, курган 13; 30 — Сумино, курган 77; 31 — Рутителицы, курган 81
1—31 — цветной металл

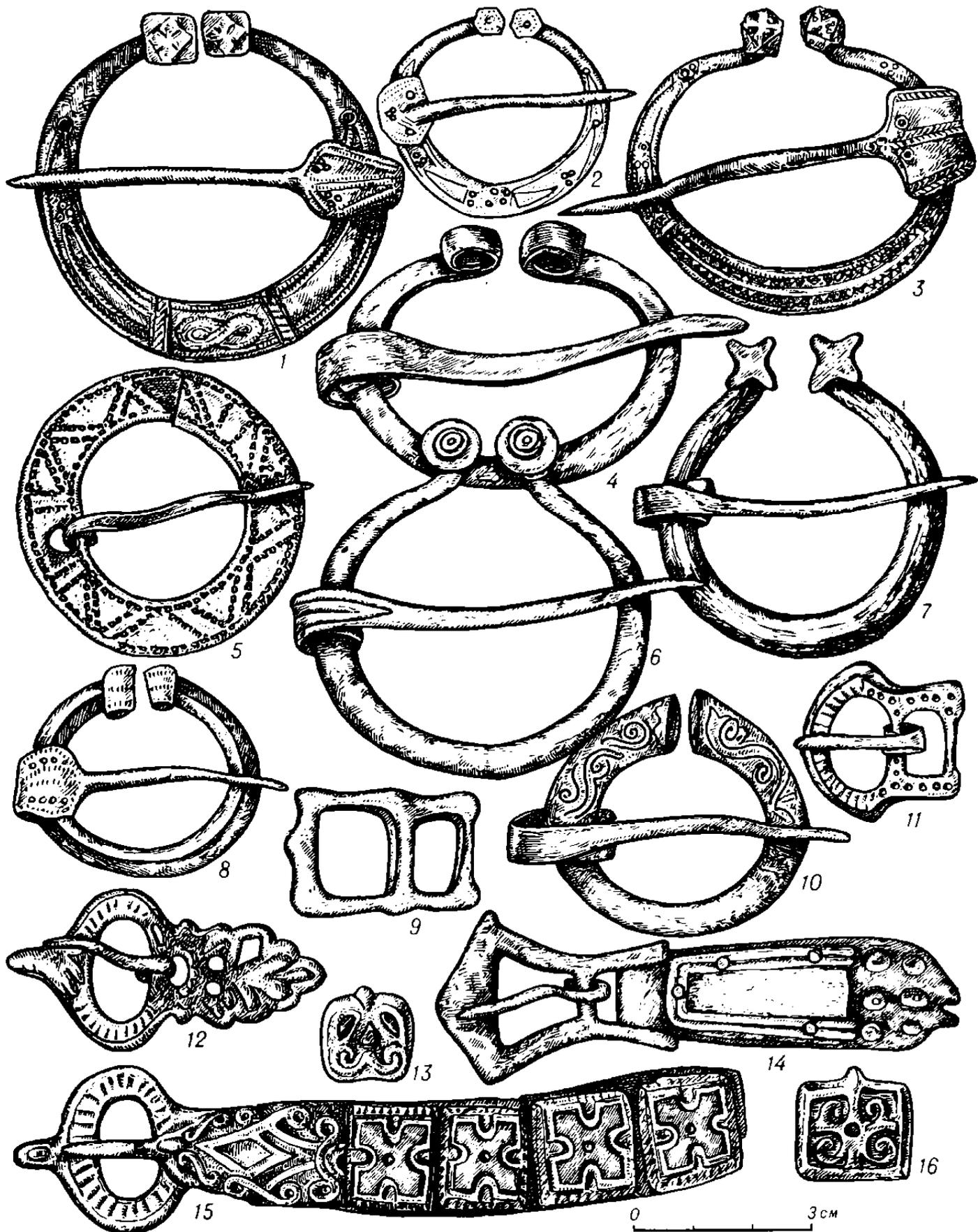

Таблица LV. Подковообразные застёжки и поясные принадлежности словен новгородских

1 — Ранковицы, курган 32; 2 — Старо-Сиверская, курган 17; 3 — Лисино, курган 2; 4 — Шашкино, курган 28; 5 — Смедово, курган 7; 6 — Ново-Сиверская, курган 4; 7 — Беседа, курган 104; 8 — Межво, курган

11; 9 — Большое Кикерино, курган 9; 10 — Калитино; 11 — Яскелево, курган 20; 12 — Тяглино, курган 19; 13 — Гонголово, курган 2; 14 — Унотницы, курган 24; 15 — Борницы, курган 24; 16 — Русковичи, курган 5

Таблица LVI. Новгородско-псковские каменные кресты

1, 6 — из неизвестных пунктов; 2, 9 — Малая Рух; 3 — Подмошье; 4, 5 — Воймерицы; 7 — Горусово; 8 — Гостиж Бор; 10 — Гостицы; 11 — Войносолово; 12 — Изборск; 13 — Килпола

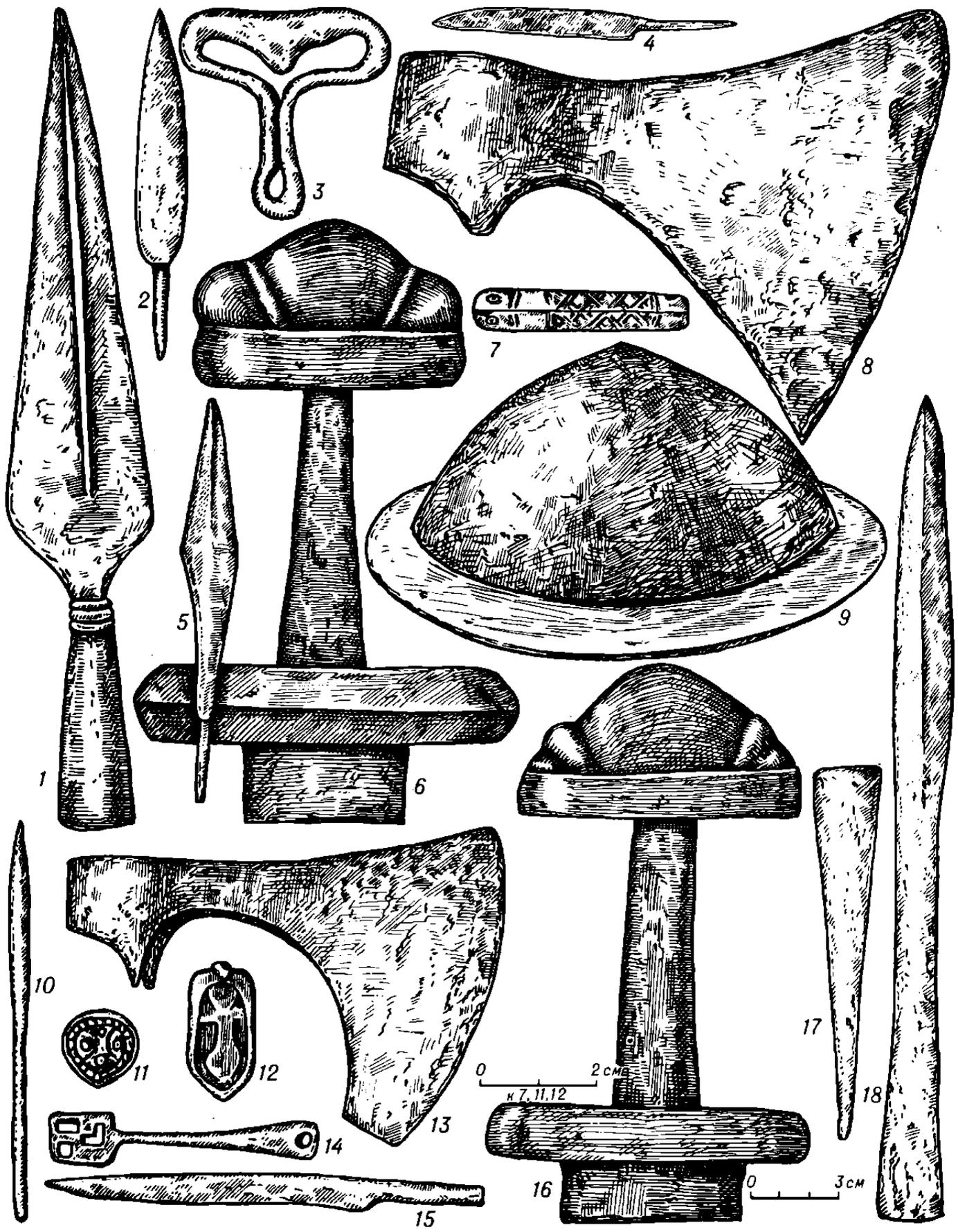

Таблица LVII. Древности юго-восточного Приладожья
 1-18 - Заозерье, курган 6 (1-9 - погребение VI;
 10-18 - погребение V)
 1-10, 13-18 - железо; 11, 12 - бронза

Таблица LVIII. Древности юго-восточного Приладожья

1-12 - Заозерье, курган 6 (1-5 - погребение VIII;
6-12 - погребения III-IV)

1-8 - железо; 2, 3 - цветной металл и стекло;
4-7, 9-12 - цветной металл

Таблица LIX. Украшения из курганов Волго-Клязьменского междуречья

1 — Белогостицкий клад 1836 г.; 2, 3, 10, 15, 17 — Вельсково; 4-7 — Крячково, курган 4; 8, 12, 13, 24, 25 — из курганов, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым; 9 — Волхово; 11 — Пьянково, курган 3; 14, 16 — Большая Брембола; 18, 20, 21, 28 —

Городище; 19 — Васильки; 22, 23 — Кабанское; 26 — Гнездилово; 27, 29-31 — костромские курганы (раскопки Ф. Д. Пешедова и Костромской архивной комиссии)
1-4, 6-31 — цветной металл; 5 — бронза и стекло

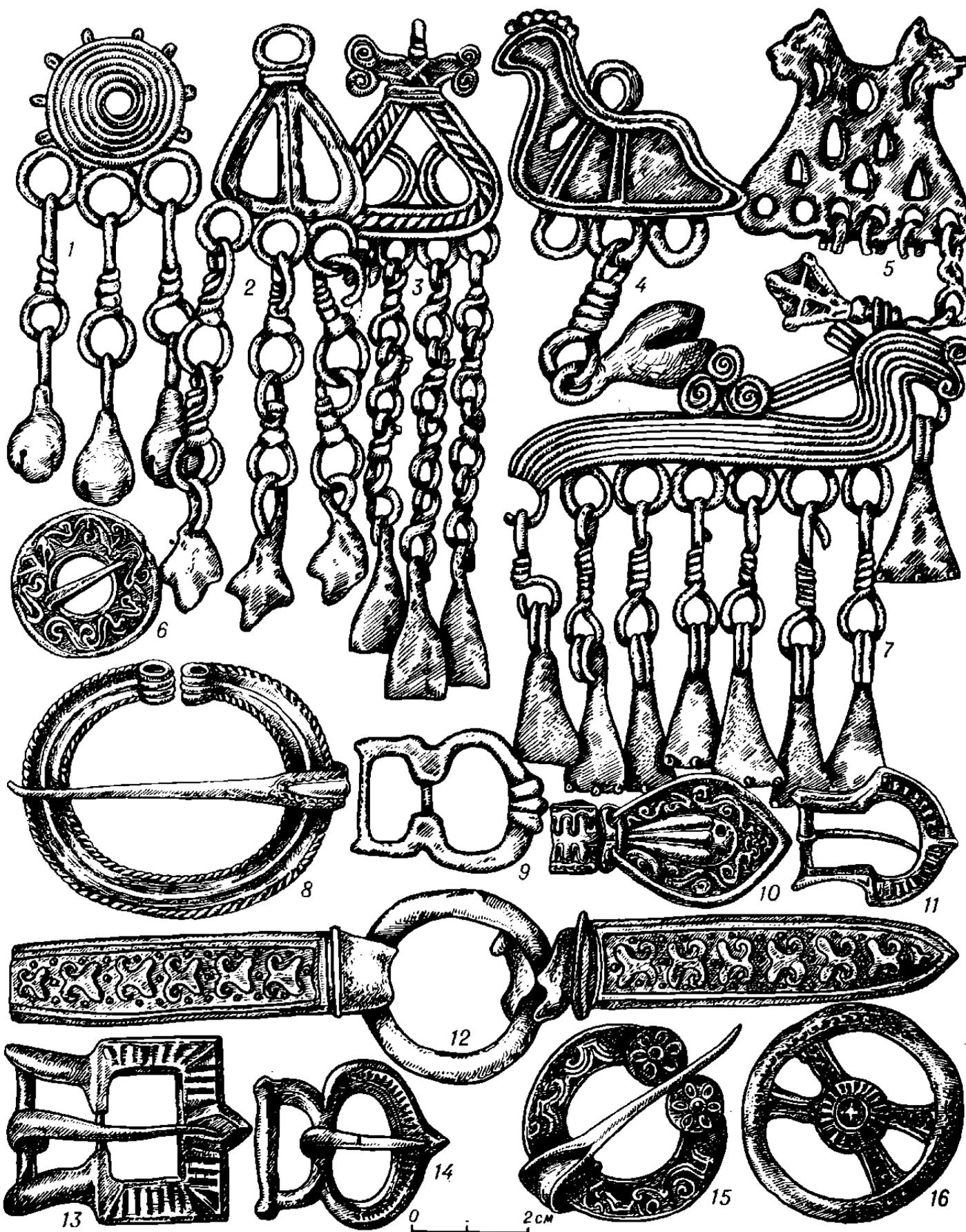

Таблица LX. Курганные древности Волго-Клязьменского междуречья

1, 6–8, 12, 14 – из курганов, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым; 2, 9 – Крячково (2 – курган 3; 9 – курган 1); 3, 4 – костромские курганы (раскопки Ф. Д. Нефедова и Костромской архивной

комиссии); 5 – Пьянково, курган 12; 10 – Веськово; 11, 13, 15 – Городище; 16 – Осипова Пустынь
1–16 – цветной металл

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Общие вопросы восточнославянской археологии

Глава восьмая
Хозяйство и общественный строй славян
в VI—IX вв.

Глава девятая
Дружинные курганы

Глава десятая
Одежда славян Восточной Европы
VI—IX вв.

Глава одиннадцатая
Язычество

Глава двенадцатая
Восточнославянские племена
и древнерусская народность

Глава восьмая

Хозяйство и общественный строй славян в VI—IX вв.

В настоящем издании один из томов специально посвящен древней Руси. Поэтому здесь хозяйственная деятельность и общественный строй рассматриваются только для периода до IX в., когда у восточных славян складываются раннефеодальные отношения и формируется древнерусское государство.

Археологические материалы служат важнейшим источником освещения социально-экономической жизни восточнославянского общества в период, предшествующий сложению государственности. Фрагментарные свидетельства письменных источников подтверждают выводы и наблюдения, полученные на основе данных археологии.

Основным занятием славян второй половины I тысячелетия н. э. было сельское хозяйство, причем ведущей отраслью его являлось земледелие. Как показывают данные языковедения, археологии и этнографии, начало земледелия у славян восходит к глубокой древности. К рассматриваемому здесь времени славяне, занимавшие плодородные лесостепные области Восточной Европы, достигли значительных успехов в развитии земледелия. Южные территории восточнославянского мира несколько обгоняли северные в сельскохозяйственной деятельности. Этому способствовали не только природные условия, но и древние традиции, восходящие к плужному, пашенному возделыванию земли того периода, когда среднеднепровские области находились в орбите провинциально-римской культуры.

Одним из важных показателей хозяйства и экономики славянского общества рассматриваемого здесь периода служит характер поселений. При выборе мест для них, несомненно, принимались во внимание прежде всего хозяйственные выгоды. Славянские поселения второй половины I тысячелетия н. э. отражают оседлый образ жизни, они устраивались по берегам рек и озер в таких местах, где имелись участки, пригодные для земледелия. Это касается не только южных районов восточнославянского расселения, но и северных: население, оставившее сопки и длинные курганы, занимало главным образом такие местности, которые, как показывают почвенные карты, были наиболее пригодны для сельскохозяйственной деятельности (Седов В. В., 1970а, с. 9, 10).

При раскопках славянских поселений времени, предшествующего сложению древнерусского государства, получены данные, которые прямо свидетельствуют о развитии земледелия. На многих поселениях найдены земледельческие орудия — железные наральники, сошники, чересла, мотыги, серпы, косы, а также продукты земледельческого труда.

В VI—X вв. в южной части восточнославянской территории применялись весьма близкие по форме и размерам широколопастные наральники с плечиками (табл. LXI). Они симметричны, с широкой, в виде

равнобедренного треугольника, рабочей частью, часто утолщенной с помощью наварных пластин, и суженной трубицей. Делались наральники из одного куска железа. Для них характерны следующие размеры: длина 16—21,5 см, ширина лопасти 8—12 см, ширина втулки 6—8 см. Расширенная лопасть и узкая, почти разомкнутая втулка позволяют предполагать, что эти наконечники принадлежали орудию типа рала с ползком, используемого на сравнительно легких, вероятно старопашотных почвах (Чернецов А. В., 1976, с. 34). Такие наральники найдены при раскопках поселений в Пеньковке, Стецовке, Сахновке, Пастырском, Григоровке, Зимно, Ринневе, Хотомеле, Княжей Горе (Канев), Новотроицком, Волинцеве и др. Наконечники с плечиками известны в Восточной Европе с черняховского периода. Но тогда они еще не получили широкого распространения. Классификация восточноевропейских наконечников пашотных орудий сделана Ю. А. Красновым (Краснов Ю. А., 1978, с. 98—113).

Единичными находками представлены в южных землях восточнославянского расселения и наконечники без плечиков.

Другой металлической частью землеобрабатывающих орудий были чересла — плужные ножи. На селище у д. Хотомель найдено черешковое чересло, выкованное целиком из железа (Кухаренко Ю. В., 1961, табл. 9, 17). Известны и втульчатые чересла (Ляпушкин И. И., 1958а, табл. LXXXVII, 3).

Во второй половине I тысячелетия н. э. первые железные наконечники пашотных орудий появляются и в лесной зоне Восточной Европы. В основном это наральники без плечиков.

Наиболее ранним из них является сошник, найденный на берегу р. Ладожка в Старой Ладоге (Орлов С. Н., 1956, с. 142—144). Он прямоугольный в плане, с округлым рабочим краем. Втульчатая трубка образована двумя боковыми закраинами. Длина сошника 13,6 см, наибольшая ширина — 9,5 см.

Датировать эту находку затруднительно. Можно полагать, что она относится ко времени основания Староладожского поселения. Ближайшие по формам и размерам сошники известны в Средней Европе, где они встречены в германских и славянских землях на памятниках позднеримской и раннесредневековой поры. Вероятно, отсюда сошники рассматриваемого типа проникли на рубеже VI и VII вв. в северные области восточнославянского расселения и бытовали здесь вплоть до XI в. (Миролюбов М. А., 1972, с. 118, 119).

В горизонте Е, культурного слоя Старой Ладogi (VIII в.) найден сошник, имеющий рабочую часть в форме равнобедренного треугольника. В верхней части загнутые края образовывали втулку-трубицу, при помощи которой сошник крепился с деревянной

частью сохи — рассохой. Длина его 15,5 см, ширина спинки 7 см (табл. XX, 1).

Очевидно, этот сошник занимает промежуточное положение между упомянутым более ранним орудием, найденным на берегу Ладожки, и более поздними древнерусскими (Миролюбов М. А., 1972, с. 121).

Сошник того же типа, но более длинный, найден в слое Д Старой Ладogi (X в.). Подобные земледельческие орудия были в употреблении на широкой территории северной части Восточной Европы. Они встречены и в древнерусских курганах (Уваров А. С., 1871, с. 115), и среди древностей прибалтийских и поволжско-камских племен.

Аналогичные сошники предназначались для пахотных орудий, используемых для обработки вновь осваиваемых участков, освобожденных из-под леса подсеčno-огневой системой, или залежных земель. Такой сохой предварительно взрыхляли верхний слой земли, а потом для полной обработки поля проходили сохой по несколько раз.

Тягловой силой для работы напашными орудиями как южного типа, так и сохой была у славян лошадь. О широком использовании лошади для обработки пашни в эпоху древней Руси говорят письменные источники и изображения на миниатюрах. На основании косвенных данных (на поселениях костные остатки лошадей в числе пищевых отходов встречаются в очень небольшом количестве, свидетельствуя о том, что мясо лошади использовалось для питания в сравнительно редких случаях) можно утверждать, что при обработке пахотных участков и во второй половине I тысячелетия н. э. применялась лошадь.

В хозяйстве славянских племен лесной зоны Восточной Европы в этот период заметное место принадлежало подсечному земледелию. При этом участок, очищенный от леса, очень скоро истощался и переставал давать урожай через три-четыре года. Это заставляло славян оставлять старые участки и вырубать новые. Такая система земледелия требовала огромного количества земли и заставляла селиться сравнительно небольшими поселками (Третьяков П. Н., 1932).

Однако раскопки последних десятилетий показывают, что роль подсечного земледелия у славян лесной полосы Восточной Европы преувеличена. Исследования нижних слоев Новгорода, Изборска и других поселений свидетельствуют о возделывании славянами в лесной зоне как злаковых и зернобобовых культур, так и волокнистых растений, что возможно лишь при наличии полевого пашенного земледелия.

Очевидно, подсека применялась в основном при расширении пахотных полей, для освоения новых участков земли под пашню. Господствовала же переложная система земледелия.

В лесостепной зоне имелись крупные, свободные от лесных массивов участки, поэтому здесь наряду с перелогом, очевидно, возникла система севооборота — двухполье или трехполье. Скорее всего и в лесной полосе в последних веках I тысячелетия н. э. на старопашотных землях выработалась такая же система севооборота.

Вспомогательными орудиями при обработке пахотных земель были небольшие роговые мотыжки. Они применялись также для очистки пашенных орудий от налипшей земли. Изготавливались мотыжки из

широких частей рогов благородных оленей и состояли из слегка заостренного плоского лезвия и небольшой втулки. Они найдены на славянских поселениях Среднего Поднепровья, в Побужье и Днестровско-Дунайском междуречье. В X в. распространяются железные мотыги, служившие для обработки как пахотных полей, так и участков, предназначенных для огородных культур.

Основным орудием для расчистки лесных участков под пашню был топор. Некоторые из топоров специально предназначались для рубки леса. Они железные, массивные, с удлиненным узким клиновидным лезвием и закругленным обухом. Находки таких топоров на памятниках восточнославянских племен немногочисленны, но повсеместны.

Урожай с полей снимали при помощи серпов так же, как это делали еще в недавнее время (табл. LXII). В середине и второй половине I тысячелетия н. э. складывается форма серпа, близкая к современной, — клинок близок по форме параболе или части эллиптической кривой, черенок отогнут наружу, он вбивался в короткую деревянную рукоятку. Нос серпа слегка загибается внутрь — конструктивная особенность, с помощью которой растения формируются в пучки, а лишние отбрасываются в сторону. Современные серпы Восточной Европы восходят главным образом к описанным раннесредневековым орудиям (Минаян Р. С., 1978а, с. 82—84), которые ведут свое происхождение от аналогичных римских и провинциально-римских. В середине I тысячелетия н. э. такие серпы получают широкое распространение у славянского населения, представленного пражско-корчакскими и пражско-пеньковскими древностями. В VIII—IX вв. серпы этого типа встречаются и в лесной зоне Восточной Европы. В более раннее время здесь бытовали слабоизогнутые серпы с клиновидным клинком, непосредственно переходящим в черенок, и серповидные ножи, восходящие к раннему железному веку.

На славянских памятниках второй половины I тысячелетия н. э. изредка встречаются косы-горбуши (табл. LXII). Для уборки урожая они, по-видимому, использовались в исключительных случаях, в основном ими косили траву на сено.

Собранный с полей урожай в южных землях хранился в зерновых ямах — специальных погребах, округлых в плане, колоколовидной или грушевидной формы, вырытых в материковом грунте. Ямы такой формы, закрывавшиеся деревянной крышкой, лучше сохраняли зерно. Стенки их или обжигались, или выстилались берестой, или укреплялись плетеной лозой. Кроме того, были распространены крупные глиняные сосуды-зерновники. В северной полосе обмолоченное зерно, очевидно, хранилось в специальных наземных постройках.

Переработка зерна на муку осуществлялась при помощи ручных жерновов. Они делались из различных пород — известняка, песчаника, кварцита и т. п., были в плане круглой формы диаметром от 30 до 60 см. Различаются верхние и нижние диски: верхние, более массивные, имели вогнутую рабочую поверхность, нижние — выпуклую. Вращение жернова производилось с помощью рычага, укрепленного в отверстии с верхней стороны жернова. Жернова или их фрагменты при раскопках встречены на очень многих посе-

лениях пражско-корчакской и пражско-пеньковской культур (Бакота, Брапешты I, Вильховец, Городок, Зеленый Гай, Каветчина, Лопатна, Луг I, Малиновцы, остров Мытковский, Пезвиско, Одая, Рашков, Раскайцы, Сахновка, Семешки, Ханска и др.). Исследователь восточноевропейских жерновов I тысячелетия н. э. Р. С. Минасян утверждает, что в землях к северу от Припяти и Десны в VI—VII вв. еще широко бытовали зернотерки (Минасян Р. С., 1978в, с. 101—112). Только приблизительно с VIII в. жернова распространяются в Верхнем Поднепровье (древнейшие находки — в Тушемле и Городке на Смоленщине и в Дедиловичах в бассейне Березины) и далее на север (Изборское городище и Камно на Псковщине, Сельцо в Новгородской обл.).

Для выпечки хлеба широко применялись глиняные сковородки, встреченные на многих славянских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. не только в южных, но и в северных районах восточнославянской территории. Обычно они имели круглую форму (диаметр 15—20 см) и были снабжены невысокими бортиками, изредка украшенными пальцевыми вдавлениями по краю. На таких сковородах пекли хлебцы или лепешки, а также готовили различные блюда из несозревших зерен ячменя и пшеницы или пищу из проса (*Skružný L.*, 1964, s. 370—391). Пекли хлеб или другую пищу в печах. При раскопках селища Одая в бассейне Днестра в печи-каменке одного из полуземляночных жилищ найдена глиняная сковорода, установленная на поде.

Древние авторы оставили скудные сведения о земледельческих культурах, возделывавшихся славянами накануне образования древнерусского государства. Византийский автор VI в. Маврикий сообщает, что основными культурами у аятов и с(к)лавинов были пшеница и просо (*Мишулин А. В.*, 1941, с. 253). Персидский историк X в. Гардизи отмечал, что большая часть посевов славян состояла из проса (*Новосельцев А. П.*, 1965, с. 390).

О составе культурных растений, возделывавшихся восточными славянами в V—IX вв., полнее можно судить по находкам зерна на поселениях. Находки зерен злаков и отпечатков зерна на глиняной посуде или обмазке при археологических исследованиях памятников Днестровско-Прутского междуречья позволяют утверждать, что славяне возделывали почти все культуры — просо, мягкую пшеницу, овес, ячмень и др. (*Янушевич З. В.*, 1976). При раскопках Ново-троицкого городища выявлены обгорелые зерна пшеницы двух сортов — твердой и мягкой, озимой ржи, ячменя и, вероятно, проса (*Ляпушкин И. И.*, 1958а, с. 211, 212).

Анализ зернового материала, происходящего из различных поселений второй половины I тысячелетия н. э. лесной зоны Восточной Европы, свидетельствует о довольно широком ассортименте земледельческих культур (*Кирьянова Н. А.*, 1979, с. 72—84). Так, на городищах Банцеровщина, Близнаки, Демидовка и Загорцы, относящихся к тушемлейско-банцеровской культуре, найдены зерна мягкой пшеницы, ячменя, проса, овса, бобов, гороха и вики. На городище Камно под Псковом в слоях VIII—X вв. обнаружены зерна мягкой пшеницы, полбы, ячменя, бобов, гороха, овса и конопля. Первые находки озимой ржи датируются IX в. (городище Свила I на Витебщине).

Исследованиями зерновых остатков, полученных при раскопках нижнего слоя Старой Ладоги, показано, что основную массу их составляют зерна пшеницы двузернянки — полбы, меньшая часть принадлежит зернам мягкой пшеницы, овса, ячменя, ржи и проса (*Кирьянов А. В.*, 1959, с. 312—314). В слоях X в. Новгорода среди зерновых находок преобладают зерна проса, меньше зерен ржи, ячменя и пшеницы (*Кирьянов А. В.*, 1959, с. 321—324).

Наряду с земледелием большое место в хозяйственной деятельности восточных славян занимало животноводство. Костные остатки выявлены при раскопках многих поселений и дают исчерпывающее представление о составе стада. Первое место всюду должно быть отведено крупному рогатому скоту. Кости крупного рогатого скота составляют до 50% (а на некоторых поселениях — и более) остеологического материала, связанного с домашними животными. Очевидно, стада крупного рогатого скота были важнейшим богатством славянской общины. Мясо его употреблялось в пищу, кроме того, крупный рогатый скот использовался для получения молока и молочных продуктов, а в южных землях восточнославянской территории, может быть, и как тягловая сила в пашенном земледелии. О значении крупного рогатого скота в жизни восточных славян ярко говорят письменные источники. Прокопий сообщает, что славяне «считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие обряды» (*Прокопий из Кесарии*, с. 297). О почитании быка славянами пишет и Гардизи (*Новосельцев А. П.*, 1965, с. 390). Бык является обязательным элементом всякой скотоводческой братчины — культового общинного пира.

Второе место в остеологической коллекции из восточнославянских поселений второй половины I тысячелетия н. э. принадлежит костям свиньи, третье — мелкого рогатого скота, четвертое — лошади. Овцы и козы использовались для получения молочных продуктов и шерсти. На поселениях Прутско-Днестровского междуречья найдены глиняные сосуды с отверстиями в придонной части тулова и в днище, предназначенные для приготовления из молока творога.

По всей вероятности, в обычное время мясо лошади не шло в пищу, и это животное служило для хозяйственных надобностей. Поэтому костные остатки, являющиеся главным образом пищевыми отбросами, не определяют места лошади в составе стада. Помимо использования лошади как рабочей силы в хозяйстве и земледелии, ею пользовались для верховой езды. Византийские историки не раз упоминают всадников в славянском войске. Находки удила свидетельствуют о широком применении лошади для верховой езды. При раскопках селища Ханска найдена глиняная модель седла, изображающая деревянное седло с дугообразной передней и круглой задней лукой. Такой тип седла распространен в Восточной Европе после нашествия гуинов.

Древние авторы (Маврикий, Иоанн Эфесский) неоднократно говорят о многочисленных стадах, находившихся во владениях славян и аятов. На славянских поселениях найдены небольшие глиняные фигурки животных, очевидно связанные с ритуалом жертвоприношения, подчеркивающие значение до-

машных животных в жизни и быте славян. На поселениях Бранешты I, Лопатна, Одая и Ханска такие фигурки изображали коня. Вероятно, это животное было наиболее почитаемо в славянском культе. Конь был культовым животным при строительной жертве (Седов В. В., 1957, с. 20—28).

Заметное место в хозяйственной деятельности восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. принадлежало охоте и рыбной ловле, чему во многом благоприятствовали природные условия. О роли охоты свидетельствуют прежде всего костные остатки, собранные при раскопках поселений. Кости диких животных в остеологическом материале составляют от 10 (на поселениях Днестровско-Прутского междуречья) до 50% (боршевские поселения в районе Воронежа), но чаще на их долю приходится 12—20%. Среди них имеются кости кабана, лося, оленя, медведя, бобра, лисицы, куницы, зайца и некоторых других. Кабан и олень были, по-видимому, основным объектом охоты. Охота на них давала наиболее ощутимые результаты. Судя по костным остаткам, преобладала охота в лесу. Постоянно охотились и на птиц. Главной целью охоты на кабана, лося, оленя, медведя и некоторых других зверей было получение мяса. Охота на куниц, лисиц и бобров велась прежде всего ради пушнины.

Основными орудиями охоты на зверя служили лук и копье. Железные наконечники стрел найдены на многих славянских поселениях. Большинство из них не приспособлено специально для охоты, но могло быть использовано при этом. Специально охотничьими были костяные наконечники стрел, нередко встречаемые на памятниках лесной зоны восточнославянской территории, и некоторые железные наконечники. Для охоты на птицу и мелких зверей широко применялись, как известно из более поздних письменных источников, силки и ловчие сети.

О рыбной ловле свидетельствуют находки костей и чешуи рыб, а также орудия рыболовства. Остатки рыб отмечены исследователями на многих поселениях, где велись более или менее крупные раскопки. Судя по этим материалам, ловили щуку, сазана, судака, леща, сома, осетра и др. Нередко находят железные рыболовные крючки. Среди них обычные крупные — 6—10 см в длину. Такие крючки предназначались для лова крупных рыб — щуки, сомов и т. п. Применялись и гарпуны, но более широко, очевидно, использовались сети, неводы и всевозможные плетеные приспособления. Среди археологических находок сравнительно часты рыболовные грузила — глиняные или каменные, различных форм. В качестве грузил использовались и просверленные фаланги коров. Об употреблении сетей для рыбной ловли говорят и находки роговых кочедыков.

Охоте и рыболовству принадлежала подсобная роль в хозяйстве славянского населения при господствующем значении земледелия и скотоводства.

Судя по данным X—XIII вв., в древней Руси широкое распространение получило бортничество. Нужно полагать, что возник этот промысел довольно рано и во второй половине I тысячелетия н. э. занимал заметное место в хозяйственной деятельности восточных славян, заселявших лесные пространства. Однако в материалах археологии этого периода следы бортничества почти не фиксируются. Однако о роли

бортничества у восточных славян мы можем судить по жертвоприношению, открытому при раскопках в Новгороде в слое первой половины X в. На месте, где оно было совершено первыми поселенцами одного из районов города, найдены расположенные по кругу семь деревянных ковшей и два куска воска, имевших форму правильных полукругов. Это — следы братнического пира славян-язычников, в хозяйственной деятельности которых большое место принадлежало бортничеству (Седов В. В., 1956, с. 138—141).

С сельским хозяйством очень тесно связаны такие виды деятельности, как прядение, ткачество, деревообработка и изготовление изделий из кости. Они обеспечивали потребности в одежде, в жилище и бытовых вещах еще в глубокой древности.

В археологическом материале отчетливо характеризуется обработка дерева — строительство жилищ и хозяйственных помещений, изготовление бытового и хозяйственного инвентаря. Однако дерево на славянских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. сохраняется очень плохо, поэтому о деревообработке приходится судить на основе находок разнообразных орудий труда. Повсеместны находки железных топоров — универсального орудия при обработке дерева. С помощью тесла изготавливались долбленые изделия — лодки, корыта, колоды и т. п. Неоднократно найдены железные ложки (табл. LXIII, 13, 14) — инструменты для изготовления столовой посуды и ложек. Встречены также долота и сверла. Разрозненные, но весьма многочисленные материалы свидетельствуют о том, что восточные славяне во второй половине I тысячелетия н. э. были знакомы со многими видами обработки дерева, в том числе с изготовлением деревянной посуды (табл. LXIII, 12). Очевидно, что высокоразвитое деревообрабатывающее ремесло эпохи древней Руси, известное по раскопкам в Новгороде и других городах, имеет глубокие корни в древности.

В хозяйственной жизни восточных славян VI—IX вв. значительное место занимало также изготовление орудий и других изделий из кости и рога. Скотоводство и охота давали в неограниченном количестве необходимый материал для таких занятий. Предметы из кости и рога, вероятно, изготавливались почти в каждом доме, и этим делом занимались до IX—X вв. еще не ремесленники-специалисты. При изготовлении изделий кость или рог подвергались нескольким операциям — выпаривались, обрабатывались ножом, полировались, сверлились. На некоторые изделия наносилась орнаментация.

На восточнославянских поселениях VI—IX вв. предметы из кости или рога встречаются довольно часто. Это различные проколки, иглы, кочедыки, орудия для ремонта сетей, лоцила, мотыжки-скребки, рукоятки ножей, накладные пластины луков, подвески-амулеты, зооморфные привески, гребни.

Прядение, как свидетельствуют повсеместные находки пряслиц, было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности. Прядением, очевидно, занимались почти в каждом доме, в каждой семье. Прядение волокна производилось при помощи деревянного веретена с пряслицами. Пряслица, сделанные преимущественно из глины, имели различную форму: известны биусеченноконические, дискообразные, цилиндрические и др. Начиная с VII в. как

на южных, так и на северных поселениях появляются пряслица, вырезанные из мягких пород камня (табл. LXIV, 1–9, 12).

Для изготовления тканей в лесной зоне Восточной Европы употреблялся вертикальный ткацкий станок. В Старой Ладоге в слоях IX–X вв. найдены глиняные диски (табл. LXIV, 10, 16), служившие грузилами таких станков (*Штагельберг Ю. Н.*, 1962, с. 109–115). Горизонтальный ткацкий станок здесь появился, по-видимому, в X–XI вв., но материалов для определения точного времени его распространения нет. Ткани, происходящие из нижних горизонтов культурных отложений Старой Ладогы, определенно изготовлены на вертикальном ткацком станке, о чем свидетельствует так называемая третья, или начальная, кромка, вытканная на четырех дощечках с четырьмя отверстиями. Такая кромка заплетается при изготовлении ткани только на вертикальном станке. Староладожские ткани в основном были шерстяными. Они выполнены в традиционной технике ткачества, распространенной в Северной Европе во второй половине I и начале II тысячелетия н. э., т. е. имели саржевое переплетение в четыре нитки 2/2. Из 35 исследованных кусков ткани только два выполнены с переплетением в три нитки 2/1 (*Назлик А.*, 1963, с. 275, 276, 293).

Можно предполагать, что в южнорусских землях славяне второй половины I тысячелетия н. э. уже знали горизонтальный ткацкий стан. Об этом говорит, в частности, находка на селище Бранешты I костяного цилиндра-юрка с отверстиями, предназначенными для равномерно параллельного распределения нитей при их сучении и сновании. Это деталь именно горизонтального, а не вертикального станка.

На некоторых славянских поселениях VI–IX вв. в Прутско-Днестровском междуречье выявлены фрагменты глиняной посуды с отпечатками ткани. Они дают некоторое представление о характере ткани, из которой шилась повседневная одежда славян. Это довольно тонкое полотно с прямым переплетением (*Рафалович И. А.*, 1972, с. 206, 207).

Металлообработка и прежде всего кузнечное дело характеризуются сложными процессами, требовавшими специальных знаний и практических навыков. Поэтому металлургические ремесла довольно рано выделились в отдельные отрасли хозяйственной деятельности. Ими занимались ремесленники — кузнецы и литейщики.

Остатки железоделательного производства (крицы, шлаки, обломки сопеи и др.) неоднократно зафиксированы на восточнославянских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. и свидетельствуют о том, что это ремесло занимало значительное место в хозяйстве. Исходным сырьем служили болотные руды, топливом — древесный уголь.

Сырودутный горн восточных славян рассматриваемого здесь периода представлял собой слабоуглубленную шахтную печь с внутренним диаметром 25–40 см (табл. LXV, 10). Археологам известно несколько пунктов со следами железоделательного производства. Наиболее интересный выявлен и исследован на славянском поселении VIII–IX вв. у с. Григоровка в Винницкой обл. (*Артамонов М. И.*, 1955а, с. 100–117; 1955б, с. 26–29). Здесь раскопаны остатки 30 железоплавильных печей. Они представляли собой

усеченноконические ямы с верхним диаметром около 20 см, нижним — около 40 см, устроенные на склоне. Устья печей делались в нижней части ям в виде арочного отверстия размерами 25×20–30 см. Перед устьем сооружались горизонтальные или слегка углубленные рабочие площадки. В стены печей вставлялись сопла, закрепляемые с помощью глиняной обмазки.

Внутри поверхность печей обмазывалась глиной. В некоторых печах отмечены следы нескольких подмазок, что говорит об их многократном использовании. Поды печей имели двойное строение: одни устраивались из глины с небольшим наклоном от устья к задней стенке; другие были выпуклыми, что достигалось с помощью камня, перекрытого глиняной обмазкой. Печи с выгнутыми подами скорее всего служили для выплавки железа. В печах с плоским подом, возможно, производился обжиг руды с целью ее обогащения или обрабатывались крицы.

Большой поселок ремесленников, специализировавшихся по изготовлению железного сырья, исследован также в с. Гайворон на Южном Буге (*Бидзля В. I.*, 1963, с. 123–144). Здесь открыто 25 железоделательных печей, относящихся к VII–VIII вв.

Существование таких центров в южной части восточнославянской территории служит показателем растущего разделения труда, появления целых поселенческих коллективов с профессиональными навыками и расширения рынков сбыта. Продукция железодобычи из таких центров поставлялась, очевидно, в широких масштабах на значительные территории. На городище Зимно найдены товарные полуфабрикаты железа в виде стержней длиной около 14 см, полученные из одного подобного центра.

Сырودутные горны открыты в ряде мест восточнославянской территории — в частности, при раскопках селища у д. Лебедка в верховьях Окского бассейна (*Никольская Т. Н.*, 1957, с. 178–184), на одном из боршевских городищ близ Воронежа (*Ефименко П. П.*, *Трегьяков П. Н.*, 1948, с. 102–109). На поселении Бранешты I в слоях VIII–IX вв. найдено более 500 сопеи, используемых в металлургическом процессе (*Рафалович И. А.*, 1972, с. 178).

Кузнечное дело восточных славян второй половины I тысячелетия н. э. находит яркое отражение в археологических находках. Остатки кузниц исследовались в двух пунктах. Кузница, раскопанная на Пастырском городище в слоях VI–VIII вв., была прямоугольной постройкой размерами 7,5×3,75 м, имевшей легкий деревянный каркас, обмазанный глиной (*Брайчевская А. Т.*, 1959, с. 99–103). От печи остались скопления камней и печины. В северо-восточной части постройки обнаружен сложенный в кучку набор кузнечных инструментов. Это наковальня в форме усеченночетырехгранной пирамиды, тяжелый молот-кувалда, легкий молоток-ручник, большие и малые кузнечные клещи, зубило и ножницы для резания железа (табл. LXV, 1–3, 5, 6, 8). На Новотроицком городище зафиксированы отчетливые следы кузнечного дела, раскопками были открыты кузнечные горны, круглые точила и шлаки (*Ляпушкин И. И.*, 1958а, с. 219–221).

Кузнецы работали и на многих других славянских поселениях, о чем говорят находки инструментария. Так, в слоях VIII–IX вв. Изборска обнаружены

Украшения вятичей XI—XIII вв. из курганов Авдеевского, Мерешице и Пузиково

Украшения вятичей XII—XIII вв. из подмосковных курганов Бессониха и Пузиково

кузнечная наковальня (табл. LXV, 7) и молоток. Железообрабатывающие инструменты встречены при раскопках поселений Титчиха, Битица (табл. LXV, 4, 9) и др.

Из железа изготавливались прежде всего земледельческие орудия — наральники и сошники, мотыги, косы, серпы, а также орудия для обработки дерева — топоры, тесла, долота, скобели, ложкари. Значительную группу изделий из железа составляли бытовые предметы — ножи, пилы, гвозди, ножницы, пряжки, а также, конечно, оружие — наконечники стрел и дротиков, копья.

Железообрабатывающее ремесло восточных славян накануне образования древнерусского государства находилось на достаточно высокой ступени развития.

Для VI — начала VII в. характерны еще сравнительно узкий ассортимент изделий и простые технологические приемы. Многие предметы целиком отковывались из кричного железа или неоднородной малоуглеродистой стали. Закалка стальных изделий и наварка стали на железную основу фиксируются на сравнительно немногих предметах.

В VII—VIII вв. наблюдается значительный подъем железообрабатывающего производства. Металлографический анализ железных изделий, найденных при раскопках поселений в разных регионах восточнославянского расселения, показал, что кузнецы владели сложными приемами сварки железа со сталью. Известны были по крайней мере два способа получения стали. Для производства некоторых изделий применялась комбинация из стальных и железных полос (так называемые изделия из пакетного металла). Широко распространена была и термическая обработка стальных орудий труда, состоящая из закалки или закалки с последующим отпуском. Таким образом, славянские кузнецы владели целым рядом технологических операций, характерных для сравнительно развитого кузнечного ремесла (*Вознесенская Г. А.*, 1967, с. 124—128; 1978, с. 61—65; 1979, с. 70—76; *Гонак В. Д.*, 1975, с. 15—22; 1976, с. 46—56).

Обработка цветных металлов была менее распространенной отраслью хозяйственной деятельности славян во второй половине I тысячелетия н. э. Мастера-ювелиры жили и работали на сравнительно немногих поселениях того времени, обслуживая своими изделиями сельскохозяйственную округу. Необходимо заметить, что условия для развития бронзолитейного и ювелирного ремесел на восточнославянской территории были менее благоприятны, чем для железоделательного и кузнечного производств. Если запасы болотной железной руды, широко распространенной по всей Восточной Европе, были почти неограниченными, то залежей руд цветных металлов на месте ремесленники не имели. Поэтому изделия из этих металлов встречаются при археологических раскопках в небольшом количестве.

Мастерские бронзолитейщиков и ювелиров открыты в разных местах восточнославянского ареала. На поселении Хуча в Молдавии раскопана прямоугольная полуземлянка размерами 2,95×2,1 м. Здесь найдены шлаки со следами меди, капли и кусочки бронзы, тигли, льячки и древесный уголь. Для плавки цветных металлов, по-видимому, использовались обычные бытовые печи — глинобитные сводчатые,

расположенные вне построек (*Рафалович И. А.*, 1972, с. 189—191).

При раскопках Новотроицкого городища исследованы бронзолитейные мастерские — полуземляночные постройки, по устройству сходные с обычными жилищами. Отличие заключалось в том, что в них имелись печи-горны, в которых в глиняных тиглях плавил металл (*Ляпушкин И. И.*, 1958а, с. 26—29, 82—84, 118—121, 217—219).

Тигли, глиняные льячки, а также каменные или реже — глиняные литейные формочки встречены на многих славянских поселениях (табл. LXVI). Кроме упомянутых поселений Хуча и Новотроицкое, интересны для изучения бронзолитейного производства городища Зимно на Волины (*Аулик В. В.*, 1972, с. 56—77) и Изборское на Псковщине (*Седов В. В.*, 1975б, с. 69), а также Каневское поселение на Днепре (*Мезенцева Г. Г.*, 1965, с. 107—109). Следы бронзолитейного производства выявлены и в других местах (Титчиха, Гнездово, Екимавцы и пр.).

Круг изделий из цветных металлов, изготавливаемых славянскими мастерами, достаточно обширен. Наиболее распространенными были литые вещи из серебра, меди или сплавов. Это пряжки и поясные бляшки, перстни и браслеты, височные украшения и фибулы, шейные гривны, разнообразные привески и др. Некоторые украшения, в частности отдельные браслеты и гривны, изготавливались целиком при помощиковки. В иных случаяхковка применялась как дополнение при обработке отлитых изделий. Орнамент на украшения наносился чеканом.

В последней четверти I тысячелетия н. э. наряду с литьем и ковкой славянские ювелиры широко применяли технику тиснения. Так изготовлены поясные бляшки и височные кольца волинского типа. На Новотроицком городище в слое IX в. найдена бронзовая матрица для тиснения поясных бляшек округлой формы (*Ляпушкин И. И.*, 1958а, рис. 17, 3).

Восточнославянские ювелиры во второй половине I тысячелетия н. э. осваивают также технику зерни и скаии. В южных землях с искусством зерни, как считает Б. А. Рыбаков, были знакомы уже в VI—VII вв. В VIII—IX вв. начинается приток на славянские земли зерненных и сканых изделий с Востока, и эта техника широко прививается в восточнославянском мире. Местные ювелиры воспроизводят арабские образцы и создают свои формы (*Рыбаков Б. А.*, 1948, с. 330—336). Зернь и скань нашли применение при орнаментации височных колец волинского типа, бусинных височных колец и лунниц.

Сырьем для восточнославянских ювелиров служил, очевидно, лом цветных металлов, а также византийские и арабские монеты. Отсутствие собственного сырья для ювелирного дела в какой-то степени, вплоть до создания государственности, сдерживало развитие этого производства и налагало отпечаток на характер изделий.

Наиболее широко на славянских поселениях и в могильниках представлена керамика. Очевидно, в хозяйственной деятельности восточных славян заметное место принадлежало изготовлению глиняной посуды. В VI—VII вв. на большинстве восточнославянских поселений безраздельно господствовала лепная керамика. Только на некоторых антских поселениях встречается незначительное число фрагментов гончарной

керамики, которая, нужно полагать, сделана неславянскими ремесленниками. Лепная глиняная посуда бытует у восточных славян до X в. включительно, а на окраинах их территории изредка встречается еще в начале XI в.

Лепные горшки, миски и сковороды делались, вероятно всего, в каждой семье. Особых навыков для их изготовления не требовалось, а сырье имелось почти повсеместно.

Вместе с лепной посудой начиная с VIII в. постепенно распространяется и вытесняет ее керамика, сделанная на гончарном круге местными, славянскими ремесленниками. Иногда можно проследить постепенный переход от лепки к гончарному кругу. Так, найдены горшки, сделанные от руки, но подправленные на круге.

Лепную керамику обжигали в домашних печах, но для изготовления посуды с помощью гончарного круга понадобились специальные гончарные печи. Изготовление глиняной посуды перестало быть делом каждой семьи, домашним ремеслом, оно сосредоточивается в руках мастеров-ремесленников, снабжавших своей продукцией население целой округи.

Особенности технологии изготовления глиняной посуды в различных регионах Восточной Европы исследовались А. А. Бобринским (*Бобринский А. А.*, 1978).

Сложение наряду с сельским хозяйством, промыслами и домашними ремеслами обособленных отраслей экономической жизни, таких как железоделательное и железообрабатывающее ремесло, ювелирное дело и гончарное производство, ставит вопрос о развитии у славян обмена и торговли.

О развитии торговых отношений в восточнославянском ареале говорят клады, как монетные, так и вещевые. О серии среднеднепровских кладов VII—VIII вв., оставленных антами и их соседями, упоминалось выше.

Новой стадией в развитии торговых связей было распространение восточных монет (*Янин В. Л.*, 1956, с. 81—85). VIII—IX века характеризуются значительной масштабностью международной торговли. Восточное серебро по Волге и Западной Двине или через Ладогу распространяется в юго-восточной Прибалтике и Скандинавии. В IX—X вв. начинает активно функционировать Днепровско-Волховский путь, названный в русских летописях путем «из варяг в греки».

Славянские кузнецы, ювелиры, гончары и, вероятно, некоторые ремесленники иных специальностей предназначали свою продукцию главным образом для населения, занятого сельскохозяйственным трудом. Первоначально ремесленники работали, вероятно, на заказ. Заказчик и ремесленник договаривались об оплате, сырье и т. п. Ремесленники жили на тех же поселениях, где и их заказчики.

Во второй половине I тысячелетия н. э. наряду с работой на заказ ремесленники начинают производить продукцию для рынка, т. е. на продажу, причем заметен рост продукции, изготовленной на продажу. Это способствовало возникновению специализированных поселений, где жили и работали преимущественно ремесленники, работавшие для рынка. Эти поселки становились сосредоточием внутренней, а в отдельных случаях и внешней торговли. В отличие от открытых, лишенных укреплений рядовых поселений или ремесленных пунктов, каким, например, был

Григоровский железоделательный центр, на этих поселениях сооружаются укрепления.

Одним из ранних укрепленных ремесленных центров восточных славян было уже не раз упоминавшееся городище Зимно, относящееся к VI—VII вв. (*Аулих В. В.*, 1972). Обнаруженные здесь следы ремесленной деятельности свидетельствуют, что на поселении жили и работали ремесленники-ювелиры и кузнецы, снабжавшие своей продукцией широкую округу. Найденные изделия (бронзовые и серебряные украшения) позволяют предполагать, что часть продукции предназначалась для дружинного сословия, постепенно выделявшегося из общинной среды. По-видимому, такие центры стали пунктами и межплеменного обмена. Ведь бронзолитейное ремесло нуждалось в сырье, которого не было в местах восточнославянского расселения. Отсутствие сырья, несомненно, способствовало межплеменному обмену.

Исследователь городища Зимно В. В. Аулих высказал предположение, что это поселение было не только ремесленным, но и административным центром небольшого племени и в нем жил племенной князь с дружиной. Это не исключено.

Таким же довольно крупным ремесленным центром было Пастырское городище. Здесь, несомненно, жили и работали кузнецы, ювелиры, гончары, изготавливавшие товарную продукцию. Это поселение было не только славянским. По-видимому, здесь со славянами жило тюркоязычное население. Ремесленная продукция с городища поступала не только к славянам, но и к их степным соседям.

В Прутско-Днепровском междуречье, на Буковине, исследовано Добринское городище VIII—IX вв., которое также было подобным протогородским центром. Раскопками здесь выявлены девять ремесленных мастерских, расположенных рядом с жилыми постройками. На поселении было сосредоточено кузнечное и ювелирное производство, продукцией которого снабжались жители не только самого городища, но и соседних, а может быть, и более отдаленных сел (Тимошук Б. О., 1976, с. 109—113, 152—154).

В лесной полосе восточнославянского ареала к числу наиболее интересных протогородских центров принадлежит Изборское городище. Как уже отмечалось, оно было основано на рубеже VII и VIII вв. и сразу укреплено. С самого его возникновения здесь жили ремесленники — бронзолитейщики и ювелиры, косторезы и резчики по камню, по-видимому, была развита обработка железа. Поселок обеспечивал ремесленной продукцией окрестное население, здесь же, очевидно, совершался обмен и с отдаленными землями.

Начало процесса градообразования на Руси, как свидетельствуют археологические материалы и летописи, определяется IX—X вв. К IX в. относятся десять древнейших городов, названных в летописи. Это Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Изборск, Ладога, Белоозеро, Ростов, Муром и Любеч (карта 37).

Раскопки в Новгороде пока не раскрыли конкретной картины возникновения этого города. Однако археологические наблюдения, данные геологического бурения и письменные свидетельства позволили В. Л. Янину и М. Х. Алешковскому предположить, что Новгороду предшествовали три разнородных поселка (словенский, кривичский и чудской), кото-

рые были племенными центрами. Началом Новгорода послужило объединение этих поселений, когда были отстроены общие укрепления (Янин В. Л., Алешковский М. Х., 1971, с. 32—61). Эта гипотеза находит подкрепление в особенностях политической и административной жизни Новгорода в XII—XV вв.

Многолетними исследованиями в Киеве установлено, что древнейшее городище на Старокиевской горе (городок Кия) возникло в конце V—начале VI в. (Рыбаков Б. А., 1980, с. 31—47). Это укрепленное поселение стало, по-видимому, племенным и культовым центром полян. В IX—X вв. оно делается детинцем, в котором находились княжеский двор, городская площадь, а также жилищные и хозяйственные постройки горожан Киева. В ближайших окрестностях — на Замковой горе, Детинке, Лысой горе и в других местах — в это время возникают посады.

Обстоятельную картину перерастания одного из восточнославянских племенных центров в раннесредневековый город VIII—IX вв. дали раскопки в Изборске. Около середины X в. на Изборском городище выделяются две части — детинец и окольный город. В детинце, защищенном бревенчатой стеной по периметру, имелась городская (вечевая) площадь, а вокруг нее довольно свободно располагались дома севернорусского облика. Следы ремесленной деятельности здесь не обнаружены. Окольный город имел земляные укрепления и уличную застройку. Жилища того же типа, что и в детинце, располагались здесь очень тесно. Судя по вещевым находкам, в них жили и работали преимущественно ремесленники. Таким образом, Изборск стал типичным раннефеодальным городом с характерной для древнерусских городов социально-топографической структурой: княжеско-дружинный детинец и примыкающий к нему ремесленно-торговый посад (окольный город). Наличие посада — важный элемент, указывающий на городской характер поселения.

Полоцк, судя по материалам, которыми ныне располагает археология, также сложился на основе племенного центра, расположенного в зоне скопления кривичских поселений. Полоцкий детинец, где княжил Рогволод, вырос из племенного городища, вокруг которого концентрировались ремесленно-земледельческие поселения, трансформировавшиеся в X в. в городской посад. Позднее, около рубежа X и XI вв., по-видимому в связи с возрастающим значением водного пути по Западной Двине, детинец был перенесен на другое место — в устье Полоты.

Таковыми же, насколько можно представить по фрагментарным материалам, были условия возникновения Ростова, Белоозера и Муромы. Они выросли из племенных центров мери, веси и муромы, располагавшихся в регионах сосредоточения населения.

Об условиях возникновения Любеча данных нет. Археологически изучить городок IX—X вв., занимавший одну из возвышенностей Днепра, трудно, так как его культурные напластования были потревожены в результате строительной деятельности в XI—XII вв. и позднее, в XVII—XVIII вв.

Как уже отмечалось, в VIII—IX вв. на восточнославянской территории возникают и неукрепленные поселения протогородского типа, стоящие на магистральных водных путях. Таковы Ладога, Гнездово

и Тимеревское селище. Это были ремесленно-торговые поселения. Археологические материалы фиксируют в составе их населения и дружинный элемент. В отличие от большинства племенных центров, они имели смешанный этнический состав населения. Из них только Ладога постепенно эволюционировала в раннефеодальный город. Взаимосвязи Гнездова и Смоленска дискусионны. Тимеревское поселение прекратило существование в XI в., когда поблизости в результате деятельности киевских князей был основан город Ярославль.

Таким образом, древнейшие города на Руси выросли в основном из племенных центров славян или финно-угорского населения, территории которого вошли в состав древнерусского государства. В племенных центрах-протогодах наблюдается развитие ремесла и торговли. Как правило, они располагались в зонах концентрации земледельческого населения. Среди городов, названных в летописях уже в первой половине X в., большинство имело такое же происхождение.

Общественный строй восточного славянства накануне сложения древнерусского государства может быть реконструирован на основе кратких известий византийских авторов, а также археологических материалов.

Многие исследователи (П. Н. Третьяков, В. В. Мавродин и другие) пытались использовать для определения уровня общественных отношений у восточных славян размеры и типы жилых и общественных сооружений. Крупные дома в нижних горизонтах культурных напластований в Старой Ладоге или связанные переходами, как это одно время представлялось, система жилищ на роменско-боршевских поселениях рассматривались как признак существования у восточных славян патриархальной семейной общины. Однако сами по себе размеры жилищ не могут определять характер обитавших в них семей, к тому же предположение о связанных между собой роменских жилищах оказалось ошибочным, а староладожские большие дома отражают этнографические, а не социальные особенности их обитателей.

Для определения основной социальной организации восточного славянства более надежным признаком являются особенности погребальных сооружений. Так, представляется несомненным, что сооружение таких коллективных погребальных насыпей, как сопки в Приильменье и длинные курганы в кривичском ареале, отражает общественное строение племен, оставивших эти усыпальницы. Они могли принадлежать только большой патриархальной семье — крупному брачно-родственному коллективу, ведущему в сложных условиях лесной зоны Восточной Европы (освоение новых земель, очистка от леса пахотных участков и т. п.) общее хозяйство.

В VI—VII вв. и в южных районах восточнославянского расселения сохранились еще такие крупные патриархальные семейные коллективы. Об этом говорят и курганы с большим числом захоронений, и гнездовой характер расположения поселений. Исследователь славянских древностей в Молдавии И. А. Рафалович полагает, что на существование патриархальных общин у славян середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. указывают и малые размеры поселений, и их планировка, и единичность

производственных комплексов (Рафалович И. А., 1972, с. 229—231).

В целом третья четверть I тысячелетия н. э. нужно считать переходным этапом от семейной общины к территориальной.

И. И. Ляпушкин, обобщая результаты исследований памятников роменской культуры, пришел к заключению, что в жилищах на этих поселениях жило по четыре—шесть человек, т. е. малая семья. Бытовой и хозяйственный инвентарь и запасы продовольствия, обнаруженные в этих жилищах, свидетельствуют о том, что этот небольшой коллектив вел индивидуальную хозяйственную деятельность. Следы коллективного хозяйствования, что могло бы говорить о существовании патриархальной общины, среди материалов роменской культуры не наблюдаются (Ляпушкин И. И., 1958а, с. 224—226).

Если обратиться к материалам других восточнославянских поселений, синхронных роменским, то нигде каких-либо следов большой патриархальной общины мы уже не обнаружим. Исследование жилищ и находок в них как в южной, так и в северной частях восточнославянской территории свидетельствует о том, что главной социальной организацией славян была малая семья и территориальная община.

Материалы могильников подтверждают этот тезис. В VIII—IX вв. на смену коллективным погребальным усыпальницам всюду приходят небольшие по размерам курганы с индивидуальными (семейными) захоронениями.

Трудно ответить на вопрос, когда и как происходил у славян распад большесемейной общины. Возникновение в VI—VII вв. таких поселений, как городища Зимно, Пастырское, или ремесленных центров, подобных Григоровскому, показывает, что патриархальная семья в ряде мест восточнославянского ареала начала распадаться уже в третьей четверти I тысячелетия н. э.

Однако погребальные памятники неоспоримо свидетельствуют о переживании большесемейной общины в восточнославянской среде вплоть до VIII—IX вв. Очевидно, нужно допустить, что накануне формирования классовой общины у восточных славян сложилось несколько форм общественных организаций. Наряду с малыми семьями, входившими в территориальную общину, в ряде мест существовали большие семейные коллективы, ведущие хозяйственную деятельность общими усилиями. В северной полосе Восточной Европы распад таких коллективов был задержан условиями жизни, связанными с переселениями, необходимостью осваивать лес под пашню и т. п.

Повесть временных лет сообщает о родовых группировках у восточных славян в VIII—IX вв. и называет их термином «род»: «Подем [полянам] же жившем особе и владеющему роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местехъ, владеюще кождо родомъ своимъ» (ПВЛ, I, с. 12). Эта социальная организация у восточных славян упоминается летописью и в других рассказах о событиях VIII—IX вв., в частности об усобице «родов» у словен новгородских, «роде князя Вятка», «роде» Кня и его братьев, плативших дань хазарам, и т. п. Однако анализ этого термина показывает, что за ним скрывается не хозяйственная, произ-

водственная единица, а общественная форма, связанная родством и браком и выполняющая в основном административные функции (Шапов Я. Н., 1972, с. 181—186). Таким образом, это были общественные единицы, выполняющие те же функции, что и соседские (территориальные) общины.

Сельская община постепенно становилась основной социальной организацией восточнославянского общества. Она объединяла людей не на основе родственных отношений, а по территориально-хозяйственному принципу, хотя в ее состав, очевидно, входили прежде всего близкие родственники.

Значительную роль в жизни и деятельности членов территориальной общины играет развивающаяся частная собственность на землю, орудия производства и бытовой инвентарь и продукты потребления. Развитие частной собственности, естественно, способствовало возникновению экономического неравенства.

Долгое время в общине сохраняется еще коллективная собственность на землю. На первых порах пахотная земля подвергалась периодическим переделам, а со временем была поделена навсегда. В общинном пользовании остались сенокосы, луга и лесные угодья.

Возникновение экономического неравенства на материалах исследованных археологами поселений выявить невозможно. Кажется, нет отчетливых следов имущественной дифференциации славянского общества и в могильных памятниках VI—VIII вв. Однако это обусловлено прежде всего славянским погребальным ритуалом (у славян-язычников не принято было класть в могилу вещевой инвентарь), а не отсутствием неравенства в славянском обществе.

Византийские авторы вполне определенно говорят о рабах в составе славянского общества. Об этом пишут Маврикий, Менаандр, Прокопий и другие. В VI—IX вв. рабство у славян имело источником преимущественно захват пленных и носило патриархальный характер. Прокопий Кесарийский, в частности, сообщает, что сначала славяне уничтожали жителей в земле врагов, а «теперь же они... стали некоторыми из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой многие десятки тысяч пленных» (Прокопий из Кесарии, с. 366). В то же время «находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени,— пишет Маврикий,—но ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей» (Мишулин А. В., 1941, с. 253).

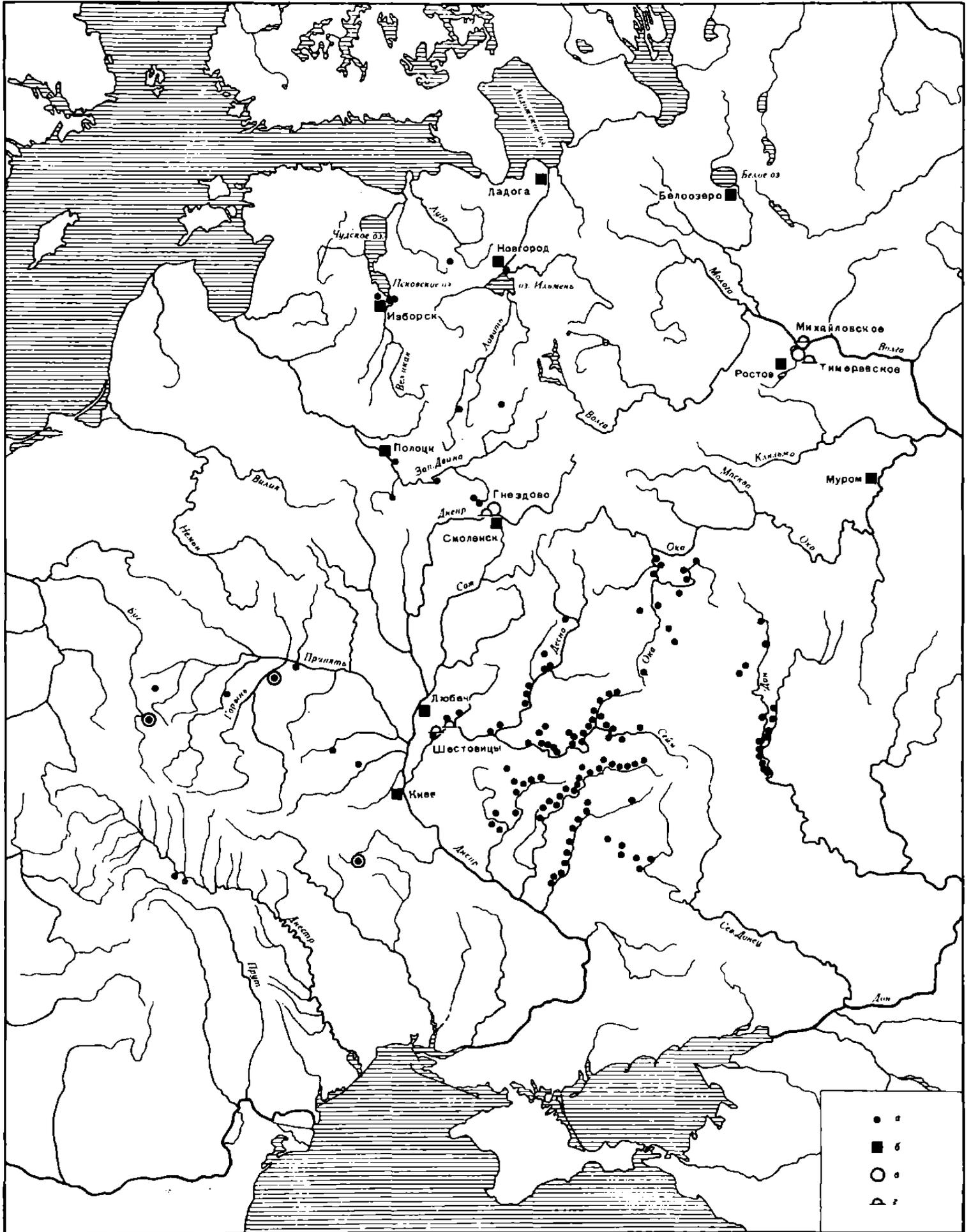
Сведения о применении рабов немногочисленны. Очевидно, в земледельческом труде у восточных славян рабы не использовались. В основном это были слуги, иногда рабыни-наложницы.

Таким образом, рабовладельческой формации у восточных славян не было. В эпоху разложения первобытнообщинного строя существовал лишь рабовла-

Карта 37. Распространение укрепленных поселений восточных славян в VII—IX вв.

а — городища с отложениями, содержащими лепную керамику; б — города, упоминаемые в летописях в IX в.; в — протгородские поселения; г — дружинные курганы

ГЛАВА 8. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СЛАВЯН В VI—IX ВВ.

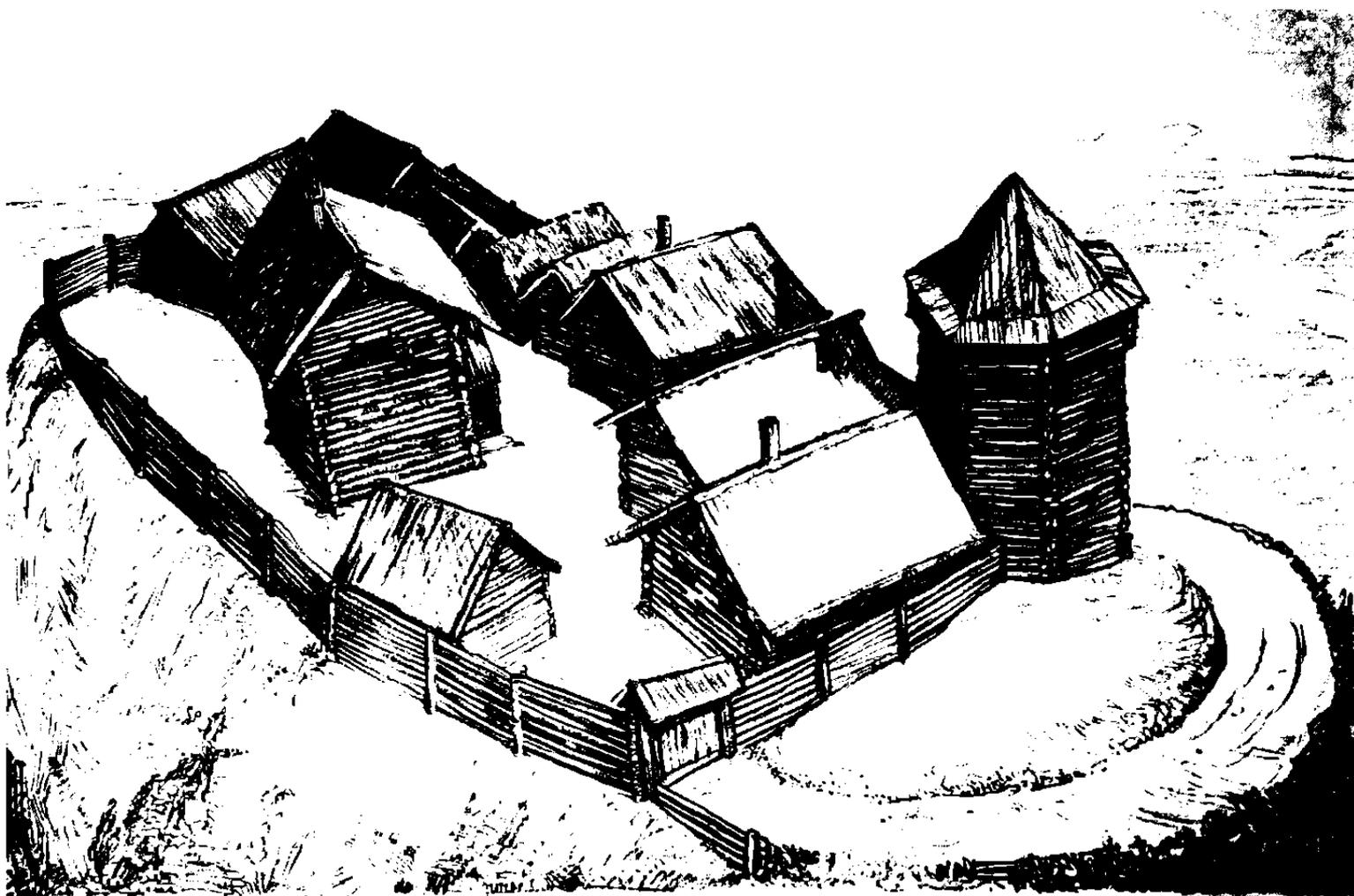

Рис. 14. Феодальный замок-усадьба Воищина на Смоленщине (реконструкция Г. В. Борисевича)

дельческий уклад, не ставший основой экономической жизни общества, но способствовавший выделению и усилению знати.

О том, что какая-то часть славянского населения выделилась в экономическом отношении из остальной массы, ярко свидетельствуют клады, сосредоточенные преимущественно в южных районах восточнославянского ареала. Эти клады оставлены не рядовыми членами общества, они принадлежали знати.

Возникновению экономического неравенства в славянском обществе способствовали и развитие межплеменного обмена, и торговые связи с кочевыми соседями, Византией и Хазарией, и военные столкновения.

Славянам VI—IX вв. была известна социальная категория племенной знати. Так, у хорутанских славян выделялся знатный род, возглавляемый в середине VIII в. Боротом. Из этого рода выбирали князя, которого утверждало после установления государственной власти вече, а до этого, очевидно, — племенное собрание.

Византийские источники VI—VII вв. неоднократно называют славянских племенных вождей-предводителей (латин. гех). Из описаний походов славян на Византию известны и некоторые имена таких вождей — Ардагаст, Мусокый, Пирагаст. Маврикий сообщает, что обычно у славян было по нескольку таких предводителей и между ними иногда не было согласия.

К более раннему времени относится известие готского историка Иордана о знати в антском обществе — о князе Боже с сыновьями и семьюдесятью старейшинами, стоявшими во главе антов (Иордан, с. 115).

О племенной знати в славянском обществе, кроме кладов, косвенно свидетельствуют и другие археологические материалы. Так, городище Хотомель — один из ранних укрепленных пунктов на Волыни — выделяется среди синхронных рядовых поселений находками предметов вооружения и серебряных украшений. Очевидно, здесь наряду с рядовыми жителями жили воины, участвовавшие в военных подходах. А основано оно было, судя по названию, происходящему от типично славянского двучленного антропонима, племенным князем, возможно предводителем дружины. По-видимому, предводителем одной из группировок кривичей основан был на рубеже VII и VIII вв. и Изборск, названный его именем.

Основным элементом военной организации славян VI—VIII вв. было ополчение. В случае нападения неприятеля всякий мужчина, способный носить оружие, становился воином и участвовал в сражениях. Очевидно, с таким всеобщим ополчением столкнулись солдаты византийского императора Маврикия, воевавшие со славянами за Дунаем. Маврикий сетовал на «непобедимое мужество» и «несметное множество» славян.

Однако в дальних военных походах принимали участие скорее всего лишь те, у кого было оружие. Характеризуя славянское войско, Маврикий пишет: «Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим». И далее: «Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (западами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей» (*Мишулин А. В.*, 1941, с. 253, 254). Автор первой половины VI в. Иоанн Эфесский относительно славян заметил: «Они научились вести войну лучше, чем римляне» (*Мишулин А. В.*, 1941, с. 252).

Вряд ли в VI—VIII вв. были славянские дружины, находившиеся постоянно под кровлей своего военачальника и получавшие от него полное содержание. Очевидно, в племенную эпоху дружины набирались для одного военного похода или набега и расформировывались по завершению задуманных действий. Только сравнительно небольшое число дружинников находилось при племенном князе постоянно.

Рассматриваемая эпоха была периодом, когда рост производительных сил позволял содержать и обеспечивать оружием и конями за счет общинных средств все больше и больше воинов-дружинников. Воины, испытавшие сладость вольготной жизни и сражений, не стремились возвратиться к тяжелому труду земледельца и скотовода, что было выгодно и формирующей знати. Постепенно в племенном славянском обществе группируются постоянные дружины, усиливается дружинно-княжеское сословие.

Верховная власть у славян VI—VIII вв. принадлежала племенным собраниям. Прокопий Кесарийский сообщает: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» (*Прокопий из Кесарии*, с. 297). Значительной властью в собра-

нии обладала, конечно, племенная знать, причем роль ее постепенно увеличивалась. Это была так называемая эпоха военной демократии.

В русских летописях содержится небольшая информация о племенных собраниях, называемых, по видимому, вечами. В Повести временных лет сообщается: «Сдумаша поляне и вдаша от дыма меч» (ПВЛ, I, с. 17). Под 945 г. имеется запись о том, что древляне «сдумавше с князем своим Малом» (ПСРЛ, I, с. 54, 55). Подобные собрания — веча — были и у западных славян.

На основе малых племен в это время создавались более или менее крупные объединения — союзы. Были среди них, конечно, и временные образования, но они не оставили никаких следов. Постоянные союзы племен переросли в племенные княжения полян, древлян и других групп славян. Они известны по Повести временных лет. Во главе их стояли князья, по видимому, близкие к тем предводителям-рексам, о которых писали византийские историки. Однако и здесь верховная власть принадлежала народному собранию. Летописи сообщают, в частности, что не князь, а народ решал вопрос платить ли полянам дань Хазарскому каганату.

К этому периоду, возможно, относятся и первые полугосударственные образования восточных славян. Упоминание о них есть в Бертинских анналах, сообщающих о хакане народа Рос.

Развитие производительных сил, успехи земледелия и ремесла постепенно увеличивали объем прибавочного продукта как в целом, так и ту его часть, которая доставалась племенной верхушке, — князьям, военачальникам, дружине. Все это вело к переходу от первобытнообщинного к раннефеодальному строю.

Несколько позже возникают на Руси и феодальные замки (рис. 14).

Объединительные тенденции славян в IX в. выходят за пределы племенных княжений. Словене новгородские и кривичи вместе с финским племенем весью создают федерацию. Аналогичный процесс на базе племенного союза русов протекал и в Среднем Поднепровье. Здесь постепенно формируется единое государство восточных славян с центром в Киеве — древняя Русь.

Глава девятая

Дружинные курганы

Среди огромной массы древнерусских курганов, оставленных рядовым (в XI—XIII вв.— преимущественно сельским) населением, выделяются сравнительно немногочисленные погребальные насыпи русских дружинников. Они встречаются лишь в единичных могильниках, расположенных поблизости от древнейших русских городов или на торговых путях.

Наиболее известен из них Гнездовский могильный комплекс, расположенный на Днепре, недалеко от Смоленска. Это самое крупное скопление курганов древней Руси, включающее 10 могильников и насчитывающее около 3 тыс. насыпей. Его раскопками занимались многие исследователи. Наиболее крупные раскопки принадлежат М. Ф. Кусцинскому (*Кусцинский М. Ф.*, 1881, с. 5), В. И. Сизову (*Сизов В. И.*, 19026), С. И. Сергееву (*Спицын А. А.*, 19056, с. 6—70), И. С. Абрамову (*Спицын А. А.*, 19066, с. 185—192) и Д. А. Авдусину (*Авдусин Д. А.*, 1951, с. 72—81; 1952а, с. 93—104; 1952б, с. 311—367; 1957, с. 113—183; 1970, с. 236—286).

Краткая, но обстоятельная характеристика Гнездовских курганов выполнена В. А. Булкиным (*Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.*, 1978, с. 25—51).

Основная масса Гнездовских курганов не содержит оружия. Очевидно, погребенные в них люди не были дружинниками, т. е. представителями организованной силы феодализирующейся власти. В основном в Гнездовских могильниках хоронили умерших местного кривичского населения, находившееся в разной степени зависимости от феодалов. Но Гнездово было кладбищем не рядовых сельских поселений, а торгово-ремесленного центра. Обычные Гнездовские курганы по форме не отличимы от остальных погребальных насыпей кривичского региона. Это круглые в плане, полусферические насыпи высотой от 0,4 до 1,8 м. Раскопками в них обнаружены остатки трупосожжений. Значительная часть насыпей содержала захоронения без вещей. Кремация умерших совершалась на стороне, а собранные с погребального костра остатки трупосожжения помещались в верху курганов. В этих насыпях встречаются и урновые захоронения. В качестве урн использовались обычные глиняные горшки — лепные, а в более позднее время — гончарные (табл. LXVII, 4, 7).

Очевидно, к этому типу погребальных насыпей принадлежат и пустые курганы, на долю которых из исследованных в Гнездове приходится более 35%. В основаниях пустых курганов обычно фиксируется зольный слой, а в верхних горизонтах — вкрапления золы и углей, изредка — фрагменты керамики или отдельные вещи. Уже В. И. Сизов высказал предположение, что пустые курганы содержали в верхней части (на глубине до 20—25 см от вершины) остатки трупосожжения, которые оказались уничтоженными.

Другая часть Гнездовских курганов характеризуется иным погребальным обрядом. На площадке, выбранной для сооружения насыпи, устраивали костер и

на него клали умершего, одетого в лучшие одежды и в сопровождении вещей, которые, по мнению его современников, могли ему пригодиться в загробном мире: утварь, орудия труда, предметы вооружения, пищу. После того как костер прогорал, кальцинированные кости собирали в глиняный горшок-урну, который ставили в центре кострища, а затем к урне сгребали и остатки костра. По завершении погребального ритуала насыпали курган. Землю при этом брали вокруг погребального кострища, отчего образовывались кольцевые ровики.

Среди Гнездовских курганов выделяются большие погребальные насыпи, которые отличаются от малых не только по величине, но и по характеру погребального обряда (*Булкин В. А.*, 1975а, с. 134—156).

Таков, в частности, курган 7 из раскопок С. И. Сергеева (*Булкин В. А.*, 1975б, с. 81—84). Насыпь его имела круглую в плане форму высотой 1,8 м и диаметром 27,5 м. Верх кургана — ровная площадка диаметром около 25,5 м. Склоны насыпи крутые, в основании был кольцевой ровик.

Первоначально на площадке, выбранной для сооружения кургана, была сделана подсыпка высотой 0,7—0,8 м. Грунт для нее брали вокруг основания, вследствие чего образовался кольцевой ровик, оконтуривавший погребальную площадку.

Кремация умерших была совершенна в ладье, о чем свидетельствуют заклепки, на погребальной площадке. Размеры огнища 17×10,5 м. Судя по находкам, сожжены были мужчина и женщина. Здесь обнаружены топор, ледоходные шипы, конская упряжь, весы, гирька, ларец, бусы, нагрудная цепь, привески, овальная фибула, шиферное пряслице, гребень, оселки.

После того как погребальный костер прогорел, на месте кремация был зарезан баран, голову и конечности которого поместили в котел. Котел поставили на огнище и рядом с ним установили три глиняные урны с пережженными костями. В жертву была принесена еще какая-то птица и брошены разломанная железная гривна и фрагменты глиняных сосудов. По выполнении всей ритуальной церемонии была возведена насыпь с горизонтальной площадкой на вершине. Дата кургана — вторая половина X — начало XI в.

Близки по строению и погребальному ритуалу и другие большие курганы Гнездова. Один из крупнейших (курган 24-Оль. 1) раскапывали несколько исследователей: В. И. Сизов — в 1896 г., И. С. Абрамов — в 1905 г. и Д. А. Авдусин — в 1950 г. Его высота 7—8 м, диаметр основания 30—35 м. Сначала была сооружена подсыпка высотой 1—1,2 м. На ней и совершили кремацию. В пределах кострища найдены три глиняные урны и котел с остатками сожжения и кусками кольчуги. Около котла обнаружены кости птиц и барана.

Раскопки Гнездовских дружинных курганов дали большую коллекцию оружия. Найденные в них мечи длинные — около 1 м, имеют широкое лезвие с про-

Рис. 15. Некоторые вещи из Гнездовского клада 1868 г.

дольной ложбинкой посредине и закругленным концом. У массивных рукоятей — широкое перекрестие, а навершие образовано из двух частей: нижняя — прямая; верхняя разделена на три — пять долей

(табл. LXVIII, 10; LXX, 18). Навершие часто украшено золотом или серебром. Эти мечи получили название каролингских, распространены они по всей Европе. Основным центром изготовления их были мастерские на Рейне, о чем говорят клейма на лезвиях. Однако делали такие мечи и на Руси. Так, на лезвии меча, обнаруженного в Фоцеватой на Полтавщине,

имелось клеймо русского мастера: на одной стороне — надпись, выполненная инкрустированной проволокой: «коваль»; на другой — имя мастера: «Людоша» (Жирничников А. Н., 1966в, с. 269—271).

Распространенными наконечниками стрел были ромбовидные так называемого гнездовского типа (табл. LXX, 1). Наконечники копий чаще всего тоже ромбовидные, но есть и ланцетовидные (табл. LXVIII, 8). В X в. в древней Руси получают распространение кольчужные рубашки, племы. Они также найдены в Гнездовских дружинных курганах. Неоднократно встречены здесь боевые топоры с характерной полукруглой выемкой в нижней части лезвия. Часты ледоходные шипы (табл. LXX, 2—5), лодейные заклепки (табл. LXX, 19, 20).

Среди бытовых предметов имеются калачевидные кресала (табл. LXX, 6), пружинные ножницы (табл. LXVIII, 7), ножи, бритва, встречены гири и весы. Гири — 14-гранные или бочонковидные — сделаны из железа и покрыты тонкой бронзовой оболочкой. Специальными значками обозначен их вес. В Гнездовских и других дружинных курганах найдены складные весы с коромыслом. Верхняя часть коромысла таких весов изображена в табл. LXX, 17. Встречаются в курганах также арабские монеты — дирхемы.

Значительный интерес представляют разнообразные украшения. Среди височных украшений имеются проволочное кольцо средних размеров с завязанными концами и с надетыми бусинами (табл. LXVIII, 3) и небольшое проволочное кольцо с концом, завернутым в спираль (табл. LXX, 21). Довольно многочисленны бусы: стеклянные — преимущественно синего цвета, но известны и иной окраски; пастовые с различными узорами; сердоликовые призматические и многогранные (табл. LXX, 22, 23), а также металлические. Среди них известны сканые высокохудожественные (табл. LXVIII, 5, 12) и плетеные из серебряной канители (табл. LXX, 15, 16). Нагрудные украшения представлены лунницами и разнообразными привесками, в том числе со сканым узором. Серебряные художественные изделия, украшенные зернью, встречены неоднократно, а золотые очень редки. Интересна золотая бляха с изображением свернувшегося дракона.

В Гнездовских курганах найдены поясные пряжки и разнообразные бляшки, в том числе с орнаментом, выполненным в черневой технике. Узоры на них звездчатые, сердцевидные или в виде завитков.

Часть украшений из дружинных курганов принадлежит к скандинавским типам (Пушкина Т. А., 1972, с. 92—94). Таковы скорлупообразные фибулы овальной или круглой формы с рельефным орнаментом в скандинавском стиле (Дедюхина В. С., 1967, с. 191—206). Они были непременно деталью скандинавского женского костюма. При помощи скорлупообразных фибул закреплялись на груди бретели женской одежды, поэтому в скандинавских захоронениях обычно находят по две фибулы. В Гнездовском могильнике раскопано более двух десятков погребений со скорлупообразными фибулами. В 16 курганах встречено по одной фибуле, в остальных — по две, а в одном случае — четыре.

К скандинавским украшениям принадлежат также железные шейные гривны с топовидными приве-

сками, называемыми молоточками скандинавского бога Тора (табл. LXVIII, 11).

Некоторые курганы в Гнездове содержали привозные вещи. Из кургана 13, раскопанного Д. А. Авдусиным, происходит амфоровидный глиняный сосуд-корчага с пропарпанной надписью: «гороуша» или «гороушна». Под этим словом понималась горькая пряность, скорее всего перец — одна из самых дорогих пряностей раннего средневековья. Это — древнейшая русская надпись, датируемая серединой X в. (Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н., 1950, с. 71—79). Надпись на корчаге, видимо, сделана торговцем, купившим в Киеве или, может быть, где-то в Средиземноморье ценную пряность.

К импортным изделиям принадлежат бронзовая лампочка в виде женской головы, сделанная в Иране, и поливное блюдо с изображением иранского божества Санмурва, известного на Руси под именем Сямаргла. В некоторых курганах встречены поясные бляшки восточного происхождения. По-видимому, из Херсонеса привезен бронзовый энколпион.

По соседству с Гнездовским курганным могильником находится селище, выделяющееся среди синхронных поселений размерами. Его площадь превышает 15 га. На селище раскопками вскрыт участок, занятый остатками ремесленных мастерских и хозяйственных построек. Найдены шлаки, тигли, литейные формы и незаконченные изделия. В стороне от этого участка находилась жилая часть поселения с наземными жилищами.

С поселением связаны находки нескольких кладов — монетных и вещевых (Гущин А. С., 1936, с. 53—57, рис. 11—15, табл. I—IV; Корзухина Г. Ф., 1954, с. 87—89). Выделяется клад, найденный в 1868 г., который содержал большое количество серебряных украшений — шейных гривн, бус, привесок со скандинавским орнаментом, зерновых лунниц (рис. 15; табл. LXVIII, 1, 2, 4, 6, 9, 13, 14), а также скандинавские фибулы, дирхемы, канторгу и меч. Очевидно, он принадлежал богатому купцу.

Гнездовский комплекс памятников — курганы и поселения — датируется IX — началом XI в. Впрочем, поселения в Гнездове продолжали существовать и позднее. Датировка Гнездовских курганов IX — началом XI в. была предложена еще В. И. Сизовым и поддержана А. А. Спицыным (Сизов В. И., 1902б, с. 125; Спицын А. А., 1905б, с. 7). Первоначально такой хронологии придерживался и Д. А. Авдусин, но в последнее время он определяет время Гнездовских курганов более узко — X — началом XI в. (Авдусин Д. А., 1967, с. 21—25; 1972, с. 161—163). Однако имеются бесспорные материалы, позволяющие датировать наиболее ранние курганные насыпи этого могильника IX столетием (Булкин В. А., Назаренко В. А., 1971, с. 13—16). На селище при Большом Гнездовском могильнике встречены многочисленные фрагменты лепной керамики, которые не оставляют сомнений в том, что оно возникло не позже начала IX в. (Ляпушкин И. И., 1968а, с. 43, 44).

Интересна попытка хронологической периодизации Гнездовских курганов, содержащих датирующие вещи, которая предпринята В. А. Булкиным. К числу ранних (IX — начало X в.) принадлежат 6% таких курганов, на долю второй стадии (середина X в.) приходится 57%, к третьей стадии (последняя чет-

верть X и самое начало XI в.) относятся 30% насыпей. Последнюю, четвертую, стадию составляют курганы с труположениями — 7% (конец X — первая половина XI в.).

О занятиях людей, живших в Гнездове и похороненных в курганах, говорят вещевые находки. По подсчетам В. И. Сизова, погребения с оружием в Гнездовском могильнике составляли примерно 10–12%. Очевидно, сюда входят и захоронения профессиональных дружинников, и погребения людей, привлеченных к военным походам. Курганы привилегированной верхушки выделяются по специфическому погребальному обряду в больших насыпях. Это, очевидно, захоронения членов господствующей группы населения, стоявших во главе военных отрядов.

Часть курганов с оружием могла принадлежать и богатым купцам. О погребениях купцов в Гнездовском могильнике свидетельствуют находки складных весов для взвешивания серебра, весовых гирек, а также импортных изделий.

Среди обычных курганов, составляющих основную часть Гнездовских могильников, по находкам орудий труда (молотки, напильники, резцы, долота) выделяются насыпи с захоронениями ремесленников. Многие вещи, находимые в курганах, делались гнездовскими мастерами. Техника обработки железных изделий говорит об обособившемся кузнечном ремесле. Местные ювелиры делали многочисленные поясные бляшки, украшения и т. п. Здесь же в X в. развивается гончарное производство.

Таким образом, Гнездово является памятником одного из торгово-военных и ремесленных центров древней Руси IX—начала XI в. Его образование здесь далеко не случайно. На Днепре в Гнездове находился узел путей, расходящихся в разных направлениях: на юг — по Днепру, на север — через Ловать и Волхов к Ладоге и далее в Балтийское море (летописный путь «из варяг в греки»), а также на запад — по Западной Двине — и на восток, где вскоре начинался Волжский путь. По территории Гнездовского комплекса памятников течет р. Ольшанка, впадающая в Днепр. Это было начало пути из Днепра в Двину посредством системы волоков (Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А., 1975, с. 166–170). Следовательно, Гнездово занимало выгодное географическое положение, являясь связующим звеном на торговых путях между странами Восточной, Северной и Западной Европы с Византией и Востоком.

Начало функционирования пути «из варяг в греки», связавшего Северную Европу с Причерноморьем и Восточным Средиземноморьем, относится к IX в. Уже в VIII в. в начале пути в низовьях Волхова (Ладога) и у его истоков (Рюриково городище) возникают протгородские поселения. К началу IX в. относится и возникновение Гнездовского поселения. Интересно, что из десяти древнейших русских городов, названных в летописях в связи с событиями IX в., пять (Ладога, Новгород, Смоленск, Любеч и Киев) находились на Днепровско-Волховском пути. Византиец Константин Багрянородный в трактате об управлении империей называет города Немогардас (Новгород), Милиниска (Смоленск), Телюды (Любеч), Вышеград (Вышгород), Витачев и Чернигога (Чернигов).

С X в. Днепровско-Волховский путь становится оживленной магистралью внутренней и международной торговли. Византийские товары и монеты этим путем достигают Северной Европы (юго-восточная Прибалтика, земли поморских славян, Фенно-Скандинавия). Наоборот, с севера на юг этим путем в древнерусские земли доставляются скандинавские вещи и продукция западноевропейских ремесленников. Для молодого древнерусского государства это был основной путь сообщения, который связывал северные земли с Киевским Поднепровьем и, таким образом, объединял все области восточнославянских племен. Одновременно этот путь стал торной тропой для славянских дружин и варяжских наемников, рвущихся за богатой добычей в Византию.

Не вызывает сомнения смешанный этнический состав населения Гнездова в IX–X вв. Уже В. И. Сизов утверждал, что население здесь было разнородным, но в нем преобладали кривичи. Об этом свидетельствуют и абсолютное тождество многих Гнездовских курганов с синхронными кривичскими погребальными насыпями Смоленского Поднепровья, и распространенность исключительно славянской глиняной посуды в курганах Гнездова. Смоленские кривичи, как отмечалось выше, сформировались в условиях взаимодействия расселившихся здесь славян с местным балтоязычным населением. Поэтому вполне объяснимы в некоторых Гнездовских курганах балтские культурные особенности. Не исключено, что среди курганных захоронений есть и собственно балтские, поскольку в IX–X вв. процесс славянизации местного населения еще не был завершен (Шмидт Е. А., 1970, с. 102–108).

В составе гнездовского населения имелась еще третья этническая группировка — выходцы из Скандинавии. В конце XIX и в первой половине XX в. в научной литературе по вопросу о роли норманнов в истории древней Руси высказывались две противоположные точки зрения. Одна группа ученых — норманисты, в числе которых были такие крупные ученые, как Т. Арне и А. А. Спицын, утверждали, что Гнездовский могильник, как и подобные ему древнерусские кладбища со скандинавскими элементами, свидетельствуют о размещении на восточнославянской территории варяжских колоний. На этом основании делались выводы о сильном скандинавском воздействии на культуру и ремесленное производство, а также на развитие торговли и экономики древней Руси, и о создании норманнами самой русской государственности. Другая группа исследователей, в числе которых находилось большинство советских археологов, высказывала и пыталась обосновать антинорманистские взгляды.

В последние десятилетия дискуссия вокруг проблемы варягов в истории древней Руси приняла спокойный характер, поскольку археология накопила огромное число фактов для разрешения этой темы. Исследования Б. А. Рыбакова и его последователей в области древнерусского ремесла, научный анализ всех сторон многогранной культуры восточного славянства убедительно показали, что формирование и эволюция культуры, ремесла и экономики древней Руси обусловлены внутренним развитием общества и независимы от инфильтрации скандинавов в Восточную Европу.

Рис. 16. Деталь оковки турсьего рога из Черной Могилы

Археологические материалы показывают, что на восточнославянской территории не было ни одного крупного поселения, основанного выходцами из Скандинавии. Во всех случаях последние оседали на уже существующих поселениях, принадлежащих местному населению. Постепенно норманны растворялись в его среде. Так было и в Гнездове.

Скандинавским ритуалом было погребение в ладье, помещение железной гривны с молоточками Тора на остатки погребального костра или на урну с остатками трупосожжения, обычай втыкать оружие в остатки кремации, а также захоронение в племенном убранстве с парой скорлупообразных фибул. Такие погребения имеются в некоторых Гнездовских курганах.

Д. А. Авдусин полагает, что из 950 курганов, раскопанных в Гнездовском могильнике, около 50 можно считать скандинавскими. Иными словами, варяги составляли около 5% населения Гнездова.

В. А. Булкин попытался выяснить некоторые закономерности эволюции этнических черт скандинавов в условиях их совместной жизни с восточноевропейскими племенами. Ему удалось показать, что только два из наиболее ранних больших курганов Гнездова характеризуются сожжением в ладье, ориентировкой ее по линии север — юг, железной гривной с молоточками Тора и набором скандинавских фибул, т. е. комплексом норманских особенностей. На следующей стадии от скандинавского обряда в больших курганах остаются сожжение в ладье и набор женских украшений. Ориентированы эти погребения и с севера на юг и с запада на восток. На последней стадии сожжение в ладье становится не

обязательным, господствует ориентировка с запада на восток, скандинавские украшения отсутствуют. Таким образом, происходит постепенное стирание норманских этнических признаков, что, безусловно, отражает неуклонную ассимиляцию выходцев из Скандинавии в восточнославянской среде (Булкин В. А., 1975а, с. 134—145).

Этот же исследователь показал, что во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье из этнического (норманского) превращается в социальный — он становится привилегией высшего слоя гнездовского населения и не зависит уже от племенного происхождения погребенного. Параллельно происходит процесс смешения разнотипных признаков в погребальной обрядности, получают распространение так называемые вещи-гибриды, сочетающие в себе скандинавские и местные элементы. Все это делает перазличимыми индивидуальные племенные черты погребенных в курганах, и характеристика варяжского элемента в Гнездове в числовых выражениях оказывается гипотетичной.

Не исключено, что Гнездовские поселения и могильники при нем возникли как племенной центр смоленских кривичей, а первые воины, погребенные в этих курганах, были представителями племенной дружины. Русские летописи упоминают о таких племенных дружинах, входивших в состав войска Киевской Руси. Известны п случаи, когда племенные дружины противостояли киевскому войску. Так было в период столкновений Игоря и Ольги с древлянами, когда войску киевских князей противостояла организованная сила — племенная дружина во главе с местным князем Малом.

Расположенное на одной из крупнейших водных магистралей, Гнездово очень скоро оказалось втянутым в систему европейских торговых и военных свя-

зей. В X в. Гнездово было уже не племенным центром, а одним из древнерусских дружинных пунктов. Из других дружинных кладбищ древней Руси IX—X вв. наибольший интерес представляют черниговские курганы, и среди них на первом месте стоит Черная Могила. Этот огромный курган находился непосредственно за валами древнейшей части Чернигова. Раскопан он был еще в 1872 и 1873 гг. Д. Я. Самоквасовым. Обстоятельный научный анализ материалов этих раскопок и реконструкция деталей погребальной обрядности мастерски выполнены Б. А. Рыбаковым (*Рыбаков Б. А.*, 1949а, с. 24—51).

Высота кургана Черная Могила около 11 м, диаметр основания около 40 м. Процесс сооружения насыпи и последовательность исполнения похоронного ритуала, по Б. А. Рыбакову, представляются следующим образом. Первоначально была сооружена песчаная подсыпка в виде усеченного конуса высотой 1—1,5 м и диаметром 10—15 м. Сожжение на подсыпке было обычным для Черниговской округи; подсыпка давала свободный доступ воздуху и тем самым способствовала горению погребального костра. На горизонтальной площадке подсыпки был сооружен бревенчатый «дом мертвых», а место, предназначенное для курганной насыпи, возможно, было обнесено легкой оградой (табл. LXXI, 16).

Исследования погребального кострища и вещей находок в нем (табл. LXXI, 17) позволили Б. А. Рыбакову заключить, что в «дом мертвых» было помещено три покойника: два воина — взрослый и юноша — и женщина. Об этом отчетливо свидетельствуют двойной комплект вооружения, удвоенность большей части инвентаря и женские украшения.

Погребальная домовина после помещения в нее трупов была доверху заложена хворостом. Ее обложили хворостом и снаружи и зажгли все сооружение. Когда костер догорел, родственники умершего изъяли из кострища шлем с остатками черепа и кольчугу с прикипевшими к ней сожженными костями. Затем была сооружена огромная насыпь высотой около 7 м с несколько уплощенной вершиной площадью около 1000 кв. м (табл. LXXI, 15). При ее сооружении использовали грунт вокруг, и в результате около насыпи образовался кольцевой ровик шириной 7 м.

На вершине насыпи в центре уложили останки умершего вместе с доспехами, снятые с погребального кострища. Здесь справлялась тризна — состязание и военные игры в честь умершего воина, поэтому площадка вокруг останков с доспехами оказалась сильно утрамбованной.

Вслед за этими торжествами курганная насыпь была досыпана до высоты 11 м. Б. А. Рыбаков предполагает, что на вершине окончательно насыпанного кургана был поставлен столб (табл. LXXI, 14). Трехступенчатая последовательность сооружения кургана очевидна из его разреза (табл. LXXI, 13).

Среди предметов, обнаруженных в пепелище погребального костра, имелись два меча; два шлема; две кольчуги; сабля; десять наконечников копий; наконечники стрел; топор; пять ножей, некоторые — с костяными рукоятками; оселки; остатки щитов, вероятно деревянных, обшитых бронзовым листом при помощи железных заклепок; два жертвенных ножа; стремя с округлой профилированной подножкой и

Рис. 17. Деталь оковки турьего рога из Черной Могилы

ушком; поясные кольца и бронзовые наконечники пояса; серебряная круглая фибула для плаща.

Один из мечей, по всей вероятности принадлежавший старшему из погребенных, имел длину около 105 см (табл. LXVI, 6). Рукоять его украшена позолоченным серебром с гравированным узором. Перекрестие меча изогнуто дугообразно, что позволяло сражаться им и в пешем, и в конном бою.

Второй меч, очевидно принадлежавший юноше, достигал в длину 82 см и имел прямое перекрестие. Навершие и перекрестие украшены ромбической серебряной насечкой (табл. LXXI, 5).

Сабля из Черной Могилы характеризуется еще слабым изгибом и коленчатой рукоятью (табл. LXXI, 7). Топор — небольших размеров (табл. LXXI, 10), и поэтому может быть отнесен к оружию. Наконечники стрел — ромбические, узкие трехгранные или двурогие. Шлем был склепан из нескольких железных пластин и обтянут медным листом, покрытым позолотой (табл. LXXI, 4). Места склепки пластин оформлены волнообразно. Сзади прикреплялась кольчужная бармица. По бокам шлема имелись две квадратные бляшки с горизонтально поставленными остриями.

На остатках погребального кострища Черной Могилы был поставлен большой железный котел, наполненный пережженными бараньими и птичьими костями и клочьями бараньей шерсти, поверх которых лежала голова барана. Около котла находились два жертвенных ножа — скрамасакса (табл. LXXI, 8, 9).

К числу женских вещей относятся височные кольца (табл. LXXI, 1—3), слитки серебра, золота и стекла от расплавившихся украшений, обломки костяных гребней, глиняное пряслице, бронзовая и костяная проколки.

На кострище найдены и орудия труда — десять железных серпов (у ног женщины), долота, скобель. У изголовья покойников обнаружены остатки около

полутора десятков деревянных ведер. Вероятно, они были поставлены с напитками (мед, вино, пиво). Здесь же находились два глиняных горшка, изготовленных на гончарном круге и украшенных линейным орнаментом.

Большой интерес представляет находка более сотни бабок и бронзовой битки к ним, предназначенных для игры, а также полусферических костяных фигурок с шариком наверху, тоже служивших для какой-то игры. К этой же категории находок принадлежат костяные брусочки, помеченные очками от одного до шести.

Вместе с жертвенным котлом на погребальное кострище были положены два турьих рога. Это были сосуды для питья — ритоны, имевшие ритуальное значение. Они тесно связаны со славянским языческим культом и были атрибутами языческих богов (например, Святовита, изображенного на Збручском идоле) и принадлежностью ритуальных пиров. Оба рога были помещены в курган уже после того как догорел погребальный костер.

Турьи рога-ритоны из Черной Могилы окованы серебром вокруг устья и украшены квадратными накладками в средней части (рис. 16; 17). Оковка меньшего из рогов (длина 54 см) украшена растительным узором, переплетенным в гирлянды (табл. LXXII, 4). Другой турий рог (длина 67 см) украшен сложнее — на оковке вычеканен интереснейший фриз из разнообразных чудовищ, птиц и людей (табл. LXXII, 1—3).

Центральное место в орнаментальной композиции занимает изображение двух человеческих фигурок и орла, обращенное непосредственно к лицу, пьющему из ритона. Композиция давно привлекала внимание ученых и толковалась по-разному. Б. А. Рыбаков сопоставил это место изображения на оправе турьего рога с черниговской былинной об Иване Годиновиче и убедительно показал, что оно является иллюстрацией былинного сюжета.

В былине рассказывается о том, как молодой киевский дружинник Иван Годинович приезжает в Чернигов за понравившейся ему дочерью черниговского гостя и увозит ее. По дороге в Киев его встречает Кашей Бессмертный, побеждает и привязывает к дубу. В этот момент прилетает птица-ворон и человеческим голосом пророчески — владеть невестой не Кашею, а Ивану Годиновичу. Кашей стреляет в птицу из лука, но выпущенные им стрелы возвращаются и поражают в голову самого Кашея.

На турьем роге и иллюстрирован последний сюжет. Бородатый мужчина в длинной рубахе, только что спустивший тетиву лука, — Кашей Бессмертный. В вещую птицу пущены три стрелы, и все они изображены за спиной Кашея. Сам ворон с распростертыми крыльями уже собирается улететь. Между ними помещена черниговская девица с длинными косами и с луком в левой руке.

Заканчивая обзор находок из кургана Черная Могила, нужно упомянуть о небольшом бронзовом идоличке — сидящей человеческой фигурке с каким-то предметом в руках. Фигурка была положена рядом с доспехами на вершине насыпи во время совершения тризны.

Датируется курган Черная Могила золотой византийской монетой 945—959 гг. и другими вещами вто-

рой половиной X в. Б. А. Рыбаков полагает, что в кургане был похоронен не просто знатный и богатый военачальник, а князь, поскольку в состав инвентаря входят не только оружие и доспехи, но и предметы, связанные с языческим культом (идол, жертвенные ножи и священные ритоны). Сочетать же обязанности воина и жреца мог только князь. Вторым погребенным в кургане был юноша-воин — очевидно, близкий родственник старшего. Женщину, которая должна была сопровождать князя в потусторонний мир, вряд ли следует считать рабыней.

Другой черниговский курган, известный под названием Гульбище, очевидно, принадлежал одному из местных бояр-дружинников. На остатках погребального кострища в беспорядочном состоянии найдены шлем, меч, щит, два наконечника копья, стрела, обломки топора, две пары стремян и др.

Меч из этого кургана — самый крупный из древнерусских мечей. Его прямое перекрестие и навершие украшены при помощи отверстий (табл. LXIX, 8). Ножны меча имели наконечник с изображением извивающегося дракона.

Шлем склепан из нескольких пластин и спереди украшен полукруглой медной набивкой. Он сильно поврежден. В табл. LXIX, 3 изображена его реконструкция. Наверху шлема имелась втулка для плюмажа, а сзади прикреплялась кольчужная бармица. Стремена отличались большими размерами и имели дугообразную подножку (табл. LXIX, 10). Кроме того, найдено кресало овальнопрямоугольной формы с щелевидной прорезью (табл. LXIX, 6).

Воин, погребенный в этом кургане, очевидно, носил плащ, который застегивался подковообразной фибулой. Под плащом была верхняя одежда типа кафтана, от которой сохранилось лишь пять пар массивных серебряных с позолотой застежек с узорами из крестообразно расположенных кринов (табл. LXIX, 11). Пояс состоял из наборных бляшек (табл. LXIX, 1, 2, 7) и наконечника с тамгообразными узорами. К одежде принадлежат и костяные плоско-выпуклые пуговицы с геометрическим орнаментом (табл. LXIX, 4, 5, 9), и обычные мелкие бронзовые пуговицы с позолотой (табл. LXIX, 13).

Вместе с мужчиной была сожжена женщина. Сохранилось после кремации небольшое количество стеклянных бус (табл. LXIX, 12). Кроме того, найдено около двух сотен слитков стекла, серебра и золота. У ног погребенной лежали зерна ржи, пшеницы и ячменя.

На кострище был обнаружен дирхем конца IX в., поэтому погребение датируется обычно началом X в.

Черниговские курганы IX—X вв. образуют несколько отдельных групп, разбросанных на значительном пространстве. В каждой курганной группе имеется много обычных невысоких насыпей и несколько крупных, принадлежавших воинам-дружинникам. В числе последних выделяются особенно большие курганы с богатым инвентарем, в которых погребены бояре-военачальники. Очевидно, в распоряжении черниговского князя были сотни дружинников. Рассредоточенность дружинных погребений, по всей вероятности, обусловлена появлением у дружинников земельных владений вокруг Чернигова.

В 18 км от Чернигова ниже по Десне расположено еще одно крупное дружинное кладбище — Шесто-

вицы (Блифельд Д. И., 1977). В обряде погребения этого курганного могильника обнаруживаются следы имущественной и социальной дифференциации древнерусского населения X — самого начала XI в. Значительную часть могильника составляют небогатые захоронения, оставленные рядовым населением. Среди них выделяются дружинные курганы с предметами вооружения и богатым инвентарем.

Д. И. Блифельд разделяет курганы дружинников на четыре группы.

1. Насыпи с погребением одного воина (при нем находятся стрелы, топоры, копыя и изредка мечи). Захоронения совершались по обряду трупосожжения или по обряду ингумации в могильных ямах с впускными в них срубам.

2. Насыпи с парными захоронениями — воина с женщиной. Эти захоронения характеризуются более богатым инвентарем.

3. Курганы с захоронением дружинника с конем. Обычно погребения по обряду ингумации совершены в подкурганых могильных ямах.

4. Курганы с парными труположениями и с конем. Захоронения совершены в больших ямах с деревянными камерами. На дно клали трупы воина и его жены, а в ногах погребали взнузданного и оседланного коня.

Очевидно, эта дифференциация дружинных курганов отражает в какой-то степени иерархию феодального общества древней Руси. Материалы Шестовицкого могильника показывают, что древнерусская дружина формировалась в основном за счет славянского населения. Некоторое количество вещей скандинавского происхождения, встреченных в курганах этого кладбища, а также погребения с конем говорят о сложном этническом составе русского войска. В древнерусской дружине было и какое-то количество варяжских воинов, и, возможно, представителей иных восточноевропейских племен.

Курганные погребения дружинников имеются также в некрополях Киева, Пскова и других древнерусских городов.

Известны и небольшие курганные могильники, включающие дружинные захоронения. По местоположению они обычно связаны с магистральными водными путями, которые, как отмечалось, в IX—X вв. имели не только торговое, но и военно-политическое значение. Однако дружинные кладбища бывают и в стороне от таких путей, и это, очевидно, показывает, что высшие слои древнерусского общества получали земельные пожалования и вместе со своими дружинниками оседали в селах. Одним из таких вотчинных могильников является Новоселковский, расположенный в нескольких километрах от Смоленска (Ширинский С. С., 1970, с. 114—116).

В заключение обзора дружинных древностей IX—X вв. нельзя не упомянуть два крупных региона концентрации курганов с захоронениями воинов-дружинников на северо-восточной окраине восточнославянской территории того времени. Оба региона находятся в узловых пунктах Балтийско-Волжского водного пути, связывавшего страны Северной и Западной Европы с Востоком.

✓ Один из них — окрестности Ярославля, где расположены крупные Михайловский, Тимеревский и Петровский курганные могильники. Как показали но-

вейшие исследования (Ярославское Поволжье X—XI вв.), эти курганы оставлены в основном финно-славянским населением. Курганы отражают сложное переплетение финно-угорских и славянских культурных и этнических элементов, являясь важным источником для изучения взаимоотношений славян с финноязычными племенами Поволжья.

Среди курганых насыпей этих ярославских могильников немало погребений воинов-дружинников, сопровождаемых, в отличие от рядовых умерших, мечами, наконечниками копий и стрел, топорами, поясными принадлежностями и т. п. (табл. LXX, 7—14). Все они принадлежат к тем же типам, что и в других дружинных курганах древней Руси.

Несомненен в захоронениях ярославских могильников и скандинавский этнический компонент. Встречаются вещи северо-европейского происхождения и в культурном слое Тимеревского поселения. Однако анализ материалов курганов и селища неоспоримо показывает, что норманны не были основателями поселения в IX в., а в следующем столетии растворились среди финно-славянского населения. Единичные собственно скандинавские захоронения с характерными особенностями ритуала и набором вещей относятся лишь ко второй половине IX в. В погребениях X в. скандинавские вещи встречаются постоянно, но норманские черты обрядности почти пропадают. Очевидно, скандинавы, появившиеся на Волге в IX в., утратили свои этнические черты в процессе становления древнерусской народности и вошли в русскую дружину не как особая сила, а как составная часть.

✓ Курганные могильники юго-восточного Приладожья — второй регион концентрации дружинных захоронений. Оставлены эти курганы преимущественно местным финским населением, поэтому их детальная характеристика выходит за рамки тематики настоящей книги. Возникновение курганной культуры здесь представляется результатом культурного и отчасти этнического взаимодействия финского населения Приладожья, незнакомого до IX в. с курганным обрядом погребения, со славянами и переселившимися сюда скандинавами. Большинство приладожских курганов содержит местные финские элементы: очаг с котлом и лопаткой (табл. LXVII, 1—3), ярусность, меридиональная ориентировка, шумящие привески.

Среди курганов юго-восточного Приладожья выделяются насыпи с погребениями дружинников. Это трупосожжения в ладьях, сопровождающиеся оружием, или трупосожжения воинов и женщин с привозными вещами. Анализ материалов этих курганов (Кочкуркина С. И., 1973) показывает, что дружинное сословие формировалось здесь в основном из местного веского населения и в меньшей степени из варягов. Скандинавы влились в среду приладожской веси, по-видимому, в IX в. и вскоре были ассимилированы.

Веская дружина неоднократно принимала участие в походах и сражениях в составе древнерусского войска.

Таким образом, начальный этап становления древнерусской дружины должен быть отнесен к IX — первой половине X в., к эпохе первых военных походов киевских князей на Византию. Основу древне-

русского войска в этих походах составляли княжеские дружинники. Судя по письменным источникам, в походах участвовали племенные дружины и племенные ополчения, а также наемники-варяги. На вооружении дружинников были мечи европейских типов, копья и пики, кочевнические сабли и сфероконические шлемы.

Около середины X столетия наступает новый этап в развитии древнерусской дружины, когда все большее значение начинает приобретать княжеское конное войско и формируется дружинно-феодальная иерархия. Этот процесс находил отражение в больших курганах Гнездовского и иных дружинных могильников, погребальный обряд которых сложился в условиях взаимодействия собственно восточнославянского ритуала с элементами, привнесенными извне. Русская дружина объединяет различные по происхождению этнические компоненты — славянский, финно-угорский, варяжский и пр.

Высшие слои древнерусской дружины создают по существу собственную раннефеодальную культуру, во многом противостоящую культуре земледельческого населения древней Руси (Рыбаков Б. А., 1970б, с. 23—33). Дружинная культура впитала в себя не только славянское наследие, но и византийские, восточные и нордические элементы. Она выделялась пышностью и репрезентативностью, что сближало ранних русских феодалов с западноевропейскими и византийскими. Оружие, конская сбруя и украшения дружины носили не этнографический, а межэтнический характер.

Древнерусские курганы XI—XIII вв. принадлежат в основной массе сельскому населению, хоронившему умерших по старому языческому обычаю. Городское население, как и дружинно-феодальное сословие, к тому времени под воздействием новой религии погребало умерших уже в основном на христианских кладбищах.

М. Х. Алешковский обратил внимание на то, что отдельные княжеские и боярские погребения XI—XII вв. и после принятия христианства сопровождались оружием. Он попытался выделить курганы русских дружинников XI—XII вв. (Алешковский М. Х.,

1960, с. 70—90). Исследователем были правильно подмечены важнейшие признаки для вычленения дружинных курганов среди основной их массы — более крупные размеры насыпей, наличие оружия, браслетов, и шейных гривн в захоронениях мужчин.

Однако при конкретном определении дружинных курганов М. Х. Алешковский часто ограничивался одним из этих признаков. В отдельных случаях рабочие топоры были отнесены к боевым и не учтено этнографическое своеобразие окраин древнерусской территории, где топоры и копья в могилах обусловлены не тем, что хоронили воинов, а ритуалом, восходящим к финно-угорской или балтской погребальной обрядности. Можно заметить также, что материалы, использованные М. Х. Алешковским, весьма неполны.

Тем не менее выводы и наблюдения М. Х. Алешковского интересны в научном отношении. Действительно, в отличие от более раннего времени, в XI—XII вв. дружинные курганы рассредоточены по всей древнерусской территории. Большое количество курганов в северных частях Руси обусловлено лишь тем, что курганный погребальный обряд оказался здесь более устойчивым и продержался дольше.

В XI—XII вв. дружинные курганы не составляют значительных могильников, а расположены на деревенских кладбищах. Очевидно, это говорит о размещении «молодшей» дружины в этот период по селам. Однако вряд ли это были расселившиеся по селам княжеские дружинники. Скорее всего основная масса дружинных курганов XI—XII вв. оставлена местными жителями и является свидетельством социального расслоения. Об этом говорит одинаковый погребальный обряд дружинных курганов и рядовых захоронений деревенских кладбищ, а также скромность их инвентаря. В основном в таких курганах встречаются или топоры, или копья. Курганы с находками мечей единичны. Погребений дружинников с шейными гривнами известно менее десятка. Представителей господствующего класса — бояр, военачальников и княжеских дружинников, по-видимому, уже хоронили по христианскому обычаю при церквях.

Украшения кривичей XI в. из смоленских курганов Бочарово, Волочек и Колчино

Украшения словен новгородских XI—XIII вв. из курганов
Беседа и Волковицы

Глава десятая

Одежда славян Восточной Европы

VI—IX вв.

Одежда восточных славян рассматриваемого периода до настоящего времени не получила освещения в научной литературе. Специальных исследований по этой теме нет. В энциклопедическом труде Л. Нидерле «Славянские древности» одежда характеризуется весьма обстоятельно, но суммарно, без разграничения на хронологические отрезки славянской истории и без учета региональной специфики (Niederle L., 1913, s. 419—528). Лишь в очень немногих археологических работах последних десятилетий затронуты отдельные вопросы, связанные с изучением одежды славян Восточной Европы в VI—IX вв. (Рыбаков Б. А., 1953а, с. 81—84).

Основным источником для изучения рассматриваемой темы должны служить материалы археологии. Однако в VI—IX вв. у славян Восточной Европы безраздельно господствовал обряд трупосожжения. Умершие в одеждах сгорали на погребальных кострах, и в могилы попадали лишь кальцинированные кости, изредка — с остатками обычно оплавленных украшений или металлических деталей одежды. На восточнославянской территории сейчас раскопано более тысячи захоронений исследуемого периода и ни в одном из них не обнаружены остатки одежды в виде кусков тканей, кожи или меха. Погребальные памятники содержат существенные материалы для характеристики и реконструкции одежды древнерусского населения X—XIV вв., но не для исследуемого здесь периода. Поэтому в историко-археологической литературе, посвященной конкретной истории восточнославянской одежды или ее деталей, обзор начинается только с X в.

Для истории одежды славян VI—IX вв. более чем скромные данные получены и при раскопках поселений того времени. Органические материалы в культурных слоях поселений, как правило, не сохраняются. Исключением являются напластования Старой Ладоги, при раскопках которых обнаружены куски тканей и кожи. Исследование остатков кожи предоставило возможность для изучения обуви (Оятева Е. И., 1965, с. 42—52). При раскопках славянских поселений VI—IX вв. встречены в небольшом количестве предметы металлического гарнитура одежды — пряжки, поясные бляшки и кольца, а также единичные украшения. Более или менее компактные комплексы металлических деталей одежды и украшений обнаружены в составе кладов, неоднократно найденных в южнорусских землях.

При отсутствии иконографического материала для характеристики славянской одежды VI—IX вв. весьма ценными представляются единичные находки металлических фигурок людей в составе кладов или на поселениях, а также человеческие изображения на Збручском идоле.

Письменные свидетельства об одежде славян Восточной Европы рассматриваемого времени почти

отсутствуют. Имеется лишь сообщение Прокопия Кесарийского (VI в.) о балканских славянах: некоторые из них идут в бой против врагов в одних коротких штанах, не надевая ни хитона, ни плащей. Нет никаких известий о славянской одежде VI—IX вв. и в восточных источниках. Арабские авторы начинают уделять внимание одежде восточных славян лишь в X—XI вв.

Таким образом, более или менее обстоятельного и полного очерка славянского одевания VI—IX вв. сделать пока невозможно. Конечно, могут быть ретроспективно использованы восточнославянские материалы последующего периода. Однако для этого необходимо детальное научное исследование одежды X—XIII вв. Данные, находящиеся в распоряжении исследователя восточнославянской одежды VI—IX вв., явно не достаточны для подобной ретроспекции.

Как свидетельствуют лингвистические материалы, славяне с древнейших времен одевались в платья из льняного и конопляного полотна и шерсти. Лен — древнее индоевропейское культурное растение, а конопля (этот термин является праславянским и заимствован, по-видимому, из латинского) распространилась в славянской среде не позднее римской эпохи, т. е. первой половины I тысячелетия н. э. Использование льна и конопли как важнейших материалов для изготовления одежды предполагает, что основным цветом ее был белый или серый (при недостаточной отбелке). Было ли и в какой степени распространено крашение тканей у славян VI—IX вв., сказать невозможно. Первое упоминание об этом в письменных источниках датируется XI в. (Устав князя Ярослава).

С древнейших времен использовали славяне для одежды и шерстяные ткани. Их остатки довольно часты в восточнославянских курганах XI—XIII вв., а праславянский характер терминологии шерстяных тканей (сукно, серемяга, опона, власяница) свидетельствует о широком бытовании их в более ранние периоды истории славян.

Прядение и ткачество, как уже говорилось, были в числе наиболее распространенных домашних занятий славян.

Невозможно установить, насколько широко использовались и вообще употреблялись ли импортные ткани при изготовлении одежды восточных славян в VI—IX вв. Один из византийских авторов VIII в. (Никифор) сообщает, что балканские славяне брали у Византии дары в виде шелковой материи. Название шелка не относится к общеславянским терминам. Первоисточником восточнославянского слова «шелк» было, по-видимому, древнескандинавское слово (Фасмер М., 1973, с. 423, 424). Очевидно, шелковая ткань стала поступать на Русь только в период функционирования Волжского и Днепровско-

Волховского торговых путей. В VI—IX вв. шелк, как, впрочем, и другие виды византийских и восточных тканей, могли покупать или выменивать sporadически только славянские князья и богатая племенная знать.

Широкое распространение мехов в жизни восточных славян общеизвестно. Большая часть славян расселилась в лесной полосе с суровым климатом. Жизненные условия требовали теплой одежды, которая служила бы защитой от холода. Поэтому обработанные шкуры животных у лесных обитателей Европы, в том числе и у восточных славян, с давних времен служили необходимым материалом для изготовления одежды. Употреблялись прежде всего шкуры баранов (отсюда: восточнославянское овчина — 'одежда из овечьей шкуры', 'овечья шкура'), а из диких животных — волков и медведей (отсюда: древнерусское медведина — 'одежда из медвежьей шкуры', 'медвежья шкура'). Безусловно, уже в древности для одежды использовались и меха куницы, соболя, белки, лисицы, горноста, выдры и бобра. Меха выделялись в славянских землях не только для собственных нужд, но и для торгового обмена с другими странами. Русская летопись сообщает, что киевский князь Олег в 883 г. стал брать дань с древлян куньями шкурками, а под 859 г. говорится, что поляне, вятичи и северяне платили дань хазарам по одной белчицей и горностаевой шкурке с каждого двора (ПВЛ, I, с. 18, 20).

Шкуры животных использовались и для приготовления кож, из которых делались обувь, поясные ремни и рукавицы. Они изготовлялись как из сыромятных, так и из дубленых (обработанных дубителями растительного происхождения) кож. Праславянским термином «усма» или «усна» назывались все обработанные шкуры. Судя по староладожской коллекции, кожу получали при обработке шкур главным образом коров и коз или — в меньшей степени — лошади.

Мужская одежда славян, как можно судить по всем имеющимся прямым и косвенным данным, с давних времен состояла из рубашки, штанов и надеваемого при необходимости поверх плаща или кафтана. Характер рубашки, по-видимому, передают рельефные изображения на литых фигурках человечков из Мартыновского клада. Кажется, рубашка представляла собой прямую одежду туникообразного покроя, с длинными прямыми рукавами, подобную тем, что известны по древнерусским материалам. Рукав у запястья стягивался, вероятно, широкой тесьмой. Посредине груди рубаха имела широкую вышитую вставку. Ворот неясен. Рубаха подпоясана — пояс обозначен двумя линиями.

Вышитые рубашки такого типа, как подметил Б. А. Рыбаков, носили до недавнего времени в украинских, южновеликорусских и белорусских селах и деревнях. Широкая вышивка, аналогичная помещенной на рубашках мартыновских фигурок, имеется на одеждах мужских изображений на серебряных браслетах домонгольской Руси (Рыбаков Б. А., 1953а, с. 86).

Длинные узкие штаны мартыновских человечков доходят до щиколоток. У славян они назывались ногавицами. По-видимому, штаны поддерживались на бедрах бечевкой.

Поверх этих легких одеяний надевались более тяжелые верхние одежды. Известно несколько терминов, обозначавших такие одежды еще в праславянский период, — жупан, корзно, сукня и кожух. Вероятно, именно в жупане изображен мужчина на фигурке, найденной на славянском поселении VI—VII вв. в Требужанах в Молдавии (Смирнов Г. Д., Рафалович И. А., 1965). Это небольшой амулет, отлитый в односторонней литейной форме и изображающий человека с согнутыми в коленях и расставленными ногами. Фигура выполнена весьма условно, тем не менее можно согласиться с исследователями, опубликовавшими эту находку, что изображенный на ней мужчина одет в короткий жупан-кафтан с глубоким вырезом на груди.

Длинный опоясанный кафтан показан на мужских фигурках Збручского идола, описание и изображение которого приведены ниже (рис. 19; табл. LXXVI).

Другие виды верхней мужской одежды славян неизвестны по изображениям VI—IX вв.

Мартыновские и требужанская фигурки изображают мужчин без головных уборов. На двух изображениях человечков из Мартыновки радиальными черточками переданы волосы. Вероятно, в южных районах славянской территории мужское население в рассматриваемое время обычно ходило без головных уборов.

Головной убор славян — шапка языческого времени — известен только по скульптурным изображениям на идолах. Так, четырехликая голова Збручского идола увенчана сферической шапкой с околышком. Подобная шапка изображена и на голове новгородского каменного идола, найденного в Пошехонье.

Судя по древнерусским изображениям в миниатюрах, на иконах и фресках, подобные мягкие сферические шапки с меховым околышком были важнейшей княжеской регалией. По-видимому, и в языческую пору подобные головные уборы были атрибутами языческих божеств и племенных князей.

Мужские одежды обычно стягивались поясами. Иногда пояса делались из тканей и в таких случаях просто завязывались. Пояса из кожи имели металлические пряжки, наборные бляшки и наконечники.

Наиболее полная серия металлических частей пояса происходит из раскопок городища Зимно (Аулих В. В., 1972, с. 46, 56—66). Здесь найдены бронзовые, серебряные и железные пряжки с круглыми, полукруглыми, овальными, восьмеркообразными и фигурными рамками и основой разнообразных форм, а также прямоугольные «гитаровидные» пряжки. Многочисленны бляшки от поясных наборов — двущитковые и круглые прорезные, фигурные, выполненные в растительном стиле, крестообразная, в виде фигуры птицы.

Поясные пряжки и бляшки неоднократно встречены и на других славянских памятниках VI—IX вв., но они менее разнообразны, а иногда представлены единичными экземплярами. Однако они принадлежат в основном к тем же типам. Так, восьмеркообразные пряжки встречены и на поселениях Южного Буга, и на Хотомельском городище, и в длинных курганах кривичей. В коллекции древностей из длинных курганов имеются удлиненно четырехугольные, овальные и кольцевые пряжки, а также пряжки В-образной формы.

Интересные наборы разнообразных поясных бляшек и наконечников происходят из среднеднепровских кладов. На основе предметов из Суджанского клада Б. А. Рыбаков реконструировал мужской пояс с португеей VI—VII вв. (Рыбаков Б. А., 1949б, с. 82—85, рис. 336).

Необходимо подчеркнуть, что поясные пряжки, бляшки и наконечники, найденные на славянских памятниках VI—IX вв., не принадлежат к специфически славянскому убранству одежды. Наоборот, они имеют широкие аналогии в древностях многих племен и племенных группировок того времени — от аварских могильников Паннонии до кочевнических памятников приазовских и северокавказских степей. Подобные вещи иллюстрируют значительные перемещения населения, широкие связи и заметную однородность дружинной культуры.

Славянские рубахи и верхние одежды обычно завязывались тесемкой. Однако иногда применялись и пуговицы для застегивания одежды. В южнорусских курганах конца IX—X в. нередки маленькие бронзовые литые пуговицы, которые пришивались к вороту одежды. Они имели грушевидную или биковидную форму и иногда украшались геометрическими узорами (Русанова И. П., 1966а, табл. 22).

В составе Мартыновского клада имеются два запонкообразных предмета с гладким диском и узкой длинной петлей внизу. Скорее всего они служили пуговицами (Рыбаков Б. А., 1953а, с. 80, рис. 17, б).

Значительно чаще, очевидно, употреблялись костяные и деревянные пуговицы. В старолужской коллекции хранятся одна круглая пуговица и три стержневые застежки с острыми концами, изготовленные из кости, но относятся они уже к концу IX—X в. (Давидан О. И., 1966, с. 111, рис. 4, 12, 13).

На южной окраине восточнославянской территории в условиях соприкосновения с иноплеменным населением распространился обычай застегивать наплечную одежду при помощи фибул. Так, на славянских поселениях Днестро-Прутского междуречья найдено несколько разнотипных фибул — бронзовая арбалетовидная с ложно-подвезанным приемником, две посеребренные антропоморфные, бронзовая двупластичатая, бронзовая с короткой изогнутой дужкой, прямой ножкой и высоким держателем иглы и др. (Рафалович И. А., 1972, с. 198—202).

В области расселения антов, как уже отмечалось, относительно широкое распространение получили антропоморфные фибулы, датируемые VI—VIII вв. Фибулы славян встречены как на поселениях, так и в составе кладов.

Весьма широко распространились в антской среде VI—VII вв. пальчатые фибулы, которые можно считать этноопределяющими для этой славянской группировки. Однако они были принадлежностью женского туалета.

Другие фибулы, находимые на славянских памятниках рассматриваемого времени, единичны. Так, на поселении Кодын в Северной Буковине обнаружены две железные фибулы поздне римского типа «Bügelknopffibel», которые датируются V — первой половиной VI в.; на селище Куны в бассейне Южного Буга найдена железная двучленная фибула позднего арбалетного типа, характерная для IV — начала VI в.

Основным видом обуви славян VI—IX вв. были,

несомненно, башмаки из кожи. В общеславянский период они назывались черевиками (праславян. *čerŋ).

Наиболее полное представление об этом типе обуви дают материалы раскопок Старолужского городища (Ояева Е. И., 1965, с. 42—52). Здесь в слоях, относящихся к VIII—X вв., встречено значительное количество изделий из кожи (табл. LXIV, 11, 13—15, 17), среди которых преобладают остатки мягких бескаблучных башмаков.

Они изготовлены либо из целого куска кожи, либо из двух основных частей — цельнокроеного верха и подошвы. Основной шов выворотный, применялись также прямой шов, тачный и через край. Многообразие кройки башмаков (основные варианты: верх со швом сбоку или со швом вдоль большого пальца; носок обычного контура или укороченный срезом; задник с прямым срезом по нижнему краю либо с треугольным вырезом; воротничок симметричный или асимметричный; подошва с закругленными носком и пяткой или с закругленным носком, но удлиненной пяткой, или, наконец, с удлиненным носком, но закругленной пяткой) позволило исследовательнице старолужской обуви Е. И. Ояевой разделить их на восемь видов.

Однако все они принадлежат к одной форме. Это узконосые башмаки с невысоким подъемом. Они, очевидно, довольно плотно облегли ногу и закреплялись с помощью ремешка, который несколько раз обвивался вокруг щиколотки и завязывался. Некоторые виды башмаков шнуровались. Особняком стоит лишь один детский башмак. Он не узконосый, а повторяет припухлость ноги.

Единичные экземпляры лужских башмаков украшены. Для этого использовались или трапециевидные вставки с насечками, через которые для украшения продевались крученые цветные нити, или полоски кожи, украшенные аналогичным образом и оформляющие верхние края башмаков.

Другие виды обуви в старолужской коллекции VIII—X вв. отсутствуют.

Возможно, подобные узконосые башмаки изображены на мужских фигурках из Мартыновского клада. Впрочем, не исключено, что это — мягкие сапоги с такими же острыми носами. На требужанской фигурке, как полагают авторы ее публикации, изображены мягкие остроносые сапоги. Возможно, это были низкие сапоги, о которых позднее, описывая славян, упоминал Гардизи.

Нужно полагать, что во второй половине I тысячелетия н. э. славяне носили и лапти, изготовленные из лыка. Однако археологически это пока засвидетельствовано лишь находками костяных кочедыков для плетения обуви такого вида.

В Старой Ладоге в отложениях VII—IX вв. найдена рукавица, которая была сшита из целого куска овчины, сложенного вдвое мехом внутрь (табл. LXIV, 14).

Женская одежда славян рассматриваемого периода менее документирована археологическими материалами и совсем не получила отражения в синхронных письменных источниках.

Судя по более поздним данным, одежда женщин состояла прежде всего из рубашки, которая отличалась от мужской большей длиной и, очевидно, более

нарядными украшениями — вышивкой или узорным тканьем.

Фасоны мужской и женской верхней одежды в быту русских крестьян XIX в. мало чем отличались друг от друга. Надо полагать, что и в VI—IX вв. было так же. Во всяком случае, одежды женских фигур, изображенных на Збручском идоле, не отличимы от мужского одеяния. Конечно, женщины погавиц не носили, но жупаны, корзно, сукни и кожухи были почти идентичными. Мужская и женская обувь, судя по старолadoжским материалам, не различима.

Женский костюм отличался от мужского головным убранством и украшениями. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют охарактеризовать все типы женских головных уборов славян, расселившихся по восточноевропейской равнине во второй половине I тысячелетия н. э.

Так, женский головной убор реконструируется по находкам в кладах мартыновского типа. Составными частями уборов были серебряные пластины с завитком на конце — налобные венчики — и орнаментированные пластины, воспроизводящие форму человеческого уха, — наушники. На их основе Б. А. Рыбаков реконструировал головной убор из мартыновского клада, который оказался весьма близким к русским кокошникам, хорошо известным по этнографическим материалам.

В XIX в. наушники делались из жесткого материала и богато украшались бисером и жемчугом. Один из мартыновских наушников имел орнаментальные выпуклости, образующие треугольник. Другой наушник из того же клада имел по краю широкую полосу позолоты и был орнаментирован треугольными пластинами с золотой зернью и гнездами для цветных камней.

Весьма характерным славянским украшением, очевидно, были височные кольца. Они принадлежат к различным типам. Из Мартыновского, Малоржавского и Новосуджанского кладов, упомянутых выше, происходят большие серебряные проволочные кольца со спиральным завитком, обращенным внутрь. Славянские женщины носили их на висках (по одному-два, а иногда и по три с каждой стороны головы), подобно тому как это было в древнерусское время. В Новосуджанском кладе найдены и браслетообразные височные кольца из толстой серебряной проволоки с отдельными биспиральными подвесками (Рыбаков Б. А., 1949б, с. 77, рис. 31).

В VIII—IX вв. в южных районах восточнославянского расселения сравнительно широко распространяются височные кольца волинского типа, а в IX в. появляются пятилучевые или семилучевые височные украшения ранних вариантов, отдельные экземпляры которых украшены ложной зернью. Они найдены на городище Хотомель (Кухаренко Ю. В., 1961, с. 9, табл. 8, 21), в полуземлянке Новотроицкого городища (Ляпушкин И. И., 1958а, с. 129, рис. 85, 5), на горо-

дище Титчиха на Дону (Москаленко А. Н., 1965, с. 119, рис. 42), а также в составе Железницкого (Зарайского), Полтавского и Новотроицкого кладов (Макаренко Н. Е., 1908, с. 5—8, табл. I; Рыбаков Б. А., 1948, с. 106, 107, рис. 14, 15; Ляпушкин И. И., 1958а, с. 26, рис. 12, 13).

Более широкое распространение в восточнославянской среде получили проволочные височные кольца — небольшие перстнеобразные и среднего диаметра. Они встречаются как в южнорусских областях, так и в лесных кривичских землях (Ляпушкин И. И., 1958а, с. 26, рис. 13; Рафалович И. А., 1972, с. 195, рис. 3, 4; Седов В. В., 1974а, с. 32, табл. 26, 1, 6, 7, 9, 10). Перстнеобразные полутораоборотные височные кольца, как уже отмечалось, стали излюбленным (этнографическим) украшением восточнославянских дулебов и их потомков.

Для закрепления верхней женской одежды у антов VI—VII вв. употреблялись, о чем также говорилось выше, пальчатые фибулы. Общеславянский термин оплечье повсюду связан с какой-то надевавшейся на плечи частью женского костюма. По-видимому, такие оплечья и застегивались фибулами.

Шейные ожерелья, состоящие из бус, судя по материалам длинных курганов кривичей и Старолadoжского городища, были в некоторых славянских регионах излюбленным женским украшением (Седов В. В., 1974а, с. 27, табл. 23, 1—5; Львова З. А., 1968, 64—94). Многие ожерелья были одноцветными и состояли из синих зонных стеклянных бус. Иногда к ним добавлялись зеленые бусы. Изредка встречались темно-синие бусы с глазками в виде белых кружков, а также глазчатые желтого и красного цветов.

В Верхнем Поднепровье в VIII—IX вв. в составе ожерелий преобладал зеленый и прозрачный бисер — сирийский, как показала Н. А. Школьникова. Встречаются также округлые и 14-гранные голубые бусы византийского импорта. В левобережной части Среднего Поднепровья обычны желтый бисер, очень распространенный в это время в Моравии, и синие бочковидные бусы, по-видимому византийского происхождения (Школьникова Н. А., 1978, с. 97—104).

В более южных областях восточнославянской территории, в том числе в Припятском Полесье и на Волинии, шейные ожерелья из бус, очевидно, не получили распространения. Здесь лишь изредка встречаются единичные бусины.

Славянский женский костюм V—IX вв. иногда дополнялся и различными металлическими украшениями — шейными гривнами, перстнями или браслетами. Собственно славянских типов этих украшений в то время еще не было, и славяне Восточной Европы пользовались самыми разнохарактерными браслетами, перстнями и гривнами, изготовленными своими мастерами-ремесленниками или приобретенными у соседних племен.

Глава одиннадцатая

Язычество

Здесь рассматриваются далеко не все стороны языческого мировоззрения восточных славян. Это — тема специального исследования (*Рыбаков Б. А.*, 1974, с. 3—30). Мы затрагиваем лишь отдельные вопросы славянского язычества, решение которых непосредственно связано с изучением остатков материальной культуры, полученных в результате археологических изысканий.

Вопрос о характере и устройстве языческих святилищ восточнославянских племен давно интересовал исследователей. Многие ученые пытались представить, как выглядели дохристианские места молений и жертвоприношений. Однако фактических данных для освещения этого вопроса до недавнего времени не было. Некоторые исследователи, обращая внимание на языческие храмовые постройки у балтийских славян, полагали, что и на Руси в дохристианский период существовали подобные культовые сооружения из дерева. Другая группа ученых указывала на то, что русские летописи ничего не сообщают о существовании языческих храмов в восточнославянской среде, а в архитектуре древней Руси отсутствуют какие-либо следы дохристианского культового строительства. Эти историки утверждали, что восточные славяне-язычники не воздвигали культовых сооружений, а совершали моления, обряды и гадания «под овином, под рощением, или у воды».

Положение серьезно изменилось в результате археологических раскопок трех последних десятилетий, когда были получены материалы, позволяющие восстановить облик целого ряда языческих святилищ в различных районах восточнославянского расселения.

Одним из интереснейших языческих сооружений восточных славян является святилище Перуна, исследованное близ Новгорода Великого в урочище Перынь (рис. 18), которое расположено там, где Волхов вытекает из оз. Ильмень (*Седов В. В.*, 1953а, с. 92—103). Перыньский холм, окольцованный по склонам сосновой рощей, величественно и живописно господствует над северными низменными и безлесыми берегами Ильменя. Очевидно, здесь находилось не рядовое, а центральное святилище словен новгородских. Во время языческих празднеств на холме могло собраться большое количество людей.

Центральную часть святилища составляла приподнятая над окружающей поверхностью горизонтальная площадка в виде правильного круга диаметром 21 м, окруженная кольцевым рвом шириной до 7 м и глубиной более 1 м. Точно в центре круга расконками выявлена яма от столба диаметром 0,6 м. Здесь стояла деревянная статуя Перуна, которая, как сообщает летопись, в 988 г. была срублена и сброшена в Волхов. Перед идолом паходился жертвенник — круг, сложенный из булыжных камней.

Ров, окружавший культовую площадку, представлял в плане не простое кольцо, а ободок в виде гро-

мадного цветка с восемью лепестками. Такую форму придавали ему восемь дугообразных выступов, расположенных правильно и симметрично. В каждом таком выступе на дне рва во время языческих празднеств разжигали ритуальный костер, а в одном из них, восточном, обращенном к Волхову, судя по количеству углей и прокаленности материка, горел «неугасимый» огонь (табл. LXXIII, 9).

В планировке святилища, вероятно, можно видеть геометризованное изображение одного из цветков, посвященных Перуну. Известно, что славяне-язычники любили посвящать громовержцу цветковые растения. Окружавший площадку с идолом ров, подобно курганным ровикам, имел ритуальное значение. Что касается костров, зафиксированных во рву, то имеются непосредственные свидетельства письменных источников об огне как священной принадлежности богослужения Перуну: «Ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающий за дубового древия непрестанно паляху» (ПСРЛ, II, с. 207). Впрочем, костры были обязательным атрибутом не только святилищ, посвященных Перуну.

Более скромны святилища, обнаруживаемые среди лесов и болот и внешне похожие на городища. Эти культовые сооружения обычно называются болотными городищами. Они известны во многих регионах восточнославянского расселения, в том числе в земле смоленских кривичей (*Седов В. В.*, 1962в, с. 57—64), на Псковщине, в Припятском Полесье и других местах.

Форма этих культовых мест в плане округлая или овально округлая, диаметры площадок от 14 до 30 м. Площадки чаще ровные, горизонтальные, как в Перыни, в других случаях — выпуклые со слегка приподнятой серединой, в третьих — имеют небольшую воронкообразную вогнутость. Они оконтурены обычно кольцевым рвом и невысоким валом, иногда — одним рвом, иногда — двумя валами, между которыми находится неглубокий ров. Валы незначительны по размерам, их вершины обычно ниже поверхности культовых площадок (табл. LXXIV, 7). Военно-оборонительного значения эти валы не могли иметь и, очевидно, как и рвы, носили культовый характер.

Устраивались такие святилища на небольших естественных островках среди болот или в конце низких мысов, образуемых болотистыми низинами, и возвышались над уровнем окружающей местности всего на 2—5 м. Известны и искусственно насыпанные святилища. Таково, в частности, Красногорское на Смоленщине. В траншее, заложенной в восточной части его площадки, на материке выявлена вымостка размерами 3,5×3 м, сложенная в один ярус из непригнанных друг к другу булыжников и колотых камней. Все камни носили следы огня, промежутки между ними были заполнены зольным слоем, а выше залегал мощный слой золы с обго-

рельеми бревнами (*Лявданский А. Н.*, 1926, с. 266—269). По-видимому, вымостка была сооружена перед тем как насыпали возвышение, и на ней был зажжен ритуальный костер, чтобы освятить место будущего святилища.

На Смоленщине культовые места рассматриваемого типа датируются VIII—X вв. По-видимому, и в других местах они относятся к тем же столетиям или — шире — ко второй половине I тысячелетия н. э.

Раскопочные исследования на этих памятниках не производили. Поэтому пока трудно сказать, стояли ли на таких святилищах деревянные идолы или каменные изваяния, которые найдены в тех же местах, где известны памятники описываемого облика.

Топографическое положение восточнославянских святилищ зависит от особенностей и рельефа местности. В низких равнинных местах они устраивались на всхолмлениях среди болот. В землях с сильно изрезанным или холмисто-гористым рельефом святилища сооружались на вершинах возвышений, часто занимающих господствующее положение на местности. Однако те и другие имели однородное строение. Основу их составляли небольшие круглые или овально округлые площадки с горизонтальной или слегка поднимающейся к центру поверхностью, окольцованные рвом или валом.

Святилища на высоких местах характерны, в частности, для Северной Буковины (*Тимошук Б. О.*, 1976, с. 82—91). Одно из них — в Ржавинском лесу — было сооружено на высоком всхолмлении около ключей. Его ровная округлая площадка имела 24 м в поперечнике и была обнесена валом высотой 1,5 м и рвом шириной 5—6 м. На вершине вала были устроены специальные площадки из камней, на которых, очевидно, в моменты языческих празднеств и молений разжигались ритуальные костры. Имелся еще второй концентрический вал, также с примыкающим к нему рвом. Его диаметр 60 м. На вершине вала тоже были устроены площадки-уступы для ритуальных костров.

При раскопках на склоне первого вала обнаружен каменный четырехгранный столб без каких-либо изображений. Его высота 2,5 м, размеры основания 0,9×0,6 м, кверху он становился более тонким. В языческое время, как полагает исследователь памятника Б. А. Тимошук, каменный столб стоял в центре круглой культовой площадки, выполняя функцию идола. В период борьбы христианства с язычеством его, очевидно, свалили и сбросили за пределы центральной площадки святилища.

Святилище в Ржавинском лесу расположено в центре гвезда славянских поселений VIII—X вв. Так же было размещено и святилище, обследованное тем же исследователем в Горбове, на высоком берегу р. Прут.

На вершине высокой горы находилось и святилище под Каневом на Днепре. Оно занимало довольно ровную площадку каменной горы Пластунка. В центре площадки раскопками выявлена круглая в плане яма диаметром 1,85 м и глубиной 1,2 м. Исследователь памятника полагает, что в ней находилось основание идола, сделанного, очевидно, из дерева (*Мезенцева Г. Г.*, 1968, с. 131).

Все эти святилища обслуживали более или менее крупные регионы, включавшие по несколько, а

иногда и по несколько десятков поселений. По-видимому, это были племенные культовые места. В отличие от Перынского святилища, служившего для совершения языческого культа словен новгородских, другие охарактеризованные здесь памятники, нужно полагать, были культовыми центрами малых или первичных племен, в результате объединения которых и формировались союзы племен, известные русским летописям. Важнейшим признаком таких племенных святилищ является их изолированное от поселений положение. Жители окрестных селений собирались на этих святилищах в основном во время крупных языческих празднеств и молений или же в связи с событиями, важными для племени. По строению эти святилища отличались одно от другого частностями. Общими элементами, очевидно обусловленными единством языческого мировоззрения восточных славян, были их круглая форма с идолом или столбом в центре и ритуальные костры.

Помимо племенных святилищ, у восточных славян были и небольшие, устраиваемые непосредственно на поселениях и предназначенные для более узкого круга людей. Они, по-видимому, служили для повседневных молений, на них собирались преимущественно жители тех поселений, где они находились, и, может быть, соседних селений, когда-то отпочковавшихся от основных.

К числу таких небольших святилищ принадлежит Ходосовичское, расположенное на берегу оз. Святое, в земле радимичей (*Куза А. В., Соловьева Г. Ф.*, 1972, с. 146—153). Устроено оно было на окраине поселения второй половины I тысячелетия н. э., на мысе песчаной дюны, вытянувшейся вдоль края озера. Само святилище датируется концом X — началом XI в. Его центральную часть составляла горизонтальная, круглая в плане площадка диаметром 7 м, окольцованная канавкой шириной 0,4 м. В центре площадки открыта яма от деревянного столба-идола. В кольцевой канавке, по-видимому, стоял невысокий частокол, ограждавший площадку с идолом (табл. LXXIV, 5). С четырех сторон на расстоянии до 2 м от края площадки имелись серповидные в плане корытообразные углубления, ориентированные по сторонам света. Во время языческих ритуалов в них горели костры (западный край святилища подмыт водами озера, поэтому раскопками зафиксированы только три серповидные ямы с огнищами).

Святилище, исследованное на городище роменско-боршевской культуры у с. Нижний Воргол в бассейне среднего Дона, устроено также в мысовой части (*Москаленко А. Н.*, 1966, с. 203—209). Это глинобитная обожженная площадка округлой формы диаметром 12 м. В ее середине находилась яма от деревянного идола, а вблизи — жертвенник (сильно прокаленная глина с золой), в котором обнаружены кости лошади и железные наконечники стрел. Исследователь городища полагает, что конское мясо и стрелы были принесены в жертву языческому богу. Глиняную площадку окаймляли ямы, в которых во время молений и празднеств зажигали ритуальные костры.

На поселении VI—VII вв. в урочище Гиплой Кут на окраине г. Городок на Подолии исследовано святилище, состоявшее из прямоугольной площад-

Рис. 18. Урочище Перынь под Новгородом

ки (2,3×1,5 м), выложенной небольшими плоскими камнями, и круглого кострища, устроенного в углублении около восточного края площадки. Среди остатков костра обнаружены обожженные кости животных и фрагменты глиняной посуды (*Приходнюк О. М.*, 1975, с. 98, 99).

К этому же типу святилищ принадлежит Киевское, открытое еще в 1908 г. раскопками В. В. Хвойки и повторно исследованное в 1937 г. (*Хвойко В. В.*, 1913, с. 66; *Каргер М. К.*, 1958, с. 105 — 112). Оно находилось в средней части довлاديمирова города, на Андреевской горе. Капище было сложено насухо из неотесанных камней и образовывало в плане неправильный прямоугольник с округленными углами и с четырьмя выступами по сторонам света. Размеры его около 4,2×3,5 м, высота — 0,4 м (табл. LXXIII, 4). К югу от этого сооружения находился слой пережженной глины, который, по мнению В. В. Хвойки, был жертвенником. Около него обнаружено много костей домашних животных.

Киевское святилище датируется VIII—X вв. Оно расположено в самой сердцевине княжеского двора, и, может быть, перед ним клялись и соверша-

ли жертвоприношения языческим богам киевские князья IX и X вв. Олег, Игорь и Святослав. Летописи сообщают, что в 980 г. Владимир Святославич соорудил новое святилище за пределами территории, защищенной городским валом, в отдалении от древнего: «И постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» (ПВЛ, I, с. 56).

Языческие святилища у восточных славян были распространены широко. По устройству они не были одинаковыми.

Оригинальное святилище VIII—IX вв. исследовано в Шумске близ Житомира (*Русанова И. П.*, 1966б, с. 233 — 237). Оно было устроено на отроге невысокого берега р. Гнилопять, занимая укромное место, и представляло собой врезанную в грунт неглубокую плоскую яму размерами 14×11 м. В ней выявлены следы столбов и огня и обнаружены камни. Конфигурация ямы сложная. Исследователь памятника называет святилище крестообразным. Б. А. Рыбаков увидел в нем антропоморфные очертания: «Обозначены голова, раскинутые в стороны женские груди, обрисованы бедра и внизу ступни ног. Самый массивный столб приходится на месте сердца этой гигантской женской фигуры, распро-

стертой по высокому берегу реки. В кострище найдены кости птицы и быка. Возможно, что перед нами своеобразная форма жертвоприношения какому-то значительному женскому божеству: Макопи, Живе, а может быть, и богине смерти Бабе-Яге (рядом расположен могильник, а сама фигура помещена головой на север, к царству мрака и смерти). О женской сущности божества говорят и пряслица для веретен, найденные в этом своеобразном святыхлице» (Рыбаков Б. А., 1974, с. 14, 15).

Деревянные культовые постройки того типа, что известны по описаниям Саксона Грамматика (XII в.) у балтийских славян, в регионе расселения восточнославянских племен не встречены. Раскопки последних лет в Гросс Радене (Шверинский округ ГДР) выявлены и исследованы остатки одного из языческих храмов северо-западных славян. Это было прямоугольное в плане сооружение размерами 12,5×7 м. Стены святилища составляли вертикально поставленные бревна, которые с наружной стороны были обшиты уплощенными брусками. Сверху бруска были оформлены в виде схематически вырезанных изображений человеческих голов. Над входом в храм висел череп зубра — символ силы и благополучия (Herrmann J., 1978, S. 19—27).

Оказалось, что этот храм и подобные ему, зафиксированные раскопками в других местах расселения балтийских славян, имеют аналогии в культовом строительстве кельтов. Их происхождение, очевидно, обусловлено давними контактами части славянских племен с кельтами где-то в верховьях Вислы или Одры.

Имеются данные о языческих молениях славян в овинах, т. е. хозяйственных постройках, связанных с земледелием. Трудно сказать, насколько широко был распространен этот обычай у восточных славян.

В источниках отмечено поклонение славян горам и источникам, рощам и отдельным растениям.

Священным деревом славян-язычников был дуб. Культ этого дерева тесно связан с культом Перуна. Константин Багрянородный (X в.) описывает жертвоприношение купцов-русов у священного дуба на острове Хортице на Днепре. Упоминания о дубе как священном дереве имеются и в других письменных источниках, касающихся восточных и западных славян.

Дважды — со дна Днепра, а также в нижнем течении Десны (между Черниговом и Остером) — были подняты стволы дубов, стоявших на берегах этих рек и подмытых еще в древности. Эти деревья, несомненно, были объектами культового почитания. В стволах дубов оказались вбиты соответственно девять и четыре кабаньих клыка (остриями наружу). Вероятно, деревья с клыками играли ту же роль, что и дуб на острове Хортице.

В северо-западной части восточнославянской территории в раннем средневековье было распространено культовое поклонение камням. Культ камня в различных видах относится здесь к древней эпохе и по своему происхождению не связан со славянским этносом. Славяне, по-видимому, унаследовали культ поклонения камням от аборигенного населения.

Памятниками этого культа являются крупные камни с ямками, с выемками — отпечатками ног человека или животного (так называемые камни-следо-

вики), известные в Новгородско-Псковской земле и на территории Белоруссии (Мялешко М., 1928, с. 155—182). В отдельных местностях этнографами зафиксировано реликтовое сохранение культового поклонения этим камням: дождевая вода из ямок и углублений на камнях представлялась «святой»; вплоть до начала XX в. на эти камни клали цветы или приносили пищу. В христианское время на культовых камнях стали высекать христианские эмблемы.

Идолы-кумиры были важнейшими атрибутами как племенных, так и поселенческих святилищ восточного славянства. Наиболее распространены деревянные статуи. Об этом свидетельствуют и материалы археологии, и письменные источники. «Не суть божи, но древо» (ПСРЛ, I, с. 82), — упрекали христиане язычников. Перун, поставленный Владимиром Святославичем в Киеве, был деревянным, из дерева был сделан и идол главного святилища новгородских словен в Перыни.

Деревянные идолы восточных славян, судя по описаниям, — столбы, наверху которых изображалась человеческая голова. До нас они не дошли, поэтому их облик в полной мере нельзя воссоздать. Может быть, некоторое представление о них дают деревянные скульптурные находки из новгородских раскопок (Колчин Б. А., 1971, с. 41—44). Прежде всего это — палочки с навершиями, вырезанными в виде головы мужчины. Очевидно, они связаны с языческими верованиями, поскольку никакой утилитарной значимости не имели. По-видимому, это идолы — фигурки «домовых», покровителей семьи или защитников от злых духов. Одна из них изображена в табл. LXXIII, 8. Перед нами фигурка старца, на несколько уплощенном лице которого переданы глаза, нос, борода. На голову надета шапка.

Миниатюрные деревянные культовые фигурки неоднократно находили на западнославянских землях (Herrmann J., 1971, S. 210, 211, Bild 58—60; Hensel W., 1978, s. 13—15). Среди них одна, происходящая из Волина, имела четырехликое изображение головы, остальные в общих чертах сходны с новгородскими деревянными скульптурами.

В разных местах восточнославянской территории найдены каменные идолы, свидетельствующие о том, что в среде славян-язычников широко распространение получили и изображения божеств, выполненные из камня. Так называемый новгородский идол, обнаруженный в 1893 г. при расчистке русла Шексны и Белозерского канала, высечен из гранита (табл. LXXV, 1). Высота его 0,75 м. Прimitивным рельефом выполнены глаза, рот и подбородок. Голова увенчана шляпой (Порфиридов Н. Г., 1930, с. 31—33).

Себежский идол (табл. LXXV, 4) найден в болоте. Это гранитная голова мужчины в шляпе с округлой тульей и прямыми полями. Лицо идола выделено из остальной массы камня — два глаза выбиты в виде щелок, двумя продольными линиями передан немного выступающий нос, рот высечен в виде горизонтальной черты. Высота идола 0,67 м (Гуревич Ф. Д., 1954, с. 176—179).

Идол, найденный в ручье близ р. Пскова, представляет собой довольно грубо высеченную гранитную фигуру человека высотой 0,7 м (табл. LXXV, 3).

Рис. 19. Збручский идол

Акулининское пзваяние (табл. LXXV, 5), обнаруженное в земле вятичей — близ деревень Акулинино и Долматово в Подольском р-не, — погрудная фигура без шапки. Здесь объемно выделены лицо и подбородок. Глаза, нос и рот обозначены лишь врезанными линиями.

Слонимский идол, в отличие от Акулининского, имеет рельефно изображенное лицо, с хорошо выраженными в профиль носом, губами и подбородком (табл. LXXV, 2). Высота изображения 46 см. Сделан он, как и Акулининский, из известнякового камня (Stabrowski J., 1939, s. 24—26).

Каменные идолы (табл. LXXIV, 2) найдены и в других местах восточнославянской территории (Шты-

хов Г. В., 1964, с. 66, 67; Никитина В. Б., 1971, с. 317, 318).

В южнорусских землях, где славянская культура испытала воздействие давних цивилизаций, известны более сложные языческие идолы. Так, у с. Яровка Черновицкой обл., на древнерусском поселении обнаружен двуликий каменный идол (табл. LXXIV, 6). Это столб высотой 1,7 м. Посредством грубой оббивки на нем схематично изображены два плоских лица, повернутых в противоположные стороны. Контуры лиц, глаза, нос и рот обозначены ямками. Одна, по-видимому мужская, голова изображена в остроконечном головном уборе; лицо другой, очевидно, принадлежит женщине, на голове которой шапки нет (Тимощук В. О., 1976, с. 91, 92, рис. 45).

Наиболее примечательным памятником славянского язычества является Збручский идол, найден-

ный у подножия холма в Збруче, притоке Днестра, близ Гусятипа, и ныне находящийся в Краковском археологическом музее (рис. 19; табл. LXXVI). Условно этот идол называется Святовитом, и ему посвящены десятки научных исследований (*Срезневский И. И.*, 1853, с. 163—183; *Гуревич Ф. Д.*, 1941, с. 279—287; *Beranová M.*, 1955, s. 804—808; *Rosen-Przeworska J.*, 1963, s. 111—118).

Изваяние представляет собой высокий (2,7 м) четырехгранный столб, на каждой из четырех сторон которого имеются серии изображений. Манера изображений плоскостная и схематичная. Переданы лишь основные контуры. Детали, может быть, выполнялись раскраской. Следы краски выявлены во впадинах известнякового столба.

Общий космогонический смысл Збручского идола и изображений на каждой из четырех граней его расшифрован и интерпретирован Б. А. Рыбаковым (*Рыбаков Б. А.*, 1953б, с. 75—79).

Три горизонтальных яруса изображений Збручского изваяния символизируют распространенное деление вселенной на небо — мир богов, землю, обжитую людьми, и преисподнюю (подземный мир), таинственные обитатели которой держат на себе землю.

Наверху, на каждой из четырех сторон столба, изображены в рост фигуры четырех божеств, увенчанных одной общей шапкой. На главной лицевой стороне помещено женское божество с турьим рогом-ритоном в правой руке. Это — богиня плодородия с рогом изобилия. По левую сторону от нее — мужская фигура бога-воина с саблей у пояса и конем внизу. Скорее всего это Перун. По правую сторону от главной богини помещено другое женское божество с каким-то кольцом в правой руке. На тыльной грани — изображение мужского божества без атрибутов. Эти фигуры имеют строгие позы, как бы говорящие об их неземном происхождении.

В среднем поясе помещены чередующиеся фигуры мужчин и женщин. Это — земля с хороводом взявшихся за руки людей.

Нижний ярус — три фигуры усатых мужчин. Это — подземные боги, поддерживающие находящийся над ними земной шар.

Збручский идол проливает свет на языческие представления славян о трехъярусном строении мира. Такое представление сложилось в далекой древности и было распространено у разных народов. Единая шапка четырех небесных божеств, может быть, отражает идею единого высшего бога.

При археологических раскопках курганов и поселений восточных славян встречены металлические изображения языческих божеств. О находке бронзового идола в кургане Черная Могила сказано ниже.

В Новгороде найдена небольшая свинцовая фигурка человека, стоящего на высоком столбе-пьедестале (табл. LXXIII, 3). Это мужчина с большими усами, в длинной рубахе, с руками, упирающимися в бока. Судя по всем признакам, эта металлическая фигурка изображает славянского громовержца Перуна (*Арциховский А. В.*, 1956, с. 35, 36).

По всей вероятности, изображением Перуна является и другая фигурка — металлическая привеска, обнаруженная в новгородском культурном слое XII в. (*Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С.*, 1976, с. 49). Фигурка плоская литая, с изображением толь-

ко на лицевой стороне. Изображен мужчина с бородой, руки согнуты и упираются в бока. Одет он в длинную рубаху со складками, на голове — шапочка, переходящая в ушко для подвешивания (табл. LXXIII, 6).

Подобные металлические миниатюрные культовые фигурки, изображающие мужских божков в подбоченившейся позе, известны и на западнославянской территории (*Niederle L.*, 1913, s. 419; обр. 34; *Váňa Z.*, 1977, обр. 95). Напрасно П. М. Алешковский полагает, что описываемый здесь амулет завезен в Новгород язычником из Прикамья (*Алешковский П. М.*, 1980, с. 284—287). Скорее, наоборот, подобные изображения, найденные в Прикамье, имеют новгородское происхождение. Именно с XII в. на поселениях Пермско-Камского края появляются предметы древнерусского происхождения, свидетельствующие о проникновении новгородцев на просторы Севера.

Подобное изображение человека, но с поднятыми вверх руками, есть на небольшой бляшке, найденной в Пскове (табл. LXXIII, 1). Ноги мужчины, чуть согнутые, как бы приплясывающие, напоминают о серебряных фигурках Мартыновского клада.

Идолом была и бронзовая фигурка мужчины с разведенными в стороны руками и подогнутыми ногами, найденная в кургане близ с. Сарогожское в Вельском р-не (Каталог, 1907, с. 60). Он изображен в короткой одежде, перехваченной поясом, и в маленькой, но довольно высокой шапке. Черты лица неясны (табл. LXXIV, 3).

Весьма близкая бронзовая привеска-идол (табл. LXIV, 4) — подбоченившаяся мужская фигурка с прической «в скобку» и в рубахе до колен — найдена на берегу Волги в Зубцове (*Рикман Э. А.*, 1951, с. 73).

В Черниговском кургане Черная Могила (X в.) в погребении князя обнаружен небольшой бронзовый идол. Его плохая сохранность не позволяет описать детали. По-видимому, божество изображено сидящим и что-то держащим в руке, может быть рог (*Рыбаков Б. А.*, 1949а, с. 43, рис. 17). Фигурка вполне объемна, с правильными пропорциями тела.

Перечисленными находками пока исчерпываются восточнославянские изображения языческих богов. Русская деревня в XI—XII вв. была еще в значительной массе языческой. Однако многие фигурки, найденные в курганах и селищах того времени, не всегда можно с уверенностью связывать с изображением божеств.

Среди курганных материалов многочисленны украшения, обусловленные языческими символическими и мифологическими. Особый интерес представляют привески-амулеты. Они связаны с заклинательной магией. В отдельных погребениях встречены целые наборы амулетов, подвешенных на цепочках к общей основе.

В одном из курганов у д. Кветунь около Трубчевска (*Падин В. А.*, 1958, с. 221, 222) набор амулетов состоял из семи витых проволоочных звеньев и двух проволоочных цепочек из восьмеркообразных звеньев, к которым были привешены бронзовая ложечка, подвеска-серп, костяная уточка, бронзовый широкосрединный неспаянный перстень с кружковым орнаментом и миниатюрный гребень с головками в виде коныков (табл. LXXIII, 2). Ручка ложечки отлита в виде человеческой фигурки в плаще или накидке, складки которых видны на туловище и ногах. Правая нога длиннее левой, что создает впечатление идущего че-

ловека. На голове имеется петля для подвешивания (табл. LXXVII, 8).

Набор амулетов из Сарогожских курганов (*Репников Н. И.*, 1904, с. 17, 18) носили на цепочке длиной 65 см, надеваемой на шею. К цепочке были подвешены ложечка, конек, бубенчик, кабаньих клык (табл. LXXVII, 1), а также янтарная и костяная лапчатая привески, крестик и костяная копоушка.

Обычно же амулеты подвешивались на коротких или длинных цепочках, носимых на груди. Такая цепочка найдена в одном из Трашковических курганов (*Булычев Н. И.*, 1899б, с. 60, 61). К ней на колечке подвешен пластинчатый конек, в переднюю ногу его вдето проволочное колечко, в заднюю — такое же колечко с двумя привесками — клыками животных и третьей — костяной пластинкой (табл. LXXVII, 7). К этому же типу принадлежит цепочка из двух рядов перевитых звеньев с пластинчатым коньком-привеской и бубенчиками (табл. LXXVII, 12), происходящая из Кохановских курганов (*Булычев Н. И.*, 1899б, с. 79). Нередко комплекс привесок-амулетов при помощи цепочек прикреплялся к специальным ажурным бляхам-цепедержателям (табл. LXXVII, 6; LXXVIII, 5). Среди амулетов имеются ложечки, ключи, пилки и ажурные пластинчатые уточки.

Значительно чаще привески-обереги встречаются в курганных захоронениях не в наборах, а индивидуально. Это те же ложечки, ключи, бубенчики, гребни, клыки или челюсти животных, топоры и разнообразные зооморфные подвески.

Ложка — символ сытости, благосостояния и довольства. Привеска-ключ (табл. LXXVII, 11) — символ богатства и сохранности. Обереги-клыки (табл. LXXVII, 13) и когти хищников служили «для отпугивания зла». Челюсти хищников в числе амулетов скорее всего имели апотропейческий смысл. Бубенчики в составе наборов привесок-амулетов при малейшем движении начинали колебаться и издавали звон, что, очевидно, имело какое-то магическое значение. Иногда они привешивались на колечках индивидуально (табл. LXXVIII, 9). По-видимому, амулетами были и привески из раковин-каури (табл. LXXVII, 4).

В славянском язычестве топор был символом Перуна. Еще в X—XII вв. образ Перуна у славян-язычников ассоциировался с летящим по небу огненным топором (*Даркевич В. П.*, 1961, с. 91—102). В древнерусских курганах встречаются миниатюрные топоры, положенные погребенным с суеверно-ритуальными целями. Известны и амулеты-топоры (табл. LXXVII, 3, 5), впрочем, довольно редкие в славянских курганах. Возможно, это обусловлено особой значимостью таких символических изображений.

Весьма редки и привески в виде мечей. Одна из них найдена в кургане 47 Лесной группы Гнездовского могильника (*Авдусин Д. А.*, 1952а, с. 98). Привеска железная, имеет прямое перекрестие и треугольный набалдашник с отверстием, куда вставлено колечко для подвешивания.

Амулеты-гребни служили оберегами от болезней. Среди них имеются и простые, и усложненные различной орнаментацией. Так, бронзовый амулет из Залаховья (*Кудряшов К. В.*, 1913, с. 257, 258) был сверху украшен фигурками зверей (табл. LXXVII, 2). Гребням, уничтожающим паразитов — распространителей болезней, славяне-язычники придавали

Рис. 20. Маска из кожи (Новгород)

значение оберегов, их украшали звериными головами.

Весьма распространенными были привески-лунницы, связанные с культом луны. «Если руководствоваться мифологией, то их следует считать принадлежностью девичьего убора, так как Селена богиня Луны — была покровительницей девушек» (*Рыбаков Б. А.*, 1971, с. 17).

С глубокой древности в языческом мировоззрении образ женщины, ожидающей рождения ребенка, переплетался с образом прорастающего в земле зерна. Привески в виде молодого ростка-крена (табл. LXXIII, 5), встречаемые в курганных захоронениях и входящие в состав некоторых древнерусских кладов домонгольского времени, символизировали рождающую жизненную силу женщин.

На окраинах славянской территории, там, где славяне непосредственно соприкасались с финно-угорским населением, в курганных погребениях встречаются привески-игольники (табл. LXXVII, 10). Их тоже можно отнести к культовым предметам, так как некоторые из игольников имеют языческие шумящие привески.

Довольно многочисленную группу амулетов восточных славян образуют зооморфные привески. Это плоские изображения птиц и животных, очевидно, обладавших культовыми животворными свойствами.

Среди зооморфных привесок часто встречаются амулеты, называемые коньками (табл. LXXVIII, 3, 4). Конь был символом добра и счастья и связывался с культом Солнца. Может быть, поэтому на многих коньковых привесках имеются солнечные знаки — кружковый орнамент. Впрочем, Б. А. Рыба-

ков, отмечая явно неконское изображение ушей и передних ног у этих стилизованных животных, полагает, что они изображали рысь, «или, как ее звали в древней Руси иносказательно, „лютюго зверя“» (Рыбаков Б. А., 1971, с. 21, 23).

К коньковым амулетам принадлежат и привески с более тяжеловесными изображениями (табл. LXXVIII, 2, 10). Они орнаментированы, иногда с головы спускается уздечка.

Привески-уточки (табл. LXXVIII, 5, 6) характеризуются точностью изображения. Отчетливо схвачен общий силуэт птицы. Хвосты уточек и прорези оформлены различно.

Широко представлены привески в виде фантастического зверя (табл. LXXVIII, 1, 8). У него широкая выпуклая грудь. На несколько вытянутой шее приподнята голова, увенчанная ушами-лунницами. В изображении сочетались черты животного с чертами птицы. В одних случаях ноги раздвинуты, и можно догадаться, что изображен четвероногий зверь, иногда это — зверь с птичьим туловищем.

Встречаются также привески в виде собак (табл. LXXVIII, 11), зайцев, соколов, олеяей (табл. LXXVIII, 12). Из Хреплевских курганов на верхней Луге происходит привеска-рыба (табл. LXXVIII, 7).

Все эти привески в виде животных, птиц и рыб плоские и многие из них прорезные. Орнаментирована, как правило, одна сторона. На всех привесках имеется ушко для подвешивания. Носили их обычно на груди на шнурах, реже — на цепочках.

От финно-угорского мира к славянам северной полосы Восточной Европы попали полые подвески-уточки с рельефным зигзаговидным орнаментом. К ним обычно привешивались подвески-«гусиные лапки» или колоколовидные.

Языческая символика широко представлена не только в деревенских курганных материалах, но и на предметах художественного ремесла, происходящих из городов древней Руси, — браслетах, колтах, монистах и диадемах (Рыбаков Б. А., 1967, с. 91—116; 1971).

Из письменных источников известно, что восточные славяне-язычники приносили в жертву идолам животных, зерно, различные вещевые подарки, совершались и человеческие жертвоприношения (ПСРЛ, I, с. 82). Возле изображений языческих божеств происходили гадания, ритуальные жребии, язычники клялись «по русскому закону... оружием своим и Перуном богомъ и Волосом скотьям богомъ» (ПСРЛ, I, с. 32).

Важнейшей составной частью славянского языческого культа были празднества и ритуальные пиры. Следami одного из культовых пиров — братчины — является упомянутое выше приношение деревянных ковшов и кусков воска, зафиксированное раскопками в Новгороде в слоях первой половины X в. (Седов В. В., 1956, с. 138—141). Празднества и пиры сопровождались культовыми, по словам летописца — «бесовскими», плясками и песнопениями (ПСРЛ, I, с. 14) под игру на лютиях, гуслих или свирели. В Новгороде найдена маска из кожи (рис. 20), которую носили на лице во время таких «ягрищ». Арабский историк IX в. Ибн Русте свидетельствует, что восточными славянами были известны как струнные, так и духовые инструменты (Новосельцев А. П., 1965,

с. 388). Некоторые из них изучены археологами по материалам раскопок древнерусских городов (Колчин Б. А., 1978, с. 358—366).

Во второй половине I тысячелетия н. э. главным божеством восточных славян был, очевидно, Перун — общеславянский бог грома и молний. По-видимому, о нем писал византийский автор VI в. Прокопий Кесарийский: «Они [славяне и анты] считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем» (Прокопий из Кесарии, с. 297).

Экономическая основа жизни славянства — земледелие — наложила значительный отпечаток на языческие верования. Согласно языческому календарю, большинство обрядовых празднеств отражало определенный цикл сельскохозяйственных работ. Сельскохозяйственные продукты были основными в языческих жертвоприношениях. С аграрным культом были, по-видимому, связаны божества солнца Дажьбог и Хорс. Велес — скотий бог и, может быть, бог богатства, судя по этнографическим сведениям, имел отношение и к обрядам, связанным с уборкой урожая (Бестужев-Рюмин К., 1872, с. 15). Определенную роль в земледельческом культе играл и Стрибог — бог ветра.

В источниках называются и другие, низшие божества восточных славян — Род и рожаницы, берегини и упыри (Гальковский Н. М., 1913, с. 150—186). В поучениях против язычества говорится, что Род был основным объектом поклонения язычников. Некоторые исследователи полагали, что это было верховное божество славян. Если так, то главенствующая роль Рода, название которого связано с понятием родства, относится к глубокой древности. Во второй половине I тысячелетия н. э. это, вероятно, было домашнее божество, может быть, божество семейных общин. В летописях имени бога Рода нет. Рожаницы тоже связаны терминологически с понятием родства, но ничего конкретного сказать об их сущности мы не можем. Берегини — божества, связанные с водами и деревьями; упыри, судя по поздним источникам, тождественны вампирам.

Трудно сказать, были ли у восточных славян жрецы или же культовые ритуалы совершались князьями, племенными и родовыми старейшинами. Скорее всего жреческие функции выполнялись князьями. Этимология славянского слова князь (Фасмер М., 1967, с. 266) свидетельствует, что первоначально княжеская власть соединяла в себе функции военного вождя и жреца. В княжеском кургане Черная Могила (Рыбаков Б. А., 1949а, с. 43—46) наряду с другими вещами обнаружены предметы культового назначения (упомянутый выше бронзовый идол, жертвенный нож, игральные кости, может быть, служившие для обрядовых гаданий). В славянском ареале найдены жреческие ножи с волютообразными рукоятями (табл. LXXIV, 1; Минасян Р. С., 1978б). Таким образом, можно полагать, что еще в X в. князья выполняли жреческие функции. Однако на основе единичного примера обобщать данный вывод было бы преждевременно.

Язычество было определяющим фактором в идеологии славянства. Все остальные проявления духовной культуры, а также зависящие от нее элементы материальной культуры и искусства во многом были определены языческим мировоззрением.

Глава двенадцатая

Восточнославянские племена и древнерусская народность

Вопрос о том, что представляли собой восточнославянские племена Повести временных лет, не раз поднимался в исторической литературе. В русской дореволюционной историографии было распространено представление, согласно которому славянское население на территории Восточной Европы появилось буквально накануне образования Киевского государства в результате миграции из прародины сравнительно небольшими группами. Такое расселение на обширной территории нарушило их прежние родоплеменные связи. На новых местах жительства между разрозненными славянскими группами образовались новые территориальные связи, которые из-за постоянной подвижности славян не были прочными и могли быть утрачены вновь. Следовательно, летописные племена восточных славян являлись исключительно территориальными объединениями. «Из местных названий XI в. летопись сделала „племена“ восточного славянства», — писал С. М. Середонин, один из последовательных сторонников этой точки зрения (*Середонин С. М.*, 1916, с. 152). Аналогичное мнение развивали в своих исследованиях В. О. Ключевский, М. К. Любавский и другие (*Ключевский В. О.*, 1956, с. 110—150; *Любавский М. К.*, 1909).

Другая группа исследователей, в том числе большинство лингвистов и археологов, рассматривала летописные племена восточного славянства в качестве этнических групп (*Соболевский А. И.*, 1884; *Шахматов А. А.*, 1899, с. 324—384; 1916; *Спицын А. А.*, 1899а, с. 301—340). В пользу этого мнения определенно говорят отдельные места Повести временных лет. Так, летописец сообщает о племенах, что «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местехъ, владеюще кождо родомъ своимъ» (ПВЛ, I, с. 12), и далее: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ» (ПВЛ, I, с. 14). Такое же впечатление складывается и при чтении других мест летописи. Так, например, сообщается, что первыми поселенцами в Новгороде были словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома (ПВЛ, I, с. 18). Здесь очевидно, что кривичи и словене приравнены к таким бесспорно этническим образованиям, как весь, меря, мурома. Исходя из этого многие представители лингвистики (А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново) пытались найти соответствие между современным и ранне-средневековым диалектным членением восточного славянства, полагая, что истоки нынешнего деления восходят к племенной эпохе.

Имеется и третья точка зрения о сущности восточнославянских племен. Основатель русской исторической географии Н. П. Барсов видел в летописных племенах политико-географические образования (*Барсов Н. П.*, 1885). Это мнение было анализировано Б. А. Рыбаковым (*Рыбаков Б. А.*, 1947, с. 97; 1952,

с. 40—62). Б. А. Рыбаков полагает, что названные в летописи поляне, древляне, радимичи и т. д. были союзами, объединившими несколько отдельных племен. В период кризиса родоплеменного общества «родовые общины объединились вокруг погостов в „миры“ (может быть, „верви“); совокупность нескольких „миров“ представляла собой племя, а племена все чаще объединялись во временные или постоянные союзы... Культурная общность внутри устойчивых племенных союзов ощущалась иногда довольно долго после вхождения такого союза в состав Русского государства и прослеживается по курганным материалам XII—XIII вв. и по еще более поздним данным диалектологии» (*Рыбаков Б. А.*, 1964, с. 23). По инициативе Б. А. Рыбакова предпринята попытка выделить по археологическим данным первичные племена, из которых составились крупные племенные союзы, названные летописью (*Соловьева Г. Ф.*, 1956, с. 138—170).

Рассмотренные выше материалы не позволяют решать поднятый вопрос однозначно, присоединившись к одной из трех точек зрения. Однако, бесспорно, прав Б. А. Рыбаков, что племена Повести временных лет до сложения территории древнерусского государства были и политическими образованиями, т. е. племенными союзами.

Представляется очевидным, что волыняне, древляне, дреговичи и поляне в процессе своего формирования прежде всего были территориальными новообразованиями (карта 38). В результате распада праславянского дулебского племенного союза в ходе расселения происходит территориальное обособление отдельных групп дулебов. Со временем у каждой локальной группы складывается свой жизненный уклад, начинают формироваться некоторые этнографические особенности, что находит отражение в деталях погребальной обрядности. Так появляются волыняне, древляне, поляне и дреговичи, названные по географическим признакам. Сложению этих племенных групп, бесспорно, способствовало политическое объединение каждой из них. Летопись сообщает: «И по сих братья [Кия, Щека и Хорива] держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое...» (ПВЛ, I, с. 13). Очевидно, что славянское население каждой из территориальных групп, близкое по системе хозяйства и живущее в сходных условиях, постепенно объединялось для целого ряда совместных дел — устраивало общее вече, общие совещания воевод, создавало общую племенную дружину. Формировались племенные союзы древлян, полян, дреговичей и, очевидно, волынян, подготовившие будущие феодальные государства.

Не исключено, что формирование северян в какой-то степени обусловлено взаимодействием остатков местного населения с расселившимися в его ареале славянами. Название племени, очевидно, осталось

от аборигенов. Трудно сказать, создали ли северяне собственную племенную организацию. Во всяком случае летописи ничего не говорят о таковой.

Аналогичные условия имелись и при формировании кривичей. Славянское поселение, расселившееся первоначально в бассейнах р. Великая и оз. Псковское, не выделялось какими-либо специфическими особенностями. Формирование кривичей и их этнографических особенностей началось в условиях стационарной жизни уже в летописном ареале. Обычай сооружать длинные курганы зародился уже на Псковщине, часть деталей погребального обряда кривичей была унаследована кривичами у местного населения, браслетообразные завязанные кольца распространяются исключительно в ареале днепро-двинских балтов и т. п.

По-видимому, формирование кривичей как отдельной этнографической единицы славянства началось в третьей четверти I тысячелетия н. э. на Псковщине. В их состав, помимо славян, вошло и местное финское население. Последующее расселение кривичей в Витебско-Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, на территории днепро-двинских балтов, привело к их членению на кривичей псковских и кривичей смоленско-полоцких. В результате накануне образования древнерусского государства кривичи не образовывали единого племенного союза. Летопись сообщает об отдельных княжениях у полочан и у смоленских кривичей. Псковские кривичи, видимо, имели собственную племенную организацию. Судя по сообщению летописи о призвании князей, вероятно, новгородские словене, псковские кривичи и весь объединились в единый политический союз. Центрами его были словенский Новгород, кривичский Изборск и веское Белоозеро.

Вероятно, что и формирование вятичей в значительной степени обусловлено субстратом. Группа славян под предводительством Вятка, пришедшая на верхнюю Оку, не выделялась собственными этнографическими особенностями. Они сформировались на месте и отчасти в результате воздействия местного населения. Ареал ранних вятичей в основных чертах совпадает с территорией мощинской культуры. Славянизированные потомки носителей этой культуры вместе с пришлыми славянами и составили отдельную этнографическую группу вятичей.

Регион радимичей не соответствует какой-либо субстратной территории. По-видимому, радимичами назывались потомки той группы славян, которая расселилась на Соже. Вполне понятно, что эти славяне включили в себя и местное население вследствие метисации и ассимиляции. Радимичи, как и вятичи, имели свою племенную организацию. Таким образом, и те и другие были одновременно этнографическими общностями и племенными союзами.

Формирование этнографических особенностей словен новгородских началось только после расселения их предков в Приильменье. Об этом свидетельствуют не только археологические материалы, но и отсутствие собственного этнонима у этой группы славян. Здесь же, в Приильменье, словене создали политическую организацию — племенной союз.

Скудные материалы о хорватах, тиверцах и уличах не дают возможности выявить сущность этих племен. Хорваты восточнославянские, по-видимому, были

частью большого праславянского племени. К началу древнерусского государства все эти племена были, очевидно, племенными союзами.

В 1132 г. Киевская Русь распалась на полтора десятка княжеств. Это было подготовлено историческими условиями — ростом и усилением городских центров, развитием ремесел и торговой деятельности, укреплением политической силы горожан и местного боярства. Возникла необходимость создания крепкой власти на местах, которая бы учитывала все стороны внутренней жизни отдельных регионов древней Руси. Боярству XII в. нужна была местная власть, которая могла бы оперативно выполнять нормы феодальных отношений.

Территориальное дробление древнерусского государства в XII в. в значительной степени соответствует ареалам летописных племен. Б. А. Рыбаков отмечает, что «столицы многих крупнейших княжеств были в свое время центрами союзов племен: Киев у Полян, Смоленск у Кривичей, Полоцк у Полочан, Новгород Великий у Словен, Новгород Северский у Северян (Рыбаков Б. А., 1964, с. 148, 149). Как свидетельствуют археологические материалы, летописные племена в XI—XII вв. были еще устойчивыми этнографическими единицами. Родовая и племенная знать их в процессе зарождения феодальных отношений превратилась в бояр. Очевидно, что географические границы отдельных княжеств, которые образовались в XII в., были определены самой жизнью и прежней племенной структурой восточного славянства. В некоторых случаях племенные территории оказались весьма устойчивыми. Так, территория смоленских кривичей в течение XII—XIII вв. была ядром Смоленской земли, границы которой во многом совпадают с пределами коренного региона расселения этой группы кривичей (Седов В. В., 1975б, с. 256, 257, рис. 2).

Славянские племена, занявшие обширные территории Восточной Европы, переживают процесс консолидации и в VIII—IX вв. образуют древнерусскую (или восточнославянскую) народность. Современные восточнославянские языки, т. е. русский, белорусский и украинский, сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и словаре ряд общих черт, свидетельствующих о том, что после распада общеславянского языка они составляли один язык — язык древнерусской народности. На древнерусском (восточнославянском) языке написаны такие памятники, как Повесть временных лет, древнейший свод законов Русская Правда, поэтическое произведение Слово о полку Игореве, многочисленные грамоты и др. Начало сложения древнерусского языка, как отмечалось выше, определяется лингвистами VIII—IX вв. На протяжении последующих веков в древнерусском языке происходит ряд процессов, характерных только для восточнославянской территории (Филин Ф. П., 1962, с. 226—290).

Проблема образования древнерусского языка и народности рассматривалась в трудах А. А. Шахматова (Шахматов А. А., 1899, с. 324—384; 1916; 1919а). Согласно представлениям этого исследователя, общерусское единство предполагает наличие ограниченной территории, на которой могла выработаться этнографическая и лингвистическая общность восточного славянства. А. А. Шахматов пред-

полагал, что анты — часть праславян, спасаясь от авар, в VI в. поселились на Волинии и Киевщине. Эта область и стала «колыбелью русского племени, русской прародиной». Отсюда восточные славяне и начали заселение других восточноевропейских земель. Расселение восточных славян на обширной территории привело к дроблению их на три ветви — северную, восточную и южную. В первые десятилетия нашего столетия исследования А. А. Шахматова пользовались широким признанием, а в настоящее время представляют чисто историографический интерес.

Позднее историей древнерусского языка занимались многие советские лингвисты. Последней обобщающей работой по этой теме остается книга Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян», в которой основное внимание уделяется анализу отдельных языковых явлений (Филин Ф. П., 1962). Исследователь приходит к заключению, что сложение восточнославянского языка произошло в VIII—IX вв. на обширной территории Восточной Европы. Исторические условия оформления отдельной славянской народности остались в этой книге не выясненными, поскольку они в большей степени связаны не с историей языковых явлений, а с историей носителей языка.

Вопросами о происхождении древнерусской народности интересовались также советские историки, в частности Б. А. Рыбаков (Рыбаков Б. А., 1952, с. 40—62; 1953а, с. 23—104), М. Н. Тихомиров (Тихомиров М. Н., 1947, с. 60—80; 1954, с. 3—18) и А. Н. Насонов (Насонов А. Н., 1951а; 1951б, с. 69, 70). На основе исторических материалов Б. А. Рыбаков показал прежде всего, что сознание единства Русской земли сохранялось как в эпоху Киевского государства, так и в период феодальной раздробленности. Понятие «Русская земля» охватывало все восточнославянские области от Ладоги на севере до Черного моря на юге и от Буга на западе до Волго-Окского междуречья включительно на востоке. Эта «Русская земля» и была территорией восточнославянской народности. Вместе с тем Б. А. Рыбаков отмечает, что имелось еще узкое значение термина «Русь», соответствовавшее Среднему Поднепровью (Киевская, Черниговская и Северская земли). Это узкое значение «Руси» сохранилось от эпохи VI—VII вв., когда в Среднем Поднепровье существовал племенной союз под главенством одного из славянских племен — русов. Население Русского племенного союза в IX—X вв. послужило ядром для образования древнерусской народности, в которую вошли славянские племена Восточной Европы и часть ослабленных финских племен.

Новая оригинальная гипотеза о предпосылках формирования древнерусской народности изложена П. Н. Третьяковым (Третьяков П. Н., 1970). По мнению этого исследователя, восточные в географическом смысле группировки славян издавна занимали лесостепные области междуречья верхнего Днестра и среднего Днепра. На рубеже и в начале нашей эры они расселяются на север, в области, принадлежащие восточнобалтским племенам. Метисация славян с восточными балтами и привела к сложению восточного славянства. «При последующем расселении восточных славян, завершившемся созданием этногеографической картины, известной по Повести времен-

ных лет, из Верхнего Поднепровья в северном, северо-восточном и южном направлениях, в частности в поречье среднего Днепра, двигались отнюдь не «чистые» славяне, а население, имевшее в своем составе ассимилированные восточнобалтийские группировки» (Третьяков П. Н., 1970, с. 153).

Построения П. Н. Третьякова о формировании древнерусской народности под воздействием балтского субстрата на восточную славянскую группировку не находят оправдания ни в археологических, ни в языковых материалах. Восточнославянский язык не обнаруживает каких-либо общих балтских субстратных элементов. То, что объединило всех восточных славян в языковом отношении и в то же время отделило от других славянских групп, не может быть продуктом балтского воздействия.

Как же позволяют решать вопрос о предпосылках образования восточнославянской народности материалы, рассмотренные в настоящей книге?

Широкое расселение славян на территории Восточной Европы приходится в основном на VI—VIII вв. Это был еще праславянский период, и расселявшиеся славяне были едины в языковом отношении. Миграция происходила не из одного региона, а из разных диалектных областей праславянского ареала. Следовательно, всякие предположения о «русской прародине» или о зачатках восточнославянской народности внутри праславянского мира ничем не оправданы. Древнерусская народность сформировалась на обширных пространствах и имела в своей основе славянское население, объединенное не на этнодиалектной, а на территориальной почве.

Языковым выражением по крайней мере двух источников славянского расселения на территории Восточной Европы является противопоставление $g \sim \gamma$ (h). Из всех восточнославянских диалектных различий эта особенность — наиболее древняя, и она дифференцирует славян Восточной Европы на две зоны — северную и южную (Хабургаев Г. А., 1979, с. 104—108; 1980, с. 70—115).

Расселение славянских племен в VI—VII вв. на огромных пространствах Средней и Восточной Европы привело к разобщенности эволюции различных языковых тенденций. Эта эволюция стала носить не всеобщий, а локальный характер. В результате «в VIII—IX вв. и позже рефлекс сочетаний типа *tort, *tʔrt, *tj, *dj и *ktʔ, деназализации o и e и ряд других изменений фонетической системы, некоторые грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира с более или менее совпадающими границами. Эта зона и составила язык восточных славян, или древнерусский» (Филин Ф. П., 1972, с. 29).

Ведущая роль в сложении этой народности, по-видимому, принадлежит древнерусскому государству. Ведь недаром начало формирования древнерусской народности по времени совпадает с процессом складывания русского государства. Совпадают и территория древнерусского государства с ареалом восточнославянской народности.

Возникновение раннефеодального государства с центром в Киеве активно содействовало консолидации славянских племен, составивших древнерусскую народность. Русской землей, или Русью, стали называть территорию древнерусского государства. В этом

значении термин Русь упоминается Повестью временных лет уже в X в. Появилась необходимость в общем самопознании всего восточнославянского населения. Прежде это население называло себя славянами. Теперь самоназванием восточных славян стала Русь. При перечислении народов Повесть временных лет отмечает: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьд-ва» (ПВЛ, I, с. 10). Под 852 г. тот же источник сообщает: «...приходиша Русь на Царьгородъ» (ПВЛ, I, с. 17). Здесь под Русью подразумевается все восточное славянство — население древнерусского государства.

Русь — древнерусская народность получает известность в других странах Европы и Азии. О Руси пишут византийские авторы и упоминают западно-европейские источники. В IX—XII вв. термин «Русь» и в славянских и в иных источниках употребляется в двояком смысле — в этническом и в значении государства. Это можно объяснить только тем, что древнерусская народность складывалась в тесной связи с формирующейся государственной территорией. Термин «Русь» первоначально применялся только для киевских полян, но в процессе создания древнерусской государственности быстро распространился на всю территорию древней Руси.

Древнерусское государство объединило всех восточных славян в единый организм, связало их общностью политической жизни, и, безусловно, способствовало укреплению понятия о единстве Руси. Государственная власть, организующая походы населения из различных земель или переселения, распространение княжеской и вотчинной администрации, освоение новых пространств, расширение сбора дани и судебной власти способствовали более тесным связям и сношениям между населением различных русских земель.

Сложение древнерусской государственности и народности сопровождалось бурным развитием культуры и экономики. Строительство древнерусских городов, подъем ремесленного производства, развитие торговых связей благоприятствовали консолидации славянства Восточной Европы в единую народность.

В результате складывается единая материальная

и духовная культура, что проявляется почти во всем — от женских украшений до архитектуры.

В формировании древнерусского языка и народностей существенная роль принадлежала распространению христианства и письменности. Очень скоро понятие «русский» и «христианин» начали отождествляться. Церковь играла многостороннюю роль в истории Руси. Это была организация, сыгравшая усиленную роль в формировании и развитии культуры восточных славян, в развитии просвещения и в создании важнейших литературных ценностей и произведений искусства.

«Относительное единство древнерусского языка... поддерживалось разного рода экстралингвистическими обстоятельствами: отсутствием территориальной разобщенности среди восточнославянских племен, а также отсутствием устойчивых границ между феодальными владениями; развитием надплеменного языка устной народной поэзии, тесно связанного с языком религиозных культов, распространенных на всей восточнославянской территории; возникновением зачатков публичной речи, звучавшей при заключении межплеменных договоров и судопроизводстве по законам обычного права (нашедших частичное свое отражение в Русской Правде) и т. п.» (Филин Ф. П., 1970, с. 3).

Материалы языкознания не противоречат предлагаемому выводу. Лингвистика свидетельствует, как показал недавно Г. А. Хабургаев, что восточнославянское языковое единство оформилось из неоднородных по происхождению компонентов. Гетерогенность племенных объединений Восточной Европы обусловлена и расселением их из разных праславянских группировок, и взаимодействием с различными племенами автохтонного населения. Таким образом, формирование древнерусского языкового единства является результатом нивелировки и интеграции диалектов восточнославянских племенных группировок (Хабургаев Г. А., 1980, с. 70—115). Обусловлено это было процессом сложения древнерусской народности. Археологии и истории известно немало случаев формирования средневековых народностей в условиях сложения и упрочения государственности.

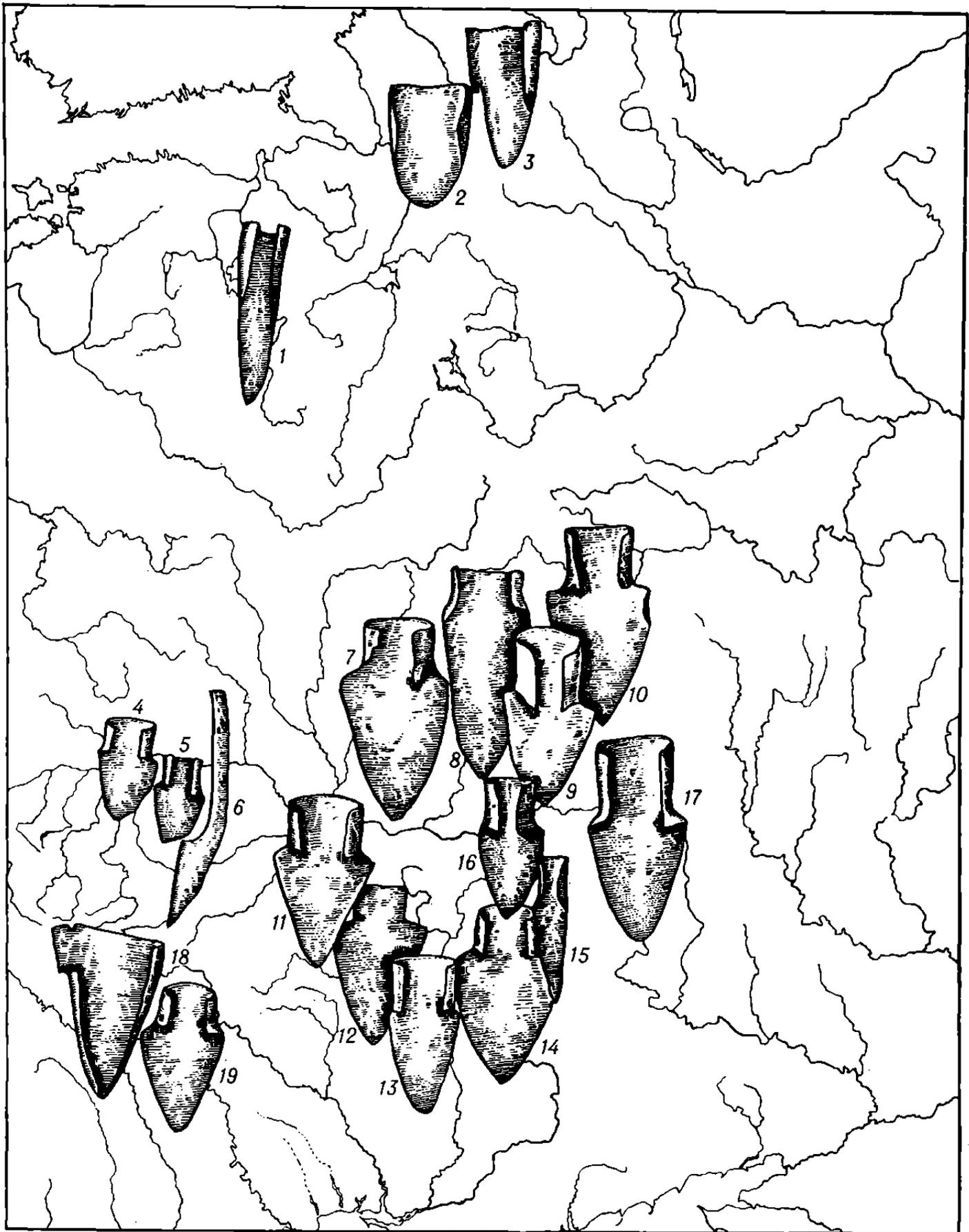

Таблица LXI. Накотные орудия второй половины I тысячелетия н. э.

1 — Псков; 2, 3 — Старая Ладога; 4—6 — Хотомель; 7 — Битица; 8 — Юдиново; 9 — Шуклинка; 10 — Лебедка; 11 — Канев; 12 — Макаров Остров; 13 — Пастырское; 14, 15 — Новотроицкое; 16 — Шмырево; 17 — Вольтцево; 18, 19 — Городок

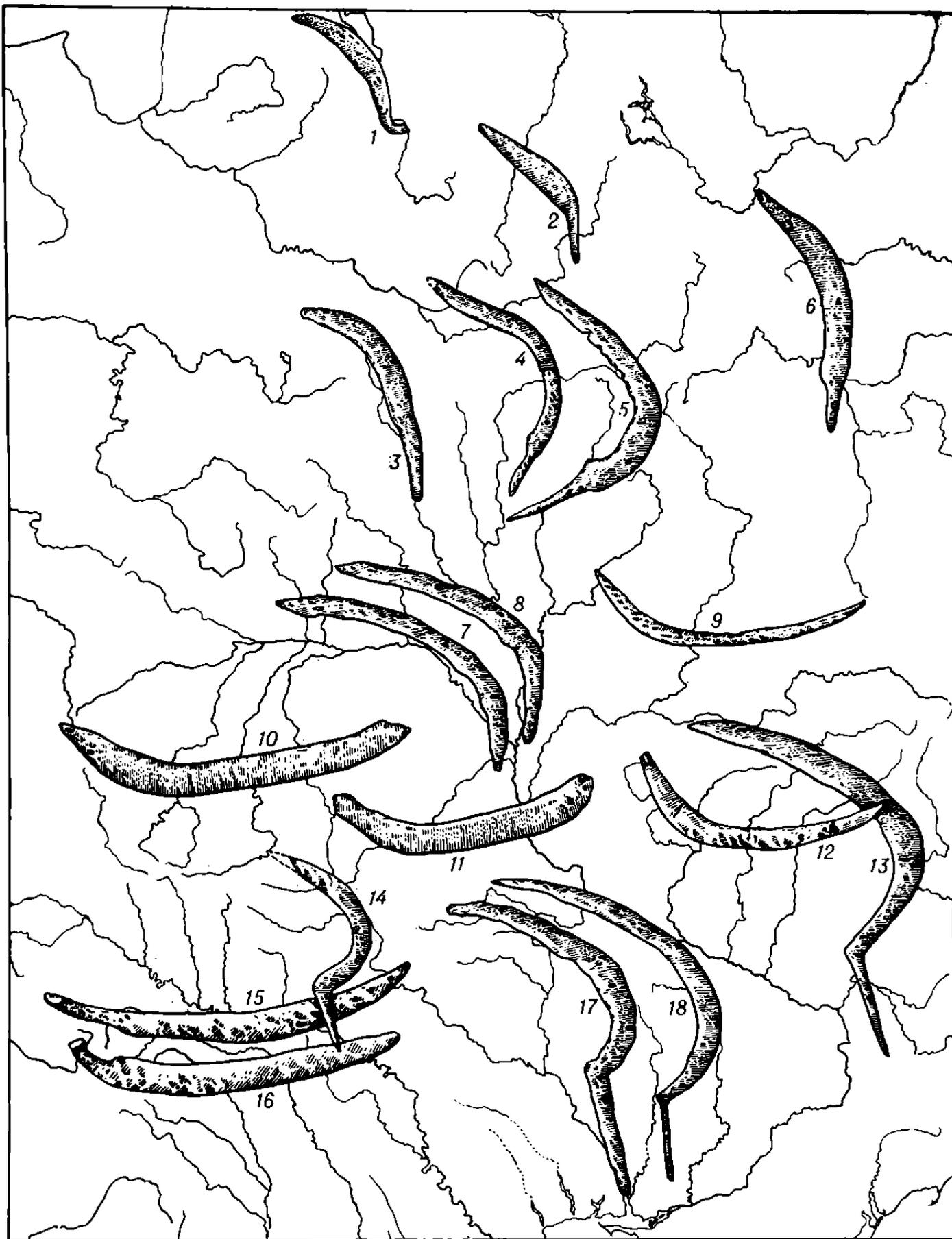

Таблица LXII. Серпы и косы второй половины I тысячелетия н. э.

1 — Иабorsk; 2 — Полибино; 3 — Городище; 4 — Новые Батеки; 5 — Тушемля; 6 — Троицкое; 7, 8 — Колочин; 9 — Хохлов Вир; 10 — Зимно; 11 — Канев; 12, 13 — Новотроицкое; 14 — Голики; 15, 16 — Городок; 17 — Стедовка; 18 — Макаров Остров

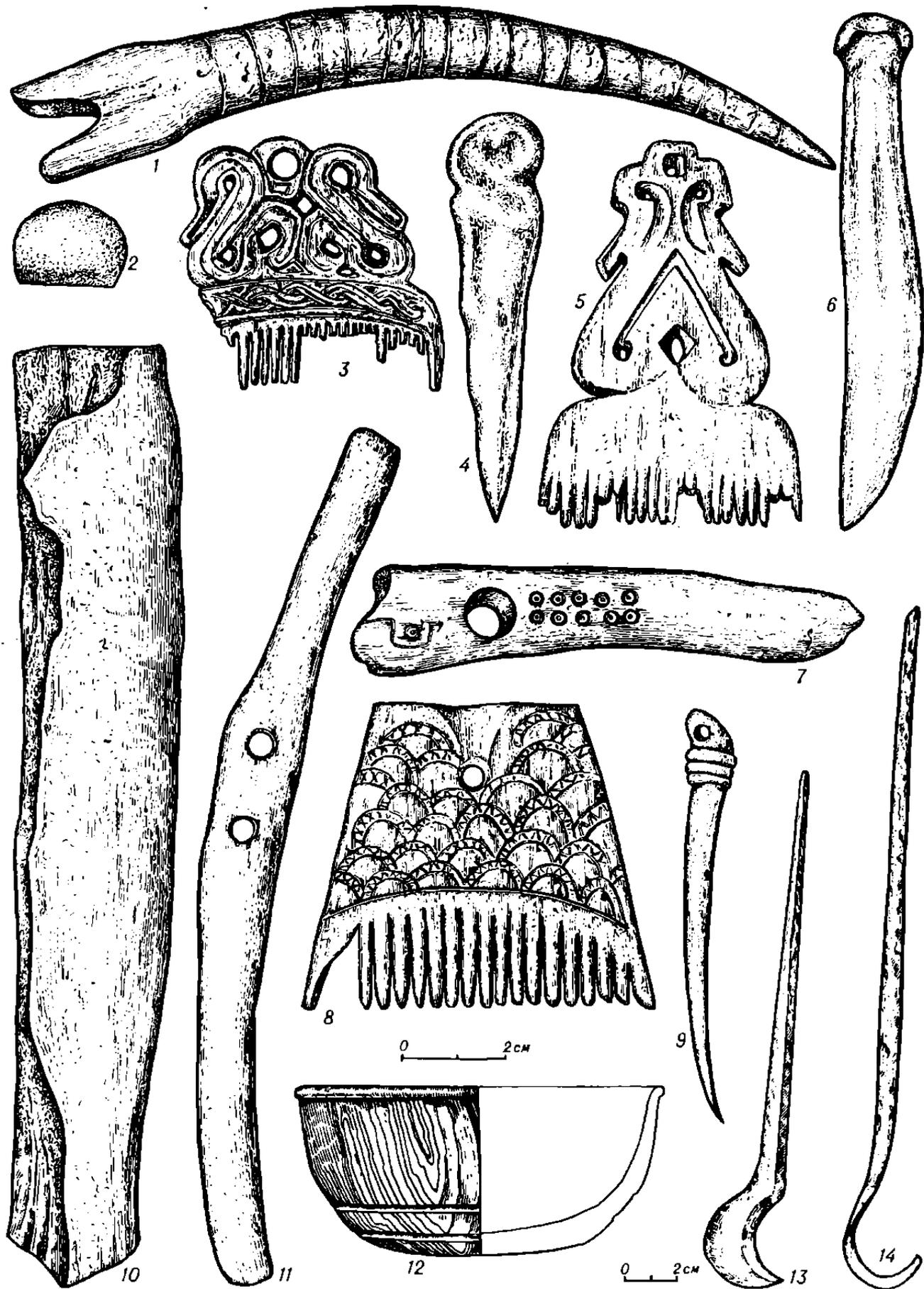

Таблица LXIII. Косторезное и деревообрабатывающее ремесла

1, 4, 6, 9 – Большое Боршево; 2, 12 – Старая Ладога;
 3, 5 – Камно; 7, 11 – Тигчиха; 8 – Изборск; 13, 14 –
 Новогроицкое; 10 – Псков
 1–11 – кость; 12 – дерево; 13, 14 – железо

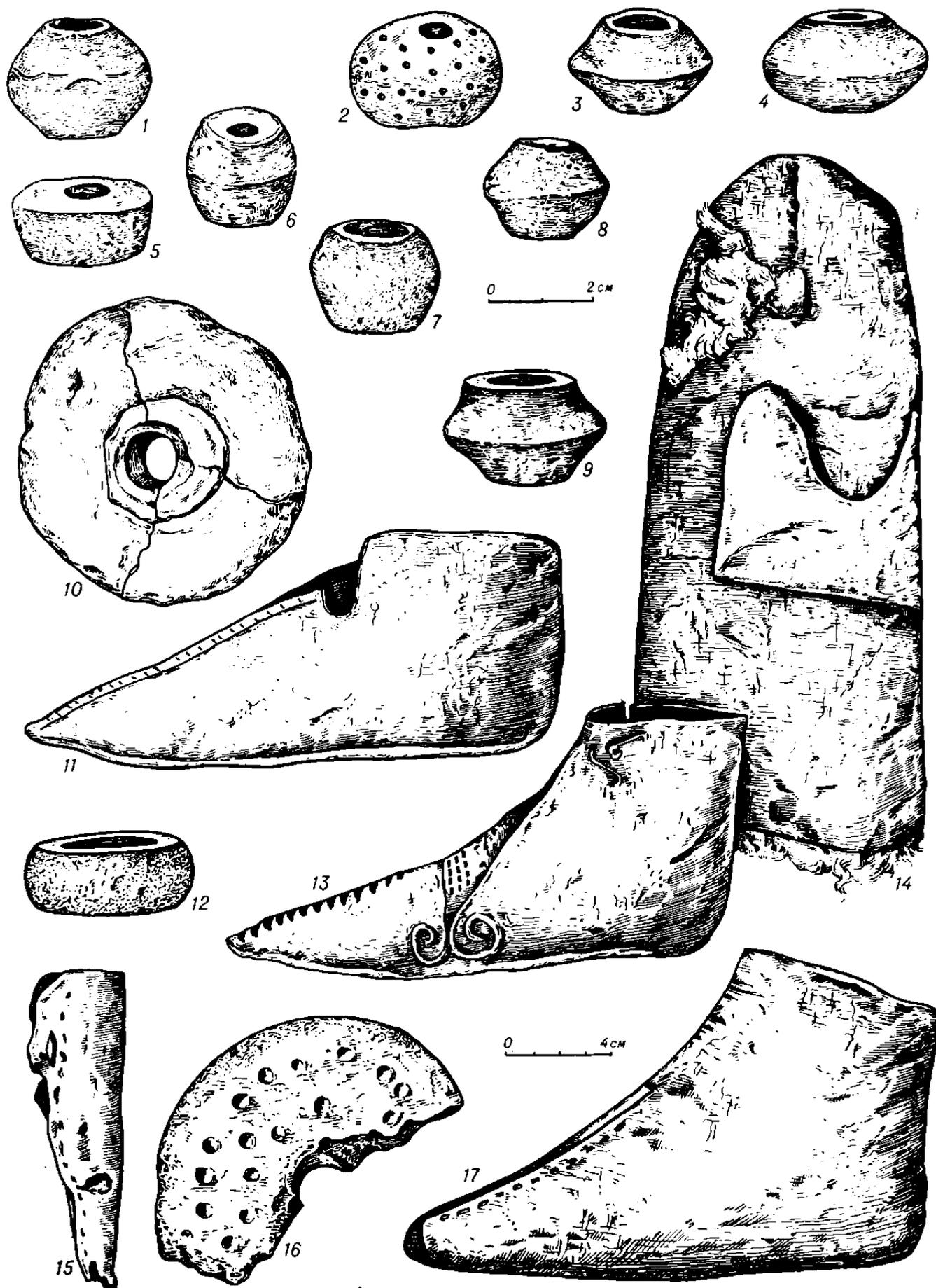

Таблица LXIV. Орудия ткачества. Изделия из кожи
 1 — Корчак VII; 2, 5 — Тетеревка; 3 — Корчак I; 4, 9, 12 — Псков, городище; 6—8 — Титчиха; 10 — Белозеро; 11, 13—17 — Старая Ладога
 1—10, 12, 16 — глина; 11, 13—15, 17 — кожа

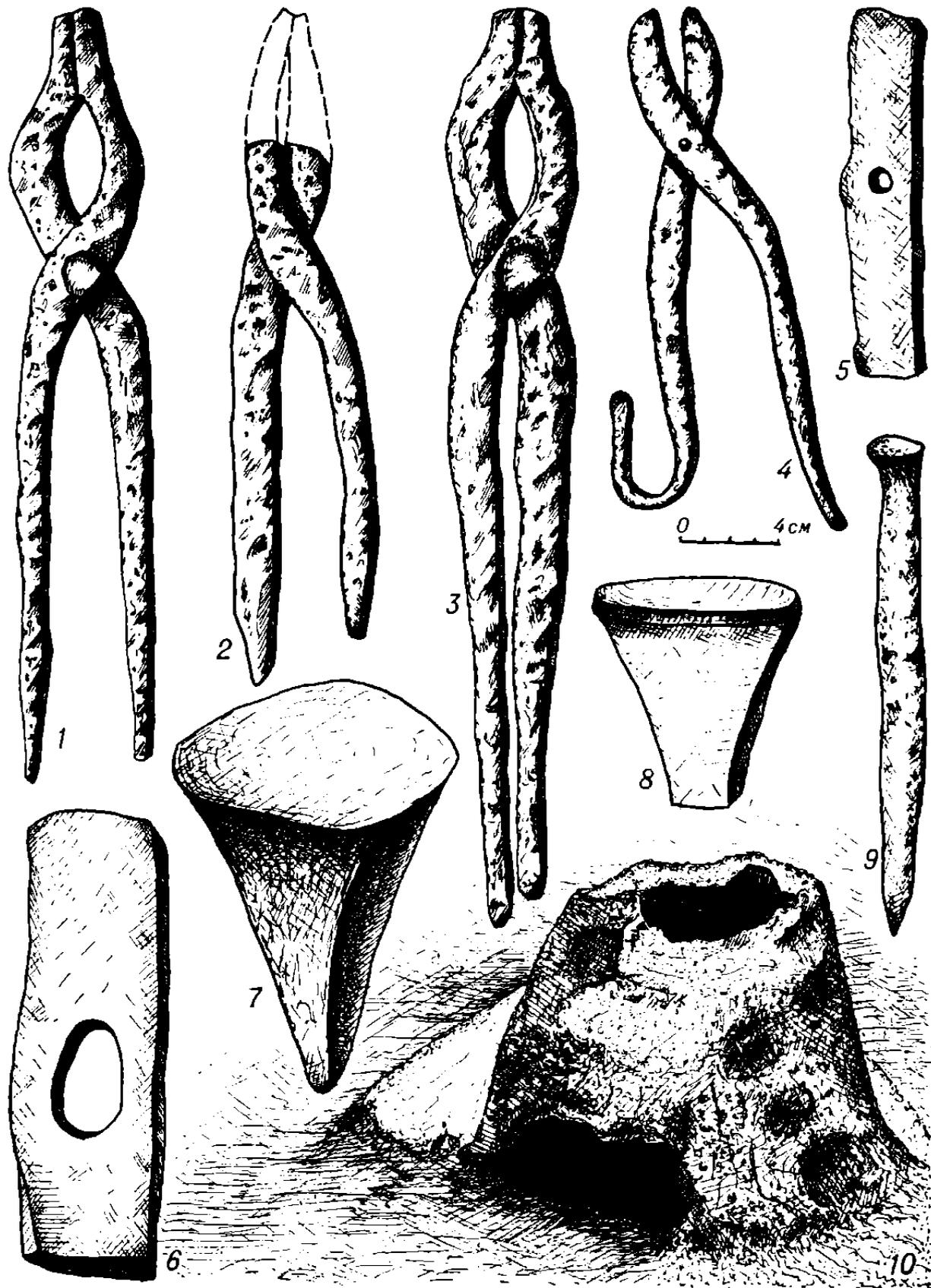

Таблица LXV. Кузнечный инструментарий и железоплавильный горн
 1-3, 5, 6, 8 - Пастырское; 4 - Титчиха; 7 - Изборск;
 9 - Битица; 10 - Григоровка

Таблица LXVI. Орудия труда ювелиров

1, 4, 5 — Изборск; 2, 3 — Камно; 6, 7 — Тетеревка; 8, 11 — Зимно; 9, 10 — Новотроицкое; 12, 14 — Титчиха; 13 — Городище; 15 — Узмень

1—8 — каменные литейные формочки; 9, 12—15 — тигли; 10, 11 — глиняные льячки

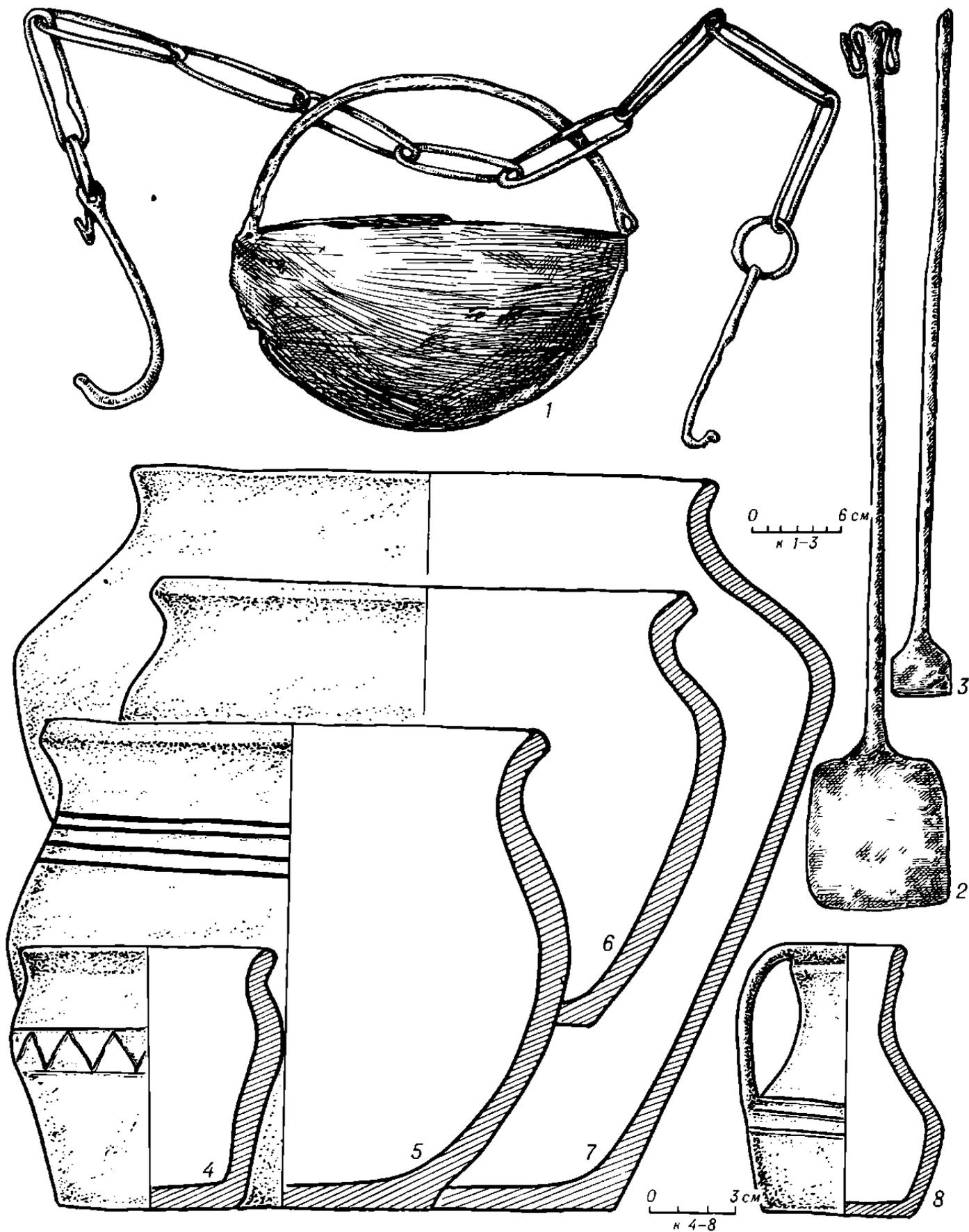

Таблица LXVII. Предметы из дружинных курганов
 1-3, 5, 6 - Заозерье, курган 6; 4, 7, 8 - Гнездово,
 Лесная группа, курган 13
 1-3 - железо; 4-8 - глина

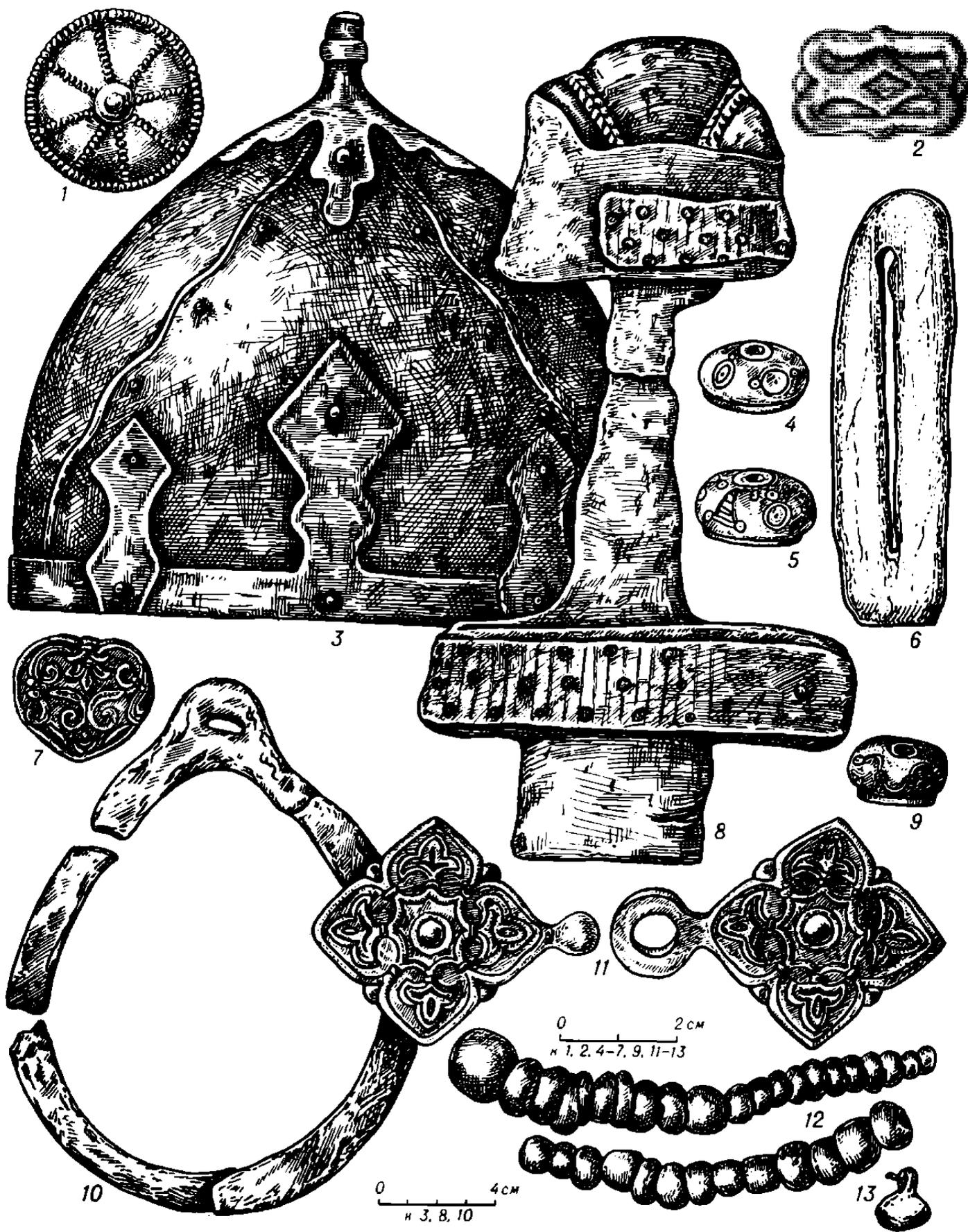

Таблица LXIX. Древности русских дружинников (Чернигов, курган Гульбище)
 1, 2, 4, 5, 7, 9, 11, 13 — цветной металл; 3, 6, 8,
 10 — железо; 12 — стекло.

Таблица LXX. Древности русских дружинников

1-6, 15-23 - Гнездово (1-6 - курган 14, раскопки В. И. Сизова 1898 г.; 15-23 - курган 13, раскопки Д. А. Авдусина 1949 г.); 7-14 - Михайловское, курган 1, раскопки В. А. Городцова 1902 г.

1-6, 11, 14, 18-20 - железо; 7-10, 12, 13, 15-17, 21 - цветной металл; 22, 23 - камень

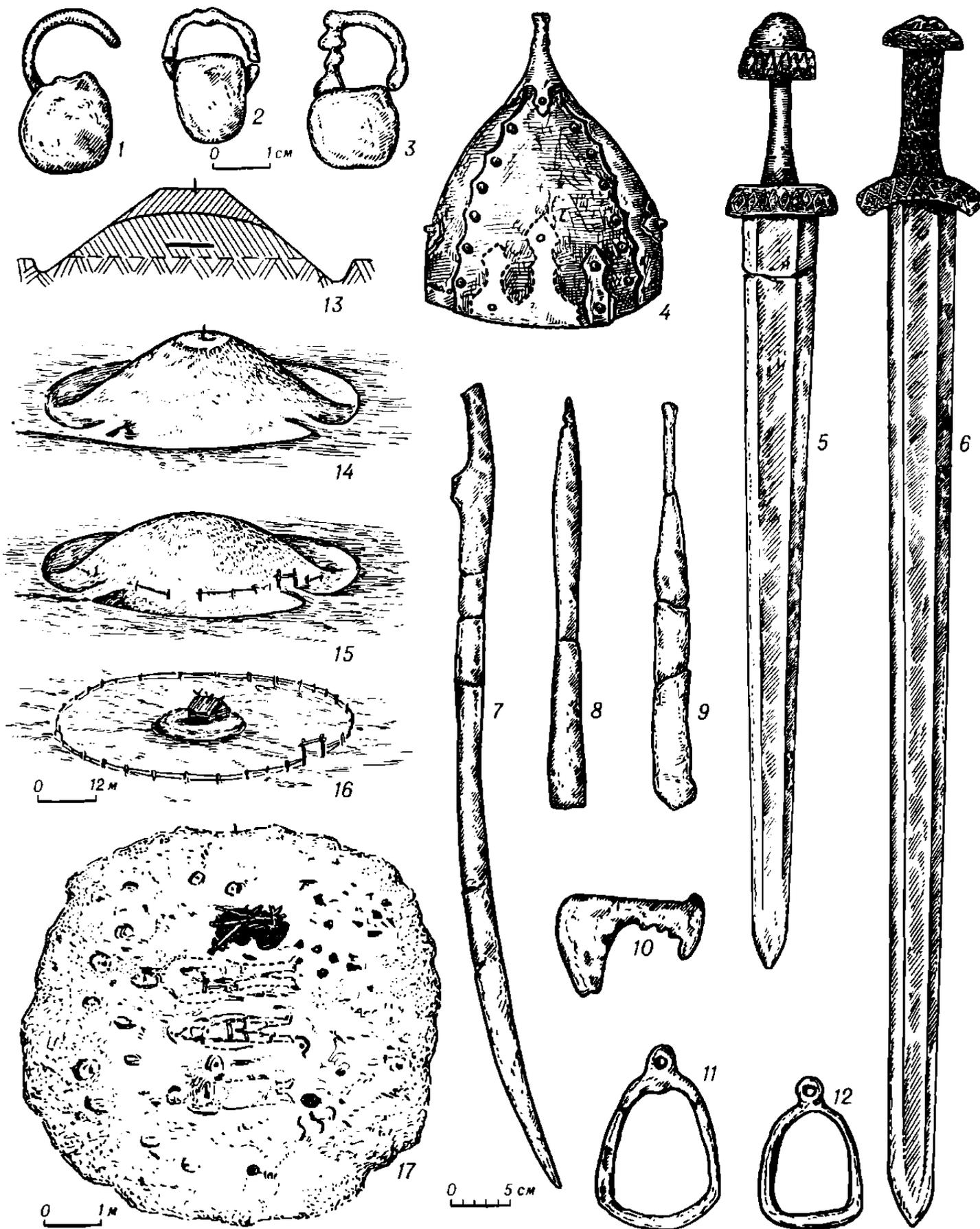

Таблица LXXI. Курган Черная Могила в Чернигове
 1-3, 5-8, 10-12 - предметы с кострица; 4, 9 -
 предметы, снятые с кострица и положенные во вре-
 мя тризны в верхнюю часть насыпи; 13 - разрез кур-
 гана; 14-16 - реконструкция стадий сооружения

кургана (по Б. А. Рыбакову); 17 - план кострица
 (пунктиром нанесены погребенные)
 1-12 - железо

Таблица LXXII. Турьи рога — ритуальные сосуды из кургана Черная Могила

1 — прорись-развертка изображения на оковке большого рога; 2 — большой рог-ритон; 3 — обратная сторона оковки большого рога-ритона; 4 — малый рог-ритон

Таблица LXXIII. Языческие святилища и культовые предметы

1 — Псков; 2 — Кветунь, курган 4; 3, 6—8 — Новгород;

4 — капище в Киеве (зарисовка В. В. Хвойки); 5 —

Коханы, курган 9; 9 — Перыньское святилище (реконструкция)

1—3, 5—7 — цветной металл; 8 — дерево

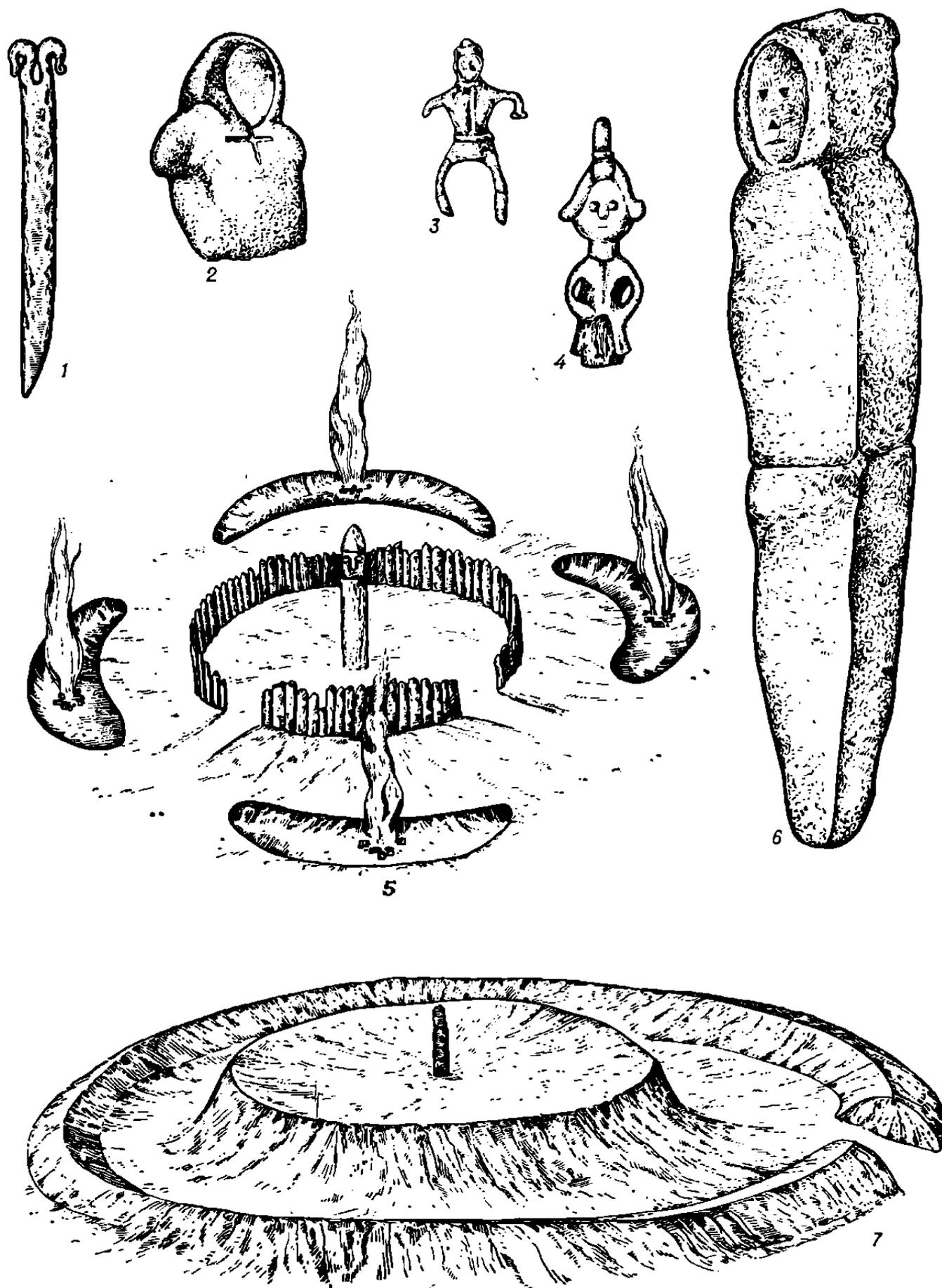

Таблица LXXIV. Предметы и объекты языческого культа

1 — жреческий нож (Сельцо); 2 — каменный идол (Гробовцы); 3 — бронзовый идольчик (Сарогожское); 4 — бронзовый идольчик (Зубцов); 5 — святилище Ходосовичи (реконструкция); 6 — каменный идол (Яровка); 7 — святилище Красногорское (реконструкция)

Таблица LXXV. Каменные идолы

1 — Новгородская обл.; 2 — Словим; 3 — Псковская обл.; 4 — Себеж; 5 — Акулинино, Московская обл.

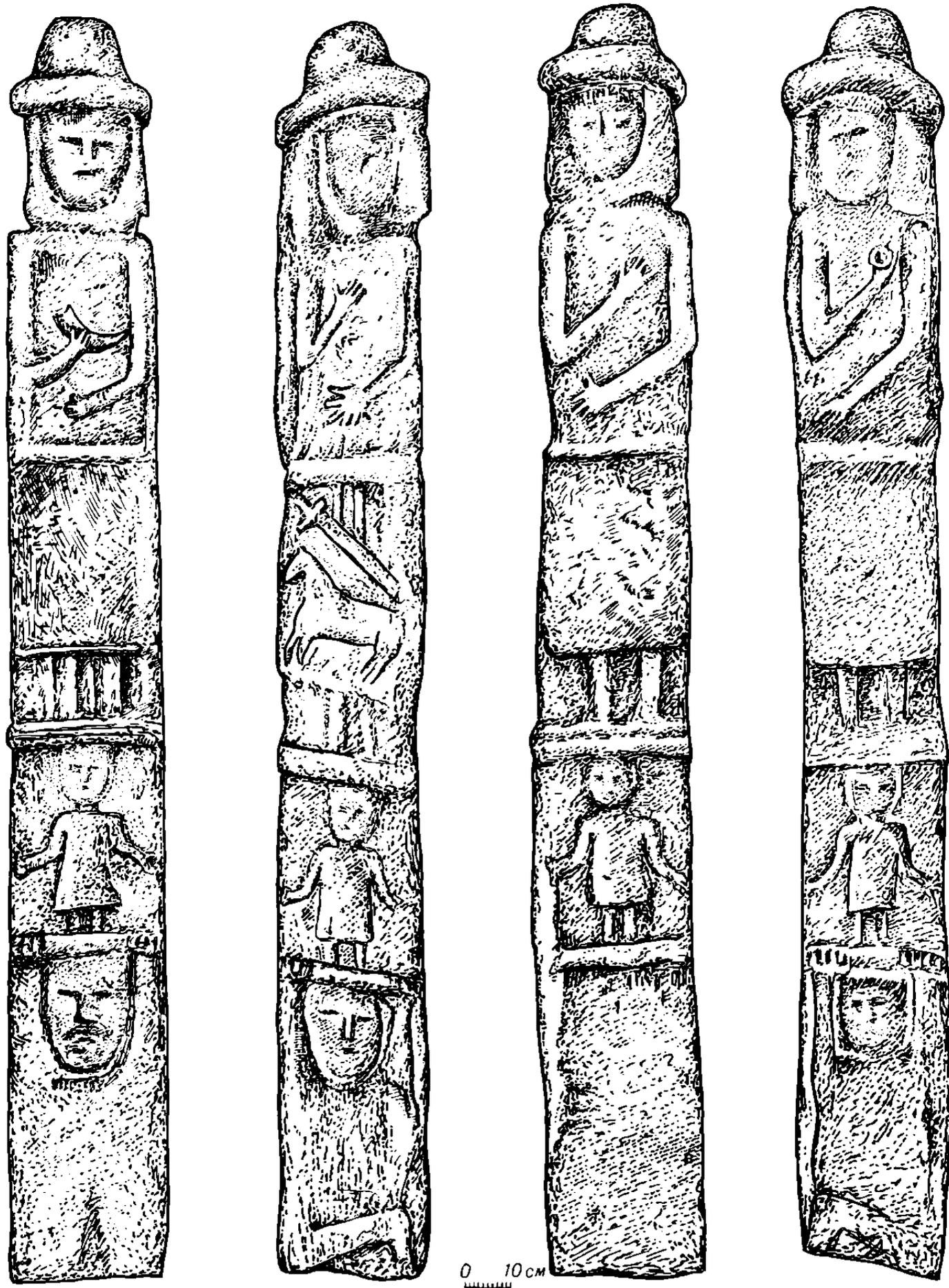

Таблица LXXVI. Збручський ідоли

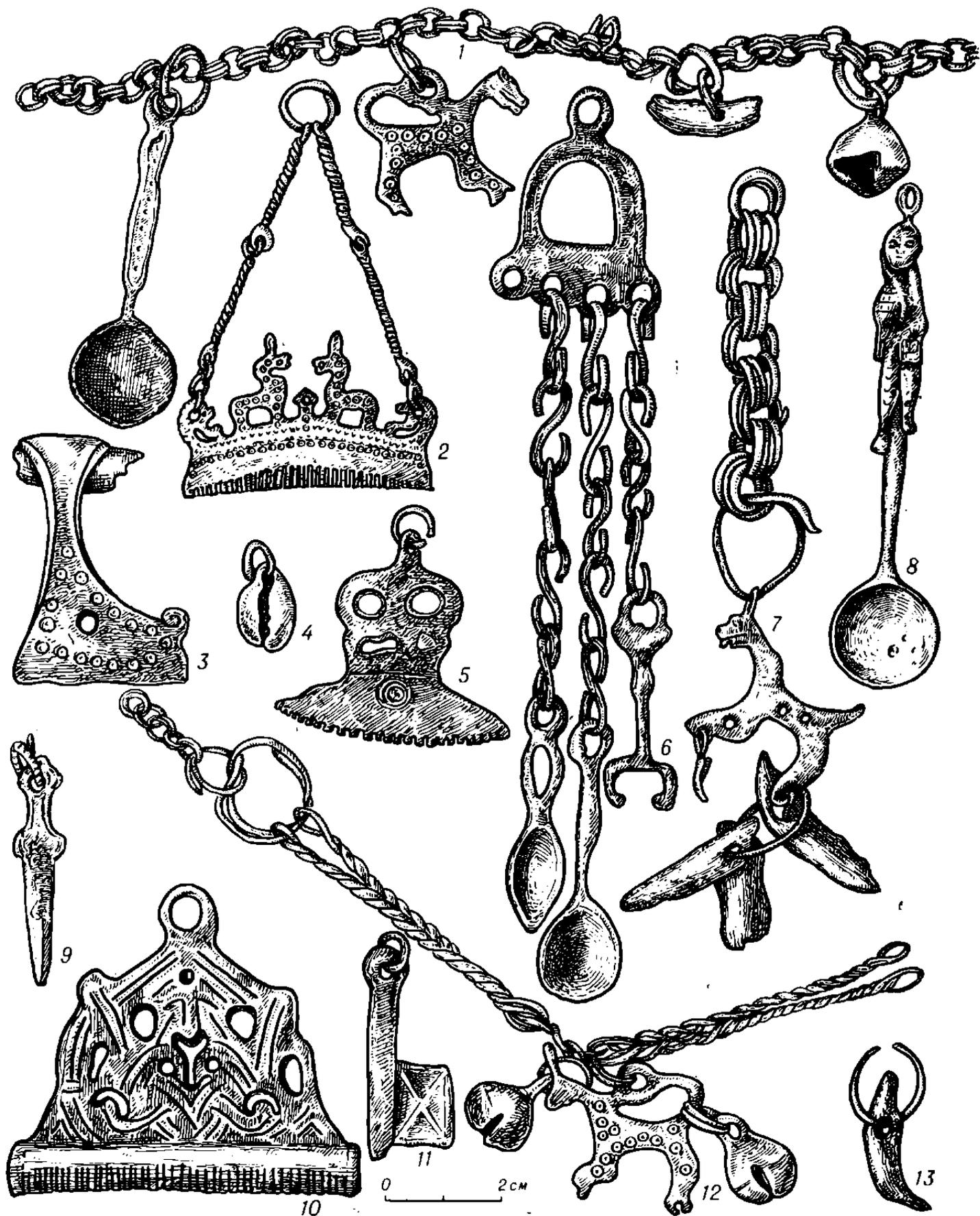

Таблица LXXVII. Языческие привески-амулеты

1 — Сарогожское; 2 — Залахтове, курган 17; 3, 13 — Городище, курганы 1985 и 2085; 4 — Исаково, курган 444; 5 — Рутилицы, курган 75; 6 — Низинка; 7 — Трашковичи, курган 15; 8 — Кветунь, курган 4; 9 — Гнездово, Лесная группа, курган 47; 10 — из костром-

ских курганов; 11 — Щуковщина, курган 56; 12 — Коханы, находка вне курганов
1-3, 5-12 — цветной металл; 4 — раковина-каури; 13 — клык на бронзовом колечке

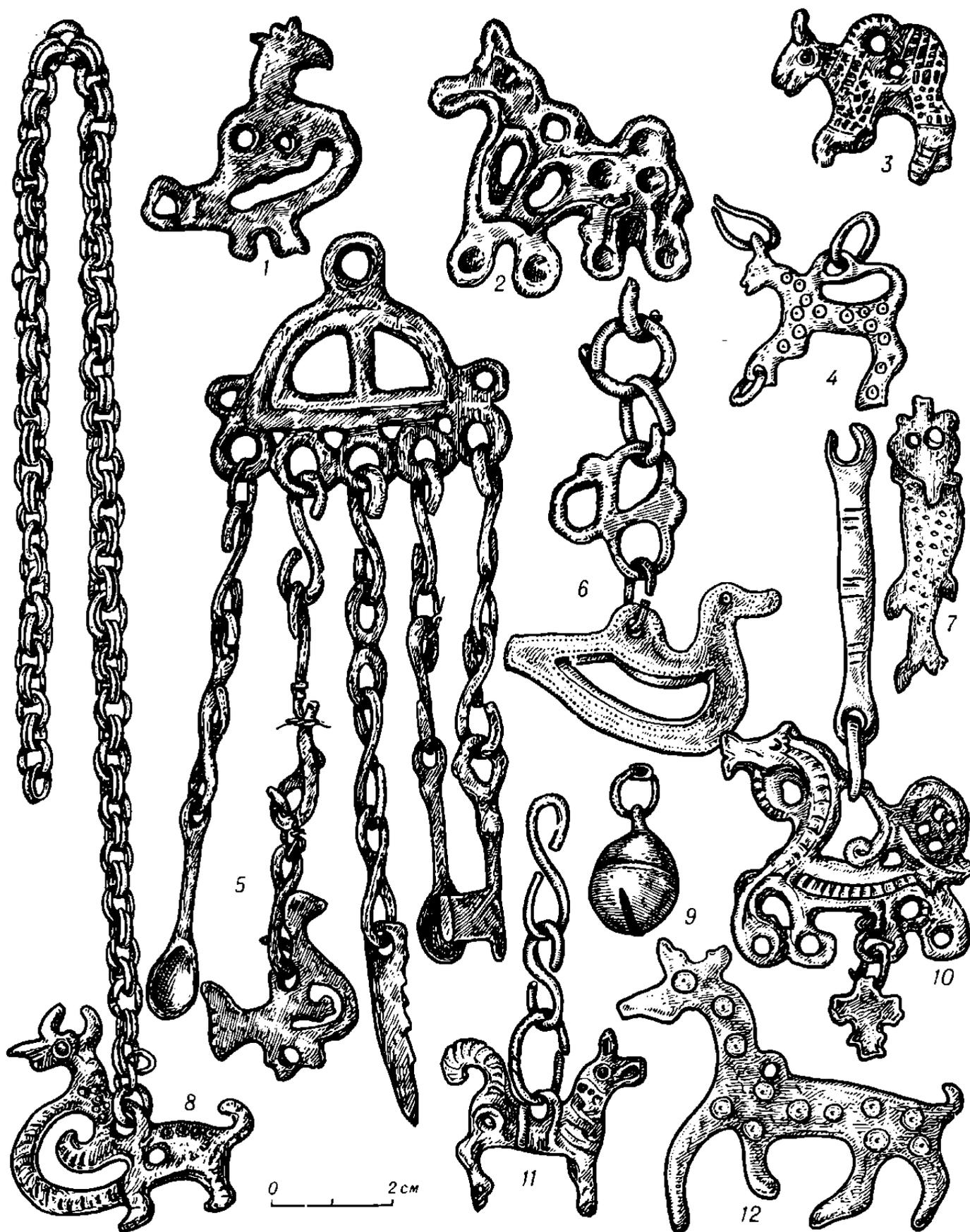

Таблица LXXVIII. Языческие амулеты

1 — Пезовицы, курган 8; 2 — Ущевиды, курган 4; 3, 10 — Терпилицы (3 — курган 21; 10 — курган 29); 4 — Кабанское, курган 443; 5 — Коханы, курган 11; 6 — Большая Брембола, курган 1460; 7 — Хрепле,

курган 5; 8 — Беседа, курган 61; 9 — Загорье, курган 7; 11 — Кожино; 12 — Еровщина, курган 4
1—12 — цветной металл

Литература

Источники

- Гаркави А. Я.*, 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб.
- Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960.
- Константин Багрянородный*. Сочинения «о фемах» и «о народах». СПб., 1899.
- Константин Багрянородный*. Об управлении государством.— ИГАИМК, 91, 1934.
- Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.
- Мишулин А. В.*, 1941. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— ВДИ, 1. Новгородская летопись.— Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПВЛ, I — Повесть временных лет, т. I. М.; Л., 1950.
- ПВЛ, II — Повесть временных лет, т. II. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ, I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
- ПСРЛ, II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Л., 1926.
- ПСРЛ, VII — Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
- ПСРЛ, XV — Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
- ПСРЛ, XX — Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. СПб., 1910—1914.
- ПСРЛ, XXII — Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Русский хронограф. СПб., 1911.
- Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950.
- Псковские летописи. М.; Л., 1944, I.
- Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957.
- Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М.
- Авдусин Д. А., Титомиров М. Н.*, 1950. Древнейшая русская надпись.— Вестник АН СССР, 4.
- Авдусина Г. А.*, 1962. Три курганные группы у Звенигорода.— В кн.: Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М.
- Авенариус Н. П.*, 1890. Дрогичин Надбужский и его древности.— МАР, 4.
- Авенариус Н. П.*, 1893. Заметка о раскопках в Минской губ. в 1889 и 1890 гг.— Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС. Вильна.
- Авенариус Н. П.*, 1896. Поставмукские курганы.— ЗРАО, VIII, 1-2.
- Александров А. А., Белецкий С. В.*, 1978. Исследование памятников у д. Лезги.— АО 1977 г.
- Алексеев В. П.*, 1962. Антропология Салтівського могильника.— МАУ, 2.
- Алексеев В. П.*, 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.
- Алексеев Л. В.*, 1959. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины.— ВЭИИП.
- Алексеев Л. В.*, 1960. Раскопки древнего Браслава.— КСИА, 81.
- Алексеев Л. В.*, 1966. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М.
- Алексеев Л. В., Сергеева З. М.*, 1973. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии.— КСИА, 135.
- Алексеева Т. И.*, 1961. Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днестра.— Вопросы антропологии, 8.
- Алексеева Т. И.*, 1966. Славяне и их соседи (по данным антропологии).— Anthropologie, Vро, IV, 2.
- Алексеева Т. И.*, 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алешковский М. Х.*, 1960. Курганы русских дружинников XI—XII вв.— СА, 1.
- Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.*, 1970. О датировке вала и рва Новгородского острога.— СА, 4.
- Алешковский П. М.*, 1980. Языческий амулет-привеска из Новгорода.— СА, 4.
- Амброс А. К.*, 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.— СА, 1.
- Амброс А. К.*, 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Амброс А. К.*, 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 2.
- Амброс А. К.*, 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 3.
- Андрияшев А. М.*, 1887. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев.
- Андрияшев О.*, 1926. Нарис історії колонізації Київської землі до кінця XV в.— В кн.: Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ.
- Антонович В. Б.*, 1878. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV ст. Киев.
- Антонович В. Б.*, 1879. Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в течение 1876 г.— ЧИОНЛ, I.
- Антонович В. Б.*, 1893а. Погребальный тип могил радимичей.— АИЗ, 3.
- Антонович В. Б.*, 1893б. Раскопки в стране древлян.— МАР, 11.
- Антонович В. Б.*, 1894. О раскопках в бывшей земле радимичей.— ЧИОНЛ, VIII.
- Антонович В. Б.*, 1895. Археологическая карта Киевской губ. М.
- Антонович В. Б.*, 1897. О типах погребений в курганах Киевской губ.— Труды VIII АС. М., IV.
- Антонович В. Б.*, 1901а. Археологическая карта Волынской губ.— Труды XI АС. М., I.

Исследования и публикации

- Абаев В. И.*, 1960. Дохристианская религия алан.— В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.
- Абаев В. И.*, 1964а. О происхождении фонемы γ (h) в славянском.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М.
- Абаев В. И.*, 1964б. Провербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М.
- Абаев В. И.*, 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
- Абаев В. И.*, 1966. Этимологические заметки.— In: *Studia Linguistica Slavica-Baltica*. Lund.
- Аванесов Р. И.*, 1947. Вопросы образования русского языка в его говорах.— Вестник МГУ, 9.
- Аванесов Р. И.*, 1949. Очерки русской диалектологии. М.
- Авдусин Д. А.*, 1951. Раскопки в Гнездове.— КСИИМК, XXXVIII.
- Авдусин Д. А.*, 1952а. Гнездовская экспедиция.— КСИИМК, XLIV.
- Авдусин Д. А.*, 1952б. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г.— МИСО, 1.
- Авдусин Д. А.*, 1957. Отчет о раскопках Гнездовских курганов.— МИСО, 2.
- Авдусин Д. А.*, 1967. О датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцянского.— В кн.: Культура и искусство древней Руси. Л.
- Авдусин Д. А.*, 1969. Ровики славянских курганов.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Авдусин Д. А.*, 1970. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957—1960 гг.— МИСО, 7.
- Авдусин Д. А.*, 1972. Гнездово и Днепровский путь.— В кн.:

ЛИТЕРАТУРА

- Антонович В. Б., 19016. Раскопки курганов в Западной Волинии.— Труды XI АС. М., I.
- Антонович В. Б., 1906. Дневники раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г.— Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС, I.
- Аристов Н. Я., 1877. О земле Половецкой. Киев.
- Артамонов М. И., 1955а. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 59.
- Артамонов М. И., 1955б. Славянские железошлаковые печи на среднем Днестре.— СГЭ, VII.
- Артамонов М. И., 1962. История казар. Л.
- Артамонов М. И., 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Историкографический сборник. Л.
- Артамонов М. И., 1969. Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура.— Археология, София, 3.
- Артамонов М. И., 1970а. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья.— Доклады Географического общества СССР, Л., 15.
- Артамонов М. И., 1970б. Славяне и болгары в Поднепровье.— In: Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, I.
- Артамонов М. И., 1974. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья.— СА, 1.
- Артемченко И. И., Соловьева Г. Ф., 1963. Славянские курганы близ с. Ходосовичи.— КСИА, 96.
- Артишевская Л. В., 1963. Могильник раннеславянского времени на р. Десне.— МИА, 108.
- Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941.
- Арцизовский А. В., 1928. Никоновские и Тупичинские курганы.— Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, М., III.
- Арцизовский А. В., 1930а. Курганы вятичей. М.
- Арцизовский А. В., 1930б. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе.— В кн.: Материалы и исследования Новгородского музея, I.
- Арцизовский А. В., 1936. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле.— СА, I.
- Арцизовский А. В., 1937. В защиту летописей и курганов.— СА, IV.
- Арцизовский А. В., 1947а. Основные вопросы археологии Москвы.— МИА, 7.
- Арцизовский А. В., 1947б. Царицынские курганы.— МИА, 7.
- Арцизовский А. В., 1956. Археологическое изучение Новгорода.— МИА, 55.
- Арцизовский А. В., 1970. Большой Беседский курган.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Аулизи В. В., 1972. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ.
- Аун М., 1976. Исследование курганов в Пылъваском р-не.— Известия АН ЭССР, Общие научные, 1.
- Аун М., 1977. Длинные курганы в Лаоссиана.— Известия АН ЭССР, Общие научные, 1.
- Аун М. Э., 1978а. Курганный могильник у д. Рысна-Сааре.— Известия АН ЭССР, Общие научные, 1.
- Аун М. Э., 1978б. Раскопки длинных курганов у д. Рысна-Сааре.— АО 1977 г.
- Аун М., 1979. Работы Микитамяской экспедиции.— АО 1978 г.
- Аун М., 1980а. Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Таллин.
- Аун М., 1980б. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II.— Известия АН ЭССР, Общие научные, 4.
- Аун М., 1980в. Раскопки у д. Рысна-Сааре.— АО 1979 г.
- Багалей Д. Я., 1882. История Северной земли. Киев.
- Багажольска У. У., 1977. Радіміцкія скроновые кольца.— В кн.: Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 4.
- Бадер О. Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей.— МИА, 7.
- Баран В. Д., 1959. Раскопки на поселении I тысячелетия н. э. в с. Рипневе (Рипнев II) Львовской обл. в 1957 г.— МДАПВ, 2.
- Баран В. Д., 1961. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу.— МДАПВ, 3.
- Баран В. Д., 1963. Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге.— МИА, 108.
- Баран В. Д., 1964. Памятники черняхівської культури басейна Західного Буга.— МИА, 116.
- Баран В. Д., 1972. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ.
- Баран В. Д., 1980. Славянские древности V в. н. э. (по материалам Поднепровья).— Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М.
- Баран В. Д., Карчина Л. Я., Некрасова А. Н., 1979. Раннеславянские поселения у с. Рашков.— АО 1978 г.
- Баран В. Д., Некрасова А. Н., 1978. Славянские поселения у с. Рашков на Днестре.— АО 1977 г.
- Барсов Н. П., 1885. Очерки русской исторической географии. Варшава.
- Башилова В. А., Куза А. В., 1977. Стратиграфические исследования на Большом Горняльском городище.— КСИА, 150.
- Бекаревич Н. М., 1894. Два доклада, читанные в заседаниях комиссии 12 июня и 17 августа 1892 г., о произведенных им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопках в Костромском у.— Костромская старина, III.
- Бекаревич Н. М., 1896. Дневник раскопок 1895—1899 гг.— Костромская старина, V.
- Бекаревич Н. М., 1906. Материалы для археологической карты Костромской губ. (Костромской у.)— Труды Второго областного Тверского АС.
- Беленькая Д. А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья.— СА, 4.
- Белецкий С. В., 1976. Охраняемые раскопки под Псковом.— АО 1975 г.
- Белецкий С. В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города).— КСИА, 160.
- Белоцерковская И. В., Саложников Н. В., 1980. О вятичских древностях из Смоленска.— СА, 2.
- Белая И. Д., 1872. Рассказы из русской истории. М.
- Березовец Д. Т., 1952а. Дослідження на території Путивльського р-ну Сумської обл.— АП, III.
- Березовец Д. Т., 1952б. Харівський скарб.— Археологія, VI.
- Березовец Д. Т., 1953. До питання про літописних сіверян.— Археологія, VIII.
- Березовец Д. Т., 1963. Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, 108.
- Березовец Д. Т., 1967. Новые раскопки в с. Волынцево.— В кн.: Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. Киев, 1.
- Березовец Д. Т., 1969. Могильники уличей в долине р. Тясмину.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Бернштам В. Л., Васильев И. И., Нислинский А. М., 1885. Дневник раскопок, произведенных 24 мая 1880 г. близ д. Муравичи.— Древности, X.
- Берестнев С. И., 1979. Работы Левобережной лесостепной экспедиции.— АО 1978 г.
- Бернякович К. В., 1957. Древнеславянские памятники Закарпатской области СССР.— СА, 2.
- Бернштейн С. Б., 1961. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.
- Бессарабова З. Д., 1973. Славянские курганы второй половины I тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы.— АСГЭ, 15.
- Бестужев-Рюмин Н., 1872. Русская история. СПб.
- Бидвіля В. І., 1963. Залізоплавильні горні середини I тисячоліття н. е. на Південному Бугі.— Археологія, XV.
- Бируля И. В., 1966. Каменные курганы правобережья Западного Буга.— В кн.: Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Минск.
- Бируля И. В., 1970. Курганы у д. Ратайчицы.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Блифельд Д. И., 1952. Дослідження в с. Шестовицях.— АП, III.
- Блифельд Д. И., 1954. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв.— СА, XX.
- Блифельд Д. И., 1955. Деснянська археологічна експедиція 1949 р.— АП, V.
- Блифельд Д. И., 1977. Древньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Бобринский А. А., 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., II.
- Бобринский А. А., 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., III.
- Бобринский А. А., 1914. Перещепинский клад.— МАР, 34.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Богданов А. П.*, 1867. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ.— ИОЛЕАЭ, IV, 1.
- Богданов А. П.*, 1880. Древние киевляне по их черепах и могилам.— ИОЛЕАЭ, XXXV.
- Богомольников В. В.*, 1978. Работы Радимичского отряда.— АО 1977 г.
- Бодянский А. В.*, 1960. Археологические находки в Днепровском Надпорожье.— СА, 1.
- Брайчевская А. Т.*, 1959. Кузница на Пастырском городище.— КСИА АН УССР, 9.
- Брайчевська А. Т.*, 1961. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р.— Археологія, XIII.
- Брайчевская А. Т.*, 1963. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье.— МИА, 108.
- Брайчевский М. Ю.*, 1951. Работы на Пастырском городище в 1949 г.— КСИИМК, XXXVI.
- Брайчевський М. Ю.*, 1952. Пастырський скарб 1949 р.— Археологія, VII.
- Брайчевський М. Ю.*, 1955. Нові розкопки на Пастырському городищі.— АП, V.
- Брайчевский М. Ю.*, 1960. Новые находки VII—VIII вв. н. э. на Пастырском городище.— КСИА АН УССР, 10.
- Бранденбург Н. Е.*, 1895. Курганы Южного Приладожья.— МАР, 18.
- Бранденбург Н. Е.*, 1908. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., Булкин В. А., 1975а. Большие курганы Гнездовского могильника.— В кн.: Скандинавский сборник, Таллин, XX.
- Булкин В. А.*, 1975б. Курган 7 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове.— КСИА, 144.
- Булкин В. А., Назаренко В. А.*, 1971. О нижней дате Гнездовского могильника.— КСИА, 125.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.*, 1978. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л.
- Булычев Н. И.*, 1899а. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.
- Булычев Н. И.*, 1899б. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.
- Булычев Н. И.*, 1903. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 г. М.
- Булычев Н. И.*, 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры.— Записки Московского археологического института. XXXI.
- Бунак В. В.*, 1956. Антропологические исследования.— В кн.: Антропологический сборник. М., 1.
- Вайгович Н. Т.*, 1950. Да пытання ад находжанні беларускага дзекання і цеканья.— Вучоныя запіскі Мінскага педагогічнага інстытута. Філалагічная серыя, 1.
- Векслер А. Г.*, 1970. Семиверхние курганы вятичей в Одинцово под Москвой.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Верхорубова Т. Л.*, 1980. Работы Новгородского музея-заповедника.— АО 1979 г.
- Викторовський В.*, 1925. Волинський науково-дослідчий музей.— Бюлетень кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка, 1.
- Винников А. З.*, 1978. Орнаментация боршевской керамики.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Винников А. З.*, 1980. Раскопки курганов конца I тысячелетия н. э. на р. Воронеж.— АО 1979 г.
- Винников А. З., Мاستыкова А. В.*, 1979. Раскопки Лысогорского могильника.— АО 1978 г.
- Винников А. З., Мойса И. П.*, 1977. Раскопки славянских памятников на р. Воронеж.— АО 1976 г.
- Виноградов А. А.*, 1914. К археологии Весьегонского у. Тверь.
- Виноградов К. Я.*, 1925. Древнейшие следы культуры славян и финнов в Воскресенском у. Московской губ. Воскресенск.
- Винокур И. С.*, 1960. Раскопки двух древлянских курганов.— Научный ежегодник Черновицкого университета за 1959 г.
- Витковский Э. К.*, 1878. Раскопки курганов и археологические находки в Васильковском у.— Труды III АС. Киев, II.
- Власова Г. М.*, 1961. Древнерусский могильник в с. Збуже.— КСИА АН УССР, 11.
- Воеводский М. В.*, 1949. Городища верхней Десны.— КСИИМК, XXIV.
- Вознесенская Г. А.*, 1967. Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников.— КСИА, 110.
- Вознесенская Г. А.*, 1978. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н. э.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Вознесенская Г. А.*, 1979. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв.— СА, 2.
- Волошинский Я. Я.*, 1876. Киевские курганы.— ИОЛЕАЭ, XX, 2, 1.
- Вольвские губернские ведомости*, 1879, 78.
- Воронин Н. Н.*, 1941. Суздаль, 1936 г.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.; Л.
- Выезжев Р. И.*, 1954а. Новые данные на раскопок Леплявского могильника.— КСИА АН УССР, 3.
- Выезжев Р. И.*, 1954б. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р.— Археологія, IX.
- Въжарова Ж. Н.*, 1965. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI—XI в. София.
- Въжарова Ж. Н.*, 1976. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България). София.
- Гальковский Н. М.*, 1913. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М.
- Гамченко С. С.*, 1888. Житомирский могильник. Житомир.
- Гамченко С. С.*, 1901. Раскопки в бассейне р. Случч.— Труды XI АС. М., I.
- Гамченко С. С.*, 1913. Исследование курганов у д. Сытевки на левом берегу р. Луги в 1908 г.— ЗОРСА, IX.
- Гатцук С. А.*, 1904. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ.— ИАК, 6.
- Гендуле Ю. Г.*, 1903. Городище Дува. СПб.
- Глазов В. Н.*, 1901. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опоченском и Новоржевском уездах.— ЗРАО, XII, 1-2.
- Глазов В. Н.*, 1903а. Отчет В. Н. Глазова о раскопках 1899 г. в Псковском у.— ЗОРСА, V, 1.
- Глазов В. Н.*, 1903б. Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг.— ЗОРСА, V, 1.
- Глазов В. Н.*, 1904. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий у. Новгородской губ.— ИАК, 6.
- Глазов В. Н.*, 1905. Отчет В. Н. Глазова о поездке на верховья Волги и в Демянский у.— ЗОРСА, VII, 1.
- Глазов В. Н.*, 1977. О курганах Костромского Поволжья.— КСИА, 150.
- Глазов В. П.*, 1978. Исследование во Владимирской обл.— АО 1977 г.
- Говорский К.*, 1853а. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка.— Записки Археологического общества, 5.
- Говорский К.*, 1853б. Поездка из Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги.— Записки Археологического общества, 5.
- Головацкий Я.*, 1880. Археологические раскопки курганов, произведенных А. С. Уваровым в имении Вотне Могилевской губ.— Виленский вестник, 228.
- Голубева Л. А.*, 1962. Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, 3.
- Голубева Л. А.*, 1966. Пестовские курганы.— В кн.: Культура древней Руси. М.
- Голубева Л. А.*, 1973. Веси и славяне на Белом озере X—XIII вв. М.
- Голубева Л. А.*, 1978. Игольники восточноевропейского Севера.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Голубева Л. А.*, 1979а. Веси, скандинавы и славяне в X—XI вв.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Голубева Л. А.*, 1979б. Зооморфные украшения финно-угров.— САИ, вып. Е1-59.
- Голубева Л. А., Варенов А. Б.*, 1978. Полые коньки-амулеты древней Руси.— СА, 2.
- Голубович Е., Голубович В.*, 1945. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР.— КСИИМК, XI.
- Голубовский П. В.*, 1881. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев.
- Голубовский П. В.*, 1895. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев.
- Гончаров В. К.*, 1950. Райковецкое городище. Киев.
- Гончаров В. К.*, 1963. Лука-Райковецкая.— МИА, 108.
- Гонк В. Д.*, 1975. Ковальська справа у ранніх слов'ян в Середньому Подніпров'ї.— Археологія, 17.
- Гонк В. Д.*, 1976. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье)— СА, 2.
- Горбачев К. А.*, 1887. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губ.— ИОЛЕАЭ, XLIX, 4.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачев К. А., 1890а. Поездка в Смоленскую губ.— ИОЛЕАЭ, XLIX, 5.
- Горбачев К. А., 1890б. Протокол раскопок курганов Селецкой волости в 1886 г.— ИОЛЕАЭ, XLIX, 5.
- Городцов В. А., 1898. Результаты археологических исследований в Беловском и Рязанском уездах в 1897 г.— АИЗ, 7-8.
- Городцов В. А., 1900а. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г.— Древности, XVII.
- Городцов В. А., 1900б. Федяшевское городище.— Древности, XVII.
- Городцов В. А., 1905. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII АС.— Труды XII АС. М., I.
- Городцов В. А., 1909. Древнее население Рязанской земли.— Известия ОРЯС, XIII, 4.
- Городцов В. А., 1926. Болотное Огубское городище.— Труды ГИМ, 1.
- Городцов М. В., 1928. Вятические курганные погребения близ д. Мякивиной Московской губ. и у.— Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, М., IV.
- Горюнов Е. А., 1972. Селище Целяков Бугор на средней Десне.— КСИА, 129.
- Горюнов Е. А., 1973.— Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V—начале VIII в.— СА, 4.
- Горюнов Е. А., 1974а. Древности I тысячелетия н. э. нижнего течения р. Снова.— КСИА, 140.
- Горюнов Е. А., 1974б. Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Горюнов Е. А., 1975а. О памятниках волинцевского типа.— КСИА, 144.
- Горюнов Е. О., 1975б. Про періодизацію деснянських старожитностей другої та третьої чверті I тисячоліття н. е.— Археологія, 18.
- Горюнов Е. А., 1977. О работах на поселении Хитцы.— АО 1976 г.
- Горюнов Е. А., 1980. Исследования в Курской обл.— АО 1979 г.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М., Пескова А. А., Усова Г. А., 1976. Исследования на Полтавщине.— АО 1975 г.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М., 1978а. Исследования памятников I тысячелетия н. э. на Полтавщине.— АО 1977 г.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М., 1978б. О происхождении широкопластинчатых фибул.— КСИА, 155.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А., 1979а. О работе Днепровской Левобережной экспедиции.— АО 1978 г.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А., 1979б. Работы на Полтавщине.— АО 1978 г.
- Горюнова Е. Я., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 94.
- Готье Ю. В., 1928. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края.— Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, М., IV.
- Готье Ю. В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.
- Грибович Р. Т., Петегирич В. М., Павлиц Д. Ю., 1977. Исследования на Воляни.— АО 1976 г.
- Грибович Р. Т., Петегирич В. М., Павлиц Д. Ю., 1978. Исследования на Воляни.— АО 1977 г.
- Гринченко В. А., 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжє.— Археологія, III.
- Гродилов Г. П., 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.— СА, XIV.
- Гродилов Г. П., 1965. Археологические памятники Старого Изборска.— АСГЭ, 7.
- Грот К. Я., 1880. Известия Константина Багрянородного о хорватах и сербах. СПб.
- Грушевский А. С., 1901. Очерк истории Турово-Пинского княжества. Пинское Полесье. Исторические очерки. Киев, ч. I.
- Грушевский М., 1898. Анти («Avtai», «Antes»), уривок з історії України — Русь.— Записки Наукового товариства ім. Шевченка, Львів, XXI, I.
- Грушевський М. С., 1904. Історія України-Руси. Львів, I.
- Грушевський М., 1910. До питання про расселення вятичів.— Записки Наукового товариства ім. Шевченка, Львів, XCVIII.
- Грушевський М. С., 1911. Киевская Русь. СПб., I.
- Гуревич Ф. Д., 1941. Збручський ідол.— МИА, 6.
- Гуревич Ф. Д., 1950. Древнейшие бусы Старой Ладоги.— СА, XIV.
- Гуревич Ф. Д., 1954. Каменные идолы Себежского музея.— КСИИМК, 54.
- Гуревич Ф. Д., 1956. Археологические памятники Великолукской обл.— КСИИМК, 62.
- Гуревич Ф. Д., 1958. О длинных и удлинённых курганах в Западной Белоруссии.— КСИИМК, 72.
- Гуревич Ф. Д., 1962. Древности Белорусского Поманья. М.; Л.
- Гуревич Ф. Д., 1969. Об этническом составе населения древнего Новогрудка.— Acta Baltico-Slavica, Bialystok, VI.
- Гуревич Ф. Д., 1980. Каменные могилы Подляшья и древний Дрогичин.— КСИА, 160.
- Гущин А. С., 1936. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.; Л.
- Давидан О. И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога.— АСГЭ, 8.
- Данилевич В. Е., 1896. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.
- Данилевич В. Е., 1905. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки Ахтырского у.— Труды XII АС. М., I.
- Даркевич В. П., 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве.— СА, 4.
- Дебец Г. Ф., 1932. Чарапы Люцивскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх ў палеоантропалёгіі Усходняй Еўропы.— Працы, III.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Дедюжина В. С., 1967. Фибулы скандинавского типа.— Труды ГИМ, 43.
- Деев С. С., 1926. Доисторическая жизнь Брянского края под охраной краеведов.— Брянский край, 1.
- Дмитриевская А. В., 1937. Палеолитские курганы.— СА, IV.
- Добродумов И. Г., 1970. Два булгаризма в древнерусской этнонимии.— В кн.: Этнонимы. М.
- Довнар-Запольский М. В., 1891. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев.
- Домбровская Е. В., 1914. О раскопках древнего могильника, находящегося в сельце Светлом Прудковской волости Смоленского у., произведенных в 1908—1910 гг.— В кн.: Отчет Общества изучения Смоленской губ. за 1913 г. Смоленск.
- Дубинский С. А., 1927. Раскопки Банцараускага гарадзішча каля Менску ў 1926 г.— В кн.: Гістарычна-археалёгічны зборнік. Менск, I.
- Дубинский С. А., 1928. Досьледы культур жалезнага парядку па Віцебшчыне, Магілеўшчыне і Меншчыне.— Працы, I.
- Дубинский С. А., 1930. Досьледы культур жалезнага парядку на БССР у 1929 г.— Працы, II.
- Дубов И. В., 1976. Новые раскопки Тимеревского могильника.— КСИА, 146.
- Дурново Н. Н., 1969. Введение в историю русского языка. М.
- Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н., 1915. Опыт диалектической карты русского языка в Европе. М.
- Дучиц Л. В., 1978. Исследования в Браславском и Мворском районах.— АО 1977 г.
- Дучиц Л. В., 1979. Раскопки в Браславском р-не.— АО 1978 г.
- Дучиц Л. В., 1980. Изучение средневековых памятников Витебской обл.— АО 1979 г.
- Дьяковская культура, 1974. М.
- Дьяченко А. Г., 1978. Исследование славянских памятников в бассейне Северского Донца.— АО 1977 г.
- Дьяченко В. Д., 1960. Наслідки роботи Української антропологічної експедиції.— В кн.: Матеріали з антропології України. Київ, I.
- Ессеев И. Е., 1908. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения р. Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши.— Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС, 2.
- Еременко П. М., 1896. Раскопки курганов Новозыбковского у.— ЗРАО, VIII, 1-2.
- Еременко П. М., 1906. Раскопки курганов в Брянском и Елецком уездах.— Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1904 и 1905 гг.
- Ерофеева Е. Н., 1976. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Ефименко П. П., 1926. Рязанские могильники.— В кн.: Материалы по этнографии. М., 3, 1.
- Ефименко П. П., 1931. Раннеславянские поселения на Среднем Дону.— Сообщения ГАИМК, 2.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 8.
- Заверняев Ф. М., 1960. Селища бассейна р. Судости.— СА, 3.
- Завитневич В. З., 1886. Область дреговичей как предмет архео-

ЛИТЕРАТУРА

- логического исследования.— Труды Киевской духовной академии, 8.
- Завитневич В. З.*, 1890а. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье.— ЧИОНЛ, 4.
- Завитневич В. З.*, 1890б. О курганах Минской губ.— В кн.: Календарь Северо-Западного края на 1890 г. М.
- Завитневич В. З.*, 1892. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье.— ЧИОНЛ, 6.
- Завитневич В. З.*, 1893. Сообщение о раскопках летом 1892 г.— АИЗ, 2.
- Завитневич В. З.*, 1894а. Археологическая поездка по Черниговской и Минской губ.— Древности, XV, 2.
- Завитневич В. З.*, 1894б. Археологические изыскания в бассейне р. Березины.— ОАК за 1892 г.
- Зайцев А. К.*, 1975. Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
- Записки*, 1933.— Записки Научного товариства ім. Шевченка, Львів, CLII.
- Записки*, 1935.— Записки Научного товариства ім. Шевченка, Львів, CLIV.
- Засурцев П. И.*, 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 123.
- Заяц Ю. А.*, 1978. Работы в окрестностях Заславля и Дзержинска.— АО 1977 г.
- Заяц Ю. А.*, 1979. Раскопки и разведки в окрестностях Заславля.— АО 1978 г.
- Заяц Ю. А.*, 1980. Раскопки в окрестностях Заславля.— АО 1979 г.
- Зверуго Я. Г.*, 1978. Работы в Понеманье.— АО 1977 г.
- Зеленин Д. К.*, 1954. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода.— Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, VI.
- Зеленский И.*, 1864. Материалы для географии и статистики России. Минская губ., ч. I. СПб.
- Иванов А. И.*, 1925. Пустошенский могильник.— Труды Владимирского областного музея, 1.
- Иванов П. А.*, 1895. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса.
- Ивановский Л. К.*, 1881а. Материалы для изучения курганов и жалыников юго-запада Новгородской губ.— Труды II АС. СПб., II.
- Ивановский Л. К.*, 1881б. Отчет о раскопках курганов в Моложском у. Ярославской губ.— Древности, IX, 1.
- Ивановский Л. К.*, 1884. О раскопках курганов на берегах р. Сити, произведенных летом 1875 г.— Труды IV АС. Казань, I.
- Игнатъев Р. Г.*, 1878. Раскопки курганов в м. Заславле Минского у.— Минские ведомости, 24—27.
- Игнатъев Р. Г.*, 1880. О памятниках древности в Минской губ.— ИОЛЕАЭ, XXV, 1, 1-3.
- Изюмова С. А.*, 1953. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской обл.— КСИИМК, 52.
- Изюмова С. А.*, 1957. Вятическое погребение в Тульской обл.— СА, 3.
- Изюмова С. А.*, 1958. Бронзовые лунницы с городища у д. Щепилово (Тульская обл.).— СА, 4.
- Изюмова С. А.*, 1961. Курганы у д. Тризново.— СА, 2.
- Изюмова С. А.*, 1964. Курганный могильник около д. Западной VIII—X вв.— СА, 2.
- Изюмова С. А.*, 1970а. Курганы у с. Доброе Тульской обл.— СА, 1.
- Изюмова С. А.*, 1970б. Курганы у д. Слевидово.— СА, 4.
- Ильинская В. А.*, 1968. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в днепровской левобережной лесостепи.— В кн.: Славяне и Русь. М.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.*, 1955. Новая находка блях с эмалью на Киевщине.— КСИИМК, 60.
- История культуры*, 1951.— История культуры древней Руси. М.; Л., 1.
- Истрик В. М.*, 1922. Хроника Георгия Амартола. Пг., 2.
- Каваленя А. Э., Шугай С. С.*, 1930. Матер'ялы з дагісторыі Тураўшчыны.— Працы, II.
- Калигина Е. А.*, 1941. Река Навля, 1936 г.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.; Л.
- Каргер М. К.*, 1958. Древний Киев. М.; Л., I.
- Каретников С.*, 1905. Волынская губ. Географическо-исторические очерки. Ковель.
- Карский Е. Ф.*, 1903. Белорусы. Варшава, I.
- Каталог*, 1907. Каталог собрания древностей А. С. Уварова. Отд. III—VI. М.
- Кельсиев А. И.*, 1878—1879. Отчет о раскопках, произведенных в Ярославской и Тверской губерниях.— ИОЛЕАЭ, XXXI.
- Кельсиев А. И.*, 1880. Отчет по раскопкам в Ярославской, Тверской губерниях, произведенных по поручению Комиссии летом 1878 г.— ИОЛЕАЭ, XXXV, 1, 1-3.
- Кельсиев А. И.*, 1885. Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной.— Древности, X.
- Керцелли Н. Г.*, 1876. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губ.— ИОЛЕАЭ, XX.
- Керцелли Н. Г.*, 1878—1879. Отчет о произведенной им раскопке курганов Руасского и Подольского уездов Московской губ.— ИОЛЕАЭ, XXXI.
- Кибальчич Т. В.*, 1879. Сообщение о черепахах из древних погребений в Черниговской и Киевской губерниях.— ИОЛЕАЭ, XXXI.
- Киевская старина*, 1888, XXII.
- Кирличников А. Н.*, 1966а. Древнерусское оружие, I.— САИ, вып. Е1-36.
- Кирличников А. Н.*, 1966б. Древнерусское оружие, II.— САИ, вып. Е1-36.
- Кирличников А. Н.*, 1966в. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XII вв.— В кн.: Скандинавский сборник, Таллин, XI.
- Кирьянов А. В.*, 1956. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (по археологическим данным).— МИА, 65.
- Кирьянова Н. А.*, 1979. О составе земледельческих культур древней Руси X—XV вв. (по археологическим данным).— СА, 4.
- Клетнова Е. Н.*, 1910. Мерянское погребение при д. Хажаво близ с. Серезжани Вяземского у. Смоленск.
- Клетнова Е. Н.*, 1915. Археологические разведки Вяземского у. М.
- Клетнова Е. Н.*, 1916а. Археологические разведки и раскопки в Вяземском у. 1912 г.— Смоленская старина, 3, ч. 2.
- Клетнова Е. Н.*, 1916б. Раскопки Гнездова левобережного.— Смоленская старина, 3, ч. 2.
- Клетнова Е. Н.*, 1923. Раскопки в Гнездове.— Смоленская новь, 3-4.
- Ключевский В. О.*, 1956. Сочинения. М., I.
- Козловська В. Е.*, 1925. Археологічні пам'ятки часів князівської доби коло с. Поштово-Віта на Київщині.— В кн.: Науковий збірник за рік 1924. Всеукраїнська АН, історична секція. Київ.
- Козловська В. Е.*, 1930. Новіші археологічні дослідження на терені Білоцерківщини.— В кн.: Хроніка археології та місцевства. Київ, 2.
- Колмогоров А. И.*, 1914. Тихвинские курганы.— Труды XV АС. М., I.
- Колосов В. И.*, 1890. Стерженский и Лопастецкий кресты. Тверь.
- Колосов В. И.*, 1906. Длинные могилы в Осташковском у. Тверской губ.— Труды Второго областного Тверского АС.
- Колосова И. О.*, 1979. Раскопки кургана у д. Волженец.— АО 1978 г.
- Колчин Б. А.*, 1971. Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, вып. Е1-55.
- Колчин Б. А.*, 1978. Гусли древнего Новгорода.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Комаров К. И.*, 1972. Находка раннеславянской керамики на верхнем Дову.— КСИИМК, 129.
- Комаров К. И.*, 1975. Новые раскопки Купанского могильника.— КСИИМК, 144.
- Комаров К. И.*, 1979. Разведки Славянского отряда Верхневолжской экспедиции.— АО 1978 г.
- Комаров К. И., Елкина А. К.*, 1976. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Комша М.*, 1970. Проникновение славян на территорию Румынской народно-демократической республики и их связи с автохтонным населением.— В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., V.
- Кондаков Н. П.*, 1896. Русские кладбища. СПб.
- Кондукторова Т. С.*, 1964. Изменения физического типа населения Украины от мезолита до средних веков. М.
- Конечкий В. Я., Верхорубова Т. Л.*, 1979. Работы Новгородского музея.— АО 1978 г.
- Конечкий В. Я.*, 1980. Исследования грунтовых могильников и сопок в Приильменье.— АО 1979 г.
- Корвужина Г. Ф.*, 1946. О тхвинке тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв.— КСИИМК, XIII.
- Корвужина Г. Ф.*, 1954. Русские кладбища IX—XIII вв. М.; Л.

ЛИТЕРАТУРА

- Корвучина Г. Ф.*, 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII.
- Корвучина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.— САИ, вып. Е1-43.
- Королюк В. Д.*, 1963. Авары (обры) и дулебы русской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М.
- Корсаков Д. А.*, 1872. Меря и Ростовское княжество. Казань.
- Котигорошко В. Г.*, 1977. Новые данные к изучению древней истории славян Закарпатья.— СА, 1.
- Кочуркина С. Я.*, 1969. Курганные группы юго-восточного Приладожья.— КСИА, 120.
- Кочуркина С. Я.*, 1973. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.
- Кравченко Н. М.*, 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.).— МИА, 139.
- Кравченко Н. М.*, 1979. Исследование славянских памятников на Стугне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев.
- Кравченко Н. М.*, 1980. Раскопки и разведки в Среднем Поднепровье.— АО 1979 г.
- Красное Ю. А.*, 1978. Опыт построения классификации палеонетчиков пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 4.
- Крейтон В. Н.*, 1913. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г.— Труды Псковского археологического общества, 9.
- Крейтон В. Н.*, 1914. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1913 г.— Труды Псковского археологического общества, 10.
- Кудряшов К. В.*, 1913. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губ.— ЗОРСА, IX.
- Кува А. В.*, 1968. Раскопки курганов в Новгородчине.— АО 1965 г.
- Кува А. В., Никитин А. Л.*, 1965. Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переяславля-Залесского.— КСИА, 104.
- Кува А. В., Соловьева Г. Ф.*, 1972. Языческое святилище в земле радимичей.— СА, 1.
- Кузнецов В. А., Пудовин В. К.*, 1961. Алавы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов».— СА, 2.
- Кувшин А. Г.*, 1970. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Кусцинский М. Ф.*, 1865. Опыт археологических исследований в Лепельском у.— Витебские губернские ведомости, 20.
- Кусцинский М. Ф.*, 1881. Отчет о раскопках в Смоленской губ. в 1874 г.— Древности, IX, 1.
- Кусцинский М. Ф.*, 1903. Из заметок о курганах Лепельского у.— Полоцкие епархиальные ведомости. Витебск.
- Куртин Б. А.*, 1926. Материальная культура русской мещеры. М.
- Кузаренко Ю. В.*, 1955. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья.— КСИА, 57.
- Кузаренко Ю. В.*, 1957. Раскопки на городище и селище Хотомель.— КСИИМК, 68.
- Кузаренко Ю. В.*, 1960. Памятники пражского типа на территории Приднепровья.— *Slavia Antiqua*. Poznań, VII.
- Кузаренко Ю. В.*, 1961. Средневековые памятники Полесья.— САИ, вып. Е1-57.
- Кузаренко Ю. В.*, 1965. Могильник Брест-Тришин.— КСИА, 100.
- Кузаренко Ю. В.*, 1968. Древнейшие курганы волянян.— In: *Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus*. Wroclaw; Warszawa; Kraków.
- Кузаренко Ю. В.*, 1969. Миропольские курганы.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Кузаренко Ю. В.*, 1980. Могильник Брест-Тришин. М.
- Кушнер (Кнышев) П. И.*, 1951. Этнические территории и этнические границы.— Труды ИЭ, XV.
- Лабунский В. Я.*, 1900. Раскопки в Калужской губ. в 1891 г.— Древности, XVI.
- Лавров Н. Ф.*, 1951. Религия и церковь.— В кн.: История культуры древней Руси. М.; Л., II.
- Лаврова Е. В.*, 1888. О раскопках курганов в Белевском у. Тульской губ.— Вестник археологии и истории, СПб., VII.
- Лавровиц-Шепелевич Л. Ю.*, 1900. Извлечение из отчета о раскопках. Витебск.
- Лавровиц-Шепелевич Л. Ю.*, 1901а. Извлечение из отчета об экскурсиях и раскопках. Витебск.
- Лавровиц-Шепелевич Л. Ю.*, 1901б. Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ.— ИАК, 6.
- Ларина О. В., Рафалович Я. А.*, 1979. Работы на поселении Данчены I.— АО 1978 г.
- Латышева Г. П.*, 1954. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г.— Труды Музея истории и реконструкции Москвы, 5.
- Лаул С.*, 1971. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии.— Известия АН ЭССР, Общественные науки, 3.
- Лаул С. К.*, 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Саранск, IV.
- Лаушкин К. Д.*, 1960. Раскопки в Старой Ладоге.— КСИА, 81.
- Лебедев Г. С.*, 1974. Длинные курганы Верхнего Полужья.— КСИА, 139.
- Лебедев Г. С.*, 1977а. Начало Верхней Руси по данным археологии.— В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.
- Лебедев Г. С.*, 1977б. Новые данные о длинных курганах и сопках.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1.
- Лебедев Г. С.*, 1978. Сопка у д. Репья в Верхнем Полужье.— КСИА, 1955.
- Лебедев Г. С., Булкин В. А., Наваренко В. А.*, 1975. Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и путь из варяг в греки (по материалам Смоленской археологической экспедиции 1966 г.).— Вестник ЛГУ, 14.
- Левашова В. П.*, 1967. Височные кольца.— Труды ГИМ, 43.
- Леонтьев А. Е.*, 1978. Волго-Окская новостроечная экспедиция.— АО 1977 г.
- Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н.*, 1978. Древнерусские памятники в районе озера Верестово.— СА, 2.
- Леонтьев А. Е., Исламова И. В.*, 1979. Работы Волго-Окской экспедиции.— АО 1978 г.
- Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.*, 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса).— СА, 2.
- Лесман Ю. М., Виноградов А. В.*, 1979. Работы Оредежского отряда.— АО 1978 г.
- Л. И.*, 1862. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей.— ЧОИДР.
- Липкин Ю. А.*, 1974. Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Лончаевский А.*, 1885. Археологические находки в Гомельском у. Могилевской губ.— Киевская старина, XIX.
- Львова З. А.*, 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги.— АСГЭ, 10.
- Лысенко П. Ф.*, 1969а. Археологические исследования раннефеодальных памятников Туровской земли.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск.
- Лысенко П. Ф.*, 1969б. Ясенецкий курганный могильник.— В кн.: Вопросы истории. Минск.
- Лысенко П. Ф.*, 1974. Города Туровской земли. Минск.
- Любавский М. К.*, 1909. Историческая география России в связи с колонизацией. М.
- Любайскі М.*, 1929. Літва і славяне ў іх узаемаадносінках ў IX—XIII ст.— Запіскі акадэміі гуманітарных навук Беларускай АН, 8.
- Любомиров П.*, 1913. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях.— ЗОРСА, IX.
- Ляўданскі А. Н.*, 1925. Раскопки и археологические разведки у Барысаўскім павеце.— В кн.: Навуковы зборнік Інстытуту беларускае культуры. Менск.
- Ляўданскі А. Н.*, 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губ.— Научные известия Смоленского университета, 3,3.
- Ляўданскі А. Н.*, 1928а. Городище, курганы и стоянка близ д. Дербуж Рославльского у.— Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, М., IV.
- Ляўданскі А. Н.*, 1928б. Археологические доследы ў Смаленскай губ. за 1918—1928 гг.— Працы, I.
- Ляўданскі А. Н.*, 1928в. Археологические раскопки ў м. Заслаўі Менскай округі.— Працы, I.
- Ляўданскі А. Н.*, 1930а. Археологические доследы ў Аршанскай акрузе.— Працы, II.
- Ляўданскі А. Н.*, 1930б. Археологические доследы ў Барысаўск.— Працы, II.
- Ляўданскі А. Н.*, 1930в. Археологические доследы ў Віцебскай акрузе.— Працы, II.
- Ляўданскі А. Н.*, 1930г. Археологические доследы ў водазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ.— Працы, II.
- Ляўданскі А. Н.*, 1930д. Археологические доследы ў Палацкае акрузе.— Працы, II.

ЛИТЕРАТУРА

- Ляўданскі А. Н., 1930е. Курганы магільнік каля в. Чаркасова Аршанскае акрузі.— Працы, II.
- Ляўданскі А. Н., 1932. Археолгічныя досьледы ў Смаленшчыне.— Працы, III.
- Ляпушкін І. І., 1941. Славяно-рускія паселення IX—XII ст. на Дону і Тамані па археалагічным даным.— МИА, 6.
- Ляпушкін І. І., 1958а. Горадыце Новотроіцкае.— МИА, 74.
- Ляпушкін І. І., 1958б. Памятнікі салтово-маяцкай культуры в басейне р. Дона.— МИА, 62.
- Ляпушкін І. І., 1959а. К впрасу о памятніках волынцэвскага тыпа.— СА, XXIX-XXX.
- Ляпушкін І. І., 1959б. Славянскія памятнікі другой паловы I тысячалята н. э. верхняга тэчэня р. Десны.— КСИИМК, 74.
- Ляпушкін І. І., 1961. Днепровскае лесастэпнае Левабярэжжэ в эпоху жалеза.— МИА, 104.
- Ляпушкін І. І., 1966. Археалагічныя памятнікі славян леснай зоны Восточнай Еўропы на кануні афармавання дрэвнерускага дзяржавы (VIII—IX вв.).— В кн.: Культура дрэвняй Русы. М.
- Ляпушкін І. І., 1968а. Новое в изучении Гнездова.— АО 1967 г.
- Ляпушкін І. І., 1968б. Славяне Восточнай Еўропы на кануні афармавання дрэвнерускага дзяржавы.— МИА, 152.
- Мавродіч В. В., 1946. Дрэвняя Русь. М.
- Магура С., 1930. Археалагічны дасліды на Сумшчыні року 1929.— В кн.: Хроніка археалагіі та містэцтва. Кіў, 1.
- Макаренко М., 1928. Борзенскі емалі і старі емалі Украіны взагалі.— В кн.: Чернігів і Північне Лівобережжя. Кіў.
- Макаренко Н. Е., 1904. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Ярославской и Тверской губерниях.— ИАК, 6.
- Макаренко Н. Е., 1907. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г.— ИАК, 22.
- Макаренко Н. Е., 1908. Материалы по археологии Полтавской губ.— Труды Полтавской ученой архивной комиссии, 5.
- Макаренко Н. Е., 1910. Новленский и Заколпский могильники.— Труды Владимирской ученой архивной комиссии, X.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., 1978. Раскопки поселения у с. Ровще.— АО 1977 г.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. О., 1980. Городыце Монастырь-ок VIII—XIII ст. на Середньому Дніпрі.— Археологія, 33.
- Малевак М. В., 1972. Об исторических связях Новогрудка в X в. (по материалам керамики).— КСИИМК, 129.
- Мальм В. А., 1963. Культурная и бытовая посуда из ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.
- Мальм В. А., Недошвицина Н. Г., Фехнер М. В., 1978. Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля.— АО 1977 г.
- Мальм В. А., Фехнер М. В., 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Экспедиция Государственного исторического музея. М.
- Мартинович А. И., 1908. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г.— Труды Воронежской ученой архивной комиссии, IV.
- Мезенцева Г. Г., 1965. Канівське поселення полян. Кіў.
- Мезенцева Г. Г., 1968. Дрэвньюрускае місто Родень. Княжа Гора. Кіў.
- Мельник Е. Н., 1901. Раскопки в стране лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг.— Труды XI АС. М., I.
- Мельник Е. Н., 1905. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг.— Труды XII АС. М., I.
- Мельниченко Г. Г., 1970. К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII—начала XIII в. (на материалах современных говоров).— ВЯ, 5.
- Миллер В. Ф., 1890. Курганный могильник близ с. Троицкого-Кайбарджи Московского у.— ИОЛЕАЭ, XLVIII.
- Милонов Н. П., 1950. Дрэвннерускія курганы і селища в басейне верхняй Волгі.— МИА, 13.
- Милуков П. Н., 1899. Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1896 г.— Труды X АС. М., I.
- Минаева Т. М., 1961. Кераміка балкі Канцирка в світлі археалагічных даслідаў на Північпому Кавкалі.— Археологія, XIII.
- Минасян Р. С., 1972. Селище Узмень.— АСГЭ, 14.
- Минасян Р. С., 1978а. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья.— АСГЭ, 19.
- Минасян Р. С., 1978б. Железные ножи с волотообразным навершием.— В кн.: Проблемы археологии. Л., II.
- Минасян Р. С., 1978в. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.).— СА, 3.
- Минасян Р. С., 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень.— Труды Эрмитажа, XX.
- Миролюбов М. А., 1972. Пахотные орудия Старой Ладogi.— АСГЭ, 14.
- Миронова В. Г., Пронин Г. Н., 1980. Работы Ильменской экспедиции.— АО 1979 г.
- Митрофанов А. Г., 1966. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. в средней и северной Белоруссии.— В кн.: Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Минск.
- Митрофанов А. Г., 1967. Банцеровское городище.— В кн.: Белорусские древности. Минск.
- Митрофанов А. Г., 1969. Селище VI—VIII вв. близ д. Городище.— В кн.: Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969 г.). Минск.
- Митрофанов А. Г., 1972. О происхождении культуры теля верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.).— В кн.: Белоруская старажытнасьць. Менск.
- Митрофанов А. Г., 1977. Исследования в Лепельском и Рогачевском районах.— АО 1976 г.
- Митрофанов А. Г., 1978. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.— VIII в. н. э.). Минск.
- Митрофанов А. Г., 1979. Изучение поселений в бассейне Немана и Западной Двины.— АО 1978 г.
- Митрофанов А. Г., 1980. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э.— IX в. н. э.).— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Моора Х. А., 1958. О древней территории расселения балтийских племен.— СА, 2.
- Москаленко А. Н., 1956. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 62.
- Москаленко А. Н., 1958. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона.— В кн.: Славянский сборник. Воронеж, 1.
- Москаленко А. Н., 1963. Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1.
- Москаленко А. Н., 1965. Городыце Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж.
- Москаленко А. Н., 1966а. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 2.
- Москаленко А. Н., 1966б. Святилище на р. Воргол.— СА, 2.
- Мышенков Н., 1892. Курганы Бобруйского у. Мясской губ.— Вестник археологии и истории, СПб., IX.
- Мялешка М., 1928. Камень у веравнях і гаданьнях беларусов.— Працы Катэдры этнографіі Аддзелу гуманітарных навук Беларускай АН, т. 1.
- Надеждин Н. И., 1844. О положении города Пересечна.— Записки Одесского общества истории и древностей, 1.
- Назаренко В. А., 1971. О работах Волховского отряда.— АО 1970 г.
- Назаренко В. А., 1974. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами.— КСИИМК, 140.
- Назаренко В. А., 1976. Раскопки курганов на Тихвинке.— КСИИМК, 146.
- Назаренко В. А., 1979а. Исторические судьбы Приладожья в их связь с Ладогой.— В кн.: Славяне и Русь. Киев.
- Назаренко В. А., 1979б. Об этнической принадлежности приладожских курганов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Насонов А. Н., 1951а. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.
- Насонов А. Н., 1951б. К вопросу об образовании древнерусской народности.— Вестник АН СССР, 8.
- Назлик А., 1963. Ткани Новгорода.— МИА, 123.
- Недошвицина Н. Г., 1960. К вопросу о связях радимичей и вятичей.— Труды ГИМ, 37.
- Недошвицина Н. Г., 1971. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Недошвицина Н. Г., 1976. О религиозных представлениях вятичей XI—XIII вв.— В кн.: Средневековая Русь. М.
- Недошвицина Н. Г., Фехнер М. В., 1979. Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля.— АО 1978 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Нефедов Ф. Д., 1878. Отчет о раскопках в Касимовском у.— ИОЛЕАЭ, XXXI.
- Нефедов Ф. Д., 1899а. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг.— МАВГР, 3.
- Нефедов Ф. Д., 1899б. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг.— МАВГР, 3.
- Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.
- Никитин А. В., 1974. Городище и могильник у д. Крестцы (Устюженский р-н Вологодской обл.)— КСИА, 139.
- Никитина В. Б., 1971. Находки в Брестской обл.— АО 1970 г.
- Никольская Т. Н., 1949а. Хронологическая классификация верхневолжских курганов.— КСИИМК, XXX.
- Никольская Т. Н., 1949б. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв.— КСИИМК, XXIV.
- Никольская Т. Н., 1951. Огубское городище.— КСИИМК, XXXVIII.
- Никольская Т. Н., 1954. Археологические исследования в Орловской обл. (1951—1953 гг.)— КСИИМК, 53.
- Никольская Т. Н., 1957. Древнерусское селище Лебедка.— СА 3.
- Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 72.
- Никольская Т. Н., 1966. К этнической истории бассейна верхней Оки.— КСИА, 107.
- Никольская Т. Н., 1977. Сельские поселения земли вятичей.— КСИА, 150.
- Новосельцев А. П., 1965. Восточные источники о восточных славянах в Руси VI—IX вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Носов Е. Н., 1974. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры.— КСИА, 139.
- Носов Е. Н., 1976а. Поселение у волховских порогов.— КСИА, 146.
- Носов Е. Н., 1976б. Раскопки Рюрикова городища.— АО 1975 г.
- Носов Е. Н., 1977. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi.— КСИА, 150.
- Носов Е. Н., 1976б. Раскопки Рюрикова городища.— АО 1975 г.
- Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л., Конецкий В. Я., 1976. Исследования сельских поселений в Новгородской обл.— АО 1975 г.
- Носов Е. Н., Конецкий В. Я., 1974. Исследования на урочище Плакун близ Старой Ладogi.— АО 1973 г.
- Носов Е. Н., Конецкий В. Я., 1975. Разведки на средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено.— АО 1974 г.
- Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л., 1977. Исследования комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской обл.— АО 1976 г.
- Обозрение, 1899.— Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении.— ЗРАО, XI, 1-2.
- Образование севернорусского наречия.— Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- О древних могилах, 1851.— О древних могилах в Витебской и Псковской губерниях.— Журнал Министерства внутренних дел, 33.
- Оборин В. А., Балашенко Л. А., 1968. Итоги изучения памятников железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья.— Ученые записки Пермского университета, 191.
- Окулич-Казарин Н., 1914. Материалы для археологической карты Псковской губ.— Труды Псковского археологического общества, 10.
- Окулич-Казарин Н., 1915. Дополнения и поправки к «Материалам для археологической карты Псковской губ.»— Труды Псковского археологического общества, 11.
- Орлов С. Н., 1955. Сопки волховского типа около Старой Ладogi.— СА, XXII.
- Орлов С. Н., 1956. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладogi.— КСИИМК, 65.
- Орлов С. Н., 1958. Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладogi.— СА, 1.
- Орлов С. Н., 1960. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладogi.— СА, 2.
- Орлов С. Н., 1962. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати.— КСИА, 87.
- Орлов С. Н., 1967. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода.— СА, 2.
- Орлов С. Н., 1968. Археологические исследования в низовьях реки Мсты.— СА, 3.
- Орлов С. П., 1972. Славянское поселение на берегу р. Просты около Новгорода.— СА, 2.
- Орлов С. П., Аксенов М. М., 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода.— Новгородский исторический сборник, 10.
- Очерки, 1970.— Очерки по археологии Белоруссии. Минск, I.
- Очерки, 1972.— Очерки по археологии Белоруссии. Минск, II.
- Оятева Е. И., 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi.— АСГЭ, 7.
- Павлова К. В., 1965. Раскопки могильника близ Новогрудка.— КСИА, 104.
- Павлова К. В., 1973. Раскопки курганов у д. Городиловка.— КСИА, 135.
- Павлова К. В., 1974. Могильники у деревень Мольнич и Сулятичи.— КСИА, 139.
- Падин В. А., 1951. Роменское поселение в Трубчевском р-не.— КСИИМК, XLI.
- Падин В. А., 1958. Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII вв.— СА, 2.
- Падин В. А., 1960. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска.— СА, 3.
- Падин В. А., 1969. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска.— СА, 4.
- Падин В. А., 1976. Кветунский древнерусский могильник.— СА 1.
- Парломенко В. А., 1924. У истоков русской государственности. Л.
- Пеняк С. И., 1968. Исследование древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия на территории Закарпатской обл. УССР.— АР, 5.
- Первушкин П. Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского у. Вятской губ.— МАВГР, 2.
- Пергавко В. Б., 1977. Исследования раннесредневековых поселений южной Белоруссии.— АО 1976 г.
- Пергавко В. Б., 1978а. Исследования на левобережье Припяти.— АО 1977 г.
- Пергавко В. Б., 1978б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днестра и Немана.— Вестник МГУ, история, 2.
- Пергавко В. Б., 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днестра и Немана.— СА, 4.
- Петренко В. П., 1975. Исследование погребальных памятников Северного Поволжья.— АО 1974 г.
- Петренко В. П., 1977. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi.— КСИА, 150.
- Петренко В. П., 1980. Сопка у с. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г.— КСИА, 160.
- Петренко В. П., Крапивина Г. А., Терезин Н. М., Лебедев Г. С., 1973. Работы в Ленинградской обл.— АО 1972 г.
- Петренко В. П., Кучер А. Л., Рацко В. В., 1976. Раскопки погребальных памятников в низовьях Волхова.— АО 1975 г.
- Петренко В. П., Конаков Н. Д., Рогачев М. Б., 1977. Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья.— В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.
- Петров В. П., 1963а. Памятники корчакского типа (по материалам раскопок С. С. Гамченко).— МИА, 108.
- Петров В. П., 1963б. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясманье).— МИА, 108.
- Петровский Н. М., 1922. О повгородских словесах.— Известия ОРЯС, XXV.
- Пигулевская Н. В., 1952. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М.
- Платонова Н. И., 1980. Исследование в Полужье.— АО 1979 г.
- Плетнев В. А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь.
- Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 62.
- Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела—Белой Вежи.— МИА, 75.
- Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.
- Плетнева С. А., 1972. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.— В кн.: Новое в археологии. М.
- Плоткин К. М., 1974. Раскопки городища Камно под Псковом.— АО 1973.
- Плоткин К. М., Грач В. А., 1978. Раскопки курганов у д. Северник.— АО 1977 г.
- Поболь Л. Д., 1967. Поселения железного века около Шатково Бобруйского р-на.— В кн.: Белорусские древности. Минск.
- Поболь Л. Д., 1969. Древности Туровщины. Минск.

ЛИТЕРАТУРА

- Поболь Л. Д.*, 1973. Раннесредневековые древности Белоруссии (VI—IX вв. н. э.) — In: Berichte über den II Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie. Berlin, III.
- Поболь Л. Д.*, 1974. Древности середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Поболь Л. Д.*, 1980. Работы Славянского отряда.— АО 1979 г.
- Погодин А. Л.*, 1901. Из истории славянских передвижений. СПб.
- Погодин А. Л.*, 1910. Лекции по славянским древностям. Харьков.
- Подвизина Н. Л.*, 1965. Раскопки курганов в Псковской обл.— СА, 1.
- Покровская Е. А., Юра Р. А.*, 1962. Бронзовая бляха с эмалью.— КСИА АН УССР, 12.
- Порфиридов Н. Г.*, 1930. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея.— В кн.: Материалы и исследования Новгородского музея, 1.
- Поселов Е. М.*, 1965. О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике.— ВЯ, 2.
- Працы*, 1926.— Працы Першаго з'езду дослідчыкаў Беларускае архэалёгіі і архэаграфіі. Менск.
- Преображенский И. Д.*, 1897. Доклад о раскопках, произведенных в 1893 г. в Костромском у. И. Д. Преображенским.— Костромская старина. IV.
- Приходнюк О. М.*, 1975. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. э.). Київ.
- Приходнюк О. М.*, 1976а. Из работ Среднеднепровской экспедиции.— АО 1975 г.
- Приходнюк О. М.*, 1976б. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.
- Приходнюк О. М.*, 1978а. Лука-Каветчинская — поселение середины I тысячелетия н. э.— АО 1977 г.
- Приходнюк О. М.*, 1978б. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев.
- Приходнюк О. М.*, 1979а. Археологічні розвідки в Пороссі.— Археологія, 31.
- Приходнюк О. М.*, 1979б. Работы Черкасской экспедиции.— АО 1978 г.
- Приходнюк О. М.*, 1980а. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. э. Київ.
- Приходнюк О. М.*, 1980б. Об истоках и составных элементах пеньковских древностей.— Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М.
- Приходнюк О. М., Беляева С. А.*, 1980. Работы Среднеднепровской славяно-русской экспедиции.— АО 1979 г.
- Приходнюк О. М., Казанский М. М.*, 1978. Керамічні комплекси поселення Луг 1 на Тясмині.— Археологія, 27.
- Происхождение русского народа.— Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965.
- Пронин Г. Н.*, 1979. Работы Ильменской экспедиции.— АО 1978 г.
- Пронин Г. Н., Мильков В. В.*, 1978. Раскопки в Новгородской земле.— АО 1977 г.
- Прозодцев И. И.*, 1898. Крившеиенские курганы.— Труды Рязанской ученой архивной комиссии, XIII, 1.
- Прозодцев И. И.*, 1899. Осовские курганы (дневник раскопок)— Труды Рязанской ученой архивной комиссии, XIV, 1.
- Прусакова З. В.*, 1980. Работы в д. Конезерье на оз. Врево.— АО 1979 г.
- Прусакова З. В., Лебедев Г. С., Башенкин А. Н., Колпаков Е. М.*, 1979. Работы в д. Конезерье на оз. Врево.— АО 1978 г.
- Пяткин А. Д.*, 1963. Археологические памятники боршевской культуры на р. Воргол.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1.
- Псковские ведомости, 1879.— Псковские губернские ведомости, 11.
- Пушкина Т. А.*, 1972. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию древней Руси.— Вестник МГУ, история, 1.
- Равдина Т. В.*, 1963. Царицынские курганы.— СА, 4.
- Равдина Т. В.*, 1965. О датировке вятических курганов.— СА, 1.
- Равдина Т. В.*, 1966. Шишиморовские курганы.— В кн.: Культура древней Руси. М.
- Равдина Т. В.*, 1968. Типология и хронология лопастных височных колец.— В кн.: Славяне и Русь. М.
- Равдина Т. В.*, 1978. Семьлопастные височные кольца.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
- Равдоникас В. И.*, 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье.— Известия ГАИМК, 94.
- Равдоникас В. И.*, 1949. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), I.— СА, XI.
- Равдоникас В. И.*, 1950. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), II.— СА, XII.
- Раппопорт П. А.*, 1975. Древнерусское жилище.— САИ, вып. Е1-32.
- Раскопки курганов, 1903.— Раскопки курганов у с. Андреевичи Волынской губ.— АЛЮР, 5.
- Расстргуев П. А.*, 1927. К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике.— Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка, 9.
- Ратич А. А.*, 1955. Древнерусский могильник в с. Копачинцы Станиславской обл.— КСИА АН УССР, 4.
- Ратич О.*, 1957. Древноруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ.
- Рафалович И. А.*, 1972. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев.
- Рафалович И. А., Дунявина В. М.*, 1979. Исследования Данченского могильника.— АО 1978 г.
- Ренский М.*, 1925. Розшуки та розкопки на Лохвичині.— Бюлетень кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка, 1.
- Репников Н. И.*, 1904. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г.— ИАК, 6.
- Репников Н. И.*, 1931. Жальники Новгородской земли.— Известия ГАИМК, IX, 5.
- Рериз Н. К.*, 1899а. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. Раскопки 1899 г.— ЗРАО, XI, 1-2.
- Рериз Н. К.*, 1899б. Раскопки художника Н. К. Рериха в Петербургской губ. в 1895—1898 гг.— ЗРАО, XI, 1-2.
- Рериз Н.*, 1901. К древностям валдайским и водским.— ИАК, 1.
- Риер Я. Г.*, 1976. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье.— СА, 2.
- Риер Я. Г.*, 1978. Исследования у г. Чаусы.— АО 1977 г.
- Риер Я. Г.*, 1979. Изучение феодальной деревни в Могилевском Поднепровье.— АО 1978 г.
- Рикман Э. А.*, 1951. Обследование городов Тверского княжества.— КСИИМК, 41.
- Рикман Э. А.*, 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.
- Розенфельдт И. Г.*, 1965. Посуда Троицкого городища.— СА, 1.
- Розенфельдт И. Г.*, 1967. Итоги раскопок Щербинского городища.— КСИА, 112.
- Розенфельдт И. Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1963. Битяговские курганы.— СА, 4.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1966. Константиновские и Залесьевские курганы.— СА, 4.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1967. Григоровские курганы.— КСИА, 110.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1973а. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожая в Московской обл.— КСИА, 135.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1973б. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг.— СА, 1.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1978. Раскопки и разведки в Подмосковье.— АО 1977 г.
- Романов Е. Р.*, 1889. Раскопки в Могилевской губ. в 1888 г.— Древности, XIII, 1.
- Романов Е. Р.*, 1890а. О курганных раскопках в Севненском у. Могилевской губ.— ЮЛЕАЭ, XLIX, 5.
- Романов Е. Р.*, 1890б. Раскопки в имении Каховка Витебского у.— Древности, XVI.
- Романов Е. Р.*, 1908. Старина доисторическая Северо-Западного края. Вильна.
- Романов Е. Р.*, 1910. Археологический очерк Гомельского у.— Записки Северо-Западного отделения РГО, 1.
- Романов Е. Р.*, 1912. Археологические разведки в Могилевской губ.— Записки Северо-Западного отделения РГО, 3.
- Романцев И.*, 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губ. Новгород.
- Роспанд С.*, 1979. Miscellanea onomastica Rossica.— В кн.: Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М.
- Рудинский М.*, 1928. Археологічні збірки Полтавського музею.— В кн.: Збірник, присвячений 35-річчю музею. Полтава, 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Русакова И. П., 1958. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян.— СА, 4.
- Русакова И. П., 1960. Территория древлян по археологическим данным.— СА, 1.
- Русакова И. П., 1961. Разведка по р. Уж.— КСИА, 86.
- Русакова И. П., 1966а. Курганы полян X—XII вв.— САИ, вып. Е1-24.
- Русакова И. П., 1966б. Языческое святилище на р. Гвнлопяти под Житомиром.— В кн.: Культура древней Руси. М.
- Русакова И. П., 1967. Курганы XI—XIII вв. у с. Буки Житомирской обл.— КСИА, 110.
- Русакова И. П., 1968. Керамика раннесредневековых поселений Житомирщины.— АР, 5.
- Русакова И. П., 1970. Раскопки курганов на Волыни.— АО 1969 г.
- Русакова И. П., 1973. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1-25.
- Русакова И. П., 1976. Славянские древности VI—VII вв. М.
- Русакова И. П., 1980. Изучение славянских поселений у с. Черновка.— АО 1979 г.
- Русакова И. П., Тимощук Б. А., 1976. Славянское поселение Кодын на Буковине.— АО 1975 г.
- Русакова И. П., Тимощук Б. А., Мизайлина Л. П., 1977. Поселение Кодын II в бассейне р. Прут.— АО 1976 г.
- Русакова И. П., Тимощук Б. А., 1978. Стратиграфия поселения Кодын II на Буковине.— АО 1977 г.
- Русакова И. П., Тимощук Б. А., 1979. Раскопки и разведки Славянской экспедиции.— АО 1978 г.
- Рутковська Л. М., 1972. Дослідження поблизу с. Жовниа Черкаської обл.— В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, IV.
- Рыбаков Б. А., 1932. Радимичи.— Працы, III.
- Рыбаков Б. А., 1947. Поляне и северяне.— СЭ, VI—VII.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А., 1949а. Древности Чернигова.— МИА, 11.
- Рыбаков Б. А., 1949б. Новый Суджанский клад антского времени.— КСИИМК, XXVII.
- Рыбаков Б. А., 1950. Улчи (историко-географические заметки).— КСИИМК, XXXV.
- Рыбаков Б. А., 1952. Проблема образования древнерусской народности.— ВИ, 9.
- Рыбаков Б. А., 1953а. Древние русы.— СА, XVII.
- Рыбаков Б. А., 1953б. Искусство древних славян.— В кн.: История русского искусства. М., I.
- Рыбаков Б. А., 1956. Остромирова летопись.— ВИ, 10.
- Рыбаков Б. А., 1959. [Рец.] «Нариси стародавньої історії Української РСР».— СА, 3.
- Рыбаков Б. А., 1960. Спорные вопросы образования Киевской Руси.— ВИ, 9.
- Рыбаков Б. А., 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летопись. М.
- Рыбаков Б. А., 1964. Первые века русской истории. М.
- Рыбаков Б. А., 1967. Русалин и бог Смаргд-Переплут.— СА, 2.
- Рыбаков Б. А., 1970а. Нестор о славянских обычаях.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Рыбаков Б. А., 1970б. О двух культурах русского феодализма.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
- Рыбаков Б. А., 1971. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л.
- Рыбаков Б. А., 1974. Языческое мировоззрение русского средневековья.— ВИ, 1.
- Рыбаков Б. А., 1980. Город Кия.— ВИ, 5.
- Рыков П. С., 1917. Древности Летгалии. Режица, 1.
- Рыков П. С., 1923. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского у. Курской губ.).— Ученые записки Саратовского университета, I, 3.
- Рябинин Е. А., 1974. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли.— КСИА, 139.
- Рябинин Е. А., 1976. Археологические памятники Вотской земли.— СА, 1.
- Рябинин Е. А., 1978. Исследования в Ленинградской обл.— АО 1977 г.
- Рябинин Е. А., 1979а. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.).— СА, 1.
- Рябинин Е. А., 1979б. Ижорская экспедиция.— АО 1978 г.
- Рябинин Е. А., 1979в. Чудские племена древней Руси по археологическим данным.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.
- Рябинин Е. А., 1980. Исследования 1975 г. на Ижорской возвышенности.— КСИА, 160.
- Сабурова М. А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции).— СА, 2.
- Сабурова М. А., 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси.— КСИА, 144.
- Савельева Э. А., 1971. Пермь вычегодская. М.
- Савин Н. I. 1930. Раскопки курганов у Дарагабуским і Ельнівским паватах Смаленской губ.— Працы, II.
- Самойловський І. М., 1954. Слов'янський могильник на р. Пронішчині під Києвом.— Археологія, IX.
- Самоквасов Д. Я., 1878. Северянские курганы и их значение для истории.— Труды III АС. Киев, I.
- Самоквасов Д. Я., 1892. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава.
- Самоквасов Д. Я., 1906. Сведения об археологических находках в Полтавской губ., явленные из дел ИАК последних лет.— Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС.
- Самоквасов Д. Я., 1908а. Могила Русской земли. М.
- Самоквасов Д. Я., 1908б. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М.
- Самоквасов Д. Я., 1915а. Атлас готчевских древностей. М.
- Самоквасов Д. Я., 1915б. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского у. Курской губ., произведенных в 1909 г. М.
- Самоквасов Д. Я., 1916. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV АС. М.
- Самоквасов Д. Я., 1917. Могильные древности Северянской Черниговщины. М.
- Свердлов М. Б., 1970. Локализация русов в арабской географической литературе IX—X вв.— Известия Всесоюзного географического общества, 4.
- Седов В. В., 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.— КСИЭ, XV.
- Седов В. В., 1953а. Древнерусское языческое святилище в Перыни.— КСИИМК, L.
- Седов В. В., 1953б. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода.— СА, XVIII.
- Седов В. В., 1955. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья.— СЭ, 3.
- Седов В. В., 1956. Языческая братчина в древнем Новгороде.— КСИИМК, 65.
- Седов В. В., 1957. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде.— КСИИМК, 68.
- Седов В. В., 1958. Курганы с ярусными погребениями.— КСИИМК, 71.
- Седов В. В., 1960а. К вопросу о классификации смоленских курганов.— КСИА, 81.
- Седов В. В., 1960б. Кривичи.— СА, 1.
- Седов В. В., 1960в. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М.
- Седов В. В., 1961а. К исторической географии Смоленской земли.— МИСО, 4.
- Седов В. В., 1961б. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси.— СА, 2.
- Седов В. В., 1962а. Войносоловский крест.— СА, 3.
- Седов В. В., 1962б. О юго-западной группе восточнославянских племен.— В кн.: Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности.
- Седов В. В., 1962в. Языческие святилища смоленских кривичей.— КСИА, 87.
- Седов В. В., 1963а. Дреговичи.— СА, 3.
- Седов В. В., 1963б. Из полевых исследований 1961 г.— КСИА, 96.
- Седов В. В., 1964. Курганы ятвягов.— СА, 4.
- Седов В. В., 1966а. Рязанско-окские могильники.— СА, 4.
- Седов В. В., 1966б. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.— В кн.: Культура древней Руси. М.
- Седов В. В., 1968а. Амулеты-коньки из древнерусских курганов.— В кн.: Славяне и Русь. М.
- Седов В. В., 1968б. Ятвяжское племя дейнова.— КСИА, 113.
- Седов В. В., 1969. Казихинские курганы на Великой.— КСИА, 120.
- Седов В. В., 1970а. Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1-8.
- Седов В. В., 1970б. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.

ЛИТЕРАТУРА

- Седов В. В.*, 1971а. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья.— В кн.: Древнее поселение в Подмосковье. М.
- Седов В. В.*, 1971б. Грядковские курганы.— КСИА, 125.
- Седов В. В.*, 1971в. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье.— КСИА, 129.
- Седов В. В.*, 1972. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья.— СА, 4.
- Седов В. В.*, 1973. Ранние курганы вятичей.— КСИА, 135.
- Седов В. В.*, 1974а. Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8.
- Седов В. В.*, 1974б. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии).— СЭ, 1.
- Седов В. В.*, 1975а. Жилища юго-восточной Прибалтики (I—начало II тысячелетия).— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Седов В. В.*, 1975б. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.— КСИА, 144.
- Седов В. В.*, 1975в. Смоленская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
- Седов В. В.*, 1976а. Изборские каменные кресты.— В кн.: Средневековая Русь. М.
- Седов В. В.*, 1976б. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска.— КСИА, 146.
- Седов В. В.*, 1976в. Ранний период славянского этногенеза.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.
- Седов В. В.*, 1977а. К палеоантропологии восточных славян.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Седов В. В.*, 1977б. Себежские курганы.— КСИА, 150.
- Седов В. В.*, 1978а. Анты.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
- Седов В. В.*, 1978б. Лепная керамика Изборского городища.— КСИА, 155.
- Седов В. В.*, 1978в. Славяне и францы в древности.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.
- Седов В. В.*, 1978г. Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н. э. по данным археологии и Иордана.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М.
- Седов В. В.*, 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
- Седова М. В.*, 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 65.
- Седова М. В.*, 1969. Раскопки суздальских курганов в 1967 г.— КСИА, 120.
- Сементовский А. М.*, 1867. Памятники старины Витебской губ. СПб.
- Сементовский А. М.*, 1890. Белорусские древности. СПб.
- Сербаф I. А.*, 1927. Археологические раскопки у аколпцах Мяску в 1925 г.— Гістарычна-археалагічны зборнік Інстытуту беларускае культуры. Мясск, I.
- Сербаф I. А.*, 1930а. Археалагічныя помнікі Дубровенскага раёну Аршанскае акрузі.— Працы, II.
- Сербаф I. А.*, 1930б. Археалагічныя помнікі Вушацкага раёну Полацкае акрузі.— Працы, II.
- Сербаф I. А.*, 1932. Археалагічныя абследаванні ў вадазборах рэк Проні—Ухлясьцы ў был. Магілеўшчыне.— Працы, III.
- Сергеева З. М.*, 1969. Курганы у д. Багриново вблизи древнерусского Друцка (БССР).— КСИА, 120.
- Сергеева З. М.*, 1972. Раскопки курганов в Толочинском р-не (БССР).— КСИА, 129.
- Сергеева З. М.*, 1974. Раскопки курганов на Друцком волок.— КСИА, 139.
- Сергеева З. М.*, 1975. Курганы у д. Новинки (Витебская обл.) — КСИА, 144.
- Сергеева З. М.*, 1977. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории древней Руси.— КСИА, 150.
- Середонин С. М.*, 1916. Историческая география. Пг.
- Сизов В. И.*, 1887. Раскопки в Смоленской губ.— Древности, IX, 3.
- Сизов В. И.*, 1894. Отчет о раскопках в Смоленской и Могилевской губ. в 1890 г.— Древности, XV, 2.
- Сизов В. И.*, 1895. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа.— АИЗ, 6.
- Сизов В. И.*, 1902а. Длинные курганы в Смоленской губ.— Труды XI АС. М., II.
- Сизов В. И.*, 1902б. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска.— МАР, 28.
- Сміленко А. Т.*, 1965. Глодоські скарби. Київ.
- Сміленко А. Т.*, 1967. Раскопки на балке Канцерке.— В кн.: Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. Киев.
- Сміленко А. Т.*, 1975. Слав'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ.
- Сміленко А. Т.*, 1978. К изучению лепной керамики пеньковских памятников.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28.
- Смирнов Г. Д., Рафалович И. А.*, 1965. Раннеславянские находки VI—VII вв. на Старого Орхей.— Известия АН Молдавской ССР, серия историч., 12.
- Смішко М. Ю.*, 1960. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ.
- Смішко М. Ю., Савишніков І. К.*, 1961. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської обл.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 3.
- Смолицев П. I.*, 1926. Розкопка сіверянських могил в с. Шестовиці на Чернігівщині в літку 1925 р.— Україна, 1.
- Смолицев П. I.*, 1931. Подвіїні поховання X сторіччя коло Шестовиці на Чернігівщині.— Записки Чернігівського наукового товариства, праці історико-краєзнавчої секції.
- Соболевский А. И.*, 1884. Очерки из истории русского языка. Киев, I.
- Соболевский А. И.*, 1886. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв.— РФВ, XV.
- Соболевский А. И.*, 1902. Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область?— Труды Ярославского областного съезда. М.
- Соболевский А. И.*, 1910а. Несколько этнографических названий.— РФВ, LXIV.
- Соболевский А. И.*, 1910б. Русские местные названия и языки скифов и сарматов.— РФВ, LXIV.
- Соколов В. И.*, 1879. Журнал курганных раскопок на Лыбутской местности. Псков.
- Соловьева Г. Ф.*, 1956. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, XXV.
- Соловьева Г. Ф.*, 1962. Погребальные обряды.— В кн.: Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ, вып. Д1-12.
- Соловьева Г. Ф.*, 1966. Итоги изучения радимичских курганов в 1962—1965 гг.— В кн.: Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Минск.
- Соловьева Г. Ф.*, 1967а. О восточной границе дреговичей.— КСИА, 110.
- Соловьева Г. Ф.*, 1967б. Славянские курганы близ с. Демьянки.— СА, 1.
- Соловьева Г. Ф.*, 1968. К вопросу о приходе радимичей на Русь.— В кн.: Славяне и Русь. М.
- Соловьева Г. Ф.*, 1971. Славянские курганы близ с. Новый Кривск.— КСИА, 125.
- Соловьева Г. Ф.*, 1972. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл.— КСИА, 129.
- Соловьева Г. Ф.*, 1978. Семилучевые височные кольца.— В кн.: Древняя Русь и славяне.
- Сперанский М.*, 1894. Раскопки курганов в Рыльском у.— АИЗ, 8-9.
- Спицын А. А.*, 1896а. Вещи из раскопок П. М. Еременко в курганах Новозыбковского и Суражского уездов.— ЗРАО, VIII, 1-2.
- Спицын А. А.*, 1896б. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, 20.
- Спицын А. А.*, 1896в. Курганы, раскопанные П. М. Еременко в Суражском у.— ЗРАО, VIII, 1-2.
- Спицын А. А.*, 1898. Материалы по доисторической археологии. Рязанские курганы.— ЗРАО, X, 1-2.
- Спицын А. А.*, 1899а. Обзорные некоторые губерний в археологическом отношении.— ЗРАО, XI, 1-2.
- Спицын А. А.*, 1899б. Предполагаемые древности Черной Руси.— ЗРАО, XI, 1-2.
- Спицын А. А.*, 1899в. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, VIII.
- Спицын А. А.*, 1899г. Сопки и жальняки.— ЗРАО, XI, 1-2.
- Спицын А. А.*, 1901. Древности бассейнов рек Оня и Камы.— МАР, 25.

ЛИТЕРАТУРА

- Спицын А. А., 1903а. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.— МАР, 29.
- Спицын А. А., 1903б. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских.— ЗОРСА, V, 1.
- Спицын А. А., 1903в. Предметы с выемчатой эмалью.— ЗОРСА, V, 1.
- Спицын А. А., 1903г. Удлиненные и длинные русские курганы.— ЗОРСА, V, 1.
- Спицын А. А., 1905а. Владимирские курганы.— ИАК, 15.
- Спицын А. А., 1905б. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, 15.
- Спицын А. А., 1905в. Отчет о раскопках Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича близ д. Овсиновки Витебской губ.— ИАК, 15.
- Спицын А. А., 1905г. Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Лыбутны.— ИАК, 15.
- Спицын А. А., 1906а. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими.— Труды Второго областного Тверского АС.
- Спицын А. А., 1906б. Отчет о раскопках произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ.— ЗОРСА, VIII, 1.
- Спицын А. А., 1907. Отчет о раскопках произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губ.— ЗОРСА, VII, 2.
- Спицын А. А., 1908. Археологические разведки. СПб.
- Спицын А. А., 1909а. Историко-археологические розыскания. I. Ископные обитатели Дона и Донца.— ЖМНП, I.
- Спицын А. А., 1909б. Отчет о раскопках произведенных в 1907 г. в Черниговской губ. С. А. Гатцуком.— ИАК, 29.
- Спицын А. А., 1914. Раскопки 1910 г. в Лужском у. Петроградской губ.— ИАК, 33.
- Спицын А. А., 1917. Русская историческая география. Пг.
- Спицын А. А., 1922. Археология в темах начальной русской истории.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг.
- Спицын А. А., 1925. Литовские древности.— In: Tauta ir žodis. Kaunas. III.
- Спицын А. А., 1928. Древности антов.— В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности АН, 101, 3.
- Срееневский И. И., 1853. Збручский истукан Краковского музея.— Записки Археологического общества, 5.
- Станкевич В. Л., Нащекин Н. В., Тимофеева М. Ю., Ширигина Т. Б., 1978. О работе экспедиции Ярославского университета.— АО 1977 г.
- Станкевич Я. В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв.— МИА, 6.
- Станкевич Я. В., 1947. Шестовицкие курганы.— КСИИМК, XXI.
- Станкевич Я. В., 1949. Шестовицка археологічна експедиція 1946 р.— АП, I.
- Станкевич Я. В., 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi.— СА, XIV.
- Станкевич Я. В., 1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi.— СА, XV.
- Станкевич Я. В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, 76.
- Станкевич Я. В., 1962а. Курганы у д. Полибино на р. Ловатя.— КСИА, 87.
- Станкевич Я. В., 1962б. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г.— Там же.
- Старчук І. Д., 1955. Розкопки на городищі Пліснесько в 1949 р.— АП, V.
- Стрижак О. С., 1963. Назви річок Полтавщини. Київ.
- Стрижак О. С., 1969. Тверці.— Мовознавство, 4.
- Супінські А. К., 1925. Магі́льнік каля вескі Лятох Віцебскага раёну і акругі — В кн.: Віцебшчына. Віцебск, I.
- Сузобоков О. В., 1975. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев.
- Сузобоков О. В., 1977. До питання про пам'ятки волинцеського типу.— Археологія, 21.
- Сузобоков О. В., 1980. Новые исследования древнерусского Путивля.— АО 1979 г.
- Сузобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С., 1978. Раскопки у с. Каменное.— АО 1977 г.
- Сымонович Э. А., 1957. Лепная керамика памятников черняховской культуры нижнего Днепра.— КСИИМК, 68.
- Сымонович Э. А., 1963. Городище Колочин I на Гомельщине.— МИА, 108.
- Сымонович Е. О., 1969а. Два ранньосередньовічних поселення на Чернігівщині.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Сымонович Э. А., 1969б. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине.— КСИА, 120.
- Сымонович Э. А., 1979. Курская новостроечная экспедиция.— АО 1978 г.
- Сымонович Э. А., 1980. Курская новостроечная экспедиция.— АО 1979 г.
- Тараканова С. А., 1947. Раскопки в псковском кремле.— КСИИМК, XXI.
- Тараканова С. А., 1950. О происхождении и времени возникновения Пскова.— КСИИМК, XXXV.
- Тараканова С. А., 1951. Псковские курганы с трупосожжением.— КСИИМК, XXXVI.
- Тараканова С. А., 1954. Длинные и удлиненные курганы.— СА, XIX.
- Тараканова С. А., 1956. Псковские городища.— КСИИМК, 62.
- Тараканова С. А., 1959. Себежские городища и курганы.— ВЭИИП.
- Татур Г. Х., 1893а. О курганах Минской губ.— В кн.: Памятная книжка Минской губ. на 1894 г. Минск.
- Татур Г. Х., 1893б. О курганах Минской губ.— АИЗ, 9-10.
- Татур Г. Х., 1897. Курганы Минской губ.— Труды IX АС. М., II.
- Телегин Д. Я., 1962. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА АН УССР, 12.
- Теллов Н. В., 1899. Городище Дуна близ Лихвина.— Известия Калужской ученой архивной комиссии, 1.
- Тимофеев Е. И., 1961а. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.— СА, 3.
- Тимофеев Е. И., 1961б. Славянские языческие могильники Волины X—XIII вв.— Ученые записки Хабаровского педагогического института, VI.
- Тимофеев Е. И., 1961в. Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным X—XIII вв.— Ученые записки Хабаровского педагогического института, VI.
- Тимощук Б. О., 1976. Слав'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ.
- Тимощук Б. А., 1978. Славянские поселения VI—VII вв. в Северной Буковине.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Тимощук Б. А., Русанова И. П., 1975. Раскопки славянского поселения Кодын.— АО 1974 г.
- Тихомиров И. А., 1914. Славянское заселение Ярославской губ.— Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме.
- Тихомиров М. Н., 1947. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— СЭ, VI—VII.
- Тихомиров М. Н., 1954. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов.— ВИ, 6.
- Тищенко А. В., 1914а. Отчет о раскопках 1910—1911 гг. в Новгородской губ.— ИАК, 53.
- Тищенко А. В., 1914б. Раскопки близ Паниковичей Псковского у.— ИАК, 53.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб., III.
- Топоров В. Н., 1959. Две заметки из области балтийской топонимии. О южной границе ятвягов.— In: Rakstu krājums veltījums akadēmiskajam profesoram dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei. Rīgā.
- Топоров В. Н., Трубочев О. Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Третьяков П. Н., 1931. Костромские курганы.— Известия ГАИМК, X, 6-7.
- Третьяков П. Н., 1932. Подсечное земледелие в Восточной Европе.— Известия ГАИМК, XIV, 1.
- Третьяков П. Н., 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— СА, IV.
- Третьяков П. Н., 1941. Северные восточнославянские племена.— МИА, 6.
- Третьяков П. Н., 1947. Анты и Русь.— СЭ, 4.
- Третьяков П. Н., 1948. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П. Н., 1949. Археологические памятники древнерусских племен.— Ученые записки ЛГУ, сер. историч. наук, 13.
- Третьяков П. Н., 1953. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П. Н., 1964. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья.— Slavica Antiqua, XI.
- Третьяков П. Н., 1965. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья.— СА, 4.
- Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
- Третьяков П. Н., 1968. О древнейших русах и их земле.— В кн.: Славяне и Русь. М.

ЛИТЕРАТУРА

- Трегьяков П. Н., 1969. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— СА, 4.
- Трегьяков П. Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л.
- Трегьяков П. Н., 1974. Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Трегьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Троицкий Н. В., 1898. Городище при с. Поречье Одоевского у. Тульской губ.— АИЗ, 9-10.
- Трофимов К. Д., 1909. Раскопки курганов при д. Залахтовы-Кувшиново С.-Петербургской губ. Гдовского у. М.
- Трофимова Т. А., 1946. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии.— СЭ, 1.
- Трубачев О. Н., 1961. О племенном названии уличи.— В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 5.
- Трубачев О. Н., 1967. Из славяно-иранских лексических отношений.— В кн.: Этимология 1965. М.
- Трубачев О. Н., 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.
- Трубачев О. Н., 1974. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 6.
- Труды IV съезда, 1914.— Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме.
- Тутгина Н. В., 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв.— Труды ГИМ, 40.
- Тутгина Н. В., 1978а. К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Тутгина Н. В., 1978б. Работы Вологодской экспедиции.— АО 1977 г.
- Тутгина Н. В., 1980. Работы Вологодской экспедиции.— АО 1979 г.
- Тыкиссон Э., 1976. Монография о длинных курганах.— Известия АН ЭССР, Общественные науки, 4.
- Тышкевич К., 1865. О курганах в Литве и Западной Руси. Варшава.
- Тюленев В. А., Тюленева О. И., 1977. Раскопки курганов у д. Ерусалимская.— АО 1976 г.
- Тюленев В. А., Тюленева О. И., 1978. Продолжение работ у д. Ерусалимская.— АО 1977 г.
- Уваров А. С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Труды I АС. М., II.
- Уваров А. А., Смирнов Ю. А., Верещинский Л. И., 1979. Мешковские курганы и городище.— АО 1978 г.
- Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893.
- Успенская А. В., 1953. Курганы южной Белоруссии X—XIII вв.— Труды ГИМ, 22.
- Успенская А. В., 1976. Погребение купца на древнем Селигерском пути.— В кн.: Средневековая Русь. М.
- Успенская А. В., 1978. Раскопки на оз. Селигер.— АО 1977 г.
- Успенская А. В., 1979. Раскопки на Селигере.— АО 1978 г.
- Успенская А. В., 1980. Раскопки на оз. Селигер.— АО 1979 г.
- Ушаков Я. А., 1878—1879. Отчет о раскопках в Угличском у., произведенных в 1878 г.— ИОЛЕАЭ, XXXI.
- Ушаков Я. А., 1890. Раскопки в Мышкинском у. 1887 г.— Труды VII АС. М., I.
- Фасмер М., 1964. Этимологический словарь русского языка. М., I.
- Фасмер М., 1967. Этимологический словарь русского языка. М., II.
- Фасмер М., 1971. Этимологический словарь русского языка. М., III.
- Фасмер М., 1973. Этимологический словарь русского языка. М., IV.
- Федоров Г. Б., 1952. Тверцы.— ВДИ, 2.
- Федоров Г. Б., 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 89.
- Федоров Г. Б., 1961. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 г.— КСИА, 86.
- Федоров Г. Б., 1964а. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 г.— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея. 1962 г.
- Федоров Г. Б., 1964б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг.— КСИА, 99.
- Федоров Г. Б., 1968. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г.— КСИА, 113.
- Фезнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Труды ГИМ, 33.
- Фезнер М. В., 1963. Тимеревский могильник.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.
- Фезнер М. В., 1967. Шейные гривны.— Труды ГИМ, 43.
- Филевич И. П., 1896. История древней Руси. Варшава, I.
- Филин Ф. П., 1940. Очерки истории русского языка до XIV столетия.— Ученые записки ЛГУ, 20.
- Филин Ф. П., 1962. Образование языка восточных славян. М.; Л.
- Филин Ф. П., 1968. Еще раз о происхождении сочетаний *kl-, gl-*.— Известия АН СССР, сер. литературы и языка, 2.
- Филин Ф. П., 1970. Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков.— ВЯ, 5.
- Филин Ф. П., 1972. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.
- Фролов И. К., 1969. Подвеска на Дмитровского могильника.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Фролов И. К., 1974. Фибулы-броши с выемчатой эмалью.— КСИА, 140.
- Фролов И. К., 1975. Раскопки на городище у с. Мощины Калужской обл.— АО 1974 г.
- Фролов И. К., 1976. Раскопки на городище и селище у с. Мощины.— АО 1975 г.
- Фролов И. К., 1977. Работы в Калужской и Орловской областях.— АО 1976 г.
- Фролов И. К., 1978. Работы Среднерусской экспедиции.— АО 1977 г.
- Фролов И. К., 1980а. Лунницы с выемчатой эмалью.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
- Фролов И. К., 1980б. Работы Среднерусской экспедиции.— АО 1979 г.
- Фролов И. К., Стусова И. Е., Пеньковиков В. И., 1979. Работы Среднерусской экспедиции.— АО 1978 г.
- Фурсов М. В., 1895. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губ. в 1892 г.— Труды IX АС. М., I.
- Фурсов М. В., Чоловский С. Ю., 1892. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губ. А. С. Дембовецкого в течение лета 1892 г. в уездах Рогачевском, Быковском, Климовичском, Черниковском и Мстиславском. Могилев.
- Фурсов М. В., Чоловский С. Ю., 1893. Дневник курганных раскопок в пяти уездах Могилевской губ.— АИЗ, 5, 9, 10.
- Хабургаев Г. А., 1979. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.
- Хабургаев Г. А., 1980. Становление русского языка. М.
- Хавлюк П. И., 1963а. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья.— СА, 3.
- Хавлюк П. И., 1963б. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— МИА, 108.
- Хавлюк П. И., 1969. Древньоруські городища на Південному Бузі.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Хавлюк П. И., 1974. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Хавлюк П. И., 1976. Исследования Южнобугской экспедиции.— АО 1975 г.
- Хавлюк П. И., 1978. Исследование славянских памятников на Южном Буге.— АО 1977 г.
- Хавлюк П. И., 1979. Исследование на Южном Буге.— АО 1978 г.
- Харитонок Г. В., 1976. Дудневский курганный могильник.— КСИА, 146.
- Хвойко В. В., 1899. Раскопки в Ромашках Васильковского у.— АЛЮР, 1.
- Хвойко В. В., 1901. Поля погребений в Среднем Приднепровье.— ЗРАО, XII, 1-2.
- Хвойко В. В., 1904. Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского у. Полтавской губ.— Древности, XX, 2.
- Хвойко В. В., 1905. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древности и народность.— Труды XII АС. М., I.
- Хвойко В. В., 1913. Древнейшие обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев.
- Хвоцинская Н. В., 1976. Население восточного побережья Чудского озера.— КСИА, 146.
- Хвоцинская Н. В., 1977а. О новом типе курганов в могильнике у д. Залахтовы.— КСИА, 150.
- Хвоцинская Н. В., 1977б. Погребения в грунтовых ямах в могильнике у д. Залахтовы.— В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.

ЛИТЕРАТУРА

- Хевошинская Н. В.*, 1979. Исследование погребальных памятников на восточном берегу Чудского озера.— АО 1978 г.
- Херрманн И.*, 1978. Полабские и ильменские славяне в ранне-средневековой балтийской торговле.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.
- Херрманн И.*, 1980. Роль острова Рюгена в рамках экономических и культурных взаимоотношений между племенами и народами в Прибалтийских областях.— In: Fennou-Ugri et Slavi, 1978. Helsinki.
- Ходаковский З.*, 1839. Отрывок из путешествия по России.— РИС, III, 2.
- Ходаковский З.*, 1844. Сопки.— РИС, VII.
- Цыбышев М. А.*, 1893. Раскопки в конце 1892 г. некоторых курганов близ г. Новогрудка Минской губ.— В кн.: Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX AC в Вильне в 1893 г. Вильна.
- Чагин В. А.*, 1880. Протокол раскопок курганов в Тверской губ. в 1879 г.— ИОЛЕАЭ, XXXV, 1.
- Чебышева В. М.*, 1886а. Раскопки курганов Смоленской губ. Дорогобужского у. летом 1879 г.— ИОЛЕАЭ, XLIX, 1.
- Чебышева В. М.*, 1886б. Раскопки курганов в Смоленской губ. (1880 г.)— ИОЛЕАЭ, XLIX, 3.
- Черепанов В. К.*, 1901. Раскопки курганов в имении Хизово Рогачевского у. Могилевской губ.— ЗРАО, XII, 1.
- Черепнин А. И.*, 1896. Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии.— Труды Рязанской ученой комиссии, XI, 2.
- Черепнин А. И.*, 1898а. Дневник раскопок Пронских курганов.— Труды Рязанской ученой архивной комиссии, XIII, 1.
- Черепнин А. И.*, 1898б. Раскопки Пронских курганов.— АИЗ, 6.
- Чернецов А. В.*, 1976. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.— КСИА, 146.
- Чернягин Н. В.*, 1941. Длинные курганы и сопки.— МИА, 6.
- Чертков А. Д.*, 1838. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н. А. Толстого.— РИС, III.
- Чегыркин И. Д.*, 1899. Дневник раскопок 1898 г. в уездах Козельском, Лихвинском и Калужском.— Известия Калужской ученой архивной комиссии, 2.
- Чоловский С. Ю.*, 1893. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губ. А. С. Дембовецкого в течение июня 1893 г. в трех уездах Могилевской губ. Могилев.
- Шадыро В. И.*, 1978. Исследования в Подвинье.— АО 1977 г.
- Шафарик П. И.*, 1838. Славянские древности. СПб., 1, 2.
- Шахматов А. А.*, 1899. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей.— ЖМНП, IV.
- Шахматов А. А.*, 1907. Южные поселения вятичей.— Известия АН, сер. VI, 16.
- Шахматов А. А.*, 1908. Разыскание о древнейших русских летописных сводах. М.
- Шахматов А. А.*, 1911. Древние лятские поселения в России.— Славянство. СПб., 4—6.
- Шахматов А. А.*, 1915. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.
- Шахматов А. А.*, 1916. Введение в курс истории русского языка. Пг.
- Шахматов А. А.*, 1919а. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.
- Шахматов А. А.*, 1919б. Повесть временных лет. Пг.
- Шинаков Е. А.*, 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец.— СА, 3.
- Ширинский С. С.*, 1965. Курганы XI—XII вв. у д. Глыбов.— КСИА, 104.
- Ширинский С. С.*, 1967. Раскопки языческих курганов Черниговщины.— АО 1966 г. М.
- Ширинский С. С.*, 1969. Курганы X в. у д. Пересажа.— КСИА, 120.
- Ширинский С. С.*, 1970. Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Ширинский-Шахматов А. А.*, 1906. Федовский могильник.— Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 г.
- Школьникова Н. А.*, 1978. Стекланные украшения конца I тысячелетия н. э. на территории Поднепровья.— СА, 1.
- Шляпкин И. А.*, 1906. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские до XV в., неподвижные и нецерковной службы. СПб.
- Шмидельман М. Х.*, 1952. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии.— КСИИМК, XLII.
- Шмидельман М. Х.*, 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шмидт Г. Р.*, 1890. Курганы и могилы Шелонской пятинны Новгородской земли.— ИОЛЕАЭ, XLIX, 5.
- Шмидт Е. А.*, 1954. Раскопки длинных курганов в Смоленской обл.— КСИИМК, 54.
- Шмидт Е. А.*, 1957а. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье.— МИСО, 2.
- Шмидт Е. А.*, 1957б. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1950 гг.— В кн.: Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, 1.
- Шмидт Е. А.*, 1958а. Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской обл.— В кн.: Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, 2.
- Шмидт Е. А.*, 1958б. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском р-не.— СА, 3.
- Шмидт Е. А.*, 1962. Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской обл.— СА, 4.
- Шмидт Е. А.*, 1963а. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл.— МИСО, 5.
- Шмидт Е. А.*, 1963б. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.— МИА, 108.
- Шмидт Е. А.*, 1966. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье.— В кн.: Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Минск.
- Шмидт Е. А.*, 1968. О смоленских длинных курганах.— В кн.: Славяне и Русь. М.
- Шмидт Е. А.*, 1969. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I тысячелетия н. э.— Acta Baltico-Slavica. Bialystok, VI.
- Шмидт Е. А.*, 1970а. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов.— МИСО, 7.
- Шмидт Е. А.*, 1970б. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.
- Шмидт Е. А.*, 1970в. Об этническом составе населения Гнездова.— СА, 3.
- Шмидт Е. А.*, 1971. Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей.— In: Actes du VII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Praha, 2.
- Шмидт Е. А.*, 1972а. О некоторых особенностях курганных погребений XI—XIII вв. в земле кривичей.— В кн.: Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М.
- Шмидт Е. А.*, 1972б. Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов.— В кн.: Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск.
- Шмидт Е. А.*, 1973. Курганный комплекс у д. Заборье Смоленского р-на.— В кн.: Смоленский край в истории русской культуры. Смоленск.
- Шмидт Е. А.*, 1980. Раскопки на Смоленщине.— АО 1979 г.
- Шмыткин Н.*, 1914. Раскопки близ г. Лубен Полтавской губ. летом 1912 г.— Древности, XXIV.
- Шноре Э. Д.*, 1961. Асотское городище. Рига.
- Шовкопляс А. М.*, 1959. Славянская керамика VII—IX вв. из Киева.— КСИА АН УССР, 8.
- Штакегельберг Ю. И.*, 1962. Глиняные диски из Старой Ладогги.— АСГЭ, 4.
- Штейнгель Ф. Р.*, 1904. Раскопки курганов в Волынской губ., произведенные в 1897—1900 гг.— АЛЮР, 4-5.
- Штыгов Г. В.*, 1964. Интересная находка.— Искусство, 4.
- Штыгов Г. В.*, 1969. Археология Полоцкой земли за 50 лет.— В кн.: Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969 г.). Минск.
- Штыгов Г. В.*, 1971. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск.
- Штыгай Г. В.*, 1972. Вывучанне кургану Поладкай вямлі (X — пачатка XII ст.).— В кн.: Беларускія старажытнасці. Мінск.

ЛИТЕРАТУРА

- Штылов Г. В., 1979. Памятники северной Белоруссии.— АО 1978 г.
- Штылов Г. В., 1980. Исследования Полоцко-Минского отряда.— АО 1979 г.
- Штылов Г. В., Соболев В. Е., 1978. Исследования в Минске и его окрестностях.— АО 1977 г.
- Шукевич В. А., 1893. Об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах.— Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС.
- Шульгин А. Н., 1906. Исследование в северо-западном углу Орловской губ.— Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1904 и 1905 гг.
- Шут К. П., 1969. Городище Заговаялно Утачского р-на.— В кн.: Вопросы истории (тезисы докладов XII конференции молодых ученых Белорусской ССР). Минск.
- Щапов Я. Н., 1972. Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев.
- Щербаківський В. М., 1918. Розкопки в м. Городище Лохвицького р-ну. Полтава.
- Щитников Ф., 1913. Отчет о раскопках 36 курганов в Лужском уезде.— Труды Псковского археологического общества, 9.
- Эдинг Д. Н., 1928. Сарское городище. Ростов Ярославский
- Юшко А. А., 1967. Раскопки кургана XI—XII вв. у с. Покров Московской обл.— КСИА, 110.
- Юшко А. А., 1972. Покровские и Стрелковские курганы.— СА, 1.
- Юшко А. А., 1974. Курганы у с. Высокино на р. Ваузе.— КСИА, 139.
- Юшко А. А., 1980. Археологические памятники бассейна р. Пахра.— КСИА, 160.
- Юшчанка І. Х., 1930. Археологічныя досьледы ў Гомельскай акрузе.— Працы археалагічнай камісіі Беларускай АН, II.
- Якимович М. К., 1900. Раскопки могильника у с. Нежиловичи Радомысльского у. Киевской губ.— АЛЮР, 2.
- Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х., 1971. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 2.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., 1976. Новгородская экспедиция.— АО 1975 г.
- Янушевич Э. В., 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.
- Янчук Н., 1892. Несколько слов по поводу археологическо-этнографической экскурсии в Седлецкую губ. в 1891 г.— В кн.: Памятная книжка Седлецкой губ. на 1892 г. Седлец. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
- Яроцкий Я. В., 1903. Могильники по среднему течению р. Уборты.— АЛЮР, 3-4.
- Alexandrov V. V., Tallgren A. M., 1930. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod.— Eurasia septentrionalis antiqua, V.
- Antoniewicz W., 1925a. Sprawozdanie z delegacji na Podole i do Wilna.— WA, VI.
- Antoniewicz W., 1925b. Wczesnohistoryczne groby szkieletowe w Torskim.— WA, VI.
- Arne T., 1914. La Suède et l'Orient. Upsala.
- Aspelin I. R., 1877. Antiquités du nord finno-ougrien. Helsingfors.
- Baran V. D., 1973. Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr.— Zeitschrift für Archäologie, 1.
- Beranová M., 1955. K otazce vicehlavosti slovanských bobů.— AR, VII.
- Bialeková D., 1962. Nové včasnoslovanské nálezy z juhozápadného Slovenska.— SA, 1.
- Bialeková D., 1968. Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Südwestslowakei.— AR, 5.
- Bona I., 1968. Über einem archäologischen Beweis des langobardisch-slawisch-awarischen Zusammenlebens.— Studijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akademie vied, 16.
- Borkovský I., 1940. Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Studie k počátkům slovanské kultury. Praha.
- Būga K., 1913. Kalbų mokslas bei mūsų senovė. Kaunas.
- Būga K., 1923. Jotvingų žemės upių vardų galūnė da.— In: Tauta ir žodis. Kaunas.
- Būga K., 1924. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung.— In: Streitberg Festgabe. Leipzig.
- Bujak F., 1949. Skąd przysli radymicze i wjatycze na Rus?— Swiatowit, XX.
- Cehak-Holubowiczowa H., 1937. Materiali zagadnienia cmentarzyska koło wsi Nawry w pow. Postawskim.— In: Rocznik archeologiczny, Wilno, I.
- Cehak-Holubowiczowa H., 1938. Słowiańskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Platowo w powiecie j wojewodztwe nowogródzkim.— In: Ateneum wileńskie, XIII.
- Cehak-Holubowiczowa H., 1938—1939. Słowiańsko-warenskie cmentarzysko kurhanowe Ko.o Porzesza w pow. dziśnieńskim.— Przegląd archeologiczny, VII, 2-3.
- Cehak-Holubowiczowa H., 1939—1948. Słowiańskie groby kurhanowe koło Czerniewicz w pow. dziśnieńskim.— WA, XVI.
- Comsa M., 1972. Direction et étapes de la pénétration des Slaves vers la Péninsule Balkanique aux VIe—VIIe siècle (avec un regard spécial sur le territoire de la Roumanie).— In: Balcano-Slavica. Prilep-Beograd, 1.
- Déczy G., 1967. Is there a Finnic Substratum in Russia?— Orbis, 1.
- Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1970.
- Donat P., 1970. Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhäuser.— Zeitschrift für Archäologie, 2.
- Donat P., 1976. Bemerkungen zur Entwicklung des Slawischen Hausbaues im Mittleren und Südöstlichen Europa.— In: Balcano-Slavica. Prilep-Beograd, 4.
- Dostál B., 1966. Slovanská pohřebiště ze střední doby brázdění na Moravě. Praha.
- Dubov I. V., 1980. Merya and Rostov Land.— In: Fenno-ugri et slavi, 1978. Helsinki.
- Engel C., La Baume W., 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg.
- Fitzke J., 1938a. Badania w Grodku pow. Łuck.— Swiatowit, XVII.
- Fitzke J., 1938b. Badania archeologiczne na tereni Wołynia w 1938 r.— Wolyń, 37.
- Fitzke J., 1939—1948. Wczesnohistoryczne kurhany w Poddębcach w pow. Łuckim.— WA, XVI.
- Fraenkel E., 1950. Die haltischen Sprachen. Heidelberg.
- Gaczyński P., 1968. Zarys dziejow plemiennych Małopolski.— Rocznik przemyski, XII.
- Gimbutas M., 1963. The Balts. London.
- Gloger Z., 1882. Notatki archeologiczne Michala Fedorowskiego z okolic Slonima kurhany pod Wiszowem.— In: Pamietnik fizyograficzny. Warszawa, II.
- Gregoire H., 1945. L'Origine et le Nom des Croates et des Serbes.— Byzantion, XVII.
- Jackman A., 1938. Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö.— In: Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, XLI.
- Hachmann R., 1970. Die Goten und Skandinavier. Berlin.
- Hachulska-Ledwos R., 1971. Wczesnośredniowieczna osada w Nowej Hucie-Mogile.— In: Materiały archeologiczne Nowej Huty. Kraków, III.
- Hadaczek K., 1909. Sprawozdania Grona konserwacji Galicji wschodniej. Lwów.
- Hampel J., 1905. Altertümer der früher Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, II.
- Hårdh B., 1976. Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln. Lund.
- Hasegawa J., 1973. Z badań nad wczesnośredniowieczną ceramiką zachodniosłowiańska. Łódź.
- Hasegawa J., 1975. Chronologia i rozprzestrzenienie ceramiki typu praskiego w Europie środkowej. Łódź.
- Hensel W., 1978. Wczesnośredniowieczna figurka czterotwarzowego bóstwa z Wolina.— SA, 1.
- Herrmann J., 1968. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neiße und Elbe. Berlin.
- Herrmann J., 1971. Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kulturen der Westslawen. Leipzig; Jena; Berlin.
- Herrmann J., 1978. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters.— SA, 1.
- Hilczarówna Z., 1967. Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Jakimowicz R., 1934. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrorego w swete archeologii.— In: Rocznik wołyński. Równe, III.
- Jakimowicz R., 1939—1948. Okres wczesnohistoryczny.— In: Prehistoria ziem polskich. Kraków.
- Janusz B., 1918. Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej. Lwów.

- Janusz B.*, 1929. Sprawozdanie z działalności Państwowego Konserwatoriów zabytków przedhistorycznych Okręgu Lwowskiego za rok 1924, 1925.— WA, X.
- Jarocki S.*, 1901. Kurhany i cmentarzyska w pow. Oszmianskim w gub. wileńskiej.— Swiatowit, III.
- Jaskanis D.*, 1962. Materiały z badań wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podroś koło Wolkowyska w BSRR.— In: Rocznik Białostocki, III.
- Jaskanis J.*, 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I—V w. n. e.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Kalmykow A.*, 1925. Iranians and Slavs in South Russia.— Journal of the American Oriental Society, 45.
- Kamiński A.*, 1956. Z badań nad pograniczem polsko-rusko-jałowieskim w rejonie rzeki Sliny.— WA, XXIII, 2.
- Kiparsky V.*, 1958. Über die Betonung altrussischer Völkernamen.— In: Scando-Slavica, Copenhagen, IV.
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Kostrzewski J.*, 1965. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K.*, 1965. Pradzieje Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Krukowski St.*, 1911. Cmentarzysko mogił ciałopalnych w Jasudowie pod Sopoćkiniami, w pow. augustowskim, gub. Suwalskiej.— Swiatowit, IX.
- Kuczyński S. M.*, 1958. Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII.— Slavia Orientalis, 2.
- Kuharenko J. V.*, 1967. Le problème de civilisation «gotbo-gévide» en Polesie et en Volhynie.— In: Acta Baltico-Slavica. Białystok, V.
- Kuraszkiewicz W.*, 1955. Domniemany ślad jądźwingów na Podlasiu.— In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, I.
- Láslo G.*, 1955. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars.— In: Archaeologia Hungarica, 34.
- Loeschke G.*, 1888. Alte Gräber in der Umgegend von Neuhäusen.— In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Doprat.
- Łowmiański H.*, 1964. Początki Polski. Warszawa, II.
- Łowmiański H.*, 1973. Początki Polski. Warszawa, V.
- Luniewski T.*, 1883. Cmentarzyska starożytne w Łuzkach i Grodzisku gub. Siedleckiej w pow. Sokolowskim.— In: Pamiętnik fizyograficzny. Warszawa, III.
- Marquart J.*, 1898. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig.
- Marquart J.*, 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig.
- Mitrea I.*, 1970. Contribuții la cunoașterea populației locale dintre Carpați și Siret în sec. II—V e. n.— In: Memoria Antiquitatis. Piatra Neamț, II.
- Mitscha-Märheim H.*, 1953. Neue Bodenfunde zur Geschichte der Langobarden und Slawen im österreichischen Donauraum.— In: Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte. Klagenfurt, II.
- Moora H.*, 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuckes.— SMYA, XL.
- Moora H.*, 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, II.
- Musianowicz K.*, 1950—1951. Z zagadnień osadnictwa wczesnohistorycznego pow. Sokółów Podlaski.— WA, XVII, 4.
- Mustanowicz K.*, 1975. Cmentarzysko kurhanowe z VI—VIII w. w Klimentowiczach koło Szepietówki (USRR).— WA, XXXIX, 3.
- Narbutt T.*, 1837. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, II.
- Nerman B.*, 1926. Archäologische Untersuchungen bei Izborsk.— In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1924.
- Niederle L.*, 1904. Slovanské starožitnosti. I. Původ a počátky národa slovanského, II. Praha.
- Niederle L.*, 1910. Slovanské starožitnosti. II. Původ a počátky slovanů jižních, II. Praha.
- Niederle L.*, 1910. Slovanské starožitnosti. II. Původ a počátky slovanů jižních, II. Praha.
- Niederle L.*, 1913. Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní, I, s. 2. Praha.
- Nordman C. A.*, 1924. Karelska järnåldersstudier.— SMYA, XXXIV.
- Nowakowski A.*, 1972. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Zagadnienia kultury. Łódź.
- Otrębski J.*, 1960. Пучь.— Lingua Posnaniensis, 8.
- Petersen J.*, 1919. De Norske Vikingesverd. Kristiania.
- Pleinerová I., Zeman J.*, 1970. Návrh klasifikace časně slovanské keramiky v Cechách.— AR, 6.
- Pleinerová I.*, 1975. Březno. Praha.
- Pobol L.*, 1972. Skarb metalowych pasów z okresu rzymskiego odkryty w miejscowości Krasnyj Bor (BSRR).— WA, XXXVII, 2.
- Poppe A.*, 1958. Gród Wołyń.— In: Studia wczesnośredniowieczne, IV. Wrocław; Warszawa.
- Przybysławski W.*, 1909. Przyczynek do historii bronzów emaliowanych.— In: Teki Konserwatoriów Galicyi wschodniej. Lwów.
- Raudonikas W. J.*, 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Rauhut L.*, 1971. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu.— In: Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, I.
- Rjabinin E. A.*, 1980. Finno-Ugric paganism and old Russia (based on archaeological data).— In: Fenno-ugri et slavi, 1978. Helsinki.
- Rosen-Przeworska J.*, 1963. Przeżytki celtyckie i celto-scytyjskie na obszarze Polski.— Archeologia Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków, VIII, 1.
- Sawicka J.*, 1928. Sprawozdanie z badań archeologicznych w lecie 1926 r. na Wołyniu.— Przegląd archeologiczny, III, 3.
- Sčerbakivskyj V.*, 1926. Die vorgeschichtlich-archäologischen Forschungen in der Ukraine nach dem Weltkrieg.— In: Mitteilungen des Ukrainischen wissenschaftlichen Institutes in Berlin, 2.
- Schmiedehelm M.*, 1965. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis.— In: Slavi-läänemeresoome suhete ajaloo. Tallinn.
- Schwindt E.*, 1893. Tietoja karjalan rautakaudesta.— SMYA, XIII.
- Sedov V. V.*, 1980a. Slav-Westfinnish Links in Izborsk and its neighborhood.— In: Fenno-ugri et slavi, 1978. Helsinki.
- Sedov V. V.*, 1980b. Zur ethnischen Geschichte der ostsee-finnischen Stämme.— In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, IV.
- Selirand J.*, 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil. Tallinn.
- Setälä E. N.*, 1926. Suomensukuisten kansojen esihistoria.— In: Suomen suku. Helsinki, 1.
- Siška St.*, 1964. Nože s volútovým ukončením rukováti v bradištnej kultúre.— Archeologické rozhledy, 3.
- Skružný L.*, 1964. Pekáče — jejich výskyt, funkce a datování.— Památky archeologické, 2.
- Šnore E.*, 1957. Latvijas RSR arheologu piedalīšanās Baltijas kompleksā arheoloģiskā, etnografiskā un antropoloģiskā ekspedīcijā.— In: Latvijas PSR zinātņu akadēmijas vēstis, 4.
- Stabrowski J.*, 1939. Odznalezienie gowy starosłowiańskiego bóstwa w Słonimie.— In: Ziemia Lidzka. Lida, IV, 1.
- Stenberger M.*, 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, II.
- Strömberg M.*, 1961. Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen, Völkerwanderungszeit — Wikingerzeit. Lund, 1.
- Sulimirski T.*, 1935. Sprawozdanie z działalności lwowskiego ośrodka prehistorycznego.— ZOW, X.
- Sulimirski T.*, 1937. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Małopolsce Wschodniej i na Wołyniu.— In: Sprawozdanie z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii umiejętności, XLII, 8.
- Székely Z.*, 1970. Die Frühesten slawischen Siedlungen in Siebenbürgen.— Slavia Antiqua, XVII.
- Szukiewicz W.*, 1899. Kurhany kamienne.— Swiatowit, I.
- Szukiewicz W.*, 1902. Kurhany kamienne w pow. Lidzkim.— Swiatowit, IV.
- Szukiewicz W.*, 1910a. Kurhany ciałopalny przy wsi Versoce w powiecie Lidzkim, gubernii Wileńskiej.— MKAAE, X.
- Szukiewicz W.*, 1910b. Poszukiwania archeologiczne w pow. Lidzkim, gub. Wileńskiej.— MKAAE, X.
- Szukiewicz W.*, 1911. Cmentarzysko szkieletowe w Sałapiciszkach.— MKAAE, XI.
- Szukiewicz W.*, 1914. Kurhany ciałopalny w Bogatej, Mickańcach i Wersocze.— MKAAE, XIII.
- Szukiewicz W.*, 1921. Cmentarzysko szkieletowe w Lankiszkach.— Przegląd archeologiczny, II.
- Szymański W.*, 1964. Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojściami zakończonymi wolutami.— Wiadomości archeologiczne, XXXI, 3-4.

ЛІТЕРАТУРА

- Szymański W.*, 1965. Wczesnośredniowieczne noże z rękojeściami zakończonymi wolutami w świetle nowych badań.— *Wiadomości archeologiczne*, XXXI, 2-3.
- Szymański W.*, 1967. Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Tallgren A. M.*, 1925. Zur Archäologie Eestis. Dorpat, II.
- Tallgren A. M.*, 1937. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna.— *ESA*, XI.
- Tautavičius A.*, 1958. Salčininkų rajono pilkapių tyrinėjimai.— In: *Iš lietuvių kultūros istorijos*. Vilnius, 1.
- Teodor D. Gh.*, 1969. Unele probleme privind evoluția culturii materiale din Moldova în secolele VI—X.— In: *Carpica*, Bacan, II.
- Teodor D. Gh.*, 1972. La pénétration des Slaves dans les régions du S-E de L'Europe d'après les données archéologiques de régions orientales de la Roumanie.— In: *Balcano-Slavica*. Prilep; Beograd, 1.
- Teodor D. Gh.*, 1973. Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie (Moldavie).— In: *Berichte über den II Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie*. Berlin, III.
- Tyszkiewicz J.*, 1972. Radymicze.— In: *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 4, cz. 2.
- Urtāns V.*, 1968. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g.t. otrajā pusē.— In: *Arheologija un etnogrāfija*. Rīgā, VIII.
- Váňa Z.*, 1977. Objevy ve svētě dávných slovānů. Praha.
- Vasmer M.*, 1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. 1. Die Iranier in Südrubland. Leipzig.
- Vasmer M.*, 1935. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen.— In: *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin.
- Veenker V.*, 1967. Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington.
- Vinski Z.*, 1954. Gibt es slawische Keramik aus der Zeit der südslawischen Landnahme?— In: *Archaeologia Jugoslavica*. Beograd, 1.
- Werner J.*, 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts.— In: *Reinecke Festschrift*. Mainz.
- Werner J.*, 1960. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern.— *Germania*, 38, 1-2.
- Zarina A.*, 1960. Latgaju vainagi laika no 6. līdz 13. gadsimtam.— In: *Arheologija un etnogrāfija*. Rīgā, II.
- Zeman J.*, 1976. Nejstarší slovanské osídlení Cech.— In: *Památky archeologické*, 1.
- Zeuss K.*, 1837. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München.
- Zoll-Adamikowa H.*, 1975. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk, 1.

Список сокращений

АИЗ	— Археологические известия и заметки. М.	МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России	МАУ	— Материалы з антропології України. Київ
АН	— Академия наук	МГУ	— Московский государственный университет
АО	— Археологические открытия. М.	МДАПВ	— Материалы і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АС	— Археологический съезд	МИСО	— Материалы по изучению Смоленской обл. Смоленск
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.	ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ВДИ	— Вестник древней истории	ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ВИ	— Вопросы истории	Працы, I	— Працы катэдры археолёгіі Беларускай АН. Менск, 1928.
ВЭИИП	— Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.	Працы, II	— Працы археолёгічнай камісіі Беларускай АН. Менск, 1930
ВЯ	— Вопросы языкознания	Працы, III	— Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН. Менск, 1932
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры	РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ГИМ	— Государственный исторический музей	РГО	— Русское географическое общество
Древности	— Труды Московского археологического общества	РИС	— Русский исторический сборник
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	РФВ	— Русский филологический вестник
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества	СА	— Советская археология
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	САИ	— Свод археологических источников
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР	СЭ	— Советская этнография
ИАК	— Известия Археологической комиссии	ТРУАК	— Труды Риаанской ученой архивной комиссии
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете	ЧИОНЛ	— Чтения в Историческом обществе Нестора летописца
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР	ЧОИДР	— Чтения в обществе любителей истории и древностей Российских
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР	AR	— Archeologicke rozhledy. Praha
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР	ESA	— Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР	МКААЕ	— Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР	SA	— Slovenska archeologia. Bratislava
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет	SMYA	— Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России. СПб.	WA	— Wiadomości archeologiczne. Warszawa
		ZOW	— Z otchłani wieków. Poznań
		ZWAK	— Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków

Указатели

Указатель имен

- Абаев В. И. 113, 292
 Абрамов И. С. 46, 138, 159, 248
 Аванесов Р. И. 53, 169, 292
 Авдусин Д. А. 159, 248, 250, 252, 267, 283, 292
 Авдусина Г. А. 144, 292
 Авенариус Н. П. 112, 113, 119, 120, 122, 292
 Аксенов М. М. 56, 299
 Александров А. А. 47, 292
 Алексеев В. П. 7, 138, 292
 Алексеев Л. В. 158, 161, 165, 292
 Алексеева Т. И. 7, 66, 194, 292
 Алешковский М. Х. 66, 242, 243, 256, 292, 306
 Алешковский П. М. 266, 292
 Амброз А. К. 25, 26, 33, 38, 40, 43, 292
 Аммиан Марцелин, римский историк 129
 Анастасьев А. М. 143
 Андрияшев А. М. (Андрияшев О.) 92, 94, 106, 113, 119, 292
 Антонович В. 126, 128, 306
 Антонович В. Б. 94, 95, 102, 104, 106, 107, 152, 165, 292
 Апсих, аварский военачальник 28
 Ардагаст, славянский вождь 246
 Аристов Н. Я. 131, 293
 Арне Т. 186, 251, 306
 Артамонов М. И. 24, 45, 53, 58, 137, 240, 293
 Артемко И. И. 152, 293
 Артишевская Л. В. 29, 32, 33, 44, 293
 Арциховский А. В. 6, 143, 144, 146, 149—151, 170, 266, 292, 293, 301
 Аскольд, легендарный славянский князь 131
 Аспелин И. Р. 45, 192, 306
 Аулих В. В. (Аулих В. В.) 14, 16, 241, 242, 258, 293
 Ауп М. Э. 47, 53, 293
- Баварский анонимный географ 92, 94
 Багалей Д. И. 141, 293
 Бадер О. Н. 144, 293
 Бай, де 45
 Балашенков Л. А. 196, 299
 Балодис Ф. 46
 Баран В. Д. 12, 13, 16, 27, 293, 306
 Барсов Н. П. 6, 66, 92, 102, 106, 113, 119, 123, 131, 141, 143, 164, 165, 185, 269, 293
 Башенкин А. Н. 170, 300
 Башилов В. А. 133, 293
 Бекаревич Н. М. 186, 293
 Белянская Д. А. 151, 193
 Белецкий С. В. 47, 57, 61, 292, 293
- Белоцерковская И. В. 149, 293
 Беляев И. Д. 165, 293
 Беляева С. А. 21, 300
 Беляшевский М. Ф. 94
 Берегини, славянские божества 268
 Березовец Д. Т. (Березовец Д. Т.) 21, 24—26, 123, 132, 136—138, 293
 Беренштам В. Л. 166, 293
 Берестнев С. И. 20, 293
 Бернякович К. В. 12, 293
 Бессарабова З. Д. 146, 293
 Бестужев-Рюмин К. 268, 293
 Бидзля В. И. (Бідзіля В. І.) 240, 293
 Бируля И. В. 120, 293
 Блифельд Д. И. (Бліфельд Д. І.) 107, 255, 293
 Боборыкин С. Х. 152
 Бобринский А. А. 24, 25, 112, 293
 Бобринский Ал. Аф. 242, 294
 Богданов А. П. 106, 143, 294
 Богомольников В. В. (Багамольнікаў У. У.) 152, 155, 293, 294
 Богословский Н. Г. 59
 Бодянский А. В. 24, 294
 Бож, антский вождь 246
 Болеслав Храбрый, польский король 100, 123
 Борисевич Г. В. 246
 Борисов С. И. 159
 Борковский И. 12, 306
 Брайчевская А. Т. (Брайчевська А. Т.) 24, 240, 294
 Брайчевский М. Ю. (Брайчевський М. Ю.) 22, 294
 Бранденбург Н. Е. 59, 61—63, 86, 106, 159, 170, 294
 Брант 46
 Браун Ф. А. 125
 Бряндев П. Д. 119
 Буга К. 58, 119, 306
 Булкин В. А. 53—55, 64, 248, 250—252, 294, 297
 Булычов Н. И. 41, 42, 44, 143, 144, 146, 159, 267, 294
 Бунак В. В. 118, 294
 Буяк Ф. 157, 306
 Бялекова Д. 12, 306
- Вайтович Н. Т. (Вайтовіч Н. Т.) 156, 294
 Варенов А. Б. 192, 294
 Васильев И. И. 166, 293
 Василько Ростиславич, тербовльский князь 128, 129
 Векслер А. Г. 144, 159, 294
 Белес (Волос), языческое божество славян 268
 Верещинский Л. И. 133, 138, 304
 Вернер П. 26, 308
 Верхорубова Т. Л. 47, 65, 170, 294, 299
- Веселовский Н. 94
 Викторковский В. (Викторовский В.) 104, 294
 Вильчинский Ф. В. 159
 Винников А. З. 140, 141, 294
 Виноградов А. А. 169, 294
 Виноградов А. В. 47, 297
 Виноградов К. Я. 144, 294
 Винокур И. С. 104, 294
 Витковский Э. К. 106, 294
 Владимир Давыдович, черниговский князь 143
 Владимир Святославич, киевский князь 123, 125, 152, 263, 264
 Власова Г. М. 96, 294
 Воеводский М. В. 41, 133, 138, 294
 Вознесенская Г. А. 241, 294
 Володарь, перемышльский князь 129
 Волошинский Я. Я. 94, 106, 294
 Волчий Хвост, киевский князь 152
 Вольтер Э. А. 119, 120, 122
 Волянский Г. 94
 Воронин Н. Н. 149, 294
 Выезжев Р. И. (Віезжев Р. І.) 103, 107, 294
 Выжарова Ж. Н. (Въжарова Ж. Н.) 12, 294
 Вятко, легендарный предводитель вятичей 143, 148, 244, 270
- Гадачек К. 96, 126, 306
 Гальковский Н. М. 268, 294
 Гамченко С. С. 12, 18, 46, 102, 103, 294
 Гардизи, персидский историк 238, 259
 Гаркани А. Я. 92, 94, 292
 Гатцук С. А. 138, 152, 159, 185, 294
 Гачинский Е. 125, 306
 Гендуне Ю. Г. 41, 146, 185, 296
 Генрих II, германский император 125
 Герасимов М. М. 41
 Геродот, древнегреческий историк 129
 Глазов В. Н. 46, 61, 138, 159, 166, 169, 180, 294
 Глазов В. П. 186, 188, 294
 Глогер З. 120, 306
 Говорский К. А. 159, 294
 Головацкий Я. 152, 294
 Голубева Л. А. 170, 184, 192, 194, 294
 Голубович В. 159, 163, 294
 Голубович Е. 114, 120, 159, 163, 294, 306
 Голубовский П. В. 141, 164, 294
 Гольмстен В. В. 46
 Гончаров В. К. 19, 90, 123, 294
 Гопак Б.-Д. 241, 294
 Горбачев К. А. 159, 294, 295
- Городцов В. А. 41, 46, 138, 143, 146, 186, 283, 295
 Городцов М. В. 144, 295
 Горюнов Е. А. (Горюнов Е. О.) 21, 25, 29, 30, 32, 33, 40, 137, 138, 295
 Горюнова Е. И. 64, 186, 188, 189, 192, 194, 195, 295
 Готье Ю. В. 6, 28, 66, 107, 129, 186, 295
 Грач В. А. 47
 Грегуар Г. 125, 306
 Грибович Р. Т. 96, 295
 Гринченко В. А. (Грінченко В. А.) 24, 295
 Гроздилов Г. П. 47, 65, 146, 166, 295
 Грот К. Я. 125, 295
 Грушевский А. С. 113, 114, 119, 295
 Грушевский М. С. (Грушевський М.) 28, 92, 106, 142, 295
 Гуревич Ф. Д. 47, 64, 119, 120, 122, 166, 164, 266, 295
 Гурина Н. Н. 61, 62
 Гуцин А. С. 250, 295
- Давидан О. И. 259, 295
 Дажьбог (Дажьбог), славянский бог солнца 263, 268
 Данилевич В. Е. 112, 138, 164, 295
 Даркевич В. П. 267, 295
 Дебеч Г. Ф. 7, 295
 Дедюхина В. С. 250, 295
 Деев С. С. 152, 295
 Деметриевич В. Я. 126
 Дир, легендарный киевский князь 129
 Длугош Я., польский хронист 156
 Дмитриевская А. В. 295
 Добрагаст (Дабрагаст), славянин на византийской службе 28
 Довнар-Запольский М. В. 113, 164, 295
 Домбровская Е. В. 159, 295
 Доррер Г. А. 41
 Дружинин М. А. 41
 Дубинский С. А. (Дубінські С. А.) 34, 37, 114, 120, 152, 159, 295
 Дубов И. В. 53—55, 64, 186, 188, 248, 294, 295
 Дунавина В. М. 21, 300
 Дурново Н. Н. 169, 269, 295
 Дуцац Л. В. 161, 295
 Дьяченко А. Г. 20, 295
 Дьяченко В. Д. 118, 295
- Евсеев И. К. 138, 143, 144, 295
 Елкина А. К. 183, 296
 Ермакенов П. М. 152, 154, 155, 220, 221, 295
 Ерофеева Е. Н. 188, 295
 Ефименко П. П. 133, 140, 195, 240, 295

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Жива, славянское божество 264
Житияцкий И. 94
- Заборовский А. А. 46
Заверняев Ф. М. 133, 152, 295
Завитневич В. З. 102, 113, 114, 117, 203, 295, 296
Зайцев А. К. 143, 296
Засурцев П. И. 56, 296
Захарий Митиленский, средневековый сирийский автор 111
Заяц Ю. А. 162, 296
Зверуго Я. Г. 120, 122, 296
Зеленин Д. К. 66, 296
Зеленский И. 118, 296
Земан И. 12, 308
- Ибн Русте, арабский географ 268
Иван Годинович, киевский дружинник 254
Иванко Павлович, постановщик Стерженского креста 182
Иванов А. И. 189, 296
Иванов П. А. 94, 296
Ивановский Л. К. 59, 62, 86, 169, 174, 178, 184, 185, 296
Игнатъев Р. Г. 113, 296
Игорь, киевский князь 102, 129, 131, 252, 263
Изюмова С. А. 41, 44, 144, 147, 296
Ильинская В. А. 30, 33, 44, 296
Иоанн Эфесский, сирийский историк 238, 247
Иордан, готский историк 19, 28, 44, 45, 92, 129, 246, 292
Иосиф, хазарский царь 132, 142
Ираклий, византийский император 92
Исланова И. В. 188, 297
Истрия В. М. 129, 296
Иченская О. В. 133, 303
- Казанский М. М. 19, 21, 25, 29, 123, 137, 295, 300
Калитина Е. А. 44, 296
Калмыков А. 113, 307
Каргер М. К. 106, 112, 263, 296
Каретников С. 92, 296
Карский Е. Ф. 113, 114, 156, 157, 269, 296
Карчина Л. Я. 12, 293
Кассиодор, древний историк 28
Кацей Бессмертный, персонаж русских былин 254
Кельсиев А. И. 143, 185, 296
Керделла Н. Г. 143, 159, 296
Кибальчич Т. В. 106, 296
Кий, легендарный славянский князь 243, 244, 269
Киркор А. 94, 126
Кирпичников А. Н. 101, 250, 296
Кирьянов А. В. 238, 296
Кирьянова Н. А. 238, 296
Кислянский А. М. 166, 293
Клетнова Е. Н. 159, 296
Ключевский В. О. 94, 269, 296
Коваленя А. З. (Каваленя А. З.) 114, 296
Козловская В. Е. (Козловська В. Е.) 107, 296
Колмогоров А. И. 170, 192, 296
Колодкин И. Р. 114
Колосов В. И. 46, 182, 296
Колосова И. О. 166, 296
Коллаков Е. М. 170, 300
- Колчын Б. А. 264, 266, 268, 296, 306
Комаров К. И. 141, 183, 186, 188, 296
Комша М. 12, 19, 123, 296, 306
Конаков Н. Д. 61, 299
Конвисаров М. Н. 114
Кондаков Н. П. 44, 149, 296, 303
Конецкий В. Я. 61, 65, 170, 296, 299
Константин Багрянородный (Порфиrogenет), византийский император 92, 113, 125, 131, 251, 264, 292
Коперняцкий И. 94, 126
Корзухина Г. Ф. 44, 45, 100, 101, 141, 250, 296, 297
Королюк В. Д. 92, 297
Корсаков Д. А. 185, 297
Костшевский Ю. 18, 19, 126, 307
Котигорошко В. Г. 12, 14, 56, 123, 297
Кочуркина С. И. 170, 184, 255, 297
Кравченко Н. М. 21, 27, 123, 297
Крак, легендарный вождь хорватов 125
Крапивина Г. А. 61, 299
Краснов Ю. А. 236, 297
Красноречьев Л. Е. 66, 297
Крейтон В. Н. 46, 166, 297
Крив, легендарный предводитель кривичей 58
Криштафович Н. И. 159
Круковский С. 120, 307
Кудряшов К. В. 46, 50, 166, 169, 267, 297
Куза А. В. 61, 133, 149, 170, 262, 293, 297
Кузьмин А. Г. 164, 297
Кукша, киевский монах 151
Кусидинский М. Ф. 113, 159, 248, 281, 292, 297
Куфтин Б. А. 150, 297
Кухаренко Ю. В. 12, 18, 30, 90, 96, 104, 114, 236, 260, 297, 307
Кучер А. Л. 61, 299
Купнер (Кнышев) П. И. 45, 297
- Лавров Н. Ф. 146, 297
Лазаревич-Шепелевич Л. Ю. 159, 297
Лазарь, лицо, названное на Воймерицком кресте, 182
Ларина О. В. 21, 297
Латышева Г. П. 144, 297
Лаул С. К. 54, 297
Лаушкин К. Д. 65, 297
Лебедев Г. С. 47, 53—55, 61, 64, 170, 248, 251, 294, 297, 299, 300
Левашова В. П. 194, 297
Левицкий И. Ф. 12, 104
Леонтьев А. Е. 170, 188, 194, 297
Лесман Ю. М. 47, 297
Лешке Г. 46, 307
Линевский А. М. 170
Липкинг Ю. А. 30, 32, 297
Ловмянский Г. 125, 157, 307
Лоначевский А. 152, 297
Луневский Т. 120, 307
Львова З. А. 260, 297
Львович В. С. 138
Лысенко П. Ф. 114, 119, 297
- Любавский М. К. 119, 132, 143, 165, 269, 297
Любомпров П. Г. 46, 61, 88, 297
Людша, древнерусский мастер 250
Лявданский А. Н. (Лявдански А. Н.) 46, 47, 114, 152, 159, 262, 297, 298
Ляпушкин И. И. 27, 54, 133, 135—138, 142, 208, 236, 238, 240, 241, 244, 250, 260, 298
- Маврикий Стратег, византийский император 18, 21, 238, 244, 246, 247
Мавродин В. В. 106, 243, 298
Магура С. С. 138, 298
Макаренко Н. Е. (Макаренко М.) 44, 133, 138, 185, 189, 260, 298
Максимов Е. В. 137, 298
Мал, древлянский князь 102, 247, 252
Малевская М. В. 119, 298
Мальв В. А. 47, 63, 186, 188, 298
Мартинич А. И. 140, 298
Мастыкова А. В. 140, 294
Масуди, арабский историк и географ 92—94, 125
Мезенцева Г. Г. 19, 123, 241, 262, 298
Мельник Е. Н. 94, 97, 138, 298
Мельниченко Г. Г. 195, 298
Меландр, византийский историк 244
Месяц В. А. 104
Миллер В. Ф. 143, 298
Милонов Н. П. 186, 298
Мильков В. В. 170, 300
Милуков П. Н. 143, 298
Минаева Т. М. (Минаева Т. М.) 298
Минасян Р. С. 35, 37, 40, 237, 238, 268, 298
Миролюбов Б. В. 114
Миролюбов М. А. 236, 237, 298
Миронова В. Г. 170, 298
Мирослав, лицо, названное на Воймерицком кресте, 182
Митрофанов А. Г. 35—40, 47, 298
Михайлина Л. П. 12, 301
Мишулин А. В. 21, 28, 238, 244, 247, 292
Мойса И. П. 140, 294
Мокош (Макош), славянское языческое божество 263, 264
Монгайт А. Л. 142, 147, 148, 298
Моора Х. А. 45—47, 52, 298, 307
Москаленко А. Н. 140, 142, 260, 262, 298
Мстислав (Мстислав Владимирович), киевский князь 100
Мусокий, славянский вождь 246
Мусянович К. 100, 307
Мышенков Н. 113, 117, 298
Мялешка М. 264, 298
- Надеждян Н. И. 131, 298
Назаренко В. А. 61, 170, 185, 250, 251, 294, 297, 298
Нарбут Т. 113, 119, 307
Насонов А. Н. 111, 113, 185, 272, 298
Нахлик А. 240, 298
Нащекян Н. В. 188, 303
- Недошивина Н. Г. 150, 151, 186, 188, 298
Некрасова А. Н. 12, 293
Нестор, русский летописец 5, 107
Нефедов Ф. Д. 186, 189, 233, 234, 299
Нидерле Л. 6, 28, 45, 92, 94, 102, 117, 125, 130, 131, 157, 172, 257, 266, 299, 307
Никитин А. В. 170, 299
Никитин А. Л. 149, 297
Никитина В. Б. 265, 299
Никифор, византийский автор 257
Никольская Т. Н. 41—44, 138, 139, 144, 148, 170, 186, 194, 240, 299
Новак М. 114
Новаковский А. 122, 307
Новосельцев А. П. 238, 268, 299
Носов Е. Н. 42, 47, 53, 61, 65, 299
- Оборин В. А. 196, 299
Окулич-Казарин Н. Ф. 46, 166, 299
Олег, киевский князь 92, 126, 129, 131, 151, 164, 258, 263
Ольга, киевская княгиня 102, 252
Орлов Р. С. 133, 303
Орлов С. Н. 47, 52, 56, 61, 64, 65, 236, 299
Оссовский Г. 126
Островский Н. 96
Оттон III, германский император 163
Оятева Е. И. 257, 259, 299
- Павлюк Д. Ю. 96, 295
Павлова К. В. 120, 299
Падин В. А. 29, 133, 138, 152, 156, 266, 299
Паевский Л. 120
Пархоменко В. А. 102, 299
Пастернак Я. 126
Пеньковиков В. И. 41, 304
Пеняк С. И. 12, 18, 126, 299
Первухин Н. Г. 192, 299
Передольский В. С. 59
Перун, славянский бог 261, 263, 264, 266—268
Перхавко В. Б. 35, 39, 299
Пескова А. А. 21, 295
Петегирч В. М. 96, 295
Петерсен Я. 101, 307
Петрашенко В. О. 298
Петренко В. П. 61, 63, 299
Петров В. П. 12, 21, 24, 103, 299
Петровский Н. М. 66, 299
Пигулевская Н. В. 111, 299
Пирогаст, славянский вождь 246
Пичета В. И. 165
Платер В. 46
Платонова Н. И. 170, 299
Плейнерова И. 12, 307
Плетнев В. А. 185, 299
Плетнева С. А. 20, 24, 137, 139, 299
Планий, римский историк 129
Плоткин К. М. 47, 56, 299
Поболь Л. Д. 18, 30, 32, 35, 44, 300, 307
Погодин А. Л. 28, 119, 300
Подвигина Н. Л. 166, 300
Покровская Е. А. 44, 300
Поликарпович К. М. 152

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Порфиридов Н. Г. 264, 300
 Поршняков Г. М. 138
 Поспелов Е. М. 65, 300
 Прахов А. В. 152
 Преображенский И. Д. 186, 300
 Приходнюк О. М. 19, 21, 26, 27, 123, 263, 300
 Прокопий из Кесарии, византийский историк 28, 238, 244, 247, 257, 268, 292
 Прошин Г. Н. 170, 297, 298, 300
 Проходцев И. И. 143, 300
 Прохоров В. А. 59
 Прусакова З. В. 170, 300
 Прякин А. Д. 140, 300
 Псевдо-Захарий, см. Захарий Митленский
 Птолемей, римский историк 129
 Путятин П. А. 59
 Пушкина Т. А. 250, 300
 Пшибиславский В. 94, 126, 128, 307

 Равдина Т. В. 144, 149, 151, 300
 Равдоникас В. И. 61, 65, 170, 300, 307
 Радим, легендарный предводитель радимичей 148, 151, 158
 Раппопорт П. А. 14, 56, 123, 142, 300
 Расторгуев П. А. 156, 300
 Ратич А. А. (Ратич О.) 126, 300
 Раухут Л. 119, 122, 307
 Рафалович И. А. 21, 26, 123, 240, 241, 243, 244, 258—260, 297, 300, 302
 Рацко В. В. 61, 299
 Ревский М. (Ревський М.) 138, 300
 Репников Н. И. 180, 185, 267, 300
 Рерих Н. К. 52, 61, 62, 169, 170, 300
 Рьер Я. Г. 114, 152, 300
 Рикман Э. А. 27, 266, 300
 Род, славянское божество 268
 Рогачев М. Б. 61, 299
 Рогволод, полоцкий князь 243
 Розвадовский Я. 119
 Розенфельдт И. Г. 147, 300
 Розенфельдт Р. Л. 144, 300
 Романов Е. Р. 30, 113, 152, 154, 159, 166, 300
 Романцев И. 169, 300
 Роспонд С. 111, 112, 300
 Рудинский М. Я. (Рудянский М.) 107, 301
 Русанова И. П. 12, 13, 16, 19, 54, 55, 90, 91, 96, 104, 105, 107, 108, 110—112, 123, 126, 259, 263, 301, 303
 Рутковская Л. М. (Рутковська Л. М.) 24, 26, 301
 Рыбаков Б. А. (Рыбакоў Б. А.) 6, 7, 24—26, 45, 90, 94, 102, 107, 111—113, 131—133, 136, 139, 144, 149, 150, 154—156, 241, 243, 251, 253, 254, 256—261, 263, 264, 266—270, 272, 284, 301
 Рыков П. С. 138, 158, 301
 Рябинин Е. А. 170, 184, 188, 194, 297, 301

 Саадре О. 46
 Сабурова М. А. 155, 170, 178, 221, 301
 Савва Тарасян, кузнец 182
 Савельев П. С. 186, 195, 233, 234
 Савельева Э. А. 196, 301
 Савин Н. И. (Савін Н. І.) 159, 301
 Савицкая И. 96, 307
 Садиков П. А. 46
 Саксон Грамматик, датский хронист 264
 Салевич К. 121
 Самойловский И. М. (Самойловський І. М.) 106, 301
 Самоквасов Д. Я. 44, 106, 107, 138, 152, 253, 301
 Сапожников Н. В. 149, 293
 Свенельд, киевский воевода 131
 Свердлов М. Б. 301
 Свешников И. К. (Свешніков І. К.) 18, 302
 Святовит, славянский бог 254, 266
 Святослав Всеволодович, киевский князь 129
 Святослав Игоревич, киевский князь 102, 143, 263
 Святослав Олегович, киевский князь 143
 Седова М. В. 149, 302
 Селена, богиня луны 267
 Сементовский А. М. 159, 302
 Сербов И. А. (Сербаў І. А.) 30, 46, 114, 152, 159, 302
 Сергеев С. И. 159, 248
 Сергеева Э. М. 120, 161, 179, 292
 Середонин С. М. 92, 102, 106, 125, 131, 269, 302
 Сетяля Э. Н. 56, 307
 Сивидицкий Б. В. 46
 Сизов В. И. 46, 149, 150, 152, 159, 248, 250, 251, 283, 302
 Симаргл, славянский бог 113, 250, 263
 Скржинская Е. Ч. 19
 Смиленко А. Т. (Сміленко А. Т.) 21, 24, 302
 Смирнов А. П. 64, 196, 302
 Смирнов Г. Д. 258, 302
 Смирнов Ю. А. 133, 138, 304
 Смишко М. Ю. (Смішко М. Ю.) 18, 302
 Смолячев П. И. (Смолічев П. І.) 107, 302
 Соболевский А. И. 6, 125, 129, 131, 165, 185, 269, 302
 Соболев В. Е. 114, 306
 Соколов Н. Н. 169, 295
 Соколовский С. М. 152, 159
 Соловьева Г. Ф. 32, 112, 116, 152, 154, 155, 157, 262, 269, 293, 297, 302
 Сосновский К. П. 138
 Сперанский М. 138, 302
 Спицын А. А. 6, 25, 26, 28, 44, 46, 58, 61, 62, 66, 92, 97, 102, 107, 114, 122, 138, 140, 143, 149, 152, 154, 158, 159, 166, 169, 174, 180, 182—184, 186, 195, 248, 250, 251, 269, 302, 303
 Срезневский И. И. 266, 303
 Станкевич И. Л. 188, 303
 Станкевич Я. В. 47, 52, 58, 63, 64, 107, 159, 186, 188, 303
 Старчук И. Д. (Старчук І. Д.) 96, 303
 Степан, изборянин 182
 Стефан Византийский, автор географического словаря 129
 Столиво К. 120
 Страбон, римский историк 129
 Стрибог, славянский бог 263, 268
 Стрыжак А. С. (Стрижак О. С.) 129, 138, 303
 Стрыковский М., польский хронист 156
 Стусова И. Е. 41, 304
 Сулмирский Т. 96, 126, 307
 Супинский А. К. (Супінські А. К.) 159, 303
 Судобоков О. В. 133, 137, 303
 Суцнянский В. П. 114
 Сымонович Э. А. (Симонович Е. О.) 27, 29, 303
 Сэнмурв, иранское божество 250

 Тальгрэн А. М. 44, 52, 166, 306, 308
 Тараканова С. А. 47, 52, 57, 166, 303
 Татищев В. Н. 131
 Татур Г. Х. 113, 303
 Таунавичюс А. З. 119, 308
 Телегин Д. Я. 24, 303
 Теплов Н. В. 41, 303
 Терехин Н. М. 61, 299
 Тереножкин А. И. 44, 296
 Терпиловский Р. В. 137, 298
 Тимофеев Е. И. 92, 96, 97, 100, 107, 106, 114, 126, 128, 303
 Тимофеева М. Ю. 183, 303
 Тимошук Б. А. (Тимошук Б. О.) 12, 16, 18, 123, 126, 242, 262, 265, 301, 303
 Тихомиров И. А. 185, 303
 Тихомиров М. Н. 111, 250, 272, 292, 303
 Тищенко А. В. 46, 166, 169, 303
 Ткачевский П. С. 144, 152
 Толстой И. И. 44, 303
 Топоров В. Н. 34, 119, 138, 303
 Тор, скандинавский бог 184, 250, 252
 Третьяков П. Н. 6, 7, 26, 28—30, 33, 34, 36, 38—47, 61, 66, 76, 111, 136, 137, 140, 142, 144, 146, 149, 164, 186, 188, 237, 240, 243, 272, 303, 304
 Троицкий Н. В. 41, 304
 Трофимов К. Д. 61, 166, 169, 304
 Трофимова Т. А. 7, 194, 304
 Трубачев О. Н. 34, 92, 113, 129, 131, 132, 138, 303, 304
 Трувор, легендарный наборский князь 182, 185
 Турбин Н. М. 113, 152
 Тухтина Н. В. 170, 184, 304
 Тыняссон Э. 58, 304
 Тышкевич К. П. 113, 304
 Тышкевич Я. 157, 308
 Тюленев В. А. 166, 168, 304
 Тюленева О. И. 166, 168, 304

 Уваров А. С. 152, 159, 166, 186, 195, 233, 234, 237, 296, 304
 Узянов А. А. 133, 138, 304
 Усова Г. А. 21, 29, 295
 Успенская А. В. 114, 118, 161, 186, 304
 Ушаков Д. Н. 169, 269, 295
 Ушаков Я. А. 185, 304

 Фасмер М. 58, 92, 94, 106, 113, 125, 129, 138, 148, 180, 188, 257, 268, 304, 308
 Федоров Г. Б. 27, 128—130, 304
 Федоровский М. 120
 Феофилакт Симокатта, византийский историк 28, 292
 Фехнер М. В. 47, 150, 186, 188, 189, 298, 304
 Филевич И. Н. 304
 Филлин Ф. П. 5, 58, 185, 270, 272, 273, 304
 Филонов М. М. 152
 Фипке Я. 96, 306
 Фролов И. К. 41, 42, 44, 45, 304
 Фурсов М. В. 152, 304

 Хабургаев Г. А. 272, 273, 304
 Хавлюк П. И. (Хавлюк П. І.) 21, 26, 123, 132, 304
 Харитонов Г. В. 188, 304
 Хасегава И. 12, 306
 Хахманн Р. 28, 306
 Хвойко В. В. 22, 103, 106, 138, 211, 263, 286, 304
 Хвоцинская Н. В. 166, 168, 169, 304, 305
 Херрманн П. 12, 64, 264, 305, 306
 Ходаковский З. 59, 305
 Хорив, легендарный киевский князь 269
 Хорошев А. С. 266, 306
 Хорс, славянский бог 113, 263, 268

 Целепи Л. Н. 169
 Цехакувна Е. 126
 Цыбышев М. А. 120, 305

 Чагин В. А. 185, 305
 Чебышева В. М. 159, 305
 Черепанов В. К. 152, 305
 Черешнин А. И. 143, 305
 Чернецов А. В. 236, 305
 Чернягин Н. Н. 46, 47, 62, 166, 168, 183, 305
 Чертков А. Д. 143, 305
 Четыркин И. Д. 41, 305
 Чоловский С. Ю. 152, 304, 305
 Чуев С. А. 152

 Шавельский Ю. В. 113
 Шадыро В. И. 35, 305
 Шафарик П. И. 45, 66, 305
 Шахматов А. А. 6, 28, 53, 66, 92, 102, 125, 129, 131, 141, 142, 156, 164, 185, 196, 269, 270, 272, 305
 Шинаков Е. А. 155, 305
 Ширинский С. С. 107, 114, 255, 305
 Ширинский-Шахматов А. А. 195, 305
 Ширыхина Т. Б. 188, 303
 Школьниковна Н. А. 260, 305
 Шляпкин И. А. 182, 305
 Шмидхельм М. Х. 47, 49, 52, 54, 305, 307
 Шмидт Г. Р. 305
 Шмидт Е. А. 34, 36—39, 41, 47, 53, 62, 159, 163, 251, 305
 Шмыткин Н. 138, 305
 Шнайдер А. 94
 Шноре Э. Д. 47, 56, 305, 307
 Шовкопьяс А. М. 19, 123, 305
 Шомбаты И. 126
 Штапельберг Ю. Н. 240, 305
 Штейнгель Ф. Р. 94, 102, 103, 305
 Штыхов Г. В. (Штыхаў Г. В.) 35, 47, 114, 161, 182, 183, 265, 305, 306
 Шукевич В. А. 119, 120, 122, 306—308
 Шульгин А. Н. 152, 306

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Шульд Д. 119
Шут К. П. 35, 306
Шутов С. С. (Шутау С. С.) 114, 296
- Шапов Я. Н. 244, 306
Щек, легендарный киевский князь 269
Щербаковский В. М. (Щербаковский В. М.) 138, 306, 307
Щитников Ф. 169, 306
- Эдинг Д. Н. 195, 306
Эйхлер Р. 120
Эртель А. 106
- Юра Р. А. 44, 300
Юстин, византийский император 16
Юстиниан, византийский император 16
Юшко А. А. 144, 146, 148, 159, 306
Ющенко И. Х. (Юшчанка И. Х.) 152, 306
- Якимович М. К. 106, 306
Якимович Р. 100, 306, 307
Яник В. Л. 242, 243, 266, 306
Янкович Я. 126
Януш Б. 94, 96, 126, 307
Янушевич З. В. 238, 306
Янчук Н. Я. 113, 119, 306
Ярослав Мудрый, киевский князь 100, 257
Яроцкий С. 120, 307
Яроцкий Я. В. 103, 306
Ярошевич Я. 119
- Alexandrov V. V. 52, 306
Antoniewicz W. см. Антоневич В.
Arne T. см. Арне Т.
Aspelin I. R. см. Аспелин И. Р.
- Baran V. D. см. Баран В. Д.
Beranová M. 266, 306
Bialeková D. см. Бялекова Д.
Bóna I. 12, 306
Borkovski I. см. Борковский И.
Búga K. см. Буга К.
Bujak F. см. Буйак Ф.
- Cehak-Holubowiczowa H. см. Голубович Е.
Chmielewski W. 18, 307
Comşa M. см. Комша М.
- Décsy G. 195, 306
Donat P. 14, 56, 57, 306
Dostál B. 100, 306
Dubov I. V. см. Дубов И. В.
- Engel C. 306
- Fitzke J. см. Фицке Я.
Fraenkel E. 45, 306
- Gaczyński J. см. Гачинский Е.
Gimbutas M. 45, 306
Gloger Z. см. Глогер З.
Gregoire H. см. Грегуар Г.
- Nadacek K. см. Гадачек К.
Nacbmann R. см. Хахманн Р.
Nacbulska-Ledwos R. 12, 306
Nackman A. 64, 306
Nampel J. 100, 306
Nárdh B. 178, 306
Nasegawa J. см. Хасегава И.
Hensel W. 264, 306
Nerrmann J. см. Херрманн Я.
Hilczegówna Z. 12, 19, 306
- Jakimowicz R. см. Якимович Р.
Janusz B. см. Януш Б.
Jarocki S. см. Яроцкий С.
Jaskanis D. 120, 307
Jaskanis J. 119, 307
Jazdzewski K. 18, 307
- Kalmykow A. см. Калмыков А.
Kamiński A. 119, 307
Kiparski V. 131, 307
Kivikoski E. 52, 57, 177, 307
Kostrzewski J. см. Костшевский Ю.
Krukowski St. см. Круковский С.
Kucziński S. M. 92, 307
Kuharenko J. V. см. Кухаренко Ю. В.
Kuraszkievicz W. 307
- La Baume W. 306
Láslo G. 26, 307
Loeschke G. см. Лешке Г.
Łowmiański H. см. Ловмянский Г.
Luniewski T. см. Луневский Т.
- Marquart J. 129, 132, 307
Mitrea I. 12, 307
Mitscha-Märcheim H. 12, 307
Musianowicz K. 18, 120, 307
- Narbutt T. см. Нарбут Т.
Nerman B. 166, 307
Niederle L. см. Нидерле Л.
Nordman C. A. 49, 177, 307
Nowakowski A. см. Новаковский А.
- Otrębski J. 100, 307
- Petersen J. см. Петерсен Я.
Pleinerová I. см. Плейнерова И.
Robol L. см. Поболь Л. Д.
Rorpe A. 94, 307
Przybyslawski W. см. Пшибиславский В.
- Raudonikas W. см. Равдоникас В. И.
Rauhut L. см. Раухут Л.
- Rjabinin E. A. см. Рябинин Е. А.
Rosen-Przeworska J. 266, 307
- Sawicka J. см. Савицкая И.
Sčerbakivskiy V. см. Щербаковский В. М.
Schmiedehelm M. см. Шмидельхельм М. Х.
Schwindt T. 192, 307
Selirand J. 54, 168, 307
Setälä E. H. см. Сетяля Э. Н.
Siška St. 40, 307
Skružny L. 238, 307
Šnore E. см. Шноре Э. Д.
Stabrowski J. 265, 307
Stenberger M. 178, 307
Strömberg M. 63, 307
Sulimirski T. см. Сулимирский Т.
Székely Z. 12, 307
Szukiewicz W. см. Шукевич В. А.
Szymański W. 12, 14, 19, 40, 308
- Tallgren A. M. см. Тальгрэн А. М.
Tautavičius A. см. Таутавичюс А. З.
Teodor Dan Gh. 12, 19, 308
Tyszkiewicz J. см. Тышкевич Я.
- Urtāns V. 46, 47, 308
- Váňa Z. 266, 308
Vasmer M. см. Фасмер М.
Veenker V. 194, 195, 308
Vinski Z. 12, 308
- Werner J. см. Вернер И.
- Zarina A. 308
Zeman J. см. Земан И.
Zeuss K. 28, 308
Zoll-Adamikowa H. 54, 308

Указатель географических названий*

- Абабково 186
 Абаканово 177
 Абакумово 61, 172, 174
 Абидня 40
 Абрамово 22, 160
 Августовка 127
 Авдеево 14, 30, 135
 Авдотьино 145
 Австрия 12
 Автюевичи 91
 Адаменка 22
 Адамовка 115
 Адамово 98, 166, 172
 Азия 273
 Азобичи 98, 161
 Азовское море 28, 111
 Акаемово 145
 Акатово 34, 35, 37, 76, 77, 162
 Акишинское 30, 41
 Аксеныха 187
 Аксеново 145
 Акулин Бор 161
 Акулиново 265, 288
 Акулинка 115
 Аламово 187
 Алапурское 174
 Алеканово 145
 Александров 115
 Александровка (Курская обл.) 134, 135, 174
 Александровка (Подмосковье) 145
 Алексеевка 24
 Алексеевка (Дунец) 145
 Алехновщина 190
 Алешино 161
 Алешкино 145
 Алешня 98, 161
 Алхилово 145
 Алчедар 20, 125, 128, 129
 Ангеловка 145
 Андреевичи 91, 98, 103—105, 115, 116
 Андреевская гора (Киев) 91, 263
 Андреевское 161, 192
 Андрейково Большое 177, 186, 190
 Андроново 161
 Андрусовка Великая 14, 20, 26, 125
 Анискино 145
 Аннополь 102
 Аносово 144
 Антоновка 152
 Антоново 186
 Антоновское 186, 190
 Анциферово 145
 Анюшкар 196
 Апонычицы 145, 148
 Апочицы 172
 Арава 161
 Арапово 166, 177, 181
 Арефьяно 49, 84, 161, 162
 Арнико 49, 52, 85
 Арняшицы 161
 Артюхино 228
 Артюховка 30
 Артюшкина 174, 177
 Архангельское 135, 140
 Асташково 34
 Атоки, уроч. 83
 Ахтырка 22, 135, 139
 Ахтырский р-н 112
 Ачкасово 145
- Бабаево 177
 Бабиничи 103
 Бабино 166
 Бабичи 22
 Бабка 90, 91
 Бабново 161
 Бабынино 166, 177
 Багота 119
 Багриново 161, 224
 Бакин Конец 177, 181
 Бакота 14, 20, 27, 238
 Балаклея 22, 112
 Баламутовка 125
 Балатон, оз. 19, 92
 Балахна 190
 Балахча-Княжино 161
 Балдино 172
 Балканский полуостров 10, 125
 Балканы 125
 Балтийское море 5, 10, 33, 45, 64, 251
 Балтика 45
 Балютина 145
 Банцеровщина 29, 34, 35, 37—39, 238
 Баранки 121
 Барановичи 122
 Барахтянская Ольшавка 109, 111
 Барашевка 13, 18
 Бараши 103
 Баскачи 186, 192
 Басов Кут 94, 95, 98, 101
 Батеки Новые 275
 Батецко 181
 Батино 166, 177
 Батуровка 98, 152, 154
 Батькино 98, 161
 Батыри 98
 Бахмач Роменский 134
 Бацкии Ближние 120
 Бацкии Дальние 120, 122
 Башево 161, 192
 Бегуницы 98, 171, 177
 Бедриковцы 127, 128
 Бежецкая волость 170
 Бежецы 59, 61, 98, 171, 177, 180, 181, 192
 Бездедовичи 161
 Бездонное 121
 Безрадицы 22
 Безрадицы Старые 109
 Безрядова 190
 Безьва 49, 166, 177
 Белая Гора, уроч. 135, 141, 142
 Белгород 106, 111
 Белгородка 22, 90, 98
 Белгородка-Николаевка 134
 Белев 94, 95, 98, 101, 145
 Белено 166, 171
 Белица Старая 152
 Белькевичи 113
 Белогостье 177, 186, 192, 233
 Белогощ 152
 Белое, оз. 11, 23, 60, 99, 173, 175, 181, 183, 191, 193, 245, 271
 Белозерский канал 264
 Белозерский край 185
 Белозерье местность 185, 195
 Белокаменка 14, 30
 Белоозеро 190, 242, 243, 245, 269, 270, 277
 Белоруссия 8, 32, 34—36, 46, 47, 93, 114, 118, 264
 Белоус Новый 91, 109
 Бельчица 161
- Белый Берег 153
 Белый Крест 192
 Белецкий 49, 161, 166
 Бервенева 152
 Бердовичи 121
 Бердыж 74, 152
 Березина (Днепровская), р. 11, 13, 15, 29—31, 34, 35, 39, 40, 91, 99, 113, 115—118, 160, 173, 175, 193, 238
 Березина (Неманская), р. 121
 Березино 177
 Березкино 145
 Березна 109, 134
 Березняки 22
 Березовая Рудна 134
 Березовец 161
 Березовки 174, 177
 Березовка 22, 112, 161, 162, 177, 192
 Березово 172
 Березовый Рядок 49, 170, 171
 Берестейская волость 95, 119—121
 Берестье 119
 Берестяно 95, 96
 Берлин 12
 Бернашевка 14
 Беседа 181, 190, 192, 227—229, 291
 Беседовичи 98, 152, 154
 Беседовка 135
 Беседь, р. 91, 153, 154
 Беседы 145, 150
 Бескатово 161
 Бессониха 145
 Била 125
 Бильче-Злоте 127
 Биостанция 144
 Битино 98, 177, 181
 Битица 135, 137, 138, 209, 241, 274, 278
 Битца 145
 Битягово 145
 Благодатная 161
 Близнаки 14, 34, 35, 38, 39, 76, 238
 Блинные Кучи 161, 192
 Блохино 144
 Боборыкино 145
 Бобр Старый 113
 Бобрин, р. 121
 Боброво 145
 Бобровщина 161
 Бобруйский уезд 93
 Бовшев 13, 14, 16, 27
 Богдановка (б-н Десны) 135, 161
 Богдановка (Подмосковье) 145, 192
 Богданово 134
 Боголеье 161
 Богослово 186, 190
 Богоявленское 98, 145
 Богоявление 172
 Богуничи 190
 Богучарово 145
 Бодаки 95, 126
 Бодачево 177
 Бодва, р. 125
 Боженки 61
 Боженок 171, 186
 Боково 192
 Болва, р. 143, 145—147, 153, 160
 Болгария 12, 19, 102
 Болгария Волжская 196
- Бологое 170, 171
 Бологово 49, 166
 Болонь 161
 Болшево 145, 161
 Большеево 177, 192
 Большой Двор 172
 Бор (Валдай) 177, 192
 Бор (б-н верхней Волги) 177
 Бор (Гдовщина) 177, 180
 Бор (Тихвинский край) 181
 Боремля 95, 98
 Борзны 22
 Борилово 147
 Борисовичи 91, 115
 Борисов 113, 115—117, 158, 174
 Борисово (Валдай) 170, 171
 Борисово (Владимирщина) 187
 Борисово (Подмосковье) 145
 Борисовский р-н 40
 Борисоглеб 161
 Борки (Полоцкое Подвинье) 49, 161
 Борки (Рязанское Поочье) 145
 Боркино 166, 174, 177
 Борницы Большие 174, 177, 229
 Боровая Рудня 91, 103
 Боровик 98
 Боровиково 186, 190, 192
 Боровичи 47, 49
 Боровичский уезд 182
 Боровно 14, 35, 37, 161
 Боровское Купалище, уроч. 52
 Бордино 149
 Борок 186
 Боромыки 109, 134
 Борохов 94, 101
 Боршев 127
 Боршево 133, 135, 140, 141, 213, 214, 276
 Боршова 192
 Боспор 33
 Ботаревка 114, 121
 Ботвиновка 98, 152, 172
 Ботино 187
 Ботна, р. 124
 Ботна Малый 161, 177, 192
 Бочарово 98, 161, 177, 190, 216
 Брага 20
 Брагьянка, р. 116, 117
 Бражино 161
 Бранешты 14, 20, 22, 125, 130, 198, 238—240
 Браслав 158, 172
 Братислав 127
 Брейтово 171, 186
 Брембола Большая 187—190, 233, 291
 Брембола Малая 188
 Брест 119
 Бретьянка 114, 121, 192, 204
 Брицаловичи 115
 Броварки 134, 135, 139, 211
 Брод 177
 Бронницы 62
 Бряков 95
 Брянск 143
 Брянская губ. 220, 221
 Брянцевка 161
 Буг, р. 5, 11—15, 18, 23, 35, 56, 91—96, 99, 100, 114, 115, 119, 127, 157, 245, 272
 Бугаевка Великая 109
 Буда 112
 Буда Шеецкая 13
 Будераж 115

* Принятые сокращения: б-н — бассейн, губ.— губерния, обл.—область, оз.—озеро, р.—река, р-н — район, уроч.— урочище.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Буджак, местность 131
Будино 177, 190
Будице 14
Будки 14, 30
Будки Большие 30, 33
Будки Малые 134, 135, 209
Буды 161
Буды-Лысая Гора 115
Буки 103—105, 109, 110, 197, 201
Буклевка, уроч. 115
Буковина 12, 123, 126, 128, 259, 262
Буково 172, 187, 192, 195
Букреевка 14, 29, 30
Букрин 22
Булавино 166, 172, 177, 181, 190
Булатниково 187
Бундиевка Русская 149
Буняхино 134
Буракова 177, 181
Буракова Пустошь, уроч. 166
Бураково 35
Буковцы 109
Бустрыгино 172, 177, 195
Бутьков Лог, уроч. 116
Буханово 186
Бухнев 95
Буховка 174
Бупшино 134
Бык, р. 20, 124
Быково 91
Быково Старое 187
Быстрица, р. 124
Быхов 98, 113
Быхов Новый 30, 32, 74, 98, 117, 152, 174
Быховский р-н 35
Бычково 161, 192
- Вабля, р. 152
Вазуза, р. 145
Ваймуша 190
Вакино 145
Валдай 61, 169
Валдайка 171, 174
Валдайская возвышенность 5
Валдайские озера 59
Валдаица 190
Валя Кузьмина 125
Ванюжяцы 115
Варварино 187
Варганы 35, 38, 161
Варкляны 98
Варнавино 161
Василев 106
Василевщина (Смоленщина) 49, 50
Василевщина (б-н Сожа) 161
Васильев 127
Васильевка 20
Васильевское (Верхнее Поволжье) 161
Васильевское (Калужская обл.) 145
Васильевское (Костромская обл.) 98, 190
Васильки 135, 172, 187, 190, 192, 233
Васильково 39, 186
Вастелина 49
Васцы 166
Васцы Малые 177
Васьково 161, 225
Васюково 166
Ватцы 177, 181
Вашловское 161, 190
Введенское 161, 174, 177
- Введенье 49
Векошане 161, 166
Велавск 115
Велеша 59, 61, 62, 87
Великая, р. 5, 11, 15, 23, 46—50, 52, 54, 57, 58, 60, 99, 158, 160, 166, 167, 173, 175, 176, 181, 183, 193, 245, 270
Великий Лес, уроч. 96
Велико 94, 101
Великое 94, 177, 186
Велико-Листвен 109
Великосила 125
Величково 121
Вельяшев Лог 174
Венгрия 12, 19, 100, 125
Вензовщина 121, 122
Вепрева Пустынь 187, 192
Вепрь 172, 195
Вепш, р. 13
Вербени 94
Вербовец 125
Веревка 134, 135
Верейский р-н 148
Веремья 22
Верепково 49, 50, 85, 166
Веригово 186
Верино (Вырино) 192
Версека 119
Верхняковцы 126, 127
Верхогрязье 144, 174
Верхоляны 161, 171, 172, 177, 181, 183, 192
Веряжа, р. 65
Веселовка 103, 127
Весь 187, 189, 190
Весь Новая 161
Весьегонский р-н 266
Веськово 187, 188, 190, 192, 233, 234
Веточка 98, 115, 116, 152, 156
Вехравы 152
Вечелок 95
Взмутное 152
Взносное 161
Видибор 115
Видигощи 113, 172
Видлицы 172, 174
Видогище 113, 115
Византия 25, 28, 59, 123, 126, 129, 131, 164, 246, 251, 255, 257
Видейский р-н 166
Вилля, р. 11, 34, 35, 39, 47, 121, 160, 245
Вилы 13, 18
Вильховец 20, 238
Вильховчик 26
Винница 129
Винницкая обл. 240
Вирков 98, 115, 117, 118
Виртки 35
Виски 166, 177, 181
Висла, р. 5, 8, 10, 11, 13, 15, 19, 20, 23, 45, 56, 58, 64, 66, 99, 125, 157, 177, 264, 271
Витачев 8, 109, 251
Витебск 37, 38
Витебская губ. 159
Витебская обл. 182
Витебщина 159, 238
Витовка 145
Витонь Большая 61
Вихмес 190
Вишево 121
Вишенки 115, 152
Вишков 94
Вишнево 114
Вишня 152, 154
Владимир 185, 190
Владимировка 30
- Владимиро-Суздальская земля 123, 166, 177, 241, 246, 260, 272
186
Владимирская земля 182, 185, 186
Владимирское 161, 171, 177, 186
Владимирщина 189, 195
Влазовичи 98, 152, 155, 156, 172
Власово 144
Влечиха 190
Внуковичи 152
Вовки 135
Вовчанское 125
Водокия 109
Водская пятина 63
Воздвиженское 186
Вознесенка 20, 22, 24
Вознесенский 190
Воищина 246
Войлово 98, 145, 192
Воймерицы 61, 62, 170, 171, 182, 183, 230
Войница 109
Войносолово 182, 183, 228, 230
Войская 98, 115, 120, 121
Войковица 174
Войскорово 177
Волга, р. 5, 6, 11, 15, 23, 35, 47, 48, 50, 53, 60, 94, 99, 115, 143, 147, 149, 153, 158, 160, 161, 173, 175—178, 181—183, 185—195, 242, 245, 251, 255, 266, 271
Волгино Верховье 183
Волгово (Ижорское плато) 228
Волгово (Тверское Поволжье) 82
Волго-Клязьменское междуречье 166, 178, 182, 185, 186, 188, 192, 194, 233, 234
Волго-Окский б-н 44
Волго-Окское междуречье 64, 105, 158, 170, 178, 186, 188—190, 195, 196, 272
Волженец 166
Волин 264
Волковичи 227
Волковичи 114, 121
Волково (Подмосковье) 144
Волково (б-н Оки) 98, 144
Волково (Псковщина) 49, 166
Волковцы 126—128, 205
Волковцы 121, 165
Вологодская обл. 178
Володарский 145
Володи 49, 52, 55
Володино 177
Волока 125
Волокитино 134, 135
Волоколамск 144, 149
Волосовичи 91, 98, 115, 116, 172, 192
Волосово 161, 174, 177, 228
Волотово 59, 61
Волохово 145
Волочек 161, 177
Волошское 14, 20, 22, 70
Волхов, р. 5, 10, 11, 15, 23, 48, 59, 60, 62, 63, 65, 99, 149, 167, 173, 175, 176, 181, 183, 191, 193, 251, 261
Волховичи 172
Волынская земля 94, 96, 97, 119
Волынская обл. 96
Волынцево 135, 137, 138, 209, 236, 274
Волынщина 144
Волынь (Вельнь) 94
Волынь, местность 6, 8, 14, 18, 90, 92—98, 100, 101, 111, 119,
- 123, 166, 177, 241, 246, 260, 272
Волыняж 152
Вопша 174, 177, 190, 192, 227, 228
Вопь, р. 41
Воргово 187
Воргол, р. 135, 140
Воргол 141
Воргол Нижний 135, 262
Воробиня 143
Воробьевка 14, 30, 33
Воробьево 98, 177
Воробьи 121
Воронеж, город 135, 239, 240
Воронеж, р. 140
Воронеж 134, 135, 153, 174
Воронежская обл. 133, 140
Воронец 146, 147
Воронина 152
Воронки 161
Вороново (б-н Оки) 144, 147
Вороново (Ярославское Поволжье) 149, 172, 186, 190, 192
Воронцово (Бежецкий край) 61, 98, 177, 190, 192, 195
Воронцово (б-н Клязьмы) 161, 187
Воронцово (б-н р. Москвы) 144
Воротыск 143, 147
Воротынцево 30, 41, 145, 146, 147
Ворскла, р. 11, 19, 20, 31, 124, 133—136, 138, 271
Воскресенск 145, 146
Воскресенский погост, уроч. 174
Восточно-Европейская равнина 5
Вотня 98
Вохоно 177, 181
Вошкино 34
Вруда 174, 177
Вулька, уроч. 101
Вчорайше 109, 110
Вщияж 98, 135, 145
Выголененты 121
Выгоничи 135
Выгоновское болото 116
Вылево 152
Выра 177, 192, 228
Высокая 177, 181
Высокая Гора 115
Высокие Могилы, уроч. 174
Высокино 161, 172, 192
Высоко 172, 192
Высокое (б-н Немана) 114, 121, 204
Высокое (б-н Сожа) 98, 152
Высокое (б-н Угры) 161
Высоцкое 95
Высса, р. 143
Вытебеть, р. 147
Вычевка 94
Вышгород (Киевский) 91, 98, 106, 109—111, 251
Вышгород (Рязанский) 148
Вышково 177, 181
Вышневолоцкой р-н 195
Вядец 161, 162
Вязка 166, 177
Вязовенка 35, 76, 161
Вязозеро 172
Вятчи, административная обл. 143
- Гагрино 177, 181
Гадилевичи 115, 116, 152
Гайворон 240
Галаговое, уроч. 425

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Галиция 125
 Галицкая земля 128, 129
 Галичина 111
 Галков 91, 109
 Ганьково 171
 Гатчина 190
 Гать 145
 Гауя, р. 47
 ГДР 12, 64
 Георгневское 65
 Германия 12
 Германовская Слобода 109
 Германы 35
 Гетманская Буда 152
 Гиттойла 172
 Гладкий Лог 61
 Глажево 22, 30
 Глазачево 177
 Глазково 186
 Глазова 171
 Глебовка 109
 Глеваха 109
 Гляница 115
 Глянице 161, 162
 Гляники 161, 192
 Гляиск (Волынь) 127
 Гляиск (6-н Ворсклы) 135
 Гляиск (Курская обл.) 94, 134, 135
 Глодосы 20, 22, 24
 Глубокое (Буковина) 13, 14, 20
 Глубокое (Псковщина) 49, 166
 Глубокое 152
 Глубочек 127, 205
 Глубочек Великий 95, 127, 128
 Глубочки 145, 147
 Глуницы 174, 177
 Глумча 103
 Глухов 134, 174
 Глушевки 161
 Глыбочка 161
 Гневково 161
 Гнездилово 134, 187, 233
 Гнездово 77, 98, 100, 101, 159, 161—163, 241, 243, 245, 248—253, 256, 267, 280, 281, 283, 290
 Гнилой Кут, уроч. 262
 Гнилопять, р. 90, 263
 Голеевка 98
 Голики 14, 20, 275
 Головачи 152
 Головицы 166, 174, 177
 Головки 103
 оловно 91, 95, 96
 Голодуша 166
 Голодушино 177, 181
 Голошево 161
 Голубовка 91, 109, 134, 139, 152
 Голубово 153, 156, 161
 Гольчицы 115
 Голынка 121
 Голяжье 135
 Гомель 152, 161
 Гоменки 186, 190
 Гонголово 174, 177, 192, 229
 Гончары 161
 Горбаша 103, 104
 Горбаша Большие 91
 Горбово 262
 Горбуново 192
 Горбуны 161
 Гореновка 186
 Горесловка 186
 Гореча 13, 18, 125
 Гориводы 91, 115, 161, 172
 Горичи 22, 177
 Горичны Шеряцы 123, 125
 Горка (Гдовский р-н) 227
 Горка (Приладожье) 172, 190
 Горка Половка 94, 95, 101
 Горки (Валдай) 61
 Горки (верховья Волги) 161
 Горки (Владимирщина) 187
 Горки (Калининское Поволжье) 161, 174
 Горки (Костромское Поволжье) 186
 Горки (Пашковичи), уроч. 117
 Горки Верхние 177
 Горки Ленинские 145
 Горналь 133—135
 Горовляне 161
 Горовые 49, 161
 Городец (Волынь) 94, 95
 Городец (Рязанское Поочье) 145, 148
 Городец на Саре 186, 190, 192
 Городец (Спасский) 172
 Городивцы 125
 Городиловка 98, 114, 121, 161, 204
 Городилово 114, 115, 121, 161
 Городище (6-н Вилии) 14, 30, 35, 36, 38, 40, 275, 279
 Городище (Владимирщина) 149, 172, 187, 190, 192, 195, 233, 234, 290
 Городище (Волынь) 94, 95
 Городище (Гдовщина) 49, 53, 171, 177, 192
 Городище (Калининское Поволжье) 61, 98
 Городище (Костромское Поволжье) 186
 Городище (6-н Немана) 121
 Городище (Обонежье) 190
 Городище (6-н верхней Оки) 145, 147, 161
 Городище (Приладожье) 172, 190
 Городище (Псковщина) 49
 Городищенское, оз. 56
 Городищи 103
 Городница 20, 126—128, 205
 Городня (Ижорское плато) 192, 228
 Городня (6-н Оки) 147
 Городня (Псковщина) 49, 85, 166, 168, 177
 Городок (Волынь) 13, 14, 16, 95, 96, 262
 Городок (6-н Днестра) 14, 20, 126, 127, 238, 274, 275
 Городок (6-н Немана) 161
 Городок (6-н Оки) 147
 Городок (Смоленщина) 34, 35, 37, 40, 49, 84, 238
 Городок (6-на Сожа) 152, 161
 Городок (близ Стригаловской Слободы), уроч. 115
 Городок (6-н Тетерева) 90
 Городок (6-н Ясельды) 90
 Городок Лудский 95
 Городок Ровенский 91, 95, 200
 Городск 103
 Городцы Верхние 135
 Горожа 115, 117
 Гороженны 186
 Горожка 98, 115
 Горошево 14, 20, 22, 127
 Горотков 115
 Горско 61, 85, 166
 Горусово 183, 230
 Горпы 61, 177
 Горчаковщина 61
 Горы 177, 181
 Горынь, р. 11, 13, 15, 35, 90, 91, 93, 95, 96, 98—100, 102—104, 111, 115, 121, 127, 157, 245
 Горячево 41, 78
 Гостилицы-Буря 174
 Гостиж Бор 183, 230
 Гостицы 177, 181, 183, 230
 Гостомля 161, 192
 Готланд 178
 Гочево 22, 134, 135, 138—140, 153, 156, 172, 210, 211
 Грабовец 94, 95, 98
 Грабовец, уроч. 125
 Гребень 113, 115, 117
 Греблово 177
 Гребни 109
 Грехов Ручей 22, 186
 Гречихина 98
 Гривка, р. 116
 Григоровка 125, 236, 240, 242, 244, 278
 Григорово 144
 Гридино 186, 190
 Грицивцы 126, 127
 Грицково 49, 50, 82, 161, 166, 225
 Гришкино 177
 Гробовицы 287
 Гродзянка 115
 Гродно 165
 Грозинцы 123, 125
 Громьки Старые 152
 Гросс Раден 264
 Грошовка 161
 Грубск 98, 105, 109—111, 201
 Грудек Надбужный 94
 Груновка 30
 Грызово 192, 227, 228
 Гряда 30
 Грядище 166
 Грязивец 98, 152, 154, 161
 Губайлово 145
 Губино 186
 Губник 20
 Гуков Хутор 139
 Гулевка 152
 Гульск 91
 Гульцево 161, 172
 Гурки 14, 49, 83, 121
 Гусева Гора 171, 177, 181
 Гусятин 95, 127, 266
 Гутки 104
 Гучва, р. 94
 Гуцино 91, 109
 Гуциня Прудок 161
 Дабужа 152
 Давыдовское 187, 190
 Даймище 174, 177
 Далево 49, 171
 Далмация 125
 Давиловка 166, 177, 181
 Давчены 22
 Двина см. Западная Двина и Северная Двина
 Двор Великий 177, 181
 Дворец (6-н Днестра) 98
 Дворец (Псковщина) 98, 172, 177, 181
 Двориче 115
 Дворчаны 121
 Девопицы 115
 Девянишкес 119
 Дедяловичи 14, 30, 35, 36, 38, 40, 76, 238
 Дедославль 143
 Делево 126—128
 Демиденка 14, 82
 Демидково 186, 190
 Демидовка 22, 34, 35, 37—40, 77, 238
 Демьянки 30, 32, 98, 146, 152, 154
 Демьянов 14, 22, 27
 Денеша 103
 Денесенки 161
 Денисковичи 98
 Дерезуб 152, 161, 174, 192
 Деревлево 145
 Деревная 121
 Дериевка 20, 24
 Десна 145, 190
 Десна, р. 5, 6, 11, 13, 15, 20, 23, 31, 35, 40, 91, 93, 99, 102, 103, 106, 108, 109, 111, 115, 124, 133—136, 138—140, 143, 145, 147, 148, 153, 154, 160, 173, 175, 191, 193, 238, 245, 254, 264
 Детинка (Киев) 243
 Дешевка 14, 41, 42
 Джурков 127, 128
 Дивное 161
 Дисна, р. 158, 160
 Дмитровское 20, 22
 Днепр р. 5—7, 10, 11, 13, 15, 18—21, 23, 24, 26, 28—31, 33—35, 41, 48, 53, 54, 57, 60, 91—93, 99, 102, 103, 106—109, 111, 113—117, 123, 124, 129, 131, 133—136, 142, 145, 147, 149, 152, 154, 157, 158, 160, 173, 175, 177, 191, 193, 241, 243, 245, 248, 250, 262, 264, 271, 272
 Днепропетровская обл. 24
 Днестр, р. 5, 6, 11—13, 15, 19, 20, 23, 26—28, 93, 95, 96, 99, 123—125, 127—132, 149, 153, 157, 177, 238, 245, 266, 271, 272
 Днестровско-Дунайское междуречье 237
 Днестровско-Прутское междуречье 238, 239, 259
 Днестровский 6-н 12, 18
 Добосна 115
 Добрино 49, 242
 Добровляне 127
 Доброе 145, 147, 187
 Добровосичи 152, 161
 Доброселье 145, 161, 172, 177, 192
 Дображ 152
 Добрый Бор 190
 Добрыницы 125
 Добрыничное 152
 Добрынь 161
 Добрышино 161
 Добрятино 145
 Довгиничи 103, 104
 Долгое 161
 Долгоруковская Дача 161, 187
 Долматово 265
 Доложское 177, 192
 Домагощ 143
 Домагтово 14
 Домашковичи 174
 Домжеричи 98, 161, 172
 Домоделово 145
 Дон, р. 11, 15, 23, 28, 42, 45, 99, 105, 111, 115, 133, 135, 136, 140—143, 145—147, 149, 153, 173, 175, 177, 193, 245, 260, 262, 271
 Донской 6-н 137, 141
 Дороги Старые 113
 Дорогобужский р-н 163
 Дорожки 113
 Дорохи 35, 37, 49, 161, 172
 Дорошевичи 113
 Дорошевка 134
 Дохно 98, 161, 166, 192, 225
 Драва, р. 92

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Дрегли 177, 192
 Дренево 186, 190
 Дрисвято 98
 Дрисса, р. 158
 Дрогичин 119, 177
 Дроздово 161
 Дрозды 109
 Дроково 22, 49, 84
 Друсти 149
 Дуть, р. 91, 115, 116, 160
 Дубейково 152
 Дубены 177, 186
 Дубино 177
 Дубки 98, 144
 Дубна, р. 187
 Дубницы 174
 Дубовки Новые 65, 87, 88
 Дубосище 30, 42
 Дубоссары 125, 130
 Дубравка, р. 116
 Дубров 152
 Дубровицы, уроч. 115
 Дубровка (Валдай) 49, 171
 Дубровка (Витебщина) 181, 182
 Дубровка (Псковщина) 177
 Дубровка (б-в Сожа) 152, 161
 Добровка (б-в Угры) 30, 172
 Дубровляне 128
 Дубровна 161, 166
 Дубровно 190
 Дуброво 161, 178
 Дубровщина 177, 181
 Дуденево 22, 98, 161, 172, 192
 Дулеба, р. 93
 Дулебка, р. 93
 Дулебно 93
 Дулебы 93
 Дулебы-Забродье 115
 Дулибы 95
 Дуна 22, 30, 41, 43, 145, 147
 Дунай, р. 5, 10, 11, 15, 20, 23, 28, 40, 92, 99, 124, 129—132, 149, 177, 246
 Дунец, уроч. 145
 Дувич-Могилицы 121
 Дымово 161, 162, 164, 174
 Дыркино 49, 166
 Дьяково 22, 145, 148
 Дюкино 30, 41, 42, 78
 Дютьково 144
 Дяковичи 115
 Дяково 13, 125
 Дятлицы 174
 Дятловка 145
 Дятлово 145
- Евксинский Пои 129
 Евразия 26
 Европа 7—10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 45, 48, 50, 52, 54—56, 58—60, 62—64, 66, 68, 70, 72, 74, 76, 80, 82, 84, 86, 88, 98, 108, 110, 117, 123, 142, 148, 150, 157, 164, 172, 174, 189, 192, 194, 195, 236—238, 240, 242—244, 249, 251, 255, 257—260, 268—270, 272, 273
 Евчаково 172, 186, 190, 192, 195
 Еганово 145
 Егорьевск 190
 Ездинная Поляна 115
 Екимауцы 241
 Еленец 152
 Елизаветино 98
 Елизарово 161
 Елисевиичи 161, 177
 Елицы 177
- Елкотово 177, 186, 190
 Еловцы 49, 51, 161
 Еловщина, уроч. 91
 Елох 187
 Елохово 186
 Елья 161
 Емчиха 109, 110
 Еровщина 291
 Ерошиха 88
 Ерусалимская 52, 166, 168
 Есдлево 186, 190
 Ефремково 161
 Ершова 177, 192
- Жабино 14, 35, 58, 82, 161
 Жабок 161, 187, 189
 Жабынское 147
 Жадрицы 166
 Жгунь 152
 Ждамирово 147
 Жежава 127, 128
 Жела 161, 190, 192
 Желавье 98, 145
 Железница, р. 116
 Желонь, р. 103, 109
 Желохово 147
 Желча, р. 167, 176, 183
 Желча Новая 49, 50, 166
 Желыбня 161
 Жеравья гора 182
 Жеребятно 49, 50, 55, 85, 166
 Жерев, р. 100
 Жерновец 30
 Жерновка 171
 Живачев 98, 127, 205
 Жидилов Бор 166, 177, 180, 181, 225
 Жиздра, р. 143, 145, 147, 148, 151
 Жижикское, оз. 47
 Жилое Горнешно 171, 177
 Жилые Горы 161, 192
 Жилыны 109
 Житомир 102—106, 263
 Житомирская обл. 12, 90
 Житомирский уезд 103
 Житомирщина 103
 Жиябороды 95, 98, 101, 127, 200
 Жовиня 20, 24, 26
 Жолнерово 35
 Жукич 22
 Жукино 109
 Жуков Старый 94, 95, 98, 100, 101
 Жуковец 115, 117
 Жуково (б-в верхней Волги) 174, 177, 186, 190, 192
 Жуково (Подмосковье) 145
- Заале, р. 125
 Заболотцы 95
 Заболотье 145
 Заборовье 177, 181
 Заборье (б-в верхней Волги) 161, 172, 192
 Заборье (северо-западная Белоруссия) 161
 Заборье (Смоленщина) 49, 161
 Завидовичи 161
 Заволжье 186
 Заговалино 35
 Загорцы 227
 Загородье 152, 161
 Загороды 183
 Загорцы 238
 Загорье (Белоруссия) 115
 Загорье (б-в верхней Волги) 98, 177
 Загорье (б-в Десны) 98, 161
 Загорье (Ижорское плато) 291
- Задутье 98, 115
 Задубровка 20
 Зайково 190
 Займище 152
 Зайцево 30, 41, 147
 Закарпатская обл. 123, 126, 130
 Закарпатская Русь 130
 Закарпатье 12, 14, 56, 126, 130
 Заколпые 161, 187, 189, 190, 192
 Закурье 98, 161
 Залахтовы 49, 98, 166, 168, 169, 171, 177, 267, 290
 Залесье (б-в Дисны) 161
 Залесье (б-в верхней Днепра) 22
 Залесье (Подмосковье) 145
 Залещики 20
 Залогинно 186, 190
 Залужье (Белоруссия) 177
 Залужье (б-в верхней Волги) 177
 Залучье (Белоруссия) 177
 Залучье (Березовец) 161
 Залувщик 172, 190
 Залювщик 177, 181
 Замежничье 177, 181
 Замковая Гора (Белоруссия) 35, 40
 Замковая Гора (Киев) 91, 243
 Заморинно 22
 Замошье (Белоруссия) 35, 161
 Замошье (б-в Луги) 49, 53, 98, 172, 177, 192
 Замошанская Дюна 20
 Замчиско 94
 Занки 20
 Занудовка 109
 Заозерье (Припладожье) 172, 177, 190, 231, 232, 280
 Заозерье (Псковщина) 166, 177, 181
 Заозерье (Смоленщина) 34, 35, 37, 49, 50, 84, 161, 172, 181
 Западная 146, 147, 215
 Западная Двина р. 5, 6, 8, 11, 15, 20, 23, 31, 34, 35, 48—50, 52—54, 58, 60, 99, 113, 114, 149, 153, 158—160, 164, 166, 167, 173, 175—177, 181, 183, 191, 193, 242, 243, 245, 251, 271
 Запытов 128
 Заполье 177, 190
 Заполье Большое 49, 166
 Запорожская обл. 24
 Запорожье 19, 24
 Запытов 127
 Зарайск 155, 190
 Зарайский уезд 148
 Заречье (Белоруссия) 115
 Заречье (Валдай) 61
 Заречье (Псковщина) 166, 177, 181
 Заречье (Ягень), уроч. 115
 Зариново 35
 Засярье 98
 Заславль (Белоруссия) 35, 98, 113—116, 158, 161, 172, 192
 Заславль (Волынь) 91
 Застенка 95, 126, 127, 205
 Засторонье 177, 181, 183, 192
 Затурцы 91
 Заужелье, уроч. 115
 Заупорье 177
 Захарниччи 161
 Захряпино 144
 Зачешиловка 22
 Защиринно 161
 Заярье 14, 20, 29, 30, 40
 Збараж 95, 127
- Зборов 152
 Збруч, р. 13, 20, 91, 95, 127, 266, 280
 Збуж 96, 98, 101
 Звездочка 192
 Звенигород (б-в Днестра) 127
 Звенигород (Подмосковье) 149
 Звенигород Львовский 127
 Звеничев 98, 109
 Звняч 13, 14, 16, 18, 20, 125, 126, 128
 Звонко 145
 Звонецкая балка 24
 Здвиж, р. 104
 Здытово 121
 Здолбунов 95
 Зеленик 109
 Зеленок 177
 Зеленск 181
 Зеленый Гай 13, 14, 16, 20, 96, 126, 127, 135, 238
 Зеленые Гурки 98, 120
 Земское 148, 172
 Зилупе, р. 48, 60
 Зимница 161
 Зимно 13, 14, 16, 22, 33, 68, 95, 236, 240—242, 244, 258, 275, 279
 Зиново 187
 Зиновьева 190
 Зиньвино 172
 Знаменское 145
 Зозив 13
 Золотово 177
 Золотое Колено 14, 61, 65, 86—88
 Зубарево 190
 Зубковичи 91, 103, 105
 Зубово 161
 Зубцов 158, 161, 266, 287
 Зуша, р. 145, 147
 Зюзинно 145
- Иване-Злоте 127, 128
 Ивапичи 161
 Иванков 127
 Ивапничково 186
 Ивановичи 22, 98
 Ивановка 152, 153
 Иваново 187, 190, 192
 Иваповская 144, 186, 192
 Иваповская обл. 195
 Ивановское 98, 145, 161
 Иванонцы 127
 Иванск 152
 Иванские Огородники 115, 117
 Ивахники 22
 Иверовское 192
 Ивино 145
 Ивольск 152
 Иворово 161, 183, 190
 Ивненский р-н 166
 Игнаино 161
 Игнатовка 98, 115, 152
 Игрень 14, 20, 22
 Игрище (б-в верхней Волги) 161
 Игрище, уроч. (б-в верхней Оки) 144, 147
 Игуменский уезд 203
 Идрище 187
 Ижорское плато 169, 170, 174, 178, 179, 183, 184, 192
 Избонце 61, 171
 Изборск 14, 53, 55—57, 82, 83, 85, 166, 177, 181—183, 230, 237, 238, 240—243, 245, 246, 270
 Избрижье 161, 192
 Изведово 49
 Изяславль 95
 Иква, р. 95

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Илемки 61
 Илово 161
 Ильино 172
 Ильинское (б-н Клязьмы) 187
 Ильинское (б-н Ловати) 166, 177
 Ильменский б-н 56, 58, 64
 Ильмень, оз. 6, 11, 15, 23, 44, 48, 58, 60, 64—66, 99, 167, 173, 175, 176, 180, 181, 183, 191, 193, 245, 261, 271, 275, 276, 278, 279
 Ингул, р. 20
 Ингулец, р. 11, 20, 24
 Иордания 190
 Ипполитовка 152
 Ипутъ, р. 13, 31, 32, 91, 109, 133, 136, 152—154, 158
 Иран 250
 Ирпень, р. 20, 90, 93, 102, 107—109, 111
 Ирша, р. 90, 104
 Исады 187
 Исаево 186, 190
 Исаково 161, 187, 192, 195, 290
 Искона, р. 158
 Искоростень 6, 102
 Искриные 106, 201
 Иславское 144, 149
 Истра, р. 158
 Иыуга 177, 190
 Кабанское 161, 187—190, 192, 195, 233, 291
 Каблуково 187
 Кабожа (б-н верхней Волги) 172, 177
 Кабожа (Приладожье) 177
 Каветчина 14, 20, 238
 Казазаевка 91, 98, 115
 Казаровичи 22
 Казачья Локня 22, 30
 Казиха 49—51, 83, 85, 162, 165, 166
 Калещидово 161
 Калено 161
 Калининская обл. 192
 Калиновка, уроч. 98, 152
 Калининщина 128, 205
 Калитино 174, 177, 179, 192, 227—229
 Калихновицна 98, 171, 172, 174, 177, 190, 192, 228
 Калуга 147
 Калужка, р. 147
 Калужская обл. 41
 Калфа 125
 Калчуга 145
 Кальник 14, 20, 125
 Камензино 147
 Каменево 14, 29, 30
 Каменец 96
 Каменец-Подольский р-н 27
 Каменка (б-н верхней Волги) 161
 Каменка (б-н верхнего Днестра) 98, 117, 152
 Каменка (б-н Днестра) 13, 20
 Каменка (б-н Луги) 172
 Каменка (Псковщина) 166
 Каменка (б-н Сожа) 152
 Каменка Малая 174, 177, 180, 181, 190, 192
 Каменка Рысковская 152
 Каменки 172
 Каменное 53, 134, 135
 Каменнополь 95, 127
 Камно 56, 57, 238, 276, 279
 Каварщина 174
 Канев 20, 22, 109, 125, 241, 263, 274, 275
 Канищево 186
 Канцерка 20, 24
 Канюково 186
 Карамлино 187
 Карапыши 91, 109
 Карачев 143
 Карачевка 135
 Каргашино 161, 192
 Карелня 177
 Карлуха 172, 190
 Каролино 161
 Карпаты 125, 130
 Карпиловка 94—96
 Карпова 186, 190
 Картамышево 29, 30
 Касимовский уезд 189
 Каспля, р. 37, 47, 48, 60, 160
 Каталня 152
 Каталова 49
 Катунь 49, 162
 Каховка 161, 162, 181, 182
 Кацовщина 103
 Качалова 186
 Кашевка 109
 Кветуны 22, 29, 30, 32, 33, 74, 134, 135, 139, 140, 152, 153, 156, 266, 286, 290
 Келеберда 22
 Келегеи 22
 Керчь 22
 Киболы 187
 Кидомля 177
 Кивиньме 49
 Киев 5, 8, 13, 14, 22, 91, 93, 98, 100, 102, 106—112, 123, 125, 131, 132, 152, 164, 172, 174, 201, 242, 243, 245, 247, 250, 251, 254, 255, 263, 264, 270, 272, 286
 Киевская земля 111, 142, 272
 Киевщина 12, 65, 108, 111, 272
 Кизилевой Остров 20
 Кикерино 177, 229
 Килов 22
 Килпола 183, 230
 Кирмы 22
 Кинобола 187
 Киреевка 30
 Кириллино 172, 190
 Кирилловская улица (Киев) 108
 Киркеево 187
 Кирова 166
 Кирово 147
 Кирьяново 22, 98, 186, 190, 192
 Кисево 161
 Кислая 14, 34, 35, 37, 76
 Кисловская 186
 Китаев 91, 108—110
 Киучер 189, 190
 Кицково 166
 Кишкина 49, 166
 Клементьево 186
 Клепачи 121
 Клепчи 22
 Клецк 113
 Клименки 161
 Климентовичи 13, 18
 Климовичи (б-н верхнего Днестра) 154
 Климовичи (б-н Немана) 121
 Клямово 145, 192
 Клин 187
 Клопицы 177, 192, 228
 Клопово 144
 Клюква 134, 135
 Клюково 120
 Клязьма, р. 11, 99, 143, 145, 147, 150, 151, 173, 175, 178, 182, 185, 187—195, 245
 Клясино 98, 115, 152
 Княже, уроч. 105
 Княжий 20, 30, 32, 33, 74
 Княжицы 152
 Княжое (Рязанская обл.) 145
 Княжое (Смоленщина) 161, 177
 Князьи Горы 161
 Князьи Сосны 172
 Князья Гора (Канев) 236
 Князья Гора (б-н Луги) 192
 Князевка 152, 154
 Кобаов 161
 Кобзы 161
 Кобринно 177
 Кобуска 20
 Кобуска-Веке 125
 Ковали (Смоленщина) 161
 Ковали (б-н Тетерева) 91, 103
 Ковригино 187
 Когильник, р. 20, 124
 Кодны 13, 14, 16, 20, 21, 68, 259
 Кожинно 291
 Кожухова 98, 190
 Кожухово 186, 192
 Козаричи 98, 156
 Козаровщина 114, 121, 161
 Козельск 143
 Козевка 22
 Козикино 61
 Козин 109
 Козлов 14, 20
 Козловка 154
 Козлово (б-н верхней Волги) 161, 192
 Козлово (Гдовщина) 177, 181
 Козлово (б-н Ловати) 177
 Козлово (Рязанское Поочье) 145
 Козловцы 145, 161
 Козиряи 115, 161
 Кокорин 190
 Колесники 91
 Коллентов 171, 186
 Колодезная 152
 Колодезный Бугор 14, 20, 29, 30, 40, 74
 Колоденка 94, 95
 Колодня (Гдовщина) 172
 Колодня (Смоленщина) 22
 Колодривка 14, 20, 127
 Колоколово 98, 145
 Коломенский уезд 149
 Коломна 151
 Колостово 114
 Колосы 115, 154
 Колочин 14, 29, 30, 32, 33, 37, 74, 275
 Колпаки 121
 Колпеницы 161, 192
 Колпень 115
 Колы, р. 48, 60, 176, 183
 Колтеск 143
 Колупаева 161
 Колчино 98, 148, 161, 172, 177
 Комаровичи 115
 Комаровка 14, 30, 125
 Комнидово 161
 Компанейцы 22
 Конбежка-Костино 190
 Конезерье 174, 177, 181
 Конецкое 183
 Конечки 166
 Кониловка 20
 Конищева 98, 172, 190
 Конотоп 20
 Константиново 145
 Константиновское 187
 Кончанское 171, 174
 Коньково 145, 150
 Кообеево 161
 Копаткевичи 115
 Копачинцы 126, 127
 Копки 144
 Копнево 161, 162
 Копорье 177
 Коптево (Костромское Поволжье) 187
 Коптево (Смоленщина) 161
 Копыль 115
 Копысьница 161
 Копытец 192
 Кораллово-Дютыково 144
 Кордня, р. 106
 Кордон 115—117, 152
 Кореличский Тракт 114, 121
 Кореневка 122
 Коржавино 187
 Коржевка (б-н верхнего Днестра) 98, 152
 Коржевка (б-н Южного Буга) 125
 Корма 154
 Корма Новоельнинская 98, 152
 Кормы 98, 192
 Корневка 119
 Корнешты 20
 Корниев 127
 Корнино 94, 95, 101
 Коробино 161, 177
 Коробова 190
 Коровичино 59, 61, 86
 Корвяковского усадьба 174
 Королева усадьба 174
 Короливка 127, 128
 Королевичи 121
 Коропье 91
 Корост 91, 95
 Коростень 91, 103—106, 201
 Коростово 121
 Коростувата 125
 Коростышев 103, 201
 Короча, р. 20
 Корсяки 152
 Корчак 12—14, 16, 34, 67, 68, 104, 277
 Корытище 109
 Коряково 172, 177, 186, 190
 Косая Гора 145
 Косино 145
 Косинское 187, 192
 Косиццо 174
 Косицкое 177, 181, 190
 Косовщина 121
 Костешты 20
 Костино 172
 Костково 177, 181
 Костово 186
 Кострица 35, 38, 161
 Кострицкая Рудня 115
 Кострицкая Слобода 98, 115
 Кострома 186
 Костыки 161
 Костюковичи 152, 155, 172
 Костюковка 126
 Костянец 13
 Косыгино 83
 Котельня 103
 Котино 177, 190, 192
 Котляково 145
 Котово 170, 171
 Котчижевка 177, 186
 Котра, р. 121
 Коханы 98, 145, 161, 172, 267, 286, 290, 291
 Кочергино 190
 Кочубеевка 14
 Кочубинцы 126, 127
 Кочуров 14, 20, 125
 Кошары 134, 172

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Кошево 195
 Кошели 121
 Кошелиха 172, 190
 Кошгибеево 22
 Кошница 125
 Кошево 172, 192
 Кошеево 121
 Кошейники 121
 Краков 125, 266
 Крапивино 190
 Крапивна 177, 179, 180, 181
 Крапивново 187
 Красково 149, 190
 Красна, р. 125
 Красная Заря 61, 190
 Красная Зорька 14
 Красная Слобода 152
 Красне 94, 95, 101
 Красница 121
 Красное 187
 Красногорское 261, 287
 Краснозаборье 152
 Красный Берег 91, 116, 117, 203
 Красный Бор 22, 115, 161
 Красный Городок 147
 Красный Стан 144, 177, 192
 Кременье 145
 Крестецкая Слобода 59
 Крещатик 14, 20, 125
 Кривая Улица 161
 Кривец 22, 174, 186, 190
 Крившино 145
 Кривоулицы 166, 168, 177, 180, 181, 225
 Кривососово 98
 Кривск Новый 98, 152
 Криманичи 177, 181
 Криницы-Новинки 98
 Кричев 152
 Криуши 177, 181, 192
 Криушкино 187, 190
 Кругульце 205
 Кромы 148
 Кротев 152
 Круговичи Малые 115
 Крупа 94, 95, 101
 Крутики 161
 Крученое Болотце, уроч. 134, 135, 139
 Крылос 22, 125, 127
 Крым 40
 Крымское 144, 148, 172
 Крюково, оз. 171
 Крюково-Кужново 153
 Кряково 233, 234
 Кубаево 149, 153, 187, 190, 192
 Кубарево 161
 Кубарки 161
 Кубличи 161
 Кудиново 147
 Кудово 49, 166
 Кудрино 145
 Кудринце 127
 Куженкино 171
 Куземкино 187
 Кузнецова Дача 135, 140, 141
 Кузнецовка (верховья Западной Двины) 166
 Кузнецовка (Подмосковье) 161, 190, 192
 Кузнецово (Костромское Поволжье) 186
 Кузнецово (б-н Ловати) 161, 192, 225
 Кузнецово (Подмосковье) 161
 Кузнецы 172
 Кузнечьяки 22
 Кузьмино 186, 190
 Кузьминское (б-н верхней Волги) 161
 Кузьминское (Рязанское Поче) 22
 Кузьмичи 152
 Куклина Гора 98, 177, 192
 Кукличи 152
 Куланово 183
 Кулешовка 98, 152
 Куликова 190
 Куловка 166, 177
 Кулотино-Полище 49
 Кульбачи 121
 Кумно 187
 Кунья, р. 167
 Куны 20, 26, 259
 Купанское 149, 161, 187, 192
 Купин 14, 20
 Купники 161
 Куприно 34, 161
 Курганье (б-н Сожа) 98, 115, 152, 192
 Курганье (б-н Угры) 98, 148, 161, 162, 172, 177, 192
 Курганье, уроч. (при д. Пашковичи) 117
 Курганье, уроч. (при д. Ясень) 115
 Курганы 91
 Куреваниха 177
 Куря 49, 171
 Курино 161
 Курчечек 98, 177, 190, 192
 Курово (б-н верхней Волги) 177
 Курово (б-н Западной Двины) 161, 172
 Курлын, уроч. 35, 76
 Курозно 152
 Курск 22, 30, 111
 Курская губ. 138
 Курская обл. 29
 Курский Рядок 183
 Курьянова 186
 Кусма-Калтри 181
 Кустера 186, 189, 190, 192
 Кустичи 121
 Куты 127
 Кухва, р. 167
 Кушелка 177
 Кшева 172, 177
 Кярвиево-Круглицы 177
 Лабенщина 39
 Лавищи 161
 Лавки 35
 Лавриков Лес 20, 30, 40, 74
 Ладеники 114, 121
 Ладога (Ладога Старая) 14, 56, 59, 61—65, 86—88, 172, 236—238, 240, 242, 243, 245, 251, 257, 259, 260, 272, 274, 276, 277
 Ладожка, р. 236, 237
 Ладожское, оз. 5, 11, 15, 23, 60, 99, 173, 175, 183, 191, 193, 245, 271
 Ладыгнянский Бор, уроч. 171
 Ладыжин 14, 20, 125
 Ладыжин 127
 Лазы 121
 Лановцы 127
 Лань, р. 91, 116, 119
 Лаоссина 47, 49, 50, 166, 172
 Лапино 166
 Лапшин 125, 127
 Лариновка 134
 Латвия 39, 46, 47, 49, 54, 118, 156, 159
 Латыговка 161
 Латыголь 121
 Лахтево 34, 35
 Лашковицы 98, 174, 181, 190
 Лебедка 144, 146—148, 215, 240, 274
 Лебеховка 22
 Лебяжье 14, 20, 30, 32, 33, 74, 135
 Леваша 115
 Леваша-Казанов Сад 91, 116
 Левашиха 174, 186
 Левенка 135, 153
 Левкин Бугор 14, 20, 29, 30, 40, 74
 Левоча 49, 171, 177
 Лезги 47, 49, 52, 85, 166
 Левенка 115, 174, 192
 Ленинградская обл. 47
 Ленковцы 127, 128
 Ленковщина 114, 121, 161
 Ленское 30
 Леньково 134
 Леонова 172, 190
 Леоново 98, 145, 177
 Лепель 35, 37, 161
 Лепешки 161
 Леплява 22, 109—111, 115, 134, 153, 201
 Лепляница 103, 104
 Лесная 121
 Лесницкой усадьба 172
 Летошицы 190
 Лешково 190
 Лешня 115
 Либогощи 171
 Лидский р-н 166
 Лидский уезд 122
 Лизогубовка 153
 Линдора 49, 52, 82, 83, 85, 166
 Липа 13, 14
 Липецкая обл. 141
 Липицы 49, 52, 84, 85
 Липино (б-н Пола) 171
 Липино (б-н Сейма) 134, 135
 Липовицы 134
 Липовое 134
 Лисино 174, 228, 229
 Лисно 161
 Лисовцы 127
 Лисовичи 121
 Листвин 96, 200
 Листвяны 145
 Литва 39, 44, 118, 119, 156
 Литвиново 49, 161
 Литенаэ 174
 Лихарева Гора 177, 181
 Лобановка 145
 Ловать, р. 5, 11, 15, 23, 35, 46—49, 52, 60, 62, 99, 115, 149, 153, 158, 160, 166, 167, 173, 175—177, 180, 181, 183, 191, 193, 245, 251, 271
 Ловницы 171
 Логойск 113, 115, 192
 Лоев 115
 Лозница 91, 104
 Ломачинцы 123, 125
 Ломовка 152
 Лоозы 49, 83
 Лопатино 171, 186
 Лопатичи 103, 105
 Лопатиче 187
 Лопаткина 145
 Лопатна 20, 125, 238, 239
 Лопино 49, 61, 62, 84
 Лопотово 166
 Лорвила 177, 192
 Лосицы 49, 82
 Лосяч 126, 127
 Лохвица 89, 134
 Лохвицкий р-н 112
 Лопица 115
 Лошицы 177, 181
 Лублы 22, 134, 136
 Лубянка 13, 125
 Луг 14, 20, 22, 24, 30, 125, 238
 Луга, р. (б-н Буга) 14
 Луга, р. (Новгородская земля) 46—49, 52, 58, 60, 61, 167, 170, 172—174, 176, 178, 181, 183, 191, 193, 245, 268
 Луговец 156
 Луговое 95
 Лудчицы 152
 Лужки 127, 148
 Лужский р-н 47
 Лужский уезд 169
 Лука, уроч. 14, 127
 Луковичи 152
 Лука-Врублевецкая 14, 20
 Лука-Райковецкая 67, 90, 197
 Лукино 145
 Лукомль 40
 Лумна 121
 Луховицы 148
 Луцк 94, 96, 97, 100, 101, 200
 Лучин 158
 Льва, р. 95
 Львялово 144
 Тыбуты 166
 Лысая 177, 186
 Лысая Гора (б-н Березины) 161
 Лысая Гора (б-н Дона) 135, 140, 142, 243
 Лычково 187
 Лыца 94, 95, 97, 98, 100, 101
 Лыбасна 161
 Любашки 121
 Любеч 91, 107—110, 138, 242, 243, 245, 251
 Любимовка 24
 Любинед 61
 Любитово 166, 172, 174, 177, 181
 Любны 115, 152
 Любогощи 177
 Любоежа 61
 Любомльский р-н 96
 Любоничи 91, 98, 115, 116, 172
 Любча 95, 101
 Людково 134, 152
 Люто, оз. 171
 Ляличи 98, 152
 Лятохи 161
 Мадора 98, 115, 154
 Мазнино 161, 177
 Мазовия 119, 122
 Мазурия 45
 Майдан-Лыпенский 96
 Макаричи 98, 115, 172, 174
 Макаричи-Петровицы 98, 115
 Макаров Остров 20, 24, 125, 274, 275
 Макеевка-Сосновка 152
 Макишин 30
 Маклаки 145
 Маклаково 145
 Максимова Гора 177
 Максимова 127
 Макушино 166
 Макча, уроч. 29, 30, 135
 Малашты 14, 22, 26, 125
 Малейки 91, 115, 117
 Маливо 145
 Малин 22, 90, 91
 Малиновцы 238
 Мало-Давыдовское 195
 Малопольша (Малая Польша) 125, 126
 Мальцево 186, 190

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Малы 166, 168, 169, 174, 177, 181, 225
 Мадышки 35
 Мамаевщина 177, 181
 Маневичский р-н 96
 Манилово 171, 186
 Манина 148, 161, 172
 Мансурово 14, 30
 Мавуйлово 190
 Мавюки 152
 Марино 145
 Маркатушино 161
 Марковщина 115
 Мартыновка 22, 24, 25, 33, 72, 73, 111, 258—260, 266
 Марулины 114, 121, 204
 Марусино 145
 Маруховка 22
 Марфина 145
 Марфинка 148, 172
 Марфино 61, 62, 177, 181, 186
 Мархалевка 91, 106, 108, 109
 Марьяна 186
 Марьянское 152, 177, 186
 Марьяновка 134, 135
 Масловка 161
 Маслово 171, 177
 Матакулля 174
 Матвеево 161
 Матвеевская 145
 Матвейщиково 161, 187, 192, 195
 Матюшина Стена 115, 192
 Матюшино 161
 Медведево 153, 187
 Медведица, р. 160, 183
 Медведовка 152
 Медвежье 134
 Межа, р. 160, 167
 Межигорье 22
 Межирец 200
 Межирячки 91, 103, 104
 Межно 49
 Мележская Дача 177, 187
 Мелешки 161
 Мелковичи 115
 Мельниково 161, 186, 192
 Мена 22, 134, 135
 Мена, р. 108
 Менка 115
 Менчаково 187
 Меотийское, оз. 28
 Мера, р. 187
 Меро 49, 171
 Меренице 145, 146, 161, 192
 Меряновка 134, 153
 Мешково 134
 Мецкерское 145
 Мецкерское 145
 Мещрево 192
 Микучичи 115, 117
 Милеево 161, 162
 Мидет 145
 Милиновичи 91, 95, 96
 Минина 103
 Минино 172, 190
 Минск 34, 114
 Минская обл. 40
 Миронегги 61
 Мироновка 104
 Мирополь 18, 22, 98, 103, 104, 134
 Мирополь-Улья 13, 91
 Мисирево 187
 Миславль 187
 Митино (Белозерье) 172, 190
 Митино (б-н верхней Волги) 49, 188
 Митино (б-н р. Москвы) 145
 Митино (Смоленщина) 161
 Митрони 121
 Митьковка 152
 Митявичи 115
 Мятяево 144
 Михаил-Архангел (б-н верхней Волги) 161
 Михаил-Архангел (Приладожье) 63
 Михайловка (Киевщина) 22
 Михайловка (б-н верхней Оки) 147
 Михайловский Кордон, уроч. 135, 140
 Михайлово 177
 Михайловское (б-н верхней Волги) 172
 Михайловское (б-н Западной Двины) 49, 51, 52, 55, 82, 83, 166
 Михайловское (б-н Клязьмы) 145, 187
 Михайловское (Ярославское Поволжье) 161, 186, 188, 190, 245, 255, 283
 Михалево 177, 186
 Михалков 127, 128
 Михальча 125
 Михацково 172
 Мицконис 119
 Мицуры 115, 174
 Мишкин 109, 134
 Мишков 98
 Млевский Бор 171
 Млыны 121
 Мовчанское болото, уроч. 98, 134
 Могила 125
 Могилевская обл. 35, 38, 116
 Могилевская Пустошь 177
 Могилевщина 30
 Могильница 127
 Могильно 13, 95, 96
 Могильцы 161
 Мозгово 161, 172
 Мозолево 172, 177, 190
 Мозыки 152
 Моква 22
 Мокрая 145
 Мокрые Пожни 190, 192
 Мокшанский Лес 98
 Молдавия 8, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 123, 130, 241, 243, 258
 Молдавская ССР 129—131
 Молога, р. 11, 23, 48, 58—60, 99, 169, 170, 172, 173, 175, 176, 181, 183, 188, 191, 193, 245
 Молотовка 115, 161
 Молочарня 14, 20, 22, 24
 Мольново 161
 Мольниччи 114, 121, 204
 Монастырек 125
 Морава, р. 125
 Моравия 260
 Моровск 91, 108, 109
 Морозово 145
 Морозовицы 172, 174
 Мосальск 143
 Москва 144, 145, 148, 149, 151
 Москва, р. 11, 31, 48, 60, 143, 145, 147, 148, 150, 151, 158, 160, 175, 187, 191, 193, 245, 271
 Московская обл. 144, 148, 288
 Мотордеталь 172, 186
 Мохватя 91, 109
 Мохов 91, 115, 118, 172, 192
 Мохровичи 115
 Мошевое 98, 161, 192
 Мощины 14, 22, 30, 41—44, 78—80
 Мста, р. 5, 15, 46—48, 59—62, 65, 99, 167, 169, 173, 176, 181, 183, 195
 Мулево 177, 181
 Муреш, р. 124
 Муров Замок 115
 Мурава 172
 Муровичи 61, 166, 177, 181
 Муром 22, 46, 242, 243, 245, 269
 Муромцево 144, 161, 187, 192
 Мурса (Осек) 19, 92
 Мурсианское, оз. 19
 Мусоровка 125
 Мутышино 161, 163, 177
 Мухавец, р. 121
 Мценск 143, 145, 147
 Мылинки 49
 Мытковский остров 20, 26, 27, 238
 Мышков 127, 128, 205
 Мядельский р-н 40
 Мьякишино 190, 192
 Мяркис, р. 119
 Мячково 145, 149
 Наволок 47
 Навры 161, 204
 Надворная 161
 Надпорожье 70
 Надь-Эр, уроч. 13
 Нара, р. 145
 Нарва 182
 Нарва, р. 48, 60, 167, 175, 181, 183
 Нарев, р. 121, 157
 Нарма 161, 187
 Народичи 104
 Нарудевичи 115
 Нарушево 161
 Наумово 161
 Нава, р. 48, 60, 181, 183
 Северо-Сохи 122
 Недники 161
 Недолбицы 177, 192
 Нежаровские Хутора 91, 115, 116, 203
 Нежиловичи 109, 153
 Незвиско 14, 20, 238
 Неймоты 161
 Некасецк 14, 35, 38
 Неквасино 38, 79
 Неман, р. 11, 15, 23, 34, 35, 66, 91, 99, 113—115, 119—121, 153, 173, 175, 177, 193, 245, 271
 Неманский б-н 116
 Немеричи 98, 154, 161
 Немки Большие 152
 Немовичи 95, 102
 Немчиново 145
 Немашевское 172, 187, 190, 192
 Нерль, р. 182, 188
 Неро, оз. 190
 Нерусса, р. 147
 Неручь, р. 145, 147
 Несимковичи 156
 Несино 161
 Нестерово 98, 161, 186, 192
 Несята 115
 Нечча 115
 Нивки 115
 Нивра 127
 Ниживец 127
 Низинка 166, 290
 Низовка 49, 161, 170, 171
 Низовская 172, 186, 190
 Никита Великий 192
 Никитина 147
 Никитино 187
 Никитское 145
 Николаевка 109
 Николина Гора 144
 Никольно-Реня 177
 Николо-Ленивец 30, 41
 Никольское (б-н Ваазузы) 161, 177
 Никольское (б-н верхней Волги) 161, 174
 Никольское (б-н Клязьмы) 144
 Никольское (б-н Мологи) 171
 Никольское (б-н р. Москвы) 145
 Никольское (б-н Нерли) 187
 Николово 145
 Никулище 61
 Никульское 145, 190
 Никулицина 190
 Нисимковичи 152
 Ницахи 134, 139
 Новая (Костромское Поволжье) 186
 Новая (Приладожье) 172
 Новая (Псковщина) 166, 177, 181
 Новгород 50, 56, 59, 65, 149, 153, 161, 164, 170, 172, 174, 177, 182—184, 190, 196, 237—239, 242, 243, 245, 251, 261, 263, 266—270, 286
 Новгород-Северский 29, 133, 138, 270
 Новгород-Северский р-н 139
 Новгородская губ. 169
 Новгородская земля 8, 47, 52, 62, 64, 66, 111, 157, 164, 170, 172, 174, 178—180, 182, 183, 190, 192, 195, 196, 264
 Новгородская обл. 53, 238, 288
 Новгородчина 62, 66, 170, 184, 186, 189, 194, 195
 Новенькое 190
 Новинка (б-н Друти) 161
 Новинка (б-н Мологи) 192
 Новинка (Новгородчина) 181
 Новинки (б-н Колпи) 98, 171, 174, 177, 178
 Новинки (б-н р. Москвы) 144, 161
 Новинки (Приладожье) 172
 Новлянское 98, 145, 186, 190
 Новогрудок 114, 119, 121, 165
 Новое 187
 Ново-Дроково 98
 Ново-Дятловичи 152
 Новое Задубежье 153
 Новое Новицкое 152
 Ново-Жуковская 49, 50, 166
 Новоозыбковский уезд 220, 221
 Новоселницкий р-н 125
 Новоселки (б-н Буга) 95, 126, 127
 Новоселки (б-п Вилии) 161
 Новоселки (Волынь) 94, 95, 98, 100, 101
 Новоселки (Костромское Поволжье) 186
 Новоселки (б-н Нерли) 187
 Новоселки (близ Смоленска) 161, 177, 192, 255
 Новоселки (Смоленщина) 161
 Новоселки (б-н Сожа) 161
 Новосельск 172, 190
 Ново-Сиверская 174, 190, 228, 229
 Новотроицкое 135—138, 141, 206—208, 236, 238, 240, 241, 260, 274—276, 279
 Норинск 103
 Норинь, р. 104
 Нугрь, р. 147

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Обабково 174, 190
Обидовичи 152
Обиинсте 49, 83
Обоянский р-н 20
Обрынь 49, 171
Обухов 14, 135
Обухово 145
Овечкино 145
Овино 172
Овишцево 172
Овруч 6, 103—106
Овручский уезд 102
Овселуг 61
Овсиновка 98, 164
Овсяники 161, 172
Огарково 49, 84, 161
Огородники 91, 116
Огородники-Подозеры 115
Огубское 30, 42, 43
Огурцово 166
Одая 14, 22, 125, 197, 198, 238, 239
Одра (Одер), р. 8, 10, 18, 58, 66, 264
Одесса Новая 22
Одннцово 145, 192
Однополье 152
Одосье 177, 180, 181
Ожогово 177, 181, 190
Оздягичи 115, 116
Озера 192
Озерище 115
Озертцы 171, 177
Озерцы Средние 61, 166
Озеры 177
Ока, р. 5, 6, 8, 11, 15, 20, 23, 29, 31, 41—44, 48, 99, 115, 133, 135—137, 141—151, 153, 173, 175, 177, 186, 187, 191, 195, 245, 270, 271
Окатово 190
Окский б-н 240
Октябрьское 61—63, 86
Окуловка 174, 183
Олевск 103—105, 115, 116
Олешполь 109, 201
Олонешты 130
Олт, р. 15, 124
Ольгин Крест 98, 177, 183, 190, 192
Ольса 115
Ольса Большая 91, 116, 117
Ольховец 127
Ольшанка, р. 134, 251
Ольшанское 161
Олышаны 121, 122
Омега, р. 271
Онежское, оз. 11, 15, 23, 99, 173, 175, 191, 193, 271
Опановцы 121
Опочский р-н 46
Опочка 166
Опошня 135, 136
Опса 98
Оргеев 131
Оргеевский р-н 130
Оредеж, р. 48, 60, 176
Орел 22
Орель (Ерель), р. 19, 20, 181, 134
Оресса, р. 116
Орехово 145
Орешково 145
Орлевское 161
Орлицкие горы 125
Орлов Городок 61
Орловичи 114, 121
Ороснево 14, 125
Орша 161, 164
Освейское, оз. 158
Осеево 98, 145, 187
Оселивка 127
Осмек 19
Осиновец 187
Осиновка 161, 166, 177
Осипова Пустынь 187, 190, 234
Осиповцы 95, 127
Оскол, р. 135
Ославье 174, 177
Осово 145
Осталовицы 126, 127
Остаповое 127
Осташковский р-н 164
Осташковский уезд 61, 156
Остенец 161, 164, 192
Остер (б-н Десны), р. 20, 31, 91, 109, 134, 264
Остер (б-н Оки), р. 145
Остер (б-н Сожа), р. 158, 160
Остров 152
Острог 125, 200
Острожец 200
Осьмино 171, 172, 177, 227
Отвержичи 104, 115
Относоево 98, 161, 192
Охотня 186
Ошмянцы 115
Оять, р. 181, 183, 184
Павленков Хутор, уроч. 134, 135
Павлово 149, 161
Павлов Погост 177, 192
Павловская Слобода 161, 187
Павловские Концы 177, 181
Пайево 119
Пакрули 49, 166
Палашевка 95, 96, 126, 127
Палашкино 144, 190
Палашков 98
Палуж 152
Палужье 153
Панаева Горка 177, 181
Панниковичи 166
Паничьи Горки 166
Панноня 19, 45, 259
Паново 98, 161
Парахидно 161, 187, 189
Парпеевка 14, 20, 125
Парфеювка 152
Пархомовка 14
Паршино 145
Пастырское 14, 20, 22, 24, 25, 33, 71, 236, 240, 242, 244, 274, 278
Патресева Гора 192
Пахра, р. 146, 147
Пацева Слобода 98, 115, 117, 152
Паша, р. 176, 183, 184
Пашковичи 91, 117, 192
Пашково 147
Пежовицы 177, 192, 291
Пекари 22
Пекляно 98, 152, 174
Пекуново 153, 161, 186, 190
Пекша, р. 186
Пелавино, оз. 171
Пелоповнес 10
Пенно 145
Пентурово 161
Пеньки 186
Пеньковка 14, 19, 20, 22, 34, 236
Перебыковцы 14, 20, 22, 125
Первомайская 121
Перевалы 91, 95, 96
Передивание 127
Переналь 115, 192
Перемышль 125, 129, 145
Перерыта Замка 125
Пересаг 91, 109
Пересечен 131, 132
Пересечина 131
Пересошница 91, 94, 98, 100, 101, 177, 200
Перехрестье 14
Перещепина Малая 20, 22, 24
Переяславль 109—111, 138, 187, 201
Переяславль-Залесский 144
Переяславль-Рязанский 143, 149
Пермская земля 196
Пермско-Камский край 266
Першого Травня 14, 22, 125
Першина 49, 166
Перынь 50, 261—264, 286
Песиково 186
Пески 135
Песковатос 146, 147
Песочное 156
Песочня 144, 161, 192
Пестово 171, 172, 177, 190
Пестчаник 177
Песчаное 14, 30
Петербургская губ. 169
Петриков 13
Петров 127
Петрово 14, 125
Петровск 152
Петровско-Будское 153
Петровское (б-н верхней Волги) 161, 174
Петровское (б-н Ворсклы) 134—138
Петровское (Псковщина) 183
Петровское (Ярославское Поволжье) 172, 186, 255
Петровщина 115
Петруха 125
Петрушино 172, 186, 190
Петуховка 98, 152
Петушки 161, 187
Печковка 152
Печора, р. 196
Печорна 127
Печорское 161
Пешки 109
Пильчики 161
Пильня 152, 161, 177
Пивск 115, 119
Пирогово 181
Пицань, р. 140, 152
Плавуча Великая 126, 127
Плавь 177, 186, 190
Планун, уроч. 61, 62, 64, 87, 172
Плакутица 161
Пластунка, гора 262
Платово 114, 121, 161, 204
Плевки 152
Плесецкое 90
Плесо 49
Плещевцы 177, 181
Плесневск 96—98, 101
Плсы 98
Плоская 187
Плоское 177
Плоты 145, 147
Плусы 161
Плюсса, р. 46—49, 58, 61, 167, 174, 176, 183
Плютевцы 22
Пнева Слобода 49
Победище, уроч. 61, 62, 64, 87, 88
Побережье-Мурава 115
Побужье 24, 26, 96, 119, 120, 122, 132, 237
Побужье Брестское 116, 120, 121, 204
Повадино 144
Повадишино 161
Поваровка 161, 187
Повисленье 54, 55
Поволжье 8, 38, 45, 46, 158, 162, 170, 172, 174, 178, 182, 185, 186, 188—190, 192, 194—196, 255
Поворск 95
Погорелка 161, 177, 190, 192
Погорелки 166, 177
Погорелкина 186
Погорелово 186
Погорыше 111
Погост (б-н Болвы) 98, 161, 192, 223
Погост (Костромское Поволжье) 186, 190
Погост (б-н Случи) 115
Погост Петра и Павла 145
Погост Пяти Крестов 145
Подберезье 172
Подберезье 166, 172, 177, 190
Подберезье-Кшева 177
Подборовье 172
Подвинье 32, 34, 36, 39, 46, 50, 51, 58, 162, 165, 270
Подгайчики 127
Подгорцы 91, 95
Подгощи 52
Поддубники 161
Поддубцы 94—96, 100, 101
Поддубье 166, 171, 192
Подесенье 29, 30, 33, 40, 43, 133, 139, 152, 158, 162
Подлипы 127
Подлубы 103, 106
Подлужное 152
Подляшье 119, 122
Подмогилье 177, 181
Подмосковье 144
Подмошье 183, 230
Поднепровье 5, 8, 9, 19, 21, 22, 24—27, 29, 31—37, 39—41, 43—46, 49, 50, 54, 56, 58, 64, 66, 75, 77, 79, 91—93, 97, 102, 107, 108, 111—113, 116, 117, 123, 131—133, 136—138, 142, 146, 148, 152, 156, 159, 162, 177, 185, 186, 188, 189, 237, 238, 247, 251, 260, 270, 272
Поднестровье 94, 96, 126, 128—132, 157
Подол 170, 171, 174
Подолец 186, 190
Подолья 22, 123, 262
Подольская возвышенность 5
Подольский р-н 265
Под Орлами, уроч. 105
Полосье 190
Подрезково 145
Подрижье 13, 14, 16
Подроссь 121, 204
Подсосонье 49, 171
Подунавье 10, 19, 26, 28, 33, 38, 40, 54, 155
Подшевелиха 61
Подъелье 190
Пожаринцы 172
Пожарки 115, 117
Поклонная Гора 161
Покров (Костромское Поволжье) 190
Покров (Подмосковье) 145, 217
Покровка 146
Пола, р. 46—48, 60, 167, 176, 183
Полевщина 144
Полевые Курганы, уроч. 98
Полешиново 161, 192
Полесье 120

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Полесье Припятское 8, 10, 12—14, 16, 19, 43, 54, 90, 93, 113, 116, 118, 123, 260, 261
 Полибино 49, 52, 85, 275
 Поливаново 145
 Полисть, р. 48, 60, 167, 183
 Полицы (б-н Луги) 177, 192
 Полицы (б-н Плюссы) 98, 181
 Полище (б-н Мсты) 174, 177, 192
 Полище (б-н Плюссы) 171
 Половецкий 109
 Полота, р. 6, 164, 243
 Полотбицы 177, 181, 192
 Полотчина 162
 Полоцк 53, 162, 164, 242, 243, 245, 269, 270
 Полоцкая земля 52, 53, 93, 111, 158, 159, 161, 164—166
 Полоцкий р-н 35
 Полтава 134, 135, 139, 260
 Полтавская обл. 30, 112
 Полтавщина 24, 249
 Полужье 64, 135
 Получье 161
 Польское Поморье 66
 Польша 8, 12, 14, 100, 125, 157
 Поля Большие 177, 181, 228
 Поля Малые 172, 177
 Полянково 192
 Полянова Сеча 161
 Помазовка 152, 161
 Помеманье 47, 116, 119—122, 165, 166, 204
 Понтийское море 28
 Попелково 161, 187
 Попова Гора 98, 146, 152, 154
 Поповка 98, 152, 161, 187
 Попово 189
 Поповщина 115
 Пополта, р. 41
 Поречье (б-н р. Москвы) 144
 Поречье (Полотчина) 49, 52, 161
 Поречье (б-н р. Упы) 30, 41, 43
 Поросье 107, 108, 111
 Посад 190
 Посады 161, 177, 186, 192
 Посеймье 138
 Посожье 152, 156, 157, 162
 Поставуки 22, 112
 Посудичи 30, 33, 135
 Потапово 98, 145
 Потерпялец 171
 Поулье 161
 Почапинцы 127
 Почеп 135
 Почепок 30, 41, 42, 44, 79
 Почтовая Вита 109, 110
 Пошехонье 258
 Пра, р. 147
 Преображенское 161
 Прибалтика 44, 45, 64, 118, 156, 172, 180, 242, 251
 Прибор 115, 116, 152
 Прибутки 152
 Пригородок 14, 20, 125
 Придруйск 98
 Прильменье 52, 58, 59, 64—66, 174, 178, 180, 243, 270
 Прикамье 57, 63, 64, 192, 196, 266
 Прикарпатье 6, 8, 123, 125
 Приладожье 63, 150, 170, 184, 185, 231, 232, 255
 Припять, р. 5, 6, 11, 13, 15, 18, 20, 23, 34, 35, 61, 91, 93, 95, 96, 99, 102—104, 109, 113—121, 146, 153, 173, 175, 177, 193, 238, 245, 271
 Припятский б-н 12, 39
 Приска 145
 Приуралье 196
 Причерноморье 28, 129, 132, 139, 251
 Приэльбье 19
 Пробняк, уроч. 119
 Прологи 174
 Пронск 145, 151
 Проня, р. 143, 145, 151
 Проскурня 152, 156
 Прость, р. 65
 Протва, р. 41, 44, 145, 147
 Прошково 166
 Пруднище 115
 Пруднищи 145
 Прудки (б-н верхнего Днепра) 161
 Прудки (Полотчина) 14, 34, 35, 37
 Прудок 115
 Прудянка 161
 Прут, р. 12, 13, 15, 19, 20, 23, 123—125, 127, 130, 245, 262
 Прутско-Днестровское междуречье 21, 22, 26, 130, 131, 238, 240, 242
 Псареве 187
 Псел, р. 11, 15, 19, 20, 29—31, 133—138
 Псков 14, 56, 57, 61, 82, 83, 85, 169, 182, 238, 255, 266, 274, 276, 277, 286
 Пскова, р. 264
 Псковская губ. 166
 Псковская земля 6, 8, 46, 47, 50, 52—55, 168—170, 264
 Псковская обл. 35, 46, 288
 Псковское, оз. 23, 44, 46—50, 52, 56—58, 60, 158, 166, 167, 175, 176, 181, 182, 191, 245, 270
 Псковщина 53, 54, 58, 64, 162, 174, 180, 238, 241, 261, 270
 Птичь, р. 11, 31, 35, 91, 109, 114—116, 175
 Пужболово 186
 Пузеле 121, 174
 Пузиково 145
 Пуйга 171
 Пухановка 161
 Пурышево 166
 Пустоборы 119
 Пустошки 161, 187, 189
 Пустошь 190
 Путивль 133, 134
 Путиловичи 161, 181, 182, 203
 Путилово 161, 187, 192
 Путятинки 161
 Пушкари 149
 Пушкино 161
 Пушьяна Гора 172
 Пчельник 161
 Пьянково 177, 186, 190, 233, 234
 Пюхтица 190
 Пяхта 177, 181
 Рабятицы 98, 172, 174, 183, 228
 Рабода 172, 190
 Радичи 161
 Радованье 187
 Радом 125
 Радомля 152
 Радость 91, 96, 121
 Радосковичи 115, 161, 177
 Радуга 152
 Разрытое 152, 153
 Райки 13, 90, 91
 Ракитно 103, 104, 106
 Ракобуты 27
 Раков 115, 161
 Раковая Сечь 30, 135
 Раковица 121
 Раменье 177
 Рамонь 135
 Рандовка 152
 Рандога 177, 181
 Раути 47, 171
 Рапшево 161
 Раскайцы 130, 238
 Ратайчицы 98, 115, 120, 121
 Ратинское 187
 Рауту 177
 Рашков 12—14, 20, 125, 238
 Ревне 120, 125
 Ревлячки 35, 40
 Резинский р-н 129
 Рейн, р. 249
 Ременов 127
 Репрево 186
 Репья 61, 64
 Ресса, р. 143, 158
 Рессета 147
 Ретенское, оз. 171, 177, 178, 227, 228
 Реут, р. 20, 124
 Реча 14, 20, 22
 Речане 35
 Речица 91, 103, 105, 106
 Речка 172, 177
 Речки 145
 Ржавец Малый 22, 25, 260
 Ржавинский Лес 262
 Ригачево 177
 Рипнев 13, 14, 16, 18, 27, 236
 Ровно 96, 97
 Ровенская обл. 94
 Рогака 122
 Рогачев 94, 95, 113, 158
 Рогачевский р-н 116
 Рогачинка 98
 Роговицы 174, 177, 181
 Рогово (б-н Великой) 166
 Рогово (б-н Десны) 135
 Роготино 174, 177
 Родень 8
 Родивоново 61
 Родионово 177
 Родичев 22
 Рождественно (Ижорское плато) 174, 192
 Рождественно (Подмосковье) 144
 Рождественское 98, 134, 135
 Рожиск 127, 128
 Роище 135
 Романовичи 152
 Романово (верховья р. Великой) 166
 Романово (б-н Клязьмы) 187
 Романово (окрестности Пскова) 61, 86, 87
 Ромашки (Киевское Поднепровье) 22, 109—111
 Ромашки (б-н р. Москвы) 145
 Ромны 133—135
 Ромош 14, 91
 Ронковицы 177, 181, 229
 Ропти-Наволоки 49
 Росва 147
 Рославль 161
 Росохн 103, 104
 Россавя 22, 109, 139, 201
 Россия 172
 Россоха 145
 Роставица 102, 104
 Ростов 188, 242, 243, 245, 269
 Ростово-Суздальская земля 150, 166, 174, 185, 186, 189, 194
 Ростово-Суздальский край 189, 190, 194
 Ростовская земля 185
 Рось, р. 19, 20, 24, 31, 91, 100, 102, 103, 106, 108, 109, 111, 124, 132, 134
 Рочешчина 190
 Рубилки 115
 Руболдино 186, 190
 Рубское 187
 Рубцово 145
 Рудавец 121
 Руденец 152
 Рудня (Витебщина) 49
 Рудня (б-н Друти) 98
 Рудня (Полотчина) 49, 83, 161
 Рудня (Смоленщина) 161
 Рудня (б-н Сожа) 161
 Рудня Новая 161
 Рудня-Салатка 192
 Рудня-Слобода 161
 Рудня Старая 152
 Руза, р. 145, 158
 Румыния 12, 120
 Русанова 161
 Рускавере 49
 Русковицы 229
 Русская земля 111, 272
 Русская равнина 5
 Русь 6, 8, 52, 54, 56, 63, 65, 66, 94, 97, 101, 105, 107, 108, 111—113, 118, 125, 127, 129, 131, 136, 151, 154, 156, 163, 164, 166, 174, 177, 183, 185, 189, 190, 194—196, 237, 242, 243, 246—253, 255—258, 261, 268, 270, 272, 273
 Русь Семиградская 130
 Русь Черная см. Черная Русь
 Русьтнка 161
 Рутялицы 228, 290
 Руя Малая 177, 181, 183, 230
 Рыбалова 186
 Рыбежна 177, 181, 190
 Рыбинское 174
 Рыбушкино 144
 Рыжаково 171
 Рыкани 95
 Рыковице Великие 200
 Рыкополь 98
 Рыловщина 115
 Рыльск 133—135
 Рыльский уезд 138
 Рысгоры 121
 Рысна-Сааре 47, 49
 Рыуге 56, 57
 Рычево 91, 104, 115
 Рюриково городище 61, 65, 251
 Рютиню 171
 Рябболово 172, 174, 228
 Рядынь 161
 Рязаново 145
 Рязанская губ. 189
 Рязанская земля 111, 141, 142, 151, 189
 Рязанская обл. 141, 149
 Рязань 22, 145
 Рязань Старая 145, 148, 149
 Сабельская 177
 Сабск 227
 Сава, р. 19, 138
 Савино 144, 161
 Савиновщина 177, 181, 190
 Савинские Горки 161, 192
 Сазоново 161
 Саки 161, 177
 Салапяцишки 119, 121, 204
 Салтово 138
 Салтыкова именье 192
 Салтыковка 145
 Самара, р. 20, 124, 134, 271

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Самчинцы 14, 20, 22, 26, 27, 69, 70, 125
 Сан, р. 13
 Сандраки 125
 Санниково 144, 161, 192
 Саньково 172, 190
 Сапрыки 152
 Сапшо, оз. 162
 Сапычи 135
 Сараева 187
 Сарагожа 181, 190
 Сарагожский 61
 Сарагожское 171, 174, 177, 192, 266, 267, 287, 290
 Сарожа 177
 Сарское городище 195
 Сатинки 30
 Сатонкино 49, 166
 Сахновка 14, 236, 238
 Сачковичи 152
 Свапа, р. 147
 Светлое 161, 192
 Светлые Вешки 49, 50, 52, 85, 166
 Сверчково 187
 Свидино 115, 172
 Свила 238
 Свинухово 30, 41—43
 Свиридово 145
 Свирь, р. 23, 173, 190, 271
 Свислочь, р. 93, 116, 160
 Свистуново 161
 Свищево 98, 115, 120, 121, 204
 Свотиново 186
 Святое 192
 Святое, оз. 262
 Святокрест 101, 200
 Святотечь, уроч. 166
 Себеж 264, 288
 Себежский р-н 46
 Себежское Поозерье 49, 168
 Себель 186
 Себровичи 152
 Сев, р. 138
 Севастополь 22
 Северка, р. 145
 Северик 47, 49—52, 83, 85
 Северия (Severia) 138
 Северная Двина, р. 11, 191, 193
 Северская земля 138, 272
 Северский Донец, р. 11, 15, 20, 99, 134—136, 157, 245, 271
 Севск 133, 135
 Седнев 91, 107—109, 111, 211
 Сейм, р. 5, 6, 11, 15, 20, 31, 34, 35, 91, 99, 109, 111, 133—136, 139—141, 173, 175, 192, 245
 Селец 114, 121, 192
 Селиваниха 177
 Селигер, оз. 161
 Селиште 14, 20, 22, 24, 26, 125
 Селище (Бежецкий край) 98
 Селище (б-н Десны) 134
 Селище (б-н Западной Двины) 166
 Селище (б-н Друти) 113, 115, 118
 Селище (б-н Тихвинки) 181
 Селяпцы 192
 Село Старое (Витебщина) 37, 161
 Село Старое (б-н Немана) 121
 Сельцо (верховья Западно-двинского б-н) 153, 161, 192
 Сельцо (Полотчина) 187
 Сельцо (Приильменье) 238, 287
 Селяне 161, 166, 177, 192
 Селяха 59, 61, 86
 Семаковцы 127
 Семенки 14, 20, 22, 26, 69, 70, 125, 238
 Семеново 186, 190, 192
 Семеев 95, 127, 128
 Семеновское 172
 Семивраги 145
 Семлево 161
 Семурядцы 13, 18, 91, 115
 Семухино 161, 177, 186
 Сенево 30, 145
 Сенино 186
 Сенная 22
 Сенно 161
 Сенское 91, 115, 117
 Сенчаево 192
 Серафимо-Знаменский скит 145
 Серенск 30, 41, 143, 145, 149, 151
 Серет, р. 20, 95, 124, 127
 Серпухов 145
 Сеславье 192
 Сестрорецк 46
 Сетнов 134
 Сетунь 145
 Сеца 161
 Сибереж 91, 108, 109
 Сибирь 66
 Сидельница 98
 Сидоришки 121
 Сидорова 152
 Сидоровичи 152
 Сизино 149, 187
 Сильменево 161, 192
 Симон-Наволоч 171
 Симухино 190
 Синьгово 98, 148, 161, 172
 Синчуки 161
 Синоуково 30, 41
 Сирет, р. 13, 15, 20, 124, 271
 Сиса 177, 228
 Ситково 148
 Сияиск, уроч. 152
 Скавышки 161
 Скадино 225
 Скандинавия 61—63, 150, 178, 189, 242, 251, 252
 Скарбы 161
 Скарятина Гора 98, 227
 Сквирка 91, 109, 110
 Скибинцы 14, 20, 22, 26, 70
 Скок 20, 125
 Скомово 187
 Скоморохи 127
 Скорбячи 91
 Скорынячи 115
 Славгород 152
 Славенское 171
 Славены (Славены Старые) 161, 162
 Славково 177
 Славовице 115, 161
 Слевидово 145—147
 Слиплицкий лес 103
 Слиплицы 103
 Слобода (б-н Ипути) 98, 152, 161
 Слобода (Полотчина) 161
 Слобода (на Припяти) 30
 Слобода (б-н Птичи) 115
 Слобода (на оз. Сапшо) 98, 161, 162, 172
 Слобода-Глушица 34, 38, 49, 51, 76, 77, 82—84
 Слобода Новая 134
 Слободка 145
 Словакия 125
 Словены 161
 Словечна, р. 13, 31, 91, 103, 104, 109
 Словим 165, 265, 288
 Словимский р-н 166
 Случевск 135
 Слуцеск 113
 Случь, р. 91, 115, 116, 271
 Случь (Горынская), р. 13, 18, 91, 95, 96, 102, 103, 104, 157
 Слядиево Нижнее 144
 Смедын 152
 Смедово 145, 227, 229
 Смела 22, 125
 Смильница 127, 128
 Смолеговицы 177
 Смоленск 53, 149, 153, 162, 185, 242, 243, 245, 248, 251, 255, 270
 Смоленская возвышенность 5
 Смоленская губ. 159
 Смоленская земля 47, 52, 53, 93, 111, 158, 159, 164, 165, 177, 185, 189, 192, 270
 Смоленская обл. 159
 Смоленский Брод 192
 Смоленщина 29, 32, 34, 36—38, 40, 42, 46, 47, 49—52, 58, 159, 162, 164, 165, 177, 185, 189, 190, 194, 238, 246, 261, 262
 Смолинка 49
 Смольки 161
 Смольково 177, 192, 227
 Смольяны 14, 29, 30, 32, 33
 Смяч 30, 33
 Сметки 147
 Снов, р. 13, 31, 91, 109, 133, 134, 152, 153
 Снопоть, р. 136, 143
 Снятин 134
 Собакинцы 119
 Совки 91, 106, 108, 109
 Сож, р. 6, 11, 13, 15, 23, 29, 31, 35, 36, 39, 91, 109, 135, 148, 151—154, 156—158, 160, 173, 175, 191, 245, 270
 Сокол 14, 20, 27
 Соколец 20
 Соколово 187, 192
 Сокольники 114, 121
 Соларево 145
 Соленики 114, 121
 Соломоречье 115
 Солоницко 52, 174
 Солоново 147
 Солонное 115
 Сопочный Бор, уроч. 171
 Сороки 125
 Сороть, р. 48, 60
 Сосна, р. 31, 147
 Сосница 20, 135, 137, 209
 Сосновка 145
 Сосонник, уроч. 98
 Софиевка 154
 Спанка 177
 Спас 145
 Спас-Перекша 30, 41, 145
 Спасское 147
 Спас-Тушино 145
 Средиземноморье 250, 251
 Среднерусская возвышенность 5
 СССР 12, 14, 47, 119, 172
 Став, р. 116
 Ставок 94, 95
 Ставы 121
 Стайки 22, 109, 110
 Станишино Малое 174
 Станице 161
 Становщина 186
 Старая 177
 Старгородка 22
 Старица 183, 190, 192
 Старицкий р-н 183
 Староград 152
 Стародуб 107, 111
 Старожье 153
 Старокиевская гора 243
 Старо-Курское 177, 181
 Старопочепье 153
 Старо-Рудица 39
 Староселье (б-н Десны) 116, 153
 Староселье (Смоленское Поднепровье) 161
 Старо-Сиверская 177, 190, 227, 229
 Старо-Солабско 177
 Старца 115
 Старшевка 152, 161
 Стахово Малое 115, 161
 Ствига, р. 13, 95, 102—104
 Ствольво 161, 182
 Стекляницы 177, 181
 Степанова 177
 Степановка 91, 115
 Степаньково 147
 Стерж 161, 164, 182
 Стецовка 14, 20, 22, 24, 236, 275
 Стипково 186
 Столбец 171
 Столбово (б-н верхней Волги) 98
 Столбово (б-н Ильменя) 174
 Столбово (Псковщина) 49
 Стомогилы 115
 Страшницы 177, 181
 Стрелковка 22
 Стрелица 14, 30, 32, 40
 Стрелково 145—148, 172
 Стрешено 166, 177
 Строкайлы 152
 Стромьинь 186
 Стрыгалово 115
 Стрыгаловская Слобода 91, 115
 Стрыжавка 103, 201
 Стугна, р. 132
 Студеная Гута 152, 154
 Студенец (Костромское Поволжье) 98, 186, 190
 Студенец (б-н Сейма), уроч. 134
 Студенец (Среднее Поднепровье) 20
 Студеница (б-н Днестра) 14, 20
 Студеница (б-н Тетерева) 103
 Ступеньки 98, 145, 161, 162, 172
 Стыдень 94, 95, 101
 Стыдынка 94, 95, 98
 Стынкауцы 125
 Стырты 104
 Стырь, р. 11, 13, 35, 91, 93, 95, 96, 98, 103, 121
 Субботино 187
 Суборовка 98, 161
 Сувалкия 119
 Суворово (б-н р. Москвы) 145
 Суворово (б-н Судости) 30, 135
 Судаково 145
 Суджа 22, 30, 33, 134, 137, 259
 Судость, р. 136, 147, 153
 Суемцы 18, 91
 Суздаль 149, 185, 187, 188, 190
 Суздальская земля 111, 146
 Суздальское ополье 189, 190
 Сукали 161
 Сукромля 152, 161
 Сула, р. 6, 11, 15, 19, 20, 29—31, 33, 91, 109, 111, 124, 133—136, 138—141, 271
 Сулецкий Борок 171
 Сулятино 186
 Сулятичи 114, 121, 204
 Сумино 228

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Сумы 98, 134, 139
 Сумская обл. 112, 137
 Сунгирь 190
 Супруги 30, 147, 153
 Сураж 95, 100
 Суражский уезд 220, 221
 Сутоки (Верхнее Поволжье) 98, 177, 192
 Сутоки (б-я Клязьмы) 187
 Сууксу 22
 Суханово 145
 Сухарева 190
 Суховерховье 177, 181
 Сухой Ташлык, р. 22, 24
 Сухолюжице 177
 Сухона, р. 99, 173, 191
 Сущево 186
 Съезжее, оз. 49, 53
 Сырши 121
 Сытенка 49
 Сытенка-Островенка 49
 Сяглицы 177, 192, 228
 Сявиги 172, 190
 Сясь, р. 183, 184
- Табаевка 91, 108, 109
 Таганьково 144, 150
 Тазово 29, 30
 Таирово 177, 186, 190, 192
 Тайлово 49
 Тайманово 14, 22, 30, 32, 33, 40
 Такелево 161
 Тараж 95
 Таравино 186
 Таровицы 174, 177, 181, 190
 Татариничи 103
 Татаринково 161, 177, 186, 190, 192
 Татранские Карпаты 125
 Твердплково 187
 Тверская земля 185
 Тверца, р. 48, 60, 176, 181, 183, 193
 Тверь 182
 Теклевка 94
 Телепниха 187
 Теленица 98, 103, 105
 Теребежово 115
 Тероболь 128
 Теремно 94, 95, 98, 101
 Теремцы 27
 Тереховка 152
 Терехово 161, 187
 Терешино 177, 186, 190
 Терновый 135
 Терпилицы 177, 291
 Терюха 152
 Тесное 115
 Тесово 144
 Тетерев, р. 11—15, 18, 20, 31, 90, 91, 93, 102—104, 107—109, 111
 Тетеревка 13, 18, 197, 277, 279
 Тешелов 145, 149
 Тивров 129
 Тикоцин 119
 Тимерево 143, 172, 174, 186, 188, 190, 245, 255
 Тимоино 186
 Тимопово 152
 Тимофеевка 147
 Тимошево 161
 Тимошкино 171, 177
 Тирас (Тпра), р. 129, 131
 Тиса, р. 11, 13, 15, 124, 125
 Титовка 144, 149, 161, 192
 Титчила 135, 140, 213, 214, 241, 260, 276—279
 Тихий Уголок 22
 Тихиничи 152
- Тишково 145
 Токарево 145
 Токовиско 109
 Тополь Малый 152
 Топорково 161, 163
 Топтыково 147
 Торки 187
 Торопец 161, 162, 166
 Торопецкий уезд 163
 Торосово 174, 177
 Торске 126—128, 205
 Торчин 103
 Торчино 187
 Точилище 115, 116
 Тошица Нижняя 14, 30, 32
 Травино 161
 Трашковичи 98, 161, 267, 290
 Требужены 26, 177, 258, 259
 Тресковицы 190
 Тризново 147
 Триполье 109
 Троица 183
 Троицки 21
 Троицкое 145, 161, 211, 275
 Тропарево 145
 Тросна 161
 Тростянец 116
 Тростяница 115, 121
 Трубач 151
 Трубчевск 29, 111, 135, 266
 Трубчевский р-н 139
 Трухновичи 96
 Трухово 172, 224
 Тутановичи 183
 Тудорово 130
 Тульская обл. 144
 Тумашево 171
 Тупичино 145, 161
 Турбаново 186
 Тургенево 145
 Турейск 165
 Туря 161
 Турильче 127
 Туринщина 161
 Туров 93, 104, 113, 116, 119
 Туровичи 152
 Турово 190
 Туровская земля 113
 Туровское болото, уроч. 115
 Туровщина 104
 Турьгино 177, 186, 190
 Турья, р. 13, 95
 Тускар, р. 29, 139
 Тутаев 186
 Тухино 177, 192
 Тучково 144
 Тушемля 14, 29, 34—40, 76, 77, 238, 275
 Тшлыково 145
 Тымченки 20
 Тюрсамья 177
 Тяглино 177, 229
 Тяжино 145
 Тясмин, р. 19—22, 26, 124, 132
- Уборть, р. 35, 91, 95, 102—105, 109, 116
 Уваровичи 152
 Уверь, р. 61
 Увисла 127
 Угляны 96, 121
 Угол, р. 131
 Угольники 121
 Угорская земля 5
 Угра, р. 11, 31, 35, 41, 48, 143—145, 147, 148, 151, 158, 160, 173, 191, 193
 Угриновка 127
 Угрюмово 161, 177
- Уда, р. 136
 Удай, р. 20, 30, 91, 109, 133
 Удрай (Удрай Малый) 171, 177, 181, 190, 192
 Удры 98
 Удуново 187
 Уж, р. 20, 91, 93, 102—104, 107, 109, 115
 Ужгород 13, 18, 125, 126
 Ужевки 134
 Узмень 14, 35—37, 279
 Узречье 161
 Уклейно 161
 Украина 33, 90, 123, 125, 126, 136, 148
 Укропово 49, 166
 Ульха 18
 Унга 125
 Уностицы 177, 192, 229
 Упа, р. 41, 145, 147
 Урагово 35
 Урал 5, 172
 Уречье 98, 115
 Урмань 127
 Усвяты 35, 161, 177
 Усичи 94, 95
 Усичи-Чеховщина 95
 Усох 22, 30, 32, 33
 Успенское 144
 Устиж 98, 115, 118, 192
 Устилуг 94, 95
 Устрема 61
 Устье (б-я Днестра) 14, 20, 22, 96
 Устье (Верхнее Поволжье) 161, 186, 192
 Устье (Полотчина) 161
 Устье (Смоленское Поднепровье) 14, 34
 Усть-Кеза 192
 Усть-Рудица 172
 Усть-Рыбична 172
 Утишье 171
 Ухлястье 154
 Ухов 152
 Уча, р. 143
 Ушерска 61
 Ушмары 145
 Ущевыцы 177, 227, 291
- Фастовка 109
 Федово 172, 177, 195
 Федоровка (Днепропетровская обл.) 24
 Федоровка (Могилевское Поднепровье) 152
 Федорово (б-я Десны) 134
 Федорово (Закарпатье) 14, 125
 Федоровское 145
 Федоскино 145, 161
 Федотково (б-я Оки) 78
 Федотково (Себежское Поозерье) 164
 Федулово 186
 Федяшево 22, 30, 147
 Фейно-Скандинавия 251
 Филь 145
 Фидимонки 145
 Финево 166
 Финляндия 5, 54 57, 64, 177
 Флорищи 187
 Фоминская 186, 190
 Фоминское 147
 Форостовичи 14, 29
 Фосня Великая 105, 201
 Фоцеватая 249
 Футица 177
 Фьюнатово 181
- Хажаево 161
 Хазария 249
 Хайч 103, 104
 Халепье 91 108, 109
 Хальча 109
 Ханска 14, 20, 22, 24, 26, 125, 198, 238, 239
 Харивка 22, 25, 135
 Харитоновка 147
 Харитоньевский 186
 Харламова Гора 192
 Харлапово 98, 145, 149, 161, 163, 172, 177, 223, 224
 Харьковская обл. 20
 Хацки 22, 25, 33
 Хвойнянский р-н 53
 Хворостовичи 134
 Хвошня 161, 192
 Херсонес 22, 161, 250
 Хизово 98, 152
 Хизы 152
 Хилово 161, 177, 192
 Хильчицы 90, 91, 115
 Хитцы 14, 20, 30, 134
 Хлупляны 103
 Хлынов 196
 Хлюстишка 161
 Хмельня 22
 Хмельницкая обл. 27
 Ходосово 13, 14, 91, 108, 109, 135, 209
 Ходосовичи 98, 152 262, 287
 Ходунь-Хотовичи 152
 Хозютино 171
 Холевичи 152
 Холм 35
 Холмечь 91, 98, 115
 Холоденов 134, 135
 Холоповицы 174, 227
 Хомяковка 128, 127
 Хорватинская 125
 Хорбача 125
 Хорватия 125
 Хорваты 125
 Хорват 125
 Хорвацки 125
 Хорск 13, 18
 Хортица 264
 Хорутания 92
 Хотыл 195
 Хотимеж 128, 205
 Хотимир 101, 127
 Хотимск 152
 Хотин 125
 Хотинский р-н 12
 Хотиежицы 98, 161
 Хотомель 13, 18, 90, 91, 155, 197, 198, 236, 246, 258, 260, 274
 Хотыницы 177, 192, 228
 Хотыново 121
 Хотынь 49, 84
 Хотыща 38
 Хохлов Вир 29, 30, 32, 74, 275
 Храбоч 125
 Хрель 177, 181
 Хрепле 172, 177, 178, 190, 227, 268, 291
 Хряневка 125
 Хрипелево 177, 186
 Хрыстовая 22, 152, 161
 Хрыстово 161
 Хуча 14, 20, 22, 241
- Царицино 145
 Царьград 92, 129, 164, 273
 Цегильня, уроч. 14
 Целиков Бугор 14, 29, 30, 32, 33, 40
 Черемец 121
 Церковице 161

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Цеделл 120
 Цибл 98
 Цимлянск 22
 Цна, р. 48, 60, 175, 176, 181, 183
 Цон р. 144, 147, 148
 Цурковка 49—51, 84, 161
- Чагодоца, р. 48, 60, 176, 183
 Чалых 90
 Чаплин 115, 177
 Чаплище 30
 Чаусы 90, 152
 Чахед 121
 Чахин 125
 Чашниково 144
 Чеботовичи 152
 Чеканово 119
 Челганово 98
 Челмужи 172, 190
 Чемихино 172
 Чендово 144
 Чепа 13, 14, 125
 Чепелиевка 109
 Чепоны 20
 Чеприно 187
 Червенево 125, 126
 Червенский уезд 93
 Черезборицы 177
 Черменецкое, оз. 47, 52
 Черемушки 98, 145
 Черепеть, р. 146
 Черепин 27
 Черепково 145
 Череповицы 227
 Черетянка 152
 Череха, р. 48, 60, 167, 183
 Черкасова Гора 177, 181
 Черкасово 35, 161, 172
 Черкасы 22
 Черкасская обл. 112
 Черковка 14
 Черкеево 145
 Черкизово (б-я Клязьмы) 161, 177, 187, 192
 Черкизово (б-я р. Москвы) 145, 150
 Черкизово-Ростокино 145
 Черн 128
 Черная (Ижорское плато) 192
 Черная, р. 190
 Черная Русь 165
 Черневичи 49, 52, 161
 Чернигов 22, 91, 107—112, 136, 138, 251, 253, 254, 284, 282, 284
 Черниговская земля 143, 272
 Черниговская обл. 137
 Чернижа 187
 Черниковщина 114, 115, 172
- Чернихово 161, 177, 187, 192
 Черняшки 121
 Чернобыль 190
 Черновка 126
 Черновицкая обл. 12, 16, 126, 265
 Черновицы 172, 177
 Черновцы 128
 Черное море 5, 129, 131, 132, 272
 Чернокулово 187
 Чернский уезд 145
 Черныи Лозы, уроч. 134, 135, 139
 Черный Ручей 149
 Черняхов 22
 Чертаново 145
 Чертовед 127
 Чертовичи 98, 152
 Чертория 14, 20
 Черцы 161
 Чехия 92
 Чехословакия 8, 100, 105
 Чечерск 152
 Чешуйки 174
 Чигиринский р-н 112
 Чижевички 121
 Чижово 186, 190
 Чилипно 98
 Чиплино 166
 Чистово 166
 Чолганщина 95, 127
 Чудское, оз. 5, 11, 15, 23, 48, 60, 99, 150, 167, 169, 170, 173—176, 180—183, 191, 193, 194, 245, 271
 Чуньков 127
 Чуфары 174
- Шагирка 98
 Шакелево 161, 164, 177, 192
 Шалахово 161
 Шамраевская Стадница 109
 Шаньково 30, 41—44, 74, 79
 Шапчицы 98, 152, 156, 192, 220
 Шарейки 30
 Шаторалля 125
 Шатуны 98, 161, 177
 Шахнова 172, 190
 Шашкино 229
 Шведы 114, 121, 161
 Шверинский округ 264
 Швеция 184
 Шейка 153, 161
 Шексна, р. 48, 60, 173, 175, 181, 187, 193, 264
 Шелебово 187, 190, 192
 Шелыги 14
 Шелонь, р. 5, 48, 60, 99, 167, 176, 181, 183, 191
- Шеляиха 98, 172, 190
 Шепель 91, 95
 Шепетовка 13
 Шестаково 121, 186
 Шестовицы 91, 108, 109, 135, 174, 254, 255
 Шехобаево 187
 Шешки 49, 166
 Шиловка 161
 Шильско 166
 Шираевичина 115
 Шитники 121
 Шихино 47, 49, 50, 171
 Шихово 144
 Шишиморово 144, 161
 Шкильбаны 98
 Шклов 158
 Шлыково 147
 Шмарово 145
 Шмырево 274
 Шо 161
 Шокшово 187, 189, 190, 192
 Шолохово 172
 Шпиколосы 95
 Шувалово 186
 Шугайлово 14, 34, 35, 37, 38, 49, 50, 52, 74, 161
 Шугарь 186
 Шуклянка 134, 135, 139, 146, 274
 Шулаковна 153
 Шулятино 35
 Шумск (б-я Сулы) 135
 Шумск (б-я Тетерева) 13, 18, 197, 263
 Шумск Малый 91
 Шумячка 161
 Шуркало 186, 190
 Шурупово 49, 98, 177, 181, 192
 Шустино 144, 149, 192
 Шуя 98, 145, 161
- Шара, р. 91, 121
 Щатково 14, 30, 32, 40
 Щепилово 22, 30, 147
 Щербиничи 152
 Щербиничи Большие 98
 Щербинка 22, 147
 Щиты 119
 Щуковщина 172, 190, 290
 Щучьянка 109, 201
- Эльба, р. 10, 12, 19, 54, 57, 64, 65, 125
 Эрде-Хорвати 125
 Эстония 5, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 168
 Эстонская ССР 47
- Эсьмоны 98, 100, 115, 118, 161, 174, 192
 Этулия 125
- Югославия 12
 Юдиново 135, 274
 Юдичи 152, 155, 221
 Южный Буг, р. 5, 6, 11, 13, 15, 19—21, 23, 24, 27, 91, 96, 99, 103, 123, 124, 129, 131, 132, 240, 258, 259
 Юревичи (Могилевское Поднепровье) 152
 Юревичи (б-я Припяти) 30
 Юркино 192
 Юрьевка 186
 Юрьево 161
 Юрьев-Польской 190
 Юрьевская 172
 Юригино 161
 Юхнов 145
- Ягнятин 109, 110, 201
 Ягодно 98, 161, 172, 190, 192
 Ядрово 161, 174
 Язберень 103, 104
 Язно, оз. 166
 Языль 115
 Яковлевичи 135
 Яковлевская 186, 190
 Якшино 187
 Яломица, р. 124
 Ямница 152
 Ямполь 161
 Ямщицкино 49
 Янкевичи 37, 49, 51, 52, 166
 Янковцы 104
 Яновище 166, 171
 Яновка 117, 152
 Яново 161
 Ярлуково 141
 Яровка 265, 287
 Яровщина 172, 190
 Ярославль 186, 188, 243, 255
 Ярославская губ. 185
 Ярославская обл. 195
 Ярославщина 194
 Ярцево (Смоленское Поднепровье) 40, 49, 161
 Ярцево (б-я Шексны) 177, 181
 Ясельда, р. 90, 91, 119
 Ясенец 104, 117
 Ясенец, р. 104
 Ясень 115
 Яскелево 174, 177, 227—229
 Ясудово 121
 Яцева Балка 20
 Ядково 166
 Ядковщина 121

Указатель этнических названий и археологических культур

I

- Авары** 6, 26, 28, 45, 92, 125, 272
Айсты (эсты) 45
Акациры 45
Аланы 45
Анты 19, 21, 26, 28, 33, 111, 112, 123, 126, 129, 132, 238, 241, 242, 246, 247, 259, 260, 268, 272
Балты 5, 8, 34, 39—41, 44, 45, 51, 53—55, 58, 65, 66, 98, 110, 116—120, 138, 146, 148, 155, 156, 164, 169, 174, 190, 251, 270, 271
Белорусы 118
Боевых топоров культура 8
Болгары 132, 271
Болгаро-аланы 24
Бужане 6, 92, 94, 96
Варяги 111, 164, 251, 252, 255, 256
Венгры 125
Венеды (венеты) 19, 58
Вепсы 185
Верхнеокская культура 41, 43
Весь 170—172, 174, 184, 185, 189, 192, 195, 243, 247, 255, 269—271, 273
Византийцы 28, 246
Викинги 63
Висляне 126
Влахы (волохи) 5, 271
Водь 49, 63, 169, 171, 174, 177, 183, 192, 195, 271
Болышевская культура 135, 137, 138, 209
Воляняне 6, 92—98, 100, 101, 104, 107, 108, 111, 113, 118—120, 126, 140, 156, 199, 200, 269, 271
Восточнолитовских курганов культура 35, 49, 161
Вымская культура 196
Вягичи 6, 7, 28, 44, 49, 93, 105, 108, 111, 114, 117, 123, 133, 141—144, 146—151, 154, 158, 161, 162, 185, 186, 189, 215—218, 258, 265, 270, 271
Германцы 54
Головно типа курганы 96, 97, 119
Голядь 44, 144, 148
Готы 25, 45
Греки 131
Гунны 28, 45
Дитиничи-Тришина культура 18
Длинных курганов культура 10, 35, 37, 38, 46, 49—53, 55—58, 65, 82, 83, 85, 162, 236, 258
Днепро-двинская культура 39, 164
Древяные 5, 92, 93, 96, 97, 101—109, 111, 112, 114, 116, 118, 123, 125, 131, 132, 140, 151, 155, 164, 165, 199, 201, 247, 252, 258, 269, 271
Дреговичи 6, 92, 93, 97, 102—105, 108, 109, 111, 113, 114, 116—122, 139, 146, 152, 154, 156, 158, 161, 163—165, 185, 202, 203, 260, 269, 271
Дулебы 6, 90, 92—94, 112, 123, 125, 260, 269
Дьяковская культура 30, 41, 61, 147
Емь 271
Жмудь 271
Зарубинецкая культура 33, 34, 43, 44, 137
Земгалы 271
Иранцы 138
Кельты 264
Киевского типа культура 27, 28
Колочинская культура 10, 19, 21, 26, 29, 30, 32—35, 39, 40, 74, 75, 116, 133, 212, 219
Коми-зыряне 196
Коми-пермяки 196
Корела 49, 172, 271
Кривичи 6—8, 28, 46, 47, 53, 54, 57, 58, 66, 84, 85, 93, 105, 108, 111, 113, 114, 116, 117, 143, 148, 149, 152, 156, 158, 159, 161, 162—166, 168, 169, 171, 174, 177, 185, 186, 188, 189, 195, 222, 225, 242, 246—248, 251, 252, 258, 261, 269—271
Курши 271
Кутригуры 24, 137
Латгалы 35, 49, 56, 57, 61, 158, 159, 161, 163, 164, 166, 168, 177, 271
Латышги 53
Лендзяне 126
Летто-литовские племена 10
Ливы 61, 172, 271
Литва 158, 271
Литовцы 158, 164
Ломоватовская культура 63
Луки-Райковецкой культура 19, 90—93, 96, 105, 108, 116, 123, 132, 136, 148, 197, 198
Ляхи 100, 125, 129, 148, 156
Мадьяры см. венгры
Мазовшане 122, 271
Мари 172, 271
Меря 63, 147, 164, 186, 188, 189, 192, 194, 195, 243, 269, 271, 273
Мидяне 28
Мордва 142, 172, 194, 271, 273
Мошинская культура 10, 29, 30, 33, 35, 41—44, 49, 61, 78, 79, 144, 218, 270
Мурома 194, 243, 269, 273
Норманны 61, 84, 189, 251, 252, 255
Ободриты 66
Обры см. авары
Печенеги 109, 125, 130, 132, 142
Печера 196
Половцы 129, 130, 139, 271
Полчане 6, 53, 93, 114, 164, 270
Поляки 100
Поляне 5, 7, 92, 93, 98, 100—112, 114, 118, 123, 131—133, 135, 136, 140, 156, 164, 165, 201, 202, 243, 244, 247, 258, 269—271, 273
Почепская культура 43
Пражско-корчакская культура 10, 12—14, 16, 18—20, 22, 29, 30, 33—36, 55, 57, 65, 67, 68, 90—92, 97, 104, 105, 108, 112, 116, 123, 132, 237, 238
Пражско-пеньковская культура 10, 12, 19—22, 24, 26—30, 33, 34, 36, 40, 69, 70, 92, 111, 112, 123, 132, 237, 238
Прусо-являжские племена 10
Прусы 271
Пшеворская культура 18
Радимичи 6, 28, 93, 108, 109, 111, 113, 114, 116—118, 123, 131, 133, 134, 139, 143, 144, 146, 148, 150—158, 161—163, 186, 219—221, 269—271
Родановская культура 196
Роменская (роменско-боршевская) культура 7, 34, 91, 125, 133, 135—138, 140—142, 147, 148, 206, 207, 213, 214, 244
Русские 56, 58, 111
Русь (росы) 111, 112, 131, 236, 246, 247, 264, 272, 273
Рыгуская культура 57
Рязанско-Оских могильников культура 142, 147
Салтовская (салтово-маяцкая) культура 20, 21, 135, 137, 138
Сармато-аланы 111
Сарматы 5
Северяне (север) 6, 7, 93, 107—109, 111, 112, 114, 123, 131, 133—144, 146, 151, 152, 154, 210—212, 258, 269—271
Северуки 138
Сербы 123, 125
Скандинавы 111, 170, 171, 255
Скифы 113, 131
Славяне 92, 238, 252
Славяне балканские 257
Славяне балтийские (поморские) 8, 66, 251, 261, 264
Словене новгородские 6—8, 61, 63—66, 86, 87, 93, 114, 116, 117, 158, 164, 169—172, 174, 177—180, 182, 183, 185, 186, 188—190, 194, 195, 226—229, 244, 247, 261, 262, 264, 269, 270
Сопок культура 10, 49—51, 58, 65, 88, 236
Сумь 172, 271
Текстильной керамики культура 52, 64
Тверцы 6, 123, 125, 128—132, 205, 270, 271
Тусемлинско-банперовская культура 10, 26, 29, 30, 32—41, 43, 46, 51, 53, 57, 58, 76, 77, 116, 219, 222, 238
Тюрки 54, 103, 110, 132
Угры 125
Уличы 6, 111, 123, 125, 129—132, 270, 271
Утигуры 28
Финно-угры 5, 10, 52, 55, 57, 63, 117, 155, 172, 174, 192, 195, 196
Финны 8, 49, 54, 63, 65, 66
Фракийцы 54
Франки 125
Хазары 132, 151, 244, 258
Хорваты 6, 94, 96, 123, 125—128, 205, 270, 271
Хорваты белые 123, 125
Хорутане 123
Черняховская культура 8, 26—28, 112, 125, 129, 236
Чудь 54, 64, 164, 242, 271, 273
Чудь приладожская 185
Шаньково-Почепок древности 7, 66, 144
Штрихованной керамики культура 39, 118
Эсто-ливские племена 51
Эсты 50, 61, 166, 171, 172, 177, 271
Югра 196
Юхновская культура 43
Ятвяги 105, 119—122, 271

Оглавление

Введение	5	Глава шестая	
Часть первая		Племена юго-востока	133
Славяне Восточной Европы в V—VII вв.		Северяне	133
Глава первая		Славяне на Дону	140
Культуры южного региона	10	Вятичи	143
Древности пражско-корчакского типа	10	Радимичи	151
Древности пражско-пеньковского типа	19	Глава седьмая	
Глава вторая		Племена севера	158
Культуры Верхнего Поднепровья и смежных областей	29	Кривичи	158
Древности колочинского типа	29	Словене	169
Культура типа Тушемли—Банцеровщины	34	Волго-Клязьменское междуречье	185
Мощинская культура	41	Часть третья	
Глава третья		Общие вопросы восточнославянской археологии	
Культуры северных территорий	46	Глава восьмая	
Культура длинных курганов	46	Хозяйство и общественный строй славян в VI—IX вв.	236
Культура новгородских сопок	58	Глава девятая	
Часть вторая		Дружинные курганы	248
Восточнославянские племена в составе древнерусской народности		Глава десятая	
Глава четвертая		Одежда славян Восточной Европы VI—IX вв.	257
Племена лесной зоны днепровского правобережья	90	Глава одиннадцатая	
Дулебы	90	Язычество	261
Волыняне	94	Глава двенадцатая	
Древляне	101	Восточнославянские племена и древнерусская народность	269
Поляне	106	Литература	292
Дреговичи	113	Список сокращений	309
Брестское Побужье и Верхнее Понеманье	119	Указатели	310
Глава пятая		Указатель имен	310
Племена юга	123	Указатель географических названий	314
Хорваты	123	Указатель этнических названий и археологических культур	326
Тиверцы	129		
Уличи	130		